

Мой экз.
1988

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

Дмитрий Симуков

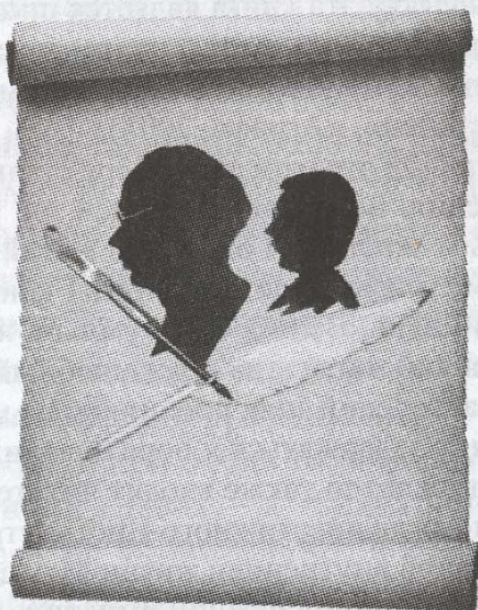

Обратный отсчет

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

Дмитрий
Симуков

Обратный отсчет

Записки инязовца

Аграф
Москва
2010

Дмитрий Симуков

**ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ.
Записки инязовца**

Моим дорогим маме и папе посвящаю

"Забирайте же с собою в путь,
выходя из мягких юношеских лет
в суровое, ожесточающее мужество,
забирайте с собою все человеческие
движения, не оставляйте их на дороге,
не подымете потом!"
Н.В.Гоголь "Мертвые души"

Об этой книге и ее авторе

В эту книгуходишь как в добрый семейный дом, где царит редкая гармония отношений. И хочется подольше в нем оставаться — так омывает душу дружелюбие, сердечность, светлое мироощущение хозяина этого дома.

Профессиональный переводчик, лингвист, потомственный интеллигент, Дмитрий Симуков тонко чувствует родной язык и в своем повествовании широко пользуется его богатой стилистической палитрой. Феноменальная память автора высвечивает мельчайшие детали ушедшей эпохи. Взгляд на окружающий мир — умный, ироничный, внимательный, подчас по-детски наивный, но всегда дружелюбный — вызывает доверие и симпатию.

Мемуарный жанр книги при очень точной документалистике восходит — в лучших своих главах — к талантливой художественной прозе. Впрочем, это и не удивительно: в семье одного из наших старейших театральных драматургов и киносценаристов Алексея Дмитриевича Симукова, в которой вырос автор, к Слову всегда относились и трепетно и требовательно. По существу, "Обратный отсчет" Дмитрия Симукова являются продолжением повествования об этой семье, начатое его отцом в своих воспоминаниях "Чертов мост, или Моя жизнь как пылинки Истории (записки неунывающего)", вышедших в издательстве "Аграф" 2008 году.

Коренной москвич, влюбленный в старинные переулки, в дома с их историей, с историями людей, когда-то в них живших, автор и сам провел детство в лабиринте арбатских закоулков. И детство это было безусловно счастливое, потому что он повсечасно ощущал любовь близких — мамы, папы, бабушки, тети, сестры. Он купался в этой любви, ему было хорошо в уютной семейной атмосфере с ее традиционными праздниками, рассказами бабушки о ее детстве, первыми книжками, елочными игрушками, мамиными кулинарными чудесами, папиными стихотворными экспромтами, словом, со всем тем, что входит в понятие "старого московского дома"...

Это счастье любви он несет в себе всю жизнь, перенося ее на окружающих его людей. Это тепло любви веет и со страниц его книги.

Во времена творившихся в стране жестокостей сталинской эпохи семья была хрупкой, но всё же крепостью, слабой, но всё же защитой. Сохранить в пропитанной страхом атмосфере силу духа, крепкие семейные отношения, не оборвать корней, не разрушить традиции — для этого требовалось мужество, и еще какое. Ведь некоторые члены этой большой семьи, как и множество других наших соотечественников, попали под каток репрессивной машины. Кто-то был приговорен к расстрелу и только чудом избежал его, кто-то провел девятнадцать лет в лагере по ложному доносу, кто-то умер на сталинской каторге... Таланты, умницы, граждане своей страны, к которым она стала относиться как к "лишенцам", "врагам народа", "социально опасным элементам"...

Убогость послевоенного коммунального жилья, скудость обстановки и быта, тяжелейшая болезнь, из которой мальчик чудом выкарабкался не столько стараниями врачей, сколько самоотверженными заботами матери... А зато при этом — запойное чтение, покупка родителями на последние деньги вожделенных игрушек, пиршество детской фантазии, тихая прелесть старого Арбата, уютных дворики, бронзовых львов на Гоголевском бульваре, и любовь, любовь...

Душа ребенка впитывала, уши, глаза четко воспринимали эту жизнь, наполненную смыслом и интересом. Память детства безразмерна, осязаема. История проходит перед нами в тончайших подробностях, написанных кистью художника-миниатюриста. Возникает ощущение

полного присутствия. Забытые, и вдруг ожившие собственные воспоминания невольно вспыхивают в памяти яркими фонариками.

Это — высокая планка прозы, которую поставил себе автор, увлеченный Шмелевым и Буниным.

Время познается через личное восприятие, через личность. Тут важно, если можно так выразиться, качество личности. Автор равнодушен к так называемой "престижности", накопительству, карьеризму. Для него истинное и единственное понятие богатства, воспитанное с детства, — добрые поступки, чистая совесть, верные друзья, книги, любовь. Он и пишет, в основном, о людях, духовно близких ему. И неважно, знаменитые они или нет. Пожалуй, ближе ему по духу люди именно не знаменитые, не броские, не умеющие "работать локтями", люди с их честной, но непоказной деятельностью, кем бы ни были они по профессии — учитель, артист, сантехник, водитель грузовика — люди, среди которых мы живем и зачастую воспринимаем лишь в их профессиональном качестве, — а ему они интересны и симпатичны, и в этом тоже — сам автор, деликатный, внимательный, совестливый и очень добрый. Но когда речь идет о его принципиальных позициях, обретенных еще в ранней юности, он бескомпромиссен. На таких, как герои его повествования — и сам автор — держится наша культура, все лучшее в ней — то, что можно выразить одним словом — интеллигентность.

В книге есть коротенькие новеллы, похожие на моментальные фотоснимки, о встречах с замечательными людьми ушедшей эпохи. Новой, неизвестной дотоле человеческой гранью предстает, к примеру, Александр Вампилов, ставший ныне классиком отечественной драматургии. Но и все эти люди выведены автором не как великие мира сего, а как друзья семьи, соседи по дачному поселку, сослуживцы, друзья и от этого образы их особенно человечны.

Дмитрий Симуков извлекает из небытия прошлого безвестные людские судьбы, часто трагические. Интереснейшие, забытые историей, люди как живые встают со страниц.

Сказанное далеко не исчерпывает содержания книги, оно гораздо богаче и глубже. Хочется сказать еще много добрых слов, но надеюсь, и даже уверена, что слова эти скажет сам читатель. Я же закончу цитатой из этой книги:

"После ухода из земной жизни люди остаются с нами, потому что живут в нашей памяти. Но и память не вечна. А книга... Книга — это навсегда".

Желаю Дмитрию Симукову еще долго оставаться в земной жизни, и чтобы сопутствовали ему и его книге Удача и Любовь.

Анна Масс

Вместо предисловия

Мысли поделиться какими-то эпизодами из своей жизни, которые могли бы оказаться интересными и для других людей, посещали меня довольно давно, но все это ограничивалось лишь благими намерениями.

А после ухода моего папы (он скончался в 1995 году в возрасте 91 года), у меня и вовсе не было на это времени: я засел за редактирование мемуаров, которые он успел написать, чтобы подготовить рукопись к изданию.

В процессе редакторской работы желание продолжить ниточку папиных воспоминаний, связать их неким "семейным" мостиком с моими усилилось еще больше. Но для исполнения этих задумок в суете повседневных дел и забот мне все еще не хватало какого-то толчка извне, когда уже не ты являешься хозяином ситуации, а она начинает управлять тобой, и тогда, как говаривали древние римляне, воленс-ноленс, то есть хошь не хошь, а сделать должен.

Таким "толкателем" неожиданно оказался мой старый друг по институту Илья Гарбузов, с которым мы не виделись более 35 лет. После института он несколько лет работал в Индии и Пакистане, потом уехал с семьей в США, и мы потеряли друг друга из вида. И вот однажды в моей квартире раздался телефонный звонок: "Могу ли я поговорить с Дмитрием Симуковым?" — прозвучало в трубке. — "Да, это я". — "Старых друзей еще помнишь? Это Илья Гарбузов. Наконец-то я тебя нашел!"

В тот день мы всласть наговорились, правда, в разумных пределах: бесплатного телефона еще никто не изобрел. И тогда я засел за компьютер, чтобы написать своему другу из далекого Детройта о своем житье-бытье за эти долгие годы, что мы не виделись. Мои письма, естественно, были длинными, с подробностями. Мало-помалу они начали выстраиваться в довольно стройное повествование с фактами, сюжетами, отступлениями, рассуждениями. И тут меня осенило: да вот же прообраз моей будущей книги! Только в нее требуется добавить то, что было в моей жизни до институтского знакомства с моим другом, то есть традиционно начать воспоминания с истории моей семьи. Так Илья, сам того не подозревая, стал своеобразным крестным отцом этой книги, за что я ему премного благодарен.

В процессе работы я, естественно, старался придерживаться тривиального хронологического принципа: родился—учился—женился. Но неожиданно даже небольшие эпизоды из моей жизни, рассказы о людях, меня окружавших, события или истории, которые привлекли мое внимание и не были напрямую связаны со мной, вдруг начинали жить своей собственной жизнью. Они как-то сами собой становились отдельными законченными очерками и просто не укладывались в то прокрустово ложе структуры повествования, которое я им уготовил. Иной раз на глаза попадался материал, мимо которого я никак не мог пройти, и он тоже шел в дело. Это как на рыбалке: не ты контролируешь поплавков, а он тебя, когда его ведет куда-то в сторону. И вот рывок, добыча сверкает на солнце серебром, и ты понимаешь — из твоей "побочной" работы родилось что-то интересное. Поэтому я и решил, помимо своего жизнеописания, собрать в конце книги такие вот отдельные очерки, сюжеты, зарисовки, которые, как я надеюсь, также будут интересны моему читателю.

И еще о том, *как* я писал свою книгу.

В 1973 году я купил роман американского писателя Джека Финнея "Меж двух времен"¹, изданный у нас в серии зарубежной фантастики, и с первых же его страниц не мог оторваться от

¹ Дж.Финней. Меж двух времен. "Мир", М., 1972 (Jack Finney. Time and Again. N.Y., Simon & Schuster, 1970)

чтения. Впоследствии этот роман сыграл свою роль, когда я сел за компьютер, чтобы начать свое жизнеописание, и вот почему.

В двух словах сюжет романа такой. У американских военных и политиков имеется программа "оживления" человека в определенную эпоху путем создания для него среды обитания, наподобие киношных декораций и реквизита, которые в мельчайших деталях и самым точным образом воссоздавали бы любую эпоху — хоть средневековье, хоть Нью-Йорк конца XIX века. Все это делается для того, чтобы "засланный" туда человек мог бы повлиять на какие-то события в прошлом и тем самым, в соответствии с законом о причинно-следственных связях, "подправить" современную историю. Автора не интересует сам "физический" переход в прошлое, для него это всего лишь условность, не требующая даже пресловутой "машины времени". Таким образом главный герой романа, рекламный художник Саймон Морли переносится из Нью-Йорка 1970х годов в Нью-Йорк 1883 года, поскольку именно тогда начали разворачиваться полудетективные события, повлиявшие на жизнь семьи его подружки и весьма косвенно — на внешнюю политику США.

И вот я задумался: а ведь я тоже могу, как Саймон, в мгновение ока очутиться, правда, мысленно, в любом из моментов своей жизни, начиная, пожалуй, с 1948 года. Для этого мне даже не нужно "оживляться" в те времена. Для меня никогда не представляло особого труда мгновенно вызвать в памяти что-то из детства, школьной, институтской жизни, какие-то эпизоды, связанные с работой, которые оставили сколько-нибудь значимый след. Все это просто вставало перед глазами, и я мог со всеми деталями поведать об этом окружающим в виде уже готового рассказа.

У меня даже создалось впечатление, что я "клонирован" во времени и пространстве, только в разном возрасте, и ко всем этим моим "я" можно обращаться за помощью при описании того или иного периода жизни. Единственное объяснение этому — редкостное наследство. От папы я воспринял его способность помнить массу фактов из истории, цитировать наизусть отрывки из литературных произведений в привязке к какой-нибудь ситуации и пользоваться всем этим богатством в повседневной жизни, — то есть информационную матрицу. А от мамы, обладавшей невероятной музыкальной памятью и слухом — матрицу чувственно-эмоциональную. Поэтому мне только и оставалось, что просто сидеть за компьютером и набирать все то, что практически уже в готовом виде существовало в моей голове.

В моих воспоминаниях читатель, несомненно, найдет много фактологических, а иногда и прямых текстовых заимствований из воспоминаний папы. Это касается ряда эпизодов, вошедших в общую "семейную копилку", и без которых я никак не мог обойтись. Только, естественно, рассказываю я о них с иного угла зрения, с иной интонацией, с иными оценками.

Эпиграфом к своей киге я выбрал слова любимого мною Гоголя¹, звучащие и страстным призывом, и предупреждением: все лучшее в человеке закладывается с детства, ничего нельзя оставлять "на потом", иначе не нагнать упущенного времени...

Я глубоко признателен моим родным и близким, друзьям и добрым редакторам за их ценные для меня замечания, уточнения, дополнения, критику, что помогло сделать эту книгу интересной, как я надеюсь, для широкого круга читателей.

¹ Н.В.Гоголь. Мертвые души. Избр. пр. в двух томах, т. II, с.281 [встреча с Плюшкиным — Д.С.]

ГЛАВА I. Обо всех моих и обо мне

Замоскворецкий клан Бабыкиных¹ – Ароновых

Рассказ о своей жизни я хочу начать с клана Бабыкиных-Ароновых, откуда родом моя мама. Все большое семейство Бабыкиных изначально, до того как вырастали и разлетались дети, жило в деревне Дидяково Бавыкинской волости, что недалеко от Мелихово, усадьбы А.Чехова.

Любопытна "перекличка" фамилии "Бабыкин" с наименованием волости — "Бавыкинская". Разница только в одну букву, но для русского языка такие замены характерны. Что тут от чего пошло — фамилии от волости, или наоборот — уже и не разобрать.

В деревне у маминого деда, а моего прадеда, Матвея Ивановича (его отцом был священник Иван Бабыкин, мой, соответственно, прапрадед) было два дома — одно- и двухэтажный. Мама хорошо помнила дедушкин большой двухэтажный дом (сохранилась фотография, на которой она запечатлена на его фоне в 1916 году в трехлетнем возрасте). Именно в тот далекий год уходит детское "Па-а-ти-му не-е-и-т?" ("Почему не едет?") — так спрашивала свою маму маленькая Люба Аронова в ожидании своего дедушки, который иногда привозил ей жареные семечки из Москвы, нехитрое детское лакомство тех военных лет. Внутреннее убранство дома, опять же, судя по фотографиям, мало чем отличалось от обычной московской квартиры тех времен.

Матвей Иванович владел также небольшим кожевенным заводом, находившимся здесь же, в деревне. Это семейное предприятие упоминается в Московском торгово-промышленном справочнике за 1923 год: "Кожевенный завод братьев Бабыкиных, основанный в 1879 году. Адрес: деревня Дидяково, Бавыкинской волости, Серпуховского уезда, станция Шарапова Охота Московско-Курской ж/д. Владельцы: братья Бабыкины (завод возвращен бывшим владельцам)"². Видимо, фраза "возвращен бывшим владельцам" относится к самому началу НЭПа, потому что очень скоро завод тот отобрали.

Впрочем, слово "завод" здесь будет явным преувеличением: малая фабрика, скорее всего даже "без мотора". Я сужу по фотографии из семейного архива. Помещалась она в небольшом одноэтажном здании темно-красного кирпича. Похожие строения сохранились еще с позапрошлого века вблизи крупных железнодорожных узлов. И не покидает меня одна мысль: ведь это же идеальное предприятие "малого бизнеса" по сегодняшней терминологии, созданное крестьянином-индивидуалом на скопленные деньги. Сырье — рядом, в окрестных деревнях. Рабочие — из тех же деревень, руководство — из членов семьи. И всего "персонала"-то человек десять, организация производства компактная, малозатратная. Все отлично работает, никаких удушений налогами, проверками, "наездами", "откатами", никакого "рейдерства"...

На парадной фотографической карточке (ок.1903 г.) Матвей Иванович снят с нашейной серебряной медалью на Станиславской ленте "За полезное". Медаль эта была учреждена еще при царствовании Императора Александра I в 1801 году, и ее условно называли "общей", так как она отмечала различные заслуги гражданина Российской Империи перед Отечеством. Такой

¹ Фамилия Бабыкин произошла от прозвища Бабыка. В онежских диалектах (Север) «бабыкой» называли заикающегося человека.

² Региональная общественно-политическая газета "Чехов сегодня" №29(824) от 24.04.2007, выпуск "Лопасненский летописец"

медалью награждались также и купцы не ниже 2-ой гильдии, что позволяет мне полагать, что уж вторая-то гильдия у прадеда была. Другая его медаль — «В память коронации Императора Николая II» (меньшего размера, слева на сюртуке, учреждена 26 мая 1896 года); по статуту ею награждались лица, участвовавшие в подготовке и организации торжеств по случаю коронации Николая II и Александры Федоровны в 1896 году, или все представители сословий, присутствовавших на коронации. Словом, так или иначе, мой прадед был к коронации каким-то образом причастен.

Скончался Матвей Иванович Бабыкин в начале 1917 года.

Мамина бабушка, а моя прабабушка, Александра Герасимовна, выйдя замуж за Матвея Ивановича шестнадцати лет от роду, родила ему 16 детей: 5 дочерей — Александру (мамину маму, а мою бабушку), Евдокию, Варвару, Полину и Марию — мамини тети, и 11 сыновей: Александра, Алексея, Николая, Михаила, Ивана, Павла, Василия, Федора, Егора, Матвея и Леонида — мамини дяди.

По рассказам мамы все ее дядья были ладными, красивыми, косой сажени в плечах и с версту коломенскую ростом. Когда они выходили на косьбу, то народ сбегался полюбоваться на их слаженную работу. А уж когда они входили в церковь, то единственным светом в ней оставались огоньки лампад да свечек — такими высоченными были, что свет из окон застили. Так образно отзывались знакомые Бабыкиных о маминых дядях. Кто-то из них впоследствии стал землемером, кто-то — бухгалтером, двое избрали военную карьеру, став офицерами еще той, российской армии. Они воевали на фронтах Первой мировой войны, защищали нашу страну и в Великую Отечественную.

Чуть больше я знаю по маминим рассказам о ее дяде Васе, старшем сыне в семье Бабыкиных. Он был управляющим кожевенным заводом главы Бабыкинского клана Матвея Ивановича, а потом и совладельцем предприятия (видимо, Матвей Иванович успел незадолго до смерти передать семейное дело двум своим сыновьям). По маминим детским впечатлениям, у дяди Васи была прекрасная квартира в Москве на Малой Якиманке. После того, как новая власть заводик отобрала, Василий Матвеевич стал работать товароведом-счетоводом, а его самого с семьей — женой, двумя дочерьми и сыном — переселили в маленькую квартиру.

К сожалению, сведения о маминых родственниках весьма отрывочны. Это во многом результат моего легкомыслия — все откладывал да откладывал расспросить маму о многочисленном клане Бабыкиных. Я мало что знаю о своей бабушке по маминой линии — Александре Матвеевне, которая скончалась в 1933 году в возрасте всего-то 46 лет (родилась в 1887 году). Только фотография помогает "ощутить" ее образ, да рассказ моей мамы о том, как она плакала, боясь, что ее мама не сможет уместиться в узком кресле в кинотеатре из-за своей полноты. Еще меньше я знаю о маминых тетушках — Евдокии Матвеевне, Марии Матвеевне, Полине Матвеевне и Варваре Матвеевне, которые до 70-80-х годов пребывали в добром здравии. Статными, очень красивыми, преисполненными какого-то внутреннего достоинства были все женщины Бабыкинского корня, а вот дети — моя мама и ее сестра — были только у Александры Матвеевны.

Все Бабыкины, помимо чисто внешней красоты, были еще и очень талантливыми людьми, причем одним Божьим даром был наделен каждый из них — прекрасным голосом и умением отлично петь. Один из маминых дядьев, Павел, обладал поистине оперным, "собиновским" голосом. Ему прочили карьеру профессионального певца, и чуть было не приняли в Большой театр, но что-то там не сложилось.

А бабыкинский "музыкальный ген" твердо передавался по наследству: моя мама, ее сестра, их дети — моя сестра Оля и наш двоюродный брат Борис — прекрасно пели и знали

невероятное количество мелодий — из классики, опер, оперетт, популярные песни. Мама могла не знать слов, но мелодии воспроизводила абсолютно точно. В соревнованиях "кто кого перепоеет" ей не было равных. Она рассказывала мне, что однажды в одной компании в Гаграх, когда ей удалось один-единственный раз за всю свою жизнь отдохнуть после окончания института летом 1940 года одной, свободной от семейных забот, устроили конкурс: кто-то начинал мелодию, а другой должен был ее продолжить — что-то вроде известного телевизионного шоу "Угадай мелодию". Так моя мама была единственной, кто знал абсолютно все предлагавшиеся мелодии. И тут кто-то сказал, что вот его мелодию никто не может знать, потому что она была написана буквально за неделю до этого и нигде еще не исполнялась. Далее этот человек напел несколько первых тактов, а мама тут же подхватила ее, допев до конца. Все были поражены. А секрет открывался достаточно просто: накануне отъезда мамы в Гагры к нам домой зашел тот самый композитор, который ту мелодию (это была какая-то его новая песня) и написал и напел ее в мамином присутствии. К сожалению, ни названия той песни, ни имя композитора в моей памяти не осталось.

Мамин папа, Владимир Павлович Аронов, родился в 1882 году в семье Павла Николаевича Аронова, крестьянина из деревни Федурино Федуринской волости, Даниловского уезда, Ярославской губернии, и Клавдии Петровны Ароновой (Голубевой), коренной москвички из Донской слободки. Мать Клавдии Петровны, то есть моя прапрабабушка, была белошвейкой: вышивала золотом и бисером, а ее братья шили церковные облачения.

Впоследствии Павел Николаевич стал замоскворецким купцом средней руки, владельцем лавки "колониальных товаров" (сейчас бы сказали — бакалейных) и небольшого трактира (понынешнему — кафе), расположенных на первом, кирпичном этаже собственного двухэтажного дома. Второй, жилой этаж, был деревянным.

Воспитывая в строгости своих детей, Павел Николаевич планировал пустить своего сына Владимира по торговой части и отдал его в коммерческое училище постигать торговую науку. Это было абсолютно логичным: семейное дело должно было находиться в умелых руках. Кто же тогда знал, что все так обернется...

Помимо Владимира Павловича, у Павла Николаевича и Клавдии Петровны был еще сын Николай (умер в 20-е годы) и трое дочерей: Александра, Любовь и Анна, или, как звали ее внуки, "Бабаня" — баба Аня. У Бабани, которую я хорошо знал, родилось две дочери — Екатерина и Нина — мамини двоюродные сестры, а мои, стало быть, двоюродные тетушки.

Незадолго до своей смерти (в начале 1900-х годов) Павел Николаевич Аронов передал право владения лавкой, трактиром и домом своей жене. После революции трактирное дело тут же заглохло, лавочку отобрали. Вдобавок, Ароновых "уплотнили", подселив в их дом на первый этаж, туда, где раньше находились лавка и трактирчик, одну семью, которая, к счастью, была Ароновым знакома. Однако хуже всего было то, что Владимир Павлович, как сын "владелицы лавки", был причислен к категории "лишенцев", что грозило по тем временам по меньшей мере ГУЛАГом.

"Лишенцы" — это особое понятие в истории советского государства. Эти люди были лишены новой властью не только формально существовавшего избирательного права. У них отняли даже возможность устроиться на работу. У них не было даже шансов на получение пайков или продуктовых карточек в то голодное время. Детей лишенцев не принимали в институты. По воспоминаниям мамы и наших родственников в 20-е — 30-е годы вся семья Ароновых жила в постоянном диком страхе из-за этого проклятого клейма. "Лишенец", "враг народа", "член семьи изменника родины" — в прошлом аналогом этих вербальных понятий

были только желтые звезды-нашивки для определенной категории населения в одной известной стране.

Но Бог миловал. Позже Владимиру Павловичу каким-то образом удалось устроиться на работу шофером у самого Бонч-Бруевича, управляющего делами ВЦИК, но работал там он недолго — уволили. Надо полагать, спохватились и исправили "ошибочку". Пришлось деду развозить на "полкѣ" ("полók" — вид телеги — Д.С.) вареную колбасу по лавочкам, палаткам и магазинчикам. Эту колбасу изготавливал знакомый деда и его сосед по Духовскому переулку. Мама рассказывала, что иногда этот владелец "колбасного бизнеса" угощал ее с подругами только что изготовленной, еще теплой вареной колбасой, и что не было на свете ничего вкуснее той колбасы. В 30 – 40-е годы Владимир Павлович был заведующим бакалейным магазином.

Сам дом Ароновых находился на углу Малой Тульской улицы и Духовского переулка. Если идти по нему к Даниловскому кладбищу, в который этот переулок упирается, то дом стоял по правую руку. Я хорошо помню тот мамин, а, вернее, прадедов дом с дощатыми полами, застланными домоткаными половиками, незамысловатыми "удобствами" на втором этаже типа "русский сортир". Он был разрушен в 60-е годы при возведении современного здания, в котором в свое время был магазин "Уют".

Не так давно мы с сестрой и моей дочерью побывали на том месте. От родового Ароновского гнезда остались только два мощных тополя с раскидистыми кронами. Они стоят рядом, как две караульных башни при въезде в старинную усадьбу. Именно здесь, вспоминала сестра, и были ворота дедушкиного подворья.

Мамины родители венчались 3 октября 1907 г. в Храме Вознесения Господня за Серпуховскими воротами (он сохранился и ныне прекрасно отреставрирован).

Моя мама родилась здесь 9 августа (27 июля по старому стилю) 1913 года. Год маминого рождения было всегда легко запомнить: в советской экономической и исторической литературе он считался, да, собственно говоря, и был годом наивысшего расцвета экономики царской России. Долгое время выражение "по сравнению с 1913 годом" чуть ли не через строчку повторялось в публикациях советского периода. Кроме того, в том году праздновалось 300-летие Дома Романовых.

Владимир Павлович очень заботился о своих дочерях — старшей Капитолине и младшей Любочке. Мама рассказывал, что он даже помогал ей, совсем маленькой, чистить зубы перед тем, как пойти в гости. Много читал ей вслух: маме особенно запомнилась "Маленькая принцесса" Ф.Бернет¹. (Когда мама слегла, а читать больше не могла из-за болезни глаз, то уже я садился рядом и читал ей в числе многих других книг ту самую "Маленькую принцессу" из ее детства, и иногда мама в полудреме называла меня своим папой...)

Любовь ко всем без исключения детям у бабушки была огромной. Когда в его присутствии знакомые кого-то отшлепали полотенцем, он возмущенно заявил: "Ребенка и пальцем нельзя тронуть!" и долго не мог успокоиться. Правда, однажды моя мама нарушила эту его заповедь. До той поры она виртуозно, на мой взгляд, использовала ею же изобретенный педагогический прием: когда я плохо себя вел или капризничал: мама просто говорила, что хороший мальчик Митя куда-то ушел и вместо него появился некто *Метя*. Этот противный звук "е", кардинально менявший мое имя, вызывал у меня мгновенный протест, но я тут же понимал, что сделал что-то не то, и мгновенно становился привычным *Митей*. А вот в тот раз, видимо не в силах

¹ Фрэнсис Бернет (1849-1924), англо-американская писательница. Наиболее известные романы для детей "Маленький лорд Фаунтлерой" (1886) и "Маленькая принцесса" (1905).

справиться со своими эмоциями, мама все же наподдала мне, шестилетнему, махровым полотенцем по попе за какое-то прегрешение. Жаль, дедушки рядом не было...

Такое трепетное отношение деда к детям объяснялась еще и семейной трагедией. Первенцем у Ароновых был мальчик, которого в честь отца Владимира Павловича называли Павлом, но младенец скончался сразу же после появления на свет. После рождения дочери Капы в 1911 году у них родился еще один мальчик, но и тот тоже умер в младенчестве.

Сам дедушка, по словам мамы, был исключительно, "до абсолюта", честным человеком, то есть человеком чести. Того же требовал и от других. Он не терпел какого-либо вранья или дурных поступков. Как-то раз, когда у него собрались гости, один из них, подвыпив, стал весело вспоминать, как в детстве он с приятелями из озорства залез в сад родителей дедушки за яблоками. Услышав это, Владимир Павлович вскипел, вскочил со своего места и указал гостю на дверь. Для него такое "озорство" было сродни самому бесчестному поступку без срока давности, без каких-либо скидок на возраст.

Наверное, такие "абсолютные" понятия чести и честности, бывшие стержнем в характере деда, и которые с самого рождения он прививал моей маме, через нее же были переданы и мне. "Будь честен перед самим собой" — этот мамин (и дедов) высший моральный императив, с которым я вырос чуть ли не с пеленок, я бережно и свято несу по жизни. Это мой оберег, мое тотемное заклинание, помогавшее и помогающее мне преодолеть все жизненные напасти.

Позднее, в 30-е годы, дедушка всю свою доброту и заботу перенес на внуков, о которых я уже упоминал — Бориса, сына своей старшей дочери Капитолины, моего двоюродного брата, и Олю — мою старшую сестру. Одна из семейных фотографий запечатлела идиллию: дети играют вместе во дворе, у Бори — педальная машина, Оля сидит рядом с "водителем", здесь же мирно клюют куры, и дедушка сидит на скамейке и улыбается.

Сестра вспоминала, как дедушка часто брал ее на прогулку по Даниловскому кладбищу, показывал ей различные надгробные памятники — подлинные скульптурные шедевры, и она все удивлялась, а откуда же столько покойников берется? Помимо чисто дедовского статуса, Владимир Павлович своей большой любовью заменял внукам и рано ушедшую из жизни бабушку — Александру Матвеевну, с которой тем не довелось пообщаться.

Оле очень нравилось бегать с Борей на другую половину дома деда, где жила сестра Владимира Павловича Бабаня — по существу это была большая единая семья. Оля любила, когда ей было лет 10-11, ездить в Даниловку к деду с ночевкой — на 16-м трамвае от Арбата по Бульварному кольцу и потом по Большой Тульской улице. Она говорила мне, что эти самостоятельные путешествия запомнились ей на всю жизнь.

Владимир Павлович был одаренным человеком: хорошо рисовал, прекрасно готовил (и тогда всех выгонял из кухни, чтобы не мешали его кулинарному творчеству). Особенно вкусным по воспоминаниям мамы у него получался судак "по-польски". Все время он чем-нибудь занимался — разводил кур и выкармливал поросят на небольшом земельном участке рядом с домом, посадил там яблони и разбил несколько грядок под огород. Сестра рассказала мне забавный эпизод, когда она, насмотревшись на старушек, продававших на улице зелень, соорудила себе маленький лоточек из картонки, повесила его себе на шею, положила на него несколько листьев табака-самосада, оставшихся после прополки его дедом, и направилась за ворота — торговать. Надо полагать, вся атмосфера купеческого Замоскворечья, певцом которого в свое время был признан наш знаменитый драматург А.Островский, да сама наследственность предполагали деятельное занятие коммерцией. В самый последний момент сестра вдруг устыдилась и решила отказаться от своей затеи. Островский бы этого не понял...

Смутно, но и я помню дедушку, которого мы с мамой навестили в 1950 году незадолго до его смерти в 68-летнем возрасте. В памяти сохранился дворик с гулявшими по нему курами и голосистым петухом и вкусная яичница, которую приготовил мне дедушка и которую мне так и не пришлось попробовать — шалый петух склевал, заскочив в комнату! Было мне тогда четыре года.

"А где дедушка?" — позже донимал я вопросами маму и остальных родственников. "Он уехал в долгую командировку..." — отвечали взрослые. Тогда я уже понимал слово "командировка". Теперь, на своем седьмом десятке, я слишком хорошо понимаю слово "долгая"...

И вот еще одна деталь из жизни дедушки: к сожалению, она так и останется всего лишь фактом без каких-либо подробностей. Мама говорила, что он лично хорошо знал иконописца из старообрядцев, Абрама Балашова (по другим сведениям он был купеческим сыном), который в январе 1913 года с иступленным криком душевнобольного "Кровь, кровь! Всюду кровь!" бросился в Третьяковской галерее к картине И.Репина "Иван Грозный и сын его Иван" и изрезал ее ножом, оставив на холсте три огромных дыры.

Шести лет от роду, 1 сентября 1919 года, маленькая Люба Аронова в сопровождении мамы пошла в школу, которая находилась на территории Даниловского кладбища недалеко от их дома. По такому торжественному случаю Александра Матвеевна купила дочери-первокласснице красивую шапочку и шарфик бежевого цвета с красной полосой. Ведь даже такие нехитрые вещи могли порадовать ребенка: времена-то были трудные — разруха, голод. Мама рассказывала, как ее папа привез откуда-то мешок ржаных сухарей, так она и ее сестра Капа сидели у этого мешка и выбрали как чудное лакомство те сухарики, что были посветлее.

Безудержные водовороты событий тех лет затягивали в свою "воронку" и детей. Это я к рассказу мамы о том, как она, одиннадцатилетняя девочка, шла пешком из Даниловки почти в 30-градусный мороз на похороны Ленина в январе 1924 года и стояла в длиннющей очереди в Колонный зал, где стоял его гроб. Диву только даешься, как это родители отпустили.

Позже маму перевели в школу-семилетку (на бульваре, против рынка), а по ее окончании она сдала экзамены в школу 9-летку с торговым уклоном. Школа находилась на улице Щипок¹. Из маминых рассказов о школе мне запомнились слова их учителя химии, добродушно именовавшего своих питомцев "химиками свинячьими", да его бессмертные формулы, типа "Спирт пропил декан" и "Сапоги мои того, пропускают H₂O". И еще как их, городских школьников, водили на экскурсию в подмосковную деревеньку Семеновское знакомиться с настоящей деревенской жизнью и крестьянским трудом.

А я, кстати, был свидетелем того, как на ту самую деревеньку в 50-е годы постепенно наступала Большая Москва своими знаменитыми Новыми Черемушками. В привязке к сегодняшнему городу деревня Семеновское находилось слева, если ехать из центра по Ленинскому проспекту, как раз против бывшего магазина "Изотопы", что располагался в здании на пересечении Ленинского и Ломоносовского проспектов.

¹ Щипок, улица, р-н Замоскворечье; между Стремянным пер. и Дубининской ул. Название известно с XVIII в. Распространено предположение, что оно связано с таможенным досмотром товаров, прибывавших в Москву. Перед тем как пропустить возы с товаром через заставу Земляного вала в город, их тщательно проверяли, для чего *щипали* или *щупали* специальными приспособлениями. Но ни у одного из других въездов в Москву подобные названия не возникли.

Черточки времени в маминых рассказах о ее детстве иногда просто поражали. Представьте себе, их, детей, водили на школьную экскурсию в Донской крематорий для ознакомления с "модной новинкой"! Выстояв очередь, они могли заглянуть в стеклянный глазок, за которым ревело пламя, обращая в пепел останки усопшего... В голове не укладывается это страшное выхолащивание детских душ, целенаправленное стремление лишить их чувства скорби и сострадания — кто-то, видимо, считал кремацию новомодным шоу¹...

Но были и более привычные развлечения, в частности, кино. Мама рассказывала, как она с подружками, такими же 13-летними девчонками, как и она сама, бегала на "новую фильм". Сильное впечатление на нее произвел трехсерийный фильм "Мисс Менд", вышедший в 1926 году (черно-белый, еще немой). Он был снят по приключенческому роману-сказке Мариэтты Шагинян² "Месс-Менд", в основе которого лежала идея всемирного братства трудящихся в борьбе против "злых буржуинов".

И в книге и в фильме была выведена зловещая фигура некоего Чиче. В его фамилии содержался намек на итальянское происхождение героя. Именно в Италии в те годы уже пришли к власти фашисты во главе со своим дуче, а немецкий фашизм еще под стол пешком ходил. Весь свой актерский талант наш известнейший впоследствии киноактер Сергей Комаров, игравший эту роль, использовал для создания образа-символа всемирного зла. И ему это прекрасно удалось. Мама рассказывала мне, как она дрожала от ужаса, когда на экране появлялся этот персонаж, а в зале проносилось испуганным шелестом — "Чиче, Чиче..." и зрители невольно еще глубже вдавливались в свои кресла.

Из воспоминаний мамы о тех годах мне запомнились еще два смешных эпизода. Один связан с китайцем. Да-да, в тогдашней Москве было довольно много китайцев — традиционно они продавали всякую мелочевку, безделушки. И вот такой китаец проникся к маме (ей было лет пятнадцать) симпатией и подарил ей какую-то красивую лакированную палочку с иероглифами, просто так. Но мама не оправдала его надежд на взаимность и никак не отреагировала на такой знак внимания. Через некоторое время китайский Казанова подошел к ней и сказал: "А ты палочка-то отдай!" Пришлось вернуть...

А это просто маленькая жизненная зарисовка. В своей Даниловке мама прочла такую горестную сентенцию, выцарапанную на спинке деревянной скамейки: "Все мужчины щипчики и обманчики!" Не в бровь, а в глаз...

В старших классах мама принимала активное участие в школьной художественной самодеятельности. В 8-м классе они поставили "Горе от ума" Грибоедова, где мама играла Лизу. Заводилами в школе, или, как сказали бы сегодня, лидерами, была компания девчонок, куда, помимо мамы, входили ее подружки — Надя Крупенникова, Лёля Штольдер и Рая Лищинская.

¹ В 1927 году с одобрения руководства страны в целях распространения нового похоронного ритуала было создано Общество развития и распространения идей кремации (ОРРИК). Члены общества получили право на бесплатную кремацию. Примечательно, что одним из учредителей новой организации стал заведующий Московской городской службой мусоросжигания. Членские билеты новой общественной организации в торжественной обстановке были выписаны для первых лиц государства — Сталина, Калинина, Бухарина, Молотова... На многих предприятиях и в госучреждениях были открыты агитационные "уголки кремации". Кроме того, в продажу поступила серия из 12 открыток с картинками на темы кремации и видами печи... Тогда же в самом Донском монастыре стали проводить экскурсии для граждан, в том числе и для школьников. ("Московский комсомолец". 14.01.2009)

² Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 - 1982), русская советская писательница, прозаик.

Однажды они вступились за своего одноклассника Юру Соловьева, который был притчей во языцех у всей школы из-за своего хулиганистого характера. Юру исключили из школы, и вот его одноклассницы, все те же Надя, Лёля, Рая и Люба, которых в комсомол и на аркане было не затащить (!), написали письмо в ЦК РКСМ с требованием восстановить товарища в школе и собрали свыше ста подписей. По бытующей у нас (до настоящего времени!) процедуре, когда жалоба в высший орган спускается им же для разбирательства туда, откуда она пришла, их письмо было переслано руководству их же школы. Девчонкам не удалось отстоять своего товарища на педсовете, но их письмо шуму наделало большого. К школьным "правозащитницам" были применены административные меры: Лёлю Штольдер вывели из состава Учкома (орган местного школьного самоуправления), а остальные, по современной терминологии, остались "под колпаком". Буквально через несколько лет такие "коллективные протесты" будут рассматриваться властями как вражеская вылазка, влекущая соответствующие меры. К слову, этот Юра Соловьев впоследствии успешно закончил какой-то технический ВУЗ и даже стал лауреатом Сталинской премии.

Очередной "проступок" девчонки совершили на Новый 1928-1929 год, уже будучи девятиклассницами. Они решили устроить в здании школы встречу Нового года взамен "старорежимного" Рождества. Наделали бутербродов, была какая-то шипучая вода (алкоголя никакого, это и в голову тогдашним школьникам не приходило), был патефон, танцы. Вскоре учителям надоело опекать молодое поколение, и они потянулись по домам. Обеспечивать порядок остался только один учитель черчения, да и то только до 12 часов ночи, когда все должны были покинуть здание школы. Потом ушел и он, а девчонки с несколькими парнями остались "мыть посуду". Ну ведь действительно ее надо было вымыть, не оставлять же после себя свинюшник! Только любовь к чистоте и порядку тут же были забыты, и молодежь вновь завертелась в танцах до утра.

Такое нарушение советской благопристойности стало известно школьному начальству и комитету комсомола. На следующий день появилась стенгазета с хлестким фельетоном под заголовком "Милочки, Галочки, Раечки, Любочки и прочие ...чки", в котором виновницы нарушения порядка подвергались суровому осуждению. Заканчивался фельетон многозначительными стишками:

Сначала все играли в салки,
Потом устроили моргали.
Потом дошло до поцелуев страстных,
Для школы вредных и опасных.

К счастью, фельетоном в стенгазете, которая провисела дня два, дело и ограничилось.

Когда я писал эти строки (а это был конец 2008 года), Раиса Ильинична Лищинская, мамина школьная подруга, а для меня просто тетя Рая, — единственная здравствовавшая свидетельница тех времен — позвонила мне и спросила, как подвигаются дела с моей книгой, и не нужны ли мне какие-то факты из маминой школьной или агитбригадovской жизни — она может мне помочь. Я тут же стал записывать неизвестные мне ранее факты, и вот вы только что прочли, как подружки защищали своего школьного товарища и встречали вместе Новый, 1929 год. Тетя Рая не дотянула до своего 95-летия в 2009 году всего три дня...

И вот что удивительно: не зная всего этого, я почти в точности повторил мамин путь — также был автором коллективно письма в защиту учительницы, также увлекался

художественной самодеятельностью, также окончил педагогический институт... Но обо всем этом — в свое время.

Окончила мама школу в 1929 году, но сразу же поступить в институт не могла, потому что черным шлейфом за ней тянулось социальное происхождение — "из семьи служащего", да еще в прошлом "лишенца", а поступать в ВУЗ, как я уже писал, могли только дети из рабоче-крестьянских семей. Для поступления в ВУЗ трудовой ценз после окончания школы для детей служащих был 5 лет, а для рабочих и крестьян — 3 года.

После школы мама пошла работать в соответствии с полученной профориентацией. Месяца два она проработала на Малой Полянке в небольшом магазинчике трикотажных изделий и на первую получку решила "пофорсить": купила себе элегантные лакированные туфли на низком каблучке. Потом через биржу труда (находилась тогда на Софийской набережной) ее направили на работу в новый, только что открывшийся в 1929 году на Серпуховской площади знаменитый универмаг. Начинала она трудовой путь в отделе готового платья и кружев и работала в универмаге вплоть до замужества в 1932 году.

Прибалтийско-немецко-русский клан Миллеров

Странно, что даже моя бабушка, папина мама, Наталья Яковлевна, мало что могла рассказать о ранних годах и юности своего отца, а моего прадеда Якова Михайловича Миллера. Это меня всегда удивляло: неужели в те времена детям, уже ставшим взрослыми, ничего не рассказывалось о жизненном пути их родителей?

Нам было известно с ее слов, что Яков Михайлович родился в 1823 году в Лифляндской губернии на острове Сааремаа¹. Он рано остался сиротой, был мальчиком-свинопасом. Его собственная фамилия была Хаан. Миллером юный Яков стал благодаря деятельному участию в его судьбе местного лютеранского пастора, который приютил мальчика, усыновил его и дал ему свою фамилию.

Яков тянулся к знаниям и вскоре стал учеником аптекаря. Юношей, чуть ли не пешком, как и Ломоносов, он отправился в Петербург и поступил вольнослушателем в Императорскую медико-хирургическую Академию. Это было еще при императоре Николае Павловиче

В ЦГИА Петербурга сохранился пространный аттестат, который был дан от СПб Мариинской больницы для бедных младшему врачу, д.с.с. Якову Михайловичу Миллеру в том, что он, 1823 г.р. происходя из уроженцев Лифляндской (ныне Латвия) губернии (лютеранин, недвижимости не имеет), воспитывался в Императорской медико-хирургической Академии вольнослушателем, признан был лекарем в январе 1854 г. и определен на службу в войска, расположенные в придунайских княжествах, прикомандирован в военно-временный госпиталь № 1, оттуда в такой же госпиталь в Кременчуг, в октябре 1856 г. назначен в Камчатский пехотный полк батальонным лекарем. И за «отлично-усердную службу во время Крымской кампании, всемиловитейше был пожалован в награждение 125 р. 47 с половиной копеек». В этой кампании Я.М.Миллер участвовал рука об руку вместе с Пироговым, нашим известнейшим хирургом. По домашним обстоятельствам Я.М.Миллер был уволен от службы 16 декабря 1856 г. и определен сверхштатным ординатором при Мариинской больнице для

¹После революции 1917 г. юг Лифляндской губернии отошел нынешней Латвии, а север с островом Сааремаа — Эстонии, что дает нам основание считать Якова Михайловича Миллера эстонцем.

бедных¹. За выслугу в 30 лет Я.М.Миллеру была назначена полная пенсия 840 р. в год. В 1868 г. он был пожалован кавалером ордена Св.Анны III степени «за прослужение 12 лет сряду в одной и той же должности», потом за годы службы Я.М.Миллер станет кавалером ордена Св.Станислава и ордена Св.Владимира IV степени. Перед выходом в отставку в 1898 г. моему прадеду был пожалован чин действительного статского советника.

Архивная справка Ленинградского областного архивного бюро от 2 августа 1931 года гласит:

«В личном деле гр. Миллера, по фонду Мариинской б-цы для бедных, указано: Миллер Яков Михайлович определен сверхштатным ординатором 28 февраля 1857 года, товарищем министра юстиции определен на вакансию лекаря при Правительствующем Сенате, с оставлением в занимаемой им должности младшего ординатора, 3 августа 1862 г. приказом по государственной канцелярии, состоявшемся 7 мая 1875 г. за № 22, определен врачом при сей канцелярии, с сохранением настоящей должности его при больнице. 13 марта 1875 г. приказом по ведомству Министерства юстиции оставлен за штатом по должности лекаря при Правительствующем Сенате 8 июля 1885 г. Согласно прошению его от 1 января 1889 г. уволен в отставку».

Я раскопал и такой любопытный факт: Яков Михайлович восемь лет работал бок о бок вместе с будущим лейб-медиком царственной семьи Николая II Евгением Сергеевичем Боткиным², который в то время занимал должность врача-ассистента, а впоследствии работал в качестве сверхштатного ординатора Мариинской больницы.

В Санкт-Петербурге, как рассказывала бабушка, у прадеда была большая практика. Мне, выросшему в советское время, до сих пор не понятно, тем более зная положение врачей в нашей современной России, как один врач-ординатор мог содержать огромную семью и прислугу. Мы подсчитали как-то с папой: сам прадедущка с прабабушкой, их восемь человек детей (шесть сыновей — Виталий, Андрей, Александр, Алексей, Михаил и Сергей и две дочери — Ольга и Наталья), две тетушки, постоянно проживавшие в доме, и обслуга — кормилица, две няньки, кухарка, посудомойка, кучер, дворник и кто-то еще — итого двадцать человек!

Семья занимала большую "барскую" квартиру в 12 комнат в доме № 4 по Стремянной улице. Гостиная была такая просторная, что, несмотря на стоявшие там два рояля, места было более чем достаточно для танцующих во время балов, которые устраивались для молодежи.

Помимо этого у Якова Михайловича Миллера во владении было три дачи в Озерках. В одной, самой большой — в 12 комнат — проживала семья, две другие дачи сдавались.

Порядок в семье царил строгий: на кухню, к примеру, детям вход был строгойше запрещен, чтобы не хваталась "низких жизненных истин". В кабинет папеньки также никто не смел входить без его разрешения. Он правил в семье, как добрый, но взыскательный монарх. Его кабинет, по словам бабушки, был местом особым, в повседневности недоступным: туда

¹ В 1802 г. вдова Павла I Мария Федоровна подсказала своему сыну Императору Александру I мысль об устройстве больницы для бедных в ознаменование 100-летнего юбилея столицы. Строительство было закончено в 1805 г. (архитектор Джакомо Кваренги). Впоследствии больница стала практической школой для молодых врачей Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии.

² Е.С.Боткин — лейб-медик Николая II, сын знаменитого доктора Сергея Боткина, чье имя носит больница в Москве. В возрасте 53 лет был расстрелян вместе с царской семьей в 1918 году в Екатеринбурге. 7 февраля 2016 г. в Храме-на-Крови в Екатеринбурге прошла церемония прославления Е.С. Боткина в лике святых, ранее он был канонизирован Русской православной церковью.

изредка приглашались бабушкины братья, и то лишь в случае плохих отметок, полученных в гимназии. Что происходило за глухими дверями кабинета, история умалчивает.

Когда бабушкины братья подросли, их мама, Александра Федоровна, долго не ложилась спать, дожидаясь прихода своих загулявших сыновей. Она заботливо отодвигала стулья на их пути, чтобы они, не дай Боже, не наткнулись бы в полной темноте на что-нибудь, не загремели бы чем-нибудь и не нарушили бы покоя спящей квартиры. И, главное, чтобы не был нарушен сон папеньки. Иначе — беда!

Обилие молодежи — восемь человек детей! — увеличивало и без того постоянное оживление квартиры: приходившие сюда многочисленные товарищи бабушкиных старших братьев обсуждали какие-то свои, волнующие их вопросы, часто происходили споры на острые темы. Постоянно звучала музыка: все ее братья умели играть на музыкальных инструментах. Старший, Виталий, играл на рояле. Миша, обладавший абсолютным слухом, также пользовался любым случаем, чтобы помузицировать, а иногда они оба затевали дуэты на двух роялях, которые стояли в гостиной. Лист, Брамс, Моцарт, входивший тогда в моду Чайковский, были все время "на слуху" у обитателей этой квартиры. Саша отводил душу на корнете, Андрюша предпочитал цитру, Алеша — рояль, а Сережа — флейту.

Быт имел твердые, указанные обычаем формы. Были рядовые встречи, званные праздники, балы, устраивались игры, требовавшие от участников находчивости, остроумия. Хватало смелости и на спектакли, даже на такой сложный, как запомнившийся мой бабушке "Ермак Тимофеевич", для которого ее брат Андрюша писал декорации. И все это увязывалось с главным, чем была наполнена жизнь, — с учебой. Такая обстановка создавала дружную, теплую атмосферу семьи, вырабатывавшую жизненную стойкость среди ее членов, готовя достойных граждан будущего общества. И всем этим миром управляла мать семейства, моя прабабушка, Александра Федоровна.

Скончался Яков Михайлович Миллер в 1903 году. Его Мариинская больница по-прежнему существует в Петербурге и находится по тому же неизменному адресу: Литейный проспект, 56. В далеком 1918 году ее, правда, переименовали в большевистском порыве в больницу "в память жертв Революции", но ныне она вновь обрела свое первоначальное название. Здесь теперь трудятся более тысячи человек медперсонала. Я думаю, что прадед был бы доволен дальнейшей судьбой своей больницы, которой он отдал сорок два года безупречной службы.

Моя прабабушка Александра Федоровна Миллер была второй женой Якова Михайловича. Она родилась в 1839 году в Риге в семье капитана каботажного плавания Егера. По отцу она была немкой, а мать у нее была русской. Неизвестно, в силу каких причин, но воспитывала ее а впоследствии и выдала замуж богатая русская аристократка Неплюева¹. Вместе с ней прабабушка совершила свое первое заграничное путешествие во Францию. До границы они ехали еще на конном экипаже, а, переехав границу, сели в вагон поезда. Был 1861 год.

В Париже прабабушка присутствовала на историческом спектакле в Гранд Опера, когда впервые там давали "Тангейзера". Будучи в весьма преклонном возрасте, она рассказывала папе о том, что творилось в тот вечер в театре. Парижане словно взбесились. Они неистово вопили "Abas, Tannhäuser!"² и забрасывали сцену гнилыми яблоками.

¹ По-видимому, одна из родственниц И.И.Неплюева, основателя г. Оренбурга, наместника Оренбургского края времен правления императриц Елизаветы и Екатерины II.

² "Долой "Тангейзера"! (фр.)

Это сегодня мы говорим о музыке Вагнера, как об "изумительной, нечеловеческой" (хоть эта оценка и приписывается Ленину в отношении "Аппассионаты" Бетховена, она вполне подойдет и Вагнеру). А вот французская пресса того времени была несколько иного мнения. Вот как она отозвалась на ту премьеру "Тангейзера": "Увертюра — прославление бессмыслицы, вся опера курам на смех". Вообще журналисты в своих оценках музыки Вагнера не стеснялись: "Хаос. Музыкальный туман. Ребячество. Нервная горячка. Музыкальные стенания. Музыкальное надувательство. Фокус-покус. Моральное похмелье. Музыкальное мошенничество. Убийственный гам. Ушная боль. Паранойя. Мусор. Шельмовство"¹. Оказывается, и великому Вагнеру нелегко было пробиться на большую сцену и обрести признание у меломанов.

Со слов уже моей бабушки Натальи Яковлевны, однажды — это было 1 марта 1881 года — ее матушка появилась в трауре и в слезах объявила домашним о мученической кончине царя-Освободителя, Александра II, погибшего от руки террориста Дмитрия Каракозова. Семья Миллеров никогда не была настроена промонархически, но это бессмысленное, жестокое убийство всех глубоко потрясло чисто по-человечески. А, главное, как теперь выясняется, это был единственный монарх в российской истории, который начал настоящую цивилизованную "европеизацию" России, и которую мы, отброшенные большевизмом на обочину Истории почти на целый век, вновь пытаемся преобразовать в начале XXI века, причем по тем же самым направлениям, определенным еще Александром II в веке XIX!

И в Петербурге после смерти мужа и позже, когда она переехала с сыном Алексеем и дочерью Ольгой в Москву, Александра Федоровна, жила вместе с Ольгой. Папа всегда с удовольствием вспоминал их уютную квартирку в Питере, вкусное угощение и обязательный полтинник на извозчика — доехать домой на Петроградскую сторону. Так же уютно было у них и после переезда в Москву в комнату в Хрущевском переулке.

Скончалась Александра Федоровна в 1926 году на восемьдесят восьмом году жизни.

Старшим сыном прадедушки, стоявшим несколько особняком и по возрасту и по рождению — от первой его жены, урожденной Эмилии Лесгафт, происходившей из известной в России семьи², был Виталий Миллер, или, как его называли в семье, Таля.

Он пошел по отцовской линии, закончив Военно-медицинскую академию, но военным врачом не стал, а работал специалистом по женским болезням в Надеждинской (по названию улицы) больнице. Позже ему была присвоена ученая степень доктора медицины, он читал лекции у себя в больнице, а потом и в Военно-медицинской Академии и был в Петербурге известным специалистом в своей области. Умер он в 1914 году.

Женой Виталия Яковлевича была Анна Ивановна Дреземейер, немка, которая училась в одной гимназии вместе с О.Книппер³. У них было четверо детей: три дочери — Нина, Александра и Юлия и сын Андрей (папины двоюродные сестры и брат), по семейному прозвищу "Дюка", тоже ставший врачом. Анна Ивановна скончалась в Ленинграде в блокадную зиму 1942 года, почти на тридцать лет пережив своего мужа.

¹ История человеческой глупости. Иштван Рат-Вег. Издательский центр "Феникс", Дубна, 1996, с.238

² П.Ф. Лесгафт (1837-1909), русский педагог, анатом, врач. Основоположник научной системы физического воспитания. Его именем назван Институт физической культуры в Санкт-Петербурге.

³ О.Л.Книппер-Чехова (1868-1959), русская актриса, жена А.П.Чехова.

Я хорошо знал всех трех папиных двоюродных сестер, за исключением их брата Андрея (просто не пришлось свидеться). Они время от времени приезжали к нам в Москву из своего Рыбинска, куда их в самом начале "великого сталинского террора" выслали из Ленинграда в числе сотен тысяч интеллигентов "в отместку" за спровоцированное самим же НКВД убийство Кирова. Самым первым местом их ссылки в 1934 году был Саратов, Рыбинск был уже потом.

Тетя Нина для меня была высшим "объяснителем" явлений природы: я в шестилетнем возрасте расспрашивал ее о вулканах и магме, которой панически боялся. Тетя Шура пересказывала мне изумительную книгу шведской писательницы Зельмы Лагерлёф "Путешествие Нильса с дикими гусями". Тетю Юлю я видел лишь однажды. До сих пор у меня осталось ощущение невероятной, неколебимой духовной силы, интеллекта, доброты и юмора, исходившие от моих двоюродных тетюшек.

О Михаиле Миллере мне известно только, что он был инженером-путейцем, строил в конце XIX – начале XX века железные дороги. Именно эта отрасль заложила тогда основы экономической мощи России, связала ее Запад и Восток великой Транссибирской магистралью.

Александр Миллер, родившийся в 1868 году, стал дипломатом. Всю свою жизнь он провел, представляя Российскую империю на Востоке в разных небольших государствах, в частности, при дворе эмира Бухарского. Позже, в 1913-1916 гг. он был генеральным консулом Российской империи в Монголии периода ее автономии. О его жизненном пути я еще расскажу подробнее.

Андрея Миллера за смуглость кожи в семье звали "Der Kleine Afrikaner"¹. Как и его отец, он окончил Военно-медицинскую академию имени Витте, потом служил врачом на флоте.

В мае 2005 года исполнилось ровно сто лет героическому и одновременно трагическому событию в истории нашего отечества — Цусимскому сражению, состоявшемуся 28 мая (14-го по старому стилю) 1905 года. Это оттуда, с небес, как гамзатовские журавли, нас окликают павшие на поле брани российские моряки:

"Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг.
Сами взорвали "Корейца",
Нами потоплен "Варяг".

Для меня эта песня имеет особый смысл, воплотившийся в семейной реликвии — японском черепаховом веере с изящной накладной монограммой NM. Веер хранится в узком деревянном ящичке. На его крышке виднеется четкая карандашная надпись по-английски: "Gunboat "Koreetz", Chemulpo" ("Канонерская лодка "Кореец", Чемульпо" (порт приписки).

Этот веер Андрей подарил своей сестре, а моей бабушке Наталье Миллер — отсюда и эта монограмма. После окончания академии Андрей Яковлевич служил, в частности, на канонерской лодке "Кореец". Вместе с "Варягом" "Кореец" стал символом героического подвига русских моряков в Русско-Японскую войну.

Служа на кораблях, приписанных к восточным портам, Андрей Яковлевич постепенно переходил на дипломатическую работу. Профессия врача предполагала возможность

¹ маленький африканец (нем.)

беспрепятственного вхождения в любой дом, что позволяло выполнять некие деликатные поручения, связанные с внешней политикой Российской империи. Последнее место работы Андрея Яковлевича — чиновник по особым поручениям при кавказском наместнике.

Его смерть в 1914 году была прямым следствием профессиональной деятельности. Ведя целенаправленную работу в отношении полудиких курдских племен, Россия установила "доверительные дружеские отношения" с одним из их вождей. И надо же было так случиться, что другой вождь, придерживавшийся прогерманской ориентации, зарезал "нашего". Все это случилось буквально накануне войны 1914 года и так подействовало на Андрея Яковлевича, что однажды утром, наклонившись, чтобы зашнуровать ботинок, он упал замертво. Точно такая же мгновенная смерть настигнет почти шестьдесят лет спустя нашего знаменитого разведчика Конона Молодого, потянувшегося сорвать в лесу красивый гриб-подосиновик. Бывает, что "невидимый фронт" требует своих жертв и после выполнения ими своей миссии ...

Детским прозвищем Алексея Миллера было "полицейский крючок". Когда я спросил у бабушки, почему его прозвали именно так, то она затруднилась ответить: "Ну, он вот такой был... как полицейский крючок". Может быть, под этим прозвищем подразумевалась какая-то его жизненная "хваткость", как у таможенников, которые в стародавние времена ворошили своими крюками товар в обозах в поисках контрабанды.

Алексей Яковлевич, как и бабушкин муж, а мой дед, до революции работал в министерстве финансов, а потом, уже в Москве — в Главспирте. Женился он на дочери сибирского инженера, работавшего в золотодобывающей промышленности. Во время Первой мировой войны Алексей Яковлевич возглавлял службу Красного Креста в Тифлисе, получив там чин действительного статского советника. Когда министерство финансов вместе с остальными правительственными учреждениями Советской России переехало из Петрограда в Москву в 1918 году, то вместе с Алексеем Яковлевичем, как сотрудником уже этого советского учреждения, сюда перебрались также его матушка, Александра Федоровна, и сестры — Ольга, а потом и Наташа, моя бабушка.

В детстве Сергей Миллер, по домашнему прозвищу "Хлопалка", — часто хлопал ресницами — прославился как отчаянный забияка и драчун. Учился он в гимназии плохо, и потому отец отдал его в Морской корпус, куда принимали только дворян. К тому времени Яков Михайлович, по-видимому, уже получил потомственное дворянство. Впоследствии же чин действительного статского советника (генеральский) получили трое из его сыновей.

В Русско-японскую войну Сергей Яковлевич воевал с японцами на грузовом корабле, переделанном под военное судно. Когда он попал в плен, то отказался дать честное слово, что не будет воевать против Японии, а потому был интернирован там до конца войны. Честное слово офицера в те времена, да еще морского, — было наивысшим мерилom человеческой порядочности.

Женился Сергей Яковлевич неудачно, хотя его тестем был адмирал. Он скоро развелся и перешел служить в Добровольный флот, где командовал судном, совершавшим зарубежные рейсы.

Мой папа говорил, что Сергей Яковлевич был настоящим дядюшкой из сказки, как Дроссельмайер из "Щелкунчика"! То пропадая на долгое время, то неожиданно появляясь в Петербурге, он обрушивал на племянников дождь дорогих, интересных подарков. Именно он повел их впервые в кинематограф, что само по себе являлось тогда чудом. Да еще на фильму (именно так и говорилось в том время) со знаменитым комиком Максом Линдером!

Сергей Яковлевич успел жениться и второй раз, но прожил с женой недолго. Умер он, занимая должность начальника порта Петровск на Каспийском море.

О бабушкиной старшей сестре, Ольге Яковлевне Миллер, мне известно немного. Все, что касалось ее жизни, я почерпнул из воспоминаний папы. Ольга Яковлевна родилась в 1873 году, неожиданно для родственников впервые вышла замуж в 1916 году, когда ей было уже сорок три года. Избранником ее стал Сергей Владимирович фон Пейкер, "человек из общества" как тогда говорили, чуть ли не барон. Был он вдовцом, одних лет с Ольгой Яковлевной. Когда и по какой причине они расстались, я не знаю.

Впоследствии, оставшись одна, вместе со своим братом Алексеем и мамой, Александрой Федоровной, Ольга Яковлевна переехала в Москву в 1918 году. Здесь она иногда давала частные уроки немецкого, занималась штопкой, зарабатывая себе на жизнь. Она нежно любила своих племянников — Алешу и Алю — хотя и по-своему: сказывалась миллеровская закваска. Она не позволяла ныть, но всегда помогала. Бывало, когда папа входил в ее комнату, она, посмотрев на него, только спрашивала:

— Леша, сколько?

Ольга Яковлевна Пейкер скончалась 5 марта 1944 года. Похоронена она, как потом и ее сестра, моя бабушка, в Москве на Новодевичьем кладбище.

Наталья Яковлевна Миллер (в замужестве Симукова), моя бабушка по папиной линии, родилась в 1875 году. В возрасте двадцати лет она решила стать "бестужевкой", то есть поступить на четырехгодичные Высшие женские курсы¹. Надо сказать, что она не сразу добилась разрешения у своего отца посещать занятия: в кругу, к которому принадлежала ее семья, это было "не принято". Одно слово — "бестужевка" — в конце XIX — начале XX века рисовало образ передовой женщины, даже революционерки, так как многие из окончивших эти курсы ушли потом в революцию, как, например, супруга Владимира Ульянова Надежда Крупская. По окончании курсов в 1899 году по историко-филологическому отделению бабушка начала работать в библиотеке министерства финансов, а потом преподавала русский язык, в частности, в женском отделении училища при евангелическо-лютеранской церкви Св.Екатерины с 1914 по 1916 гг.

Когда под влиянием новых времен появилась возможность и для женщин преподавать в казенных, то есть государственных гимназиях, бабушка одной из первых решила в 1916 году сдать достаточно трудные квалификационные экзамены. Они включали в себя старославянский язык, русский язык с диалектикой (?) (цитирую по свидетельству Историко-филологической испытательной комиссии при Императорском Петроградском Университете), историю русской словесности, педагогику и историю педагогических учений и методику преподавания русского языка и словесности. После этих экзаменов "жена статского советника Симукова Наталья Яковлевна, — как гласит свидетельство, — удостоена звания учительницы средних учебных заведений".

Как торжественно и гордо звучат эти слова — "удостоена звания учительницы". Каким глубочайшим уважением к профессии они полны! А "удостоена звания" — это вообще для

¹ Бестужевские курсы — женское высшее учебное заведение, учрежденное кружком прогрессивной интеллигенции, во главе с ректором университета, ученым-ботаником, профессором А.Н. Бекетовым, в Петербурге в 1878 году в составе словесно-исторического и физико-математического факультетов. Министерство просвещения поставило во главе курсов профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина, по фамилии которого курсы и получили свое наименование.

советского уха могло заканчиваться только словами "лауреата Сталинской премии". И что же сделали поколения наших государственных руководителей после Октябрьского переворота, сбросив впоследствии с этого высочайшего пьедестала общественного и государственного признания профессию учителя (и, добавим, врача)!

По окончании своих "курсов повышения квалификации", как они именовались бы сегодня, вплоть до начала 1918 года бабушка преподавала в частной гимназии Бастман в Петербурге.

Друзья бабушки

Как-то раз я перелистывал страницы семейной реликвии — дневника Натальи Яковлевны. Многие эпизоды я знал по бабушкиным рассказам, что называется, "вживую". Но одна строка — "Катание на лодке. "Рюрикъ." вызвала в памяти рассказ моего папы, который запомнил его с бабушкиных слов. А узнал я о тех событиях, уже будучи взрослым. Вы сейчас поймете, почему в дневнике такая запись могла быть понятна только тому, кто его вел, и почему раньше в семье о ней не говорили.

Дело было летом, в Мартышкине (дачное местечко недалеко от Ораниенбаума), где бабушкины родители снимали дачу. Однажды Наташа вместе со своей подругой Кларой поехали кататься на лодке по Финскому заливу. Видят — вдали на якоре стоит крейсер Российского военно-морского флота "Рюрикъ". А давай к ним в гости! Там же знакомые офицеры — Фушка Матисен, Саша Колчак, Минечка Игнатьев, еще кто-то. Сказано — сделано. Подружки усиленно гребут, приближаются к "Рюрику". Там — переполох. Докладывают командиру, получают разрешение. Спускается трап, девицы поднимаются на военный корабль. Бабушка полна ощущением своего шарма, обаяния молодости. Ей двадцать лет. Подруг окружают офицеры. Смех, шутки...

Только на секунду попробуйте представить себе такую идиллическую картину сегодня, спустя 115 лет после описываемых событий, на российском военном корабле типа атомного ракетного крейсера "Петр Великий"...

Этот эпизод просто поразителен. Стало понятным, почему я о нем никогда не слышал в детстве. В семье, в которой старший сын бабушки, мой дядя Андрей Дмитриевич Симук, известный исследователь Монголии, погиб в сталинских лагерях, даже само упоминание о мимолетном знакомстве бабушки с Александром Васильевичем Колчаком могло повлечь катастрофу для всех ее членов. Меня заинтересовали имена и других офицеров, упоминавшихся бабушкой. Какие-то непривычные для современного уха уменьшительно-ласкательные имена: Фушка, Минечка. А как их звали полностью? Кто они? Каковой была их дальнейшая судьба?

Я ринулся на поиски. Кое-какую информацию удалось найти, да и то, в основном, об Александре Васильевиче Колчаке. Фамилия "Матисен" изредка встречалась и только в контексте колчаковских полярных экспедиций. О "Минечке" — вообще нигде ни слова. А кем же был Минечка?

И тут меня осенило позвонить моему давнишнему другу, художнику Павлу Липатову. Павел с детства просто бредил всем, что относилось к военной тематике и военному костюму всех времен и народов. Сейчас, работая художником-консультантом на "Мосфильме" (именно благодаря высочайшему профессионализму моего друга многие фильмы, посвященные Великой Отечественной войне, так достоверно передают обстановку того времени), он с годами стал настолько "в теме", что я был почти уверен в успехе моего звонка. "Подожди секунду, сейчас я

посмотрю в одной книжке, — сказал Павел. — Судя по всему, речь идет о мичмане Дмитрие Игнатьеве. Вот, записывай, хотя здесь буквально два слова".

Вот что в конечном итоге у меня получилось.

Эпизод из бабушкиного дневника относится, скорее всего, к лету 1895 года. Упомянутые офицеры по окончании Морского корпуса (1894 г.) проходили службу на только что построенном крейсере "Рюрик" в званиях мичманов.

"Фушка" (Федор) Андреевич Матисен (1872-1921) — морской офицер, впоследствии участник Цусимского сражения на крейсере "Жемчуг". Вместе с А.В.Колчаком участвовал в российских полярных экспедициях. В 1920 г. возглавил гидрографическую экспедицию по исследованию устья реки Лены.

Саша Колчак... Александр Васильевич Колчак (1874-1920). Это сейчас о нем, наконец, заговорили во весь голос, как о выдающемся русском морском офицере и ученом, исследователе нашего Севера, о его огромном вкладе в науку, о его трагической судьбе. А летом 1895 года он — молодой мичман, помощник вахтенного начальника на "Рюрике". Позже будут бои в Порт-Артуре в Русско-японскую войну, участие в российских Полярных экспедициях по исследованию Арктики за что он удостоится прозвища Колчак-Полярный. Он станет членом Географического общества Российской Академии Наук, ученым-океанологом и гидрологом. Звание адмирала ему будет присвоено в роковом 1917 году, он еще успеет стать Верховным правителем России в Омске во время братоубийственной гражданской войны, развязанной большевистским переворотом, и большевиками же будет расстрелян в 1920 г. К 130-летию со дня рождения А.В.Колчака 4 октября 2004 г. этому великому сыну России в Иркутске будет воздвигнут памятник. А пока для бабушки он просто Саша...

"Минечка" (Дмитрий) Игнатьев (18? - 1905), морской офицер, двоюродный брат графа А.А.Игнатьева, русского и советского военного деятеля, автора книги "50 лет в строю". В дальнейшем служил артиллерийским офицером на броненосце "Император Александр III". Погиб в Цусимском бою.

Достойные друзья были у моей бабушки.

А сам крейсер "Рюрик", где все они встретились, через несколько лет разделит судьбу "Варяга". Истерзанный снарядами, оставшийся практически без управления, "Рюрик" сражался один на один с японской эскадрой из шести вымпелов. По приказу младшего артиллерийского лейтенанта Константина Иванова, принявшего на себя командование кораблем после гибели командира и ряда сменивших его офицеров, на корабле были открыты кингстоны. "Рюрик" с поднятым Андреевским флагом и взвившимся сигналом "Погибаю, но не сдаюсь!" скрылся под водой... Случилось это 14 августа 1904 года¹.

Соединение Миллеров с Симуковыми

Мой дед по папиной линии, Дмитрий Андреевич Симуков, родился в 1862 году. Год его рождения всегда вызывал у меня какое-то чувство сопричастности, или даже физического ощущения огромных перемен в России того времени. Подумать только, мой дед, сам из крестьянского сословия, родился лишь год спустя после освобождения крестьян от крепостной зависимости, в период развертывания грандиозных реформ императора Александра II.

¹ На "Рюрике" тогда погибло 204 человека и 305 моряков было ранено (на "Варяге" в бою убиты 22 моряка, 12 умерли от ран). Сайт: http://www.navy.ru/news/dayinhistory/index.php?ELEMENT_ID=2220

Забавным, но ужасным диссонансом этим моим чувствам звучит анекдот, который я не так давно услышал:

Перед экзаменом по истории один школьник спрашивает другого:

— Слушай, не помнишь, когда в России было отменено крепостное право?

— В 1961 году.

— Так в тот год, вроде, Гагарин в космос полетел?

— Вот в честь этого и отменили.

Местом рождения Дмитрия Андреевича была деревенька Сигеевка Мошевской волости, Климовичского уезда, Могилевской губернии Белоруссии. По преданию, деревеньку основали в XVIII века беглые крепостные — Симук¹ и Серяк. От них и пошли Симуковы и Серяковы из тех мест. Главой этого Симуковского клана был Мина Симуков (это уж где-то конец XVIII века) — мой прапрадед, у которого была огромная семья.

Учиться Дмитрий Андреевич начал у деревенского дьячка, и тот однажды, вкусив хорошенько самогона, заявил: "Кажуть, земля наша круглая... Брежут сукины дети, не может того быть! Люди бы с нее все посваливались бы!" (Об этом рассказал мне папа. Говоря по правде, что-то в тех словах дьячка меня привлекает...)

В 1884 году дед окончил Могилевскую гимназию. Судя по фото, сделанным уже в зрелом возрасте, он был здоровяк, в нем чувствовалась сила. Папа говорил, что стоило его отцу ухватить кого-нибудь за плечо в драке, которые были в те времена своеобразным развлечением молодежи, как поддевка трещала, и рукав оставался у деда в руке.

Не чуждо деду было и гимназическое озорство. Однажды, во время традиционного боя с мещанами (то есть городской молодежью) на льду Днепра, классный надзиратель, стремясь прекратить побоище, кинулся к своим галошам, чтобы бежать к месту схватки. Всунув в них ноги, он беспомощно начал топтаться на месте: гимназисты (и дед в их числе) накрепко прибили галоши к полу.

После окончания гимназии дед в том же году поступил на историко-философский факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. По его рассказам папе взамен модных пледов, следуя традициям демократического студенчества, дед накидывал на плечи простое одеяло, в руках дубинка, на голове — широкополая шляпа. Предтеча битников середины 50-х или "хиппи" 60-х годов XX века?..

В аттестате Дмитрия Андреевича об окончании университета показаны его успехи. В философии, русской истории, всеобщей истории, общем языкознании, греческой литературе, истории церкви, богословии, немецком языке — отличные; в латинском языке, древней истории, римской литературе — хорошие; и в древнегреческом языке — "достаточные". За эти успехи факультет, по представлении диссертации, признал его достойным ученой степени Кандидата: "Посему предоставляются Симукову все права и преимущества со степенью Кандидата соединяемые"...

¹ СИМУКОВ, СИМУКОВЫХ. В Чердыни гулящей человек Мишка Симуков Нижегородец, 1682. РСЧ, 4, 50 об.; Чердынец Ивашка Симуков, 1688. РСЧ, 10, 26 об.; Житель Покчинского стана Офон(ь)ка Симуковых, 1683. РСЧ, 5, 25. Ф. Согласно *Энциклопедии русских фамилий* ("ЭКСМО-Пресс", 2000.) фамилия *Симуков* происходит от крестильного имени *Симон* — внимающий (*др.евр.*). От этого имени произошли также фамилии *Симагин* *Симаков*, *Симарев*, *Симов*, *Симонин*, *Симулин*, *Симушин*.

Российская империя свои законы не только знала, но и неукоснительно исполняла. Звание Кандидата выводило из крестьянского сословия, уравнивало в правах с имеющими личное дворянство... Кандидата не могли уже по приговору волостного суда высечь в волостном правлении. Аттестат деда, а по-нынешнему диплом, отпечатан на пергаменте. Осталось так и не выясненным, почему он, окончивший историко-филологический факультет, пошел в дальнейшем по финансовой части. В справочнике "Санкт-Петербург" за 1901 год на странице 526 о деде говорится так: "Симуков Дмитрий Андреевич, кв.: Моховая, 11; чиновник Особой Канцелярии по Кредитам Министерства финансов; Секретарь общества попечения о бедных и больных детях". Звучит солидно.

Первое знакомство папиных родителей произошло в 1900 году в библиотеке Министерства финансов, где бабушка тогда работала, а дед был служащим этого министерства. Деду было тридцать восемь, бабушке — двадцать пять лет. Бабушкина сестра Ольга отнеслась к этому союзу как явному мезальянсу: избранник хоть и служил в Министерстве финансов, но родом был из далекой белорусской деревеньки. При всех положительных чертах характера, у деда, по словам моего папы, был один крупный недостаток: он был игроком и играл до самозабвения. В папиной детской памяти сохранилась унижительная сцена описи имущества за карточные долги. К 1915 году страсти отбушевали, и Дмитрий Андреевич с пагубной привычкой расстался окончательно.

Венчал папиных родителей 6 июля 1901 года отец Георгий Гапон, в ту пору хороший знакомый Дмитрия Андреевича¹. Гапон же крестил бабушкиного первенца, папиного старшего брата Андрея в 1902 году. Папа родился в 1904 году, а в 1905 году появилась на свет и их младшая сестра Александра, Алечка.

Когда разразилась Первая мировая война, российское правительство все глубже и глубже залезало в долги. Дмитрий Андреевич, уже как чиновник Комиссии погашения государственных долгов того же Министерства финансов, ездил в Англию платить долги Российской империи лондонскому банкиру Ротшильду. Дело было опасное: поездки совершались через Швецию, а потом нужно было добираться морем. Каждую минуту могла появиться немецкая подводная лодка, судно могло напороться на мину. Но долги надо было платить. В руках у деда по обыкновению был саквояж с ценными бумагами российской империи, а под ними, на самом дне лежал револьвер. Слабая, надо сказать, защита от подводных лодок, не говоря уже о личной охране. Да еще пока этот револьвер, не дай Бог, придется пускать в дело... Ротшильд же деду, официальному лицу Министерства финансов, представителю Российской империи, при встрече милостиво протягивал два пальца...

К Пасхе 1917 года деду был обещан чин действительного статского советника². Это давало определенные социальные блага и льготы: соответствующий оклад, казенную квартиру,

¹ Отец Георгий, вошедший в нашу историю под именем "попа Гапона", повел многотысячную безоружную толпу рабочих к Зимнему дворцу в знаменитое "кровавое воскресенье" 9-го января 1905 года. Они, несшие портреты царя, с пением гимна, с надеждой на близкое чудо — разговором с царем, были расстреляны по приказу генерала Трепова. Так закладывалась основа для революций 1905 и 1917 годов.

² Действительный статский советник — в России до 1917 года гражданский чин IV класса; давал потомственное дворянство. Соответствовал чину генерал-майора в армии и контр-адмирала — на флоте. Лица, его имевшие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор, градоначальник и т.п.)

обращение "Ваше превосходительство" и многое другое, не говоря уже о самом главном — праве на потомственное дворянство. Если бы не его пагубная страсть — карты, дед гораздо раньше получил бы этот чин. Но тут грянула Февральская революция, а затем и большевистский переворот. А минуя Россию все эти печали, так и я тоже, через деда и потом моего отца мог бы быть причислен к потомственным дворянам... Как говорится, пустячок (особенно сегодня) — а приятно! Но история сослагательных наклонений не знает, не так ли?

В 1918 году моя бабушка, столкнувшись с голодом в Петрограде и прелестями "новой" жизни, увезла троих своих детей от греха подальше на историческую родину мужа в ту самую далекую деревню Сигеевку. Позже туда приехал и Дмитрий Андреевич.

По мнению родственников, бабушкина затея граничила с безумием: учительница гимназии из Петербурга с тремя детьми едет крестьянствовать. Утопическое народничество, и ничего более. А у деда, вероятно, была затаенная мечта исконного земледельца — взяться за хозяйство всем вместе с его деревенскими родственниками и такой дружной семьей хозяйствовать на земле. Сам же он спокойный и мудрый, возглавляя эту семейную артель как их предок Мина Симуков, будет уверенной рукой направлять дела...

До революции популярность деда в его родной деревне и окрестностях была очень велика: как же, свой, деревенский — и в таких чинах, в самом Петербурге! Моему папе, уже когда он подросток, как-то раз простая, неграмотная баба сказала:

— Кажуть, ваш папочка был большей начальник! — И прибавила, со значением: — Кажуть, йон был старшей городской!

Вот это понятие о рангах!

По приезду же в деревню деду дали возможность работать в местном сельпо — счетоводом. Это после визитов к самому Ротшильду! Такое "снижение жанра" односельчанами было встречено без особой деликатности. Легендарная личность, которой поклонялись, когда он был аж в самом Петербурге, превратился в представителя разбитой империи и, быть может, даже в одного из виновников ее падения. Отсюда и их отношение к Дмитрию Андреевичу — неудачник. Скончался он в январе 1922 года.

Но, как ни странно, упорство в достижении цели, трудолюбие, способность к обучению и приспособляемость к жизни в предложенных обстоятельствах, то есть все эти качества, которые были присущи семье Миллеров, в полной мере были унаследованы и самой бабушкой и ее детьми. Бабушка стала учительствовать, ее не подкосила даже скорая смерть мужа, а ее дети — 16-летний Андрей, 14-летний Алексей (мой папа) и 13-летняя Александра по-настоящему занимались крестьянским трудом — пахали, сеяли, жали. Тем и спаслись. И не только выжили, но и на всю жизнь полюбили крестьянский труд, возвысивший их в их собственных глазах.

Уехал папа из Сигеевки вслед за старшим братом и сестрой в 1925 году. А уже летом 1927 года он вновь приехал сюда вместе со своим другом Ефимом Гольбергом и двумя другими приятелями по АХРРовским курсам живописи. Друзья писали на пленэре разные этюды, а папа написал даже две картины маслом, изображавших их усадьбу. Эти картины и сегодня украшают нашу квартиру.

Последний раз в Сигеевке папа был в 1955 году, спустя почти тридцать лет после поездки туда с друзьями. И вновь его сопровождала целая команда: мама, папина сестра Аля и я.

Из Москвы мы выехали на нашей "Победе" рано утром по Симферопольскому шоссе и, проехав Тулу и Орел, повернули на Брянск. Путешествие было для меня, девятилетнего, довольно утомительным, но разнообразие впечатлений с лихвой восполняло усталость. До сих

пор помню как, остановившись на непродолжительный отдых, вдоль шоссе в лесозащитной полосе мы наткнулись на огромное количество превосходных подосиновиков.

Когда уже стемнело, нам встретился табун лошадей, которых куда-то перегоняли белорусские ковбои. В темноте раздавался только глухой топот копыт, фыркание, да лучи фар выхватывали жутковато загоравшиеся огромные лошадиные глаза. А тут еще и лес из высоченных сосен, поднимавшихся стеной вдоль дороги на городок Сураж. Впрочем, дорогой это можно было назвать с большим трудом. Мы ехали, увязая в глубоких песчаных колеях, подпрыгивая на корнях деревьев, пересекавших дорогу, а по бокам все тянулся тот мрачный сосновый лес. Чем-то он напоминал мне иллюстрации Билибина со страшной Бабой-Ягой. Как сейчас помню, что я даже зажмурился от охватившего меня ужаса и все спрашивал: "Уже кончился?"

А вот моя тетя радовалась. Оказывается, она, будучи ученицей суражской школы, участвовала в начале 20-х годов в общественном мероприятии — торжественном озеленении суражских песков и своими руками сажала этот лес на голых песчаниках вокруг города. Кто бы мог подумать, что за те тридцать с небольшим лет здесь поднимутся и будут шуметь такие огромные сосны.

Потом нам встретилась пара зайчишек. Они играли друг с другом на дороге так, будто бы по ней никто не ездил!

После двадцати шести часов путешествия из Москвы, в два часа ночи мы въехали в Сигеевку.

Я не буду подробно останавливаться на своих впечатлениях от этого путешествия на папину, а, соответственно, и мою историческую родину. В памяти удержались лишь отдельные моменты. Так, мне, городскому мальчику, было непривычно есть на завтрак кусок огромной яичницы со шкворчащим салом и огромным ломтем хлеба. И никакого кофе или даже чая. Если бы не несколько бутылок "Нарзана", припасенные мамой, мне было бы худо. Вообще яичница с салом была наиболее частым блюдом в деревенских домах. А вот домашняя солоноватая сырокопченая ветчина мне очень понравилась.

В деревне я почувствовал невероятную свободу и собственную "значимость" у местных мальчишек — городской! Они засыпали меня вопросами, из которых помню только один: "А у вас в Москве коровы по улицам ходят?"

Ходил я, куда хотел. Никаких тебе машин вокруг, только одна живность. Мне разрешили одному управлять лошадью, запряженной в мажару (род телеги с бортами). И я со вкусом произносил всякие "тпр-у-у-у" и "но-о-о!" натягивая вожжи. Лошадь все это безропотно терпела. Но однажды мне тонко отомстила: я зазевался, а она зашла в поле, благоухавшее цветущей гречихой! Как я жалел, что у лошади нет задней скорости, чтобы, не маяв посевы, вернуться на дорогу по своей же колее! Но пришлось давать большого кругалю, чтобы выбраться. Смущен я был до крайности.

Поразила меня деревенская "механизация": колодец-"журавль" и приспособление для выкачки меда из сот. Впервые я видел большие конические шестеренки, вырезанные из дерева, которые, при вращении рукоятки, приводили в движение вертушку с рамками сот, насаженную на вертикальный вал внутри большой деревянной кадки. Под действием центробежной силы мед вытекал из сот и скапливался на дне бочки, а пустые восковые соты вновь устанавливались в ульях.

Мы посетили могилу деда. Крест на ней совсем подгнил, и по просьбе папы деревенские умельцы изготовили новый из дубовых брусьев, лежавших "про запас" на чьем-то дворе.

Вот такой осталась в моей памяти Сигеевка.

Намереваясь отослать книгу папиных воспоминаний потомкам его односельчан в Сигеевку, я предварительно позвонил в райисполком в городке Костюковичи, который является райцентром тех мест, чтобы узнать точный адрес деревеньки. В райисполкоме долго мялись, а потом сослались на проходившие в свое время процессы "слиянии и укрупнения" деревень. Я понял, что Сигеевки, скорее всего, не больше не существует, особенно учитывая последствия Чернобыльской катастрофы...

Книгу я отправил райисполкомовцам. Они прислали письмо с благодарностью.

Безмятежное детство и превратности судеб людских

Семья папы жила на Петроградской стороне, на Покровской улице, дом 26. Хотя жизнь их была совсем не роскошной, как он мне рассказывал, она хранила главное богатство — была деятельной, наполненной смыслом и интересом. Работали и отец и мать, и дети чувствовали, что блага вокруг них создаются их трудом. Все шло по строго установленному порядку, подчиняясь привычной дисциплине. "Man muß!" — говорила фрейлин Цецилия Яковлевна Кралиш, немка из Риги, следившая за воспитанием маленьких Андрея, Александры и Алеши Симуковых. По-русски это переводится одним словом — "Надо!" И все.

Дети учились, и учились хорошо. Старший брат папы Андрей был весь в природе. Его дневниковые записи полны рассказами об "Обществе любителей природы", которое он организовал со своими товарищами. Кроме того, он был одним из руководителей скаутов в своем районе. Мой же папа уже в ранние годы писал пьесы и тут же ставил их, приглашая в зрители лишь свою сестру Алю, а иногда и их фрейлин Цецилию.

Папа с Андреем много читали: куда бы братья ни приходили — тотчас утыкались в книги. Эту тягу к чтению полностью унаследовал и я: когда родители брали меня в детстве в гости к родственникам или друзьям, я тут же вцеплялся в какую-нибудь интересную книгу и переставал существовать для общества. Все были довольны.

Помимо книг братья читали журналы. Для детей выписывались (по возрасту) сперва "Светлячок", потом "Путеводный огонек", потом "Задушевное слово". Папа с Андреем немного пофыркивали на "Слово", считая его сентиментальным, "девчоночьим" — для младшей сестры Али, но читали его весьма исправно.

Летом детей вывозили на съемную дачу в Разлив. Папа вспоминал, как однажды всей семьей они поехали на пикник. Сперва катались на лодках, но на озере была большая волна, и отец, сидевший на веслах, вскоре устал. Сойдя на берег, они развели костер, стали готовить еду, и тут-то выяснилось, что вместо соли Дмитрий Андреевич захватил из дома сахар! "Знали бы мы тогда, — не переставал удивляться мой папа, — что в этих местах впоследствии будет скрываться Ленин с Зиновьевым! И главное, до сих пор неизвестно — не ошибся ли и Ленин, подобно твоему деду, готовя свое революционное варево и перепутав соль с сахаром?"

1915 год. Шла страшная, истребительная война, но дети, по словам папы, ее мало ощущали. Вскоре они даже свыклись с ней, с госпиталями, где сестрами милосердия работали их старшие двоюродные сестры и незамужние тетки, с видом раненых на улицах. Это уже становилось бытом. Но вот праздник, который устроили в тот год для детей Алексей Яковлевич Миллер — "Полицейский крючок" — и его жена Вера Ивановна, папе запомнился на всю жизнь.

Большая квартира окнами на Неву. Гром музыки, шум гостей. Как младшие, папа с Андреем не танцевали, их больше занимали маскарадные костюмы. Папа был одет рыцарем. Причем он требовал от своей мамы, чтобы его костюм строго соответствовал бы XII веку, и никак не позднее: шлем — строгий, конический, без гребня, без забрала. Плащ из лиловой

материи с тремя желтыми леопардами на груди — чуть ниже колен. Все это одеяние дополнялось мечом на простой перевязи. Обличьем папин герой должен был походить на Айвенго, который только что вернулся из похода в Святую землю.

Папина сестра Аля была одета русской боярышней, Андрей — былинным богатырем. Двоюродный брат папы Женья, влюбленный в свою кузину Катю Миллер, искусный рукоделец, сделал для нее костюм Жанны д'Арк: роскошные серебряные латы с большими страусовыми перьями на шлеме. Распорядителем всего этого великолепия был папин двоюродный брат Андрей — "Дюка", в то время студент Военно-медицинской академии.

Мог ли кто-нибудь из участников того детского счастливого праздника представить себе свою дальнейшую судьбу? Ведь тот же Дюка, Андрей Витальевич, в будущем блестящий военврач 1-го ранга, окажется спустя месяц после начала Великой Отечественной войны в камере смертников в Норильске, вместо того, чтобы возвращать в строй наших бойцов на фронте ... От смерти Андрея Витальевича спасло чудо: он сделал операцию маленькому сыну начальника лагеря, и расстрел ему заменили десятью годами ГУЛАГа.

Или папин другой двоюродный брат Евгений Андреевич, сын Андрея Яковлевича Миллера, того самого "маленького африканца", что служил на "Корейце" Он станет участником гражданской войны на стороне красных, проявит себя как выдающийся конструктор по реактивным двигателям, будет одним из лучших выпускников Артиллерийской академии. Потом последуют работа в Главном артиллерийском управлении и долгие девятнадцать лет в заключении и ссылке в Сибири по ложному доносу.

И, наконец, судьба папиного старшего брата Андрея, о котором я расскажу в последней главе...

За что пострадали все мои родственники, как и миллионы других безвинных людей, пущенных под нож кровавым сталинским режимом? Таланты, умницы, граждане своей Родины... Или это было мстостью за то, что они отличались от "класса-гегемона", пришедшего к власти? А те, кто этому классу принадлежал? Чем, скажите, угрожала Сталину неграмотная деревенская женщина, о которой я прочел в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной, брошенная в концлагерь только за то, что она нянчила маленького внука Льва Троцкого?!¹

В поисках каких-то уточняющих сведений, касающихся фамилии "Симуков" (так я нашел, например, год окончания Могилевской гимназии моим дедом), я вдруг натолкнулся на раздел "Реабилитированные жертвы политических репрессий", размещенный на официальном сайте Правительства Вологодской области². В глазах зарябило от Симуковых, и это только в одной Вологодчине! — Симуков Иван, Симуков Павел, Симуков Яков, Симукова Акси́нья, Симукова Прасковья... Нет, эти люди, погибшие от рук сталинских палачей, не были моими родственниками — просто однофамильцы. Да, они мне близки, они были нашими, простыми гражданами страны Советов, которых объединяла "единая семья народов"...

И по сей день руководство моей страны пытается всячески уйти от нелिцеприятной оценки того ужасного прошлого. Значит, оно разделяет его, поскольку провозгласило себя правопреемником СССР?..

¹ Анна Ларина <Бухарина> "Незабываемое", АПН, М., 1989, с 226

² Сайт: www.vologda-oblast.ru

Мой папа

Мой папа появился на свет 30 марта 1904 года в Петербурге на Бармалеевой улице¹. Учебу он начал в 3-й петербургской классической гимназии, единственной, где сохранился, кроме преподавания латинского языка, еще и древнегреческий. В 1923 году их гимназия отпраздновала свое столетие. Путь в нее лежал мимо Летнего сада с памятником Ивану Андреевичу Крылову работы скульптора Клодта. К Крылову у папы было особое чувство: он получал Крыловскую стипендию. А это означало следующее: освобождение от платы за учение, бесплатный пошив гимназической формы и шинели, бесплатные учебники и ежедневные завтраки. Серьезная была стипендия.

Как я уже говорил, летом 1918 года бабушка с детьми уехала из революционного Петрограда в Сигеевку. Когда стал вопрос о продолжении образования (все дети окончили среднюю школу в близлежащем городке Сураже), то в начале 20-х годов они один за другим уехали в Москву: сперва Андрей, потом Аля, а потом и мой папа, а бабушка продолжала учительствовать в деревне вплоть до 1930 года.

Из Сигеевки в Москву папа перебрался в 1925 году. Здесь его приютил у себя Алексей Яковлевич Миллер, его дядя, который занимал со своей женой комнату в особнячке в Хрущевском переулке.

Поскольку у папы были ярко выраженные способности к рисованию, он решил пойти по "художнической" части. Первоначально он нацелился во ВХУТЕМАС², но понял, что дело может не выгореть: "социально неполноценен" — сын царского чиновника! (А моя мама, помните? — дочь "лишенца"! Вот так было...)

Тогда папа нашел некие курсы прикладного искусства, созданные, благодаря НЭПу, коллективом преподавателей. На них принимали молодежь, не интересуясь ее социальным происхождением. Занятия проходили в Дегтярном переулке на квартире у руководительницы этих курсов. Это буквально в нескольких сотнях метров от нашего нынешнего дома, в котором мы поселились в 1953 году!

Папа быстро перезнакомился со своими сокурсниками. С некоторыми из них, в частности, с Ефимом Гольбергом, он дружил всю жизнь. Позже папин друг станет известным писателем-"деревенщиком" Дорошем, будет работать в редколлегии журнала "Новый мир" еще при Твардовском.

Папина сестра Аля издевалась над "шедеврами" творческой молодежи на этих курсах. Она говорила, что хорошие вещи они делали годными разве что для помойки. Но все-таки курсы что-то давали, поскольку ими интересовались в "высших" инстанциях. Папа рассказывал, что однажды его послали встретить и "ввести в курс дел" саму Ольгу Давыдовну Каменеву, сестру Троцкого и жену Каменева. Она приезжала тогда знакомиться с этими курсами и осталась довольна увиденным.

¹ Улица названа Бармалеевой во второй половине XVIII века по фамилии домовладельца. По одной версии, купец Бармалеев держал здесь склады ещё в начале царствования Екатерины Великой. По другой, улица названа в конце XVIII века по фамилии майора или подполковника Степана Бармалеева. А еще существует и часто упоминается такая версия: название произошло от искажённой фамилии переселенца из Англии Бромлея — Бромлеева улица, но это так называемая "народная этимология", которая не находит подтверждения в исторических документах. Название улицы послужило основой для создания художником М. В. Добужинским образа страшного разбойника Бармалея, ставшего героем одноимённой сказки Чуковского.

² ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские.

В 1928 году папа с Ефимом Гольбергом поступили в настоящее художественное училище: курсы АХРРа — Ассоциации художников революционной России. Начались занятия в мастерской "бубновалетца"¹ И.Машкова.

Следует сказать несколько слов об этой Ассоциации, при которой были созданы Центральные художественные курсы. Она зародилась в начале 1922 года на рубеже перехода страны от гражданской войны к миру, а прекратила свое существование в 1932 года в результате постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 "О перестройке литературно-художественных организаций" и создания единых творческих союзов. Атмосфера в АХРРе поначалу характеризовалась острым столкновением сторонников "реалистического" и формалистического" направлений в искусстве, что делало ее притягательным центром для молодежи, потянувшейся в столицу за образованием. Я думаю, что папе крупно повезло: он занимался на этих курсах в период их расцвета, когда еще не была задущена свобода творчества, когда еще велись яростные споры о будущем искусства нашей страны.

Позже, когда пришла пора окончательно определиться — кисть или перо? — папа вернулся к своему любимому с детства занятию — писать рассказы, пьесы, скетчи, очерки. Он сотрудничал с журналами "Колхозник" и "Крестьянка" и ездил по городам и весям по заданиям этих журналов. Его заметил Максим Горький и дал в 1934 году рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР. К сожалению, рекомендация та затерялась в бюрократической бумажной круговерти, и уже во время войны папу как бы заново и вне всякой связи с Горьким приняли в члены Союза в 1943 году.

В 1938-41 гг. папа учился заочно в Литинституте им. А.М.Горького, но, не выдержав "пытток" лингвистикой, которую им читали в институте, оставил учебу после третьего года обучения. А тут и война началась...

В армию папу не призвали из-за слабого зрения, но он старался своим пером работать на общую победу. Так, он написал ряд прозаических сказок, которые были тепло встречены фронтовиками. У папы в архиве хранилось письмо с фронта от одного армейского капитана. Тот благодарил папу за его труд и сообщал, что завоевал большую популярность у себя в части, а потом и в армии, читая папину сказку "Ветка ивы". Она была напечатана в журнале "Красноармеец" в 1943 году. А в 1945 году папа написал патриотическую пьесу-сказку "Земля родная". Там в качестве носителей Зла выведены Герцог Железное Сердце и Рогатые — прямая аллюзия на фашистов.

Карьера папы как драматурга началась с разгромного "подвала" в партийном официозе "Правда", озаглавленного "Позор и бесстыдство". Так встретила "партийная" критика его первый драматический опыт. Причем разгром тот был чисто идеологическим, литературной

¹"Бубновый валет" — группа русских живописцев-авангардистов, оформившаяся в 1910—1912 на базе одноименной московской выставки 1910; на следующий год преобразовалась в общество с собственным уставом. Наиболее характерные из "бубновалетцев" — П.П.Кончаловский, А.В.Куприн, А.В.Лентулов, И.И.Машков, А.А.Осмеркин, В.В.Рожественский, Р.Р.Фальк.

Илья Иванович Машков — русский и советский художник, один из основателей объединения «Бубновый валет», участник объединения «Мир искусства». Его работы выставлены в Третьяковской галерее в Москве и в Русском музее в Петербурге. В 2013 году его «Натюрморт с фруктами» был продан на аукционе Christie's за 7,25 млн долларов.

Курьезный случай произошел в феврале 2016 гоода в волгоградском Музее изобразительных искусств. Дирекция музея подготовила иск против одной посетительницы об «оскорблении чести и достоинства уважаемого государственного учреждения». Женщина сообщила в областную администрацию, что в холле музея висит огромный портрет Адольфа Гитлера, и потребовала наказать руководство культурного учреждения. Позже выяснилось, что она не узнала на портрете художника Илью Машкова, имя которого носит волгоградский музей...

критикой в нем и не пахло. К счастью, после этого пушечного выстрела не последовало более серьезных "оргвыводов" — папу не арестовали, что по тем временам было бы совершенно обыденным делом.

А ведь всего лишь через тринадцать лет в той же "Правде" от 28 января 1949 г. в статье "Об одной антипатриотической группе театральных критиков", послужившей, кстати, сигналом к развертыванию неслыханной антисемитской кампании на государственном уровне, встретятся и такие "перлы":

"<...> Полна издевательств его [имярек — Д.С.] статья, где он язвит по поводу...

<...> Выписывая убогие каракули, пытаюсь придать им вид наукообразия, критик гнусно хихикает...

<...> И этот свой вредный, облеченный в заумную форму бред он пытается выдать за критику...

<...> Нет, здесь не только скрытая, но и явная борьба против стремления изобразить цельный, всепобеждающий характер советского человека.

<...> Мы не можем не заклеить этой попытки оболгать национальный, советский характер...

<...> Однако люди, зараженные пережитками буржуазной идеологии, пытаются еще кое-где отравлять здоровую творческую атмосферу советского искусства своим тлетворным духом..."

Такое никому нельзя забывать. Наша история знает немало примеров уродливого повторения самого себя.

К счастью, вскоре Фортуна папе улыбнулась. Пришел успех с его пьесой "Свадьба", поставленной в 1936 году Ленинграде у Николая Акимов в Театре комедии.

Парадокс: папа так и не вступил в члены КПСС, как бы туда его ни затаскивали. — "Мне достаточно того, что я уже являюсь марксистом-мистиком", — шутливо отбояривался он в ответ на очередное предложение и хохотал в душе, видя выражение лица партийных функционеров, ошарашенных таким признанием. Забавно, но до папы однажды дошли слухи, что кого-то убеждали вступить в партию при помощи такого "железного" (и полностью лживого!) аргумента: "А вот Симуков уже вступил!"

И — только у нас может быть такое! — несмотря на папину беспартийность в 1949 году Союз писателей послал его учиться в вечерний институт марксизма-ленинизма, да еще за эту учебу ему и платить пришлось из собственного кармана!

Государство все же нашло способ припомнить папе его убеждения: за всю свою жизнь он не получил ни единой правительственной награды.

Папины другие пьесы в большинстве своем были веселыми, жизнерадостными комедиями, как, например, "Солнечный дом, или Капитан в отставке" (1947 г.; в этом спектакле роль Клавдия играл, в частности, и Иннокентий Смоктуновский, когда начинал свою актерскую карьеру). В пьесе "Воробьевы горы" (1949) о выпускниках школы ставились серьезные морально-этические проблемы молодого поколения. Пьеса "Девушки-красавицы" (1952), ставшая звездным часом в его творчестве, была посвящена заводской молодежи.

Все серьезные общественно-значимые темы в пьесах подавались папой легко, зачастую через юмор, без менторской назидательности, чем сильно грешила советская драматургия тех времен. Папа написал также еще одну пьесу-сказку для детского театра — "Семь

волшебников"(1951) и ряд других пьес. Они ставились многими театрами Москвы и широко шли по всей стране.

Виктор Сергеевич Розов, выступая в ЦДРИ на праздновании папиного 90-летия в 1994 году, отметил, что "Симуков, конечно, явился нашим предтечей, сделав довольно резкое движение, приблизив все к человеку...", имея в виду поколение "новой волны" в отечественной драматургии, к которой принадлежал он сам.

Папа стал также автором сценария киносказки "Волшебное зерно" (1941), сценариев кинофильмов "Челкаш" (1957, по одноименному рассказу М.Горького), "По ту сторону" (1958, по одноименному роману В.Кина. Фильм обрел широкую известность еще и потому, что специально для него была написана А.Пахмутовой на стихи Л.Ошанина "Песня о тревожной молодости", ставшая любимой многими поколениями), "По Руси" (1968, по ранним рассказам М.Горького), "Это сильнее меня" (1974, по его оригинальному сценарию) и "Поздняя ягода" (1979).

Папа мне много рассказывал о своем первом фильме — "Волшебное зерно". Главными героями этой первой советской киносказки (таков ныне официальный ее статус) были дети — Марийка и Андрейка, Дед Всевед, Мастер На Все Руки, злой волшебник Кара-Мор, его слуги Живоглот и Долгоносики. Живоглота играл Сергей Мартинсон, которого я хорошо знал по фильму "Подвиг разведчика".

По сценарию в фильме должны были участвовать сорока и кот, и папа хотел, чтобы они были настоящими. А раз так, то с ними мог справиться только профессиональный дрессировщик. Папа рассказывал, что было очень трудно заставить кота потянуться, когда это требовалось по ходу действия. Но дрессировщик нашел выход: он загонял кота его в узкий ящик, а потом выпускал, и тот блаженно потягивался. При этом дрессировщик долго всем рассказывал, что главное в его профессии — хладнокровие и выдержка. И вдруг в тот момент ему сообщили, что его сорока вылетела из клетки! Папа очень живо показывал мне реакцию бедного дрессировщика, только что разглагольствовавшего о хладнокровии и выдержке. Теперь он в отчаянии рвал на себе волосы и, заламывая руки, отчаянно заклинал всех помочь ему поймать негодную птицу, которая радостно носилась по необъятному мосфильмовскому павильону.

Картина была закончена в конце 1941 года уже в Алма-Ате, куда эвакуировался Мосфильм, и одна копия фильма была привезена в Ташкент, где в то время жила в эвакуации мама с Олей. Мама мне рассказывала, что Оля собрала тогда весь свой класс на просмотр папиного фильма в маленьком одноэтажном кинотеатрике, сама по-хозяйски уселась в первый ряд и горделиво поглядывала по сторонам, будто она сама этот фильм и сделала.

Мне всегда очень хотелось посмотреть тот папин фильм. И вот году в 1955-м, папа и мама повели меня в клуб МГУ, что находился тогда в здании на Большой Никитской. У входа висела афиша: "Фильм, несправедливо забытый". Это было "Волшебное зерно".

Как и моя сестра, я тоже уселся чуть ли не в первом ряду, весь преисполненный гордости — это же фильм моего папы! Дома потом я рисовал какие-то кадры из фильма — избу-развалюху, сороку. Злой волшебник Кара-Мор меня не привлекал — я был приверженцем светлого мироощущения. А вот любопытное приспособление — металлическое блюдо, свисавшее на трех цепочках с потолка, как керосиновая лампа, с несколькими кусками *колото* сахара, — меня заинтересовало: что это? На своем рисунке я его в точности воспроизвел и попросил папу объяснить, почему так странно хранится в избе сахар — он же пылится! И только тогда я узнал, что раньше были такие понятия — чай с сахаром "внакладку" (когда его

клали в стакан), чай с сахаром "вприкуску" (когда от твердешего куска "сахарной головы" откусывали маленький кусочек, рискуя сломать при этом зубы), и чай с сахаром "вприглядку" (когда на него, по бедности, только *смотрели*, и чай *казался* слаще).

С той поры нигде и никогда о папином "Волшебном зерне" ничего не было слышно. Когда он в середине 60-х поинтересовался о судьбе фильма, то из Мосфильма даже пришла официальная бумага: негатив и копии утрачены.

Ушел папа... ушла мама... И неожиданно, буквально сорок дней после ее кончины, я открываю телепрограмму и вижу: 1 мая 2002 года по каналу ТНТ будет показан фильм "Волшебное зерно"! Было полное ощущение, что мамочка там, высоко над нами, привела в порядок папино творческое хозяйство и послала своим детям и внукам такой вот свой привет...

Теперь папина первая советская киносказка "Волшебное зерно" существует и на VHS-кассетах и на DVD, и ее можно купить и на "Горбушке" и по Интернету. Я радуюсь.

В 40–50-е годы папа работал на киностудии "Союзмультфильм", в Министерстве кинематографии, в 60–70-е — в Министерстве культуры СССР (заместителем главного редактора Репертуарно-редакционной коллегии), долгие годы возглавлял на общественных началах Профессиональный комитет московских драматургов.

В 60–70-е годы папа много и плодотворно работал в области мультипликации. Он автор сценариев ряда мультипликационных фильмов по мотивам древнегреческой мифологии, вошедших в "золотой фонд" детских программ, которые постоянно транслируются по различным каналам телевидения: "Возвращение с Олимпа" (1969) — о Геракле, "Лабиринт" (1972) — о Тезее, "Аргонавты" (1972), "Персей" (1973) и "Прометей" (1974), а также сценариев мультфильмов "Ни в бога, ни в черта" (1965), "Как один мужик двух генералов прокормил" (1965, по М.Е.Салтыкову-Щедрину), "Добрыня Никитич" (1965.), "Мастер из Кламси" (1972, по "Кола Брюньону" Р.Роллана), "Садко богатый" (1975), "Сказка дедушки Айпо" (1976) по мотивам сказок народов Севера и "Летучий корабль" (1979).

Многие годы папа отдал Литературному институту им. А.М.Горького, в котором он вел семинар по проблемам современной драматургии, преподавал на Высших литературных курсах и выпестовал в 60-е годы целый ряд молодых драматургов, получивших из его рук "путевку в жизнь". Одним из таких студентов, в частности, был Александр Вампилов. О моем знакомстве с ним я еще расскажу.

А вот это стихотворение, которое папа слышал весной 1963 года на выпускных экзаменах в своем Литинституте, я не могу не привести. Его автор — Нина Новосельнова, заканчивавшая тогда Литинститут. Я считаю, что это стихотворение нужно читать детям в школе, его нужно включить во все антологии всех лучших стихов, посвященных Великой Отечественной войне:

Королевна.

Он стоял вечерами у наших ворот
И когда я из школы домой проходила,
Он сквозь зубы цедил: "Королевна идет", —
Тот мальчишка, которого я не любила.

Я боялась блестящих, прищуренных глаз.
Но, на камень коса — и, с характером споря,
Я и впрямь королевной вливала подчас
Под тяжелые серые своды подворья...

Дни летели за книгой и быстрым мячом,
И однажды, я с тайным злорадством открыла,
Что уже без насмешки встает за плечом
Тот мальчишка, которого я не любила.
Помню первый, войною завихренный год.
Кто не рвался на фронт, кто был сердцем спокоен?
По-походному собран, стоял у ворот
Не мальчишка — еще не обстрелянный воин.
На меня он глаза не решался поднять,
Все хотел закурить, и обламывал спички.
Только я ничего не сумела понять
И опять королевной прошла по привычке.
А потом я стояла одна у ворот
И впервые по взрослому грустно мне было,
Потому что теперь никогда не придет
Тот мальчишка, которого я не любила.

Стихи эти навсегда стали для меня Реквиемом по всем мальчишкам, не вернувшимся с той кровавой битвы. Моя дочь Люба сказала как-то, что когда ей, еще маленькой, дедушка читал это стихотворение, в его глазах стояли слезы. У меня — тоже.

Уже не так давно я узнал об этой замечательной поэтессе следующее: Нина Ивановна Новосельнова (1917–1999), родилась в Подмосковья, в начале войны ушла добровольцем на фронт. Была сержантом медицинской службы 1313-го полка 88-й стрелковой дивизии, потом работала диктором, вела агитационные передачи на немецком языке. Во время налета вражеской авиации получила тяжелую контузию и потеряла слух. Награждена медалью "За отвагу", орденом Отечественной войны II степени. Окончила Литературный институт. Была многолетним литконсультантом журнала "Жизнь глухих". Автор семи сборников стихов, член Союза писателей СССР.

Папа рассказывал мне и о таком эпизоде из своей творческой биографии. В 1949 году в один из вечеров около театра, где шли его "Воробьевы горы", остановился большой черный автомобиль. Из машины вышли Н.Михайлов, тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с женой и сыном, и два секретаря ЦК ВЛКСМ — А.Шелепин и В.Кочемасов. Они приехали смотреть спектакль. По тем временам это многое значило. После, когда высокопоставленные гости прощались с папой, выражая свое удовлетворение от спектакля и высказывая лестные оценки, жена Михайлова воскликнула: "Пить будем вместе!" Она имела в виду, исходя из этого разговора, что Сталинская премия папе уже обеспечена. Но...

И уже в 1950 году, о другой папиной пьесе Сергей Михалков в одном из официальных представлений, тоже высказался в том плане, что "сказка Симуква "Семь волшебников" обогащает репертуар советского театра для детей и поэтому может быть рассмотрена на соискание Сталинской премии за 1950 год". И опять что-то сорвалось. Но это так, к слову.

А вот о встрече папы с Шелепиным я мог бы и напомнить Александру Николаевичу, когда сам встречался с ним, работая в ВЦСПС. Может, и улыбнулся бы "Железный Шурик", припомнив тот спектакль.

Будучи в весьма преклонном возрасте — приближалось 90-летие! — папа в своем творчестве обратился к событиям глубокой старины, о которых даже академические научные труды содержат довольно скудный материал — к жизни франков VI века. Жизнеописание их королевы Брунгильды, ее трагической любви к Меровигу, принцу Нейстрийскому, в преломлении авторского видения делали все события того жестокого времени яркими, а образы — реальными и живыми, отнюдь не покрытыми патиной былых веков.

В те же годы им была написана небольшая историческая повесть в форме стилизованных дневников графини Марии Матвеевой, одной из наиболее близких Петру I женщин, жены его сподвижника Александра Румянцева. И вновь прекрасное чувство истории помогло папе осязательно воссоздать эпоху, быт, характеры того времени.

Все годы "тыловым обеспечением" папиного творчества была наша мама. Она полностью взяла на себя все хозяйственные и бытовые проблемы семьи, включая строительство дачи, воспитание детей, внуков, только чтобы ничто не мешало работе мужа. Вот уж к ней-то по праву можно отнести строки стихотворения Николая Заболоцкого:

"С утра он все пишет, да пишет
В неведомый труд погружен,
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здоровствовал он"¹.

В свои самые юные годы я, естественно, общался с папой, но это было, скорее, на уровне разовых каких-то диалогов, ситуаций. Ведь папа был все время занят, хоть и находился дома, рядом со мной. Он работал. Он писал. И ему нельзя было мешать.

Примером такого моего с ним общения может служить следующая зарисовка (рассказана мамой):

"Папа, памамаешь?" — (затем сокрушенно): "Апомамает папа..." ("Папа, понимаешь? — Не понимает папа...")

"Папа, воронь, воронь, деиська идет! У-у-у... проворонил!"

А вот это очень любопытный пример детского осмысления грамматической и лексической формы слова. Если есть глагол "проворонить", то есть "пропустить", "проглядеть", то, по детской логике, должен существовать и глагол "воронить" в повелительном наклонении, в смысле "смотри!" А уж "деиська" — это же "девочка"! Рано я начинал бояться не "проворонить" ту самую, единственную...

Вообще, как и каждый нормальный ребенок, я познавал родной язык через создание собственных слов и понятий. Например, "босячка" — собачка, "экимесинька" — скамеечка (нежно-то как!). В зоопарке я однажды обратил внимание родителей, что "гуминот ку-ку диде" ("Бегемот прячется в воде").

Мое же тесное общение с папой на "вербально-интеллектуальном" уровне началось, пожалуй, с того момента, когда он, если находил время, читал мне вслух книги. Вероятно, как и все Миллеры-Симуковы, он не очень-то умел общаться с маленькими детьми, не знал, как с ними нужно разговаривать, как играть. А вот через литературу, которая, как некий возрастной адаптер, работает и в ту и в другую сторону, ему это было делать легко. Но мне до той высокой планки нужно было прожить на свете еще целых шесть-семь лет.

¹ Стихотворение Н.Заболоцкого "Жена" (1948)

Тогда же папой была "изобретена", как в свое время и мамой, сказка-игра, которую можно было бесконечно продолжать. Теперь я понимаю, что папа просто следовал законам драматургии, которые он сам великолепно знал и умело применял в жизненных ситуациях. И, потом, он же был прекрасным драматургом-сказочником.

Папа ввел в свою сказку действующих лиц — двух медведей, Бурого и Белого, — и задал предлагаемые обстоятельства. В характерах этих персонажей, в происхождении, миропонимании уже был заложен драматургический конфликт: Белый никогда не встречался с пингвинами (как известно, они живут только на Южном полюсе, а он — на Северном), а Бурый прекрасно знал фауну средней полосы и пингвинов тоже в глаза не видел. И вот само знакомство двух друзей уже рождало интересный диалог, взаимопроникновение в мир каждого из них, возникала дружба.

А потом, случайно узнав, что в Южной Америке в джунглях развелось много ядовитых змей (я их терпеть не могу до сих пор!), они начинают думать, как помочь тамошним зверям избавиться от этой напасти. А кто в наших лесах бесстрашно противостоит змеям? Конечно же, ежи! И вот друзья начинают собирать ежей по окрестным лесам, затем грузят их на корабль, плывут по океану, начинается качка, ежи, свернувшиеся в клубки, падают с полок, катаются по всему кораблю, капитан в ярости... Бескрайнее море для детского воображения!

Видимо, это подвигло и меня попробовать свои силы в сказочном жанре. Но, к сожалению, из того опуса сохранилась лишь одна фраза, и то в памяти моей тети Али: "Злая ведьма тотчас стала кусать Юре уши". По-моему, эта сцена и сейчас должна внушать ужас!

Естественно, что и папино драматургическое творчество привлекало мое внимание. Это происходило еще и потому, что он, когда писал, тихо, "под нос" произносил с разной интонацией реплики своих героев, как бы проверяя их на слух. И я во втором классе тоже решил написать "пьесу". Конечно же, на военную тему — ведь прошло только десять лет, как окончилась Великая Отечественная. Вот этот мой первый (и последний) опыт в драматургии:

(Название пьесы почему-то отсутствует)

Действующие лица:

Ведущий.

Иванов — командир

Коля |

Вова |

Аркадий | солдаты

Алексей |

Саша |

* * *

Место действия — Сталинград

Время действия — война

* * *

Действие 1-е

Ведущий: Суровые были эти дни в Сталинграде. Изредка раздавались винтовочные выстрелы, трещали пулеметы.

Сцена 1-я

(Землянка. Стол, 4 скамейки. У стола сидят 5 солдат).

Коля: Вова, а как ты думаешь. Куда нас на разведку пошлют?

Вова: А черт его знает. Может быть за город куда.

Алексей: Нынче немцев везде полно.
 Аркадий: Придет командир, скажет. Чего раньше времени гадать.
 Саша: Только чтоб не на речку. Зачем мне мерзнуть?
 Аркадий: Нехорошо, Саша. Хочешь служить — служи, не хочешь служить — на печке лежи.
 Саша: Да я так, сказал, мне всё нипочем.
 (Занавес)

Действие 2-е

(Та же землянка, входит командир)

Иванов: Здорово, ребята!
 Коля: |
 Вова: |
 Аркадий: | Здравия желаем, товарищ командир!
 Алексей: |
 Саша: |
 Иванов: Получил я сегодня приказ выслать вас пятерых в разведку.
 Саша (не утерпев): За реку?
 Иванов: Нет, не за реку.
 Саша: А куда?
 Иванов: В разведку мы пойдем в одну деревню, здесь, рядом.
 Мы пойдем ночью. Ну, до свидания, ребята.
 Коля: |
 Вова: |
 Аркадий: | До свидания, товарищ командир!
 Алексей: |
 Саша: |
 (Командир уходит)
 Вова: Что я говорил!
 Саша: Ну, ты прав.
 Алексей: Ребята, тревога!
 (Все бегут на улицу)
 КОНЕЦ.

Вроде бы все законы драматургии соблюдены: определено и место действия, намечены характеры героев, и даже маленький конфликт угадывается (нежелание "мерзнуть"), и определенный патриотизм наличествует...

Но тогда папа не поддержал моих драматургических увлечений. Взамен он научил меня более важному умению — показал, как нужно чистить обувь, чтобы она сверкала, даже будучи старенькой. И не только научил, но и сумел внушить мне гордость за начищенные тобою же ботинки. Это осталось на всю жизнь.

Помню, увидев своего друга Павла, которого я пригласил на школьный вечер, в замызганных остроносых туфлях, я потребовал от него немедленно снять их, и сам принялся за чистку. Я брал ваксу, как художник, который берет краску с палитры, делает мазок, отходит от холста, любитесь им...

"Если тебя в будущем выгонят с работы, — смущенно-ехидно отозвался Павел, — то я за тебя спокоен: с таким талантом ты всегда найдешь себе место даже на любимой тобою Трафальгарской площади в Лондоне, не говоря уже о нашей Москве!"

Папа очень следил за собой. Он всегда был одет немного франтовато, то есть, скорее это одежда на нем сидела так, с его прямой осанкой, поджарой фигурой, пружинистой походкой. Когда я вырос, а папе было далеко за восемьдесят, он точно так же относился к своему внешнему виду. "Актер без ангажемента должен хорошо выглядеть", — преподавал он мне очередной урок в своей легкой ироничной манере.

Кстати, папа изобрел и нетривиальный способ "будения" ("бужения"?) меня по утрам, когда я не слышал будильника после тяжелых студенческих трудов. Он подходил к двери моей комнаты и через нее начинал разговор, который требовал осмысленных реплик с моей стороны. Я просто вынужден был продрать глаза и отвечать на них, одновременно судорожно всовывая ноги в брюки, чтобы бежать на троллейбус.

Как выяснилось позже, косвенно я присутствовал в папином "серьезном" творчестве. Цитирую его статью из "Литературной газеты":

"<...> И мне стало жалко, что рядом со мной нет моего восьмилетнего сына. Мне захотелось, чтобы первые слова, первые зрительные образы, первые мысли и чувства, связанные с великими событиями, положившими основу нашему обществу, он получил бы вот из таких добрых и строгих рук, чтобы героика его родного народа была воспринята им через радость, через теплую человеческую близость к героям событий, какую испытали мы все во время спектакля... Я обязательно выполню свое намерение, и мне кажется, что это движение души и есть самая искренняя, непосредственная оценка вахтанговского спектакля "Человек с ружьем."¹

Я долго пенял потом папе, что намерение-то он свое не выполнил, меня на тот спектакль не привел!

У папы было много интереснейших друзей и знакомых, которые любили бывать в нашем доме, стараниями мамы превращенном в "старую московскую квартиру".

Трогательные отношения дружбы связывали папу, в частности, с Алексеем Михайловичем Файко, нашим старейшим драматургом и киносценаристом (фильмы "Аэлита", "Папиросница от Моссельпрома", "Сердца четырех" и другие). Алексей Михайлович был одинок. Детей у него никогда не было, жена скончалась. Он очень любил, когда друзья приглашали его в гости. Являлся к нам он всегда подтянутым, в галстук-бабочке. Несмотря на свою полноту, он никогда не производил впечатления грузного человека. Вероятно, причиной тому была его необыкновенная живость характера, блистательные реплики, каламбуры. Чего стоил, например, такой: "Я к вам прибыл отдохнуть в семейной обстановке от коммунизма". Мою сестру, занимавшуюся историей эстрады в Институте искусствознания, он немедленно окрестил "кабаретологом". И вообще, находясь рядом с Файко, человек невольно заряжался его удивительным оптимизмом, ловил искорки его феерического юмора. За столом сидеть с ним было сплошным удовольствием: он невероятно "вкусно" ел, неторопливо опрокидывая рюмочку-другую водки. Как-то раз, прощаясь, Алексей Михайлович посетовал, что его "жизненные обстоятельства" в Нащокинском переулке не позволяют пригласить всех нас на "Файко'Клок".

¹ А.Симуков. "Сила большого искусства" (о спектакле в Академическом театре им.Е.Вахтангова "Человек с ружьем" по пьесе Н.Погодина — Д.С.) "Литературная газета", 12 февраля 1955 г.

Когда его дом был предназначен к сносу, Алексей Михайлович переехал в дом престарелых в Химки. Папа часто к нему туда ездил с домашними гостинцами, приготовленными мамой. Когда Файко переезжал, то ничего из своих вещей с собой не взял — все, что было ему наиболее дорого, что досталось еще от родителей, он раздаривал друзьям. Так, у нас в доме появилась старинная круглая мельхиоровая чайница для хранения чая, немного потемневшая от времени. С внутренней стороны крышечка чайницы снабжена пробковой прокладкой, чтобы как можно дольше сохранить аромат. Я пользуюсь этой чайницей и сегодня и, когда прикасаюсь к ней, представляю, что веду беседу с Алексеем Михайловичем во время того самого Файко'клока, на который он так и не смог нас пригласить давным-давно.

Подстать Алексею Михайловичу была Людмила Наумовна Давидович, с которой также дружил мой папа, а через него — и вся наша семья. В 20-е, 30-е и 40-е годы романсы и песни на слова Людмилы Наумовны — "Я возвращаю ваш портрет", "Играй, мой баян" и другие постоянно звучали с эстрады в исполнении Леонида Утесова, Клавдии Шульженко, Изабеллы Юрьевой. Ее юморески и скетчи исполняли Аркадий Райкин, Мария Миронова и Александр Менакер. Песни на ее слова писали композиторы Василий Соловьёв-Седой, Матвей Блантер, Никита Богословский.

Людмила Наумовна так же, как и Файко, ее большой друг, обладала искрометным юмором. Уже классическим стал ее рассказ о событиях 25 октября 1917 года. Он кочует из одних мемуаров в другие у людей, знавших Людмилу Наумовну, а я слышал его у нас в доме непосредственно из уст самой рассказчицы.

Дело было следующим образом. Юная Милочка Давидович была принята в театральную студию знаменитого петербургского артиста В.Н.Давыдова. Именно в тот день, на который Ленин назначил большевистский переворот, поскольку считал, что "вчера было еще рано, а завтра будет уже поздно", студийцев отправили в Зимний дворец сыграть комедию А.Н.Островского "Правда хорошо, а счастье лучше", чтобы порадовать охранявших дворец юнкеров. Окончание представления ознаменовалось не совсем обычным в таких случаях апофеозом — именно в тот момент грохнул исторический холостой залп с крейсера "Авроры".

Во избежание неожиданностей со стороны возбужденных революционных масс, труппу молодых актеров благодарные зрители задержали в Зимнем до полудня следующего дня и затем развезли по домам. Измучавшаяся от бессонной ночи и треволнений Милочкина мама кинулась к входной двери, когда раздался звонок: "Мила! — в отчаянии вскричала она. — Поклянись, что этого никогда больше не повторится!" Мила поклялась, и "это" не повторилось. Оно просто задержалось почти на 74 года.

Людмила Наумовна обожала подмечать какие-то забавные жизненные ситуации, словечки, интонации. Все это служило затем прекрасным материалом для ее эстрадных миниатюр, устных рассказов. Помню, она делилась своими впечатлениями от последней поездки в Одессу: "От вокзала я взяла такси, чтобы доехать до гостиницы. Молодой водитель, узнав, что я из Москвы, тут же превратился в доброжелательного гида: посмотрите налево, посмотрите направо... Вот мы проезжаем общежитие иностранных студентов (пауза). Там учатся наши братья-арабы (пауза). Лично я их считаю двоюродными".

Позвонив нам вскоре после того, как у меня родилась дочь, которую в честь бабушки назвали Любой, и узнав от меня об этом счастливом событии, Людмила Наумовна так отозвалась на него: "Есть в жизни одноЛюбы, а ты теперь будешь двуЛюб!" Я с радостью принял от нее это высокое для меня звание.

Со многими своими друзьями папа часто встречался и в Профессиональном комитете московских драматургов, председателем которого был многие годы. Профком объединял в свое время около 600 литераторов, работавших в разных литературных жанрах. В годы застоя Профком стал своеобразным "островком спасения", дававшим официальный статус литератора многим талантливым людям, остававшимся вне Союза писателей СССР и тем самым напрямую подпадавшим под статью Уголовного кодекса о "тунеядстве"¹.

Должен признаться, я до сих пор чувствую себя виноватым перед папой. Как-то в разговоре я попенял ему, что, вот, не работал он со мной, не приучал к своей профессии, как это делается во многих семьях. Папа попытался объяснить свою позицию тем, что я сам выбрал свою профессиональную стезю — языки. При этом он выглядел несколько обескураженным, если не сказать — огорченным.

Вскоре после того разговора он дал мне прочитать свой сценарий мультфильма "Персей" и попросил подумать, что в него можно было бы добавить, не меняя в принципе сюжетной линии. Чтобы дать мне какой-то ориентир для размышлений, он сослался на свою работу в конце 40-х годов на студии "Союзмультфильм" в качестве редактора. В то время мультфильмовцы буквально жили рассказами кинорежиссера Михаила Калатозова, который не так давно вернулся из командировки в Соединенные Штаты. Калатозов привез целый ворох новостей, касавшихся кинопроизводства, а также ряд технологических приемов, виденных им на студии Уолта Диснея. Рассказал он и об "ассамблеях", которые завел Дисней на своей фабрике.

Суть таких "ассамблей" заключалась в следующем. На них приглашались писатели, режиссеры, художники, просто бывалые, интересные люди, которые обсуждали очередной сценарий. За мысли, высказанные по улучшению сценария — по сюжету, или за то, что по их подсказке был найден удачный ход, трюк, острота, видеоряд — полагалась оплата, производившаяся тут же, "не отходя от кассы".

Было решено (при поддержке парткома!) завести такие "ассамблеи" и на "Союзмультфильме". (Вероятно, у дирекции студии существовал какой-то поощрительный фонд).

Папа предложил мне придумать какой-нибудь ход или "нечто" для его сценария. Основная идея — борьба Персея с Медузой-Горгоной: ведь кто на нее взглянет, сразу же каменеет. Задача была не из простых: весь фильм длится минут пятнадцать.

И вот я, как мне показалось, придумал. Я вспомнил из уроков школьной истории трагедию древнеримских городов Стабии, Геркуланума и Помпей, в одночасье уничтоженных раскаленным пеплом в результате извержения Везувия в 79 году н.э. Застигнутые этим ужасом люди в мгновение ока испарились, оставив после себя пустоты в толстом слое пепла. После археологических раскопок эти пустоты были залиты гипсом, и мир воочию увидел страшные скульптуры смерти — в самых жизненных позах, которые никакому Праксителю² и присниться не могли.

Вот эти-то "скульптуры" я и предложил папе ввести в мультфильм в качестве иллюстрации жертв Горгоны. Внимательно выслушав меня, он, не говоря ни слова, потянулся к бумажнику и вручил мне купюру в 25 рублей. "Это пойдет", — добавил папа, вспомнив, вероятно, былые

¹ Членами профкома были, в частности, Мария Арбатова, Анна Родионова, Нина Садур, Виктор Славкин, Вероника Долина, Лион Измайлов, Аркадий Инин, Виктор Мережко, Юлий Ким, Андрей Макаревич, Эдвард Радзинский, Виктория Токарева, Екатерина Уфимцева, Леонид Якубович и многие другие, ныне широко известные лица.

² Пракситель (4 в. до н.э.), древнегреческий скульптор.

"ассамблеи" на киностудии. К сведению читателей: наша институтская ежемесячная стипендия в ту пору была 28 рублей.

Эпизод с моими "скульптурами" длится на экране всего-то секунды две, но этим гонораром, выплаченным мне папой по "диснеевско-союзмультфильмовской схеме", я горжусь до сих пор.

Прошло несколько лет. И папа вновь попросил меня высказать мои мысли (он надеялся, что у меня таковые будут) по поводу только что законченных им размышлений о своей профессии драматурга. Я с удовольствием накинусь на новый для меня вид работы, и действительно что-то выдал относительно более упорядоченного выстраивания материала, его логической последовательности. Папа внимательно слушал.

Когда его записки "Мое ремесло" были опубликованы в 1987 году в альманахе "Современная драматургия", то я получил экземпляр с надписью: "Сыну — редактору". В тексте было учтено большинство моих предложений. Для меня это стало высшим признанием моих скромных усилий и определенным авансом на будущее. В тот момент ни папа, ни я сам не поняли, что всей своей жизнью, всем своим общением со мной он именно *передавал* мне свою любовь к литературе, к слову, и я все это с жадностью впитывал, только просто не представлялся конкретный случай воспользоваться этим багажом на деле. Так что мое бездумное обвинение было совершенно несправедливым.

Работая над папиными воспоминаниями, чтобы подготовить их к печати, я как бы продлил общение с ним, продолжал быть прилежным учеником, познающим великие тайнства стилистики русского языка.

В те дни я с удивлением и даже гордостью прочел у друга папы и всей нашей семьи, драматурга и режиссера Мирона Даниловича Рейделя, строки, которые он посвятил его памяти. Оказывается, папа повторил акт литературного мужества Гоголя. Николай Васильевич, поняв, что его юношеская поэма "Ганц Кюхельгартен", опубликованная под псевдонимом "В.Алов", ниже всякой критики, скупил все ее экземпляры и сжег их. Так и папа. Выслушав мнения Рейделя, с которым только что познакомился, о своей новой пьесе, папа выкупил в ВААП¹ весь ее тираж, готовый к отправке в театры, и уничтожил его. Через несколько месяцев он написал новый вариант, который и ушел в театры. С этого примера высочайшего профессионализма, который произвел на Мирона Даниловича Рейделя огромное впечатление, и завязалась их долгая дружба.

Незадолго до своего ухода папа задумчиво посмотрел на меня и сказал: "А ведь тебе скучно без меня будет..." Да. Скучно...

В 2004 году в ЦДРИ по инициативе папиных "профкомовцев" состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня его рождения. Я сделал "нарезку" из фильмов и мультфильмов, автором которых был папа (из моей фильмотеки), в зале звучали "Песня о тревожной молодости" Александры Пахмутовой, "Какие старые слова" Оскара Фельцмана на стихи Роберта Рождественского в исполнении Валентины Толкуновой (тоже из папиного фильма), в фойе зала я развесил афиши его спектаклей. Актеры читали выдержки из папиных воспоминаний, актриса Надежда Караваева-Папанова (жена Анатолия Папанова), игравшая в папином спектакле, вспоминала, как все это было, тепло о нем говорили и папины ученики по

¹ ВААП — Всесоюзное агентство по охране авторских прав.

Литинституту. Было довольно много народу — и родственников, и друзей и просто завсегдатаев ЦДРИ. И опять папа был с нами.

Замоскворечье соединяется с "Бармалеевым" Петербургом

Такое подробное описание мощных ветвей Миллеровско-Симуковско-Бабыкинско-Ароновского генеалогического древа не случайно. Благодаря браку мамы с папой, оно дало достаточно жизнестойкую, как нам кажется, поросль — меня с моей сестрой. Мы веруем, что генетически вобрали в себя многое, чем славны были эти роды. Сегодня это помогает нам держаться вместе, как когда-то и нашим родителям, и стойко встречать всяческие жизненные пертурбации.

А встретились наша мама и папа так. Вместе со своими подружками со школы, о которых я уже упоминал — Надей, Раей и Лёлей, мама продолжала увлекаться художественной самодеятельностью, играя в различных постановках. Сперва это все происходило на базе клуба работников милиции и потребительской кооперации на Люсиновской улице, дом 28, а потом подруги перешли в только что организовавшуюся агитбригаду ЛЕНРОП — Ленинского районного рабочего общества потребителей.

Агитбригадовцы были молоды, полны энтузиазма, их вдохновляли грандиозные планы первой пятилетки конца 20х — начала 30х годов. Все они работали на различных предприятиях и отдавали любимой бригаде свой досуг. Их режиссер Михаил Резник не знал пощады: репетиции затягивались иногда далеко за полночь, зато бригада и заняла одно из первых мест по Москве. Она побывала всюду — и на подмосковных угольных шахтах, и в колхозах, и на фабриках.

В этой агитбригаде мама и познакомилась 1 января 1932 года на новогодней вечеринке с одним из авторов скетчей и сценок Алексеем Симуковым, который вместе со своим другом еще со времен курсов прикладного искусства Ефимом Гольбергом пришел в агитбригаду годом раньше. В мамином архиве я обнаружил невероятно трогательное свидетельство душевных переживаний юной восемнадцатилетней девушки — крохотный дневничок, в котором она записывала лишь даты встреч с папой или их телефонных разговоров.

"На один номер!" Эти слова, со всей твердостью сказанные мамой где-то в начале марта 1932 года, когда она стояла с папой в очереди в гардероб их клуба, и определили их дальнейшую совместную судьбу на долгие 62 года супружеской жизни, включая наше с сестрой появление на свет.

Знакомство папы с маминой семьей началось с колоссального опоздания жениха: из-за аварии на подстанции встали трамваи, и папе пришлось пешком бежать от Арбата до Даниловки. Ситуация точь-в-точь напоминала случай с его отцом, Дмитрием Андреевичем Симуковым, когда тот опоздал на собственную свадьбу. Своего фрака у него не было, а тот, кто пообещал ему одолжить свой, не мог найти извозчика, чтобы привезти фрак к часу назначенного торжества. (Продолжая не лучшую из мужских традиций рода Симуковых, я дважды опаздывал на подачу заявления в ЗАГС, и также по не зависевшим от меня обстоятельствам!)

Ну, ладно, к папе поневоле испытываешь сочувствие: он-то вышел вовремя, все рассчитал, но кто же мог предположить, что трамваи встанут? Мамино же положение, на мой взгляд, было куда хуже. Окруженная кольцом многочисленных родственников, людей солидных, имевших в

прошлом отношении к бизнесу, частной собственности и торговле, что предполагало привычку к точности, обязательности и приличествующей степенности, она не знала, что и подумать. Жених-то опаздывал уже часа на два. Когда же среди маминой родни явственно зашелестел ропот недоумения, то тут в дом влетел папа. Как он мне потом рассказывал, в его планах было таким фертом ворваться в дом будущей невесты и при помощи искрометного юмора (на какую тему — он еще сам не знал) развеять сгустившуюся (это-то он хорошо понимал) атмосферу. Но почтенное замоскворецкое семейство, уже изрядно хлебнувшее от новых порядков и веяний, было радо, что жених *вообще* появился *им на глаза*.

А папин друг Ефим Гольберг познакомился с маминой школьной подругой Надеждой Крупенниковой, участницей той же агитбригады и на том же самом новогоднем вечере. Расписались обе пары 15 июня 1932 г. в обеденный перерыв в ЗАГСе в переулке около Большой Полянки. Причем расписывались две подружки, а их молодые люди подзадержались, причесываясь в "предбаннике" ЗАГСа, что вызвало веселое оживление и смех — женихов-то нет!

Расписались они и тут же разбежались по своим делам. Вечером в комнату в Хрущевском переулке, где папа жил со своей мамой Натальей Яковлевной и тетей — Ольгой Яковлевной, пришел знакомый папы и его сестры Али, которая тоже подошла к тому времени. Вот и все торжество. Кстати, еще Ильф и Петров в своих бессмертных "Двенадцати стульях" абсолютно точно передали атмосферу бракосочетания того времени, лишённого всякой поэтики:

"Девушка, в длинном жакете, обшитом блестящей черной тесьмой, пошептала с мужчиной и, теплея от стыда, стала медленно подвигаться к Ипполиту Матвеевичу.

— Товарищ, — сказала она, — где тут...

Мужчина в пиджаке радостно вздохнул и неожиданно для самого себя гаркнул:

— Сочетаться!

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

— Рождение? Смерть?

— Сочетаться, — повторил мужчина в пиджаке и растеряно оглянулся по сторонам.

Девушка прыснула. Дело было на мази"¹.

А буквально на следующий же день, 16 июня, новоиспеченные мужья оставили своих юных жен "соломенными вдовами" и укатили в далекий Кронштадт к своему другу Вениамину Радомысленскому, молодому режиссеру, который впоследствии станет одним из любимых учеников Станиславского. Радомысленского призвали на Балтийский флот, и тот позвал своих друзей помогать создавать художественную самодеятельность Балтийского флота. Мама с тетей Надей приехали к своим мужьям спустя три недели, 7 июля 1932 г.

Об одном эпизоде из их кронштадтской жизни, о котором мне как-то раз поведал папа, я расскажу в последней главе.

Мамин путь

Вскоре у двух пар родились дети: у Гольбергов в 1933 г. — сын Илья, а у Симуковых в 1934 г. — девочка, моя старшая сестра Оля. После войны у Гольбергов на свет появилась

¹ Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Гос. издательство Художественной литературы, М., 1956, с.22

Наташа, а у мамы с папой — я. Позже у них в семье родилась еще младшая дочь Ариша, но мои родители уже сошли с демографической дистанции.

Дружба взрослых перешла на детей, как в классической эстафете поколений. Я и моя сестра привыкли называть Ефима Яковлевича и Надежду Павловну — дядей Фимой и тетей Надей, а для гольберговских детей мои родители были, соответственно, дядей Лешей и тетей Любой.

Мамины школьные подруги Надя Крупенникова и Рая Лищинская поступили в институт в 1934 г., а мама — только в 1936 году. Набрав необходимый "рабочий" стаж, она поступила на подготовительные курсы в Московский городской педагогический институт. В 1946 году этому институту присвоили имя В.П.Потемкина — наркома просвещения, дипломата и академика. Впоследствии этот вуз был переименован в Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина.

По окончании курсов мама успешно сдала вступительные экзамены и стала учиться на дневном отделении только что открывшегося географического факультета. Институт она закончила в 1940 году, получив квалификацию и звание (именно так и записано в дипломе, как в свое время у моей бабушки) учителя средней школы.

Мне все не дает покоя это слово — звание — в отношении учителя: оно преисполнено поистине государственным уважением.

После практики на Урале маму направили преподавать географию в школу №584 на Шаболовке. В ней она работала вплоть до начала войны.

Я думаю, что мама вполне состоялась и как географ, и как педагог, о чем свидетельствует один из эпизодов, который она мне как-то рассказала.

Однажды семиклассники решили подшутить над нею, молоденькой учительницей, и повесили большую географическую карту "вверх ногами". Хорошо еще, что это была большая физическая карта Европы и Азии, а не карта Советского Союза, иначе маме в традициях того времени могли бы "пришить" политическое дело.

И вот мама входит в класс и, еще не посмотрев на доску с перевернутой картой, по затаенно-напряженному молчанию учеников понимает, что дело тут нечисто. Скосив глаза и увидев "шкоду" своих воспитанников, мама, как ни в чем ни бывало, садится за учительский стол, раскрывает классный журнал и вызывает одного из учеников, известного своими проделками. Тот идет к доске, и мама дает ему задание "проплыть" по системе рек и каналов из Белого моря в Каспийское. Ученик мнетя: он и так-то плохо знает этот урок, да еще карта вверх ногами, которую на свою же голову сам так и повесил... Тут он решается обратить внимание учительницы — не видит она, что ли? — что так отвечать невозможно! "А так вешать карту было возможно? — не без иронии спрашивает его мама. — Любишь кататься, люби и саночки возить. Будешь отвечать по такой. Перевернутой". Больше молоденькую учительницу испытаниям не подвергали.

В 1934 году папа получил, наконец, свою первую жилплощадь в доме по Хрущевскому переулку, где, как я уже упоминал, жила его мама и тетя: четыре с половиной квадратных метра в подвале — окно выходило в бетонную яму. Отопления никакого не было — горела керосинка, и все. В комнате помещался маленький столик, узкая кровать, стул и в ногах сундучок. На него ставилась бельевая корзинка, в которой спала моя сестра.

Как только началась война, мама с Олей выехали в эвакуацию в Ташкент. Там маме пришлось резко сменить профессию: она стала ближайшей помощницей ученика знаменитого физиолога Ивана Павлова, Э.Асратяна, в будущем члена-корреспондента Академии наук СССР.

Мама ассистировала ему при проведении медицинских опытов над животными на кафедре нормальной физиологии в Ташкентском медицинском институте. Она участвовала в подготовке и написании научных работ — "К профилактике и терапии ожогового шока", "К профилактике и терапии солнечного удара", "Усиление эффекта от трансфузии консервированной крови". В результате научных исследований профессор Асратян со своей группой разработал чрезвычайно эффективный состав — противошоковую жидкость, которую стали производить в промышленных масштабах и отправлять на фронт. Благодаря этому препарату были спасены многие и многие жизни наших раненых бойцов.

Добавлю еще, что маминым помощником по работе был один юноша, десятиклассник Павлик Симонов, живо интересовавшийся проводимыми исследованиям. И кто бы мог тогда предположить, что этот мальчик впоследствии станет крупным ученым-физиологом, отцом известных детей — актрисы Евгении Симоновой и профессора МГИМО, ведущего передачу на ТВ "Умники и умницы", Юрия Вяземского. Дружеские отношения с Симоновым родители поддерживали и после эвакуации, он нередко бывал у нас дома.

В 1991 году П.В. Симонов, действительный член АН СССР, профессор, пригласил маму принять участие в качестве гостя в научной конференции, посвященной 40-летию создания Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, директором которого он являлся. Там он вручил ей скромную брошюру-справочник об институте с такой надписью: "Дорогой Любви Владимировне Симуковой — члену маленького коллектива 1941-1943 года, из которого десять лет спустя возник Институт высшей нервной деятельности. П.Симонов, 16 мая 1991 г."

Из эвакуации мама с Олей вернулись в Москву осенью 1943 года. Это испытание оставило глубокий след в жизни нашей семьи, и особенно Оли, учитывая ее малолетний возраст. Я многое знал о том периоде из рассказов сестры, что-то рассказывала мама. Но мне все время хотелось, чтобы все эти воспоминания были бы объединены в единый рассказ, стали бы еще одним свидетельством о тяготах войны, с которыми в глубоком тылу столкнулись еще маленькие дети и их родители. Я попросил сестру написать несколько страниц для моей книги, которые вы также найдете в заключительной главе. Я глубоко благодарен Оле за ее труд.

Как и моя сестра, я родился на Арбате, в знаменитом роддоме имени Г.Л.Грауэрмана. Знаменит этот роддом был тем, что не было "коренное и москвичье" младенцев, там появившихся, поскольку это медицинское учреждение располагалось в самом центре нашей столицы. История его такова. В 1913 году выдающийся русский хирург-уролог П.Д.Соловов (1875-1940) купил в Москве на Большой Молчановке участок земли и построил клинику (архитектор Н.И.Жерихов, яркий мастер эпохи модерна), но Первая мировая война изменила планы, клиника была отдана под госпиталь для раненых. В советское время в здании размещался знаменитый роддом № 7, названный по имени работавшего там гинеколога Г.Л.Грауэрмана. (Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск II, М., "Наука", 2009, сс.143, 148)

Моя скромная причастность к этому "привилегированному" заведению объясняется тем, что зады Грауэрмановского роддома как бы замыкали с торца наш узкий двор-колодец. В домашнем архиве сохранился официальный документ: на бланке Сектора детства и родовспоможения Мосгорздравотдела (старый термин "акушерство" оказался не ко двору), датированном 24 мая 1946 года, написано: "Главному врачу род. дома № 7 им. Грауэрмана д-ру

Ланкович А.В. Прошу принять на родоразрешение гр-ку Симукову Любовь Владимировну. Прошу Вас дать указания приемному блоку в случае, если женщина поступит в Ваше отсутствие". Подпись неразборчива. После такой "родоразрешительной бумаги" попробуй, не родись! Ну, я и родился в положенный срок и с положенными параметрами. Мама рассказывала, что это произошло в 4 часа утра 10 июня 1946 года, и что я не дал ей нормально выспаться. Да еще я родился невероятно "шерстяным": весь был с черных волосиках, а на плечах они торчали, как эполеты. Первое путешествие в жизни длиною в 80 метров из роддома до нашей квартиры я совершил на руках папы.

После моего рождения мама еще свыше полутора лет работала младшим научным сотрудником с Э.Асратяном в лаборатории восстановительных функций лаборатории физиологической химии Академии наук СССР. Уже была определена тема ее диссертации, уже открывалась заманчивая перспектива стать ученым-физиологом, уже в газете "Вечерняя Москва" была опубликована ее фотография, как перспективного научного работника, но... В нашей семье случилось несчастье.

Был жаркий август 1948 года, мы снимали дачу в Кучино. И тут я заболел. Очень высокая температура, а симптомы похожи на грипп. Врач сказал, что это "желёзки". А мое состояние ухудшалось буквально с каждым часом. И вот уже соседи по даче, как мне рассказывала потом моя тетя, проходя мимо нашего дома, тихо говорили: "А вот здесь умирает маленький мальчик..."

Через знакомых нашли опытного детского врача — Целестина Моисеевича Тумаркина. Меня повезли в Москву, и было мне совсем худо — уже начал задыхаться от подступавшего паралича мышц шеи. Целестин Моисеевич приехал и, только лишь увидев меня, тоном, не терпящим возражения, приказал: "Немедленно в больницу. Это полиомиелит".

Лет через десять, когда папа позвонил Целестину Моисеевичу, чтобы спросить совета по поводу небольшой боли в области живота, тот таким же приказным тоном заставил невероятно удивленного папу вызвать скорую помощь. На операционном столе выяснилось — перитонит.

Это был настоящий добрый доктор Айболит высоченного, под два метра, роста, с седой шевелюрой и благородным басом-профундо. Педиатр от Бога. Он еще лечил и моего племянника, и мою дочь, когда те заболели. Вечная ему память и благодарность.

Несколько месяцев я провел в детской Морозовской больнице. Никто не мог понять, каким образом я заболел. Грешили на какие-то детские вещички из одежды. Их привез мне из оккупированной Германии брат моего дяди — военный корреспондент, видевший, кстати, среди немногих, труп Гитлера во дворе Райсхканцелярии. Может, в тех вещичках крылся страшный вирус? Или это было последнее овеществленное проклятие бесноватого фюрера, адресованное мне лично?

Как лечили в больнице мой недуг — я, естественно, не помню. Но зато память четко запечатлела день выписки: ярко светило солнце, а во дворе больницы в двух клетках всюду квохтали красивые пестрые курочки. Почему они там оказались — не знаю, только помню ощущение радости от солнца и жизни вокруг.

Моим лечащим врачом была Вера Васильевна Быкова, которая потом неоднократно бывала у нас дома, когда уже я был школьником. Настоящий врач, она не оставляла без внимания своего подопечного. Она рассказывала, что при обходе палат, когда привычным жестом проверяла простынки под маленькими пациентами, часто слышала: — "Сухонький..." — так тихим голосом отзывался я на ее приход.

Знаменитый американский доктор Солк создаст свою вакцину против полиомиелита еще только в 1955 году...

На маму этот тяжелейший удар подействовал странным образом: она не похудела от переживаний, а, наоборот, только за один месяц располнела исключительно на нервной почве на двадцать килограммов. Ей пришлось из-за моей болезни оставить научную карьеру, и она всецело посвятила себя мне. Я стал ее и кандидатской, и докторской (в смысле лечения) и какой угодно диссертацией и творческой работой. Это была невероятно деятельная любовь: тут были и массажи, и электропроцедуры в поликлинике, и занятия гимнастикой и ежегодные поездки в тогдашний рай для таких, как я, — в Евпаторию. Когда мне стукнуло пятьдесят лет, я среди многих гостей и родственников и в присутствии мамы назвал себя в прямом смысле "ходячим памятником" ее материнскому подвигу: ведь она положила всю свою жизнь, чтобы я смог ПРОСТО ХОДИТЬ. И мое легкое прихрамывание никогда не мешало мне жить полноценной интересной жизнью, никогда не приводило к мысли о какой-то "ущербности". И это все сделала моя мама.

Когда я учился в школе и нам делали прививки от полиомиелита, я с грустью готов был съесть чуть ли не все сладковатые коричневые горошины препарата, только чтобы... Но сослагательного наклонения в жизни не существует. Зато позже я даже несколько возгордился: сам президент США, великий Франклин Делано Рузвельт, переболел тем же недугом, что и я. И знаменитый австралийский писатель Алан Маршалл — тоже. Но Рузвельт был постоянно прикован к инвалидной коляске, Маршалл не мог обойтись без костылей, а я — ХОЖУ САМ!!!

Недавно я порадовался за цыганских детей. Объясняю, почему именно за цыганских. Дело в том, что одна известная московская газета поместила заметку "От полиомиелита привьют даже цыган". Можно было бы придаться к этической корректности такого заголовка, да только мне плевать: для меня это значит, что еще многие дети смогут избежать своей нелегкой судьбы, если бы такой прививки им не сделали¹.

Мы были невероятно близки с мамой всю мою жизнь, и ее заботу я ощущал всегда. Из маминого письма от 23 сентября 1975 г. (я тогда отдыхал в санатории в Сочи):

"Наш милый мальчик!

Почему так получается — хорошо там, где нас нет? (*Видимо, мне было очень тоскливо в санатории наедине со своими мыслями, чему были свои причины — Д.С.*). Мне казалось, что ты едешь полон надежд на интересный, красивый отдых в чудных условиях... и вдруг. Наверное, мы ждем всегда чего-то большего ... Не раздражай себя несовпадением желаний и возможностей. Наверное, нужно хорошо искать в том, что имеем, и тогда хорошего окажется много больше. Мораль? — Нет, жизненная философия, приобретенная к концу жизни. А как жаль, что в молодости стучаешься и стучаешься, а время идет быстрее, чем хочется, и когда чему-то научишься — не остается времени на умную жизнь. Хочется передать свой опыт молодежи, чтобы они не теряли зря времени, а они????"

¹ На исходе дня 12 мая 2010 года радиостанция "Эхо Москвы" передала тревожное сообщение. В России зафиксирован первый случай заболевания полиомиелитом у 9-месячного ребенка, приехавшего со своими родителями из Таджикистана. Как сообщил официальный представитель МИД РФ, по международным стандартам такая ситуация расценивается как чрезвычайная. Только-только главный санитарный врач России заявил в 2009 году, что этот страшный недуг у нас ликвидирован... А в самом Таджикистане на тот день было зарегистрировано более 280 случаев полиомиелита, в том числе 13 смертельных. 9% заболевших составляют дети до 5 лет... Помогите Господь!

Удивительное по своей нежности и глубине письмо.

Я надеюсь, что смог отдать маме хоть малую толику того огромного космоса любви и заботы, которым она меня окружала.

Наша "Воронья слободка" на Арбате

В доме № 6/2 по Гodeинскому переулку (также именовался Гodeиновским — первый направо, если стоять спиной к Арбатской площади; название получил по фамилии одного из домовладельцев XVIII в. — полицмейстера Гodeина) в 1952 году его переименовали в "Арбатский" — оригинальнее, конечно, не придумаешь), в коммунальной квартире № 29, в которую меня принесли после рождения, наша семья поселилась в 1936 году. Папе дали 12-метровую комнату на первом, вровень с асфальтом, этаже. После 4,5-метрового подвала в Хрущевском переулке новое жилище моей семье казалось хоромами. Хотя у папы, как у литератора, не было постоянного заработка, для маленькой Оли как-то ухитрялись нанимать няню-домработницу, влезая в долги. Несмотря на все тяготы быта семья, по рассказам родителей, жила весело: к папе и маме приходили друзья, они танцевали, разговаривали о своей агитбригаде, о литературе и искусстве, а Оля в своей плетеной бельевой корзинке им "подтанцовывала".

Семья ежедневно ощущала "престижность" своего местожительства: самый центр, да еще Арбат, по которому протекает правительственная трасса. По ней Сталин в сопровождении вереницы черных машин ездит каждый день на работу в Кремль...

Но вот разительный контраст: в наших арбатских подворотнях тусовалась московская шпана — в кепочках, в штанах, заправленных в "прохоря" — сапожки с завернутыми голенищами, серых "клифтах" (кургузеньких, в обтяжку пиджаках) и с неременной золотой "фиксой" во рту. И тут же с ними соседствовала армия "топтунов" — наружной охраны, обеспечивавшей проезд вожда. Шпана их не интересовала: во-первых, знали всех наперечет, а, во-вторых, они, по тогдашней терминологии, были "социально близкими" в отличие от иных категорий населения, от которого неизвестно, чего ожидать. Так и попадали к себе жильцы близлежащих домов, проходя через шпалерный строй и тех и этих.

Невероятно точно описал проезд "отца народов" по Арбату поэт Борис Слуцкий в своем стихотворении "Бог" (1955):

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иегова...

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных

Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко, — мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроницающим взглядом.

Мы все ходили под богом.
С богом почти что рядом.

А вот какие дополнительные подробности о нашей "сталинской" трассе приводит в своей книге В.Курбатов:

"Только дорогу от Кремля до сталинской загородной резиденции длиной в 35 км охраняли более трех тысяч агентов и автомобильные патрули, к услугам которых была сложная система сигналов и полевых телефонов. Эта многочисленная агентура была рассосредоточена вдоль сталинского маршрута, в подъездах домов, в кустарниках, за деревьями. Когда же сталинская машина вылетала из кремлевских ворот — тут уж и вовсе весь маршрут объявлялся как бы на военном положении.

...На некоторых улицах было установлено постоянное дежурство специально подготовленных охранников. На чердаках, на верхних этажах арбатских домов сидели снайперы, готовые поразить всякую подозрительную цель. Каждый квадратный метр старого Арбата был пристрелян сверху световыми лучами"¹.

К нам в квартиру можно было попасть, пройдя сперва через низкую мрачную подворотню, где на стене мелом кто-то нарисовал нечто среднее между коровой и бесом (я в раннем детстве называл этот шедевр граффити "ковова-бес-с-с-ь!" и бочком, как можно скорее, стремился миновать ее). Потом нужно было пересечь наискось двор-колодец, войти в грязный подъезд, далее спуститься на восемь ступенек вниз, а потом, взяв левее, чтобы обогнуть дверь в котельную, подняться вверх на те же восемь ступенек. Там, на небольшой лестничной площадке, как мне рассказывала мама, до войны долго стояло ободранное чучело козла. Лучшей детали интерьера для настоящей "Вороньей слободки" или воландовской Москвы Булгакова и представить невозможно.

В коммуналку с лестничной площадки вела единственная дверь. За ней начиналось торжество быта "человека нового социалистического общества": в квартире не было ванной, туалет с допотопным чугунным унитазом был, по рассказам родителей, таким убогим и грязным, что меня в него никогда не пускали — обходился горшком. Подстать этому месту общего пользования была и маленькая, вытянутая в длину, кухня с печью и столом для пяти керосинок — по числу проживавших семей.

Первой слева по коридору была наша одна комнатка (это еще до моего рождения, примерно с 1936 по 1947 гг.). В ней помещался широкий матрас на ножках, стол, кое-какая мелочь из мебели. Когда я родился, то мне, по причине нехватки места для детской кроватки, пришлось спать в детской оцинкованной ванночке, поставленной на обеденный стол. Моя сестра, когда была в том же младенческом возрасте, что и я, обитала в более благоприятной экологической среде: ее укладывали спать в бельевую корзину из ивовых прутьев.

¹ В.Курбатов. "Покушения на вождей". Наука-Пресс, ООО Издательство "Эксмо", М., 2006, сс.4-5

Напротив нашей комнаты, в такой же клетушке жил старый холостяк-бухгалтер дядя Веня: тихий неприметный человек, но, как потом выяснилось, с железным характером. Его постель громоздилась почти под потолок, покоясь на годах копившихся газетах. Сестра вспоминала, что он был добр, часто угощал ее бутербродами с умопомрачительной по вкусу и запаху довоенной "любительской" колбасой, до которой она была великий охотницей. Вероятно, это у нас семейное: я с детства был таким же "колбасным зверем".

В самом начале войны дядя Веня женился на худосочной даме из "бывших", которая приехала к нему в комнату вместе со своей мамой — бывшей женой белого офицера (это держалось в "строгом секрете", хотя и было известно всем). Расчет у него, видимо, был прост: жена поможет сохранить жилплощадь до его возвращения с войны. А у жены расчет был прямо противоположный: она вышла за него замуж в надежде, что он погибнет на фронте. Но дядя Веня не "оправдал" ее надежд и с войны вернулся живым и невредимым.

Вскоре у них родился сын. Стараниями родителей и, преимущественно, бабушки, сохранившей "раньшенное" понятия о детской моде, его одевали в бархатный костюмчик с большим кружевным воротником. По плечам у этого ангела вились льняные локоны. Ни дать ни взять — маленький лорд Фаунтлерой. А "лорду", вышедшему во двор, который кишел юными отпрысками воров (и самими малолетними ворами), стукачей, бандитов, спекулянтов и пьяниц, с редким вкраплением интеллигенции, приходилось туго: его появление проходило под рев тыкавших в него пальцами "черни" — "Абгаша! Абгаша пгишел!"

Вскоре наши соседи разошлись, оставаясь жить на том же пространстве вчетвером. Дядя Веня разгородил комнату, где и так не было свободного сантиметрика, оградкой из палочек, связанных крест-накрест (как огораживали раньше скверики). За эту ограду на его территорию никто, включая и его сына, белокурого "лорда", не смел вступать. Позже он завел себе в этой же комнате вонючего ежа, намереваясь, видимо, использовать его в качестве биологического оружия против своих сожителей. Такая вот "картинка" из жизни в нашей коммуналке.

Дальше слева по коридору была также небольшая комнатка, где жила некая Панька с матерью, переболевшей когда-то сифилисом. Панька работала билетершей в кинотеатре "Художественный" и отнюдь не чуралась визитов многочисленных "кавалеров", которые сопровождались бурным весельем вперемешку с обильными возлияниями. Иногда вся эта компания вываливалась в коридор или на кухню, и тогда все обитатели нашей коммуналки предпочитали не высовывать носа "во избежание".

В конце коридора справа была дверь в большую комнату, которую занимал интеллигентный по внешнему виду бухгалтер. Жена его умерла, и он вновь женился на простой женщине — Анне Сергеевне Сулимовой, взяв ее сперва "в экономки", вероятно, на "испытательный срок". Позже мы узнали, что была Анна Сергеевна не такой уж и простой: приходилась родственницей известному в свое время большевику, носившему ту же фамилию, который попал под топор сталинских репрессий.

Когда бухгалтер умер в начале войны, Анна Сергеевна пошла работать на ликероводочный завод и с ночной смены приползала к себе в комнату чуть ли не на четвереньках, "задевая" стенки коридора. Потом она вышла замуж за деревенского мужика Ивана Степановича, работавшего на дровяном складе по соседству с нашим домом. Он вселился в квартиру с "приданным" — тремя дочерьми, младшую из которых звали Зинкой, и она была ровесницей моей сестры.

Нравами вновь созданная семья отличалась весьма незатейливыми: как-то раз на Пасху, попросив Зинку взять с собой и наш кулич, чтобы освятить его в церкви, мама получила обратно свой кондитерский шедевр с глубоко проковырянной коркой и изъятим из него изюмом.

А однажды Зинка еще в юном возрасте подсунула в игре ничего не подозревавшей моей сестре лафитник с какой-то прозрачной жидкостью, как оказалось — водкой...

Когда родился я, мама, работавшая в Академии наук, была вынуждена взять Анну Сергеевну в помощницы, которая довольно долго у нас работала, великолепно готовила, в частности, пироги с рисом и рыбой, пельмени, и т.д. Она ко мне очень хорошо относилась, и я отвечал ей такой же взаимностью.

Последняя дверь в торце коридора вела в две комнаты: одну проходную и дальнюю, длинную. Их занимала довольно колоритная личность — Любовь Николаевна, работавшая секретаршей в Генштабе. Всем обитателям нашей "Вороньей слободки" было известно, что она стукачка. Муж ее был из НКВД, он приходил в основном по ночам и подолгу мыл на кухне руки... Потом он куда-то сгинул, и к Любви Николаевне вереницей потянулись военные, видимо, ее сослуживцы. Она всех "принимала". Порой кавалеры проникали в ее квартиру просто через окно, благо оно было в полуметре от земли. У Любви Николаевны была собака — немецкая овчарка. И вот что интересно: правду говорят, что люди походят на своих четвероногих друзей. У Любви Николаевны был такой же оскал с двумя торчащими хищными маленькими клыками, как и у ее собаки, только у той клыки были несравненно больше. С ней родители поменялись с доплатой — она переехала в одну комнату в этой же квартире, а мы заняли ее две.

Теперь уже в этих двух комнатках, казавшихся родителям настоящим царскими покоем, у нас чаще собирались гости, было шумно и весело. Когда приходили друзья мамы и папы по агитбригаде, то все небольшое наше обиталище наполнялось шутками, смехом, песнями. Правда, однажды мне не понравилось вокальное соло их агитбригадковского режиссера Михаила Резника и я, залезши под стол, стал в знак протеста громко квакать. Родители были сконфужены.

Несмотря на сложность объяснения, как найти нашу квартиру (помните, "сперва восемь ступенек вниз, а потом восемь — вверх"), к папе приходило по делам много народу, преимущественно режиссеров, заинтересованных в его пьесах. В конце 40- начале 50-х папины пьесы шли в 144 театрах страны. У нас бывали уже упоминавшийся мною Вениамин Захарович Радомысленский, впоследствии директор Школы-студии МХАТ, с которым папа и мама дружили еще с юности, Фирс Ефимович Шишигин, будущий главный режиссер театра им. Федора Волкова в Ярославле, главный режиссер Московского театра драмы и комедии Александр Константинович Плотников, режиссер Анатолий Васильевич Эфрос, многие другие известные режиссеры и актеры.

Заходили друзья и знакомые и к маме. Правда, один раз такой визит закончился великим конфузом. К маме забежала ее подружка Надя Гольберг. Она куда-то торопилась, была голодна, мама тоже. У Нади была селедка и буханка черного хлеба. Подружки тут же, как бывало в молодости, завернув угол скатерти, на газетке эту селедку разделали и с удовольствием приступили к нехитрой трапезе. Надо к этому "натюрморту" добавить и небольшой раскардаж в комнате, который обычно бывает в домах, когда не ждут специально приглашенных гостей. Топилась печка-буржуйка, труба которой была выведена в окно. Из угла в угол шла веревка с развешанным после стирки детским бельишком вперемешку с предметами дамского туалета образца 40-х.

Только закончилось "пиршество", как внезапно погас свет. Мама с Надей вскочили в поисках свечки, чтобы убрать со стола, и тут, прямо по закону подлости, в дверь неожиданно постучался незванный гость. К нам на Арбат пожаловал с букетом цветов один из известнейших

сценаристов, платонически покоренный маминой "эталонно-русской" красотой. Мама в ужасе, она робко предлагает гостю войти в комнату, извиняется, что, вот, неожиданно погас свет...

И тут закон подлости срабатывает вторично. Свет внезапно вспыхивает, являя гостю малоприглядную картину: ошметки селедки на газете, обгрызенная корочка хлеба, развешенное белье, на стуле валяется дамский заштопанный чулок... И свидетелем всего этого становится вальяжный, по моде одетый господин, ради этой встречи сбежавший с какого-то роскошного приема в ВОКСе¹, да еще с букетом цветов...

"Боже, но почему такая убогость?" — в растерянности произносит неожиданный гость и спешит откланяться, ссылаясь на какие-то неотложные дела. Мама еще долго потом не могла оправиться от чувства досады и неловкости и из-за неожиданно погасшего и зажегшегося света, и из-за нашего быта в условиях коммуналки, и из-за неожиданного визита. Спустя много лет она со смехом рассказала мне об этом эпизоде.

Кажется, я довольно подробно со слов родителей и сестры Оли описал наше житье-бытье в "Вороньей слободке". В моей памяти сохранился только ужас от семейных скандалов наших соседей за стенкой с матом, пьяными визгами, рыданиями, проклятиями. Люди здесь были невероятно "испорчены квартирным вопросом", как гениально в свое время выразился Михаил Булгаков. А были еще и "милые" приколы коммунального гадюшника: маме надо меня мыть на кухне, она зажигает конфорки газовой плиты (ее поставили в середине 40-х), чтобы нагреть помещение, а соседи или гасят плиту, или настезь распахивают двери — ишь, интеллигенция, чего придумала, газ тратить!

Разительным контрастом с тем купанием, каким-то чудным сном всплывает в памяти поездка к друзьям родителей — Помещиковым (глава семьи был преуспевающим сценаристом фильмов "Богатая невеста", "Сказание о земле Сибирской"). Они жили в высотке на Красных воротах.

Это было не обычное "съездить в гости". У мамы была цель — помыть меня в нормальной ванной. Мы долго (по моим тогдашним понятиям) ехали на троллейбусе по Садовому кольцу. Увидев величественное здание, я с трудом мог себе представить, что в таком дворце обитают простые смертные. Мы вошли в просторный лифт, отделанный панелями красного полированного дерева, с зеркалами. По-моему, в нем была даже лифтерша, нажимавшая кнопки. Даже язык не поворачивается назвать лестничной площадкой то огромное пространство, залу, бескрайний холл, куда доставил нас лифт. Тут можно было запросто кататься на велосипеде!

Когда мы вошли в квартиру, то жена Помещикова уже хлопотала в ванной, зажигая газовую колонку. Мне все было интересно: и как сперва теплился фитиль, и как потом вспыхнула горелка ровными рядами синих огоньков. А сама ванна с зеленоватой водой от растворенной таблетки хвойного экстракта вообще стала пиком наслаждения. При этом никакого чувства зависти, что вот так, оказывается, можно жить, я не испытывал, просто воспринимал свое купание в ванной как сиюминутный праздник.

Видимо, я хорошо представлял себе уже года в два наше социальное окружение в арбатской коммуналке, выразив свое отношение к нему краткой сентенцией: "Пихие люди на кухне" ("Плохие люди на кухне"). Хорошо помню, как остался вечером один в комнате. Родители куда-то ушли. За окном смеркалось, и комната постепенно погружалась в полумрак. Я прикрыл глаза и вдруг услышал мерные гулкие шаги по коридору, приближавшиеся к нашей двери. В ужасе я вдавил голову глубже в подушку и тут понял, что это билось мое сердце...

¹ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Создано в 1925 г., в 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы (ССОД).

И еще один испуг в той квартире, но уже мамин. Под нашим домом, более того, под нашими комнатами пролегалa линия метро. Всякий раз, когда по ней проходили поезда, у нас раздавался утробный гул, и вся мебель начинала дрожать мелкой дрожью. Мы к этому так привыкли, что и не замечали "инфернальных" особенностей своего жилища, успокаивая испуганных гостей рассказом о линии метро. Но вот однажды утром привычный гул и дрожание исчезли. "Война!" — это было первой мыслью, мелькнувшей в голове у мамы. Ведь это было в 1953 году, все газеты и радио орали тогда об угрозе для СССР со стороны "человеконенавистнического американского империализма" и поджигателей войны всех мастей, от марионеток Чан Кай Ши из Тайваня и Ли Сын Манна из Южной Кореи, до "продажного фашистского наймита" Иосипа Броз Тито из Югославии.

Вскоре все разъяснилось. Дело в том, что сначала наша линия была построена как радиус мелкого заложения. Во время войны ее тоннель, проходивший недалеко от Кремля и достаточно близко к поверхности земли, пробила бомба, и Сталин "во избежание" повелел прорыть новый, более глубокий тоннель, связанный также со своей "ближней" дачей в Кунцево. Движение по нему было открыто как раз в начале 1953 года¹. К тишине мы долго не могли привыкнуть.

Район старого Арбата во времена моего детства отличался каким-то домашним уютом, неброскостью, спокойствием и своеобразной красотой. Меня водили гулять на Гоголевский бульвар, и так мне было интересно разглядывать там бронзовых львов у оснований фонарных столбов, персонажей на постаменте памятника "сидящего" Гоголя скульптора Андреева. Потом "сидящего" писателя по указанию Сталина заменили на официозного "стоящего".

А наша Молчановка! Уютные, тихие дворики, дома с мезонинчиками. Как-то раз со мной пошел гулять папа и вез меня на санках. Мы нашли в таком дворике-закутке снежную горку, и так радостно мне было скатываться с нее, и все вокруг источало какую-то тихую доброту.

Любил я гулять с родителями по нашему Арбату. Особенно меня привлекал зоомагазин, что находился ближе к Театру Вахтангова. Я всегда останавливался перед его витриной, чтобы в деталях рассмотреть выставленное в ней чучело небольшого крокодила. Красивы были и витрины продуктовых магазинов с их нехитрым убранством: фрукты, овощи, консервы, хлеб. Но как затейливо все это было уложено, какие пирамиды из консервных банок построены, как маняще-призывно смотрела на тебя обворожительная любительская колбаса своим розовым косым срезом с чуть слезящимися от свежести снежинками шпика. Как-то раз мы зашли с мамой в такой магазин, и продавец спросил меня, что бы я хотел выбрать, имея в виду, что мама мне это купит. Я же указал на карандашик, заложенный у него за ухом. Продавец рассмеялся, сказал, что тот ему нужен для записей, а сам отрезал тоненький кусок любительской колбасы и угостил им меня. Этот вкус, как и память обо всех мелких деталях моей жизни, не покидает меня и по сей пору.

Таким вот сохранился в памяти Арбат моего детства.

А сегодня Арбата с его Молчановкой и Собачьей площадкой нет. Сломали...

Рассказ о моей сестре

Когда я появился на свет, моей сестре Оле было двенадцать лет. Согласитесь, это достаточно сложный возраст, чтобы принять внезапно появившееся рядом живое существо с распростертыми объятиями. Только что ты была центром мироздания, и вот возникает пищащий

¹ Сайт "50 фактов о московском метро", <http://www.timeout.ru/journal/feature/1404/7>

комочек, постоянно требующий внимания и заботы, а ты как бы отходишь на второй план. Но ведь ты же уже большая девочка! — говорят все кругом. Так-то оно так, и слово "большая" немного льстит самолюбию, и все же... К хождению в лавочку за керосином и в булочную за хлебом теперь прибавляется еще и помощь по уходу за братом.

Устные предания нашей семьи о юных годах моей сестры хранят такой эпизод. Когда родилась Оля, то, естественно, маленький ребенок пищал, не спал по ночам, хныкал. Когда это все происходит в одной комнате, в которой сидит и работает писатель, то, согласитесь, это становится для него довольно утомительным. И вот как-то раз папа пришел к писательнице и драматургу Александре Яковлевне Бруштейн, с которой дружил долгие годы, и в минуту откровения пожаловался на свое житье-бытье, спросив отчаявшимся голосом, когда же все это кончится. Александра Яковлевна, секунду подумав, сказала, что, пожалуй, годам к сорока. Папа воссиял: уже до своего сорокалетия он как-нибудь перебьется, оно же не за горами... "Нет, Леша, — вернула его на землю Александра Яковлевна, — не к вашим, а к *ее* сорока годам"...

В другой раз папа посетовал, что, когда Олю посылают в лавку за керосином, она "корчит рожи".

— Но ведь она *идет* за керосином? — поинтересовалась Бруштейн.

— Попробовала бы не пойти... — буркнул папа.

— Так что же она, по-вашему, "Интернационал", что ли, должна петь? — саркастически заметила Александра Яковлевна.

С той поры у нас в семье эти фразы насчет "Интернационала" и "ее сорока лет" стали крылатыми.

Первое серьезное столкновение наших с сестрой интересов произошло на праздновании нового 1947 года, когда мне было всего полгодика. Помимо традиционного семейного ритуала с небольшими подарочками каждому из присутствующих, тогда впервые в праздничное действо была введена Принцесса в короне. Она должна была из соседней комнаты вынести младенца (то есть меня), символизировавшего Новый год. Задумка родителей была неплохая: оба ребенка при деле, оба в центре внимания. Оле сшили из какой-то легкой материи, чуть ли не марли, белое платье, папа сделал из серебряной бумаги корону.

Когда сестра вошла в комнату с гостями, все зашумели, зааплодировали, такая умильная была картина. Оля смутилась, а я под шумок ухитрился стащить с ее головы корону и начал ее жевать. В страшном расстройстве от испорченного благочиния, сестра разрыдалась, что ей "всегда все портят". Родителям пришлось довольно долго ее успокаивать.

Второй конфликт произошел полугодом позже и походил, скорее, на реванш с ее стороны. Мама и папа "вырвались" наконец в гости, оставив меня на попечение сестры. На первый взгляд задание ей было простое: накормить из бутылочки и уложить спать. Но надо знать меня в том возрасте: со сном-то как раз и были проблемы. Когда меня, запеленатого, клали на кровать, я не засыпал. Лежал тихо, хлопал глазками с длиннющими ресницами, но не засыпал. И вот моя сестра, в точности следуя инструкции, накормила меня, даже немного покачала на руках, положила на кровать и стала тихо отходить, чтобы заняться своими делами. Я тут же открыл глазки и стал весело на нее посматривать. Вновь покачала, вновь я приоткрыл глазки, вновь был положен на кровать и...опять их открыл и стал смотреть на сестру. Так повторялось по рассказам Оли несколько раз.

Утром, когда мама взяла меня на руки, она заметила странные пять черных точек — пять синячков — на моей филейной части. И тут я, еще не умеющий говорить, вероятно понял, что пришел мой звездный правозащитный час: своей крохотной младенческой ручкой я показал

маме сперва на Олю, а потом стал хлопать себя по попе. Происхождение черных точек было установлено. У сестры со мной просто не хватило терпения...

Сегодня, по прошествии более шестидесяти лет после того случая, сидишь и думаешь: с одной стороны (с моей), несомненно, гнусный донос. А с другой (высокоморальной) — отстаивание личного достоинства доступными средствами. Как бы в оправдание того "прискорбного" случая себе в заслугу Оля ставит то, что она отняла меня от материнской груди (процесс трудный, сам знаю) и научила ходить. Пожалуй, с ней можно согласиться.

К счастью, период взаимной притирки между мной и Олей был недолог. Вскоре я, уже полный нежности и любви к старшей сестре, прятал (тоже забота, а вдруг кто-нибудь нечаянно съест!) шоколадные конфеты, бывшие в послевоенные годы редким лакомством, в корзину для постельного белья, накапливаемого для стирки.

Такое мое к ней отношение было подтверждено документально: в маминых записях нашел такую — "надо объясниться с Олькой". Слово "объясниться" в то время означало "объясниться в любви". Обращение "Олька" свидетельствовало, что я прекрасно сознавал, что это хоть и звучит грубо, но скрывает глубокую мужскую нежность. И уж совсем в зрелые годы я так писал в одном из писем папе (1979): "...мы очень сблизились с Олей за последние годы, и у меня есть все основания полагать, что живем мы с ней "дружные, как котята в лукошке" [цитата из любимых в нашей семье "Сказок дядюшки Римуса" — Д.С.]

По мере накапливания интеллектуального багажа и навыков общения со взрослыми, я уже в шестилетнем возрасте позволял себе изящно иронизировать над сестрой. У нее был поклонник по имени Роман, ну и, естественно, родители шутили — когда зайдет ее "повесть", "новелла", "рассказ" и т.п. Однажды все несколько прибалдели, когда я поинтересовался у Оли, когда же появится ее "дневник социалистического соревнования". Это я, наслушавшись проводного радиовещания, весьма к месту вставил недостающее "жанровое звено".

Сестра иногда снисходила со своего возрастного Олимпа до моего уровня. Хорошо помню, как году в 1951-м со своей школьной подружкой Эммой она повела меня в кинотеатр "Юный зритель", что был Арбате (похоже, что это вообще было мое первое знакомство с кинематографом) на прекрасную картину "Золотой ключик" с Мартинсоном в роли Дуремара. Я был счастлив вдвойне: меня повели в кино, да еще старшая сестра!

После нашего переезда с Арбата в район площади Маяковского Оля еще некоторое время оставалась жить на старой квартире. Я, в силу малолетства, не помню ее поступление в ГИТИС в 1952 году на театроведческий факультет. Похоже, что этот выбор был "подсказан" сестре самой жизнью: семья драматурга, с ранних лет знакомство с театром, режиссерами, актерами. В память только врезалась ее подготовка у нас дома вместе с подружкой к одной из экзаменационных сессий. Много позже я то от одного, то от другого сокурсника сестры или наших знакомых того периода слышал, что Оля считалась одной из первых красавиц ГИТИСа. Тогда мне это не приходило в голову.

От Олиных просмотров спектаклей, когда она писала курсовые, кое-что перепало и мне. Как-то раз, когда я играл с ребятами во дворе, Оля спросила, не хочу ли пойти с ней в театр. Я чуть не подскочил на месте: театр! Да еще с сестрой! Так, я впервые побывал в 1955 году в Центральном детском театре на ставшем впоследствии классическом спектакле в постановке Олега Ефремова по пьесе Вадима Коростылева "Димка-невидимка". Отличная была постановка!

Первый муж сестры Игорь Кузнецов появился в семье как-то без шума и свадебных торжеств. Помню только знаменитый песочный торт "Ленинград", облитый шоколадом, и глоток шампанского. Внешностью Игорь был вылитым французским шансонье Ивом Монтаном. Я быстро привязался к своему новому родственнику, тем более, что он был

фронтовиком. Игорь как-то рассказывал мне, что чудом остался жив: его автоматными очередями крест-накрест прошили в спину неизвестные, вышедшие из леса.

Кузнецов был очень одаренным человеком, и не только в своей режиссерской профессии. Он хорошо пел, играл на гитаре, увлекался фотографией. Однажды он спросил, не хочу ли я с ним "попечатать". Мне тут же представилась картина: Игорь печатает на пишущей машинке что-то свое, клавиши постукивают, колокольчик при переводе каретки позвякивает, идет напряженный творческий процесс, и я при сем присутствую. В моем воображении это было где-то сродни папиным чтениям своих новых пьес в семейном кругу — я присутствую при *творчестве*. "Конечно же, — радостно отозвался я, — я очень люблю, когда печатают на машинке". — "Да нет, я имею в виду печатание фотографий!" — сказал Игорь. Восторгу моему не было предела.

Так, благодаря Кузнецову я научился обращаться с фотоаппаратом, проявлять пленки, печатать фотографии. Вскоре мама, увидев мое серьезное увлечение, купила мне простенький фотоаппарат, но с цейсовской оптикой, — "Смену-4". Не было лучше фотоаппарата у меня за всю мою жизнь! Куда там до нынешних цифровых камер! Моя "Смена" действовала безотказно, ею можно было щелкать навскидку "с бедра", как ковбой стреляет из кольта. Все мои лучшие фотографии были сделаны именно в возрасте 14-15 лет.

В 1957 году стараниями папы для Оли была построена кооперативная квартира буквально в одной остановке от нас, а 1961 году у сестры родился сын Алеша. Над выбором имени долго не думали — в честь деда! Теперь уже мы с Олей поменялись "воспитательскими" местами, только мне было уже пятнадцать лет. Так случилось, что Алеша с раннего возраста стал жить у нас дома. Мальчик рос по собственным канонам, предписанным ему генами и небесами. Если ему на прогулке нужно было зайти из чистого любопытства в какую-то подворотню, а в планы сопровождающего это не входило, то никакими ухищрениями отвлечь его от задуманного было нельзя. Ты был вынужден следовать за своим поднадзорным. Как-то раз, решив прибегнуть к словесной угрозе, я сказал: "Алеша, выпорю!" — "Не догонис!" — последовал немедленный ответ с небольшим "пришепетыванием". Единственным человеком, которому Алеша полностью доверялся, была моя мама, а его бабушка.

Алеша рос очень талантливым мальчиком. Мама рассказывала, как иногда по ночам он просыпался и кричал: "Люба, Люба! Слова, слова! Они вокруг! Дай мне бумагу и карандаш" и записывал свои первые стихи. В семь лет он ошарашил нас вот таким:

"Шел я по земле, по миру,
А за мной бежали единицы.
Дома мне была головомойка.
Лучшая моя отметка — тройка.
Я "хороший" ученик, в кавычках,
И живу все время на натычках"

А потом — таким:

"Рыбка вяленая эта
Раньше плавала в реке.
Отчего-то у поэта
Вечно губы на крюке.

Белых косточек гребенка

Раньше рыбкою была.
Моя мать ждала ребенка,
А рыбенка — не ждала".

Сегодня дрожь берет от глубины самоосознания своей личности и какой-то ее трагической незащищенности. Позже, с возрастом, трагизм одиночества в Алешиных стихах принял еще более острые формы. Немало этому способствовал развод его родителей, общая тягостная атмосфера брежневского застоя. Одновременно Алеша занимался живописью. Его творчество выходило за рамки обыденного восприятия. Он больше увлекался тем, что сегодня называется "инсталляциями", если я правильно характеризую его творчество. Сейчас "инсталляции" не делает разве что ленивый. А тогда Алеша был одним из первых.

В 1988 году в одном из залов Советского фонда культуры он выставил несколько своих работ, две из которых были посвящены В.Высоцкому и А.Башлачеву¹. Позже с друзьями-художниками он поехал в Германию, где их работы также выставлялись в ряде городов. В Германии Алеша пробыл почти двадцать лет, вкусив нелегкой доли художника в условиях рыночной экономики.

Сегодня Алеша, в дополнение к своим не реализованным в полной мере талантам, стал еще и классным специалистом-компьютерщиком. Для меня это выше человеческого понимания: поэзия, живопись и сверхсложные логические связи в компьютерной технологии, не говоря уже о соединении тысяч всяких проводков. Компьютер — как род искусства? Мы с племянником тесно общаемся и с нежностью относимся друг к другу.

Постепенно разница в возрасте между мной и Олей как бы стала стираться. Когда у меня бывали институтские друзья, то сестра, забегая нас навестить, совершенно естественным образом вписывалась в нашу компанию. Более того, при ней мои друзья свободно рассказывали весьма "пикантные" с точки зрения русской словесности анекдоты, а меня при этом выставляли за дверь, поскольку знали, что я такую "словесность" не любил.

Я тоже частенько бывал у Оли дома на ее днях рождениях или просто посиделках с друзьями — актерами, режиссерами театроведами. Какой это был фейерверк интеллектуального юмора, какие сцены разыгрывались! Мы частенько вспоминаем с сестрой один такой вечер, когда в искрометном импровизационном диалоге между "героями" — Леонидом Ильичом Брежневым и Владимиром Ильичом Лениным — сошлись два таланта — наш известный эстрадный артист Геннадий Дудник и актер театра им.М.Н.Ермоловой Владимир Васильев. Тогда — отлично это помню! — мэтресса и "столп" сегодняшнего российского театроведения Вера Максимова, подруга Оли и всей нашей семьи, вскочила как ужаленная, когда "Ленин" (Васильев) вдруг, оторвавшись от своего спарринг-партнера "Брежнева" (Дудника), остановил на ней свой указующий перст и с характерной ленинской картавостью бросил: "А вы, старая б..., Вера Засулич, вообще молчите!" Все грохнуло так, что потолок чуть не обвалился.

Олины друзья бывали и у нас дома. И опять шутки, смех, театральные байки. Моя жена Валентина вспоминает, как она, в период нашего знакомства и отсутствия еще какого-либо намека на возможность матримониальных отношений, как-то раз забежала ко мне со своей подружкой, молоденькой актрисой МХАТа. Причина этого не запланированного визита заключалась в том, что близкий друг актрисочки (сейчас она человек известный!), обаятельнейший Сева Абдулов, должен был что-то читать на телевидении и именно, как он

¹ А.Н.Башлачев (1960-1988), поэт, композитор, певец. Яркий представитель отечественной рок-культуры.

предупредил свою пассию, для нее. По закону подлости телевизор у дамы сломался. "Давай, бежим к кому-нибудь из твоих знакомых, у кого телевизор рядом", — предложила она своей подружке Валентине. Рядом оказался я.

А в тот день к нам пришли Олины друзья — та же Вера Максимова и актер Вадим Бероев (сегодняшний талантливый актер Егор Бероев — это его внук), только что снявшийся в одном из первых советских боевиков "Майор Вихрь". Популярность Бероева в те годы была невероятной.

Мы уютно сидели за небольшим журнальным столом в углу комнаты, на нем — коньяк, сыр, лимон, кофе. Велась интереснейшая беседа, которой я тихо внимал, Вадим рассказывал о съемках фильма, тут же просил передать Алеше кусок настоящего бикфордового шнура, который он ему специально привез. Вдруг раздался звонок в дверь.

Я открываю: на пороге две знакомые девицы, смущенно тараторящие что-то о телевизионной передаче, которую им позарез нужно посмотреть. Подавляя в себе внутреннее недовольство от неожиданного вторжения, я пропускаю их в комнату, извиняющимся тоном разясняю Олиным друзьям цель визита.

Девицы, мельком раскланявшись с присутствующими, усаживаются на краешках стульев и впериваются в телевизионный экран, где уже всюду выступает Абдулов. Я же возвращаюсь в наш уголок, чтобы продолжать внимать прерванной беседе.

Через несколько мгновений Абдулов был забыт: мои знакомые девицы так и стали исподволь стрелять глазами в сторону Бероева. Они просто не могли поверить такому: сам неподражаемый Майор Вихрь запросто сидел в одной комнате с ними, и лучик от сияния его таланта и кусочек его широкой известности как бы доставались и на их долю.

В 1978 году сестра вновь вышла замуж за Петра Михайловича Градова, драматурга и поэта, написавшего также слова к известным песням. Визитной карточкой его творчества в этой ипостаси для всех россиян стал гимн "Легендарный Севастополь". В нашей семье мы невероятно любили нового Олиного избранника. Он весь был преисполнен доброты, порядочности, стремления помочь людям. Пережив в свое время трагедию — гибель жены в автокатастрофе — он один поднял на ноги малолетних дочь и сына, оберегая мир их памяти о матери, и вновь женился лишь тогда, когда дети выросли.

Не менее значимым для меня по глубине и силе стало стихотворение Петра Градова с кратким посвящением — *Л.В.Симуковой* — своей теще, а нашей с сестрой маме. Оно тут же стало широко известным и обрело огромную популярность благодаря артистам эстрады, которые, часто обращаясь к творчеству поэта, использовали это стихотворение в качестве своего отдельного концертного номера.

Человек, на котором держится дом¹

Отшумит и умчится
любая беда,
как весенней порою
грохочущий гром,
если с вами она
если рядом всегда
человек, на котором держится дом.

¹ См.: Петр Градов. Человек, на котором держится дом. М., "Книга", 1996.

Может быть тридцать три ей
 иль семьдесят три —
сколько б ни было ей,
 возраст тут ни при чем:
в беспокойстве, в делах
 от зари до зари
человек, на котором держится дом.

Муж ее — генерал,
 космонавт иль поэт.
Может быть он министром, шахтером, врачом —
Всех главнее она,
 в том сомнения нет, —
человек, на котором держится дом.

Очень редко,
 но все же бывает больна.
И тогда все вокруг
 кувырком, кверху дном,
потому что она,
 потому что она —
человек, на котором держится дом.

Нас куда-то уносит
 стремительный век.
В суете мы порой
 забываем о том,
что она — не фундамент,
 она — человек,
человек, на котором держится дом.

Чтобы было и в сердце,
 и в доме светло,
на ее доброту
 отвечайте добром.
Пусть всегда ощущает
 любовь и тепло
человек, на котором держится дом.

Дорогого стоят такие строки.
И еще одно стихотворение, посвященное маме.

ПОДУМАЕШЬ...

Л.В.Симуковой

Подумаешь, — в распутицу

придёт во всей красе,
буквально сутки крутится,
как белка в колесе.

Подумаешь, – старается
всем в доме угодить
и даже умудряется
всех вкусно накормить.

Подумаешь, – сыночка
взяла и подняла,
всё сделала, чтоб дочка
хозяйкою росла.

Подумаешь, что внучку
она, само собой,
ведёт всегда за ручку
и в школу, и домой.

Подумаешь, о внуке
пеклась немалый срок.
Да, он – профан в науке,
зато в искусстве-бог.

Подумаешь, – немало,
как мудрый командир,
с невесткой изучала вопрос –
война и мир.

Подумаешь, – сумела
и зятя убедить –
коль действовать умело,
то с дочкой можно жить.

Подумаешь, готова
заботиться о всех!..
Подумать, право слово,
о ней бы нам не грех.

Петр Градов

Это был счастливый и добрый брак для моей сестры и ее мужа, как будто на небесах решили: ну, чего там, ну подарим же этим двум под конец их жизни счастье! Оно длилось 25 лет, и закончилось со смертью Петра Михайловича, который в самом начале неосторожно бросил: "Ну, вот доживем до серебряной, а там..." Так и случилось...

* * *

Сегодня, когда ушли и наши папа и мама, мы с сестрой неустанно, как молитву, воздаем им благодарность за то, что им удалось передать нам семейную стойкость, сплоченность, дружбу и заботу друг о друге.

Евпатория. Мама-героини. Поездка по Крыму

Лето у каждого ребенка — особая пора. Его ждешь как избавления от зимних холодов, от заточения в четырех стенах. Как я уже говорил, мои первые "летние каникулы" были прочно связаны с Евпаторией. Начиная с 1949 года, мама каждый год возила меня туда, где мы жили с мая по сентябрь. Евпатория славилась своим курортным лечением для детей-полиомиелитников, особенно целебными грязями.

Из круга своего общения 1949-1950 гг. помню лишь толстую девочку Асю, от которой осталось лишь ощущение невероятной противности. Мама однажды конкретизировала мои ощущения. Она рассказала, как сделала этой Асе какое-то пустяковое замечание, как обычно это делают взрослые, когда уже невозможно что-то оставить без внимания. На что девчонка надулась и проворчала: "У-у-у, тетя плохая!" "И тут, — с улыбкой и какой-то гордостью добавила мама, — ты вырвал свою ручку из моей, сделал шаг вперед, выставил ногу и с нажимом произнес: "Нет! Моя мама — хорошая!" Так ты впервые в своей жизни выступил на мою защиту — твердо и с достоинством".

Но, опять же по рассказам мамы, на этом мои столкновения с Асей не закончились. Как-то Ася мне что-то такое сказала, и я ответил ей цитатой (похоже, из сказок Мамина-Сибиряка), сочтя ее наиболее подходящей моменту, да еще обыграл ее голосом: "У-у-у-у, чер-р-р-ная ворона с узким горлышком!" Ася такого глубокого знакомства с русской литературой не оценила и в возмущении кинулась к своей маме: "Мама, мама! Митька меня чертом назвал!" Да, бывает, что женщины совершенно неправильно истолковывают наши слова...

Наверное, природа, словно устыдившись, что из-за моей болезни она в чем-то меня обделила, даровала мне чувство свободного общения с людьми без какого-либо страха, причем с самого раннего возраста. В Евпатории, когда мне было лет пять, мама шла купаться в море, а я, бывало, подходил к совершенно незнакомым людям и просил их: "Покарауйте меня, пожалуйста!"

Таким же образом, через меня мы познакомились в 1952 году на евпаторийской набережной с протоиереем, настоятелем Ташкентского православного собора Федором Никаноровичем Семененко, который приехал отдохнуть на море. Вероятно, я тоже первый заговорил с ним, почувствовав какое-то доверие к этому человеку. Позже он говорил маме, что был поражен моим рассказом о первой русской революции 1905 года. (О, Господи! Услышать священнослужителю такое из уст маленького мальчика пяти лет! Наверное, радио виновато...) "Никогда еще мне так четко и кратко не излагали всех революционных событий того времени" — удивленно закончил протоиерей.

А мое сердце Федор Никанорович завоевал не только как внимательный слушатель. Видимо, я совершенно без всякой задней мысли упомянул при нем, что мне очень нужна детская лопатка, чтобы строить из песка разные сооружения. (У большинства мам было убеждение, что лопатки детям покупать нельзя — они могут ими драться. Только маленький совочек!). Буквально через пять минут, ни сном ни духом не подозревавший о нарушении табу, Федор Никанорович вручил мне вожденную лопатку.

Думается все же, что не только мой дар общения сыграл свою роль в добром отношении протоиерея к нашей семье (а он познакомился и с бабушкой, которая была в тот год в Евпатории вместе с нами). Как я понял из разговоров с мамой, когда мы вспоминали с ней то время, Федор

Никанорович был очень целомудренно и платонически влюблен в нее. Смотрю на мамины евпаторийские фото — и понимаю его чувства.

В 1952-54 гг. у меня появились новые приятели — Костя Кузнецов и Андрей Прудников. Мы были почти погодками, всех троих свела в Евпатории одна нелегкая планида. Косте досталось от нее хуже всего — он передвигался на костылях, я считался относительно "средним" и ходил только в специальной ортопедической обуви, а Андрей был из нас самым "ходячим". Наши мамы, моя для них — тетя Люба, а их для меня — тетя Нина и тетя Геля, мужественно встретили удар судьбы и всю свою энергию молодости, весь свой запас великого чувства материнства подчинили только одному — поставить детей на ноги. Спустя много лет мать Андрея говорила мне, что их, совсем молодых еще девчонок, объединила моя мама. Будучи постарше, она своим железным характером, негибимой волей служила им примером — сделать все зависящее, и даже сверх того, чтобы поправить здоровье своих детей.

Мамину волю я неоднократно ощущал и позже на протяжении всей своей жизни, особенно в каких-то критических для семьи моментах, когда требовалась максимальная концентрация энергии, как в войну. И это было еще одной отличительной чертой ее характера. Мама как-то рассказывала, что на концерте с участием гипнотизера (в 30-е годы практиковались такие "эстрадные" номера), она оказалась в числе 3-4 человек, на которых тот намеревался продемонстрировать публике свое гипнотическое воздействие. Так мама была единственной из той группы, кого гипнотизер так и не смог ввести в транс. — "У вас невероятно сильная психика" — несколько смутившись, но и с долей уважения сказал маме тот гипнотизер.

В конце 40-х — начале 50-х годов Евпатория представляла собой небольшой черноморский город, еще не оправившийся от разрушительного смерча недавней войны. Прекрасная набережная с белоснежной балюстрадой и пирамидальными тополями, далеко тянувшаяся вдоль песчаных пляжей, была обезображена руинами санаториев, украшавших ее до войны. Особенно страшно выглядел санаторий имени Семашко: обрушившиеся от бомбежек стены, скрученные винтом стальные балки, какие-то огромные ржавые железные плиты, водопроводные колодцы, зияющие черной глубиной — они были без крышек. В их темноте переплетенные корни деревьев походили на клубок змей. Я и мои друзья любили забираться на территорию этих развалин на своих трехколесных велосипедах: продираться через заросшие кустарником тропинки было интересно, таинственно и жутковато.

Я должен сказать, что детский трехколесный велосипед для нас был не развлечением, а в прямом смысле средством передвижения — ноги-то у всех были не ахти какими. Я перекатался, наверное, на всех отечественных моделях детских трехколесных велосипедов, потому что такого "изделия" хватало лишь на один сезон — разваливались. И вот у кого-то "по случаю" весной 1952 года мама купила мне новый велосипед.

Нет, это был не обычный детский велосипед с педалями на переднем колесе, а роскошная английская машина черного лака с тонкими спицами и никелированными ободьями колес, с ручным тормозом на руле! У велосипеда была цепная передача со свободным ходом, как у "взрослых" машин. Цепь была забрана в щиток, чтобы в нее не попадали брюки. Если педали крутить назад, то раздавался нежный стрекот, как у кузнечика в траве, от свободно вращающейся шестеренки. На рулевой колонке был какой-то невероятно красивый герб: красный крест на голубом поле. Кажется, это была фирма "Triumph". Теперь я понимаю, что среди детских трехколесных велосипедов, выпускавшихся тогда нашим горьковским заводом,

мой красавец выглядел как "Роллс-Ройс" среди своры "горбатых" "Запорожцев", приковывая всеобщее внимание.

В той степени, в которой это вообще было возможно в отношении нашей болезни, наши мамы победили. Костя стал прекрасным нейрохирургом в Риге, Андрей долгое время работал в системе УПДК МИДа, я тоже смог полностью реализовать себя. Наши мамы изредка виделись и вплоть до своего ухода постоянно перезванивались. Когда Костя был проездом в Москве в начале 80-х, то мы все встретились у Андрея дома. И вот трое взрослых людей, абсолютно не сговариваясь, в каком-то едином порыве встали и чуть ли не в один голос провозгласили тост за наших героических мам.

Основным нашим лечением в Евпатории были теплые грязи, купание в рапе (невероятно концентрированная по содержанию морской соли вода из лимана) и массаж. На грязи надо было ездить на разбитом, еще довоенном автобусе на окраину города. Там, в низеньком убогом помещении стояла влажная жара от огромного количества горячей морской грязи в чанах, которые постоянно подогревались. Деревянные топчаны, сколоченные из грубых досок, изголовьем упирались в стену. Кругом было невероятно скользко от этой черной целебной грязи. Идти к топчанам нужно было по цементному проходу между ними, такому же скользкому, что было настоящим испытанием. А уж когда неприветливая толстая тетка в длинном клеенчатом фартуке совковой лопатой плюхала эту грязь на уготованный тебе топчан, потом укладывала тебя в нее, да еще сверху, как начинку пирога, закрывала таким же толстым слоем грязи — было совсем мерзко, горячо, страшно и мучительно. А потом еще было больно от резкой струи рапы, которой обдавали нас из шланга после окончания процедуры, чтобы вернуть обличье "белого" человека.

После короткого отдыха мамы вели нас принимать ванны из той же рапы. Беда, если у кого случалась маленькая царапина: щипало так, что света белого не увидишь. После всех этих процедур мы возвращались обратно в город с тем, чтобы после отдыха встретиться вечером на набережной.

Приехав в Москву после очередного лечебного сезона, я обнаружил дома журнал "Крокодил" с карикатурой на титульной странице: ад, толстые голые черти носятся вокруг огромных чанов, где варятся грешники, подкладывая в огонь поленья. "Это совсем как наши "грязные процедуры", — сказал я папе. Журнал тот он убрал с глаз долой.

Мы с мамой жили в Евпатории "дикарями": снимали комнатку, но пару лет пользовались "курсовкой" — пропуском в столовую при одном из детских санаториев. Домик, где мы жили в свои приезды в Евпаторию в 1949-1954 гг. был двухэтажным, населенным разными людьми. Они хорошо относились к нам с мамой, понимая всю сложность нашей жизни.

Хозяйку комнаты звали Марией Михайловной, она была полькой, давно проживавшей в Евпатории. До сих пор помню вкуснейшую кефаль по-гречески, которую она готовила нам, когда мы стали у нее столоваться, а ее чебуреки навсегда стали моим любимым блюдом. У Марии Михайловны был взрослый сын, Эдик, который мастерил для меня какие-то поделки. Помню, что рот его сверкал целым рядом золотых "фикс". Иногда в очередной свой приезд мы не заставляли его дома, но видели, что Мария Михайловна часто готовила продуктовые посылки, упаковывая их в фанерный ящичек. Много позже я узнал, что ее сын был вором и частенько сиживал за решеткой. Вплоть до конца 60-х мама переписывалась с нашими соседями по евпаторийскому дому.

Самой главной моей отрадой в Евпатории был военный духовой оркестр, игравший каждый вечер на набережной на возвышавшейся полукругом эстраде. Я мог буквально часами, уткнувшись в ее цоколь, "дирижировать" оркестром, только что без дирижерской палочки. Меня завораживала живая музыка и звуки духовых инструментов: это было так не похоже на концерты по радио. Я мог удовлетворить свою огромную потребность не просто слушать музыку, но как бы непосредственно участвовать в ее сотворении: во мне очень рано сработал тот самый "музыкальный ген" Бабыкинского корня.

Все мои родные в один голос подтверждают, что в три года я со всеми фиоритурами¹ и невероятно чисто пел арию Герцога из "Риголетто", которая "сердце красавиц...". А вот в знаменитой итальянской песне "Скажите, девушки, подружки вашей", которую я также пел со всеми ее мелодическими украшениями, я несколько переиначил слова, поскольку не понимал их смысла. У меня получалось — "что нежной страстью сама ко мне прилаешь..." Согласитесь, что эта словесная интерпретация несколько далека от оригинальной версии — "что нежной страстью сама ко мне пылаешь"! Но мелодия в моем исполнении звенела безукоризненно. Мою тягу к музыке мама ненавязчиво поощряла. Одним из любимых наших с ней занятий было, когда она выстукивала ритм какой-нибудь мелодии, а я должен был ее угадать.

Одевала меня мама с огромным вкусом. В магазинах тех послевоенных лет для детей предлагались какие-то серенькие, невзрачные вещи из ткани типа "патриотик". А я всегда носил что-то элегантно, яркое, чего ни у кого не было. Объяснение этому было простое: мама, окончив курсы кройки и шитья при Союзе писателей, отлично и с большой выдумкой шила, так что я всегда был нарядно одет. Только вот одна из загадок детской психологии: заставить меня, особенно в самом раннем детстве, надеть что-нибудь новенькое стоило маме больших трудов — я отчаянно рыдал и убегал куда подальше. И только став постарше, я с удовольствием щеголял в обновках, чем несказанно радовал ее.

Чтобы чем-то занять меня в дождливые дни, и стремясь приобщить меня к интеллектуальной игре — шашкам, мама после нескольких безуспешных попыток так отписала в Москву моей тете Але: "Сейчас пытались играть в шашки. Племянник проявил удивительную тупость — бросили". Кстати, когда мне было одиннадцать лет, моя сестра стала учить меня играть в карты в "подкидного дурака". Результат был тот же, что и с шашками, и мнение сестры о моих картежных способностях практически не отличалось от маминого. Бедный я мальчик! Азарт игрока мне неведом. Но вот что касается доведения до конца единожды начатого дела — это мое.

Я любил, когда мама рассказывала мне сказки. Но это не были сказки из книжек — они сочинялись мамой чисто импровизационно и спонтанно. Со временем такие сказки обретали какую-то единую устоявшуюся структуру, которая всякий раз расцветивалась новыми деталями. Например, я обожал слушать про "Митю-поюшку", который отправлялся в лес и встречал там многих зверей и птиц. И с каждым встречным у него были свои отношения, свои воспоминания, короче, свое развитие сюжета. И все это обязательно должно было носить позитивный, характер. В одном из вариантов маминой сказки даже змея, и та была доброй!

Мама удивительно точно нашла для меня прозвище — "Митя-поюшка". Я же невероятно любил петь — пел потом и в школе, и в институте. Эта потребность живет во мне и сегодня. Как-то раз мы с женой были на рынке, и продавщица спросила ее: "А он у вас всегда так поет?"

¹ Фиоритура (*итал.* *fioritura*, буквально — цветение) (музыкальная), общее обозначение мелодических украшений, применяется главным образом к вокальной музыке.

— "Ну, да", — сказала жена. Она-то знала, что звуки из меня льются сами собой, и что я не замечаю, что это — Бах, Чайковский, Битлз, Вагнер или Гершвин.

Из других детских развлечений в Евпатории было кино на открытом воздухе, в курзале. Он представлял собой огороженную высокой стеной из ракушечника площадку с дощатой сценой, с рядами длинных узких скамеек. На этой стене, как воробьи на ветке, грудились местные маленькие любители кино, откуда их сгоняла билетерша.

Я с друзьями был покорен, в частности, американским "трофейным", как тогда говорили, фильмом "Робин Гуд" (1938) режиссера Майкла Кёртица. Великолепные трюки, хитрости веселых благородных разбойников в их борьбе против шерифа, сцена, когда Робин Гуд, пустив на состязании лучников вторую стелу вдогонку первой, расщепляет ее в яблочке цели, вызывали у меня и моих друзей бурные аплодисменты. Ведь в глубине души каждый из нас становился участником тех далеких событий, и также смело и ловко мог прыгать, бегать, драться на мечах, о чем тогда в реальной жизни мы и мечтать не могли.

Ну и, конечно, великий "Тарзан" с Джонни Вайсмюллером. После этого фильма "дикий" (не огороженный) пляж оглашался нашими не менее дикими "тарзаньими" кличами ничуть не хуже, чем у самого главного героя. Дикий пляж был самым подходящим местом для игр в "Тарзана": почти никого народу, заросли низких диких маслинных деревьев, более похожих на кустарник. Они были очень красивыми, с узкими длинными листочками и такими же крохотными, в сантиметр, плодами, и все это, было словно присыпано серебристой алюминиевой пудрой. В этих зарослях было очень здорово забираться на какую-нибудь низкую ветку (выше-то не могли) и изображать, в зависимости от желания, или самого Тарзана, или его верного друга — обезьяну Читу.

И невдомек тогда было нам, мальчишкам с ограниченными возможностями (да никто и подумать бы не мог!), что блистательный Джонни в 1913 году в возрасте девяти лет тоже переболел полиомиелитом, потом занялся плаванием, выиграл в 1924 году сразу три золотых Олимпийских медали и стал на долгие годы кумиром женщин, не говоря уже о Чите. Остается порадоваться, что, видимо, болезнь не поразила его так сильно.

Когда мне подарили мягкую игрушку-обезьяну, то я тут же назвал ее Читой и очень любил. Позже мама сшила для него (в моем восприятии он был мужского пола) из серого сукна двубортный пиджак с двумя рядами ярких пуговиц, брюки, подрубленные внизу тесьмой, сорочку из голубой байки и алым галстуком на шелковой подкладке. Все это великолепие мамино искусство завершала ею же сделанная на картонной основе шляпа-канотье из коричневого сукна с ленточкой вокруг тульи. Мое скромное участие в этом шедевре "высокой моды", который не уступал моделям "от Версаче" (о нем мы тогда и не слыхали), ограничилось аккуратно сшитым "нахвостником" из той же материи, что и костюм.

Прошло с той поры полвека. Чита по-прежнему чинно восседает на письменном столе в папином кабинете среди множества книг и всяких диковинок, бережно храня для меня и моей дочери тепло маминых и бабушкиных рук. Только вот сорочка у Читы немного выцвела...

Последний мой приезд в Евпаторию был летом 1954 года, накануне поступления в школу. В августе к нам с мамой приехал и папа с Олей на недавно купленной "Победе". Узнав о моем увлечении Робин Гудом, папа тут же смастерил для меня лук со стрелами и стал учить из него стрелять. Вместо мишени на его трость был повешен синий детский плавательный круг с толстым белым канатом по краю. Первым же выстрелом я пробил надутый круг острой стрелой, и он сдулся с печальным присвистом. Пришлось покупать новый.

Как и велосипед, который был необходимостью, так и плавательный круг в то лето играл огромную роль, означая качественное изменение моей жизни. Если все предыдущие годы врачи запрещали мне купаться в море, чтобы не охлаждать тело (только тепло было моим спасителем!), и мама заходила по колено в воду со мною на руках, чтобы я хоть так мог почувствовать прелесть соленых брызг, то теперь запрет был снят. Я уже окреп. Радость от встречи с морской стихией переполняла меня. Я барахтался, кувыркался в воде, но "плавал" только надев на себя круг.

С той поры осталось ощущение под ногами твердой ребристости прибрежного песка на дне, струящегося муаровыми грядами из-за тихого прибоя, пляшущие в толще воды зелено-золотистые солнечные зайчики, изломанные волной, юркие рыбки-иглы и мягкий евпаторийский бриз, сдувающий с лица полуденную жару. Наверное, именно с той поры я обожаю первые страницы повести Валентина Катаева "Белеет парус", где с такой акварельной нежностью передается восторг Пети от встречи с морем при восходе солнца. И как точен был Маяковский, написавший: "Очень жаль мне тех, которые, не бывали в Евпатории!"

Перед отъездом в Москву — я должен был идти в первый класс — было решено совершить небольшое авто-путешествие по берегу Крыма. Ялта, Алушта и Алупка, эти жемчужины крымского побережья, мне, к сожалению, не запомнились. А вот купание на диком, на километры пустынном песчаном пляже, на котором мы ненадолго остановились после симферопольской жары, помню, как сейчас.

Сестра с родителями плещется в невероятно теплой воде, мало спасающей от зноя, а я брожу по раскаленному песку, и, насколько хватает глаза, передо мной простирается желтая полоса прибрежной пустыни, за которой — сине-зеленоватая кромка воды. Очень похоже на современный флаг Украины. Отрешенность от цивилизации и сама первозданность природы дополняется скелетом дельфина, выброшенного на берег, кучами остро пахнущих йодом морских водорослей, поднявшихся из глубин после недавнего шторма, до блеска отполированными волнами и песком корягами. А в руках у меня огромный кусок тепловатого сладкого арбуза, концы которого мусолят мои уши. И никого народу.

Через некоторое время мы покинули это райское местечко. Отъехав километров пятьдесят, папа хватился своих швейцарских часов (тогда это была большая ценность). Обрыли все в машине — нету. Стали припоминать, может, их каким-то образом украли, когда останавливались перекусить в Симферополе. Сошлись на том, что, скорее всего, часы соскользнули с руки на пляже, когда папа, прыгая на одной ноге, пытался натянуть брюки. Повернули назад. Вот и наше местечко, такое же пустынное, как и пару часов назад. Все бросились на прочесывание прибрежной кромки песка. И, о счастье! Вот они, часы, лежат себе, посверкивая золотистым корпусом в неглубокой ямке! Нашей радости не было предела.

Красоты перевала Ай-Петри я не воспринял: меня настолько укачало в жаркой машине, что съеденный сладкий арбуз и бутерброды с вулканической быстротой вырвались из меня, испортив эстетическое наслаждение родителей и сестры от любования этим перевалом. Меня, бездыханного, положили в тень под деревом — очухаться. Вокруг свистел ветер, было даже прохладно. Нас окружали невысокие скалы, на которых диковатого вида человек, похожий на древнего козопаса, ходил вокруг своего стада ободранных коз с сумасшедшими глазами.

Невдалеке от Ай-Петри местные жители порекомендовали нам заехать посмотреть рукотворное озеро, с незапамятных времен поражавшее людей своей красотой. Машина крутой подъем не взяла, и мы потянулись гуськом по каменистой горной дороге.

Озеро и впрямь было как из сказки: небольшое, пятиугольной формы в обрамлении зарослей спелой ежевики. В его глубине яркими звездочками вспыхивали резвившиеся золотые

рыбки, на поверхности плавало невероятное количество белых лилий. Водное зеркало шло мелкой рябью, разрезаемое на отдельные сегменты, как на осколки, острыми треугольными волнами. То плавали ужи, посверкивая на солнце своими головками с желтыми пятнышками. Близкое соседство с этими рептилиями меня нисколько не вдохновило, и я поспешил поскорее избавиться волшебное горное озеро от своего присутствия.

Далее по маршруту лежало имение Ивана Сергеевича Тургенева Спасское-Лутовиново, что невдалеке от Курска. Особого впечатления тогда оно на меня не произвело: усадьба, как усадьба, музей, как музей. А вот когда мы приехали в Ясную Поляну, обитель Льва Николаевича Толстого, еще не так давно поруганную гитлеровцами, но уже восстановленную, то картина для меня была уже иная. Я помню могилу писателя: вокруг просторно, ее как бы в скорбном почтении окружают стоящие невдалеке деревья, какое-то полное единение с природой.

Папа затем потащил меня к знаменитому "дереву бедных". Помимо упоминаний в мемуарах многих писателей об этом дереве, о нем папе рассказывал последний литературный секретарь Толстого Валентин Федорович Булгаков, с которым папа потом переписывался. Мы подошли к старому, в два обхвата, дубу. На высоте человеческого роста, там, где от ствола отходила мощная ветвь, виднелся небольшой колокол, размером сантиметров двадцать, с ручкой, глубоко вросшей в кряжистый ствол. В этот колокол звонили крестьяне-ходоки, извещающая о своем приходе к великому русскому писателю: они искали свою *правду*. Колокол тот я запомнил на всю жизнь.

Во время поездки мы не переставали удивляться: почему это наша Оля все время стремится сидеть в машине, отказывается выйти из нее и посмотреть на красоты вокруг. А когда родители чуть ли не силком вытаскивали ее взглянуть на тот или иной дивный крымский пейзаж, она с кислым видом брела за ними, выражая тем самым свое крайнее неудовольствие.

Свое поведение сестра мне объяснила спустя многие годы. Оказывается, в то лето она переживала бурный роман со своим будущим мужем Игорем и всеми фибрами своей души стремилась как можно скорее попасть в Москву. И ей казалось, что если она не будет выходить из машины, это хоть на секунду приблизит заветный миг встречи с любимым. А мы-то все недоумевали...

Чисто бытовые воспоминания связаны с маленьким сонным городком Обоянью (ну, что за уютнейшее название!), где мы остановились на ночлег в местной гостинице. По нынешним меркам, она не дотягивала не то что до трех звезд — там, по-моему, надо было вести обратный отсчет — минус пять звездочек. Крохотная, душная комнатка для нас сестрой. Сомнительного вида кровати. Сомнительность эта подтвердилась позже, когда мы, атакованные полчищами клопов, провели полночи в ожесточенном сражении с ними. Кажется, клопы победили. Да еще эта ночевка, помимо этих извергов, принесла мне глубокое разочарование. После "клопиной битвы" мне приснился навеянный теплым Крымом сон: будто бы мне под бок подкатился огромный спелый арбуз, и сейчас я вопьюсь зубами в его нежную мякоть... Но тут "арбуз" подозрительно замяукал, и я проснулся. Ко мне под бочок примостился маленький котенок, которого я, вероятно, немного придавил во сне в предвкушении арбузного пиршества. Выговорив котенку все, что я о нем думал, я вынес его в коридор и закрыл дверь.

Как интересно мне было спустя годы читать у того же любимого мною Валентина Катаева прекрасный очерк "Поездка на юг", появившийся в 1951 году. Он описывал именно те места, которые мы проезжали спустя три года. Я просто упивался какими-то дополнительными деталями, которыми автор щедро пересыпал свое повествование.

К бабушке, в Хрущевский

В 1930 году после начала "коллективизации" папина мама, а моя бабушка, Наталья Яковлевна, отдала свое хозяйство в колхоз, созданный в Сигеевке, и уехала в Москву. С крестьянствованием было покончено.

В столицу бабушка переехала не на пустое место. Ранее, как я уже говорил, сюда перебрались из Питера ее брат Алексей с женой, сестрой Ольгой и их матушкой Александрой Федоровной. Поскольку А.Миллер работал в Министерстве финансов, которое вместе со всем советским правительством переехало из Петрограда в Москву в 1918 году, ему на четверых выделили площадь в старинном особнячке в Хрущевском переулке¹, выходившем на Пречистенку. Ранее особняк принадлежал некоему домовладельцу Фролову. В этом особняке, превращенном в обычную московскую коммуналку, Алексей Яковлевич занимал с женой одну комнату, а в соседней комнате стала жить Ольга с Александрой Федоровной. Когда бабушка приехала из Сигеевки, Александра Федоровна уже скончалась, и сестры стали жить в одной комнате.

В Москве бабушка поступила на работу в Научную библиотеку МГУ. Вот где пригодился библиотечный опыт работы в Министерстве финансов в молодости! В должности старшего библиотекаря она проработала на своем посту вплоть до 1952 года и ушла на пенсию в возрасте 75 лет. Помню, уже когда стал большим, как она смеялась над "перлами" своих читателей, заполнявших библиотечные формуляры-заказы: "Гробоедов. Горе и туманы", "Переписка Крупской с Иваном Грозным", "Д.К.Мирон. Пока-чего", или над просьбой выдать "Старания молодого ветерана" ("Страдания юного Вертера" Гёте)!

Должен признаться, что в отношении ко мне моей единственной бабушки не было избытка нежности, скорее был ее дефицит. Этим вообще отличались все Миллеры-Симуковы. Сдержанность в чувствах, подчинение всего и вся сакральному слову — "надо!" (далее следовал любой глагол, обозначающий действие). Вероятно, сказывался немецкий уклад жизни в бабушкиной семье. Причем такое отношение проявлялось у нее ко всем — и к детям и к взрослым. И еще она не могла не попросить кого-либо, кто попадался на глаза, что-нибудь сделать "походя". Для этого бабушка использовала забавное немецкое выражение — "Du bist doch auf den Füßchen" (дословно — "Ты же на ножках!"). То есть, все равно ты идешь туда-то, так сделай (возьми, отнеси) заодно то-то.

Моя жена говорит, что во мне в зрелом возрасте проснулись "бабушкины гены", когда я вечно обращаюсь к ней с какими-то просьбами. К счастью, она при этом смеется. Но ведь действительно, если человек "на ножках", то ему же ничего не стоит... Удивительно, как мы меняемся с годами, и что в нас неожиданно для нас самих проявляется!

Конечно же, бабушка любила меня, но эта любовь была обличена больше в форму "целесообразного воспитания": образование, познание, обучение. Это накладывало определенный отпечаток и на мое к ней отношение — уважение, интерес к ее рассказам, — но несколько отстраненное, особенно, когда бабушка приезжала к нам домой. Я чувствовал, что моему привычному миру грозит опасность, особенно когда тоном немецкого приказа она требовала: "Hände weg vom Tisch!" ("Убрать локти со стола!"), или когда она усаживала меня за тот же стол для занятий немецким языком. Теперь я благодарен ей за это, но тогда, в юные годы...

¹ Переулок назван по фамилии домовладельца начала XIX в. прапорщика Александра Петровича Хрущева, славившегося своим хлебосольством ("Имена московских улиц", М., 1975)

А вот навещать бабушку в Хрущевском переулке я, как и моя сестра, любил. Походы туда сестра в детстве называла "путем из варяг в греки". Но мы редко появлялись у бабушки вместе: ну что могло объединять 6-7-летнего мальчика и его 18-летнюю сестру? У каждого была своя жизнь.

После смерти своей сестры бабушка осталась одна в той самой комнате, в которой поселилась в 1930 году. Хотя, пожалуй, слово "комната" здесь не подходит. Это была большая зала богатого особняка с четырехметровыми, а то и выше, лепными потолками и печкой-голландкой в углу. А по левой стене располагался камин с роскошной мраморной доской. Его, правда, уже давно не топили: был засорен дымоход. Когда-то, рассказала мне бабушка, над камином висело огромное старинное зеркало в ореховой раме, но в 1944 году оно вдруг сорвалось с крюка и разбилось вдребезги. Вскоре после этого скончалась бабушкина сестра Ольга. Вот и не верь после этого приметам...

Комната площадью, наверное, 50-60 метров казалось мне бескрайней по сравнению с нашей арбатской теснотой. Это впечатление усиливалось еще и тем, что немногочисленная старинная мебель была расставлена по стенам: изящный ломберный столик красного дерева на четырехгранных, сужающихся к низу ножках. А рядом — невысокий шкафчик, тоже красного дерева, с фигурной оградкой поверху. Бабушкину кровать от остального пространства комнаты отделяла ширма с гобеленовыми вставками, создавая иллюзию уединения. Был и еще один стол, неизвестно, каким образом попавший к бабушке: круглый, с роскошной позолоченной резьбой по дереву и тонкой решеткой по кругу столешницы. Говорили, что он из Павловска времен Александра I. У стола стояло "вольтеровское" кресло с высокой прямой спинкой, прямыми подлокотниками и прямыми же резными ножками. Оно мне казалось каким-то королевским тронem из раннего средневековья! И был еще короткий диванчик-"козетка". Запомнилась мне и огромная пуховая перина в атласном темно-зеленом чехле, на которую так здорово было прыгать с разбега и проваливаться в ее толщу!

Я очень любил навещать бабушку: у нее я погружался в совершенно иной мир. Весной и осенью мы ходили в Хрущевский переулок с Арбата пешком, а зимой меня родители возили на санках. Сборы начинались с утра: нужно было собрать гостинец бабушке, а мне упаковать в авоську моих любимых плюшевых мишек, лис и заек — куда же я без своих лучших друзей? Вероятно, прохожие с любопытством посматривали на большущую авоську с торчащими из нее лапами, ушами и хвостами, которую прижимал к себе маленький мальчик, сидевший в детских санках.

В комнате у бабушки царит таинственный полумрак, меня окружают диковинные вещицы... Из старинной шкатулки бабушка достает крохотный, с полсантиметра, монокуляр из слоновой кости. Если посмотреть в него на свет, то увидишь изображение какого-то собора. А вот тоже маленький, не более двух сантиметров длиной, перочинный ножичек с убирающимся внутрь перламутровой ручки острейшим лезвием. А вот бабушкины драгоценности: браслет с прикрепленной к нему тонкой цепочкой миниатюрной золотой книжечкой. Книжечка открывается, и на двух ее страницах выгравированы инициалы и даты рождения бабушкиных детей — моего папы, моих дяди и тети. Я не могу отвести глаз от прозрачного, как само раннее сентябрьское утро, крупного сиреневатого аметиста формой и размерами с крупный боб. Камень посверкивает своей огранкой и золотой скобочкой, соединяющий его торцы. Да ведь это похоже на старинный саквояж, только, опять же, очень маленький! А, может, ювелир так это и задумывал?

Как было интересно доставать из кожаного несессера размером с пол-ладони старинные медицинские "походные" инструменты: ланцеты, пинцеты, что-то еще. Ведь ими пользовался

мой прадедушка, спасая вместе с Пироговым наших раненых солдат во времена Крымской войны 1853-56 гг.!

А в деревянном ящичке с крышкой, наподобие школьного пенала, лежат старинные слесарные инструменты — молоток, отвертка, пилочка. Особенно восхищал меня посверкивающий полированной сталью молоток с полукруглым гвоздодером на одном конце и круглым бойком на другом. Бабушка, видя мой интерес к этому чуду, подарила его мне. Радости не было предела! Мы с ней завернули молоток в бумагу и положили в ту самую авоську, в которой должны были возвращаться домой мои плюшевые друзья.

А знакомство с раритетами продолжалось. Бабушка уже понемногу начинала обучать меня немецкому языку, не придавая поначалу нашим занятиям характер урока. Все шло через игру в лото, старые библиотечные карточки с детскими рисунками и подписями под ними на немецком. Отрабатывались повседневные бытовые вопросы и фразы, доступные моему понимаю, и одновременно врезавшиеся в память. Из них, как из деталей конструктора, можно было строить что-то свое. А вот немецкую книжку 20-х годов (по-моему, это был букварь; впрочем, и книжка-то могла быть издана у нас) я не любил: она вся была пронизана революционной тематикой — дымящиеся черные трубы, сплоченные ряды опять же черных, будто вырубленных из угольного пласта, рабочих, наступающих на всемирный капитал, развивающиеся темно-красные флаги... Эта книжка пугала меня нарочито грубой, "пролетарской" формой рисунков и мрачными красками.

А вот три старых томика сказок братьев Гримм, изданные в 1900 году, — это было совсем другое дело! Я мог часами рассматривать изображения ведьм и чертей, Гансов с Гретхенами — 410 иллюстраций художников Г.Фогеля Плауэна, Юганна Гротта, Р.Лейнвебера и других. Мы сидим с бабушкой на козетке, и я все время заглядываю ей под руку, стремясь тут же увидеть героев сказок, рожденных фантазией этих прекрасных немецких художников. Иногда бабушка, убаюканная ритмикой своего же чтения вслух, начинает задремывать, и тогда я тереблю ее за рукав, требуя немедленного пробуждения и продолжения чтения. А когда она, пытаясь взбодрить себя, начинает читать "с выражением", я сержусь: "Бабушка, читай формально!"

Бабушка читала мне также "Детство и отрочество" Льва Толстого, прекрасные рассказы о природе Георгия Скребницкого, только что вышедшие в его книжке "Лесное эхо". В бабушкином "исполнении" я познакомился со знаменитым Буратино Алексея Толстого, Чуком и Геком Аркадия Гайдара. Забавно, что мама осуществляла определенные "главлитовские" функции: она вычеркивала у этих авторов встречавшееся в тексте слово "дурак", чтобы мальчик, то есть я, не использовал бы его в своем лексиконе. Какова же была моя радость, когда мама где-то случайно пропускала крамольное слово, а бабушка, утратив бдительность, читала его полностью и спохватывалась в смущении, что сделала что-то не то.

Иногда она выпускала меня погулять во двор. Общаться с местными ребятами мне было трудно: они принадлежали к совершенно иному социальному слою и отнюдь не блистали воспитанием. Кроме того, я внутренне очень болезненно реагировал на слова "шо́фер", "матеря", их "околоматерные" словечки. Вероятно, другая сторона также чувствовала во мне чужака, поэтому делала меня объектом постоянных насмешек и дразнилок: "Не так прошло уже давно, как Митька вляпался в г..." Согласитесь, что в такой атмосфере гуляние в том дворе теряло для меня всякий смысл.

Пожалуй, самым интересным для меня были рассказы о бабушкином детстве. Например, о забавном случае, когда она, будучи еще совсем маленькой, расшалившись, мчалась по коридору их огромной питерской квартиры. И вдруг на ее пути неожиданно вырос папенька, этот

небожитель, вышедший из своего кабинета! Маленькая Наташа со страху обмочила панталончики... Я сочувствовал ей, представляя эту картину.

И уж лучше всяких детективов был рассказ бабушки об одном случае. Вскоре после революции в их особняк пришел как-то вечером незнакомый человек. Он вежливо попросил жильцов одной из комнат на некоторое время покинуть ее. Народ там проживал интеллигентный и наивный: подумали, наверное, что человек этот из тогдашнего ЖЭКа, или вообще, *оттуда*, поэтому документов у него никто не спросил.

Незнакомец вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. Вскоре послышалось легкое постукивание по стене, затем чуть слышный скрип. Через несколько минут он вышел и, извинившись за причиненное беспокойство, покинул особняк, растворившись в темноте арбатских переулков. Когда жильцы вошли к себе в комнату, то на высоте человеческого роста они обнаружили аккуратно взрезанные и отогнутые обои, за которыми открывалась прямоугольная дверца в стене, являя взору небольшую пустую нишу. И тогда они поняли, что это приходил за своими спрятанными от большевиков драгоценностями бывший владелец особняка Фролов. Надо ли говорить, что все обитатели дома тут же бросились простукивать стены своих комнат, но, увы...

А этот рассказ бабушки мог бы посоперничать с нынешними мистическими триллерами. Будучи преподавательницей гимназии, бабушка помогала в учебе двум соседским девочкам. Их отец занимался поставкой дров в Питер. Видно, дела у него шли настолько хорошо, что по соседству с местечком Уторгош он купил имение. И вот, в качестве ответной любезности, этот бизнесмен пригласил бабушку летом 1912 года погостить у него с детьми и фрейлиной-немкой в этом самом имении в период летних каникул. Сам он с дочерьми уезжал летом на юг.

Имение точно соответствовало классическому описанию старых поместий: большой барский запущенный дом с колоннами, подъезд к нему полукружьем для колясок. Сам дом как бы олицетворял собой суровую старину: огромная, двухсветная зала с хорами наверху, с узкими, длинными окнами. Перед домом была разбита клумба, а посреди нее рос дуб. За домом — огромный заросший сад, хор лягушек в пруду и безмолвие вокруг.

Все здесь напоминало о недавнем мире господ и рабов: ведь всего-то прошло чуть больше полувека, как крестьян освободили. Какие-то старики, жившие неподалеку в хозяйственных пристройках, рассказывали предания прошлого, из которых явствовало одно — их пороли. Кроме порки, они ничего вспомнить не могли. Здешний помещик, по их словам, зело лютовал, а посему после освобождения все крепостные слуги в одночасье его покинули. И сколько он ни звонил в колокольчик — ни один бывший раб не явился на его зов.

Оглянувшись и понизив голос, старики прибавляли, что и теперь барин иной раз появляется в своем доме и звонит, звонит...

Бабушка считала все эти рассказы и выдумками. Но ее дети — мой папа и мои дядя с тетей, — как-то внутренне съеживались, входя в дом, и старались быстрее пробежать через залу, чтобы подняться по лестнице в спальню.

Каждый из них нашел в имении занятия по душе. Мой папа, которому в ту пору было восемь лет, носился с местными мальчишками, играя с ними в "лошадки": ему недавно подарили игрушечную упряжь с бубенчиками (что-то долгонько он все еще в лошадки играл...) Его брат Андрей, который был постарше, страстно увлекался изучением природы. Он все время пропадал в саду и однажды с торжеством показал своим брату и сестре ежика, которого обнаружил в кустах. Дети завернули колючий комочек в платок и притащили его в дом. Там ежику сразу налили молоко в блюдечко, но он не желал раскрываться. И только когда все вышли из комнаты, ежик высунул свое рыльце и с удовольствием стал лакать молоко.

Как-то вечером, когда солнце уже село, все обитатели дома отправились к себе на второй этаж готовиться ко сну. Бабушке было довольно тоскливо в этом имении: общества, за исключением фрейлин, никакого. В библиотеке она обнаружила несколько старинных книг, но почему-то все про разбойников. Особенно неприятно было ночью: в голову лезли рассказы стариков, за окном ухали совы, она плохо спала... Да, вдобавок, в ночной тишине всегда что-то потрескивало, шуршало, и казалось, что в доме кто-то ходит.

И вот однажды... Нет, ей не изменяет слух! Звон колокольчика! Слабый, прерывистый — звонит! Глупости, откуда могут быть эти звуки? Или это привидение — старый помещик? Не может быть! Бабушка будит фрейлин:

— Вы слышите?

Фрейлин прислушивается:

— Йа, йа, натюрлих! Кто-то опретелённый сфонит.

Бабушка зажигает керосиновую лампу и хочет выйти, посмотреть, что происходит. Фрейлин умоляет ее не трогаться с места. Бабушка колеблется, но чувство ответственности преодолевает. Дети же рядом! Лампу в руки — и вперед! Фрейлин вынуждена следовать за ней. За дверью лампа неожиданно гаснет. В крошечной темноте продолжает звонить колокольчик.

— Кто здесь? — громко спрашивает бабушка.

В ответ молчание.

— Wer ist da? (Кто там?) — вопрошает почему-то по-немецки фрейлин. Может, она думала, что привидения лучше понимают этот язык?

Снова звук колокольчика. И тогда, решившись, обе женщины бросаются вперед, водя перед собой вновь зажженной лампой, чтобы быстрее обнаружить незваного ночного гостя.

И они обнаруживают его! Это ежик, которого дети принесли в дом... Когда в доме все утихомирилось на ночь, ежик решил обследовать новое для себя помещение. Тут он зацепился за папины вожжи с бубенчиками, поволок их за собой, бубенчики звенели, и вот вам ожившая легенда о старом помещике!

Я слушал, не шелохнувшись.

В тот день, когда бабушка подарила мне молоток, вечером за мной пришел папа и, погрузив меня вместе с моим скарбом на санки, повез домой. Снега было мало, полозья санок отвратительно скрежетали по асфальту. Когда мы прибыли к себе на Арбат, то я первым делом бросился доставать из авоськи дорогой подарок. Но где он? Выронили по дороге... Расстроились и я и папа ужасно. До сих пор мне досадно, а ведь с того дня прошло лет шестьдесят...

Ныне в особняке, где жила моя бабушка, располагается посольство Люксембурга.

Тетя Аля и дядя Толя

Рассказывая о бабушке, я не могу не рассказать и о ее дочери, сестре моего папы — Александре Дмитриевне Ковалевой — для нас с сестрой просто тете Але. Для меня бабушка и тетя были неразрывно связаны, потому что долгие годы проживали вместе и вместе же приезжали к нам домой или жили на даче.

Тетя Аля — красивая, с пышной копной золотистых когда-то, а теперь серебристых волос, "королева вестготов" — так называл ее папа в молодости, — занимала в моей жизни достаточно важное место. Кстати, моя сестра была с ней только на "вы", а я — только на "ты". Не имея собственных детей, она всю свою нерастратченную природную заботу о них перенесла на меня, но, опять же без "телячьих" нежностей. Она играла со мной, и приход в дом тети Али всегда означал для меня веселье и радость. Как мы с ней разыгрывали в лицах мои обожаемые "Сказки

дядюшки Римуса" или "Кошкин дом"! Какой простор для воображения и импровизации был в этих мини-спектаклях, сколько было выдумки, остроумия!

А в начале 50-х в наши игры был привнесен еще один сюжет. Друг нашей семьи и кинорежиссер всех папиных фильмов Сергей Филиппов побывал в Индии (тогда это казалось просто невероятным!) и рассказывал нам потом о своих впечатлениях. Меня, естественно, больше интересовали его встречи с обезьянами — он так живо их описывал! И мы с тетей Алей стали придумывать веселые сюжеты из обезьяньей жизни.

В более старшем возрасте основу нашего общения составляли книги — многие тетя знала чуть ли не наизусть, особенно Марка Твена, Джерома К.Джерома, О'Тенри. Поскольку такая память генетически передалась и мне по Симуковской линии, то мы могли, как в пинг-понге, перекидываться с ней полюбившимися фразами или целыми отрывками из книг. Я рад, что наша тетя Аля успела еще пообщаться и с моей дочерью Любочкой и показала ей бесхитростные карточные фокусы, которые та помнит до сих пор и умеет демонстрировать.

Как и мама, тетя Аля была хранительницей "устных преданий и хроник детской жизни". Она помнила какие-то наши с сестрой забавные выражения, эпизоды из нашей жизни. Например, такой: сидим мы с тетей на диване, о чем-то беседуем (мне лет пять). Вдруг я вскакиваю, подбегаю к двери в смежную комнату, напряженно прислушиваюсь, потом возвращаюсь на место с просветленным лицом: — "Нет, просто так разговаривают!" В отношениях папы и мамы бывали свои сложности...

"Давайте смеяться и хохотать!" — до конца своей жизни повторяла тетя Аля этот мой детский призыв. Вероятно, я рассматривал его в качестве заклинания, с помощью которого хотел оградить себя от всех жизненных невзгод.

Моя тетя дарила мне прекрасные подарки — игрушечные машины, книги. Причем, когда мама не могла купить мне какую-нибудь игрушку, потому что в семье просто на это не было денег — папины гонорары не всегда гарантировали финансовую стабильность семьи — то тетя Аля приходила ей на помощь.

Когда я стал постарше, то вместо игрушек тетя иногда совала мне в карман рубль, а то и три — по тем временам большие карманные деньки для школьника. Однажды тетя Аля выиграла в лотерею автомобиль "Запорожец" и взяла его стоимость деньгами, которые тут же распределила между своими племянниками — Олей, мною и нашей двоюродной сестрой Наташей. Свой "кусочек" машины я положил на сберкнижку, только его "съели" все наши экономические пертурбации...

Тетя Аля была замужем вторым браком за Анатолием Петровичем Ковалевым. Еще шестнадцатилетним юношей тот вступил в ВКП(б) в 1918 году ("А чего же не в 17-м? Целый год колебался?!" — так ехидствовала одна наша родственница) и был делегатом на X Съезде Советов, на котором выступал Ленин. По словам дяди Толи, Владимир Ильич в пух и прах разнес тогдашних коммунистов, презрительно относившихся к торговле.

В тридцатые годы Ковалев возглавлял Институт Советского строительства в Москве (были такие, оказывается, для подготовки кадров государственного аппарата; на основе московского был впоследствии создан академический Институт государства и права). По выражению папы в нашем семейном клане Ковалев "отвечал за советскую власть". Потом дядю Толю "бросили" как раз на торговлю, отправив в Англию торговать советскими кинокартинами в Аркосе. Довольно хилая была эта торговля, как я понимаю, учитывая откровенно идеологическую направленность

наших кинолент. Похоже, что та контора служила больше удобным прикрытием для работавших в ней сотрудников, которые, надо полагать, занимались совершенно иными делами¹.

Побывала в Англии и тетя Аля, но прожила она там всего три месяца и вместе с мужем вернулась обратно в СССР. Причиной их быстрого возвращения стала "высокая" политика. С конца 20-х годов британская пресса была полна (в общем, не без причины) "страшилок" о "руке Москвы". Кстати, мой папа решил тогда пошутить, изобразив ту самую "руку" в одном из писем сестре в Англию: он вымазал ладонь красной краской и отпечатал пятерню на почтовом листе. Пронесло...

А в ответ на арест в СССР нескольких инженеров английской фирмы "Метро-Виккерс" по огульному обвинению в шпионаже в апреле 1933 года последовало и эмбарго со стороны британского правительства на торговые отношения с Советской Россией. В результате этого все сотрудники "Совэкспортфильма" были вынуждены покинуть Англию.

Но и тех трех месяцев хватило тете Але, чтобы в общих чертах познакомиться с Лондоном, с жизнью в Англии. Она мне потом много рассказывала о своей поездке. В немалой степени ее рассказы заронили призрачную надежду, что и я побываю в этой стране...

По возвращении дядя Толя работал в газете "Известия", потом директором Госкультиздата, был даже начальником отдела в Главлите. Затем, до конца своих дней, он работал заместителем директора издательства "Наука", где ему поручался выпуск самых ответственных, самых сложных трудов из области политики и экономики. Когда ему пошел шестой десяток, он стал невероятно походить на Уинстона Черчилля, особенно когда брал в рот сигару. Был дядя Толя хлебосольным хозяином и большим жизнелюбом с хитринкой в глазах.

Он тоже любил своих племянников — меня с сестрой — и его любовь проявлялась иногда в виде конкретной помощи в весьма деликатных вопросах. Когда моя сестра уже работала в издательстве в начале 60-х годов, к ней домой позвонил какой-то человек, и, представившись (естественно, он был из "органов"), напросился на разговор. Беседу он повел о том, что, вот им очень хотелось бы, чтобы она, моя сестра, ну, *информировала бы* о настроениях в коллективе...

Оля, как потом она мне рассказывала, была в чрезвычайном смятении: как отвязаться? Ведь они же, как пауки, хватают и запеленывают в свою паутину так, что не выбраться. Она поговорила с папой, а тот посоветовал ей поговорить с дядей Толей. Выслушав свою племянницу, он сказал, что посмотрит, что можно сделать. На том и расстались. После того разговора сестру из приснопамятного ведомства никто и никогда больше не беспокоил. До сих пор мы гадаем, как дяде это удалось...

А со мной дядя Толя задушевно и как-то просто поговорил, когда я весь кипел от бешенства. В школе учительница узнала, что мне вскоре исполнится 14 лет, и тут же сказала, что меня тогда и примут в комсомол. Внутренне я весь взвинтился: как это, без моего собственного *желания*? Автоматически?! Моя личность возмутилась до глубины души, причем настолько, что дома я заявил о своем отказе вступать в эту организацию. Мудрые родители, слишком хорошо представлявшие возможные последствия такого юношеского протеста, предложили мне поговорить с дядей Толей как с "политическим" авторитетом в нашей семье. И

¹ Arcos — All Russia Cooperative Society, Ltd., или Всероссийское кооперативное общество. Имело контору в Лондоне. Эта организация служила удобной легальной "крышей" для агентов ГПУ. За пять лет до описываемых событий британские полицейские в 1927 году совершили налет на офис и склады компании. Были изъяты и изучены около 250 тысяч документов, после чего британские власти заявили о раскрытии "шпионского" гнезда и разорвало с Советской Россией дипломатические отношения

Сайт: <http://slon.nsys.by/library/index.php3?p=27&action=readtext&id=117>

я поговорил с ним, и он как-то сумел меня успокоить и погасить "бунт". В комсомол пришлось вступить.

По приезде из Англии тетя Аля работала стенографисткой в министерстве финансов, а потом всю оставшуюся жизнь трудилась в той же должности на автозаводе им. Сталина, ныне им. И.А.Лихачева. Она была профессионалом высочайшего класса, и ее все очень уважали. Тетя Аля застала еще самого Лихачева, когда тот возглавлял завод. Она всегда говорила, что при нем следовало бы постоянно находиться бригаде из режиссера, актера и литератора, чтобы фиксировать все его слова, остроумие, находчивость, а потом все это разыгрывать на сцене. Бывший матрос, Лихачев действительно был самородком из самой гущи народа. Однажды кто-то подшутил и заклеил розовой бумажкой стекла его очков, желая, вероятно, намекнуть, что директор смотрит на действительность сквозь "розовые" стекла. И Лихачев, сидя в президиуме какого-то совещания, водрузил на нос свои очки и вдруг в ужасе замахал руками — он ничего не видел! К счастью, директор понимал юмор, и оргвыводов не последовало.

Любопытная деталь: тетя Аля никогда не поддерживала "политические" разговоры, будь то хрущевские, брежневские или горбачевские времена. Видимо, страх из далеких 30-годов, когда был уничтожен их с папой старший брат Андрей, тянулся за ней страшным шлейфом. Даже в анкете тех лет (я нашел ее в документах тети) она писала: "Родилась 6 октября 1905 года в дер. Сигеевке, отец из крестьян, служил в Ленинграде бухгалтером мать в Сигеевке имела ок. 10 десятин земли. Отец умер в 1922 году". Вполне *серенькая*, какая и требовалась, биография. Место рождения она указала деревню Сигеевка (на самом деле родилась в Санкт-Петербурге, но тогда место рождения детей записывали по месту рождения отца). Отец действительно был из крестьян, но работал не простым бухгалтером: он служил в Министерстве финансов Российской империи. Это уже в самом конце жизни, когда семья жила в его родной деревне Сигеевке ему дали возможность работать в деревенском сельпо — счетоводом, то есть бухгалтером. Так тетя Аля и записала. О репрессированном брате, естественно, ни слова. А ведь такого рода умолчание в то время считалось преступлением.

Когда я приходил в гости к тете Але и дяде Толе, то мне разрешали поиграть с заводной игрушкой, привезенной из Англии — маленькой черной собачкой скотч-терьером в шотландской клетчатой попонке. После завода ключом собачка быстро-быстро перебирала передними лапками и мчалась по кругу на невидимых из-под попонки колесиках. Когда игрушка сломалась (нет-нет, я был тут не причем!), то тетя Аля обратилась за помощью к главному инженеру ЗИЛа, которого хорошо знала. И вот человек, занимавшийся в годы войны выпуском знаменитых грузовиков "ЗИС-105" и ракетных минометов "Катюша", починил английскую собачку. Что-то здесь от лесковского "Левши" проскальзывает...

Тетя Аля с дядей Толей жили сперва в коммунальной квартире в особняке на углу Садового кольца и Малой Никитской, который приглянулся Лаврентию Берия, когда тот переехал в Москву. В двадцать четыре часа всех жильцов выселили из дома, а тете с дядей дали комнату и тоже в коммуналке на Страстной (ныне Пушкинской) площади. Потом, в середине 50-х, они съехались с бабушкой, которая продолжала жить в своем Хрущевском переулке, и поселились в двух комнатках опять же в коммунальной квартире в большом Кисельном переулке. И уже только под конец своей жизни, после смерти бабушки, они получили в начале 60-х маленькую двухкомнатную отдельную квартиру в новом кирпичном доме на Юго-западе Москвы.

Тетя Аля и дядя Толя внешне жили очень дружно, хотя я понимал из разговоров родителей, что между ними были достаточно сложные взаимоотношения. Сужу по тому, что хозяйственный бюджет у каждого был свой. Так, вероятно, у них сложилось с самого начала — никто не хотел ни от кого быть зависимым. Папа рассказывал мне со слов тети Али, уже когда та ушла из жизни, что однажды они с дядей Толей сидели рядом на диване (это было незадолго до его смерти), потом вдруг крепко обнялись и оба горько-горько заплакали. Тут, наверное, смешалось все: и обиды далеких лет, и сожаления о том, что жизнь прошла так, а могла бы иначе, и взаимная благодарность за помощь поддержку... Эта сцена произвела на меня огромное впечатление — в ней вся жизнь человеческая...

ГЛАВА II. Мой детский мир. Большие перемены

Игрушки детства

Первое послевоенное поколение, к которому я принадлежу, помимо скудного питания по продуктовым карточкам (их отменили только в 1947 году), испытывало в самом начале своей жизни и острую нехватку игрушек. Из самых старых у меня сохранился лишь резиновый мальчик с мячом, "приросшим" к одной ноге, а другая соединялась с резиновой же подставкой с нарисованной травой, чтобы игрушка могла стоять. Но как с такой играть? Это была, скорее, резиновая статуэтка. Еще был болотного цвета целлулоидный крокодил в пиджаке, при галстуке и в черных ботинках — его, по-моему, сделали по образу и подобию героя одноименного стихотворения Чуковского. Другие игрушки в памяти не остались. Ситуация стала чуть лучше в начале 50-х.

Моими самыми первыми "зрительными" игрушками были нарисованные фигурки различных экзотических зверей — слонов, жирафов, обезьян и других. Папа сделал трафареты и нанес коричневой краской их изображения в виде бордюра вдоль стен комнатки, в которой я спал. До сих пор помню, как мой взгляд переходил от одного животного к другому, как рождались какие-то ассоциации. По другим папиным эскизам — овечки, обезьяны и синицы — мама сшила из разноцветной ткани — белой, коричневой и синей — небольшие подушки, застегивавшиеся на пуговицы, и набила их ватой. С ними уже можно было играть. Эти подушки живы у меня до сих пор.

Потом стали появляться — редко! — мягкие игрушки: двое мишек, заяц, лиса, маленький поросенок. Я тотчас же наделял каждого собственным именем, характером, поведением. С этими игрушками я с тетей Алей с упоением играл в саму "жизнь". Интересно, что любые "человекообразные" куклы вызвали у меня яростную реакцию отторжения — я их запихивал куда подальше, чтобы и не глаза не попадались.

Одного моего медведя звали, конечно же, Михайло Потапычем, а другого — Михайло Иванычем. Характеры у них были разные, но у обоих — весьма положительные, притом, что ничто человеческое им не было чуждо. Поросенок же был окрещен Ниной Поросёнковой. Она была "мастером бытового обслуживания" (профессия и должность были навеяны радиопередачами, хотя в смысл этих слов я особо не вникал). Всем им мама сшила одежду — штанишки, рубашки, юбочку, блузку. Вот так и получился у меня круг ближайших друзей, с которыми я проводил большую часть времени. Во дворе у нас на Арбате гулять было негде, да и окружение там было самым "неподходящим", не говоря уже о том, что ноги у меня после болезни были еще слабыми; я большей частью сидел дома.

И не знал, и не ведал я тогда, что мои особые отношения с плюшевыми друзьями, помогавшими мне жить и не чувствовать себя оторванным от жизни, были связаны, и притом самым неожиданным образом, с далеким XIX веком. Дело в том, что, как я недавно узнал, в конце позапрошлого века в немецком городе Гинген жила девушка по имени Маргарет Штайфф. Когда-то она тоже перенесла полиомиелит, не могла больше ходить и все свое время была вынуждена проводить в инвалидной коляске. Но Маргарет не только не сломалась, но и смогла стать одной из самых преуспевающих молодых дам в мире. И помогли ей в этом мягкие игрушки!

Однажды она сшила маленького слоненка, набила его ватой и подарила своему племяннику. Таких же игрушек потребовали себе и другие племянники девушки. Вскоре все дети в городе мечтали иметь свою собственную мягкую игрушку, и Маргарет шила их с утра до ночи. Родители поддерживали ее начинание и, видя множество потенциальных заказчиков у их дочери, помогли основать ей мастерскую игрушек, где изготавливались слоники, обезьянки, лягушки... Вскоре мягкие зверюшки Маргарет стали так популярны, что покупатели приезжали из других городов. Мастерская развивалась и постепенно превратилась в серьезную компанию "Steiff", которая вполне благополучно существует и по сей день. Каким прекрасным примером жизненной стойкости служит эта история!¹

А я придумывал и рассказы из жизни своих "мягких" друзей (основой, конечно же, являлась жизнь реальная, окружавшая меня в то время). Так, два моих закадычных друга-медвежонка хотели попасть в Кремль к Сталину — вот только сегодня не помню, с какой целью. Или, например, Михайло Иванович и Михайло Потапыч, *ни-ког-да* не заходили в "забегаловку" пропустить рюмочку. Но уж ежели такое вдруг и случалось, то они себя тут же "лапкой по попке" (мои слова того времени) выгоняли из этого питейного заведения.

В основе такой риэлити-игры лежали приметы времени: мой папа с дядей Толей позволяли себе иногда на пути домой посетить на минутку "забегаловку". В конце 40-х и начале 50-х по Москве было разбросано множество таких неказистых дешевых питейных заведений, где стоя можно было выпить рюмку водки под простенький бутерброд. Вероятно, мое тонкое ухо уловило недовольство этим мамы и тети. И тут я дал им в руки мощное оружие — даже плюшевые мишки себя лапкой по попке выгоняют из забегаловок, а вы... В семейных преданиях это стало классической фразой.

Мои очеловеченные звери не могли, конечно, жить по лесным законам, и поэтому мне требовалось обустроить их быт. Я попросил маму, если она увидит и это будет недорого, купить мне игрушечный фарфоровый сервиз. И такой вскоре появился — тарелочки, чашечки, супница, чайничек, все с розочками, очень красивое. Сестра, еще студенткой, привезла из командировки в Питер игрушечную маленькую мясорубку, скалку, разделочную доску. А уж когда Дед Мороз принес мне на Новый год игрушечную швейную машинку, положив ее под подушку (машинка, правда, плохо шила — страшно "петляла"), я вообще был наверху блаженства: с моей помощью быт моих друзей будет теперь налажен. Все эти, на первый взгляд "девчоночьи", игровые аксессуары совершенно органично вписывались в мой плюшевый звериный мир. А став взрослым, я и пришить что-то могу, и сготовить, и убрать, и накрыть стол и убаюкать ребенка. Это оттуда навыки, из детства...

Конечно же, у меня были и механические игрушки — как же мальчишке без них! Я просто хочу сказать, что мое гуманитарное развитие через плюшевых мишек и заек гармонически дополнялось и техническим.

¹ Еженедельник "Тайны XX века", №17, апрель 2009, с.26

Однажды магазин игрушек стал моей настоящей Голгофой. Кто-то из родственников подарил мне механическую прыгающую зеленую лягушку, которую купил в магазине игрушек, что был на Арбате рядом с нашим домом. Эту лягушку надо было завести ключиком, и она начинала дробно скакать по столу. Естественно, в силу детской пытливости ума, я взломал лягушку, чтобы посмотреть, как она устроена внутри. Но мама усмотрела в этом не мое стремление к познанию сути вещей, а проявление вульгарного детского вандализма. Решение, как потом рассказывала мне мама, созрело мгновенно. Взяв меня за руку, мама пошла со мной тот самый магазин, подвела меня к продавщице и громко сказала: "Посмотрите на этого мальчика. Он ломает свои игрушки". Со стыда я не знал, куда деться. Это было жестоко, но, как я понимаю теперь, совершенно необходимо. Тот педагогический урок я усвоил на всю жизнь и игрушек больше не ломал, стараясь постигать окружающий меня мир иными путями.

А вот и другой пример того, как дети ломали игрушки. Его я нашел на страницах газеты "Московский комсомолец" в рассказе нашего известного актера Олега Янковского. Его бабушка родилась в Симбирске, там же, где и вождь мирового пролетариата. Более того, их семьи дружили, поскольку были соседями. Когда Оленьке было пять лет, ее до слез обидел будущий основатель советского государства. Дело в том, что ее родственник привез ей из Парижа куклу с закрывающимися глазами — тогда они только входили в моду в Европе. А Володя Ульянов очень захотел узнать, как она устроена. Он отобрал у бабушки Янковского эту куклу и вырвал ей глаза¹. Как жаль, что Володина мама не взяла тогда его за руку, и не привела его в магазин игрушек и не рассказала приказнице об ужасном поступке сына, чтобы на всю жизнь отбить охоту у него к подобным "экспериментам". Глядишь, вырос бы он хорошим мальчиком. А так, чем это все в конце-концов закончилось, — нам всем слишком хорошо известно...

Году в 1949-м у меня появился игрушечный ковшовый экскаватор (скорее всего, его купила мама). Это не был привычный сегодня элегантный экскаватор, выкрашенной яркой краской. Мой был массивным — 40х30х30 сантиметров — и походил на грубое подобие американских экскаваторов конца 20-х годов, которые работали еще на строительстве Турксиба. Открытая, без стенок, платформа на колесиках, на которой находился механизм, была покрыта покатой гофрированной крышей; спереди — стрела с мощным ковшом, сзади — подобие цилиндрической топки с трубой (вероятно, настоящие такие экскаваторы работали на дровах или угле). Если крутить мощную рукоятку, что требовало огромных усилий, то ковш загребал землю, а потом, если рукоятку продолжать крутить, его телескопическая стрела вытягивалась, ковш раскрывался, и земля должна была, по идее, высыпаться в кузов самосвала. К сожалению, такового в моем автопарке не было. В общем, экскаватор представлял собой весьма крепкое сооружение: я мог, усевшись на крышу, совершенно спокойно "ездить" на нем по комнате, не боясь сломать. Позже, когда у нас появилась дача, я засовывал в его топку палочки, бересту, зажигал их, и из трубы начинал валить густой дым. Была полная иллюзия работавшей машины.

Однажды, возвращаясь с прогулки, мы с папой шли мимо магазина игрушек, того самого. Надо сказать, что гулял папа со мной редко, он все время работал дома, поэтому каждую нашу совместную прогулку я ждал с нетерпением. Так вот, в витрине магазина красовался огромный бордовый грузовик-самосвал длиной с полметра, то есть чуть ли не в половину моего тогдашнего роста! Естественно, я замедлил шаги и впился взглядом в это великолепие. — "Нравится?" — спросил папа. Я просто кивнул, слов не было. Тогда он взял меня за руку, и мы вошли в магазин. Через минуту я стал обладателем бордового чуда. До сих пор ощущаю восторг

¹ Газета "Московский комсомолец", 28 мая 2009, 6 полоса

от внезапного обретения вожеленного самосвала без каких-либо просьб с моей стороны, не говоря уже об абсолютно неведомом мне "канючении". Теперь я мог разгружать свой экскаватор прямо в самосвал: они были прямо-таки созданы друг для друга, такие массивные, грубоватые, надежные.

В другой раз папа привез мне из какой-то командировки заводную игрушку — поросенка-скрипача. Он был в черном лаковом цилиндре, в черном суконном фраке с белой манишкой, со скрипочкой из жести и смычком. Когда поросенка заводили ключиком, то он начинал судорожно дергать смычком по скрипочке и поворачивался в разные стороны. Ума не приложу, как такой поросенок появился в ряду достаточно ординарных игрушек того времени.

Не так давно я узнал от своей знакомой, меня постарше лет на десять, которая также выросла на Арбате, что эти поросята продавались в середине-конце 40-х годов в нашем же магазине игрушек, и что у нее в доме живет такой тоже¹.

Моей всегдашней мечтой была игрушечная железная дорога, и, конечно же, электрическая! Такая была выставлена в витрине всё того же магазина: большой электровоз, вагоны, стрелки, семафоры, мосты, туннели... Но мечта была недостижимой — родители не могли купить мне такую дорогую игрушку. Я это хорошо понимал и не комплексовал по этому поводу. Но вот однажды...

Это не был день моего рождения или какая-нибудь особая дата, когда детям делают подарки. Это был самый обыкновенный будничный день. Мама принесла домой большую тяжеленную коробку из толстого, вроде фанеры, картона. — "Это тебе, — сияя, сказала она. — Это железная дорога! Правда, не электрическая, — паровоз нужно заводить ключом, но, я думаю, тебе понравится. Мы выиграли по облигации государственного займа², и на эти деньги я ее тебе и купила".

Стоит ли описывать ту неимоверную радость, которая охватила меня! В коробке был большой и тяжелый зеленый паровоз, зеленый же тендер для угля, крытый красный товарный вагон, платформа, серебристая цистерна и еще много рельсов, образовывавших при соединении замкнутый овал. Когда в СССР появились в 60-е годы дотоле невиданные у нас миниатюрные модели железных дорог из ГДР, то я уже вырос, и меня занимали другие интересы. Но и сегодня меня охватывает какая-то лихорадочная дрожь при виде таких моделей. А та старенькая моя железная дорога существует и поныне, только у паровоза одно колесо из силумина раскрошилось.

¹Теперь, на почетном месте в папином кабинете в книжном шкафу за стеклом стоят два механических другараритета — этот поросенок, подаренный мне папой, и английская собачка, перешедшая мне в наследство от тети Али. Представьте, обе игрушки безотказно действуют, хотя на двоих им больше 140 лет!

² Здесь мне нужно пояснить для более юного поколения, что представлял собою "государственный заем" сталинских времен. Был такой у вождя экономический инструмент, когда население в добровольно-принудительном порядке должно было подписываться на такие государственные займы, тратя на них до нескольких своих месячных зарплат. Как и на что будешь жить потом — дело твое. Отказаться нельзя: ты тут же становился подозрительным элементом. Тебя даже в антисоветских настроениях могли обвинить — чем это грозило, всем известно. Взамен люди получали ценные бумаги — государственные облигации, которые подлежали погашению через несколько лет и которые разыгрывались в регулярно проводимых тиражах. По этим облигациям можно было выиграть различные суммы. В середине 50-х годов Хрущев отложил погашение "сталинских" облигаций на 25 лет, лишив тем самым людей надежды даже на маленькое везение — выигрыши, которые как-то скрашивали их скромную жизнь. Потом облигации были все-таки погашены, займы по-тихому возродились, но без принудительности, и когда уже в 90-годы я пошел получать по такой уже горбачевской облигации какой-то минимальный выигрыш, то в Сбербанке мне сказали, что сама облигация теперь стоит 25 копеек, и что если я хочу... Но это так, к слову.

Когда я пошел в первый класс, тетя Аля подарила мне большую — с полметра длиной — тяжеленную красную инерционную машину-кабриолет. Такие только-только появились в продаже. Эту машину нужно было разгонять рукой, и она неслась вперед за счет крутящегося тяжелого маховика, урча при этом и завывая. Мой школьный товарищ Сережа Шубин до сих пор вспоминает ту красную машину! А я, в свою очередь, помню, как, впервые переступив порог его комнаты в доме по соседству, попросту онемел: на полу была разложена та самая электрическая железная дорога с витрины арбатского магазина игрушек — предмет моих вожделенных мечтаний детства...

Последней *детской* игрушкой в моей жизни, когда мне стукнуло лет тринадцать, и в приобретении которой также приняла участие тетя Аля, был большой (тоже сантиметров 40 длиной) лимузин. По существу, это был автоконструктор, потому что машину надо было собирать из множества деталей и узлов.

Задолго до того, как я стал его обладателем, я не раз облизывался на эту сверкающую салатной эмалью красоту, выставленную на витрине знаменитого магазина "Пионер", что был на улице Горького. Но я понимал, что вещь дорогая, и что вряд ли когда-нибудь она у меня появится. И вдруг мама с тетей дарят мне мою мечту на день рождения! Они "скинулись". Наверное, я все-таки невзначай когда-то пискнул маме о той прекрасной машине...

Как же здорово, когда сбываются детские мечты! Низкий поклон вам, мама, папа, бабушка, тетя Аля, сестра и все родные и близкие, кто делал мою жизнь счастливой, даря не только игрушки, — свою огромную любовь.

Семейное чтение

Стремясь приобщить меня к настоящей литературе в самом раннем детстве, папа остановил свой выбор на Киплинге. Герои "Книги джунглей" этого "певца британского империализма", как в СССР нередко величали известного писателя, его сказок и легенд в папином прочтении предстали передо мной абсолютно живыми, как будто я сам находился в центре всех событий. С той поры образы "безбашенных" обезьян-бандарлогов, гнусного прихлебалы-шакала Табаки стали в нашей семье нарицательными понятиями. И до сих пор в ушах звучит папин голос, озвучивающий мольбу любопытного слоненка, который возжелал узнать, что же ест на завтрак крокодил и которого этот крокодил ухватил за короткий нос: "Бустиде беда, бде очень больдо!"

Мне уже лет семь, я болею, а папа, улучив немного времени, читает мне "Белеет парус одинокий" Валентина Катаева. По-моему, это первая книжка, которую он стал мне читать. Как драматург, он интонационно расцвечивает реплики героев, как будто они действуют в его пьесе, и я их просто вижу. А нежнейшая словесная акварель Катаева в папином чтении вызывали в памяти знакомые картины Черного моря. С той поры я не встречал, пожалуй, лучшего описания моря, чем у Катаева:

"Сколько бы ни смотреть на море — оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Оно меняется на глазах каждый час.

То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То, под свежим ветром, становится вдруг темно-индиговым, шерстяным, точно его гладят против ворса.

То налетает буря, и оно грозно преображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки. Взмаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцевитое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над

бурыми облаками шторма. Малахитовые доски прибоя, размашисто исписанные белыми зигзагами пены, с пушечным грохотом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов"¹.

Ну, ведь потрясающе описано! Настоящий Айвазовский слова.

Потом, когда я уже начал читать самостоятельно, папа дал мне книгу "За власть Советов!" (она написана в 1945-1951 гг.), в которой знакомые мне катаевские герои уже взрослыми боролись с фашистами во время Великой Отечественной войны. К сожалению, у писателя здесь больше чувствовался идеологический мотив.

Но вдруг в журнале "Юность" в 1956 году появляется "Хуторок в степи" — прямое продолжение первой повести "Белеет парус", вновь переносящее нас в далекие дореволюционные времена. И опять мне читает папа вслух, поскольку вместе со мной тоже хочет насладиться вернувшимся катаевским кружевным плетением событий, характеров, ситуаций, цветов, запахов этой удивительной земли — Одессы.

В 1960 году в той же "Юности" был напечатан "Зимний ветер", как продолжение сюжетной линии "Хуторка", но здесь меня постигло полное разочарование: все мои любимые прежде герои выглядели каким-то ненатуральными, вымученными. Вот такая "катаевская чересполосица".

Иногда папа пересказывал мне сюжеты увиденных им спектаклей, кинофильмов, диснеевских шедевров. Особенно я любил "Дом с привидениями", где участвуют вечные герои Диснея — пес Плутто, утенок Дональд Дак и Микки Маус. Мы страшно веселились, когда папа живо изображал, как привидение крадется за спиной Плутто с горой тарелок и неожиданно с грохотом роняет их на пол, а Плутто хватается за сердце. Кстати, не так давно я, наконец (это спустя 60 лет!), увидел по телевидению тот самый диснеевский мультфильм. Должен заметить, что в папином пересказе он был гораздо интереснее...

Также через папины рассказы я познакомился с только что вышедшим на экраны фильмом "Верные друзья" по сценарию А.Галича, спектаклем по пьесе Е.Шварца "Обыкновенное чудо".

Впоследствии папа расширил круг нашего чтения и перешел к Гоголю. Вихрь "Вечеров на хуторе близь Диканьки", "Сорочинской ярмарки", захватил и закружил меня, да так, что я, начисто обделенный талантом к рисованию, не мог удержаться. Во мне возникла неодолимая потребность отобразить свои впечатления на бумаге, и я все рисовал, как умел, чертей из "Пропавшей грамоты", чихающий пень и котел с "кладом" из "Заколдованного места". А как здорово было цитировать потом гоголевских героев в каких-то конкретных ситуациях. Ну, к примеру: "...и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: "А что вы тут делаете, добрые люди?"²

Гоголь шел параллельно с чтением отрывков из "Петра Первого" Алексея Толстого. Яркие образы, их язык, живо передающий петровскую эпоху, сделали роман одним из моих любимейших.

Я безудержно хохотал над сатирическим стихотворением Алексея Константиновича Толстого "Сон Попова" и все пытался представить себе Станиславского, гениально

¹ Валентин Катаев. Соб.соч. в пяти томах, т. 2, "Белеет парус одинокий", сс.14-15. Гос. издат. "Художественная литература", М., 1956

² Н.В.Гоголь. "Сорочинская ярмарка", соб.соч в 6 томах, Гос.издательство художественной литературы, М., 1952, т.первый, с.28

изобразившего, по словам папы, экзекутора¹, который "...рысью через зал, // Придерживая шпагу, пробежал".

К слову, это стихотворение, написанное в 1873 году, невероятно актуально, на мой взгляд, и сегодня. В нем некоему советнику департамента снится сон, что он явился поздравить с именинами министра...без панталон. Несчастный советник подвергается ураганному разносу со стороны начальства, которое усматривает в отсутствии этого важного предмета мужского туалета недопустимое вольнодумство и вообще сатиру на урезанный государственный бюджет России. Далее следует пристрастный допрос — кто надоумил, адреса, пароли, явки... И Попов, в ужасе признаваясь во всех приписываемых ему грехах, "Пошел строчить (как люди в страхе гадки!) // Имен невинных многие десятки!" А реплику "Все зло у нас от глупых форм избытка" (имеется в виду чиновничье "усердие") хоть сейчас делай политическим слоганом!

Интересно, что папа умело варьировал свое чтение детям. Моей сестре, к примеру, когда она была маленькой, он, помимо Толстого, читал "Сирано Де Бержерака" Ростана, считая, что девочке это больше придется по вкусу.

И ведь как сработали эти чтения! Все авторы, с которыми мы с ней познакомились в детстве, навсегда остались нами любимыми, и мы постоянно к ним обращаемся.

Читали мне и мама, и тетя Аля и, конечно бабушка, о чем я уже писал. В более раннем возрасте это были "Сказки дядюшки Римуса" Ноэля Харриса, "Кошкин дом" Маршака, позже — "Детство Никиты" того же Алексея Толстого. Приключения великого оптимиста Братца Кролика и злоключения героев "Кошкиного дома" в нашей семье все знали почти наизусть, так что нам ничего не стоило мгновенно изобразить какую-нибудь сценку в лицах, разыграть какой-то эпизод. А туповатая реплика Козла "... мне Коза сейчас сказала, что у нас тут места мало" в разных своих вариациях в зависимости от обстоятельств и вообще стала семейной присказкой.

Какое счастье мне, ребенку, доставляли эти спонтанные домашние спектакли! А позже, благодаря тому, что все полюбившиеся реплики героев из самых различных произведений навсегда оставались в памяти, как здорово было щеголять ими в какой-то жизненной ситуации, когда их кто-то подхватывал, отвечал другими репликами, и вот уже родившаяся мизансценка разворачивалась дальше к всеобщему удовольствию всех ее участников.

Однако чтение мне взрослыми сыграло и свою, быть может, отрицательную роль. Я поздно приохотился читать сам, и сладостный момент для всех родителей, когда любимое чадо с упоением сидит себе в уголочке с книжкой, и его не видно и не слышно, наступил довольно поздно. Помню, как мама корила меня, когда я учился в первом классе: — "Наташа Гольберг уже энциклопедию читает, а ты..." А я не представлял себя, как это можно было читать энциклопедию, и все не мог переключиться с восприятия литературы "с голоса" на чтение "про себя". Но, наконец, этот момент настал.

В конце второго класса одна девочка принесла в школу "Приключения Назнайки и его друзей" Николая Носова (его "Витю Малеева в школе и дома" к тому времени я знал почти наизусть). Книга была прекрасно проиллюстрирована известным художником Алексеем Лаптевым, который первым создал образы главного героя и его друзей, ныне считающихся классическими. Естественно, я попросил эту девочку дать мне почитать эту книжку. Она ее

¹ Экзекутор — чиновник, ведавший хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в государственном учреждении

дала, но на очень короткое время — охотников до такого бестселлера было пруд-пруди. И вот тогда я впервые сам вгрызся в текст.

Дальше все пошло автоматически, только, как говорится, подбрасывай. И мне "подбрасывали": мама — "Маленького лорда Фаунтлероя", "Маленькую принцессу" Ф. Бернетт, которых ей читал в детстве ее папа, а также Тома Сойера и Гекльберри Финна Марка Твена, тетя Аля — "Путешествие на Кон-Тики" Хейрдала, дядя Толя, — "Приключения Шерлока Холмса" Конан-Дойля, папа — "Лесную газету" Бианки, "Маленьких дикарей" Сетона-Томпсона, бабушка — "Остров сокровищ" Стивенсона. Сестра порекомендовала "Мужество" Веры Кетлинской (вот уж агитка, так агитка, но в десятилетнем возрасте я читал эту книгу с упоением!) и, конечно же, своих любимых "Двух капитанов" Каверина. Интересно, что все эти книги или уже имелись в нашей библиотеке, или незаметно появлялись в ней, как только я о них заговаривал.

Огромную роль в моей жизни сыграла "Библиотека приключений", начавшая издаваться в 1956 году (Буссенар, Обручев, Хаггард, Ефремов, Эмар и другие), на которую меня подписала мама. Была еще "Библиотека приключений и научной фантастики" с "рамкой": так сегодня знатоки-библиофилы обозначают серию изданий, на которых в рамке по периметру обложки изображены воздушный шар, кит, самолет, пальмы и еще что-то, относящееся к путешествиям и приключениям.

А ведь у меня были еще и друзья, с которыми мы обменивались новинками и книжками Воениздата карманного размера со знаменитой "косой полосой" (в основном, про "шпиёнов"). Полоса эта, шириной сантиметров десять, на которой, как в кинокадре, был изображен наиболее острый эпизод из книги, пересекала по диагонали ее обложку и служила для нас своеобразным знаком высшего "читабельного" качества.

Я брал книги еще и в школьной библиотеке — это помимо нашей, домашней. А какие интересные повести и рассказы печатались в журнале "Пионер"! На него меня из года в год подписывали родители, преподнося иногда в качестве новогоднего подарка подписную квитанцию! Потом еще был ленинградский журнал "Костер". И я был счастлив, потому что знал, что целый год мне предстоит встречаться с чем-то новым и интересным и просто с хорошей литературой.

Многие книги я любил до такой степени, что неоднократно их перечитывал, и это не обязательно были "шедевры" литературы. До сих пор в голове звучит папин голос: — "Что читаем?— "Петьку Дёрова". — "Опять этот "Деров", — с упором на чистое "е" саркастически подначивает он. Сейчас я удивляюсь, как это я вообще находил время для чтения стольких книг, потому что ведь было еще приготовление уроков, занятия музыкой, и погулять надо было...

Но об одной книге, давшей мне невероятно много и ставшей моим жизненным маяком, книгой-откровением, "книгой-сделать-жизнь-с-кого", я хочу сказать особо.

Мы гуляли с мамой 1 мая 1959 года на площади Маяковского. Это был один из тех немногих счастливейших моментов, когда мама принадлежала целиком мне одному, когда мы радостно бродили в толпе таких же радостных людей — Первое мая! Праздник! Весна! Тепло!

Непременным атрибутом таких наших гуляний была покупка "безделушек", как я их называл. Это были кустарно сделанные и ярко раскрашенные деревянные пушечки, которые могли стрелять деревянными же шариками, полусферические "мячики" набитые опилками и завернутые в серебряную фольгу от цибиков чая, которые прыгали на тонкой резинке. Это были и пищалки "уйди-уйди", и разворачивающиеся из закрученных в рулон "тетины языки", и "жужжалки" и букеты окрашенного в разные цвета ковыля, и аляповатые глиняные обезьянки с ручками-ножками из пружинок и тоже на резинке. Одну такую маленькую, но сшитую из

материи, набитую ватой и украшенную кусочком меха, мама мне купила у какой-то старушки. Почему-то я назвал ту обезьянку Добрым Шиворотом.

В тот день к моему увлечению "безделушками" прибавилось еще одно: на площади впервые появились лотки с книгами. И тут я увидел книгу Александры Яковлевны Бруштейн "Дорога уходит в даль...", в которой она рассказывала о своем детстве. Зная, что папа уже многие годы поддерживал дружбу с этой известной детской писательницей, я попросил маму купить мне ее книгу.

Дома я тут же приступил к чтению, и уже через несколько минут никакими силами меня от книги оторвать было нельзя. Передо мной проходила жизнь Сашеньки Яновской (Бруштейн — это ее фамилия по мужу), дочери врача. Книга помогала мне утверждаться в моих представлениях о добре и зле, уже заложенных моими родителями, она помогала воспитывать в себе твердость убеждений, она открывала страницы уже подзабытой нашей отечественной истории и перекидывала мостик в сегодняшний день. И описание такой невероятной дружбы Сашеньки с ее самым близким человеком — ее папой...

Горестны строки Александры Яковлевны, в которых в одной из глав она напрямую обращается к своему отцу: "Папа мой, папа!.. Через пятьдесят лет после этого вечера [речь идет о лете 1891 года — Д.С.], когда мы с тобой "кутили", тебя, 85-летнего старика, расстреляли фашисты, занявшие наш город... и я не знаю, где тебя схоронили. Мне некуда прийти сказать тебе, что я живу честно, никого не обижаю, что я тружусь, и хорошие люди меня уважают..."¹ Как мне тогда хотелось, чтобы, когда я вырасту, я смог бы сказать то же самое о себе самом.

Я рассказал папе о своих впечатлениях от прочитанной книги и просил передать мою благодарность за нее Александре Яковлевне.

К сожалению, у папы как-то не получилось привести меня к ней на "поклон" (когда-то, по его словам, был такой хороший обычай: молодежь возили "на поклон" к старикам, как бы устанавливая такими визитами незримую связь поколений), но через папу Александра Яковлевна всегда была в курсе моих дел. Однажды папа передал мне дорогой подарок — ее книгу "Весна" — продолжение "Дороги..." с дарственной надписью.

Прошло много лет. Ушли из жизни Александра Яковлевна, мои папа и мама. И вот, разбирая папин архив, я нашел это письмо:

"Москва, 29.9.1962

Дорогой мой друг Леша!

В эти страшные для вас дни я всей душой с вами, разделяю ваше горе. Такое чувство потерянности и беспомощности нападает на нас, когда мы теряем мать... Я это хорошо помню! В эти дни надо всем существом сознавать, что у нас есть — дети, что связь наша с теми неповторимыми людьми, какими были для нас мать и отец, продолжается в нашей связи с детьми. Это спасает от безысходности, от отчаяния, т.е. зовет к действию.

Обнимаю вас, дорогой друг, и всю вашу семью, особенно Митю.

Ваша А.Бруштейн"

Так отозвалась Александра Яковлевна на смерть папиной мамы — мой бабушки — буквально на следующий день после этого печального события в нашей семье. Участие и поддержка, скорбь и понимание и — призыв к действию, которое в минуты уныния и одиночества является единственным спасительным лекарством. Тогда она писала это не только моему папе, но и мне тоже, в мое будущее...

¹ Александра Бруштейн. Дорога уходит в даль... "Художественная литература", М., 1965, с.49

С годами Александра Яковлевна, практически полностью ослепла и оглохла. Но, обладая невероятно стоическим характером, продолжала печатать свои вещи на машинке "слепым" методом. Папа всячески старался поддержать Александру Яковлевну, причем не только морально. Работая в 60-е годы в Министерстве культуры СССР, он выступил в поддержку ее пьесы, и та была принята к распространению, что означало и выплату гонорара автору. Кстати, о дружеских отношениях папы с Александрой Яковлевной свидетельствует и доверенность, которую она написала на папино имя, поручая ему получить причитающийся гонорар (ее я обнаружил в папином архиве).

Разгадка такого моего пристрастия к книгам довольно проста: до пятнадцати моих лет в нашем доме не было телевизора, а о компьютерах, тогда — электронно-вычислительных машинах, ЭВМ, что были размером с приличную комнату — рассказывали разве что в журнале "Техника—молодежи".

Поначалу мама считала, когда телевизоры только стали появляться в домах москвичей, что это изобретение будет отвлекать меня от занятий в школе (я тогда еще и не учился, но родители смотрели в будущее). Свое "отлучение" от телевидения я лихвой восполнял просмотром детских передач у друзей по двору в Воротниковском переулке, куда мы переехали. А с середины 50-х вопрос о телевизоре не возникал еще и потому, что на него просто не было денег — все средства шли тогда на строительство нашей дачи.

Телевизор появился у нас в точном соответствии с пословицей — не было бы счастья, да несчастье помогло. Из-за стремительно развивавшегося сколиоза позвоночника (последствия того страшного полиомиелита, которые вновь догнали меня спустя двенадцать лет) я был приговорен врачами большую часть времени лежать на жестком топчане. И вот тогда родители, желая хоть как-нибудь скрасить невеселые для меня времена, заняли у друзей деньги на приобретение "ящика". Но до его появления у нас дома прошло чуть ли не полгода. В те времена, чтобы только "записаться" на телевизор (они были в большом дефиците) и оставить открытку-заявку на приобретение товара в специализированном магазине, надо было выстоять дикую очередь чуть ли не с ночи, а потом, если повезет и ты "запишешься" — ждать эту открытку с извещением о прибытии "твоего" телевизора в магазин.

Короче, к моменту, когда телевизор "Радий" (с самым большим по тем временам экраном — около 30 см по диагонали) был установлен в начале февраля 1961 года в моей комнате на тумбочке, я уже настолько успел заразиться чтением, что приобрел к телевидению достаточно сильный иммунитет. Да и само телевидение длилось тогда всего несколько часов в день и только по двум каналам, а телевизионные программы за редким исключением были чрезмерно идеологизированными, что тоже склоняло чашу весов в пользу чтения.

Со временем детские журналы "Пионер" и "Костер" уступили место молодежному журналу "Юность". Его мы стали выписывать с самого первого номера, вышедшего в июле 1955 года. А в сентябрьском номере за 1956 год я увидел "Хронику времен Виктора Подгурского, составленную из дневников, летописей и воспоминаний современников" Анатолия Гладилина. Краткие сведения под фотографией молодого парня с напряженным взглядом гласили, что Анатолию Гладилину двадцать один год, что он студент третьего курса Литературного института имени А.М.Горького и что это первое произведение, которое молодой автор отдает на суд читателей. Полагаю, что Гладилин и представить себе не мог, что его, "молодого автора", будет читать еще более молодой читатель, которому только-только исполнилось десять лет

Для меня необычным было уже само название: слова "Хроника времен..." привычнее смотрелись в привязке к великим историческим личностям. А здесь герой — вчерашний школьник, ты — школьник сегодняшней, закончивший второй класс. Но, значит, высокое слово Хроника может относиться и к твоему времени тоже? Язык же "Хроник" как небо и земля отличался от стиля "Пионерской правды" или произведений наших писателей того периода: он нес какую-то свежесть, ему хотелось подражать. Наверное, именно на таком языке говорили недостижимые для меня небожители — десятиклассники.

Я не вникал глубоко в сюжет повести (да и был ли он вообще в тогдашнем понимании этого слова? Скорее, "поток сознания") — для меня это было слишком сложно. Но при ее чтении у меня рождалось ощущение какого-то "томления духа": рефлексия главного героя передавалась мне с быстротой эпидемии опасной инфекции. Я был просто заморожен этим новым — для меня — авторским стилем. Потом наступило время нашего "властителя умов" — Василия Аксенова. Я как-то пропустил его самое первое появление в "Юности". Позже я прочел, что в июльском номере журнала за 1959 год были опубликованы два его рассказа — "Наша Вера Ивановна" и "Асфальтовые дороги". Об авторе было сказано только, что он врач, ему 26 лет и печатается он впервые. Но вот уже в 1960 году Аксенов заставил говорить о себе всю страну, опубликовав в "Юности" повесть "Коллеги" о молодых медиках.

И полный фурор в 1961 году в наших умах произвел аксеновский "Звездный билет" о ребятах, только что окончивших школу, об их поиске своего места в жизни. Между прочим, незадолго до печально известной "культурной революции", принесшей в середине 60-х неисчислимые бедствия Китаю, эта повесть была там подпольно переведена и бродила по рукам наподобие нашего самиздата.

Дальше — больше: посыпались "Апельсины из Марокко", загремела "Затоваренная бочкотара", появилось много рассказов. Мы гонялись за каждой новой вещью Аксенова, вчитывались в каждый абзац. Когда власти стали окончательно закручивать идеологические гайки и вынуждать многих наших писателей, режиссеров и артистов уезжать на Запад, то я поспешил купить грампластинку с записью рассказов Аксенова в авторском исполнении. Что бы ни случилось, думал я, у меня останется живой голос любимого писателя. Я как в воду глядел: через некоторое время Василий Аксенов был лишен советского гражданства. Какое же счастье было видеть его, с триумфом вернувшегося в Россию настоящим литературным мэтром! Смерть Аксенова глубоко потрясла меня — он был *моим писателем*. Как правильно я поступил в свое время, купив его пластинку...

Театр как Храм

В 1951 году мой папа, написал пьесу-сказку для детей "Семь волшебников", которая была поставлена в Театре драмы и комедии, что находился на Таганке. Позже, в 1964 году, этот театр приобретет мировую известность после прихода туда Юрия Любимова. Но и во времена моего детства тот театр был тоже очень хорошим.

Во многом папина пьеса была основана на сюжете его же фильма "Волшебное зерно" — борьба человека с силами Зла. А человеку в этой борьбе помогают Семь Волшебников: Солнце, Мороз, Ветер, Мокропогодица и другие. В спектакле действует Мастер-бригадир Урожай на весь мир, Доктор всех наук, Тетушка Ох, Кот Флегонт и юные герои — Настенька и Алеша. Силы мирового зла, вроде нынешнего Бен Ладена, символизировало Лихо со своими подручными — Долгоносом и Живоглотом.

Я помню, как меня, пятилетнего, повели на премьеру папиного спектакля. Это была не просто премьера — это было вообще мое первое знакомство с театром. Именно с той поры у

меня сохранилось трепетное отношение к самому факту посещения этого Храма Мельпомены, куда допускаются только хорошо ведущие себя дети, которых перед этим долго чистят, драят и наряжают. И нужно обязательно отгладить штанишки и рубашку, до зеркального блеска начистить ботинки (желательно самому), чтобы ребенок действительно осознал, что вот теперь он может войти в Храм.

Театр произвел на меня ошеломляющее впечатление: огромная сцена (по моим понятиям) с декорациями; ты видишь, как со скалы низвергается водопад, или идет снег, или как на твоих глазах растет огромный золотой колос! И ты понимаешь, что все это как бы "всамделишное", даже Кот, который может говорить.

Когда спектакль закончился, в зале долго не смолкали аплодисменты. Я, еще не вернувшийся в реальность, тоже хлопал в ладоши, всматриваясь в лица раскланивавшихся актеров, особенно того, который играл Кота Флегонта. А когда на авансцену вышел главный режиссер театра Александр Константинович Плотников (я его хорошо знал, он часто бывал у нас дома) и вывел из-за кулис за руку папу, моему восторгу не было предела — это же мой папа!

Должен сказать, что мама заранее подготовилась к премьере. Для Кота Флегонта в исполнении острохарактерного актера, ставшего впоследствии всеобщим любимцем — Готлиба Михайловича Ронинсона — она сшила из светло-серого сукна большую, с полметра, усатую крысу-подушку и сварила чудное "кошачье" угощение — помадку из банки сгущенного молока — достаточно экзотическое по тем послевоенным временам наше домашнее лакомство. Это должно было "утешить" Флегонта, пытавшегося спекулировать на жалости зрителей:

"Я никому не нужен,
В желудке пустота,
И крысы нет на ужин
У бедного кота..."

С этими дарами мы с мамой зашли за кулисы. Там было совсем не так, как на сцене: узкий коридорчик, пыльно, серо, небольшая гримерная. В ней нас встретил еще не вышедший из образа Готлиб Михайлович в гриме Флегонта. И вблизи он выглядел вполне натуральным котом. Он очень обрадовался "кошачьим" сувенирам. Мы с ним даже побеседовали: я спросил, могут ли растения (Золотой Колос из спектакля "потусторонним" голосом произносил несколько слов) — говорить?. Готлиб Михайлович отнесся к вопросу серьезно и ответил, что ученые тоже интересуются этим, и что вроде бы они нашли, что растения как-то могут чувствовать.

С тех пор прошло много лет. И, как-то раз (это было уже в 1980-х) я шел по улице и встретил Готлиба Михайловича. Подошел, представился, поскольку лет-то прошло ох как много! Ронинсон искренне обрадовался встрече. Мы поговорили с ним о том, о сем... Он по-прежнему работал в своем театре на Таганке, был занят во многих спектаклях — "Десять дней, которые потрясли мир", "А зори здесь тихие", "Мастер и Маргарита", снялся во многих киноэпизодах, сделавших его узнаваемым для прохожих на улицах: "Берегись автомобиля", "Двенадцать стульев", "С легким паром" и других.

— А крыса твоей мамы до сих пор у меня жива, — улыбнулся он мне на прощание. — Глядя на нее, я всегда вспоминаю тот прекрасный детский спектакль!

Не скрою, мне было очень приятно это слышать.

Театр долго в моей жизни оставался Храмом, и когда появился "Современник", и когда возник Любимовский "Театр на Таганке" на базе того Театра драмы и комедии. Благодаря папе, я имел возможность увидеть большинство самых лучших постановок 60-х годов. И всегда я предпочитал в театр идти с мамой даже тогда, когда уже перешел в юношеский возраст. Для нее

театр тоже был Храмом, и с нею было гораздо интереснее обсуждать увиденное, обмениваться впечатлениями, чем с кем-то еще. У меня было с кем сравнивать.

Разительным контрастом по сравнению с теми детскими ощущениями от театра стал мой поход в клуб московского завода "Каучук". Туда, на спектакль по своей пьесе, меня пригласила папина студентка из литинститута. Было мне уже лет двенадцать, и поэтому меня отпустили одного.

С вечера по заведенной традиции я до блеска начистил ботинки, мама мне погладила одежду. Приехал я в клуб чуть ли не за час до начала спектакля — опаздывать в театр нельзя!

Это было время школьных каникул. Зал постепенно заполнялся разновозрастными детьми в серой школьной форме, которые невероятно шумели, громко переговаривались, иногда даже кричали друг другу с балкона в партер разных концов зала. Я с удивлением внимал всему этому — как же можно так вести себя в Театре! Удивление мое после начала спектакля переросло в ужас: ребята по-прежнему шумели, шуршали конфетами, перебрасывались бумажными шариками, отпускали какие-то идиотские реплики, да еще стали пускать бумажных голубей! Они осквернили мой Храм...

Семейные традиции. Новый год

Ставить и украшать новогоднюю елку у нас дома мама начала еще в середине 30-х. А во время войны, после приезда из эвакуации, мама завела еще традицию делать маленькие подарочки всем, кто приходил к нам на арбатскую квартиру встречать Новый год. Подарочки те, учитывая военное время и достаточно скудную жизнь, были самые простые: например, мама варила в кастрюле банку сгущенного молока, и из него получалась вкуснейшая помадка. Подарком могло быть и что-то из продуктов, полученных по карточкам, или просто коробок спичек, какая-то салфеточка, кусок мыла. В 50-е годы выбор стал шире: пачка стирального порошка (новинка!), рулон туалетной бумаги, в конце концов! Но все это заворачивалось в бумагу (простую оберточную, с вкраплением щепок: специальной подарочной еще не было), завязывалось веревочкой и надписывалось от кого — кому (иногда зарифмовано, если кто умел).

Причем такие же подарочки для всех должен был сделать каждый из присутствовавших на празднике. Все подписанные подарки "кому — от кого" складывались в один мешок.

Елку у нас было принято ставить в углу комнаты и не на деревянную крестовину или в ведро с песком, а просто в ведро с водой, которая постоянно доливалась. Для устойчивости комель елки подпиливали так, чтобы нижние ветви опирались на край ведра (мы их еще дополнительно фиксировали с помощью дощечек), а наверху мы делали бечевочные растяжки, которые крепили к стенам.

Раньше елки рубились для новогодней продажи совсем незадолго до наступления праздника, и поэтому они были свежими, одуряюще пахнущими смолой. Да и ветки у них были мощными, с длинной темно-зеленой хвоей. Сегодня так выглядят (за баснословную цену) лесные красавицы из какого-нибудь питомника из Голландии. На те наши елки можно было повесить любой, даже тяжелый, стеклянный шар. Нередко они давали зеленые побеги и тогда стояли в своем новогоднем убранстве до начала марта, вызывая непомерное удивление друзей и знакомых.

Вообще, приобретение новогодней елки всегда было сопряжено с волнениями: когда начнут продавать? Где? Достанется ли нам? Постепенно выяснялось, что, к примеру, они будут продаваться с 20 декабря, что ближайший к нам елочный базар находится там-то и там-то. И чтобы купить елку, нужно было встать засветло, занять очередь, выбрать, купить, притащить,

потом договориться с соседями, чтобы у них на балконе подержать елку числа до 29 декабря... Все это обычно делала мама. Лишь однажды, когда мне было уже лет пятнадцать, мы пошли с ней вместе за елкой часов в пять утра. В тот декабрьский день (вернее, ночь) трещал нешуточный мороз, а на улицах была жуткая темень. Когда мы пришли, у базара уже толпилось много народу.

Базар открывался только в восемь, и ждать нам пришлось два часа. Перетаптываясь с ноги на ногу от холода, греясь вокруг костра, который кто-то развел прямо на асфальте (ни дать ни взять революционные матросы перед штурмом Зимнего!), мы с мамой ждали вождя елочного начала торговли. И вот хлипкие дощатые воротца распахнулись, и теперь уже огромная толпа ринулась за добычей. Самым главным, помимо высоты, было мгновенно определить качество елки. Но это была адски трудная задача: они стояли замороженные, стиснутые другими деревцами. Мы с мамой вцепились в самую пушистую, на наш взгляд, елку и поволокли ее к выходу — оплачивать и увязывать в принесенные с собой тряпки. Дома, стуча зубами от холода, мы долго согревались чаем с кагором. Елка же, когда мы ее развязали, была на загляденье.

Позже подвиги по добыванию елки совершала уже моя сестра Оля. Практически во дворе ее дома устраивался елочный базар, и она могла хранить елку до нового года у себя на балконе. Но качество тех елок с годами становилось все хуже и хуже: цвет был каким-то жухлым, иголки сразу начинали сыпаться, ветки были такими тонюсенькими, что и игрушку на них не повесишь...

У мамы была настоящая страсть к елочным украшениям. Она постоянно их подкупала — хоть по одной игрушечке, но каждый год. Все это богатство постепенно накапливалось, и по нему можно было, как по древесным кольцам, определить временной срез нашей истории: тут были игрушки из ваты, картона, жести. С 1946 года (года моего рождения) сохранилась стеклянная серая сова с яркими, посверкивающими красным, глазами. Она уже подразбилась, но при помощи скотча я ее подклеил, и теперь сова занимает почетное место на елке в самом центре, как старейшина и немой летописец жизни нашей семьи.

Я любил и по-прежнему люблю разглядывать елочные игрушки: среди них самые любимые — избушка, таинственный домик, искрящийся запорошенными снегом крышами в лунном свете (я воспринимал его именно как лунный, потому что сам домик темно-зеленого цвета, словно окутанный ночной мглой). А из какого тонкого стекла были сделаны самовар, скрипка, птичка! Особое уважение вызывали фигурки рыбок, медведей, зайчиков и других зверей, склеенные из двух половинок рельефно выдавленного картона и покрытого тонкой серебряной фольгой, иногда раскрашенного, и жести — свидетельства тяжелой военной поры. Среди них было даже два крокодила — серебряный и зеленый! Они и сейчас вывешиваются на самое видное место на елке.

У нас бережно хранятся стеклянные бусы, которыми мама все годы обвивала елку крест-накрест с самого верха, подчеркивая ее пирамидальность. Пятиконечной звезды на вершине никогда не было — ее венчала стеклянная макушка в виде остроконечного серебристого шпиля.

Ко всему этому великолепию добавлялись еще конфеты типа "Мишка косолапый" или "Раковая шейка", который вешались на нитяных петельках. На елке развешивались также на нитках небольшие бело-красные крымские яблочки (теперь таких нет и в помине, наверное, остались в полунезависимом Крыму) и знаменитые абхазские мандарины (теперь прибывают из суверенной Абхазии) с их неповторимым для москвичей "новогодним" вкусом. Да, на елке еще были настоящие елочные свечи в маленьких жестяных подсвечниках, крепившихся к веткам на прищепках. Папа всегда очень беспокоился, когда мама их ненадолго зажигала.

Электрические гирлянды у нас появились позже, году в 1950. Сперва это были просто небольшие разноцветные лампочки, похожие на мелкие плоды фейхоа. Со временем некоторые из них перегорали, но мы как-то ухитрялись соединять цепь, и гирлянда по-прежнему работала. Когда ту, самую первую нашу электрогирлянду мы привезли с Арбата в новую квартиру, где напряжение было в то время 127 вольт, а гирлянда была рассчитана на 220, то лампочки светилась в гуще еловых лап еле заметными разноцветными искорками, вроде далеких звезд в ночном небе.

Позже настала эра более "продвинутых" гирлянд. Тут уже были фигурные лампочки в виде машины, поросенка, клоуна, разных ягод, фруктов и овощей. А в начале 60-х мама купила гирлянду из разноцветных четырехгранных фонариков, похожих на старинные уличные фонари. С величайшей бережностью мы вешаем ее каждый год на елку, и гирлянда верно служит нам уже свыше сорока лет (тьфу-тьфу!).

Когда в середине 50-х в Россию пришла эпоха елочных игрушек из Германской Демократической Республики, то нашей радости не было предела. И каких же здесь только не было затейливых фигурок: Санта Клаусы, птицы, звери, целые связки красных и зеленых шаров вместе с рождественскими веночками и золотыми колокольчиками! Или роскошные, большие красные колокола, соединенные парами. Мы ощутили совсем иную "елочно-рождественскую" культуру и немедленно восприняли ее, как свою собственную: она как бы перекидывала мостик в бабушкино детство.

Ватного Деда Мороза под елку мама купила в 1951 году. Высотой он был сантиметров 30, в искрящейся от слюдяных блесток шубе и с прозрачным целлофановым мешочком в руке, где виднелось что-то разноцветное. Меня тогда так и подмывало посмотреть, что же там такое было. И я решился: аккуратно вскрыл мешок, но, к великому огорчению, нашел в нем только мелко нарезанные лоскутки яркой ткани, символизировавшие, надо полагать, подарки. Тайна перестала существовать, а мешок был изрядно испорчен. Много лет спустя мы с дочерью соорудили нашему заслуженному Деду новый мешочек из кусочка полиэтилена, набив его такими же яркими лоскутками. Так и хранит нашу елку этот Дед Мороз уже свыше полувека. В 50-е к нему присоединился немецкий Санта Клаус из папье-маше. Ростом он был невелик, но тоже поблескивал своим зимним нарядом и выглядел типичным представителем Запада. Мы всегда ставили под елку этих двух дедов рядом, неотступно следуя лозунгу "Деды Морозы, Санты Клаусы, Перы Нозли, Баббо Натале, Йоулупукки, Сильвестры, Николаусы, Фазеры Кристмасы, Вайнахтсманы и Микулаши всех стран, соединяйтесь!"

С годами все елочное богатство стало просто не уместиться в доме, и часть игрушек, которые использовались довольно редко, я отвез на дачу. Их я аккуратно упаковал в коробку и пристроил на антресолях. Летом 1989 года, у меня дочерью зашел разговор о той коробке, у моего десятилетнего ребенка загорелись глаза: она же никогда не видела этих сокровищ! И я достал коробку с елочными игрушками с антресолей. Мы стали ее разбирать: "Нет, папа, — деловито приговаривала Люба, отбирая "ссылные" игрушки, — этой игрушке здесь совершенно не место, она же такая красивая! Ее надо обязательно взять в Москву. А вот этот прекрасный старый серебристо-зеленый крокодил из картона тут тоже будет скучать. Возьмем и его. А вот еще..." В общем, набралась порядочная куча. Внутренне я и сам был рад, что игрушки возвращаются, что восстанавливается их прежний статус.

Через два месяца нашу дачу полностью уничтожил пожар, устроенный залезшими в нее хулиганами. С той поры мы с Любой часто вспоминаем ту разборку игрушек и радуемся, что маленькая детская просьба обернулась спасением и сохранением семейных новогодних раритетов для будущих поколений нашей семьи.

Как я уже писал, рассказывая о своей сестре, в канун наступавшего Нового 1947 года, когда мне было полгода, папа придумал сделать корону, которую я успешно сжевал. В тот год зародилась традиция: к каждому Новому году делать корону с соответствующими цифрами, а самим Новым годом становился самый младший в семье. Корона же предыдущего Года водружалась на голову самого старшего, который изображал Старый год.

Короны папа делал из серебряной упаковочной бумаги от чая, вырезая зубцы по верхней кромке. Как же он мучался, приклеивая цифры на ее блестящую поверхность! Иногда даже приходилось пришивать их нитками. Потом, когда я подрос, папа решил, что он уже может передать почетное право изготовления очередной короны мне. Однако, зная, какой это непростой труд, я пытался всячески отговориться и изобретал любые шуточные предлоги, так что все это превращалось в юмористическую новогоднюю кутерьму.

Все короны, начиная с 1948 года, хранятся у нас дома, аккуратно сложенные в пакет, и только корона предыдущего года извлекается для очередного семейного представления. Когда подросла Люба, то я, в лучших традициях, попытался возложить историческую миссию изготовления новогодней короны на нее. Иногда мне это удавалось, и тогда дизайн короны совершенно менялся. Люба уже воплощала в ней свои художнические фантазии. Но чаще всего история повторялась, и теперь уже она под всяческими предлогами пыталась улизнуть от "коронного" задания, и мы весело хохотали.

Старый Новый год сперва изображали самые старшие — папа или мама, а позже — моя сестра. На него надевалась какая-то шубейка мехом наружу и Старый год, охая и нарочито демонстрируя свой возраст, пробирался через гостей к мешку с подарками. Новый же год почтительно поддерживал Старый под локоток, выказывая ему тем самым свое уважение и всяческое почтение.

Так эти двое усаживались воле заветного мешка, и Новый год, запуская в него руку, доставал наугад подарок. Затем он зачитывал, кому и от кого этот подарок предназначался. В давние годы, когда наша семья была большая, и у нас собирались родственники и близкие знакомые, то у каждого набиралась целая куча подарков!

Роль Нового года окончательно закрепилась за мной после разъезда наших с Олей детей — кто в Германию, кто — в Киев. Я оказался самым младшим даже в свои 65. Нас в Москве только трое и осталось от некогда большей семьи — моя жена, сестра и я. Но традициям мы верны по-прежнему и также соблюдаем их даже в мельчайших деталях. Иначе скучно было бы жить на свете, господа...

Так вот, на меня, как на Новый год, раздающий подарки из мешка, теперь сыплется огромное количество упреков, замечаний и реплик со стороны жены и сестры. Дескать, читает-то он невнятно и вообще неоправданно затягивает всю процедуру, а ведь хочется поскорей получить причитающееся. Такая шуточная критика с лихвой восполняет количественную скудность подарков и не позволяет предаваться грустным воспоминаниями о днях ушедших, когда в доме было шумно. В такой ситуации Новому году (то есть мне) требуется дополнительный бокал шампанского "за вредность".

Свой, наверное, лучший новогодний подарок я получил уже будучи взрослым. Люба, которой в ту пору было лет десять, где-то подхватила ветрянку. С высокой температурой, вся в зеленке, она лежала пластом в их с бабушкой комнате, а вокруг шла предновогодняя суeta. И я ужасно переживал, что ей так плохо, и что праздник, которого мы так ждем целый год, шел для нее насмарку.

И вдруг случилось настоящее Рождественское (то есть Дедморозовское) чудо: незадолго до полуночи температура начала буквально на глазах начала резко ползти вниз. Любино самочувствие улучшилось, и мой "зелененький крокодилчик" уже смог сидеть в подушках на диване и праздновать Новый год вместе со всеми!

Естественно, с самого раннего возраста мы, дети (раньше сестра, а потом и я), присутствовали за новогодним столом вместе со всеми. Но мама, полагая, что ребенку (то есть мне) нужно выспаться перед тем, как сидеть далеко за полночь, утаскивала меня часов в девять вечера — просто поспать. И вот здесь была ее ошибка: ну, как можно заснуть под звуки новогодней организационной кутерьмы! То с кухни соблазнительно пахнет чем-то необыкновенным, то в кабинете у папы что-то шуршит, то кто-то пришел пораньше и радостно требует себе отдельный мешок для подарков, потому что в общий они не влезут! Сон никак не шел, а досада, что это время для меня проходило впустую, нарастала. Кончалось все тем, что меня выпускали из "сонного заточения" раньше намеченного мамой срока.

Когда Люба уже была в достаточно "взрослом" возрасте, чтобы осознанно воспринимать новогодний праздник, я никогда не упихивал ее спать, памятуя о своем печальном опыте. Но при этом ее нещадно "гонял": принеси то, подай это, театрализовано возмущаясь "ужасными детьми, вечно путающимися под ногами в то время, как...", или приказывая сидеть тихо в соседней комнате при закрытой двери, пока я занимаюсь мешком со своими подарками. Она прекрасно понимала и принимала эти правила игры. Когда Люба стала взрослой, она призналась, что просто обожала, когда я ее так шутливо "гонял": она чувствовала свою сопричастность к подготовке праздника.

"Священными" новогодними песнями в нашей семье всегда были русская "В лесу родилась елочка" Кудашевой и немецкая "О Tannenbaum!". Последняя пришла еще из бабушкиного детства, украсив своей чарующей мелодией нашу жизнь. Когда я ближе познакомился с американской культурой, то к своим музыкальным новогодним "сестрам" из России и Германии прибавилась и американская — "Jingle Bells ". Любили мы и "Святую ночь", также пришедшую из Германии.

В самом начале нынешнего тысячелетия мой племянник Алеша прислал нам из Германии на Новый год подарок: простенькую жестяную коробу с пряниками. Когда мы открыли ее, то понеслись звуки "О Tannenbaum!" — это была современная электронная музыкальная шкатулка. Все мы безмерно были счастливы этому подарку, передававшему нам мелодический привет из нашего детства. А когда в одном из московских магазинов нам случайно встретилась такая же шкатулка, то мы ее послали и Любе в Киев, чтобы и у нее звучал наш новогодний семейный гимн.

Одно время мама к столу обязательно подавала какое-нибудь центральное горячее блюдо. Как-то раз она даже запекла в духовке тетерева (тогда они наряду с другой дичью продавались в магазинах "Дары природы"), и он красовался на столе с прилаженными черными крыльями, распушенным веером хвостом и горделивой черной головой с красными бровями. Было впечатляюще. Делала мама и запеченного гуся с яблоками и черносливом, но очень тяжело было его есть часа в два ночи после всяких иных соблазнительных салатов и закусок.

Ни одно празднество в нашей семье, впрочем, как и во всех семьях Советского Союза, а позже и России, не обходилось без традиционного салата "оливье", а уж Новый год — тем более. В состав нашего салата входила вареная картошка, нежный, "мозговых" сортов консервированный зеленый горошек, яблоко, яйца, сваренные вкрутую, немного мелко нашинкованной сырой моркови, маринованные огурцы и много-много майонеза "провансаль".

Естественно, что салат этот готовился только с вареным мясом. Изредка, когда мы еще жили в эпоху рекламы "Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!", вареное мясо заменялось этим морепродуктом. "Оливье" с колбасой, которая, как пытаются утверждать некоторое, входит в состав истинно "московской" разновидности этого салата, рассматривался нами как снижение жанра до "нижеплинтусового" уровня, и потому совершенно игнорировался.

Для особо интересующихся, привожу здесь "классический", первоначальный рецепт салата "оливье", почерпнутый в какой-то газете. Его изобрел в 1860 году известный в Москве повар-француз Люсьен Оливье. Он был владельцем трактира "Эрмитаж", который находился тогда в доме на углу Петровского бульвара и Неглинной. Сегодня в этом здании размещается Театр современной пьесы. Оливье, имевшего репутацию весьма искусного кулинару, приглашали самые богатые аристократические дома для устройства парадных обедов. Их главной достопримечательностью и стал салат "оливье". Рецепт его приготовления Люсьен Оливье держал в тайне до самой смерти. И лишь в 1904 году она стала достоянием широкой общественности. Для своего салата Оливье использовал: 2 рябчиков, 1 телячий язык, четверть фунта (ок. 100 г) паюсной икры, полфунта свежего салата (ок. 230 г), 25 отварных раков, или банку омаров, полбанки пикулей, полбанки сои, 2 свежих огурца, четверть фунта (ок. 100 г) каперсов, 5 яиц вкрутую, и майонез "провансаль". Ну, как насчет рябчиков, икры и омаров, господи?!

В обязательное меню нашего новогоднего стола входил также мамин маковый рулет, рецепт которого она переписала из кулинарной книжки еще своей мамы, а та узнала его от своей. Но рулет стали печь в последние лет сорок.

До сих пор не могу понять, как мама успевала сделать все это одна: и елку купить (а она у нас всегда была под три метра, до потолка), и ее нарядить, и подготовить стол, и все организовать. Чтобы как-то облегчить мамин "задох" перед Новыми годом, мы установили с ней твердый график (я уже был большим): 29 декабря елка ставится в комнате, 30-го мама ее наряжает, 31-го с утра — он занимается готовкой. Это чуть-чуть помогло, но все равно, уже когда все начинали рассаживаться за столом часов в одиннадцать вечера, чтобы спокойно проводить Старый год, мама лихорадочно еще дописывала посвящения на своих подарочках.

Ночью к детям традиционно приходил Дед Мороз и подкладывал под подушку подарок (я знаю, что во многих семьях он клал их под елку, но у нас — только под подушку). Как сейчас помню, что обнаружил под подушкой рано утром 1-го января 1956 года грузовичок с откидывающимися бортами, книжку Чуковского "Доктор Айболит" и какую-то еще, и полкило кедровых орехов (тогда они были достаточно дешевыми). Окружавший меня мир в тот момент исчез! Я катал по одеялу грузовик, заморожено открывал его борта, бросался читать то одну, то другую книгу, смотрел иллюстрации, и щелкал при этом вкуснейшие кедровые орехи.

Самое главное для родителей (ой, для Деда Мороза, конечно!) было сделать так, чтобы ребенок не почувствовал, что что-то происходит, и не проснулся бы в самый неподходящий момент. Когда я подрос, и мне стукнуло четырнадцать, то мама обмолвилась, что, дескать, я уже большой, а Дедушка Мороз ходит только к детям. Но тут я резонно возразил, воспользовавшись своей прекрасной памятью, что, помнится, когда сестре было шестнадцать, а мне, соответственно, четыре года, ей Дед Мороз принес под подушку некую деталь дамского туалета. Аргумент был железный, и с тех пор вопрос о возрасте человека, которому предназначаются подарки от Деда Мороза, больше не возникал.

Боже, как я переживал, когда пятилетняя Люба обнаружила в моей комнате торчащее из-под покрывала колесо от детской коляски, которая ей предназначалась в качестве подарка от

Дедушки Мороза! Я же так тщательно прикрыл эту коляску! Каких трудов мне стоило как-то отвлечь ее внимание, только бы она не соотнесла то злосчастное колесо с Великим Таинством, совершаемым Дедом Морозом!

Для маленькой Любы мы стали ставить в ее с бабушкой комнате еще одну елочку и под нее, помимо подушки, тоже что-нибудь клали (например, фломастеры, цветные карандаши, небольшие игрушки). Находилось что-то из пустячков, чтобы положить ей и под большую елку. Так что ребенок после обследования подушки мчался посмотреть, а что под елками.

Люба, как и многие дети, росла в твердом убеждении, что Дед Мороз существует. Став постарше, она начала соотносить свое убеждение с реальностью, и однажды задала мне сакраментальный вопрос, кто есть Дед Мороз. "Это очень Большая Любовь", — ответил я. Она поняла.

И вот еще одно трогательное свидетельство существования Деда Мороза, подтвержденное СМИ. Цитирую: "... (Дед Мороз): – Помню, пришло мне письмо от солдат-срочников. Бойцы писали, что в Деда Мороза они, конечно же, уже не верят, но, если я существую, просят выслать им сгущенку и тушенку. Я, конечно, не мог оставить это письмо без внимания: собрал посылку с консервами, туда же положил огромный пакет конфет – чтобы на всю часть хватило. И на бланке – самом детском, который есть в моей канцелярии – посылаю ответ: "Это вам небольшой подарочек от меня. Чтобы больше не сомневались, что Дед Мороз существует". А после мне приходит ответ от командования части: рассказывают, что письмо бойцы повесили в красном уголке, а мои конфеты раздали всем товарищам. Но никто их есть так и не решился: берегут как память". ("Московский комсомолец", 23 декабря 2010 "Дед Мороз с Кыш Бабаем – братья навек. Зимний волшебник признался "МК", что он убежденный интернационалист").

Недавно я испытал чувство огромного удовлетворения от свершившейся справедливости. По радио я услышал, что в какой-то стране, чуть ли не в Австрии, школьная учительница младших классов заявили своим маленьким детям, что никакого Деда Мороза на самом деле не существует. Так родители подали на нее за это в суд и выиграли дело! Учительницу присудили к штрафу за нанесение "морального вреда" детям. А у нас что ни суд, то "Басманный"¹...

Кстати, однажды я стал свидетелем реального существования Деда Мороза, даже вне парадигмы большой человеческой любви. Это был как раз один из тех редких случаев, когда я встречал Новый год вне дома. Нас с женой друзья по инязовской компании позвали праздновать с ними Новый год куда-то в район Нижегородской улицы. Погода стояла ужасная: 31 декабря было плюс три градуса тепла, и шел дождь.

Мы вышли из дома часов в десять вечера. До остановки троллейбуса было метров триста. Завернув за угол дома, мы почувствовали, как стало явственно холодать. Было такое ощущение, будто бы буквально за нами по пятам топал в своих валенках Дед Мороз, отдуваясь под тяжестью мешка с подарками. И это его дыхание ледяным вихрем растекалось по близлежащим улицам и переулкам, замораживая все вокруг. Когда мы подошли к остановке, была уже минусовая температура. Когда мы минут через сорок приехали к друзьям — было уже минус десять, шел добрый пушистый снег. Неужели нужны какие-то еще доказательства его существования?

¹ Этот районный суд снискал печальную известность вынесением тенденциозных судебных решений исключительно в пользу властей.

Когда мы с сестрой выросли, поумнели и поняли свою миссию по отношению к родителям, то Дедушка Мороз стал приходить и к ним. Наутро было забавно спрашивать их, особенно папу, не замерз ли он ночью. Он всегда совершенно искренне говорил, что одеяло теплое, и все было в порядке. Иногда больших трудов стоило подвести его к мысли о посещении Деда Мороза. И так с папой повторялось все года, причем он абсолютно забывал про ритуал и всегда радовался, а это очень дорогого стоит. Мама — та сама находила под подушкой свои подарочки.

Где-то с начала 70-х наша традиция украсилась еще одной деталью, вернее, участником. Маме пришла в голову идея взять мой красный байковый халат, который она сшила мне еще давным-давно, и задрапировать им большой красный мешок, привезенной моно из Швейцарии и предназначенный для новогодних подарков. Этот мешок стал туловищем, из рукавов халата, сложенных на "животе" выглядывали перчатки, из-под полы хала торчали штаны, заправленные в зимние сапоги. Головой этой фигуры служил маленький глобус, которым я пользовался еще в первом классе. На глобус-голову мы нацепили новогоднюю маску: толстый горбатый нос с усами под ним и черной оправой очков наверху. Получился невероятно яркий образ представителя азербайджано-семитско-кавказской национальности. Благостность и степенность ему придавала длинная белая мафусаильская борода, сплетенную вязальным крючком из белой шерсти. Чтобы скрыть шишечку-крепление на макушке глобуса, надели на нее белую маску-респиратор — получилась настоящая кипа. Вид этого Абрама Морозыча, или Мороза Абрамыча, как мы его любовно называем, получился чрезвычайно живым и импозантным. С той поры он неизменно восседает или возлежит на диване, и Новый Год извлекает теперь подарки из его чрева.

По завершении новогодних праздников (после 13 января) все составляющие этого интернационального Деда Мороза упаковывались в полиэтиленовый пакет и убирались до следующего Нового года.

Года с 1962-го новогодняя традиция в нашей семье пополнилась еще одним новшеством. Вероятно, это было данью времени — по завершении определенного периода делать отчетный доклад. Папа, взяв за основу какие-то наиболее заметные события в жизни нашей страны, облакал их в шутливо-стихотворную форму и давал им свою собственную оценку. С моей легкой руки такие новогодние послания были названы энцикликами, по примеру энциклик папы римского *urbi et orbi* (городу и миру). Например, в 1962 году, когда в нашем обществе ломались копья по поводу предлагавшейся реформы русского языка (слова "зайцы", "огурцы" писать через "и"), энциклика провозглашала: "Пусть огурцИ ест тот, кто хочет!"

Обычно часа за два до встречи Нового года папа просил меня зайти к нему в кабинет, закрывал дверь и представлял на мою цензорско-редакторскую оценку очередную энциклику. Получив ряд замечаний или уточнений, если в таковых нуждался материал, папа правил текст и потом торжественно зачитывал его сразу же после боя кремлевских курантов. Получался своеобразный ритуал: с середины 70-х "весь советский народ" поздравлялся с экрана телевизора очередным генсеком компартии или позже — президентом, потом шел бой курантов, потом все чокались бокалами с шампанским и поздравляли друг друга с Новым годом, потом зачитывалась папина энциклика. Ее слушали с несравненно большим интересом, нежели поздравления наших лидеров. Сегодня по таким "энцикликам" можно проследить основные этапы истории СССР почти за полвека.

В наш дом на Новый год приходили не только родственники. Бывали в нем и поэты и драматурги из Прибалтики, знакомые папы по творческим семинарам в Дубултах. Однажды мы

праздновали Новый год вместе с очаровательной четой наших знаменитых артистов эстрады — Геннадием Дудником и Еленой Арнольдовой, друзьями сестры. Сам Дудник вначале был несколько скован, он был впервые у нас дома, и, вероятно, ему показалось, что его позвали "развлекать" почтеннейшую публику. Но никто не обращал внимания на его колоссальную популярность, никто не ждал от него "потока юмора", он просто был одним из наших милых гостей, другом сестры, а значит, и нашим тоже. И, подчинившись вскоре нашему домашнему новогоднему церемониалу, Геннадий "оттаял", от напряженности не осталось и следа, и он с блеском порадовал всех своими искрометными миниатюрами и пародиями. С той встречи прошли годы, многие нас покинули. Ушел и Геннадий Дудник. А Леночка Арнольдова (я просто не могу назвать ее иначе, несмотря на нашу разницу в возрасте: от нее исходят такие флюиды оптимизмом и юмора, что она заткнет за пояс любую молодежь!), ныне прикованная болезнью к постели, когда я ей иногда звоню поболтать, с огромной теплотой вспоминает тот новогодний вечер.

Канун Нового 1979 года запомнился многим москвичам своими зверскими морозами. Я должен был выскочить в магазин за хлебом и предварительно взглянул на градусник: ого! Минус 34! Даже триста метров до магазина идти было очень тяжело, не хватало воздуха. Кованая ограда старинного особняка, мимо которого я шел, была покрыта необычным инеем. Он состоял из мириад длинных, чуть ли не в сантиметр, сверкавших на морозном солнце хрустальных игл — настоящее убранство чертогов андерсеновской Снежной королевы.

Дома царил, по понятиям людей, привыкших минимум к 24 градусам тепла в зимнее время, арктический холод: плюс 12. Мы с папой изобрели способ хоть на короткое время обогреться: зажгли все газовые конфорки, которые и так-то горели еле-еле (все в доме были такими умными). Потом притащили на кухню лестницу-стремянку и забирались на нее по очереди, отогреваясь живительным теплом, скапливавшимся под потолком. Единственным, кто не испытывал дискомфорта от дикого холода, была моя жена, которая через месяц должна была рожать: наша будущая дочь грела ее лучше всякой печки.

В тот год сестра позвала к нам своего давнишнего знакомого, талантливейшего театрального и музыкального критика Виктора Калиша. Он сразу же свободно влился в наш семейный круг, шутки сыпались из него, как из рога изобилия. После зачитания папой очередной энциклики, в которой сетовалось на холода, отсутствие в магазинах продуктов, безрадостную политическую перспективу брежневского застоя, Виктор ответил искрометным экспромтом: "Застолье началось толково печальной речью Симукова...". Заканчивался тот экспромт словами "... дай Боже вам, прошу, и впредь ТАК накормить и обогреть!" Это был достойнейший ответ на папину энциклику. И Калиш тоже всегда любил вспоминать тот уют и тепло (и в переносном смысле тоже) нашего дома, царившие в тот вечер, несмотря на злющий мороз.

Сестра, уже будучи замужем, несколько раз встречала Новый год не дома, а в своей компании. И всякий раз мне мучительно не хватало ее присутствия: какая-то была неполнота семьи, какое-то нарушение новогоднего праздника. За всю свою жизнь сам я также считанные разы встречал Новые года вне нашего дома и всегда, в конечном счете, разочаровывался: все не то.

Потом Оля после Нового года стала оставаться ночевать у нас, и это тоже превратилось в свою традицию. С ней приходил и "ее" Дед Мороз, который наутро приносил всем маленькие дары (перекидной календарь, шариковую ручку, и т.п.), но уже раскладывал их не под подушки, а клал свой мешочек под большую елку. Бывало забавно иногда видеть, когда все мы уже

расползались под утро на отдых, как в коридоре смущенно сталкивались разные "Деды Морозы" (мой, например, и мамин), стремясь опередить один другого и незаметно подсунуть под подушку свои приношения.

Когда я ездил в загранкомандировки, то моя задача по подаркам упрощалась: всех радовала полезная мелочишка из дальних стран. Сейчас стало гораздо труднее — у всех все есть...

Наша семья, как я уже сказал, в силу печальных событий становилась все меньше и меньше, Люба с Алешей выросли. В итоге мы перешли на искусственную елку высотой метра в полтора, но пушистую. Стоит она теперь уже не в углу комнаты и не касается своей макушкой потолка как когда-то при маме. Мы водружаем елку на сервант, и до потолка она все-таки почти достает. Все же остальные традиции, но в более скромном масштабе, сохранились неизменными. Этим мы и держимся, это нас и держит.

Я хочу рассказать еще об одной полусемейной, полуобщественной новогодней традиции — елке в нашем дворе в Воротниковском переулке, куда мы переехали с Арбата. Она здесь ставилась каждый год, украшенная гирляндой из грубо покрашенных в разные цвета обыкновенных электрических лампочек и какими-то простенькими стеклянными шарами и бумажными гирляндами. Двадцать девятого декабря в семь часов вечера вокруг елки собирались все дети двора, пели песни, кто-то декламировал стихи. Потом из мешка нам раздавали подарки, купленные за счет средств нашего кооператива. Здесь был возрастной ценз: подарки дарились детям до четырнадцати лет включительно. Я как-то раз получил прекрасный набор из инструментов (пилка, молоточки, отвертка и даже маленький уровень), которым пользовался долгие годы. До сих пор из этого набора жива отвертка.

Традиция эта также тянется десятилетиями, только меняются дети и некоторые детали: роль Деда Мороза с белой бородой, в красном кафтане, шапке как-то исполнял один из выросших "детей". Он скакал по крышам гаражей, что-то придумывал и вызвал подлинное восхищение малышей. Теперь наш Дед Мороз — солидный человек, ответственный работник Прокуратуры Российской Федерации, разъезжает, помимо джипа, на мотоцикле "Харлей Дэвидсон". Изменились и подарки: помню смущенные лица двух великовозрастных дев лет четырнадцати (чуть постарше моей дочери), получивших в подарок по пластинке каких-то рок-групп. Но все равно они были рады.

А в самый Новый год, спустя полчаса после боя курантов, во двор обычно вываливало множество народа, преимущественно молодежи, со своими бутылками, бутербродами. Все орали "Ура!", чокались разнообразными напитками, желали друг другу счастья, целовались.

Совсем новое постперестроечное поколение стало всю использовать пиротехнику: теперь во дворе бабахает чуть ли не артиллерийская батарея, озаряя многоцветием фейерверочного огня наши состарившиеся дома. Представителей старшего поколения выходит во двор все меньше: мы больше грудимся у окон, с улыбкой наблюдая за беснующейся от избытка чувств молодежью.

В декабре 2002 года по радио "Эхо Москвы" я услышал, что недалеко от нас в Музее прикладного искусства на Делегатской улице открылась выставка коллекции елочных игрушек, которую многие годы собирала Ким Балашак, американка. Естественно, что мы с женой немедленно помчались туда.

Какое же это было наслаждение для нас, выросших в атмосфере благоговейного отношения к новогодней елке, видеть огромное разнообразие елочных игрушек, старых

электрогирлянд, другой всевозможной новогодней атрибутики с любовью распределенных по эпохам (до и послереволюционной), по десятилетиям советского периода! Такие же чувства испытывали и множество людей самых разных возрастов, пришедших на выставку. То тут, то там слышалось сдавленное "Боже! А такая игрушка у нас была. А ты помнишь вот этого медвежонка? Ой, да это же мой любимый колокольчик!" Пожилые люди, погрузившись в волшебную атмосферу своего детства и ненадолго забыв о своих сегодняшних горестях, восторженно бродили по залу. У многих в глазах стояли слезы. А уж что говорить о детворе, которая пришла со своими бабушками и дедушками, папами и мамами посмотреть на то, "как было", когда те были маленькими. Я сам перебегал от витрины к витрине, переполненный радостью узнавания и восторга, что многие из раритетов выставки до сих пор хранятся у нас дома, возвращался и вновь вглядывался в опредмеченное волшебство своего детства.

Для более академичных натур на выставке были представлены и официальные поздравления советскому народу от Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева. Здесь же были новогодние открытки с 30-х по 70-е годы, карикатуры на новогоднюю тему в журналах, советские "святочные" рассказы, фронтовые новогодние заметки и очерки. И все это строго классифицировано по годам, объяснено, почему вдруг в елочной игрушке явно просматривается "военный уклон" 30-х, или почему она так блекла и невзрачна — война...

На выставке мы встретились с огромным пластом особой культуры советского новогоднего праздника, собранным воедино женщиной-подвижницей из далекой Америки. Я сознательно подчеркиваю слово "особой", поскольку, как известно, до середины 30-х новогодняя елка была под официальным запретом не только в общественных местах, но и, по существу, в домах граждан, как "религиозная, буржуазная отрыжка" истории. Спустя десятилетия я благодарен Павлу Постышеву, второму секретарю ЦК ВКП(б) Украины, который, опубликовав 28 декабря 1935 года в газете "Правда" статью "Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку", объявил этот запрет "левым перегибом". Он, правда, хитроумно переименовал елку из рождественской в новогоднюю (несомненно, не без одобрения Сталина), но с откровенно идеологическим бредом было покончено. Гражданам страны Советов была возвращена хоть толика радости, пусть и в своеобразных нарядах "социалистического реализма" (елочные игрушки в виде красных звезд, самолетов, подводных лодок, танкистов, пограничников с собаками и даже стеклянных шаров с портретами Сталина!).

Покидая выставку, я встретился взглядом с женщиной среднего возраста, которая провожала каждого посетителя так, будто молчаливо спрашивала его — тебе понравилось? Тебе это было нужно? Это была Ким Балашак. Я поблагодарил ее за то, что она собрала воедино наше детство, за то, что такие люди, как она, бережнее относятся к нашей "незнаменитой" культуре, чем иные мои чиновные соотечественники, за то, что между американцами, устраивающими ТАКИЕ выставки, и россиянами, ТАК их воспринимающими, никогда не возникнет никакой вражды, как бы ни старались наши недалекие правители ради своих собственных спекулятивных интересов. Лицо Ким засветилась радостью: ее хобби в России, где она живет уже несколько лет, стало целью ее жизни и оказалось невероятно востребованным самими же россиянами. Ну, не счастье ли это для человека и коллекционера?

Дома теперь у меня на полке стоит прекрасно изданный каталог выставки¹ с дарственной надписью Ким, который я с удовольствием просматриваю и всякий раз нахожу в нем для себя что-то новое.

¹ Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. Москва, 2002

"Ёлки" общественные

Но праздник Нового года не ограничивался для меня исключительно рамками семьи. В конце 40-х, начале 50-х папа дарил мне билеты на единственную тогда "главную" елку в Москве — в Колонном зале Дома Союзов. Мне кажется, тогда еще не было под копирку созданных Дедов Морозов со Снегурочками (сейчас бы сказали — клонированных), развлекавших детвору по типовому сценарию. Кстати, Снегурочка была приставлена сопровождать Деда Мороза (он впервые появился в исполнении артиста Гаркави в 1937 году) сразу же после войны, до этого у нас такого персонажа не было. Массовость новогодних представлений от детского сада до корпоративных вечеринок начала XXI века, когда у Дедов Морозов со Снегурочками шел самый "чёс"¹, породила знаменитый анекдот: одного нашего актера — о, счастье! — пригласили сниматься в Голливуде. Он спрашивает продюсера, когда состоятся съемки. "В конце декабря — начале января", — отвечает тот. — "Никак невозможно, — вздыхает актер, — у меня же в это время ёлки..."

На елке в Колонном зале было все очень продуманно: различные аттракционы в виде деревянной горки с желобом — по нему можно было залихватски съезжать вниз на собственной пятой точке; силомера, по которому надо было со всей силой лупить молотом, и что-то там взлетало вверх к контрольной планке, еще какие-то забавы. Аттракционов было немного, но мы, дети, радовались. Не знаю, как это удалось устроителям, но праздник этот не был "заорганизован", и дети веселились от души.

И еще в доме Союзов был небольшой темный зальчик без стульев, в котором набившимся туда детям показывали мультфильмы. Для меня, 5-6-летнего ребенка, очень редко выводимого родителями к кино, не знавшего о существовании телевизора, провести хотя бы полчаса в волшебном мире мультипликации было самым лучшим подарком. До сих пор помню мультфильм под названием "Таяжная сказка" (кажется, так) о том, как дедушка вырезает из дерева дятла с красной шапочкой на макушке, и как тот оживший дятел оставляет с носом хитрую лису.

Мечтал я тогда хоть одним глазком увидеть диснеевские мультфильмы. Ведь папа так много мне их пересказывал: "Бэмби", "Белоснежку", "Дом с привидениями" с Дональдом Даком, Микки Маусом и Плуто. Но этих мультфильмов нам не показали. Тогда же, папин друг и сценарист Борис Бродский, подарил мне самый первый сборник сценариев мультфильмов, изданный в 1950 году. Я с удовольствием читал потом сценарий своего любимого фильма "Когда зажигаются ёлки".

И только спустя многие годы, когда я уже взрослым, удосужился прочитать предисловие к этому сборнику, написанное неким Б.Вороновым, я понял, почему нам, маленьким гражданам самой лучшей в мире стране Советов, не показывали диснеевских мультфильмов. Вот выдержка из этого предисловия:

"Особенно наглядно выступает огромная сила воздействия и идейно-художественная зрелость отечественной рисованной кинематографии, когда сравниваешь наши фильмы с "образчиками" реакционного искусства того же жанра, "творениями" пресловутого Диснея и прочих фашизированных дельцов от кино. Империалистическая по духу, порочная по форме американская мультипликация проповедует политику порабощения человечества... Она полна откровенной пошлости, проникнута мистикой, пессимизмом и человеконенавистничеством. Характерным примером такого рода идеологии является фильм "Бэмби", в котором человек

¹ "чёс" — жаргонное словечко, принятое в среде актеров и музыкантов и обозначающее большое количество оплачиваемых выступлений за какой-то период времени.

низведен до положения хищного зверя, уничтожающего все прекрасное на земле"¹. Ну, понятно теперь, почему я так и не дождался "Бэмби". Человеконенавистнический фильм, оказывается. А уж Микки Маус — так тот вообще пошляк, преисполненный мистики и пессимизма!

В 1958 году, когда я учился в 4-м классе, за отличную учебу меня премировали билетом в Кремль на переехавшую туда "главную" елку страны. Как я переживал, что как раз в тот день, когда я должен был пойти в Кремль, я заболел. Но мама узнала в "елочной" администрации Кремля, что я смогу прийти в любой день, когда выздоровею.

И вот настал торжественный момент, я — в Кремле! Нас сгруппировали по возрастным категориям: 1-4 классы, 5-7-ые. Классы постарше, по-моему, на кремлевскую елку не приглашались. Далее мы прошествовали в величественный Георгиевский зал с высеченными на стенах именами георгиевских кавалеров, в центре стояла огромная елка. Раздаются усиленные микрофоном голоса Деда Мороза и Снегурочки, звучат заезженные тексты, шутки. Все подчинено сценарию: вот детям велят встать вокруг елки, вот они ведут хоровод. Вот они должны что-то дружно скандировать. А мои глаза тем временем устремлены на стены Георгиевского зала: их белый с золотом декор еще больше подчеркивает его сдержанную простоту и вместе с тем торжественность.

В паузе между мероприятиями нас опять поделили: ученики 1-4 классов — продолжали веселье вокруг елки, ученики 5-7 классов отправлялись на экскурсию в Грановитую палату. Приосанившись, чтобы сойти хотя бы за пятиклассника, я быстро примкнул к этой группе. Вид Грановитой палаты поразил. Эти своды, роспись... Сейчас можно взять любой альбом о Кремле и найти там прекрасно выполненные фото этой палаты. Но тогда, в 50-е, это чудо еще было сокрыто от глаз своих же граждан. Да и сейчас туда так просто не попадешь. С той поры я храню билет на елку в Кремль и жестяную, разукрашенную спутниками и русской тройкой с Дедом Морозом, коробку, в которой были подарочные конфеты и печенье.

Массовые елки тем временем множились, как грибы. Вот уже я на елке в недавно построенном Дворце спорта в Лужниках. Удобно устроившись, сижу на трибуне недалеко от ледовой сцены. Новогоднее представление сделано с выдумкой, это целый спектакль, перемежающийся вставными номерами цирка на льду, медведями на коньках, клоунами, прыгающими из-под купола Дворца вниз и мгновенно взлетающими обратно вверх — их подбрасывают особые резиновые подтяжки. Все ново, не тривиально. Елка в Лужниках тогда мне очень нравилась.

Мамина Пасха

Но я все описывал зимний, новогодний праздник в нашей семье. А был еще праздник весенний — Пасха. Наша семья никогда не была верующей, но уважительное отношение к старым церковным праздникам мама сохраняла. Одним из ее самых любимых была Пасха — это шло еще из ее детства.

Маме очень хотелось, чтобы я увидел крестный ход на Пасху, который оставался в ее памяти торжественным красочным действием. И однажды поздно вечером мы поехали с ней в Новодевичий монастырь. Мне было лет десять, и я запомнил только металлическую ограду, к которой мы прильнули, конную милицию, толпу народа. Крестный ход появился за той оградой, и мама, чтобы мне получше было видно, поставила меня на ее цоколь. В тот момент толпа рядом с нами пришла в возбуждение. То и дело раздавался залихватский свист, хохот. Тогда от увиденного я не испытал никакого душевного подъема. Мама была страшно огорчена, но не из-

¹ Фильмы-сказки. Сценарии рисованных фильмов, Госкиноиздат, 1950, сс.3-4

за моей реакции, а потому, что растоптана была ее детская память о торжественной благостности в пасхальный день.

Спустя многие годы, уже в середине 70-х, мы с женой и нашими друзьями, с которыми я познакомился в Сингапуре (о них я тоже расскажу попозже), повторили попытку присутствовать на крестном ходе и отправились на их машине в Троице-Сергиеву лавру. Зная, что мероприятие будет долгим, по пути мы остановились в придорожной роще перекусить. У друзей, приехавших в отпуск в Москву (глава семьи был дипломатом), имелся диковинный тогда для нас полусферический гриль на ножках и древесный уголь. Решили пожарить курицу на вертеле. Но, то ли угля было мало, то ли мы были недостаточно опытными кулинарами, только курица получилась полусырой. Поскольку время поджимало (надо было заранее занять места поближе), мы, давась, покончили с этой курицей. Единственным, что примирило нас тогда с этой неудачей, была кассета с записью божественной рок-оперы Эндрю Ллойда Вебера "Иисус Христос — сверхзвезда", которая в тот год покорила весь мир.

Когда мы добрались до Лавры, на подходах к ней было уже полно народа. Мы нашли какой-то свободный пяточок и стали ждать — до крестного хода оставалось еще часа полтора. Когда же он появился, то наша усталость от стояния на месте достигла своего предела. Да и сам скромный крестный ход отнюдь не был похож на сегодняшнее роскошное зрелище. Но уже не было хамской толпы и хулиганского свиста. И то слава Богу.

За несколько дней до самого праздника, который всегда приходится на воскресенье, на рынке покупался развесной творог. Это делала мама, потому что только она могла определить — будет ли из него пасха с "крупинками", или нет, и не слишком ли кисел сам творог. В пятницу мама пекла куличи, заглядывая в старую, пожелтевшую от времени тетрадь с семейными кулинарными рецептами еще ее бабушки.

Это было целое искусство. В тесто для куличей, помимо муки самого высшего качества, вбухивалась прорва других продуктов, чтобы получилась настоящая сдоба: тут была и сметана, и масло, и желтки яиц, и изюм с домашними цукатами из апельсиновых корочек, и ваниль, и много сахара. Тесто должно было быть отменно вымешано и затем хорошо подойти. Готовность проверялась тоненькой лучинкой: если на ней оставались прилипшие частицы теста, то куличу надо было сидеть в духовке еще какое-то время.

Цукаты готовились так. Снималась кожура с нескольких апельсинов, затем она вымачивалась пару дней в воде, чтобы исчезла горечь. Потом аккуратно срезался белый слой кожуры, и оставлялась только оранжевая цедра. Ее варили в небольшом количестве сахарного сиропа, причем несколько раз. Затем куски цедры присыпались сахарным песком, чтобы он впитал излишнюю влагу. Такие цукаты мелко крошились и добавлялись в куличи и пасху. Бывало, что мы забывали заранее купить апельсины, и тогда, спохватившись, мама посылала меня за ними, и вся семья срочно "выедала" эти экзотические фрукты исключительно ради получения сырья для цукатов.

Мама любила печь куличи разной формы — от большого, широкого, до самого маленького, сантиметров десять высотой. Были куличи и узкие, высокие. Для каждого была своя форма: большие широкие консервные банки из-под какого-нибудь заморского масла, или узкие высокие — из-под чешских сосисок, или от нашего консервированного горошка.

Когда куличи вынимали из духовки, то квартира наполнялась божественным ароматом от всех ингредиентов, в них заложенных. При разрезе такой кулич должен был быть очень крутым и шафранового цвета.

Но куличи надо было еще покрыть глазурью, состоявшей из смеси сахарной пудры и лимонного сока, да еще и не ошибиться в пропорциях: мало лимона — не будет красивых белоснежных "подтеков" по бокам кулича. Слишком много лимона — и глазурь вся стечет, не оставив на куличе и следа.

Макушка куличей немного напоминала шляпку только что появившегося гриба-боровика: она также нависала, иногда чуть скособочившись, над крепкой куличной "ножкой". На еще не застывшей глазури мама выкладывала из половинок очищенного от кожуры миндаля буквы "ХВ" — "Христос воскрес!", это традиционное приветствие на Руси в день Пасхи. Свободное пространство между этими буквами засыпалось мелко крошенными зеленовато-бордовыми фисташками. Если учесть, что в мои годы их в продаже вообще не было, и я как царь Кощей дрожал над каждым орешком из того небольшого кулька, что папа иногда привозил из командировок в Таджикистан, то станет ясным, каких трудов это все стоило. Да еще орешки те нужно было колоть щипцами. А они все были маленькими, крепкими, как кремни, и без всякой щелки. Эти фисташки все норовили выскользнуть на пол, а щипцы как будто только и хотели до крови ущипнуть тебя, что и случалось... Как дорогой подарок уже в 90-е годы я воспринял сувенир из Земли Обетованной, — пакетик с крошечными цветными горошинками, — привезенный маме к Пасхе ее школьной подругой Раей. Един наш Бог, едина наша Пасха!

И последний штрих — в центре макушки кулича нужно воткнуть на острой палочке самодельный цветок из цветной бумаги — раньше продавалась такая, гофрированная. Мама делала эти цветы преимущественно в виде розочек. Теперь куличи осторожно накрывались плотной тканью, чтобы они не зачерствели за двое суток до Пасхи.

Замечу, что в конце 50-х и в 60-е годы примерно за неделю до Пасхи в булочных появлялось некое кондитерское изделие, носившее стыдливое название "Кекс весенний". По форме и аромату оно точь-в-точь походило на классическую форму кулича, которым, по существу, тот "кекс" и являлся. Правда, он уж очень отличался от нашего, домашнего.

Приготовление творожной пасхи являло собой отдельный вид кулинарного искусства. Вообще-то существует великое множество их рецептов, но мама предпочитала, как это и было заведено у них дама, в Даниловке, делать пасху *сырую*. Для этого непосредственно накануне Пасхи, в субботу, купленный на рынке творог протирался через мельчайшее сито. В него добавлялось много сливочного масла, достигшего "мягкой" консистенции, и опять же сметана, изюм, апельсиновые цукаты, ваниль. Чтобы все хорошенько перемешать, мне поручалась работа с миксером. После мама набивала этой тщательно перемешанной массой старинную деревянную пасечницу. Состояла та пасечница из четырех трапециевидных дощечек сантиметров 30 высотой и в сантиметр толщиной. С их внутренней стороны славянской вязью было вырезаны те же самые буквы "ХВ". Дощечки соединялись друг с другом наверху и внизу при помощи тонких шнурков, вдетых в просверленные дырочки. Далее внутренность пасечницы выстилалась марлей, и уже потом она заполнялась приготовленной творожной массой. В таком перевернутом виде — узкой частью вниз — пасечницу ставили в кастрюлю с высокими стенками, чтобы она не упала. Сверху клался гнет, чтобы стекла вся излишняя жидкость. Затем все это сооружение размещалось в холодильнике, чтобы в застывшем виде пасха продержалась бы высокой пирамидой какое-то время на праздничном столе.

Ну, а какая же Пасха без крашеных яиц? Тут был простор для самых разных художественных фантазий. Только пищевой краски для яиц, которую ныне перед Пасхой не продает разве что самый ленивый, тогда не было, и каждый исхитрялся, как мог.

Например, помимо классической, традиционной луковой шелухи, дававшей цвет от темно-коричневого до светло-желтого (в зависимости от того, сколько времени держать яйцо в

кипящей воде), мама красила яйца и анилиновыми красками для тканей. Потом обнаружилось, что какие-то лоскуты, оставшиеся от ее швейных работ, страшно линяют. Но это-то нам было и нужно! Мама кипятила их в консервной банке вместе с яйцами, и получались невероятно нежные цвета. Непревзойденный розовый цвет давал, например, мой пионерский галстук из сатина (шелк я не любил, потому что было невкусно грызть концы шелкового галстука!).

Но это, так сказать, массовое, "промышленное" крашение — по два-три яйца одного цвета. Шедевры живописи начинались, когда за дело принимался папа. Он доставал свои заветные акварельные краски и начинал расписывать яйца по индивидуальному дизайну: розовые задорные поросята, какие-то еще зверушки. Однажды он нарисовал веселый хоровод из черных и красных чертенят, напоминающий картину Матисса "Танец". С одной, религиозной, стороны, это было несомненным святотатством, а, с другой — полностью отвечало нашей семейной эстетике этого праздника: весна, радость, обновление мира после зимних холодов!

Несколько лет подряд мама на Птичьем рынке покупала овес, которым недели за две засеивала большое круглое блюдо с предварительно насыпанной туда землей. К Пасхе блюдо "колосилось" нежными зелеными побегами, среди которых яркими цветами пестрели смазанные для блеска крашенные яйца. Незабываемое зрелище!

Мама вносила и свою расписную лепту в крашение яиц. Она из года в год рисовала папин "портрет", благо, что сделать это было довольно легко. Папа на макушке был лысоват, волосы только по бокам головы, и он носил очки. Поэтому яйцо оказывалось идеальной основой для "скульптурного" портрета — пара взмахов кисточкой, или даже карандашом — и все! Наиболее удачные "портреты" хранились у нас годами за стеклом горки. Со временем они становились практически невесомыми, потому что содержимое скорлупы высыхало. Но однажды... Мы никак не могли понять, откуда нас стал преследовать ужасный запах. Потом обнаружилось: это одно из "пап"-яиц испортило воздух, что дало пищу для достаточно тактичного остроумия, не выходявшего за рамки приличия.

И еще один забавный случай, связанный с Пасхой. Когда в 80-е годы я жил и работал в Праге, моя жена, стремясь обеспечить мне привычную среду обитания, затеяла печь куличи, какие пекла моя мама. Все было сделано в точном соответствии со старинным бабыкинским рецептом, и тесто уже начало подходить. Тут маленьким метеором в кухню ворвалась наша трехлетняя дочь Люба и вылила в тесто полкружки холодной воды. Она просто хотела внести свой кулинарный вклад в технологический процесс изготовления пасхальных куличей! (По секрету скажу, что Любину жизнь я тогда спас, но все тесто для куличей пришлось ставить заново!)

На Пасху обязательно покупались только что появившиеся парниковые огурцы. Наверное, их привозили на рынок из Средней Азии, поскольку они были дороги. Были те огурцы анемичными, водянистыми, прозрачно-зелеными, но зато пахли настоящей весной и *настоящим* огурцом. Еще к праздничному столу полагалась ветчина. Тогда в магазинах она продавалась нарезанная стопочками от огромного вареного окорока на кости. Тонкий кусок нежно-розового мяса был обрамлен полоской белоснежного жира шириной сантиметра два. И была та ветчина такой свежей, что, казалось, истекала соком, поэтому продавец заворачивал ее в пергаментную бумагу. Теперь такой ветчины не найти. Вероятно, изменилась технология ее изготовления. Жаль...

Завершающим аккордом всех этих приготовлений была покупка гиацинтов, этих традиционных для нас пасхальных цветов. Синие, розовые, белые, своими нежными оттенками, а еще более — своим изысканным ароматом — они дополняли палитру волшебных красок и запахов, которыми была полна наша квартира в пасхальный день.

Гостей (обычно это были самые близкие родственники и знакомые) приглашали к полудню — уже не время завтрака, но еще и не время обеда. Мама доставала лучший кофейный саксонский сервиз с "синими мечами"¹ с розами на белом фоне, такой же молочник и кофейник (только на Пасху! в остальные дни им не пользовались). Стол уже был застелен "пасхальной" скатертью. Ее вышила простым крестиком разноцветными нитками мулине моя бабушка, Наталия Яковлевна, в подарок маме. На белом полотне скатерти красовались розы самых разнообразных цветов и оттенков, расположенные в шахматном порядке. Вдобавок, у каждого прибора стояла миниатюрная, сантиметров шести высотой, фарфоровая вазочка с весенними первоцветами, что придавало убранству стола особую торжественность.

Куличи высились на серванте средневековыми крепостными башнями, но они не напоминали мрачные страницы прошлого, а, наоборот, смотрелись, скорее, разновеликими невестами в белой фате глазури и с венчиками из бумажных цветов.

Пасха, вызволенная из плена своих деревянных одежд, занимала центральное место на столе. Ее вершина тоже венчала бумажная мамина роза. Резать пасху нужно было ниткой, и специальной серебряной лопаточкой перекалывать затем на тарелку. В сочетании с куличом она рождала дивные вкусовые ощущения.

Из многих гостей в далеком детстве мне однажды запомнился очень пожилой человек, для меня — просто древний. Его пригласил к нам на Пасху папа, который с большим уважением "опекал" гостя. Это был Константин Григорьевич Локс, преподававший еще в начале 20-х годов папе, его брату и сестре, моей тете Але, русскую словесность в городке Сураж в их "сигеевский" период жизни. Но с не меньшим пиететом к Локсу отнеслась моя сестра Оля. Оказывается, Локс читал ей в ГИТИСе курс истории западной литературы. Так я стал свидетелем исторической встречи двух поколений учеников одного Учителя!

Позже, когда я подросток, папа рассказал мне, что Константин Григорьевич закончил философское отделение Московского университета и вернулся преподавателем изящной словесности в гимназию в Сураж, откуда был родом. Позже он написал свою известную книгу "Повесть об одном десятилетии"², в которой рассказал о своих встречах с Андреем Белым и Александром Блоком, о дружбе с Пастернаком и Ходасевичем и многими другими известными поэтами и литераторами "серебряного века". Локс писал статьи о творчестве Марселя Пруста, Пушкина, Хлебникова, переводил романы Бальзака, Франса, был участником "Общества свободной эстетики"³.

Быть может, в этой главе я слишком много внимания уделил деталям, погружался в мельчайшие подробности наших семейных празднеств и традиций Единственное тому оправдание, что, к сожалению, это все "натура уходящая", а я не могу позволить ей кануть в Лету вместе со мною. Пусть она останется хотя бы на страницах моих воспоминаний. И, потом, у меня есть с кого брать мой собственный маленький пример: два великих Ивана — Шмелев и Бунин, — которые оставили нам изумительные описания празднования Рождества и Пасхи ушедшей России⁴.

¹ Скрещенные синие мечи — эмблема саксонского фарфора Meissen с почти трехсотлетней историей

² Минувшее: Исторический альманах. 15. — М.; СПб.; Athenium: Феникс. 1994

³ "Общество свободной эстетики" объединяло движение символистов в России в начале XX в.

⁴ И.Шмелев "Рождество в Москве"; И.Бунин "Чистый понедельник"

Дачная жизнь в Мичуринце и в Икше

Летом 1953 года родители сняли дачу в поселке Мичуринец по Киевской дороге, что граничил с писательским дачным поселком Переделкино. Хозяином дачи был сухопарый старик, Андрей Владимирович Вечвинский, бывший политкаторжанин еще царских времен. Часть дома он сдавал на лето, а сам жил в пристройке и занимался садом и огородом. С нашей семьей у него были непростые отношения. Он на дух не переносил мою бабушку, видя в ней "недобитого классового врага". И тут не помогали разъяснения, что бабушка к аристократии не имеет никакого отношения, что ее "социальное" происхождение самое обычное — из семьи врача. Несгибаемый большевик оставался верным своему "классовому чутью".

Между нашим простеньким Мичуринцем и старым писательским поселком Литфонда в Переделкино была своеобразная "буферная" зона. Здесь в 1952 году "Литературная газета" выстроила с десяток ведомственных щитовых домиков, чтобы сдавать их на лето своим сотрудникам. В одном из них в 1953 году поселилась и семья Гольбергов, друзей папы и мамы, о которых я уже писал. Они жили там с детьми — старшим сыном Ильей, который дружил с нашей Олей, и дочерьми — Наташей и Аришей. Я этому был несказанно рад, потому что с Наташкой, почти моей ровесницей, было интересно: она уже прочла массу книг (в том числе и энциклопедию!) и имела зачастую безапелляционные суждения о многих вещах, мне еще неизвестных. Помимо этого, уже в свои семь лет я чувствовал ее женское превосходство. Кстати, не так давно она не без гордости сообщила (к моему великому удивлению), что я был первым мужчиной в ее жизни, который целовал ей руки, когда она уезжала с дачи. Было это, по ее словам, в канун 1-го сентября, когда она должна была идти в школу, а я был еще дошкольником. Интересно узнавать о себе самом такие романтические детали...

Наши игры с Натальей иногда нарушались ее младшей сестренкой Аришей, которой было в ту пору три года. Ну, скажите на милость, во что можно играть с такой малышкой уже "взрослым" 7-8-летним детям? Аришка страдала, переживала.

Когда я сегодня пишу эти строки, то поневоле думаю, какими же извергами мы были в детстве по отношению к младшим! Аришка, которая сегодня давно уже бабушка, нас в свое время простила: чего теперь с этих стариков, которым уже прилично за шестьдесят, возьмешь...

Однажды произошел смешной случай. То есть, тогда он смешным мне не показался. Дело в том, что в пылу какой-то ссоры Наташка обвинила меня, что я надел ее шерстяную кофточку. Попытки доказать, что это была моя собственная кофточка, не помогли. Мне в глаза заявили, что я врун, и кофточка с меня тут же была содрана.

Вечером выяснилось, что наши мамы купили в свое время и Наташе и мне абсолютно одинаковые детские теплые кофточки. Это хорошо сейчас смеяться, а тогда...

Но дружба, генетически заложенная в нас еще нашими родителями, выдержала все испытания. И сегодня пожилые дети общего "семейства" Симуковых — Гольбергов все также считают себя как бы родственниками.

В Мичуринце мы любили с папой ходить на станцию и смотреть на проносящиеся мимо поезда. Огнедышащие локомотивы серии ФД ("Феликс Дзержинский") с длинной вереницей товарных вагонов, темно-зеленые вагоны пассажирских поездов дальнего следования, пригородные электрички, — все это привлекало внимание своей мощью, какой-то живой силой. Мы всегда считали с папой количество вагонов — это была прекрасная тренировка на внимание и порядковый счет, особенно перед школой. О том, что нас могли заподозрить тогда в "шпионской деятельности", в голову и не приходило. Воодушевленный железнодорожной

тематикой, я захотел стать кочегаром на паровозе (заметьте, не машинистом!), а папа меня огорчил, что мои железные любимцы переведены с угля на нефть, и что она подается в топку автоматически.

С той поры я обожаю ездить по железной дороге. Ритмичное перестукивание колес (после того, как рельсы стали свариваться длинными сплошными плетями, оно почти исчезло), легкий запах креозота и ароматного дыма (из вагонов-ресторанов), мелькающие пейзажи за окном, незнакомые станции с предлагаемой местными жителями разнообразной снедью, процедура замены вагонных тележек при пересечении границы с Европой (более узкая железнодорожная колея) — все это вызывало и по-прежнему вызывает у меня самые добрые эмоции и чувства.

Еще одной достопримечательностью Мичуринца были небольшие прудики, заросшие осокой. В них раздольно чувствовали себя изумрудного цвета лягушки, которых мы с тетей Алей безуспешно пытались поймать сачком. Казалось, что лягушки нахально смеялись нам прямо в лицо перед тем, как плюхнуться в воду, спасаясь от сачка. Были в тех прудиках и большие, сантиметров 15 длиной, черно-оранжевые тритоны. Еще любил ловить жуков-бронзовок, которые лакомились сочившимся из коры дубов соком.

Окрестные леса были исхожены обитателями поселков, и, как помнится, грибов в них не было. Но однажды я ухитрился найти несколько подосиновиков, вылезших прямо из под забора дачи Атаровых. После этого я "сочинил" песню, которую с удовольствием потом распевал: "Вдоль забора, вдоль забора, я пошел, я пошел. И гриб красный, с белой ножкой я нашел, я нашел!"

В Мичуринце мы снимали дачу и в последующие годы, но в 1956 году наш хозяин окончательно свихнулся на почве классовой ненависти и отказал нам. Пришлось снимать дачу у соседей, а в 1957 году вообще провести лето в дачном поселке недалеко от станции "Икша" по савеловскому направлению, которое, помимо самой "Икши", изобиловало и другой странной топонимикой: например, станция "Марк". Какой Марк? Что за Марк? Или — "Яхрома". Народная этимология приписывала этот топоним матушке императрице Екатерине II, которая, якобы, в том месте оступилась и сказала — "Я хромая".

Дачный поселок располагался на высоком косогоре. Двухэтажный дом, верх которого мы снимали, принадлежал инженеру-химику Дмитрию Алексеевичу Вульфу, потомку друга Пушкина Алексея Вульфа. Застекленная полукруглая веранда, также двухэтажная, напоминала маяк. По ночам здесь можно было наблюдать звездное небо. Сестра рассказывала, что, когда она готовилась на этой веранде к выпускным экзаменам в своем ГИТИСе, то разразилась сильнейшая гроза. Яркие молнии сверкали за тоненькими стеклами одна за другой, как дивизион "Катюш", да и раскаты грома им не уступали. В общем, страху она тогда натерпелась... Не пойму только, почему нельзя было хотя бы уйти в комнату и забиться куда-нибудь в уголок, как это всегда делал наш папа, сохранивший чисто физический ужас от пережитой им грозы в чистом поле в Сигеевке, когда молнии, как стрелы Зевса, вонзались в землю.

Воду в поселке приходилось носить из родника, который бил на дне глубокого оврага метрах в трехстах от дома. Спускаться к нему и подниматься с наполненными водой ведрами нужно было по крутым глиняным ступенькам. Электричества в поселке не было вообще: готовили мы на керосинках, а читали при свете керосиновых ламп. Ни тебе телевизора, ни радио... И при этом мы ухитрялись жить интересно и весело. Я много читал, ходил с мужем моей сестры Игорем на рыбалку на канал, мы много гуляли в окрестных лесах.

За низким заборчиком из штакетника начинался смешанный лес из дубов, липы, березы и орешника. В нем встречались большие, абсолютно круглые поляны с таким же правильным

кругом из огромных старых дубов посередине. В центре таких колец высилась непролазная осока. По преданию, именно в одном из таких кругов под землю когда-то провалилась церковь с колокольной. Ну, чисто град Китеж.

Леса в Икше были грибные и ягодные, но больше всего — ореховые. Когда наступал сезон, из города сюда тянулись толпы "орешников", как с долей презрения называли их икшинские жители. Фундук здесь был крупный, сладкий. Его те "орешники" мешками увозили в Москву. В ореховый сезон на своих участках обитатели поселка устраивали ночные дежурства: шум, гиканье, громкие переключки "орешников" запросто могли окончиться пьяным вторжением в их частные владения.

Таких глубоких оврагов, что встречались в Икше, я больше нигде не видел. Между ними зияли светло-желтыми каньонами заброшенные песчаные карьеры. Из них добывали песок еще в 30-е годы для строительства канала имени Сталина, который шел у подножья нашего дачного косогора параллельно шоссе и железной дороге. Мы любили с папой, ничуть не задумываясь об опасности, съезжать на пятой точке с лавиной чистейшего песка вниз карьера, в центре которого сверкало тишей водной гладью прозрачное озерцо. Тогда мы не знали, что вся прилегавшая к каналу территория была одним огромным братским кладбищем эков — "каналармейцев", его построивших...

Всеобщий мёрк

С раннего детства я приохотился слушать радио. У нас был небольшой по тем временам и какой-то "домашний" по дизайну радиорепродуктор для одной-единственной программы проводной московской радиосети: такая светло-коричневая коробочка сантиметров двадцать пять в высоту с ситцевым в мелкий цветочек кружком посередине, защищавшем мембрану. Его и сравнить нельзя было с привычными в ту пору черными "тарелками" репродукторов времен войны, которые вечно хрипели, будто от хронического бронхита.

Я любил слушать и драматические спектакли в рубрике "Театр у микрофона", и оперы, и сборные концерты, дававшие классику вперемешку с эстрадой (Шульженко, Бунчиков, Александров). Особенно радовался детским передачам "Угадайка", которую вел актер Николай Литвинов и его радиособеседники-"дети" Боря (не помню, кто исполнял его роль, может быть, Валентина Сперантова) и Галочка (актриса Галина Новожилова) и радиопостановку о приключениях Буратино с тем же Литвиновым во всех лицах.

Мое ухо чутко воспринимало окружавший меня мир через это волшебное звуковое окошко. Классические музыкальные произведения с той поры навсегда врезались в память. Как и мама, я мог не назвать композитора, но вовсю напевал его произведения. Совершенно равнодушный к спорту, а тем более к футболу, я, тем не менее, как сейчас слышу звучащий из репродуктора голос великого спортивного комментатора Вадима Синявского, ощущаю состояние праздничности на неведомом для меня футбольном поле. Однажды я услышал даже интервью с моряками с легендарного крейсера "Варяг"¹!

И вот рано утром 4-го марта 1953 года я проснулся и по обыкновению припал ухом к моему доброму другу — радио. Но вместо ожидаемой детской передачи я услышал государственно-скорбный голос Левитана, который зачитывал официальный бюллетень "состояния здоровья товарища Сталина". Я ворвался в комнату родителей с криком: "Сталин болен!"

¹ Недавно только обратил внимание, что русское слово "варяг" означает "викинг"!

Я ведь видел Сталина, что говорится, живьем. Меня, шестилетнего, папа взял в 1952 году на ноябрьскую демонстрацию. Наша колонна шла от Союза писателей с улицы Воровского (ныне Поварская). Весь этот путь папа тащил меня на плечах. В момент прохождения мимо Мавзолея он, придерживая меня левой рукой, правой стал ощутимо тыкать меня в бок, крича при этом: "Митя, смотри, смотри! СТАЛИН!!!".

Годами позже, когда со мной уже можно было общаться на более высоком уровне, включающем интеллектуальную компоненту, папа объяснил мне, что его тогдашняя экзальтация на Красной площади была вызвана отнюдь не слепым обожанием Вождя всех народов. Единственное желание — чтобы я запомнил этот исторический момент. При этом папа рассказал мне притчу (или он воспользовался каким-то литературным произведением — сейчас уже не помню), когда отец с маленьким сыном сидели у камина, и вдруг в его пламени они увидели пляшущую огненную саламандру. А по древнему поверью это редчайшее явление должно было предвещать великое счастье. И чтобы ребенок на всю жизнь запомнил тот момент, отец отпустил ему сильнейшую затрещину. Думается, все же, что на папу подействовала не только старая легенда.

Диву даюсь сегодня: ну как это интеллигентный человек, драматург и сценарист, родной брат которого погиб на сталинской каторге за десять лет до этого, и вдруг...

А сам-то я в те годы? Все тот же 1952 год, только 1 мая. Просыпаюсь утром, смотрю на часы. Уже десять. Батюшки светы! А у меня красной звезды к празднику не нарисовано! Вечером пришли к родителям гости, так я за столом тяну свой стаканчик с виноградным соком: "За здоровье Сталина и его слуг!" Точнее не скажешь.

Или мама. Она рассказывала, как пошла на похороны Сталина (слава Богу, не попала в давку!), увидела "бесхозные" венки. Повинуясь какому-то внутреннему приказу, она и проходившие рядом женщины автоматически подхватили эти венки и понесли к Колонному залу. Всеобщее умопомрачение...

Сейчас бы опытные политехнологи или социопсихологи с легкостью разложили бы по полочкам этот поведенческий феномен, но тогда их не было, а всеобщее умопомрачение, мóрок — был. Забавно, но при всем при том я, по рассказам тети Али, бывало с хитрым видом и полущепотом, сознавая "преступность" своего деяния и млея от его сладости, говорил: "Ленин и Сталин — бебешки!" Насколько же двойственна человеческая натура!..

Отдохнув после той ноябрьской демонстрации, вечером мы пошли к станции метро "Кропоткинская" (тогда, по моему, она еще называлась "Дворец Советов") смотреть салют. Выйдя из арки, напоминавшей легкую беседку в старинной усадьбе, мы уперлись в огромный забор, который огораживал бывшую строительную площадку Дворца Советов с задуманным в свое время 100-метровым Лениным на верхушке. (Через восемь лет, в 1960 году, тут будет плескаться бассейн "Москва", а сегодня вновь возвышается возрожденный храм Христа Спасителя). Обогнув забор, мы остановились напротив Музея изобразительных искусств им.А.С.Пушкина. Здесь на тротуаре суетились солдаты вокруг огромного, трещащего вольтовой дугой прожектора. Голубой столб его света был устремлен в небо, и там, в черноте, он перекрещивается с другим таким же световым столбом. В этом перекрестье ярко высвечивался паривший над Москвой огромный портрет Сталина, поднятый на аэростате.

Через несколько минут раздались залпы праздничного салюта. Настроение было радостным: ты чувствовал свою сопричастность к всенародному празднику. Тебя завораживала россыпь зеленых, красных и белых огней, усеивавших небо. Они походили на северное сияние, знакомое только по картинкам. И ты со всеми в едином порыве...

И вот по радио сообщают — Сталин умер. Вскоре уже никуда было не деться от тяжелых звуков похоронного марша Шопена — он звучал постоянно. Накануне похорон "отца всех народов" (я был простужен и лежал в постели) я попросил маму сделать мне траурный флаг. Она не удивилась: большинство, подчеркиваю, большинство людей (даже я, ребенок!) были загипнотизированы одним лишь именем Вождя.

Мама сделала мне красный флаг с траурным черным бантом. Но я не удовлетворился. Я хотел, чтобы у древка флага было навершие вроде плоского наконечника пики с серпом и молотом в центре, чтобы все было "по-взаправдашнему". Тогда мама вырезала из картона эту недостающую деталь и покрасила ее золотой краской. Как это напоминает мне теперь требование папы в детстве, чтобы его мама сшила ему карнавальный плащ рыцаря, причем точно такой же, какие носили в XII веке, чтобы он тоже был "взаправдашним".

9 марта ровно в 12 часов дня, когда по всему Советскому Союзу на три минуты остановились фабрики и заводы, встали люди и машины, и, наверное, звери, рыбы и птицы (они же жили в нашей стране, и у них тоже умер великий Сталин!). И я замер в своей детской кроватке по стойке смирно с траурным знаменем в руках. За окном слышался вой тысяч автомобильных гудков. И было мне тогда без трех месяцев семь лет.

Описывая свои ощущения того мартовского дня 1953 года, я хочу показать, что параноидальное обожание вождя могло специально и не воспитываться в семьях. Оно просто было неотъемлемой частью окружающей среды, входило в состав воздуха, которым мы дышали. Невероятно точно сказал об этом писатель Виктор Астафьев: "Все мы, все наши гены, косточки, кровь, даже говно наше пропитаны были временем и воздухом, сотворенным Сталиным"¹. И только потом мы поняли, что воздух тот был смертельно отравлен. А кое-кто и по сию пору уверен, что это был живительный кислород...

Буквально несколько дней спустя для всей страны и для меня лично наступила новая жизнь: в Кремле к власти пришло новое руководство, а наша семья переехала на новую квартиру.

Перемены в нашей жизни

В середине марта 1953 года мы переехали в квартиру в кооперативе Малого театра "Труженик искусства", что находился в Воротниковском переулке рядом со станцией метро "Маяковская".

Свое название переулок получил по находившейся здесь с XV в. Воротниковской (Воротничьей) слободе, жители которой — "ворóтники" — несли охрану ворот Кремля, Китай-города и Белого города: на ночь запирали, а утром открывали городские ворота. Поэтому правильно нужно произносить "Ворóтниковский", а не "Воротникóвский" переулок, как по незнанию говорит большинство водителей троллейбусов на Садовом кольце.

Кооператив был одним из самых первых в Москве, построен по проекту архитектора В.С.Кузнецова в 1927 году — три двухэтажных корпуса из нового в то время строительного материала — пустотелых шлакобетонных блоков, и один наш, четырехэтажный, — из кирпича.

Лидия Либединская, вдова писателя Юрия Либединского, так описывала возникновение нашего кооператива, свидетельницей чему она была еще девочкой, поскольку жила в те годы в старинном особнячке с мезонином на углу нашего Воротниковского и Дегтярного переулков:

¹ Из письма писателю Вячеславу Кондратьеву 28 декабря 1987 г., Красноярск; Виктор Астафьев. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952 — 2001, издатель САПРОНОВ, Иркутск, 2009, с.402 или Сайт: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/046/00.html#sup>

"...позади церкви [Святого Пимена — Д.С.] строятся двухэтажные кооперативные дома, где будут жить артисты, музыканты, художники. Вы обязательно увидите, как туда часто приезжают верхом на белых конях председатели этого кооператива, молодые талантливые артисты Малого театра Елена Гоголева и Всеволод Аксенов, оба такие красивые. Они наблюдают за тем, как идет строительство"¹.

У папы в те годы широко по стране шла пьеса "Девуцы-красавицы", и он, наконец, смог купить квартиру в этом кооперативе. Теперь, в трех комнатах, наша семья почувствовала себя совсем в настоящем раю по сравнению с арбатской "вороньей слободкой". Чувство обретенного рая усиливалось еще божественными звуками классической фортепьянной музыки, приглушенно доносившимися из квартиры над нами — там жил старичок, который любил играть на фортепьяно.

И все-таки полного счастья в новой квартире для нас не было: в одной комнате (у нас было две, но одну мы перегородили) оставалась бывшая хозяйка, с которой было договорено, что папа приобретет ей однокомнатную квартиру, и она от нас съедет.

Пожилая дама оказалась сущим проклятием, потому что отказывалась от всех предлагавшихся ей вариантов и выступала на всех собраниях пайщиков нашего кооператива, обвиняя папу и маму во всех смертных грехах. Более того, подзуживаемая каким-то подозрительным типом, который приходил к ней в гости, и которого она выдавала за своего племянника, эта дама вообще решила повернуть дело вспять и стала настаивать на возврате ей кооперативного пая и, следовательно, прав, на эту квартиру.

Помню, как мама требовала от меня быть предельно вежливым с Юлией Александровной — не дай бог своей детской прямолинейной интонацией показать свое негативное к ней отношение и тем самым дать козырь в руки на очередном собрании. А каждое такое собрание членов кооператива, на которые ходила мама, становились сущей Голгофой для нее и для всей семьи. Мама прилюдно приходилось выслушивать голословные обвинения и доказывать, что мы и так живем тише воды, ниже травы и только и делаем, что подыскиваем разные варианты квартир для Юлии Александровны, но она отказывается...

Еще до въезда в квартиру в Воротниковском, в которой сиял натертый воском паркет, но еще не была куплена мебель, и от стен отскакивало звонкое эхо, мама постаралась устроить новогодний уют. Посреди большой комнаты она поставила живую, около метра высотой, елочку, усыпанную раскрывшимися коричневыми шишками! На елочке было развешано всего несколько ярких разноцветных стеклянных шаров. Я настолько был поражен этой красотой соединения живой природы — шишки! — со скромным благородством новогоднего убранства — шариками, что даже смирился с высотой елочки: на Арбате у нас всегда она была под потолок. К слову сказать, следующие елки мама покупала уже привычных мне размеров — под три метра высоту.

Наше новое жилище, да еще после ремонта, произвело на меня огромное впечатление. У нас было три комнаты. Фактически их было две, но одну длинную разгородили на две, выделив папе маленький, менее десяти метров, кабинет. Проходная комната стала нашей с мамой спальней. И еще была столовая, побольше. Говорили, что когда-то была и кухня, но из нее бывшая хозяйка квартиры сделала себе комнату, а кухню устроила в конце коридора.

¹ Лидия Либединская. Зеленая лампа и многое другое. ОАО Издательство "Радуга", М., 2000, с.26

Представтье себе закуток в торце уоридора размером 3 на 1,8 метра, где была газовая плита, раковина, холодильник, кухонный столик, буфет. Разойтись двум людям здесь было весьма проблематично, так что уютное понятие "посидеть на кухне" нам было неведомо.

Обои в квартире выдержаны в одном стиле: в столовой светло-бежевые, расчерченные узенькими золотыми полосками в виде растительных гирлянд на косые ромбы по всему полю, и темно-бордовые с такой же золотой сеткой — в коридоре. У папы в кабинете было что-то простенькое, поскольку практически все стены были закрыты массивными стеллажами с книгами, а у нас с мамой — чудные для того времени "детские" обои с пингвинами на льдинах, альбатросами, лодочками, бакенами (или маяками?), лучами солнца. Общий фон был палевым, с едва заметными вкраплениями красного (клювы у альбатросов и пингвины лапка) и серебряными пятнами льдин. Можно было долго их рассматривать перед тем, как заснуть.

С обоями у меня произошла забавная история. И вновь, это теперь забавная, а тогда она показалась мне настоящей трагедией. Я был в квартире один. Выйдя из ванной — ванная! с душем! — я нечаянно коснулся мокрой ладонью обоев в коридоре, и на них остался ужасный темный отпечаток моей пятерни. Вне себя от содеянного, от сознания, что я испортил такую красоту в новой квартире, что мама будет страшно огорчена, я разрыдался и стал, как в трансе, в голос себя клясть за нечаянный проступок.

Но и этого искреннего покаяния мне показалось мало: я схватил свой тяжелый ботинок и изо всех сил стал бить себя каблуком по голове, чтобы через боль искупить свою "вину". Самое главное, ведь мама никогда не была со мной строга в воспитании: я не знал в своей жизни расхожих наказаний, типа "ремня", "постановки в угол", "лишения сладкого", "непущения гулять". Мама всегда умела так преподнести содеянное мною что-то неблагоприятное, что стыд и раскаяние тут же низвергались из меня Ниагарой, принося желанное очищение. Стоит ли говорить, что после таких бесед я никогда в жизни ни нечаянно, ни, тем более осознанно, не совершал ничего "предосудительного" — с точки зрения воспитательных стандартов — именно в этой линейке "правонарушений". Но ведь детей за один раз и на всю жизнь не воспитаешь...

Минут через десять после самобичевания я вдруг заметил, что моя пятерня на обоях исчезла. Высохла! Но и сегодня, спустя полвека, я ни на секунду не сожалею о напрасно, как может показаться с первого взгляда, перенесенных муках: все было правильно. Я сам осознал свой случайный проступок, сам наказал себя глубочайшим переживанием, тем самым сделав глубинную зарубку в своем сознании. Из таких "зарубок" и складывается впоследствии, по моему глубочайшему убеждению, система "гамбургского" счета в отношении себя самого.

Спустя какое-то время я рассказал об этом случае маме. Она прижала меня к себе, погладила по голове и поцеловала.

В новой квартире у нас была ванна с газовой колонкой, совсем как у Помещиковых в высотке на Красных воротах! И теперь я мог погружаться в зеленоватую от хвойных таблеток воду хоть каждый день. Однажды я даже обеспечил себе высшую степень человеческого блаженства по моему тогдашнему разумению. Оставшись один дома, я наполнил ванну, залез в нее с каким-то захватывающим детективом и, нежась в теплой воде, стал поедать шоколадные конфеты из коробки, предусмотрительно поставленной рядом, одновременно стреляя из игрушечного пистонного пистолета. На папу такая многогранная форма выражения блаженства его отрока проивела большое впечатление, о чем он неоднократно потом вспоминал.

Предметом папиной особой гордости был его кабинет — первый в жизни! По двум стенам (по одной — с самого пола) до потолка идут массивные книжные стеллажи с разного размера

нишами. Стеллажи сделаны из фанерованных под "темный орех" досок. Здесь же стоит такого же темного цвета тяжелый кабинетный немецкий гарнитур "львиная лапа", состоящий из круглого журнального стола, письменного стола с двумя тумбами и рабочим креслом, и книжного шкафа с застекленной центральной частью. Под нависшим стеллажом по одной стене стоит еще узкая тахта и — все. Ни для чего иного в кабинете места нет.

Стеллажи уставлены книгами и художественными альбомами, а в нишах стоят разные диковинки. Вот грустная обезьяна, сделанная когда-то из кокосового ореха, вот китайский монах, вырезанный из толстеного бамбука. А это маска льва, отлитая по модели М.А.Врубеля (1891) — майолика и глазурь цвета светлой морской волны. Эта декоративная скульптура была создана художником для ворот дома С.И.Мамонтова в Москве. В каталогах она светло-коричневого цвета. На стене висит карандашный эскиз В.Серова к его картине "Похищение Европы".

На письменном столе, за которым работает папа, — старинная бронзовая чернильница на каменной подставке в виде шимпанзе, купающегося в большой кастрюле с ручкой, подаренная мамой на один из папиных дней рождений. Откинешь крышку чернильницы с высовывающейся из "воды" обезьяньей головой — и макай ручку в лиловые чернила! Кстати, все свои вещи папа писал именно так, простой перьевой ручкой. Потом уже он перешел на шариковую. Прессом для бумаг служила неизвестно откуда взявшаяся аметистовая друза. Глядя на нее, мне всегда казалось, будто бы кусок ночного неба вдруг сжался до размеров обычной книжки, и вместе с ним на этом пространстве сжались миллионы лиловых звезд...

А за витриной книжного шкафа — на полке перед старинными фолиантами с золотым тиснением стоит мамина личная гордость. Это она долго выхаживала по комиссионным магазинам и, в конце концов, купила фарфоровые скульптурные шаржи Кукрыниксов, созданные ими в 30-е годы на Станиславского, Москвина, Качалова, Мейерхольда, Прокофьева. А еще ей удалось приобрести знаменитую серию из девяти фигурок ленинградского фарфорового завода — персонажей гоголевских "Мертвых душ". Прекрасное "наглядное пособие" для школьников, корпящих над сочинением по теме "Говорящие" фамилии" в этой поэме Гоголя! Они стоят на другой полке шкафа перед увесистыми темно-синими томами "сталинской" энциклопедии. На полке ниже можно увидеть любопытный артефакт, который папин старший брат, Андрей Дмитриевич, привез из одной своей исследовательской экспедиции по Монголии. Это украшение из обожженной серой глины в виде круга, закрепляемого на торце балки, с рельефным изображением улыбающегося лица. Найдено оно при раскопках мертвого города Хара-Хото, царства тангутов XIII века.

Позже, по заведенной папой традиции, здесь же, за стеклянной витриной шкафа помещались самые искусные поделки его детей и внуков, или же какие-нибудь раритеты. Сперва там находился выпиленный мною лобзиком из фанеры и затем раскрашенный тюльпан (подарок на папино 5-летие). Впоследствии к тюльпану присоединилась деревянная скульптурка носорога, привезенного мною из Африки. Мой племянник Алеша украсил коллекцию диковинок фрагментом древнегреческой амфоры — горлышко с ручкой — которое он достал со дна моря в Коктебеле. Нашли место там и Любины тонкие поделки из бисера и других материалов.

Вскоре после переезда родители купили пианино, стремясь развивать мои музыкальные способности. Как я уже говорил, в те мартовские дни "Похоронный марш" Шопена, что беспрерывно звучал в связи похоронами Сталина, настолько въелся мне в голову, что я, ничтоже сумняшеся, заявил маме, что тут же смогу его сыграть на пианино. Ведь это произведение так

отчетливо звучало в моей голове, что я возомнил, что музыка в голове автоматически переходит через руки на умение играть на музыкальном инструменте. Мама тогда ехидно посоветовала попробовать подобрать хотя бы "Чижики-пыжики". Я попробовал. То фиаско, которое я потерпел, полностью лишило меня детских иллюзий.

Но классической формы черное лаковое пианино немецкой фирмы "Шидмайер", изготовленное где-то в конце позапрошлого века в Штуттгарте, произвело на меня впечатлением не только внешностью, но и своим глубоким благородным звуком, столь отличным от советских "Красных Октябрей" и "Лир". И еще бронзовые подсвечники. У моего пианино они были совершенно уникальными. На каждом подсвечнике барочные завитушки тусклого благородного металла обрамляли два медальона, на обеих сторонах которых были барельефы великих композиторов — Бетховена. Моцарта, Листа и Вагнера. Это пианино и сегодня занимает свое почетное место у нас в большой комнате.

Мои занятия музыкой начались с приемного экзамена в музыкальной школе им. Гнесиных. Там меня попросили что-нибудь спеть, и я исполнил две подготовленные песни, причем обе идеологические: "Москва-Пекин" про дружбу великого советского и китайского народов (до их вооруженного столкновения пройдет еще целых 16 лет) и "Взвейтесь, кострами, синие ночи!" — про задорных пионеров.

Меня приняли в так называемую "педпрактику" и прикрепили учительницу — Ирину Ивановну Клименко. Она была студенткой института им. Гнесиных. Там студенты должны были проходить педагогическую практику, занимаясь с учениками частным образом, которые были за ними официально закреплены. Мы, из "педпрактики", шли по полной программе музыкальной школы, только что там "физически" не учились, а приходили раз в неделю к консультанту (и преподавательнице и моему), которая оценивала достигнутые наши общие результаты. К сожалению, эти "консультантши" мало что понимали в детской психологии, говорили со мной сурово, "железным голосом", запугивали, что я не сдам экзамен. Все это было в высшей степени антипедагогично и просто отвращало ребенка (меня, то есть) от музыки.

Каждый год, как и студенты в сессию, мы сдавали экзамены по фортепьяно настоящей экзаменационной комиссии. Это семи-восьмилетние дети! Как-то раз, сдав очередной экзамен на "пятерку" (а ниже "четверки" я не получал), я был отобран играть в концерте, на котором должна была присутствовать сама Елена Фабиановна Гнесина. Такое участие считалось высшей формой морального поощрения учеников. Мама со своей стороны избрала материальный стимул: она в свое время обещала, что, если я сдам экзамен на "отлично", то она купит мне вожделенный двухколесный подростковый велосипед "Орленок" (я только-только научился кататься на двухколесном велосипеде!). Прямо после экзамена мы пошли в магазин спортивных товаров, что был тогда на улице Горького, и через несколько минут я уже с гордостью вел "под узцы" своего нового, нежно-салатового цвета железного коня.

На отчетном концерте я играл какую-то вещь Чайковского, причем играл на удивление спокойно и даже посмел пренебречь авторскими указаниями композитора исполнителям, заменив их своим ощущением способов выразительности. Самое интересное, что мое "святотатство" произвело на комиссию во главе с Еленой Фабиановной совершенно обратное впечатление: меня похвалили за "яркую индивидуальную интерпретацию".

Концерт запомнился еще и забавным эпизодом. Елена Фабиановна пришла на него со своим любимым котом. Через какое-то время ему надоели звуки классической музыки (вероятно, в отличие от своей хозяйки, он не оценил нашу игру), и кот удрал. "Где мой котик? Верните мне моего котика!" — стенала Елена Фабиановна. Студенты радостно кинулись на поиски любимого животного самой Гнесиной, перекликаясь, как в классической опере, на

разные голоса от дисканта до баса-профундо: "Где котик Елены Фабиановны!? Где этот котик??? Кис-кис, иди сюда!!!" и с трудом сдерживая хохот. Чопорная строгость отчетного концерта была нарушена.

Мои занятия музыкой продолжались до 1960 года, когда я самостоятельно и резко переключился на английский язык.

* * *

Двор нашего нового жилища после грязного арбатского двора-"колодца" меня тоже поразил: три двухэтажных домика и наш, четырехэтажный. Светло кругом, чисто, за одним из домиков буквой "П" — такой же миниатюрный каток в обрамлении аккуратного снежного вала с зелеными елочками по углам. У двухэтажных домиков каждая квартира (у некоторых она занимает и второй этаж, есть и действующие каминные) имеет свое отдельное крыльцо с двумя ступеньками, а над ним — балкон, поддерживаемый двумя легкими изящными белыми колоннами. Окна такой квартиры с одной стороны выходят во двор, а с другой — в небольшой, около двадцати квадратных метров, собственный палисадник. Полоса этих палисадников за домом разгорожена метровой высоты деревянным заборчиком из узкого штакетника. Некоторые палисадники пестрят цветами, сиренью. Есть здесь и старые яблони с красными райскими яблочками, и каштаны. Однажды зимой на покрытой пушистым инеем ветке я увидел здесь алогогрудого снегиря!

Со всех сторон двор обнесен высоким, где деревянным, а где кирпичным глухим забором с такими же воротами и калиткой, выкрашенными в темно-зеленый цвет. В начале 60-годов его сменил забор из бетонных плит, ворота поставили из тонких посеребренных металлических прутьев. Уличный шум ни тогда, ни сейчас до нас не доносится, чем мы всегда наслаждались.

У нас во дворе живут: оперная прима Большого театра Валерия Барсова, одна из знаменитейших актрис Малого театра Варвара Николаевна Рыжова и ее сын, Николай Иванович, тоже артист этого театра, потомки знаменитой актерской династии Бороздиных — Музилей. Варвара Николаевна уже старенькая, сидит на балконе, закутанная в шаль, и постоянного двигает руками и ногами, поддерживая себя в "тонусе".

Вот спешит на спектакль Елена Николаевна Гоголева, а ее приветствует актер из ее же театра Анатолий Иванович Ржанов. Я вижу, как во двор въезжает на роскошном трофейном "Хорьхе" Исаак Осипович Дунаевский: здесь живет его младший сын Максим со своей мамой, балериной Зоей Пашковой.

Мимо меня проходит грузный мужчина с одутловатым красным лицом, в очках. "Знаешь, кто это? — тихо говорит мне папа. — Мика Морозов, с портрета Валентина Серова". И этот человек — Мика?! Тот самый очаровательный мальчик с известного портрета?! Я не могу поверить собственным глазам...

Почти столкнувшись нос к носу раскланиваются два известнейших конференсье — Александр Абрамович Менделевич и Алексей Григорьевич Алексеев. Быстро куда-то торопится актер Театра Сатиры Владимир Хенкин. А вот в подъезд входит дочь самого Ленина, но не того, что устроил октябрьский переворот в 1917 году, а человека из более приличного общества — актера Малого театра Михаила Францевича Ленина. Юмор 20-х:

- Вы слышали, Ленин умер!
- Боже, неужели Михаил Францевич?!
- Нет, Владимир Ильич.
- Слава Богу, а то вы меня так напугали...

Эту последнюю блистательную реплику молва приписывает нашей легендарной "старухе", великой актрисе Малого театра Александре Александровне Яблочкиной.

Среди известных лиц нашего двора здесь можно увидеть и незнакомых людей. Они с утра тянулись чередой, спрашивая у нас, детей, как пройти к профессору Липницкому, известному московскому гомеопату, или к профессору Фельдману, крупнейшему в стране отоларингологу.

Иногда привычную тишину двора нарушает тягуче-заунывный, похожий на буддистскую мантру, голос забредшего к нам старьевщика: "Старье брёммм, старье брёммм". А однажды сюда пришел старенький бродячий музыкант и долго наигрывал на своей скрипке что-то очень нежное и грустное. Дети слушали. Взрослые выносили ему мелочь.

А еще папа мне рассказал, что здесь жили писатель Паустовский, дирижер Большого театра Гаук. В подвальчике одного из наших строений (на звание корпуса эти домики никак не тянули) в 30-е годы находился "Кружок друзей искусства и культуры", в обиходе московской литературно-театральной богемы называвшийся просто "Кружком", который гремел по всей Москве. По инициативе А.Луначарского он был преобразован в Центральный дом работников искусств (ЦДРИ), ставший в последствии уникальным очагом культуры для москвичей.

"Кружок" этот фигурирует во многих воспоминаниях актеров. Вывески у "Кружка" не было: посторонние сюда не заглядывали; клуб и ресторан начинали работать поздним вечером, гостеприимно распахивая свои двери для уставших после спектаклей артистов. "Кружок" славился отличным и сравнительно недорогим рестораном, работавшим до четырех часов утра, где управляющим был Борода — Я.Д.Розенталь — радушный хозяин, создавший особый уют в своем заведении. Именно Борода послужил Булгакову прототипом Арчибальда Арчибальдовича в "Мастере и Маргарите". Здесь также был прекрасный бильярд с приветливым маркером Захаром, который знал всех посетителей и отлично их обслуживал. Здесь бывали Горький, Луначарский, Чкалов, Шмидт, Буденный, Толстой, Вересаев, Юон, Утесов, Грабарь, архитектор Щусев и много других людей — ярких, талантливых, самобытных.

Клуб стал родным домом в полном смысле этого слова для артистической богемы и интеллектуальной элиты Москвы и вообще всех выдающихся личностей того времени.

Председателем правления клуба был Феликс Яковлевич Кон, его заместителями Иван Михайлович Москвин и Валерия Владимировна Барсова. Как писала в "Вечерке" Елена Мушкина¹, обычно Барсова засиживалась здесь до глубокой ночи. Кто-то даже частушку сочинил:

"Нам любить тебя легко —
Ты живешь недалеко.
И любить и обожать,
И до дома провожать"

Я заглянул недавно в книгу "Наш дом на Пушечной. Статьи, воспоминания"², чтобы уточнить, кто же был завсегдаем в том подвальчике. От россыпи звездных имен зарябило в глазах: Большой театр — Собинов, Нежданова, Обухова, Гельцер; Малый театр: Садовский, Кузнецов, Пашенная; МХАТ (тот еще, не разделенный надвое): Качалов, Москвин, Леонидов, Книппер-Чехова; МХАТ-2: Берсенев, Бирман, Гиацинтова; все великие вахтанговцы. А, кроме того, Смирнов-Сокольский, Ярон, Рина Зеленая, Образцов, Прокофьев, Мейерхольд, Михоэлс.

¹ Газета "Вечерняя Москва", 12.01.2006

² "Наш дом на Пушечной. Статьи, воспоминания", М., 1986

В подвальчик, узкий выгороженный проход в который тогда был тогда со стороны Старопименовского переуллка, любил заглянуть в сопровождении своей музы, актрисы Вероники Полонской, Владимир Маяковский, чтобы стонять с кем-нибудь партию в бильярд. За одним столиком с ним сиживал, бывало, Михаил Яншин (кстати, муж Полонской).

В день открытия клуба, 25 февраля 1930 года, в "Кружке", оформленном Кукрыниксами, "горлан-главарь" читал вступление к своей поэме "Во весь голос". По свидетельству одного из гостей, ответственного секретаря "Вечерней Москвы" В.М.Млечина (дедушки известного ныне тележурналиста, историка и писателя Леонида Млечина) "...обстановка была парадная, банкетная, легкомысленная. Собравшиеся сидели за столиками. Самые прославленные представители различных муз соревновались в умении развлекать узкий круг (зал маленький, от силы полтора-два человека) изощренных зрителей. На полукапустническом фоне стихи Маяковского резанули по сердцу: "Наших дней изучая потемки..." Какие потемки? Это кому же темно в светлые дни ликвидации кулачества как класса и всеобщей победы, одержанной Российской ассоциацией пролетарских писателей над иноверцами, в том числе над самим неукротимым Маяковским? Меня поразили глубокое беспокойство, невысказанная боль, охватившие сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников"¹. Не прошло и двух месяцев после описываемых событий, как Маяковский ушел из жизни.

Ныне на всех строениях нашего кооператива, получившего статус охраняемого государством памятника истории и культуры, имеются памятные доски с фамилиями всех знаменитостей, которые тут жили. Особо сказано о "Кружке": "Здесь в 1930-1934 гг. работал Клуб театральных работников, в 1934-1939 гг. "Клуб мастеров искусств" (с 1939 г. ЦДРИ). В 1935-1946 гг. Оперно-драматическая студия им. К.С.Станиславского".

Во дворе все дети были приучены первыми здороваться со старшими. Я всегда вежливо раскланивался с конферансье Алексеевым, которого я часто видел прогуливающимся по двору. Он начал свою творческую карьеру еще в начале прошлого века. Выглядел Алексеев настоящим английским джентльменом: безукоризненно одет, прямая спина, быстрый шаг, смешливые, внимательные глаза. Это его меткие остроты вошли в анналы театральных баек Москвы.

Как и многие деятели искусства, Алексеев не избежал "карающего меча" революции и был посажен в сталинский лагерь. Там из эков местное энкаведешное руководство создало концертно-театральную труппу, благо выбор из несчастных заключенных был большой. И как-то раз, давая концерт для прибывшего высокого начальства, Алексеев вышел на авансцену и, забывшись, обратился к залу с привычным приветствием: "Товарищи!" — "Гусь свинье не товарищ", — хамски отозвался жирный полковник с краповыми петлицами, сидевший в первом ряду. "Ах, — всплеснул руками Алексеев, — в таком случае, я улетаю!" — и театрально, "поптичь" замахав руками, уплыл за кулисы.

"Если бы вы знали, — жаловался он мне уже в середине 80-х, — как мне тяжело жить: все мои друзья, знакомые, сверстники ушли в мир иной. Я один остался... Я пережил свой век..."

Еще одной достопримечательностью нашего двора была полная невероятной энергии женщина со стриженными, в крупный завиток рыжеватыми волосами. Она была американкой, которая прекрасно говорила по-русски, но при этом произносила слова с характерным акцентом. Жила она на моей лестничной площадке и ее звали Маргарет (Пегги) Веттлин, или,

¹ Газета "Вечерняя Москва", 13 декабря 2005. Смерть Маяковского. Документальные свидетельства очевидцев. Леонид Млечин.

на русский манер, Маргаритой Даниловной. Муж ее, Андрей Андреевич Ефремов, был театральным режиссером; у них было двое детей — Андрей и Даша (лет на двенадцать старше меня).

Мы воспринимали эту русско-американскую семью как некую данность, абсолютно не вникая в ее историю, в то, каким образом Маргарита Даниловна очутилась в Советском Союзе. Знали только, что она переводила на английский язык пьесы А.Н.Островского, произведения Максима Горького, а потом и современных писателей — В.Аксенова и других. Часто на лестничной площадке можно было услышать английскую речь: это в гости к Маргарите Даниловне приходили ее друзья. Позже я узнал, что среди них были Айви Литвинова, жена Максима Максимовича Литвинова, наркома по иностранным делам СССР в 30-е годы, Лен Уинкотт, бывший канонир с крейсера "Норфолк", который стал журналистом (о нем я еще расскажу), наша выдающаяся переводчица Рита Яковлевна Райт-Ковалева и другие. Наверное, квартира Маргариты Даниловны была своего рода местом интеллектуального общения для многих англо-американских экспатов (так называют иностранцев, долго живущих в какой-либо стране) и литераторов, занимающихся переводом зарубежной художественной литературы.

Когда в отношениях между СССР и США в 70-80е годы наступила долгожданная разрядка, то она непосредственно коснулась и Маргариты Даниловны: ее разыскал родной брат после почти полувекового молчания (в сталинские времена было опасно иметь родственников за границей). Потом она сама съездила в Штаты погостить у близких. По приезде Пегги зашла к нам порассказать о своей поездке — соседи же! И папа, и мама — мы все переживали этот драматический поворот в ее судьбе. "Знаете, — говорила нам Пегги, — сперва все было прекрасно — родственники, старые друзья, дом... А потом потянуло *домой*, сюда, в Москву". Но обретение своей истинной родины — вещь великая. Спустя какое-то время Маргарита Даниловна уехала навсегда в свою родную Филадельфию. Позже туда уехали и ее дети с внуками.

Там, дома, она написала книгу "Пятьдесят русских зим. (Жизнь американки в Советском Союзе)", которая вышла в 1992 году¹. В ней Маргарита Даниловна рассказала, как, движимая энтузиазмом строительства социализма в СССР, совсем молоденькой девушкой она приехала в нашу страну в 30-е годы. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем, здесь родились их дети. В СССР она целых полвека жила жизнью простых советских людей и поэтому прекрасно знала их быт, заботы и радости — ведь это была и ее повседневная жизнь.

Уже окончательно осев у себя в родной Филадельфии, в конце мая 1994 года Маргарита Даниловна прислала маме письмо на английском, напечатанное на машинке, пояснив, что "если писала бы по-русски, то Вам трудно было бы разобрать мой почерк, впрочем, Митя Вам переведет". Вот выдержка из этого письма:

"Мы с большим вниманием и интересом следим за развитием событий в России, и надеемся, что политическая ситуация вскоре стабилизируется. Может быть, Солженицын станет той самой силой, вокруг которой смогут объединиться различные демократические партии и течения, чтобы обеспечить себе вес в правительстве. Хотя, боюсь, что этого не случится. Некоторые журналисты в Москве интересовались мнением молодежи на этот счет, но те в один голос говорили, что Солженицын "не понимает сегодняшнюю Россию" и не может каким-либо образом повлиять на происходящие здесь события. Но смотришь на Солженицына, знакомишься с его взглядами и понимаешь, что он действительно стал героем нашего времени

¹ Margaret Wettlin. Fifty Russian Winters. An American Woman's Life in the Soviet Union. Pharos Books, NY, 1992

— я имею в виду времена старшего поколения, и я рада, что он дожился до своего возвращения в новую Россию.

Поздравляю Алексея Дмитриевича с 90-летием. Я всего лишь на три года моложе его, но, честно говоря, не люблю старость. По-прежнему чувствую себя на 80, и эти семь лет — уж слишком. А в мире происходят удивительные вещи, и любопытно узнать, чем все это обернется".

К сожалению, милая наша Маргарита Даниловна, не оправдались ваши надежды: и вокруг Солженицына никто не объединился, и сам он умер, подвигнув своей кончиной высшие российские власти лишь объявить его чуть ли не нашим "вторым всем".

Скончалась Пегги Веттлин 1 сентября 2003 года в возрасте 96 лет. И по-прежнему, как в свое время и она, мы гадаем, чем все это здесь обернется...

Когда кто-то из Ефремовых приезжает из Штатов в Москву, то обязательно заходит к нам, своим старым соседям, пообщаться.

Сосед по дому из "дела врачей"

Тринадцатого января 1953 года все граждане Советского Союза были ошеломлены сообщением ТАСС под заголовком "Арест группы врачей-вредителей", которое было опубликовано в газете "Правда" и других центральных газетах. В сообщении говорилось следующее:

"Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

<...>

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, — состояли в наемных агентствах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и другие) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт", созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву "об истреблении руководящих кадров СССР" из США от организации "Джойнт" через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время".

Я, по малолетству, не был посвящен взрослыми в очередную смертельную задумку Сталина. Но, оказывается, она была прямым логическим продолжением начатого им еще в конце 40-х годов дикого антиеврейского шабаша, направленного, для затравки, против театральных критиков. И эта новая трагедия разворачивалась в нашем же доме, на расстоянии каких-нибудь 50 метров от моего подъезда. Дело в том, что упоминавшийся в сообщении ТАСС "профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог" со своей дочерью Валентиной Александровной и внучкой Мариной были нашими соседями!

Когда я писал о нашем доме, о нашем дворе, когда я многое узнал из трагической (в том числе) истории своей страны, я просто не мог не обратиться к Марине с просьбой рассказать мне о том, как же все это происходило. В ту пору ей было семнадцать лет, но и сегодня Марина до мельчайших подробностей помнит те страшные дни, как будто это случилось вчера. Вот ее рассказ:

"Дедушка, или как я часто называла его — дедуля, родился в 1880 году, учился в Швейцарии, стал одним из ведущих отоларингологов. С начала 30-х годов работал консультантом Санупра Кремля (потом оно называлось 4-м Главным управлением Минздрава СССР). Он был личным врачом Горького, Ягоды, пользовал и родственников партийной верхушки. Я до сих пор удивляюсь, как его не арестовали еще тогда.

В начале 50-х годов дедушка занимал пост директора клиники МОНИКИ (Московского областного научно-исследовательского клинического института) и заведующего кафедрой оториноларингологии Центрального института усовершенствования врачей.

Арестован он был 10 декабря 1952 года в возрасте 72 лет. В то время я училась на первом курсе 1-го Медицинского института. После своего освобождения из лубянских застенков, несмотря на подписку о неразглашении всего того, что с ним тогда проделали, дедушка все же рассказал мне *как* это случилось. А уж все остальное происходило на моих глазах и "ушах": я слышала телефонные разговоры мамы, была в курсе всего, что творилось вокруг нашей семьи.

Так вот, в тот декабрьский день дедуля вышел из своей клиники, которая находилась на 3-ей Мещанской, чтобы сесть на трамвай и поехать домой. Тут к нему подошли двое мужчин, один из которых сказал: "Здравствуйте. Александр Исидорович. Я вам многим обязан, вы спасли жизнь моей жены. Я могу подвезти вас на машине домой, если вы не возражаете". Естественно, дедушка не возражал — день выдался тяжелый, да к тому же обращение по имени отчеству внушало доверие: значит, действительно когда-то пересекались. Поблагодарив за такую любезность, дедушка сел в машину, где ему тут же защелкнули наручники и показали постановление об аресте. После этого машина рванула с места и понеслась напрямик на Лубянку.

В нашу квартиру немедленно нагрянула целая команда эмгэбэшников (кагэбэшниками они станут позднее), которые стали производить скрупулезнейший обыск. Какой уж компромат они искали, неизвестно, но только вся эта ужасная для мамы и меня процедура заняла целых два дня. Всем, кто случайно заходил в нашу квартиру, когда в ней шел обыск, было приказано ее не покидать. Так они и сидели с нами все эти два дня. Пока "зачищалась" одна комната, всех нас перегоняли в другую.

В квартире такого крупнейшего специалиста в своей области, каким был мой дедушка, да к тому же у которого и дочь, моя мама, пошла по его стопам, став оториноларингологом и защитив в 1946 докторскую диссертацию (Марина позже изберет ту же специализацию и станет известнейшим в стране "ухогорлоносом" уже в третьем поколении — Д.С.), было огромное

количество книг — и специальных, научных, и художественных. Все они располагались в застекленных стеллажах от пола до потолка. Были здесь и поистине музейные ценности, как, к примеру, эскиз к сцене из оперы "Борис Годунов" Мусоргского с Федором Шаляпиным на первом плане и дарственной надписью дедушке от прославленного певца, сделанной в 1918 году.

Гэбисты перелистывали каждую книгу, начиная с верхней полки, и затем швыряли ее на пол. Мне с мамой пришлось долго поднимать их и ставить на свои места. Всего-то "улик" было найдено две: в глубине среднего ящика письменного стола дедушки был найден нож для разрезания бумаги — были такие раньше для разрезания страниц книг, которые печатались неразрезанными. Так тот злополучный нож был оформлен в акте о проведении обыска как "холодное оружие". Другой крамольной "уликой" послужила пометка в настольном перекидном календаре, что такого-то числа Александр Исидорович должен был ехать к Ашхен Лазаревне Микоян, которую он пользовал как врач. Эта запись была сочтена "преступным знаком", который был подан кому-то дедушкой с целью совершения теракта.

Потом гэбисты опечатали кабинет и спальню дедушки сургучной печатью и удалились. Обыск был произведен и у нас на даче в поселке "Мастера искусств" в Снегирях.

Тут я не могу не рассказать о благородном поступке тогдашнего директора Центрального института усовершенствования врачей, старой большевички (члена ВКП(б) с 1905 года) Веры Павловны Лебедевой,. Она на свой страх и риск организовала дело таким образом, что в трудовых книжка дедушки и многих других профессоров из ее же института, проходивших по тому провокационному "делу врачей", была сделана запись: "считать временно отсутствующим". Этот ее поступок был подкреплён не менее человеческой реакцией начальника отдела кадров института: он "не заметил" такой записи и, соответственно, не донес "куда следует".

Маму тут же сняли с работы — она работала ассистентом на кафедре у дедушки и была главным консультантом поликлиники ВТО¹ и ГАБТа². Ее также исключили из членов нашего кооператива "Труженик искусства" и дачного кооператива в Снегирях: дескать, детям "врачей-отравителей" нет места на нашей земле! Мама рассказывала, как ведущий собрание начал его словами: "Товарищи, мы с вами проглядели. Среди нас долго орудовал враг, Александр Фельдман. Мы не распознали его, это наша вина".

Денег на жизнь не было ни копейки, и мама позвонила в комиссионный магазин, чтобы, узнать, примут ли они на комиссию старинное пианино. Кстати, за ним не раз сидел дирижер Большого театра Николай Семенович Голованов, аккомпанируя своей жене Антонине Васильевне Неждановой, когда у нас в доме бывали близкие друзья. То пианино ушло мгновенно, что позволило нам с мамой дотянуть до конца марта 1953 года.

Как ни странно, но меня та трагедия в плане учебы или пребывания в комсомоле не затронула: я продолжала спокойно учиться и отлично сдала свою первую сессию. (Такого "либерализма" не могло случиться в 30-е годы. Только после смерти Хозяина мы поняли, что в последние месяцы жизни тот его страшный режим уже корчился в смертельных конвульсиях, и на "зачистку" всех родственников "врагов народа" чуть ли не до пятого колена уже просто не хватило сил.— Д.С.).

¹ Всероссийское театральное общества (1933-1986). С 1986 года — Союза театральных деятелей Российской Федерации

² Государственный академический Большой театр

Мама часто звонил по телефону мужской голос и просил от имени дедушки прислать ему яду. До предела взвинченная этой гебистской провокацией, она стала просто вешать трубку всякий раз, когда слышала этот голос. За мамой, да и за мной тоже, установили "наружное наблюдение", то есть, попросту, слежку.

Характерен такой эпизод. Мы были хорошо знакомы с нашим известным писателем-фантастом Александром Казанцевым. И вот, провожая маму домой, Казанцев поцеловал ей на прощание руку и уже было собирался идти дальше своим путем, как его тут же взяли прямо на улице. После допроса — кто он, откуда, да какие у него связи с семейством Фельдманов — писателя отпустили.

В те дни наша соседка по двору Анна Наумовна Шнирлин, заведующая костюмерной мастерской в одном из московских театров, которая обладала невероятной силы голосом, бывало, на весь двор кричала мне: "Мариночка, что, маму еще не арестовали? Ну, слава Богу!"

Примерно через три недели после смерти Сталина (это было, кажется, 26 или 27 марта) у нас дома раздался телефонный звонок. Говоривший попросил Валентину Александровну и представился сотрудником МГБ. Далее он сказал, что профессор Фельдман находится рядом с ним и хочет задать ей ряд вопросов.

Мама, памятуя о прошлых телефонных провокациях, наотрез отказалась говорить с этим человеком. Тогда тот изменил тактику: "Я вам оставлю свой рабочий телефон (он начинался на К-9..., тогда было всем известно, что это телефонная подстанция Лубянки) и прошу по нему тут же перезвонить".

Мама так и сделала, и вновь услышала голос своего невидимого чекистского собеседника: "Профессор Фельдман находится рядом со мною". — "А почему вы не можете передать трубку непосредственно ему?" — спросила мама. — "Я не имею на это права. Сделаем так: профессор будет задавать вам через меня свои вопросы, а вы будете отвечать на них также через меня, как через переводчика".

Самым первым вопросом, "переведенным" гебистом, был: "Как Мариночка сдала сессию?" После этого мама уже ни секунды не сомневалась, что рядом с говорившим был действительно Александр Исидорович, ее папа и мой дедуля. Только он мог так нежно назвать меня и так переживать за мою первую в жизни сессию.

Потом последовал такой "вопрос": — "А как у вас с работой?" — "Я не работаю" — сказала мама. Реакция гебиста была немедленной: "Будет исправлено", — четко, по-армейски заявил он, только что щелканья каблукам не хватало.

Последним вопросом в этом невероятном "триалоге" со стороны мамы было: "Когда папа будет дома?" — "Скоро" — только и ответил чекист и повесил трубку.

Еще недели через две, то есть где-то 3 апреля у нас в квартире раздался звонок в дверь. Был час ночи. Мама бросилась открывать — на пороге стояли несколько "подшофе" актеры Малого театра — Виталий Доронин и Анатолий Ржанов, наши соседи по дому, — с бутылкой шампанского в руках. С места в карьер они закричали: "Валя, доставай скорей бокалы, утром Александр Исидорович будет дома!" — "Какие бокалы? Дураки, вы же пьяны!" — попыталась урезонить их мама. — "Сама ты ..., — обиделись поздние визитеры. — Мы потому и пьяные, что сейчас сидели в ресторане ВТО, и туда пришел Герцик¹ и сказал нам, что завтра в восемь часов утра он будет читать текст сообщения о реабилитации врачей!"

Но не успела мама провести неожиданных ночных гостей в комнату и поднять бокал с шампанским за их радостное известие, как в дверь снова позвонили. На пороге стоял дедушка в

¹ Владимир Борисович Герцик (1908-1997), известный диктор Всесоюзного радио, заслуженный артист России

сопровождении того самого следователя, который производил обыск нас в квартире в декабре прошлого года.

Дедушка был в зимней шапке пирожком и в своем зимнем пальто, в котором его тогда и взяли, только из-под полы свисала распоротая подкладка — следы личного досмотра. Вид его был измученным, но держался он стойко. Немая сцена длилась не более секунды. После чего дедушка немедленно прошел в ванную и сразу же стал долго и тщательно мыть руки, будто бы хотел поскорее смыть с себя всю мерзость тюремного заключения. А следователь тихо просочился в квартиру, снял с дверей комнат сургучные печати и также тихо исчез.

И, действительно, утром 4 апреля и сам Герцик по радио читал, и во всех газетах было опубликовано "Сообщение министерства внутренних дел по делу врачей-вредителей", в котором говорилось следующее:

"Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М.С., профессор Виноградов В.Н., профессор Коган М.Б., профессор Коган Б.Б., профессор Егоров П.И., профессор Фельдман А.И., профессор Этингер Я.Г., профессор Василенко В.Х., профессор Гринштейн А.М., профессор Зеленин В.Ф., профессор Преображенский Б.С., профессор Попова Н.А., профессор Закусов В.В., профессор Шерешевский Н.А., врач Майоров Г.И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия <...>".

Позже, когда уже все пришли в себя от радостного потрясения, мама спросила дедушку: "Папа, ты подписал хоть какую-нибудь бумажку, что ты виновен?" — "Валюша, я же не сумасшедший!" — был его ответ.

Любопытная деталь, о которой мало известно. Утром следующего дня всем реабилитированным и выпущенным из Лубянки врачам "из дела врачей" позвонил директор Елисеевского магазина и сообщил, что они могут сделать любой продуктовый заказ. Естественно за свои деньги. (Чекистам и в голову не могло прийти, что, проводя мероприятие по "реабилитации", включавшего в себя и тот звонок из Елисеевского, можно было бы с жертв своей же провокации и не требовать денег — Д.С.)

А чуть позже к нам прибежала Анна Наумовна, и опять во дворе раздался ее громоподобный голос: "Александр Исидорович! Я уже вынесла кресло в центр двора. Скорее идите и сядьте в него, и пусть все эти сволочи видят, что вы на свободе!" (Надо сказать, что некоторые жильцы нашего кооператива, которых, к счастью, можно было пересчитать по пальцам одной руки, активно проклинали "врачей-убийц").

А дальше жизнь нашей семьи потекла, как и у всех, и только память близких, родственников, друзей и соседей по дому сохранила ту страшную историю в жизни нашего дедули и папы — Александра Исидоровича Фельдмана. Умер он в 1960 году".

Вот такую историю поведала мне Марина. Мне остается только добавить несколько слов, уже касающихся современности. Внучка знаменитого профессора Фельдмана сама стала знаменитым врачом-отоларингологом. Как мы видим, это как раз то исключение, которое опровергает расхожее утверждение, что природа, якобы, "отдыхает на потомках великих". Практически весь наш двор прошел через ее руки, если что случалось по линии "ухогорлоноса",

Спасла Марина и меня, быстренько "закатав" в больницу, где мне сделали срочную операцию. А незадолго до этого я неоднократно становился свидетелем степени ее профессиональной известности, причем в самых различных ситуациях. Так, в случайном разговоре с мужем Любиной подружки по школе врачом-отоларингологом я упомянул имя Марины Загорянской. — "О, Загорянская! Так я же у нее диплом писал!" — с уважением отозвался молодой врач. Далее, моя жена пошла в аптеку, что находится рядом с нашим домом, и попросила ряд лекарств для моего лечения. "А кто вам порекомендовал такой набор?" — полюбопытствовали провизоры. — "Видите ли, — начала жена, — наша соседка, крупный отоларинголог..." — "О, Загорянская!" — не дали ей закончить фразу. Вскоре я говорил со своей школьной подругой, теперь уже бабушкой, по телефону. По ходу разговора мы коснулись болезни ее маленького внука. И тут я сказал, что моя соседка по двору, известный отоля... — "О, Загорянская! Как же, знаю" — ответила подружка-бабушка.

Маринин дедушка может (они там знают все) гордиться своей внучкой. Спасибо ей.

Наша дворовая жизнь

Всем дворовым хозяйством заведовала наша домоуправша Александра Васильевна Соловьева. Это ее стараниями заливался зимой мини-каток, летом высаживались в клумбы цветы — душистый табак, мальва, бархотки, а детская песочница наполнялась желтым речным песком. Она следила за тем, чтобы регулярно красились наши строения и заборы, исправно работало отопление — тогда для наших домов была еще своя котельная, топившаяся углем. Мы побаивались Александру Васильевну из-за громкого резкого голоса, но относились к ней с большим уважением.

Спокойствие двора в те годы обеспечивал дворник дядя Гриша, прихрамывающий полный человек с тяжелой палкой. "Ты куда полез, ты чего там делаешь, вот родителям скажу!" Все эти угрозы разносились по двору с невероятной громкостью и таким же невероятным местечковым акцентом и картавым "р". Мы не обижались на дядю Гришу. Он был добродушный и справедливый человек, цитировал нам, мальчишкам, какие-то забавные "народные" смешилки, в которых подразумевалась "ненормативная лексика". В его устах она не казались нам омерзительной, грязной: просто городской фольклор, идущий с незапамятных времен, и все. Тогда же мы четко научились понимать, что в действительно смешном анекдоте, который без такой сомнительной вставки потеряет всю свою остроту, такие слова могут иметь место, а вот бездумно пересыпать свою речь грязью — не годится.

Кстати, из той же серии "на грани" были и мамины шуточные полу-попевки полу-частушки из ее детства, которые она решила мне открыть в разные годы моей жизни: "В магазине Кноппа выставлена жо... Не подумайте плохого — желтые ботинки!" Или: "Ахти мне, кто-то был на мне! Сарафан — не так, и в руке — пятак!" Последнюю она пропела мне, хитро улыбнувшись, совсем незадолго до своего ухода...

Впервые в моем новом дворе у меня появились друзья — кто годом младше, кто — старше. Мы любили играть в лапту, "штандер", "испорченный телефон", "дочки-матери", загадывали шарады, рассказывали "страшные" истории про "красную руку", скелеты. По вечерам двор оглашался такими привычными для уха моего поколения призывами: "Ната-а-аша! Шу-у-урик! Ми-и-тя! Валя! Сережа! Ира! До-о-мой!" Тогда же, летом 1953 года, мы распевали частушку, немедленно появившуюся в народе: "Эх, товарищ Берия! Нет ему доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков". По-моему, родители с опаской отнеслись к нашему исполнению городского фольклора.

Девочки, что были постарше и учились в 4-5 классе, делились с нами своими школьными проблемами. Мы, дошколята, переживали за своих старших друзей, когда они сдавали переходные экзамены: после четвертого класса — окончание начальной школы.

Таня Рыжова, внучка Варвары Николаевны, рассказала однажды, что ее бабушка писала в далеком XIX веке в гимназии сочинение на тему "Ось и чека", чем меня немало поразила. Я уже знал из литературы, что такое чека и что такое ось. Чека — деревянный клинышек, вставленный в отверстие оси, не давал колесу соскочить с нее. Чекой называли также проволочку с кольцом у гранаты, и была еще приснопамятная *Чека* у Железного Феликса. Но как можно было написать целое сочинение об *оси и чеке* — для меня было загадкой. Это уже потом, в Инязе, я навострился писать смешные диалоги примерно с такими же "действующими лицами".

Кстати, наши страшилки про скелеты обернулись жутковатой реальностью в середине 60-х. У нас во дворе рабочие вели газовую магистраль и при прокладке траншеи наткнулись на захоронения еще в долбленых гробах с соответствующим содержимым. Когда-то на этом месте было кладбище при церкви Святого Пимена.

Играли мы не только в обычные дворовые игры: однажды мы поставили спектакль по "Чиполлино" Джанни Родари, причем ввели в него новых действующих лиц. Представление наше проходило все в том же подвальчике знаменитого артистического клуба. Помнится, в том спектакле я играл роль звездочета. Мама сшила мне алый байковый халат и такого же цвета остроконечный колпак с голубыми звездами.

Если у кого-то из нас был день рождения, то приглашались все дети двора, независимо от возраста. В программу праздника обязательно входил "концерт": каждый исполнял, что умел. Тут были и декламация, и игра на фортепьяно, и танец и сценки.

Одну помню очень хорошо. Называлась она "Урок в американской школе". Учитель входит в класс и обращается к ученику, белому Джону, чтобы тот рассказал, что такое "корень" слова. Тот отвечает, что корень, это когда вырываешь что-то из земли, вот и получается корень. Естественно, Джон получает пятерку за остроумие. Затем приходит очередь негра Тома отвечать на тот же вопрос. Том начинает, что корень, это часть слова... Учитель морщится, как от зубной боли, кричит, что своей заумью Том его достал, и ставит ему жирную двойку.

Боже! Откуда мы выкопали эту идиотскую агитку в худших традициях советской пропаганды времен "холодной войны"? Но ведь мы просто как попугаи повторяли то, чем полны были газеты, радио. Ради справедливости надо сказать, что в те времена в Америке отношение к неграм было, действительно, не очень...

Особенно любили мы бывать на дне рождения у Максима Дунаевского. В тот день к нему обязательно приезжал Исаак Осипович со своей невиданной для тех времен техникой — магнитофоном. Наш концерт записывался на магнитофонную ленту, а потом мы, затаив дыхание, слушали самих себя. Как странно звучал твой собственный голос со стороны —

незнакомо, непривычно. Помню, как я, только что разучив какую-то фортепьянную пьесу, исполнил ее на нашем "концерте" в присутствии знаменитого композитора и позорно запнулся, забыв продолжение. Но реакция Исаака Осиповича была очень дружеской и успокоительной: "Я вижу, что твоя пьеса еще не совсем готова..." Мой позор обратился в житейский пустяк. Я с легким сердцем встал из-за пианино и продолжил празднество за столом, уставленным тарелками с бутербродами и шипучей водой "Крем-сода" и "Крюшон". Макс в тот день сидел за фортепьяно, полузакрыв глаза, и наигрывал что-то плавное. "Я сочиняю вальс" — неким отстраненным голосом пробормотал он. Мы слушали.

С Дунаевскими мне пришлось позже пережить еще один провальный момент. Перед всеми родителями всегда стоит извечный вопрос: что дарить детям-друзьям твоего ребенка. Хочется, чтобы подарок был и интересным, и полезным и не вызывающе дорогим. Мне однажды кто-то подарил настольный крокет с проволочными воротцами, деревянными молоточками и шариками — вполне нормальный по тем временам подарок. Я с удовольствием играл в него с родственниками. Потом кто-то подарил еще один, такой же. Его отложили на всякий случай в "подарочный резерв". Случай подвернулся: у Максима был день рождения, и я вручил ему коробку с настольным крокетом. Через некоторое время кто-то из родственников подарил мне третий крокет...

Вы уже догадываетесь, что произошло далее. Правильно. В очередной день рождения, мучительно думая, что бы подарить Максиму, родители вспомнили — да вот же крокет есть лишний! Они о нем вспомнили, а я забыл, что уже дарил такой же. Когда я вручал свой дар, Максим с удивлением и некоторой оторопью сказал: "Митя, ты мне уже второй год подряд крокет даришь..."

Этот эпизод навечно вошел в нашу семейную историю, и каждый раз, вспоминая его, мы все краснели от смущения.

Но тот досадный случай не повлиял на мою дружбу с Максимом. Я радовался, что у меня появился настоящий друг по двору, что мы ходим друг к другу в гости, рассматриваем книжки, разные диковинки. Ведь до семи лет я был лишен счастья постоянного общения со своими сверстниками. Иногда Зоя Ивановна, мама Максима, даже оставляла меня обедать у них, чтобы не прерывать наши игры. Как-то раз она поинтересовалась у моей мамы, чем же она меня кормит: "У нас на обед была гречневая каша, я предложила ее Мите, но он отказался, сказав, что ее не любит".

У Максима мне нравилась машинка для заточки карандашей: в нее вертикально вставлялся карандаш, сбоку надо было крутить ручку, а сам кончик карандаша затачивался такой штукой, которой нынче кидаются все ниндзя — шестиконечной острозаточенно звездочкой. С того дня я решил копить на такую же машинку для точки карандашей, и накопил аж 30 рублей (по копеечке, по пятаку; после деноминации в 1961 году они превратились в 3 рубля). На них мне мама купила ГДРовскую машинку — они только что появились в магазинах — но в нее карандаш надо было вставлять уже сбоку, как это делается и сегодня, и вообще все в ней было не так интересно, как в машинке у Дунаевских. К тому же она точила почему-то криво.

Как-то раз, когда я заканчивал первый класс, Максим строго посмотрел мне в глаза (он был на полтора года старше) и спросил: "Скажи, кого ты любишь из нашего двора?" Этим вопросом он застал меня врасплох: предмета "обожания" я себе как-то еще не определил, а тут друг ставит в лоб такой вопрос... "Нет, ты скажи, кого ты любишь?" — напирал он. Ну, согласитесь, такие деликатные вещи с кондачка не решаются!

Я стал лихорадочно перебирать соседских девчонок: эта мала, еще в школу не ходит, эта — ябеда и вообще противная. О! Соседка-десятиклассница Дара (она же Даша) Ефремова, дочь

Маргариты Даниловны Веттлин. Она подойдет: во-первых, Максим отвяжется, а, во-вторых, Дара и знать ничего не будет. "Дару я люблю", — выпалил я. "А-а, это хорошо. Люби ее Митя, люби! Человеком станешь", — важно произнес Макс. Этой фразой он поверг меня в полное недоумение: а так, значит, я не человек? А если я люблю маму-папу-сестру-тетю-бабушку — так этого недостаточно, чтобы быть человеком? К счастью, к этой теме мы с ним больше не возвращались.

Однако в нашей дворовой компании не все шло гладко. Как-то раз Шурик "Большой" (он был тощим и длинным, а был еще и Шурик "Маленький" — низенького роста и щупленький), не то приревновав (это лет в десять!) одну нашу девочку, или просто разозлившись за что-то, бросил в нее осколком кирпича и попал в голову. У девочки этой было романтическое имя Эри и младшее поколение (тем, кому было по 7-8 лет) было в нее поголовно влюблено. Вот тогда и я действительно почувствовал себя влюбленным. И вот я вижу предмет своего обожания с перебинтованной головой, бледную, ее ведут под руки домой. Только что приезжала скорая помощь, Эрике сделали противостолбнячный укол.

Инцидент бурно обсуждался всеми детьми, и мать Максима предложила нам объявить Шурику "Большому" бойкот. Мы тогда значения этого слова не знали, но оно нам понравилось: резкое такое, как удар боксерской перчаткой — апперкот-бойкот. Так и условились. Каково же было мое удивление, мальчика, не привыкшего к мгновенным жизненным компромиссам, когда буквально через три дня я увидел ребят, запросто болтающих с Шуриком... А как же бойкот?

В те ранние майские дни родители взяли меня покататься на машине за город. Нежная листва на деревьях только-только распустилась, еще земля была насквозь пропитана талой водой, но уже всю зеленела трава, и одуряюще пахла черемуха. Мне пришла идея нарвать букет и привезти его страдающей Эрике.

Тут я заметил метрах в трех маленькую серенькую невзрачную птичку, сидевшую на ветке. И вот оттуда вдруг полилась чудная трель с переливами, бульканьем, прицокиванием. Это был соловей. Я постарался тихо отойти, чтобы не спугнуть его.

Мой букет и рассказ о соловье Эрика приняла с благодарностью и улыбнулась. Я был счастлив.

А наша дружба с Максом продолжалась всего года два, пока он не переехал со своей мамой в 1955 году на другую квартиру. Как здорово было спустя много-много лет услышать знаменитые шлагеры из телефильмов "Три мушкетера", "Мэри Поппинс" и другие сочинения, великолепные по своей мелодичности, созданные моим другом детства.

Мы выросли. Появлялись интересы вне "двора". У каждого образовывалась школьная, потом институтская компания. Потом все обзавелись детьми. Сейчас у многих уже есть внуки. Мы, теперь уже старшее поколение, по-прежнему приветствуем друг друга при встречах, интересуемся здоровьем, детьми, внуками, которые, в отличие от нас, не всегда здороваются со старшими... А жаль.

Весной 1959 года наши мытарства с бывшей хозяйкой квартиры прекратились естественным образом — она скончалась. При этом и после своей смерти она как бы послала нам свой прощальный, мстительный привет: тот подозрительный ее "племянник" в суе организации похорон, которыми занималась мама, обворовал нас. Когда писатель Успенский придумал свою старуху Шапокляк, я поразился: ну, точь-в-точь та наша соседка!

И началась у нашей семьи настоящая жизнь в нашей по-настоящему ставшей отдельной квартире. После ремонта комнату бывшей владелицы квартиры занял я. Собственная комната в тринадцать лет! Такое раньше и в голову мне не могло прийти.

Страшное эхо войны

История нашего дома связана не только с творческой средой. Не могу не поведать об одном драматическом случае, происшедшем в самом начале 60-х.

Наш кооператив обслуживал слесарь-электрик Ян Янович Кашковский, живший в соседнем большом сером доме 7/9 (сейчас он числится под номером 5/9), что стоит на углу Воротниковского и Старопименовского переулков. Наряду с отдельными квартирами, в нем было много и коммуналок. В одной из них под номером двадцать, что была во втором подъезде на четвертом этаже, тихо и неприметно проживал Ян Янович со своей женой, бывшей санитаркой фронтового госпиталя, и старенькой собачкой — жесткошерстным фокстерьером. Детей у них не было. В этой же квартире жили еще две семьи, одна из них — моего школьного друга Сережи Шубина. Как-то в разговоре он обмолвился, что вот, дескать, им повезло с соседями: у тех девочка из параллельного класса, с которой он дружит, а Яна Яновича вообще не видно и не слышно, и даже из общей кухни он старается поскорее уйти, если туда кто-нибудь приходит.

Ян Янович был из прибалтов, что чувствовалось во всем его облике: даже замасленный комбинезон сидел на нем как фрак, не говоря уже о том, что после работы, когда он выгуливал свою собачку, никто и заподозрить бы не мог, что этот человек имеет отношение ко всяким водопроводным трубам, канализации, бачкам, унитазам. Вообще он был мастером на все руки, мог починить что угодно: своему маленькому соседу по квартире — моему другу — соорудил даже педальный автомобиль. Когда домоуправ в нашем кооперативе уходила в отпуск, то он замещал ее.

Мы часто забежали к Яну Яновичу в его мастерскую, расположенную в подвале одного из наших домов, чтобы посмотреть разные инструменты, манометры отопительных котлов, другие диковинки. Он всегда был с нами приветлив и охотно показывал свое хозяйство.

Особой приметой Яна Яновича был уродливый шрам, искажавший лицо, который шел через правую щеку и губу. Мы, мальчишки, естественно не удержались и спросили, откуда у него этот шрам. "А это ранение я получил в бою, когда был танкистом" — с гордостью ответил наш слесарь. Мы уважительно примолкли.

Как-то раз я приехал с дачи — это было летом 1961-го года — и мама спросила, не слышал ли я чего-либо о нашем слесаре. Что-то в ее тоне было настораживающим, и я понял, что свой вопрос она задала неспроста. Я помотал головой. "Ян Янович арестован, — сказала мама. — К нам во двор на днях приезжали две черных "Волги" и забрали его. Ян Янович — эсэсовец".

Я был настолько поражен этим известием, что не сразу пришел в себя. Как?! Наш слесарь, и вдруг — эсэсовец? В черном мундире, с черепом и костями на фуражке, как их показывают в кино? Он же нам недавно кран чинил... Мы же к нему в подвал бегали... Ведь война шестнадцать лет, как кончилась... И глупая мысль — а как же теперь его собачка?

Слухи в нашем дворе множились один страшнее другого, но ничего более конкретного мы тогда не узнали. Все разъяснилось спустя несколько лет, когда в трех номерах газеты "Московская правда" за 4, 6 и 8 февраля 1968 года был опубликован документальный рассказ специального корреспондента О.Базилевича "Возмездие".

Я привожу этот рассказ в своем изложении.

Сразу же после нападения фашистской Германии на Советский Союз на железнодорожной станции Рокишкис в Литве сформировалась вооруженная группа из членов националистической

организации "Шаулю Саюнга"¹. Группу возглавил один из руководителей местных шаулистов Ионас Пашкаускас, ранее служивший в литовской армии в звании старшего сержанта.

По указанию гитлеровцев эта группа стала рыскать в окрестностях Рокишкиса, арестовывая и расстреливая людей, которые выступали против режима оккупантов, и преимущественно евреев.

15 и 16 августа 1941 года близ деревни Байору было зверски уничтожено более пяти тысяч человек из находившегося неподалеку концентрационного лагеря. Руководил "акцией" Ионас Пашкаускас.

Сразу же после освобождения Литвы от гитлеровцев чекисты начали розыск палачей. Случайно, на чердаке одного дома были обнаружены списки карателей группы Пашкаускаса, другие документы. Далее выяснилось, что в 1942 году Ионас Пашкаускас, вступив в ряды гитлеровской армии, был направлен с одним из карательных отрядов на Украину — для борьбы с партизанами. Затем след его терялся в Восточной Пруссии.

Изучая документы, захваченные под Кенигсбергом, оперативники обратили внимание на небольшую тетрадь с грифом "Совершенно секретно", принадлежавшую, судя по характеру записок, немецкому контрразведчику. На одной из страниц тетради была такая запись: "Как сообщил мне унтер-офицер Отто Майснер, в бою был тяжело ранен осколком мины в челюсть кавалер ордена "Железный крест" Ионас Пашкаускас".

Из записей в той тетради также следовало, что гитлеровцам не удалось тогда оказать ему помощь. Значит, по логике, Пашкаускас мог либо скончаться от ранения, либо попасть в плен, либо попытаться затеряться на дорогах войны.

Следствие стало отрабатывать версию, по которой преступник мог оказаться в нашем госпитале и назваться чужой фамилией. Начался кропотливый поиск в архивах Военно-медицинского музея по характерной примете — лицевому ранению. Особое внимание следователя привлек один раненый, поступивший в госпиталь 1944 году. В истории болезни говорилось, что его, с тяжелым челюстным ранением, без документов, подобрали санитары после минометного обстрела при наступлении наших войск. Человек назвался Кашковским Яном Яновичем и сказал, что еще в 1942 году был вывезен на работу в Восточную Пруссию.

В Центральном адресном бюро Москвы сообщили:

— Кашковский Ян Янович, 1906 года рождения, уроженец Новосибирска, проживает в Ворониковском переулке, 7/9, квартира 20.

По документам было установлено, что Кашковский местом своего рождения указывал Новосибирск. Туда был направлен соответствующий запрос. В полученном ответе сообщалось, что Кашковский в архивах этого города не значится. Одновременно из Вильнюса была прислана семейная фотография Пашкаускасов, на которой Ионас заснят в военной форме литовской армии. На основе этой фотографии и фото Кашковского, сделанного уже в 50-е годы, была проведена идентификация, и хотя годы и ранение до неузнаваемости изменили его внешность, криминалисты были едины в своем мнении — на фотографиях одно и то же лицо.

Разыскав одного из оставшихся в живых людей, знавших Пашкаускаса, чекисты привезли его в Москву для визуального опознания, причем тому человеку не было сказано, кого именно он может встретить в столице. Опознавателю предложили занять пост наблюдения в стеклянной будке телефона-автомата в нашем переулке напротив дома, где жил Пашкаускас. Рядом с будкой, изображая как бы случайно встретившихся приятелей, переговаривались двое оперативников. Через некоторое время неторопливым шагом из подъезда вышел мужчина, ведя на поводке

¹ В Литве существовала военизированная организация "Шаулю Саюнга" ("Союз стрелков")

семенящего рядом старенького фокстерьера. Человек в будке побледнел: "Это Ионас Пашкаускас! — прошептал он оперативникам.

После ареста в ходе следствия Пашкаускас-Кашковский подробно рассказал о преступлениях, совершенных им и членами его карательного отряда в годы войны, назвал соучастников.

По словам следователя, он вел себя на допросах весьма хладнокровно. С мельчайшими подробностями перечислял свои преступления, называл фамилии, имена замученных, вспоминал, какую смерть довелось тем принять. Ни тени раскаяния, ни малейшего угрызания совести.

Думаю, что воздалось ему по деяниям его.

И вот финал теперь уже моего собственного рассказа. Как я уже упоминал в начале, в коммунальной квартире, где жил Ян Янович, проживала и семья моего школьного друга Сережи Шубина. Я расспрашивал Сережку, как вообще они узнали, что произошло с их страшным соседом, как реагировала на арест его жена.

"Я пришел из школы, — рассказывал Сергей, — а у нас в коридоре на стуле сидел незнакомый мне человек и курил. Ну, мало ли кто пришел к соседям, подумал. А когда я вошел в нашу комнату, то родители мне и сказали, что это человек с Лубянки, и что в комнате Яна Яновича идет обыск.

А его жена вскоре от него отказалась — она же ничегошеньки не знала о страшном прошлом своего мужа. На ней он женился, наверное, заметая следы, вскоре после выписки из того фронтового челюстного госпиталя, в котором ему делали операцию, и в котором она работала санитаркой", — закончил Сережа.

Но на этом моя полная драматизма история не кончается.

Отец Сергея, Алексей Сергеевич Шубин, пойдя по стопам своего отца, окончил в мае 1941 года 2-й медицинский институт и в первые же дни войны добровольцем ушел на фронт. В октябре младший военврач Шубин со многими своими однополчанами из 248 стрелковой дивизии попал под Вязьмой в плен в результате танкового "котла", устроенного пяти советским армиям командующим 3-й танковой группой генерал-полковником Германом Готом, и был первый раз брошен в лагерь для военнопленных в городе Белом. Затем он был переведен в лагерь на окраине Вязьмы. Здесь, пользуясь царившей в те дни неразберихой (у гитлеровцев ее тоже хватало) и относительной свободой передвижения (нашим врачам было разрешено работать по специальности), доктор Шубин организовал со своими коллегами-медиками подпольную группу. Они подменяли документы нашим воинам: живым давали документы умерших, искусно подделывали данные, меняли фамилии. Так удалось спасти от смерти многих пленных, бывших, в основном, летчиками.

При транспортировке по железной дороге в другой лагерь группа заключенных, в которой находился Шубин, ухитрилась выломать часть стены вагона, и по 2-3 человека они стали прыгать под откос. Большинство пленных, в том числе и Шубина, поймали. Снова лагерь. Он опять бежал, и его снова поймали. Очередной побег, вновь окончившийся неудачей. А всего за время войны младший военврач Шубин прошел через десять страшных лагерей, созданных гитлеровцами для военнопленных. Самым страшным, по его словам, был лагерь смерти "9-й форт", что под Каунасом. Там нашли свою погибель свыше 80 тысяч заключенных со всей Европы...

Последний лагерь находился на севере Германии на границе с Голландией. Освобождали его наши союзники, канадцы. После освобождения Алексей Сергеевич сразу же начал работать

в объединенном союзническом госпитале вместе с канадскими, американскими и советскими врачами. Канадцы неоднократно предлагали ему уехать к ним на родину, предлагали хорошую работу, дом. Они хорошо знали, какую жизнь, в случае возвращения бывшего советского пленного в СССР, уготовил ему "дядюшка Джо" — так называли наши союзники Сталина. Доктор Шубин отказался.

Судьбе угодно было проявить милость к молодому медику. Он не погиб, хотя семья и невеста Оля считали его без вести пропавшим долгие четыре года. Он совершил три побега из гитлеровских лагерей смерти и избежал не менее страшного сталинского ГУЛАГа у себя на родине, пройдя унижительные допросы в нашем фильтрационном лагере. Там же чудом его нашла Оля, прошедшая войну лейтенантом медслужбы, и они поженились. И все равно, плен тянулся за доктором Шубиным страшным шлейфом. После войны за ним регулярно, почти каждую неделю и все ближе к полночи приезжал "воронок" и увозил на Лубянку. И каждый раз семья с ужасом ждала — вернется или нет. И такая пытка продолжалась вплоть до весны 1953 года — почти семь лет! — когда, наконец, умер Сталин. В 1957 году Алексей Сергеевич был награжден Орденом Отечественной войны II степени. И на том, как говорится, спасибо. Его жена, Ольга Павловна, еще в 1945 году получила Орден Красной Звезды.

Та же судьба, хранившая Алексея Сергеевича на войне, в мирные годы преподнесла ему тайный и жуткий сюрприз. Шубину — врачу, спасавшему людей, и Пашкаускасу-Кашковскому — палачу, губителю человеческих жизней, была выделена жилплощадь в одном и том же доме, в одной и той же коммунальной квартире. Поистине шекспировский сюжет...

Воротниковский переулочек: истории и легенды

Откуда "есть пошел быть" наш переулочек я уже вкратце рассказал, но здесь мне хотелось бы вновь вернуться в далекие времена. Покровителем московских воротников св. Пимен стал по особому и горестному для Москвы случаю. После победоносной для Руси Куликовской битвы Орда решила отомстить Москве и ее правителю, великому князю Дмитрию Донскому. В 1382 году, спустя всего два года после славной битвы на Куликовом поле, на Москву напал хан Тохтамыш и осадил Кремль, в котором заперлись защитники города, оборонявшие этот последний подступ к сердцу Москвы. Коварный хан пошел на хитрость — он велел русским князьям из удельных княжеств, соперников Москвы и ее государя, уговорить москвичей открыть кремлевские ворота, обещая, что не тронет ни город, ни его жителей. Воротники, охранявшие Кремль, поверили соотечественникам и жестоко поплатились: враг ринулся в открытые ворота. Москва была сожжена дотла, а все ее защитники и мирные горожане, укрывшиеся в Кремле — женщины, дети, старики, монахи — убиты. Случилось это 9 сентября, в день св. Пимена Великого — и потому с того времени он стал почитаться защитником московских городских врат и небесным покровителем их стражников.

В исторической литературе иногда встречается и другое, менее обоснованное толкование слова воротники: будто бы так называлась орудийная прислуга, во время боев поднимавшая "ворот" — щит орудия — перед выстрелом, чтобы от его разрыва не пострадали сами военные. Приверженцы этой теории ссылаются на военную специализацию этой старинной московской местности — рядом были "Пушкари" и Бронная слобода, где делали оружие. Но версия о

сторожах — дозорных караульщиков городских ворот, охранявших покоя города и его населения, — достовернее и общепринята¹.

Теперь по Воротниковскому переулку можно совершить небольшую прогулку, чтобы читатель увидел моими глазами "окружающую меня среду". Только я отнюдь не собираюсь выступать профессиональным гидом-историографом. Меня здесь больше привлекает "ретрология", как метко выразилась жена писателя Б.Акунина (в миру — Григория Чхартишвили), характеризую его работу по сбору материалов для книг об Эрасте Фандорине.

Начнем с угла Садовой-Триумфальной улицы и Воротниковского переуллка. Здесь стоит здание конца XIX века. До революции в нем размещалась губернская земская управа, а 2 ноября 1917 года в здании был подписан акт о сдаче белогвардейцев и юнкеров Военно-революционному комитету. Так пришли в Москве к власти большевики.

Интересно, что на протяжении всей своей истории это здание так и было связано с Подмосковьем, его инфраструктурой. Здесь работали родители некоторых моих соучеников по школе. Ныне в здании расположены: Министерство сельского хозяйства и продовольствия и, Министерство жилищно-коммунального хозяйства Московской области, еще какая-то контора по надзору за чем-то и офис человека с довольно экзотической должностью — Уполномоченный по правам человека в Московской области. Такое впечатление, что в области они отличаются от тех, что в метрополии. И еще, заметьте: до революции в небольшом по размеру здании помещалось лишь *одно* учреждение. Теперь в него втиснулись целых четыре. Мельчают, однако, управленческие структуры...

Если выйти из нашего двора в Воротниковский переулок, то буквально метрах в тридцати по левую сторону находился маленький деревянный одноэтажный домик, попавший в художественную литературу: он упомянут в знаменитой повести Вениамина Каверина "Два капитана". В него Каверин "поселил" школьного учителя географии Кораблева, у которого учился Саня. В книге это звучит так: "Кораблев жил в Воротниковском переулке, в деревянном одноэтажном флигеле со ставнями и верандой, похожем на дачу"². А преподавал Кораблев волею автора в школе, находившейся в Старопименовском переулке, в которой, известной позже под номером 175, учился и я.

"Домик Кораблева" сносили летом 1956 года, когда я еще и знать не знал про "Двух капитанов" и с азартом копошился с товарищами по своему 2-му "А" классу на исторических руинах. Помнится, воодушевленные сбором металлолома (были в мое время такие пионерские кампании), мы выворачивали там из земли тяжеленную трубу, чтобы потом, облепив ее, как муравьи, оттащить на школьный двор.

Кстати, романтический призыв ее главного каверинского героя, полярного летчика Сани Григорьева, — "Бороться и искать, найти и не сдаваться!" — с которым он вел поиски пропавшей арктической экспедиции, имеет свою историю. Вероятно, мало кто из читателей знает, что не сам Каверин придумал этот девиз. Это перевод с английского: "To strive, to seek, to

¹ Елена Лебедева, "Московские церкви Святого Пимена", Интернет журнал Сретенского монастыря. 09/09/2003 <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/43.htm>

² В.Каверин. Два капитана. Библиотека приключений, т.8, Москва, 1957

find, and not to yield" и взят из поэмы "Улисс" английского поэта Альфреда Теннисона (1809-1892)¹.

* * *

Наш переулок прочно вошел в историю не только благодаря тому, что в нем жил один из героев повести Каверина, или потому, что он фигурировал в мемуарной литературе завсегдатаев "подвальчика артистического клуба", или что в нем жил эсэсовец.

Родители обратили мое внимание на небольшой двухэтажный домик, стоявший на противоположной от нас стороне Воротниковского переулка. На домике была мемориальная доска потемневшего мрамора с зеленоватыми подтеками от бронзового барельефа. Она гласила, что здесь у своего друга Павла Воиновича Нащокина останавливался Пушкин в мае 1836 года во время своего последнего приезда в Москву. (Эту доску при капитальном ремонте дома в 70-е годы варварски отодрал от стены, обломав ее углы, какой-то вандал — язык не поворачивается назвать его почитателем поэта. Пропажу заменили новоделом). Каждый раз, когда мама посылала меня купить теплых баранок в маленькой пекарне на углу Садовой и Малой Дмитровки, я проходил мимо этой доски, и она стала для меня привычным атрибутом нашего переулка.

Павел Воинович Нащокин, был одним из ближайших друзей поэта в Москве. Своей глубокой привязанностью к Пушкину он в какой-то степени помог тому приглушить тоску по ушедшему Дельвигу². В этом доме Нащокин поселился с 1 августа 1835 г., сняв его у губернской секретарши Аграфены Ивановой на год за две тысячи рублей ассигнациями.

По свидетельству современников, Нащокин был "широкою натурой". Жизнь он вел странную: то швырял деньгами, то, за отсутствием дров и денег, топил печи дорогой мебелью, занимался спиритизмом и алхимией.

У Нащокина была знаменитая в свое время двухаршинная игрушка — "нащокинский домик", стоившей десятки тысяч рублей. В домике вся обстановка, вплоть до щеточек и мелков на карточных столах, была выполнена по особому заказу. А мебель изготовлена самим мастером Гамбсом! (Он же, как известно из истории, сделал и все "12 стульев" Ильфа и Петрова).

Нащокин был страстно влюблен в актрису Варвару Асенкову. Ходили байки, что за сумасшедшие деньги он купил у горничной актрисы маленький свечной огарок, перед которым Асенкова учила свою лучшую роль, вставил его в золотой футляр и хранил как реликвию. Асенкова не отвечала Павлу Воиновичу взаимностью. И тогда он нарядился в женское платье и нанялся к актрисе в качестве горничной. Чем закончилось та забавная история — большая история умалчивает...³

В 1847-58 гг. в этом же доме жил М.С. Щепкин, у которого бывали Н.В.Гоголь, Т.Н.Грановский, А.Н.Островский, А.Ф.Писемский, И.С. Тургенев, Т.Г.Шевченко⁴.

¹ Строки эти были вырезаны на надгробном кресте, который был поставлен (январь 1913) в Антарктиде на вершине "Обсервер Хилл" в память английского полярного путешественника Роберта Скотта (1868-1912). Стремясь достичь Южного полюса первым, он, тем не менее, пришел к нему вторым, спустя три дня после того, как там побывал норвежский первопроходец Руальд Амудсен. Роберт Скотт умер на обратном пути
Сайт: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/2/92.htm>

² Дельвиг Антон Антонович (1798-1831) — поэт, видный лит-ый деятель Пушкинской плеяды. В истории русской литературы известен прежде всего как лицейский товарищ, задушевный друг и литературный спутник Пушкина

³ Сайт: <http://subscribe.ru/archive/rest.funny.news.baiki/200402/18181739.html>

⁴ Сайт: http://testan.narod.ru/moscow/book/pereulok/mosper18_1.html

Так дом никому не ведомой губернской секретарши А.И.Ивановой стал ныне памятником истории.

Но всего этого я тогда не знал. А знал я, что в том доме на втором этаже в коммунальной квартире в тесной комнатухе живет с родителями мой одноклассник Костя. Иногда я бывал у него и отнюдь не испытывал пиетета к историческому месту. Вот коммунальная ободранная кухня, с закопченными стенами, действительно поражала.

Костя давно переехал, "Дом Нащокина" превращен сегодня в престижную художественную галерею, весьма популярную у москвичей и гостей столицы. Там устраиваются различные тематические выставки. Я, например, побывал здесь на вставках, посвященных жизни и творчеству Фриды Кало, Лени Рифеншталь, Мэрилин Монро и других

* * *

Воротниковский переулок преподносил еще и "сюрпризы". В середине 60-х в нашем и близлежащих дворах прокладывали газовую магистраль. Экскаваторы рыли глубокие и широкие траншеи, и, чтобы попасть в свой подъезд, людям приходилось пробираться по хлипким мосточкам. Это неудобство сопровождалось постоянным ворчанием, что все разрыто, конца-края этому не видно, и все в таком роде. Но вскоре ворчание внезапно прекратилось, и местный люд с повышенным интересом стал вглядываться в глубинные пласты земли, открытые их взору газовщиками.

Причиной этому стал клад, который нашли рабочие, прокладывавшие траншею рядом с домом Нащокина. В сдержанных тонах, вероятно, чтобы не привлекать внимание новых кладоискателей, одна из московских газет поведала о том, что клад состоял из "53 изделий из золота и серебра. Нашли его сантехники в 1973 году у дома №10 в Воротниковском переулке".

Народная молва дополнила эту сухую информацию следующими подробностями. Когда экскаватор зачерпнул очередной ковш, то задел на дне траншеи какой-то металлический проржавевший котел, из которого вывалились сахарница, молочник, заварочный чайник, еще что-то, то есть настоящий сервиз, причем с гравировкой, кому он был преподнесен в дар, — и все это из чистого золота. Событие обсуждалось довольно долго по принципу: "Эх, знать бы раньше..."

История с кладом обрела новые подробности, когда к нам домой зашел Роман, старинный приятель моей сестры Оли, — тот самый, которого я в детстве окрестил "дневником социалистического соревнования". Он навещал свою престарелую тетюшку, жившую этажом выше. Естественно, мы поведали ему ту сенсационную историю с кладом в нашем переулке. А он, в свою очередь, огорошил нас тем, что клад этот принадлежал его деду. Это было не голословное утверждение: в гравировке на сервизе фигурировала фамилия этого человека, который был в свое время богатым московским купцом. "В семье ходили слухи о том, что дед сразу же после революции закопал где-то во дворе семейные драгоценности, но плана никому не оставил, а потом все заасфальтировали, и уже было невозможно ничего отыскать", — с долей грусти закончил Роман, носивший дедову фамилию.

По ходу замечу, что в Настасьинском переулке, совсем недалеко от нас, при ремонте в 1984 году дома №3, рабочие также нашли клад: бриллианты в золотой оправе. Богата сокровищами земля наша!

* * *

История иногда преподносит нам и парадоксы. Казалось бы, чем дальше углубляешься во тьму ее веков, тем меньше остается надежды узнать подробнее о чем-то, что тебя

заинтересовало. Но это не относится к истории о создании всем нам знакомой и любимой с детства песни "В лесу родилась ёлочка..."

Я глубоко благодарен Евгении Воробьевой, автору очерка о Р.А.Кудашевой, автора слов бессмертной "Ёлочки", и Михаилу Холмогорову, племяннику поэтессы, рассказавшим на страницах газеты "Труд 7" в начале января 2009 года о том, как все это было¹. Оставить без внимания их рассказ я просто не мог: "Ёлочка" такая же неотъемлемая часть моей жизни, как и само мое детство, как детство сотен тысяч детей бывшего Советского Союза. Я позволил себе лишь немного сократить этот очерк, опустив ряд подробностей.

История появления на свет нашей знаменитой детской песни началась так. В 1878 году у Адама и Софьи Гедройц (в девичестве Холмогоровой) родилась дочь Раиса. Потом у супругов Гедройц появились на свет еще три девочки. Это было типичное старомосковское семейство — хлебосольное, веселое, с прислугой в белых фартуках и домашними спектаклями по праздникам. В старших классах гимназии Раиса начала писать стихи для детей, да так удачно, что ее охотно печатали в детских журналах. Раису ждало безоблачное будущее хозяйки интеллигентного московского дома и поэтессы-любительницы, но случилось несчастье — умер отец. Как старшая дочь Раиса взяла на себя заботу о матери и младших сестрах — пошла работать гувернанткой в богатый дом. Теперь она уже не могла подписывать стихи своим именем. В высших кругах сочинительство считалось делом предосудительным.

В 1902 году она устроилась на работу к князю Алексею Ивановичу Кудашеву. Он овдовел и никак не мог прийти в себя после утраты любимой жены, поэтому забота о наследнике почти целиком легла на плечи гувернантки. Раиса по-матерински привязалась к воспитаннику, который лишился матери и почти не видел отца, и он, в свою очередь, тоже обожал свою воспитательницу.

И вот однажды, желая сделать своему Алеше подарок на Рождество, Раиса стала сочинять стихотворение, с которым тот смог бы выступить перед гостями. Родились первые строки: "Гнутся ветви мохнатые/Вниз к головкам детей./Блещут бусы богатые/Переливом огней".

А потом пришел образ елочки, но только в лесу. Как она стоит там, одинокая: "Метель ей пела песенку, спи, елочка..."

К утру стишок был готов. В ту пору Раисе Адамовне было 27 лет.

А днем она отнесла стихотворение в журнал "Малютка", где ее ждали и любили как постоянного автора. Подписалась, как обычно, буквами "А. Э."

Трогательная забота о своем воспитаннике, уважительные отношения между ней и отцом мальчика постепенно стали почвой для сближения двух добрых и одиноких сердец. В 1905 году князь предложил своей гувернантке руку и сердце. Так Раиса Гедройц стала княгиней Кудашевой. Жили они в особняке на углу Воротниковского и Старопименовского переулков (снесен в 1972 году, на этом месте выстроено современное жилое здание — Д.С.)

Как-то Раиса Адамовна с семейством ехала в Петербург. Попутчицами оказались бабушка и ее внучка. Познакомились, разговорились. Старушка попросила внучку спеть песенку. И девочка запела: "В лесу родилась елочка, в лесу она росла".

— А что же это за чудесная песенка? — спросила Кудашева с замиранием сердца.

— О, это знаменитая новогодняя песенка из альбома композитора Бекмана. Он называется "Верочкины песенки". Просто клад для домашнего музицирования!

¹ Газета "Труд 7" №004 за 15.01.2009; сайт <http://www.trud.ru/issue/article.php?id=200901150040020>

Так княгиня Кудашева узнала, что она автор слов модной песенки. Впервые пути песни и ее создательницы пересеклись, чтобы снова разойтись, и уже надолго.

В 1914 году скончался муж Раисы Адамовны. Был убит на фронте ее приемный сын. В революцию ее выгнали из собственного дома на улицу. Раисе Адамовне удалось устроиться в районную библиотеку, где она тихо работала долгие годы.

А ее между тем песенка жила триумфальной и праздничной жизнью. Ее пели на всех детских утренниках, исполняли на главной елке страны в Колонном зале, на ее сюжет рисовали открытки. Это была главная новогодняя песня страны. Как-то по радио она услышала дикторский голос: "Песенка про елочку, слова и музыка композитора Бекмана". Родственница предложила попробовать доказать, что автор — это Кудашева.

Вот тогда и пригодился черновик стихотворения, сохраненный Раисой Адамовной в далеком 1918 году. А еще в архиве чудом отыскиались гонорарные ведомости всеми давно забытого журнала "Малютка". Состоялся суд, и Раиса Адамовна Кудашева была официально признана автором песни с правом получения авторских отчислений от публичного ее исполнения.

Но по-настоящему известной автор "Ёлочки" стала только в 1958 году, когда в новогоднем "Огоньке" появилось интервью с ней. Кудашевой стали писать и звонить незнакомые люди, ее приглашали в школы и детские сады. Но для восьмидесятилетней пожилой женщины, пережившей в своей жизни страшные трагедии, это уже было не по силам.

Племянник Р.А.Кудашевой поставил ей на Пятницком кладбище памятник. На нем высечены слова про елочку...

Р.А.Кудашева посвятила своему воспитаннику не песенку, а целый сценарий детского утренника. Дети должны были по очереди зачитывать строфы. Но полный вариант песни начинается четырьмя неизвестными строфами:

"Гнутся ветви мохнатые
Вниз к головкам детей;
Блещут бусы богатые
Переливом огней;
Шар за шариком прячется,
А звезда за звездой,
Нити светлые катятся,
Словно дождь золотой:
Поиграть, позабавиться
Собрались дети тут
И тебе, ель-красавица,
Свою песню поют.
Все звенит, разрастается
Голосков детских хор,
И, сверкая, качается
Елки пышный убор.
В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была".

Наш Воротниковский переулок пересекает переулок Старопименовский (соединяет Тверскую и Малую Дмитровку). Называется он так по церкви Преподобного Пимена в Старых Воротниках, что стояла на их углу. Церковь была приходской для слободы воротников, они и выстроили ее каменное здание в 1682 году. В первозданном виде этот типичный уголок старой Москвы запечатлен лишь на гравюрах замечательного художника Ивана Николаевича Павлова¹.

В 1923 г. большевики церковь закрыли под предлогом того, что на колокольне обнаружили "самогонный завод" (!). Окончательно сломали церковь в 1932 г. (заодно сровняв с землей и примыкавшее в ней старинное кладбище), на ее месте построили жилой дом серого цвета. Его архитектурное решение во многом схоже со знаменитым "Домом на набережной". Я уже упоминал этот соседский серый дом, когда рассказывал о "тихом" эсэсовце. Удобства ради я по-прежнему буду ссылаться на прежний номер этого дома — 7/9, хотя ныне это № 5/9.

Вообще, первоначально переулок назывался просто Пименовским. Потом слобода воротников была переселена в Сущёво, где они выстроили себе новую церковь — храм Пимена Нового. В 1922 году, во избежание путаницы, Пименовский переулок переименовали в Старопименовский. В 1959 году он вновь был переименован в улицу Медведева в память о герое Советского Союза Д.Н.Медведеве². И, наконец, в 1994 году переулку было возвращено его прежнее историческое название — Старопименовский.

И уж если я рассказываю о наших окрестностях, то надо упомянуть и о происхождении названия Дегтярного переулочка (проходит параллельно Старопименовскому). Когда-то в этих местах, невдалеке от слободы ямщиков (откуда пошли Тверские-Ямские улицы) находился склад дегтя, так называемый Дегтярный двор, который сгорел в один из самых опустошительных пожаров 13 мая 1712 г.

Так вот, занимаясь поисками новых, неизвестных мне ранее фактов о моем Воротниковском переулочке, я услышал от своих бывших одноклассников, живших в том большом сером доме, выстроенном на месте разрушенной церкви, о неких австрийцах, когда-то также обитавших в нем.

Господи, кто там, оказывается, только ни жил... И эсэсовец, и врач-герой, и американка из посольства (о ней еще будет отдельный рассказ), и энкаведешники-кагебешники, и секретарь нашего Свердловского райкома партии, и наш полпред в Германии и Франции, и вот австрийцы... Голова шла кругом. А потом — на ловца и зверь бежит — я наткнулся на такую любопытную информацию:

"Шуцбунд" — (нем. — Schutzbund — Союз обороны) — военизированная организация Социал-Демократической партии Австрии была создана в 1923 году для обороны от наступления реакции, в защиту республики. Шуцбундовцы, вместе с коммунистами и беспартийными, участвовали в Февральском вооруженном выступлении 1934 года. После подавления восстания, опасаясь преследований и растущей угрозы со стороны гитлеровской

¹ И.Н.Павлов (1872-1951), русский и советский гравёр и художник

² Дмитрий Николаевич Медвѣдев (1898-1954) — кадровый сотрудник НКВД, полковник, командир партизанского отряда времен Великой Отечественной войны, в котором действовал легендарный советский разведчик Николай Кузнецов.

Германии, они иммигрировали в другие страны, в том числе в СССР, где их расселили по разным городам. В Москве в те годы офис Шуцбунда размещался в доме 7/9 по Воротниковскому переулку¹ (в том самом, сером — Д.С.). В нем же жили и несколько австрийских иммигрантов. Из одной из таких семей был мой соученик по параллельному классу нашей 175-й школы. Многие шуцбундовцы пострадали в годы сталинских репрессий, некоторые были расстреляны.

В скорбных списках жертв тех лет мне встретилась такая фамилия: Цицль Губерт Георгиевич, 1910 г.р., столяр, Воротниковский пер., 7/9, кв. 14., расстрелян. Судя по имени, фамилии и адресу, он был одним из тех шуцбундовцев.

А вот еще выдержки из страшного документа, непосредственно относящегося все к тому же дому №7/9, которые служат ярким свидетельством кампании оголтелой государственной истерии в связи с "разоблачением безродных космополитов":

Из письма Министра государственной безопасности СССР С.Д.Игнатьева Секретарю ЦК КПСС Г.М.Маленкову:

"7 февраля 1953 г.

Докладываю, что МГБ СССР разрабатывается сестра бывшего президента государства Израиль ВЕЙЦМАНА Х.Е. — ВЕЙЦМАН Мария Евзоровна, 1893 года рождения, уроженка города Пинска, еврейка, беспартийная, работает врачом Госстраха, проживает по Воротниковскому переулку дом № 7/9 кв. 52

<...> Арестованный МГБ СССР в 1949 году за антисоветскую деятельность муж ВЕЙЦМАН М.Е. — САВИЦКИЙ В.М. на следствии показал, что оба они систематически, в злобной форме, возводили гнусную клевету на руководителей партии.

<...> В силу своих убеждений ВЕЙЦМАН М.Е. постоянно вынашивает мысль выехать из Советского Союза в Палестину.

<...> По агентурным данным, ВЕЙЦМАН М.Е. в прошлом поддерживала близкие отношения с РАДЕКОМ, с которым встречалась у своего брата — Самуила ВЕЙЦМАНА, имевшего связь с ТРОЦКИМ, всячески восхваляет ТРОЦКОГО и РАДЕКА.

<...> С помощью ВЕЙЦМАНА Х. английская разведка использовала сионистов в своих целях. В связи с ослаблением Англии он переориентировал сионистов на службу империализма США.

<...> Следствием по делу арестованных бывших руководителей еврейского антифашистского комитета установлено, что во время своего пребывания в США МИХОЭЛС и ФЕФЕР встречались с ВЕЙЦМАНОМ Х. и передали ему клеветническую информацию о положении евреев в СССР.

<...> Сотрудники миссии государства Израиль в Москве в течение 1949—1952 годов неоднократно предпринимали попытки установить с ВЕЙЦМАНОМ М.Е. конспиративную связь.

МГБ СССР считает необходимым ВЕЙЦМАН Марию Евзоровну арестовать.

С. Игнатьев"².

Несчастливая женщина была арестована спустя три дня после этого "высочайшего" доноса, 10 февраля 1953 года, а до избавительной смерти Тирана оставалось еще долгих двадцать два дня.

Поневоле связываешь все эти трагедии "серого дома", да и всей страны с осквернением находившегося здесь старого кладбища. А сколько их разорили по всей России...

¹ Сайт: <http://blogs.mail.ru/bk/cilim/26DD63768A375B2A.html>

² Сайт: http://www.pseudology.org/Veizman/Pismo_Ignatiev.htm

Я дотошно собирал крупинки информации об этом "большом сером доме" у своих одноклассников, которые в нем когда-то жили. Они припомнили, например, что 3-й подъезд их дома был "спецподъездом" — с лифтом и охраной. Остальные подъезды запирались на ключ. Не могу подтвердить это документально, но, также, по их словам, в первый год после завершения строительства этого дома в нем жил тот самый Георгий Маленков, письмо которому от министра ГБ вы только что прочли. Какое-то время здесь жила наша великая актриса, несравненная Фаина Георгиевна Раневская, олимпийская чемпионка по конному спорту Елена Петушкова, матушки дирижера Кирилла Кондрашина, сценариста Евгения Габриловича...

* * *

В конце 90-х наш Воротниковский переулок вновь попал в прессу, но уже в связи с новыми и достаточно мерзкими приметами времени. Цитирую дословно заметку из "Вечерней Москвы":

"Грабители испугались своей же стрельбы. В квартире неработающей москвички (Воротниковский переулок, 7) раздался звонок, и доверчивая женщина поспешила отворить дверь. Двое неизвестных, размахивая ножом и потрясая автоматом, ввалились в квартиру, связали хозяйку и в поисках денег начали обыскивать дом. Нервы у грабителей были напряжены до предела: когда один из воришек случайно нажал на курок, и автомат начал "выплевывать" пули на пол, оба изрядно струхнули и поспешили убраться подобру-поздорову, забыв о цели визита. Сотрудниками 108-го отделения милиции изъяты: охотничий нож, 2 стреляные гильзы и 3 пули калибра 7,65 мм. Мероприятия по сигналу "Сирена" положительных результатов не принесли"¹.

О, времена, о нравы... А окна той квартиры, между прочим, выходят прямо на окна моей. Вот сколько разных историй связано с нашим переулком. А о скольких мы еще не знаем...

Портрет

В большой комнате ("большой" мы ее называли исключительно по размерам — она несколько больше двух других, и, потом, не использовать же слово "гостиная" в 50-е это звучало бы напыщенно) нашей квартиры висит на стене мой портрет. Читатель может увидеть его на обложке этой книги. Я его очень люблю — на нем действительно я, и не гламурный, не "парадный", как ныне конвейерно "пекут" свои заказные работы некоторые портретисты. Мой портрет написан в традиционной реалистической манере, широкими мазками. Но на нем изображен именно я, каким я был в двенадцать лет, и не только внешне. Художнику удалось передать что-то мое исключительно внутреннее, чего не выразить словами. А история портрета следующая.

Однажды папа пришел домой с одной дамой и представил ее мне (мама была с ней знакома): "Это Ирина Владимировна Бржеская, моя соученица по курсам АХРРА, на которых мы учились в конце 20-х". Я не вникал в разговоры взрослых, в их радостные воспоминания. А через несколько дней (все это было весной 1958 года) наша гостья вновь появилась у нас, и папа сказал, что она будет писать мой портрет. Я был несколько смущен: мой портрет? Как в Третьяковке?

Художница решила обрядить меня в мое демисезонное болотно-зеленоватое ворсистое пальтишко гедзеэровского производства, а на голову водрузила мою форменную сизо-мышиную

¹ Газета "Вечерняя Москва", 24 января 1997

школьную фуражку с желтым кантом. Эта цветовая гамма дополнялась шерстяным шарфиком в яркую красно-голубую клетку. И работа началась.

Я был усажен на стул в дверном проеме, художница "поставила" мне голову, руки, позу. Писала она портрет, кажется, дня два или три. Каждый сеанс длился по два часа. Я тогда на собственной шкуре испытал все "прелести" профессии натурщика — неподвижно сидеть в душном помещении в пальто, шарфе и фуражке, да еще, не дай Бог, переменить позу. И этот одуряющий запах масляных красок, от которого начинает болеть и кружиться голова... В первый же день мне стало дурно, и сеанс пришлось прекратить.

Но вот работа закончена. Подрамник вставлен в строгую гладкую раму цвета темного серебра, и портрет занимает свое место на стене. Ну, точно я! Даже легкий "монголоидный" разрез глаз, над которым подтрунивали мои друзья, а я советовал им лучше изучать историю татаро-монгольского ига на Руси, был передан легко, ненавязчиво. Все в портрете было подчинено одной цели: через внешнее — к внутреннему.

В то время Бржеская написала и портреты детей Гольбергов, и те портреты тоже были *настоящими*. Теперь, когда мы, взрослые дети, встречаемся и смотрим на свои портреты, то радуемся, что наши отцы не даром вложили в них свои деньги — они сохранили нам наше детство...

Память не удержала облика художницы, ее характер. Во время работы она была слишком занята, а я боялся отвлекать ее какими-то разговорами, да и вряд ли ей было интересно общаться с двенадцатилетним мальчиком.

Сегодня, ровно полвека спустя, я попытался собрать какие-то крохи информации об Ирине Владимировне. Лучше всего, на мой взгляд, о ней написала газета "Советская Эстония" 10 марта 1991 года, в годовщину смерти художницы (большую часть своей жизни И.Бржеская прожила в Эстонии):

"Она писала душу человека"

"И.Брежская родилась в Киеве в 1909 году в семье инженера, поляка по национальности... В 1927 году она стала студенткой Центральных художественных курсов, организованных Ассоциацией художников революционной России. Ее преподавателями там были знаменитые русские живописцы И.Машков и А.Герасимов. Первые самостоятельные произведения — серия портретов рабочих-металлургов, выполнены в технике "сухой кисти" — принесли И.Бржеской такой успех, что в 23 года она стала членом только что организованного Московского союза художников. С 1952 года она жила в Эстонии.

Портретистка по призванию, И.Бржеская почти 40 лет своей жизни посвятила созданию уникальной галереи образов своих современников.

<...> Поистине человек был для нее мерой всех вещей.

<...> Ей позировали самые знатные и самые замечательные люди — французская певица Жюльет Греко и итальянская актриса Клаудиа Кардинале, великая польская певица Анна Герман (в 1977 году).

<...> Портреты кисти Бржеской всегда отмечены каким-то особым зарядом духовности, задевают какие-то струны в душе.

<...> Она писала душу человека. В этом — смысл ее искусства — так лаконично и точно сказала о творчестве своей матери ее дочь Ольга".

А вот как отзывалась о своей подруге Анастасия Ивановна Цветаева, сестра нашей великой поэтессы, в своих комментариях к цветному развороту журнала "Огонек", посвященному творчеству И.Бржеской:

"Ее портреты обладали удивительным свойством передавать — выявлять основное, часто и владельцу их маловедомые свойства... Детей она писала с особенным увлечением, и ее спящие дети так воплощали сон, что гостям хотелось тише ходить возле портрета, чтобы не разбудить...

<...> Ее картины — это дыхание жизни, фейерверком красок брошенных на полотно".

Здесь каждое слово о творчестве художницы — в самую точку. Она действительно писала душу человека. Она написала и мою душу тоже. Я даже немножко загордился, узнав, что И.Бржеской позировали (уже после меня!) такие мировые "звезды", как итальянская киноактриса Клаудиа Кардинале, певицы Жюльет Греко и Анна Герман!

Скончалась И.Бржеская в 1990 году. Пюхтицкий монастырь в Эстонии, в котором она провела последние годы своей жизни, передал в дар местному музею оставшееся наследство художницы — ее картины.

Меньший брат мой

В данном случае речь идет о моей первой в жизни собаке. Еще крохотным щеночком сестра привезла его в 1956 году из Львова, где была в командировке. Мы назвали песика Ишкой. Необычное для собаки имя, но оно имеет свою предысторию.

Когда-то в детстве одна знакомая девочка постарше меня подарила мне игрушку — меховую муфточку в виде медвежонка с глазами-бусинками, черным кожаным носом и черными же кожаными подошвами на лапах. Девочка ту игрушку звала Ишкой — Мишкой, только без буквы "М": может, не выговаривала. Я своего Ишку очень любил: он был абсолютно не похож на всех известных мне плюшевых медведей и имел какой-то свой собственный характер. Однажды — о ужас! — Ишку попортила моль, и взрослые стали говорить, что мой друг стал страшеньким. Тогда я взял ножницы и попытался придать Ишке более благообразный вид. Уж лучше бы я этого не делал...

Появившийся новый мохнатый член семьи — не то аффен-пинчер, не то тибетский терьер, не то их помесь — был очень похож на мою муфту-медвежонка. Ни у кого из нас не возникло и мысли назвать щенка как-то по-другому: конечно же, решили мы, он будет Ишкой! Особенно это сходство проявлялось к лету, когда его густая шерсть, несмотря на уход, сваливалась, и мы снимали с Ишки мягкую войлочную попону, словно руно с барашка. Тонкий его подшерсток был серо-голубого оттенка, через который просвечивало розовое тельце. "Совершенно импрессионистический пес" — говаривал наш сосед по даче вице-президент Академии Художеств СССР Владимир Семенович Кеменов. Ишка будто понимал это и стеснялся своего эпатажного оттенка, потому что стремился как можно скорее завершить свои прогулки на свежем воздухе и спрятаться в доме от чужих глаз. Впрочем, ему, видимо, было просто холодно.

Песик был не только большим умницей: он очень тонко чувствовал настроение окружающих и, как мог, пытался помочь. Когда мне в детстве случалось огорчаться и даже плакать, то мой верный друг тут же начинал хлопотать вокруг меня, прыгал на колени и лизал ухо, как бы приговаривая, — "Все пройдет, я рядом с тобой, не надо так огорчаться". Когда я готовил уроки, то выдвигал ящик письменного стола и устраивал там своего мохнатого любимца, чтобы лишний раз погладить и приласкать его, не отрываясь от арифметики.

А когда пришло время моей сестре рожать, но она сама еще этого не чувствовала, то вечером Ишка стал страшно беспокоиться: то подбежит к ней и положит мордочку на колени, то помчится к двери, то опять вернется. Мы не могли сперва понять причины такого поведения, но

буквально спустя полчаса все прояснилось. На следующий день на свет появился мой племянник Алеша. Все-таки собаки куда чувствительнее людей...

Ишка не любил купаться. Видимо, с раннего детства ему запомнилось, как сестра с размаху посадила его в таз с холодной водой. И вот что удивительно: всякий раз, когда мы собирались его вымыть (теперь уже в ванной и теплым душем), он старался тихо улизнуть и скрыться с наших глаз под диваном. А ведь мы не брали его специального полотенца, чтобы вытереть после мытья, и не говорили, что, вот, будем сейчас купать пса. Мы даже проделали такой эксперимент: кто-то, абсолютно нейтральным голосом в присутствии Ишки говорил: "Ну, что, наверное, сегодня вечером надо, а то уже давно...". И все равно он исчезал под диваном, откуда его, покорного и без сопротивления, мы извлекали. В ванной он вел себя безупречно, только дрожал мелкой дрожью.

У Ишки, когда он вырос (примерно 45 см в длину и 30 в высоту), выявились две страсти. Одна из них — шоколад. Если нам случалось оставить плитку шоколада или шоколадные конфеты на столе, когда мы уходили из дома, то они бесследно исчезали, и только обрывки обертки свидетельствовали о совершенной шkode. Забавно, но когда рядом с шоколадом однажды была оставлена открытая коробка с леденцами, то он их проигнорировал.

Первый раз мы обнаружили порочную Ишкину страсть по грязным следам на белой скатерти. Во второй раз следов не было (лапы просто были сухие), но не было и шоколада! Признаюсь, я все думал застать пса врасплох, когда он спешно вытирал бы свои следы тряпкой, заслышав наши шаги! Это я чуть изменил очаровательный рассказ Пришвина.

Писатель запрещал своему сеттеру лежать на диване в гостиной — собака должна знать свое место. Как-то раз, придя с охоты, Михаил Михайлович застал своего любимца мирно спящим на запретном диване. Легкий удар плеткой напомнил псу, кто хозяин в доме.

В другой раз Пришвин, вернувшись из леса, вошел в дом и сразу же прошел в гостиную — пес лежал на своей подстилке. Но писатель знал, с кем имел дело: он провел ладонью по дивану — тот еще хранил тепло собачьего тела. К тому же на диване виднелись несколько шерстинок. И вновь последовало наказание.

Спустя какое-то время Михаил Михайлович, придя от знакомого, тихо подошел к окну и заглянул в комнату. Там его сеттер сидел перед диваном и усиленно дул на него...

Другой страстью Ишки были большие, даже огромные псицы. Ну, не понимал мой пес русскую поговорку "не по Сеньке (Ишке!) шапка" и все надеялся на взаимность. Приползал иногда израненный, изодраный. Сердцу же не прикажешь...

И еще он "пел". Его талант мы обнаужили совершенно случайно. Я попытался что-то изобразить на губной гармошке, и, видимо, это были настолько душераздирающие звуки, что мой пес протяжно завыл. И всякий раз (это бывало редко), когда я извлекал звуки из губной гармошки, Ишка горестно вторил мне. Наверное, мы действительно были родственными душами: я тоже не переносил некоторых жалостливых песен.

Занимаясь английским языком, я решил обучить ему и Ишку: обращался к псу по-английски с просьбой дать то правую, то левую лапу. Вскоре Ишка начал безошибочно "понимать" язык Шекспира. Как за мою "методику" ухватились потом мои друзья-преподаватели! "Посмотри! — говорили они нерадивым ученикам. — Даже собака, и та понимает по-английски, а ты все никак неправильные глаголы не выучишь!" А маленькие дети широко раскрывали глаза от удивления: надо же, собака по-английски понимает, только то не говорит!

Постарев, Ишка любил на даче сидеть на табуретке, прислонившись спиной к теплой кирпичной трубе дровяной плиты (газ тогда еще не провели). Тепло размаривало, клонило в сон, и пес, совсем как пожилой человек, начинал "клевать носом". Потом он "спохватывался", вскидывал голову и обводил всех немного осоловевшим взглядом как человек, пытающийся показать, что, дескать, он совсем не спит и внимательно следит за застольной беседой. И потом опять задремывал...

Когда мне было лет пятнадцать, нас с Ишкой сфотографировала моя подружка. На редкость удачное вышло фото: мы оба смотрим в объектив и улыбаемся! Его несколько лет назад опубликовали в газете "Вечерняя Москва".

С того дня прошло уже почти полвека. Я смотрю сегодня на эту фотографию и словно подзаряжаюсь какой-то доброй энергией из далекой юности. А артритное плечо согревает шарфик, связанный из шерсти Ишки, которую после его стрижки мы бережно собирали многие годы, и который сегодня хранится в нашей домашней аптечке.

ГЛАВА III. Школьные годы — чудесные?

В школу № 175 меня отдали в восемь лет осенью 1954 года, поскольку в то время считалось, что для семилетнего ребенка, выросшего в домашней обстановке, такое испытание будет трудноватым. Школа наша, выходящая своей задней стеной во двор моего дома, на первый взгляд, была самой обыкновенной (в смысле не специальной языковой, тогда их, по-моему, вообще не было). Но это только на первый взгляд. Уникальность нашей школы я осознал гораздо позже.

Ее история начиналась так. В 1857 году император Александр II разрешил лицам, ""чувствующим на то призвание", открывать частные школы. И вот 2 октября 1858 года в Москве Франц Иванович Крейман, опытный педагог со сложившимися педагогическими взглядами и идеалами, открывает свою школу-пансион. Тогда в ней было всего лишь четыре ученика!

"Сначала должно научиться быть людьми" — таким был девиз Ф.И.Креймана, сохраняющий свою актуальность и сегодня. В 1865 году школе Креймана был присвоен статус частной мужской гимназии. Гимназия не раз меняла адрес, пока, наконец, не обосновалась в Старопименовском переулке, в доме под №5. Это трехэтажное здание специально для гимназии выстроил в 1904 году архитектор Н.Л.Шевяков на средства, собранные обществом выпускников. (Гимназия упомянута в романе Бориса Пастернака "Доктор Живаго").

С 1917 по 1925 год в здании располагался Ветеринарный институт, но в 1925 году сюда вновь возвращается школа — школа №25 Свердловского района. В 1935 году на конкурсе она была признана лучшей, образцовой школой СССР.

Некоторые исследователи этого периода на Западе писали о 25-й школе как об оплоте "тоталитарной педагогики", имея, вероятно, в виду царившие там дисциплину и порядок. Но свидетельства учеников говорят о другом. В школе, где до 1937 года директорствовала очень деятельная и энергичная Нина Иоасафовна, носившая "говорящую" фамилию Гроза (ударение, правда, было на первом слоге), дети отнюдь не были забитыми существами — им было интересно учиться. Здесь работало много педагогов с дореволюционным опытом, немало было и талантливой учительской молодежи. Не удивительно, что в 25-ю школу приезжали педагоги со всей страны, чтобы познакомиться со здешней постановкой учебного дела. За один только 1934/35 учебный год тут побывало около пяти тысяч учителей!

Школа служила своеобразным «маяком» для работников народного образования и в области патриотизма. Об этом свидетельствуют строки из газеты «Правда» от 3 июня 1941 года:

«Учителя выполняют гражданский долг»

Коллектив работников 175-й школы Свердловского района города Москвы дружно собрался на митинг. Весть о выпуске нового займа вызвала большой подъем среди учителей и технического персонала... Начинается подписка. Она заканчивается в течение получаса. Все работники школы подписались на 12230 рублей — на 101,3 процента месячного оклада. Уходя с собрания, каждый чувствовал, что выполнил гражданский долг».

В свое время для детей высшей кремлевской элиты существовала своя школа. Однако в 1934 году Сталин решил, что они должны учиться в обычных школах. Тогда в нашу, еще 25-ю школу (в 1937 году ей был присвоен новый номер — 175) и пришли многие дети высоких сановников. Здесь учились Светлана Сталина, ее будущий первый муж Григорий Морозов, Светлана Молотова, Вера Булганина, Марфа Пешкова, Серго Берия, Лев Булганин, Воля Маленкова, Алексей Туполев, Нина Буденная, дочери маршала Тухачевского и многие другие отпрыски знаменитых родителей¹. И уж совсем экзотическим учеником для тех лет был сын известного негритянского певца и большого друга СССР Поля Робсона.

Соученикам Светланы Сталиной, многие из которых жили в моем доме, она запомнилась своей скромностью: даже привозившая ее в школу машина с охранником останавливалась в переулке в нескольких десятках метров от прохода к школе. Мне говорили, что Светлана играла в школьном спектакле, а позже, будучи студенткой МГУ, проходила здесь же практику.

Думаю, к своей школе шестнадцатилетняя Светлана испытывала особые чувства: сюда тайно приходил на встречу со своей возлюбленной известный сценарист Алексей Каплер. Вот как писала об этом в своих воспоминаниях Светлана: "... Люся приходил к моей школе и стоял в подъезде соседнего дома, наблюдая за мной. А у меня радостно сжималось сердце, так как я знала, что он там..."² Каплера за такую романтическую любовь всеильный папа Светланы быстро упек в ГУЛАГ.

Одна из пожилых дам на встрече ветеранов-учеников школы, о которой я еще расскажу, — вспоминала, как однажды Светлана уговорила своих подружек сбежать с уроков в кино на фильм "Котовский" (1942), автором сценария которого был Каплер. Девчонки смущенно зашмыгали носами — денег нет. — "Не беспокойтесь, я приглашаю", — заявила Светлана в радостном возбуждении от предвкушения "кинематографической" встречи со своим кумиром.

В зал они пробрались, когда свет уже погас. Но через какое-то время пленка остановилась, люстры вновь загорелись, и раздался громкий голос: "Светлана Иосифовна! Светлана!" Все увидели человека, профессиональным взглядом обшаривавшего ряды кресел. Вот он увидел Светлану с подружками и быстрыми шагами подошел к ней: "Светлана! Ну что же вы со мной делаете!" — с какой-то ноткой отчаяния почти простонал ее охранник, Михаил Климов.

Мы-то представляем себе, чем рисковал этот человек, а Светлане он, должно быть, казался надоедливой мухой... Понимая, что подружкам грозит неминуемая выволочка от директора школы (групповой прогул!), Светлана решительно заявила: "Девочки, не бойтесь, я все возьму

¹ Сайт: <http://www.175school.ru/history.php>

² Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. Москва, советско-западногерманское предприятие <Вся Москва>, 1989, с.165

на себя!". К директору школы она пошла одна, выслушала свою долю строгой педагогической нотации, но этим дело и ограничилось.

А вот что написал в своем блоге Сергей Бунтман с радиостанции "Эхо Москвы" со слов своей мамы о тех временах (она училась со Светланой в одном классе):

"Это была, конечно, не совсем обычная школа — 25-я Образцовая, что в Старопименовском переулке. Отличные учителя и вполне серьёзная дисциплина. Среди учеников — дети "вождей", но не все, не всех, и не только они. Мама, например, хотя и была племянницей полпреда в Венгрии Бекзаяна, просто-напросто жила наискосок от школы, в доме 16. Но вот несколько имён и фамилий из класса "Б", в котором училась Светлана: Лёва Булганин, Алёша Туполев, Марфа Пешкова (внучка Горького). Старше года на два был Серго Берия, младше на три — Светлана Молотова, и по всей школе, как вспоминала мама, бегали "бесконечные Микояны".

Какая была Светлана в школе?

Конечно, положение обязывало ходить с "дядькой"-охранником, конечно, все знали, кто она, и это не могло не влиять на отношение одноклассников. Конечно, у Светланы была официально признанная и допущенная подруга — Марфа Пешкова. Тем не менее, по рассказам ясно, что Светлана очень хотела быть "как все", и иногда это ей удавалось.

Например, она с девочками сбежала кататься на диковинном тогда троллейбусе, а позже — со всем классом — в кино, когда учителю математики Юлию Иосифовичу Гурвицу пришлось ворваться в зал, потребовать зажечь свет и объявить: "Пока 7 „Б“ не встанет и не выйдет, картину показывать не будут" (Здесь воспоминания мамы С.Бунтмана несколько расходятся в деталях с тем, что я сам услышал из уст одноклассницы Светланы на встрече ветеранов-учеников школы — см. стр. 131 — Д.С.)

Эту историю я слышал от мамы, а потом прочёл в книге другой "Девочки из класса", Аллы Славуцкой. Расхождение было только в одной детали: мама помнила, что кинотеатр был "Центральный", а Алла Михайловна, что "Москва". Но, пожалуй, это только подтверждает подлинность происшествий.

Не надо думать, что одноклассницы вспоминали такие детали для вящей "умилительности".

Зачем это им, дочерям "врагов народа"? А они рассказывали о Светлане очень просто и беспристрастно. Ну, училась хорошо. И правда, хорошо, без натяжек. Дети очень чутки к таким вещам. Не форсила и не выкаблучивалась. В отличие от многих других, о которых одноклассники с глубоким презрением вспоминали и тридцать-сорок лет спустя. Рыженькая, пухленькая девочка. Довольно замкнутая.

А вот теперь — важное.

Тридцать седьмой год. Сажают и расстреливают родителей. Детей или переводят в параллельный класс, или тихо исключают из школы. Туполев, например, моя мама Лёля Бекзаян, дочь другого дипломата Наташа Биткер, дочь военного Нина Гамбарова, — оказываются в классе "А". Светлана Кузьмина, падчерица Тухачевского, исчезает. Светлана довольно наивно спрашивает у учителей, почему...

Дальше.

Аресты продолжают. В 1939-м берут отца Аллы Славуцкой, генконсула в Харбине. Алла к тому времени, как она сама пишет, уже со Светланой дружила. И вот, мама Аллы Михайловны идёт на безумный шаг. Она передаёт дочке конверт с письмами на имя Сталина и во всевозможные инстанции. Алла несёт конверт в школу и на перемене со слезами вручает его

Светлане. Та молча прячет письмо и дома, в присутствии Берия и некоторых других товарищей, показывает его отцу, говоря, что, вот, папу Аллы Славуцкой арестовали...

Сталин спрашивает у Берия, что это такое...

Как бы то ни было, Славуцкого освободили...

Светлане, конечно, велели больше никогда этого не делать. Но получилось ведь, хоть и один-единственный раз! То, что сцена передачи письма была, Алла Славуцкая узнала не только от Светланы, но и от другого, независимого свидетеля. Кстати, книгу воспоминаний Славуцкой "Всё, что было...", вышедшую в 2002 году, думаю, можно ещё где-то разыскать.

Я сказал, что Светлана помогла кому-то один только раз.

Не знаю, но сомневаюсь. Однажды, уже после войны, когда моя бабушка только-только освободилась из лагеря и была на поселении во Владимире, мама решила пойти к Светлане. Та жила, если не ошибаюсь, в Доме на набережной, и у неё уже был маленький Иосиф. Не будучи близкими подругами, мама и Светлана довольно коротко поговорили, и мама передала письмо с просьбой смягчить режим. Светлана ничего не обещала, но вскоре бабушке разрешили жить под Москвой. Может быть, это совпадение, а может, и нет.

И последнее.

Моя мама, прошедшая страшные испытания, потерявшая отца и трёх дядей, на долгие годы оторванная от матери, мыкавшаяся по углам, каким-то чудом сумевшая отличным аттестатом и хитрым переводом поступить в МГУ, но не принятая в аспирантуру как ЧСИР, не испытывавшая к Сталину никаких чувств, кроме ненависти, всегда жалела Светлану. В школе — как сироту, потом — как девушку, чья личная жизнь постоянно разбивалась об отцовский произвол.

Мама как-то очень точно чувствовала, что испытывала Светлана, когда всё полнее осознавала, кем был её отец и его друзья-сратники.

И мама считала себя, дочь жертвы, гораздо более счастливой, чем дочь палача. И думаю, будь она сейчас жива, мама горевала бы о Светланиной смерти¹."

Несколькими классами старше Светланы здесь учился ее брат Василий Сталин. Подруга моей мамы, также учившаяся в то время в нашей школе, рассказала мне один эпизод, свидетельницей которого она оказалась. Кто-то из ребят катался по школьному двору на велосипеде. В 30-е годы это вполне обыденное ныне двухколесное средство передвижения было пределом мечтаний многих детей. И вот Вася Сталин бежит за счастливым обладателем велосипеда и униженно канючит: "Дай покататься, а? Ну, дай покататься!" — "А чего же папа тебе велосипед не купит?" — не без мстительного сарказма вопрошает хозяин велосипеда. "А папа не покупает, потому что у меня плохие отметки", — горестно вздыхает Вася.

Очень интересно рассказала о тех годах бывшая выпускница нашей школы (1940 г.) Римма Михайловна Мамонтова (урожденная Мак-Маевская):

"Василия Сталина, он был на один класс старше, не называли в школе иначе как, Васька. Он учился классом старше, был бесшабашен. Его лучшим другом был сын школьной уборщицы, он дружил с ребятами из "простых" семей — сратниками его "шалостей". Мы любили кататься на коньках. Васька Сталин забавлялся со своими друзьями. Он "подрезал" девушку, а его приятели с наигранным участием помогали подняться пострадавшей и заводили с ней знакомство. Широта натуры и своеобразная щедрость сына вожды, о которой многие

¹Сергей Бунтман. Блог на "Эхо Москвы" 29 ноября 2011, <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d9644b&url=http%3A%2F%2Fwww.echo.msk.ru%2Fblog%2Fbuntman%2F834593-echo%2F&msgid=1322681378000000788;0,1>

вспоминали, проявлялась и здесь. Он охотно предоставлял своим друзьям шанс познакомиться с девушками, пользуясь своим положением, говорил: — "Со мной любая познакомиться, а вам нужнее". Зато Светлану Сталину никто никогда не называл Светкой и даже Светой, она всегда была только Светлана, такой у нее был характер.

<...>

Та же Нина Иоасафовна Гроза организовала году в 37-38-м первый в СССР школьный выпускной бал. Наш выпускной — 1940-го года был третьим или четвертым. Я помню, что для финального танца мы выбрали "хит сезона" — "Чуть белеют левкой в голубом хрустале". У нас в школе был свой духовой оркестр. Танцевать мы все умели.

<...>

Мы выпускали рукописный журнал "Острые: Всадный Медник". Здесь мы "проходились" по двоечникам. На обложке нарисован штык, на который "насаживались" все, кто получал "неуды". В разгар сталинского террора, когда "идеологические гайки" были закручены намертво, нам даже пришлось доказывать, что наш журнал — не подпольный и не контрреволюционный.

<...>

В нашей школьной жизни переплеталось смешное и трагическое. Вчерашние "дети советской элиты" в один миг превращались в "детей врагов народа". Тем не менее, образцовая школа не могла просто так от них избавиться. Сами того не ожидая, однажды мы помогли это сделать. А начиналось все с невинной шалости. 8 Марта. В других классах мальчики по обыкновению дарят своим одноклассницам цветы. Наши одноклассники решили подшутить и вместо цветов подарили нам букеты из веников, вставив их в парты, туда, где было место для чернилницы-"невыливайки". Девочки этой "шутки" понять не захотели и решили тут же отомстить. В то время в аптеках только появились слабительные шоколадные конфеты. Мы купили их и сложили в коробку от обычных конфет, мальчишки "клянули" и полакомились, буквально вырывая сладости у нас из рук. Через какое-то время они начали по очереди спрашивать разрешения выйти. Были сорваны уроки химии и военной подготовки. Последнее — особенно непростительно: страна с настроем "если завтра война" серьезно готовилась к обороне. Директор школы Нина Иоасафовна Гроза всех вызывала к себе и спрашивала — "Кто это придумал? Никто не признался, тогда виноватыми сделали "детей врагов народа" и исключили их из школы. Когда я об этом узнала, пришла к директору и взяла вину на себя. В ответ услышала от Нины Осаповны: "Дура, молчи! Иди занимайся!". Правда и сама она не избежала участи "врага народа". Грозу тоже арестовали.... У Нины Осаповны Грозы были две дочери, им сразу после ареста матери пришлось уйти из школы, они работали где-то официантками и доучивались уже в вечерней школе. Их не забывал Василий Сталин и многим им помогал"¹.

В 2008 году наша школа получила статус Государственного образовательного учреждения г. Москвы — Центра образования №175.

Изначально трехэтажное здание школы, увенчанное, по словам местных старожилов, низким широким куполом, было выстроено из темно-красного кирпича, по которому сразу узнаешь старые постройки. Даже привычные многим поколениям учеников, начиная с 50-х годов, белые оштукатуренные колонны ее крыльца когда-то были без всяких следов штукатурки,

¹И.В.Голубович. Родом из 25-й образцовой. Воспоминания "одесской" москвички. ДНК. Информационно-аналитический журнал. Одесса – 2006 - № 4 (19) – с.66-69, <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=58615>

такими же темно-красными. Году в 1952-м у школы надстроили еще два этажа и тогда же оштукатурили колонны, но внешне более громоздким здание не стало. Наверное, это произошло потому, что школа находится в глубине территории, прилегающей к Старопименовскому переулку, а перед ее фасадом в окружении могучих, в два обхвата тополя в свое время стоял деревянный домик с круглыми, также деревянными колоннами. Домик этот как бы скрадывал размеры стоящего за ним школьного здания. Построенный в 1819 году, уже изрядно обветшалый, он все равно выделялся в ряду строений более позднего времени. До сих пор удивляюсь, как это я не сфотографировал такой архитектурный раритет. А в конце 60-х "раритет" этот был снесен. Позже спилили и тополя...

В одном из выпусков "Вечерки" с удивлением и радостью увидел тот домик с колоннами на гравюре все того же художника И.Павлова, который оставил нам и изображение церкви Св.Пимена.

В начале осени 1941 года в один из налетов немецкой авиации на Москву в задний двор школы угодила бомба, изрядно повредившая ее здание. Выбоины долго еще виднелись на стенах, пока школу в конце 60-х годов не оштукатурили.

Парадное полукруглое крыльцо со ступенями и белыми колоннами, поддерживающими такой же полукруглый балкон с изящными балюстрадами балясинами, придавали школе какой-то особый шарм. Недаром она привлекла внимание режиссера Юрия Кары: именно здесь, 1-го сентября 1986 года, проходили съемки эпизодов его картины "Завтра была война" по известнейшей повести Бориса Васильева.

Войдя внутрь здания, попадаешь в просторный холл, из которого на второй этаж ведет парадная мраморная лестница, раздваивающаяся на первом пролете на левое и правое крылья. Здесь в мои годы стояли два больших гипсовых бюста — Ленина и Сталина, обрамленные фикусами в кадках. Сталина в 1956 году после XX съезда КПСС убрали, Ленин на несколько десятилетий подзадержался, но сегодня нет и его.

В подвальном помещении, оборудованном, наверное, еще в 30-е годы под газоубежище, находилась раздевалка, попасть в которую можно было через низкие массивные стальные двери с рычажными задвижками, как на корабле. Хотя двери всегда были широко открыты, мы, первоклассники, в общей толчее очень больно стучались об эти задвижки.

Учительская находилась на третьем этаже в центре коридора с левой стороны. Дверь в нее была расположена двумя метрами выше, и к ней вела небольшая лесенка с поручнями. На втором этаже был физкультурный зал с высокими окнами, затянутыми металлической сеткой. Несомненно, первоначально он замышлялся и использовался как Актный зал, и только после надстройки двух этажей актовый зал перенесли на самый последний, пятый этаж. Ныне он используется как репетиционный, для занятия хореографией. Новый физкультурный разместился в пристройке, возведенной в конце 60-х.

Год, когда я пошел в школу, ознаменовался тремя важными событиями. Во-первых, летом широко отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией (сегодня и у нас и в Украине многие по-разному относятся к этой исторической дате). Во-вторых, вновь были объединены женские и мужские школы (до и во время войны все учились вместе, а в 1943 году мальчишек и девчонок разделили, и 175-я школа стала чисто женской). И, в-третьих, ввели школьную форму для мальчиков. (К тому же нас еще и "оболванивали" — стригли под "ноль", в соответствии тогдашними требованиями министерства просвещения).

Девчоночья форма — темно-коричневое платье с отложным белым воротничком или "стоечкой", с фартуками — черным повседневным и белым парадным, — по сути дела не претерпела изменений с XIX века. А мальчишкам возвратили некое подобие дореволюционной гимназической формы: с 1-го по 7-й классы — брюки и гимнастерка сизо-мышинного цвета. К гимнастерке полагался широкий черный ремень с массивной латунной пряжкой с буквой "Ш" — "школа" в обрамлении лавровых веточек. Голову венчала такого же цвета фуражка с черным лаковым козырьком, с желтым кантом и кокардой (ни дать ни взять маленькие лопухие солдатики!), а с 8-го по 10-й — китель (уже ближе к офицерскому составу!) все того же мышинного цвета. Сукно было жесткое, колючее, воротнички высокие, душащие и форму хотелось поскорее сбросить. Мой папа тут же отозвался на мою форму дразнилкой своих гимназических времен: "Яичница идет!" Так они, ученики классической гимназии, носившие форменные фуражки с синим кантом, дразнили учащихся реальных училищ, у которых этот кант был желтым, как теперь и у нас. Реалисты, правда, в долгу не оставались и дразнили гимназистов за цвет их канта "синей говядиной". Почему "говядина" — папа мне объяснить не мог.

Девчонки-бабушки из моего класса, когда я порасспросил их о форменном одеянии, наперебой стали жаловаться, что в 1-м классе нашей 175-й школы требовалось носить только платья, сшитые из темно-синей материи ("ужасно кусучей"). Я выяснил, что синяя форма была введена в 1944 году; 175-я пыталась еще хоть как-то выделиться на фоне остальных школ. В магазинах таких синих форменных платьев не было, так что их приходилось шить либо дома, либо в ателье. Однако традиция победила, и довольно быстро в школу вернули обыденную девчоночью коричневую форму столетней давности, только платьица укоротились до коленок, а потом и выше.

Учительница, которая меня учила

Какой-то особенной подготовки к школе я не почувствовал. Так, умел читать, считать — тоже немного, "писал" печатными буквами. Сохранилось мое поздравление папе на его 50-летие, которое я воспроизвожу с сохранением собственной "орфографии":

"ПАПЕ ОТ МИТИ. ПОЗДРАВЛЯЮ, ПАПА ЗДНЁМ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ ДЛЯ ТЕБЕ СУТРА МЫ ВСЕ ПИКЛИ ПИЧЕНА И ПИРОК КОПУСТНЫЙ ТОЖЕ ИСПИКЛИ МЫ ОЧЕНЬ ЖЫРНЫЙ ВКУСНЫЙ ВСЁ НА ИМИНИНЫ" (эти вирши, датированные 30 марта 1954 года, помогла мне сочинить сестра).

Когда мама привела меня "записываться", я так оробел от официальной обстановки, что совершил грубейшую ошибку — забыл приветствовать находившихся в комнате. — "А здороваться надо??" Громкий голос учительницы, в котором звучали металлические нотки, вверг меня в еще больший в ступор.

Родители не смогли полюбоваться на свое лысенькое чадо, засунутое в колючую гимнастерку, поскольку накануне улетели в Литву, где проходила декада Литовского искусства, и папе там нужно было присутствовать. В школу меня провожали тетя Аля с бабушкой. Первого сентября выяснилось, что учительница "с металлом" в голосе и будет вести наш класс всю начальную школу — четыре года.

Первый школьный день мне запомнился лишь большой толчеей и невероятной усталостью. И когда я вернулся домой, то просто рухнул на диван и проспал до вечера.

Вероятно, памятуя о том, что ребенок остался без материнского благословения в свой самый первый школьный день, мама все последующие годы день 31 августа накануне школы

полностью посвящала мне. Мы с ней вместе обертывали в красивую финскую гляцевую бумагу учебники, клали в папку нужные тетради, наполняли пенал новенькими, вкусно пахнущими карандашами, счетными палочками, ластиками. Это были мои самые любимые минуты.

И еще. Со второго и вплоть до одиннадцатого класса мама устраивала 1-го сентября роскошный "фруктовый" стол к моему приходу из школы. В центре этого красочного натюрморта всегда высился обожаемый мною арбуз в окружении гроздей иссиня-черного и зелено-нефритового винограда, розовато-желтых персиков, коричневатых груш, сизых слив и других щедрых даров осени. Так мама, зная, что начало учебного года для меня всегда было событием достаточно грустным (должен признаться, я не очень любил школу), хотела скрасить мне настроение. Эту традицию продолжил и я со своей дочерью (хотя у нее школа не вызывала грустных эмоций). Ее тоже каждое 1-е сентября ждало дома рубенсовское буйство фруктов.

Учительницу звали Кира Романовна, и она оказалась вовсе не такой страшной, какой мне запомнилась в тот день, когда я забыл поздороваться. Более того, вскоре я стал одним из ее "любимчиков": мальчик был начитан, дисциплинирован, умел формулировать свои мысли, отличник (!). Знать бы тогда, что включение в "королевскую свиту", да еще в качестве отличника, идет вразрез с ученической "шкалой ценностей" и грозит простакую многими неприятностями... Но со мной никто на эти темы дома не разговаривал, а самому мне такое и в голову не приходило. Я был абсолютно неискушенным по части "дворцовых" интриг.

Учеба, как и школьная жизнь, пошла своим чередом, иной раз преподнося весьма неприятные уроки (невольный каламбур). Например, как-то раз речь зашла о главной библиотеке страны, которая сперва располагалась в Румянцевском музее (всем известный Пашков дом напротив Кремля). Учительница сказала, что она всегда называлась Ленинской. Я не выдержал: — "А папа мне говорил, что она сперва называлась Румянцевской, а потом была переименована". — "Много знает твой папа!" — немедленно, как ударом рапиры, отреагировала Кира Романовна. Я обескуражено умолк. Я ведь вовсе не хотел быть выскочкой, показать свою "вумность". Я просто сообщил точные сведения, которыми владел, тем более, что они были получены от папы. Да, он много знает и делится со мной своими знаниями. Разве это плохо?

Оказалось — плохо. Я посмел *дезауировать* слова учительницы, "подорвал" ее авторитет. Много лет спустя я понял, что мне прилюдно был преподан один из наигнуснейших уроков сталинской системы — сидеть и не высываться. Быть серым. Скрывать свои знания. Не дезавуировать начальство. Жить по закону страны Советов: говорить одно, делать другое и думать третье.

Еще одно разочарование постигло меня после летних каникул в третьем классе. Было дано задание тем, кто будет жить на даче, вырастить какой-нибудь овощ. Это в дополнение к огромному списку произведений русских писателей, диктантов и задач по арифметике, которые надо было прочитать, написать и решить. Кстати, все летние каникулы в начальной школе были отравлены этими заданиями, которые должны были выполнять и отличники и двоечники, и на которые уходил весь август. Потом, правда, мы поняли, что благодаря этому очередной учебный год начинался у нас без раскочки: мы быстро проходили новый материал, одновременно закрепляя старый. В преподавательском таланте нашей учительнице отказать было нельзя.

Так вот, об этом злосчастном овоще. Я выбрал репу. Она всегда привлекала мое внимание своим светло-желтым теплым цветом, особой формой по сравнению, скажем, с обыкновенной свеклой, сладким вкусом с легкой перчинкой. И, потом, классика: "Посадил дед репку..."

Каждый день я поливал свою репку, рыхлил землю, выпалывал вокруг нее сорняки и радовался тому, как быстро она растет.

Первого сентября с традиционным букетом из царственных гладиолусов в одной руке и с пузатым портфелем, в котором находилась простолюдinka-репа, — в другой, я пришел в класс и положил свой дар на стол учительницы. — "Ты бы мне еще кило картошки принес", — резанула меня ее пренебрежительная реплика, как когда-то, в случае с Румянцевской библиотекой...

Такое отношение нашей учительницы к своим подопечным — публичное высмеивание, подкалывание, резкое словцо, разделение на "приближенных" и откровенно не любимых — сказывалось, естественно, на всей атмосфере, царившей в классе все четыре года. Класс был недружный, разделенный на какие-то группки. Если кто заболел, то сам заболевший звонил одноклассникам и спрашивал домашние задания, мало кто звонил ему по собственной инициативе.

К сожалению, все это перенеслось и в более старшие классы, что сильно отравляло мне школьные годы. Опасаясь субъективности своих оценок, я познакомил с ними некоторых одноклассников, и те в один голос подтвердили — да, к сожалению, так было. А вот воспитанники Киры Романовны, пришедшие после нас, души не чаяли в своей учительнице. И сдружились они в младших классах так, что и сегодня радостно встречаются друг с другом. Может, что-то после нас изменилось, может, изменилась сама Кира Романовна...

Осенью 1957 года, когда я уже учился в 4-м классе, и огородничество стало пройденным этапом, учительница задала нам написать домашнее сочинение на тему осени. К этому заданию я тоже отнесся со всей серьезностью — ведь это же было самое первое самостоятельное сочинение в моей жизни! Судя по многочисленным черновикам, сохраненным мамой, я испытывал нешуточные муки творчества. Окончательный вариант сочинения выглядел так:

ОСЕНЬ

"Наступила золотая осень. Толстенный слой листьев и увядшей травы лег на землю в лесу и на полянках. Маленькие паучки делают небольшие перелеты. Вдруг белочка перепрыгнула с дерева на дерево. Журавли летят стройным, красивым треугольником. Каждый день улетаются новые и новые партии птиц. Но особенно красочна и заметна осень в лесу. Плакучие березы зелено-желтого цвета, а осины красного. Лес превратился в сказочную картинку, словно невидимый художник нанес на листву разные краски. Попадаются и опять на пенях. Иногда можно видеть и такую картину: еж несет из леса в свою норку на иголках яблоки".

История не сохранила школьную оценку моего "литературного" труда, но мне, честно говоря, за него не стыдно.

Когда мы закончили 4-й класс, я, позабыв огорчения, причиненные мне учительницей, словно их и не было вовсе, от всей души посвятил ей свою песню на мотив "Подмосковных вечеров". Ее я спел на утреннике 27 мая 1958 года по случаю окончания нами начальной школы:

Может, в жизни все переменится:
Переходим мы в пятый класс.
Очень жалко нам, Кира Романовна,
Уходить навсегда от Вас.

И в знакомой нам классной комнате
Мы не встретимся по утрам.
Может, Вы о нас тоже вспомните,
Все проказы простите нам.

Мы в последний раз собираемся.
Как же песенку нам допеть?
Мы учиться так постараемся,
Чтоб за нас не пришлось краснеть.

Из нашей школы Кира Романовна Скрыбина ушла в 1961 году, проработав здесь пятнадцать лет, и ее следы, по крайней мере для нас, учеников, затерялись. И только недавно я узнал, что она, будучи страстной "собачницей-эрделисткой", многие годы, наряду с преподаванием в других школах, была старшим инструктором Клуба служебно-спортивного собаководства "Люблинец", в котором воспитала многих учеников уже в новой своей ипостаси.

Учительница, у которой я не учился

Параллельный 1 класс "Б" вела другая учительница, совсем еще молоденькая хрупкая девятнадцатилетняя девочка, только что окончившая педагогическое училище имени К.Д.Ушинского в том же 1954 году. Ее звали Светлана Алексеевна Борисова (потом она стала Куликовой). Была она небольшого роста, с ладной фигуркой и русыми, чуть выющимися волосами, подстриженными по тогдашней моде. А вот эта учительница сумела так сдружить своих ребят с самого первого класса, что многие из них пронесли эту дружбу через все школьные годы. Огромную роль тут сыграл личный пример: Светлана Алексеевна приходила проводить *всех* своих заболевших учеников. Вслед за ней и одноклассники стали навещать своих товарищей и помогать им, чтобы те не отстали в учебе.

Ее ученики, теперь уже бабушки и дедушки, рассказывали мне, что Светлана Алексеевна, несмотря на свой юный возраст и мягкость в обращении, на уроках была очень строга и весьма придирчиво ставила отметки. Вероятно, она чувствовала настороженность родителей: ну, чему сможет научить их детей такая молоденькая учительница? А ее маленькие подопечные всегда сидели в классе очень тихо. Причиной тому была как естественная любовь к своей первой учительнице, так и боязнь ее. Но более всего тут сказывался педагогический талант Светланы Алексеевны: она умела сделать так, что дети ее слушались, уважали и тянулись к ней душой. Для многих девчонок она стала старшей подругой. А один мальчик даже заявил (все это мне рассказывали бывшие "бешки"), что если он когда-нибудь и женится, то только на Светлане Алексеевне! Ну, не достойная ли награда для педагога за его тяжкие труды?!

Я несказанно завидовал "бешкам", потому что чувствовал, что у них в классе — не так как у нас. Их Светлана Алексеевна помогала своим маленьким ученикам не только постигать школьные науки, но и учиться жить, общаться со своими сверстниками, быть добрыми и отзывчивыми. Мы, "ашки", к сожалению, были лишены этого...

Когда я писал про школу, то все эти чувства вновь нахлынули на меня. Мне захотелось узнать о дальнейшей судьбе Светланы Алексеевны, и, если повезет, и я достану номер ее телефона, то поведать о своих чувствах ей лично. И мне повезло! Через ставший чрезвычайно популярным сайт "Одноклассники.ру" друзья сообщили мне телефон Светланы Алексеевны, и я — спустя полвека! — позвонил ей. Представившись, я сказал, что давно хотел поблагодарить

ее, хоть она меня и не учила, за ее огромный педагогический талант, который я неосознанно почуял в те годы. Были у меня и еще какие-то эмоциональные слова вперемешку с воспоминаниями. Учительница, судя по голосу, была приятно удивлена и тронута моим неожиданным звонком. И в свою очередь неимоверно удивила меня: — "Митя Симуков? Помню. Такой крупный, плотный мальчик". Именно таким я тогда и был. Помнить мальчика из параллельного класса, с которым ей и словом-то никогда не приходилось обмолвиться! На это способна только память настоящего учителя.

Пионеров идеал

Идеологическая иерархия в нашей школе была такой же, как и в других школах: пионерская, комсомольская организации и, наверное, партийная у учителей. "Октябрьского" объединения с их пятиконечной красной пластмассовой звездочкой и изображением в центре пухлого бутуза — Володи Ульянова — не было, это пришло позже.

А вот прием в пионеры я запомнил хорошо. Это было в октябре 1956 года, когда учился во втором классе. Мы зубрили торжественное обещание юного пионера: "Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю..." (раньше там упоминались и Ленин со Сталиным, но после XX съезда Сталина изъяли), боясь ошибиться в самый ответственный момент (кто же знал, что это обещание произносится хором, и никто не заметил бы, если бы ты запнулся). В школе нам вдалбливали, что красный цвет галстука символизирует кровь борцов, и давали другую всевозможную идеологическую накачку. Кстати, я еще застал период детских клятв, типа: "честное Ленинское", "честное Сталинское", причем последняя считалась более весомой. Говорят, была еще и самая "страшная" клятва: "честное пионерское под салютом двух вождей", но лично я ее не слышал.

Наконец торжественный день настал. Накануне мама перешла старенькие английские брюки дяди Толи, которые он купил себе в Лондоне еще в 1932 году, сделав мне из них первые настоящие брюки "со стрелкой". На мне была также белая рубашка. К этому парадному виду полагался еще и шелковый пионерский галстук, но все сдали их пионервожатой, поскольку она должна была повязать нам галстуки в самый кульминационный момент приема в пионеры.

Кстати о пионерских галстуках: тогда их было два вида — алый шелковый, что подороже, и еще сатиновый, скорее малинового цвета. Позже мы раскумекали, что кончики сатинового галстука было гораздо приятнее мусолить во рту во время трудных контрольных. Шелковый же галстук в этом плане не котирировался — был не таким вкусным. Высшим шиком считалось носить галстук с обглоданными концами.

Из школы мы вышли стройным отрядом под барабанный бой пионерского барабана (он был такой же, как и у музыкантов, только маленький), а звуки горна больше напоминали трубные сморкание хронического аллергика — горнист был неопытный. Впереди шел наш знаменосец с пионерским знаменем. Наша учительница назначила ему в ассистенты меня и еще одного мальчика. И мы, приложив наискось ладошку ко лбу согнутой в локте руки в пионерском приветствии, выкатились сперва на Малую Дмитровку, а потом и на Большую. Принимать нас должны были по высшей в те времена категории — в музее Ленина.

Когда мы шли по Большой Дмитровке, со мной случился казус: я споткнулся и упал, при этом левая моя брючина лопнула на коленке так, что чуть совсем не превратила их в "бермуды". Материя-то была старенькая, четвертьвековой давности, и мама использовала ее потому, что в те времена в магазинах ничего "приличного" из одежды для детей не было. Я был в ужасе: и от того, что с самим — мною! — ассистентом приключилась такая беда, и что я задерживаю

стройное движение такой красивой колонны, и что как в таком виде продолжать путь к высокому приобщению к делу Ленина. Но на счастье у мамы в сумочке была иголка с черной ниткой, и она, быстро заведя меня в ближайшую подворотню, "прихватила" полуоторвавшуюся брючину так, что я смог продолжить путь, но уже не в составе колонны, — она уже ушла вперед — а догоняя ее вместе с мамой.

В музее мы прокричали хором торжественное обещание, причем я был несколько удивлен этой хоровой декламацией — а где же *личное* приобщение к детской организации, носящей имя Ленина? — нам повязали галстуки и мы быстренько двинулись колонной обратно, поскольку у музея толпились отряды будущих юных пионеров, также пришедших сюда на "приемку".

И вот тут я совершил большую бестактность, нет, хуже — *ошибку*. Полагая, что должность ассистента при знамени вверена мне на все время торжества, я, ничтоже сумняшеся, подошел к голове колонны и оттеснил мальчика, которого учительница поставила на мое место, когда у меня случилась неприятность с брюками. Как выяснилось спустя несколько лет, он хорошо это запомнил. Нет, он мне не мстил. Лично. Но он организовал вокруг себя компанию ребят, и та ополчилась против меня, причем уже без конкретного повода.

Много неприятностей мне пришлось пережить в связи с этим: меня пытались сделать чуть ли не изгоем, доносчиком, "предателем", "девчатником" (страшное обвинение в те годы). Нормальная школьная жизнь возобновилась только к десятому классу, когда все те ребята постепенно ушли из нашей школы — кто в вечернюю школу, кто в техникум. А вся тогдашняя "пионерская жизнь" свелась к беганьям той компании по чердакам в поисках места для "штаба": чтоб все было как в повести "Тимур и его команда", написанной дедушкой нынешнего Гайдара, и только.

Когда в приподнятом настроении я вошел с мамой в наш двор, то первым мне встретился Максим Дунаевский. "А меня в пионеры приняли", — с гордостью поделился я с другом радостной новостью. "Подумаешь, — пренебрежительно отозвался он. — Меня еще в прошлом году приняли". Я был огорчен такой реакцией Максима на этапный момент в моей жизни, но от огорчения не осталось и следа, как только мы с мамой вошли в дом: она заранее позаботилась о том, чтобы сделать мне в этот день маленький праздник. На столе стоял любимый арбуз и бутерброды с языковой колбасой, в аппетитных ломтиках которой на срезе изумрудно зеленели фисташки — такой тогда была рецептура изготовления этой колбасы (годами позже фисташки были заменены на желтоватый горох...). А на моем столе был пакет из магазина "Пионер" с деревянными деталями модели парусной яхты, которую нужно было собрать. Праздник состоялся!

Не так давно я перечитывал воспоминания Анны Лариной-Бухариной, и там мне встретился эпизод, также связанный с пионерами, красным галстуком, "кровавой символикой" и детским огорчением. Что-то, как мне кажется, неуловимо общее с моими воспоминаниями прозвучало в нем: жесткость идеологии? огорчение ребенка в радостный для него день? формализм и неискренность старших? Цитирую этот отрывок из книги:

"В первую же годовщину Октябрьской революции после смерти Ленина, 7 ноября 1924 года, отец был на Красной площади. Тогда во время праздника на трибуне Мавзолея находились не только члены Политбюро, но и более широкий круг партийных работников. Я, как и во многих других случаях, сопровождала отца, помогая ему добираться. Так я оказалась на трибуне. Из присутствовавших там мне запомнились лишь трое: Троцкий, Фрунзе и Сталин. Моей забывчивости способствовал случай, для меня в ту пору очень огорчительный. Как только

мы с отцом поднялись на левую трибуну Мавзолея, ко мне подошел Троцкий и сказал: "Ты что на себя нацепила?" и дернул рукой мой пестрый шарфик (красный в голубых цветочках), который мать не без моего желания повязала мне поверх пальто, чтобы я выглядела нарядной. "Где твой пионерский галстук?! Ты, очевидно, не знаешь, почему пионерский галстук красного цвета! Красный цвет символ пролитой крови восставшего рабочего класса!" Он произнес эти слова строгим, грозным тоном, будто по меньшей мере я была проштрафившимся солдатом Красной Армии, которого ждет кара. Я очень смутилась и расстроилась. Праздник был отравлен, и у меня было лишь одно желание поскорее вернуться домой. В свое оправдание я сказала Троцкому: "Это мама повязала мне шарфик вместо галстука". "Неплохая у тебя мама, ответил Троцкий, а совершила такое зло!" Так и выразился "зло". Мамино "зло" еще больше огорчило меня, и у меня брызнули слезы. Отец, увидев мой жалкий вид, заступился за меня: "Посмотрите, Лев Давыдович, какие огромные красные банты в косах моей дочери, так что "крови" более чем достаточно". Оба они рассмеялись, и мне показалось, что глаза Троцкого стали добрее"¹.

Наши девчонки

Из ярких штрихов начальной школьной жизни осталась, конечно, первая любовь в 3-м классе, больше походившая на "нулевую", поскольку быстро закончилась. Ее звали Ира, она была жгучей брюнеткой с вьющимися волосами, невероятно живыми глазами и сознанием собственной красоты. Нас посадили за одну парту. Я сгорал от любви и дарил предмету своего обожания редкую по тем временам красивую глянцевую финскую бумагу, в которую мы обертывали учебники.

Однажды произошла трагедия. Неловко повернувшись, я задел рукавом чернильницу, та вылетела из своего отверстия в парте и вплеснула свое содержимое на коричневое форменное платье Иры.. Я ошолбенел от собственного кощунства: надо такому случиться, и, главное, накануне 8 марта!

"Так, — железным голосом произнесла Кира Романовна. — Набездобразничал — отвечай. Будешь стирать ее платье у себя дома". Мне и в голову не пришло попытаться оправдываться: густое чернильное пятно отвратительно растеклось по плиссировке.

Когда я пришел домой, то, измученный такими переживаниями, похоже, тут же уснул. Об этом свидетельствует записка, которую я оставил маме не без задней мысли избежать личного объяснения случившегося.: "Мама! Я сегодня ничаянно облил рукав платья у Ирки чернилами и К.Р. сказала чтобы я выстирал этот рукав или ты. Настроение ужасное!"

Потом я был как на иголках, все ждал, что в дверь позвонят и передадут платье — стирать. На следующий день я поплелся в школу все в том же отвратительном настроении. Но Ира сменила гнев на милость, и вопрос о стирке больше не возникал. Правда, после этого случая мои чувства к Ире довольно быстро охладели.

В четвертом классе в ноябре 1957 года к нам пришла новенькая. Ее звали Наташей, и фамилия ее была достаточно звучной в российской истории. Она до сих пор с теплотой вспоминает, как я тут же подошел к ней, что-то стал рассказывать о классе, о школе. Ей, переживавшей естественный испуг в новой атмосфере, в новой обстановке, такое участие было совершенно необходимо, и, наверное, каким-то внутренним чутьем я это понял. Тогда я еще и предполагать не мог, что Судьбе было угодно избрать эту девочку моей настоящей Первой любовью.

¹ Анна Ларина <Бухарина>. "Незабываемое", АПН, М., 1989, сс.229-230

В конце октября 1959 года — мы тогда учились в пятом классе — наша классная руководительница, учительница английского языка Светлана Петровна, посадила меня с этой девочкой за одну парту. И тут меня закрутил вихрь невероятных эмоций. Спустя какое-то время, цепenea от робости, я попросил ее подарить мне свою фотографию. К моему великому удивлению и радости на следующий день она принесла милое фото, на котором была запечатлена задумчивая двенадцатилетняя девочка. Мне в ту пору было тринадцать.

Я был влюблен в нее все школьные годы, причем так сильно, как не каждому взрослому мужчине случается пережить в своей жизни такие глубокие чувства. Это длилось почти семь лет, но, увы, я оставался для нее просто хорошим другом, не больше. Школьная любовь у мальчишек, как правило, бывает безответной, но я абсолютно убежден, что подобные трагедии воспитывают и закаляют дух, обогащают иными эмоциональными переживаниям маленького мужчину, придают им глубину и зрелость, помогают "держать удар" во взрослой жизни.

Сегодня мы иногда встречаемся с Наташей на улице, благо живем рядом, изредка забегаем друг к другу, а большей частью общаемся по Интернету. У нее двое сыновей, она уже бабушка.

К тому времени, когда мы учились в 4-м классе, Международный женский день 8 марта уже стал достаточно популярным в нашей стране, хотя еще и не был объявлен нерабочим днем. Мы, мальчишки, захваченные всеобщим ажиотажем подготовки к празднику, почувствовали, что можем показать себя сильными и благородными перед нашими девчонками. Перво-наперво надо было решить основной и единственный вопрос — что и как дарить. Решили купить всем девчонкам по маленькой поролоновой игрушке-зверюшке — тогда поролон только появился, был необычайно моден в любом виде и, что немаловажно, — дешев. Когда мы закупили эти игрушки, то закрылись в классе, чтобы завернуть их в красивую бумагу. Тут, на свое несчастье, в класс ворвалась Ленка Стомахина — она забыла свой портфель. Мы же расценили это как желание раньше времени раскрыть нашу тайну. Кара последовала незамедлительно. Мы как следует оттащали ее за косы, чтоб впредь не любопытничала, Ленка ревела от обиды и боли...

На следующий день в торжественной обстановке мы вручали свои подарки девочкам, в том числе и Ленке. И сегодня от имени тех горе-"рыцарей" я говорю — прости, Стомахина!

Уже в старших классах, когда свидетелей этого печального случая уже и не осталось (кто-то переехал, кто-то ушел из школы), то "восьмимартовское поздравление" нам неожиданно аукнулось. Наши одноклассницы, пришедшие из других школ, а посему не знавшие той грустной истории, подарили нам, парням, на 23 февраля, нынешний День защитника Отечества, по маленькому розовому надувному резиновому поросенку. С подтекстом был подарочек...

Перебирая папины архивы, я случайно наткнулся в одной из его записных книжек на несколько строчек, относившихся к моей школьной жизни. Вероятно, он сделал эту запись по горячим следам — сразу же после общения со мной (зима 1957 года). Привожу их целиком:

"Недавно произошла ссора Мити с Юрой Трофимовым. Юра показал Мите список девочек, которых он намеревается обстреливать снежками. В числе их была Наташа Эйдельмант. Митя объявил, что если он это сделает в отношении Наташи, пусть выбирает — или их дружба или конец ей. Юра подумал и сказал, что уж тогда лучше пусть будет конец дружбе, он не может отказаться от снежков".

Сам я этого случая уже не помню, но, не скрою, горжусь, что, воспитанный в духе рыцарства, встал на защиту своей одноклассницы (влюблен-то был в другую Наташу) даже ценою мужской дружбы. Этой самой Наташе Эйдельмант, ставшей после замужества Руткевич и

переехавшей в Израиль, в день ее юбилея я переслал эту запись из папиного дневника в качестве своего подарка. Она пришла в восторг.

Директор школы Анастасия Петровна Моисеенко

В годы моей учебы в школе директорствовала Анастасия Петровна Моисеенко, если не ошибаюсь, близкая родственница рабочего-большевика Петра Моисеенко. Он вошел в нашу "революционную историю" как организатор знаменитой "морозовской стачки" на текстильной фабрике Морозовых в Орехово-Зуево в 1895 году.

Появилась в школе наша директриса в 1943 году, сменив О.Ф.Леонову, которая директорствовала с 1937 года после Н.И.Грозы. Вот уж кто был на своем месте и как свои пять пальцев знал и все свое хозяйство и своих подопечных! Каждого ученика — с первого до десятого класса — Анастасия Петровна знала по имени и фамилии. И так на протяжении почти двадцати лет. Позже мы узнали, что ее стараниями в школьных кабинетах физики и химии в 1946 году появилось прекрасное оборудование и приборы, полученные по репарации из Германии.

Высокая, с прямой спиной, чуть рыжеватыми волосами, уложенными валиком вокруг головы, с чеканной манерой говорить, в строгом темном костюме с квадратными подложенными ватными плечами и в белой блузке для нас она являла собой Власть — жесткую, но вместе с тем мудрую и уважающую своих "подданных". Помимо своего директорства она вела историю средних веков.

Анастасия Петровна прошла суровую закалку в сталинские годы. Среди учащихся ее школы встречались многие звучные фамилии из партийно-правительственной верхушки того времени.

Нужно сказать, что и в мои школьные годы мы не были обделены звучными именами. В параллельном со мной классе учился Юра Чучунов, сыгравший роль Чука в кинофильме "Чук и Гек" по одноименной повести Аркадия Гайдара. К доске вызывались ученики: Иоффе, Капица, Плевако, Небольсин, Бескова, Козловская, Петушкова, чуть позже — Драгунский, Новицкий, Стурua, Боссарт... Но наша школа в ту пору уже была полностью демократичной по своему составу: в классе были также и свои местные хулиганы и дети из "трудных" семей.

Я недаром упомянул, что наша директриса была учительницей истории. Откровенно говоря, отношения мои с этой наукой были довольно сложными. Папа историю обожал, причем знал ее не столько по датам (о, эти даты, убивающие всякое желание вникнуть в суть!), но по фактам, событиям и их взаимосвязи. Причем это был и Древний Рим, и средневековая Европа, а уж о петровской и пост-петровской эпохах и говорить не приходится..

Я же с историей впервые познакомился в детстве по мифам Древней Греции. Уже тогда идея распределения обязанностей среди древнегреческих богов мне очень понравилась. Все конкретно, каждый отвечает за какую-то одну область. Чтобы система слаженно работала — за ней приглядывает Зевс...

В школе же с историей древнего мира, с которой начинается вся мировая культура, нам просто не повезло. Ее вела учительница, чье "преподавание" сводилось к зачитыванию параграфов из учебника, да к задаванию тех же параграфов на дом. И даты, даты...

Папа иногда проявлял инициативу и пытался проверить мои знания. Хорошо помню, как однажды он спросил меня: "Ну, что задали на завтра?" Это были Пелопоннесские войны. "Ну, давай, расскажи мне о них", попросил папа, явно приготовившийся слушать ответ ученика 5-го

класса. — "Па, значит, они там воевали, и сошлись две армии, а один мерзкий шпион..." — "Постой, прервал меня папа. Начни так, как будто я ничего не знаю об этих войнах, и разъясни мне все по порядку". — "Ну, так вот, я тебе и говорю, напирал я на факт, который мне показался наиболее примечательным из всех этих войн, этот шпион..." — "Нет, ты мне расскажи, почему и из-за чего начались эти войны, кто с кем воевал, сколько этих войн было, когда и сколько времени они длились, почему оставили такой след в истории", неумолимо "дожимал" он меня. Отчаявшись, я уже почти со слезами на глазах продолжал гнуть свое: "Шпион! Вот он все дело и погубил!" Здесь уместна цитата из марктовеновского "Тома Сойера": "Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены"¹.

Когда директриса стала вести у нас историю средних веков, то лично я вздохнул с облегчением: делала она это так виртуозно, что ветер средневековья, как ни парадоксально это звучит, показался мне живительным бризом. Она учила нас понимать последовательную логику исторического развития, когда один факт тянул за собой другой, и так выстраивалась череда событий, обусловленных причинно-следственными связями. Теперь я понимаю, что и у нее и у моего папы был одинаковый подход к пониманию Истории.

Помню, как однажды Анастасия Петровна сказала: "Вы должны научиться проследить цепочку исторических фактов, проанализировать их, связать один факт с другим, и не только в пределах одной страны. Вы должны уметь делать выводы, показывать и доказывать, почему в итоге получилось именно так. И еще вы должны научиться "перекидывать" исторический мостик из того времени в наши дни, чтобы объяснять существующее положение вещей".

И когда она рассказывала нам, к примеру, о возникновении городов в средневековой Западной Европе, мы как бы становились живыми свидетелями объединения горожан в союзы ремесленников, их борьбы за свои права, начала конца королевского абсолютизма и зарождения парламента — предвестника великой западноевропейской демократии. Результатом ее уроков стало мое твердое убеждение, которого я придерживаюсь сегодня, в XXI веке, что нам неплохо было бы обратиться к опыту средневековых горожан тех стран, чтобы построить свое "гражданское общество".

В школе в нас воспитывали сопричастность к прошлому. В середине 50-х у нас появилась галерея фотопортретов выпускников школы, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. У каждого класса был свой герой. У нас, 4-го "А", это был Сережа Болдырев. Его маму, седенькую женщину лет пятидесяти, которая приходила к нам в класс и одаривала конфетами, помню смутно. Но имя ее сына-героя, вошедшего в Историю, осталось в памяти навечно.

В школе в нас поощряли пытливість, стремление узнать что-то новое.

Я держу в руках номер "Звонка" — специального выпуска внутреннего многотиражного бюллетеня "Известинец" (газета "Известия" шефствовала над нашей школой) от 11 октября 1958 года, посвященного жизни своих подшефных. В заметке, озаглавленной "Тур Хейердал — ученикам нашей школы", приводится короткое письмо знаменитого норвежского путешественника, писателя и ученого:

"Газете "Звонок" школы №175. Мне стало известно, что ваша школа посвятила пионерское собрание моим книгам "Путешествие на "Кон-Тики" и "Аку-Аку", и я в связи с этим шлю всем школьникам мои поздравления и пожелания счастливого и мирного будущего. Тур Хейердал.

¹ Марк Твен. Избранные произведения. Приключения Тома Сойера. Художественная литература. М., 1953, т. I, с. 26,

Осло, 19.V.1958". Это был ответ на письмо старшеклассников, которые буквально бредили книгами Хейердала.

Анастасия Петровна неколебимо стояла на страже моральных устоев, как они понимались в те годы. Например, школьникам запрещалось иметь наручные часы. Они относились к "предметам роскоши", и у всякого, у кого такой предмет был замечен, он изымался и возвращался только родителям. Мне особенно забавно писать это сегодня, видя толпы первоклассников, щебечущих по мобильникам со своими родителями.

В старших классах начались школьные вечера. Как я готовился к своему первому вечеру! Папа преподавал мне несколько уроков, как вести партнершу в танце, не наступить ей на ногу и не уронить ее, как плавно вальсировать. Теория была усвоена лучше практики. Слабые же навыки балльных танцев, которым нас учили еще в первом классе, — падеграсу, падекатру и другим — были напрочь утрачены. И потом, кто же будет приглашать даму на такой "отстой"?

Мама нашла старенькую папину белую сорочку с отстегивающимся воротничком по моде 30-х годов (своей у меня еще не было), повязала галстук (оказывается, это была целая наука), я надел модный черный свитер с V-образным вырезом, привезенный сестрой из Болгарии, и отправился в школу.

Когда я вошел в наш спортивный зал на втором этаже, то увидел, что он в тот вечер был переоборудован под "балльный". Длинные спортивные скамейки и снаряды были вынесены в коридор. В углу зала на стуле стоял простенький электропроигрыватель, на нем вертелась пластинка с какой-то медленной музыкой. Мальчики жались по одну стену зала у "шведской лестницы", девочки — по другую. Вечер напоминал игру в "гляделки" — кто кого переглядит, но с места не стронется?

В центре зала вяло топтались две — три пары девчонок. Но вот одна из наших самых продвинутых одноклассниц, Ира Гриль, громко объявила: "Внимание! Показывается пародия на рок-н-ролл!" (Без слова "пародия" нечего было и думать "кинуть рок"). Кто-то принес нашего кумира Билла Хейли, записанного "на ребрах" (такие полуподпольные записи делались в студиях звукозаписи на старой рентгеновской пленке). При первых звуках "Рока вокруг часов", то бишь знаменитого "Rock Around O'Clock" (название этой вещи, строго говоря, переводится на русский язык как "Рок целый день", или "Круглосуточный рок") народ ринулся в центр зала. Надо было успеть оторваться в этом зажигательном танце хотя бы несколько минут, покуда педагоги не кинутся вырубать "упадническую музыку разлагающегося буржуазного общества".

А с роком боролись жестко. Все в том же номере "Звонка" была помещена эпитафия с карикатурой:

"Танцую бойко "рок-н-ролл"
За "колом" получает "кол".
А вот чемпионы среди болтунов —
Школьники Лебедев и Бодунов".

Мораль ясна? Болтаешь на уроках, "кидаешь рок" — кол тебе обеспечен.

Несмотря на жесткую дисциплину, поддерживаемую стараниями Анастасии Петровны, однажды стены нашей школы потряс настоящий бунт. Было это 14 апреля 1961 года, когда Москва встречала на Красной площади первого космонавта — Юрия Гагарина. Мы, семиклассники, естественно рвались пойти на эту встречу. Но ответственность за жизнь и здоровье вверенных ей детей подсказала Анастасии Петровне единственно правильное, хотя и тяжелое решение. Вероятно, в ее памяти на всю жизнь запечатлелась страшная давка в марте

1953 года в районе Трубной площади, когда толпы народа рвались в Колонный Зал, чтобы проститься с усопшим Вождем. Тогда погибло много людей. Короче, школу заперли.

Вот тут-то все и началось. Мы, семиклассники, выступившие первыми, уселись в вестибюле на парадной лестнице и стали скандировать: "От-крой-те две-ри! От-крой-те две-ри!" А внизу лестницы, перед бесновавшимися "повстанцами" стояла Анастасия Петровна, раскинув в стороны свои длинные, худые руки, создававшие как бы дополнительную преграду, и железным голосом, перекрывавшим наш рев, повторяла: "Не пу-шу!"

Двери так и не открыли, но из-за нашего дьявольского шума уроки по всей школе были сорваны. О, как мы ненавидели нашу директрису в тот день! К счастью, "оргвыводов" с ее стороны не последовало.

Ушла Анастасия Петровна из школы вскоре после появления в 1961 или 1962 году (точно не помню) в одной из газет хлесткой статьи, инспирированной кем-то из недовольных учителей. В ней наша директриса обвинялась в авторитарности, нежелании "считаться с мнением коллектива" и еще бог знает в каких смертных грехах. Ушла она тихо, незаметно. Но с ее уходом не стало и той особой атмосферы, которой славилась наша 175-я.

Уже в середине 70-х, спустя более десяти лет после окончания школы, я встретил Анастасию Петровну у станции метро "Маяковская". "Митя, — спросила она сразу же, словно данный вопрос мучил ее все эти годы, — что тебе дала школа?"

Согласитесь, когда тебя встречает бывший директор твоей школы спустя столько времени, да еще помнит, как тебя зовут, да еще и ставит такой глобальный вопрос, то с ходу на него ответить очень трудно. Я сказал, что всегда буду помнить ее уроки истории, что я преклоняюсь перед учительницей литературы Ниной Валентиновной Всесвятской; что я избрал своей профессией английский язык, влюбиться в который мне помогла наша же молоденькая учительница Светлана Петровна Бахмунова; что я ценю великодушные, проявленное ко мне, гуманитарно, учительницей химии Марией Николаевной Коробковой; что на чисто бытовом уровне я довольно успешно применяю физические законы Бойля-Мариотта, Гей-Люссака и Ньютона, которые мне объяснила наша "физичка" Нина Ивановна Белогорская; что я обожал уроки пения Лидии Семеновны Коренцовой.

Надеюсь, Анастасия Петровна осталась довольна моим ответом. Больше мы с ней никогда не встречались.

Новую и новейшую историю в 7-м – 9-м классах у нас преподавал Зиновий Карпович Шнекендорф. Это был тоже энтузиаст своего предмета: он учил нас видеть за событиями людей, а за людьми — события. До сих пор помню: "Концентрация финансового и промышленного капитала в конце XIX века в России была наивысшей по сравнению с европейскими странами и США". За этой сухой формулировкой из учебника, благодаря объяснениям Зиновия Карповича, перед нами как бы наглядно раскрывалась грандиозная картина строительства великой транссибирской магистрали и сети железных дорог, покрывших Россию буквально за несколько лет, и многие другие события и факты из истории нашей страны.

Его энтузиазм проявлялся еще в одной области: он был страстно увлечен новейшим периодом истории (вероятно, диссертацию писал) и, в частности, историей создания во время войны на территории СССР отдельного чехословацкого батальона под командованием Людвика Свободы. Зиновий Карпович организовал в школе Клуб дружбы с Чехословакией, который занимался историей этого батальона, ставшего впоследствии корпусом.

А в 1964 году наш учитель сумел организовать поездку активистов клуба в Прагу, где они встретились с тем самым генералом Свободой, впоследствии Президентом Чехословакии. Ребята, побывавшие в то лето в Праге, уже почувствовали первые признаки "пражской весны". Там всюду распевал Вальдемар Матушка, известный актер, бард и музыкант, гремел своими новыми и неординарными постановками пражский театр "На Забрадли" (по популярности он был сродни нашему "Театру на Таганке"), и никто не гонял художников-абстракционистов. Вернулись мои одноклассники ошарашенные полузападной свободой и ощущением грядущего *нового*.

После Зиновия Карповича историю вела Бронислава Григорьевна Цалюк, ставшая нашей классной руководительницей. Это была пухлая блондинка с веселыми глазами в самом расцвете своих сорока лет, которую мы также полюбили за интересное преподавание истории, веселый нрав и доброе к нам отношение.

Атмосфера в нашем классе претерпела, наконец, кардинальные изменения, когда мы стали девятиклассниками. Класс стал походить на самый нормальный, как пишут в учебниках педагогики, "дружный школьный коллектив". Во многом это произошло потому, что нас сильно перетасовали. Повинуясь велению времени и очередным реформам, школа ввела в старших классах профессиональную ориентацию. Мы должны были выбирать между профессиями радиомонтажников, чертежников-конструкторов и полиграфистов, перейдя в соответствующий класс. Я выбрал полиграфию.

На отношения между ребятами в еще большей степени повлияла "новая волна", нахлынувшая на нас в 9-м классе. "Новой волной" я называю учеников одной школы-восьмилетки нашего района. Они захотели продолжить учебу и заканчивать 11-й класс в нашей 175-й школе. Народ это был интересный, дружный, умный. Мы (те, кто учились вместе с 1954 года) тут же, как своих, приняли новичков, ставших нашими хорошими друзьями. Уже более сорока лет многие из них ежегодно встречаются, вовлекая в свою орбиту все новых и новых "старых" одноклассников.

Говоря о школе, не могу не рассказать и о некоторых других преподавателях, у которых мне посчастливилось учиться, и которые оставили в моей жизни ярчайший след.

Школьный Робеспьер¹, или Запоздалая благодарность

Всякая смена места работы для человека волнительна, если не страшновата: как-то встретят новые коллеги? Начальство? Установятся ли сразу нормальные, добрые отношения с ними? А если это школа, куда приходит новый учитель, то самое главное — как встретят дети? Какими они окажутся?

Наверное, все эти вопросы задавала себе немолодая уже преподавательница русской словесности, идя на свой первый урок 1-го сентября 1960 года в новую для нее московскую школу № 175. Вообще-то ей говорили, что школа крепкая, контингент учащихся — дети московского "центра", в этой школе еще Светлана и Вася Сталины учились, сами понимаете...

Думаю, учительница со своими опасениями как в воду глядела. Тридцать пар глаз семиклассников встретили ее не то, чтобы настороженно, — враждебно. Но откуда же было той

¹ Робеспьер, (Robespierre), Максимилиан (1758-1794) французский политический деятель, глава якобинцев. Стоя во главе комитета общественного спасения, пользовался диктаторской властью, хотел "возрождения общества и воцарения добродетели"

учительнице знать, что это была отнюдь не дань жестокой школьной традиции "проверять на крепость" преподавателя-новичка, сколько бы лет ему ни было. Дело было сложнее.

Когда в 1958 году мы перешли в 5-й класс, и у нас начали вести уроки учителя-предметники, то русскому языку и литературе (точнее нам с ними) не повезло. Их вела учительница хоть и со стажем, но, похоже, не очень любившая свой предмет. Говорила серо, скучно, "от сих до сих". Поэтому былины, с которых начинается русская литература, мы просто возненавидели! В конце года эта учительница к нашей великой радости покинула школу.

Первого сентября, уже в 6-м классе на урок литературы к нам пришла новая преподавательница. Она сразу же завоевала нас своим "пионерско-комсомольским" задором. Легкость в общении, какие-то новые темы сочинений для нас, измученных всякими "Как я провел лето" или "Светлый образ... в бессмертном произведении..." — все это подкупало. Мы с удовольствием углубились в литературу. Я примирился даже с ранними романтическими сказками Горького.

Когда мы были уже семиклассниками, чуть ли не в первый день занятий в школьном расписании значилась литература. Но вместо уже привычной нам учительницы в класс вошла незнакомая пожилая (в нашем понимании) женщина небольшого роста, с сильной проседью в волосах, поздоровалась с нами, представилась, изрядно грассируя, Ниной Валентиновной Всесвятской и сказала, что будет вести у нас литературу и русский язык. Мы онемели. А как же наша "та"? Почему ее нет?

Из обрывков разговоров и слухов мы поняли одно: та учительница не просто ушла из школы, а ее "ушли". Естественно, никому из школьного начальства и в голову не пришло хоть как-то объяснить нам причины ее ухода. Школа тех лет была неким подобием военного плаца для "артикулов" с математическими формулами, вызубренными баснями Крылова о мартышке и речью Ленина на 3-м съезде комсомола. Хотя потихоньку уже начинал дуть ветерок хрущевской оттепели.

В те дни у нас родилась идея (кому первому она пришла в голову, я не помню) написать от имени учеников письмо в ЦК ВЛКСМ с просьбой помочь вернуть нам нашу прежнюю учительницу. Позже выяснилось, что эта идея исходила от нее самой. Теперь-то я понимаю, что негоже было педагогу впутывать в такую историю детей. Она нас просто-напросто подставила. Но тогда благородная идея защиты учительницы, требование вернуть ее в школу на радость ученикам полностью овладела моим сердцем, да и разумом тоже.

У нас дома собрались человека три. Мы довольно быстро написали черновик, я аккуратно (благо у родителей была портативная пишущая машинка) перепечатал письмо в двух экземплярах и отдал своим товарищам. Не знаю, как уж потом так получилось, но факт существования "коллективного письма" (страшный жупел для властей всех уровней в то время), которое еще не было отправлено по адресу, стал известен школьному руководству. И началась "охота на ведьм".

Нас отлавливали по одному, заводили в класс и вели форменный допрос: адреса, пароли, явки, кто зачинщик, кто исполнитель, откуда вообще пошла эта крамола. Показания допрашиваемых поодиночке затем сравнивались в учительской для выяснения общей картины "заговора".

Когда дело дошло до меня, я ничего не стал отрицать и сказал, что и письмо у себя дома печатал и что с "уходом" любившейся нам учительницы не согласен. Чтобы продолжить борьбу за наши требования при явном провале затеи с письмом, я предложил созвать общее классное собрание с участием директора школы — Анастасии Петровны Моисеенко, завуча,

классного руководителя и других учителей, а также наших родителей, на котором заслушать нас, "бунтарей", и спокойно обсудить ситуацию.

Как ни странно, на это предложение пошли. И вот в назначенный день все собрались в нашей классной комнате. Родителей — раз-два и обчелся, но моя мама пришла.

Начал собрание я, изложив наши аргументы в пользу возвращения прежней учительницы литературы. При этом я сослался на печальный опыт самого первого нашего общения с учительницей, которая доконала нас былинами, назвав его "неудачным". Закончив свое выступление, я сел на место, ожидая, что за ним последуют выступления моих товарищей по классу. Но те молчали. Я понял, что поддержки не будет: они испугались.

Пауза затягивалась, и тогда в ход пошла тяжелая артиллерия. Наша директриса обрушила на мою голову гневную филиппику, смысл которой заключался в том, что яйца курицу не учат. Наша классная руководительница назвала мое выступление "наглостью". Я же был спокоен: ведь я не сделал ничего дурного. Я просто высказал свое видение проблемы, отстаивал свою точку зрения. Ну, пусть с ней не согласны школьные власти. Но надо же выслушать другую сторону, во всем разобраться. Мне даже в голову не приходило, что я совершил по тогдашним понятиям самоубийственный поступок.

Единственной, кто встал на мою защиту, была моя мама. Она сказала, что таких слов, как "наглость", у нас в семье отроду не водилось, и уж тем более негоже цеплять такой ярлык человеку, который хотел прилюдно во всем разобраться. После ее выступления собрание как-то само собой прекратилось. К моему удивлению, каких-либо санкций против меня не последовало.

А теперь представьте себе ощущения педагога, только-только приступившего к работе в 175-й школе и неожиданно попавшего в жернова такой ситуации. Она встретила с классом, напоминавшим разворошенный, раздраженный, сверкающий мириадами злых глазок муравейник. Наверное, на наше бунтарское собрание Нина Валентиновна шла, как на Голгофу. А мои слова о нашем "неудачном" опыте с первой учительницей литературы она приняла на свой счет! Я-то имел в виду совсем другого человека.

Господи, ну почему дети становятся толерантными гуманистами, лишь став дедушками и бабушками, какими мы являемся сегодня?! Неужели для этого нужно обязательно переболеть детским несправедливым отношением к людям?

К чести Нины Валентиновны, она стойко снесла незаслуженную обиду. Она нас *поняла*, а позже — *поняла* меня. Дальше сработал ее огромный талант педагога, жизненный опыт преодоления самых тяжких невзгод и вера в себя и в русскую литературу, которая всенепременно сдружит ее с этими колючими "ежиками", поможет и ей и им обрести друг друга.

Вскоре после того злополучного собрания из-за сильнейшего прогрессирующего сколиоза (искривление позвоночника) врачи предписали мне лежать дома на жестком топчане. С руководством школы была достигнута договоренность, что учителя будут ходить ко мне домой, благо школа была рядом. И вот после всего, что произошло, Нине Валентиновне предстояло переступить порог дома ученика, который возглавлял весь этот бунт против нее! Я полагаю, это потребовало от нее изрядной доли мужества и благородства. А я, не без помощи мамы, глубоко осознав свою невольную бесчеловечность, постарался сделать все, чтобы в душе Нины Валентиновны и следа не осталось от этой печальной истории.

Я с огромным удовольствием занимался литературой, чувствуя себя даже в некотором привилегированном положении: в классе Нине Валентиновне приходилось уделять внимание

тридцати ученикам, а дома мы были один на один. Мы с увлечением разбирали произведения русской классики, обсуждали новинки литературы. Интересная деталь: увидев у папы в кабинете собрание сочинений Достоевского, Нина Валентиновна первым делом попросила дать ей почитать "Бесов". Не мы ли ей их напомнили?

Прошли долгих для меня три года лежания дома и я, закованный в корсет, который был ничуть не легче панциря кирасиров, вернулся обратно в свой, уже 10-й "А". Все давным-давно привыкли к манере Нины Валентиновны вести уроки, к ее спокойному, с легким аристократическим грассированием голосу, к ее темам для сочинений, которые заставляли мозги работать, рождали желание выразить свое "я", приучали к творческому мышлению.

Вот где был простор для нашего воображения, когда она давала, например, такие темы: "Взмах руки и...", или "Еще мгновение, и...", "Нигилизм и псевдонигилизм" (это по "Отцам и детям" И.С.Тургенева). У меня сохранилась тетрадь с этим последним сочинением и вердиктом нашей "Нинутинны", как мы ее называли: "Сочинение понравилось своей живой полемичностью с явным заострением на современности, но, как мне кажется, мало глубины как в отношении проблемы давних времен, так и нынешних". Или, к примеру, давалась такая оценка моему "опусу" на тему "Я и все": "Есть факты, нет стержня. Спорно, но интересно". И такие развернутые мини-рецензии получали сочинения многих из нас, если они чем-то "цепляли" нашу учительницу. Высшей наградой для нас было, когда она зачитывала в классе наиболее понравившиеся ей работы и устраивала их обсуждение.

А потом и все "светлые образы" классических героинь и героев стали нами осмысливаться, мы выражали свое отношение к ним, мы до хрипоты спорили на уроках-диспутах. Кто из поколения десятиклассников обычной средней школы той поры может похвастаться аналитическим разбором "Преступления и наказания" Ф.М.Достоевского? А мы можем. При этом учительница предложила прочитать это произведение только тем, кто хотел. Выяснилось, что хотели очень многие. Мы говорили не только о художественных особенностях произведения, но и о нравственных позициях героев, о времени, в котором они жили.

А когда пошла живительная волна "оттепельной литературы" — "Коллеги" и "Звездный билет" Василя Аксенова, "По обе стороны океана" Виктора Некрасова, незабываемые вечера поэзии в Политехническом музее или Дворце спорта, — то в класс впору было вводить нынешний ОМОН — такими ожесточенными были наши литературные дискуссии. Этому в немалой степени способствовали уже упомянутые мною ученики "новой волны", влившиеся в наш класс из другой школы, — большие умницы, любившие литературу.

Я не исключаю, что со мной могут поспорить ученики Нины Валентиновны из других школ, но, поскольку наш класс был последним в ее преподавательской карьере, нам достался весь талант учителя, вся ее душа. На уроках ее глаза сияли. Она чувствовала, что стала любимой, востребованной для доброй половины класса, что она сумела привить нам свою любовь к литературе.

Это благодаря стараниям Нины Валентиновны мы рвались выразить свое собственное мнение — превознести или ниспровергнуть Наташу Ростову, поразиться глубине таланта Льва Толстого или подвергнуть жесточайшей критике его педагогические воззрения. Мы взхлеб цитировали героев Василя Аксенова и разбирали стихи Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского и Беллы Ахмадулиной. При этом Нине Валентиновне удавалось и охладить пыл ниспровергателей, и раскрыть неожиданные способности тихонь. И все это делалось в мягкой, уважительной манере общения с учениками, когда никому от ее слов не было обидно.

А как она преображалась, когда говорила о Пушкине! С той поры "Евгений Онегин" для меня — не просто роман в стихах, а своего рода поэтический справочник по конкретным местам, событиям и людям той эпохи. Вот уж, действительно, "энциклопедия русской жизни". То же и с "Горе от ума" Грибоедова, ставшего у меня настольной книгой. Помню, как восторгалась Нина Валентиновна: "Митя, послушайте, какая дивная метафора в устах Чацкого — "Гильоме, француз *подбитый ветерком!*"

Она была для нас искуснейшим кормчим, который легким прикосновением к штурвалу каравеллы с опьяненной от новых веяний командой сорвиголов задавала верный курс. Она трансформировала наши инстинкты в эмоции, эмоции — в логичные доказательства и умение их выразить. Через любовь к русской литературе она будила еще неокрепшие наши "я", чтобы впоследствии мы ощутили себя *гражданами*.

Не так давно я натолкнулся в газете на дискуссию об основных целях воспитания современных детей. По мнению директора московской гимназии №109 Евгения Ямбурга, важнейшую роль здесь (и я полностью с ним согласен), играет такой школьный предмет, как литература. Дискуссия разгорелась в связи с тем, что за последнее время программа по литературе была сокращена вдвое — с 400 до 200 учебных часов. "Именно столько на этот предмет отводили фашисты в школах для советских детей на оккупированных ими во время войны территориях", — подытожил Е.Ямбург¹. Мороз по коже...

Нина Валентиновна стала нашим большим другом, принимавшим близко к сердцу какие-то наши неприятности, полудетские обиды. Кто-то советовался с ней о выборе будущей профессии и в дальнейшем избирал путь словесника или филолога. Девчонки, как они мне потом рассказывали, доверяли ей даже свои сокровенные "любовные" тайны. А она, понимая, что человека нужно не только подбодрить, если дело касалось неразделенных чувств, но и помочь ему трезво взглянуть на ситуацию, изобрела, на мой взгляд, изумительную по своей точности формулу для подростков — "любить любовь". Многим это помогло.

Годы спустя мы узнали, причем совершенно от других людей, что эта энергия оптимизма, потребность оказать помощь ближнему дала силы нашей учительнице выжить в страшных лагерях сталинского ГУЛАГа. После расстрела мужа она автоматически подпала под статью о "членах семей изменников родины" и была приговорена в 1937 году к пятилетнему сроку заключения в печально известном Акмолинском лагере жен изменников родины (АЛЖИРе). Только из-за войны срок тот растянулся почти на восемь лет...

В 10-м классе вдруг у всех "разъехалась" грамотность: то ли мы слишком увлеклись литературой, то ли вокруг происходило слишком много более интересного, чем какие-то "ЖИ" и "ШИ" пиши через "И" или запятые в сложносочиненных предложениях. Наша учительница пришла в ужас и немедленно приняла меры: мы взвыли от каждодневных диктантов по отрывкам, взятым из Льва Толстого, который, как известно, писал "длинновато". Но цель была достигнута, грамотность выправилась.

В начале сентября 1964 года Нина Валентиновна по семейным обстоятельствам была вынуждена покинуть школу и посвятить себя воспитанию своего внука Марата — "Хвостика", как она любовно его называла. Перед расставанием она предложила нам всем поехать в Мелихово, музей-усадьбу Чехова. Идея была прекрасной, и мы галдящей толпой загрузились в вагон электрички. Как я узнал позже, в свой поход мы отправились семьдесят два года спустя после первого приезда сюда Антона Павлович в 1892 году.

¹ Газета "Московский комсомолец", 25 сентября 2008

Был ясный теплый день. Мы шли опушками леса, любовались его яркими осенними красками, шутили, вспоминали "юные" годы. Прошли, наверное, километров десять, устали, но внимательно слушали экскурсовода, рассказывавшего нам о жизни здесь Антона Павловича. Потом, как водится, сели перекусить на траве, делясь друг с другом своими нехитрыми припасами. Кто-то взял гитару и затянул "туристскую", в нашем понимании, песню (они тогда начинали входить в моду). Как сейчас помню первый куплет:

"С трудами нам дались Валдайские отроги.

Мы так катились вниз, что поломали руки-ноги,

И кое-что еще, и кое-что иное,

О чем не говорят, о чем и петь не стоит".

"Митя, — обратилась ко мне с нескрываемым недоумением Нина Валентиновна, — и *эту пошлость* вы считаете туристской песней?" — "А что, — не очень вдаваясь в смысл слов шлягера парировал я, — бодренькая такая песня, и про Валдай и про туристов". Учительница отошла от меня в задумчивости.

А на следующий день в нашу школу пришел Юлий Ким, ныне известнейший поэт и бард. Оказывается, он был сыном Нины Валентиновны! Вот тогда-то мы и узнали, что такое настоящая авторская "туристская" песня. Как пел, нет, по актерски играл свои песни Юлий! Мы просто видели в нем хулигана с его ехидным "А ты, пионер, не спи, глаз не закрывай. Ты меня воспи-ты-вай!" А с каким задором и совершенно новыми для нас интонациями звучали песни про поиски кита, про кавалергардов, про учителя обществоведения. Сегодня эти песни, ставшие классикой, знает и распевает уже которое поколение вечно юных "фантастиков-романтиков". А тогда для нас это было откровением, и связано оно было тоже с нашей Ниной Валентиновной.

Прошло несколько лет. Я окончил Институт иностранных языков, куда мечтал поступить с шестого класса. Чувство стиля русского языка, его богатство, раскрытое мне моей учительницей, помогало постигать глубины и красоты английского, французского, а затем и чешского языков. Позже, когда я работал в Международном отделе ВЦСПС, написание каких-то важных документов было для меня достаточно посильной задачей: сказывалась "школа" Нины Валентиновны, заставлявшей нас четко и в устном, и в письменном виде формулировать свои мысли.

Мне пришлось много поколесить по свету, выезжая в командировки в различные страны от Кении, до Новой Зеландии. Я повидал массу интересных людей и всегда помнил о своей учительнице, щедро поделившейся со мной своими знаниями и душевной добротой. Все собирался позвонить ей и рассказать, кем я стал, что видел, с кем из нашего класса общался. Но только благими намерениями дорога известна куда вымощена.

Как-то раз я все-таки набрал номер ее телефона и спросил Нину Валентиновну. На другом конце провода возникла пауза. Потом юношеский голос, должно быть, ее внука Марата-"Хвостика", тихо произнес: "А бабушка в прошлом году скончалась..."

Не у-с-п-е-л, а так многое хотелось сказать, поблагодарить за все за все...

Бывая на концертах Юлия Кима, я всегда посылал записочки с просьбой исполнить ту или иную любимую песню и всегда подписывался — "Один из учеников Вашей мамы". Юлий говорил со сцены, что ему особенно приятно исполнять такие просьбы. Но все равно в душе саднило: я не успел...

В 2007 году к 100-летию со дня рождения Нины Валентиновны стараниями ее детей и внука Марата была опубликована книга "О нашей маме Нине Всесвятской, учительнице". Я очень рад, что своими запоздалыми строками признательности, наряду с моими одноклассниками, также принявшими участие в подготовке этой книги, могу воздать должное моей Учительнице за ее великий подвижнический труд.

После ухода из земной жизни люди остаются с нами, потому что живут в нашей памяти. Но и мы не вечны. Поэтому книга о Нине Валентиновне — это навсегда. "Эпилог" к книге написан Маратом. В нем он обращается непосредственно ко мне и моей однокласснице: "Простите меня, бабушкины ученики, Митя Симуков и Наташа Эйдельмант... ведь это из-за меня бабушка ушла из школы". Я ответил Марату, что беру на себя смелость снять с него даже тень такой причинно-следственной связи: Нину Валентиновну позвал Долг. В данном случае он принял образ внука. А она всегда была человеком Долга.

Уроки пения

Пожалуй, самыми любимыми с 1-го по 6-й класс у меня были уроки пения, которые вела Лидия Семеновна Коренцова. Я вкладывал в них всю свою душу, я отдыхал на них от школьного занудства и серой рутины. Пение в школе в те времена было чем-то вроде урока-изгоя: ну разве мог уважавший себя "пацан" из каких-нибудь квартир-коммуналок унижить себя пением?! Оно разве что для девчонок. Жаль, что сбежать нельзя — училка стукнет, так хоть похулиганить и тем самым оторваться по полной...

Они издевались, как могли, над бедной Лидией Семеновной, а я пел. Выходки моих соучеников меня не волновали, противно только было. Боже, сколько насмешек, унижительных реплик, откровенной ненависти и презрения я вызывал у них за свое пение! А я пел. Жаль только, что в то время, когда у меня ломался голос, и учительнице следовало бы попридержать меня, чтобы я не перенапрягал связки, она, радуясь, что хоть один парень любит ее уроки, всячески поощряла мое рвение.

Мы пели разные песни: и революционные, и военного времени, и лирические. Примета времени: мы разучивали на два голоса знаменитый тогда "Марш бригад коммунистического труда" — "Сегодня мы не на параде, // Мы к коммунизму на пути..." Забавным уныло-резонерским рефреном этому маршу выступала лирическая песня "Геологи": "А путь и далек и долог, // И нельзя повернуть назад..."

Я до сих пор запросто могу вести второй голос того "Марша", настолько он въелся в память, хотя бесславный путь в коммунизм давным-давно окончился.

Вообще марши и маршевые песни были всегда в чести в нашем тоталитарном обществе, особенно в школе. Считалось, что молодое поколение должно с радостным оптимизмом маршировать под них в направлении "светлого будущего". Справедливости ради надо сказать, что среди таких бодрых "пионерских" песен встречались и настоящие шедевры мелодизма, к примеру "По улице шагает веселое звено..." или "У дороги чибис".

С этими песнями, кстати, связан забавный эпизод, о котором мне поведала моя бывшая соученица из параллельного 4 "В" класса. Однажды дверь актового зала, в котором проходили уроки пения, отворилась, и в ней появилась Анастасия Петровна во главе небольшой группы людей. Класс встал, приветствуя директора школы и ее гостей. Оказалось, это была делегация учителей из Англии. После того, как они прослушали несколько песен в исполнении "вешек", одна из англичанок поинтересовалась через переводчицу, почему дети поют военные марши, ведь война давно закончилась. Такими, вот, слышались ей наши "веселые звенья" и "чибисы".

Бравурные пионерские песни неожиданно сменились "иностранными" — сербскими и хорватскими, очень мелодичными, приятными на слух. Такой репертуарный поворот, как я теперь понимаю, объяснялся просто. В середине 50-х годов только-только начали восстанавливаться отношения с Югославией, прерванные Сталиным. Я и сегодня помню подписи под страшными политическими карикатурами сталинских времен художника Бориса Ефимова в журнале "Крокодил": "Фашистский наймит Тито" или "Кровавая собака Ранкович" (обязательно с огромным топором в волосатых руках, с которого капает кровь).

И вот, видимо, на высоком уровне была дана отмашка школам — петь югославские песни. Одну такую — "Кукушка" — и стала разучивать с нами учительница. Один куплет в той песне заканчивался словами с характерным синкопирующим ритмом: "... а о чем поется, то кукушка знает". Далее следовал припев: "Ку-ку, ку-ку, а-а-а, а-а-а, о дири-ди, о дири-ди-ди-ди, о дири-ди-ди нау-ха!" Смысл этих "диридь" и "наух" мы не понимали.

Вот это самое "ку-ку" в припеве учительница поручила петь мне как солисту, желая как-то разнообразить музыкальный рисунок песни. Какую же новую пищу для издевок дало мальчишкам из класса это мое "ку-ку"! Какими же дикими "ку-ку" они меня преследовали буквально на каждом шагу! Только не на того напали: я совершенно не обращал внимания на их беснования.

Если не ошибаюсь, то где-то в 1958 году о нашей школе даже снимался телерепортаж, и наш сводный хор участвовал в съемках. Помнится, привезли нас целый автобус еще в старую телестудию на Шаболовку, поставили под нестерпимо палящие софиты "лесенкой", и мы что-то пели в этой одуряющей духоте.

Однажды Лидия Семеновна подошла ко мне и сказала: "А сегодня мы будем разучивать песню из кинофильма твоего папы!" И мы запели "Пока я ходить умею..." Фильм по папиному сценарию "По ту сторону" только-только вышел на экраны (1958), а "Песня о тревожной молодости", специально написанная для него композитором Александрой Пахмутовой на стихи Николая Добронравова, уже начала свое триумфальное шествие по всей стране. Не скрою, мне это было очень приятно.

Английский язык моей Светланы

С 5-го класса, то есть с сентября 1958 года нам стали преподавать английский язык. Вести его начала Елена Михайловна Булганина, жена маршала и Председателя Совета Министров СССР в 1955-58 гг. Но вскоре она ушла на пенсию. На ее место пришла молоденькая выпускница педагогического института, дочь секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР в 40-е годы П.В.Бахмурова, которая в свое время окончила нашу школу и сама училась у Елены Михайловны. Эту двадцатичетырехлетнюю учительницу звали Светлана Петровна, и ее сразу сделали нашим классным руководителем. Она тут же организовала кружок английского языка, и я стал одним из активнейших его участников. Новая учительница увлекла меня своим энтузиазмом педагога, который стремится так подать ученикам свой предмет, что те начинают верить, что без него действительно нельзя обойтись в жизни.

Благодаря увлеченности Светланы Петровны английский язык стал для меня той высшей планкой, которую мечтают взять спортсмены. Кроме того, осваивать язык без особых трудностей мне помогли занятия в детстве немецким с бабушкой и уроки музыки.

Был, правда, и еще один немаловажный фактор, приохотивший меня к английскому. Моя соседка по парте Наташа, та самая, занималась английским дома с педагогом. И она тоже стала заниматься в кружке у Светланы Петровны. Я понял, что должен соответствовать уровню своей

Беатриче. В результате, в 6-м классе, когда мне было тринадцать лет, я принял самостоятельное решение: буду поступать в Иняз — и только. Я бредил Великобританией. Друзья по даче даже дразнили меня "англоманом". Я лишь снисходительно улыбался в ответ.

Однажды я попросил маму (сам не смел и думать об этом) поговорить со Светланой Петровной, чтобы она в частном порядке стала дополнительно заниматься со мной языком. Учительница согласилась, и наши занятия пошли столь интенсивно, что я вспоминаю о них с восхищением до сих пор. Мы занимались два раза в неделю, и не по часу, а по три — четыре, причем Светлана Петровна настояла, что будет брать плату за все это время, как за один час. Для нее, как я понимаю, гораздо важнее было видеть, как ее ученик жадно впитывает все, что знает его учитель.

Мы ходили в кинотеатр "Метрополь", где тогда крутили не дублированные фильмы. Я, наверное, раз сорок посмотрел "Римские каникулы" с божественными Одри Хепберн и Грегори Пеком. При этом, держа на коленях блокнот и карандаш, я должен был успеть записать в темноте хоть половину какой-нибудь услышанной и понятой мною фразы, или хоть одно слово. Дома все это потом расшифровывалось, и мы обсуждали фильм.

В те годы стала развиваться система школьных олимпиад по различным предметам. Мы со Светланой Петровной тщательно готовились к олимпиадам по английскому языку. Я всегда в них участвовал — и в школьных, и в районных, и в городских, даже завоевал первое место по Москве, что пригодилось позже при поступлении в мой вождеденный Иняз.

Со временем мы настолько сдружились, что между нами исчезла грань "учитель — ученик", и по ее просьбе я начал обращаться к своей учительнице по имени. Вскоре Светлана, после замужества ставшая Болмасовой, уехала с мужем-военным в ГДР. Спустя несколько лет после возвращения в Москву она перешла работать в другую школу, но мы с ней не теряли друг друга из вида — регулярно перезванивались, рассказывали о своей жизни. А как я обрадовался и переживал, когда Света решилась на настоящий подвиг — родить ребенка, хотя из-за тяжелейшего врожденного порока сердца ей это было категорически запрещено врачами. К счастью, все обошлось благополучно: благодаря огромным усилиям профессоров на свет появился маленький Саша. Но застарелая болезнь все же сделала свое дело: в декабре 1997 года Светы не стало.

Я храню самые теплые воспоминания о Светочке, моем большом друге, которая помогла мне, еще мальчишке, выбрать мою будущую профессию.

"Химия и жизнь"

Рассказывая о педагогах нашей школы, я хотел бы выразить благодарность и нашей учительнице химии Марии Николаевне Коробковой. Интересное совпадение: она, молодой преподаватель, после окончания института пришла в нашу школу в 1954 году, а я пришел в эту же школу и в том же году, но только учеником 1-го класса.

В седьмом классе, когда у нас началась химия, я, заядлый гуманитарий, испытывал естественный страх перед этим предметом: еще одна "точная" наука. (До сих пор я слабо представляю, из чего состоит пламя; впрочем, природа электричества мне тоже не ясна). Но педагогическое чутье Марии Николаевны подсказало ей, что этот ученик (то есть я) предназначен для чего-то другого, что нельзя его ломать, заставляя любить свой предмет, и отнеслась ко мне со всей снисходительностью мудрого педагога.

Как и другие учителя, когда из-за болезни я не ходил в школу, она приходила ко мне домой раз в неделю утром, когда у нее было "окно" в школьном расписании. Я всегда из кожи вон лез,

чтобы показать учительнице, что я искренне хочу понять, как происходят всякие химические реакции, только вот у меня это не очень получается...

Однажды со мной случился казус: накануне вечером я допоздна зачитался какой-то повестью Стругацких и проспал звонок будильника, поставленный на полвосьмого, чтобы успеть подготовиться к приходу Марии Николаевны. Однако "будильником" для меня стала она сама, позвонив в дверь. В ужасе я стал взывать к папе, чтобы он на несколько минут занял мою учительницу каким-нибудь разговором. В то же время я, как солдат по тревоге, в молниеносном темпе натягивал на себя одежду.

Папа выполнил свою миссию блестяще. Открыв входную дверь, он извинился за "техническую задержку". Далее, пригласив учительницу в другую комнату, он издали завел разговор об увлечении сына литературой, причем до такой степени, что это, порой, вызывает сбой в режиме дня ребенка, как, например, сегодня. Через пять минут я уже вполне бодро отвечал учительнице что-то про таблицу Менделеева.

Удивляюсь себе: в каком-то разговоре Мария Николаевна вскользь обронила слово-"монстр" — дихлордифенилтрихлорметилметан, в просторечье ДДТ, — порошок от всяких насекомых-вредителей. Так я это чудовищное слово запомнил на всю жизнь. Вот к каким забавным результатам приводит иногда тщетное сверхусердие!

Когда без малого полвека спустя после наших занятий я поздравлял Марию Николаевну с 75-летием, я преподнес ей "педагогический" подарок. Я сказал, что те основы знаний в области химии, которые ей все же удалось вложить в мою голову, помогали мне при переводах на русский язык разных текстов, связанных, в том числе, и с химией. Во всяком случае, ученые мужи, которые их потом читали, ни разу не обвинили меня в вопиющей химической безграмотности!

Потомок наполеоновских гренадеров

В 10-м классе я почувствовал, что окончательно заваливаю геометрию и стереометрию. Ну, не шли у меня эти предметы, хоть я и учил старательно все правила и теоремы. Учил, но не понимал. Пришлось маме обратиться к репетитору. Звали его Александр Владимирович Венсан и жил он в соседнем с нами переулке, что было очень удобно.

Придя к нему впервые, я увидел худощавого, весьма пожилого человека, который тут же проникся участием к моей незавидной "математической" судьбе. Жена Александра Владимировича, очень милая женщина, чтобы не мешать нам, куда-то удалилась из комнаты, наверно, к соседям, потому что Венсаны занимали одну комнату в коммунальной квартире.

Все обиталище Александра Владимировича было заставлено множеством небольших статуэток, книгами, какими-то толстыми папками, а на стене висела резко контрастирующая с убранством комнаты пневматическая винтовка.

Мы начали занятие. Александр Владимирович достал большие, размером с альбом, пухлые клеенчатые тетради, и показал их мне. Все они были исписаны его каллиграфическим почерком математическими и алгебраическими формулами, а геометрические и стереометрические фигуры любовно вычерчены разноцветными карандашами. Я увидел в этих тетрадях не только педантичное стремление к порядку и четкости, но, скорее, отношение к этим предметам, как к искусству. В хитросплетениях цветных линий в сложных фигурах глаз немедленно выхватывал биссектрисы, высоты, хорды. Увидев, что я не могу оторвать глаз от этой красоты, Александр Владимирович заверил, что с моей проблемой мы вдвоем быстро справимся, чем с первого же дня знакомства внушил мне веру в собственные силы. И вдруг эти изумительные пространственные построения как-то сами собой "въехали" в мою голову, стали

понятными. Неплохой метод преподавания точных дисциплин: понимание через красоту геометрических линий! При этом Александр Владимирович очень ясно и доходчиво мне все объяснял, и я все *понимал*. Дошло до того, что спустя год в свой день рождения, когда мы писали в классе городскую контрольную по стереометрии, я получил за нее "пятерку"!

Прозанимались мы с А.В. около года. Однажды я поинтересовался происхождением его фамилии — Венсан: уж не потомок ли он наполеоновских гренадеров? Оказалось, я угадал. Предок Александра Владимировича, придя в Россию с войной, навсегда остался здесь с миром, встретив свою любовь.

В другой раз я спросил у Александра Владимировича, почему у него на стене висит пневматическая винтовка. Обычно это атрибут более юных поколений. "Она осталась от моего единственного сына Саши, который погиб на войне, — с грустью ответил А.В. — В девятнадцать лет он закончил 2-ю специальную артиллерийскую школу в Ленинско-Кузнецке Кемеровской области и училище, в котором многие годы я сам преподавал. В мае сорок третьего Саша отбыл на фронт, но воевать ему пришлось совсем недолго. В сентябре он погиб". В тот момент я проникся к Александру Владимировичу огромным сочувствием и состраданием.

Спустя какое-то время после окончания наших занятий я шел осенним днем по своему Воротниковскому переулку и встретил Александра Владимировича, медленно бредущего мимо нашего дома. Он выглядел каким-то потерянным. Я поприветствовал своего учителя и спросил, не случилось ли чего, а в ответ услышал, что недавно скончалась его жена. Полное одиночество...

Накануне Нового года моя мама попросила меня зайти к Венсану и отнести ему эклеры, которые она только что испекла. "Может быть, они немного скрасят праздник одинокому человеку, да и внимание ему будет приятно" — сказала мама.

Я позвонил в старенькую дверь квартиры Венсана. К удивлению он выглядел весьма бодро: тот же блеск в глазах, и вид ухоженного, "обустроенного" человека. Я вручил мамин дар с кучей приветов, и тут А.В. сказал, что он недавно женился. Да-да, на матери одного из своих бывших учеников. Я был искренне рад такому повороту в его судьбе.

Так получилось, что мы больше не поддерживали отношений. Только спустя несколько лет в журнале "Юность" я вдруг натолкнулся на знакомую фамилию Венсан. Это была подборка писем с фронта от его сына, которую Александр Владимирович, вероятно, передал в редакцию. Удивительные были письма! Умные, добрые, с верой в будущее. Письма мальчика из настоящей интеллигентной семьи, который пошел на фронт защищать свою страну.

Вот и вся история еще про одного моего учителя. С "венсановской" поры у меня осталась привычка на лекциях, семинарах, или на каких-нибудь скучных мероприятиях чертить в блокноте различные стереометрические фигуры — усеченные пирамиды, пересекающиеся плоскости и т. п. Рука при этом движется абсолютно автоматически, а фигуры выстраиваются по всем стереометрическим законам. Это, наверное, своеобразная дань памяти прекрасному человеку и педагогу Александру Владимировичу Венсану.

И вот уже после выхода в свет моей книги узнаю от своей еще детской подружки Наташи Гольберг, что Венсан преподавал математику у нее в школе, что я совершенно точно передал еще образ, обстановку той квартиры, в которой он жил и в которой бывала Наташа.

Звук был для меня Богом, а Иняз — Целью

Как я теперь понимаю, мой путь в Иняз был довольно длинным. Я недаром упоминал о своем хорошем музыкальном слухе с детства, занятиях музыкой в школе им.Гнесиных: А лет с

пяти я занимался с бабушкой немецким языком: для нее он был практически родным. Она также знала французский и немного английский языки.

Несмотря на убогие пособия для чтения (например, приходилось читать на немецком о советских летчицах Гризодубовой и Осипенко и их перелете на Дальний Восток), с бабушкиной помощью я по-немецки заговорил. Любви, правда, к этому языку я не испытывал: основной "курс" обучения приходился на лето, когда мы с бабушкой жили на снимаемой даче в Мичуринце, да еще нам задавали в школе огромные задания на лето (чтоб не забыли), и весь август уходил на эти занятия.

Однако и мои занятия музыкой, и немецкий язык с бабушкой и потом английский в школе имели в своей основе единый знаменатель звук. Я его обожал. Я учился им пользоваться, моделировать и модулировать его, работать с ним. И поэтому в институте все интонации и фонетические премудрости не составляли для меня особого труда. Я ведь был и остаюсь в душе фонетистом: для меня важнее всего, как это ни смешно или даже противоестественно ни выглядит, *как человек звучит*, а не *что он говорит*. Для меня форма одно время превалировала над содержанием даже вопреки здравому смыслу. Кстати, мне всегда было трудновато разбирать слова песен на английском мешала моя направленность на "как", а не на "о чем".

В глубине души я даже мистически верю в Звук, который, если найти точные его составляющие или особое сочетание звуков, произведет прямое физическое действие: например, откроет сокровища, потайные пещеры, раздвинет горы. Недаром в сказках различных народов мира есть заклинания, "волшебные" слова, то есть особая последовательность звуков — знаменитые "Сезам, откройся!" из "1001 ночи", или "Мутабор!" из "Халифа-аиста" В.Гауфа. А какая музыкальность, подобно мурлыканью кошки, заключена в "Снип-снэп-снурре, пурре-базелюре" у Андерсена!

Со стороны может показаться и смешным, но я свою дочь Любу научил в детстве гауфовскому заклинанию "Мутабор!" а вдруг пригодится? Она тогда с удовольствием поддержала игру и, к моему удивлению, помнит это заклинание до сих пор. Пока, правда, не пригодилось...

Одним из сильных аргументов в поддержку такому моему отношению к звуку является самая первая строка Евангелия от Иоанна: "Вначале было Слово...", то есть первоначальное сочетание звуков, содержавшее определенный смысл.

Впрочем, моей вере есть и чисто физиологическое подтверждение: звук медики считают *сильнейшим* раздражителем центральной нервной системы человека. И это я могу подтвердить на личном опыте, правда, со слов мамы. Она мне рассказывала, что, когда мне было два месяца от роду, она несколько раз проделывала такой эксперимент — очень "жалостливым" голосом произносила кошачье "мя-я-у". И я сразу же морщился и начинал плакать.

Позже в музыкальной школе мне даже исключили из программы белорусскую песню "Перепёлочка": там такой был надрывно-грустный минор, что я мгновенно заливался слезами и не мог больше играть. Да и сейчас глаза предательски влажнеют, когда я слышу эту мелодию. Очень эмоциональным оказался я ребенком...

Сегодня, кажется, моя вера в сочетание звуков обретает свое физическое воплощение в реальной жизни: электронные устройства реагируют на произносимые человеком кодовые слова и совершают различные действия, в том числе, открывают или закрывают двери и делают многое другое.

Кстати, фонетика, то есть наука о звуках и о том, как их произносить, могла в стародавние времена спасти человеку жизнь. В Ветхом Завете¹ я нашел такое свидетельство:

"И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: "позвольте мне переправиться", то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет.

Они говорили ему "скажи: шибболет", а он говорил: "сибболет", и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закопали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи"².

Или еще пример. Во время войны немцы создавали группы диверсантов из своих соотечественников, какое-то время живших в США, или достаточно хорошо знавших "американский" язык. Так ребята из контрразведки кололи таких "джерри" (штатский аналог нашим "фрицам") как орехи, предлагая им всего лишь произнести одно слово "wreath", что в переводе означает "венки". Фишка тут в том, что первая буква вообще не произносится, все начинается с раскатистого "р", далее две гласные звучат как протяжное "и", а на последнем буквосочетании кончик языка нужно просунуть меж передними зубами и так попытаться произвести жужжание, словно пчела. Попробуй тут, произнеси...

Поучительная история для тех, кто сегодня считает овладение правильным произношением при изучении иностранного языка не столь уж важным.

Со звуками вообще происходят истории, которые раньше и в голову не пришли бы. Сегодня, в эпоху компьютеризации, когда ваше домашнее "железо" при помощи "софта" зорко следит не только за вашими орфографическими ошибками, но и за вашим стилем, случаются забавные вещи. Так, например, в каком-то предложении в этой своей книге я написал: "СССР станет...", так компьютер мне эти слова тут же подчеркнул зеленой волнистой чертой, выражая тем самым свое неудовольствие моим стилем, и посоветовал; "Слишком много идущих подряд согласных на стыке слов. Попробуйте построить фразу иначе". Это для него СССР — "много идущих подряд согласных"! А "иначе" построить все же пришлось в 1991 году, только не фразу, а уж всю систему сразу.

Папа уже после моего поступления в Иняз с некоторым недоверием отнесся к моему увлечению звуком. Оказалось, что для него, литературного крестника "Буревестника революции" Алексея Максимовича Горького и бывшего студента, сбежавшего с третьего курса Литинститута именно из-за того, что понять, что же представляет собой таинственная "фонема", было свыше его сил, мои разглагольствования на фонетические темы казались папе лежащими "по ту сторону добра и зла".

Жаль, что папа так воспринял одну из областей моей любимой лингвистики. А ведь это же увлекательнейшая наука, в которой есть место и юмору, что видно из одного "научного эссе" в сборнике "Лингвисты шутят":

Популярная лингвистика³

(основные понятия современного языкознания)

Дистрибуция — совокупность окружений. Бывает двух видов — мужская и женская. Ср.: "У нее такая дистрибуция, что позавидуешь!" (из беседы двух женщин о подруге); "Ну и

¹ Книга Судей, 12: 5-6

² Сайт: <http://hram-sam.ru/content/view/321/63/>

³ И.А.Стернин. Лингвисты шутят. Сост. А.К.Киклевич. М., Флинта, Наука, 2009, с.84-86

дистрибуция у тебя, брат!" (из мужского разговора). В редких случаях дистрибуция может быть комплексной. Женщины обычно предпочитают мужскую дистрибуцию, мужчины любят женскую. См. также "валентность". Одновалентность человека — явление редкое, обычно все предпочитают широкую валентность, особенно к 40–45 годам.

Валентность — свойство присоединять к себе то, чего у тебя нет, но очень хочется. Бывает правая, левая, двусторонняя. Наиболее ценится последняя.

Переходность — свойство чувствовать себя неуютно без добавки. Характерна для глаголов, собутыльников и рабочих, работающих по аккордно-премиальной системе.

Глубинная структура — что-либо, скрытое внутри чего-либо, очень интересное для некоторых. Существует сокращение: "Г-структура", — применять которое не рекомендуется, так как это вызывает ликование в стане противников структурных методов. Не следует углубляться в глубинные структуры, потому что никогда не известно, что может при этом всплыть.

Род — различие по чисто случайным, внешним признакам. Напрасно некоторые придают этому различию большое значение. К примеру, в традиционной лингвистике мужчины и женщины относятся к разным родам, хотя в нашей стране все равны. Род, таким образом, это чисто научная категория.

Фразеологизм — тесное взаимодействие между двумя объектами, в результате которого один из них изменяется до неузнаваемости (ср.: *было яблочко — остался огрызок*).

Совместная встречаемость — свойство двух единиц быть замеченными посторонними единицами в одинаковом положении. Высокая совместная встречаемость часто приводит к важным результатам — фразеологизации, браку и т.д. См. также "порождение".

Порождение — типичный результат совместной встречаемости.

Система — внешняя оболочка любого хаоса. Ср.: "У нас система такая!" (из выступления слесаря домоуправления). Все объекты хаотичны, следовательно, они системны.

Синтагматический ряд — то же, что и живая очередь.

Парадигматический ряд — то же, что и "блат". Общеизвестно, что в любом синтагматическом ряду место человека всецело определяется его положением в парадигматическом ряду.

Синхрония — жизнь в ее многообразии.

Диахрония — то, что было и больше не будет. Ср.: "Ушел в диахронию".

А та самая злосчастная фонема, по определению уже настоящего словаря лингвистических терминов, это: "1. Кратчайшая (минимальная) единица системы звукового выражения языка, представляющая собой определенную совокупность одновременно реализующихся дифференциальных признаков и способная различать звуковые оболочки (звуковую сторону, звучание) разных слов и морфем. 2. Класс фонетически подобных звуков (алофонов), способных к взаимному противопоставлению и выбираемых согласно определенным правилам дистрибуции. 3. В психофонетической трактовке представление звука речи в качестве психического эквивалента реально произносимых звуков. 4. Абстракция второй степени, представляющая собой отвлечение от всех позиционных вариантов и индивидуальных особенностей произнесения данного звука"¹. Только и всего!..

¹ О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. "Советская энциклопедия", М., 1966.

Со временем я все же обратил большее внимание на содержание "звуковой формы", поняв, что людям необходимо слышать слова, если я хочу убедить их в чем-то. Примером этому стал следующий случай, произошедший со мной, когда я учился еще в 4-м классе.

С друзьями по двору я пошел на детский сеанс в кинотеатр "Центральный", что был на Пушкинской площади (теперь на этом месте стеклянные пирамиды ресторана "Ёлки-палки"). Фильм был про революцию, там красные неслись во весь опор на белых. Ну, естественно, у всех у нас были пистонные пистолеты, и мои приятели, вошедшие в раж, выхватили их из карманов и стали самозабвенно палить, целясь в экран. Я в этом действе не участвовал, справедливо полагая, что администрация кинотеатра этого не поймет. (Позже я увидел этот же сюжет у Виктора Драгунского про приключения его Дениски, кстати моего однокашника, только помладше).

Когда фильм закончился, к нам быстрыми шагами направилась сурового вида билетерша и кто-то еще из мрачных зрителей. С криками — "Вот они, хулиганы! В милицию их!" — нас потащили на улицу. Мои приятели, обладая несомненным преимуществом — быстрыми ногами — вырвались из лап разгневанной общественности, а я остался наедине с нашими преследователями.

Ситуация, в которой я оказался, была мерзкой. Мало того, что меня схватили на месте "несовершенного преступления" и обвинили в том, чего я лично не делал (пойди, докажи им!). Хуже всего было то, что случилось все это 30 сентября, в день маминых именин — Вера, Надежда, Любовь, а тут такой подарок — привод в милицию...

Борцы за общественный порядок тем временем уже извлекли из кармана моего пальтишка пистонный пистолет. И тогда я понял, что единственным моим спасением будет СЛОВО. Сперва я спокойно заявил, что из пистолета этого я не стрелял, что он просто был у меня в кармане. После этого я заметил, что в милицию нужно водить не детей, а тех, кто производит игрушечное оружие, провоцируя тем самым маленьких зрителей реагировать на захватывающий сюжет фильма. И потом те, кто действительно стрелял, они же хотели помочь *"нашим"*! (тогда это слово произносилось еще без иронической усмешки).

Руки моих "судей" разжались, они с удивлением посмотрели на меня и как-то растерянно сказали: "Ну, иди..."

Тот случай стал для меня большим уроком: я понял, что СЛОВО это аргумент, оружие, защита. Ну и что из того, что бегать не могу...

В юности мне пришлось еще раз прибегнуть к ораторскому искусству с весьма прозаической целью — чтобы меня не побили. Но об этом позже.

Когда я решил в 6-м классе поступать в Ин'яз, то все помыслы и действия были направлены только на достижения этой цели. Про олимпиады по английскому языку я уже писал

В 7-м классе я увлекся Оскаром Уайльдом. Выбор мой был не случаен: папа читал мне в детстве его "Кентервильское привидение". Писатель еще тогда покорила меня своею афористичностью и утонченностью языка. Откровением стало то, что и в оригинале он звучал просто и гениально.

Уайльд представлялся мне человеком далекой Викторианской эпохи, неким экспонатом из литературного музея, разместившим в его изящных витринах драгоценную коллекцию из своих литературных произведений. Уже будучи взрослым, я с удивлением узнал, что его тюремное заключение было связано с "нетрадиционной" ориентацией, достаточно открыто им демонстрируемой. В отличие от нашего времени, викторианскому обществу такая открытость

категорически не понравилась, что окончилось для Уайльда тюремным заключением. Но его человеческая трагедия породила "Балладу Редингской тюрьмы".

Ефим Яковлевич Дорош, писатель, папин и мамин друг, я для меня — просто дядя Фима, резонерски заметил, узнав о моем пристрастии к Уайльду: "Нет того, чтобы в наши времена сыну подсовывать "Как закалялась сталь" так его на Уайльда нацеливают!"

О "Стали", которую мы "проходили" в школе, речь пойдет несколько позже, поскольку она сыграла в моей жизни важную роль.

Ощущение принадлежности Уайльда к давным-давно прошедшему времени так бы и не покидало меня, но к своему огромному удивлению года два назад я прочел в газете: "В российскую столицу прибыл внук Оскара Уайльда — Мерлин Холланд"¹. Есть от чего прийти в изумление: то, что казалось принадлежащем "тьме веков", врывается сегодня в мою жизнь, я читаю интервью с внуком любимого писателя! Для меня оно звучит как диалог с каким-нибудь моим сверстником, который говорит: "А знаешь, мой дед..." Вот еще одно доказательство моего любимого тезиса: зачастую История находится от нас на расстоянии одного рукопожатия. Только нужно немного терпения и прозорливости, чтобы это понять и уловить момент ее проявления. Опять, получается, что писатель Джек Финней, о котором я говорил в самом начале своей книги, прав: миллиардами информационных и артефактных ниточек мы связаны не только с настоящим, но и с прошлым.

Уезжая с мужем в Германию, Светлана, моя школьная учительница английского, передала меня "по наследству" Лену Уинкотту, настоящему англичанину, который вел у нее занятия на курсах повышения квалификации.

С самой первой нашей встречи я был несколько обескуражен: Лен дал мне какой-то детектив, и сказал, чтобы я прочел его к следующему занятию. Но я привык к абсолютно другой методике изучения языка, и поэтому просто чтение мне показалось скучным, а уж обсуждение сюжета и вовсе неинтересным. Видимо, я жаждал системности, грамматических и стилистических разборов, умения легко управляться с глагольными временами.

Сам Лен Уинкотт был мужик уже в годах, жена его была русской. После нескольких занятий я, под предлогом дальних поездок к нему и отсутствия времени, отказался продолжать их. Лен выглядел очень расстроенным, но что я мог поделать? Мне нужно было доискиваться до сути языка, а это требовало работы с хорошим методистом. Только спустя много лет я понял, что через чтение, и именно детективов, язык хорошо усваивается. Но на такой вид работы я смотрел исключительно как на дополнительный.

Несколько позже я выяснил любопытные детали о Лене Уинкотте. Оказалось, что многие дети из писательских семей, проживавших на Аэропорте, с которыми я дружил по дачной компании, занимались с ним языком. Вероятно, он был одним из весьма редких в Москве "носителей языка", на которого все кидались. Во-вторых, я вдруг обнаружил в старых номерах журнала "Пионер" за 50-е годы несколько небольших рассказов за подписью "Л. Уинкотт". Все они были посвящены британскому флоту, революционным настроениям матросов, борьбе за мир.

Мой приятель, который тоже брал у Лена несколько уроков английского, рассказал мне, что в 20-е годы тот был канониром на крейсере "Норфолк", поднимал восстание, был приговорен к смертной казни Георгом VI, очутился (естественно!) в СССР, женился, пописывал

¹Газета "Московский комсомолец", 26 мая 2006 г.

идеологические рассказы и занимался преподаванием. Позже до меня дошли слухи, что Лен Уинкотт, получив прощение от Елизаветы II, уехал обратно в Англию.

После него мне нашли новую преподавательницу. Произношение у нее было не очень хорошим, но она подарила мне желанное систему. До сих пор помню занятия, где мы разбирали тексты о художниках, о Ван Гогге и многое другое, что помимо прочего здорово расширяло мой кругозор. Родители робко пытались объяснить, что язык нужен в качестве "прилагательного к чему-то", к основной профессии, но я, как зашоренная лошадь, шел напролом и твердил, что буду поступать только в Иняз.

15 апреля 1965 года я впервые переступил порог своей будущей "Alma mater", придя на день "Открытых дверей". Нас, еще желторотых школьников (хоть мы и заканчивали 11-й класс, и было мне тогда без двух месяцев девятнадцать лет) встретили деканы, рассказавшие о своих факультетах. Я узнал, что в Инязе два основных факультета — один переводческий (группы с разными языками) и три педагогических — английский, французский и немецкий. "Английский" и переводческий факультеты размещались в основном здании института на Метростроевской, 38, а "французы" и "немцы" занимались в учебном здании в Ростокино. В нем до начала войны располагался легендарный Московский институт истории, философии и литературы — ИФЛИ, в 30-е годы лучший гуманитарный вуз в стране.

Вообще-то я намеревался поступать на переводческий, но тут выяснилось, что туда берут только военнопригодных Рэмбо, что для меня означало полный облом. И тогда я сразу же переключил внимание на английский педагогический факультет, тем более, что "капустник", показанный его студентами-младшекурсниками (какими же небожителями они казались тогда, мне, еще школьнику!), меня невероятно рассмешил. Очень понравился и хор, исполнивший несколько американских песен. Это, пожалуй, стало самым веским аргументом, примирившим меня с английским факультетом: здесь будет интересно не только учиться.

Тогда же в руки мне попал и специальный выпуск многотиражки "Советский студент" №13 (605), 16-й год издания, с приглашением "Добро пожаловать!" Это был "печатный орган парткома, комитета ВЛКСМ, месткома, профкома и ректората 1-го Московского Государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза".

На первой полосе газеты было фото нашего исторического здания, еще запорошенного снежком, и рисунок улыбающегося доброго молодца, как хлеб-соль преподносящего огромный каравай, состоявший из аппетитных кусков с "языками": английский, португальский, шведский, арабский, итальянский, немецкий, испанский. Далее следовали информационные материалы по каждому факультету и история присвоения институту имени Мориса Тореза, генерального секретаря коммунистической партии Франции.

Времени до подачи заявления о приеме оставалось мало. И все силы я бросил на накачивание себя знаниями.

Папа тогда же осуществил свою давнишнюю мечту: он заставил меня без запинки, как таблицу умножения, выучить все генеалогическое древо Дома Романовых. Я мог без запинки сказать, хоть ночью меня разбуди, какой царь или император шел за каким, кто кому каким родственником приходился. И на его вопрос навскидку: "Анна Иоановна?" — следовал мой мгновенный ответ: "Племянница Петра Первого, дочь его болезного брата Ивана". А уж исторические факты как бы сами собой нанизывались на этот генеалогический стержень. Папе

я несказанно благодарен и по сей день: хоть память уже иногда и подводит меня в отношении имен и дат, но четкая система "кто-когда-за-кем" сохранилась в ней навсегда.

Я "зубрил" и вдоль и поперек крестьянскую реформу 1861 года. И сейчас довольно легко в самых общих чертах я могу вывести из нее что угодно: современную экономику России, развитие революционной борьбы, зарождение пролетариата, реформу Столыпина и т.д. Считаю ту реформу Александра II основополагающей для всей российской истории. Похоже, правда, что ее вновь надо проводить, и притом с самого начала.

С известной дрожью в коленках я отнес документы в приемную комиссию института: аттестат, медицинскую справку о своем здоровье, заявление, еще что-то. Потом состоялось собеседование. Проводили его молодой человек и еще одна девушка, по виду — старшекурсники.

Разговор начался для меня неудачно. На вопрос, почему я поступаю на педагогический, я бесхитростно ответил, что вообще-то хотел на переводческий, но там меня забраковали по медицинской части. Тут юноша важно заявил, что, если я успешно поступлю, то мне придется работать потом педагогом в школе. Я тут же согласился ведь время моего гипотетического окончания института было еще так далеко и, потом, оно зависело от гипотетического же поступления в него!

Потом уже разговор (на английском) о чем-то завертелся, а я как раз накануне смотрел какой-то фильм на Московском кинофестивале и поделился своими впечатлениями с моими интервьюерами. Они что-то черкали у себя в блокнотиках. Вскоре собеседование закончилось, и я отправился домой.

Когда я уже стал полноправным студентом, я спросил того старшекурсника, а что он черкнул у себя в блокноте по итогам собеседования? — "Достаточно свободное владение абитуриентом языком для содержательной беседы" — сказал он. Я воссиял.

Занимался я как зверь, строча также тренировочные сочинения на натасканные темы, замучивая себя заучиванием правил пунктуации и иной мерзости. Мама с папой и племянником Алешей жили в то время на даче, и я был в квартире абсолютно один. Из скрашивающих мою несчастную жизнь абитуриента было только огромное блюдо с гренками с сыром (кусоч мягчайшего белого хлеба, намазанный маслом, посыпанный тертым сыром и запеченный в духовке), которые приготовила мне мама.

Однажды вечером в дверь позвонили. Это ко мне решили зайти друзья по нашей дачной компании в Пахре. А у меня счет шел уже на часы. Я с ними поговорил на пороге, но в дом не пустил, объяснив свой поступок дикой предэкзаменационной запаркой. Боже, как они обиделись! Как долго еще мне потом аукалось это "непущение".

И вот первый экзамен, сочинение. Коридор на втором этаже перед актовым залом, столы в два ряда. Строгое предупреждение, что за шпаргалки будут выгонять и не допускать к сдаче остальных экзаменов.

Я выбрал тему о героизме на примере Павки Корчагина из "Как закалялась сталь" Николая Островского. Ну, что было делать! Ведь мои истинные мысли никого не интересовали, только грамотность и связное изложение.

Писал я достаточно короткими фразами, стараясь давать поменьше трескотни, и кое-где "впихивал" какие-то обороты типа "собственных размышлений". Самым главным было успеть вовремя завершить и прочесть.

Через два дня поехал узнавать результаты. Четыре балла. Начало неплохое, поскольку на "пятерку" не рассчитывал. Потом экзамен по английскому 5. Потом история. Принимал какой-то

доцент. Мне попался билет по освобождению крестьян в 1861 году. Дикое везение! Я так ему расписал все это, что он быстро перешел ко второму вопросу: "А во сколько раз Советская Россия выпускала меньше стали в 1922 после гражданской войны по сравнению с 1913 годом?" У меня — вихрь цифр в голове, удивление, ужас, отчаяние все это отражается на моем лице. "Значительно меньше, говорю, но не знаю точно, во сколько раз". — "Да-а-а, протянул доцент, с цифрами у вас плоховато". Но поставил мне 4.

Остался последний экзамен — русский устный и русская литература. Я был на пределе. А тут еще накануне забежала бывшая одноклассница, занесла какие-то еще учебники по русскому она в тот день сдала последний экзамен в МГУ на истфак и уже была студенткой. Мне же до этой заветной цели нужно было прожить еще 14 часов экзамен был назначен на 9 утра следующего дня.

Я сидел над учебниками в липком холодном поту всю ночь напролет и ел мамины гренки. За окном начало светать. От нервного перенапряжения я страшно замерз. Пил валерьянку и сосал валидол, чтоб себя поддержать. Да тут, как назло, у туалета испортился спуск воды (бачок был еще старый, располагался на высоте двух метров). Ни времени, ни сил, чтобы лезть на лестницу и чего-то там исправлять — не было. И в ночной тишине квартиры каждые полторы минуты раздавался классический рев воды, низвергавшейся Ниагарой из туалетного бачка. Так, не сомкнув глаз, я поплелся на свой последний экзамен.

На всякий случай я оставил маме отчаянную записку, как будто искал у нее поддержки, хотя она была на даче: "Мамочка моя, дорогая! Ухожу с чувством, что провалюсь. Я весь день и всю ночь напролет работал, но в голове ничего не удержалось. Настроение, сама понимаешь, — дикое. Очень обидно, тем более, что Наташа сдала на 5. Устал невыносимо и хочу к тебе".

В таком состоянии я вошел в аудиторию, вытянул билет: вопрос первый безударные гласные. Вопрос второй — разбор произведения Н.Островского "Как закалялась сталь". Спасен!!!

Чего там говорить про гласные, да еще какие-то безударные. Это даже первоклассники знают, просто их под ударение нужно поставить, изменив слово. Зато на "стали" с ее Павкой Корчагиным я отыгрался. Красноречие вперемешку с идеологической демагогией (каюсь, грешен!) из меня лилось рекой. Вероятно, я утомил членов экзаменационной комиссии своими витийствованиями о непреходящей ценности этого произведения для будущих поколений. "Скажите, устало спросила одна из экзаменаторов, а вы сами-то читали "Как закалялась сталь"?"

Я изобразил глубокое оскорбление таким ее недоверием, и, посмотрев ей в глаза и понизив голос, задал встречный вопрос: "А вы полагаете, что можно прийти в Институт иностранных языков на вступительный экзамен по устной русской литературе, *не прочитав* этого произведения?" Вздохнув, преподавательница вывела мне "пятерку" и отпустила с Богом.

Из дверей института я не вышел — вывалился, и меня тут же подобрала мама, специально приехавшая с дачи, чтобы забрать бездыханное мое тело и увезти на Пахру.

На следующий день у меня поднялась температура, от боли раскалывалась голова. Это я заболел от перенапряжения: микробы просто радостно накинулись на обессилившего абитуриента. Через пять дней (такой срок установил институт), сестра поехала смотреть списки принятых. Мою фамилию она нашла под номером 40 из общего списка в пятьдесят человек, принятых на 1-й курс английского (педагогического) факультета Иняза.

В тот год, как стало известно позднее, конкурс составлял 18 человек на место.

Школьный выпускной вечер

Вот и наступил долгожданный выпускной вечер. Был май 1965 года. Мы "оттрубили" полных одиннадцать лет от звонка до звонка. Мама к этому торжественному случаю купила мне недорогой, но очень приличный темно-серый гедеэровский костюм с беловатой искоркой типа кукушечьей раскраски первый в моей жизни!

Я проинструктировал папу (мама в инструкциях не нуждалась), как ему вести себя в школе. Это было нелишним, потому что папа вообще имел несколько туманное представление о месте моего обучения, о чем свидетельствует следующий случай.

Была контрольная по математике (не к ночи будь упомянута). Я томился от мрачной перспективы получения двойки (опять процитирую: в одну телегу впрячь... я даже соглашался на роль покорного коня). Вдруг дверь класса приотворилась, и меня вызвала в коридор наша школьная секретарша. Я пришел в некоторое смятение: за что? В коридоре я неожиданно обнаружил смущенного папу. Оказывается, он забыл ключи от дома. Я дал ему свои и вернулся в класс домучиваться с контрольной.

Вечером папа рассказал мне целую эпопею, связанную с его визитом в школу. Обнаружив, что он забыл ключи и не может попасть домой, папа логически предположил, что ключи есть у меня. Я в школе. Школа рядом. Следовательно, надо идти туда и каким-то образом связываться со мной. Но вот вопрос: в каком классе учиться сын? Ему где-то лет четырнадцать. В школу он пошел — в каком году?.. И, значит, в каком классе теперь он учится? А еще эти обозначения — "А", "Б", "В" — как в алгебре какой-то...

Эта задача для папы была посложнее, чем моя контрольная по математике. Не без внутренних угрызений совести, что мало знает о своем сыне, он двинулся в школу, решив, будь, что будет.

В вестибюле ему повстречался какой-то мужчина (как потом выяснилось, это был наш военрук, которого я незадолго перед тем пытал насчет тира, чтоб пострелять). Папа, смущаясь, сказал, что он — папа, и поинтересовался у военрука, где бы он мог найти своего сына Дмитрия Симукова, ученика э-э-э... 5-го "Б" класса?

Военрук, видимо, сперва оторопел от такого вопроса, а потом четко, по-военному, доложил обстановку. Во-первых, ученик Дмитрий Симуков, который ему лично известен, учится в седьмом классе, а не в пятом, и, во-вторых, класс этот не "Б", а "А". При этом военрук с каким-то нездоровым любопытством посмотрел на папу, и тот понял, что эта печальная история войдет в анналы школы.

Далее военрук отконвоировал папу к секретарше, а уж та, посмотрев расписание, привела его к классу, где я мучился с математикой.

С той поры эта поучительная для всех отцов история вошла в золотой фонд семейного юмора.

Я еще не сказал, в чем же заключался мой инструктаж папе. Дело в том, что я вручил ему (мама купила по моей просьбе, мне-то уже было 19 лет) 250-граммовую фляжку коньяка, и наказал, чтобы он положил ее во внутренний карман пиджака и вел себя независимо его-то обыскивать уж точно не будут. Такие предосторожности с моей стороны были оправданы.

Незадолго до нашего выпускного вечера выпускались восьмиклассники (тогда были школы восьми- и одиннадцатилетки). Молодежь совсем еще зеленая, неопытная. Они все перепились и стали безобразничать — подумать только! — на Красной площади, приставая с глупостями к часовым у Мавзолея Ленина. Надрвавшихся сосунков разгоняла милиция.

В свете тех прискорбных событий я справедливо предположил, что по школам пущен циркуляр, обязывавший руководство производить личный досмотр выпускников в целях пресечения и избежания.

Мы торжественно вошли в школу я, мама и папа. О, радость! Папу не обыскивали! Значит, коньяк "немало радости детишкам принесет"! Таясь от бдительных взглядов учителей, я чуть позже вплотную подошел к папе, и он, чуть приоткрыв полу своего пиджака, незаметно передал мне из внутреннего кармана ту заветную фляжку. Я в свою очередь виртуозно-незаметно переправил ее в свой внутренний карман. Слаженность и четкость этих действий неоднократно отрабатывалась и оттачивалась мною и папой дома. Это немного напоминало шпионский фильм, когда иностранный разведчик встречается со своим агентом, и тот передает ему секретные материалы, одновременно опасаясь слежки КГБ.

Далее все было как у всех выпускников: поздравления, раздача аттестатов, речи, чуть дрожащие от эмоций голоса. Должен сказать, что педагоги отнеслись ко мне с редким пониманием. Видя мои многолетние и небезрезультатные усилия в области гуманитарных наук, они выставили мне в аттестате по точным предметам "четверки".

Самодетельного концерта-капустника не было — в школе это как-то не практиковалось.

По трогательной давней традиции нас поприветствовали первоклассники со звончком. Они подарили каждому выпускнику самолично написанный "адрес" (текст, конечно, составлен учителями) с пожеланием "не забывать школу" и по букетику ландышей. Я и сейчас помню того белобрысенького мальчика, Андрея Шкурко, который вручил мне их. С ландышами в верхнем кармашке пиджака я смотрелся весьма импозантно.

Потом звучала музыка, мы танцевали с нашими девчонками. И вот что интересно: одна другой была краше! Где они раньше прятались?! Неожиданно для себя я пригласил девушку, с которой учился все одиннадцать лет и никакого внимания на нее не обращал, а тут... На ней было изумительное платье в облипочку с шитьем, да еще из того шитья сделаны цветы типа герберов, рельефно украшавшие платье, и все это нежного абрикосового оттенка! ("Облипочка" продолжения не имела, но запала на всю жизнь этим ощущением открытия невероятно нового в обыденном и сереньком старом).

Далее я проводил маму с папой до вестибюля, и мы распрощались. При этом мама умоляюще посмотрела на меня, имея в виду, вероятно, тот коньяк. А чуть позже и мы, выпускники, радостной гурьбой вывалили на школьный двор. И тут понеслось. У кого чего, и по плоточку у всех отведать. Как же я теперь понимаю маму: просто удивительно, что мы тогда не напились. Весь праздник себе испортили бы. Но, видимо, организмы уже сильные были: всем по 18-19 лет...

Под легкой счастливой "балдой" мы пошли вниз по улице Горького на Красную площадь. Чувствовали мы себя весьма спокойно и не боялись каких-либо эксцессов: один парень из нашего класса взял с собой огромного, с полтеленка ростом, черного дога с белой "манишкой" на груди, которого вел на поводке.

Выглядели мы, как и все выпускники во все времена, очень красиво: девчонки в нарядах с учетом самой последней моды середины 60-х, парни — в достойно-приличном "костюмном" одеянии, да еще и красавец-пес с нами. Слава Богу, что кто-то из наших успел запечатлеть эти ностальгические мгновения на фото...

Мы долго гуляли там, где "начинается земля, как известно, от Кремля". И, уж если и дальше говорить штампами, въевшимися в наши школьные головы, то уже "утро красило нежным светом // стены древнего Кремля" и нам "холодок бежал за ворот"¹...

Потом мы пошли мимо бассейна "Москва" (на этом месте ныне восстановлен храм Христа-Спасителя), где несколько подзадержались: пели, или просто орали от избытка переполнявших нас чувств любимые песни. Часов в семь утра "усталые, но довольные" (очередной штамп из школьных сочинений), мы стали расходиться по домам. Больше всего этому, вероятно, обрадовался наш верный охранник-дог: ведь он не привык к таким нарушениям своего режима, да еще усугубленный беснованием этих двуногих приятелей хозяина.

Я — ветеран???

Когда я уже написал о своих школьных годах, то подумал, что было бы неплохо отнести мои записки в школу — вдруг пригодятся. Ведь то, что рассказал я, принадлежит уже истории школы, а она должна быть известна другим. И дело здесь вовсе не в личных амбициях. Просто из таких отдельных свидетельств разных людей складывается многомерная, объемная картина жизни.

Я пошел в школу. После капитального ремонта в 2006 в году внешне она выглядела все такой же, только к крыльцу был пристроен пандус. Меня очень порадовало это проявление заботы о тех, для кого даже несколько ступенек представляют проблему.

Внутри же здание совершенно преобразилась. Сохранив былую торжественность, оно стало выглядеть современнее благодаря новым отделочным материалам и красивым темным, "под орех", дверям, ведущим в классы. Знаменитая мраморная парадная лестница вновь устлана красной ковровой дорожкой, по которой теперь разрешается ходить всем, а не только учителям или начальству, как в незапамятные времена.

Мне с гордостью показали бывший физкультурный зал моих времен, который ныне превращен в театральный — с небольшой сценой, с настоящими кулисами, занавесом с темно-бордовыми падугами. Такие же падуги идут и по верху одной из стен зала, а противоположная стена состоит из зеркальных панелей, что визуально делает зал еще просторнее и наряднее. Попутно я узнал, что биологический уклон школы (был введен в начале 70-х) теперь сменился на театральный. Помимо этого учеников младших классов обучают самым азам игры в шахматы, бальным и современным танцам. Ей-богу, мне захотелось вновь здесь поучиться!

Я передал свои записки в канцелярию. Им обрадовались, потому что через несколько дней должен был открыться школьный музей, и эти записки оказались как нельзя кстати. Меня пригласили на его открытие.

Когда я вновь переступил порог школы, то стайка девчонок класса из 8-го (в мое время так выглядели одиннадцатиклассницы!) как-то совсем неформально и тепло приветствовала всех "древних" (наверняка так думали!) выпускников школы. Уверен, что в их очаровательных головках просто не укладывалось, как эти люди, то есть мы, могли сидеть за партой — они же (то есть мы) всю жизнь были пожилыми, седыми, согбенными, с палочками! Жестокий и несправедливый закон возраста, дарующей молодежи уверенность в вечности ее красоты, здоровья и вообще бытия.

¹ Цитата о начале земли от Кремля взята из стихотворения В. Маяковского "Прочти и катуй в Париж и Китай". Две другие — из песни "Москва майская" на слова В. Лебедева-Кумача

Музей располагался на третьем этаже в помещении бывшей учительской. Солидные застекленные витрины, такие же застекленные шкафы-стойки с вырезками из газет, фотографиями, книгами. Среди них я увидел и свои записки с моей фотографией. Не скрою, было приятно.

В одном шкафу на полках лежали пробитые осколками ржавые солдатские каски, фляжки. Диссонансом на этом скорбном фоне выглядела книга в глянцевой красной обложке с портретом Сталина: "Сталин. Военный гений", написанная, видимо, кем-то из бывших учеников. Вот из-за этого "гения" и погибли десятки миллионов моих соотечественников, в том числе и бывшие ученики нашей школы...

Народ тем временем прибывал, но все ветераны оказались гораздо старше. У меня было полное впечатление, будто меня, первоклассника, случайно занесло на вечеринку десятиклассников. Самые молодые из ветеранов окончили школу в середине 40-х! Вскоре в дверях появился красивый седой мужчина, которого я тут же узнал — Степан Анастасович Микоян, генерал-лейтенант (он в штатском), известный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, сын сталинского наркома А.И.Микояна. Он скромно сел во втором ряду, рядом со мной. Мы разговорились. Степан Анастасович сказал, что сам он в этой школе не учился, но здесь некоторое время учился его брат, так что он пришел "по-родственному".

Вместе с остальными ветеранами мы обошли стенды музея. Было трогательно слышать, как дамы преклонного возраста бурно радовались: "Ой, девочки, вот я в 1943 году!", — "А ты помнишь, как я двойку схватила?"

У шкафа-стойки, с полки которого на нас взирал гламурный Сталин с обложки той самой книги, Микоян задержался: "А вот эту книгу я бы здесь не выставял. "Военный гений" — это надо было бы писать или в кавычках, или со знаком вопроса", — неодобрительно заметил он. Я внутренне аплодировал: сын одного из верных сталинских соратников — и такой жесткий приговор "великому вождю всех народов".

Потом все переместились в тот самый театральный зал на втором этаже. Там школьники должны были показать нам спектакль, поставленный к 65-летию битвы под Москвой в Великую Отечественную войну. Я внутренне напрягся: еще с советско-пионерских времен терпеть не мог всякие "ура-монтажи". Но, к счастью, я ошибся. Режиссер (студент одного из театральных институтов) и ребята нашли такой ключ, так искренне и глубоко затронули тему памяти всех погибших в страшной войне с фашизмом, что их представление действительно било прямо в сердце.

Я остался очень доволен той встречей ветеранов-выпускников, посвященной открытию школьного музея. Но до чего же изменился мир школы №175 с момента моего последнего звонка в 1965 году...

И вот наступил 2008 год — год 150-летия школы. Из нашего выпуска 1965 года на торжественный вечер пришло человек шесть. Была и Светлана Алексеевна Борисова из того далекого 1 "Б" класса, и наша "химичка" Мария Николаевна Коробкова. Актальный зал был украшен огромным фотомонтажом, с которого взирал на собравшихся Франц Иванович Крейман. Яблоку негде было упасть, так много пришло народу. Я слышал, был кто-то из выпуска 1938 года, а по десятилетиям — были представлены выпуски 40-х, 50-х, 60-х годов и так до начала нашего, теперь уже XXI века.

Вновь ученики порадовали меня инсценировкой истории создания школы, когда юноши во фраках вышли на сцену, изображая меценатов начала прошлого века, и завели разговор с архитектором о строительстве здания нашей школы. Увидели мы и бал с грациозным вальсированием старшеклассников, и хореографические миниатюры из 30-х и 40-х годов, и трогательный хор учеников младших классов. В конце официального торжества в зал на тележке был ввезен огромный торт со свечами, от которого страждущим бывшим выпускникам досталось по кусочку.

Юбилейное шоу удалось на славу.

ГЛАВА IV. Иняз моих ушедших дней...

1 сентября 1965 года — это была среда — началась моя студенческая жизнь, моя самая прекрасная жизнь, о которой только можно было и мечтать. Такой она остается и поныне в моих воспоминаниях.

Распределили нас, первокурсников, по группам заранее. Я был приписан к группе №102, насчитывавшей восемь человек — шесть девушек и двое парней — Слава Домогацких, сын известного "правдинского" журналиста-международника, и я.

Самым первым занятием была вводная лекция по истории КПСС. На ней присутствовал весь курс — пятьдесят человек. "Мы — идеологический ВУЗ!" — с такого заклинания начала свою лекцию Елена Михайловна Нефедова, или "баба Лена" как мы называли ее между собой. Потом это заклинание стало у нее постоянным рефреном. Страшненьким человеком она была, могла запросто испортить жизнь по "идеологическим" мотивам.

Нашу 102-ю группу вела, как классная руководительница в школе (кстати, до института она в школе и преподавала долгие годы), Анна Григорьевна Кветная — дама лет 50-55, статная, среброволосая, с легким синеватым отливом, с громким голосом, живыми глазами, стремительной, чуть враскачку, походкой на прямых ногах.

"Запомните, — сказала она нам на первом занятии, — язык по Марксу — это средство общения". Жаль, что газета "Московский комсомолец" лишь спустя сорок лет напечатает заметку, которая могла бы послужить прекрасным подтверждением этого постулата отца-основателя марксизма.

В газете от 11 августа 2006 года читаем: "Горилла учит русский язык, чтобы скорее выйти замуж". Оказывается, самка гориллы, родившаяся в зоосаде в Германии и привезенная в Московский зоопарк, должна была пользоваться услугами переводчика для общения со своим "русским" женихом. Дама с детства оказалась очень смышленной и выучила множество немецких слов и команд, на которые отвечала языком жестов (речевой аппарат горилл не позволяет им в точности воспроизводить человеческую речь). Теперь же ей нужно было учить русский, чтобы обеспечить гармонию в семейной жизни (или чтобы удобнее было ссориться?)

Что гориллы! В той же газете в заметке "Коровам из разных стран нужен переводчик"¹, говорилось о том, что английские ученые установили, что и у коров возникают трудности в понимании различных диалектов языка, не говоря уже об иностранной речи. Буренки из немецкой Баварии вряд ли поймут своих соплеменниц из Голландии или даже с севера Германии. Все дело в том, что коровье восприятие речи зависит от диалекта или языка, на которых говорят люди в том или ином регионе или стране, поскольку животные в первую очередь ориентируются на привычную им речевую мелодику и ее оттенки.

¹ Газета "Московский комсомолец", 31 августа 2006 г.

И уж вершина владения языком, да не одним, а двумя, — у наших слонов. Русский они прекрасно "понимают", но команды, особенно при транспортировке за границу, — подаются только на английском, и слоны их четко выполняют. Впрочем, я несколько отвлекся.

Девчонки нашей группы внешне ничем особенным не отличались (или я так утомился от подготовки к поступлению в институт, что не замечал никого и ничего вокруг?) Только одна забавная "лингвистическая" деталь: на курсе были миловидные девочки, но совсем с "неинязовскими" фамилиями: Безногова, Кривошеева, Безручко. Ну, нарочно не придумаешь! Впрочем, как бы в компенсацию за это переводческий факультет был славен такими фамилиями: Пушкин, Тургенев, Чехов, Толстая, Геринг, Живаго. Институтский "фамильный каламбур" можно завершить текстом объявления, которое я сам видел: "Деньги на ДОСААФ¹ сдавать т.Безденежных". В то же время, кажется на немецком факультете, была студентка Деньгина...

Из нашего мужского клана первокурсников в количестве пяти человек (это соотношение было, примерно, одинаковым на всех курсах нашего факультета — на десять девочек один мальчик) достопримечательностью был Томас Казелаан — эстонец, да еще к тому же член КПСС, отслуживший в армии. Он был настоящим белокурым викингом, только в очках. С Томом были такие приколы: "Слушаай, а-а чтт-о-о тта-акое "клё-ёво"? — "Ну, Том, ну это антоним (слово имеющие прямо противоположное значение) от слова "лажа". — "А что такое "лажа"? Русский язык Томас постоянно обогащал виртуозными матерными неологизмами, чем снискал себе уважение у всех наших ребят: его "эб...на боочка-а" звучала весьма не тривиально. Впоследствии мы с ним очень сдружились.

На немецком и французском факультетах мальчиков было еще меньше, поскольку на первые курсы там принимали вообще только по 25 человек.

Итак, семена за полетом Кветной, мы вошли в какую-то аудиторию, где с трудом можно было протиснуться вдоль доски, как в школе, и рядом ободранных столов. Прежде всего, Анна Григорьевна предложила каждому прочесть пару предложений из учебника английского языка. Так она составляла для себя "фонетический" портрет своих студентов для того, чтобы вскоре обрушить на них бич божий вводно-коррективного курса, то есть исправления произношения.

Когда дошла очередь до меня, то я начал неторопливо выбираться из-за стола, потом оперся на него руками, потом вытянулся в рост и размеренно произнес: "Well..." Эту мою манеру стали затем пародировать наши девчонки, и довольно смешно.

Услышав, как я читаю, Анна Григорьевна, вздрогнула, и, внимательно посмотрев на меня, протянула: "Ну, вы совсем меня убили своим американским "рычащим" звуком "р". И я понял, что мне придется туго.

Дело в том, что по жестким нормам института нас обучали южно-английскому (лондонскому) произношению, также называемому еще и "королевским". Этот вариант у нас был методически хорошо разработан и представлял собой инязовский ГОСТ со знаком качества. Любые отклонения от такого ГОСТа пресекались, как сказали бы в армии, "на поражение".

В этом, как я сейчас понимаю, была своя железная логика: всякие "рязанские", "нижегородские" или "американские" акценты отдавали доморощенностью, разнообразием. Уже гораздо позже, после нашего выпуска, стали появляться методики обучения "американскому английскому", обретшие право на жизнь.

¹ ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

Далее, раскрыв "Желтую библию" (так у нас первокурсников назывался учебник профессора Васильева по фонетике и вводно-коррективному курсу, поскольку у его был темно-желтый переплет), Кветная стала нам показывать рисунки органов речи, произносить их наименования на английском, а мы записывали все это в свои тетрадки. Занятия закончились часа в два, и еще несколько часов мне пришлось простоять в очереди в библиотеку за учебниками.

Дома я сразу улегся спать, как когда-то после своего первого дня в школе — первый день в институте был не менее утомительным. Вечером я небрежно скользнул взором по английским наименованиям всяких там альвеол, голосовых связок, мягкого и твердого нёба, бугорков, спинки языка (оказывается, у него есть спинка!), собрал учебники (спасибо маме: приучила еще во втором классе собираться с вечера) и вновь предался уже ночному Морфею.

На следующий день в 8.00 — Кветная: "Быстро достали листочки, быстро пишем". И далее в стремительном темпе она стала диктовать на русском названия всех тех органов речи, о которых рассказывала накануне. Мы должны были писать их названия, естественно, на английском. Но нас же не предупредили, что вот так сразу, прямо на следующий день будет контрольная!

Расправа была короткой и жестокой. Через десять минут наши листочки были проверены и выставлены отметки. Я тогда получил "кол", а Слава — ноль с минусом. Господи, подумал я, только что из школы, одиннадцать лет мучился, и опять отметки! Да еще такие...

Дома моя первая оценка, полученная в Инязе, вызвала некоторый шок, но я попытался доходчиво объяснить, что эти оценки не для родителей, как в школьном дневнике, а для нас самих — нечто вроде показателя верности курса на корабельном компасе.

Тогда я понял систему вузовского, более того — инязовского, еще более того — "кветнинского" метода обучения. В тебя будут ежедневно, как воду через огромную воронку при инквизиторских пытках, "вливать" невероятное количество слов, выражений на языке и прочей лингвистической науки, и никого не будет интересовать, осилишь ли ты этот объем информации, или нет. Победит тот, кто выдержит. Кстати, кто-то из второкурсников, уже прошедших выучку у Кветной, посоветовал нам ни в коем случае не смотреть на Анну Григорьевну на экзаменах. Она обычно сидела рядом с экзаменатором, и ее всю "плющило и колбасило" от малейшей ошибки студента.

Так началась моя жизнь в Инязе. Когда в начале второго семестра я стал не выдерживать темпов учебы и "нервической" манеры преподавания Анны Григорьевны, то начал подумывать о переходе на вечернее отделение — там было полегче. Но мама и папа уговаривали меня потерпеть, поднапрячься, дотянуть. И уговорили, за что я им страшно благодарен. В то время мои мучения несколько подсластила стипендия, которую мне дали после первой сессии, сданной на "отлично"

Сами занятия делились на "пары": по 1,5 часа без перерыва, только на некоторых лекция давали пятиминутную паузу. В день было по 3-4 пары. То есть мы, "дневники", кончали занятия в первую смену в 14.30. А была еще и вторая смена с 14.30 до 20.30, а позже институт оккупировали "вечерники".

Чтобы соблюсти справедливость, в институте действовала ротационная система: на первом курсе ты учился в первую смену, на втором — во вторую, и так далее. Мы ненавидели вторую смену — разбивался весь день. Но такие неудобства были связаны с острейшей нехваткой помещений: ведь новый корпус во дворе Иняза ввели в строй только осенью 1970 года, когда мы уже покинули институт. И даже в лучших снах нам тогда не грезилось, что из-за

острой нехватки учебных помещений институту в 90-е отдадут соседнее здание кожно-венерологического диспансера...

А потом пошла рутина: английский, латынь, лекции по лингвистике, истории Англии. На истории партии "баба Лена" выдавала перлы, типа "Троцкий колебнулся", или взалхлеб рассказывала о том, как она со своим комсомольским задором проводила "раскулачивание" (сколько же людей из-за нее сгинуло!), как чуть ли не на меже родила, все так же стремясь побыстрее выполнить какое-то задание родной партии...

В один из номеров институтской многотиражки "Советский студент" она написала заметку "Так закалялась молодежь":

"<...> Был первый день Пасхи. Стоят, готовые начать пахоту, три трактора, а перед ними на земле лежат бабы и кричат: "Не пустим!". Что делать? Где выход? Трактористы растерялись. Тогда я решила и дала команду одному из них завести двигатель. Трактор взревел и сорвался с места, а бабы врассыпную. Два часа потом бушевали вокруг меня, молодой горожанки. А я им спокойно: "А что, бабоньки, может, похристосуемся?" Подобрели крестьянки, в гости пригласили. Вот так, на своих плечах выносили мы, молодежь 20-х годов трудности коллективизации.

<...> Хотелось бы, чтобы нынешняя молодежь была более целеустремленной, чтобы вы, молодые, всегда могли обосновать идеи марксизма-ленинизма, защитить их, и чтобы в любой дискуссии могли разнести идеологического противника в пух и прах... Е.М.Нефедова, доцент кафедры истории КПСС"¹.

К слову сказать, в другом номере "Совстуда" давалась настоящая "инструкция", как сдавать историю КПСС на переводческом факультете. Там этот курс вел другой преподаватель, также стоявший на "твердых классовых позициях": "На экзамен следует придти слегка небритым, чуть ли не в спецодежде. А когда он поинтересуется твоей личной жизнью, рассказать о папе военном и больной маме"². По тем временам это была смелая сатира!

Лекции по языкознанию были достаточно интересны, хотя преподаватель и нагнала на нас страху научной терминологией (как я тогда посочувствовал папе и понял его ужас перед "фонемой"!)). Нам нравились лекции по истории Англии — живые, интересные. Здесь я был более-менее подготовлен: прочел в детстве книгу Зинаиды Шишковой "Джек-соломинка" про восстание Уота Тайлера в 1381 году.

Ломала мой американизированный звук "р" Кветная жестоко, выжигая его каленым железом. Я даже стал бояться произносить слова, что стало сказываться на содержании речи. Но как-то устаканилось. Меня очаровали "Че-рьё-мушки" — так по-английски произносилось это всем хорошо известное название района московских новостроек со специальной падающе-восходящей английской интонацией — самое первое слово из текста из учебника для первого курса. Тут же вспомнилось ильфипетровское — "В устах разомлевших туристов грубое слово "pervatsch" звучало нежно и заманчиво".

Мне было легко воспроизводить английскую интонацию и звуки из-за музыкального слуха и, вероятно, эмоциональности характера. Как ни странно, но это напрямую сказывалось на произношении. Некоторые мои согруппники, будучи людьми стеснительными по натуре, или замкнутыми, эмоционально "заторможенными", испытывали большие трудности со всякими этими высотами тона, модуляциями, нисходящими и восходящими шкалами интонации,

¹ СС №31(734) 16.11.68

² СС №6 (636) 26.02.66

аспирацией (придыхание), "утратами взрыва", "стыками согласных". Ведь это было несвойственно их внутреннему "я". Мне же, обладающему, вероятно, врожденной способностью к "публичности" и "схватыванию" мелодического рисунка речи и звуков, не составляло труда выдавать все это спонтанно.

Другие группы (максимальная численность каждой была не выше 10 человек) вели молодые преподаватели — Людмила Графова, Любовь Мусланова, Светлана Толкачева (она же замдекана факультета), Джульетта Шахбагова.

"Моя фамилия — Шахбагова, от слова "шах" — так представилась нам она, когда стала вести практическую фонетику на втором курсе. Не знал я тогда, что мне суждено будет перейти на третьем курсе под ее "классное руководство" в 306 группу, заниматься в ее же кружке по изучению интонации "американского английского".

За глаза мы звали ее просто Джулей. Это была яркая кареглазая женщина с модной челкой, всегда элегантно одетая. Думаю, она прекрасно сознавала, что ее чары, помимо блистательной фонетики, просто околдовывают мужскую часть факультета. Присядет, бывало, во время занятий наша Джуля на краешек стола, да еще и спрашивает меня со своим легким армянским акцентом: "Митя, у вАс есть сигАреты?" А я, смущенный, только зырк глазами...

Тогда была дурацкая мода на курение, и курили практически все — и парни, и девчонки, и преподаватели. Но у нас, по бедности, была только болгарская "Шипка"¹. Когда мне подарили как-то красную пачку настоящего "Уинстона", которую я берег как зеницу ока, я подошел к Джуле и угостил ее своими "заморскими" сигаретами. Она была обрадована такому знаку внимания.

Старшекурсники взирали на нас, как на какую-то диковинку: что за люди пришли? Но постепенно вовлекали в повседневную жизнь института своими рассказами и байками. Так, нам поведали, что, когда в 1964 году в просторном коридоре перед актовым залом состоялось торжественное открытие скульптурного бюста Мориса Тореза в связи с присвоением институту его имени, то завкафедрой истории КПСС сказал, обращаясь к аудитории, большинство которой составляли, девушки: "А теперь, товарищи, мы с вами откроем бюст". "Ой, — раздался девичий вскрик, — всем сразу? Здесь же мужчины!"

Или: завкафедрой физкультуры проводит первое занятие с первокурсниками: "Товарищи! Несмотря на то, что наш вуз является сугубо гуманитарным учебным заведением, здесь вы сможете найти полное физическое удовлетворение".

Или: один студент предложил на занятиях латынью облагородить грубую речь наших современников, особенно в общественном транспорте или на дорогах — заменить неблагозвучное "Куда прешь, зараза!" его латинским эквивалентом "Quo vadis, infectia?" ("Камо грядеши, инфекция?"), тем самым максимально приблизить этот мертвый язык к повседневной жизни.

А вот еще один прикол. К первокурснику буквально на второй день его появления в институте подходит старшекурсник. Первак весь обращается во внимание, ловя каждое слово гуру. А тот, интимно наклонившись к уху первака, доверительно сообщает: "А ты знаешь, королева-то Великобритании Елизавета II палатализует..." После чего величественно удаляется. Бедняга первак краснеет, понимая по интонации, что королева занимается чем-то явно предосудительным, даже, быть может, постыдным. Ситуация проясняется буквально на ближайшем занятии по фонетике: "палатализовать" — значит чуть смягчать согласные, как если

¹ "Шипка", "Солнце" — популярные в 60-е дешевые болгарские сигареты без фильтра.

бы за ними следовал ма-а-аленький мягкий знак или смягчающая гласная. Вещь не совсем свойственная английскому языку.

Дельным был и совет старшекурсников не утрачивать свою мужскую самоидентификацию. Дело в том, говорили они, что через некоторое время девушки-сокурсницы настолько освоятся с фактом присутствия на курсе редких юношей, что станут обращаться к вам с просьбой посмотреть, не перекрутился ли сзади шов на чулке, не морщат ли колготки, или того хуже — попросят помочь управиться с хитрой застежкой бюстгалтера, или вообще начнут делиться волнениями по поводу маленьких женских проблем...

Все это богатейшее устное творчество как-то сразу настраивало на юмористический лад, помогало отвлечься от подавленности лингвистическими премудростями и понять, что и из них можно извлечь жемчужину юмора.

Но по-настоящему я понял, что такое профессиональный фонетический юмор, когда буквально через неделю пошел в актовый зал смотреть фильм на языке без дубляжа (такие просмотры регулярно проходили у нас по четвергам: давали американские, английские, французские, испанские, немецкие фильмы, что было прекрасной практикой). В тот день демонстрировался "Мистер Питкин в тылу врага" с несравненным комиком Норманом Уиздомом в главной роли.

Зал нормально заливался смехом в комических ситуациях, как если бы фильм шел на русском. Но когда по ходу действия на английском языке начинали говорить немцы, причем в их уста актеры вкладывали максимум "издевательства" над языком Шекспира, а не просто немецкий акцент, то вся наша аудитория сползала с кресел на пол в пароксизме просто-таки животного хохота.

Великие тоже здесь учились

Занятия в институте начинались ровно в 8.00. Из дома я выходил в 7.15 (значит, подъем в 7.00, на ходу бутерброд и глоток чая), потом несся проходными дворами между нашим Воротниковским и Настасьинским переулками и через улицу Горького выходил на площадь Пушкина к остановке 31-го троллейбуса, что останавливался тогда около здания "Известий". Минут через 20-25, проехав по Бульварному кольцу и большей части Метростроевской улицы (тогда она так называлась, теперь — Остоженка), троллейбус останавливался практически у здания института — "Померанцев переулок!" — объявлял водитель (тогда автоматического объявления остановок не было).

Обратно домой я шел по Метростроевской до Садового кольца, и здесь, у здания Провиантских складов, была остановка троллейбусов "Б" и "10-го". Минут через 20 я сходил у остановки "Воротниковский переулок" — практически у своего дома. Так каждый день я совершал "круг почета" по Москве — сперва по Бульварному, а затем по Садовому кольцам шесть дней в неделю (и по субботам!) на протяжении четырех лет (на пятом курсе в субботу мы уже не учились).

Глазеть по сторонам из окна троллейбуса, когда ты еще сонный, да в голове зачеты или экзамены не очень-то хотелось, читать книжки, как некоторые, — тем более.

Но одно место, которое я проезжал, всегда навевало на меня особое уныние. Это было самое начало стрелки между Метростроевской и Кропоткинской улицами (ныне Остоженкой и Пречистенкой). Там теперь возвышается клонированным истуканом памятник Энгельсу. А тогда это пространство представляло собой как бы единый ветхий сарай под единой же проржавевшей кровлей: стеной к стене тут лепились какие-то деревянные лавчонки, склады. Короче, вид был самый непрезентабельный. И это в ста метрах от простора, который создавал

для глаз знаменитый бассейн "Москва", построенный на месте снесенного в 1931 году Храма Христа Спасителя и недостроенного затем Дворца Советов. В конце концов, убогий вид этой стрелки примелькался, и я совсем перестал обращать на него внимание.

После окончания института я вновь попал в эти края только спустя года три, в 1978 году, на вечер встречи выпускников. И какое же удивление и восторг у меня вызвала та самая неказистая стрелка, когда я вновь ехал своим привычным маршрутом!

От ее убогости не осталось и следа. Теперь это был аккуратный пригорок с газонами и скамейками. Немного в глубине открылось строение из красного кирпича с белыми фигурными, тоже кирпичными, наличниками. А если смотреть с Пречистенки, то там был еще один такой же дом, но только оштукатуренный белой штукатуркой и уже с красными наличниками. Несколько портил эту красоту Энгельс, но это была неизбежная идеологическая пошлость того времени.

Я заинтересовался: а что же это за дома такие в старорусском стиле? Выяснилось следующее.

Весной 1972 года московские власти стояли, что говорится, "на ушах": для официальных переговоров с Брежневым в столицу прибывал президент США Ричард Никсон. Еще вовсю шла война во Вьетнаме. Еще и по эту и по ту сторону ломались мириады идеологических копий холодной войны. Но, неким джином из бутылки, в мировой политической атмосфере уже начали вырисовываться контуры разрядки напряженности.

Естественно, Москву тогдашние власти хотели показать Никсону во всей ее красе, особенно учитывая и то, что он ее хорошо знал — был в качестве вице-президента на открытии выставки достижений "американского народного хозяйства" в Сокольниках в 1959 году.

Близлежащая территория вокруг Кремля подверглась налету придворных архитекторов, которым не терпелось внести свой вклад "в дело улучшения Москвы". Так мы приобрели очаровательный пригорок между "Домом Пашкова", и въездом в Кремль, засеянный зеленой травкой. Так мы потеряли одну из трех палат XVII века (эти те самые бело-красные чудостроения), которые открылись в ходе сноса "унылого" безобразия на углу Метростроевской и Кропоткинской. К сносу были приговорены и две оставшиеся палаты. Узнав об этом в самый последний момент, общественность и архитекторы-подвижники встали горой на их защиту и сохранили для потомков эту красоту. Теперь эти строения известны как Красные и Белые палаты на Остоженке и Пречистенке и являются настоящим украшением моего города.

Хочу рассказать и о нашем старом институтском здании. В январе 2006 года оно отметило два юбилея: 75-летие знаменитого на весь мир (в свое время) Иняза имени Мориса Тореза и 200-летие Императорского Московского коммерческого училища — его предшественника в качестве учебного заведения. С искренней болью должен отметить, что мировую известность Иняз моего времени приобрел за свою научную лингвистическую школу, за высочайшее качество обучения студентов. Сегодня он уже не входит в рейтинг "престижных" вузов. Мне обидно.

Фасадом своим здание выходит на историческую московскую улицу — Остоженку, а с боков обрамлено переулками — Померанцовым и Еропкиным, которые соединяют Остоженку с Пречистенкой. Последняя получила свое название по указу царя Алексея Михайловича, поскольку негоже было улице, по которой проезжал сам царь, именоваться Чертольской. Не та концепция заложена в названии...

Много пережило и повидало на своем веку институтское здание. Было оно построено в 1771 году, о чем свидетельствует чугунная табличка, которая сообщает также, что это памятник архитектуры — "Коммерческое училище (Дом Еропкина)", Проект приписывается самому

Матвеем Федоровичу Казакову. Первоначально на этом месте располагались несколько домовладений, которые объединил в своих руках П.Д.Еропкин из старинного рода Рюриковичей, потомок Смоленских князей и крупный государственный деятель эпохи Екатерины II. Затем на старых фундаментах он построил двухэтажный дворец, и в последствии нынешний Еропкинский переулок стал носить имя владельца этого здания.

Поколения инязовцев привыкли, что такие массивные строения в стиле классицизма, как наш институт, изначально замыслились в единой цветовой гамме: белые колонны и светло-желтые стены. Ан нет! С огромным удивлением я прочитал в историко-краеведческом альманахе Арбатский архив (выпуск I, "Тверская, 13", М., 1997, с 497) следующее: "Это длинное, монументально-грандиозное здание в два высоких этажа, *терракотово-красное* (курсив мой — Д.С.), с простым, строгим фасадом и гладкою коллонадою расположено среди широкого парадного двора". Значит, оно, должно быть выглядело, как здание Мэрии на Тверской.

Что касается Померанцова переулка, то судьба появления его имени необычна. Бывшему Троицкому переулку оно было присвоено в советское время как название-посвящение, данное в честь конкретного человека, который, как полагали инициаторы этой акции, героически погиб. Однако оказалось, что в 1922 году была совершена ошибка. Вот что поведал об этом москвовед А. Митрофанов в журнале "Столица": "...Был окоп и в конце улицы [Остоженки]. Там ранили "красного прапорщика" Померанцева. Думали, что он убит, назвали его именем ближайший переулок. Однако прапорщик всего лишь потерялся, выжил, стал профессором молекулярной физики. Топонимикой и краеведением не увлекался, название переулка считал совпадением...". Померанцев умер в 1979 году

А мне всегда казалось, что если Еропкинский переулок принадлежит екатерининской эпохе, то и прилагательное "померанцев" идет из того же времени, поскольку померанцами раньше назывались апельсины.

После кончины Еропкина в 1805 году его дом приобрело Московское купеческое общество. Во дворце разместилось Коммерческое училище для купеческих детей, готовившее коммерсантов со знанием иностранных языков (вот они, истоки!) Дворец был значительно перестроен, а в 1815 году в нем была устроена домовая церковь, где настоятелем служил священник М. В. Соловьев. В училище он преподавал закон Божий и жил здесь же со своей семьей. В 1820 году у него родился сын Сергей Михайлович, который станет выдающимся русским историком, автором "Истории России с древнейших времен".

В числе других воспитанников училища уроки о.Михаила Соловьева посещал в 1822-30 годах Иван Александрович Гончаров — в будущем известный русский писатель и литературный "папа" Обломова.

Коммерческое училище просуществовало вплоть до 1917 года. На рубеже XIX и XX веков в нем учились братья Николай и Сергей Ивановичи Вавиловы. Как известно, Николай Иванович, выдающийся генетик, погиб в тюрьме в годы сталинских репрессий, а его брата, Сергея Ивановича, Хозяин "в утешение" сделал президентом Академии наук СССР. С 1917 года в здании размещался рабфак.

Новая история здания начинается с создания в нем в 1930 году Московского института новых языков. В 1935 году вуз преобразовывается в Московский государственный педагогический институт иностранных языков, потом в 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков (ИН'ЯЗ), затем, в 1964 г., — в 1-й Московский

государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза (был в то время во Франции такой руководитель компартии). Потом порядковое числительное "1-й", как исторический анахронизм, сняли. Получив свой нынешний статус университета, институт был переименован в Московский государственный лингвистический университет. ("Где учишься? — "В МГЛУ..." Почти что "во мгле". Не эти ли события предвидел великий английский фантаст Герберт Уэллс, когда в 20-е годы написал свою знаменитую книгу "Россия во мгле"?!)

Таким образом, моя Alma mater на Остоженке является чуть ли не самым старым, после Московского университета, учебным зданием в Москве.

В мою бытность студентом в память о Соловьеве и Гончарове возле главного входа висели две мемориальные доски. Недавно, проходя мимо, я не нашел их на привычном месте. Оказалось, что обоих знаменитостей объединили (ради экономии?) на одной доске из сияющего полировкой красного мрамора и перенесли ее на другой конец здания. Чтобы "гламурнее" было, что ли?

Еще здесь же находится доска в память о формировании в нашем здании в июле 1941 года Дивизии народного ополчения Фрунзенского района Москвы. Того самого ополчения, которое практически все полегло в боях на Вязьминском направлении... 9 мая 1967 года перед фасадом института была установлена и памятная стела по проекту скульптора Льва Кербеля.

Позже на здании появилась еще одна доска в память Фрица Платтена, швейцарского социал-демократа, видного деятеля международного рабочего движения, который работал в нашем институте с 1931 по 1938 год. Как известно, Платтен не только организовал провоз большевиков во главе с Лениным в plombированном вагоне через Германию во время Первой мировой войны, но и заслонил своим телом Владимира Ульянова во время покушения на последнего в 1918 году. И, поди знай, как сложилась бы судьба России, если бы не подсуетился тогда со своим организаторским талантом товарищ Фриц.

Приехав позже в 1923 году в воплощенную мечту своей жизни — СССР, Фриц Платтен стал в начале 30-х преподавать немецкий язык в нашем институте. Конец его, к сожалению, был трагически закономерен для того времени: в 1938 году он был арестован и обвинен в шпионаже, а затем сгинул в ГУЛАГе. К чести студентов нашего института, они, хоть и анонимно, совершили безумный по своему риску поступок — послали Сталину письмо в защиту своего любимого преподавателя. Не помогло¹.

Классическая величавость нашего институтского здания оттеняется не менее классической миниатюрной уютностью. На противоположной стороне Остоженки взор привлекает небольшой деревянный одноэтажный домик с шестью деревянными же колоннами — ампирный особняк с портиком — классический образец московской послепожарной застройки 1812 года. Именно в нем в сентябре 1840 года поселилась матушка великого русского писателя, Ивана Сергеевича Тургенева, — Варвара Петровна. Бывая в Москве проездом, Иван Сергеевич часто останавливался в доме матери. Я не знаю точно, здесь ли были написаны им "Отцы и дети",

¹ Считалось, что Платтен умер в лагере в 1942 году. Но есть и другая версия, изложенная в книге Ю.Дойкова «Свеча горит... Немецкие тени в Архангельском ГУЛАГе (1920-2010)». Архангельск, 2010.

«Осенью 1988 года сын Фрица Платтена Георгий Фрицевич, выступая в Москве на вечере, посвященном 105-летию со дня рождения отца, впервые рассказал о том, что в 1958 году получил письмо от бывшего лагерного конвоира, который покаянно описал, как по устному приказу непосредственного начальника лично вывел Фрица Платтена за ограду и пристрелил его, ибо у того закончился тюремный срок». На мой запрос о судьбе Платтена пришел ответ из ГУЛАГа: «Платтен Фриц Петрович, 1883 г.р. осужден 29.10.1939 года Военным Трибуналом Войск НКВД Московского округа по ст. 183 на 4 года лишения свободы, умер 22.10.1942 года в Онеголаге от миокардита. Архивное личное дело на него уничтожено — основание: учетные карточки. Начальник учреждения П-233 В.М. Ярошенко».

"Вешние воды", "Накануне" и "Записки охотника", но то, что бестселлер "Муму" вышел из под его пера именно в этом доме — это так. Более того, и этот дом, и усадьба списаны Иваном Сергеевичем с натуры. И даже Герасим совершил смертоубийство своей собачки в Москве-реке буквально в двухстах метрах от этого домика. Кто бы знал...¹

Закончить неожиданно получившуюся у меня историческую прогулку вокруг института я хочу еще одной достопримечательностью. Нынче в этом здании, что находится на углу Остоженки и Садового кольца, размещается Дипломатическая академия, а в мое время тут был Московский государственный институт международных отношений при Министерстве иностранных дел СССР, престижный МГИМО, приковывавший возжеленный взоры моих однокурсниц. Но их снедала не только мечта связать свою жизнь с будущим карьерным дипломатом: МГИМО по нашей шкале ценностей считался прекрасным местом работы для будущих преподавателей-лингвистов. Правда, до того, как в МГИМО потоком хлынули преподавать английский девочки с моего курса, мы позволили себе дать в одном из капустников такой диалог:

Встречаются двое в Нью-Йорке перед штаб-квартирой ООН, там, где монумент — мужик меч на орало перековывает. Один обращается к другому:

— Уич уоч? (Который, дескать, час?)

— Твелв, — отвечает тот (Двенадцать, значит).

— Сач мач! — восклицает в удивлении первый (Надо же, уже двенадцать!). И тут же, просветлев лицом, кидается к своему собеседнику:

— Вы тоже МГИМО заканчивали?!

Но вернемся в само здание. Там, на первом этаже, в конце узкого длинного коридора со сводчатым потолком как в каком-то тоннеле в средневековом замке, находилась наша студенческая столовая. Чтобы эта заурядная точка общепита хоть как-то отличалась от тысяч ей подобных, умные головы присвоили ей статус "кафе" да еще и назвали по-инязовски — "Лингвой". Здесь меня потрясло яркое изображение петуха размером 3 на 2 метра, нарисованного на полукруглом заднике маленького подиума в виде сцены. Петух был невероятно импрессионистичен и совершенно не вязался с заклинаниями "бабы Лены" о том, что "мы — идеологический ВУЗ". Вероятно, наши студенты-художники имели в виду, что их петух "кукарекал" на всю безликость и пыльную серость, царившие вокруг.

В "Лингве" на "Устных журналах" у нас бывали поэты Арсений Тарковский, Давид Самойлов, Игорь Волгин, композиторы Никита Богословский, Ян Френкель. В студенческой памяти сохранилась шутка придворного стихотворца и хорошего детского поэта Сергея Михалкова (я этого не помню — это было или до меня или после):

"Однажды кошка, которая никак не могла поймать мышку, села перед ее норкой и загавкала. Мышка сообразила: коли поблизости собака, то кошка убежала. Вылезла и попала в лапы. Вот как важно знать иностранные языки!"²

¹ Дом был построен в 1819 году на месте полностью уничтоженного пожаром имения. Хозяин - титулярный советник Д.Н.Федоров сдавал его в наем (как и следующий владелец - чиновник Н.В. Лошаковский). Среди жильцов в разные годы были: писатель Сергей Аксаков с семейством (1826); близкий знакомый Пушкина и герой Отечественной войны 1812 года Н.В.Левашов с семейством (1829); полковник Федор Толстой «Американец», ставший прототипом героев произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Толстого, Тургенева (1838).

² Газета "Московский комсомолец", 29.08.09

К нам приезжали знаменитые спортивные комментаторы Наум Дымарский. Николай Озеров, заслуженный мастер спорта, футболист А.Старостин, легендарный хоккейный тренер Анатолий Тарасов, и много других интересных людей. В гостях у нас бывали и студенты из МГИМО, 2-го Медицинского института, МВТУ, МАИ, химфака МГУ, МЭИ и со своими вокально-инструментальными ансамблями.

В буфете "Лингвы" продавалось пиво! Его тогда и в городе-то можно было найти с трудом. И еще здесь был салат из крупно нарезанного вареного картофеля с соленым огурцом, кусочком яйца вкрутую и микроскопической дозой майонеза. Здесь собирались студиязусы, огородившись бутылками пива от внешнего мира, как крепостной стеной, и вели свои умные разговоры.

Естественно, для "козерогов", то бишь, для нас, перваков, все студенты, начиная со второго курса, были уже небожителями: ведь они сумели пережить каторгу первого курса и уже занимали свои законные места в чертогах для посвященных.

В одно из таких сидений за салатиком, чтобы червячка заморить после лекций (пиво дуть мы опасались, поскольку еще не привыкли к такой вольнице, да к концу ноября 1965 года его и вовсе изъяли из буфета), ко мне со Славкой Домогацких подошел красивый, видный парень, которого мы уже заметили, как какого-то комсомольского босса.

"Так, — произнес он уверенным "начальническим" голосом. — А вот и первокурсники наши. Пора вливаться в жизнь. Кто из вас играет в шахматы?" Я этим не страдал, а вот Славка сознался, и тут же был занесен в список какого-то с кем-то турнира. Босс удалился. Нам сказали, что это был секретарь нашей комсомольской организации. Далее оказалось, что всех мужиков с нашего курса, кто хоть чуть-чуть умел играть в шахматы, этот самый секретарь загреб таким же манером, не спрашивая у перваков ни их желания, ни поинтересовавшись, а могут ли они в это время прийти на турнир.

Свободолюбие в нас с Домогацких взыграло, и мы решили написать нечто вроде ехидного фельетона в институтскую многотиражку "Советский студент", где описали "вовлечение нас в комсомольскую жизнь". Фельетон изобиловал перлами, вроде "...явился Он. Глаза его сверкали. Он грозно спросил "Умеешь играть в шахматы? Тогда БУДЕШЬ участвовать в турнире". Были там еще какие-то аллюзии на "Двенадцать стульев" Ильфа и Петрова, когда Остап держал в руках шахматные фигуры второй раз в жизни.

Заканчивался фельетон грозным вопросом со стороны двух нахальных, но зубастых первокурсников (то есть нас): "Оправдано ли такое, с позволения сказать, "добровольное вовлечение" в институтскую жизнь, и не следует ли факультетскому бюро комсомола задуматься над методами работы некоторых из его представителей?". Фельетон был подписан "С.Домогацких и Д.Симуков".

Прошло два дня. Фельетон к нашему удивлению опубликовали. И вот сидим мы как-то со Славкой (впоследствии нас стали звать "близнецами" — везде появлялись вместе) опять в той же "Лингве", и вдруг увидели направлявшегося к нам того самого комсомольского начальника. Поняв, что нас сейчас будут бить, "может быть, даже ногами " (а это из ощущений Паниковского), мы, как два нашкодивших мыша из мультфильма о коте Леопольде (он появится лет через десять), замерли в ужасе.

"Я насчет фельетона..." — начал было он, но мы смущенно стали мекать и бекать, что, дескать, уж очень на нас он тогда наехал, мы так не привыкли. "Да нет, — сказал наш секретарь, — фельетон-то отличный, только зачем вы его в "Совстуд" оттащили? Надо было тут же нести в "Учусь Учить", это наша стенгазета, ее все знают. Запомните, сперва все волоките в "Учусь Учить", и только потом — в "Совстуд".

Так мы узнали о существовании стенгазеты нашего английского факультета — знаменитой "Учусь учить".

Копаясь в своем домашнем архиве, я обнаружил пухлую пачку пожелтевших от времени номеров той самой многотиражки — "Советский студент". Такое скучное и серое название с равным успехом могла бы иметь и газета любого института. Но, единожды утвержденное в 1950 году, оно было призвано постоянно напоминать о доверенной нам высокой миссии: не просто какой-то студент, а студент "советский". При таком подходе профиль самого института уже роли не играл. Любые попытки предыдущих поколений студентов как-то вдохнуть в название многотиражки жизнь, приблизить его к нашей будущей профессии наталкивались на каменную стену берега идеологических устоев. Единственным человеком, который своим подвижничеством хоть немного скрашивал этот печатный орган, был ее главный редактор — Борис Леонтьевич Комановский, журналист-профессионал.

Кто бы мог подумать, что сегодня, по прошествии сорока лет, когда я бережно переворачиваю ее страницы, эта газета стала для меня артефактом из нашей молодости, будоражащим милые сердцу воспоминания. Всего в пачке оказалось 82 номера газеты, а за время моей учебы их было выпущено 187. Значит, у меня их чуть меньше половины. Да здравствуют Плюшкины! Именно благодаря им сохраняется культурный слой человечества. В своей книге я не раз буду обращаться к этой многотиражке, сократив ее название до двух букв — "СС" (прошу не приписывать аббревиатуре иной смысл), потому что в ней публиковалось много любопытного.

Например, ко дню Победы был перепечатан из одной фронтовой газеты, выпущенной в марте 1942 года, такой очерк о бывшей студентке факультета немецкого языка Галине Федоровне Силкиной:

"Песня тундры"

"...худенькая, веселая девушка в звании "техника-интенданта 2-го ранга" (*странное звание для военного переводчика — Д.С.*), но все зовут ее Галочкой. Корреспондент фронтовой газеты написал что она "агитирует фрицев прямой наводкой" — она — диктор "кричащей машины" (*МГУ — мощная громкоговорящая установка на автомашине — Д.С.*) Однажды они подобралась на расстояние двух километров от немецких блиндажей.

— Мы обслужим сразу две немецкие дивизии, — сказал начальник машины. — Только очень уж громко стреляют пулеметы: как бы они не помешали слышимости.

Передача началась со "сказок Венского леса" Штрауса. Пулеметы тотчас смолкли. И тут Галочка начала читать стихотворение, написанное в дневнике фельдфебеля Йозефа Вальха из 6-й роты 141-го полка альпийских стрелков:

В промерзшей старой тундре

Сугробы глубоки.

Давно не видят солнца

Альпийские стрелки.

У всех ввалились щеки

И все больных цингой,

Все думают: "Когда же

Вернемся мы домой?"

Слова уносит ветер

Во мрак и пустоту.

Стоит австриец юный

На боевом посту.

Глаза почти потухли,
И бледный и больной
Он шепчет лишь: "Когда же
Вернемся мы домой?"
Давно с мулами вместе
Пригнали нас сюда.
Из Мурманска нам ветер
Приносит холода.
Мы тянем шнапс, болеем,
Толкуем меж собой:
"Когда, когда, когда же
Вернемся мы домой?"

(Естественно, читала она стихотворение в подлиннике, на немецком языке. Кто и когда перевел его на русский — в очерке не сказано — Д.С.)

Когда она закончила читать, пулеметы сразу же застрочили, словно соревнуясь в этой дуэли. Оставаться на позиции было опасно, и машина стала медленно отползать назад, не разворачиваясь. Вдруг Галочка увидела, как под заснеженной елью почти у самой машины что-то зашевелилось.

"Русс, сдавайся..." — послышался сиплый голос, и в тот же момент с поднятыми руками перед членами экипажа машины возникла темная фигура.

"Русс, сдаюсь!" — поправила Галочка ошибку немца в спряжении глагола. Глаза ее сияли: "Это мой пятый уже! Я его завоевала!"¹.

Я не высыпался. Приходя из института часа в два-полтретьего, я в изнеможении заваливался спать, дрых часов до шести, а потом садился за "уроки", которые затягивались обычно до двух ночи. Причем я не "разматывал" время, просто тот объем материала, который требовалось усвоить за весьма ужатую единицу времени по сравнению со школой, был для меня (и для многих моих сокурсников) тяжел. Я испробовал даже такое "ноу-хау", как заучивание наизусть, как это делают актеры, целыми страницами кусков из произведений английских и американских авторов, которых мы "проходили". Смысл сего заключался в том, чтобы использовать в них новые слова и выражения, которые необходимо было выучить. И дело пошло!

Кветная же продолжала зверствовать, буквально выбивая из нас требуемого произношения. И неожиданно это принесло свои плоды: я ощутил себя фонетистом, то есть человеком, влюбленным в звук. Как вы помните, об этом я говорил и раньше, только вот такая бешенная, до изнурения работа заставила подзабыть о своем увлечении звуком.

С облегчением вздохнув после окончания первого курса, я испытал чувство глубокой благодарности Анне Григорьевне, которая заложила в нас такую базу и автоматизм навыков, что они навечно укоренились в мозгу. Самое поразительное, что при своем отличном произношении она ни разу не выезжала за границу, как, кстати, и большинство наших "великих стариков" из старшего поколения преподавателей.

Результатом ее трудов я считаю такой диалог, который произошел у меня с продавцом газетного киоска в Сиднее, где мне довелось побывать по работе:

¹ СС №5 (634) 19.02.66

— А что вы думаете о ваших предстоящих выборах, сэр? — спросил он меня.

— А почему вы меня об этом спрашиваете? Я-то не имею о них ни малейшего понятия.

— Как это? Американец, и не интересуетесь своими чертовым выборами?! А Никсон?

— Так я не американец.

— А кто же? Немец? Швед?

Видеть здесь человека из России он никак не ожидал.

Еще раз спасибо Анне Григорьевне Кветной, нервической, красивой, зверской мучительнице, прекрасному методисту.

Вскоре после окончания института я пришел на вечер встречи выпускников. В коридоре я столкнулся с Анной Григорьевной. "Где ты работаешь?" — поинтересовалась она. Я сказал, что в Международном отделе ВЦСПС. "Хм, разве это работа для мужчины?!" — фыркнула она и понеслась дальше. Я остался в полнейшем недоумении: а чем же, по ее мнению, мне следовало заниматься после нашего Иняза — вагоны, что ли разгружать с двумя иностранными языками? Не понял я ее тогда.

Нас доставала латынь. Владимир Иванович Лобода, трепетно относившийся к своему предмету, по своей еще старой, гимназической закалке, не раз предупреждал: "Не верьте студентам-ухарям, что латынь можно выучить за три дня до экзамена. Не-воз-мож-но!" Он был прав, хотя в институте бытовал такой анекдот: в деканате студентам незадолго до сессии объявляют — "Будете сдавать китайский язык". Те в шоке. Вдруг раздается слабый голос: "А сколько дней даете до экзамена?"

Помню, как перед контрольной по латыни, уже часов в пять утра (да-да, сидел ночь напролет до первого луча солнца!) я старательно выводил тонким пером чернильной авторучки у себя на левой ладони окончания латинских склонений и спряжений. Успешно завершив ювелирную работу, я решил заправить ручку чернилами... Правильно. Вся моя виртуозная работа пошла насмарку, ладонь была залита безобразным синим чернильным пятном.

Несколько слов о Владимире Ивановиче. Учился он в киевской гимназии вместе с писателем Паустовским, только несколькими классами младше. Сухонький, пожилой человек, с живыми, с "чертиком" глазами, весь объятый идеей просветительства, он почти на каждое занятие приносил разные книжки, в основном по истории древнего Рима, и предлагал их студентам, по его выражению, "*по тебестоимости*". Ни копейки сверх он не брал. Ему было достаточно сознавать, что еще одной малокультурной душе дан шанс хоть на йоту приблизиться к вершинам римского совершенства. Так у меня появилась небольшая книжка "На семи холмах" о быте древних римлян и брошюрка с текстом великого студенческого гимна "Gaudeamus", который я при случае с удовольствием исполняю на звучной латыни.

Ко времени итогового экзамена по латыни Лобода заболел, и экзаменовал нас другой преподаватель, его ближайший соратник Виктор Ноевич Ярхо, с которым они вместе написали учебник латинского языка. Ярхо я довольно хорошо знал, потому что его дочь делала вместе с нами стенгазету.

Понимая мрачную перспективу результатов экзамена (это при всех-то "отлично" и только иногда "хорошо"), я решил прибегнуть к психолого-юмористическому методу. Незадолго до экзамена я вызубрил несколько крылатых латинских выражений, чтобы свободно ими пользоваться в любой ситуации, и тем самым смягчить сердце педагога.

После моих мытарств с переводом незнакомого (!) латинского текста, Ярхо сказал: "Что же так-то, вроде бы и не дурак..." — "Suum quique" ("Каждому свое") — грустно ответил я. Он усмехнулся. "А, небось, мечтаешь хоть о "четверке"?" — "Per aspera ad astra ("Через тернии — к звездам!")" — потерянными голосом прошептал я. Психологический расчет был верен: Ярхо поставил в зачетку вожделенную "четверку".

Александр "Немирович-Дранченко". Наш спектакль, КВН и газета "Учусь Учить"

"Переходный" период от школы к новой жизни был тяжелым. В институте я отучился уже два месяца, а в сердце — никакой радости: учеба добивала. Помню, шел я вечером 6 ноября 1965 года по Садовой — холодно, грязно, на душе скучно. Вдруг повстречался мне кто-то из моего бывшего класса, разговорились, и меня позвали на вечеринку одноклассников, которая устраивалась 7-го.

Я ужасно обрадовался приглашению. Когда я пришел по указанному адресу, там уже собрались многие наши ребята и девчонки. Все интересовались — кто, где, как. Одна из наших одноклассниц стала учиться в Праге в Карловом университете, другая — в Белградском, обе на филологических факультетах. Я так и не знаю, как им это удалось. Парни — кто поступил в МИИТ, кто в Физтех, кто на Мехмат МГУ. Среди них гуманитарием был, кажется, только один я. Все смеялись, рассказывали какие-то забавные случаи из своей студенческой жизни. Только я не мог внести вклад в эту радостную атмосферу — на следующий день предстояла очередная огромная контрольная. Между прочим, инязовские остряки говорили, что у нас в институте — как в армии: там жизнь начинается с полковника, а у нас — с третьего курса.

Но через несколько дней эта самая жизнь неожиданно изменилась. Мы сидели со Славкой все в той же "Лингве" и подкреплялись "фирменным" картофельным салатом. Тут к нам подошел один старшекурсник. Небольшого роста, весь как на пружинках, с густой шевелюрой темных волос, глазами-буравчиками, из которых одновременно струились и ум, и насмешливость, и заинтересованность. — "Старички, — обратился он к нам, и что-то в его голосе было нахально-веселое. — Меня зовут Александр Дранов. Я с пятого. Мы тут задумали спектакль ставить. Предлагаю к нам присоединиться, ведь мужского населения у нас, как известно, кот наплакал".

Мы несколько оторопели. Во-первых, старшекурсник, такой занятой человек, и к нам снизошел. Во-вторых — спектакль. Это что-то необычное, манящее, выходящее за рамки изнуряющей повседневности занятий. Конечно — да! Мы согласны! Тут Саша стал вводить нас в курс дела. Текст пьесы написал он сам. Ставит спектакль он же. Отбивается от уже завязавшихся интриг в связи с распределением женских ролей — тоже он. За содержание перед деканатом и партбюро факультета отчитывается опять же Дранов.

Наполеоновские планы, умение претворять их в жизнь, заниматься многими вещами одновременно и все это в сопровождении напористого, искристого юмора — в этом был весь Сашка. Позже мы узнали, что наши конкуренты по самодеятельности — студенты переводческого факультета (а там, напротив, девушек можно было по пальцам перечесть), иронично, но не без справедливой зависти величали Дранова "Немировичем-Дранченко".

И вот с этого счастливого момента вся моя жизнь завертелось вокруг нашего спектакля. В пьесе с незатейливым названием "Смех и грех" ее герои были заняты поисками затерявшегося в Инязе чувства юмора. Текст пестрел бесстыдно-дословным плагиатом из шварцевского "Дракона" и его же иносказательностью. Все прикрывалось ширмой действия, происходящего при дворе некоего короля. — "Народ меня так любит, что каждый год единогласно выбирает

своим королем". Эта слизанная у Шварца реплика была прямой аллюзией на советский режим. При этом в пьесе было намешано и немало чисто "драновских" перлов, с вкраплениями "лингвистического", как я постоянно его называю, юмора. К примеру, такая реплика одного из действующих лиц: "Понимаешь, сынок, это мы получаем по импорту. Звучит вроде бы — им, а на самом деле — нам". Репортер из институтской многотиражки "Советский студент" так описывал свою встречу с нашим главрежем:

"Дранов шипел. С опаской я задал ему следующий вопрос:

— О чем же тогда пьеса, если не секрет?

— Ну, если сказать короче и яснее, то будет примерно так. Это пьеса-сказка, пьеса о том, что нам представляется необычайно важным для человека вообще и студента в частности. А впрочем, приходите 29 декабря на новогодний вечер факультета английского языка и увидите сами. Еще только могу сказать, что в пьесе занято 20 человек, 20 веселых, остроумных и дружных ребят. Надеюсь, вам все ясно? А сейчас мне некогда, — и, повернувшись, он направился к двери.

В ту же секунду я почувствовал, как какая-то непреодолимая сила прижала меня к стене. Это вслед за своим предводителем, сметая все на пути, из зала выходила крепко спаянная королевская свита в составе Министра Флоры и Фауны (Фе Фе), Ньютоныча — королевского шута, Министра Обринъяза и проч. проч., проч".

Репетиции проходили после занятий. Сперва приходилось долго искать свободную аудиторию, потом мы забивались в нее, и начиналась отработка мизансцен. Иной раз домой мы возвращались за полночь. Но энтузиазма было море, и это стало целительным лекарством от рутинности института и волшебным эликсиром, дарующим настоящую "студенческую" жизнь. А она хоть во времена Гиляровского, хоть Сталина, хоть Брежнева (наше время), с известными поправками на режимы, все равно фонтанировала через край. Сейчас такого "фонтана" я что-то не вижу.

Спектакль мы должны были играть в клубе имени Русакова, что рядом с метро "Сокольники". Забавное здание в стиле раннего советского конструктивизма, изображающее шестеренку или токарный резец. Все участники пригласили своих родственников, в том числе и я — папу с мамой. Зал был набит: тут были и педагоги, и наш деканат явился в полном сборе, и партбюро взирало на происходившее своим недреманным оком. Мы волновались за сценой: хоть в зале и свои, но ведь это *театр*! Здесь нельзя перепутать текст, надо держать темп, мгновенно симпровизировать, если партнер понесет со страха чушь.

В качестве "актера" на настоящей сцене (выступление в ученическом концерте в Гнесинке не в счет) я ощутил себя впервые. Но страха не было. Еще первая моя учительница музыки Ирина Ивановна наставляла меня, маленького, перед экзаменом по фортепьяно: "Ничего не бойся. Представь себе, что ты вместе с роялем находишься на лесной полянке. Вокруг летают бабочки, пищат комары, щебечут птицы, краснеет в траве земляника. И ты играешь. Для себя. Для этих бабочек и птиц. А комиссия — ну, представь, что это пенечки, спрятавшиеся в траве".

Милая Ирина Ивановна! На всю жизнь я усвоил ваш урок великолепной психотерапии, так ярко преподанный маленькому мальчику, что с тех пор и по сей день я никогда не впадаю в ступор от сознания, что мне нужно выйти к людям и что-то сказать им.

На мой вопрос после спектакля — "Ну, как?" — папа ответил, что у меня есть главное достоинство актера — нахальство. Под этим он подразумевал обычный актерский кураж, отсутствие страха перед сценой и готовность свой промах (реплика там, или жест) обратить в свое преимущество. Мама меня просто поцеловала. Она поняла, что эта простенькая капустническая постановка означала для меня нечто большее. Думаю, что тогда она ненадолго

вернулась в свою молодость и вновь почувствовала себя семнадцатилетней Любой Ароновой из Замоскворечья, с таким же увлечением участвовавшей во годы первой пятилетки в самодеятельных театральных постановках их агитбригады.

Забегая вперед, скажу, что институтские годы, исчисляемые, помимо экзаменов, курсовых и диплома, еще и количеством капустников, номеров стенгазеты, выступлений английского хора, встреч нашей компании, вертевшей все это вокруг себя и вершившей жизнь на факультете, были самыми лучшими в моей жизни. И первым, кто привел меня в эту жизнь, был Саша Дранов.

Мои родители, не говоря уже обо мне, всегда упоминали его фамилию с каким-то добрым пиететом и благодарностью.

А потом моя студенческая жизнь понеслась с невиданной скоростью. На спектакле мы перезнакомились со всеми, кто составлял основу этой жизни. Более того, мы, первокурсники (Славка и еще Леша Петров), как-то органично влились в уже существовавшую компанию. Ее ядро составляли парни: Илья Гарбузов, Сергей Данилов — "Граф" (это прозвище тянулось за ним еще со школы), Юра Зарахович — "Большой" (он действительно был высоким и очень массивным), Коля Агальцев — "Ник", Марина Полевая, Таня Эммарт — "Прыгалка" (ну, именно такой — живой и экспансивной — она и была) со 2-го, Юра Рохлин (тот самый секретарь комсомольского бюро) — с 3-го, Дранов — с 5-го.

На следующий, 1966 год, в институте состоялся долгожданный КВН между нами и переводческим факультетом. Помню, как году в 1963 я с замиранием сердца следил по телевидению за поединком студентов Иняза со студентами ГИТИСА. Правда, тогда этот КВН был достаточно сереньким, и победили тогда гитисовцы. А теперь я сам мог участвовать в этом восхождении на "Эверест" студенческого юмора!

Обратимся к нашей институтской многотиражки "Советский студент":

"...Счет 39:37 безусловно расстроил переводчиков и вызвал ликование "англичан". Хотя разница и невелика, она свидетельствует о том, что "педагоги" подготовились лучше, привлекли в свою команду большее число "веселых и находчивых".

Тот наш КВН требует некоторых пояснений. В нем по домашнему заданию было несколько отдельных сценок-сюжетов. Одна из них была посвящена извечному соперничеству нашего английского и переводческого факультетов и строилась на тексте Лермонтовской "Песни о купце Калашникове". Но у нас вместо купца была "купчиха", роль которой исполнял Сергей Данилов. Одет он был в черную юбку, белую блузку, под которую мы исхитрились запихнуть надувной шарик-"колбасу", так что его "грудь" достигла не менее 10-го размера. Поединок, как и следовало по тексту, комментировал кто-то из наших в стиле официальных сообщений по радио. Когда дошло до слов "...затрещала грудь молодецкая", то Данилов незаметно проткнул булавкой свою "грудь"-шарик, и тот с шумом лопнул. Зал зашелся в хохоте.

Не помню, в какой связи, но был в одной из сценок палач, роль которого исполнял я. Кто-то из девчонок выдал мне свои длинные, по локоть, алые дамские перчатки, и вид я меня был вполне "палаческий".

А в другой сценке сам Джеймс Бонд клялся вахтеру, что забыл дома студенческий билет, и вообще у него тетя заболела. Этому асу шпионажа нехорошие западные спецслужбы поручили выкрасть в Инязе самую последнюю методику обучения иностранным языкам. Однако неприятности у него начались уже на проходной, и окончательно разоблачили старину Бонда на

нашей кафедре фонетики — его уличили в том, что его произношение не соответствует инязовским стандартам, а посему он несомненно является шпионом.

Была у нас и такая "миниатюра": некий абитуриент Опанас вознамерился поступить в Иняз. Небольшой хор, наподобие греческого, разместившийся у кулисы, так комментировал это решение: "Наш Опанас собрался идти в Иняз", причем исполнял это хор на мелодию "Похоронного марша" Шопена. Потом тот же хор по ходу действия инструктировал Опанаса уже на мотив русской народной песни "Во кузнице": "Ты поднимаешься на третий этаж, ты поднимаешься на третий этаж. Там Бар-, там (в этот момент раздавался грозный голос: — "Кто-о-о????!"), а хор, не смущаясь, продолжал — "менша" (дело в том, что фамилия декана нашего факультета была Бармина, сам деканат располагался на третьем этаже и там же была крохотная буфетная стойка, где тетя Маша продавала пирожки с повидлом и томатный сок). Далее хор так описывал инязовскую: "Там де-, там де-е-вочки, там де-, там де-евочки, хором курят, хором фли-иртуют, хором курят, хором фли-иртуют". Насчет курения — это чистая правда. Сегодня, наверное, дико выглядела бы дюжина девчонок, во всю дымящих на лестничной площадке.

Да, и еще когда Опанас интересовался студента, рассказывавшего ему обо всех прелестях инязовской жизни, почему же это пол вестибюле института выложен стальными узорчатыми плитами (такие и были), тот ответил: "Чтобы напомнить медным лбам о железной дисциплине".

Кажется, дело кончалось тем, что вместо приличного учебного заведения, каковым Опанас считал Иняз, он попадал в ад в окружение сонма очаровательных ведьм, которые устраивали вокруг него хороводный вихрь. Боюсь допустить кощунственную мысль, но не дошли ли слухи об этой динамичной сцене великому маэстро танца Игорю Моисееву, и не она ли легла в основу его блистательной постановки "Ночи на лысой горе" после нашего КВНа? (Шутка).

Маленькое пояснение. Откровенно говоря, мы побаивались выпускать наших "ведьм": уж больно непривычно для студенческой самостоятельности они выглядели. Не следует забывать, что всякие культкомиссии парткома бдили денно и нощно, а мы ухитрились им эту сцену не представить на предварительный просмотр.

На роль ведьм мы отобрали двенадцать наиболее эффектных девчонок, обрядили их в плотные алые колготки (они нашлись у каждой "ведьмы", поскольку только-только вошли в моду), да еще закупили черной атласной подкладки и понаделали из нее мини-мини-лоскутные юбки. Танец, естественно, исполнялся без туфель, "на босу ногу", и сопровождался хором "ведьм" опять же на трагический мотив Шопена: "Хохочите, ведьмы! Хохочите, ведьмы! Наш Опанас собрался идти в Иняз..." То есть, имелось в виду, что нормальный человек сюда и носа не сунет — слишком много труднейших предметов, и вообще студент загружен выше крыши.

Сам Опанас в этой inferнальной сцене был обряжен в длинную кремовую дамскую ночную сорочку (пожертвована кем-то из девчонок), и изображал из себя чуть ли не распятую жертву. Следует добавить, что, как только началась эта сценка, в зале был вырублен свет, а вдоль рампы тускло засветилась дюжина стеариновых свечей, воткнутых в бутылки. Рев восторга благодарных зрителей был нам высшей наградой. Куда там кабаре "Лидо" — наши девчонки выдали такой сексапил, что только дух захватывало!

Но это еще не все. Окрыленные успехом и победой в КВНе, мы, по-моему, все-таки ухитрились хоть немного отпраздновать победу, хлебнув своего любимого напитка юности — болгарского "вермута" — из бутылки, пущенной по кругу. Однако время было позднее, и вскоре мы разошлись по домам.

И вот Сергей Данилов (Опанасом, кажется, был он), вернувшись домой, тихо пробрался к себе в комнату, чтобы не разбудить матушку, и улегся спать. (Это я привожу его рассказ, когда на следующий день мы встретились в институте). Мама Сергея, естественно, беспокоилась, что

сына так поздно нет дома, но она проявила большой такт и не стала встречать его в дверях, лишь убедилась, заглянул в щелку двери, что чадо заснуло и даже не в верхней одежде. Тут, в коридоре, она чуть не споткнулась о массивный студенческий портфель своего сына, из которого торчал помятый край его рубашки — как ей показалась.

Так ее же надо выстирать и выгладить! Мама Сергея раскрыла портфель... и, о ужас! Ее взору предстала мятая-перемятая дамская ночная сорочка, порванная на груди, вся в стеариновых и каких-то других пятнах, пустая бутылка из-под болгарского "вермута", пара бутылок с оплывшими свечами, в них воткнутыми, да еще и темная юбка, также изрядно помятая и порванная сзади.

Когда на следующее утро Сергей продрал глаза, чтобы бежать в институт, то на стуле рядом с его тахтой аккуратной стопкой были сложены выстиранная, выглаженная и зашитая дамская ночная сорочка, а также выглаженная зашитая и починенная юбка. Какой прекрасный пример родительского такта!

От институтского партийного начальства, призванного обеспечивать "идеологическую правильность" самодеятельности, нам здорово влетело за "безвкусицу и пошлость". Но все же статья в многотиражке "Советский студент" завершалась так:

"Отлично у "англичан" получилась сценка "Джеймс Бонд на вступительных экзаменах", "Сон перед собеседованием", "Разговор с деканом".

...Жюри в своей окончательной оценке отметило, что "педагоги" выступали, в основном, за счет массовости и большей театральности по сравнению с "переводчиками".

...Совершенно недопустимым было поведение зрителей. Трудно объяснить это простым азартом. Скорее всего, ряд товарищей решили попробовать свои силы на стульях и будках (в зале стояли две массивные высокие звуконепроницаемые будки для синхронного перевода — Д.С.) и проявить себя на поприще "находчивости". Итоги: разбитые стекла, поломанные стулья..."

Поломанные стулья на КВНе — это, пожалуй, лучшая награда нашим творческим усилиям.

После нашего спектакля и КВН мы со Славкой стали активно сотрудничать и со стенгазетой нашего английского факультета — "Учусь учить", своеобразной достопримечательностью института. У переводчиков была своя стенгазета. Сперва она называлась "Вавилон", потом "Язычник", потом, видимо, руководству не понравилось "оригинальничание" и газета стала именоваться просто и ясно — "Переводчик".

У нас же название стенгазеты за ее долгую историю претерпело кардинальное изменение. До начала 60-х она называлась омерзительно скучно и безлико — "За педагогические кадры". Так и веяло от этого названия бюрократической казенщиной. И Прометеем, даровавшим последующим поколениям инязовцев новое яркое и абсолютно точное ее название, заимствованное из великой латыни ("Docendo discimus" — "Обучая, учусь сам", проще говоря — "Учусь Учить") был все тот же Сашка Дранов.

Это теперь молодое поколение может пожать плечами, и удивиться, что же здесь было такого "новаторского": ну, сменили название, и все. Но надо же учитывать время, в которое мы жили. В масштабах института изменение названия стенной газеты стало подлинной "сменой вех". Сама газета представляла собой 10-12 погонных метров склеенных один за другим листов ватмана, с прекрасными рисунками наших художников — Аллы Ярхо и Лены Толстой. Здесь же

были большого размера фотографии, сделанные настоящим мастером-фотохудожником Сергеем Даниловым.

Наша "Учусь Учить" изобиловала задорными статьями по всяким животрепещущим вопросам студенческой жизни, серьезными исследованиями, в частности, о том, сколько же времени студент затрачивает на домашние занятия на разных курсах. Увидев скрупулезный хронометраж, педагоги ахнули: им казалось, что студенты не так плотно были загружены. Замечу, кстати, что после одного такого выступления газеты нам, как школьникам, сделали среди дня "большую перемену" — даровали целых 20 минут.

К первому апреля выпускался номер, где название газеты варьировалось: "Чуть-Чуть Учусь", "Учись, Учись..." В одном из них было опубликовано такое объявление: "Желающие приобрести импортный гипс обращайтесь в 203 группу к Илье Гарбузову". Дело в том, что Илюша был летом со студенческим стройотрядом в Венгрии, там на него наехал армейский мотоцикл, и на родину Илья прибыл с загипсованной ногой.

Иногда нас баловал вниманием институтский комитет комсомола, так отзываясь о нашей газете:

"Смотром боевых сил институтской прессы ко Дню печати стал конкурс стенных газет... Почти все выступавшие отдали первое место в конкурсе газете "Учусь Учить" факультета английского языка... И в этом успехе немалая заслуга редактора газеты В.Домогацких и сектора печати факультетского бюро ВЛКСМ Д.Симукова... От всей души хочется поздравить и победителей и "побежденных" с их праздником — Днем печати"¹.

Но однажды наши "кунштюки" едва не закончились большими неприятностями. В порыве беспечного молодежного задора мы написали статью о скучности "комсомольской" жизни на факультете, о рутинности собраний и т.п. Под статьей мы оставили много свободного места и повесили на гвоздике карандаш, приглашая студентов высказать свое мнение тут же, на этом белом пространстве. Никто не успел еще ничего написать, как карандаш выпал из веревочной петельки, и так она осталась на пару дней болтаться над заголовком что-то вроде "О нашей комсомольской жизни".

Вдруг всю редколлегию (человек шесть) вызывают на беседу с кураторшей газеты из партбюро факультета, которая вела у нас английскую грамматику. И тут началось... "Вы понимаете, что под вашей статьей о комсомольской жизни вы повесили петлю? Это что же, в нее надо лезть? От комсомола?" и все в таком духе.

Мы слегка прибалдели. Пахнуло политической разборкой 30-х годов, когда из-за опечатки в газете редактора снимали со своего поста, а то и загоняли в ГУЛАГ. Мы, быстро сориентировавшись, попытались обернуть "политический инцидент" в досадную оплошность, недосмотр, простую случайность — ну, петельку плохо на карандаше затянули... Но преподавательница на сдавалась. "Нет, — твердила она. — Наш вуз — идеологический, а вы допустили крупнейшую политическую ошибку. Надо принимать меры".

Мы приуныли, видя, что обернуть все в досадное недоразумение так быстро не выйдет. Как мы ни пытались каяться, извиняться (неизвестно, за что), втолковывать ей что-то, приводить резоны — все было напрасно: "Идеологической вуз, политическая незрелость..." Не помню уж, как удалось прекратить этот страшный, из сталинского прошлого, накат полного бреда, но крови он нам попортил изрядно. Именно тогда я впервые испытал омерзительное,

¹ СС №15(718) 8.05.68

липкое чувство черной безысходности, когда не действуют объяснения, аргументы, когда бессмысленна сама логика доказательства чего-либо.

Все это напоминало случай с сатирическим школьным журналом, в котором "проходились" по двоечникам и по поводу якобы "подпольности" которого пришлось объясняться моим однокашникам по школе №175 в 1937 году. А потом точно с такой же сценой я встретился на страницах романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата": и там тоже была студенческая стенгазета, только речь шла о самом начале 30-х годов, и там тоже были какие-то безобидные эпиграммы на студентов...

Теперь я понимаю: та наша преподавательница была на всю свою оставшуюся жизнь пришиблена сталинской эпохой, до смерти (и это не гипербола) испугана ею, а здесь — "политическая ответственность" за стенгазету студентов, вверенная ей партийным бюро. И хотя после смерти Сталина прошло уже четырнадцать лет, наша парткураторша все еще была в плену животного страха, диктовавшего ей "линию поведения". Так, на этом маленьком примере, я увидел, как цепко еще держал покойник умы отдельных людей, а через них — всю страну. Впрочем, почему — держал? Держит! Вот уж, поистине, "мертвый хватает живого".

Иногда со Славой Домогацких мы занимались вместе — то у меня, то у него. Мне, выросшему в семье, где никто за границей не бывал, было интересно рассматривать выразительные африканские маски, потрясающие китайские вышивки и другие диковинки, обыденно развешанные по стенам. Это все были сувениры, привезенные Славкиным отцом из Китая и Кении. А еще меня потрясла большая бутылка с фирменной этикеткой с китайскими иероглифами, в которой была змея, залитая спиртом. "Это такая китайская водка, — пояснил мне Слава. — Ее уже давно выпили, а змею залили спиртом по новой, так что когда к папе приходит корреспондентская братия, прилетая из своих стран в отпуск, то сперва в доме опустошается бар, а когда уж совсем подопрет, то доходит дело и до змеи. Потом ее снова заливают спиртом".

В доме у Домогацких я приходил в восторг от огромного количества пластинок и магнитофонных записей наших тогдашних кумиров: Кони Фрэнсис, сестер Берри, Клифа Ричарда, Чака Бери. Именно тогда я услышал музыку Дейва Брубeka и его шедевр "Take Five".

Мы со Славой были абсолютно разными по характеру: он — сдержанный, весь в себе, достаточно скупой на эмоции. Это касалось и его внешности: невысокого роста, в массивных очках в темной роговой оправе, одет с невероятной аккуратностью (его брюки были так заутюжены, что, казалось, по их стрелкам прошелся жестянщик со своим молотком).

Я, же, как экстраверт, был полный ему противоположностью. Эмоции меня переполняли, выплескивались наружу. Да еще я бороду носил на первом курсе, и джинсы (о них позже будет отдельный рассказ), и длинный свитер, который мне связала Славкина мама. Но в институтские годы мы вполне уживались по принципу притягивания разных полюсов магнита: были в одной компании, в одном капустнике, в одной стенгазете. Нас даже прозвали, как я уже упоминал, "близнецами".

В первые зимние каникулы мой папа достал мне и Славе путевки в дом отдыха ВТО в Рузе. Там впервые мы наслаждались "взрослой" жизнью вне родительского ока, позволяя себе иногда по вечерам выпить рюмочку коньяка.

Наша творческая натура бурлила и на каникулах, особенно после Драновского спектакля. И вот, прочитав как-то заметку в газете о том, что в один колхоз повадился волк, и егерь из охотхозяйства приехал и убил этого волка, мы со Славкой набросали сценарий буффонадного радио-спектакля. Радио — потому что у Славы была мечта всех меломанов того времени —

портативный катушечный магнитофон размером с большую книгу(кассетников тогда еще и в помине не было).

В сценарии мы учили нравы тогдашней (сегодняшней?) деревни, записав на хорошем морозце бульканье в настоящем горле настоящей водки. Не обошлось и без легкой эротики: у нас Волк обольщал жену председателя колхоза (как потом выяснялось, Волк только прикидывался таковым, а на самом деле этой был матерый шпион, в задачу которого входило сокращение поголовья свиней в целях подрыва экономики СССР). До сих пор горжусь, что слушатели не догадывались, что роли председателя колхоза, егеря, кагебешника и кого-то еще озвучивал я.

В нашем институте существовало литобъединение "Фотон", в котором заправляли переводчики. Мы, педагоги, как-то не задумывались, что кому-то и здесь можно было найти себя. Самым главным "фотоновцем" был Сережа Гончаренко, пришедший в Иняз в один год с нами. Это был невероятно одаренный поэт и переводчик, что видно уже из его первых студенческих опытов:

"Перевод"

Какие странные слова!

Какие странные значки!

Жуки

и божии коровки.

Я устанавливаю робко

меж ними

смысловую связь

(о, эта глупая боязнь

понять все сразу

и почувствовать

себя

обманутым и свежестью

и непривычностью

для глаз)

...Но вот оно:

Слова проваливаются

сквозь плоскость белого

листа

их можно перетрогать

пальцами,

они теперь трехмерны.

Да,

они трехмерны, как

молекулы.

Я ощущаю существо

стиха. Он жив. А перевод

прочту сейчас в словарном

зеркале...

И у меня довольный вид,

шепчу себе я: —

Приготовиться...

Но я еще не знаю вовсе,
что все мне только

предстоит.

"Август". Федерико Гарсия Лорка
Перевод с испанского С.Гончаренко

Август.

Уже закончился

поединок меда и дыни.

Ах, солнце — красная

косточка

у вечера в середине!

Скоро грянет крутой

початок

желтым хохотом и гулкий

зной.

Август! Детям душист

сладок

Теплый хлеб пополам

с луной¹.

Я был глубоко опечален, когда узнал, что Сережа скончался в мае 2006 года. Он был основателем и председателем Ассоциации испанистов России, доктором филологических наук, профессором и проректором по научной работе Московского Государственного лингвистического университета., членом-корреспондентом Испанской королевской Академии, с 1976 года — член Союза писателей СССР (России), в котором был избран председателем комитета по литературному переводу и председателем комитета поэтического перевода Международной федерации перевода (1983-2003 гг.). В 65 монографиях и антологиях были опубликованы переводы С.Гончаренко на русский язык более 150 испаноязычных авторов от средневековья, золотого века и "Поколения 1927 года" до Барокко. А для меня он навсегда остался просто Сережей...

И еще мне хотелось бы познакомить моих читателей с одним маленьким фельетоном, появившимся на страницах "Советского студента" 14 мая 1969 года. Назывался он "О сотворении мира и овощной базе" (Из неопубликованного наследия дочери писателя Евг. Сазонова)².

¹ СС №17(648) 1966; №№32-33 (807-808) 1970

²Евгений Сазонов — популярный в 60-е собирательный образ писателя-графомана, выступавшего на страницах "Литературной газеты" со своими "опусами", отдаленно напоминавшими творения Козьмы Пруткина

"Вначале Земля была безводна и пуста, тьма над бездной, и дух божий носился над водой. И создал этот самый бог каменные строения, твердь и воду; отделил он воду от тверди, назвал ее лужами; каменные же строения окрестил складами; а их скопления — базой. И смастерил он еще два светила: первое — для освещения работающих днем, второе — для кончающих работу в 9 часов.

И был вечер, и было утро: день шестой. И создал боженька холодильники, и произрастил в них сливовые кусты и томатные деревья. И наполнил моря микроорганизмами, а вагоны — арбузами. И сказал творец: "Да произведет земля душу живую, в том числе гадов морских, птичек небесных, зверей полевых и работников базы". И посоветовал он им: "Плодитесь и размножайтесь".

А посреди рая поставил создатель ящик с персиками и нарек их древом познания Добра и Зла.

И был вечер, и было утро. День седьмой. И соорудил бог студентов и назначил их венцом творения. А из их ребер образовал институт. И сказал: "Каждый студент да прилепится к институту своему, и будут они одна плоть". И дал еще одно указание: "Вот я даю вам всякую траву, сеющую семя (сладкий перец), и всякое дерево, у которого плод древесный (арбуз), и сие будет вам в пищу. Но плодов с дерева познания Добра и Зла не трогайте, а то станете, как боги, и что тогда будет с моим авторитетом?"

И был вечер седьмой. И стали студенты над бочками, и отделили чистые плоды от нечистых, и разверзлись хляби небесные, и полил дождь. И лил он семь дней и семь ночей. И макушки самых высоких студентов скрылись под водой (говорят, что это именно к макушке Юры Соломатина пристал впоследствии Ноев Ковчег) Но они продолжали работать. И увидел бог, что это хорошо...

В.Новодворская, студентка I курса"¹.

Не с этой ли блестящей, с точки зрения стилистики и юмора, публикации началась карьера нашего известного публициста, пламенного трибуна, нашей российской Пассионарии, журналиста, правозащитника, политика и прочая, и прочая и прочая... — Валерии Ильиничны Новодворской?

Номер газеты с ее фельетоном вышел 14 мая 1969 года. Студентка 1-го курса французского факультета МГПИИЯ им.Мориса Тореза Валерия Новодворская в те дни готовилась к летней сессии и переходу на 2-й курс, но у властей на ее счет уже были абсолютно иные планы...

Вот такие люди учились в нашем институте.

Наша компания и факультетские капустники

Все люди из нашей компании, которых я называл выше, были впоследствии заняты в капустниках, делали стенгазету, кто-то пел в нашем английском хоре и, что немаловажно, все мы занимали "посты" в комсомольском бюро факультета. С нами деканат был вынужден считаться. Хорошо помню, как по представлению декана на заседание комсомольского бюро факультета был вынесен вопрос о студентке такой-то, осмелившейся без разрешения деканата (вот преступление-то!) самолично устроится на работу во время каникул в качестве переводчика на какую-то международную выставку. От нас потребовали осуждения несчастной, с занесением выговора в протокол.

¹ СС №16(755) 14.05.69

Мы все недоуменно переглянулись: карать человека за то, что он проявил инициативу, сам нашел работу с языком, получил благодарность от устроителей выставки, а его за это "к ногтю"?! Эту позицию мы и изложили декану, заявив, что никакого "дела" рассматривать не будем — для студента языкового вуза практика необходима. Повлиять на наше решение деканат был не в силах, а ссориться с нами не стоило: кто бы тогда завоевывал первые места в институтской самостоятельности?

Такой смотр проводился на каждом факультете ежегодно в апреле. Это была "минута славы" для тех, кто обладал хоть каким-нибудь талантом, и мог блеснуть им на институтской сцене ради преумножения славы своего факультета. Нашим грозным соперником всегда был переводческий факультет: на нем преобладали парни (многие весьма остроумные).

И вот наступает апрель. Работа над сценарием нашего капустника кипит, начиная уже с февраля. Наши "старшенькие" товарищи все время ссылались на былую капустническую славу факультета, обретенную в жестком противостоянии с переводчиками, и твердили, что мы все просто обязаны в очередной раз занять первое место по институту.

Сценки наши были достаточно непритязательными, построенными на местном материале. Ну, например, на занятиях языком нам беспрестанно задавали составлять диалоги по прочитанным книгам по домашнему чтению с вкраплением в них слов и выражений, которые необходимо было выучить. Сама форма диалога уже предполагает актерскую игру, открывает широкое поле для различной интонационной окраски, мимики, жеста. Да еще если сюда добавить юмора...

Чтобы как-то оживить эти диалоги, мы использовали любой подходящий материал: здесь разыгрывались и анекдоты, и встречи героев книг: например, уэллсовского Человека-невидимки и воинческого Овода, Том Сойер мог спокойно беседовать с кем-либо из Форсайтов. Помню блистательно составленные диалоги по "Старику и морю" Хэммингуэя — между крючком и червяком-насадкой, леской и удилищем, меч-рыбой и львом в стариковских снах.

Зал катался с хохоту. Здесь было и узнавание набивших оскомину у поколений студентов "любимых" героев, и смешные повороты в их общении друг с другом. Я до сих пор горжусь одной своей режиссерской находкой. Когда участник такого диалогического дуэта говорил другому — "А вон, кстати, и Человек-невидимка пожаловал", — в тот момент в глубине сцены по наискось натянутой веревке пролетала вешалка с накинутым на нее пиджаком. Эффект был достигнут.

Или еще один пример. Мы изучали описание человеческой внешности. Это достаточно интересная тема, она позволяет расширить запас слов, попрактиковаться в описаниях мужской и женской красоты, испробовать себя на куртуазном поприще в реальной жизни, если представится такая возможность. И вот очередное задание — составить диалог на тему внешности.

Мы решили со Славкой разыграть известный анекдот с использованием малого реквизита. Представьте себе узенькую аудиторию, где, как я уже писал, с трудом помещались десять студентов и преподаватель. Стул отодвинуть, чтобы встать с места, — уже проблема. И вот мы представляем на английском наш диалог, выступая в роли бывалых американских ковбоев:

— Привет, Билл!

— Здорово, Хэнк.

— Ну, что, старина Билли, заглянем промочить горло в этот неприглядный салун, больше похожий на конюшню папаши Саймона?

— Не против.

— Слушай, Билл, ну-ка взгляни слева от тебя в углу — парень сидит.

— Какой парень, где?

— Ну, слева, в углу, он такой длинноволосый, небритый, зуб у него еще вкривь смотрит, лицо оспой покарябано, брови, что твой кустарник.

— Нет, не вижу.

— Святые угодники! Ну, вон тот паршивый койот, лицо бронзовое от загара, шея как у бизона, нос картошкой, а глазки свинячьи.

— Да нет, Хэнк, мне ребята заслоняют тот угол, не вижу.

— Черт бы тебя побрал! С этими словами Хэнк (Славка Домогацких) лезет в стол, выхватывает оттуда огромный иссиня-черный кольт с шестигранным стволом, позаимствованный у его младшего брата, и начинает беспорядочно палить в разные стороны. Грохот в аудитории страшный. Все в дыму. Преподаватель и наши девочки в шоке. Далее по ходу действия подразумевается, что ковбой Хэнк перестрелял всех посетителей салуна, кроме одного, того самого, что сидит все в том же углу.

— Ну вот, теперь видишь его, Билл?

— Да, ну и что?

— Так вот, этот человек — мой самый злейший враг!

Аудиторию еще долго пришлось проветривать от сизого дыма громобойных пистонов.

Большую популярность снискал нам "женский" хор "Фонемочка", исполнявший факультетские частушки на мотив известных в то время частушек "Ярославских ребят". Выступали пять парней в платочках, а запевалой был Илья Гарбузов:

Мы аглицкие девчата

Не танцуем, не поем.

Но коль декан нас очень просит,

Ой, да мы и выступить смогём.

В деканат нас приглашают,

Чтоб за жизнь поговорить.

Ну а как оттуда выйдешь,

Ой, да не охота больше жить.

В лингафоне раз у пульта

Заполняю бюллетень:

Где, когда, зачем родился

И какого полу есть.

Все мы думали-гадали,

Как куренье прекратить.

Чтоб решить эту проблему,

Ой, да надо, девки, закурить!

Мы действительно заполняли какие-то длинные анкеты для того, чтобы получить в лингафонном кабинете магнитофонную пленку для самостоятельных занятий. Если мне не изменяет память, после выступления "Фонемочки" такую процедуру упростили.

Имелся у нас в резерве и такой "номер", на случай, если какая накладка выйдет с очередной сценкой капустника. Кто-нибудь из нас выходил на авнсцену и зачитывал подлинные

объяснительные записки студентов, опоздавших на занятия, которые те должны были представлять в деканат. Таков был жесткий порядок. Записки хранились в секретариате деканата. Так, Слава Домогацких написал однажды такое: "После переезда моих родителей со мною вместе на новую квартиру я пребывал в неведении относительно новых путей подъезда к институту. Когда я оправился на остановку автобуса, то он увлек меня в сторону от истинного пути. Прошу допустить к занятиям". Я, помнится, написал такое: "Рано поутру, преисполненный благих намерений присутствовать на первой лекции, я поднялся со своего ложа, и моя правая нога пршла в резкое соприкосновение с ножкой стула. Вследствие возникшей острой боли был лишен возможности передвигаться в течение часа, что и явилось причиной опоздаия. Прошу допустить к занятиям". А резолюция замдекана была такой: "К занятиям допустить. Причину считать неуважительной". Ну, и многое в таком роде. К счастью, у декана и ее заместителя было чувство юмора. Иногда такие "врезки" выручали.

Но, конечно же, самым неисчерпаемым источником юмора для нас были все те же занятия — языком ли, психологией, методикой, педагогикой. Только вот с историей партии в силу понятных обстоятельств шутить мы не решались. Хотя...

К смотру самодеятельности в 1968 году кто-то из наших написал небольшую сценку на основе монолога Фунта, персонажа из "Золотого тельца" Ильфа и Петрова. Естественно, вся она была переиначена и привязана к факультетской жизни. Роль Фунта поручили исполнить мне. Я, не долго думая, решил добавить в нее интонационный колорит и подпустил немного легкого "одесского" акцента. Чтобы чуть-чуть вовлечь в действие наше факультетское руководство, когда я произносил слова "Вы видите на мне эти брюки?", я подходил к краю сцены, оттягивал двумя пальцами штанину и напрямую обращался к сидящей в первой ряду Лидии Алексеевне Барминой, декану нашего факультета. В тот момент застывшая "начальницкая" полуулыбка на ее лице свидетельствовала, что пока все шло по утвержденному сценарию. Однако мое обращение непосредственное к ней заставило декана напрячься: а что, если этот студент выкинет что-либо не санкционированное, да еще на публике? Но я уже оставил Бармину и шел далее по тексту.

У меня в монологе были такие слова (почти как у настоящего Фунта): "А как я сидел в зале на капустниках при Егорове! А как я сидел при Судоплатове!"

Сам я людей, носивших эти фамилии, не знал — они окончили наш вуз в тот год, когда я поступил в него. Но старшекурсники рассказали нам, что Сережа Егоров и Толя Судоплатов были знаменитыми "капустникмейкерами" нашего факультета прошлых лет.

И вот реплика "А как я сидел при Судоплатове!" тогда вполне невинная, сегодня, по прошествии нескольких десятков лет и обретении нового знания о нашем прошлом, звучит несколько двусмысленно, а то и злое.

Дело в том, что отцом Толи Судоплатова был тот самый Павел Васильевич Судоплатов, один из крупнейших организаторов советской разведки, профессионал высочайшего класса по организации и исполнению тайных актов кровавого сталинского террора¹. После смерти Сталина П.В. Судоплатов был осужден на пятнадцать лет тюремного заключения, и в момент, когда я произносил свои слова в роли Фунта, он все еще отбывал свой срок во Владимирской

¹ Павел Васильевич Судоплатов (1907-1996), генерал-лейтенант НКВД-НКГБ. Лично ликвидировал руководителя украинского националистического движения Евгена Коновальца, участвовал в ликвидации Льва Троцкого и других неугодных сталинскому режиму деятелей. Принимал участие в организации минирования стратегических объектов в период обороны Москвы, создании диверсионных групп. В 1939- 41 зам. нач. отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В 1941 зам. нач. 1-го Главного управления НКВД СССР.

тюрьме (освобожден был только в августе 1968 года, отсидев от "звонка до звонка" все пятнадцать лет). А Толя все это время, значит, был вынужден под маской весельчака и капустнического заводилы скрывать свою семейную трагедию.

Драматизм моего монолога усугублялся еще и тем, что именно в тот вечер кто-то пригласил Толю, и он сидел в зале. Позже он станет известным человеком, профессором, специализирующимся на истории секретных служб. Анатолий часто выступал по телевидению с комментариями по тому или иному историческому событию, связанному с деятельностью советских рыцарей "плаща и кинжала". К сожалению, он ненадолго пережил своего отца: в 2005 году Анатолий Судоплатов скончался.

Большие капустнические таланты имелись и на переводческом факультете. В то время наряду с "нашим" Драновым гремели имена студентов переводческого факультета — Тургенева, Цесарского, Добкина. Естественно, многих их остроумов память не удержала, но, помнится, они весьма к месту использовали в одном из капустников пародию Достоевского на псевдонаучный стиль некоторых журналистов "...Если студент захочет пить, то не скажет ли он: "Принеси то существенное начало овлажнения, которое послужит к размягчению более твердых элементов, осложнившихся в моем желудке"¹.

Володька Тургенев славился настоящим актерским даром. Что бы он ни вытворял на сцене, все проходило на ура. Про Тургенева по институту ходила такая байка.

Идет заседание деканата, рассматривается вопрос о студенте Тургеневе, который не посещает лекций, имеет большую академическую задолженность и вообще на его поведение деканат давно уже держит зуб.

Выступает декан факультета Кузнецов и перечисляет все прегрешения Тургенева. В этот момент дверь распахивается, в деканат влетает Володька и, несколько запыхавшись, обращается к Кузнецову:

— Валентин Николаевич, я тут совсем обыскался — никак свой портфель найти не могу и все думаю: у вас я его оставил, или в туалете?

— Тургенев! — чуть ли не рычит Кузнецов в бешенстве от беспардонности студента, нарушившего степенный ход заседания. — Мы тут собрались, чтобы решать вашу судьбу, поскольку...

— Я все понял, — молниеносно реагирует Тургенев. — Значит — в туалете. И с этими словами немедленно ретируется. В деканате немая сцена по Гоголю.

Не могу забыть и еще один очаровательный эпизод, связанный с Володей, свидетелем которого мне довелось быть.

Для проведения первомайского вечера наш институт арендовал помещение тогдашнего Дома кино на улице Воровского (теперь это Поварская, и в том здании находится Театр киноактера). В первом отделении должен был быть концерт, составленный из номеров нашего капустника вперемешку с выступлениями приглашенных известных актеров и эстрадных исполнителей. Мы, занятые в капустнике, сгруппировались на сцене за закрытым занавесом, репетируя свои реплики перед выходом. Вдруг вижу, как из-за кулисы выплывает нетвердым курсом наш блистательный актер-вахтанговец Николай Гриценко, который должен был читать монолог из какого-то спектакля. (Нынешняя молодежь хорошо знает его по роли генерала Вермахта, беседующего со Штирлицом в купе вагона). И в тот же самый момент из-за другой

¹ СС №26 (657) 22.10.66

кулисы столь же нетвердым шагом появляется наш Володя Тургенев. Оба движутся навстречу друг другу и, поравнявшись, как бы притянутые невидимым магнитом, заключают друг друга в объятия и начинают медленно вальсировать. Один талант потянулся к другому. Зрелище было незабываемым.

Кстати, предметом неистоимых шуток был и особняк матери Тургенева (не нашего, а писателя) напротив Иняза. Народ на эту тему изощрялся беспрестанно.

Сашка Цесарский вошел в историю института, съев на спор двадцать сосисок после плотного обеда в нашей столовой. Призом спора была бутылка коньяка. Если принять во внимание, что у переводчиков стипендия была чуть повыше нашей, то коньяк стоимостью 4 рубля 12 копеек все равно был солидным призом. Сашка пыхтел, давился сосисками, просил дать горчички, чтобы как-то скрасить процесс, потом взмолился позволить ему ослабить ремень (условия пари были жесткими), и, наконец, с победным кличем дожевывал последнюю сосиску. Вожделенный коньяк был ему тут же вручен.

Алик Добкин был сперва студентом переводческого факультета, постоянно принимавшим участие в капустниках, а после окончания института остался там преподавать испанский язык и продолжал свою сценическую и режиссерскую "карьеру". Он был очень пластичен, с хорошо поставленной мимикой. Манерой игры он чем-то напоминал мне Валентина Гафта в молодости.

На этих комментариях история с моим монологом Фунта не заканчивается.

В тот день кто-то, по старой памяти, позвал и Сашу Дранова на наш смотр. К тому времени он уже два года, как кончил институт. "Старички, — завопил он после бурных объятий, — выпустите меня на сцену, имею сказать хорошую вещь". Раз попросил сам Мастер, то о чем речь! К тому же его выступление будет нашим сюрпризом-изюминкой.

Когда подошла его очередь, он вышел из-за кулис, взял микрофон в руки и начал: "Я — студент кулинарного техникума..." В то время имя Геннадия Хазанова еще не было столь широко известным, и поэтому в устах Дранова "кулинарный техникум" звучал для нас совершенно ново и неожиданно. После долгих стенаний о трудной жизни студента, решившего посвятить себя благородному делу — общественному питанию — Сашка неожиданно закончил жалобным голосом: "Только вот в эту сессию с экзаменами не повезло — борщ сдал, котлеты сдал, даже компот сдал, а вот историю КПСС завалил..." Ответом ему был гомерический хохот в зале.

Поскольку в тот год наш факультет уже в третий раз подряд занял первое место на смотре институтской самодеятельности, переходящий кубок — хрустальная ваза — должна была быть передана нам "на вечное хранение" в торжественной обстановке.

Но праздновать победу было еще рано. На следующий день всех нас, активных участников капустника и одновременно "комсомольских заводил" вызвали на институтский партком. Сперва я подумал — вазу вручать, но что-то подсказывало, что речь пойдет о другом...

И точно. Нам разъяснили состав "преступления", и вмазали по полной за драновского "студента кулинарного техникума". — "Вы понимаете, что это было недопустимо, что это прозвучало издевательски, и вообще, кто допустил этого выпускника на сцену?!" — гремело на заседании. Такое было впечатление, что сам дедушка русской словесности Василий

Тредиаковский дал в свое время точную характеристику таким парткомам: "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй"¹.

А потом настала моя очередь испить уже свою личную чашу.

Эту сцену привожу, практически, дословно:

— Товарищ Симуков — говорит мне Юрий Кирсанов, зам.секретаря парткома института по оргработе (по тогдашним меркам — большой партийный босс). — Мы хотели бы и вас поздравить с прекрасной победой в конкурсе, и отметить мастерски сыгранный монолог Фунта, но вот только у нас есть одно замечание...(последние слова произносятся вкрадчивым голосом с понижающейся интонацией).

— Какое? — невинно вопрошаю я, уже начиная догадываться.

— Акцент. Акцент в вашей роли.

— Какой акцент? — я уже все понимаю, но решаю позволить себе (не каждый день такое выпадает) несколько поиздеваться над "серьезностью момента" и вынудить его раскрыть свои карты.

— Ну, вы же понимаете, характерный такой акцент в вашем монологе ...

— Нет, я не понимаю, какой акцент? — вновь невинно вопрошаю я, разыгрывая полного лоха. — Я попытался изобразить пожилого человека, с какими-то присущими ему оборотами речи, и только.

— Нет, нет, вы все очень тонко сделали, но ваш акцент звучал определенным диссонансом...

Короче, вышла сказка про "белого бычка". Они не могли мне напрямую сказать, что легкий припуск "одесского", читай — "еврейского" акцента, который нам, фонетистам, было сделать достаточно легко, было нежелательно слышать со сцены "идеологического вуза". А я, пользуясь своей безнаказанностью, нахально подталкивал их к этому. Они смотрели на меня в бессильном отвращении, поскольку ничего не могли со мной сделать. Я же осязательно почувствовал свою крохотную победу над ними.

А вазу нам все-таки на том парткоме вручили...

Мы были счастливы и горды своей победой на смотре. А как здорово было пить шампанское из той призовой вазы, используемой в качестве кубка, прямо под дверью в кабинет нашего декана, принимая при этом все немыслимые меры предосторожности, чтобы не хлопнула пробка!

Естественно, наша ударная капустническая группа здорово перенапряглась, готовясь к смотру, и нам была необходима маленькая разрядка. Два дня никто из нас в институте не показывался (с молчаливого согласия деканата).

На третий день, отсидев на паре лекций, мы не выдержали и решили отпраздновать свою победу в пивной "Пльзень", что находилась на территории Парка культуры и отдыха им.Горького. Нас было человек пять, когда, все еще возбужденно галдя, мы двинулись в сторону парка и тот момент почти лицом к лицу столкнулись с Лидией Алексеевной Барминой, которая спешила в институт. И тут мы оценили ее такт: наша деканша отвернулась, как бы давая понять, что нас не видит, и продолжила свой путь.

¹ "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй" — эпитафия к книге писателя и философа Александра Радищева (1749-1802) "Путешествие из Петербурга в Москву". Данная фраза, описывающая мифического Цербера, означает: "Чудовище тучное, гнусное, огромное, со ста пастями и лающее". Радищев видоизменил строку из 514-го стиха поэмы "Телемахида", написанной поэтом и переводчиком Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703-1769).

В пивной мы заказали пива, креветок, соленых сушек. Все это тогда стоило дешево и было совсем необременительно для студенческого кармана. Скажу, к примеру, что проезд в троллейбусе стоил 4 копейки, пол-литра "Жигулевского" (другого не было) пива в разлив — 25 копеек, а килограмм варено-мороженных креветок — 80 копеек (потом цену быстро повысили до 1 р. 60 к.). И это при нашей стипендии в 28 рублей (у переводчиков, как я уже упоминал, она была больше). Вдруг выяснилось, что нам не хватает денег, чтобы расплатиться. Решение созрело мгновенно: меня оставить заложником у общепита, а самим гнать в институт и доставать деньги. Для меня потянулось томительное ожидание, усугубленное подозрительными взглядами со стороны официанток — а вдруг сбежит!

Шел уже второй час моего сидения в заложниках, как вдруг на пороге пивного заведения появилась шумная компания человек из двадцати во главе с Джульеттой Шахбаговой. Тут же все заказали по новой порции креветок и кружке пива, и веселье продолжилось.

Пировали мы долго. В ходе разгула выяснились любопытные подробности о том, как наши ходоки не только достали деньги, но и привели с собой мощное подкрепление и нашу любимую преподавательницу. Дело обстояло следующим образом.

Первым долгом добытчики финансов кинулись к секретарю нашего факультета Эльзе и наскоро объяснили ей, в чем дело. Затем ей же был вручен список лиц с разных курсов, которых следовало вызвать с лекций, занятий, семинаров в деканат (это благой предлог для преподавателей). Когда лицо, официально вызываемое секретарем факультета в деканат, обалдело выходило в коридор, пытаясь вспомнить, за какие прегрешения его (ее) тянут на Голгофу, ассистировавшие Эльзе посланцы быстро разъясняли, в чем дело, интересовались наличной суммой и предлагали присоединиться к хорошей компании.

Через некоторое время кредитодатели уже стройными рядами двигались в "Пльзень". Какие же мы были тогда молодые, веселые, радостные — ну, достойные наследники духа предшествующих поколений студентов, их пирушек, так живо описанных Гиляровским.

В конце недели мы решили еще раз отметить успех в "неформальной" обстановке — договорились встретиться на квартире у Сашки Дранова. Поскольку идея у него родилась спонтанно, он, как человек импульсивный, решил, вероятно, что спонтанно она должна развиваться и далее. Оставив нам свой адрес и уточнив час сбора, он исчез.

Хуже нет, когда вечеринка пускается на самотек: нельзя даже приблизительно рассчитать ни количества закуски, ни выпивки. Мы со Славкой логически определили, что народ, по обыкновению, натащит сухого вина (оно было нашим самым востребованным напитком, да и стоило дешево — около рубля за бутылку). Значит, нам нужно принести водку (хотя сами ее не пили) для тех, кто отдает предпочтение именно ей: тем самым мы заслужим всеобщее одобрение за сметливость. Так и сделали.

В назначенное время мы позвонили в дверь. Протянув хозяину свой хрупкий алкогольный взнос, мы остановились в растерянности — он нас встретил гомерическим хохотом, подхваченным еще десятком наших друзей. Мы были смущены, но через секунду ситуация прояснилась: оказывается, *все* принесли водку. О закуске никто не задумался, даже девчонки! Дома у Дранова нашлось только с полбуханки черствого черного хлеба, остатки прогорклого сливочного масла, пара головок чеснока и соль (зато ее было в изобилии!)

Водку разливали по чашкам, хлеб нарезали на микронной толщины кусочки, которые намазали еще более тонким слоем масла. Чеснока с солью не жалели. Было много шуток, разыгрывались какие-то импровизации. Кто-то придумал чисто "лингвистическое" развлечение: брался орфографический словарь Ожегова и открывался на букве "б". Далее к любому слову скромно прибавлялась буква в "е" самом его начале, и все это требовалось произнести во

всеуслышание по кругу. Любопытный эффект получался, особенно, когда очередь доходила до какой-нибудь девицы!

Вскоре я считал за благо поспешить домой — никогда водку не пил, но теоретически представлял последствия. Слабеющая память удержала в голове только зеленый огонек такси и чуть слышное артикулирование своего адреса.

Не говоря уже о ночи, утро было омерзительным. Но надо было ехать в институт — срок индальгенции на непосещение института давно закончился. В мучительном состоянии тяжелейшего похмелья я вошел в стены Alma Mater. Недолгое сидение на лекции закончилось позорным отпрашиванием у профессора к врачу вследствие невероятно плохого самочувствия.

Когда же я дополз до дверей нашего институтского эскулапа, там уже толпились участники вчерашней вечеринки, от которых, как и от меня, омерзительно несло водочным перегаром и чесноком (жевательные резинки в СССР тогда еще не продавались). У нас не было даже сил улыбнуться друг другу. Когда дошла очередь до меня, я пожаловался доктору на острейшее пищевое отравление. И тут надо отдать должное милосердному врачу: стараясь не смотреть в мою сторону и уж тем более не вдыхать исходявшие от меня миазмы, он лишь ехидно посетовал, сколь же много народу уже посетило его кабинет с теми же симптомами, что и у меня. Зажав в руке возжеленную справку об освобождении от занятий на один день, я, собрав оставшиеся силы, поспешил домой в свою уютную постельку. Вновь человеком я почувствовал себя лишь часам к девяти вечера.

Нет, все-таки Дранов был куда более утонченным режиссером, нежели хлебосольным хозяином, роль которого он, как мне кажется, понимал слишком упрощенно и прямолинейно: только хлеб да соль.

О дальнейшей судьбе Александра Дранова мне было известно немного. Я слышал, что на пятом курсе он написал блистательный диплом по Шекспиру. Таких студентов по всем меркам надо было оставлять в институте — преподавать. Об этом мечтал и сам Саша, но на распределении его засунули в какое-то издательство — полную дыру. Объяснялось все просто: Дранов был евреем да еще и костью в горле у институтского начальства из-за живости своего характера и таланта.

Говорят, на своей работе он пописывал статейки о путешествиях в духе журнала "National Geographic", выдавая их за действительно имевшие место, и даже публиковался. Из СССР он уехал в середине 70-х годов, довольно долго обретался в Италии, работая с советскими эмигрантами, потом оказался в США, занимаясь не свойственной его творческому духу работой, связанной с компьютерами, и стал, в конце концов, преуспевающим адвокатом.

Капустническая традиция на факультете продолжалась довольно долго — лет, наверное, шестнадцать. Начатая нашими режиссерами Толей Судоплатовым и Сережей Егоровым в конце 50-х, продолженная Сашей Драновым, а после него — Колей Агальцевым (и всегда — со товарищи) в 60-е, ее подхватило молодое поколение, пришедшее на факультет уже после нас в 70-е годы. Я однажды был свидетелем оваций тем ребятам, которые с блеском продолжали дело "отцов-основателей" факультетского юмора. Помню только одну фразу из их сцены, посвященной разбору литературного стиля Льва Толстого в американском колледже: "Лео Толстой пишет длинно-гато".

Но благодарная память последующих поколений инязовцев сохранила и такой эпизод. Андрей Рекемчук, кстати, младший брат нашей сокурсницы Милы, пришедший по стопам сестры к нам на факультет в начале 70-х и возглавивший капустническое дело, заявился на занятие по "войне" с шевелюрой, длина которой несколько превышала привычные для военной

кафедры нормы. Получив приказ "пойти и постричься" (парикмахерская была рядом, через дорогу), Андрей щелкнул каблуками и удалился исполнять приказание, затаив при этом в душе, как писал когда-то Михаил Зощенко, "некоторое хамство" против такого приказа. В парикмахерской он попросил мастера немедленно постричь его наголо. Мастер был немало удивлен: тогда еще не было миллионов привычных ныне "качков" в фильмах про бандитов, самих бандитов и подражателей Феде Бондарчуку.

Когда Андрей появился в институте с головой, "голой, как коленка", он всех поверг в шок. Особенно ужаснулось факультетское начальство: через несколько дней должен был состояться очередной смотр институтской самодеятельности, а тут единый в двух лицах главреж и главактер, да в таком виде... Короче, большой "шкандаль".

Выход нашли родители Андрея: срочно были "прочесаны" чуть ли не все комиссионные магазины Москвы в поисках дамского парика (мужских тогда не было, да и дамский парик был вещью чрезвычайно дефицитной). Далее, при помощи портновских ножниц (нейлон плохо резался обычными), парик у придали вид относительно пристойной мужской прически. Вся "антипарикмахерская" процедура вызывала острое сожаление — такую красоту портить...

Андрей с блеском отыграл несколько своих сцен, и когда выступление нашего факультета на смотре закончилось, он вышел со всеми участниками, поклонился в ответ на овации и ... снял парик. Старожилы говорят, что добрые старые стены Иняза чуть не рухнули.

Как-то раз перед Первомайскими праздниками я осторожно поинтересовался у родителей, не возражали бы они, если бы наша компания поехала к нам на дачу на эти дни. К моей великой радости согласие тут же было дано, но под мою ответственность: студенты-то народ известный... Воодушевленная предвкушением новых ощущений "у Симукова на даче", наша компания стала активно готовиться предстоящему отъезду.

Я отвечал за общее руководство, приготовление шашлыка и гитару, девчонки — за остальное питание, покупка которого была распределена между парнями. В те майские праздники нас приехало на дачу человек двенадцать. Как же все радовались свободе, солнышку, природе, только что вылезшим сморчкам! От прозрачного весеннего воздуха голова шла кругом больше, чем от "Саперави".

Были и песни у костра, и шашлыки из жесткой баранины (хорошо хоть такую нашли, тогда с мясом была большая напряженка). И при этом все отношения между нами были настолько целомудренными, что по нынешним меркам можно только диву даваться. Да и не *это* было у нас тогда на первом месте. Бытовые трудности нас не пугали: дощатое строение в глубине участка, дровяная плита и топка котла будущего центрального отопления еловыми шишками (газ должны были подключить через полгода, а ночи были холодными) только добавляли романтики.

Однажды мы даже провели эксперимент: на дачу приехали и мои мама с папой с внуком, а моим племянником Алешей, которому в ту пору было лет 6-7. И вот что удивительно — все мы как-то разместились и не стесняли друг друга, благо участок был большой. А Алеша, которому теперь под пятьдесят, с восторгом вспоминает те дни, когда инязовские небожители "допустили" его к своему костру, и он сидел тихонечко, по-своему упиваясь атмосферой студенческого счастья. Потом мы уже ездили на дачу и на ноябрьские праздники и даже на пару дней в зимние каникулы и все также топили дом шишками. Только к шашлыку прибавились еще и самодельные пельмени, которых однажды мы наделали уйму. Проблем с холодильником не было: все это белое пельменное поле разместилось на большом столе на летней террасе, где трещал январский мороз.

Английский хор и женщины четырех поколений

"Нет, ты обязательно должен петь в нашем английском хоре, тем более что у нас парней не хватает" — с такими словами буквально на второй день моего появления в институте кто-то накинулся на меня в коридоре. И хотя я очень любил петь с детства и знал о существовании нашего хора, моя натура взбунтовалась. Что значит "должен"? Почему мне навязывают пение в хоре, как комсомольское поручение? Нет, я уже взрослый, свободный человек, и хоть здесь не поддамся идеологическому давлению. На меня посмотрели с нескрываемым удивлением и отошли.

А впервые я услышал наш хор, когда пришел еще школьником на день "открытых дверей". Пели его участники хорошо, задорно, ритмически чеканно, особенно американскую "рабочую" песню "Джон Генри". Руководила хором Фрима Семеновна Надлер, а аккомпанировала ее дочь Беатриса Здорова. Фрима Семеновна выглядела настоящей леди с серебристыми от седины волосами короткой стрижки. Но от английской чопорности ее отличал такой молодой задор в глазах и энтузиазм, что она дала бы фору иным студентам. Говорила она с легким акцентом (позже мне сказали, что Фрима Семеновна приехала в СССР из США еще в 30-е годы). Ее дочь Беата, тогда еще студентка вечернего отделения нашего факультета, а позже — преподаватель на переводческом факультете — ярко выделялась своей невероятной гривой тяжелых, черных, как смоль, волос.

Еще Беата, аккомпанируя себе на фортепьяно, пела негритянские спиричуэлс неожиданным для своего хрупкого телосложения низким грудным голосом. А еще она была замужем за выпускником переводческого факультета Юрой Здоровым и у нее была очаровательная маленькая дочка Машка.

До сих пор удивляюсь своему глупо-горделивому отказу петь в хоре. Как же я тогда не почувствовал, что мне надо было немедленно присоединиться к этому уникальному сообществу поющих людей, объединенных в прямом смысле единым голосом, чувством товарищества и гордости за свой коллектив?! А я отстаивал свою свободу, противясь императиву "ты должен"...

Пришел я в хор только на третьем курсе, уже сделав свой осознанный выбор, но потеряв для себя массу драгоценного времени. С хором я остался и до конца учебы. Мы пели разные песни: там были и американские ритмические "песни труда", и протяжные песни бродяг и нежные негритянские колыбельные. В репертуаре хора были филиппинские песни, русские, на других языках народов мира. На французском и немецком лучше, естественно, пели студенты соответствующих педагогических факультетов, у которых были свои небольшие хоры. К торжественным датам все мы объединялись в один сводный хор, гремевший под старыми сводами нашего здания своим разнообразным репертуаром. Наши выступления всегда заканчивались вечным студенческим гимном "Gaudeamus".

Осенью 1968 года отмечалась 50-я годовщина комсомола. Институтское и партийное начальство стояло "на ушах" — все силы были брошены на достойную встречу этой даты. У нас был организован по этому поводу торжественный вечер и концерт. После официального доклада (какое же счастливое нынешнее поколение: оно не знает, что такое "доклад" к "красным" датам календаря!) художественную часть открывал хор. Но петь одни только песни комсомольского прошлого, какими бы мелодичными они не были, в вузе, связанном с иностранными языками, было невозможно.

Решили сделать так: сперва комсомольско-задорное, потом комсомольско-лирическое, под конец выступления — хит сезона, песню английского певца Тома Джонса "Delilah".

Рассчитывали, что худсовет ее пропустит по причине прекрасного мелодизма и не будет особо вслушиваться в английский текст. А он, в моем шутовском переводе, был примерно таким: "Я увидел любовные тени на оконной ее занавеске// Я к ее двери подошел, и нож острый в кармане нашел// Прости мне, Делайла, что с горя убил и ушел".

Как видно даже из этого подстрочника, речь в песне шла о даме более чем легкого поведения. Просечет это наш партийный ареопаг, или зарубит на корню? — волновались мы. Слава богу, пронесло. Потом "Delilah" прочно вошла в наш постоянный репертуар. Вообще-то по-русски она должна произноситься как Далила, но все уже привыкли к английской "Дилайле".

После нашего триумфа на смотре художественной самодеятельности в том же году для меня неожиданно открылась еще одна ипостась моих способностей. Еще в школе мой приятель, увидев у нас в доме 7-струнную гитару, на которой никто не играл, настроил ее на "цыганский", по его словам, строй и показал мне несколько аккордов. Я стал потихоньку тренькать, только вот струна в центре грифа мне мешала, и поскольку ни в каких аккордах она не было задействована, то я просто ее снял, сделав из 7-струнной гитары 6-струнную, но с пустотой в середине. Люди, немного разбирающиеся в гитарах, в изумлении качали головами: такого строя, да еще и без одной струны в центре грифа, никто не знал. Но, худо-бедно, основные аккорды я освоил.

И вот в ходе подготовки к вечеру один второкурсник (я уже был на третьем), Саша Егоров, предложил мне и еще одному парню, Диме Белявскому спеть трио под аккомпанемент двух гитар знаменитую песню на стихи Р.Киплинга "Boots" ("День, ночь, день, ночь. Мы идем по Африке..."). Что мы и сделали, причем я как-то ухитрился подстроить свой "цыганский" строй к нормальному строю 6-струнной гитары Егорова. Роскошный бас-профундо Белявского, обладавшего к тому же и соответствующей импозантной внешностью, и наше треньканье с бэк-вокалом было встречено залом с большой теплотой. Насколько мне стало известно, среди девушек нашего факультета даже пари заключалось, кто быстрее соблазнит Белявского. К сожалению, наше трио "ДАД" (Дмитрий-Александр-Дмитрий) впоследствии как-то не сложилось.

Надо сказать, что это был период настоящего бума студенческих песенных трио, квартетов, дуэтов с гитарным аккомпанементом. Во многом отношу это за счет развития такого пласта культуры на Западе, появления Битлов, мощная волна которых дошла и до советских берегов, американских певцов и бардов, исполнявших антивоенные песни и "песни протеста".

Как-то так получилось, что вскоре вместо Белявского к нам присоединилась Беата Здорова, или, скорее, мы к ней. Она умела немного играть на 7-струнной гитаре. Наше новое трио стало достаточно стабильным и обрело скромную славу в стенах института. К этому нужно добавить, что мне посчастливилось переписать у кого-то на магнитофонную ленту (были только катушечные магнитофоны, кассетных еще не было) великолепный концерт американского трио "Peter, Paul & Mary", гремевшего по всему миру. Это трио исполняло американские народные песни, спиричуэлы, детские колыбельные, баллады.

Однажды я притащил пленку в институт. Еще до того, как показать ее Беате, я на занятиях фонетикой с нашей Джулей невинно сунул пленку в магнитофон, и из него полились чарующие звуки трио "Пети, Павлика и Маши" — так мы любовно называли наших кумиров. Моей целью было отнюдь не срыв занятия: мне нужна была помощь Джули, чтобы разобрать некоторые слова одной песни, которые я никак не мог понять, прослушивая пленку. Между прочим, обучение произношению, умению слушать и понимать устную речь (по-инязовски — аудировать) посредством расшифровки текстов песен широко применялось в качестве одной из

методик: я увидел это и в Минском Инязе, и в Бирмингемском университете. Об этих двух учебных заведениях речь еще впереди.

Так вот, Джуля, сама заинтересовавшись исполнителями, мне помогла, весь текст был разобран, и мы с Беатой и Сашкой немедленно включили эту песню в свой репертуар. Потом песни "Peter, Paul & Mary" с моей легкой руки запел весь институт. В последующие годы я гонялся за их новыми пластинками, и сегодня у меня в коллекции они есть даже в видеозаписи.

Наша скромная популярность постепенно росла. Неожиданно на одной из репетиций к нам подошел какой-то человек, представился, что с телевидения, и пригласил принять участие в музыкальной передаче о студенчестве, посвященной международному Дню студента. Мы были польщены и, естественно, немедленно согласились. Это сейчас за появление на экране с песенным номером нужно платить огромные деньги, а тогда все было наоборот! В нашем случае, правда, дело ограничилось лишь моральным удовлетворением.

Мы выбрали у того же трио "Peter, Paul & Mary" лирическую песню, "500 миль", где поется об одиночестве человека, покинувшего свой дом в поисках лучшей доли. Настал день записи. В останкинской студии было жарко от софитов, как в Сахаре. Там толпились еще несколько вокально-инструментальных групп, наигрывавших свои вещи — мелодичные и интересные не только с музыкальной точки зрения, но и по содержанию (в то время до текстовок "Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша" или "Тома, Тома, выходи из дома" просто додуматься было невозможно). Вел передачу тогда еще не титулованный (ныне он Народный артист России) Олег Анофриев. Быстренько узнав содержание нашей песни, он умело состряпал подводку к теме одиночества молодого человека в капиталистическом мире, режиссер дал нам знак и мы затянули...

После записи, когда мы стояли на платформе станции метро, то я втихую любовался Беатой: невероятно красивая, в платье из темно-синего шелка с искоркой, с воротником-стойкой, которое я окрестил "китайским". Роскошные волосы, рассыпанные по плечам, глаза чуть подведены синей тушью, что не привычно: все девчонки только черным делают или коричневым, а тут — глубокий, изумительно ей идущий цвет, так выразительно подчеркивающий глаза, да и весь ее облик. И хотелось мне, чтобы эти минуты никогда не кончались. Тут она вдруг начала торопливо снимать и без того легкий макияж, приговаривая, что "Юрка (ее муж) этого не любит". — "Да что он понимает, — кричало все у меня внутри. — Это же здорово, это прекрасно, это как легкое прикосновение художника, которое породило Галатею... Не надо, не делай, останься такой..." И все равно, даже без искусственных прикрас, Беата была чудо, как хороша.

Вообще она, по сравнению с нами, была из другого, "взрослого" мира: уже несколько лет замужем, у нее подрастало милейшее создание, дочь Машка, которой в ту пору было три годика.

После телевизионного дебюта нашему трио пришлось расстаться с Сашей Егоровым — он не очень жаловал репетиции, иногда вообще не приходил на них, а искусство, пусть даже на самодеятельном уровне, требует жесточайшей дисциплины. Короче, Егорова мы заменили на мужа Беаты, Юру Здоровова. Оказалось, что он тоже немного играет на 6-струнной гитаре и обладает хорошим слухом и низким, "с примесью металла", голосом.

Начались репетиции уже в новом составе. Названия наше трио никакого не имело, иногда нас для краткости в институте именовали "Беата и ребята". Мы много пели на институтских вечерах, нас приглашали и в другие коллективы. Помню, мы даже выступали во Дворце культуры автозавода ЗИЛ. Репетировать нам было легко: все трое были одержимы музыкой, понимали друг друга с полуслова, готовы были часами оттачивать какие-то нюансы, делать

новые аранжировки. Машка тихонько сидела в углу комнаты и внимала нашей работе с величайшим удовольствием.

Я любил бывать у Беаты дома. Там всегда царила музыка и домашний уют — прекрасное сочетание. На Беатрису я по-прежнему поглядывал снизу вверх, как подросток смотрит на женщину, обладающую, по его мнению, какой-то неведомой ему тайной. А тайна-то эта именно в том и заключалась, что Беата была просто женщиной, хозяйкой, матерью, хранительницей домашнего очага, и в этом плане — существом "высшего порядка" по сравнению со мной, не обремененным еще житейскими заботами. Помню, как явился я к ней на репетицию, и она немедленно потащила меня на кухню, заявив, что мужикам, пока их не накормят, всякий труд, в том числе и занятие искусством, противопоказан, потому что из-за их голодной злости он будет просто непродуктивным.

Упорная работа над нашим "исполнительским мастерством" принесла свои плоды. Нас заметили в Ленинском райкоме комсомола и пригласили выступить на открытии фестиваля художественной самодеятельности вузов этого района во Дворце спорта в Лужниках. Мы были невероятно удивлены, когда нам сказали, что наш номер в программе будет первым. Соответственно пришлось несколько изменить репертуар и подготовить революционно-романтическую песню "Там вдали, за рекой", а уж потом дать нашу любимую "500 миль".

На генеральной репетиции произошел забавный случай. К нам подошел невзрачный человечек и поинтересовался содержанием этой песни на русском языке. Мгновенно распознав в нем "искусствоведа в штатском", мы дословно перевели ему текст. Но он на этом не успокоился и попросил нас дать перевод в письменном виде. Это уже было слишком, и мы отослали его к сборнику американских песен на русском языке в блистательном переводе наших самых известных поэтов-переводчиков-песенников С.Болотина и Т.Сикорской.

И вот наступил наш звездный час. Мы волнуемся за кулисами. В огромном зале Дворца спорта стоит гул от 15 тысяч человек. Мы еще раз проверяем, настройку своих гитар. Я ведь уже говорил, что никто из нас талантом гитариста Пако де Лусия не обладал, да еще мы играли на гитарах с тремя различными строями — мой "цыганский", Беатина семиструнка и 6-струнный строй у Юры. Мне, чтобы взять чистый минорный аккорд, приходилось моментально подкручивать колок одной из струн, выверяя в миллиметрах и градусах, на какой угол его повернуть — настраивать-то времени ни секунды не было!

Наше напряжение сопровождалось еще ворчанием на меня Беаты за то, что я принял граммов 150 вермута. А я его выпил не для того, чтобы избавиться от мандража, а потому, что опытным путем установил: чтобы мой голос рокотал с хорошими обертонами, для моих связок требовалось пропустить стаканчик этого напитка. Кстати, такую методику потом подтвердили и медики в какой-то статье.

Но вот занавес пополз в стороны, мы вышли на авансцену. Перед такой огромной аудиторией да еще при торжественном открытии мероприятия мне выступать не приходилось. Но мы все отпели нормально, получили свои аплодисменты и разъехались по домам.

Наше трио тоже просуществовало очень недолго: я ушел на диплом, а потом началась работа. А Беата с Юрой продолжили наше начинание. Они пригласили присоединиться к ним двух студентов с переводческого факультета — Мишу Ганеева и Сашу Коптева. Те уже владели гитарой мастерски, можно сказать, профессионально, да и голоса у них были прекрасные. Так появился известный в 70-е годы квартет "Лингва", исполнявший песни народов мира.

"Лингва" блистала на фестивале молодежи и студентов в Гаване, на международных конкурсах, у ансамбля выходили пластинки, известный джазист Георгий Гаранян

профессионально аранжировал ребятам аккомпанемент. Квартет "Лингва" был даже упомянут в чешской "Энциклопедии джаза и современной популярной музыки"¹.

А как они звучали в наших старых институтских стенах! Когда Мишка Ганеев начинал свою "Julliette", то никакой Том Джонс с ним не мог сравниться, а наша Джуля Шахбагова млела "до потери сознательности", справедливо считая, что эта песня посвящена лично ей.

Я невероятно радовался успехам моих друзей, хотя сердце и щемило от воспоминаний, что в самом начале я малой толикой был сопричастен к рождению этого прекрасного квартета. Но у меня уже были "иные времена, иные песни".

1974 год. Я уже несколько лет работал в Международном отделе ВЦСПС, но иногда забегал в институт провести Фриму Семеновну с Беатой. Та уже защитилась по теме "Модификации просодической системы под влиянием изменений темпа речи" (и такими премудростями занимаются лингвисты!), стала кандидатом филологических наук. Никогда не забуду, как я пришел в аудиторию, где репетировали человек тридцать хористов, послушать, что и как поет новое поколение инязовцев. "У нас гость, — сказала Фрима Семеновна. — Он много лет пел в нашем хоре. Давайте поприветствуем его". Сердце дрогнуло, когда по мановению руки хормейстера все встали, и полилась знакомая песня, звучащая ничуть не хуже, чем когда-то у нас. Я был растроган до глубины души.

А 23 марта того же года Беата пригласила меня на институтский вечер, посвященный 25-летию хора, сказав, что на юбилей приглашены все хористы предыдущих выпусков, начиная с 1949 года. Зал был набит битком не только студентами, но и людьми более чем среднего возраста.

Фрима Семеновна буквально летала по сцене, давая последние наставления стоявшим "лесенкой" хористам. В зале сновали девушки и раздавали всем листочки с отпечатанными на стеклографе словами песен, что пел хор и в 1949 и в 50-х и в 60-х годах. Аудитория гудела: многие бывшие хористы не виделись годами и радостно общались друг с другом.

И еще один человек неслышно, как летучая мышь, носился по залу с фотокамерой в руках в поисках наиболее удачного ракурса. То был студент вечернего отделения нашего факультета Валера Христофоров, уже тогда работавший фотокорреспондентом ТАСС. Ряд фотографий из моей книги сделаны его объективом. Профессионализм фотохроникера заслуженно вознес его на карьерную вершину: в 1985 году Валера стал личным фотографом Михаила Сергеевича Горбачева.

Но вот Фрима Семеновна вышла на авансцену и подняла руку — зал моментально стих. Она как бы перекрестила его, деля на четыре части: первый и второй голоса, подголоски, и объявила — "Oh, Freedom!". За этой песней-мечтой о свободе американских негров, понеслась вторая, третья, четвертая. Зал встал, он пел единым ансамблем, как будто и не минуло для многих его участников целой четверти века. Их лица горели восторгом, воодушевлением, мощь хора нарастала до фортиссимо. Трудно описать все это словами так, чтобы они хотя бы отдаленно могли воссоздать царившую в тот день в Инязе атмосферу. Поэтому у меня остались лишь одни эмоции человека, прожившего с хором душа в душу несколько лет.

Вечер завершился громом аплодисментов. Беата, наш бессменный аккомпаниатор (некоторые утверждали, что она, как только родилась, так сразу же и села за рояль аккомпанировать хору), и Фрима Семеновна счастливые стояли рядом и внимали беснованию солидных людей от переполнявших их чувств. Бывшие хористы на несколько часов вернулись в

¹ Encyklopedie Jazzu a moderní populární hudby. Editio Supraphon, Praha, 1983, p.309

свою молодость. Рояль на сцене был завален такой горой цветов, что они сыпались на пол, образуя вокруг него своеобразный венок. Друзья, пришедшие со мной в тот вечер в институт, были по настоящему потрясены услышанным и увиденным.

По своей работе мне пришлось изрядно поколесить по свету, встречаться со многими людьми. Чрезвычайно важным было сразу же установить с ними дружеский контакт, растопить первоначальный "лед недоверия", тем более с теми, кто видел во мне лишь "коммунистического агента". И в этом мне всегда помогал мой английский хор.

На Филиппинах я пел вместе с крестьянами народную песню сборщиков хлопка, в Австралии затягивал "Танцующую Матильду", которая чуть было не стала официальным гимном этой страны. На Кубе мы пели песни и о революции и о труде прачки, с англичанами распевали матросские песни и песни Битлов. Вместе млели с немцами от их рождественской "Елочки" — "O Tannenbaum", французы снисходительно относились к моему исполнению на английском языке (мне так больше нравится) знаменитой лирической песни Мишеля Леграна из фильма "Шербургские зонтики".

В тот момент сметались все мыслимые и немыслимые барьеры, мы, поющие, становились уже единым целым, хорошо понимающими друг друга людьми. А какой кайф я получил в Новой Зеландии, когда меня в одном небольшом городке пригласили на репетицию хора, и его руководительница, маорийка, приветствовала меня с соблюдением национальной традиции — потерлась своим носом о мой! По живости характера и увлеченности она была копией нашей Фримы Семеновны! Хор пел прекрасно, и с тех пор я очень люблю слушать маорийские песни, которые, кстати, своим мелодическим рисунком напоминают европейские.

Прошло много лет. Я регулярно поддерживал отношения с домом "женщин четырех поколений" — так я не без доли грусти называл семейство Надлеров-Здорововых. Четырех, потому что Фрима Семеновна стояла во главе этой пирамиды, далее следовала Беата, потом ее дочь Маша, а затем Машин дочь Алиска. Все мужчины из этого дома постепенно исчезли. А в начале 90-х и все женщины подались на историческую родину Фримы Семеновны — в США и обосновались в штате Коннектикут.

Мы постоянно общаемся и по телефону и по Интернету. Я радуюсь, что Беата нашла в этой стране свое женское счастье, выйдя замуж за правнука Фрейда ("Только вот с деньгами у нашего правнука туговато было по началу, — смеялась она — но теперь у нас все о'кэй!"), Маша тоже устроила свою судьбу и вышла замуж, и у нее, чтобы Алисе не было скучно, родился сын Коля. Алиска сегодня уже окончила университет...

Весной 2010 года Фрима Семеновна отпраздновала 96-летие! Когда я позвонил по телефону, ее голос звучал привычно звонко и радостно: "Спасибо за поздравление! Мы тебя всегда помним и любим! А я здесь не сижу без дела, я тут организовала хор из прихожан местной церкви, и у меня с величайшей радостью и энтузиазмом поют наши (американо-иньязовские!) песни 70-80-летняя молодежь!"

Ну, что тут можно сказать... Здоровья, счастья, мира и благополучия вам, моим любимым "женщинам четырех поколений", душевное тепло которых ни на миг не оставляет меня.

Дубляж фильмов. Я становлюсь "мистером Фордом, автомобильным магнатом"

Студент и деньги — проблема вечно актуальная. С нашими 28 рублями было не очень-то разгуляться, но, тем не менее, мы ухитрились "кутить" на эти деньги (правда, не без

определенной родительской помощи). А вообще кто-то из нас уже подрабатывал частными уроками, и, случалось, по высшей ставке — целых 3 рубля в час.

Однажды меня в числе нескольких сокурсников пригласили на дубляж учебного фильма "Таинственный мост". Сюжет был до примитивности прост: группа английских школьников приезжает в СССР и всем интересуется, а их советские сверстники водят англичан по Москве и дают соответствующие разъяснения. И вот англичане попросили наших показать им "мост кузнецов": они нашли на плане города такое название. Советские школьники отвечают, что такого моста нет. Англичане удивляются: как это, моста нет, а на карте есть?

Теперь-то мы знаем, что такой мост был и сохранился в толще земли ниже уровня проезжей части, а о нем напоминает название улицы. Незамысловатость сюжета с лихвой покрывалась различного рода устойчивыми оборотами устной английской речи, которыми мы и должны были продублировать реплики наших актеров-школьников, игравших и самих себя, и своих зарубежных гостей.

Меня работа увлекла: интересно было успевать произнести английскую фразу, по темпу в точности совпадающую с русской (количество-то слов разное из-за отличия грамматических структур этих языков), подбирать какие-то слова, не меняющие смысл русской реплики, но так, чтобы при этом на экране артикуляция русских звуков совпала бы с английскими.

Смешно, но даже здесь я выступил за "правду жизни". Эпизод был следующий: английские школьники идут по площади Дзержинского мимо "железного Феликса" (еще нам ждать целых тридцать пять лет до того момента, когда и площадь переименуют и самого Феликса низвергнут с его пьедестала), и один из них спрашивает: "А кому это памятник?" Вопрос абсолютно естественный и элементарный, он подразумевает получить такой же простой ответ — тому-то, который тогда-то был тем-то.

Вопрос этот должен был задать мой герой. Я, исходя из своего понимания мизансцены эпизода, в таком спокойном тоне его и задал. Это вызвало неудовольствие у сценариста и режиссера фильма. "Нет, — кинулся он ко мне. — Вы должны задать этот вопрос так". И тут он мне продемонстрировал, *как*: следовало изобразить голосом глубочайшую заинтересованность, понизив его чуть ли не до мавзольного шепота, затем произнести фамилию Дзержинского с благоговейным придыханием (и это при том, что "английский" школьник не может иметь еще ни малейшего понятия об этой революционной фигуре — он впервые в СССР). Я ринулся в бой, доказывая, что все эти интонации будут абсолютно нежизненными, а фильм хоть и учебный, но все равно, нельзя же так напролом давать агитку. К моей радости, убедить режиссера мне удалось.

Какое-то время спустя, нас позвали дублировать голоса "нехороших" американских военных моряков. Это был фильм "Нейтральные воды". Сюжет его вкратце таков: плотным кольцом эти моряки окружают в воде простого советского матроса, вывалившегося за борт со своего корабля. С одной стороны, американцы хотят, вроде бы, спасти его, но их истинная цель иная. Они стремятся завладеть портфелем с секретными документами, с которыми наш разгильдяй вывалился за борт. Вообще у меня возникал вопрос — а таким ли простым был тот советский матрос?

Когда я посмотрел фильм уже после его выхода на экран, то ничего кроме пыхтения, сопения, зверских выкриков на английском языке с американским акцентом "Держи его! Хватай его! Лови его! Портфель, портфель!" не разобрал. Мой голос потонул в общем раже и плеске волн.

За все эти разовые работы "по дубляжу" нам платили сущие гроши, но мы и им радовались.

Как-то раз мать одного из наших младшекурсников, режиссер на радио, пригласила нас на массовку в радио-спектакль "Директор" по одноименной повести Юрия Нагибина. В этой постановке рассказывалось о жизни Лихачева, того самого первого директора завода "ЗИС", с которым довелось еще поработать моей тете Але.

Так вот, в начале 30-х годов Лихачев был направлен в США на завод Генри Форда овладевать искусством управления огромным автозаводом, причем посланец страны Советов поставил мистеру Форду условие, что начнет работу простым рабочим, чтобы "изнутри" познать всю кухню автомобильного производства.

Вот на этот-то эпизод общения Лихачева с Фордом, с рабочими на конвейере и позвали нас, студентов Иняза, изображать перед микрофоном "американцев". Роль Зворыкина (Лихачева) играл известный актер Юрий Пузырев, а роль Форда — пусть и небольшую, но с монологом и диалогом с Пузыревым-Зворыкиным — досталась мне.

Тут я опять делаю небольшое отступление. Заочно я хорошо знал Пузырева по фильму "По ту сторону", снятому по папиному сценарию. В нем Юрий играл одну из главных ролей и впервые спел "Песню о тревожной молодости" ("Пока я ходить умею, пока дышать я умею..."). Написанная А.Пахмутовой на слова Г.Добронравова специально для этого фильма, эта песня впоследствии стала чрезвычайно популярной.

Когда мы приступили к репетиции нашей сцены, я вскользь упомянул о нашем "заочном" знакомстве. Пузырев расплылся в улыбке и сказал, что та роль была одной из его любимых. Контакт был мгновенно установлен. Позже мне пришлось немало попотеть, чтобы научить Юрия нескольким английским фразам, которые он произнес с невероятным русским акцентом.

Начиналась сцена моего, мистера Форда, знакомства со Зворыкиным-Лихачевым-Пузыревым со слов: "Да, я слышал о вас. Похвально ваше желание изучить наше производство. Правда, вы, русские, что бы ни производили у себя в России — сапожную ваксу или что еще, вы на весь свет тут же заявляете, что это самое лучшее в мире!" Пузырев в ответ на этот "провокационный выпад" парировал какой-то ходульной фразой относительно нестигаемой большевистской целеустремленности.

По прошествии многих лет у меня создалось впечатление, что перспективную программу развития нашего автопрома до и после XXI века в уста своего героя вложил писатель Юрий Нагибин, а политик Михаил Сергеевич Горбачев лишь подкрепил ее заверением в конце 80-х, что СССР станет лидером мировой автомобильной промышленности. Как говорится, где сегодня та река и где сегодня та усадьба...

В ходе репетиций произошла еще одна приятная для меня встреча. Помощником режиссера спектакля был пожилой, с проседью, но невероятно живой человек небольшого роста. Он носился по студии, обеспечивая слаженную работу звукооператоров, техников и других служб. В первый же день, услышав мою фамилию, он подошел ко мне и сказал, что его зовут Яков Ромбро и что он из той самой агитбригады 30-х, в которой встретились мои мама и папа.

"Господи! — воскликнул мама, когда я рассказал о нашей неожиданной встрече. — Яша!" Вскоре Ромбро пришел к нам в гости, и мои словно помолодевшие родители долго вспоминали с ним свои юные годы, называя друг друга по-школьному: Алешка, Любка, Яшка...

Радио-спектакль в студии на Большой Никитской мы записали, и он был транслирован по первой программе всесоюзного радио. К сожалению, суетность в связи с этим волнующим моментом меня подвела: подключая свой тяжеленный магнитофон к радиоприемнику, я нечаянно нажал на кнопку наложения звука, и запись моего монолога мистера Форда,

автомобильного магната, произнесенного низким, полным достоинства баритоном, пошла на фоне какой-то легкомысленной мелодийки.

Забавно, что в еженедельном обозрении "Программы радио и телевидения" за 10-16 февраля 1969 года о нашем радио-спектакле было сказано следующее: "В радиопостановке заняты: Зворыкин — артист Юрий Пузырев, от автора — народный артист РСФСР Владимир Муравьев, Рузаев — артист Вячеслав Невинный, Кныш — заслуженный артист РСФСР Лев Золотухин, мать Зворыкина — заслуженная артистка РСФСР Анна Коломийцева, Саня, его жена — артистка Галина Стецюк, Серго Орджоникидзе — народный артист РСФСР Всеволод Якут, Матвеев, секретарь МК, — народный артист СССР Михаил Болдуман, Феня — заслуженная артистка РСФСР Татьяна Ленникова, Погоржельский — народный артист СССР Анатолий Кторов, Марков — заслуженный артист РСФСР Юрий Недзвецкий, Вараксин — артист Евгений Киндинов, Гиль — артист Рогволд Суховерко, мистер Форд, магнат автомобильной промышленности, — *артист Дмитрий Симуков (!)*, Джой — артист Константин Градополов. В эпизодах и массовых сценах — артисты МХАТ СССР им. Горького" (тогда еще он был единым МХАТом).

Бог ты мой! В сонм каких театральных звезд скромно затесалась моя фамилия, да еще с греющим душу уточнением — "магнат автомобильной промышленности": Кторов, Якут, Болдуман, Пузырев. Годами позже станут широко известны Невинный, Киндинов, Градополов, Ленникова, Суховерко, Надзвецкий, Золотухин, Коломийцева!

Гонорар мой за ту роль был неслыханным: платили по три рубля за минуту эфирного времени, и я заработал целых 60 рублей, по тем временам весьма солидную для студента сумму.

Некоторое время спустя, когда я с подружкой шел по Садовой, нам повстречался Юрий Пузырев. Он раскланялся со мной, как с хорошим знакомым, и передал привет папе. "Ты знаком с Пузыревым!" — благоговейно произнесла моя спутница, когда мы продолжили путь. "Немного", — отозвался я, внутренне сдерживая радость от того, что встреча с известным артистом способствовала повышению моего рейтинга.

Учебный процесс

Между спектаклями, капустниками, КВНами, стенгазетой и хором вклинивалась и учеба. На практике английской речи мы читали "Тома Сойера", потом пришел черед Джерома К. Джерома с его блистательным "Трое в одной лодке", "Овод" Войнич (по-английски "The Gadfly" — которого мы прозвали "летающим гадом"), потом был Голсуорси, Уэллс — это была настоящая литература, дававшая пищу и уму и сердцу и языку.

Пришел долгожданный момент экзамена по истории партии, после которого мы навсегда расставались с "бабой Леной". Я носил тогда бороду, длинный, свободной вязки свитер, джинсы — настоящий битник¹.

"А ведь в таком виде вы у меня экзамен не сдадите" — прокомментировала баба Лена мой прикид. Как ни жаль было расставаться с привычным обликом, но делать нечего. Хорошо приняв с горя джинну вместе со Славкой Домогацких, я верил себя его электробритве, поскольку сам уже не был в адекватном состоянии для такого ответственного дела. Мою бороду Слава сбрил, и на экзамен по истпарту я пришел в облике, который должен был удовлетворить бабу Лену. Но все равно она поставила мне только "четверку": видимо, чувствовала, что не "наш".

¹ Битники (*англ.* Beatnik) — термин, использовавшийся в 1950-х — 1960-х годах для обозначения последователей идей бит-поколения. Считалось, "битники" отвергали традиционную мораль и общепринятые социальные ценности. Позже их сменили "хиппи". В нашем понимании они были, скорее, "стилягами-интеллектуалами".

После испарта началась марксистско-ленинская философия. А здесь нас ожидал сюрприз. Ее стал вести молодой преподаватель, пришедший на кафедру вместе с такими же молодыми коллегами, неотягощенными косностью марксистских догм. Они сумели заставить нас мыслить относительно свободно. Читал лекции наш философ интересно, все больше налегая на историю философской мысли. К семинарам он рекомендовал готовиться по книгам польского фантаста Станислава Лема, братьям Стругацким, статьям в журнале "Иностранная литература". Как-то раз он предложил курсу за десять минут написать свое собственное определение понятия "свобода" и, не подписывая, листочек сдать ему: "Я все равно пойму, кто что написал, поскольку знаю вас уже хорошо" — заметил он. Помню, что я определил свободу, как морковку, висящую на веревочке перед мордой осла, а палка с веревочкой и морковкой — в руках у того, кто на этом осле едет. Наш преподаватель меня быстро вычислил.

История английского языка

Позднее начался курс истории английского языка. Читала его невероятно скучным и скрипучим голосом одна преподавательница, внешнею своей под стать голосу. Она же вела и семинары. Как ни странно, ее предмет меня увлек: было интересно разбираться в истоках языка, отслеживать его германские корни, фиксировать позднейшие французские добавки. А когда мы читали отрывок из "Кентерберийских рассказов" отца английской литературы Джеффри Чосера¹, то ранне-английский язык вообще зазвучал для меня без всех этих сложностей, типа "пишем Манчестер, читаем — Ливерпуль". Звучал язык Чосера просто и певуче, чем-то даже напоминая итальянский.

На семинаре преподавательница рассказывала нам об одном достаточно таинственном феномене. Поскольку в любой области науки имеется своя тайна, и не одна, над раскрытием которых корпят ученые, то такая тайна присутствовала и в истории английского языка. Это как принцип "черного ящика": имеем на входе одно, на выходе — другое, а сам процесс, как это все происходит — нам неведом.

Я говорю о "великом сдвиге гласных" (научное определение), процессе, начавшемся где-то в раннем Средневековье и продолжавшемся несколько столетий. В двух словах суть этого явления заключается в том, что долгие гласные, например "аа", вдруг пришли в движение, стали неустойчивыми и развились в так называемые дифтонги — "эй", ай" и т.д. Краткие гласные тоже не стояли на месте, толкаемые длинными: ведь все звуки в языке связаны между собой и образуют систему.

И вот эта система гласных заколебалась, и кончилось все дело тем, что мы имеем сегодня: тот самый Манчестер с Ливерпулем. Почему, зачем, отчего так случилось — никто не знает. Ответом может быть и расширение миграции определенной группы населения со своим характерным выговором, и пища, влияющая на органы речи, да и масса иных социо-культурных причин. Может, сегодня, я в чем-то и не прав, давая такое объяснение этому феномену (столько лет прошло!), но уж за то, что английские гласные действительно когда-то сдвинулись со своих "насиженных мест" — я отвечаю.

На лекции по истории языка, несмотря на свой интерес к предмету, я не ходил — не мог выдержать голоса преподавательницы. Однажды она поймала меня в коридоре: "Я вижу, вы не ходите на мои лекции. Это ваше дело, в деканат я жаловаться не буду. Но давайте, в таком случае, заключим договор: вы можете и впредь игнорировать мои лекции, но на экзамене я буду

¹ Джеффри Чосер (Geoffrey Chaucer, 1344? — 1400). виднейший из английских поэтов Средневековья.

вас спрашивать не по билету, а по всему курсу истории языка". Ее предложение было достойно уважения. Молодость и риск всегда идут в одной упряжке. Я согласился.

На экзамене я отвечал на ее вопросы часа два, после чего преподавательница с улыбкой поставила мне заслуженное "отлично" в зачетке.

Очерки стилистики и "Прохоровские крошки"

Далее пошла стилистика, с которой связана особая история. Стилистику преподавал у нас профессор Илья Романович Гальперин, импозантный господин, про которого ехидные языки сложили эпиграмму: "Илья Романыч Гальперин — гроза супружеских перин". Судя по его взору, умаслявшемуся всякий раз при виде хорошенькой студентки, так оно и было на самом деле.

Читал он курс интересно, с широкими выходами на культуру, политику, историю. "Стиль — это нужное слово на нужном месте, как сказал Свифт. Есть и другое определение: стиль — это сам человек" — любил говаривать Илья Романович. Но скоро мы приуныли: общий кругозор — это хорошо, но вот четкие формулировки определения стилей, гипербол, оксюморонов, и т.п., так необходимые студентам особенно при сдаче экзаменов, были не в стиле профессора (непрощенный каламбур).

Сдавал я И.Р. стилистику в индивидуальном порядке, не со всеми вместе, и в необычных условиях, о чем расскажу позже.

А об особенностях характера профессора свидетельствует такой факт. Буквально за месяц до сессии вышла его брошюра по стилистическому анализу. И одновременно было издано еще одно пособие по стилистике, другого автора. Почему-то наш народ обрадовано клюнул именно на это пособие автора-конкурента — может, гальперинской брошюрки уже в продаже не было, не знаю. В этом пособии давались четкие определения стилей, терминологии, материал был изложен сжато. Ну, просто подарок для студента! Только троянским конем оказался тот подарок...

Первая же студентка из нашей группы, которая пошла сдавать Гальперину экзамен в положенный день, выскочила из аудитории с рыданиями: "Я ему все так хорошо рассказала, с примерами, с развернутым анализом, а он поинтересовался, откуда я взяла все эти стилистические определения и теорию. Я ему и сказала, что вот из этого пособия", — горестно указала несчастная на методическое пособие гальперинского конкурента. "Готовиться к экзаменам по стилистике нужно по моим пособиям и лекциям, милая барышня", — садистски заявил ей Илья Романович. Особенно он стал лютовать, когда вторая, третья, четвертая и несть им числа жертва аналогичным образом отвечала на его "кинжальный" вопрос. Большинству наших бедных девчонок пришлось стилистику пересдавать.

Как-то раз Илья Романович тяжело заболел и около полугода пролежал в больнице. В это время его заменяла Вера Ивановна Прохорова, также читавшая курс стилистики. Высокая женщина лет пятидесяти, на лице постоянная восторженно-добрая улыбка, стремительная и немного угловатая походка, студентов нежно называет "крошки мои". Читала она лекции прекрасно, четко, их легко было записывать. Интересны были и ее семинары. Мы очень любили свою Веру Ивановну за какую-то мягкость, доброту, и она отвечала нам взаимностью.

Сейчас, когда я пишу свои заметки, прошло уже около сорока лет с тех пор, как мы с ней расстались. И вот лет пять назад я включил телевизор и попал на какую-то передачу, причем не с самого начала. На экране вдруг появилось лицо женщины, невероятно знакомой. Боже, да это же наша Вера Ивановна!

Она рассказывала о себе, о своей жизни. Я весь обратился во внимание. И вот что выяснилось: Вера Ивановна — внучка того самого знаменитого владельца "прохоровской мануфактуры", про которую мы знали из школьных учебников истории. Она рассказывала о бабушке, о доме, в котором выросла, о своих родителях. Оказывается, бабушка был вовсе не "кровопийцей" трудового народа, как нам вдалбливала все те годы и школьные учебники, да и вся коммунистическая пропаганда. Напротив, Прохоров строил для рабочих удобные и просторные общежития, открывал при них детские сады, платил рабочим достойную заработную плату.

После большевистского переворота у семьи все было отобрано, кругом все порушено, изгажено. Но рабочие не забыли доброго и уважительного к ним отношения: еще несколько лет после революции они, в силу своих скромных возможностей, материально поддерживали семью младших Прохоровых, растившую Верочку.

Еще в годы моей учебы в институте я краем уха слышал, что наша Вера Ивановна спасала от НКВД великого пианиста Святослава Рихтера, с которым была дружна с юности. Тот, будучи этническим немцем, мог стать желанной добычей для "органов": после начала войны всех таких "подозрительных личностей" они загребали в свои лагеря.

Просмотрев тот телевизионный фильм о Вере Ивановне, я полез в Интернет и узнал про историю ее дружбы с Рихтером. Здесь я процитирую отрывок (с сокращениями) из воспоминаний Милицы Нейгауз, дочери Генриха Густавовича Нейгауза, нашего великого пианиста и педагога¹.

"Святослав Рихтер появился впервые в семье Генриха Густавовича Нейгауза осенью 1937 года. Мой отец так описал эту первую встречу: "Студенты попросили прослушать молодого человека из Одессы, который хотел бы поступить в консерваторию в мой класс. "Он уже окончил музыкальную школу?", — спросил я. "Нет, он нигде не учился".

И вот он пришел. Высокий, худощавый юноша, светловолосый, синеглазый, с живым, удивительно привлекательным лицом. Он сел за рояль, положил на клавиши большие, мягкие, нервные руки и заиграл. Играл он очень сдержанно, я бы сказал, даже подчеркнуто просто и строго. Его исполнение сразу захватило меня каким-то удивительным проникновением в музыку. Я шепнул своей ученице: "По-моему, он гениальный музыкант". С этого дня Святослав Рихтер стал моим учеником».

В тот учебный год Слава часто приходил к нам в гости, а с сентября 1938 года папа пригласил его жить у нас, и он окончательно к нам переехал. По тем временам считалось, что мы живем очень просторно — в отдельной трехкомнатной квартире с ванной и горячей водой.

* * *

Отец часто устраивал у нас музыкальные и литературные вечера. Непременным участником наших молодежных сборищ была племянница моей мамы Вера Прохорова, в то время студентка Института иностранных языков, постоянно заботившаяся о родственниках и знакомых, нуждавшихся в помощи. Дружба Славы и Веры началась со дня их первой встречи у нас, в декабре 1937 года. В 1942 году, когда Славе стало опасно жить в нашей квартире, Вера и ее семья (мать и сестра) пригласили его переселиться к ним. Слава жил у Веры до 1946 года.

¹ Милица Нейгауз. "Святослав Рихтер в семье Генриха Густавовича Нейгауза". Опубликовано на сайте "Святослав Рихтер" 17 мая 2006 г.: <http://www.sviatoslavrichter.ru/articles.php?show=37>

В августе 1950 года Веру арестовали. Слава предупреждал Веру, что ее близкий друг — опасный человек, может на нее донести. Она не верила и говорила с этим человеком обо всем с полной откровенностью. Увы, в тюрьме Вера убедилась, что Слава был прав. Вернувшись через шесть лет в Москву, она спросила Славу, откуда он знал, что этот человек — доносчик. Слава ответил, что он ничего не знал, но ему так казалось.

В сентябре 1950 года Слава послал ей поздравительную телеграмму по случаю именин. Адрес он написал так: "НКВД. Тюрьма. Вере Прохоровой". Следователь прочел Вере текст телеграммы: "Поздравляю, целую. Слава". Веру обвинили в антисоветской агитации и приговорили к 10 годам лагерей строгого режима. Помню, как Слава волновался за Веру и очень хотел навестить ее в лагере, но в то время свидания не разрешались. Известно, что человеческий характер ярко проявляется в экстремальных условиях. Вера вела себя в лагере самым достойным образом. Как свидетельствовала ее лагерная приятельница, Вера была эталоном чести. В 1955 году Верин друг, писатель Юрий Нагибин организовал ходатайство о Вериной реабилитации. Помню, это ходатайство подписали: Ю.М.Нагибин, Г.Г.Нейгауз, С.Т.Рихтер, Б.Л.Пастернак, И.Р.Шафаревич. В 1956 году Вера была реабилитирована и вернулась в Москву.

Дружба Славы и Веры продолжалась до конца его дней".

Я радуюсь, что "Прохоровские крошки", то есть мы, успели одарить эту замечательную женщину своей любовью, теплом, а некоторые — еще и любовью к стилистке английского языка, придя к ней на кафедру писать дипломы.

Английская литература

Историю английской литературы у нас читала, тоже, естественно, на английском, Ирина Александровна Головня, известная переводчица. Она дала нам определенную систему знаний в этой области, ее курс был "привязан" к мировой литературе. Вероятно, чтобы добавить некоторый "оживляж" своим рассказам о Чосере, Шекспире, Китсе, Гете, Шиллере, она всегда, как бы вскользь, вставляла: "Гете... Он предпочитал пухленьких блондинок. А Шиллер увлекался статными брюнетками. Про Шекспира и говорить нечего, он вообще был весьма равнодушен к женскому полу". Сейчас я не могу ручаться за дословность ее характеристик этих великих писателей, но общий смысл передаю точно.

Как-то раз, проявив неслыханный для преподавателя либерализм, она устроила пятиминутный "перекур" для мужской части курса (напоминаю, нас было всего пять человек на 45 девочек!). Отсмолив свои "Шипки" и "Солнца", мы вернулись обратно в аудиторию и ощутили некоторое оживление среди женской части курса. Моя соседка шепнула: "Пока вы тут травились своим дымом, Головня нам раскрыла самое сущность толстовской Анны Каренины: оказывается, это всего лишь элементарная "sexual incongruity" (то есть сексуальная несовместимость)!"

Надо ли говорить, что такой пассаж представлял собой идеальный сюжет для нашего институтского капустника: в нем ничего не надо было переделывать. Мы так и поступили. Но хитер и изворотлив "студень"! Эту сценку мы дали на ежегодном смотре факультетской самодеятельности только после того, как сами сдали литературу Головне в зимнюю сессию.

"Роль" Головни в капустнике исполнял я. Томно растягивая фразы, я упомянул и про пухленьких блондинок, и кареглазых брюнеток, и статных креолок, и миниатюрных японок, не забыв особо отметить обворожительный шарм француженок, намекая при этом на Тургенева и Виардо. Успех был огромный, но Головне я потом старался на глаза не попадаться.

И все же кара небесная в ее лице меня не миновала. Правда, это было сделано не напрямую, но по утонченности соперничало с самыми изощренными видами византийской мести.

Дело у меня шло к защите диплома, когда пришел черед моей первой жене Наташе (инязовка с моего факультета, только двумя курсами младше) сдавать Головне экзамен по английской литературе. Ответив на вопросы экзаменационного билета, быть может, с какими-то несущественными шероховатостями, Наташа протянула Головне зачетку. Та взяла ее, внимательно прочитала фамилию, и, как бы невзначай, поинтересовалась, не приходится ли сидящая перед ней студентка родственницей некоему Дмитрию Симукову. Жена радостно закивала, в наивности своей полагая, что эта достаточно известная на факультете фамилия (капустники, выступление с вокальным трио, да и просто потому, что нас, парней, было наперечет) поможет ей получить желанную "пятерку". Но тут Головня с непроницаемым лицом вернула ей зачетку и сказала приходить в следующий раз.

"Карающий меч" английской литературы в руках Головни косвенно настиг меня спустя год после моего необдуманного выступления в капустнике!

Что ни язык, то норов

После второго курса мы приступали к изучению второго языка. Выбор по сравнению с переводческими "разносолами" — итальянский, шведский, датский и португальский — был невелик: немецкий, французский и испанский (естественно, у переводчиков были и эти языки тоже). Мы шутили, что онегинская фраза "О, жалкий жребий мой!" имела к Инязу непосредственное отношение: "вторые языки" наши старосты тянули, как жребий, из какой-то керамической вазы. Вот так на нашу группу достался испанский язык. Мы со Славой Домогацких приуныли — почему-то были уверены, что нашей старосте достанется французский, который нам нравился больше.

Решение созрело мгновенно. Через несколько минут мы уже стучались в дверь к декану. Лидия Алексеевна выслушала просьбу перевести нас в другую группу с французским языком, тем более что там было восемь девочек, и, следовательно, имелось две "пустых" вакансии. — "Вообще-то так у нас не делается, но, учитывая ваши заслуги перед факультетом..." Это нас капустники спасли.

Третий курс мы начали учиться в группе, девочек которой мы давно уже знали. Эту группу на первом курсе начинала вести еще Джульетта Шахбагова. И вот тут-то я столкнулся с огромными трудностями. Ну, не полез французский в голову. Ведь вся грамматическая система романских языков, то есть произошедших от латыни, очень сильно отличается от английского, который относится к германской группе. По научному эта проблема называется языковой интерференцией, а попросту — мешаниной в голове. Я старался, как мог, но с ужасом видел, что отстаю, и меня уже готов раздавить страшный воз проблем.

Не помогал даже юмор друзей. Мне рассказали, что кто-то из старшекурсников, также столкнувшись с "французскими" трудностями, от отчаяния просто списал контрольную у своей сокурсницы. Так его потом педагог ославила на весь факультет: он все слова списал с женскими окончаниями! Оказывается, у французов есть рода, как и в русском! Над несчастным еще долго издевались.

Моя мама переживала мое уныние вместе со мной, но вдруг припомнила, что несколькими годами раньше наш институт с французским языком окончила дочь ее друзей. Мы были дружны в детстве, и я тут же набрал номер ее телефона. Та сказала, что у нее совсем нет времени, но есть ее бывшая однокурсница, которая могла бы мне помочь.

Через несколько дней я звонил своей будущей преподавательнице французского языка. Мы встретились. Это было прямо как в авиации: "Контакт!" — "Есть контакт!" И искра.

Алла была на несколько лет старше меня. Она окончила Тбилисский иняз, поскольку родилась там (сама из русско-армянской семьи). Выдержав конкурс в целевую аспирантуру в нашем Инязе, она вскоре стала там работать на кафедре интенсивной языковой подготовки преподавателей для развивающихся стран, чтобы те могли вести свои предметы на языках. Сама Алла знала еще и итальянский. Вообще голова кружится от количества языков, на которых она говорила: русский (считать, так считать!), армянский, грузинский, французский, итальянский, английский и ..? А ведь каждый язык — это культурный космос.

По невероятному совпадению она жила в соседнем с моим переулке. И опять, как когда-то в школе, я с радостью (человеческий контакт с педагогом вещь великая!) вгрызся в язык прародителей галлов. И опять мы с моей преподавательницей не замечали ни времени, ни усталости. Помимо французского, нам просто было интересно общаться друг с другом.

На четвертом курсе я заговорил на французском почти как на своем английском. На пятом я пришел в ужас: по-французски мне было говорить легче, чем по-английски! И дело закончилось тем, что госэкзамен по французскому языку в Инязе я сдал на "отлично".

А с Аллой мы как подружались в самый первый день встречи, так и поддерживаем эти отношения и сегодня. И на свадьбе я у нее был, и с мужем ее мы дружим, и дети ее, у которых уже давно свои дети, меня называют "дядей Митей", и вообще с этой семьей мы стали вместе встречать новые года у нас дома, и ее так полюбили мои родители...

Что день грядущий нам готовил...

Вообще понятие о каких-то военных в связи с гуманитарным институтом для меня было нонсенсом. У технарей — другое дело. Там техника, военные сборы, но у нас? Тогда я еще не знал, что обожаемый не только мною, но и всем моим поколением поэт Павел Коган ("Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал...", "Бригантина") пошел на фронт добровольцем и был зачислен на курсы военных переводчиков. Он погиб под Новороссийском в 1942, возглавляя поиск разведчиков¹.

В Инязе была своя военная кафедра, и "война", как мы между собой называли занятия по спецподготовке (термин туманный, а, главное, куда уж как секретный), составила особую страницу в нашей институтской жизни.

Я, имея по здоровью полнейший "белый билет", мог бы вполне официально не посещать эти занятия, но мудрые старшекурсники отсоветовали. "Только на этой кафедре, — сказали они, — тебе дадут основы технического перевода. Только здесь ты немного разберешься, как по-английски называется коробка передач, карбюратор и другие узлы у автомобиля, а то и танка или вертолета — кто знает, на чем, где и с кем тебе придется ездить, плавать, летать и стрелять".

Как они были правы! Действительно, одному моему другу постарше довелось падать, находясь в подбитом вертолете, в Красное море в 1967 году, а другому — въезжать на танке в Прагу в 1968...

И еще старшекурсники мне сказали, что если у меня, не дай бог, будут какие-либо неприятности с деканатом, то чтобы я немедленно шел к полковнику Колосову на военную кафедру, вываливал ему все свои горести, и он обязательно поможет. "Душевный и справедливый мужик" — так относились к нему мои старшие товарищи. К счастью, таких драматических случаев в моей судьбе не было, но я видел, как общался полковник Колосов с

¹ // "Юность" № 10, 1962

нами на занятиях по военной топографии, и знал, что он полностью оправдывает характеристику, данную ему старшекурсниками.

Курс военного перевода начинал вести у нас милейший полковник Павел Николаевич Ангелов, или Паша, как мы между собой его любовно называли за его какой-то совсем невоенный вид, хотя он и носил форму. Павел Николаевич предупредил нас в первый же день занятий, чтобы мы ни в коем случае не копировали его манеру речи: "Это американский английский, — подчеркивал он, — а вы можете испортить свое произношение". (Нас же учили южно-английскому — лондонскому — произношению, и отступников от этого признанного стандарта ожидали неслыханные кары). Опять же между собой в группе мы позлословили: на своем "американском" наш полковник говорил с очень сильным "нижегородским" акцентом.

В шутку мы, в том числе и девчонки, называли себя "абверовцами"¹, потому что постигали премудрости перевода разведданных по армиям "вероятного противника" и другие хитрые вещи "спецподготовки", непосредственно связанные с армейской разведкой (второй отдел). К тогдашнему КГБ, по крайней мере в период учебы, мы не имели никакого отношения (как и по сей день я полагаю в силу своей неистребимой наивности).

После курса полковника Ангелова нашу спецподготовку продолжил полковник Георгий Александрович Орлов, который больше походил на красавца-гусара, не знавшего поражений в атаках на дамский пол, каковые он, кстати, и предпринимал. Не могу не отметить его прекрасный труд по особенностям современного английского языка в Австралии (написанного на основе богатого материала, который он собрал в свободное от основной работы время в стране своего пребывания, где находился по служебной необходимости).

В те годы нашу военную кафедру мы воспринимали как естественный элемент всеобщей военизированной агрессивной-оборонной ментальности руководства СССР, и нас ни в коей мере не интересовали конкретные судьбы конкретных людей, передававших нам свои знания.

Но вот по прошествии многих лет я вдруг случайно узнал, что наш милейший Павел Николаевич Ангелов еще молоденьким лейтенантом принимал участие в добывании документов "атомного проекта" во время Второй мировой войны, занимаясь в Канаде своими прямыми разведчицкими делами по линии Разведупра РККА.

На линии взаимодействия военной и гражданской структур, конечно, случались и юмористические ситуации. Например, такие.

Я — дежурный. В нашей группе — десять человек. Входит полковник. Я командую "Смирн-а-а-а! Равнение нале-во!" Наши девицы выстраиваются по росту в шеренгу. Я делаю шаг вперед из строя, резкий поворот нале-во! и, молодецкато щелкнув каблуками, докладываю: "Товарищ полковник, группа к занятиям построена. Дежурный — студент Симуков". Полковник неодобрительно осматривает строй из десяти человек, из которых восемь — девушки, и обращается ко мне: "А как стоит группа??! Вы что не знаете, что по уставу стоять в строю нужно так, чтобы первому была видна грудь четвертого!" — "Так точно, — чеканю я, — но что же я могу поделать, если из-за груди первой мне четвертую уже никак не увидеть!" Та самая "первая" меня чуть ли не на руках потом носила — констатацию факта прозвучала как комплимент.

Или: приносят в аудиторию самый заурядный автомат Калашникова — занятия по разборке и сборке на время. Одна милая девушка, быстро справившись с заданием, передергивает затвор, бездумно направляет ствол "Калаша" в сторону полковника, вальяжно

¹ Абвер (Abwehr) — немецкая армейская разведка времен Второй мировой войны.

двигается прямо на него и игриво так спрашивает: "Посмотрите, пожалуйста, товарищ полковник, я все правильно сделала?" И хоть автомат был учебным, но я хорошо помню, как полковник стремительно, по-боксерски, ушел чуть вбок, а рукой в тот момент резко отбил к полу направленный на него ствол. Потом состоялся жесткий разговор о правилах обращения с оружием, что было совершенно необходимо, поскольку через неделю нам предстояло ехать на полигон и осваивать премудрости стрельбы одиночным выстрелами и очередями все из того же "Калаша". "Главное, — напутствовал нас полковник, — чтобы вы ни в кого не попали".

А как вам понравится такая сцена: второе января, студенты сдают зачет по тактике ближнего боя. С утра вся военная кафедра стоит в очереди за прохладным томатным соком, который тут же на этаже продает буфетчица тетя Маша. Полковники хмуро поглядывают на студентов, но не потому, что те им смертельно надоели, а потому, что сразу после встречи Нового года нормальный человеческий, и уж тем более военный, организм еще не в состоянии прийти в себя. Ему, организму, не мил весь белый свет.

Мы сидим в аудитории, разложив на столах свои оперативные карты. На них нанесены условными значками наши действия. Настает моя очередь сдавать зачет. Я протягиваю полковнику карту, которую еще накануне вечером так аккуратно расчертил, показал, где моя разведроты, где танковое соединение противника, где локаторы, где артиллерийская батарея, как я намереваюсь действовать...

Полковник внимательно ее изучает, но видно, что из последних сил. "Симуков, — поднимает он на меня отсутствующие глаза, — а почему это у вас вы — справа, а противник — слева, когда должно быть все наоборот?"

Я холодею от ужаса: полковник держит карту вверх ногами. "Разрешите доложить, — понизив голос, говорю я, — вы карту держите несориентированной по направлениям сторон света". Это я так элегантно выразился, чтобы пощадить его самолюбие. Но полковник все понял. Его взгляд полыхнул ненавистью, но опять же, не против меня конкретно, а против всего белого света; он черкнул в зачетке свою подпись и, вздохнув, опять пошел "оттягиваться" томатным соком.

Или еще один эпизод. Как будто сегодня я слышу укоряющий голос одного из преподавателей спецкурса: "Вот вы тут шпаргалки пишете, теряете их, а иностранцы потом их подбирают. А ведь в ваших шпаргалках секретные сведения..." Полагаю, что ребята из РУМО (Разведуправление министерства обороны США) весьма повеселились бы, услышав такое.

Правда, юмор преподавателей военной кафедры иногда граничил с несколько пугающими их откровениями. В один из дней в институте состоялась конференция ДОСААФ, на которую народ всегда стремился быть избранным — повод, чтобы откосить от занятий.

В актовом зале гул, шелест учебников, студентки с редким вкраплением парней явно заняты своими собственными делами. Бедный полковник с военной кафедры, ответственный за ДОСААФ, стоит на трибуне и зачитывает отчет о проделанной работе. Шум ему мешает, он раздражен таким к себе неуважением, и, наконец, взрывается:

"Ну, что вы все шушукаетесь, переговариваетесь, не слушаете? Как вы не можете понять, что в будущем для вас самым главным будут рация, пистолет, парашют и иностранный язык". Эта сентенция произвела эффект разорвавшейся бомбы. В зале моментально воцарилась гробовая тишина. Вот, оказывается, какое будущее нам готовилось, а мы-то думали...

Я сам был тогда на той конференции ДОСААФ и, как и все, испытал сильнейший шок от открывшейся перспективы.

Спустя много лет после постижения "спецнауки" в сугубо гуманитарном институте докладываю своим преподавателям, которые, как я надеюсь, пребывают в добром здравии: в жизни пригодились все, и я благодарен им за это.

Вообще надо сказать, что военный перевод — вещь тонкая и чрезвычайно ответственная, и здесь недостаточно знания лишь одного иностранного языка. И если не знать всяческих нюансов, то может получиться как в анекдоте: "Рядовой Иванов! Почему на приборной панели сидите?" — "Так я пыль вытер, а теперь отдыхаю." — "Отдыхаю! А Голландия где!?"

Или взять, к примеру, такую ситуацию, которая произошла в середине апреля 1945 года (услышал в одной нашей радиопередаче).

Накануне исторической встречи Красной армии с союзниками в распоряжение какой-то нашей части неизвестно каким-то макаром забрели двое британских солдат во главе с офицером. Естественно, они тут же были арестованы: форма не наша, немцы — не немцы... Подозрительно. Все попытки с их стороны объяснить, что они британские союзники, потерпели полное фиаско: в той части не было никого, кто говорил бы по-английски. Бедолаг кинули в свинарник, используемый в качестве каталажки, где уже содержались под стражей несколько немецких пленных.

Когда английское командование все же выяснило, где именно находились военнослужащие армии Его Величества, то, вызволив их из свинарника, оно направило командованию советской армии соответствующий протест с требованием официальных извинений. Как ни странно, на этот их справедливый протест поступил достойный наш ответ, что, дескать, требование английской стороны составлено в недопустимо грубых выражениях, а по сему начальству доложено не было и не будет. То есть, не пошли бы вы... А найдись в той ситуации человек, знающий английский, то военно-дипломатическую напряженность можно было бы избежать. Что-то всегда у нас с англичанами недопонимание получается... Может, переводчики во всем виноваты?

Кстати, когда в немецком городке Торгау уже произошла встреча наших солдат с американцами, то главнокомандующему союзническими войсками генералу Эйзенхауэру пришла в голову блестящая идея создать объединенные группы из связистов и переводчиков как с американской, так и советской стороны для более четкого управления войсками в местах их соприкосновения. Но "дядюшка Джо" — Сталин, — был на этот счет иного мнения: был дан приказ контакты свести до минимума и только до уровня командиров дивизий. Он боялся, чтобы "демократическая зараза", которой насквозь была пропитана американская армия, не перекинулась на наших солдат и младших офицеров, тем более через переводчиков.

Откровения П.А.Судоплатова. Зоя Васильевна Зарубина и другие "мало известные" лица

Чем дальше в историю уходят события прошлого, тем ближе они становятся нам. Никакого парадокса здесь нет: просто в последнее время стало появляться много материалов, в том числе мемуаров, с которых снят гриф секретности. Одним из лидеров тут стал уже упоминавшийся мною Павел Анатольевич Судоплатов. Читая его книги, я только диву давался:

"В связи с наступлением немцев [на Москву — Д.С.]... была поставлена задача по подготовке московского подполья... Для координации деятельности от ЦК ВКП(б)

предполагалось оставить сравнительно мало известного человека — заведующую отделом школ ЦК ВКП(б) Варвару Пивоварову"¹.

Бог ты мой! А эта "малоизвестная" Пивоварова была потом ректором нашего Иняза и читала у меня на курсе политэкономии! Причем обожала "Капитал" Маркса до такой степени, что если в ответе на экзамене ты не цитировал его, мог сразу же забирать зачетку.

Кстати, Илья Гарбузов рассказал мне забавный эпизод, связанный с нашим бывшим ректором. В 1967 году в комсомоле проводился "обмен комсомольских билетов", что сопровождалось невероятной политической трескотней. Такой обмен был проведен и у нас в институте. Для придания ему должной пафосности, новые билеты студентам вручала Пивоварова. Происходило это, по словам Ильи, так. Подходит к ней испуганная первокурсница, и та спрашивает: "А доцент такой-то с переводческого факультета не ваш ли родственник?" — "Да, — скромно отвечает студентка. — Это мой папа". — "Поздравляю вас!" — говорит Пивоварова, имея в виду не папу, а торжественный акт обмена комсомольского документа. Следующая студентка и следующий вопрос: "А заведующий кафедрой на английском факультете..." — "Да, он..." — "Поздравляю вас!". Доходит очередь до Ильи. Пивоварова его спрашивает: "Скажите, а министр финансов СССР товарищ Гарбузов не ваш ли родственник?!" — "Нет, это однофамилец". Секундная пауза. — "Ну, все равно я вас поздравляю!"

Однако вернемся к Судоплатову. Читаем у него дальше: "Мы также готовили для противника "приманку". Предположительно ей мог стать Лев Константинович Книппер, композитор, немец по происхождению (и, добавим, автор известнейшего шлягера 30-х "Полюшко-поле" — Д.С.), проживавший с женой Марией на Гоголевском бульваре. Задачи, поставленные перед группой Книппера, были особыми. Он стал спецагентом-групповодом и должен был действовать в Москве по разнарядке "Д", то есть для осуществления диверсионных актов, операций и акций личного возмездия (если выражаться не столь витиевато, то на обычном языке это означает физическое устранение — Д.С.) против руководителей германского рейха, если бы они проявились в захваченной столице... Москвы немцы не взяли, но мы отметили боевыми медалями за большую работу по подготовке подполья Л.Книппера и его жену"².

Кстати, одну из таких диверсионных групп было поручено возглавлять также Михаилу Румянцеву — знаменитому клоуну "Карандашу". В состав подобных групп входили и отец писателя Юлиана Семенова, и киноактриса Зоя Федорова. А еще я узнал, но уже из другого источника, что Льва Константиновича Книппера вообще прочили на пост бургомистра Москвы (!), если бы... Но, к счастью, история распорядилась иначе, да и пятилетний Юра Лужков уже строил, вероятно, свои далеко идущие планы...

А Мария Гарионовна Книппер блистательно преподавала многим поколениям переводчиков французский язык, у нее на квартире даже жила одно время моя ближайшая подруга по работе (родители были знакомы) и — ни единым словом, ни намеком... Как там в "Гусарской балладе" — "шпионов целая семья"!

Удивительной была и жизнь уже упоминавшегося мною Павла Николаевича Ангелова. В Интернете сведений о нем было довольно много, и поэтому, взяв из них лишь конкретные факты, я попытался свести все это в единый текст.

¹ Павел Судоплатов. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. "ОЛМА-ПРЕСС", М., 2001 стр.335-337

² Там же.

Итак, в 1943 году в Монреаль в составе группы, работавшей на американский атомный проект, приехал Алан Нанн Мэй, английский физик, сотрудничавший в свое время с советской военной разведкой. Контакты с Мэем возобновились только в феврале 1945 года. Именно тогда руководителю недавно созданной резидентуры нашей военной разведки в Канаде, военному атташе полковнику Н.Заботину (оперативный псевдоним "Грант") из Центра поступило указание отыскать и возобновить связь "с доктором физики Аланом Мэем, специалистом по расщеплению атомного ядра, которого можно отыскать в лаборатории, расположенной по адресу: 3470, Симпсон-авеню, Монреаль". Сам Алан Мэй (оперативный псевдоним "Алек") к тому времени уже решил, что его предыдущая агентурная деятельность завершена.

Телефонный звонок и условный пароль показали, что он ошибался. К нему на квартиру явился старший лейтенант ГРУ Павел Ангелов (оперативный псевдоним "Бакстер"), работавший под легальным прикрытием в аппарате военного атташе. Выехать в Монреаль из Оттавы Ангелову-Бакстеру удалось, когда канадская контрразведка выпустила его из-под своего неусыпного контроля. После этого визита сотрудничество с А.Мэем возобновилось и продолжалось около полугода. За это время Бакстер-Ангелов, ставший куратором Мэя, получил, переснял и отправил в Москву 23 совершенно секретных доклада о работах главной атомной лаборатории США в Лос-Аламосе.

Мэй входил в канадскую группу агентов ГРУ, в которой было, по меньшей мере, девятнадцать человек. Условия для агентурной деятельности в Канаде были очень жесткими. Местная контрразведка держала под контролем всех ученых, работавших в секретной лаборатории. Однако Ангелов-Бакстер с мая по сентябрь 1945 года сумел провести со своим "подопечным" несколько тайных встреч. Получая материалы, он доставлял их в Оттаву в аппарат военного атташе, фотографировал и к утру возвращал ученому, не допустив при этом ни одной ошибки.

Однажды А.Мэю было дано задание добыть образцы урана. Другой канадский агент в свое время назвал такое задание "совершенно невыполнимым" (не отсюда ли в кино пришло известное "mission impossible" — "миссия невыполнима"? — Д.С.). Мэю, тем не менее, сопутствовала удача. 9 августа 1945 года, через три дня после атомной бомбардировки Хиросимы американцами, он передал П.Ангелову доклад Э.Ферми об устройстве (вместе со схемой) и принципах действия уранового котла, а также информацию о сброшенной на Хиросиму бомбе, и два образца урана — обогащенный уран-235 в стеклянной пробирке и осадок урана-233 на платиновой фольге, всего 162 миллиграмма. Доклад и образцы урана были тут же отправлены в Москву самолетом с нарочным, также сотрудником нашей резидентуры.

В число других профессиональных заслуг П.Н.Ангелова была и удачная вербовка личной шифровальщицы тогдашнего премьер-министра Канады Кинга. Девушка влюбилась в молодого русского лейтенанта, который действовал, правда, отнюдь не по велению пылкого сердца, а по приказу все того же Центра. В результате телеграммы Кинга, посланные Черчиллю в Лондон, в Москве читали раньше, чем они ложились на стол английскому премьер-министру.

Успешной работе старшего лейтенанта Ангелова в Канаде пришел конец 10 сентября 1945 года, когда из резидентуры нашей военной разведки бежал шифровальщик лейтенант Гузенко. На первом же допросе в канадской контрразведке он выдал весь состав резидентуры и раскрыл личности нелегальных агентов, которые были немедленно арестованы. В том числе и Алан Мэй.

Его судили и приговорили к 10 годам тюрьмы, из которых он отсидел только шесть в английской тюрьме¹.

Ставка на Мэя была сделана правильно. Однако история знает и другие случаи, когда открываемые ею блистательные возможности так и не были использованы. Я позволю себе процитировать всего лишь один абзац из одной книги: "Будущий директор ЦРУ Аллен Даллес, адвокат по профессии, еще во время Первой мировой войны работал агентом Американской разведки в Швейцарии. Он любил рассказывать, что однажды получил записку от русского эмигранта с предложением встретиться и поговорить. Он считал этого человека малоперспективным политиком и от встречи отказался. Звали эмигранта Ленин..."²

Павел Ангелов бежал из Канады чуть ли не в домашних тапочках и чудом пробрался на советский пароход, который доставил его на родину. Полностью "засвеченный" военный разведчик П.Н.Ангелов уже никогда больше не смог покинуть пределы СССР. Свою дальнейшую карьеру он продолжил на военной кафедре нашего института уже в звании полковника, передавая студентам свои хитрые знания в области военного перевода. С ним мы и встретились на занятиях в сентябре 1967 года.

И уже полнейшим откровением для меня стала судьба семейства Зарубиных³. Тогда мне было известно только, что Зоя Васильевна Зарубина в свое время являлась деканом нашего английского факультета, а в мою бытность студентом возглавляла Курсы переводчиков ООН при нашем институте. Я хорошо помню очень красивую статную женщину с пышной стрижкой серебряных волос, со стремительной походкой, которая встретила меня однажды в коридоре.

Сейчас Интернет полон интервью с ней, по телевидению показывают фильмы, ей посвященные, появляются в газетах интереснейшие статьи. Я попытался из всей этой невероятно интересной информационной мозаики выбрать наиболее яркие, на мой взгляд, моменты жизни Зои Васильевны, чтобы читатель почувствовал, *кто* учил нас в институте, с кем довелось нам общаться в студенческие годы.

Итак, с разведкой была связана вся семья Зои Васильевны Зарубиной. Ее отец, Василий Зарубин — профессиональный разведчик, работал в Китае, после прихода Гитлера к власти — в Германии, где завербовал высокопоставленного сотрудника Гестапо Вилли Лемана (оперативный псевдоним Брайтенбах) — одного из прототипов Штирлица, а в годы Великой Отечественной войны был резидентом советской разведки в США. Мать работала в аппарате НКВД, ее второй муж, Леонид Эйтингон, занимался в свое время ликвидацией террористической организации Бориса Савинкова, в гражданскую войну в Испании отвечал за подготовку испанских сил госбезопасности и разведки, лично руководил операцией "Утка" по устранению Льва Троцкого, в конце 40-х годов переправлял за рубеж Рудольфа Абея (Вильяма Фишера), а с конца 1950 года руководил диверсионной работой МГБ СССР за границей.

Вторая жена отца, Елизавета Горская, в свое время была гражданской женой Якова Блюмкина. Вербовщицей Горская была отменной и поддерживала связь с большим количеством своих агентов. В ноябре 1941 года Василий Зарубин с Лизой перебрались в США. Там они

¹ Сайты: <http://www.chayka.org/article.php?id=1562> ;
http://www.sovross.ru/old/2007/07/07_3_4.htm;
http://bookz.ru/authors/karpov-vladimir/karpov_generalis/page-81-karpov_generalis.html;

² Леонид Млечин. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. Центрполиграф. М., 2008, с.81

³ Эрвин Ставинский. Зарубины. Семейная резиденция. М., "ОЛМА-ПРЕСС", 2003

добывали научно-техническую информацию об американской атомной бомбе ("Манхэттенский проект"). А в Канаде по нему же "работал" Ангелов.

В 1939 году Зоя окончила с золотой медалью школу № 50 им. В.Менжинского, что находилась тогда в Кисельном переулке. В основном, в этой школе учились дети сотрудников госбезопасности. В школе Зоя увлекалась языками и спортом. Она была мастером спорта по легкой атлетике, а позже даже чемпионкой Москвы и СССР.

В том же году она поступила в ИФЛИ на исторический факультет, но успела закончить только два курса института, когда началась война. Ее муж служил пограничником, потом был тяжело ранен на фронте и вскоре скончался. Зоя стала проситься санитаркой на фронт, но ей сказали, что с ее знаниями иностранных языков она будет нужна в разведке.

Дело в том, что, живя с родителями в Китае, затем в Турции, Зоя училась в американских школах, где преподавание велось, естественно, на английском языке, поэтому по-английски она научилась писать раньше, чем по-русски. Потом добавился французский язык, а в московской школе она овладела и немецким.

Когда они жили в Китае, то мама Зои отвечала за питание высшего состава консульства. В ее подчинении был повар-китаец, но она не знала ни английского, ни китайского. Тогда Зоя стала помогать маме отдавать распоряжения на китайском. А однажды отчим взял ее в поездку по стране. Он занимался сбором разведданных, а маленькая Зоя с куклой в руках служила ему прикрытием, да еще каким! Однажды она под своей юбчонкой вынесла здоровенный наган, когда в консульство, устроив провокацию, с обыском нагрянули китайские военные...

Сама Зоя Васильевна в годы войны и в первые послевоенные годы была сотрудницей внешней разведки. Сначала оказался востребованным ее немецкий: ей пришлось срочно разбирать секретный архив консульства Германии во Владивостоке. Искли документы, по которым можно было бы определить степень вероятности нападения Японии на СССР.

Когда в 1943 году местом встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля был избран Тегеран, то остро встал вопрос об обеспечении безопасности Тегеранской конференции. Вместе с другими сотрудниками внешней разведки выполняла эту задачу офицер связи в звании капитана Зоя Зарубина.

Однажды по радио я услышал рассказ самой Зои Васильевны об одном случае из ее переводческой практики во время той конференции. Ей, юной сотруднице НКВД, было поручено обеспечить пребывание американской делегации во главе с Рузвельтом в Ялте.

И вот молодая девушка, у которой голова кругом шла от важности порученного задания, от сознания ответственности за его четкое выполнение (или от ужаса перед возможными карами небесными за малейший промах), неслась как-то раз очертя голову вверх по лестнице в Ливадийском дворце отдать какое-то распоряжение. Неожиданно на полном ходу она врезалась в кого-то спускавшегося в тот самый момент по той же лестнице. Каким же был ее ужас, когда, подняв голову, она увидела перед собой Иосифа Виссарионовича, глядевшего на нее в гневном недоумении. По счастью, гоголевская немая сцена продолжалась какие-то доли секунды, после чего Сталин продолжил спуск.

Как Зоя завершила этот день, что она делала дальше — для нее было как в тумане. Вечером в дверь ее номера постучали. Сердце екнуло, но она пошла открывать дверь. За дверью стоял человек с огромным букетом роскошных цветов. "От товарища Сталина", — произнес он и исчез. Редкое переводческое везение...

А ведь могло быть и по-другому. В газете "Московский комсомолец" я прочел как-то, что во время уже Ялтинской конференции Сталин узнал, что Уинстон Черчилль недоволен тем, как он, Сталин, легко общается с Рузвельтом в неформальной обстановке (не Зоя ли помогала? —

Д.С.), в то время как британский лидер оставался как бы в стороне. Тогда в один из вечеров Сталин пригласил Черчилля "поговорить" поздно ночью.

Наутро Черчилль проснулся с ужасной головной болью и ничего не помнил. Тогда он написал письмо Сталину: "Дорогой товарищ Сталин! Я боюсь, что выпил слишком много вашего "армянского бренди" накануне. Надеюсь, вы не примете всерьез все из того, что я вам наговорил". На что Сталин ответил: "Господин Премьер-министр. Я боюсь, мы оба выпили лишнего. Не бойтесь — единственный свидетель нашей беседы, переводчик, уже давно расстрелян"¹.

Этот эпизод мог бы вполне сойти за остроумную историческую байку, если бы мы не знали нрава Великого Друга Всех Переводчиков. Всякое могло случиться. Как теперь говорят, время такое было...

А Зоя самым непосредственным образом обеспечивала успех на переговорах советского лидера не только как переводчик. Именно ей Рузвельт пожаловался на мешавших ему спать тегеранских лягушек, а она — случается же такое — споткнулась на слове "лягушка", когда переводила это Сталину. "Иосиф Виссарионович, ну, те маленькие зеленые животные, которые квакают в пруду", — так вспоминала Зоя Васильевна свой "провал". Говорят, на следующий день лягушки Рузвельту досаждают перестали. Остается только гадать, что же с ними случилось...

А позже, во время Ялтинской конференции англичан заели клопы... И это несчастье они также вываливали на бедную переводчицу-разведчицу. Знали бы президент США и его британский коллега, что вскоре не только эти бытовые мелочи, но и самые важные военные секреты из Лос-Аламоса в штате Нью-Мексико (американской "атомной лаборатории") станут известны этой русской переводчице. Много в ее работе и до сих пор остается тайной.

Кстати, несмотря на то, что место и время встречи лидеров трех держав держалось в большом секрете, кое-какие данные гитлеровской разведке всё же удалось получить, в частности — что речь шла о Тегеране. Было подготовлено несколько групп немецких террористов. Руководил ими террорист № 1 третьего рейха — Отто Скорцени², которому Гитлер поручил уничтожить Сталина и Черчилля, а Рузвельта — похитить. Благодаря слаженной работе советской и британской контрразведок удалось найти и обезвредить несколько немецких исполнителей покушения.

Когда в 1943 году было создано спецподразделение по добыче атомных секретов, его возглавил Павел Судоплатов, а Леонид Эйтингон, отчим Зои, стал его первым замом. Именно сюда ее направили работать — переводить секретные документы, переправленные из Америки. Для начала дали несколько листков для перевода и один-единственный технический словарь. Она начала переводить — получалась абракадабра, потому что многие термины были зашифрованы. Потом вместе с Зоей стали работать физики самого Курчатова, помогая вникнуть в суть проблемы.

Тогда Зоя даже не догадывалась, что самое прямое отношение к получению советской разведкой атомных секретов США имели Василий и Лиза Зарубины — ее отец и мачеха! Наш полковник Ангелов был из той же когорты...

После окончания войны Зоя Зарубина как офицер разведки работала на Потсдамской конференции, а позже в круг ее обязанностей входил подбор кадров для западного направления.

¹ Газета "Московский комсомолец", 03.05.2005

² В конце 70-х писатель Юлиан Семенов, наш сосед по дачному поселку, будет рассказывать моему папе о своей встрече с Отто Скорцени...

Она окончила высшую школу НКВД-МГБ, а в 1949 году заочно — Московский институт иностранных языков. В 1951 году после ареста Л.Эйтингона в связи с начавшейся антисемитской кампанией, она была уволена из органов госбезопасности. На работу к себе в Иняз ее взяла тогдашний ректор В.Пивоварова — та самая, которую Судоплатов оставлял в Москве для координации деятельности московского подполья в случае гитлеровского вторжения. А уж Зарубина взяла в свою очередь к себе под крыло в качестве студента сына "бериевского пособника" Павла Судоплатова — Анатолия. Его отец в те годы отбывал 15-летний тюремный срок. Все время не перестаю удивляться переплетению человеческих судеб!

Зоя Васильевна работала преподавателем, потом стала деканом факультета английского языка нашего института, затем возглавила Курсы переводчиков ООН при МГПИИЯ. Когда супруга Н.Хрущева встречалась с иностранцами, то Зою Васильевну всегда приглашали в качестве ее личной переводчицы.

С 1970 года она преподавала в Дипломатической академии. В 1972-1973 годах участвовала в работе советской комиссии по подготовке Хельсинкских соглашений. В 1988 году она была в числе организаторов Международного движения "Педагоги — за мир", впоследствии став его вице-президентом. Зоя Васильевна Зарубина также шефствовала над подмосковной школой-интернатом для больных детей. Ее главным лозунгом было — "Спешите делать добро". Невероятная судьба! Невероятная целеустремленность!¹

Спустя годы мне открылась и еще одна шкатулка с двойным дном... Речь идет о Саре Соломоновне Хидекель, читавшей у нас курс лексикологии английского языка. Вот что почерпнул я, читая книгу «Диверсанты».

Сара Соломоновна Хидекель родилась в 1915 году. После окончания Института иностранных языков она пришла в органы государственной безопасности в 1937-м и работала там до 1954 г., но и потом занималась языковой подготовкой специалистов в военной среде, преподавая в Военном институте иностранных языков (ВИЯК). Во время войны она участвовала в языковой подготовке разведчиков, отправляемых за рубеж. В 1942 году С.С.Хидекель вышла замуж за К.К.Квашнина, создателя спецшколы для бойцов Особой разведывательно-диверсионной войсковой части НКВД – ОМСБОН, который в начале войны был также ответственен за минирование Большого театра, гостиницы «Москва» и здания Госплана (ныне в нем размещается Госдума РФ)

Вследствие начавшейся кампании борьбы с «безродными космополитами», С.С.Хидекель перешла на работу в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Она написала кандидатскую диссертацию, стала доцентом, написала 14 книг по теории языка и иностранной лингвистике².

Я много думал о том, как и почему люди абсолютно различные по характеру, темпераменту, принадлежащие к различным социальным слоям приходят во внешнюю разведку. Ведь хорошо известно, что "инициативников" (их термин) там не любят, справедливо считая, что к ним могут затесаться и случайные — читай, опасные, — элементы. Самый расхожий пример, растиражированный СМИ — это ответ кагебешников-кадровиков юному

¹ З.В.Зарубина скончалась в январе 2009 г.

² И.Б.Линдер, С.А.Чуркин, Н.Н.Абин. Диверсанты. Легенда Лубянки – Павел Судоплатов. ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2017, С.785-786.

девятикласснику Володе Путину, когда тот пришел справиться, каким образом можно попасть к ним на работу — "Инициативников не берем". Ну, как известно, своей цели будущий глава ФСБ, потом президент, а потом и премьер-министр РФ все же достиг — не мытьем, так катаньем...

"Их" метод вербовки кадров — это пристальное наблюдение за потенциальным кандидатом в сотрудники чуть ли не с пеленок, и хорошо бы при этом, чтобы и родители его были сотрудниками их хитрого ведомства. А дети, как это часто бывает, идут по проторенной профессиональной дорожке: ведь они с младых ногтей посвящены в определенные "секреты" родителей — сама семейная атмосфера этому содействует, — и им легче осваиваться в "династическом" ремесле. Да, собственно, это справедливо и в отношении всех других профессий, передающихся из поколения в поколение. Как мы видим, так было и с Зоей Васильевной Зарубиной.

И все же, мне думается, есть одна черточка характера у людей, избравших этот "скользко-благородный" путь в своей жизненной карьере, которая, еще как предпароль, сводит их с будущими ловцами душ из хитрых ведомств. Это определенная степень авантюризма, вызванная то ли бóльшим содержанием в их крови адреналина, то ли еще чем. Это, вероятно, как врожденное актерство с его тягой к перевоплощению, это — как наркотик, как стояние на краю обрыва, когда возникает ощущение всевластия над небом, это вера в собственную "избранность" ради служения великой, в их понимании, идее. Да мало ли еще чего здесь может быть намешано! Чужая душа — потемки.

Я поймал себя на том, что мой читатель может, вероятно, почувствовать некую восторженную нотку в моих рассказах о наших институтских преподавателях, волею судеб и времени напрямую связанных с разведкой. Да, это так. Но не эта область деятельности рыцарей плаща и кинжала, а теперь еще, как оказывается, и иностранного языка, вызывает у меня повышенный интерес. Дело в другом. Это как, к примеру, с антикварным секретером красного дерева, который достался тебе по случаю: ты им любишься, ты знаешь историческую эпоху, когда он был сделан, ты додумываешь, кто бы мог сидеть за ним и какие строки выходили бы из под его гусяного пера... И вдруг ты совершенно случайно нажимаешь на шляпку какого-то декоративного гвоздика, и передняя панель секретера вдруг подается вперед, а из его глубин выдвигается небольшой ящичек с какими-то документами, и вот в них-то вся настоящая правда и есть...

Нет, все равно всей правды не узнать. Но вот этот-то "потайной" ящичек, второе дно, другая жизнь и интересуют меня, тем более, что все эти преподаватели, о которых я писал, были для меня повседневной реальностью, а мне и в голову не могло тогда прийти, что их судьбы — огромный космос...

Путь далек до Бирмингема

В начале 1968 года институт был взбудоражен слухами: кажется, у нас должны были установиться связи с Бирмингемским университетом. И, действительно, летом группа наших студентов-старшекурсников поехала туда на месячную стажировку, а группа английских студентов приехала к нам. Для меня поездка в Англию казалась несбыточной мечтой. Но в начале 1969 года, меня, уже четверокурсника, вызвала к себе Бармина и сообщила, что моя кандидатура включена в список очередной студенческой группы для стажировки в Бирмингемском университете. Внутренне я зашелся от радости: моя многолетняя мечта увидеть Англию может обернуться реальностью!

Потянулись долгие месяцы подготовки: тут были и собеседования в комитете комсомола института, и в райкоме комсомола (а как ты "политически" подкован?), и в ЦК КПСС, где нас заставили чуть ли не наизусть вы зубрить "Правила поведения советского человека за границей", перечисленные в замызганной брошюрке под грифом "Для служебного пользования". Короче говоря, отобранные счастливчики (и я в их числе!) — по 10 человек от нашего и переводческого факультетов — прошли и огонь, и воду и медные трубы идеологического сита.

И вот 22 июля 1969 года — день нашего отлета. В аэропорту Шереметьево меня провожали мама, папа и Наташа, моя невеста (сразу после моего возвращения из Бирмингема в августе была назначена наша свадьба). Надо сказать, при проходах папа допустил рискованную шутку на грани фола, когда он подошел к одной из наших руководительниц и сказал: "Ну, за моего-то сына (жест в мою сторону) можете не беспокоиться — уж он-то точно не останется" (жест в сторону моей невесты). Руководительницу, по-моему, объял тихий ужас, учитывая, что в те годы за рубежом частенько оставался кто-нибудь из наших деятелей искусства, что по тогдашним законам являлось преступлением.

В самолете на ланч подали черную икру (!), холодного цыпленка (тогда мы еще не знали, что злые языки назовут его эмблемой нашего Аэрофлота) и сухое белое вино — летели-то три с половиной часа. "Мы пролетаем над Лондоном", — объявила наконец стюардесса. Внизу — квадратики кварталов и мириады крохотных разноцветных жучков — ползущих, разбегающихся или просто застывших в оцепенении: машины, машины, машины...

Одарив нас улыбкой (в отличие от нашего пограничника, который с суровой неприязненностью вглядывался в наши лица), британский иммиграционный чиновник поставил каждому штамп в паспорте, который гласил: "Подателю сего разрешается пребывание на территории Соединенного Королевства Великобритании при условии, что он не будет наниматься на работу, платную или бесплатную", и мы стали грузиться в автобус.

В автобусе мы познакомились с Майклом Пушкиным, молодым преподавателем университета, который отвечал за организацию нашей жизни в Бирмингеме. Интересно, что и внешностью своей он здорово походил на поэта — такой же курчавый и подвижный и с хорошим чувством юмора. Английский Пушкин стажировался в Москве на филфаке МГУ и отлично говорил по-русски. А какой восторг он однажды вызвал, когда мы ему что-то объясняли, и он вдруг закричал: "Усёк, усёк!".

Я поинтересовался у Майкла происхождением такой звучной для нас фамилии. — "Понимаешь, когда в России начались погромы, то мои предки из Гродно, Пинска и Варшавы перебрались в Англию — на дорогу до Америки им денег не хватило. А чтобы англичане легко могли бы выговорить их фамилии, и чтобы они звучали для них более или менее знакомо — назвались Пушкиными" — так ответил мне английский однофамилец нашего поэта.

Надо сказать, что между собой мы потом немало изоцрялись в остроумии насчет фамилии Майкла. Помнится, когда он запаздывал на какую-то встречу, я мрачно заметил, что уже пора звать Дантеса. А когда кто-то в столовой обратился к нему — "Мистер Пушкин, а куда грязную посуду ставить?", то наши остряки радостно посоветовали отнести ее к Бенкендорфу¹.

По дороге в Бирмингем мы остановились у кафе — перекусить. Себе я взял кусочек яблочного пирога и сок. Естественно, что пирог с тарелки я взял рукой. И тут я просто

¹ Бененкендорф Александр Христофорович (1783—1844), в 1826 шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой, начальник III отд. собственной Е. В. канцелярии.

почувствовал на себе пристальные взгляды. То были немногочисленные посетители кафе, которые привыкли есть такие пироги *вилкой*, и для которых я предстал в образе дикого русского медведя. Ох, и стыдно же мне было... Так началось мое практическое знакомство с бытовой европейской культурой.

Наша группа обосновалась в здании студенческого общежития минутах в 45 ходьбы от Университета. Расположенное в старом парке викторианское двухэтажное здание было очень уютным и каким-то домашним. Каждого из нас поселили в отдельной комнатке.

Английский быт поначалу доставлял нам немалые муки. К примеру, умывание: раковина как и у нас, но смесителя для воды нет, так что из одного крана лилась страшно холодная вода, а из другого — кипяток, к тому же один кран от другого отстоял на большом расстоянии. Для нас было в диковинку видеть, как умывались англичане: заткнув раковину, наполняли ее водой и там уж плескались и мыли все, что нужно. Между собой мы немало поиздевались в связи с этим над жителями Альбиона. Невдомек нам тогда было, что вода *стоит денег*, и они ее разумно экономят!

Еще одна "бытовая" и довольно забавная подробность нашей английской жизни той поры. Как-то раз несколько наших парней устроили возню на зеленой лужайке перед общежитием: ну, энергия молодости из них так и перла, особенно после долгих занятий. Так потом кто-то из английских студентов с хитрой улыбкой порекомендовал впредь воздерживаться от подобных развлечений: "Люди могут заподозрить вас в нетрадиционной сексуальной ориентации..." Надо было видеть багровые лица наших ребят с переводческого факультета! Сколь же изменилось общественное сознание, в том числе и в Англии, с той поры...

Нам выдавали "стипендии" — деньги на карманные расходы — фунтов по пятнадцать еженедельно. Завтрак и обед (для нас — ужин) брала на себя английская сторона. Ланч (а вот это уже наш обед) мы должны были оплачивать сами в студенческой столовой, но мы сэкономили и поэтому жили впроголодь. Как же иногда выручала по вечерам твердая сырокопченая колбаса, ржаные сухарики и бульонные кубики, заботливо положенные мамой в чемодан! К слову сказать, какую-то сумму в рублях каждый из нас оставил дома (спасибо родителям!), и эти деньги шли на карманные расходы наших "обменных" бирмингемских студентов.

Обед начинался в четыре часа пополудни в столовой общежития. В ней двумя длинным рядами вплотную стояли столы с кувшинами простой воды со льдом. Нам это казалось непривычным — со льдом еще! — а компот как же? Сам обед был более чем скромным: обычно кусочек жареной индейки, листик салата, помидор, вареная картошечка, майонез, стаканчик (не стакан!) сока. Хлеба нет и в помине. Но, как говорится, в чужом монастыре, да еще дареному коню...

Еще более диковинной для нас была сама церемония начала трапезы. Во-первых, всем следовало являться на нее как штык ровно в 16.00. Опоздавший хоть на минуту должен был подойти к декану университета (на вид ему было лет 35), сидевшему в торце длинного стола, и испросить разрешения занять за столом место. Потом декан произносил первые слова благодарственной молитвы — *Benedictus benedicti* — и все сидевшие за столом должны были в этот момент буквально замереть. После того, как декан раскладывал у себя на коленях салфетку, начиналась сама трапеза.

Мы с удовольствием приняли такую традицию: она как-то разнообразила простое студенческое "заглатывание еды", возвышала сам физиологический процесс питания. А как мы давились от внутреннего торжествующего хохота, когда наши "железные" руководительницы однажды опоздали к столу и как нашкодившие ученицы скромно подошли к декану за

разрешением занять свое место! Это был для нас наглядный урок демократии: закон един для всех.

Бирмингемский университет, основанный в 1900 году, англичане в то время с известной долей снобизма относили к категории "краснокирпичных университетов" ("red brick universities"), то есть к "новым", чтобы отличить их от "старых" — Оксфорда и Кембриджа. Однако именно в Бирмингемском университете располагался мощный Центр русского и восточно-европейских языков и литературы, успешно действующий вот уже свыше сорока лет.

Совсем недавно увидел небольшую заметку, озаглавленную "Язык их — враг их" ("Московский комсомолец" 25.01.2010). В ней профессор лингвистики Ланкастерского университета Тони Макэнери сетует, что британские тинейджеры из общего объема английского языка, насчитывающего свыше миллиона слов, используют не более 800 (!). Лично я считаю, что во многом виной этому Интернет, эсэмэски и общее падение культуры. Справедливости ради надо отметить, что и российские тинейджеры страдают тем же лингвистическим недугом. Так вот, у меня и родилась идея: а что, если возобновить старый добрый обмен с Бирмингемским университетом? Их русисты постигли все тонкости русского языка, мое поколение инязовцев не уступит им в английском. И пусть они — сюда, а мы — туда, и совместными усилиями попытаемся показать нашим общим детям и внукам красоты двух великих и могучих языков. Иначе каждый у себя в стране рискует стать сапожником без сапог... Грустная шутка.

Еще на дальних подступах к университету мы увидели возвышавшуюся над зданиями из того самого красного кирпича высоченную башню-иглу с часами. Мы окрестили ее Бирмингемским "Биг Беном".

В университете нам преподавали фонетику, перевод, устную практику. Расписание было такое: занятия, включая субботу, с 9.00 до 12.15, в 13.30 — лекция на какую-либо тему — образование в Великобритании, политическое устройство, кино радио и телевидение, национальная система здравоохранения, британская экономика, современная английская поэзия, история Бирмингемского университета, молодежное движение в Великобритании, подготовка элиты в индустриальном обществе и т.п. В 15.00 следовала культурная программа — встречи с представителями политических партий, или каких-то обществ, визит к мэру, посещения больницы, почты, редакции местной газеты Birmingham Post, студии телевидения, суда, автозавода, кондитерской фабрики, культурного Центра. Устраивались поездки в Лондон, Бристоль и другие города.

Вначале мы побывали в Честере, одном из самых старых городов Англии, на месте которого когда-то располагался лагерь римских легионеров. Кстати, от них же и произошло название города: "castrum" (по латыни "лагерь") постепенно превратился в Честер. Там мы познакомились с неведомым дотоле для нас законом, незыблемость которого отстаивали все те же древние римляне — правом неприкосновенности частной собственности. Порядком измученные экскурсией по городу, мы с приятелем зашли за ограду, что шла по берегу речушки, протекавшей посреди города, и присели передохнуть на настоящий английский газон. Вскоре к нам подошел рабочий, стригшей неподалеку траву газонокосилкой, и сказал: "Сидеть здесь запрещено. Частная собственность". Смущенные и немало раздосадованные, мы ретировались.

Нас возили в городок Стратфорд-на-Эйвоне, на родину Шекспира. Я побывал в домике, где он родился (вопрос о том, существовал ли он на самом деле, вынесем за скобки моего повествования), и даже оставил свой автограф в книге посетителей. Вечером мы смотрели

спектакль "Как вам это понравится" Шекспировского мемориального театра, который вверг меня в полную прострацию. Я не понял практически ни единого слова — шекспировский язык того времени слишком отличался от современного английского. Но тут из уныния меня вывели два американца, сидевшие сзади: "Ну, ты понял хоть что-нибудь?" — спросил один другого. "Господи, да, конечно же, нет!" — последовал ответ. У меня отлегло от сердца.

Довелось нам побывать и в Оксфорде, что означает "бычий брод", и в Кембридже — этих колыбелях британского и мирового студенчества.

Из местных визитов в Бирмингеме запомнилось посещение Центра искусств Мидленда (Мидлендом называется центральная часть Англии). В него входили кукольный театр (куклы делают сами дети вместе с родителями и сами же ставят спектакли), различные мастерские по интересам (моделирование и т.п.). Принимал нас человек, по виду скромный служащий, а потом выяснилось, что он директор всего этого комплекса, да к тому же ближайший родственник владельца крупнейшей кондитерской компании Кэдбери. От него мы узнали, что этот Центр строили студенты из 35 стран (кроме, естественно, СССР), и его главная идея — через искусство, через театр воспитать новую молодежь. Звучало немного наивно, но мне понравилось огромное внутреннее убеждение этого человека, преданность своей идее. Настоящий подвижник.

На самой фабрике Кэдбери мы тоже побывали. Это было тем более интересно для нас, что именно в 1969 году в наших магазинах в Москве стал появляться невероятно вкусный шоколад Кэдбери с изюмом и орехами. Сопровождавшая нас менеджерша строго сказала: "Конфеты можно пробовать. Но по одной штуке на каждого". Мы ее забоялись.

В цехах меня поразили технические вещи, дотоле не виданные. Например, в цеху бетонный пол, а посередине прохода между производственными линиями шла узкая деревянная дорожка. По ней медленно ехал целый поезд из вагончиков с коробками. Он двигался автоматически, без "машиниста", да еще и за углы заворачивал. Нам объяснили, что под этой дорожкой проложен сильный электромагнит, и вот на этом принципе все и действовало. Не знаю, может и у нас в то время были такие приспособления, но тогда это произвело на меня огромное впечатление.

Большой радостью для нас было открытие, что в Москву можно звонить из любого телефона-автомата (один такой был в общежитии) с оплатой разговора за счет вызываемого абонента. Мы немедленно воспользовались этой возможностью, и я несколько раз звонил родителям и своей невесте, о которой так раззвонил на всю округу, что, пожалуй, только Елизавета II о ней не слыхала.

В один из вечеров нас пригласили к себе члены Rotary Club. Ротари ("вращение") Клуб — это объединение учителей, врачей, инженеров и т.д., то есть людей среднего класса, независимо от их политических взглядов, расы и т.п., и занимающих определенное положение в обществе. Ротари Клуб был создан в 1905 году в Чикаго и вскоре стал популярен во всем мире.

Мы удивились: нам сказали *средний класс* (мы-то знали только "*рабочий класс*" да "*крестьянство*"), а все были одеты, как на светском рауте или дипломатическом приеме. Встреча проходила на настоящем английском газоне с напитками в обнос и беседами по интересам — кто с кем.

Это сейчас в России многие мечтают о создании такого среднего класса, который стал бы спасителем страны от всеобщего развала и деградации...

Президент клуба, сухощавый шотландец, в самом начале встречи провозгласил тост "За ваше здоровье" на 15 языках, в том числе и на суахили (его он выучил, работая долгое время

врачом в Африке). Я с ним довольно быстро сошелся, и тут выяснилось, что, мало того, что он прекрасно знает суахили, так еще он и перевел на этот африканский язык "Гайавату" Лонгфелло. Чтобы не быть голословным, президент тут же начал декламировать строфы из своего перевода. В ответ я не ударил лицом в грязь и бодро пролепетал первые строки поэмы по-русски в переводе Бунина: "Если спросите — откуда эти сказки и легенды..." (далее я не знал ни слова!) Президент Бирмингемского Ротарианского клуба пришел в восторг от певучести русского перевода, и мы с ним выпили еще по джину с тоником за филологию с лингвистикой.

Не следует думать, что вся наша поездка была одним морем наслаждения. Во-первых, программа была составлена столь плотно и насыщенно, что мы просто валились с ног от усталости и переутомления (в последнюю неделю перед отъездом нам даже разрешили по очереди пропустить один день занятий — настолько мы были вымотаны). А, во-вторых, нашу жизнь в достаточной степени отравляли и политические события и наши руководительницы, которые были призваны "бдеть".

Вот лишь несколько примеров. Папа при прощании в Москве как напроорочил — в один прекрасный день мы узнали, что в Англии остался наш известный писатель Анатолий Кузнецов. В газетах появились большие статьи со всеми подробностями — и что Кузнецов из журнала "Юность", и что он принадлежит одной плеяде с Аксеновым и Евтушенко — на Западе эти фамилии были хорошо известны. Естественно, нам задавали вопросы, а мы, запуганные установками на "вражеские провокации, которым надо давать отпор", как-то пытались отвечать. Зачастую интерес к Кузнецову был самым безобидным — люди просто хотели знать, что происходит.

Вскоре в Англии же остался наш известный пианист Владимир Ашкенази. Это теперь понимаешь, что во все времена Англия была пристанищем для российских инакомыслящих, начиная с нашего Герцена, но тогда мы чувствовали себя затравленными всеми этими событиями.

Или другой пример. Нас пригласили на автомобильный завод Бритиш Мотор Корпорейшн. Когда мы там появились, то были приятно удивлены: на высоких флагштоках развевались два флага — британский и советский. Значит, нас ждали, нам были рады. Но когда мы пошли по цехам (о, какое же это было *четкое и чистое* производство, на котором, как нам сказали, каждые 2 минуты и 4 секунды с конвейера сходили 6 двигателей!), то услышали, как рабочие оглушительно свистели нам вслед. Вот она, та самая империалистическая провокация, о которой нам твердили в Москве!

На беседе в заводоуправлении наши руководительницы закатили по этому поводу небольшой скандал, но смущенные менеджеры пытались объяснить, что, поскольку в нашей группе много девчонок, то именно их таким образом приветствовали рабочие, что это так принято в Англии... Нам верилось в это с трудом. Теперь, по прошествии сорока лет, когда на концертах я слышу оглушительный свист, то, хоть немного и ежусь, но понимаю, что это высшая форма одобрения и признания, пришедшая к нам с Запада.

Вечное запугивание наших граждан "провокациями" со стороны "западных спецслужб" порой доходило до полного абсурда. Один такой случай произошел со мной и моим приятелем, когда мы, будучи в Лондоне, прогуливались по Гайд-парку. Внезапно услышав родную русскую речь (под одним из деревьев сгрудилась кучка наших моряков), мы бросились навстречу своим соотечественникам — пообщаться. Но не тут-то было. От группы отделился человек в штатском и, подойдя к нам, стал дотошно расспрашивать, кто мы и откуда. Объяснения типа "мы советские студенты здесь на стажировке" на него впечатления не произвели. Напротив, он еще больше напрягся — явная провокация, откуда в Англии взяться обыкновенным советским

студентам? — и под благовидным предлогом увел свою группу морячков от греха, то есть от меня с приятелем, подальше.

В телевизионных новостях, переданных 15 августа 1969 года, показали сюжет: в Северной Ирландии полыхнуло настоящее восстание. Мы видели, как люди строили баррикады, как происходили дикие драки, как летели камни, кирпичи, бутылки с бензином — "коктейль Молотова", как какие-то парни переворачивали автобусы, выдирали плиты из мостовой. Сообщалось о восьмерых убитых и массе раненых. В Белфаст Англия ввела войска. Кто против кого, кто с кем — понималось нами смутно, да еще без должного знания исторических корней проблемы. И не знали мы тогда, что эта трагедия затянется на многие десятилетия, и что от одного лишь сокращения ИРА, звучащего для нас как привычное девичье имя, а на самом деле обозначавшего Ирландскую республиканскую армию — так называли себя беспощадные террористы из этой организации, — будут в ужасе сжиматься сердца людей долгие годы.

А вслед за этими событиями наступила годовщина ввода войск стран Варшавского договора во главе с СССР в Чехословакию (в августе 1968 года), которая попыталась через свою "пражскую весну" придать сталинско-брежневскому социализму "человеческое лицо". Для меня эта дата была особенно опасной: здесь я четко знал, на чьей я стороне, но — упаси боже! — было хоть неосторожным жестом или мимикой показать это окружающим! Я не был столь отважным, как семерка наших диссидентов, которые вышли в свое время на Красную площадь с протестными плакатами.

Когда по английскому телевидению демонстрировался фильм о годовщине чехословацких событий, наши руководительницы приказали нам и носа не совать в холл, где был телевизор, а устроить в другом конце здания "танцы до утра", хотя всем очень хотелось спать...

И последнее "о политике". У нас часто устраивались собрания группы, на которых обсуждались не только какие-то организационные вопросы, но и делались персональные "втыки". Так, оказалось, что за мной, как и за каждым, велось пристальное наблюдение не только со стороны наших руководительниц, инязовских педагогов, но и со стороны их добровольных "помощников". Вчиненный мне личный "втык" заключался в следующем: слишком оживлен и непосредственен, проявляет "панибратство" по отношению к официальному представителю принимающей стороны (к Майклу надо было, оказывается, обращаться только как к "мистеру Пушкину", хотя он это ненавидел), много жестикулирует, недостаточно активен на политических встречах. Последнее аукнулось мне уже по возвращении в Москву, но, к счастью, без *серьезных* последствий: так, просто, вдруг вспомнили, что я не член КПСС и поэтому не могу по окончании института продолжить учебу на наших Курсах переводчиков ООН, хотя я уже успешно сдал туда все вступительные экзамены...

Однажды мистер Пушкин собрал нас в холле и рассказал о предстоящей поездке в Лондон, в котором мы должны были провести целых три дня. Он зачитал список семей, желавших разобрать нас, как на невольничьем рынке, по своим домам. Кому-то досталась вегетарианская семья, что вызвало у несчастливца голодную грусть в глазах, кого-то отписали семейству по фамилии Морганы (уж не потомкам того знаменитого пирата?). Я скромно поинтересовался, нет ли в списке семьи, проживающей по адресу Даунинг Стрит, 10 (резиденция премьер-министра). Несколько ребят поселили в окрестностях Лондона — в "Подлondonье" — и тут Майкл затянул "Подмосковные вечера", вызвав гомерический хохот. Одна семья просила человека из Средней Азии, и чтоб знал народные танцы. Мне с приятелем повезло: нам досталась семейная пара, жившая в престижном районе Вест Энд.

К сожалению, воспоминания о Лондоне у меня остались какими-то смазанными. То ли впечатлений было слишком много, то ли еще что. Помню только, что в семье супругов Бейли, в которую мы попали, было очень теплое к нам отношение, прямо как к своим детям — нас даже за руку переводили через улицы (левостороннее движение, легко растеряться). За три дня нас с приятелем успели сводить на фильм "Вестсайдская история" и спектакль "Карьера Артуро Уи" по пьесе Брехта, мы побывали в музее мадам Тюссо да прогулялись по центру Лондона и набережной Темзы. Перед зданием Парламента с его Биг Беном я испытал почти религиозный экстаз: Англия, я здесь!

И еще из чисто визуальных картинок: Трафальгарская площадь с колонной Нельсона, много молодежи и почти все девчонки — в мини-мини юбках. Тогда они только вошли в моду. А мой приятель вдруг завопил: "Ой, смотри, одна с голым пузичком пошла!" Англичанки еще сорок лет назад произвели эту революцию в женском облике.

Перед королевским Букингемским дворцом мне страшно не повезло — заело пленку в киноаппарате, и смену караула живописных королевских гвардейцев заснять не удалось. А потом их отряд промаршировал по Пэл-Мэлл стрит под звуки духового оркестра, самозабвенного игравшего отнюдь не марш, но знаменитую лирическую мелодию из фильма "Мужчина и женщина" Клода Лелюша в маршевом ритме. И вся эта красота тоже осталась только в моей памяти...

Из своей первой в жизни заграничной поездки я ухитрился, учитывая очень скудные финансы, привезти всем родным, близким и друзьям небольшие сувениры. Наиболее существенные представляли собой невиданной (для нас) красоты предметы дамского туалета, которые предназначались, естественно, для моей невесты. Своему племяннику Алеше я привез огромный черный пластмассовый водяной пистолет Кольт 45. Себе же я купил модную в то время голубую "битловку" (тогда так назывались нечто вроде облегающих футболок с длинными рукавами и воротником-стойкой под горло), газовую зажигалку Ronson, запасные кремни и баллончик с газом к ней, игрушечный револьвер типа "бульдог" с оглушительными пистонами и собрание *всех* произведений Шекспира в одном томе за полфунта стерлингов. Этот увесистый фолиант походил, скорее, на равносторонний куб, внутри которого мельчайшим шрифтом на плохой газетной бумаге были напечатаны величайшие творения драматурга. На черном корешке золотом было вытеснено "Oxford Press Library" и смотрелся том весьма солидно. Только гораздо позже я обнаружил еще более мелким шрифтом, чем сам текст, слова: "Отпечатано в Румынии".

А с Майклом Пушкиным мне вновь довелось увидеться в 1995 году, спустя 26 лет после нашего знакомства. Он приехал в Москву со своей дочерью, и мы совершенно случайно нашли друг друга через общих знакомых. Повидаться с Майклом я приехал тоже со своей дочерью, и пока девчонки знакомились и обсуждали свои девчоночьи дела, мы с мистером Пушкиным ударились в приятные воспоминания. — "Я хорошо запомнил, как ты вдруг стал меня величать "мистером Пушкиным" и никак иначе, и еще когда ты заговорил о прерафаэлитках. С этим парнем нужно быть поосторожнее: он глубоко копает — подумал я тогда", — смеясь, сказал мне Майкл. А еще я был несказанно огорчен, когда узнал от него, что наше милое общежитие в Бирмингеме в старинном парке было снесено ради строительства чего-то современного. И Англия, оказывается, страдает от "точечной застройки"...

Года три назад мне приснился неожиданный сон: я вновь в Бирмингеме, иду по тем же улочкам, по которым бродил в далеком 1969 году, с восторгом и нежностью смотрю на наше

общезнание на Augustus Road (в памяти моей оно так и стоит среди вековых деревьев). Потом оказываюсь перед входом в университет, и степенный служитель в форме, похожей на йоменскую¹, неспешно ведет меня в какое-то помещение, где сидят строгие леди и джентльмены. Я приветствую их, ощущая какую-то робость, как будто попал в приемную комиссию. Представившись, я говорю: "Я вернулся..." — "А, — приветливо говорит одна леди, — вы отец Любы Симуковой!" И я понимаю, что они знают Любу, и что она, по-видимому, тут учится. Хороший сон, хороший Бирмингем...

Диплом и распределение

Диплом я писал на кафедре фонетики по фонетическим и интонационным особенностям северо-английских диалектов. Я долго корпел над книгами в библиотеке Иностранной литературы, делал выписки, выстраивал концепцию своего диплома. Мой друг детства, художник Павел Липатов, помог сделать красочные карты графства Йоркшир, разные фонетические таблицы, диаграммы, так что выглядело все очень солидно.

Госкомиссия под стол полезла с хохоту, когда я, принеся тысячи извинений за не эталонное южно-английское произношение, пытался зачитывать контрольный отрывок текста на разных северных диалектах туманного Альбиона.

По окончании защиты я сел на свободное место тут же в аудитории и стал ждать, когда закончат защищаться наши девчонки по группе. Рядом со мной сидел завкафедрой теоретической грамматики и широко раскрытыми глазами глядел на своих дипломанток. Слушали мы, слушали, и тут он повернулся ко мне и сказал: "Здорово, правда?" Я кивнул. "А ты что-нибудь понял?" — последовал вопрос. "Теперь нет, — парировал я, — я вам теорграмматику еще в прошлом году сдал". — "Вот и я тоже ничего не понимаю, но вижу, что здорово написано".

Такой вот диалог произошел. Но наш завкафедрой изрек истину: теорграмматика у лингвистов сродни сопромату у технарей: сдал — можешь жениться.

Когда все защитились, наша декан Лидия Алексеевна Бармина пригласила всю группу зайти в аудиторию для объявления результатов. И тут она выдала такую пенку, что мне икается и сегодня. "Поздравляю, — сказала Лидия Алексеевна.. — Все студенты в вашей 506-й группе защитились отлично. (Маленькая пауза). Кроме товарища Симукова (вновь пауза, я уже почти начинаю тихо сползать по стене), работу которого следует отметить особо".

В тот момент я понял только, что остался живой. Выйдя в коридор, я вдруг увидел мою маму с огромным букетом моих любимых розовых роз на длинных толстых черенках. Оказывается, мама приблизительно рассчитала время окончания защиты и приехала, чтобы первой поздравить меня. Это мамино появление в институте — единственное за все годы моей учебы — я запомнил на всю жизнь.

У "переводчиков" были и более "земные" дипломные работы. Например, один их студент перевел на русский язык проектные материалы по строительству автомобильного завода "Фиат" в СССР — будущего "флагмана отечественного автомобилестроения" — ВАЗа. Директор института "Промстройпроект" так отозвался о его дипломе: "Перевод проекта завода является одним из основных материалов, по которым ведется строительство автомобильного завода в г.Тольятти". Такой отзыв является лучшей оценкой работы студента! — восторгалась все та же

¹ "Йомены" (англ. Yeomen) — в феодальной Англии мелкие землевладельцы. Йомены в качестве пеших лучников привлекались к службе в королевской армии. Вплоть до середины XVII века йомены составляли основную массу английского крестьянства. Сам термин сохранился в названии иррегулярных воинских частей добровольцев. Сейчас эту форму носят служители в лондонском Тауэре

наша многотиражка "Совстуд". Сегодня, читая эту заметку, я подумал, что директор ВАЗа мог бы и новенький "Фиат", то бишь "Жигуленок", подарить тому студенту: ведь завод бесплатно получил огромный объем документации на русском языке! Да что там "Жигуленок"... Другой студент-переводчик с итальянским языком пахал в Тольятти со своими сокурсниками до седьмого пота. Директор завода поначалу обещал им командировку в Италию, а потом сделал вид, что ничего такого и не было¹...

А дальше было распределение. О-о-о, нынешнее поколение студентов только, может, слышало о таком феномене от своих родителей. Хотя, признаться, здесь есть о чем подискутировать: распределение — хорошо это было, или плохо?

В двух словах оно заключалось в следующем. После пяти лет учебы в институте ты должен был отработать на том предприятии (в школе, НИИ, и т.д.), куда тебя пошлет распределительная комиссия. А она, свою очередь, изучала заявки отраслевых министерств.

Положительным в этой системе было то, чего не было тогда и что наличествует сейчас — безработицы. Отрицательным — что мало кто работал по специальности, что была принудилровка, что все косили от нее, как сегодня от армии. Девушки стремились поскорее выйти замуж до дня распределения, чтобы помахать перед комиссией заветным свидетельством о браке. Конкретный тому пример — моя вторая жена. Ее, восемнадцатилетнюю девчонку, распределили после музыкального училища на самый наш Дальний Восток, в порт Находку преподавать в музыкальной школе. Ну, и что ей оставалось делать? Пришлось срочно выходить замуж. Тогда не за меня — о моем существовании она и не подозревала — а за своего друга. Такие скоропалительные и вынужденные браки зачастую оканчивались жизненными трагедиями.

Но об одном таком распределении в нашем институте долго ходили легенды. Жила в инязовском общежитии в Петроверигском переулке некая студентка Галя. Была она нрава веселого, на язык дерзкая, по знаниям — ниже средненького. Зато внешностью могла похвастаться на все сто. Я хорошо помню одну фотографию в нашей стенгазете "Учусь Учить", естественно, еще черно-белую, на которой Галина была запечатлена говорящей по телефону в коридоре инязовского общежития. Так на ней были такие умопомрачительные леггинсы (это сейчас мы знаем, что это такое и как это называется!) в цветочек, и у нее были такие стройные ноги, что мужская часть нашего факультета подолгу задерживалась у стенгазеты. Правда, цель публикации такой фотографии, была совершенно иной: хлесткая подпись гласила, что вот такие, с позволения сказать, одеяния студенток наносят урон общественной морали. И все в таком роде. Но на Галку это мало влияло.

Короче, Галя была притчей во всех языцах и у преподавателей и у руководства нашего факультета. И вот настал день распределения. Комиссия уже плотоядно потирала руки в предчувствии маленькой гадости: Галину собирались услатить куда-то в далекую сибирскую школу преподавать английский.

Почти все студентки ее группы уже подписали свои приговоры — кто куда — а Галки все не было. Злорадство комиссии усиливалось. И тут дверь аудитории широко распахнулась, и в нее влетела Галка. Боже, — так гласила народная молва, в каком она была наряде! Какое-то немыслимое воздушное платье палевого цвета, декольте "на двенадцать персон", моднейшие туфли на высоченной шпильке, и в дополнение ко всему этому великолепию — шляпа и той же такни, что и платье, с огромными полями и лентой. Кому не достает воображения, чтобы

¹ СС №21(687) 19.06.67

представить этот модельный ряд, отсылаю к фильму "Моя прекрасная леди": там Одри Хепберн носит как раз такую шляпу, когда показывают бега.

"Где подписать-то? Тут?" — нахально спросила Галина даже не удосужившись взглянуть в бумажку, где прописано место ее "ссылки", и подмахнула свое согласие. А потом она предъявила свидетельство о браке, в котором черным по белому написано, что такого-то числа такого-то года был зарегистрирован брак гражданки такой-то с гражданином Бельгии таким-то. Немая сцена по Гоголю.

Давно это было... Но самые злословные наши студентки не без желчи комментировали тот случай: "Как представляю себе, — говорила одна такая, — что Галке негр-мажордом в ливрее кофей в постель приносит, и после завтрака она брюлики свои перебирает, так..." — и умолкала, душима эмоциями. Дело в том, что, опять же по слухам, муж Галки был владельцем алмазных копеек где-то в Конго...

Мое же распределение происходило так. Как-то вызвала меня Бармина к себе и сказала, что, учитывая мою "активную жизнь" в институте, она хотела бы выслушать мои пожелания в отношении распределения. Не скрою, такое было приятно слышать. В то время моя жена усиленно подталкивали меня поступать на курсы переводчиков ООН, имея в виду перспективную работу в Нью-Йорке. Впрямую заявлять об этом я как-то постеснялся, и поэтому сказал, что хотел бы продолжить образование. — "В аспирантуре?" — "Хотелось бы нечто более практическое..." — "Курсы ООН?" — "Пожалуй".

Я собрал все медицинские справки, сдал все экзамены на эти курсы, причем самым трудным экзаменом был диктант по русскому языку. А из экзамена по французскому помню только вычурность текста, который в моем переводе звучал, примерно, так: "И потребовались столетия, чтобы воплотить идеальную кривую в конфигурацию крыла современного самолета". Английский вообще не оставил никаких следов.

Меня "зарубили". То ли тянулся след "политической неактивности" еще с Бирмингема, то ли из-за того, что я не был членом КПСС, или может, по здоровью? Ведь известно, что за переводчиками ООН приглядывал КГБ в расчете на свои нужды. Естественно, эта контора стремилась заполучить себе контингент, ни в чем не уступающий Шварценнегеру. А насчет партии — так сказали бы сразу, а то я столько сил зря потратил.

Пришел я к Барминой снова. Послала она меня в международный отдел Министерства путей сообщения. Там мне кисло сказали, что в год к ним приезжает пара делегаций, и если у меня есть что-то еще на примете, то пусть лучше я попытаю счастья там.

Пробовал я торкнуться и в Дом дружбы с народами зарубежных стран (была такая общественная организация, выросшая из ВОКСа). Но там твердо держались корпоративных традиций: со стороны никого не брать, и вежливо меня отшили. Как видно из моих мытарств, свободное распределение тоже имело свои минусы.

И опять поплелся я к Барминой. — "А вот нам прислали на-днях заявку из ВЦСПС. Попробуйте туда". Я рванул "туда", и после 10-минутного собеседования на английском и французском языках с руководством Международного отдела местным кадровикам было дано указание направить в институт официальный запрос на студента имярек, то есть на меня.

Вот так 1 августа 1970 года я попал в третью по иерархии структуру Советского Союза. Старшее поколение помнит, как по радио зачитывали какие-то важные государственные решения: "ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС постановили..." Комсомол шел всего лишь четвертым номером...

* * *

Иняз: Post scriptum

Ради интереса и обновления своих знаний о современном Инязе я залез на его сайт. Ныне это высшее учебное заведение солидно именуется Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). Аббревиатура тоже не слишком удобоваримая — раньше МГПИИЯ (только чехи, наверное, легко ее выговаривали, потому что им и четыре глухих согласных подряд в слове произнести запросто), теперь — МГЛУ. Где учишься? Во МГЛЕ. Прекрасная отправная точка для студенческого юмора.

Какие же кардинальные перемены претерпел мой институт, славившийся в свое время лучшей лингвистической школой в Советском Союзе и широко известный и за его пределами! Теперь в МГЛУ выпускают: лингвистов-переводчиков, лингвистов-преподавателей, специалистов по связям с общественностью (я так понимаю — пиарщиков), культурологов, регионоведов, экономистов, специалистов по международным отношениям, юристов, лингвистов-специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики, психологов и преподавателей психологии.

Здесь я испытываю легкое недоумения человека, придерживающегося известного возрастного тезиса, что "раньше и сахар был слаще, и снег белее, и знания глубже, и девушки привлекательнее". Неужели ныне МГИМО, "Плешка", юр- и псих- факи МГУ не справляются с выпуском таких специалистов? И естественный вопрос: а не размывается ли за счет всех этих новшеств сама лингвистическая школа, которой десятилетиями был славен наш Иняз, не снижается ли качество языковой подготовки, которой не было равной в бывшем Союзе? И не это ли в совокупности своей является причиной "загадочной" фразы, прозвучавшей как-то раз в эфире одной уважаемой радиостанции: "Римский отец Жан-Поль номер два...", — начал ведущий и запнулся. Народная молва гласит, что переводчик, подготовивший тот текст для ведущего и не знавший о существовании Папы Римского Иоанна Павла Второго, был уволен еще до окончания эфира.

Вопросы, вопросы, вопросы...

Немного статистики из моего времени: в 1966 году в Инязе работали 670 преподавателей, из них 23 профессора, 15 докторов, 121 доцент, 213 кандидатов наук. В нашем институте было много молодых преподавателей: только за 7 лет (с 1960 по 1967 гг.) в институте было оставлено для работы 46 выпускников. За 20 лет (с 1947 по 1967 гг.) институт выпустил более 30 томов "Ученых записок", посвященных филологии, подготовил 143 кандидатских диссертации и 9 докторских¹.

Конкурс в Иняз в 1967 году был:

- на факультете английского языка — 11 человек на место;
- немецкого языка — 15 человек;
- французского языка — 5 человек;
- на переводческом — 3 человека.

В 1968 году:

- на 300 мест на дневном отделении подано 1609 заявлений (соотношение 5:1);
- на факультете английского языка — 9:1;
- 93 первокурсника закончили спецшколы. Всего на 1-й курс дневного отделения зачислено 149 девушек и 151 юноша.

¹ СС № 24, 29, 30 1966-67 гг.

"Среди принятых наблюдается некоторое увеличение количества детей рабочих" (КПСС стремилась искусственно обеспечить численную доминацию среди студенчества представителей "рабочего класса" — Д.С.)¹.

Как я уже упоминал, в 1965 году, когда я поступал на наш английский факультет, конкурс был 18 человек на место. А уже на следующий, 1966 год, конкурс на наш факультет взлетел до 23 человека на место. Это произошло потому, что тогда был двойной выпуск 11-х и 10-х классов, после чего 11-й класс в школах был ликвидирован.

А на вступительных экзаменах, по сведениям сайта МГЛУ в 2002 году этот конкурс составлял 4-6 человек на место. Как говорится, отгадай с трех раз, в какие годы институт был на вершине своей славы... Такое падение рейтинга Иняза вызывает грусть, а отсутствие моего института в списке "престижных", читай — ведущих вузов (данные на 2007 год), повергает в полное уныние.

К счастью еще узнаваем перечень кафедр: грамматики и истории английского языка, фонетики, лексикологии, стилистики, лингвистической семантики (что-то новое) и прикладной и экспериментальной лингвистики. Список фамилий знакомых преподавателей, поданных с должным пиететом, наполняет сердце приятными воспоминаниями: А.В.Кунин, И.Р.Гальперин, В.А.Васильев, Т.А. Расторгуева. "Настольными книгами для многих поколений студентов, аспирантов и просто интересующихся английским языком, — свидетельствует далее справка, — стали "Большой англо-русский словарь" и "Стилистика английского языка" И.Р.Гальперина, "Англо-русский фразеологический словарь" А.В.Кунина, "Фонетика английского языка" В.А.Васильева, "История английского языка" Т.А.Расторгуевой и другие". Господи! Да я же у всех у них сидел на лекциях, отвечал на семинарах, сдавал им экзамены (в большинстве своем на "отлично").

В 2005 году проходила международная конференция "Стилистика и теория языковой коммуникации", посвященная 100-летию со дня рождения "видного ученого, одного из крупнейших специалистов в области лингвистики и филологии, доктора филологических наук И.Р. Гальперина". Это же целая эпоха прошла...

А пятью годами позже по невероятно длинной цепочке перезвонов с моими бывшими "одноинязовцами" я достал телефон Лидии Алексеевны Барминой и позвонил ей, и она меня вспомнила! И всех нас, тогдашних. Сколько же мы навспоминали вместе... Спешите благодарить своих учителей и педагогов, спешите успеть поблагодарить всех, кто делал вам добро!

ГЛАВА V. Жизненные водовороты

Международный отдел ВЦСПС

Официально я был зачислен в "резерв Международного отдела ВЦСПС" с 1 сентября 1970 года. Таких как я тогда набрали человек пятнадцать — из нашего Иняза, МГИМО, Университета дружбы народов им.Патриса Лумумбы (теперь просто РУДН). И всех нас запихнули на специально организованные курсы по международному профсоюзному движению при Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС (первые такие курсы были организованы в 1949 году).

¹ СС №22 (725) 7.09.68

На курсах мы занимались с "полной выкладкой" три месяца — история профсоюзов в СССР, социальное страхование, охрана труда, трудовое законодательство, современное международное профдвижение, его история и т.д. Нужно было также написать реферат. Я выбрал модную в то время тему — вступление Англии в Общий рынок. Естественно, я "доказывал", как плохо будет англичанам в этом рынке. Не только я, но и вся пропагандистская машина СССР трубила то же самое, а вот англичане не послушались...

Еще у нас был иностранный язык (это после Иняза-то!), и на экзамене преподавательница зверствовала, как могла, — у нас в институте на госах и то было спокойнее. Я полагаю, что здесь имела место элементарная зависть: сама-то она не была выпускницей нашего института и поэтому хотела показать нам "кто есть ху".

После сдачи экзаменов по всем дисциплинам нам вручили официальные "корочки". Тот 1970 год выдался для меня урожайным: если считать "до кучи", то я сдал 23 экзамена, написал диплом, курсовую работу и реферат.

В конце декабря состоялось заседание Секретариата ВЦСПС, на котором нас должны были расписать по международным отделам отраслевых профсоюзов (металлургов, угольщиков, текстильщиков и т.д.). Кто-то был оставлен в Международном отделе ВЦСПС, что означало более высокий чиновничий ранг. Помню, когда дошла очередь до меня, то один из секретарей ВЦСПС, убежденный сединами старец, узнав, что мне "всего" 24 года, усомнился — не слишком ли молод? Но его убедили, что не слишком.

К моему удивлению, я оказался в секторе международного отдела по связям с профсоюзами стран Азии в должности референта (а были еще сектора африканский, латиноамериканский, европейский, по связям с международными организациями). Не скрою, после Бирмингема мечталось-то о Европе, но выбрать не приходилось.

Когда я переступил порог комнаты азиатского сектора, в котором мне предстояло трудиться, то референт по Японии, лет на десять постарше, встретил меня следующими словами: "Вчера мы получили сообщение от японцев. Вот оно: "Мы уже посрари вам тереграмму и еще будем ср...ть". Так я познакомился со своеобразным "международным" юмором.

Моя работа началась с написания так называемых "справок" — оперативных аналитических обзоров по экономике, политике и профдвижению Индии, Пакистана, Ирана (!) ради которых приходилось переворачивать горы самой разнообразной региональной периодики на английском языке. Иногда такие справки получались объемом под сто страниц и тянули на приличное исследование. Особенно дико было писать справку о рабочем и профсоюзном движении Ирана, когда при шахе Реза Пехлеви было опасно не только отстаивать какие-либо права, но и вообще создавать профсоюзную организацию. Однако официально у них "профсоюзы" существовали.

Для внешнего мира и начальства нас учили писать "оценочно". На деле это означало следующее: вместо фразы "Тогда-то состоялась международная профсоюзная конференция по вопросам..." наши отделские корифеи пера несколько трансформировали ее. Теперь фраза звучала примерно так: "Тогда-то проходила крупная международная профсоюзная конференция, привлекавшая пристальное внимание мировой общественности. Актуальность и злободневность обсуждавшихся на ней тем..." и т.д.

Своим высшим достижением с этой точки зрения я считаю подготовку отчета об очередном всемирном конгрессе профсоюзов (коммунистических) за неделю до его открытия — оставалось только вставить несколько цифр и фамилий и отослать его в "инстанцию", то есть в ЦК КПСС. Надо полагать, что таким же "искусством" владели работники и других ведомств, из

под пера которых выходили первичные оценки, выводы и рекомендации. Именно в те годы в чиновничьих кругах родилась крылатая фраза — "страною правят референты".

Постоянная писанина доводила нашу грамотность до автоматизма: мы приучились видеть страницу текста целиком, мгновенно "схватывать" повторы, однокоренные слова. А уж за отсутствие хотя бы одной запятой нас нещадно драли: любимым вопросом в этой связи у начальства был следующий: "Так, сколько ты получаешь?"

Из служебных привилегий у нас был так называемый "белый ТАСС". Скорее, он был "цветным" — ежедневные пухлые пачки отдельных листов с красным литером "А", "АД" и другими в верхнем углу. Это была "закрытая" для простых смертных информация корреспондентов ТАСС из разных стран мира. Мы ее читали — кто отслеживал события в своем регионе, кто — искал нужные цифры и факты из области экономики. Но долго знакомиться с тассовками нельзя было, иначе какой-нибудь "доброхот" обязательно настучал бы начальству — дескать, нечем, что ли, заняться? На "карандаше" мы были и в библиотеке ВЦСПС, где в иностранном отделе брали издания с "шестигранниками" (гриф секретности, проставлявшийся цензорами Главлита). Тут отслеживался формуляр: что сотрудник читает, да по какой тематике...

Пестрый был у нас Международный отдел. Кто-то работал еще в Коминтерне, кто-то — под началом самой Коллонтай¹ в Швеции, кто-то прошел посольскую школу, а кто-то имел за плечами школу НКВД, кто-то гордился своим "СМЕРШевским"² прошлым. Многие окончили профсоюзные курсы еще в 1949 году. Были в отделе и женщины, в основном в секторе переводов. А вот чистых "референток" по направлениям было три, и одна из них, которую я знал еще по институту, пришла к нам после работы в Праге, где находился наш международный профцентр. С ней мы проработали бок о бок многие годы и были друг другу взаимной поддержкой и помощью. И сегодня не проходит дня, чтобы мы не перезвонились и не поговорили "за жизнь".

Комната, в которой я начал работать, была маленькой и узкой, что не удивительно: ведь она была переделана под рабочее помещение из бывшего мужского туалета! Но в нее ухитрились втиснуть четыре стола для сотрудников из разных секторов, которым там не хватило места. Здесь я стал общаться с референтом по латиноамериканским странам, который работал в свое время переводчиком у Че Гевары, с референтами по Финляндии и ФРГ. От всех я понемногу черпал знания, которые потом пригождались в работе. Разные судьбы были у наших референтов: кто-то спился и исчез с горизонта, кто-то ушел в науку, кто-то впоследствии стал послом, кто-то — дорос до секретаря ВЦСПС, а потом даже занял пост советника нынешнего президента РФ.

Кстати, я до сих пор не могу ответить на вопрос, который в период моей работы в ВЦСПС задала мне моя маленькая дочь: "Папа, ты кто?" А и вправду, кто?!

За время моей профсоюзной карьеры случались забавные ситуации. К примеру, мой папа позвонил однажды Секретарю ВЦСПС, курировавшей вопросы культуры, по какому-то делу (на общественных началах он был членом редколлегии журнала профсоюзов "Клуб и

¹ Коллонтай Александра Михайловна (1872-1952) — партийный деятель, дипломат, публицист. Первая в мире женщина-посол. С 1923 полпред и торгпред СССР в Норвегии, в 1926 — в Мексике, с 1927 полпред в Норвегии, в 1930-1945 посланник, затем посол в Швеции.

² "СМЕРШ" (сокращенное — "Смерть шпионам!") — Главное управление контрразведки времен войны с апреля 1943 по май 1946 года, затем вошел в состав Министерства госбезопасности СССР в качестве самостоятельного главного управления (военная контрразведка).

художественная самодеятельность"). Трубку подняла секретарша. Папа, естественно, представился: "Добрый день, это Симуков. Не могли бы вы соединить меня с..." — "А, Дима!" — услышал он в ответ радостный девичий голос. Папа смутился: "Нет, это его отец..." Теперь смущение наступило на другом конце провода.

Дома папа оценил мою известность в профсоюзных сферах. А та молоденькая секретарша просто хорошо знала меня по общей комсомольской организации аппарата ВЦСПС.

Встречи с А.Н.Шелепиным. "Принеси то, не зная, что..." Закат

Пару раз мне довелось встречаться с Александром Николаевичем Шелепиным, тогдашним председателем ВЦСПС. Первое чисто визуальное знакомство с ним в феврале 1972 года закончилось для меня провалом. После какого-то международного мероприятия в нашей ведомственной гостинице "Спутник" был устроен прием "для избранных" с участием Шелепина.

Мое место было на противоположной стороне стола метрах в шести от Александра Николаевича. Рядом со мной сидел опекаемый мною малайзиец, которому я переводил произносившиеся тосты. Шелепин говорил так тихо, что мне приходилось невероятно напрягаться, чтобы уловить его слова. А это еще был и мой самый первый опыт перевода на официальном мероприятии, да еще на таком высоком уровне. Когда пришла очередь сказать приветственные слова моему малайзийцу, он встал и начал свой торжественный спич. Я встал рядом с ним но, будучи уже довольно измотанным постоянным напряжением от стремления не упустить ни одного слова Шелепина, принялся мекать что-то невнятное. Хотя малайзиец и говорил громко, я впервые столкнулся с особенностями "малайско-английского" языка, разительно отличавшегося по произношению от того, которому нас учили в институте. Тогда я еще не освоил на практике наипервейшую заповедь устного переводчика или переводчика-синхрониста — не молчать!

Ситуацию спас заведующий Международным отделом Борис Алексеевич Аверьянов, сидевший рядом со мной. Фигурой он был весьма примечательной: массивный, в прямом и переносном смысле плоть от плоти партийно-административно-командной системы тех лет и, вместе с тем, дипломат, прошедший хорошую выучку в начале 50-х в нашем посольстве в Лондоне. Отодвинув стул, Аверьянов встал и чеканным громким голосом перевел слова восхищения малайзийца советскими профсоюзами. Сев затем на место, он тихо и с нажимом сказав мне: "А ты, давай, ешь". Ну, как тут было не вспомнить уничижительно-зловещую реплику, брошенную Сталиным своему переводчику Валентину Бережкову на одном из приемов в честь иностранной делегации, когда тот позволил себе на секунду склониться над тарелкой: "Ты что, есть сюда пришел?!"

Надо ли говорить, что после аверьяновских слов кусок не лез в горло, поскольку я хорошо представлял себе последствия такого провала. Во многом, кстати, ему способствовал и очередной "уход к маме" моей жены, что совершенно выбило меня из колеи.

А если добавить ко всему этому и усиленные попытки Аверьянова выжить меня, совсем молодого сотрудника, из отдела, поскольку нужно было освободить место для вернувшегося из длительной заграничной командировки "своего" человека, то времена для меня настали просто ужасные. Был даже запущен слух о моей профнепригодности.

Спасение пришло неожиданно. Один из секторов отдела, занимавшийся всеми международными организациями "до кучи" (и профсоюзными, и системы ООН) было решено разделить на два, чтобы усилить специализацию. Новое подразделение, который возглавил бывший личный переводчик Шелепина с французским языком Николай Ананьев, назвали

"Сектором международных профсоюзных организаций". Собственно, такой раздел был произведен по указанию Александра Николаевича, который хотел таким образом отблагодарить своего сотрудника. Теперь тот стал не только заведующим новым сектором, но заместителем заведующего Международным отделом ВЦСПС. Такому карьерному взлету многие позавидовали.

Ананьев, уже знавший меня по работе на каких-то мероприятиях, пригласил работать в его секторе и заниматься ведущими международными профсоюзными организациями. Стоит ли говорить, что я, измученный пребыванием под "дамокловым мечом", да еще и в условиях фактически состоявшегося развода (жена так от мамы и не вернулась), как утопающий ухватился за спасительную соломинку этого предложения. Будущее обретало смысл и надежды в полной мере реализовать свой потенциал. Я был почти что счастлив. "Почти" — потому что в нашей системе никогда нельзя было быть уверенным в прочности собственного положения, причем на любых уровнях

В новом секторе я курировал Всемирную федерацию профсоюзов (чисто коммунистической ориентации, со штаб-квартирой в Праге) и работал по линии профсоюзных организаций социал-демократической и христианской ориентации — Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП) и Всемирной конфедерации труда (ВКТ), наших тогдашних идеологических "противников". Это, правда, не мешало Аверьянову поддерживать личные контакты с их руководством. Среди международников даже ходила байка, что Отто Керстен, немец из ФРГ, возглавлявший МКСП, был как-то в гостях у Аверьянова (что было весьма похоже на правду). Неожиданно дверь распахнулась, в комнату вбежала маленькая дочка Аверьянова и спросила Керстена: "Дядя Отто, а почему ты так хорошо говоришь по-русски?" — "А это, Танечка, я у вас научился, когда под Воркутой в лагере для военнопленных сидел..."

Отто Керстен имел непосредственное отношение и к моей профессиональной жизни. Когда в его организации шла подготовка к очередному всемирному конгрессу социал-демократических профсоюзов, Аверьянов дал задание немедленно представить ему повестку дня наших "антиподов". Я с невероятным усердием пролопатил в библиотеке ВЦСПС горы периодических профсоюзных изданий на английском, французском и даже немецком языках, даже местную индийскую и пакистанскую прессу, текущие сообщения ТАСС в попытках найти хоть какой-нибудь намек на основные темы, выносимые на обсуждения этого конгресса, но все было напрасно. Проклятая повестка дня хранилась, видимо, за семью печатями, как в свое время гитлеровский план "Барбаросса" о нападении на СССР.

Когда в очередной раз Аверьянов вызвал меня на ковер и в жесткой форме потребовал доложить о результатах поиска, то я твердо, но с замиранием сердца, отрапортовал, что ее обнаружить не удалось, несмотря на все предпринятые мною усилия. У меня до сих пор такое ощущение, что тогда он мне не поверил, и что я заработал очередной "минус".

Позже Аверьянов чуть ли не туристом проник в страну, где проводился тот треклятый конгресс и привез его итоговые и абсолютно тривиальные документы. В них содержался обычный набор социально-экономических проблем, обвинения советских профсоюзов в нарушении прав и свобод трудящихся, их сращивании с госаппаратом и партийной верхушкой.

Во время того конгресса Аверьянов ухитрился пообщаться там со своим дружком Керстеном. Уже по возвращении в Москву Борис Алексеевич решил, видимо, сменить гнев на милость и реабилитировать меня. Он рассказал о своем разговоре с Керстеном: "Я говорю: знаешь, Отто, я тут уже собирался уволить своего сотрудника за то, что он не смог положить мне на стол повестку дня вашего конгресса". — "Бóрис, — отозвался тот, — а он и не мог ее

найти: мы нигде ее не публиковали до открытия съезда. Но ты все-таки его уволь того своего сотрудника. Он же работает против нас..."

В марте 1972 года в Кремлевском дворце съездов проходил XV съезд профсоюзов СССР. Мне довелось на нем работать, сопровождая сборную делегацию из различных международных объединений профсоюзов. Не буду расписывать, как тогда приходилось вертеться. Всё было на нервах, все службы были взаимосвязаны, и сбой в работе одной мог привести к краху в другой. А ведь все мы ходили под могущественным членом Политбюро Александром Николаевичем Шелепиным, "железным Шуриком", и случись что серьезное — последствия могли бы быть самыми плачевными.

Когда съезд закончился, нас, сотрудников аппарата ВЦСПС, пригласили в Георгиевский зал Кремля сфотографироваться на память с руководством. Всех выстроили лесенкой в восемь рядов, я оказался в третьем, неподалеку от центра. Когда все было готово, то к нашей пирамиде проследовал Шелепин и занял место внизу, в центре. Съемку вел наш фотокорреспондент из газеты "Труд", в прошлом известный фотокорреспондент времен войны Самарий Гурарий¹. По его знаку народ замер: первый кадр, второй, третий — для верности. Тут Шелепин вскочил со своего стула, быстро подошел к Гурарию, подтолкнул того к своему месту, усадил и, выхватив из рук ошеломленного Самария его фотоаппарат, сам сделал несколько кадров, чем вызвал бурный восторг сотрудников таким "демократизмом". Но считать этот эпизод моей встречей с Александром Николаевичем никак нельзя: так, маленькая зарисовка со стороны.

А непосредственно с Шелепиным я встретился в том же 1972 году накануне нашего профессионального праздника — Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая. По традиции ВЦСПС приглашал в Москву десятки профсоюзных делегаций из разных концов света. Они присутствовали на Первомайской демонстрации на Красной площади, затем для них устраивался прием, а потом их развозили по городам и весям Советского Союза с целью наглядной демонстрации "преимуществ социализма". Все маршруты были годами отработаны, и местные профсоюзники из всех сил старались не ударить лицом в грязь. Пребывание делегаций использовалось также для идеологического промывания мозгов гостям из Азии, Африки и Южной Америки. Многие бывали в Союзе уже не раз и отлично ориентировались в местной обстановке. Помню, как оторопело я взглянул на одного киприота, который потребовал отвести его в "200-ю секцию" ГУМа: там отоваривалась партийная номенклатура из ЦК КПСС.

С руководителями Всемирной федерации профсоюзов переговоры велись уже более предметно. Чаще всего обсуждалась организация каких-либо международных инициатив профсоюзов по социально-экономическим вопросам.

В тот раз делегацию ВФП возглавлял ее секретарь Махендра Сен, индиец. С ним у меня вышла забавная история. Руководство поручило мне встретить Махендру, с которым я, кстати, был в очень хороших отношениях, в аэропорту Шереметьево. К трапу подрулившего самолета помимо меня подошел еще какой-то молодой человек. Когда Махендра стал спускаться, то и я и тот человек сделали шаг вперед, приветствуя его. Оказалось, я столкнулся с референтом Международного отдела ЦК КПСС, также прибывшим встречать Махендру: тот, помимо профсоюзного, занимал у себя в Индии также и партийный пост.

¹ Гурарий Самарий Михайлович (1916-1998), известный советский фотокорреспондент. В годы Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом газеты "Известия". Снимал на многих фронтах. С 1946 года перешел на работу в профсоюзные журналы. С 1956 года сотрудничал в газете "Труд".

Я по-хозяйски заявил Махендре, что мы едем в нашу профсоюзную гостиницу "Спутник", и, невзирая на протесты ошарашенного цековца, умчался.

В машине Махендра страшно веселился, всячески обыгрывая ту весомую роль, которую играют профсоюзы в СССР. Еще бы! Тогда у нас насчитывалось свыше 103 миллионов членов профсоюзов, против всего лишь 18 миллионов у КПСС. После визита на Старую площадь в Международный отдел ЦК КПСС, Махендра рассказал, что принимавший его партийный босс выразил неудовольствие "слабиной" своего молодого сотрудника перед лицом профсоюзов. Смех смехом, а своему коллеге из ЦК в тот момент я не завидовал.

С Махендрой захотел пообщаться Шелепин. Встреча состоялась у него в кабинете на 3-м этаже здания ВЦСПС. Аверьянов, правда, дернулся, когда мой непосредственный начальник послал переводить беседу меня, но тот его успокоил, сказав, что все будет в порядке. И вправду, все шло нормально: мы сидели за маленьким круглым столом, хозяин кабинета предложил нам кофе. Напрягаться, чтобы услышать собеседника, не было нужды. Да и жены уходят не каждый день.

Шелепин тогда произвел на меня большое впечатление: быстрая, четкая реакция на слова собеседника, продуманные реплики по ходу беседы, никаких подглядываний в "ябедник" (так на нашем профессиональном сленге мы называли краткие справки-шпаргалки для руководства по сути обсуждаемых вопросов), "рентгеновский", буравящий, но вместе с тем и пытливый, умный взгляд.

Вечером Александр Николаевич пожелал лично присутствовать на приеме по случаю Первомая и сел за столик, за которым сидели мы с Махендрой Сеном и еще несколько деятелей из разных стран с переводчицей.

Ужин шел своей чередой, перемежаясь с политическими тостами за мир, дружбу и братскую солидарность. В какой-то момент Шелепин решил, видимо, опять продемонстрировать свой "демократизм", да и переводчица ему явно приглянулась. Он вдруг резко и картинно вскочил со своего места, выхватил из вазы, стоявшей на столе, букет алых гвоздик и с галантным театральным поклоном протянул его даме. Та была польщена.

После того Первомая я реабилитировал себя в глазах Аверьянова. Еще сильнее я упрочил свои позиции, когда между делом составил краткую, но емкую аналитическую записку по каким-то социально-экономическим вопросам, присовокупив к ней свои выводы и предложения. Борис Алексеевич счел подготовленный мною документ достойным глаз Шелепина, и вскоре я получил свое творение обратно из рук того же Аверьянова, который уважительно произнес: "Александр Николаевичу понравилось...". В верхнем углу моей бумаги красным "сталинским" карандашом наискось шла резолюция: "Ознакомить секретарей ВЦСПС и руководство ВФП".

После активного участия Александра Николаевича в 1964 году в заговоре по смещению Хрущева Брежнев "бросил" его с поста председателя могущественного КГБ на "укрепление профсоюзов" — читай — подальше от реальной политики, а, следовательно, от конкуренции. Ведь ходили же слухи, что Шелепин, в принципе, мог бы возглавить и партию, и страну. Такие политические кульбиты в высших эшелонах власти достаточно характерны для нашей системы как в прошлом, так и в настоящем.

Но и в профсоюзах "Железный Шурик", как его называли по старой кагебешной памяти, пытался делать что-то конкретное. Так, по его словам, он хотел предложить переориентировать профсоюзы на защитную функцию как первейшую их задачу, но это предложение было категорически отвергнуто Брежневым и Сусловым. "Я видел явное неприязненное отношение

ко мне и полное безразличие к профсоюзам и ВЦСПС"¹. И все же мы, сотрудники аппарата, чувствовали его авторитет и влияние на местах. Я помню, какое внимание уделялось в те годы проблемам охраны труда, оплаты бюллетеней по болезни, другим вопросам, связанным с исполнением трудового законодательства.

В апреле 1975 года Шелепин поехал в Англию во главе советской профсоюзной делегации. Меня еще тогда удивила эта поездка. Обычно визиты на таком высоком уровне мы тщательно готовили, списывались с нашими послами, согласовывали программы пребывания с руководством профсоюзов страны, куда направлялся председатель ВЦСПС. Особенно это касалось "капиталистических" (по тогдашней терминологии) стран: ведь там за Шелепиным по-прежнему тянулся шлейф шефа КГБ, лично организовавшего убийства за рубежом политических противников СССР, в частности, Степана Бандеры. С этой точки зрения политические результаты поездки Шелепина в Англию были в высшей степени сомнительными, а то и провальными. К тому же, как выяснилось позже, и само руководство Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) высказывалось в том плане, что лучше бы в Англию приехал не Шелепин, а кто-либо другой, но тоже высокого уровня.

Итог той поездки известен: толпы протестующих у здания БКТ, бегство и прятание за машинами, как в плохом полицейском фильме (это я знаю от парня из нашего отдела, который сопровождал Шелепина), острый разговор с Брежневым по приезде, и последовавшее затем заявление Шелепина с просьбой освободить его от обязанностей члена Политбюро и председателя ВЦСПС. Вскоре наш бывший председатель был окончательно низвергнут с политического Олимпа — назначен зампредом Госкомитета по профтехобразованию

И тут у меня есть две версии происшедшего. Первая: несмотря на известную политическую обстановку и отношение лично к Шелепину в Англии, на высшем уровне в ЦК КПСС ему "рекомендовали" (читай, приказали) ехать туда. Результат был заранее просчитан и использован как предлог для устранения все еще опасного для Брежнева политического соперника. И вторая версия, тоже в нашем стиле: я член могущественного Политбюро, мне зарубежное политическое море по колено, как захочу, так и будет.

Поневоле припоминается анекдотический случай, услышанный мною в нашем отделе: французское посольство что-то затягивало с выдачей виз одной советской делегации, в составе которой был генерал. Так тот, взбешенный "империалистическими проволочками", позвонил в посольство, и заорал: "Какого черта вы тянете?! Вы что, не знаете, что решение ЦК партии о нашем выезде уже состоялось?!"

В любом случае мне, как человеку, знавшему нашу кухню изнутри, было грустно оказаться свидетелем почти что бабелевского "Заката"² профсоюзов с уходом председателя ВЦСПС — Александра Николаевича Шелепина.

Дела курьезные, прозаические, романтические, трагические

В 1975 году вместе с нашей делегацией я должен был лететь в Италию. Поскольку я все еще был комсомольцем, то, по существовавшему порядку, мою характеристику (не судим, делу предан, морально устойчив) должны были подписывать и в райкоме комсомола, помимо нашего парткома. Пришел я в райком на заседание "выездной комиссии". По обе стороны коридорчика

¹ А.Н.Шелепин. История — учитель суровый. Газета "Труд" от 14, 15 и 19 марта 1991

² Исаак Эммануилович Бабель (1894-1940), русский советский писатель, в его литературном наследии насчитывается около восьмидесяти рассказов и две пьесы, в том числе "Закат" (1927)

сидели молодые девочки, вероятно, секретарши, тряслись от страха. Они, наверное, собирались ехать "в заграницу" — в турпоездку по Болгарии, предел мечтаний молодежи того времени. Хотя, какая это была "заграница"! Ведь бытовала же у нас уничижительная поговорка: "Курица не птица, Болгария — не заграница". Но ведь и для поездки в Болгарию требовалась характеристика и все такое прочее.

Дверь кабинета приоткрылась, и оттуда высунулось искаженное презрительно-начальственной гримасой лицо его хозяйки: "Кто не готов к собеседованию, может сразу же уходить!". Девчонки начали трястись еще сильнее.

Подошла моя очередь. Я вхожу в кабинет. Вместо комиссии — лишь та самая дама. И тут происходит такой диалог: "Куда вы собираетесь?" — спрашивает она. — "В Италию", — говорю. "Ну, расскажите мне о молодежном движении Италии". — "А я о нем ничего не знаю". Она поднимает на меня белые от гнева глаза: "И вы приходите сюда..." — "Я вообще-то специализируюсь по проблемам деятельности международных монополий". — "А где вы работаете?" — тон ее снижается на несколько уровней. — "В международном отделе ВЦСПС". — "Что же вы сразу мне не сказали?!" Это звучит легким упреком, что я сразу не заявил о том, что *свой*, и что нет необходимости играть во все эти игры. Моя характеристика подписывается мгновенно.

Другая подобная беседа в 1979 году состоялась уже в райкоме партии — за это время я стал членом КПСС, поскольку иначе мне был бы закрыт путь за рубеж, а что же это за международник, и "невыездной"? Уже "наверху" было принято решение, что я направляюсь в длительную заграникомандировку в Прагу во Всемирную федерацию профсоюзов заместителем заведующего одним из ее отделов.

На этот раз выездная комиссия состояла из десятка пенсионеров-общественников с горящими глазами. И тут же последовал первый вопрос — "А вы чешский язык знаете?" — "Нет", — говорю. Это сразу же вызывает у них недоумение и раздражение, такие не любят слово "нет". — "А как же вы собираетесь ехать в Прагу (господи, да это не я собираюсь, это уже решено в ЦК!), а чешского языка не знаете?" — "Меня направляют в международную организацию, а там говорят на английском и французском языках". Я просто физически ощущаю, как у них усиливается ко мне неприязнь — об этом говорят их глаза. Следующий вопрос: "А какой съезд компартии Чехословакии имел два одинаковых номера?" — "Я не знаю, я изучал международное профсоюзное движение, а не историю коммунистической партии Чехословакии". Все, приехали. Глаза членов комиссии сверкают праведным гневом, они поймали меня, они стали *стеной* на моем профессиональном пути: "Вы не прошли выездную комиссию!" — пафосно-назидательно звучит голос ее председателя. Тьфу, черт, опять волокита, опять нервотрепка...

"Ну, ты даешь! Завалился на выездной комиссии райкома партии! А решение ЦК на тебя уже есть! Да-а-а... — такими словами меня встретил секретарь партийного комитета аппарата ВЦСПС. — Ладно, приходи туда же через неделю, только прошу, выучи этот вопрос, они тебе вновь его зададут, и, давай, быстрее заканчивай это дело".

Так все и произошло. Вновь синклит партийных старцев задал мне тот треклятый вопрос про два одинаковых номера, я отбарабанил ответ (эти два номера были связаны с "пражской весной" 1968 года), все заулыбались, и моя характеристика была тут же подписана.. Священный ритуал завершился.

Не избежал я и участи миллионов советских граждан-горожан — помощи "селу". Было такое: кандидатов и докторов наук посылали на овощные базы перебирать гнилые овощи, а

другой народ отправляли недели на две в подшефные колхозы и совхозы. Был такой и у ВЦСПС где-то под Можайском. На мое робкое возражение, что по состоянию здоровья я не самый лучший помощник в деле подъема сельского хозяйства, мне было сказано в партбюро: "Так мы же тебя бригадиром назначим". Вероятно, партийное руководство всерьез полагало, что бригадир призван лишь руководить, а не работать.

В день отправки — это был самый конец сентября 1971 года — выяснилось, что наша (моя!) бригада будет сборной: два человека, помимо меня, из "центрального аппарата", человек шесть из отраслевых ЦК профсоюзов и с десятков сотрудников и сотрудниц из разных хитрых НИИ, что соседствовали с ВЦСПС. По приезде нас поселили в каком-то помещении типа сарая, но с электрическими батареями, что радовало: по ночам было холодно.

При распределении работ я, естественно, не мог следовать логике партийных бонз и выбрал себе должность скотника. Мне казалось, что это будет легче, чем метать стога. За день работы мне полагалась оплата в целых три рубля. Я не буду описывать, как я выгонял скотину — 125 коров — рано утром из коровника, чтобы ее пастух увел на выгон. Главное при этом было выгнать животных как можно скорее из их стойл, иначе все помещение было бы завалено свежайшим навозом. Потом мне нужно было вычищать и промывать коровник, поливая цементный пол из ведер, — шланга не было. В смену получалось ведер сорок.

Не могу забыть, как в воскресенье вечером отелилась корова. Какие там зоотехники! Ни одной скотницы или доярки не было — пили... Кое-как я с ребятами из нашей бригады оттащил несчастного теленка с холодного бетонного пола на дощатый настил и укрыл его ворохом сена, чтобы не замерз. Никакие увещания помочь новорожденному на штатных сотрудников коровника не действовали: "Да пусть хоть сдохнет!" — был единственный ответ.

Когда закончился этот ад, то какая-то старушка, видя нашу нескрываемую радость при погрузке в автобус, только и сказала на прощанье: "Уезжаете?.. Счастливые... А мы-то здесь всю жизнь..."

Та поездка в совхоз запомнилась мне еще и по другим причинам. Во-первых, я был страшно раздосадован, потому что именно в те дни, когда я убирал навоз за своими коровами, в Москву на гастроли приезжал со своим оркестром легендарный Дюк Эллингтон, а у меня в принципе была возможность достать билеты на его концерт. А, во-вторых, однажды профессионалы приняли меня за своего! Я ехал в поезде в одном купе с каким-то человеком, мы разговорились, и оказалось, что он ветеринар. В разговоре я смог вполне "профессионально" реагировать на какие-то волновавшие его вопросы. Мой собеседник даже просиял: "Вы тоже ветеринар?!" Я всегда говорю, что любой жизненный опыт дорогого стоит.

И вновь маленький эпизод из моей "отдельской" жизни. Поручили мне как-то раз писать "бумагу" о вступлении профсоюза работников культуры в одну международную организацию. "Бумага" должна была идти в ЦК КПСС за подписью Шелепина. Ну, написал я ее первоначальный вариант, или "рыбу" по-нашему, затем она пошла по рукам: сперва ее смотрел мой заведующий сектором, потом зам.зав отделом, потом зав.отделом, то бишь Аверьянов, потом помощник Секретаря ВЦСПС, потом сам Секретарь по международным вопросам, потом помощник Шелепина. И каждый старался внести свой "лепет" по бытовавшему тогда среди нас жаргону в "дело улучшения текста". Только после всей этой цепочки бумага попадала на стол Шелепину. Как правило, "проходибельным" признавался как раз самый первый вариант документа, по принципу "назовем кошку кошкой..."

Немаловажная деталь: тот документ, как и любые бумаги "высокого уровня", носили гриф "Сов.секретно", хотя ничего секретного там и в помине не было. Но так было заведено

"наверху" с незапамятных времен. И еще одна деталь: когда мне, "исполнителю"¹, бумагу эту печатали в "особом секторе", то я расписывался в ее получении, то есть нес тем самым персональную ответственность за ее сохранность, неразглашение и т.д., поскольку случись что, и мне грозила бы уголовная статья с конкретной отсидкой в местах не столь отдаленных. И последняя деталь: когда ту бумагу у меня забирало начальство, то никаких, естественно, расписок оно не давало. И вот однажды...

В первый раз Шелепин ту бумагу не подписал, решил по каким-то тактическим соображениям отложить это дело. Прошло около месяца. Вдруг вызывает меня Аверьянов и требует сей секунд дать ему ту самую бумагу. "Простите, — говорю, — но я ее обратно не получал, у меня ее нет". Шеф кидает не меня тяжелый, недобрый взгляд: "А где же она?! У меня ее тоже нет". И демонстративно начинает по листочку перебирать две высоченных пачки документов на столе слева и справа от себя. — "Вот, видишь, нету! Ищи, где хочешь".

Я чувствую, что начинаю сесть. Доказывать что-то бесполезно. В памяти всплывает трагическая история (легенда?) об одном сотруднике Министерства иностранных дел, которого закатали на нары лет на пять также за утрату секретного документа, а потом, при очередном ремонте, документ нашелся. Ветром его сдуло за диван, и он как-то хитро там застрял, что никакими щетками достать его было нельзя, как ни старался тот несчастный сотрудник.

Так прошло дня три. Я не спал, не ел, прокручивал в голове очередное "принеси то, зная что, но не зная и откуда...", или конфуцианское иезуитство о трудности поимки кошки в темном помещении, заставленном мебелью, при условии, что таковой кошки там нет...

И вот уже в полном отчаянии я стою в коридоре и вижу идущего мне навстречу одного из наших замзавов: "Чего ты такой смурной? Заболел?" Я удивился даже такому простому, граничащим с формальным, участию: не принято такое было у нас... и поведал о своих горестях. "Пойдем ко мне", — сказал замзав. Когда мы вошли в его кабинет, он подошел к массивному сейфу, открыл его, с секунду пошелестел бумагами и, обернувшись, протянул мне пару страниц: "Эта твоя бумага?" Я чуть не сполз по стене в полубомбочном состоянии от счастья.

И ведь никто не сказал мне пусть грубовато, по-мужски, с легкой примесью ненормативной лексики, но со смущенной интонацией: "Ну, бывает, знаешь..." Куда там, ведь это же себя надо было "уронить" в глазах подчиненного.

Работал я и спичрайтером, и международные конференции готовил, и сметы на их проведение составлял и все такое. Побывал в Австралии, Новой Зеландии, Сингапуре, странах англоговорящей Африки, Юго-Восточной Азии, на Кубе, не говоря уже о Европе. Но это была работа практически без свободного времени, так что весь калейдоскоп стран пронесся перед моими глазами большей частью за окном машины.

Впрочем, были и какие-то чисто человеческие моменты. Однажды меня направили в Гамбию вести семинар по "основам социалистической экономики". Это было сплошным мучением, поскольку эти три слова плохо стыковались одно с другим. Но я как-то пытался выйти из положения, общаясь со своими молодыми слушателями — местными профсоюзниками на самые разнообразные темы. Одна из них, Йа Фатту, молоденькая секретарша из профсоюзного офиса в Банджуле, была самой интересной и смышленной из всех

¹Чиновничий термин "исполнитель" с указанием на оборотной стороне титульного листа фамилии и служебного телефона сотрудника, готовившего документ, имел еще одно, достаточно зловещее значение: "исполнителями" — для благозвучия видимо — система именovala палачей, исполнявших смертные приговоры в период сталинских репрессий.

остальных, и она знала это. Я все время чувствовал на себе взгляд ее живых, чуть насмешливых глаз. Кстати, именно она научила меня слову "спасибо" на местном языке воллоф, которое звучит примерно как "нджареджиф". Этим единственным словом я довольно широко пользовался в каких-то жизненных ситуациях.

После окончания нашего семинара был устроен пикник с выездом на лоно природы. Все мои "курсанты" разделились: мальчики направо, девочки — налево. Парни курили, потягивали пиво и вели какие-то свои разговоры. Девчонки же занялись приготовлением какого-то аппетитного кушанья из баранины. Была среди них и Йа Фату. Воспитанный на многолетнем уважении к приготовлению шашлыков, к тому же полагая, что мясо должны готовить исключительно мужчины, я, наверное, допустил тогда большой этно-культурный промах — пошел смотреть, как готовится эта ароматная еда, и стал помогать девчонкам управляться с костром. Йа Фату же вероятно полагала, что причиной моего появления в дамском обществе был отнюдь не интерес к тайнам африканской кухни... Как говорится, в каждой правде есть доля правды.

Мужская часть семинаристов явно осудила мой поступок: мужчина, да еще белый человек, не должен унижать себя возней с костром и приготовлением пищи — это удел женщин. — "А у нас в Европе как раз наоборот: считается, что настоящее мясо могут готовить именно мужчины", — как бы про себя, но достаточно громко и с некоторым вызовом заявил я, стремясь удержать свои позиции.

Вскоре я уезжал. Местные мальчишки, завидев меня, кричали: "А, это тот самый сэр из Чехословакии, который говорит на воллоф!". Йа Фату присылала мне в Прагу открытки с видами Банджула и благодарила "дорогого сэра Дмитрия" за то, что он к ним приезжал. Не скрою, мне было это очень приятно.

Когда я рассказывал о той своей командировке моей уже подросшей дочери Любе, она не без лукавства задала мне вопрос напрямую: "Папа, у меня в Африке есть братья или сестры?!" Сказал, что нет, нету... Ну, правда, нету!

В нашем секторе международных профсоюзных организаций приходилось заниматься самыми различными проблемами. К примеру, я писал проект какой-то политической резолюции по Африке (это было еще до поездки в Гамбию). Ради страховки я зачитал свой опус нашему референту Володе Батищеву (он был настоящим асом по составлению политических документов, поскольку в отделе работал с конца 40-х годов): "Замбия, Гамбия, Намбия..." — "Откуда такая-растакая Намбия? Может, все-таки, Намибия??" — ехидно поинтересовался он. Я страшно смутился.

О Володе я должен сказать особо. Был он старше нас лет на пятнадцать, невысокого роста, тихий, сухонький. К нему мы обращались по имени, но на "вы". Когда меня и еще пару сотрудников нашего нового сектора посадили вместе в одну комнату, Володя поначалу морщился от молодежного шума и задора, а потом как-то смирился и даже подружился с нами. Был у него один конек: цитирование Салтыкова-Щедрина, до которого наш старший товарищ был большой охотник. Только сейчас понимаешь, насколько современны были и есть произведения этого губернатора-писателя.

Однако, в общении с Володей постоянно ощущалась какая-то его неуверенность, более того — страх. Помню, подошел он раз ко мне весь бледный, с трясущимися руками: "Димочка, глянь, что в газете "Труд" напечатали! Что вчера на международной конференции, которую я курирую, выступил такой-то, а он и не прилетал вовсе! Что же будет?" — "Да бросьте, Володя, — отозвался я. — Ну, скажите, что идиоты корреспонденты перепутали". Однако было видно,

что мои слова его не успокоили. Через два дня у Володи случился инсульт. Мы ездили к нему в больницу, пытались подбодрить. Но в Володе со сталинских времен *навечно* поселился животный страх: *ошибок*, пусть даже совершенных другими, в те годы не прощали. Ставкой иногда была карьера, а то и жизнь. Точно такой же страх жил в моей преподавательнице из института, курировавшей нашу стенгазету, о которой я рассказывал. Тот же страх жил и в миллионах наших граждан, парализуя их волю и хоть какое-то проявление гражданской позиции. Это проклятое наследие сталинизма сказывается и сегодня.

Года через два после того случая Володя покончил жизнь самоубийством. После него осталась мать-инвалид и жена — вся его семья. Детей у него не было.

Трагичной оказалась и судьба еще одного сотрудника. У нас в секторе появлялись новички — большей частью для "обкатки". Вероятно, считалось, что знакомство с деятельностью международных профсоюзных организаций закладывает хорошую основу для дальнейшей работы сотрудника, куда бы его потом ни направили. Так, в начале 1972 года, у нас появился Саша Невский. Я его до той поры не знал, хотя он и учился на переводческом факультете в те же годы, что и я. Но так частенько случалось: если ты не был связан компанейскими отношениями с переводчиками, то мог и вообще не знать о существовании отдельных личностей.

Сашка был высокого роста широкоплечим блондином: как говорится, смерть девкам. Он знал о своей неотразимости и умело ею пользовался перед дамами самого разного возраста, поигрывая мускулами под приталенной рубашкой. При этом у него было немного детское выражение лица. Мой папа называл его "атлетом с лицом ребенка".

По сложившейся традиции, "обкачивание" новичков в секторе поручали мне, и я пытался как можно скорее ввести Сашу в наши дела. Несмотря на разность характеров, довольно быстро мы сдружились: каждый, вероятно, нашел в другом то, чего ему самому не хватало. Меня в нем привлекала какая-то незащищенность, доброта, открытость, граничащая с легкой бесшабашностью, музыкальность. Он хорошо пел и играл на гитаре и переучил меня на шестиструнку вместо моего никому не известного "цыганского" строя. Ему, в свою очередь, импонировали, наверное, какие-то черты моего характера, уют нашего дома, в котором он любил бывать, беседы с моей мамой, — то, чего ему не хватало в его жизни. Помню, как он прямо светился радостью, когда мама организовала домашнюю встречу Старого нового года: Сашка чувствовал себя *в семье*.

Жил он с матерью и сестрой в крохотной хрущевской малогабаритке, в которой, я думаю, ему приходилось пригибать голову из-за высоты (низины) потолков. Корни по деду у него были в подмосковной деревне. После окончания института Сашку с его французским (надо сказать, блистательным!) забрали на год офицером в Алжир. Я с ужасом слушал его рассказы, как они по несколько месяцев безвылазно сидели на военной базе в пустыне, где единственным развлечением была водка. "И вдруг я слышу рядом страшный, рыдающий всхлип: "Пузырек лопнул!" И все вокруг наши мужики начали по-настоящему плакать — пузырек лопнул! А это просто в стакане с водкой у моего соседа лопнул пузырек воздуха, и он, не имея абсолютно никакого другого выхода эмоциям, так на это среагировал", — рассказывал мне Саша о жизни наших офицеров на алжирской базе. Еще я знал о его личной трагедии: у него был сын от одной преподавательницы из нашего института, вылитой французской актрисы Анук Эме. Она запрещала Сашке видеться с сыном, что его страшно угнетало.

Невский познакомил меня со своими друзьями, мы часто собирались у меня дома. Звучали гитарные дуэты, причем весьма профессионально (я не о себе), в воздухе витали мелодии Альбениса. Наши подружки млели.

Однажды, после хорошего возлияния, Сашка, демонстрируя свое гусарство перед одной из них, решил, видимо, взлететь к самым небесам, но почему-то стартовой площадкой для этого выбрал мой платяной шкаф, на который он стремительно вознесся, с омерзительным скрежетом царапая дверцы каблуками. Его порыв остановил лишь потолок... Невского я обложил непечатными англо-французско-русскими словами.

Мы проработали с ним вместе не долго: его вскоре перевели в международный отдел отраслевого ЦК профсоюза, где не без активной помощи своего тамошнего начальника Сашка стал быстро хиреть. Яркие личности, будь то внешне, или внутренне, у нас на службе не приветствовались. И тут алкоголь стал Сашкиным лекарством от жизненных невзгод. До сих пор не пойму: болезнь и пристрастие к водке были у него заложены генетически, благо(зло)приобретены в Алжире или стали следствием неурядиц или все было наоборот?

Вскоре Саше пришлось уйти с работы. Он регулярно попадал в психиатрическую больницу с навязчивыми мыслями о преследовании. Наши с ним отношения постепенно сошли на нет, и через некоторое время я узнал, что Саша скончался. К сожалению, никто мне не сообщил об этом, и я не смог попрощаться с ним.

Тот добрый след, который Сашка оставил в моей жизни, запечатлен и на дверцах моего старенького шкафа в виде глубоких царапин. Когда я смотрю на них, то в голове звучат слова из грустной песни Новеллы Матвеевой "... мне было довольно того, что след / гвоздя был виден вчера".

Перевод и еда: или — или

Возвращаясь к актуальной проблеме "переводчик и еда", с которой, как вы помните, я столкнулся в самом начале своей профессиональной карьеры, мне хотелось бы сослаться на нашу институтскую многотиражку "Советский студент", неоднократно мною упоминаемую. Когда-то эта тема затрагивалась в дискуссионном (и, добавим, юмористическом) плане на ее страницах. Отметив, что а) когда человек говорит, он не может есть, и б) когда человек ест, он не может говорить, газета призывала разрешить это противоречие: то есть и исполнить свой профессиональный долг, и не остаться голодным.

Похоже, что это удалось нашему знаменитому мэтру устного перевода Виктору Суходреву, сопровождавшему и Хрущева и Брежнева. Он поделился своим "ноу-хау" с читателями "Московского комсомольца": в таких ситуациях надо есть ма-а-аленькими кусочками, чтобы успеть мгновенно их проглотить. Нет слов, совет хорош, но сам я на практике им не пользовался: а вдруг подавишься?

А ту печально запомнившуюся мне фразу моего начальника "А ты ешь, давай" спустя годы мне вновь довелось услышать, но в абсолютно иных условиях и с абсолютно иным посылом.

Было это в порту города Фримантл, что расположен в штате Западная Австралия. Я на износ молотил языком на приеме, устроенном руководством профсоюза моряков этого штата в честь нашей эстонской профсоюзной делегации, официальным членом которой сам же и являлся. Одновременно я мечтал ухватить хотя бы одну устрицу с того огромного блюда, что стояло передо мной. И как бы в ответ на мои сокровенные мечты председатель этого профсоюза встал и сказал: "Мы все замолкаем на двадцать минут, и это мое решение. А Дмитрий будет в это время вкушать все прелести морской фауны, представленной на нашем столе, и пусть никто

ему не мешает!" В ту минут я готов был задушить лидера моряков в своих признательных объятьях. Руководитель нашей делегации вынужден был подчиниться хозяевам.

Если к тому же участь, что накануне я ушел с другого официального приема голодный как волк, то моя благодарность действительно была самой искренней. А дело было так. Нас принимал премьер-министр этого штата (что-то вроде нашего губернатора). Я, стоя (ведь то премьер, то наши вставали для произнесения спичей), все время переводил речи обеих сторон, не имея ни секунды, чтобы прикоснуться к разносимым официантами яствам. Они же, видя, что джентльмен (то есть я) не притрагивается ни к одному из подаваемых ими блюд, просто уносили мою тарелку с горой креветок, устриц, с какой-то невероятной рыбой, бифштексом из мяса бычков, отпоенных пивом, и иными гастрономическими изысками. При этом официанты, вероятно, резонно и достаточно профессионально (с их точки зрения!) полагали, что в силу неведомых им причин джентльмен (опять же, я) есть всего этого не желает.

И даже у себя в гостинице я был лишен возможности перехватить кусок восхитительной сырокопченой колбасы, которую мне заботливо сунула мама перед отлетом: карантинная служба Австралии безжалостно ее изъяла еще при нашем прилете во избежание нанесения вреда тамошнему рогатому скоту.

А в другой раз алиментарная проблема (то есть пищевая) обернулась довольно любопытным сюжетом. По нашей шкале ценностей день 7 ноября считался партийными праздником, а уж 1-е Мая — нашим, профсоюзным. Однако учитывая, что многие профсоюзные лидеры были слугами двух господ, занимая одновременно посты и в своих партиях, то иногда они приезжали в Москву на 7 ноября, и их, бывало, из ЦК КПСС передавали под наше крыло. Так было, в частности, в 1973 году, когда под моей опекой оказалась сборная делегация из представителей профсоюзов Северного Вьетнама, сражавшегося в то время с США, Южного Вьетнама, официальное руководство которого поддерживало США, Камбоджи, Лаоса и Таиланда.

Программа была нехитрой: утром — присутствие на военном параде и демонстрации на Красной площади (какие же вкусные горячие глинтвейны там разносили!), потом праздничный обед в ресторане нашей гостинице "Спутник".

После обеда северо-вьетнамец подошел ко мне и сказал: "Слушай, мы знаем, что сегодня у вас большой национальный праздник, а ты вынужден заниматься нами и не можешь провести время со своей семьей. И уж если так сложилось, то мы решили создать для тебя семейную атмосферу: приходи сегодня вечером по адресу... (он назвал адрес где-то в районе Теплого Стана). Там, в доме моих родственников, которые живут в Москве, будет вся наша делегация".

Подобные неформальные контакты рекомендовалось согласовывать с нашими "соседями", благо они действительно находились в соседней с моей комнате, что я и сделал, получив их одобрение: "Конечно, сходи. Посмотришь, как их местный народ здесь живет, да и вьетнамской водки выпьешь" — такое напутствие я получил.

Часов в семь вечера я позвонил в дверь по указанному адресу. Мне открыла миловидная миниатюрная женщина, которой я вручил купленный по дороге букет цветов, и меня пригласили в квартиру. Комната, что побольше, была уже полна народу. Здесь были все знакомые мне лица из моей делегации и какая-то молодежь. Судя по внешности, все были вьетнамцами, но вот северными или южными — пойди их, разбери — лица-то одинаковые..

Меня усадили за стол, уставленный непривычными блюдами — что-то все больше растительное, много риса. Все брали еду руками, что мгновенно включило у меня внутреннюю сирену: опасность, опасность, опасность... Каким-то образом я ухитрился найти нечто, что брали салатной ложкой, и наполнил этим свою тарелку. Не сказать, чтобы было очень вкусно

(до сих пор не знаю, что же это было), но я старался самым непринужденным образом участвовать в общей трапезе. Но хозяин дома, видимо, пристально наблюдал за мной, поскольку, показывая на разнообразие блюд на столе, спросил: "Что же вы не едите? Это так вкусно!" — "Почему же, я ел" — с максимально убедительной интонацией постарался я заверить хозяина. И тут из угла комнаты раздался тоненький голос щупленького вьетконговца (так называли южновьетнамских партизан): "Я видел, он ел, он ел!". Не только значит, у хозяина квартиры я был "под колпаком"!

В это время молодежь как-то незаметно, по одному, стала исчезать из комнаты, и вскоре за столом остались только семья хозяина и мои делегаты. Тосты чередовались один за другим: за нерушимую дружбу с Советским Союзом, за его помощь в борьбе с "империалистической агрессией США" и т.д. Лаосец усиленно приглашал меня в гости в Лаос покатайся на слонах, "когда мы победим американский империализм". (Я так и не покатался...)

Вдруг в соседней комнате раздался гром аплодисментов и громкие возгласы. Я с недоумением посмотрел на хозяина квартиры. "Да это наш ЦК комсомола заседает", — пояснил он, — видно какую-то важную резолюцию приняли". И с этими словами он потянулся к дверце буфета, чтобы достать очередную бутылку с водкой. И тут на краю полки мой бдительный глаз засек пистолет Макарова, лежавший, словно как какая-нибудь поварешка. Перехватив мой несколько недоуменный взгляд, хозяин поспешил меня успокоить: "А это мне по статусу положено". Анализировать, что за статус он имел, мне не хотелось, и я понимающе кивнул головой.

В тот вечер мне преподнесли типичный вьетнамский сувенир — дюралевый браслет с номером из обломков очередного сбитого американского самолета "Фантом".

Забавным был этот визит. И с той поры у нас в семье повелось пищать тонким голосом — "я видел, он ел!", когда требовалось что-то либо подтвердить.

Саратовский "хозяин" А.И.Шибает

Примерно год после снятия Шелепина место председателя ВЦСПС пустовало, его занимал в качестве врио (временно исполняющего обязанности) один из секретарей ВЦСПС. И вот в 1976 году нам из Кремля наконец "спустили" председателя. Это был Алексей Иванович Шибает, бывший первый секретарь Саратовского обкома КПСС, который правил своей вотчиной около 18 лет (с 1959 по 1976 гг.). Окольными путями до нас дошли слухи, что новый начальник придерживался авторитарного стиля руководства и был изрядным самодуром. Впрочем, такая характеристика была, пожалуй, универсальной для руководителей высокого ранга.

Мы, международники, мгновенно почувствовали разницу: нового профсоюзного назначенца из брежневской колоды было не сравнить с Александром Николаевичем Шелепиным. Да и как можно было сравнивать уровень секретаря обкома с интеллектуальным багажом выпускника ИФЛИ!

Начать с того, что после приема одной делегации и ужина в ресторане Алексей Иванович, изрядно "приняв на грудь", сказал при расставании моему непосредственному шефу: "И поросенок с хреном..." Тот пришел в отдел немало озадаченный и заставил меня вместе с ним анализировать, что бы это могло означать, и что в действительности имел в виду новый председатель ВЦСПС.

А однажды Алексей Иванович, широкой волжской души человек, приказал сотрудникам Управления делами разнести по гостиничным номерам нашего "Спутника" в качестве "продуктового сувенира" духовитую вяленую воблу, эту вожденную русскую закуску под

"Жигулевское" пиво (других сортов тогда в СССР практически не было). Идея, конечно, прекрасная, за исключением одного: в тех номерах были размещены руководители профсоюзных делегаций на высоком уровне из Европы, которые на дух не переносили таких гастрономических "изысков". Бедные горничные потом опрыскивали дезодорантами номера, как при дезактивации помещений, подвергшихся воздействию боевых отравляющих веществ!

Однажды Шибаев председательствовал на какой-то международной профсоюзной конференции в Москве. В таком качестве он выступал впервые, и поэтому, чтобы подстраховаться, мне поручили написать для него набор "технических фраз", типа "благодарю товарища имярек за его вклад в нашу дискуссию", "ваше выступление было весьма конструктивным и содействовало развитию нашего диалога" и все в таком духе. Написал я таких вариантов штук пятнадцать, включая и более сдержанные, на случай выступления делегатов с критическими замечаниями в наш адрес. Этот список положили перед Алексеем Ивановичем. Уж не знаю, что еще нужно было предусмотреть, но только он поступил "с точностью до наоборот": разлил елей после выступления француза, остро критиковавшего нас с позиций модного в те годы во Франции "еврокоммунизма". Хорошо еще, что крайним не сделали меня...

Я неоднократно встречался по работе с Алексеем Ивановичем. Началось это так. В составе нашей делегации для участия в каком-то международном мероприятии я был направлен на Кипр. По пути мы остановились на один день в Афинах. И вот, отобедав у нашего посла, Алексей Иванович уютно устроился отдохнуть в холле нашего роскошного отеля. В тот момент по телевидению шла какая-то реклама (абсолютная диковинка для советского человека!). "Переводи!" — бросил мне Шибаев. — "Но, Алексей Иванович, эта реклама идет на греческом, а я греческого не знаю". — "И на х...ра мы тебя взяли..." — буркнул председатель. На мое счастье этим дело и ограничилось.

На следующий день уже на Кипре во время обеда ему взбрело в голову заняться последней правкой текста своего выступления. Окинув стол глазами, Шибаев подозвал меня: "Садись рядом. Будем текст смотреть". Все мое начальство от завсектора до секретаря ВЦСПС по международным вопросам побледнело: мало того, что председатель поверх их голов обратился к какому-то *референту*, так еще он и собирается править текст, согласованный в Кремле!

Я сел рядом с Шибаевым под сверлящими взглядами всего нашего профсоюзного синклита, и он указал на какой-то абзац: "Смотри, вот этого я, пожалуй, говорить не буду". Весь начальнический стол обратился в слух. — "Ну что ж, — спокойноотреагировал я, — действительно, этот абзац можно снять (он не нес никакой смысловой нагрузки, мы умели писать и так)". — "И это я сокращу, — заявил Шибаев, вошедший во вкус "работы начальства с текстом". Начальнический стол замер. — "А вот это могло бы разрушить всю смысловую линию", — очень осторожно заметил я. Секунду посопев, Шибаев стал дальше переворачивать страницы своего выступления. Наша игра в "крестики нолики" продолжалась. Окружение внутренне вздохнуло с облегчением: ситуация под контролем, начальник был управляем.

Пришлось мне тогда спасать ситуацию еще раз. Для Шибаева была организована встреча и беседа с министром труда Кипра. Будучи вновь "подшофе" наш председатель стал нести изрядную околесицу и при этом все время сбивался на авиационную тему: недаром он столько лет возглавлял Саратовскую область, где у нас были мощные авиационные заводы. Хорошо еще, что добрые люди предупредили меня об этой его особенности ведения бесед, и я подучил нужную терминологию.

Международники меня поймут: в такой ситуации нужно спасать не столько "лицо" шефа, сколько престиж своей организации и страны в целом. Я, сохраняя видимость устного перевода,

стал разливаться соловьем, рассказывая о системе подготовки молодых рабочих кадров, о задачах по повышению их квалификации и все в таком духе. Изредка, чтобы меня уж совсем не обвинили в "отсебятине" (наше слово "фюзеляж" звучит почти также, как и по-английски), я вскользь упоминал, в виде примера, современное производство на наших авиационных заводах, где молодежь активно трудится и на практике использует свои профессиональные знания. Похолодевшее и побелевшее мое начальство в начале беседы, которое также присутствовало здесь, вновь обрело нормальный цвет лица: пронесло... Единственное, чего я опасаясь до сих пор, что кипрский министр мог прекрасно владеть русским языком, поскольку традиционно многие студенты с острова Афродиты обучались в советских вузах.

Будучи в изрядном подпитии, Шибаев любил созывать вечерние "совещания". На них он не стеснялся в выражениях, распекая без всякого повода и на моих глазах мое же высшее начальство: "А чего ты рожу-то кривишь??" — злобно бросал он, когда человек отводил взгляд. Мало того, что мне было ужасно стыдно быть тому свидетелем, это было и опасно — руководство не любит, когда его унижают на глазах у подчиненных...

Не знаю уж почему, но с той поездки Шибаев проникся ко мне каким-то доверием, что ли. Хотя, "минуй нас пуще всех печалей"... Когда в Москве по приезде с Кипра у Шибаева должна была состояться беседа с председателем одного из индийских профцентров и одновременно председателем компартии Индии, то он отдал распоряжение своему помощнику: "Пусть Симуков переводит", что тот мне и передал. А переводить мне этого индуса было, как застрелиться: даже несмотря на то, что я уже встречался со специфическим акцентом жителей Индостана, тот старец говорил совсем уж труднопонимаемо. Более того, наш отдельский референт, который всю жизнь работал с делегациями из Индии и был асом в своем деле, не говоря уже о том, что по возрасту он был гораздо старше, стал смотреть на меня зверем: я "обошел" его, вторгся в его святая святых... Но, как поется в песне, "и тут я не промазал, нигде промаху не дал": вполне сносно и плавно перевел беседу у Шибаева.

Кстати, тогда же произошел забавный эпизод, который вполне украсил бы сборник "Переводчики шутят", если бы его издали. Во время беседы тот важный индус протянул мне листок бумаги, на котором "иностранным" почерком по-русски было начертано — "теплое масло в бутылках". Попутно он объяснил мне, что его зять долгое время работал на радио в редакции иновещания в Москве, привык к здешним продуктам и просил своего тестя привезти ему из России полюбившийся продукт.

Я был поставлен в тупик. Хорошо, "масло в бутылках" — это, вероятнее всего, означает наше растительное масло с сильным запахом и вкусом семечек подсолнуха (тогда у нас еще не было рафинированного масла). Но почему в таком случае оно должно быть "теплым"? Судя по записке, это являлось постоянной характеристикой продукта, а наше масло продавалось обычной температуры. Одно не вязалось с другим.

Тогда я зашел с другого конца: писал иностранец, знавший русский язык, но, может, недостаточно хорошо ознакомленный с бытовой лексикой. А что, если под "бутылкой" он подразумевал "банку" (тоже стеклянная, как и бутылка, но с железной закатанной крышкой). И тут меня осенило: "топленое масло в банках" — вот что просил привезти из далекой Москвы родственник того высокопоставленного индуса! Менее чем через час аккуратная коробка с вожделенным маслом была вручена сотрудником Управления делами высокому гостю.

Потом мне приходилось еще несколько раз встречаться с Алексеем Ивановичем. Когда я уже работал в Праге, он как-то раз приехал к нам в штаб-квартиру ВФП. Завидев меня в коридоре, Шибаев с хитринкой помахал мне рукой: "Здорово, Димка-разбойник!" Не зная наших предыдущих отношений, Аверьянов (а его тоже направили на работу в Прагу) бросился

вперед, как бы защищая меня от председателя ВЦСПС: "Нет-нет, он (то есть я) у нас хороший работник!" Но Шибаев уже шагнул дальше. Какое счастье, что мне в тот раз не пришлось вновь заниматься аналитическим разбором смысла, заложенного в слове "разбойник".

Последний раз я видел Шибаева, но не общался с ним лично, в феврале 1982 года на Кубе, где мы проводили Всемирный конгресс профсоюзов. По-моему, он быстро улетел обратно еще до окончания мероприятия. Ходили слухи, что, как истинный волгарь, Алексей Иванович до самозабвения увлекся рыбалкой в Атлантике, беря, вероятно, пример с "папы Хема" (Эрнест Хемингуэй), который написал здесь своего "Старика и море". А именно в это время команданте Фидель захотел пообщаться с лидером советских профсоюзов. А будто бы Алексей Иванович той беседе предпочел свою рыбалку, или сильно опоздал на встречу к Фиделю... Разные ходили слухи. Но буквально через несколько дней по возвращении в Москву Шибаев был снят с поста председателя ВЦСПС.

Тут все совпало: и Брежнев был стар и немощен, и Суслов, чьим покровительством, по слухам, пользовался Шибаев (им приписывалось родство через жен), в те дни скончался, да и Фидель, говорят, не забыл Шибаеву той рыбалки и сообщил, куда надо, о его поведении. Опять же народно-профсоюзная молва приписывает Алексею Ивановичу такие слова, когда ему сообщили о снятии с поста председателя ВЦСПС: "Ой, а что же я с крокодилом-то буду делать?" Дело в том, что кубинцы подарили ему чучело крокодила — известный сувенир на Кубе, по популярности сродни нашей матрешке. Но это уже из области баек.

Небольшое послесловие. Буквально в ста метрах от дома, где А.И.Шибаев жил в Саратове, стараниями очередного "хозяина" Саратовской области губернатора Аяцкова ему в 1998 году был установлен бронзовый бюст на колонне из темно-красного мрамора. Вскоре, правда, по неизвестной причине постамент разрушился, и бюст бывшего первого секретаря пал на землю. К слову сказать, памятниками в Саратове, кроме Шибаева, были увековечены еще две "головы" края — губернаторы А.Д.Панчулидзе и П.А.Столыпин. Вот такие великие предшественники были у Алексея Ивановича.

Двойственное у меня чувство к нему: ни разу он не сделал мне зла, как многие, но и уцелел я от его самодурства и хамства не вследствие действительно доброго ко мне отношения. Это была случайность, просто фишка так легла...

Сингапур, Австралия, Новая Зеландия: впечатления, знакомства, друзья

В самом начале октября 1972 года меня вызвал Аверьянов и сказал, что я полечу в Австралию в составе делегации Эстонского совета профсоюзов. Они там подружились со штатом Западная Австралия. От эстонцев были председатель республиканского совета профсоюзов и машинист тепловоза. Для меня, как я уже говорил, Эстония всегда была, что называется, "знаком качества" в плане человеческих отношений. Я не ошибся. Пообщавшись со своими спутниками за день от отлета, я понял, что контакт налажен.

Перед отлетом мы с мамой составили список всего необходимого, что могло потребоваться в дороге из одежды, лекарств, мелочей. Все-таки летел на две недели да еще туда, где люди вверх ногами ходят и вместо зимы у них лето. Впоследствии этот список сослужил мне хорошую службу: не надо было мучиться в сомнениях, что взять — просто следовали списку.

И вот аэропорт "Шереметьево". Мы уселись в полупустом ИЛ-62. Каждый занял три кресла: если поднять подлокотники, то можно было свернуться калачиком и спать. А лететь с технической посадкой в Ташкенте и Куала-Лумпуре долго. Потом был Сингапур, и два благодатных дня до ближайшего рейса на Австралию.

При подлете к Сингапуру я увидел массу островов и кораблей и удивился: как же мы найдем посадочную полосу, ведь земли практически не было, одна вода да лодки на ней.

Сингапур, который всегда вызывал у меня нехитрую ассоциацию с бананами и лимонами по Вертинскому, сразу же встретил страшной жарой, влажностью и непривычными, бьющими в нос, запахами. Но анализировать первые ощущения было некогда: надо было пройти иммиграционный контроль, таможенную, получить багаж.

Иммиграционный чиновник в форменной одежде, но не военный, с улыбкой взял мой паспорт, который я протянул в окошко его будки, и нагнулся, как будто хотел положить его в нижний ящик стола. И тут я краем глаза увидел, как он со скоростью счетной машины для денежных купюр стал перелистывать страницы толстенной книги. Я понял, что он искал мою фамилию в длинном списке лиц, которым запрещен въезд в Сингапур. Процедура заняла буквально минуты три, после чего он стукнул штемпелем и протянул обратно мой паспорт. И все это сопровождалось улыбкой! Разительнейший контраст с нашими пограничниками — неприветливыми, с застывшей маской подозрительности "стоящих на страже".

Нас встречал Михаил, атташе посольства, поскольку я заранее подготовил телеграмму совпослу за подписью высокого начальства о прилете нашей делегации. После размещения в отеле "Кокпит" в центре Сингапура, где обычно останавливались транзитные пассажиры Аэрофлота, мы договорились с Михаилом встретиться на следующий день: он обещал повозить нас по городу. Попутно он рассказал, что этот отель находится практически через дорогу от Истаны — бывшей резиденции генерал-губернатора и офиса нынешнего премьер-министра Ли Куан Ю. Я внутренне возгордился таким соседством.

Отель помимо основного корпуса этажей под тридцать имел еще и несколько уютных одноместных бунгало во дворе. Везде были невиданные яркие цветы, Высоченный бамбук и пальмы окружали бассейн с бирюзовой водой. И все время меня сопровождал какой-то сладковато-пряный запах.

Вечером я со своими спутниками вышел прогуляться. Первая встреча с Сингапуром произвела ошеломляющее впечатление: толпы народа, на тротуарах палатки с фруктами, масса жаровен с кипящим маслом, в котором румянятся креветки, какие-то изделия из теста, кальмары и еще Бог весть что. К запахам уличных харчевен примешивается и запах прелой листвы в дренажных ливневых канавках, которые идут по бокам дороги. Теперь я понял, из чего состоял тот самый букет будоражащих запахов, который я сразу же учуял, выйдя из самолета!

Все что-то ели, покупали, глазели на витрины, все были доброжелательны, все улыбались. Большинство жителей — китайцы. Изюм всех окон торчали длинные шесты с развешанным на них для просушки выстиранным бельем, напоминая флаги расцвечивания на военных кораблях. Климат невероятно влажный, и белье долго сушится даже на солнечной стороне. Под ногами шмыгали огромные, длиной сантиметров десять, тараканы. Поначалу они производили жутковатое впечатление.

Я немедленно увлек своих спутников в кино: только что вышел очередной фильм о Джеймсе Бонде "Бриллианты навсегда". Не то, чтобы нам очень понравился этот фильм, наверное, больше понравилась свобода смотреть что хочешь, гулять где хочешь, и вообще чувствовать себя людьми.

Утром следующего дня Михаил повез нас на обзорную экскурсию по городу, а потом мы заехали в ботанический сад, где среди прочих диких растений было представлено огромное количество орхидей. Такого буйного разнообразия я никогда в своей жизни не видел. А кусты в саду были подстрижены так, что ежесекундно ты встречался то со слоном, то с кенгуром, а то и с динозавром или диплодом.

Вечером мы съездили на Маунт Фабер (Mount Faber), вторую по высоте "вершину" страны, с которой открывался чудный вид на порт со стоящими на рейде судами. С другой стороны виднелись кварталы первых "ликуанок" (аналог наших "хрущевок"), которые так же, как и в СССР, призваны были решить квартирную проблему в Сингапуре.

На том холме я обратил внимание на огромное количество небольших аккуратных урн вдоль туристических тропок. "В Сингапуре начинается кампания за повсеместную чистоту в стране. Штраф даже за брошенный окурок серьезный — 500 местных долларов. И, похоже, своего они добьются", — сказал Миша.

В тот день у меня создалось ощущение, что между мною и нашим посольским сопровождающим возникла какая-то взаимная симпатия. И это при том, что я прекрасно понимал ситуацию: человеку приходится возиться с очередной делегацией по поручению начальства, а тут своей работы невпроворот... Мы договорились, что я позвоню Михаилу на обратном пути из Австралии.

И вот мы уже на Боинге 707 австралийской авиакомпании Куонтас летим в столицу штата Западная Австралия город Перт. Если и есть на земле самый уютный урбанистический уголок, то это, несомненно, здесь. Преимущественно одно- и двухэтажный, деревянный, патриархальный, утопающий в зелени и цветах, с обязательным задним двориком. Люди приветливые, у многих, явно любимчиков местного солнца, масса веснушек. В живописных озерах в центре города царствуют черные лебеди — государственная эмблема штата.

Мы долго стояли в пробке, поскольку в тот же день, что и мы, в Перт прибыла со своим супругом лордом Соноудом принцесса Маргарет, сестра королевы Великобритании Елизаветы II. Поскольку Австралийский Союз номинально является британским доминионом, то членам королевской семьи и почести воздавались королевские, включая салют наций. Через два дня и Маргарет с мужем и мы присутствовали на скачках, устроенных в честь их визита. Справедливости ради должен отметить, что наша делегация была также окружена огромной заботой и вниманием, разве что салюта не было.

К сожалению, я не вел подробного дневника о поездке в Западную Австралию, а впечатлений хватило бы на целую книгу. Здесь и нереальность ландшафта — типично марсианская красная пустыня (краснозем) с чахлыми кустиками зелени, и щекочущие нервы спуски в никелевые шахты на глубину в километр, и добрейшие кенгуру, и полусонные коала, и свежайшее пиво на местной пивоварне. Я даже стоял у невзрачного сооружения в виде колодезного сруба — это был вход в самую первую золотоносную шахту, с которой пошла знаменитая австралийская золотая лихорадка в конце XIX века.

Были мы и в музее под открытым небом (дождей в Австралии практически не бывает), в котором стояли фургоны первых поселенцев, выставлена их утварь. У одного фургона стояла странная фигура человека, напоминавшая рыцаря в средневековых доспехах: туловище его было прикрыто металлическими пластинами, а на голове был железный шлем в виде перевернутого ведра с прорезями для глаз, в руках — по револьверу. Нам рассказали, что это знаменитый австралийский разбойник позапрошлого века Нед Келли. В Австралии он почитается как свой Робин Гуд. Несмотря на то, что изначально прошлое Австралии было сплошь криминальным, австралийцы всегда невероятно бережно относились к своей истории.

Перебирая свои архивы по возвращении домой, я вспомнил, что заочно уже был знаком с Недом: в нашей институтской многотиражке было опубликовано стихотворение австралийского поэта Джона Мэнифолда "Гибель Неда Келли" в переводе Я.Берлина:

Грозой для богатеев Нед Келли был у нас,
Громил солдат Нед Келли, пока не пробил час.
Дразня ищеек ловко, он ускользал от их,
Но в Гленорэне все же отряд его настиг.
"Ты окружен, Нед Келли! Сдавайся нам добром.
Не то огонь откроем, изрешетим твой дом!".
"Нет, — отвечал Нед Келли, — не сдамся палачу.
Я жил наперекор вам, умру, как захочу!".
"Эй, выходи, Нед Келли, ты преступил закон.
И за грабеж, Нед Келли, на петлю осужден!".
"Коль всех казнят, кто грабит, повесьте наперед
Богатых толстосумов, ограбивших народ!".
"Сам выходи, Нед Келли, и с властью не шути,
Ты с золотом кареты захватывал в пути!".
"Нет, — отвечал Нед Келли, — не признаю властей,
У нас бедняк в обиде, а правит богатей!".
Старшой тут крикнул: "Келли! Хоть твой язык остер,
Да у меня солдаты, ты проиграешь спор".
И засвистели пули, и старый дом в огне,
И безоружный Келли выходит к ним в броне.
Прикрыты грудь и бедра, идет неуязвим,
И в страхе расступились солдаты перед ним,
Но роковая пуля все ж просвистела вслед,
И раненый в колено упал на землю Нед...
Живьем был взят Нед Келли, в тюрьме повешен он,
Он бился в одиночку и потому сражен.
Чтоб стал навек свободным народ моей страны,
Борцов таких, как Келли, нам тысячи нужны¹.

А несколько лет назад по нашему телевидению был показан австралийский художественный фильм об этом "благородном" разбойнике, созданный на основе его биографии. Ну, разбойником-то Нед Келли и был самым настоящим. Это он придумал себе железный шлем в виде перевернутого ведра и броню от пуль полицейских, которые я видел в музее. Романтический флер ему добавили народные легенды и искусство режиссера фильма. А стихотворение Джона Мэнифолда, воспевающее Неда как борца за народное счастье, грешит, на мой взгляд, большой "классовой" натяжкой.

Я искренне полюбил австралийцев. Открытые, любознательные, добрые, готовые прийти на помощь, порадоваться чему-то с тобою вместе. При этом у всех прекрасное чувство юмора. Ну, это-то понятно: без него в свое время английские каторжники, сосланные в Австралию, просто не выжили бы.

В один из дней семья местного профсоюзного активиста пригласила нашу делегацию на пикник в Янчеп-парк — так называлась рекреационная зона недалеко от Перта. Меня поразило, с какой любовью были оборудованы площадки для семейных пикников и приготовления

¹ СС № 31 (660) 11 ноября 1966

барбекю¹: аккуратно наколотые и сложенные полешки дров, бачок для мусора, столики. Все продумано, все рационально, действительно, все для блага человека, что было тогда для нас в диковинку. Это сегодня мы восприняли бы такой уголок, как нечто самой собой разумеющееся.

А потом мы поехали купаться на берег Индийского океана. Передавать свои ощущения — бессмысленно. Ведь нельзя описать океан чистоты, голубизны, прохлады и твою растворенность в нем! Уже когда мы покинули пляж, растянувшийся на десятки миль, наши друзья, подмигнув, протянули мне карту: "Смотри. Видишь, место, где мы купались, закрашено темно-синим цветом? Так вот, это самое опасное место в плане акул, оно так и называется — "Шарк Бэй" ("Акуля бухта", самое любимое место этих тварей)". Я внутренне содрогнулся. Мои же спутники веселились: "Не бойся, там через каждые сто метров вышки с наблюдателями, да и прибрежная полоса воды сеткой отгорожена".

С акулами я все-таки повстречался нос к носу. Было это в океанариуме. В гигантском круглом аквариуме высотой метров пять медленно фланировали эти твари, уставившись глазами убийц на тебя, ничтожного. И было и омерзительно и страшно.

Другой наш пикник был устроен в австралийском лесу — буше. Одни ободренные эвкалипты, сухие кустарники, какие-то колючки, но все-таки подобие леса. Когда мы расстелили на жухлой траве подстилку и вождественно откупорили первую бутылку с прохладным пивом, наши друзья весьма будничным голосом посоветовали оглядеться вокруг, прежде чем усаживаться на подстилку — мало ли, какая ядовитая змея тут притаилась, или сколопендра с тарантулом... Я по достоинству оценил и этот их юмор.

Но не следует думать, что мы только хлестали пиво и наслаждались дикой австралийской природой. Австралийские профсоюзники живо интересовались у нас положением в области охраны труда и другими социально-экономическими вопросами, а молодежь буквально атаковала меня разными вопросами о жизни в далеком Советском Союзе. А мне все это нужно было переводить туда-сюда, так что досталось мне по полной программе. Ну, а вопросы, к примеру, были такие: нужно ли брать разрешение в местной партийной организации, чтобы жениться или выйти замуж, о взаимоотношении детей и родителей.

Я был очень рад, что провожали нас, как настоящих друзей: крохотная частичка моего труда также была заложена в эту дружбу.

На обратном пути в Москву нам предстояла очередная двухдневная остановка в Сингапуре. Служащий аэропорта пообещал, что к рейсу Аэрофлота из отеля нас доставит служебная машина, и что нам ни о чем не следует беспокоиться: вечером следующего дня за нами заедут. И здесь я совершил ту же непростительную ошибку, что и профессор Плейшнер из "Семнадцати мгновений весны": я расслабился, всецело доверившись твердому обещанию служащего.

Эти два дня в Сингапуре вновь пролетели незаметно. Естественно, мы встречались с Мишей и вновь гуляли по городу. А потом я, уже без своего друга, впервые забрел на сингапурский базар (он напоминал ныне закрытый Черкизовский рынок, но в то время мы ничего подобного не видели), чтобы купить какие-нибудь сувениры для родных и знакомых. В те времена это было просто сделать: у нас в Союзе ничего не было, и любой заграничный пустячок (очень красивые и полезные были эти пустячки) воспринимался с восторгом. Лучшим подарком тогда были сингапурские полуавтоматические складные зонтики по одному американскому (или три сингапурских) доллару за штуку.

¹ Барбекю — от barbacoa — так индейцы называли пищу, которая готовилась над углями на деревянных решетках. После открытия Колумбом Америки это слово перешло в испанский, а затем и в другие языки.

Когда я вошел в крытый рынок с его бесчисленными лабиринтами проходов и закоулков, кто-то тихо тронул меня сзади за плечо: "Кримплен не нада?" Вздвогнув от неожиданности при звуках русской речи, я поневоле напрягся. "А какой есть?" — поддержал я разговор, не оборачиваясь. "Двойной. Еще туль есть. Ваши все берут". Тут я обернулся. Сзади стоял смуглый парень полуиндийского, полукитайского вида. "Пойдем", — поманил он меня за собой. Как крыса, замороженная игрой гаммельнского музыканта на дудочке, я последовал за ним. В одном из закоулков мы остановились. Тут же мне был предложен запотевший стакан с ледяной кокой-колой, в то время вожделенным напитком советских заграникомандированных. А потом был вывален на прилавок весь имевшийся в наличии товар. Самому себе я позволил купить японские часы "Сейко", только-только входившие в моду, и пластинку гремевшей на весь мир группы "Мамас энд Папас".

В отеле Хилтон с бассейном, где мы в тот раз жили, в день отлета меня ожидал некоторый конфуз. Уже собрав чемоданы, в ожидании обещанной машины, чтобы ехать в аэропорт, я ходил взад-вперед по холлу гостиницы, разминая по советской привычке сигарету "Winston", перед тем как ее закурить. К сведению современного поколения: советские сигареты набивались так плотно и были такими сырыми, что их надо было предварительно хорошенько размять, прежде чем прикурить. А западные сигареты в этом абсолютно не нуждались.

Тут ко мне подошел один парень, служащий гостиницы, и с нескрываемым любопытством спросил, указывая на сигарету: "А чего это вы с ней делаете, сэр?" И тут я понял, что, если бы я был разведчиком, моя песенка была бы спета — он меня раскрыл! Ведь только русские так обращались с сигаретами. Однако я надменно заявил, что это у меня просто привычка такая. Но парень не унимался: "А позвольте узнать, из какой вы страны?" — "Из Советского Союза". Дальше — больше: "А кто вы, сэр?" Тут я спокойно ответил: "Да мы просто советские служащие", что по-английски звучит как "Ви ар совет эмплуиз". — "Что?!! — хитро воскликнул, — совет полис????!! Кей-джи-би??" Не помню точно как, но все же я от него отвязался.

Спустя полчаса против назначенного срока машина из аэропорта так и не прибыла. Я начал волноваться. Позвонил в посольство в поисках Михаила, чтобы спросить совета, что делать. Дежурный ответил, что все уехали в аэропорт встречать посла. Я позвонил в представительство Аэрофлота. Мне ответили, что никого нет, что все на летном поле встречают посла. Трагический круг замкнулся.

Самым простым решением было бы взять такси, но для нас оно было как раз самым сложным: поездки на такси не предусматривались бухгалтерией ВЦСПС, и поэтому деньги на подобные транспортные расходы не выделялись. Единственным документом, подтверждающим такие непредвиденные траты, могла бы стать справка из посольства с печатью, но где мне ее тогда было взять? А свои жалкие суточные мы уже потратили, а остаток средств на гостиницу подлежал сдаче в бухгалтерию ВЦСПС. Не сдашь — заплатишь в рублях в десятикратном размере.

В тот момент на ресепшене раздался телефонный звонок. Портье передал мне трубку, в которой я услышал голос Михаила, звонившего из аэропорта: "Ты где?!" В ответ на мое совершенно расслабленное бление от него последовало четкое указание: хватать отельскую машину, мчаться в аэропорт, там поездку оплатит Аэрофлот (он уже договорился) и чтобы мы улетали к чертовой матери и как можно скорее!

Через двадцать минут мы были в аэропорту, Михаил с водителем на какой-то машине типа открытого джипа подхватил нас, и через летное поле мы рванули к самолету, который уже пыхтел, готовый вот-вот вырлиться на взлетную полосу. Мы ворвались по трапу в салон:

представитель Аэрофлота погрозил нам кулаком, я не остался в долгу и ответил ему тем же, он пулей вылетел из самолета (не потому, что испугался, а просто истекли все мыслимые сроки вылета), дверь захлопнулась, и мы тут же взмыли в воздух. Из-за моего благодушия рейс Аэрофлота Сингапур–Москва в тот день задержался на целых двадцать минут. Спасибо Мише!

"Помни Сингапур!" — этот призыв ни при каких обстоятельствах не терять головы и не расслабляться навечно вошел с тех пор в домашний оборот нашей семьи.

В марте 1973 года мне вновь неслыханно повезло. Кто-то из референтов ЦК профсоюза работников культуры заболел, и мне предложили опять поехать в Австралию с заездом в Новую Зеландию с секретарем этого ЦК профсоюза. На этот раз мне предстояло познакомиться с восточным побережьем любимой страны. Маршрут наш вновь лежал через Сингапур, и вновь я подготовил сообщение в посольство с просьбой "оказать содействие", то есть встретить и помочь с размещением в гостинице, поскольку до стыковочного рейса на Сидней опять было два дня. Не скрою, я уже предвкушал встречу со своим посольским приятелем.

Мой спутник, секретарь ЦК профсоюза работников культуры, в отношениях со мной демонстрировал некоторую напряженность и всячески подчеркивал свою "высокую" должность. Я же был для него всего-навсего клерком, но кто знает, чего от сотрудника *центрального аппарата* ожидать?

По прилете в Сингапур к моему удивлению нас никто не встретил. Мысленно ворча на организацию работы советских загранучреждений (видно, Михаила, на встречу с которым я рассчитывал, куда-то услали, раз он не смог приехать в аэропорт), я сказал своему спутнику, что позвоню в Торгпредство. "Там у тебя кто-то из знакомых сотрудников работает?" — с ревнивой подозрительностью поинтересовался тот. Я промычал что-то невнятное и удалился в поисках телефона-автомата.

Моя невнятная реакция объяснялась следующим: в нашей институтской компании была одна студентка, дочь торгпреда в Сингапуре, с которой мы продолжали дружить и после окончания института. И уж конечно я сообщил ей заранее, что лечу в Сингапур, а она примчалась накануне отлета и привезла посылочку папе — драгоценные в южных широтах кильки и черный хлеб. И вот эту посылочку я должен был передать торгпреду. Дозвонился я по телефону быстро, представился и услышал в ответ: "Сейчас приеду".

Через полчаса в комнату ожидания для VIP-персон вошел наш торгпред и сразу же, как к хорошему знакомому обратился ко мне: "Привет, привет! Как долетел, как там наши?" Мне даже пришлось, прежде чем ответить, представить ему своего сановного спутника, который изрядно скис: надо же, к этому мальчишке-референту приехал сам торгпред СССР!

Мы недолго поговорили с торгпредом, я рассказал ему все самые последние семейные новости. Далее он предложил нам воспользоваться его автомашиной с шофером-сингапурцем, сказав, что на следующий день она ему не понадобится. "Только имей в виду, что водитель — майор из местной контрразведки и прекрасно понимает русский язык. Ну, это я так, в порядке информации", — предупредил меня торгпред. Конечно же, машина с кондиционером, да еще с местным водителем, да еще из... обещали высший уровень комфорта с налетом некой острой романтики.

Мы поколесили по Сингапуру, что не заняло много времени: площадь главного острова составляла тогда всего 617,1 км² (потом намыли еще больше). В мой первый приезд сюда Михаил, как истинный дипломат, избегающий точных цифр, сказал, что Сингапур занимает площадь несколько меньшую, чем ограниченную Московской кольцевой дорогой, но значительно бóльшую, нежели площадь в пределах Садового кольца. Однако думаю, что

нашему водителю на пространный, но абсолютно пустой отчет, материала хватило. А вечером я, наконец, дозвонился до Михаила. Выяснилось, что посол его действительно куда-то уснул с поручением, а с подменой для встречи нас в аэропорту произошла какая-то накладка, но мой приятель сказал, что готов посвятить лично мне целый вечер, если я сумею оторваться от своего спутника.

К моему удивлению "отрыв" произошел довольно легко: я просто сказал, что у меня кое-какие дела в городе. Прозвучало несколько туманно, а потому убедительно: мало ли какие дела могут быть у международных ...

Теперь представьте ситуацию: жара, страшная влажность, вечер, посольскому работнику только и сидеть дома с включенным кондиционером после трудов праведных. Но вот на него в очередной раз сваливается пролетный знакомый из Москвы. Надо оказать гостеприимство.

Михаил появился с женой, что по дипломатическому протоколу в моем разумении означало более высокий уровень отношений. Правда, поначалу я внутренне ей посочувствовал: ехать куда-то вечером, встречаться со знакомым мужа, которого она совсем и не знает. Да и мало ли таких "знакомых" прилетало за время их пребывания в Сингапуре, и все по телеграммам начальства "просим оказать содействие" ...

Вот так я познакомился с очаровательной Наташей, женой моего друга. Именно в тот вечер, вкушая различные юго-восточные азиатские гастрономические изыски с четой Белых, мы стали настоящими добрыми друзьями: вспыхнувшая живительная искорка обоюдной приязни в мой первый приезд затеплилась ровным добрым пламенем. В тот вечер мы, конечно, вспомнили с Мишей мой драматический предыдущий отъезд. "Как подумаю, что вы, не дай Бог, остались бы... — с улыбкой, но и с долей неподдельного ужаса сказал тогда Миша.

А потом наша дружба все ширилась и крепла: и когда Михаил Михайлович Белый работал потом в Китае, и когда он работал в ООН, и потом, когда он вернулся в Сингапур своей молодости, но уже в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации, и когда он возглавлял наши посольства в различных крупнейших странах Азии. Скажу больше — я попросил Михаила быть свидетелем с моей стороны при регистрации моего второго брака. (Он до сих пор помнит, что ему пришлось выложить тогда целых двадцать пять рублей за гарантию этого долгосрочного и рискованного проекта с довольно непредсказуемым результатом!) И у Белых и у меня в семье появилось по крохотной девочке, но наши друзья продолжили свой родительский марафон, родив вторую дочь, а мы сошли с дистанции... И вот их взрослые дочери, уже обзаведшиеся своими детьми, тоже зовут меня, как и взрослые дети других моих друзей, дядей Митей. Это так приятно слышать!

После очередной сингапурской стыковки я очутился на этот раз в восточной части моей любимой Австралии. Опять было огромное количество встреч, бесед, мероприятий, но уже связанных с полиграфией и театром (театральные деятели входили в наш профсоюз).

Поскольку в средней школе я учился в классе с полиграфическим уклоном и был довольно хорошо знаком со всякими линотипами, высокой печатью, фальцовочными машинами и другими производственными процессами, я с большим интересом вглядывался в новейшее (для того времени) полиграфическое оборудование. Уже везде была внедрена офсетная печать, наборщики не вдыхали пары расплавленного свинца из буквоотливочных машин. Для меня все это казалось чудом далекого будущего.

Познакомились мы и с президентом Австралийского объединения актеров. Он тут же пригласил на спектакль "Вишневый сад" в постановке сиднейской труппы. И тут посыпались для меня разные удивления: во-первых, в Австралии, как мне рассказали, не было в то время

стационарного, репертуарного в нашем понимании, театра: все антреприза, иначе прогорели бы. Во-вторых, знаменитая чеховская пьеса игралась... в небольшом ресторанчике, где в одной половине зала за столиками сидели посетители, а в другой — шло действие. Поначалу мне кусок в горле не лез: ну как это можно звенеть ножом и вилок, звякать бутылкой о фужер, жевать во время актерского священнодействия... Но мне объяснили, что здесь так принято, что это — не оскорбление для актеров, что таким образом и волки и овцы целы и сыты (актеры зарабатывают здесь, а публика, помимо пищи духовной, вкушает заодно пищу телесную). И хотя зрители-посетители на удивление тихо пользовались своими приборами, меня это все равно корбило. Вернулся я домой опять голодным. Пришлось воспользоваться московскими ржаными сухариками и куском зачерствелого сыра — твердую колбасу-то у меня вновь отобрал на границе санитарный контроль.

Играли актеры хорошо, чувствовалось, что они всю свою австралийскую душу вкладывали в души чеховских героев. Правда, был у них все же некоторый наив, не осененный российским томлением духа, и масса старинных фотографий в рамках по стенам смотрелись как декор крестьянской избы, а не как принадлежность дворянского дома. Я совершенно искренне поздравил актеров, которые просто кинулись к нам после спектакля — ну, как, понравилось?

Как-то вечером активисты из сиднейского профсоюза печатников пригласили нас поужинать в ресторан, расположенный на высоченной трехсотпятиметровой башне. Это был полный вращающийся аналог нашего ресторана "Седьмое небо" на Останкинской телебашне, только вот его интерьер, меню и обслуживание с нашими не шли ни в какие сравнения. Ночной Сидней с его яркими огням внизу, необозримый простор, тонущий в океане, свежесть устриц, само понимание того, что я сижу под Южным Крестом "вниз головой" по сравнению со всеми европейцами, порождали какие-то нереальные, но весьма приятные ощущения¹.

Один наш визит был поистине незабываемым: нам показали строившийся Оперный театр на берегу Ботанического залива, в котором впервые бросил якорь капитан Кук в 1770 году. Поначалу архитектуру здания я не воспринял — какие-то "формалистические" выверты, архитектурный "сумбур вместо музыки": не то спинной гребень стегозавра, не то раковины устриц, воткнутые вертикально в песок, не то фантасмагорический парус невиданного судна.

Нас провели по залу, в котором трудились десятки рабочих, внося последние отделочные штрихи в этот полет фантазии архитектора. "Здесь будет блистательная акустика, — рассказывал нам директор будущего театра. — А начнем мы самый первый сезон в нашем уникальном театре с оперы вашего Прокофьева "Война и мир". Был это далекий март 1973 года. Потом, уже по приезду в Москву и спустя годы я смирился обликом Оперного театра, более того, полюбил как одно из современных чудес света.

Теперь, когда вижу на фотографиях здание сиднейского Оперного театра, я с нежностью и некоторой гордостью смотрю на него: когда-то на месте этого театра находилось трамвайное депо, а сегодня его здание считается одним из современных чудес света. И я был здесь, когда в это здание еще не ступала нога человека из СССР (ноги наших дипломатов не в счет, хотя я сильно сомневаюсь, что они оставили там свои отпечатки — ведь строительство театра еще не было закончено). Кстати, наш президент вместе с австралийским премьером имел здесь, в здании театра, официальный завтрак во время своего исторического визита в 2007 году —

¹ А в конце мая 2009 года на этой самой башне случился пожар. И опять, как и в случае с пожаром на нашей Останкинской башне в 2000 году, причиной была неисправность в электропроводке. К счастью, обошлось без жертв. Две башни, два ресторана, два пожара... Какая-то пугающая парность случаев.

первым за 200 лет отношений между нашими странами. Я — правда, без завтрака — успел побывать тут раньше...

Из других впечатлений мне запомнилась поездка к Голубым горам, расположенным недалеко от Сиднея. Как объяснили мне австралийцы, "голубыми" их окрестили из-за того, что склоны этого горного массива, поросли эвкалиптовым лесом. Листья этих деревьев, богатые эфирными маслами, под горячими лучами австралийского солнца источают дымку голубоватого цвета. Действительно, все так и было в этом любимом сиднейцами месте отдыха, когда мы до него добрались.

Новая Зеландия встретила нас низкими серо-свинцовыми облаками, несшимися над темно-стальной гладью океана в белых барашках. Сильный ветер заставлял больше думать не о природных красотах, а о том, чтобы согреться. Ведь по местным меркам здесь была уже глубокая осень — наш март, да и холодное дыхание Антарктиды давало себя знать. Я успел только узнать в перерывах между официальными встречами и беседами, что Новая Зеландия — уникальнейшее место в мире: здесь нет ни ядовитых пауков или ядовитых змей, и вообще ничего хищно-ядовитого, как это имело место в Австралии. Здесь можно встретить и русские березы, и сосны, и пихты.

Каких-то запоминавшихся встреч не было, за исключением, пожалуй, одной. Ужинали мы вечером у местного профсоюзного лидера в окрестностях третьего по величине центра Новой Зеландии — города Крайстчерч, что на восточном побережье Южного острова. Дом был окружен холмами, покрытыми низкой сочной травой. И вот в этой траве я заметил пару белорозовых короткохвостых попугаев с хохолками на голове. Размером они были с нашу ворону. Когда я подошел поближе, чтобы их рассмотреть, то попугаи деловито, вразвалочку подошли ко мне, ничуть не испугавшись, и тут же начали своими мощными клювами расшнуровывать шнурки на моих ботинках! Сильно махать руками я побоялся — могли и за палец здорово тяпнуть. Поэтому я просто отошел на несколько метров, но мои преследователи решили довести начатое до конца: они кинулись вслед за моими шнурками! Уж не помню, как мне удалось от них отвязаться, но эта забавная картина — у черта на куличках, в Новой Зеландии я отбиваюсь от настырных попугаев, решивших во что бы то ни стало меня расшнуровать, — до сих пор стоит перед глазами. Моя маленькая дочь долго смеялась, когда я рассказывал ей эту историю.

А в Сингапуре мне посчастливилось побывать еще раз, уже в 1990 году. Михаил в тот раз меня не встречал — он уже работал в ООН. Почти двадцать лет спустя после моего первого знакомства с этой страной-городом он стал неузнаваемым: прекрасные развязки дорог, масса новых небоскребов, не похожих один на другой, чистота кругом (штрафные санкции все-таки сработали!). Город стал достойной витриной азиатского "экономического чуда". А мою гостиницу "Кокпит" снесли...

Злата Прага, моя любовь

В 1958 году в первое лето на нашей достроенной даче я больше был занят чтением: компании сверстников что-то не складывалось. Однажды мне попала на глаза тоненькая книжница Сватоплука Чеха "Путешествие пана Броучека в XV столетие" о том, как добропорядочный домовладелец попал из Праги конца XIX в Прагу XV века. Книга меня увлекла: из нее я узнал массу фактов об истории Чехии, о Праге того времени, о быте людей.

Думал ли я в то время, что вот так, совершенно случайно с помощью классика чешской литературы я исподволь готовился к жизни в этом сказочном городе? Что мне предстоит в будущем увидеть реальную Прагу конца XX века, и в то же время Прагу, какой она была в XV столетии в описании Чеха?

Ведь спустя ровно двадцать лет, в конце 1978 года, мне предложили поехать в Чехословакию заместителем заведующего отделом международных отраслевых профсоюзных организаций Всемирной федерации профсоюзов (очень длинное наименование должности!) В Праге вместе с женой и маленькой дочкой мы прожили пять с половиной лет. Теперь, когда мой любимый город показывают по телевидению, то сердце ёкает: ведь каждый день из той пражской жизни я находил в этом городе что-то новое, интересное в архитектуре ли, в характерах людей, в самой жизни там.

Я очень полюбил Чехию, потому что, надеюсь, понял ее, понял великолепный чешский юмора, квинтэссенцией которого стал гашековский Швейк. Я упивался средневековой готикой — она была повсюду! Когда в Прагу приезжали знакомые из Москвы, то я их всегда водил по собственному маршруту, по которому не водили обычных туристов. Как загорались у моих друзей глаза, когда они видели в старинной библиотеке в Страговском монастыре, в книге почетных посетителей автографы адмирала Нельсона и Эммы Гамильтон, датированные 1803 годом. Как они всматривались в изумительную роспись потолочных плафонов этой библиотеки, как они не могли отвести взгляд от старинных фолиантов и инкунабул в тяжелых кожаных переплетах, которые величаво покоились на массивных стеллажах от пола до потолка. И своеобразным венцом этого царства знаний и человеческой мысли был огромный медный глобус в центре зала...

Я влюбился в чешский язык: певучий, мелодичный, во многом сохранивший логику славянского языка, а иногда и выступающий против "логики" русского. Думаю, всем известны такие хрестоматийные примеры, как "черстви хлеб" (свежий хлеб), "живот" (жизнь), "вонявки" — (духи).

Однажды темным осенним вечером я стоял на остановке трамвая. Накрапывал дождь. Трамвай что-то задерживался (а они в Праге ходили по расписанию минута в минуту, причем расписание было вывешено на каждой остановке). Рядом со мной стоял пьяненький чех, бормотал что-то про себя. Потом, чтобы хоть с кем-то поделиться тем, что, видимо, у него накипело, он сказал в сердцах: "Таковий посраний большевицкий систем!" Это так, из жизненных зарисовок, но какая формулировка!

Постепенно я немного освоил разговорный чешский язык, так что какая-то подозрительная компания, услышав мой чешский, приняла меня за югослава и не побила. А могли, и все потому, что я был "советским". Какое же преступление совершило руководство Советского Союза в 1968 году, когда двинуло танки в Чехословакию в компании своих сателлитов! Тем самым навсегда была перечеркнута подлинная радость чехов и их благодарность Красной армии за освобождение от фашистов в 1945 году!

В Праге наши семейные новогодние традиции обогатились местным колоритом. Представим себе Прагу середины декабря. Во-первых, погода. Это что-то невероятное для московского глаза: на улице градусов 8-10 тепла, но всюю цветут анютины глазки. Ко дню святого Микулаша (Николая) — 19 декабря — витрины магазинов начинают преображаться: в них появляются забавные черти с вилами, ведьмы на метлах. Причем все это самых разнообразных размеров, иногда в человеческий рост. Один маленький магазинчик детской одежды недалеко от нашего дома, у которого, видимо, был весьма скромный бюджет на такие украшения, поступил до гениальности просто. На выставленный в витрине манекен

мальчика накинули красный плащ, на голову ему надели красную шапочку с рожками, на руки натянули красные перчатки и намотали на них длинный хвост с кисточкой на конце, а лицо вымазали черной краской, чтобы он уже окончательно походил на чертика.

Даже на главных улицах и площадях мы не раз встречали благообразных "живых" Микулашей в сопровождении веселых чертей, которые отчаянно вертели хвостами и звонили в колокольчики. Такая веселая чертовщина через несколько дней уступала место более благопристойным картинам. Повсюду появлялись умильные "вертепы" — фигурки, изображающие младенца-Христа в яслях и сгрудившихся вокруг него волхвов, овечек и коровок. Витрины пестрели разнообразным по узору, форме и цвету (добавляется какао) рождественским печеньем, которое использовалось также в качестве елочного украшения.

Да что там витрины! На каждом доме, в каждом окне появлялось что-нибудь рождественское: венок из еловых лап с красными лентами и золотыми колокольчиками, за оконными рамами аппетитно свисали подвешенные на ниточках печенюшки в виде всевозможных фигурок зверей, птиц, звездочек, полумесяцев. Всюду стояли елочки в гирляндах. Начинался предрождественский шопинговый ажиотаж.

Меня поразили елочные базары после наших, московских. Здесь они были небольшими, аккуратными, елочки одна к одной. Продавались даже сосенки. Никаких диких очередей, все чинно, спокойно. Мы в первый же год купили полутораметровую пушистую сосну и украсили ее одними стеклянными грибочками с яркими красными шляпками. Строгое убранство напомнило мне мамину первую елку с шариками и шишками после переезда в Воротниковский переулок.

Сохраняя верность московским традициям, я, обладая весьма скромным художественным талантом, вырезал из картона некое подобие совы, раскрасил ее фломастерами, а вместо глаз наклеил две золотистые блестки. Сова крепилась к макушке сосны. В моем понимании она стала внучкой той, стеклянной совы-ветерана, которую мы всегда помещали на самое почетное место на елке у нас дома в Москве.

23-24 декабря на улицах Праги появлялись большие чаны с водой, в которых плескались увесистые карпы, вспыхивая на солнце своими золотыми жирными боками. Карп — это традиционное рождественское блюдо в Чехии. Готовится он так: с костей снимается мясо, режется на довольно крупные куски, затем обваливается в муке, затем во взбитом яйце и, наконец, в сухарях и кладется на сковородку. 25 декабря чанов уже было не найти — рыбу можно было купить только в магазине.

Моя мама, приехавшая погостить к нам на Рождество, просто купалась во всем этом великолепии доброго домашнего праздника, вылившегося на улицы и площади целой страны.

Мы с женой и дочкой жили в самом обыкновенном, отнюдь не элитном районе — в Либне или Праге-6 — в двухкомнатной квартире с большой, по нашим понятиям, кухней. В том же доме жили простые чехи, что было огромным благом: мы были вне досягаемости от всевидящих посольских глаз.

О количестве ресторанчиков-пивнушек (тогда, в 80-е, для нас, для которых пиво "Жигулевское" было уже счастьем), можно было бы и не говорить. И везде невероятно вкусно кормили. А после Москвы, где проблемой было *достать* пиво, а здесь — *выбрать* какое, а уж куда за ним идти — вообще не вопрос, поскольку в радиусе 150 метров от нашего дома таких пивнушек было целых шесть — жизнь показалась раем. Хотя этот рай для меня был весьма условным: пива я практически не пил — не очень любил.

В округе обитало много цыганских семей, но они мало чем, я имею в виду одежду, походили на наших цыган, с которыми москвичи встречаются, в основном, на вокзалах.

Пражские цыгане работали на заводах, были заняты в строительстве, торговле. Вплотную мы познакомились с ними так. Накануне нашего первого Рождества в Праге (потом это повторялось из года в год) в дверь нашей квартиры раздался звонок. Когда ее открыли, то на лестничной площадке толпилась стайка цыганят, которые тут же затянули рождественские колядки. Это было нам внове и выглядело очень трогательно. Мы одарили их конфетами, яблоками — традиционной данью тем, кто пришел славить твой дом. С веселым смехом ватага понеслась на следующий этаж.

Для детей сотрудников Всемирной федерации профсоюзов праздник Рождества устраивался на несколько дней раньше официальной даты, поскольку все сотрудники разъезжались на рождественские каникулы. Обычно роль Микулаша — аналога нашего Деда Мороза — доставалась нашему сотруднику Иржи, который с удовольствием забавлял детвору разных национальностей, цветов кожи, разреза глаз. У меня сохранилась фотография: в роскошном красном кафтане и алой папской тиаре, с посохом в руке, с окладистой белой бородой стоит Иржи, рядом с ним моя махонькая Люба с первыми белобрысенькими "хвостиками" вместо еще не выросших косичек и красавица малийка жена одного из наших сотрудников — с черным младенчиком на руках. И все так добро улыбаются, и все фото исполнено такого дружелюбия и единения, что просто просится на всемирный плакат, призывающий к дружбе между всеми народами нашей планеты.

Сам Новый год чехи отмечали скромнее, о его наступлении можно было догадаться только по редким взрывам петард и простеньким цветным ракетам, взмывавшим в ночное небо. Мы же с удовольствием праздновали и чешское Рождество и наш Новый год, приглашая в гости соседей-москвичей, с которыми я вместе работал, и тогда вступали в свои права наши семейные традиции.

Нашим любимым местом отдыха, к тому же с маленьким ребенком, был парк Стромовка с его аллеями из роз, буйным цветением невероятных оттенков рододендронов, прудами и утками в них, доверчивыми белками и задорными синицами. К нему примыкал и парк культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика — в просторечье — "Фучикарна" (в 1989 году стал называться просто парком Стромовка). Он во многом напоминал наш парк Горького с его аттракционами, только все здесь было каким-то более человеческим, домашним, рассчитанным именно на детей. Моя Люба обожала, например, кататься на старенькой обшарпанной карусели с лошадками, поросятами, слонами. Став постарше, она с удовольствием заходила со мной или мамой в вагончик, превращенный в таинственную темную пещеру, и верещала от страха и удовольствия, когда откуда-то сверху высовывался фосфоресцирующий скелет! Продавались в Фучикарне и разные сладости, невиданные тогда в Москве, и всякая детская мелочь — какие-то разноцветные сборные пластмассовые цепочки, наклейки, блестки — вот-то радости было ребятам!

Когда мы с Любой шли мимо тира, где народ повсюду палил из пневматических винтовок, ее глаза загорелись при виде простеньких призов — больших бумажных цветов, каких-то простеньких игрушек. Причем ты мог выиграть любой из них, если только твоя пулька перебьет тонкую лучинку — на них были насажены все эти призы. Но попробуй, попади, когда толщина той лучинки всего миллиметра два! Но я решился: была не была, попробую.

Счастье улыбнулось мне в тот день — я попал, и Люба с гордостью несла потом огромный бумажный цветок, а я — свой подтвержденный отцовский авторитет. Моя дочь до сих пор вспоминает тот поход в Фучикарню. Мне же парк запомнился еще и потому, что здесь, в Промышленном дворце — старинном павильоне в стиле модерн из ажурных стальных конструкций, построенном в 1891 году, — в 1978 году, за год до моего появления в Праге, мы

проводили очередной Всемирный конгресс профсоюзов. К сожалению, этот дворец сильно пострадал от пожара в конце 2008 года.

Самыми дорогими моими сувенирами, вывезенными из Чехословакии, стали чешский язык, джазовые пластинки, книги и воспоминания о моем самом любимом городе — Праге.

Возвращение в Москву

Когда закончился "пражский период", то жизнь моя, как в автомобиле, перешла на более "высокую" передачу. Мне предложили должность заведующего сектором справочной и реферативной работы в нашем международном отделе. Он замыслился как некое аналитическое подразделения. По распоряжению тогдашнего заведующего Международным отделом ВЦСПС Всеволода Евгеньевича Можая (его нам прислали из Международного отдела ЦК КПСС взамен работавшего в Праге Аверьянова) для меня был выделен отдельный "кабинет" (отгородили тупиковый конец коридора), что я оценил. Но и та клетушка вызывала завистливые взгляды — никто из наших завсекторами не имел отдельного кабинета, пусть даже такого!

Как классическую иллюстрацию к сатирической повести В.Войновича "Шапка" я воспринял тогда и звонок из нашего Управления делами: "Дмитрий Алексеевич, зайдите, пожалуйста, за ордером для пошива вам в нашем ателье ондатровой шапки". Номенклатура должна была носить свой знак отличия. Чуть позже убийственной сатирой на те времена прозвучала также концепция "желтых штанов" из фильма Георгия Данелия "Кин-Дза-Дза": "Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели, а когда нет цели..."

Забавным для меня было и то, что новые политические ветры горбачевской "перестройки" задули и у нас в профсоюзах. Меня избрали членом той самой приснопамятной "комиссии по выездам за рубеж" при парткоме аппарата ВЦСПС! "Им" стали нужны новые люди, не связанные со старой партийной кастой. Я воспринял свое "избрание" с большой долей юмора и занимался в комиссии тем, что успокаивал дрожащих девочек-секретарш, которые приходили за своими "характеристиками", и желал им счастливого пути в их "загранпоездку".

Тогда же произошел и еще один забавный эпизод из моей трудовой жизни. С перестройкой в ВЦСПС вошло в моду направлять своих сотрудников на отчетно-выборные профсоюзные собрания в разные организации — посмотреть, чем народ дышит. Сперва меня послали в Таджикистан в Душанбе, потом в Белоруссию в Гродно, потом во Всесоюзное театральное общество. Кульминацией стало мое присутствие на таком собрании в Инязе на нашем английском факультете, что вызвало мою внутреннюю улыбку: бывший студент ненадолго вернулся "шишкой"!

В 1985 году мне было поручено заниматься компьютеризацией отдела, разработкой новых "информационных технологий". Чтобы понять, какое отношение тогда было к компьютерам, приведу лишь реплику одного из наших сотрудников на каком-то производственном совещании: "К чему в пещере неандертальца цветной телевизор?!" Но я потихоньку делал свое дело — расписывал, что мне нужно в виде конечного результата, а всю "технику" обеспечивал инженер-компьютерщик, приданный моему сектору. Кое-что нам удалось сделать, и постепенно наш неуклюжий информационный "воз" стал разворачиваться в нужном направлении. До сих пор,

применяя к себе "гамбургский счет", я горжусь своим крохотным вкладом в грандиозную информационную революцию, пришедшую в Россию¹.

Потом Можаяв вновь попал в точку с очередным заданием: он попросил меня заняться составлением справочника "Профсоюзы мира" и всей организационной работой с авторами. Я с огромным энтузиазмом принялся за дело, и вскоре такой справочник был издан.

К моему глубокому сожалению, наша профсоюзная империя вскоре начала разваливаться: сокращались ее подразделения, люди, среди которых оказался и я.

"Преторианцы"²

Если не ошибаюсь, их было шестеро из КМО³. Они появились в нашем Международном отделе спаянной давнишними корпоративными связями группой практически одновременно. Видимо "наверху" было принято решение разбавить старую профсоюзную кровь более свежей, "комсомольской".

Народ тот был самого разнообразного возраста и вскоре занял соответствующие руководящие посты — секретаря ВЦСПС по международным вопросам, замзава нашего отдела, завсекторами, консультанта и референта. Я в то время еще был в Праге, и мы с коллегами ловили обрывки информации из "центра" — что за люди? Ведь по возвращении в Москву для многих из нас они стали бы непосредственным начальством.

Когда я вернулся в Москву, то, как уже упоминал, тогдашний шеф Международного отдела Всеволод Евгеньевич Можаяв предложил мне возглавить сектор справочно-реферативной работы. И в тот же день на меня "наехал" один из этих "преторианцев", наш новый замзавотделом.

Был он человеком невысокого роста, коренастым, ходил чуть косолапя, а уж когда приходилось бегать (начальство вызывает!), то его топот гулко раздавался в коридоре. Его лицо было грубоватым, словно вырубленным топором. Когда однажды я читал своей дочери сказку писателя Александра Волкова об Урфине Джюсе и его деревянных солдатах, то просто остолбенел: Леонид Владимировский, художник, изобразивший главного персонажа этой сказки, словно срисовывал его с этого человека!

К моменту нашей встречи в отдельском коридоре лоб в лоб я уже успел выяснить, что он будет курировать сектор, который предложили возглавить мне, что язык у него был не то португальский, не то испанский, что он прошел посольскую школу, и что он обладает пытливым взглядом, аналитическим умом и любит больше слушать собеседника, чем говорить сам.

"Так это вы нацелились на новый сектор? Вот так сразу из Праги — и в дамки?" — неприязненным тоном спросил он. Я спокойно ответил, что лично я ни на что не "нацеливался", а что эта должность мне предложена руководством отдела, и я не понимаю и не принимаю каких-либо неоправданных ко мне претензий. На этом и разошлись.

¹ Оказывается, примерно в то же время Михаил Любимов, отец Александра, одного из создателей телевизионного "Взгляда", занимался компьютеризацией нашей внешней разведки. Видимо, научно-технический прогресс всех взял за горло. Или это поветрие было такое? (Михаил Любимов. Записки непутевого резидента, Или Will-o'-the-Wisp. "Художественная литература", М., 1995, с 202)

² Преторианцы, (латин. praetoriani). В древнем Риме - отборные войска, первонач. составлявшие личную охрану претора, игравшие большую роль в дворцовых переворотах (истор.). || перен. Войска, служащие опорой насильнической, основанной на одной грубой силе, власти (публиц.) Словарь Ушакова

³ Комитет молодежных организаций, завуалированное наименование Международного отдела ЦК ВЛКСМ

Начинать работу в такой атмосфере было неприятно, и я при случае поведал Можаяву о том разговоре. "Спокойно работайте, — отозвался он. — Я разберусь". И разобрался. С моим новым куратором я не контактировал, он не контактировал со мной. Нас как бы не существовало друг для друга.

А вот с другими кмовцами в отделе я сблизился. Особенно с одним, который возглавил у нас латиноамериканское направление. Имя его звучало несколько "по западному" — Энри, хотя он был мингрелом "московского разлива". Мы часто ходили с ним вместе на обед, сидели за одним столиком. Я чувствовал, что Энри было интересно через меня узнавать о моей сфере деятельности. Мне же, в свою очередь, в диковинку было слышать его рассказы, в частности, как он из Москвы пробился по телефону в концлагерь в Чили и потребовал от обалдевшего начальника лагеря, чтобы тот немедленно соединил его генеральным секретарем компартии Луисом Корваланом. И тот соединил, и они поговорили. Потом Энри добавил, со слов детей Корвалана, что их папа содержался отнюдь не в мрачных застенках, но об этом им запретили говорить.

Как-то раз наши беседы коснулись масонства. А у нас в домашней библиотеке было два дореволюционных фолианта по истории масонства, о чем я и сказал. Проявив интерес к теме, до той поры абсолютной закрытой в СССР, Энри попросил у меня эти книги. Следуя железному правилу в нашей семье, я сказал, что спрошу разрешения у отца.

Прошло несколько дней, и мой "латиноамериканский" друг обмолвился, что вот тот наш новый замзавотделом (они дружили по прежней работе) тоже хотел бы почитать те книги, и можно ли их ему передать... "А неужели нельзя обойтись без адвокатов и обратиться напрямую? — несколько мстительным тоном поинтересовался я. — Мы же не в детском саду!"

Еще через пару дней "Урфин Джюс" подошел ко мне: "Я слышал, у вас есть интересные книги... Не могли бы вы дать мне их почитать?" Вид его был самый что ни на есть нейтральный и деловой. Я понял, что лед ему пришлось сломать: необходимо было достичь своей цели. Вновь сославшись на разрешение от папы, в пятницу в конце рабочего дня я вручил ему вожделенные тома. Как глубоко в таких людях, представляющих известное ведомство, укоренилась страсть к изучению теории глобальной конспирологии, в которой, по их мнению, масоны собаку съели! Как мечталось им найти простой ответ, объясняющий причины стремительно изменившейся внутривнутриполитической ситуации в связи с приходом к власти Горбачева...

С той поры наши контакты приняли форму спорадических чаепитий у меня в конурке, за которыми мы изредка обменивались репликами по поводу того или иного политического события, или просто просматривали тассовки — каждый по своему интересу. "Матиас Руст, — убеждено говорил он, — это хитрая подстава, которой воспользовались, чтобы почистить армию". В другой раз он выглядел удовлетворенным: "Крючкова назначали главой ПГУ!¹ Наконец-то будет настоящий профессионал". Как-то раз он заметил, что, что с помощью видеосъемки (видеокамеры стали входить в моду, хотя и стоили дорого) можно хорошо отслеживать участников "экстремистских демонстраций". Однажды он вошел ко мне озабоченным: "Я смотрю, всюду развиваются компьютерные клубы. Это же бесконтрольный обмен информацией, ведь черт знает какая утечка может произойти". Забавно, что при этом на лацкане пиджака он носил значок члена Ротари-клуба в виде маленького, меньше сантиметра в диаметре зубчатого колесика с шестью сицами внутри, — помните, я рассказывал о таком

¹ ПГУ — Первое главное управление КГБ, внешняя разведка

клубе, с которым мы познакомились в Бирмингеме. Но я внимательно слушал все его краткие монологи: для меня, непосвященного, эта информация была вообще за семью замками.

В канун майских праздников в 1986 году, когда наша ведомственная гостиница "Спутник" походила на растревоженный улей или муравейник из-за обилия зарубежных делегаций, сопровождающих и переводчиков, он неожиданно возник в коридоре: "Идите быстро к нам в штабной номер: сейчас будут транслировать концерт Владимира Горовица!" Каюсь, я не слышал о таком всемирно известном пианисте, знал только нашего эстрадного певца Горовца. Из гостиничного номера я уходил на всю жизнь ошеломленный гениальностью исполнительского искусства маэстро и полный благодарностью Урфину.

Вскоре с его стороны последовал новый шаг: "Хотите почитать?" — и с этими словами он протянул мне пухлую пачку листов с убогим текстом. Это была переснятая вначале на микрофишки (крохотные кусочки позитивной фотопленки), а затем с них увеличенная и распечатанная книга диссидента Роя Медведева "К суду истории". Я рисковал, зная, кто мне дает эту книгу, но взял ее. Потом он передавал мне остальные порции текста.

Однажды, когда перестройка была в самом разгаре, он позвал меня с собой на так называемый семинар, проходивший в помещении Советского комитета защиты мира, который возглавлял тогда известный публицист, журналист и писатель Генрих Боровик. Я, еще не привыкший к гласности, был буквально ошарашен выступлениями самых разнообразных ораторов по проблемам советско-финской войны 1939 года, расстрела НКВД польских офицеров в Катыни, секретных протоколов "Молотов-Риббентроп" и т.д. Сколько же блокнотов я исписал на тех семинарах, чтобы поделиться потом с родными и друзьями открывшимися мне тайнами советской истории!!! Мой же коллега по отделу только изредка черкал карандашиком: ему все это было известно???

Как-то раз он позвонил мне по телефону: "Вы не могли бы ко мне зайти?" Я зашел, и он протянул мне билет на концерт известного рокера Билли Джоэла: "Держите, я тут из-за дел не смогу пойти". А потом он же дал мне пригласительный билет на открытие фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1985 году.

Страстно увлекшись идеями компьютеризации, он выбил два компьютера: для себя и для моего сектора. Со своим он сидел часами, запершись в кабинете, и что-то набирал на клавиатуре. Я же все больше теоретизировал на бумаге: что нам в итоге нужно?

Звонок по телефону: "Если есть время — забегайте". Ну, как не быть времени... В кабинете он протянул мне несколько листов бумаги со слабо напечатанным текстом: "Вот, познакомьтесь, что я тут создал". Я углубился в чтение.

В те дни мы носились как угорелые, организовывая прием в Москве и переправку профсоюзных делегаций со всего света в Берлин — тогда еще столицу ГДР — где должен был проходить очередной Всемирный конгресс профсоюзов. Текст, который я читал, представлял собой остроумную пародию на аналитические и иные документы одного хитрого ведомства. Не могу удержаться, чтобы не привести некоторые отрывки (хозяин кабинета несколько неосмотрительно передал мне в дар те листочки, чем оставил материальные свидетельства своего существования):

МЕМОРИУМ ОПЕРАНТИ

группе поддержки конгрессменов

В предвыездной период нужно постоянно напоминать о себе, чтобы не забыли дать место в самолете. Для этого следует сузить сектор обзора проблем до ведомственной точки зрения, а

количество проблем увеличить. Никогда не утверждайте, что знаете, как решить проблему, просите время на обдумывание (в разумных пределах, иначе вас заменят).

Как правило, конгрессмены похожи на детей — видят только то, что им показывают, и на заседаниях заняты разработкой плана, как лучше использовать перерыв. Ваша задача — не отвлекать их от привычного занятия и страховать на случай появления "инстанционного зрителя".

На еженедельных совещаниях руководства будьте скромны, собраны и кратки в постановке проблем. О вашем профессиональном вмешательстве в заседание прошедшего дня должны сообщать не вы, а приставленный к вам делегат. При неблагоприятном для вас исходе сошлитесь на некачественный перевод на канале делегата. Если реакции не последует, попытку можно повторить.

* * *

Антология решения невидимого спектра (вариант "В")

Объект проблемы — XI Всемирный конгресс профсоюзов

Проблемность проблемы — профсоюзность мероприятия

Старостандартные варианты решения:

— градуальный транзит с трехдневной медитацией; групповой релакс с политическим уклоном средней токсичности; билетный прессинг;

Типовые ошибки:

— преувеличение технических трудностей при решении политических вопросов и боязнь политических затруднений при рассмотрении технических проблем".

Были там еще рекомендации по "коррекции цели" и обеспечению "анатомии успеха"...

* * *

САТУРН — СПУТНИКУ

Гриф "А"

Концентрация относительно здоровых сил на Шереметьевском рубеже проходит в пределах строго запланированных трудностей. Помехи Аэрофлота незначительны. Осложнения растут, ряды тают. Оставшиеся в строю бдят за временно выбывших. "Тархун" запрашивает дополнительные полномочия для пресечения. Предлагаю расконсервировать "Дю Шеса" и "Фанту".

Прошу инструкций. "Байкал-215". Конец связи".

Мой папа, когда я показал ему этот опус, сказал, что мой сослуживец — прекрасный стилист.

Наши контакты неожиданно прервались: он был переведен в другую контору, и в дальнейшем я о нем ничего не слышал. В конце 1991 года его имя ненадолго замелькало в прессе в связи с крупнейшей и секретной операцией в финансовой области, да и в экономической тоже, в которой он сыграл ведущую роль, после чего его следы затерялись где-то в Цюрихе.

Свой личный вклад в развитие отечественного профдвижения мой немногословный отдельский собеседник внес, написав брошюру: "НТР на пороге XXI века: "новые поля" профсоюзных действий". Не так давно я слышал, что он вернулся и работает где-то на достаточно скромной должности. Внешне.

О любви к фигурному катанию, и не только

Эту главу я начну издалека. Как я уж говорил, телевизор у нас в доме появился только в 1961 году. И именно в самом начале 60-х телевидение и у нас и по всему миру вступило в период бурного развития благодаря появлению новых технических возможностей. Мы увидели наших космонавтов, летающих в космосе, впервые стали смотреть репортажи из других стран. А потом начались прямые трансляции с чемпионатов Европы и мира по фигурному катанию. И тут все "подсели" на них, да еще как!

Для нас, жителей СССР, этот вид спорта, а, скорее, искусство, было маленьким окошком в иной мир с красивыми мужчинами и женщинами в изысканных костюмах (об их цвете мы узнавали от телекомментатора Сергея Кононыхина: цветного телевидения у нас тогда еще не было), катавшимися под современную музыку. Великого американского певца Рэя Чарльза я услышал именно в музыкальном сопровождении одной из танцевальных пар. Тогда же я познакомился и с другими популярными исполнителями.

Я неспроста начал долгие разглагольствования о своей любви к фигурному катанию: следуя драматургической логике Чехова, эта любовь должна была, в конце концов, "выстрелить", как его ружье. Она и "выстрелила": в свой первый брак я вступил с фигуристкой, занимавшейся танцами на льду.

Я учился на третьем курсе. Постоянной подружки в нынешнем понимании этого слова у меня не было — слишком сильными были последствия грустного завершения моей школьной любви, и моя натура, вероятно, требовала совершенно иного выхода эмоциональной энергии. Что и произошло, когда я с первого же курса с головой окунулся в наши институтские капустники, английский хор, любимую стенгазету. Оказалось, что такая жизнь гораздо интереснее и разнообразнее, чем всякие там сердечные переживания и страдания. Но позже любовные сети меня все же зацепили. Наступил 1969 год, и в январе я влюбился, сильно.

Еще осенью в толпе первокурсников я наметанным взглядом, ранее отточенным на своих сокурсницах, выделил одну девушку, заметно отличавшуюся от остальных своей статью, которую сегодня назвали бы невероятной сексапильностью. Все было ладно в ней: и плотно сбитая пышная фигурка с высокой, красивой грудью, и длинные стройные ноги, и крупные черты лица с большеватым ртом, придававшим ей какую-то особую пикантность. Но первая визуальная констатация факта появления в институтских стенах очаровательного объекта женского полу не перешла у меня в стадию активных действий. Вероятно, тогда еще недостаточно накопилось той критической массы любовного стремления, которая неминуемо приводит к любовному взрыву.

На новогоднем вечере я без каких-либо задних мыслей (ой ли?), вклинившись в череду ее многочисленных кавалеров, пригласил ее на танец, во время которого узнал, как ее зовут, а заодно попросил дать номер телефона. Девушка по имени Наташа (ну, просто какой-то рок для меня с этим именем!), видимо польщенная вниманием старшекурсника со своего же факультета, к тому же (оставим ложную скромность) довольно известного своими песенно-капустническими успехами, почувствовала определенное ко мне доверие и телефон свой дала. Я постарался его запомнить.

Дней через десять я решил набрать ее номер, но к стыду своему понял, что напрочь его забыл. На следующий день, встретив ее в коридоре института, я нахально сослался на переутомление от подготовки к экзамену по теоретической фонетике, и вновь попросил ее дать телефон, при этом заметив в ее глазах некоторую укоризну. К сожалению, клочка бумаги и ручки под рукой опять не оказалось, и мне снова пришлось запоминать эти цифры.

А потом началась тяжелейшая зимняя сессия, и мне, по правде говоря, было не до звонков. После заслуженных каникул, которые я провел в доме отдыха ВТО, я вновь встретил Наташу в институтском коридоре и... Правильно. Рассыпавшись в каких-то невероятных извинениях, с привлечением всех известных мне литературных героев-растяп, включая Человека Рассеянного с улицы Бассейной, я вновь попросил... "Надеюсь, это в последний раз?" — не без ехидной обиды в голосе спросила она. Я стал клясться и божиться, что в последний.

Теперь я думаю, а не была ли история с телефонами неким знамением свыше — погоди, поразмысли.. Но ведь систему тайных подсказок и сигналов познаешь лишь тогда, когда интуиция, по Жванецкому, развивается до такой степени, что заменяет информацию. А это, к сожалению, приходит лишь с опытом, который тождественен возрасту.

При дальнейшем знакомстве я выяснил следующее: Наташе было восемнадцать лет, с детства она занималась танцами на льду, но теперь из-за учебы эти занятия прекратила и иногда тренировала детей на катке "Динамо". Жила она на Сретенке, мать — служащая, отец — инженер.

А еще у нее была редкая русская фамилия, происходившая от не совсем благозвучного прозвища, но принадлежавшая к старинному боярскому роду. Мне теперь кажется, что при своей броской внешности Наташе хотелось поскорее сменить свою девичью фамилию да и вообще выйти из под родительской опеки.

Накануне женского праздника 8 Марта (было это в 1969 году) я пригласил ее в коктейль-бар, что был при ресторане "Новый Арбат", куда мы с друзьями решили завалиться под вечерок. Сейчас это кажется невероятным, но мы, студенты 60-х, на свою скромную стипендию и редкие и еще более скромные дотации родителей могли иногда приглашать девчонок в кафе, коктейль-бары, в кино (стипендия — 28 рублей, предки иногда подбрасывали десяточку, при этом проезд в метро стоил 5 копеек, коктейль — около двух рублей, билеты в театр — рубля полтора-два, а самые дорогие билеты в кино — 70 копеек). В тот вечер собралась компания человек из шести. Всем было радостно, весело, все светились обаянием молодости. "Ты любишь меня?" — вдруг спросила в танце Наташа. Покажите мне хоть одного парня, который, еще сам для себя не решив четко, к чему все это может привести, ответил бы на такой вопрос отрицательно! Дома я сказал своим, что познакомился в институте с "фигуристочкой" и был с ней в коктейль-баре. Будучи несколько наслышанными о звездной жизни фигуристов, мои насторожились.

А дальше все было как у всех. Мое знакомство с ее родителями, ее знакомство с моими. Когда Наталья была приглашена к нам на семейный обед (как сейчас помню, на первое был вкуснейший мамин борщ), то мой папа, впервые увидевший мою избранницу, улучил момент и в чисто мужском восторге развел руками: "Ну, сын, честно сказать, такого я от тебя просто не ожидал!"

Действительно, внешность Натальи действовала на мужчин, как солнце на подсолнухи: они также вытягивали свои шеи и следовали за ней взглядом. Кстати, за тем обедом она не без гордости упомянула, что носит титул "Мисс Иняз 1968", в доказательство чего была продемонстрирована капроновая лента с золоченой надписью, загодя припасенная в дамской сумочке, и сообщены параметры в дюймах: 42-36-42. Об этой лестной для меня ипостаси Наташи я дотоле не ведал: или конкурс красоты был слишком келейно проведен местными ценителями женского обаяния с переводческого факультета (там учились одни мужики), или я болел, когда это мероприятие состоялось у нас на факультете.

Позже, когда мы уже поженились, Наташа призналась, терпеть не может борщей. Приходится только удивляться той недюжинной силе воли, которую она тогда проявила: съела

всю тарелку, да еще нахваливала! Впрочем, чего не сделаешь ради цели, которая должна оправдать все средства ее достижения.

Вскоре мы подали заявление в Загс, и начались предсвадебные хлопоты родителей. Главный храм Гименея на улице Грибоедова был на капитальном ремонте, поэтому мы довольствовались загсом "Аист", что на Ленинградском проспекте. Но до торжественного акта бракосочетания лежала еще моя поездка в Англию на стажировку в Бирмингемский университет.

Недавно я просмотрел свои ежедневные записи, которые делал в Англии. Они обязательно заканчивались священным ритуалом — скрупулезным подсчетом дней, часов, минут, с переводом их в секунды, что оставались мне до встречи с Наташкой в Москве и до дня нашей свадьбы,

Регистрация состоялась 28 августа 1969 года в том же "Аисте". Кстати, этот день совпал с днем рождения моей бабушки по папиной линии, Натальи Яковлевны. Мой свидетель — школьный друг еще с первого класса, по традиции был перевязан старинным полотенцем с вышитыми красным крестом петухами. Ее свидетельницей был подруга еще со школы. Были также родственники и с той и с другой стороны, наши общие друзья по институту.

Счастье и трагедия всегда соседствуют в жизни, как черное и белое. Иногда между ними имеется прямая причинно-следственная связь, иногда она опосредованно параллельна. У меня была кинокамера — свадебный подарок моих родителей. Естественно, что выполнять функции оператора я не мог, и Наташа попросила запечатлеть торжество момента своего многолетнего партнера по танцам на льду, Женю. Оказалось, что с ним мы учились в одной и той же школе, только он несколькими классами младше. В тот момент я уже знал, что, когда моя невеста объявила ему, что выходит замуж, он безутешно разрыдался. Как это часто бывает у фигуристов, он был безумно влюблен в свою партнершу. Просьба Наташи о съемке была жестокой, если не сказать — садистской, но кто замечает горе других, когда сам переполнен счастьем? Надо отдать должное Жене: он мужественно взошел на свою Голгофу и запечатлел нашу свадьбу на киноленте.

Дома у нас было душно, в гостиной набилось 33 человека друзей и родственников. Моя мама, накануне наготовившая еды на всю эту прорву народа, ухитрилась еще и всех рассадить! Папа, хорошо подготовившийся к событию, время от времени, перемежал тосты цитатами из собрания русских пословиц Даля насчет тещи, зятя, сватов и т.д., что вносило в общую атмосферу хорошую долю юмора и снижало тривиальную свадебную пафосность. Впрочем, тот день для меня запомнился как некое отстраненное действо, вероятно, из-за одурманивавшего благоухания множества цветов.

Но тогда разыгралась и еще одна человеческая трагедия. Я пригласил на свадьбу свою одноклассницу, свою бывшую первую школьную любовь, которую тоже звали Наташа. Я полагал, что, поскольку моя юношеская пылкость в свое время была ею отвергнута, то мы стали всего лишь друзьями. Однако в чем-то я просчитался.

Свадебное пиршество текло своей чередой, когда вдруг сидевшая неподалеку от меня моя школьная подруга, как в каком-то беспамятстве, с рыданиями схватила мою руку и попыталась сорвать с моего пальца обручальное кольцо. Мой папа, хорошо знавший Наташу еще со школьных времен, тихо обнял ее за плечи и увел в соседнюю комнату. Народ был в шоке, невеста — тоже.

"Я просто вдруг со всей остротой поняла, что навсегда ушло наше детство", — так тридцать лет спустя попыталась объяснить моя школьная подруга свой поступок, продиктованный тогда, на мой взгляд, каким-то неосознанным женским отчаянием от утраты

чего-то такого, что даже она сама в тот момент не могла для себя определить. Кстати, Наташа потом удачно вышла замуж, у нее двое прекрасных сыновей, мы по-прежнему с ней дружим. А я вот все думаю: не слишком ли много шекспировских страстей разворачивалось тогда вокруг одной свадьбы? И не было ли это еще одним, не понятым мною предупреждением?

Потянулись будни. Мы обосновались в моей комнате. Снимать квартиру тогда принято не было, да и, собственно, на какие шиши? Незадолго до распределения мне позвонила теща и сказала, что хотела бы со мной поговорить. Начала она издалека, но общий смысл был таким, что я должен срочно думать о том, чем буду заниматься после окончания института. И ничего предосудительного в вопросе тещи не было бы, если бы только я подспудно не почувствовал, что меня считают за лоха, неумеху жить, потенциального неудачника. Неприятный осадок остался.

Дальше я начал сталкиваться с вещами, являвшимися для меня более, чем странными: начала сказываться значительная разница в восприятии быта, семейных ценностей. Вскоре появилась, поначалу в виде шутки, "шубка из обезьянки": когда ты мне подаришь шубку из обезьянки, когда ты мне купишь шубку из обезьянки... При моей стипендии в 28 рублей и даже радужной гипотетической перспективе высоких доходов, эта шубка стала понемногу доставать.

Когда жена поинтересовалась моей работой в Международном отделе, и я ответил, что "пишу справки", собираясь тут же пояснить, какие именно, то не успел. — "Подумаешь, справки, — презрительно фыркнула она. — Так их же любая секретарша за секунду тысячи напишет!" И опять я явственно почувствовал себя в ее глазах лохом, тухлой, рохлей, кулёмой, валенком и вообще человеком без карьерных амбиций.

Попытка объяснения с моей стороны, помноженная на уже сформировавшееся у жены разочарование во мне, как в ее девичьем идеале, выглядела бы каким-то оправданием, и поэтому я ограничился лишь фразой, что это совсем иные справки.

Однажды я попросил жену взять меня на каток "Динамо", что на Петровке, где она подрабатывал тренером в детских группах. Мне хотелось заснять на киноплёнку, как она несется по льду. "Уж не знаю, — протянула она. — Ведь туда посторонних не пускают". Я как стоял, так и сел. Правда, она тут же крутанула обратно, поняв, что сморозила абсолютное не то, и сказала, что с нею меня, конечно, пропустят. С той поры, помимо ощущения "постороннего", у меня сохранились кинокадры, как Наташа легко скользит по льду, а за ней вереницей несутся маленькие дети.

Постепенно ком взаимного непонимания и отторжения нарастал. Начались постоянные "уходы к маме", самостоятельный отдых на юге. Неожиданно, и не иначе, как Небеса, которые и соединяют людей и иногда разъединяют их, вмешались в мои переживания. Забавно только, что своим посланцем они избрали нашего пьяненького дворника, который встретился мне вечером у подъезда: "Он-на не для тебя..." — вдруг произнес он заплетающимся языком и пошел прочь. Эту уязвляющую любое мужское самолюбие фразу я воспринял лишь как еще одно подтверждение своим мыслям: моя нынешняя семейная дорога не ведет к Храму.

В итоге мы подали на развод. Я переживал страшно, но выдержал все это лишь благодаря глубокому внутреннему убеждению, что продолжение семейной жизни с "фигуристочкой" при любом варианте — квартира ли, достаток ли, карьера ли — закончится для меня печально: вероятно, в ее системе ценностей моя личность с самого начала существовал где-то на заднем плане.

Незадолго до развода меня вызвал к себе в кабинет Борис Алексеевич Аверьянов. Беседа началась с каких-то незначительных вопросов, а потом он, как бы походя, поинтересовался:

— А как твои дела личные? Как семейная жизнь?

Немедленно почувствовав, что ему откуда-то известно о моих неприятностях, я спокойно ответил, что собираюсь разводиться с женой по причине "несходства характеров" (самая расхожая официальная формулировка тех времен), но что было бы странным, если бы я кричал об этом на каждом перекрестке. "А вот после самого факта развода, — сказал я, глядя ему в глаза и показывая тем самым, что знаю правила игры, — я намеревался проинформировать об этом руководство отдела и партийный комитет".

— Ну, иди, — отпустил меня Аверьянов, рассказав на прощание какой-то скабрёзный анекдот, суть которого заключалась в различных способах восстановления мира между мужем и женой.

Пару дней спустя меня попросил зайти секретарь нашего партбюро. В его кабинете уже сидел его заместитель, также один из наших сотрудников. Разговор опять коснулся моего предстоящего развода, его причин. И опять я повторил слово в слово, сказанное уже Аверьянову, и при этом не без внутреннего злорадства отметил, что наш замсекретаря партбюро вроде бы тоже недавно развелся "Беседа" тут же свернулась, и я был отпущен.

Неделей позже хорошие люди из кадровиков посоветовали, что даже если мне будет предлагаться зарубежная командировка, то лучше аккуратно отклонить предложение и какое-то время сидеть "тихо" — все из-за предстоящего развода. Они тоже были в курсе моих дел и также хорошо знали "правила игры". При этом, что я ценю, они искренне желали мне добра.

Развязка всей этой возни для меня была неожиданной: опять же, мир не без добрых людей. Они-то и посоветовали мне заглянуть в одну любопытную папочку. И там я увидел рукописное письмо, адресованное по всем "верхам: и в партком аппарата ВЦСПС, и Секретарю ВЦСПС, и руководству нашего отдела. В том письме мое имя полоскалось с такой ненавистью, что даже вообразить трудно. Анонимным автором (вместо подписи была закорючка) я характеризовался как гнусный стяжатель, разрушитель молодой семьи, аморальный тип и т.д. и т.п. Ну, прямо характеристика из рассказа Марк Твена "Как меня выбирали в губернаторы", только что "Монтанского Вора и Осквернителя Гробниц" не хватало. Венцом сего эпистолярного доноса была рекомендация "проверить его (то есть мои) связи в шереметьевской таможне". Это, как говорится, было мощно задвинуто. До сих пор самому интересно, а что же я тогда незаконного перевозил? Ведь именно на это намекал автор?

На анонимке наискось, в виде резолюции, было написано: "Беседа с т. Симуковым состоялась". Дата, подпись. Я, естественно, тут же, как в дешевом шпионском фильме, отщелкал эти несколько страничек своим фотоаппаратом. Негатив до сих пор хранится в моем архиве.

Так вот откуда пошла та гнусная вокруг меня круговерть! Остаться не замаранным после такой грязи мне помогло то, что меня прекрасно знали и наши партдеятели и руководство, которые, вероятно, за свою жизнь не раз читали подобные "письма". Этот жанр был весьма востребованным в эпоху советской системы. А анонимку — я твердо в это верю, — написала не жена; более того, она вообще, я полагаю, о ней не знала. Здесь, скорее всего, приложил свою профессиональную руку ее дед, сотрудник НКВД еще в довоенные годы.

Огромной поддержкой тогда для меня стали мои родители, друзья.

С осени 1973 года, когда мы развелись, с Наташей я никогда больше не встречался, но в выездных анкетах постоянно был вынужден обозначать ее аббревиатурой "б/ж" — бывшая жена

— и писать, что "сведений о ней не имею". Этот идиотизм закончился только с наступлением горбачевской перестройки.

Домашний телефон Наташи в своей записной книжке я замазал черным фломастером, а все письма, фотографии, киноплёнки с нашей свадьбой и с ее катка, любые вещественные напоминания о ней я попросил маму спрятать подальше и вернуть мне только тогда, когда я попрошу ее об этом. Прошло четверть века, пока я не обратился к маме с такой просьбой: время сгладило острую боль.

Через дальних знакомых до меня доходили обрывки информации о Наталье: я знал, что она окончила институт и стала работать в Интуристе. Вскоре после нашего развода она вышла замуж за одного парня из нашей же студенческой компании, который, кстати, был на нашей свадьбе и сделал прекрасные фотографии, родила сына, затем развелась и со вторым мужем и вновь вышла замуж, но теперь уже за своего интуристовского начальника. Очередной муж был значительно старше. Может, в этом и заключался ее девичий идеал?

Однажды из Штатов мне позвонил один наш общий знакомый, который уехал туда еще в 90-е, и сказал, что сожалеет, что тогда жизнь вмешалась и в наши с ним отношения. "Старик, так получилось. Ты же знаешь, что моя жена была ее ближайшей подругой. Но, честно тебе скажу, Наталья была как цунами, как смерч, как тайфун — абсолютно неуправляемой!"

В самом конце 90-х я здорово разбился на даче на своем скутере — занесло на скользкой дороге. Загипсованный, после операции, я лежал в травматологической палате. И вот друзья сообщили мне, что, узнав об этом, Наташа захотела меня навестить. Заочно я был очень тронут ее порывом. Ведь со дня нашего развода прошло ровно четверть века! К сожалению, в больнице в то время ввели карантин из-за эпидемии гриппа, и наша встреча не состоялась. А когда я покинул больницу, то как-то не стало и повода для встречи.

В середине 2006 года те же друзья принесли мне грустную новость: совершенно случайно они узнали, что Наташа скоропостижно скончалась еще в начале 2005 года. Все это время они сами были в полном неведении: никто из ее близких никому ничего не сообщил...

Когда теперь, как и в давние времена, я наслаждаюсь фигурным катанием и танцами на льду, переживающими свой новый пик популярности благодаря телевизионным шоу, я вполне профессионально могу щегольнуть такими техническими терминами, как "реберность", "элемент Кауфман", "кораблик". Они идут еще оттуда, от Наташи, и служат своеобразными печальными штрихами к моей памяти о ней.

Я бываю у нее на кладбище...

Вот, новый поворот... или кое-что о Козах

Образ козы, козочки, козленочка в русском народном творчестве — сказках и прибаутках — весьма распространен и представлен в различных ипостасях. Это и "бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек" (лирическая грация), и "не пей водицы из копытца, козленочком станешь" (страх утраты человеческого облика), и "семеро козлят" (трогательный наив), и уже упоминавшееся мною "идет коза рогатая за малыми ребятами". А на латыни коза звучит как "сарга" — отсюда "каприз" — "козьи ужимки и прыжки", давшие впоследствии наименование танцу и музыкальному произведению. Я намеренно обратился к этой лингвистико-этимологической теме, связанной, к тому же, и с музыкой, поскольку она имеет самое непосредственное ко мне отношение.

Как известно, свято место пусто не бывает. После своего неудачного матримониального опыта я вдруг опять почувствовал, что жизнь вокруг искрится разными красками, что в ее

водоворот вовлекаюсь и я, и это здорово. Правда, свободного плавания мне отпущено было недолго, всего несколько лет до момента, когда я женился снова.

И вот что интересно: при моей памяти, когда я помню мельчайшие детали своей жизни чуть ли не с пеленок, факт моего первого знакомства со своей будущей второй женой начисто отсутствует в моей голове. Приходится верить ей на слово и реконструировать исторический момент, пользуясь ее информацией.

Так вот, Валентина (удивительно, как это я изменил своей традиции в отношении женских имен?!) рассказывает, что к нам на вечер в институт ее пригласила давнишняя подруга по Новому Свету, студентка нашего Иняза и неперемнная участница нашей студенческой компании Татьяна, также известная в наших кругах как Прыгалка. Такое прозвище и по внешнему виду и по характеру ей весьма подходило.

Тогда взаимные посещения студенческих вечеров вносили немало разнообразия в личную жизнь — завязывались новые знакомства, появлялись новые интересы. Вечером сентябрьского дня 1967 года Валя в сопровождении своей подруги впервые переступила порог Иняза. Ситуация напоминала известную поговорку, когда в Тулу прибывает еще один самовар — ведь наш вуз славится как ярмарка невест. В коридоре Валина подружка на ходу стала знакомить ее с молодым человеком из своей компании. Тот (то есть я) был в очках, подковыливал с палочкой (я незадолго перед этим свернул ногу), говорил весьма эмоционально и даже с какой-то неестественной, по мнению Валентины, аффектацией. С места в карьер он (то есть я) начал "подбивать клинья" — попросту, "кадрить", как это называлось в наше время. Потом все пошло своими путями: подружки — в зал, я — в комнату за сценой готовиться с друзьями к нашему капустнику. Продолжения та встреча не имела, а впечатление, по словам Вали, я тогда произвел на нее самое отрицательное.

Далее уже включается моя память. Новый 1968 год друзья уговорили меня встречать в нашей инязовской компании в доме у Ильи Гарбузова. Это был тот редчайший случай, когда я праздновал Новый год вне дома. Приехал я часам в одиннадцать вечера, квартира к тому времени уже была полна народу. Помимо ребят и девчонок из нашей компании я увидел и ту самую Валентину. К моему удивлению, она оказалась замужней женщиной, и пришла в сопровождении своего мужа Игоря. Когда мы все перезнакомились поближе, выяснилось, что он был студентом актерского факультета Щуки. Годы спустя мы узнаем звездные имена его сокурсников — Александра Кайдановского, Леонида Филатова, Нины Руслановой Бориса Галкина (отец Владислава), Ивана Дыховичного. А сама Валя — студентка-музыковед из Гнесинки. Кстати, тогда же я узнал, что у нее было прозвище Коза — по ее девичьей фамилии (надеюсь, теперь читателю понятно, почему эту главу я начал с рассуждений, посвященных козам). Прозвище вполне соответствовало внешнему облику Валентины: миниатюрного росточку, ладненькая, живая. Эффект дополнялся всего лишь сорока пятью килограммами живого веса.

Не знаю, почему, но после боя курантов и громогласного студенческого "ура!" меня потянуло на ораторство. Быть может, здесь сыграло элементарное чувство павлиньего соперничества перед новой дамой, да еще замужней! Тогда ранние браки были еще редкостью. Я стал произносить тост, не помню уже, о чем именно, но только в него было ввинчено несколько изящных пируэтов с ироническо-историческими экскурсами, и все это подвертывалось к главной теме — встрече Нового года. Валентина моему спичу внимала, как мне показалось, без особого интереса, чем и вызвала мою соответствующую внутреннюю реакцию — ну и не надо.

Празднество шло своим обыденным чередом, вручались маленькие подарки, вертелся магнитофон с Битлами, поедался салат-оливье. А наутро, покинув гостеприимный дом Гарбузовых, вся компания решила завалиться в кино на гремевший в ту пору французский фильм Клода Лелюша "Мужчина и женщина". Я на фильм не пошел, а помчался домой поскорее восполнить свой дефицит домашней атмосферы. Теперь я все думаю, не стал ли тогда лелюшевский фильм неким знамением свыше, какой-то точкой отсчета? Ведь там тоже то сходятся, то расходятся...

С того дня Валентина с Игорем стала появляться в нашей компании довольно регулярно, бывали они и у меня дома. Я узнал, что она тесно дружит с вокально-инструментальной группой из Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (там ранее учился ее муж) "Герольды", ставшей позднее "Синей птицей", и делает им музыкальные аранжировки. Такая работа на лабухов высокого уровня (они взяли себе название популярнейшего джазового кафе "Синяя птица", где играли три раза в неделю), вызвало у меня глубокое уважение. Интересно, что кафе это находилось метрах в трехстах от дома, где я жил, но я почему-то там не бывал. Интуиция самооберега?

Со временем я подружился с этой парой, причем абсолютно без всяких задних мыслей.

Летом 1968 года наша компания соблазнила меня провести каникулы в Крыму в Новом Свете. Там давно обосновалась "Прыгалка" — Тая Эммарт со своей матушкой Ириной Акимовной, преподавательницей с вечернего факультета. Они снимали комнаты для инязовского "колхоза", который подваливал чуть позже. Наши деньги шли в общий котел, устанавливалось дежурство по кухне и все в таком роде.

Я не буду описывать красоты этого совершенно уникального по тем временам местечка с его подземным заводом шампанского, заложенного еще князем Голицыным, с живописной старой голицынской дорогой, вившейся серпантином, с контуром горы в виде женской головы с распущенными в море волосами. Во-первых, слова мало что скажут читателю, во-вторых, Новый Свет нынче утратил былую первозданную притягательность под натиском "коммерциализации" всего и вся. Окольными путями я с ужасом узнал, что там, где мы бродили "дикарями" по самым потаенным уголкам Нового Света, теперь надо за это платить. Грустно...

Вообще славу богемного местечка в питерских и московских творческих кругах Новый Свет приобрел, как мне кажется, после съемок знаменитой комедии "Три + два" в 1961 году. Здесь также снимались "итальянские" сцены для фильма "Анна Каренина"¹.

В тот год мы любовались ярко-красной спортивной машиной (что-то вроде "Ягуара") Максима Шостаковича, пугали в горах "тарзаньими" криками Сергея Юрского, замирали от

¹ Наш знаменитый писатель и географ В.П.Семенов-Тянь-Шанский в 1910 году так описывал Новый Свет: "К юго-западу от залива, на берегу небольшой бухты, образуемой мысом *Коба-Бурун* и *Куш-Кая* в 6 верстах от Судака расположено благоустроенное имение кн. Л.С. Голицина "*Новый Свет*". Из 100 дес. общей площади имения 20 дес. занято образцовыми виноградниками, получившими премии имени имп. Александра III; здесь культивируются лучшие сорта винограда как-то пино-гри, мурвед, рислинг, каберне и др. Общее число сортов превышает 500. Есть школы лозы *Riparia*, выведенной из семян. Производство вин превышает 4 тысячи ведер, причем в наибольшем количестве приготавливаются ликерные и игристые вина. В обширных подвалах протяжением более двух верст выдерживается, кроме вин имения, также скупаемые из других имений. В 1899 г. сооружен особый подвал для хранения столового винограда по способу Томери. В имение ведет устроенная владельцем живописная дорога среди можжевельного леса. На берегу залива разбит роскошный парк. Для осмотра имения необходимо разрешение". Россия. Полное географическое описание нашего отечества под редакцией В.П.Семенова-Тянь-Шанского. Том XIV "Новороссия и Крым". Издание А.Ф. Девриена, СПб, 1910. Гл. X "Судак. Кизилташ", стр.791

изящных батманов известных балерин Большого, сестер Рябинкиных, провожали взглядом популярного барда Юлия Кима, сладостно жмурились от солнечно-веснучатых прелестей актрисы Иры Муравьевой.

В бомонде активно вращался Иван Дыховичный, сверкала Наталья Фатеева. Евгений Евтушенко в бывшем голицынском "дворце" снимал скромную комнатку, за стеной которой жила Валентина-Коза (она приехала раньше и без Игоря — он был занят по работе) Она нам все время жаловалась, что гений строчит всю ночь напролет на пишущей машинке свои шедевры и мешает ей спать своим литературным стуком. Несчастная! Она не знала тогда, что из-под клавиатуры механического друга всех писателей и поэтов — портативной пишущей машинки "Эрика" — вылетали страницы будущей поэмы "Братская ГЭС".

Прогуливаясь по крохотному пятачку местных красот, мы становились иногда свидетелями забавных сценок, например, знакомства великих мира сего от искусства. В набитое людьми помещение местной почты протиснулся Сергей Юрский, и, вероятно, чтобы не терять времени в очереди (а в то время никто и не подумал бы пропустить его вперед — его слава была еще впереди), избрал объектом своего знакомства гремевшую тогда балерину Большого театра Елену Рябинкину. Похоже, что ее многочисленных фото в журналах он не видел, да сам тогда не был уверен, что его мгновенно узнают, поэтому начал самым обычным образом: "Позвольте представиться, заслуженный...и т.д. и т.п. — Сергей Юрский." На что Елена Рябинкина с легким поклоном, чуть было не встав по привычке в третью позицию при комплименте и не сделав книксен, томно ответствовала: "Очень приятно. Заслуженная... и т.д. и т.п. — Елена Рябинкина". Простой народ, затаив дыхание, следил за общением своих кумиров.

А за год до моего приезда наша компания тесно общалась с одним худощавым седовласым сеньором по имени Луис. Так он, как впоследствии выяснилось, оказался родным братом Рамона Меркадера, убийцы Льва Троцкого по заданию Сталина. Вероятно, как и его брат, Луис тоже был творческой натурой. Да, многих неординарных людей притягивал тогда Новый Свет.

Однажды наш "колхоз" купил у местных рыбаков жемчужину Черного моря, воспетую многими писателями и поэтами, — рыбку барабульку. Сама по себе невеличка, эта рыбка в массе своей переливалась живым серебром с алыми киноварными пятнами около головы и по праву считалась едой гурманов. И вот несколько нас, в том числе и я, уселись на берегу моря и принялись чистить живую черноморскую легенду. Мимо проходила Валентина. Видимо, пожалев бедненьких галерников, прикованных к чистке махоньких рыбок, она присоединилась к коллективному труду.

Пир удался на славу. Гора скворчащей растительным маслом барабульки, кирпичи белого крымского хлеба, банки с белым крымским кисленьким ординаром убывали со страшной быстротой. Кабы знать тогда, что некие высшие силы уже все знали наперед... Но об этом опять-таки чуть позже.

В один из дней Валя зачитала нашей компании письмо от мужа, который, в частности, наставлял ее "блюсти себя", и еще выражал удовлетворение оттого, что "Симуков рядом, и поэтому я за тебя спокоен". Радостный рев невоспитанной аудитории был ответом на это не без юмора написанное письмо, и тут же созрело решение. Все повалили на берег моря, там обрядили Валентину в мой бесформенный свитер грубой вязки, надев его прямо на ее бикини — получилось прелестное мини-платье — и придали ей позу кающейся Магдалины, припавшей к ногам господина своего (моим то есть) в великом смирении. Это фото, на котором она ну точь-

в-точь итальянская киноактриса Моника Витти (*Моника Мити*, так совершенно беспочвенно ехидничали некоторые), мы тут же отправили Игорю. Оно должно было послужить свидетельством того, что мужнины наставления супруге неукоснительно ею выполняется. По прошествии сорока лет эта фотографии и сейчас самая лучшая из наших с Валею совместных фото.

Вскоре мы все разъехались, наступали сентябрьские институтские будни. Мы по-прежнему встречались нашей компанией, там бывали и Валя с Игорем. Только вот что-то стало у них не складываться. Видимо, изначально что-то исподволь шло наперекосяк и только сейчас стало вылезать наружу. И тот и другой попеременно звонили мне, видя в моем лице подобие "третейского судьи", поскольку со страхом сознавали, что их семейная телега летит в пропасть. Я выслушивал обе стороны, говорил какие-то слова. Вскоре звонки прекратились. Окольными путями до меня дошли слухи, что они разошлись.

Ни в коей мере я не считаю, что причиной тому была наша шутливая фотография или какие-то некорректные поступки с моей стороны — их просто не могло быть. Мне и в голову не приходило даже на третьем курсе (сильный получил иммунитет сперва в школе) обзаводиться "своей" девушкой, а уж тем более пускаться во все тяжкие, избрав своим объектом замужнюю женщину.

Моя институтская и личная жизнь шла своим чередом. В главе "О фигурном катании и не только" достаточно подробно описана моя первая женитьба. Здесь я добавлю лишь одну любопытную, на мой взгляд, деталь, которая впоследствии окажется основой нового мироздания.

Пятое декабря 1969 года. Моя семейная жизнь насчитывает — страшно сказать — уже чуть больше трех месяцев. Мы с женой (первой) приглашены на день рождения нашего общего друга из институтской компании, известного под прозвищем Граф. Прекрасный стол, обилие редких напитков, шутки, смех. Мы сидим рядом с моей юной супругой, принимаем участие во всеобщем торжестве. Раздается звонок в дверь, хозяин идет открывать и вводит в комнату... Козу.

Она также очаровательно выглядит, хоть и не в привычном пляжном одеянии. Мы начинаем с ней о чем-то оживленно разговаривать, стоя в широком проеме стеклянных дверей. Моя жена в это время болтает со своей соседкой по столу напротив нас. Вот этот-то момент и запечатлел хозяин дома на своей великолепной фотографии — он действительно был прекрасным фотохудожником.

Я так подробно описал этот самый обыденный кадр, этот самый заурядный момент из самой повседневной жизни потому, что он послужил неким знаменем, которое мы осознали значительно позже.

И кто тогда знал, и на каких небесах уже тогда было прописано, что почти через четыре года — осенью 1973 — меня ожидает развод с первой женой, что через шесть лет и один месяц мы с Козой поженимся — в январе 1976 года, что чуть позже моя тогдашняя жена Наташа выйдет замуж за хозяина той квартиры, что у них родится сын, и они все равно разведутся, а у нас с Валею родится дочь, и мы — удержимся...

И тот снимок — тоже любимейший.

Декабрь 1972 года. Я еле-еле выбрался в отпуск (никак раньше не удавалось) в дом отдыха в Пицунду. Море серое и холодное, дуют ветры, приличной компании — никакой, бархатный

сезон давно кончился. Настроение ниже среднего, поскольку уже почти год, как моя жена "ушла к маме" (помните мое первое фиаско с переводом Шелепину?)

В один из редких солнечных дней я, позавтракав, вышел на набережную, чтобы идти к автобусу, который должен был везти нас на экскурсию на озеро Рика. И тут к моему величайшему удивлению столкнулся нос к носу с Козой. "А я вот к тебе приехала", — сказала она смущенно, и были в ее голосе и радость, и тревога, и вопрос, а пуще всего — надежда. Минутное ошеломление прошло, и я сказал, что через десять минут уезжаю на экскурсию и приеду поздно вечером. Договорились встретиться в баре.

Тут мы с Валентиной расходимся. Она утверждает, что я когда-то в проборос сказал нашей общей знакомой Татьяне-Прыгалке, чтобы она забежала ко мне с подружкой — той самой Козой. И когда они появились вместе у меня дома, я, якобы, также в проборос, сказал ей, Козе — "Да приезжай ко мне в Пицунду". Истину сегодня установить сложно. Но чтобы я, такой осторожный, со всем немислимым безрассудством произнес тогда эти роковые слова? Валя берет на себя ответственность утверждать, что — да, что слова эти вылетели, как стая воробьев, которых тогда уже было никому не поймать...

Вечером после экскурсии я нашел Валю в баре за бокалом вина. Не скрою, я был обрадован знакомому лицу после своего одиночества. С того дня на экскурсии мы уже ездили вместе. Вскоре ей нужно было возвращаться Москву на работу, а я продолжал свой уединенный отдых. Когда же и я приехал в Москву, то как-то так получилось, что мы стали достаточно регулярно встречаться.

Но лепестками роз устланы Его и Ее дороги только в сказках. Через какое-то время я, словно сбросив любовную пелену, которой меня с ног до головы укутала женщина, бежал в свое привычное уединение, в свой мир, в свою свободу, к которым уже успел почувствовать вкус и неодолимую тягу после первого опыта женитьбы. И все время меня преследовали глаза женщины, терявшей надежду. Ужасное ощущение, но ведь сердцу не прикажешь...

Весной 1973 года, когда я все еще числился по документам женатиком, я стал подумывать об отпуске уже летом, и конкретно — в Коктебеле, где находился профсоюзный пансионат с романтическим названием — "Голубой залив". Тогда же я неожиданно получил письмо от Валентины, строки которого не могу здесь не привести:

"... Скорее вдохни в себя тысячи импульсов, несущихся с полоски земли, которую люди называли Новым Светом. Здесь все, как и прежде. Солнце на Соколе, теплота песка, легкость движения, когда взбираешься по склону, шум волн, звенящая пчела на персике, мягкая чернота воды ночью в море...

...Погоди, сейчас я съем сливу и буду писать только по существу и ни чуточки в сторону. А вдруг... хорошее слово! Нет, просто колоссальное слово! А все-таки вдруг ты посетишь столь отдаленные края, и я смогу тебя увидеть?

Слушай, Митька, сделай чудо! Ведь это так просто. Ну что тебе стоит? Мне очень нужно. Попробуй, а? Просто я не хочу, чтобы ты растворился где-то".

Ну, и каким же образом всякий нормальный человек должен был отреагировать на такое нежное, отчаянное, призывное послание любящей женщины? Да еще молящей о *сотворении* чуда? Да еще такого, которое для тебя ничего не стоит — *ведь я уже буду в Коктебеле*, что в паре десятках километров от Нового Света???

Каюсь, я проявил жестокость, не ответив на письмо. Но, в противном случае, разрушилась бы вся драматургия *чуда*, которое я решил сотворить — приехать к ней. Ну, лестно же

почувствовать себя всемогущим! Слаб и тщеславен человек, и имя таковым легион, и я из числа их...

Короче, в июле я появился в Коктебеле, и через два дня, добравшись до Нового Света, шествовал к почте, где работала хозяйка комнаты, в которой мы жили еще своим инязовским кагалом в 1968 году: она знала в поселке всех и все. "Ой, — всплеснула она руками, — а Валя-то на море! Сейчас сына пошлю сказать!". Через десять минут чудо свершилось — мы встретились.

Но, вероятно, моя внутренняя крепость была выстроена на совесть и могла противостоять долговременной осаде не то, что одной женщины, — полчищам Чингисхана, случись такое в переносном, конечно, смысле. Я смылся из Нового Света рано утром следующего дня. Как будто у меня в ушах набатом звучал призыв из американского фильма "Форест Гамп", который снимут спустя двадцать лет после тех событий, — "Форест, беги!"

Но уже бег мой стал не таким уверенным, сбилось дотоле ровное дыхание, я стал чувствовать, что когда-то придется сойти с гаревой дорожки.

Через неделю на набережной Коктебеля я обнаружил Козу. Она сняла комнатку неподалеку от моего пансионата. И я, как укрощенный жеребец-двухлетка, пошел в стойло, все еще мечтая о степном приволье...

В Москву мы возвращались уже вместе, поскольку и у Вали и у меня осталось еще по недельке от отпуска. Мы решили завершить его в Питере, благо там у меня жили родственники, а у нее — друзья.

Так вместе мы и стали сосуществовать, притом что каждый по-прежнему жил со своими родителями. Я был представлен ее папе с мамой: мама долгие годы директорствовала в детском саду, была даже депутатом райсовета, а папа был инвалидом войны, кадровым офицером-артиллеристом в отставке в звании полковника. Люди они были основательные, правильные и вызывали у меня уважение.

Все бы так и шло по накатанной, и меня такое положение устраивало, но я абсолютно не учел женскую психологию и логику. Более того, об их существовании и значительном отличии от психологии мужской я и не подозревал.

Тревожный набат зазвучал в конце лета 1975 года. Валентина осторожно поинтересовалась моими намерениями относительно нашего совместного будущего, если о таковом вообще можно говорить, поскольку годы идут, и ей хотелось бы более четко определить для себя перспективу. Я проблеял что-то нейтральное, но задумался. И буквально вечером того же дня меня пригласил в свой кабинет папа и, прикрыв дверь, что меня несколько удивило, поинтересовался моими планами на будущее в отношении Валентины. "Мужчина, который живет с женщиной, должен нести за нее ответственность. Он должен принимать решения, а не тянуть волюнку, оставляя противоположную сторону в неведении. Это нечестно. Или — или", — закончил папа беседу тоном директора школы, увещевавшего ученика-разгильдяя.

Те два разговора, случившиеся в один и тот же день, были абсолютным совпадением, никакой связи между ними не было. И в этом я также усматриваю мистическое знамение — там уже все было predetermined.

И вот постепенно приучая себя к мысли о неизбежном, я в конце концов вроде бы принял решение. Моя мама так отозвалась на это в своем письме мне в Сочи, где я поправлял здоровье в санатории в тот год: "Я рада, что ты все осознаннее подходишь к главному жизненному вопросу. Нам тоже кажется, что твое решение очень правильное и мудрое"...

Вскоре я улетел в командировку в Японию, откуда привез очаровательное, в крупную бело-розовую клетку, платье для Валентины. Через несколько дней ей исполнялось тридцать лет, и я хотел сделать подарок на юбилей. Собравшиеся гости радостно загалдели, увидев мой подарок, — "А вот и свадебное платье!" — чем немало подпортили задуманную мною драматургию торжества.

В три часа ночи я, уже прилично накачавшись в преддверии кульминации действия, произнес длинный, с историческими экскурсами и литературными аллюзиями, тост, от которого все стали зевать (в этом-то и была фишка!), и в самом конце, как тореадор своею шпагой, сделал последнее туше, попросив руки Валентины у ее родителей.

Гости мгновенно отрезвели и оживились, да и момент стоил того. Так был перейден Рубикон, сожжены мосты, обозначены цели, определены задачи и — за работу, товарищи! — как говаривал в свое время Никита Сергеевич Хрущев.

Позже мы наметили день подачи заявления в районный Загс — Дворец бракосочетаний нам не светил, поскольку и я и Валя уже "сходили замуж". Но самое интересное, что наш Загс был тем же самым, в котором я за несколько лет до того разводился! Свободные от суеверий, мы все же назначили день и час, когда должны были встретиться на платформе станции "Аэропорт", чтобы пойти "заявляться".

И вот представьте себе ситуацию. Приближается время, когда я должен был стремглав лететь со своего Ленинского проспекта (там находился ВЦСПС) на Аэропорт, и как по закону подлости сваливается срочное задание от руководства — написать "бумагу". Счет идет на минуты, никому ее я передоверить не могу — вся информация у меня, я веду этот вопрос, бумага нужно немедленно! А ведь тогда никаких мобильных телефонов не было, и сообщить об изменившейся ситуации я не мог!!! В паршивом состоянии духа — я хорошо представлял себе чувства Валентины — поздно вечером, когда я притащился домой выжатый, как лимон, я позвонил ей домой и объяснил случившееся.

Хорошо, что в свое время я твердо, словно гвозди забивал, довел до сознания будущей новой жены, что моя работа связана и с вероятным приходом домой поздно ночью, и с посещением ресторана с делегацией, и с вызовами на работу в выходные дни и вообще в любое время суток, и что всякое обсуждение или недовольство с ее стороны таким распорядком абсолютно исключается, в противном случае... Ну, дальше, я полагаю, все знают анекдот о жене ковбоя, которая прожила со своим мужем долгие годы в счастье и согласии¹.

А Валя тогда два часа прождала меня на скамейке в центре зала, теряясь в догадках, из которых самой худшей была та, что я круто изменил свое решение.

Через некоторое время, отойдя от пережитого, мы вновь назначили день подачи заявления на субботу на четыре часа пополудни и уже у самых дверей Загса. Такой поздний час объяснялся тем, что именно в ту субботу (это было запланировано давно) от папиного профкома драматургов, который он возглавлял, отправлялся "грибной автобус", о котором мы с мамой долго мечтали. В принципе я все рассчитал по времени и даже с запасом: приезжаем в Москву, я заезжаю домой, чтобы переодеться и побриться, и мчусь в Загс. Но...

¹ Для тех, кто не знает: когда жену ковбоя спросили, как это им удалось, женщина сказала: "Когда лошадь у мужа однажды споткнулась, он сказал "раз", когда это произошло снова, он сказал "два", а потом ту лошадь он просто пристрелил. И вот когда я однажды высказала какое-то недовольство, муж произнес "раз", — закончила мудрая женщина.

Именно. Человек предполагает, а события зачастую разворачиваются совершенно иным образом. Мы с мамой набрали прекрасных крепышей боровиков и подосиновиков, даже немного заблудились, но все равно наслаждались погожим сентябрьским днем. К автобусу вернулись мы вовремя, как и все участники грибной вылазки, кроме одного человека. Им был наш известный писатель-фантаст Север Гансовский.

Холодок побежал у меня за ворот: я почувствовал, что вновь, абсолютно помимо своей воли, попадаю в безвыходное положение. Свой неприход объяснить не удастся, у будущей жены глаза опять будут на мокром месте. Несколькими годами позже мой любимый герой Бузыкин в исполнении Олега Басилашвили в фильме "Осенний марафон" также будет метаться в безвыходных ситуациях.

Но все же я принял единственно возможное тогда решение. На перекладных — грузовик, мотоцикл и автобус — я все же попал в Москву. Только о переодевании и бритье пришлось забыть. С получасовым опозданием я появился у дверей Загса. Невеста была настолько счастлива, что мой вид заправского грибника — в грязных резиновых сапогах, мокрой разорванной куртке и весьма игривой двухцветной сине-красной кепке, с трехдневной щетиной — ее не коробил. Главное, что пришел! Зато служители Загса были весьма шокированы и жалостливо косились на "бедную девушку"... Регистрация нашего брака была назначена на третье января 1976 года.

Свадьбу решили справить самую скромную и опять у нас дома — только родители и несколько друзей. Но уже на этот раз я подсутился основательно, и, поскольку для эстонских профсоюзников-международников я был в некотором роде начальством, да и с председателем тамошнего Республиканского совета профсоюзов общался на короткой ноге после совместной поездки в Австралию, нас вечером после бракосочетания ожидал номер в лучшем отеле Таллинна того времени — "Виру". Вот такое трехдневное свадебное путешествие и подарил своей второй жене, исполнив тем самым свою неудавшуюся мечту при первой женитьбе — тогда руководство отеля "Виру" и разговаривать не захотело с бедным студентом, вежливо отписав, что "мест нет".

Все с энтузиазмом одобрили нашу идею. "Чем на ваши новобрачные моськи пялиться весь вечер, нам спокойнее будет полакомиться остатками симуковского новогоднего стола, да и вам уединение не помешает", — ерничал народ.

Невеста была в длинном платье нежного цвета ряженки с вышитой вставкой и смотрелась очень привлекательно. На фотографиях она вышла с несколько напряженным выражением лица — видно до момента проставления штампа в паспорте была не вполне уверена в благополучном завершении всего этого проекта.

Прилетев поздно вечером в Таллинн, мы обнаружили, что ресторан уже закрыт, буфеты не работают и что до утра у нас есть плитка шоколада и полбутылки советского джина "Капитанский". Но через пять минут нас это уже никоим образом не волновало.

Многие годы спустя Валя раскрыла мне одну тайну. Оказывается, когда она переживала наше расставание после Пицунды, ее подруга, та самая Татьяна, с которой она в очередной раз была в Новом Свете, написала ей письмо, якобы от моего имени и "моим" почерком, с туманными выражениями сожаления о "своем" поступке. Были там и какие-то еще эпистолярные выкрутасы обще-успокоительного характера. Поставить штамп местного почтового отделения было парой пустяков, поскольку хозяйка, у которой жили подруги, работала на почте. Трюк удался: Валя поддалась на эту женскую провокацию, и я стал

обладателем ее ответного трогательного письма с мольбой о чуде. Мой любимый английский драматург Уилл Шекспир, на которого я так часто ссылаюсь в этой книге, или гений многоходовых контрразведывательных операций Павел Судоплатов опять отдыхают?

Когда уже после нашей с Валею свадьбы я преподнес "фамильную" головоломку своей жены (четыре фамилии, и все — ее!) нашим кадровикам, они только за голову схватились: "А попроще никого не мог выбрать?" Дело в том, что Валины родители не придавали большого значения штампу в паспорте и не регистрировали свой брак, предвосхитив, таким образом, нынешнюю молодежную тенденцию. Поэтому в девичество Валя сперва носила фамилию матери, потом отца, от которой пошло ее прозвище, а потом уже взяла фамилию первого мужа.

Позже была Прага, о которой я уже писал, возвращение в Москву. И все эти годы шла взаимная притирка двух индивидуумов, соединенных где-то там, высоко, наподобие двух магнитов: повернешь так — притягиваются. Повернешь по-другому — отталкиваются. Вероятно, я был не прав, когда принял решение остаться жить нашей семьей с моими родителями, нарушив тем самым жизненный закон многих поколений, предписывающий обратное. Грабли, на которые наступаешь, всегда больно о себе напоминают, в какую бы соломку их не оборачивать. Единственное объяснение моему решению — я просто физически не мог оторваться от среды своего обитания, от атмосферы, от деталей своего окружения — книг, картин, мелочей, слов, жестов, разговоров, традиций, предметов, всегда имевших для меня свою собственную, только одному мне известную жизнь и значение, мистически связанные с моими. О своих маме с папой я и не говорю. Пусть это может прозвучать и неуместным пафосным сравнением, но, как Антей, лишенный соприкосновения с землей, терял свою волшебную силу, так и я не смог бы существовать в иной среде.

За долгие годы преподавания музыки Валя стала опытным педагогом-методистом, ее пригласили в профессиональный журнал "Музыкальный руководитель" членом редколлегии. Валина новая ипостась предоставила нам, как я считаю, дополнительную возможность укрепления семейных уз путем создания своеобразного семейного творческого союза — она всегда просит меня взглянуть "незамысленным" редакторским оком на ее очередную статью, и мы вместе радуемся удачно найденным стилистическим оборотам. Процесс взаимного обогащения от семейного общения (это случайно каламбур вышел), как при перекрестном опылении, положительно сказался на моем более глубоком знакомстве с музыкальной классикой, содействовал моим скромным попыткам высказывать свои собственные суждения об исполнительском мастерстве современных музыкантов. Валентина же чувствует себя как рыба в воде со своим скромным английским языком в туристических поездках: что-то, как я тешу себя слабой надеждой, перепало ей и от общения со мной.

Помимо прочих своих талантов оказалось, что Валя прекрасно готовит. Она, правда, клянется, что до встречи со мной умела делать разве что яичницу. Что-то, конечно, она восприняла от своей мамы. Но вот готовить по-настоящему, по-домашнему, когда кухня превращается в мастерскую художника вкуса, запаха и эстетики блюда, она, по ее утверждению, научилась только у нас в доме, у моей мамы. Мне особенно приятно это слышать, потому что, помимо всего прочего, я сильно подозреваю, что в своей прошлой жизни был закадычным другом Лукулла. И когда иную женщину (я чисто гипотетически рассуждаю) такая моя требовательность к гастрономической поэтике привела бы в священный ужас, то здесь Валя оказалась на недостижимой высоте по сравнению с иными женщинами (опять же, я говорю гипотетически). Кто-то весьма мудрый сказал, что наслаждение вкусной пищей — это секс

старости. В молодости мы с этим философским суждением знакомы не были — слишком закручено, да и старость — когда она еще наступит? Но теперь я твердо уверен, что это — истина, и о ней нужно думать заранее, выбирая себе жену...

И вот что интересно. Уже только сейчас, завершая это главу, я впервые обратил внимание, что в нашем Симуковском клане на мужчинах лежало какое-то "заклятье", потому что во всех огорчениях, которые мы приносили своим невестам, не было нашей личной вины. Ну, о том, как мы подавали заявление в загс, я только что рассказал. Но ведь и мой дед опоздал на собственную свадьбу, потому что его друг, обещавший одолжить фрак, не пришел в условленный час! И мой папа опоздал на "смотрины" к маминной родне часа на три (случилась авария, встали все трамваи) и папе пришлось пешком лететь аж в Замоскворечье!

Но "заклятье" отражало, скорее, нашу внутреннюю поведенческую модель: подсознательный страх перед женитьбой, означавшей утрату "свободы". Ведь первый опыт семейной жизни и у папы и у меня был недолгим.

Поэтому к нашему второму опыту и папу и меня подвели женщины, наши будущие спутницы жизни, которые проявили большую решительность. Причем поначалу ни он, ни я и не догадывались о своем будущем, а наши суженные уже знали наверняка, и действовали соответственно. Это я к тому, что и моя мама, после трехмесячного знакомства с папой в агитбригаде, твердо сказала в гардеробе театра, куда она пришла с ним: "На один номерок". Более полувека спустя и несколько более сложным путем, но "на одном номерке" оказались и мы с Валентиной, и тоже по ее выбору. И родительская и наша пара, съев немеренные пуды соли, преодолев горы трудностей, миновав коварные пропасти, все же не свернули с единой жизненной дороги.

Очень точно в свое время написал в своем посвящении на серебряную свадьбу мамы и папы в 1957 году Игорь Кузнецов, первый муж моей сестры:

Соли много съедено
Много и рассыпано.
Много в жизни пройдено
Многое испытано

Четверть века... Шутка ли!
Через жизнь колючую,
Тропочками жуткими
На дорогу лучшую.

А мы вместе с Валею уже "отмахали" 34 года...

Августовский путч ГКЧП¹ 1991 года и жизнь после него

В конце 1990 — начале 1991 года в Москве было очень неспокойно: газеты пестрели сообщениями о скапливавшихся то тут, то там войсках, министерство обороны возмущенно отбредивалось, что это, дескать, к празднику 7 ноября готовятся или помогают картошку убирать. Картошку, да с тяжелой техникой? А тут еще горбачевский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе подал в отставку, заявив, что грядет переворот. В июне премьер-министр Павлов вообще потребовал дополнительных полномочий правительству, его активно поддержал

¹ ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению

глава КГБ Крючков. В воздухе начали витать страх и неуверенность. На душе было мерзко и противно.

Ранним утром 19 августа 1991 года я возвращался с дачи. Приехал, как всегда, на загородном автобусе, сел в метро, потом пересадка на городской автобус. Когда я ждал на остановке своего номера, то обратил внимание, что многие люди прямо вперились в утренние газеты, обменивались какими-то репликами. Я услышал фамилии "Янаев, Крючков".

Приехав в офис, я первым делом включил свою любимую радиостанцию "Эхо Москвы": она стала моим близким другом да и просто членом семьи с памятного дня 13 января 1991 года, когда гебисты штурмовали телецентр в Вильнюсе. Радио молчало. Ну что ж, бывает. Может, ведутся профилактические работы на передатчиках. Включил радио через полчаса — оно работало! И тут-то выяснилось, что в стране произошел переворот. Я понял, что пришла большая беда. Часом позже "Эхо Москвы" вырубил из эфира.

Около трех часов пополудни мимо меня в сторону центра потянулась колонна бронетранспортеров, внешне походящих на мерзких доисторических рептилий: глухо урчащие, тупые, зеленые, с подслеповатыми злобными глазками передних стекол обзора, прикрытые тяжелыми веками-бронекрышками, беспощадные к своим жертвам.

После работы я почувствовал, что заболел — тут и нервное напряжение было, и, вероятно, простыл накануне. Выйдя из метро на станции "Тверская" я увидел танки на площади Пушкина. У расположенного недалеко от нее здания редакции газеты "Труд" стоял бронетранспортер. В тот момент из подъезда вышел мой знакомый журналист, и я бросился к нему: "Что у вас?" — "Цензор уже сидит".

Вечером "Эхо Москвы" вновь вышло в эфир. Я слушал его часами, не отрываясь, только изредка переключался на волну радио "Свобода".

По телевидению крутили "Лебединое озеро" Чайковского. Для меня это было кошунством: чарующая музыка Петра Ильича навечно зазвучала у меня в голове сиреной тревоги ...

Ночью с Тверской (тогда еще улицы Горького) донесся глухой рокот танков. Куда идут? Что будет? "Вы слышите, грохочут сапоги..." Возвышенная трагедийность Окуджавской песни обернулась пошлой и вместе с тем жуткой реальностью.

На следующий день шел теплый дождь. Ему бы в другое время идти — грибы бы были. Какие грибы? Где я? Что со всеми нами будет? Бред. Жена принесла листовку с красной свастикой, в которой ГКЧП клеймился позором. Она отодрала ее от стены. Вечером была пресс-конференция по телевидению гекачепистских "красавчиков". Боже! Настоящий паноптикум: Стародубцев — копия Шарикова, дрожащие руки Янаева. Понял, что они долго не продержатся, но каким будет финал?

К гекачепистам с 19 августа 1991 года и до конца дней моих — у меня свой личный счет. А чтобы и мои будущие внуки знали о них, я собрал тогда толстенное досье из газетных вырезок, фотографий, листовок.

Вечером 21-го я почувствовал себя немного лучше и пять утра отправился к Белому дому. Видел жалкие баррикады, огромное количество людей. Все стояли, как братья и сестры единой большой семьи, или, более точно — *народа*. У каждого второго на груди было радио: слушали "Эхо Москвы" и "Свободу".

Дождя не было, ласково пригревало солнышко. Мы слышали, что гекачеписты бежали. Вдруг волной прошелестел слух, что опять где-то рядом видели танки. Тревога оказалась ложной.

Около одиннадцати часов людское море перед Белым домом пришло в движение, послышалось громогласное скандирование: "У-бе-ри-те э-тот флаг!" Некоторое время спустя

красный флаг СССР дернулся, как бы еще в раздумьях, и медленно, словно нехотя, пополз вниз. Его место заняло привычное теперь для молодежи и все еще удивительное для среднего и старшего поколений трехцветное полотнище российского флага.

Как дорогую память о том дне я храню простой лист бумаги формата А4 с отскеренной благодарностью от Президента РСФСР Бориса Ельцина за его подписью. Такие листки раздавались с грузовика всем, кто находился в то утро у Белого дома. Вот ее текст:

"УЧАСТНИКУ ОБОРОНЫ ДОМА СОВЕТОВ РСФСР!

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИЮ ВСЕХ ВАС ЗА МУЖЕСТВО, ЗА ПРЕДАННОСТЬ РОДИНЕ И СВОБОДЕ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ТЯЖЕЛЫЕ ДЛЯ РОССИИ ДНИ 19, 20, 21 и 22 августа 1991 года.

Вы провели долгие часы, охраняя демократически избранные органы власти народа — Верховный Совет и Президента Российской Федерации — от нападения войск мятежников.

Благодаря проявленным вами решимости и самоотверженности, реакционный путч провалился.

Россия окончательно встает на путь прогресса, демократии, культуры и народного благосостояния.

ПРЕЗИДЕНТ РСФСР Б.ЕЛЬЦИН" — и от руки чернилами — "22 августа 1991 г. 5.00 ч. утра".

Какие, в сущности, простейшие слова — прогресс, демократия, культура и народное благосостояние, но для нас, стоявших там, они были священными, четко определявшими вектор развития страны на десятилетия вперед. В них и заключена по моему глубочайшему убеждению *национальная идея России*. И каким же разительным контрастом предстает сегодня наша жизнь...

Как и мой папа, за свою жизнь я не получил от государства ни единой награды. Вероятно, власть не без оснований считала, что *таких* лучше держать на отдалении. И что бы там ни говорили спустя годы после тех августовских событий, и как бы их ни оценивали — я был у Белого дома, и совесть моя чиста. Вместе с той благодарностью я почитаю это за высшую награду в своей жизни.

Те листики с Ельцинскими словами взяли и стоявшие рядом со мной — мужик моих лет и молоденький парнишка "кавказской национальности" с восторженными глазами, которые выражали глубокий душевный подъем. Я его хорошо запомнил: судя по его интересу к происходящему, он, видимо, приехал в Москву на экскурсию и вот теперь стал свидетелем начала совсем новой истории России. Мы наскоро обменялись автографами и телефонами на наших "президентских благодарностях" и поспешили каждый по своим делам. Много лет спустя я достал из своего архива пожелтевший листок и оторопел: рядом с фамилией того мужика и его телефоном было написано: "Басаев. г. Грозный"...

Это сегодня та фамилия, которая, кстати, распространена у чеченцев также, как у русских фамилия Иванов, утратив первоначальное указание на родовую принадлежность, стала в России синонимом зла и насилия, а тогда тот парнишка, как и мы все, переживал радость и гордость за то, что мы все были вместе в нашей новой стране!

Я все время думаю, что же произошло потом, почему сегодня мы имеем то, что имеем. Пожалуй, больше всего мне импонирует размышление на этот счет моего любимого актера Олега Басилашвили, к мнению которого я всегда прислушиваюсь. В своем интервью газете "Комсомольская правда" он сказал, что очереди за суповыми наборами из костей, лежавшие на голых грязных прилавках при Брежневе и Горбачеве привели к тому, что люди сказали: мы так больше жить не можем, мы хотим жить по-человечески. Благодаря Гайдару, Ельцину все это

произошло. Магазины заполнились товарами, никакого дефицита, за границу — пожалуйста. И на этом реформы прекратились, потому что *далее народ не настаивал. Показалось, что этого достаточно* (курсив мой — Д.С.). А чего там говорят демократы: надо судебную реформу, реформу милиции, ФСБ — не так важно. Люди не поняли, что это необходимо¹.

И еще я думаю о том, что никогда больше тот парнишка, если он пережил эти страшные годы в Чечне, не придет в Москву полный радости, надежд и веры в свободное будущее. Отняли их у нас нынешние временщики.

В ноябре 1991 я попал под сокращение и оказался без работы, без денег и без связей. В магазинах тогда не было продуктов, полки ближайшего от дома магазина "Диета" были заполнены большими пластмассовыми зелеными игрушечными танками для малышей. По "карточкам москвича" (походившим на карточную систему военных лет) нужно было гоняться по Москве и "доставать" продукты — не во всех магазинах они были. Однажды нам с сестрой пришлось дежурить всю ночь, чтобы отоварить талоны на водку (это была самая твердая "валюта" тех времен). В другой день утром, когда я отстоял очередь в булочную, и мне не досталось хлеба, меня охватило отчаяние. К счастью были живы и папа и мама, рядом была сестра, мои жена и дочь, и мы все вместе это как-то пережили. Люба до сих пор вспоминает, как ей хотелось сыра, а его мы не могли купить — не было. Зато стали относиться с огромным пиететом к салу — его можно было купить на рынке относительно дешево и засолить. Бутербродами с таким салом и завтракали.

Безработным я пробыл месяца два. Потом общими родственными усилиями в январе 1992 года меня устроили переводчиком в какую-то коммерческую фирму, возглавляемую "лицами кавказской национальности", которая хотела вертеть дела с одним ушлым греком. Но тот грек оказался "ушлее" и стал работать на нашем рынке самостоятельно. Я ему помогал. Потом он набрал еще нескольких человек и создал в Москве крохотную компанию по торговле апельсинами.

Был этот человек с явно нарушенной психикой и доводил всех сотрудников чуть ли не до нервного срыва. Но в таких условиях я прошел новую хорошую школу: мне приходилось по телефону организовывать отправку судов с апельсинами из Греции в Одессу, принимать эти суда так же по телефону, потом мчаться в Одессу расплачиваться налом с тамошней фруктовой мафией, потом принимать вагоны с апельсинами в Питере... В общем, к опыту составления политических бумаг прибавились еще и знания на английском (сам переводил) спецификаций яда гюрзы, стали, хлопка, цемента, пиломатериалов, сахара, апельсинов (тьфу, будь они неладны!) и т.п. Тогда же мне пришлось две недели болтаться в контейнерном порту славного города Питера, поскольку тот грек по случаю купил несколько донн хлопка и отправлял его в Грецию. Продавцы того хлопка смотрели на меня зверем, потому что грек дурил их, а я, переводивший все переговоры, был, по их недалекому разумению, в доле.

Так работал я до марта 1993 года, когда грек слинял, не заплатив никому из нас за три месяца. После этого еще некоторое время мне по телефону звонил голос с характерным южным акцентом и требовал дать адрес беглеца. И когда я пытался объяснить, что тот никому никаких координат не оставил, то услышал в ответ: "Ничего, под питкой покажэш!"

А тем временем Россию опять стало лихорадить из-за противостояния Ельцина и тогдашнего Верховного совета. И опять это случилось не вдруг: 9 мая 1993 года в День победы

¹ Газета "Комсомольская правда", 27 марта 2009

бесновавшаяся толпа на Ленинском проспекте смяла кордон милиционеров, один из них был попросту раздавлен наехавшим на него грузовиком. Жуткая картина, ставшая прологом к чему-то еще более страшному.

Суббота, 3 октября 1993 года. Мне позвонил по телефону друг еще со школы, Сергей Шубин: "Срочно включай "Эхо"!"

Господи, опять... Телевидение еще передавало репортажи из разных точек (экраны погаснут позже), оголтелое людское зверье заполнило улицы моей Москвы: они неслись на тяжелых грузовиках брать телецентр в Останкино, мэрию.

Вечером Егор Гайдар обратился по "Эхо Москвы" к радиослушателям с призывом идти к мэрии на Тверскую и тем самым физически выразить свой протест, выступить в защиту демократии. Для меня это все были не пустые громкие слова. Это были колокола громкого боя: тревога, тревога, тревога...

Я собрался идти туда с Валентиной и успокаивал родителей, что мы будем осторожны. Мой 89-летний папа сказал: "Я буду очень сильно беспокоиться о вас, но вы идите. Ты же не можешь там не быть".

До мэрии на Тверской от нашего дома — двадцать минут ходу. Мы шли проходными дворами, я просчитывал наиболее безопасные маршруты отступления через известные мне закоулки.

На Тверской мы шли по проезжей части (она уже была перегорожена в нескольких местах импровизированными баррикадами): если начнется стрельба и полетят осколками тяжелые стекла витрин Елисеевского магазина и Филипповской булочной, то они до нас не достанут. Площадь перед мэрией была запружена народом. Мы искали знакомых, увидели: мужа моей сестры со своим сыном, они пришли с Аэропорта. Все мы стояли рядом, занимая своими телами по квадратному метру поверхности Москвы. Наши тела, наши жизни были тогда единственным доступным нам оружием. И мы стояли.

Вернулись мы с женой далеко за полночь, успокоили своих. И опять долгое сидение у радио и отчаяние: если в 1991 об армии говорили — зачем она пришла?! То сейчас — почему она не приходит???!!!

Утром в понедельник я проснулся от тяжелого уханья. Это вели огонь по Белому дому наконец-то прибывшие танки, верные президенту. Нарыв лопнул.

Из разговоров Любы со своей подружкой в те дни (та жила в Шмитовском проезде): "Ой, а мы все в ванную забились. У нас тут во дворе бой идет, и кругом пули летают". В Любину школу я написал записку: "В связи с известными событиями я оставил свою дочь дома в период с 5 по 11 октября 1993 года". Ее одноклассники видели потом следы от пуль на домах рядом со школой.

"С той поры прошли года, прошли, прокатились... Как бы те политэксцессы к нам не воротились..." (чуть измененные слова народной песни в моей мрачной интерпретации).

В ноябре 1993 мне улыбнулось человеческое и профессиональное счастье в лице моей знакомой еще по ВЦСПС. Она позвонила и сказала, что работает в московском отделении одной крупной американской юридической фирмы в Вашингтоне, и им требуется переводчик. Я приехал на эту фирму, поговорил с руководительницей и, хотя деньги были невелики, согласился стать вторым переводчиком — там уже работала женщина с французским и английским языками и не из Иняза.

В Москве отделение фирмы возглавляла американка, сменившая уже третьего русского мужа и ругавшаяся матом почти без акцента не хуже московских таксистов. При этом Холли —

так ее звали — была милейшей, доброй, заботливой женщиной. Она умела как-то по-домашнему все организовать в офисе, создать прекрасную деловую и вместе с тем полусемейную атмосферу, и я впервые за многие годы вздохнул спокойно. Тогда-то я понял, что значит работать в свое полное удовольствие и за настоящую оплату твоего труда. Жаль, что это ощущение пришло лишь на склоне лет.

Начальником нам была сама работа. Она есть — вкалываешь, нет — даже можешь отпроситься домой. Такое, правда, случалось крайне редко. Когда я пришел на фирму, то там готовился крупный юридический проект по созданию совместного производственного медицинского предприятия, и мы, бывало, задерживались на работе часов до двух ночи. Но сверхурочные и оплачивались!

Помогал я по просьбе Холли (на общественных началах) и англиканской церкви в Москве: составлял петиции Ельцину и Черномырдину, чтобы церкви вернули построенной на средства прихожан в конце XIX века здание церкви св. Андрея. В то время там размещалась звукозаписывающая фирма "Мелодия". За свою помощь англиканской церкви удостоился представления Его Превосходительству послу Соединенного Королевства Величества Великобритании и Северной Ирландии и бутылки старого доброго английского джина.

Как-то раз наш куратор из Штатов должен был встречаться с Горбачевым по одному вопросу и пригласил меня сопровождать его. К этому визиту я хорошо подготовился — взял с собой самую первую книгу бывшего генсека КПСС и первого президента СССР "Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира", которую я купил как только она вышла, и по окончании переговоров попросил подписать ее мне. Теперь эта книга она с посвящением "Дмитрию Симукову на память" и автографом Михаила Сергеевича украшает нашу семейную библиотеку.

Крохотный бытовой эпизод: когда я доставал книгу из кейса, то он выскользнул у меня из рук, и все небогатое содержимое вывалилось Горбачеву под ноги. Но как изменила людей Перестройка! В былые времена не избежать мне было бы жестокого "вытка" от начальства за такое "разгильдяйство" перед самым генсеком. А тут и начальства в нашем привычном понимании не было, да и сам Горбачев лишь улыбнулся и успокоительно заметил: "Да вы не волнуйтесь, с кем не бывает". — "Вот именно", — только и оставалось мне поддакнуть.

В 1996 году заокеанским боссам стало накладно держать свою русифицированную соотечественницу на руководящем посту, и моя милая начальница ушла из нашей фирмы, чтобы возглавить проект по правовой реформе для средней школы (написание учебников, семинары для учителей и т.д.). Я параллельно работал с ней на этом проекте, переводил учебники и методические пособия на английский, толмачил на семинарах. Честно сказать, очень горжусь этой работой, потому что она была востребована жизнью: ведь в России понятие права было в диковинку, а мы через наши семинары для учителей, приезжавших из разных уголков России, старались хоть чуть-чуть привить это понятие детям.

Юридическая фирма наша тем временем хирела, и лет пять в ней были только я и бухгалтер и наезжавший раз в три года шеф из Вашингтона. Сколько за это время мне пришлось перевести законов, уставов, договоров и прочего — трудно представить. Но оказалось, что это мое дело и именно в области юриспруденции. Причем все, что в жизни пришлось испытать, научиться делать, все, что казалось второстепенным, вдруг пригодилось, шло в дело, как кирпич у строителя.

В 2002 году моя "фирма" приказала долго жить. В Штатах ее партнеры решили, что делами нужно заниматься у себя дома, а не лезть в Россию. Так и закончился мой "звездный" рабочий период.

"Два любящих носа". Моя дочь и я

В конце весны 1978 года мы с женой уже знали, что у нас будет ребенок. Мы его хотели, мы его ждали. Валентина, впервые испытывая такое состояние, все никак не могла привыкнуть к своим новым размерам: она еще не успевала подойти даже близко к столу, как с него уже слетели на пол чашки, стаканы, тарелки, сметенные ее животом. Со стороны это выглядело как парковка автомобиля водителем-новичком, когда он врубается в бортовой камень тротуара или иное препятствие, не ощущая длины своего капота. Да, еще из запомнившегося было то, что за месяц до рождения нашего ребенка (тогда еще не умели определять пол с помощью ультразвука) в Москве стояли страшные холода — на Новый 1979 год было минус 34°C, в доме — всего лишь плюс 12°C, а Вале было все нипочем от внутреннего тепла!

Все уверяли нас, что будет мальчик, на что мы и настроились. Я заранее договорился через ЦК профсоюза медработников, в какой роддом положат жену, то есть все по моей линии было схвачено, и я был абсолютно спокоен. Но, опять, мы предполагаем, а...

Это случилось 1-го февраля 1979 года. Я сидел на работе, писал очередную какую-то бумагу для ЦК КПСС. Позвонила жена: "Срочно приезжай, пора". Я сорвался с места и тут же наткнулся в дверях на своего шефа, которой прекрасно знал о моей ситуации: "Как? Ты уже уходишь? А как же бумага?" — с совершенно искренним недоумением спросил он. Я в ответ гаркнул что-то и в следующую секунду уже ловил такси на Ленинском проспекте.

Водителем оказалась женщина. Я объяснил ей, в чем дело. Мы заехали домой, забрали жену, которую уже надо было немедленно доставить в роддом, и машина понеслась. "Ну, точно парень будет", — прокомментировала таксистка конфигурацию живота Валентины.

Минут через двадцать мы подъехали к роддому, который был рекомендован для нас друзьями-международниками из ЦК медиков, я расплатился, машина уехала, и мы побрели к приемному отделению.

"ЗАКРЫТО В СВЯЗИ С РЕМОНТОМ" уставились мы бараньими глазами в эту надпись. Это прямо как анекдоте, когда американцы много лет готовили шпиона для засылки его в СССР, и, кажется, не было даже мельчайшей детали, которую они не учли бы в его экипировке, да только он сразу же завалился: Ну, просто негром оказался. Бывают же досадные просчеты.

Как потом выяснилось, тот роддом закрыли буквально накануне, о чем мои друзья из ЦК медиков не знали.

Мы ринулись на улицу. Конец рабочего дня, по тротуару текла плотная толпа. Я, как ледокол, тащил за руку семенившую позади жену сквозь людской поток, ничего не видя перед собой. Какой-то мужик нечаянно толкнул ее, и я взвился на него бешеным зверем, который защищает *свое*. Тот в испуге шарахнулся в сторону, и я слышал, как ему объясняли, в чем дело.

На перекрестке я пытался поймать машину (это сейчас поймать машину легко, а тогда это было проблемой). Никто не останавливался. Тогда я, все также с женой на буксире, кинулся к постовому милиционеру: "Командир, помоги! Сегодня я в такой ситуации, завтра будешь ты!" Ни слова не говоря, тот своей палкой остановил какую-то машину и командирским голосом приказал: "Вези в роддом!".

Не так давно, перебирая документы, я выяснил, что мы поехали во Всесоюзный научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии. И как я узнал его адрес? Чудеса... Единственное тому объяснение, что я все-таки связался с ЦК медиков, те подсказали мне адрес

и дали указание тому ВНИИ — принять. Провал в моей хваленной памяти может объясняться только колоссальным стрессом в тот момент.

Далее все шло, как по конвейеру: объект сдал, вещи принял. Уехал я в полном неведении о своем ближайшем будущем, а милиционеру тому я навсегда благодарен.

Дома я был один, мои папа и мама были в Пицунде — папа там вел семинар драматургов. Прошло часа полтора, и вдруг в начале седьмого раздался телефонный звонок. Звонила какая-то женщина: "Я из роддома. У вас в 18.00 родилась дочь! Все нормально".

Чтобы осознать этот многогранный факт, что, во-первых, — не сын, что, во-вторых, — дочь, что, в-третьих, я — отец, мне потребовалось не более трех секунд. Потом я был совершенно счастлив!

Тут же я сел на телефон и обзвонил своих ближайших друзей. Мы все славно выпили за здоровье и жены и моей дочери. Только вот имени еще у нее не было. Для парня мы вроде имечко заготовили, а вот для девочки — нет. Я понял, что здесь нужно было действовать методом консенсуса, то есть предварительно проконсультироваться с женой.

Через пару дней я приехал в роддом передать ей какие-то мелочи и свою записку — как назовем нашу девочку? И тут жена проявила высшую женскую мудрость, написав мне в ответ: "Я почему-то не представляю для дочки другого имени, кроме как Любочка".

Это был выстрел в самое яблочко! Вильгельм Телль обзавидовался бы. Я засиял, как тысяча солнц — будет маленькая Люба, и с моей мамой у меня будут целых две Любы! Тот момент и сегодня вызывает у меня страшное волнение и прилив невероятного счастья.

Жена потом рассказывала, что девчушка появилась на свет практически молниеносно, словно давно уже мечтала познакомиться с нами. В палате ее называли "боярыней" — лицо круглое, и весь облик являл собой воплощение собственного достоинства. Забавно, но когда родилась моя старшая сестра Оля, то нашей маме врачи сказали: — "Она у вас прямо как купчиха — дородная такая, круглая". История вновь повторилась! Видимо, по женской линии у нас в роду сильно сказывается "бабыкинский" ген.

Первым вопросом, которым ошарашили жену врачи, был: "У вас папа русский?" Причиной этому был нос нашей дочери — несколько приплюснутой формы, напоминающий африканский. Но это же была абсолютно точная копия моего собственного носа, иначе и быть не могло!

Пройдут годы, и когда врач в присутствии Любы (а ей уже было 18 лет и мы тогда консультировались у аллерголога-экстрасенса) спросила меня, была ли моя дочь желанным ребенком, то Люба, опередив меня, засмеялась: "Доктор! Вы только посмотрите на наши носы! У нежеланных такого совпадения не бывает!"

И еще. Это уже из области высокой философской генетики, доказывающей, что весь мир един, и все человечество произошло от единой праматери Евы. Когда в одной профсоюзной делегации, которую я сопровождал в 1972 году, оказалась угандийка — такая типичная толстая, добрая, улыбчивая негритянка, — то она, узнав мою фамилию и увидев мой нос, радостно воскликнула: "Ну, сынок, мы с тобой почти что родственники!" Дело в том, что помимо сходства носов, у нас еще оказались сходными фамилии: ее звали Ида Симуквай! Разница всего в две буквы! Так чего же удивляться форме носов... Все люди братья и сестры!

Первый год я практически своего ребенка не видел: когда ей было три месяца, я уехал в Прагу, а там пришлось около полугода ждать двухкомнатную казенную квартиру. Встретились мы с дочерью снова, когда ей было уже почти год. Я был счастлив общаться с ней, а в три года

наши взаимоотношения перешли на уже вполне интеллектуальный уровень: она к тому времени вовсю болтала!

А чуть позже Люба вполне почувствовала себя личностью с полноправным голосом. Нас с женой она гоняла за курение, хотя курили мы в туалете, где было окно на улицу, и плотно закрывали дверь. Так Люба стояла под дверью и требовательно взывала к нашему разуму: "Бросьте сигареты! Курить вредно, у вас щеки черные станут!" И ведь бросили: жена раньше, я чуть позже. Послушались...

Свою активную жизненную позицию моя дочь проявляла не только дома. На детском утреннике в ВФП было устроено кукольное представление, по ходу которого кто-то похищал Мышку. В тот момент Люба вскочила со своего места и в гневе закричала, обращаясь к злодею: "Как ты смеешь! Немедленно отпусти Мышку!" Дети захлопали.

Я у нее занимал свою нишу в системе личностных ценностей. Сперва это было так: я прихожу домой после работы. Раздается Любин радостный крик: "Играть! Мама будет бабка-ёжка, папа будет крокодил, а я — кошечка Миусенька!" Потом моя характеристика несколько изменилась. Как-то раз Люба с хитринкой, но и деловито заявила: "Я папину повадку знаю! По границам ездит и в ванной долго моется!" В общем, не самое плохое сочетание...

Нашим любимым местом отдыха был парк Стромовка с его аллеями из роз, буйным цветением невероятных оттенков рододендронов и сакуры, уютными прудами и утками в них, доверчивыми белками и задорными синицами. Вот где было раздолье для маленького ребенка! К Стромовке примыкал парк культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика — в просторечье — "Фучикарна" (в 1989 году вся территория стала называться парком Стромовка). Во многом он напоминал наш парк Горького с его аттракционами, только все здесь было каким-то более человечным, домашним, рассчитанным именно на детей. Моя Люба обожала, например, кататься на старенькой "исторической" карусели с обшарпанными лошадками, поросятами, слонами. Продавались в Фучикарне и разные сладости, невиданные тогда в Москве, и всякая детская мелочь — какие-то разноцветные сборные пластмассовые цепочки, наклейки, блестки — вот радости было ребятам!

Однажды, когда мы с Любой шли мимо тира, ее глаза загорелись при виде простеньких призов — больших бумажных цветов, каких-то игрушек. Причем можно было выиграть любой из них, если только твоя пуля перебьет тонкую лучинку: на них были насажены все эти призы. Но попробуй, попади, когда толщина той лучинки всего миллиметра три! Но я решился: была не была. Счастье улыбнулось мне в тот день — я попал в лучинку, как заправский "ворошиловский стрелок", и Люба с гордостью принесла домой огромный бумажный цветок, а я — свой подтвержденный отцовский авторитет. Она до сих пор вспоминает тот поход в Фучикарню.

Когда Люба заговорила, то у нее, как и каждого ребенка, был свой метод познания родного языка. К примеру, ко многим словам она прибавляла "настоящие" *ing*-овые окончания: зотинг (зонтик), батинг (бантик), капотинг (компотик). Я со всей серьезностью уверял потом знакомых, что у лингвистов, занимающихся, в частности, английским языком, и дети рождаются с генетической предопределенностью к нему. А у тех, кто занимается французским — соответственно, к французскому.

Как и во многих семьях, мы вели дневниковые записи Любиных разговоров. Вот некоторые из них:

На даче Люба хотела пойти в магазин с собакой наших родственников Зитой. Ей сказали, что в магазин ходят только люди, а животным нельзя. Люба тут же стала говорить: "Мама — людя, папа — людя. баба, Оля, Алеша, дед, — людя. Зита — ? А-а-а-а, животиня!"

Мама: "Люба, у тебя все шуточки!"

Люба: "А у тебя все делочки да магазинчики!"

"Я иду по цыпочкам".

"Ой, я так люблю кисель, что даже сердце стучит".

"Крупа прописалась!" (Крупа просыпалась!).

Глядя на полусвернувшееся молоко: "Непросторное какое-то молоко".

Я купил вареную кукурузу в початках (Люба никогда ее раньше не видела): "Ты знаешь, что это такое?" — "Конечно. Это банан!"

Мама читает Любе сказку, которая заканчивается словами "Стали они жить-поживать и добра наживать". — Люба: "Мама, а как они добро *нажевали*? Я тоже хочу добро *пожевать*..."

Я что-то рассказывал и упомянул, что мою бабушку венчал Гапон. — Люба (заинтересованно): "Это какую бабушку *умчал дракон*?"

Люба в игре отвечает Волку (из "Теремка"): "Ничего идут дела — старым ухом не услышала звон собак игривый".

Однажды, когда мы встречали бабушку Любу из Москвы, то по дороге на вокзал Люба вдруг заявила: "Главное — надо жить". Мы с женой сперва несколько оторопели от такой жизнеутверждающей философии, но потом поняли: главный (центральный) вокзал по-чешски звучал как "хлавни надражи", и наш ребенок из непонятных слов "сконструировал" понятную ему фразу, да еще какую! Сколько живу, столько не перестаю удивляться, как в свое время и Корей Иванович Чуковский в своей гениальной книге "От 2 до 5", какие же дети великие лингвисты!

Как и всякие родители, мы мечтали о том времени, когда ребенок научится сам себя занимать. Частично долгожданный момент наступил, когда у дочери проявилась тяга к рисованию. В самом начале это был почти правильный круг, и дочь сказала: "Это мячик". Потом заявила, что будет рисовать луну, но тут что-то не заладилось: у нее получилось вытянутый эллипс. Люба не смутилась: "Это огурец!"

Позже настал период рисования самых различных кошек и лисиц, в невероятных одеяниях, в шляпах и туфлях на шпильках. Один рисунок лисы был навеян образом Аллы Пугачевой, которая приезжала с концертами в Прагу. Тогда же, слушая романс П.Чайковского "Благословляю вас, леса", Люба воскликнула: "Ой, про меня поют!!!" (слово "*леса*" она восприняла как "*лиса*", с которой себя все время ассоциировала!)

Когда Любе исполнилось три года, я привез ей из Москвы старенький электропроигрыватель с кучей пластинок, перешедших мне "по наследству" от моей институтской подружки. Мой ребенок мгновенно освоился с новой техникой, как сейчас чуть ли не младенцы запросто управляют с компьютером. К сожалению, наушники в том

проигрывателе не были предусмотрены, и поэтому мы чуть ли не по сто раз в день были вынуждены слушать песню ежихи Ухти-Тухти из полюбившегося Любе мультфильма.

Еще она любила записываться на магнитофон. Тут начиналось невероятная импровизация: пение, сочинение сказок, чтение стихи и так без остановки, пока пленка не кончится. Потом с огромным интересом она все это слушала.

Когда Любе было года четыре, она вдруг стала жаловаться на боль в коленках. Мы с женой всполошились и кинулись к врачам. А чешские врачи при лечении детей придерживались совершенно иных принципов, чем наши. Например, когда дочь еще совсем крохой лежала в Праге с тяжелым бронхитом, то вызванная на дом врач (кстати, там это не было принято — на дом вызывать) тут же настезь распахнула окна (был как раз декабрь). Мы чуть в обморок не упали: ни дать ни взять продолжение душераздирающей сцены из "Семнадцати мгновений весны", где плохие эсэсовцы морозят младенчика радистки Кэт. А тамошние врачи считали это нормой: все чешские дети зимой бегали в легчайших курточках и вечно хлюпали носами.

К нашему беспокойству врачи отнеслись странно: "Вы любите своего ребенка? Да? Так она играет на жалость, капризничает". Но это было свершено невозможно, поскольку Люба, даже будучи маленькой, не хитрила с нами. У нас всегда с ней было все по-честному.

А боль, видимо, усиливалась и становилась просто невыносимой: "Папа, — однажды простонала дочь, — мне так больно, что хоть из окошка выпрыгивай..."

Мы возили ее по врачам, сделали десять рентгеновских снимков коленок — это в четыре-то года! Побывали и в нашем военном госпитале Центральной группы советских войск в ЧССР. Все разводили руками. В конце концов, Любу поместили в чешскую детскую больницу, в которой она пробыла около месяца. Ей не разрешали спускаться с кровати, чтобы не давать нагрузки на ноги, делали физиотерапию,

Когда мы в очередной раз пришли с женой ее проведать, то вокруг Любы были дети разных возрастов, они что-то вместе рисовали, лепили. Старшие приглядывали за младшими. Кто-то стал выговаривать Любе, что она взяла ножницы и не вернула, та с негодованием заявила, что уже давным-давно их отдала ... И все это происходило самым естественным образом, как в самом обычном детском саду. С той только разницей, что Люба общалась с детьми на чешском! Это всего-то за месяц так нахвататься, а в наше время иностранный язык сперва в школе учили, потом в институте, а результаты были плачевными. На боль дочь не жаловалась.

В тот же вечер я говорил по телефону с мамой, которая страшно переживала за свою любимицу, и она случайно вспомнила, что в детстве у нее тоже очень сильно болели ноги, а потом все прошло. И тут меня осенило: Люба очень быстро росла, и ее нежные связочки и сухожилия не поспевали за ростом костей. Но это же как средневековая пытка, когда несчастного растягивали...

Когда Люба вернулась домой, то мы общались с ней, в основном, на чешском. Таксисты просто млели от ее знания Праги, которое она им демонстрировала: "Е то доправни подники!" пицала Люба ("это Управление транспортом" — так объявляли остановку в трамвае), "Е то ржека Влтава!"

* * *

Каждое лето с самого своего рождения Люба проводила у нас на даче. Моя мама, Любочка старшая, вложила в Любочку младшую всю душу и силы, как когда-то в нас с сестрой и в своего внука Алешу. И все возвратилось на круги своя: семейные игры, сказки, десятилетиями проверенный Братец кролик.

Для Любы бабушка была саамам родным человеком. Мне рассказывала наша соседка по даче, как однажды к ней прибежала Люба и в голос, "по-бабьи", запричитала: "Ой, да куда же бабушка моя запропастилась! Да как же я одна-то буду жить! Уж скоро ли найдется она?" Выяснилось, что обе Любы пошли по грибы в лес за наш поселок, а на обратном пути уже совсем вблизи от него разошлись, и ребенок помчался за помощью. Когда соседка с Любой пришла к нам, то бабушка точно также переживала потерю внучки.

На долю Любы, как в свое время и на мою, также досталась радость общения с собакой: пока мы были в Праге, у нас появилось очаровательное существо примерно таких же размеров, что наш Ишка. И опять это произошло случайно: после Ишки никто не мог занять его место. А тут наш Алеша, мой племянник, подобрал маленького щеночка. Вскоре тот заболел чумкой, и сестра его долго выхаживала.

Песик, которого называли Никушей, был ярко рыжего, абсолютно "лисьего" цвета с белой "манишкой" такого же цвета звездочкой на лбу, и белых "носочках". У дочери, наконец, появился кто-то, кому можно было отдавать приказания, воспитывать, отчитывать, то есть чувствовать себя существом высшего порядка. Именно Люба "изобрела" формулировку для Никуши "Фу! Всё!", после чего следовало гордо отвернуться. Пес мгновенно стал исполнять эту запретительную команду, чем Люба весьма гордилась.

Никуша был очень веселым существом и невероятно успешным "ходоком" в отличие от Ишки. В окрестностях нашего поселка вскоре появилось много таких же рыжих с белыми манишками его детей, внуков, а, может, и правнуков самых разных размеров. Мы очень горевали, когда, однажды он не пришел домой. Наверное, пал жертвой своих страстей.

Незадолго до нашего окончательного возвращения, моя мама в очередной раз забрала Любу из Праги на летний период. Москва встретила дочь странными, непонятными ей вещами: она заходила с бабушкой в магазин, здоровалась с продавцами, как она привыкла делать в Праге, но никто на ее приветствие не реагировал. "Почему они не здороваются? Ведь я же поздоровалась?" Больших трудов мне стоило потом объяснить пятилетнему ребенку, что мы вернулись на родину, и что здесь будет многое по-другому. Позже Люба стала страшно бояться фашистов. Это уже влияние наше телевидения с фильмами про войну, вещанием политических комментаторов о злобных замыслах империалистов и т.п.

Не могла не отразиться на детском сознании и череда кончин генеральных секретарей ЦК КПСС в начале 80-х. Когда умер Черненко, Люба отметила: "Остался один Громыко..." (его она почему-то очень уважала). А нашу политическую систему она восприняла так (это были выборы в Верховный Совет СССР): "Вы пойдете говорить "да" своему правителю?" Устами младенца...

Осенью 1984 года бабушка записала Любу в так называемую студию раннего эстетического развития — РЭР, что находилась недалеко от нашего дома. Эти студии, которые, как грибы, возникали в разных районах Москвы, были знаком своего времени — горбачевской "перестройки". По существу они представляли собой творческие кооперативы интеллигенции — художественной, педагогической — которые развили бурную деятельность после введения в действие закона о кооперативах. В таких студиях детей, начиная с четырех-пяти лет, обучали ритмике, рисунку, лепке, преподавали основы иностранного языка. Интересно, что, практически, точь-в-точь такие же студии (за исключением языка), наводнили Москву вскоре после революции и тоже на сломе эпох. В одной из них, как я писал, занимался и мой папа в середине 20-х годов.

Педагоги-профессионалы учили наших детей свободно владеть своим телом на занятиях ритмикой, предлагали изображать "кислых" или "сладких" людей. Дети играли на английском языке (самом элементарном, но все же!) в постановке по "Алисе в стране чудес" Кэролла, а художники придумали для них невероятные сценические костюмы и маски, которые должны были делать мы, родители.

Эта студия сыграла в Любиной судьбе большую роль: ее природная тяга к рисованию получила профессиональное развитие. Потом она стала заниматься частным образом с одной художницей из этой студии, потом последовала 1-я Московская детская городская художественная школа, и уже как логическое завершение профессиональной подготовки — Полиграфический институт, который ныне стал Московской государственной академией печати.

Когда Люба еще занималась в РЭР, художник Вадим Курчевский, с которым мой папа сделал несколько мультфильмов ("Ни в бога, ни в черта", "Мастер из Кламси", "Садко богатый") и который вел по телевидению передачу "Выставка Буратино" (в ней показывались детские рисунки), отобрал четыре ее работы и показал их в своей передаче. А когда Люба готовилась к поступлению, о ее творчестве с большой похвалой отозвалась наша известная художница Татьяна Маврина.

Еще будучи студенткой, Люба разработала свой первый в жизни сайт для известного теолога Якова Кротова, который там же своеобразно оценил его: "Работа г-жи Симуковой, безусловно, стоит больше тех денег, за которые она была выполнена". Для первого раза, на мой взгляд, неплохо...

Так начинался ее профессиональный путь. В своих воспоминаниях Любин дед, а мой папа написал о ней:

"Бежит, летит время... 1979 год. Вот уже и у Мити родилась дочь. В честь бабушки ее назвали Любочкой. Когда ее привезли из роддома, Людмила Наумовна Давидович сказала Мите: — Ну вот, ты стал теперь "двуЛюб".

Бабушка души не чает в своей внучке — наконец-то в семье опять появилась девочка. Люба-маленькая ходит в английскую школу и занимается параллельно в художественной — определенные способности есть. Я даже удивляюсь, насколько твердые у нее линии, "жесткая" рука — рисует, как печатает, режет гравюры по линолеуму. Может, в третьем поколении, в моих внуках, аукнулся мой АХРР?"¹

* * *

Я полагаю, что все поколения россиян были знакомы в свое время с КОАППо — серией удивительных радиопередач, появившихся в начале 60х, а потом и с мультфильмами и книгами "О событиях невероятных" в мире животных и растений. Создателем этой бессмертной серии был писатель Майлен Константиновский. Я старался не пропускать ни одной радиопередачи, которые вел председатель КОАППа Кашалот. Не подозревая о моем особом отношении к КОАППу, моя сестра уже на "солидный" день рождения подарила мне в 1970 году первую книгу "КОАППа", извиняясь за столь "детский" подарок. С той поры книга стояла у меня на полке на самом видном месте, а я стал гоняться за последующими выпусками. Когда Люба подросла, я показывал ей эту прекрасно оформленную книгу, и ей нравилось ее рассматривать.

Позже выяснилось, что автор КОАППа Константиновский был членом Профессионального комитета московских драматургов, который возглавлял мой папа. Майлен Аронович часто забегал к нам, обсуждая какие-то дела комитета с папой. В один из своих

¹ Алексей Симуков. Чертов мост. "Аграф", М., 2008, с 441

приходов он увидел линогравюру Любы "Лиса", которую та сделала в восемь лет. Константиновский тут же от имени Председателя КОАППа Кашалота, доверенным лицом которого являлся, так отозвался о творчестве моей дочери, добавив "от себя" лишь два слова "Полностью присоединяюсь" и подкрепив их своим автографом и печатью Кашалота, которую вытащил из портфеля:

Живет на свете Люба Симуква.
Казалось бы, ну что же здесь такого?
Но повторять готов неоднократно:
Ее существование мне приятно!
Картинки нашей жизни кисти Любы
Мне и моим коллегам очень любви!
31 декабря 1987 г.

Однажды Майлен Аронович пригласил Любу на священнодействие — запись одной из передач КОАППа в радиостудии на улице Качалова (теперь Большая Никитская). Общение "вживую" с Кашалотом, Гепардом, Мартышкой и другими известными героями передачи произвело на нее огромное впечатление.

* * *

Когда пришла пора отдавать дочь в школу, я очень беспокоился. Та, 175-я, в которой я учился, утратила свой былой престиж и качество. Нужно было думать о чем-то другом, и, естественно, об английской школе.

Совершенно случайно, в доме у своей знакомой, я встретился с одной учительницей как раз из английской школы. В разговоре я поведал ей о своих переживаниях. "Да нет проблем, — тут же сказала она. — Приводите ее к нам, в 60-ю спецшколу, что за Консерваторией. Мы определим ее в класс к Елизавете Дмитриевне". Я ничего не знал ни о той школе, ни о какой-то Елизавете Дмитриевне, но успокаивало то, что там работает знакомый человек.

Самым заметным внешним отличием этой школы от сотен подобных были "музыкальные" звонки: на урок звала мелодия "У самовара я и моя Маша", а с урока — звучали не менее знаменитые "Жили у бабуси два веселых гуся".

Класс Елизаветы Дмитриевны Кузнецовой оказался "элитным": для этой опытнейшей учительницы специально подбирали детей по результатам собеседования, чтобы обеспечить достаточно однородный уровень их развития. Видимо, эта практика, сложившаяся в школе "под Елизавету Дмитриевну", хорошо зарекомендовала себя. Так было и с Любиным классом: он был сплоченным, демократичным, прекрасно шел по всем предметам. Многие ученики в старших классах даже испытывали затруднения: чему отдать предпочтение, гуманитарным или точным наукам? А руководство школы на них чуть ли не молилось (впрочем, вполне ими заслуженно).

В отличие от моего папы, я был на всех родительских собраниях. Лучшее воспоминание об одном из них — вопрос Любиной учительницы истории: "Простите, вы брат Любы Симуквой?"

В Любиной школе учились дети тоже со звучными фамилиями: Примаковы, Райкина, Чумак, Шилова, Гомиашвили, Никонов. Школьная легенда гласила, что иногда после занятий в пустынных коридорах можно было слышать вопль кого-то из дежурных по классу: "Ельцин (внук!), козел, ты убираться будешь!?!?" Но к чести директора школы Нины Ивановны Тимониной, для всех это были лишь фамилии учеников, без какой-либо "звездности".

Моей дочери повезло больше, чем мне: она уже росла в период перестройки. Со своими одноклассниками она побывала в Англии, Франции, Чехословакии (для нее это было как возвращение в детство — она все помнила!). О своей школе у Любы остались куда более приятные воспоминания, чем у меня — о своей¹.

* * *

А потом было поступление в Полиграфический институт, на факультет графики, причем на бесплатное отделение! Помимо институтских занятий, Люба самостоятельно изучала на нашем домашнем компьютере таинства компьютерной графики, которую избрала в качестве своей специализации. Работать она начала уже на третьем курсе в одном рекламном журнале. Иногда компьютер ломался, и тогда из беды нас выручал сосед по дому. Однажды я даже сказал Любе в шутку, что своим будущим спутником жизни ей лучше избрать компьютерщика. Напророчил...

Однажды летом она поехала в Севастополь к нашей родственнице — отдохнуть на море. Там познакомилась с парнем — системным администратором. Сам он был из Севастополя, где жили его родители, но работал в Киеве. Через некоторое время Люба переехала в Киев и вышла за него замуж в 2003 году. Сейчас работает дизайнером в одном из рекламных журналов.

За свадебным ужином я рассказал такую историю. В 1974 году мы с моей мамой гуляли по вечерней Праге, она что-то увидела на витрине магазина, и мы зашли внутрь. Там она попросила показать набор из шести фужеров так называемой "листовачки" (розовый хрусталь, расписанный вручную золотом — не пошло, но невероятно красиво и благородно). Несмотря на то, что набор стоил достаточно дорого, мама сказала: "Я хочу купить эти фужеры Любе на свадьбу". А Любе в то время было 5 лет! Все мои попытки оказать "финансовое воспомоществование" мама отменяла и купила бокалы на свои деньги. Потом я с оказией переправил коробку с бокалами в Москву и там по приезде ее спрятал. О той коробке знали только моя мама и я.

Все, и в первую очередь Люба, были поражены: во-первых, что бабушка думала о замужестве своей внучки и еще тогда, двадцать лет назад, купила ей свадебный подарок, а, во-вторых, что мы молчали о нем все эти годы!

Несколько раз в год Люба приезжает в Москву нас проведать, и тогда я ловлю эти драгоценные моменты общения, чтобы потом, как скупой рыцарь свои сокровища, перебирать их в опустевшей квартире...

¹ А годами позже об этой школе я узнал следующее: документы о выделении средств на строительство английской спецшколы №60 (ныне — №1243), что находится в Малом Кисловском переулке, в задах Консерватории и напротив Театра им Маяковского, подписывал Министр обороны СССР в 60-е годы Р.Малиновский ("Обыкновенная спецшкола". Дмитрий Бороденков. Еженедельник "Центр-Плюс" №51 (142) декабрь 1995, выпуск первый; сайт) Это объясняется просто — в ней должен был учиться его внук, поскольку недалеко от школы находился знаменитый дом высшей партийной и правительственной элиты в переулке Грановского. Более того, ходили слухи, что эта школа была выстроена на личные деньги маршала, поэтому в указанном еженедельнике и говорится, что он подписывал соответствующие документы. Иначе ситуация выглядит несколько странно: министру обороны более свойственно подписывать документы на выделение средств на перевооружение армии.

То, что здесь возникла именно школа с языковым уклоном, также логично объясняется, на мой взгляд, тем, что сам Малиновский, в отличие от своих малообразованных коллег, понимал всю важность обучения школьников иностранным языкам. Маршал сам хорошо знал французский язык. Его он выучил, находясь во время Первой мировой войны во Франции с Экспедиционным корпусом русской армии. Я сам видел в конце 60-х интервью Р.Малиновского французскому телевидению, переданное по нашему телевидению с закадровым переводом. Меня тогда это неслыханно поразило и порадовало.

ГЛАВА VI. Моя "малая Родина" — Пахра

Пролог: "Две большие разницы".

"Как живут писатели за границей, Алексей Максимович?" — спросил Сталин Горького в 1934 году. — "На дачах живут, Иосиф Виссарионович, уезжают от городской суеты". — "А у наших писателей дачи есть?" — "Нет, Иосиф Виссарионович". — "Нехорошо. Надо, чтобы были дачи и у наших советских писателей". Следствием этого диалога стало постановление Совета народных комиссаров СССР от 15 сентября 1934 года "О строительстве дач для писателей"¹. Так возник знаменитый писательский поселок "Переделкино".

Жизнь шла, и этот поселок, который первоначально насчитывал 30 участков, уже не мог вместить всех "инженеров человеческих душ" — так именовал писателей их Самый Лучший Друг. И тогда, без малого двадцать лет спустя после возникновения Переделкина, а именно 25 июля 1952 года, Хозяин подписывает распоряжение Совета Министров СССР №18819-р "О предоставлении Союзу Советских писателей СССР [так в тексте — Д.С.] права организовать дачно-строительный кооператив "Советский писатель" для строительства дач за счет собственных средств кооператива на земельном участке, отведенном в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 28-го апреля 1952 год за №10056"².

Между этим двумя постановлениями, действительно, как говорят в Одессе, "две большие разницы": в первом шла речь о "строительстве дач для писателей", а во втором — о "строительстве дач за счет собственных средств кооператива". Сегодня понимаешь, что формулировка распоряжения от 1952 года имела первостепенное значение как для самих обитателей нового писательского поселка на Пахре, так и для их потомков. Фактически она устанавливала право *частной собственности* (юридически его не существовало по определению), по крайней мере, на дачное строение. Именно поэтому наш поселок избежал диких свар, связанных с перераспределением участков и дач, которые сотрясают ныне старый писательский поселок в Переделкино. Там дачи "выделяются Литфондом пожизненно за арендную плату. Родственники писателя имеют право занимать дом в течение полугода после его смерти"³. Свят, свят, свят...

Именно такой статус дач в Переделкино (вот уж, действительно, "говорящее" название, взятое от "передела") позволил случиться большому конфузу (впрочем, тогда это было в порядке вещей), о котором я прочел у Бенедикта Сарнова и который невозможен у нас в поселке.

Дело в том, что, когда немцы оккупировали Францию, Илья Эренбург был в Париже, и в Москву вернулся не сразу: сложно было оттуда выбраться. А в Москве тем временем прошел слух, что он остался у немцев. Бред, конечно, полный: известный антифашист, да к тому же еще и еврей... Кто бы мог в это поверить? Но, оказалось, что этот дурацкий слух имел свои последствия. Александр Фадеев, бывший в то время генеральным секретарем Союза писателей СССР, тут же распорядился переделкинскую дачу Эренбурга отдать Валентину Катаеву, куда тот сразу же и въехал. Позже Фадеев объяснял свое решение Эренбургу, который все-таки вырвался

¹ Газета "Московский комсомолец", 21.08.08

² архив ДСК "Советский писатель"

³ Газета "Московский комсомолец", 21.08.08

из оккупированного Парижа и добрался до Москвы, что это была "перестраховка в хорошем смысле этого слова"¹.

Начало. Путь на Пахру

Не помню точно, как я узнал, что у нас будет своя дача. Все мое знакомство с подмосковным летним отдыхом ограничивалось Кучиным, Удельней, Мичуринцем (это рядом с Переделкино), Икшей — и все. Для меня Пахра возникла как-то неожиданно в 1953 году, и сразу же стала синонимом земли неизведанной, манящей и таинственной, которую мне предстояло осваивать.

Добирались до дачи мы на нашей машине через всю Москву, далее по Большой Калужской улице (потом она стала началом Ленинского проспекта), увенчанной в конце двумя массивными домами в виде двух полукружий, которые были описаны в романе А.И.Солженицина "В круге первом". Тут городской пейзаж заканчивался, и, где-то через километр, справа возникал приземистый зеленый купол НИИ химической физики, а в глубине за деревьями пряталось здание ВЦСПС. И не думал я тогда, не гадал, что в том здании мне придется проработать без малого двадцать лет. Дальше шли деревеньки-развалюхи, или, как говаривал один наш знакомый, — "сплошное естествознание".

Мы были свидетелями возникновения Ленинского проспекта с его новыми домами из светлого кирпича. Уже в конце 50-х годов главным ориентиром для москвичей стал там магазин "Изотопы" на пересечении Ленинского и Ломоносовского проспектов. Мы все удивлялись, — кто эти изотопы покупает?

На этом перекрестке, взяв чуть левее, мы сворачивали на узенькое, в две полосы, весьма невзрачного вида Калужское шоссе, напоминавшее, скорее, деревенскую улицу. Собственно, таковой оно и было, проходя в этом месте через село Семеновское. Мама рассказывала, что в самом начале 20-х годов ее класс из Замоскворечья водили сюда на экскурсию, чтобы школьники познакомились с типичной "деревенской жизнью".

Далее мы проезжали мимо старинного Воронцовского парка, находившегося справа по ходу движения машины. Название "Воронцово" эта местность в шести верстах от Калужской заставы получила в XIV веке, когда здесь обосновался боярин Федор Воронец. С начала XVIII века имение переходит к семейству Репниных. Именно тогда в основном сложился облик усадьбы.

До сих пор храню в душе восторг от вида парадного въезда в усадьбу с круглыми бело-красными башенками по бокам, увенчанными белокаменными ажурными ротондами, и примыкающими к ним одноэтажными кордегардиями (как тогда назывались караульни). Считается, что они построены самим Василием Баженовым.

Кстати, вот любопытный исторический факт: здесь, на территории Воронцовского парка в 1812 году под руководством механика Франца Леппиха начали сооружать воздушный шар, с которого собирались бомбардировать войска Наполеона, но работы не закончили — уж больно быстро наступали французы, которые эту усадьбу и спалили. Именно сюда, в Воронцово, накануне Бородинского сражения направлялся у Л.Н.Толстого Пьер Безухов в "Войне и мире", — чтобы присутствовать на пробном запуске шара.

¹ Бенедикт Сарнов. Перестаньте удивляться! Непридуманные истории. "Аграф, М., 2006, с.117

В последнее время Воронцовский парк буквально расцвел: реконструирована усадьба, расчищены знаменитые каскадные пруды, разбиты цветники, воссоздан "китайский сад". Ныне парк занимает достойное место на карте Москвы наряду с усадьбами Царицыно и Кусково.

Далее слева по ходу машины располагался подмосковный санаторий Академии наук "Узкое", и уж потом шли подмосковные сельца и деревеньки Коньково, Теплый Стан, совхоз "Коммунарка", Воскресенское, Сосенки, Десна и, наконец, наш "36-й километр".

Село Коньково известно тем, что в XII здесь было поселение вятичей, а с XVII — усадьба одного из сподвижников Петра I Г. Головина. Слева, если ехать из Москвы, внимание привлекал старинный, выше двух метров высоты, обелиск из некогда белого камня. Он походил на увеличенный верстовой столб екатерининских времен. Меня всегда поражало изящество этого обелиска, его логически завершенные линии. Конечно, белый камень в нем только угадывался: годы сделали свое, и обелиск покрылся желтоватым лишайником, но все равно оставался главной достопримечательностью этого сельца.

Молва, в которой, как всегда, найдется место и факту и вымыслу, приписывала этому обелиску следующую историю.

Как известно, по Старокалужской дороге отступал Наполеон со своими войсками после бесславного похода на Москву. И именно в этом сельце под ним пала любимая лошадь, в память которой по приказу императора и был воздвигнут обелиск. Да и название "Коньково" вроде бы тут к месту...

Но мой папа, обладавший врожденным талантом историка-исследователя, решил легенду "алгеброй проверить". И в нашей семейной библиотеке в одном из старых альбомов, посвященных истории Подмосковья, он нашел изображение обелиска в Конькове. Оказалось, что это село в 1776 году выкупила в государственную казну Екатерина II и собиралась тут построить загородный дворец. В память об этом и был поставлен обелиск.

Жаль, что подобного благодеяния не дождались несчастные крестьяне сел Беляево, Теплого стана, да почти и всех остальных сел и деревень по Калужскому шоссе, принадлежавших Салтычихе — жестокой помещице Дарье Салтыковой.

Однажды ее крепостные, не выдержав пыток и смертоубийств со стороны своей хозяйки, написали челобитную государыне Екатерине II. Только что взошедшая на престол императрица, проявив монаршую заботу о подданных, повелела предать суду "мучительницу и душегубицу", — так было сказано в обвинительном заключении. Смертная казнь Салтычихе заменили на заточение в "подземельной камере" Ивановского монастыря.

Мне рассказывали, что "коньковская стела" по-прежнему стоит на своем месте, затерявшись в глубине жилого массива в стороне от станции метро "Коньково".

На окраине села Теплый стан мы всегда всматривались в березовую рощу: ходили слухи, что в конце 50-х именно на этом месте будет устроена Всемирная выставка, и что досюда будет дотянута ветка метро. Тогда это казалось фантастикой — метро посреди леса. Фантастикой оказалась идея с выставкой, а станция метро "Теплый стан" — вот она!

И еще о Теплом Стане, самом высоком месте в границах нынешней Москвы, которое в давние времена находилось далеко от Москвы тогдашней. Оказывается, оба слова в этом топониме имеют конкретное и прямое значения, связанное со стоянкой ордынского войска в период готовящегося броска на Москву. Москвичи смотрели туда, наверх, и видели эту Орду, курящиеся дымы, которые поднимались от шатров, от кибиток, пока Орда ждала своего часа.

Когда мы подъезжали к повороту на совхоз "Коммунарка", меня всегда раздирало любопытство: а куда это ведет в противоположную сторону от "Коммунарки", уходившая вправо от шоссе в глубину леса неприметная, вымощенная булыжником дорога? Да еще там висит знак "кирпич", запрещающий проезд? Какая тайна за ним скрывается? Судя по траве, которой зарос булыжник, дорогой уже давным-давно не пользовались.

А влево от шоссе здесь отходила асфальтированная дорога, которая вела в сам совхоз "Коммунарка". Было известно, что там выращивались овощи для кремлевских "власть предержащих". И только в годы горбачевской перестройки мы дозированно стали узнавать новые, леденящие душу факты преступлений Сталина против своего народа. Оказывается, в "Коммунарке" в начале 30-х годов находилась дача наркома внутренних дел Генриха Ягоды, а после его ареста территория использовалась НКВД в качестве расстрельного полигона, где нашли свой конец многие жертвы сталинского режима. В течение долгих десятилетий он именовался секретным объектом НКВД "Лоза". В массовых захоронениях этой "зоны смерти" покоятся останки почти 14 тысяч безвинно погибших моих соотечественников, из которых известны имена менее половины жертв – 6,5 тысяч. Здесь, в частности, были расстреляны председатель Совета народных комиссаров СССР А.И.Рыков, его заместитель Я.Э.Рудзутак, автор Конституции СССР 1936 года и главный редактор "Известий" Н.И.Бухарин, писатели Артем Веселый и Борис Пильняк, муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон¹.

Я был как-то с приятелем в "Коммунарке". Мы подъехали к этому месту со стороны озера, берег которого порос высоким темным лесом. Именно там... Так, может, и таинственный поворот в лес с "кирпичом" — из тех же времен всеобщего ужаса?

Пожалуй, единственной достопримечательностью следующего села Сосенки была его протяженность — целых две автобусных остановки, да здание полуразрушенной церкви красного кирпича, без купола. Вероятно, когда-то оно использовалось местной администрацией для каких-то хозяйственных нужд (обычно, в таких строениях хранили овощи). Позже зияющая прореха от бывшего купола была стыдливо заделана неким подобием крыши в виде огромного железного бака, и здесь был оборудован завод безалкогольных напитков. После реставрации в начале 90-х годов храму возвращен его первоначальный вид, и там идут службы.

Не доезжая деревни Десны, влево отходила узенькая асфальтовая дорога, скрывавшаяся в густом лесу, с привычным запрещающим проезд знаком "кирпич". Это был въезд в дачный поселок Совмина РСФСР "Архангельское" (не путать с одноименным и более известным подмосковным имением Юсуповых). Именно из этого советского Архангельского утром 19 августа 1991 года, узнав о путче ГКЧПистов, рванул в Москву президент РСФСР Борис Николаевич Ельцин, чтобы возглавить сопротивление путчистам, которое, как известно, завершилось победой демократических сил. А я, чуть раньше Ельцина, еще до вползания танков в Москву, в восемь часов утра ехал все по тому же Калужскому шоссе на работу, абсолютно ни о чем не ведая. Но, оказывается, именно в эти самые минуты заваривалась такая историческая каша, до окончательной готовности которой еще жить и жить ... и нашим внукам тоже.

Деревня Десна, разделенная надвое одноименной речушкой, тоже длиннющая, как и Сосенки: автобусные остановки тут — "Десна первая", "Десна вторая", "Десна третья". Для нас

¹ Газета "Вечерняя Москва", 23.09.05. Здесь же был расстрелян и Ким Черсан, муж моей школьной учительницы литературы Н.В.Всесвятской

же важным был небольшой хозяйственный магазинчик, где можно было купить топор, косу, лопату — эти незамысловатые орудия труда всех дачников той поры.

И опять здесь, как исторические призраки, появляются наполеоновские войска. Читаем в газете "Мир новостей": "...из Подольска Кутузов продолжал отступление к деревне Красной. Прикрывали отход генералы Раевский и Милорадович, последний перегородил французам Старую Калужскую дорогу на реке Десне в одноименном селе. Тут 12 (24) сентября 1812 года его гренадеры вступили в бой с французским авангардом.

Русская армия в это время укреплялась в районе Красной Пахры. В 500 метрах на северо-восток от села Красного и по сей день можно увидеть остатки земляного редута. Кутузов думал встать лагерем именно здесь, но пять дней спустя счет позицию неудачной и решил отходить дальше.

Следующий бой произошел 17 (29) сентября, когда Милорадович отчаянной контратакой вышиб французов из деревни Чириково. Особо отличилось русское ополчение, которое "не уступало в огне линейным войскам". В плен попали генерал Ферье, начальник штаба маршала Мюрата, и граф Потоцкий, адъютант командира польского корпуса Понятовского."¹

С ума сойти! Да я в эту деревушку Чириково частенько ездил половить карася! Уже два-три десятилетия прошло со времени тех событий, а Чириково как было, так и есть.

Гораздо позже, в 90-е годы мои друзья открыли еще одну местную достопримечательность. Чтобы избежать "пробок" на нашем Калужском шоссе, особенно по утрам, они начали "перескакивать" на Киевское шоссе по дороге, берущей начало в Десне. Эта дорога, петляя не хуже крымских и то возносясь на пригорки, то проваливаясь в уютные маленькие долины, давала ощутимую экономию времени. И вот когда мы проезжали почти полпути по направлению к Киевскому шоссе, по левую сторону дороги из-за деревьев проступала вдруг массивная кирпичная ограда, за которой возвышались вековые дубы и липы. Далее, за парадными воротами с двумя толстыми круглыми въездными башнями и чуть в глубине виднелось потрясающей красоты здание — настоящий загородный "барский" дом. Это Валуево, усадьба известного библиофила и археолога А.И.Мусина-Пушкина, — чудом сохранившийся до наших времен памятник архитектуры XVIII века со старинным парком. Весь комплекс прекрасно отреставрирован, и там теперь размещается, похоже, какой-то дом отдыха.

И вот, наконец, на 36-м километре справа по ходу машины возникает небольшой военный городок. Здесь пока еще нет густой лесозащитной полосы — только чахлые елочки по обе стороны шоссе, верхушки которых по весне безжалостно срезают, чтобы росли вширь. Главный ориентир этого места — высокая кирпичная водонапорная башня с огромным баком наверху, хорошо видная с шоссе, да ряды двухэтажных домов из такого же красного кирпича. В просторечье это место называлось "военным городком", и построен он был, по некоторым сведениям, еще в середине 30-х годов. Название остановки "36-й километр" служило, вероятно, для маскировки этого объекта от вездесущих иностранных шпионов. Позже деревня Ватутки, расположенная километром дальше, вберет и этот городок в свои административные границы, и все станет называться поселком Ватутки.

В городке — мечта неприхотливого дачника: булочная, продуктовый и промтоварный магазины, аптечный киоск. Правда, до этих благ цивилизации от наших дач нужно идти около

¹ Никита Аронов. Как русские и французы в Москве воевали. Газет "Мир новостей", №41 (980), 02.10.12, www.mimov.ru

трех километров, если нет машины (а у нас ее скоро не стало), но когда ты молод, скор на своем велосипеде, а позже и мотороллере (теперь его называют скутером), разве это проблема?

Меня всегда удивляло, почему в наших Ватутинках встречается так много моряков в черных бушлатах, ведь во всей округе для них не найти приличного водного пространства. Не на лодочках же им плавать по нашей речушке Десне? А потом выяснилось, что именно в Ватутинках расположен Центр радио и спутниковой связи Главного разведывательного управления Генштаба. Здесь принималась, в том числе и по спутниковым каналам связи, информация от ряда комплексов стратегической электронной разведки, находящихся как на территории России так и за рубежом¹. Поэтому присутствие людей в флотской форме было вполне объяснимым: разведка, как известно, рядится в любые одежды. А не так давно в телевизионных новостях упомянули, что здесь же, в Ватутинках, находится Национальный центр министерства РФ по чрезвычайным ситуациям. Наверное, ГРУ сдало ему в аренду свой глубокий бункер...

В городке есть школа, но уже из серого кирпича. — "Если мы будем тут жить и зимой, ты будешь ходить в эту школу", — сказала мама. Перспектива топтать каждый день почти шесть километров до школы и обратно меня не вдохновила, и зимой я продолжал учиться в Москве.

Я с родителями обследовал и близлежащие окрестности. До бетонной кольцевой дороги вокруг Москвы, в просторечье "бетонки", что на 50-м километре, располагалось еще несколько центров "цивилизации". В частности, ИЗМИРАН — Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР — основа будущего, возникшего в 60-е годы, наукограда Троицка с его атомным реактором и филиалом Физического института той же Академии наук, занимавшегося в те годы разработкой боевых лазеров. Согласно легендам, здесь побывал наш величайший современник Андрей Дмитриевич Сахаров. Желтенькое здание ИЗМИРАНа запомнилось своей уютной, не давящей архитектурой с двумя яйцевидными серебристыми куполами обсерваторий посреди зеленого леса.

Троицк в конце 50-х только-только начинал приобретать черты городка и то где-то вдали от шоссе, скрываясь за полоской леса. Само же наименование этого населенного пункта для нас было более привычным в сочетании со словом "фабрика", о которой я узнал следующее.

Эта суконная фабрика, которая действует и поныне под названием Троицкой камвольной фабрики, была создана в 1797 году, а сам город Троицк был основан на месте села Троицкого и ведет свою историю с середины XVII века. Это предприятие екатерининских времен было повинно вплоть до 80-х годов в сливе в нашу речушку Десну отработанной краски, за что нелестно поминалось всеми окрестными жителями. Народная топонимика даже присвоила название "Черной речки" (вне всякой связи с местом дуэли Пушкина) одному из изгибов Десны в близлежащем лесу по цвету воды, текшей от фабрики ниже по течению.

Далее по шоссе находилась больница имени Н.А.Семашко (ленинского наркома здравоохранения), которая была для нас центром "мировой медицины". Именно туда обращались жители нашего поселка при необходимости — ехали сами или везли своих детей, если случалась какая болезнь или травма.

Наши краеведческие познания Калужского шоссе завершались городком Красная Пахра, название которого было позаимствовано, а затем прочно вошло и в название нашего дачного поселка "Советский писатель": "тот, что на Пахре".

¹ Д.П.Прохоров. Разведка от Сталина до Путина. Издательский Дом "Нева", Санкт-Петербург, 2005

Наша дача

Чтобы попасть в наш поселок, нужно было свернуть с шоссе метров через двести после километрового столба "36-й километр". Здесь направо отходила узкая заасфальтированная дорога, делающая два крутых зигзага подобно латинской букве "Z"— перед мостом все через ту же Десну и крутой горкой после него. Это место немного напоминало серпантин крымских дорог. Для автомобилистов этот участок дороги и по сей день остается проклятием, особенно учитывая пристрастие некоторых "новых русских", коих немало развелось в наших окрестностях, гонять с бешеной скоростью на своих "внедорожниках". Иногда создается впечатление, что эти люди торопятся как можно скорее попасть на свои кладбища (естественно, приватизированные) в качестве главных героев скорбных церемоний. В свое время это очень образно подметил Марк Твен в рассказе "Как я учился ездить на велосипеде".

Эта ответвление, заканчивавшееся в нашем поселке асфальтовым квадратным "пяточком" рядом с участком писателя Королькова (сегодня застроен и этот кусочек земли), было последней ниточкой, связывавшей нас с цивилизацией. Далее, от "пяточка" до нашего участка было метров четыреста глиняной, взрыг разбитой, с двумя глубокими колеями, дороги. Добирались так: сухо — ползешь на машине, стараясь не угодить в колеи. Мокро — оставляешь машину на "пяточке" и месишь резиновыми сапогами рыжеватую глиняную жижу. А на тебе (точнее, на маме с папой, я был еще сравнительно мал, но тоже что-то тащил) сумки с провизией, гвоздями, шурупами, скобами, петлями. Но как только мы добирались до места, то забывали все мытарства: мы у себя на ДАЧЕ!

Участок, который получил папа, вступив в этот дачный кооператив, был довольно большим. Одной стороной, "парадной", он выходил на такую же разбитую "дорогу", с двух других граничил с соседскими участками (кому они принадлежали — я тогда не знал). Зады участка граничили непосредственно с лесом, тянувшимся на многие километры. Поначалу это вселяло просто тревогу: мало ли, кто там бродит. Потом тревога начала материализоваться: нередко мы находили грядки с клубникой разоренными, клумбы, так маму радовавшие своими розами, — опустошенными. Лес за нами был полон грибов, и там постоянно шастал разный народ.

Кусочек "нашей" земли, как и у многих в поселке, был покрыт молодой порослью, поднявшейся плотной стеной на местах вырубок военных лет. Чем-то она напоминала тропические леса, когда дорогу себе нужно прокладывать с помощью мачете. Но это южное орудие труда в Пахре не помогло бы: только привычным топором можно было проделать проход в почти сплошной стене из тоненьких, стоящих одна к одной, березок, осинок, елочек, сосенок, дубков и ольшаника, переплетенных крушиной, как лианами. Все это буйство зелени походило на пестрый восточный ковер, особенно осенью, только ворс у "ковра" был длиной метра два-три. Еще до начала строительства мама совершила настоящий подвиг, в одиночку вырубив площадку для будущего дома.

Спустя несколько лет, не удовлетворившись одними березкам, осинками да елками с молодыми дубками, папа решил облагородить участок и посадил его не встречавшимися у нас прежде деревьями и кустарником: пихтой, лиственницей, кленом, липой, каштаном, орешником, сиренью, жасмином. Благодаря этому цветовая гамма участка преобразилась. И сегодня сизая дымка от махровой сирени и кипельно-белые шапки высоченных кустов жасмина, не говоря уже об их одуряющем запахе, продолжают радовать нас, детей и внуков наших родителей, сотворивших такое чудо.

Всякий нормальный человек, получивший или "застолбивший" свою землю, первым делом стремится обозначить ее границы, то есть возвести забор. Многие в поселке в период начала массового строительства стали ставить заборы типа "плетень вульгарис" из подручного материала, что в изобилии произрастал на участках. Мы последовали их примеру, правда, было трудно отыскать деревце чуть потолще, чтобы использовать его в качестве поддерживающего плетень кола.

Впервые я попал на наш участок году в 1956-м. К этой поездке я вместе с бабушкой готовился обстоятельно: взял лопатку, семена моркови и еще какие-то.

Первое, что я увидел, были штабеля красных кирпичей на свободном от деревьев местечке. Здесь же, пыхтя от усилия, я кое-как разрыхлил под бабушкиным руководством дерн и посеял морковку. Мой первый в жизни "огород" занимал не более квадратного метра. Самое интересное, что морковка взошла, и спустя какое-то время я собрал свой первый урожай. Он был, скорее, символичен: штук шесть хилых морковинок с мизинец каждая. Но я был рад и этому: на *нашем* участке выросла *моя* морковка!

В середине 50-х к радостным звукам живой природы — кукованию далекой кукушки, трелям соловьев, стрекотанию сорок, малоприятному крику соек и скворцов, пиньканью синиц прибавился еще один. Грозный, мощный, с пугающим шелестяще-нарастающим свистом он доносился из глубины небес. Ощущение было такое, что сейчас вот-вот появится сам Змей Горыныч.

Но происхождение этих звуков объяснялось проще. Над нашим поселком начали летать с Внуковского аэродрома, что находился неподалеку, только что запущенные в эксплуатацию пассажирские реактивные самолеты ТУ-104. Поначалу мы всегда вздрагивали, пугливо вглядываясь в небо, а потом так привыкли к этим самолетам, что даже перестали обращать на них внимание.

Уже с лета 1957 года меня стали брать на Пахру чаще. Мама занимались "внешнеполитическими" вопросами — ходила на собрания членов ДСК, вела переговоры с рабочими, осуществляла надзор за строительством, доставала стройматериалы. Я, папа и его сестра, моя тетя Аля, что-то делали на участке, "возводили" плетень, собирали сушняк для костра, чтобы приготовить пищу. Бабушка читала или занималась со мной немецким, когда ей удавалось меня за него засадить.

Днем все собирались на обед, который в моих глазах становился неким действием под открытым небом, что приносило очередной восторг от новизны ощущений. В закопченном котелке на костре кипело варево из только что накопанной картошки (посадили немножко в начале лета), собранных на участке грибов — лисичек, зелени со своего огорода. Иногда варилась похлебка с говяжьей тушенкой, к которой с той поры я отношусь с большим уважением: ведь это же вкус и запах из моего детства. Какими же аппетитными были эти кулинарные "изыски" на нашей Пахре!

О костре нужно сказать особо. Я с детства не прикасался к спичкам — боялся обжечь пальцы, да и запреты взрослых запечатлелись четким табу в детском сознании. Как ни странно, в роли Прометея, открывшего мне тайну добывания огня при помощи спичек и без ожога пальцев в момент зажигания газовой плиты, выступил папа. Потом я случайно услышал, как мама, почти как Зевс, сделала ему серьезный выговор за необдуманное действие, таящее в себе возможные опасные последствия.

Самое забавное, что многие годы спустя папа еще трижды подтвердил свое "прометеевское" призвание нести огонь людям. Он научил пользоваться спичками своего внука,

а моего племянника Алешу; он написал сценарий мультфильма "Прометей", который по сей день часто показывается на разных каналах телевидения; и он же избавил от страха перед спичками свою внучку, а мою дочь Любочку.

Своим новым знанием я в полной мере воспользовался на даче. Ну, какой интерес зажигать газовую плиту в Москве, чтобы разогреть себе обед? А вот самому развести на даче костер — дело другое. Недаром все сходятся во мнении, что вид огня завораживает, приковывает внимание, и на него можно любоваться часами. Я полностью с этим согласен, но только с одной оговоркой: если это огонь костра, огонь в очаге или в печке. Но не дай бог, если он вырывается на волю... Нам пришлось пережить и эту трагедию, но об этом позже.

В одной из моих самых ранних дневниковых записей 1957 года есть такая: "Завтра едем на дачу! Взять: 3 коробки спичек, перочинный нож". В то время мысль о возможности разжигания костра меньшим количеством спичек мне и в голову не приходила. Когда же я попросил у папы еще одну коробку, потому что первые три закончились, а костер у меня так и не загорелся, он немало удивился сыну-неумёхе. Обратившись к опыту своего скаутского детства, он тут же преподал мне пару практических уроков по разведению костра в любую погоду и даже с сырым хворостом с *одной* спички. С той поры я считаю ниже своего достоинства использовать две.

Раз уж я упомянул о папином скаутском прошлом, то не могу не привести здесь отрывок из его воспоминаний, относящийся к 1914 году, тем более, что там и обо мне есть несколько слов. Думаю, это будет хорошей "монтажной перебивкой".

"Честное слово скаута"

"Подошла пора увлекаться скаутами. Мама взяла меня за руку и повела в какие-то Александровские казармы, где мы не нашли никаких скаутов, но запах шинелей и еще чего-то военного остался навсегда в моей памяти. В скауты я так или иначе поступил. Андрей [папин старший брат, погибший в сталинских лагерях — Д.С.] уже был в организации, и мы с гордостью носили голубые платки — отличительная примета скаутов Северного района Петербурга. Желтые — это был Южный район. С завистью я взирал на красные платки скаут-мастеров и с благоговением на зеленые, что значило уже самый высший чин.

Скаутизм, как массовая форма организации молодежи, возник в России в самом начале XX века. Потребность в такой организации, по-видимому, была. Подростки увлекались чтением романов Луи Буссенара, Майна Рида, особенно Фенимора Купера. Героями их были гордые, смелые, не испорченные цивилизацией индейцы. С другой стороны умами владели рыцари Вальтера Скотта. Я помню свои игры со сверстниками — мы играли в индейцев и рыцарей. Это была смутная тяга к романтике, недостаток которой в нашей жизни мы инстинктивно ощущали. И вот появились произведения Сетон-Томпсона. Мы знали этого канадского писателя, как создателя великолепных образов диких животных: гигантского вожака стаи серых волков по прозвищу Лобо, мустанга-иноходца, черно-бурого лиса Домино, которые были готовы заплатить смертью за свою свободу. В нескольких повестях Сетон-Томпсон коснулся жизни человека, вынужденного бороться за свое существование в условиях дикой природы. И, наконец, он написал повесть о подростках, которые решили воплотить в жизнь свою мечту жить, как дикари. Пример у Сетон-Томпсона был рядом — история аборигенов Канады, индейских племен. Жизнь городского мальчика в условиях, приближенных к быту индейцев, так и называлась: "Маленькие дикари". Я счастлив, что эта книга, библия нашего детства, есть

сейчас в моей семье, издания 1930 года. От нее-то, кстати, и пошла вся дальнейшая жизнь моего старшего брата — прямая и честная, до конца!

Однако этой тяге молодежи к романтике не хватало организационных рамок. У нас, в России, попытались создать нечто похожее — движение "потешных", по образцу "потешных" отрядов подростков в эпоху юности Петра Первого, но ничего из этого не получилось. Видимо, искали романтику не там, и чисто военный стиль организации оттращал молодежь.

Но вот за дело взялся крупный организатор — английский полковник Р.Баден-Поуэлл¹. Он создал движение бойскаутов, в котором удачно соединил детскую тягу к индейцам и рыцарям с понятием чести, воплощенном в "честном слове бойскаута", скрепив все это рядом привлекательных законов и обрядов. Он также установил, что мечта о подвигах должна реально осуществляться в быту, в повседневных делах. Делать добрые дела — в семье, на улице, везде — это закон для скаута. Это — подготовка к будущим великим подвигам.

Молодежь, вступившая в бойскауты, приучалась к простой жизни, училась переносить лишения в походах, коротать вечера у костра, понимать прелесть товарищества, а для такой жизни необходимо было получить многие практические знания: уметь вязать различные узлы, разжигать в любых условиях костры, варить на них пищу, ориентироваться на местности и многое другое.

Первичной ячейкой скаутов был патруль из 8–9 человек во главе с патрульным. Патруль носил имя дикого животного или птицы. "Биографию" существа, которое дало имя патрулю, каждый из его членов должен был знать наизусть. Патрули объединялись в отряды. Организация получила широкое, поистине мировое распространение. Общество готовило себе здоровых, дисциплинированных наследников, могущих с достоинством и пользой нести "бремя белого человека" в колониях. В России времен моей юности руководителем скаутов был вице-адмирал Бострем², в роскошной квартире которого на каком-то совещании довелось побывать и мне.

Смею утверждать, что многое от скаутов перешло к пионерам. Сменив югов — юных коммунистов, — пионеры у нас также были объединены в подлинно массовую организацию. Походы, костры, изучение местности, призыв делать добрые дела — это все от скаутов. Но, интересно: в возрасте двенадцати лет мой сын, с восторгом прочитав "Маленьких дикарей", практически не применил этот опыт в своей жизни. Пионерские костры стали слишком официальной формой общения, как и все у нас стало казенным, неинтересным.

Мы давали клятву каждый день делать хотя бы одно доброе дело — хотя бы одно!

Поднявшись с постели, я был готов совершить кучу добрых дел — но где? С кем? В гимназии я забывал о своих намерениях и только к вечеру спохватывался — опять день прошел зря, я ничего не совершил, я не выполнил своего обещания, нарушил клятву скаута!"

¹ Роберт Баден-Поуэлл (Robert Baden-Powell, 1857-1941) полковник Британской армии, основатель скаутского движения. Изложил его основы в своей книге «Скаутинг для мальчиков» (1908). Скаутинг (от англ. scout — разведчик). Девизом-паролем скаутов стало "Будь готов!" ("Be Prepared!" — англ.), восходящее к латинскому — "Semper paratus!" — "Всегда готов!". Пионеры просто присвоили себе этот пароль-отзыв, добавив политическую окраску

² И.Ф.Бострем (1857 – 1934) военный и государственный деятель, вице-адмирал (1909), председатель Общества содействия организации мальчиков-разведчиков "Русский скаут". В 1914 г. возглавил Русский союз скаутов.

Ну, насчет того, что "мой сын практически не применил этот опыт в своей жизни", я мог бы сейчас и возразить, да только папы уже нет...

Первый пахринский сезон

Когда наша семья уже окончательно перебралась на дачу в летний сезон 1958 года, то все, как заправские юннаты, увлеклись наблюдением за природой, особенно за ростом грибов и их подсчетом. Грибы — подосиновики, подберезовики, белые, моховики, лисички, не говоря уже о сыроежках, волнушках, свинушках и летних и осенних опятах — повсеместно росли на участке. Было невероятно интересно проследить, как из-под земли появляется маленькая красная шапочка подосиновика, как гриб растет, на сколько за день вырастает. Заодно на практике проверялось поверье, что от людских взглядов гриб чахнет и погибает. Не отсюда ли понятие — "сглазить"? По маминым дневниковым записям 1963 года грибной урожай в то лето составил 550 подосиновиков и 26 белых. Остальные грибы в силу нашего высокомерного отношения к их "простецкому" происхождению в расчет не принимались.

Мы смогли провести свое первое лето на даче в 1958 году, поскольку к тому времени дом обрел красивую остроконечную черепичную крышу, придававшую ему некоторую "немецкость". Правда, жить в этом доме можно было со многими оговорками. Современному читателю, насмотревшемуся на роскошные виллы в гламурных журналах, не следует обманываться насчет "красивой черепичной крыши".

Что у нас было построено на тот момент? Нештукатуренная кирпичная коробка первого этажа, засыпная деревянная мансарда второго, и все это подведено под черепичную крышу. Так требовал наш "малый" вариант дачи по изначально утвержденному архитектурному проекту нашего поселка (были еще "средний и большой" варианты). Наряду с этим все равно сохранялся бдительный контроль государства за своими гражданами даже в вопросах строительства их загородного жилища — не дай Бог писатели попытаются освободиться от пут *коллективно-общественного строительства*. Здесь я хочу дословно привести выдержку из постановления Жилищного Управления Исполкома Московского городского совета депутатов трудящихся (1952 год), которая говорит сама за себя:

"...Утвердить проекты дач в отделе по делам Архитектуры Московской области, а самое строительство осуществлять в соответствии с этими планами, силами и средствами кооператива, *не допуская индивидуального строительства дач членами кооператива*" (здесь и далее курсив мой — Д.С.)¹

Внутри нашего дома — нештукатуренные стены или грубая обшивка из нестроганного горбыля цвета "красного дерева" (и, действительно, доски были с малиновым оттенком из-за антисептической пропитки). Во всю длину двух смежных комнат на первом этаже лежали бревна, мешки с цементом и другие строительные материалы. Террасы не было (хотя высокий — по пояс — фундамент под нее был возведен), будущей пристройки, в которой планировались кухня, туалет, душ, — тоже не было. Их границы также обозначались лишь фундаментом.

Одна из маленьких комнаток на первом этаже была превращена в кухню. Здесь на керосинках готовили. И с той поры их вид вызывает у меня ощущение домашнего уюта и тепла,

¹ Эта и последующие ссылки приведены по документам, хранящимся в архиве Правления ДСК "Советский писатель"

который давали эти керосинки не только в переносном, но и в прямом смысле слова. В этой же комнатке родители предусмотрительно поставили деревянную плиту. Она сверкала большими белыми старинными изразцами, которые мы подобрали в Москве на месте какого-то сносимого дома. То были годы, когда на подобных свалках можно было найти даже мебель, причем такой антиквариат, что Сотбис¹ обзавидовался бы!

Верхом цивилизации в доме было электричество. Поэтому мы могли пользоваться не только освещением, но и обогреваться масляными электрическими радиаторами. Водопровода еще не было: воду в железной бочке развозил по участкам водовоз Петя на своей старой коняге — верном Руслане. Наш лимит был 6 ведер воды в день.

Иногда Петя передавал вожжи Лешке Кеменову, моему юному соседу по даче (о нем речь пойдет впереди), и тот с гордостью взирал на пахринских жителей, как ныне взирает на толпу "лохов" какой-нибудь владелец навороченного "мерина", то бишь "Мерседеса".

Остальные удобства — в дощатом строении типа "русский сортир", который находился в конце участка. Но все эти неудобства ни в коей мере не преуменьшали нашей радости от загородного житья — пьянящего от кислорода воздуха, щебетанья птиц, простора участка, — которые порождали совершенно новые эмоциональные ощущения. Из моего письма папе (он был в командировке) "В 11 часов вечера мы ловили светлячков, очень интересно. Это волшебное зрелище".

Из разговоров родителей в ту пору я понимал, что папины гонорары в середине 50-х были мизерными, и что всякая "лишняя" копейка родителями вкладывалась в дачу. Бывало и так, что моя бабушка "подбрасывала" маме немного денег, чтобы купить мне фруктов.

В такой ситуации родителям было не до развлечений. А тут, как нарочно, в Москву в январе 1956 года на гастроли приехала американская оперная труппа "Порги и Бесс" с постановкой одноименной оперы Гершвина. Я помню тот невероятный ажиотаж: ведь это были чуть ли не первые гастроли американской оперы в СССР! Конечно, родителям хотелось сходить на нее, тем более что возможность достать билеты была, но они стоили дорого. Случайно узнав о наших финансовых трудностях, папин хороший знакомый, драматург Леонид Малюгин, сказал, что такое событие пропустить никак нельзя и одолжил папе деньги на билеты. Мои родители услышали тогда великую джазовую музыку Гершвина, в которую я влюблюсь, став взрослее. Вот уже и папы с мамой давно нет на свете, еще раньше ушел Малюгин, а я помню о его добром жесте...

Когда, став подростком, я пытался понять, почему с момента основания нашего ДСК в 1953 году мы к концу 1957 года имели всего лишь кирпичную коробку под открытым небом, то приходил в полное недоумение. Ведь папа полностью выплатил все взносы, предусмотренные Правлением для сдачи дома "под ключ".

А дело обстояло так. В 1957 году Ревизионная комиссия ДСК вскрыла "вопиющие факты нарушения финансовой дисциплины со стороны распорядителей кредитов ДСК, факты бесхозяйственности, безответственности, что повлекло за собой огромные убытки, исчисляемые сотнями тысяч рублей..."

После этого централизованное *коллективное* строительство дач да еще с жесткой привязкой к типовым проектам приказало долго жить. Кое-кто из руководства ДСК уже успел

¹ Сотбис (англ. Sotheby's) — один из старейших в мире аукционных домов, специализирующихся на продажах антиквариата, предметов искусства и т.д.

продать свои готовые дачи и исчез с горизонта, другие наслаждались жизнью, успев постройться. Во все времена сливки успевает снять тот, кто владеет информацией о строительстве "пирамид". Естественно, я имею в виду не древний Египет...

Правление кооператива все же "пересчитало" свой долг папе (похоже, мы такие были чуть ли не в единственном числе), определив его в 3 тысячи рублей (до деноминации 1961), и зачло эту сумму в качестве взноса на строительство дороги. Денег едва-едва хватило.

А потом было принято решение продолжать строительство вообще "хозспособом", то есть, по принципу "кто во что горазд". Так что "немецкую крышу" нашей дачи нам пришлось возводить уже именно таким методом. Мама в ту пору очень сокрушалась, что мы не построили, как многие, "временку", в которой, пока достраивается дом, можно было бы жить летом.

Лет десять спустя наша дачная "цивилизация" выглядела уже по-другому: к тому времени в поселке уже были заасфальтированы дороги, во все дома подведены вода, газ и даже телефон.

Дыгаевские красоты

Жизнь наша не сводилась исключительно к копанию в земле, расчистке участка и к другим хозяйственным занятиям. Мы много гуляли за пределами поселка, очень любили бывать на территории бывшего дома отдыха Министерства строительства, который был построен в конце 40-х – начале 50-х годов с большим размахом и вкусом министром Николаем Александровичем Дыгаем для своих сотрудников.

Внешне главный корпус выглядел абсолютно в стиле классической барской усадьбы XVIII века: белые колонны, широкая каменная лестница, сбегаящая к реке. В этом месте строители расширили ее русло, и образовалась полукруглая заводь. По берегу этой заводи шла асфальтовая дорожка, отделенная от травяных склонов, поросших ветлами, белой балюстрадой с белыми гипсовыми балясинами в стиле французских регулярных парков XVIII века. Вся задумка напоминала в миниатюре типичную набережную в крымских городках.

Посреди заводи после землеустроительных работ был оставлен островок с липовой аллеей и двумя классическими беседками-ротондами в стиле эпохи Луи XIV: полусферическую крышу поддерживали четыре колонны с лепниной наверху. Остров соединялся с "материком" тремя ажурными мостиками, покрашенными серебрянкой, причем один из них был точной, только уменьшенной, копией Крымского моста в Москве. С одного из мостиков открывался изумительный вид на изумрудный от сочной травы остров с этими беседками и на главный корпус санатория. Мы очень любили ходить на территорию санатория сами и всегда водили туда своих гостей, чтобы показать им редкостную красоту наших мест.

В том же классическом стиле был выстроен и кинотеатр, принадлежавший этому дому отдыха. Я слышал, что само место для строительства было выбрано не с кондачка: здесь когда-то уже была усадьба с барским домом и лестницей, только куда более скромными и, к тому же, деревянными.

В воспоминаниях моего папы "Чертов мост, или Моя жизнь, как пылинка истории" я нашел упоминание о том, что, оказывается, Н.А.Дыгай, когда строил свой санаторий, предлагал руководству нашего кооператива построить заодно и наш поселок "под ключ". Но с нашей стороны такое предложение было высокомерно отвергнуто: будем строить сами! Если бы тогда согласились с идеей Дыгая, то в каком раю мы могли бы жить уже в самом начале 50-х и притом за гораздо меньшие средства...

Частью отведенной ему территории Дыгай поделился с генералами-связистами (рядом, как я уже упоминал, располагался военный городок ГРУ) и с Мосдачтрестом, находившимся в ведении Моссовета. Для них были поставлены щитовые сборные домики, вывезенные, видимо, в счет репараций из Германии: каждый с голландской печкой коричневого кафеля. На щитах, из которых монтировался такой домик, с немецкой аккуратностью были нанесены клейма еще с орлом и свастикой.

На территории *того, Дыгаевского*, дома отдыха был разбит регулярный парк из лип и елей. В центре его посреди большой круглой клумбы с цветами высился двухметровый памятник Сталину на двухметровом же постаменте, облицованном гранитом. От клумбы, опоясанной асфальтовой дорожкой, лучами расходились такие же асфальтовые аллеи. Сразу после XX съезда партии, то есть в 1956 году, когда развенчали культ личности Сталина, его памятник был тут же снесен. Постамент, правда, остался... Вскоре и он начал разрушаться, и сегодня лишь несколько щербатых бетонных плит от этого постаamenta напоминают о прошлом. Но еще без малого полвека сам каменный Вождь пролежал возле одного из корпусов санатория. В начале 90-х статуя исчезла.

Ныне только наши старожилы сразу же понимают, о чем идет речь, если кто-то скажет: "Там, у Сталина". Теперь упоминание о вожде превратилось лишь в точку привязки к местности.

В благословенные времена Н.А.Дыгая на нашей речке был устроен насыпной пляж с крупнозернистым желтым песком. Правда, по какому-то диковатому совпадению (жизнь иногда странно шутит) над пляжем, на крутом косогоре находились остатки старого кладбища с покосившимися железными крестами и поросшими травой могилами. К счастью, наша молодость и красота девичьих загорелых тел на пляже отвлекали нас от тяжелых мыслей о бренности земного бытия.

Попав впервые на пляж, я удивился возведенной здесь некоей мощной конструкции в виде четырехугольной вышки-башни около пяти метров высотой. Она стояла у самой кромки воды и была сооружена из проржавевших двутавровых стальных балок. От верха башни отходили две таких же ржавые тонкие трубы. Плавно изогнутые, они исчезали в воде. Вся эта конструкция напоминала стартовый комплекс для запуска ракет Фау-2 на немецком полигоне в Пенемюнде времен войны (я видел такой на фотографии).

В середине 60-х это загадочное сооружение убрали, а позже я узнал, что, опять же во времена Дыгая (вот уж кто действительно оставил после себя целый *культурный пласт*), для развлечения тех, кто проводил свой отпуск в доме отдыха, здесь был установлен желоб для соскальзывания в воду! Так что приоритет в создании современных аквапарков — у министра Дыгая, а первое место их появления — у нас на Пахре!

В 1955 году, как ни умолял Н.А.Дыгай оставить дом отдыха его министерству, распоряжением Хрущева здание было передано Мосгорздраву, который превратил его в кардиологический санаторий для детей дошкольного и школьного возраста. Дыгай же в те годы стал председателем Моссовета. После передачи дома отдыха детскому санаторию, территория его постепенно стала приходить в запустение. Уже в 70-е годы от некогда бывлой красоты балюстрады и беседок не осталось и следа; в 90-е заводь сперва превратили в садок для карпов, а потом река и вовсе заболотилась...

В начале 60-х годов на территории, прилегающей к детскому санаторию, закрепился Минмонтажспецстрой (знаю только сокращение этой конторы). Это учреждение было тесно связано с КГБ, поскольку занималось строительством ракетных шахт и военных объектов как у нас в стране, так и за рубежом. Этот Минмонтажспецстрой возвел целый комплекс для своих сотрудников: несколько корпусов профилактория, новый кинотеатр, столовую. С годами это хозяйство разрослось. За территорией профилактория, на высоком берегу нашей речки, захватив кусок чистого поля, появилось уродливое здание красного кирпича, в котором разместился уже чисто кагебешный пансионат. В народе за свой внешний вид его не без юмора прозвали крематорием. На мой взгляд, здание больше походит на Палеонтологический музей на Юго-Западе Москвы как по форме — и там и здесь красный кирпич, — так и по содержанию: и то и это — создано для бронтозавров своих эпох...

В начале 90-х, когда рухнул Минмонтажспецстрой, весь этот комплекс прибрал к рукам его непосредственный куратор — Федеральная служба безопасности (ФСБ), то есть все тот же КГБ, только сменивший название.

Обитатели нашего поселка

С бездумностью детства я не придавал особого значения людям, живущим у нас в поселке. Некоторых я знал по школьным учебникам русского языка и литературы — Алексея Мусатова, Константина Симонова, Иосифа Дика и других. С Мусатовыми наша семья хорошо знакома — мама с моей сестрой жили в одной комнате с Маргаритой Николаевной Мусатовой и ее сыном Сашей в самом начале войны в эвакуации в Ташкенте.

Полюбоваться мамиными розами к нам часто заходил Виктор Сергеевич Розов (ей Богу, это не специальный каламбур!). Спустя почти сорок лет он будет вспоминать об этом, выступая на папином 90-летнем юбилее в ЦДРИ в 1994 году.

Мы соседствовали с Михаилом Абрамовичем Червинским (его дача почти напротив нашей), который творчески, как сиамский близнец, неотъемлем от Владимира Захаровича Массы. С Массом часто общался мой папа. После ухода Владимира Захаровича наша семья сблизится с его дочерью Анечкой, прекрасным писателем. С ней и папа, а потом и я вели долгие интересные беседы о литературе, о жизни. На полке у меня стоят несколько книг, написанных Аней. У нее свой литературный стиль неторопливо льющегося обстоятельного повествования с "вбросами" философских обобщений, что мне так близко. В своей книге "Круговая лапта" она невероятно точно написала: "Пока старики живы и помнят нас детьми — мы молоды. Они загораживают нас от старости. Но старики уходят, И каждый уход — брешь в ограждении, и вот уже нет ничего между нами и нашей старостью. Только воздух, только годы. И мы катимся к старости, как с горы — с нарастающей скоростью. Зато мы становимся ограждением для наших детей"¹.

Непосредственно напротив нас жил известнейший кинооператор-документалист Роман Лазаревич Кармен. По вечерам с его участка частенько доносился оживленный шум, пение под гитару — то были кубинцы, соратники Фиделя Кастро и гости Кармена. Позже кубинцев сменили чилийцы.

¹ Анна Масс. "Круговая лапта" Московский рабочий, 1990, с.261. Эта книга вместе с двумя другими — "Ниша" и "Вахтанговские дети" составляют своеобразную трилогию о детстве писательницы. Она известна также как автор ряда повестей для юношества.

Почти в конце нашей аллеи дача Михаила Ильича Ромма с изящной невысокой изгородью в виде белой клеточки из тонкого штакетника. За забором, словно два белых медведя, бегают две огромные лохматые южнорусские овчарки, глухо облаивая проходящих мимо людей. Мы знаем, что эти собаки из породы охранников, и близко к забору не подходим. А вот писательница Наталья Ильина этого не знала и чуть ли не нос к носу захотела поздороваться с одной из собачек. Потом ее нос ей же долго пришивал обратно на место хирург в больнице.

При въезде в поселок справа стояла дача детского писателя Иосифа Дика. Я в свое время рыдал над его рассказом о маленьком щенке-овчарке, которого вырастили брат и сестра, а потом отдали помогать санитарам на фронте, где этот любимец семьи и погиб. А когда я увидел самого писателя, то был поражен: он залихватски вел свою "Победу", а у него не было обеих кистей рук! Война... В машине вместо рулевого колеса — сплошной металлический круг с четырьмя дырками для культей, которыми он еще и скорости ухитрялся на руле переключать. Удивительный человек.

А здесь живет Климентий Минц, автор книги "Клуб знаменитых капитанов". В 50-60-е годы на ее основе была сделана не менее знаменитая радиопостановка, вроде сегодняшнего телесериала, которая многие годы заставляла нас, детей, бежать к радиоприемнику, чтобы не пропустить очередную передачу.

Повзрослев, мы, молодежь, с уважением поглядывали на Григория Яковлевича Бакланова. Это его военные повести, честные и человечные, рассказывали правду войне. Такими же правдивыми были и самые первые повести Юрия Бондарева, тоже о прошедшей войне...

А здесь дача Льва Шейнина, который написал бестселлер 30-х — 50-х годов "Записки следователя". Шейнину в начале 60-х продал дачу Михаил Маклярский. Фамилия "Маклярский" мне была знакома по титрам создателей полубившихся фильмов "про разведчиков" — он был автором их сценариев, в том числе своего шедевра — сценария фильма "Подвиг разведчика". Неоднократно я слышал эту фамилию и в разговорах папы, поскольку Маклярский был членом нашего дачного кооператива. Уже в наши дни я узнал, что Михаил Маклярский был не только сценаристом, также как и не случайной была продажа его дачи Льву Романовичу. Оба они были из одного "гнезда сталинского": Маклярский — один из руководителей разведывательной и диверсионной деятельности за рубежом, Шейнин, — правая рука прокурора-инквизитора А.Я.Вышинского, пятнадцать лет исполнявший обязанности начальника следственного отдела Прокуратуры СССР. И Маклярский и Шейнин были арестованы в разгар кампании "борьбы с космополитизмом".

Во время Великой Отечественной войны Маклярский в звании полковника работал в 4-м (диверсионно-разведывательном) управлении НКВД под руководством генерал-лейтенанта Павла Судоплатова. Именно Михаил Маклярский в ноябре 1941 года руководил сетью диверсантов в Москве, созданной на случай, если бы немцы заняли Москву. В эту сеть входили, в частности, композитор Лев Книппер, Михаил Румянцев (знаменитый клоун "Карандаш"), отец Юлиана Семенова Семен Ляндрес. Об этом любопытном факте я уже писал, рассказывая о своем институте.

Кроме того, М.Маклярский был автором идеи и разработчиком знаменитых стратегических радиоигр с немецкой разведкой, "переиграв" и ее и высшее руководство вермахта и Германии. Одним из тех, с кем тогда вместе работал Маклярский, был и легендарный Фишер—Абель...

У нас живут композиторы Дмитрий Кабалевский, Оскар Фельцман, Александр Флярковский, Модест Табачников, поэты Павел Антокольский, Семен Кирсанов. В поселке

купил дачу дирижер Кирилл Кондрашин, который для старшего поколения неразрывно связан с юным американским чудо-пианистом Ваном Клиберном, получившим первую премию на I Международном конкурсе им. П.И. Чайковского в 1958 году. Мы живо обсуждали местную сенсацию — Ван Клиберн приезжал на дачу к Кондрашину, с которым подружился на конкурсе. Там он загорал, расслабившись в шезлонге, и просил жену Кондрашина Нину (как она мне сама рассказывала) готовить ему на завтрак "блинчики с творогом и вареньем". Наименование полюбившегося ему блюда Клиберн со страшным американским акцентом произносил по-русски.

Чуть позже нас, старожилов, в поселке появился Юлиан Семенов. Колоритная личность: огромный, бородатый, шествующий иногда в алой рубахе навыпуск, босой, в темных очках. Однажды он напугал мою бедную тетю, неожиданно появившись из-за кустов на лесной тропинке. Им уже написан легендарный Штирлиц, в одном из интервью прозвучали смутные намеки на встречу писателя с любимцем Гитлера и диверсантом №1 Отто Скорцени. Это живо заинтересовало моего папу, и он, как-то встретившись с Семеновым, задал тому напрямую вопрос — встречался он или не встречался. "Алексей Дмитриевич, — отозвался Юлиан, — да вот как мы с вами сейчас стоим, так и я с ним просидел всю ночь в ресторане в Мадриде в 1974 году. Еще там была его жена. Скорцени все джин с тоником тянул, мы много разговаривали. А на следующий день он мне двухтомник своих воспоминаний прислал с дарственной надписью..." Много позже подтверждение словам писателя я найду в его книге "Лицом к лицу"¹.

Как в музей деревянной скульптуры Коненкова и одновременно в картинную галерею нас, детей, приглашает художник Орест Верейский посмотреть на его диковинные работы из древесных корней и сучьев, которым Орест Георгиевич лишь чуть-чуть помог явить себя людям в ином качестве.

Напротив участка Верейского — дача писателя Кремлева. Она огорожена высоким сплошным забором с декоративной ромбовидной решеткой из деревянных планок поверху. Этот основательный деревянный забор выкрашен под цвет кирпича. Однажды на него уселись носившиеся по участку куры. "На "Кремлевской" стене — "Кремлевские курянты" — это же курам на смех!" — сострил кто-то из наших.

В начале 70-х эта дача чуть было не стала артефактом большой политики и экономики. В то время в Москве только и пересудов было, что о сенсационном "неравном браке". Дело в том, что дочь греческого магната-судовладельца, всемирно известного миллиардера Онассиса Кристина пожелала резко изменить свою судьбу наследной принцессы судовой империи. Ее избранником стал сотрудник Совфрахта Сергей Каузов, с которым она случайно (ну, конечно же, случайно!) познакомилась на какой-то международной конференции, куда ее послал крестный отец. (Сам Онассис к тому времени умер).

Советская действительность предстала перед Кристиной в виде маленькой кооперативной квартиры, да еще, как говорят, со свекровью в придачу. Ну, молодая жена и решила подыскать для жилья что-нибудь более подходящее в Подмоскovie. Поиски привели ее в наш поселок, и вроде состоялись даже переговоры с вдовой Кремлева Ефросиньей Яковлевной, женщиной простой, но своеобразной. Однако этой сделке века не суждено было осуществиться. Видимо, ее условия не удовлетворили обе стороны.

Как всегда, одна история цепляет другую. Теперь мне думается, что Кристина с Сергеем не случайно появились у нас на Пахре. Похоже, им это подсказал самый первый председатель

¹ Ю.Семенов. Лицом к лицу. Издательство "Полит. лит.", М., 1988, с.191

нашего дачного кооператива в 50-е, знаменитый остролов, драматург и киносценарист Иосиф Прут, которого Кристина величала просто и незатейливо по-французски — папá. Голова идет кругом...

Оказывается, как пишет Прут в своих воспоминаниях, его, еще маленького Оню, родители послали на учебу в Швейцарию, в престижную школу Эколь Нувэль. В числе прочих ее воспитанников был, в частности, и будущий шах Ирана. Школа находилась в городке близ Лозанны.

Ближайшим другом и даже побратимом Они стал греческий мальчик, его одноклассник, — сын судовладельца Константин Гратцос. Впоследствии Костя стал компаньоном Онассиса и крестным отцом Кристины. После смерти своего отца та предложила Гратцосу должность Генерального директора всего ее миллиардного дела. Константин же не порывал дружеских связей с Прутом и, когда Кристина поехала в Москву по каким-то делам, попросил оказать ей внимание и помощь. А уже перед самой ее свадьбой, чтобы не слишком светиться в "империи зла", Гратцос предложил Пруту представлять сторону невесты, то есть быть посаженным отцом. Вот после этого Кристина и стала называть Иосифа Леонидовича папá. Как просто все в нашем мире¹.

Одно время, в середине 60-х, когда я уже учился в своем Инязе, у Л.Шейнина снимал дачу уже упоминавшийся мною профессор нашу института Илья Романович Гальперин.

Довольно экстравагантным образом с Гальпериным познакомился мой папа. Он сидел на березе рядом с забором и отпиливал засохшую верхушку дерева, а внизу в тот момент проходил профессор. Вероятно, вид одного интеллигента, сидящего на березе, привлек внимание другого интеллигента, шагавшего по дороге. Так или иначе, Гальперин вступил с папой в разговор.

Представившись, профессор тут же поинтересовался у папы, не видит ли тот с высоты своего положения прогуливающих дам. Папа несколько удивился вопросу, но сказал, что никого вблизи не видит. Тогда Илья Романович немедленно рассказал ему какой-то весьма скабрезный анекдот. Вообще-то говоря, анекдотичной была сама ситуация: на березе сидит драматург, а его развлекает анекдотами пикантного содержания профессор-лингвист.

Наступила летняя сессия, когда мне нужно было сдавать Гальперину стилистику английского языка, которую он у нас вел. Однако я столкнулся с проблемой: в деканате мне предложили поработать переводчиком на международном симпозиуме химиков. Время его проведения совпадало с сессией, и мне нужно было досрочно сдать несколько экзаменов, в частности "спецпредмет" на военной кафедре и стилистику у Гальперина. С полковниками с кафедры проблем не было, но с Гальперным... Широко было известно, что Илья Романович терпеть не мог досрочной сдачи студентами своего экзамена.

Голова гудела от головоломки типа "волк-коза-капуста". И я решился. Выбрав удачный момент, я приблизился к Гальперину в институтском коридоре и напрямую поделился с ним своими трудностями, подхалимно заметив, что мне известно о его негативном отношении к "досрочникам". Это сработало: профессор "удобрился" и предложил встретиться с ним в институте ближайшую субботу. Я похолодел: как раз на этот день я договорился сдавать "войну", о чем и поведал И.Р.

— А когда же вы собираетесь сдавать мне мой курс? — недоуменно поднял брови И.Р. — В понедельник я занят.

¹ Иосиф Прут. Неподдающийся. М., "Вагриус", 2000, с.356

Я, блея от ужаса, пролепетал, что и он и я живем в одном и том же дачном поселке, и что если бы уважаемый профессор уделил бы мне толику своего драгоценного времени в воскресенье, то я был бы счастлив прибыть к нему на дачу в любой удобный для него час. Гальперину эта идея понравилась, и он сказал, что сам зайдет за мной после прогулки.

Утро ближайшего воскресенья прошло в нашей семье под тревожные возгласы "вперед смотрящих": "Гальперин идет!" (такое раннее предупреждение было как нельзя кстати, поскольку я разгуливал по участку в весьма легкомысленном одеянии, учитывая летнюю жару). Несколько раз тревога оказывалась ложной.

Солнце уже перевалило за полдень, когда профессор, как говорится, "подкрался незаметно" со стороны Роммов. Он вальяжно шел вдоль нашего забора и, позвонив в калитку, пригласил меня сопроводить его к себе на дачу.

— Ну-с, молодой человек, — начал Илья Романович, не давая мне опомниться, — давайте побеседуем с вами о стилистике. Начнем, пожалуй, с формы и содержания.

Естественно, вся наша дальнейшая беседа проходила на английском языке (все предметы у нас читались на этом языке Чосера и Шекспира, кроме, кажется, истории КПСС). Как я завидовал в тот момент своим сокурсникам, которые будут просто тянуть билет, отвечать профессору в аудитории, а он будет постепенно уставать от наплыва народа и... А здесь мне предстояло отдуваться по всему курсу стилистики.

Я весьма бойко начал говорить о проблеме формы и содержания, их единстве, борьбе между собой "в соответствии с марксистским законом о единстве и борьбе противоположностей" (тут, по-моему, И.Р. несколько передернул плечами) и т.п. Когда мы дошли до дачи профессора и расположились на террасе, наша беседа коснулась уже такого стилистического средства, как аллитерация¹. И здесь мне сослужила добрую службу моя хорошая память.

У меня несколько натянутые отношения с поэзией: с детства я больше любил прозу и драматургию. Но в тот момент, словно гигантский скат из глубин океана на поверхность памяти выплыл отрывок из детективной повести "В погоне за призраком" Н.Томана, опубликованной в детгизовском альманахе "Мир приключений" в 1955 году. К моменту нашей беседы с профессором прошло уже четырнадцать лет, как я читал эту повесть, а память все еще цепко удерживала использованный в ней отрывок из стихотворения "Ворон" Эдгара По ("Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах//Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего...")². Но не блистательная поэзия мэтра стиля запала мне в душу, а то, что этим стихотворением какой-то там иностранный шпион пользовался в качестве кода для шифровки своих гнусных сообщений в свой не менее омерзительный Центр.

— Илья Романович, — начал я проникновенно. — Посмотрите, как изумительно использует Эдгар По аллитерацию в своем "Вороне" (кое-что помнил и на английском), как создает он атмосферу ужаса, неотвратимого конца всей человеческой жизни лишь мастерским обыгрыванием слов с "шуршащими" согласными. А какой дивный перевод на русский, сохранивший эту стилистическую тонкость английского языка!

Надо ли говорить, что я получил свои заслуженные пять баллов, и мы расстались с профессором весьма довольные друг другом.

¹ Аллитерация (от *lat.* ad — к, при и *littera* — буква), повторение однородных согласных звуков в стихе, фразе, строфе с целью усиления звуковой и интонационной выразительности

² Перевод М.Зенкевича, 1946.

С Ильей Романовичем мне пришлось встретиться еще раз, и тоже в неформальной обстановке. Случилось это опять же у нас в дачном поселке, куда я пригасил своих друзей из институтской компании. Проходя мимо дачи профессора, мы, вероятно, довольно громко галдели, и Илья Романович решил высказать нарушителям спокойствия все, что он о них думал. Выйдя из калитки, он тут же узнал одного парня из нашей компании, и, забыв первоначальную причину своего недовольства, стал корить своего бывшего студента, что на экзамене по стилистике тот получил всего лишь "четверку". Мы поспешили ретироваться, и этот профессорский укор пропал втуне: нам, давно сдавшим стилистику, никто и ничто не могло испортить предвкушение аппетитного шашлыка, ради которого мы и приехали к нам на дачу.

Как я уже говорил, мы тесно общались с Маргаритой Николаевной Мусатовой, для меня и моей сестры — просто тетей Ритой. К моменту нашего окончательного переселения в Пахру она уже несколько лет жила в своем полностью отстроенном доме, в котором каждое лето гостил кто-нибудь из ее добрых знакомых.

Как-то раз тетя Рита пришла посмотреть, как мы устроились, впервые приехав на лето. Ее сопровождала маленькая девочка лет пяти. Это была Катюша, внучка ее подруги, гостившей на даче Мусатовых. Девочка была очаровательна, непосредственна и все время принимала различные балетные позы, заявляя, что будет балериной. Мы все ею искренне любовались. Кстати, отец этой девочки, режиссер и актер, хороший знакомый моей сестры, рассказывал, как его дочь, вернувшись однажды из детского сада, со всей серьезностью поведала родителям, что полюбила мальчика из своей группы, собирается выйти за него замуж, а посему уходит из родительского дома. И здесь надо отдать должное ее папе и маме. На мой взгляд, они продемонстрировали вершину педагогического таланта. "Ну что ж, — сказали они, — в таком случае мы соберем твои вещи". Что тут же и было сделано, и чемоданчик с вещами был выставлен на лестничную площадку. Новый оборот событий не заставил их дочь долго раздумывать. Девочка взяла чемоданчик и молча вернулась с ним в квартиру. Больше вопрос о "замужестве" не возникал.

Как интересно сейчас смотреть на ту самую девочку, появляющуюся на экране телевизора в качестве известной ведущей театральной программы совместно с бывшим министром культуры РФ! Балериной она не стала, но в полной мере реализовала свою природную артистичность.

У Мусатовой одно лето жила и другая ее знакомая, детская писательница Зоя Воскресенская. Она специализировалась на ленинской тематике для детей. Спустя многие годы, в начале 90-х, неожиданно выясняется, что Зоя Ивановна Воскресенская, а точнее Рыбкина, четверть века проработала во внешней разведке, да еще под руководством уже упоминавшегося мною генерала П.А.Судоплатова. Я не могу не привести здесь несколько строк из ее воспоминаний, которые касаются одного из наиболее драматических эпизодов нашей истории:

"Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз...

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов Старшины и Корсиканца¹ с волнением заверила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

"Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время".

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

<...> Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и швырнул его. "Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не подымайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получите разберитесь"².

И уже после войны именно ей, начальнику немецкого отдела внешней разведки, Берия поручил в июне 1953 года прощупать почву относительно возможного объединения Германии в обмен на долгосрочные кредиты. В Берлин Рыбкина прибыла, однако ее миссия на том и завершилась, не успев начаться — в Москве был арестован Лаврентий Берия³. Вот вам и детская писательница...

В нашем поселке жили также поэты Андрей Дементьев, Юлия Друнина, сценарист Алексей Каплер, писатели Сергей Антонов, Юрий Нагибин, Владимир Тендряков, Юрий Трифонов, Виль Липатов и многие другие известные люди. В конце 50-х в нем появились Эмиль Гилельс, Александр Твардовский, Николай Эрдман, Генрих Боровик, Эльдар Рязанов, Зиновий Гердт, Людмила Зыкина.

Здесь жили бывший министр энергетики Дмитрий Жимерин, академик, директор Института русского языка АН СССР Виктор Виноградов. А не так давно у нас поселился Владимир Войнович, автор бессмертного Чонкина и других острейших сатирических произведений. До этого времени Войнович присутствовал в нашем поселке как бы опосредовано: во-первых, вечерами мы слушали по радио "Свобода" его сатирическую повесть "Москва 2042", а, во-вторых, Чонкиным Эльдар Александрович Рязанов назвал своего огромного добродушного черного ризеншнауцера.

На даче нашего соседа, детского писателя Бориса Костюковского, в разное время жили "чеховский продолжатель" Александр Вампилов, композитор Марк Фрадкин, друг нашей семьи, выдающийся танцовщик Большого театра, Народный артист СССР Алексей Ермаков. Мы видели, как часто возле дачи Костюковского останавливались роскошные машины — то приезжали навестить Мастера его прославленные ученики — Владимир Васильев, Михаил Лавровский, Юрий Владимиров, Борис Акимов...

Не так давно у нас в поселке поселился человек- легенда. Три боевых ордена за Великую Отечественную, а уж медалей и не сосчитаешь. Различных призов на кинофестивалях — огромное количество. Актер, режиссер, сценарист, музыкант, композитор — Петр Ефимович Тодоровский. В газете "Московский комсомолец" от 13 июля 2011 года журналист Александр Мельман опубликовал пространное интервью с ним, выдержки из которого я привожу здесь, поскольку они касаются непосредственно нашего поселка.

¹ Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак, участники антифашистской группы "Красная Капелла"

² Зоя Воскресенская. Под псевдонимом Ирина. М., "Современник", 1997, титульный лист

³ Сванидзе М. 1934-1953. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. СПб, АМФРА, 2007, с.371

"Петр Ефимович: Эту дачу в Красной Пахре построил Володя Высоцкий. Он очень дружил с Эдуардом Володарским. Володарский жил здесь по соседству и разрешил Высоцкому построить на своем участке. Когда Володя умер, Марина Влади хотела продать этот дом вместе с землей. Был жуткий скандал. Даже суд, который Володарский выиграл. Тогда Марина развалила дом, от него один санузел остался. И еще стиральная машина. Ну а потом эта земля нам с Мирой досталась. Мы дом заново достроили: веранду, еще одну комнату, вместо сауны спальню, крышу поменяли. Последние лет восемь живем здесь постоянно, а до этого приезжали только на выходные.

— **Ну а квартира в Москве у вас же есть?**

— Есть, конечно. Но нам здесь лучше. Здесь теперь и зимой жить можно. Раньше ничего этого не было, температура в доме только до пяти градусов тепла поднималась.

— **А кто ваши соседи?**

— В этом поселке побывали вся наша литература, кинематограф. Я еще успел застать и Романа Кармена, и Антокольского. Белла Ахмадулина здесь рядом жила, Юрий Нагибин. Еще здесь жил Михаил Ромм, Твардовский. С Зиновием Гердтом, моим большим другом, мы тоже были соседи. Я его снял в трех своих картинах. Теперь здесь его вдова живет.

— **Уютная у вас дача. А что это за дом большущий на вашем участке стоит?**

— Это Валеры, сына (Валерий Тодоровский — известный режиссер, продюсер. — А.М.). Он на этот дом деньги-то накопил, а земля здесь очень дорогая, так что построился прямо рядом с нами, на нашем участке.

Тут заходит Мира Григорьевна, супруга Петра Ефимовича, нарядная, вся в белом:

— Мы его называем "Брестская крепость".

— **У вас здесь так хорошо, а вот у Валеры... По-моему, чем больше дом, тем уюта меньше.**

Петр Ефимович: Мне вообще этот дом не нравится. Когда он строился, люди проходили мимо, спрашивали: "Это что, жилой дом строится? А может, элеватор?" Валера нашел какого-то архитектора-модерниста. Ну, вообще-то удобно; вот там, где арка, Маленькая квартирка стоит для людей, которые этот дом охраняют. Кухарка там еще живет. На втором этаже кухня, столовая, а на третьем спальня. За этот дом архитектор получил приз. Но нам и здесь хорошо, в своей избушке. У нас котел, центральное отопление, теплая вода все время, газ, телефон городской, рядом городок Троицк, так что если надо "скорую помощь" вызвать, быстро приедет. Удобно. Но мы скучаем по театру.

— **Так вы же выбираетесь в Москву?**

— Выбираемся, но очень редко. В основном потому, что машину поставить некуда, припарковаться. Это такая проблема!

— Вы любите принимать гостей? Или вам только с Мирой Григорьевной хорошо?

— Довольно часто гости здесь бывают. Разные люди, разного калибра.

— А кто чаще всего?

— Во-первых, Татьяна Александровна Гердт, которая рядом с нами живет. Еще мои студенты приезжают, которые учились у меня на Высших сценарных и режиссерских курсах. Вот у меня юбилей был, так они все пришли. А еще замечательные наши друзья Уринсон, Ясин.

- С экономистами дружите?
- Ну а как же. Еще Володя Войнович, он же в нашем поселке живет.
- А в Германии он разве не живет?

М.Г.: Теперь в основном здесь. Недавно на нашей соседке женился.

- Знаю, что дача эта у вас появилась всего лет 15 назад, а до этого где проживали?

М.Г.: У нас долгое время вообще никакой дачи не было, мы были просто бедными москвичами. Потом мы сняли картину "Интердевочка". Я говорю "мы", потому что я тоже была продюсером этого фильма.

- Это 89-й год.

— Да, и "Интердевочка" дала нам какие-то деньги. Хотя студия заработала миллион. И вот мы купили в Кратове дачу. Ну а чтобы поселиться здесь, продали дом в Кратове.

- Здесь вам лучше?
- Несравнимо!

П.Е.: Там другие люди, все другое. Зимой били окна, забирались внутрь, жгли костры на полу. Мы там были практически в изоляции. А здесь масса знакомых. Вика Токарева была и есть наша сватья.

М.Г. Мы с ней очень дружили, пока наши дети не разбежались. (Владимир Федоровский был женат на дочери Виктории Токаревой. — А.М.)

- Но вы же после этого не перестали с Токаревой дружить?

— Так получилось, что перестали. А с Наташей, бывшей Валериной женой, мы в хороших отношениях. У нас уже и правнук есть, потому что внук Петя, сын Наташи и Валеры, родил Илюшу.

- **Петр родил Илью — прямо как в Библии.**

М.Г.: Мы его обожаем. И еще появилась девочка Валеры в Америке. То есть мы детьми разрастаемся.

- Ну а пока Валера здесь живет, к нему друзья приезжают, компании?

М.Г.: Все-таки он почти два года на родине не был, так что сейчас к нему особо никто и не приезжает. Видите, здесь дорожка прямо от нас к нему идет. Валера приезжает, сразу идет ко мне: "Мама, дай кушать".

- А свою американскую внучку вы видели?

М.Г.: Видели, конечно, она у нас гостила. Ее Зоей зовут.

- Петр Ефимович, какой у вас распорядок дня?

П.Е.: Я рано встаю, в шесть утра. А ложусь в половине двенадцатого. Потом жду, когда Мира Григорьевна проснется. И не просто жду, а привожу себя в нужное состояние. Зарядку делаю. Но в постели. Этому меня мой друг научил, замечательный оператор. А потом я еще хожу по даче, если погода хорошая. Хожу и разминаю ладони специальными пружинками. Ведь в древности считали, что мизинец — это сердце, большой палец — мозги, указательный — легкие. Вот я эти пальцы массирую. И не просто двигаюсь, а еще специально отбиваю себе пятки, топаю. Все-таки с ногами уже есть проблема.

— А знаете метод Эльдара Александровича Рязанова? Он на себя каждое утро ведро ледяной воды выливает.

П.Е.: С Эльдаром мы дружим. Вот недавно вместе в кардиоцентре лежали.

— Да, было время пообщаться.

П.Е.: Он на четвертом этаже, а я на третьем. Конечно, мы встречались. Ну и дома у них бывали. У него шикарный дом, очень уютный".

Рассказывая об обитателях нашего поселка, не могу не упомянуть один забавный эпизод. Летним вечером году в 1962-м я и мои друзья (о них еще пойдет речь) завалились в недавно выстроенный клуб санатория-профилактория. По сравнению со старым "дыгаевским" кинотеатром он казался для нас последним словом в архитектуре — длинный узкий зал, внутренние стены покрыты штукатуркой "под шубу" и выкрашены в терракотовый цвет.

"Только для отдыхающих! — громко кричала кассирша. — Дачники обслуживаются в последнюю очередь!"

Испытав некоторое унижение от принадлежности к людям "второго" сорта в ее понимании, то есть к дачникам, мы все же не теряли надежды купить билеты. И нам повезло. Я даже ухитрился плюхнуться в одно из кресел, стоявших вдоль стены в самом конце зала, благо что места были не нумерованы.

В тот день давали какой-то модный итальянский фильм. Чуть ли не "Брак по-итальянски" с Марчелло Мастоияни и Софи Лорен. Когда уже гас свет, последней в зал вошла невысокого роста девушка и стала оглядываться в поисках свободного места. Все было забито битком. Страждущая публика даже примостилась на полу в проходах вдоль рядов кресел. Тогда эта девушка просто села по-турецки на пол у моих ног, где еще оставался крохотный свободный пяталок.

Фильм начался. И одновременно я начал терзаться мыслями, далекими от того, что происходило на экране. Дело в том, что мне очень понравилась эта девушка. Да и не удивительно: мне шестнадцать лет, а тут рядом сидит такое чудо с модной челкой, закрывавшей лоб, чуть скуластенькая, с миндалевидными, немного раскосыми глазами, которые просто приковывали взгляд. И вот сижу я и думаю: уступить ей галантно место или нет? А что потом? Простая демонстрация рыцарского порыва? Знакомиться? Но для этого я в ту пору был чрезвычайно робок. И вот так, в раздрыганных чувствах, полуглядя на экран, а больше любуясь своей соседкой, устроившейся у моих ног, я и просидел все два часа, что шел фильм.

Вывалившись из душного зала после окончания сеанса, я увидел впереди свою прекрасную незнакомку, направлявшуюся в наш же поселок. Наша компания бурно обсуждала фильм, а я, не в силах скрыть переполнявшие меня чувства, тихо обратился к своему другу, Павлу Липатову: — "Паш, посмотри, какая девочка... обалдеть!" Его реакция меня удивила, а потом смутила до крайности. Он обидно захохотал: — "Девочка! Это же Белла Ахмадулина!"

Несколько лет назад он позвонил мне по телефону: — "Видел в последних телевизионных новостях, как президент вручал Государственную премию "той самой девочке"? Как же это ты тогда нашему классику и наследнице "Серебряного века" русской поэзии место не уступил?!"

Да-а-а... Как там у Талейрана? — Это было больше, чем преступление, это была ошибка...

Из других знаменитостей в середине 50-х я сам видел удалявшуюся сутулую фигурку женщины. — "Светлана Сталина", — тихо сказал кто-то из взрослых. В начале 90-х по одной из аллей мне встретился Григорий Явлинский. — один, еще без охраны! В задумчивости он шел к автобусной остановке на шоссе: видно, к кому-то приезжал в гости. И в тот же самый период на

одной из стареньких дач Мосдачтреста, граничившего, как я уже говорил, с нашим поселком, у моего друга гостил как-то в воскресенье мэ́р Парижа, будущий президент Франции Жак Ширак!

А сколько в нашем поселке побывало и других знаменитостей, о которых я и не знал... Но и одного приводимого здесь мною перечня имен достаточно, чтобы склонить голову в память об ушедших и с искренним почтением приветствовать ныне здравствующих знаменитых пахринцев.

Слесарские рассказы

Появился в наших окрестностях этот двадцатичетырехлетний, недавно женившийся парень из подмосковного Зарайска в 1957 году. Звали его Сергеем. Начав работать слесарем в соседнем с нами детском кардиологическом санатории, он одновременно помогал и своему тестю, который строил дачи в нашем поселке. Потом Сергей, выросший в степенного и словоохотливого Сергея Ивановича, стал в нашем поселке полноправным властителем царства сифонов, кранов, труб, газовых колонок, унитазов, задвижек, клапанов и отопительных котлов. Для большей части нашего интеллигентного люда эта сфера деятельности была абсолютно непостижимой. Старожилы по-прежнему звали его Сережей, "новожилы" и те, что помоложе, величали Сергеем Ивановичем.

Его многолетнее общение с обитателями поселка породило некий духовно-слесарный симбиоз, каждая из сторон в котором получала свое удовлетворение. Он — от бытовых разговоров с известными писателями и деятелями нашей культуры, те — от починенного сливного бачка. Короче, Сергей Иванович сделался неотъемлемой знаковой фигурой нашего писательского поселка.

Неоднократно я вызывал к нему с просьбой о помощи, и, стараясь не мешать ходу ремонтных работ, расспрашивал Сергея Ивановича о его жизни, о его мимолетных встречах с нашими поселковыми знаменитостями, стремясь уловить какой-то новый человеческий штришок к их известным портретам.

— Ну, вот тебе, к примеру, один случай, — припоминал Сергей Иванович. — Иду это я по вашей Восточной аллее, а тут из-за своего решетчатого забора навстречу мне выходит Михаил Ильич Ромм:

— Сереж, давай-ка, зайди ко мне, мы с тобой посидим немножко...

Я иду за ним, вхожу на террасу, Михаил Ильич достает бутылочку, тарелку с закуской и наливает мне и себе по рюмочке:

— Давай, — говорит, — выпьем по маленькой.

Я свою-то рюмку сразу опрокинул, а он чуть пригубил. Болен уже был. Потом поговорили о погоде, о чем-то еще... Потом я встал, чтобы уходить, поблагодарил за угощение, а Михаил Ильич так как-то грустно сказал: "Ну, бывай..." Вскоре его не стало. Попрощаться, значит, позвал меня тогда.

— Ну, а теперь вот такой случай, он повеселее будет. Как-то раз, в начале 70-х, подкатывает к нашей конторе на "мерседесе" Андрюша Миронов с Марией Владимировной¹. А я тут стою, на крылечке. Здороваемся. Мария Владимировна выходит из машины, идет в контору, о чем-то там разговаривает, потом выходит. А я, значит, так, с юмором, и говорю ей:

— Во, Мария Владимировна, какую машину Андрюша себе купил!

— Как же, Андрюша! — резанула она в ответ. — Да Андрюша за концерт восемнадцать рублей получает!

¹ М.В.Миронова и А.С.Менакер жили на окраине поселка, но членами нашего ДСК не являлись.

И укатили. У Марии Владимировны юмор посильнее моего оказался.

— Помню еще, как в 1965 году мы с женой и тестем переезжали в новое жилье, а на старом месте оставался не вишневый — яблоневый сад, и так жалко бросать его было... И вот я предложил Александру Трифоновичу Твардовскому эти яблони у меня купить. Он тут же загорелся идеей. Яблоньки мы у себя быстро выкопали, перевезли к нему на участок и занялись посадкой. Там разные сорта были: и Уэлси, и грушовка, и "коричневые", и "славянка"...

С Александром Трифоновичем мы все делали по садоводческим правилам, все обсуждали — какого и сколько удобрения подсыпать, на какую глубину ямы копать. Осталась у него на участке с того времени одна-единственная старая яблоня...

— Или вот, иду я и вижу, как по аллее медленным шагом прогуливается Константин Михайлович Симонов, часто кашляет. Это он уже болел. Поравнялись, поздоровались, разговор зашел на какие-то хозяйственные темы. А тут из-за поворота пионерский отряд показался: идут под барабан с вожатым. Константин Михайлович и говорит мне: "Давайте, отойдем в сторонку, чтобы с ними не встречаться". Не хотел, значит, чтобы его больным видели...

— Многих я повидал, многих помню, — закончил свой рассказ Сергей Иванович.

Наш "мозговой центр"

Любая управленческая структура требует своей иерархии. Так и в нашем поселке: помимо избираемого правления из числа его достопочтенных обитателей, существует также и крохотный коллектив, повседневно поддерживающий жизнедеятельность кооператива. В 60-е — 70-е годы в него входили уже упоминавшийся мною слесарь Сергей Иванович, мастер по газовым колонкам Петр Михайлович, бухгалтер Валентина Федоровна Цеханович, Павел Александрович Кобылин, который был и слесарем, и комендантом, на западный манер — суперинтендантом.

В 80-е годы к нам пришла Валентина Васильевна Пясецкая, сочетавшая в одном лице и бухгалтера, и коменданта и вообще управляющего всеми текущими делами нашего ДСК. У каждого из этих людей был свой характер, свое понимание задач, но всех их отличало одно — совестливое отношение к своим обязанностям. За долгие годы работы они становились неотъемлемой частью нашего дачного сообщества. В конце 90-х годов управленческая иерархия увеличилась еще на один уровень — у нас появилась должность директора. Назвать всех директоров поименно мне довольно трудно, но я с большим уважением относился ко всему, что они делали для благоустройства поселка.

А наше Правление решало действительно глобальные задачи — подводка электричества, газа, водоснабжение, телефонизация, не говоря уже о сложнейших юридических вопросах обеспечения самого существования поселка. Но большое всегда соседствует с малым. Приходилось рассматривать и принимать решение и по и таким пунктам (1960 год):

"Слушали:

2. Заявление т. Е. о передаче ею кооперативу летней уборной, находящейся возле конторы кооператива.

Постановили: Определить стоимость уборной в 250 р. и принять уборную на баланс кооператива".

Бывало, что в решениях Правления сквозило отчаяние:

"Постановили: в виду того, что, несмотря на неоднократные предупреждения товарищи (далее следовал список из известных фамилий) денег не платят, предложить возбудить судебный иск".

Или: "Правление срочно просит т.К. внести задолженность за строительство газопровода в размере 10 р."

Или:

"Начальнику гарнизона пос.Ватутинки

... отмечены многочисленные случаи, когда солдаты вверенного вам гарнизона, являлись зачинщиками драк и хулиганских действий в поселке "Советский писатель", сопровождали их варварским уничтожением садоводческих и цветочных культур..." (1966 г.)

Ассенизатор-интеллигент Кузьмич

После колоритного водовоза Пети с его верным Русланом, почти полвека спустя в поселке появилась не менее колоритная личность — ассенизатор-интеллигент Виктор Кузьмич со своей автоцистерной.

Хочу сразу же предупредить читателя о неуместности каких-либо невольных сравнений с ильф-и-петровским слесарем Полесовым. Интеллигентом я называю Виктора Кузьмича не в ироническом, а в самом прямом смысле, поскольку он — дипломированный инженер и просто интересный человек.

Когда мы с ним встретились впервые, он произвел на меня сильное впечатление Лет пятидесяти, с классической тонкой "шкиперской" бородкой яркого серебра, всегда подстриженной так, словно он только что покинул модный салон. Одет он был в пятнистый, как у десантника, ладный комбинезон, придававший ему особый шик. Да еще голова повязана черным платком-банданой с беленькими черепами.

Поговорив с Виктором Кузьмичом на тему, которая и составляла, собственно, цель его приезда ко мне, я понял, что его профессия с незапамятных времен претерпела кардинальные изменения. Если не ошибаюсь, ее яркое описание я когда-то встретил у Лескова: сидит в тоскливой скуке мужик на завалинке, мимо него ковыляет старая кляча, со страшным скрипом таща за собой на несмазанных колесах повозку со зловонной бочкой, полной нечистот. В этот момент плохо закрепленный на бочке черпак плюхается на землю. Мужик на завалинке оживляется: "Эй, лакомки, — радостно кричит он двум золотарям, примостившимся рядом с бочкой, — ложку потеряли!"

С Виктором Кузьмичом мы поговорили о глубине моего канализационного колодца, о коварности весенних подпочвенных вод, его заливающих аж по самую крышку люка. Потом разговор коснулся причудливости уровней залегания песчаных пластов. Песок — это естественный фильтр, до которого нужно докопаться при сооружении таких колодцев. Так вот у соседа тут же, за забором, этот пласт появился уже на третьем метре, а у нас только на восьмом. А потом я позволил себе поинтересоваться неисповедимыми путями, которые привели Виктора Кузьмича к его нынешнему профессиональному занятию.

"Я работал инженером-эксплуатационником в одном автохозяйстве. Когда советская государственно — экономическая система стала трещать по всем швам, я понял: нужно что-то срочно предпринимать, чтобы кормить семью. По остаточной стоимости я выкупил у разваливавшегося автохозяйства старенькую ассенизационную цистерну, привел ее в идеальный порядок и стал предпринимателем-индивидуалом. Теперь я обслуживаю многочисленные дачные поселки, которые разрослись по обеим сторонам Калужского шоссе. Слава Богу, моя нынешняя профессия еще долго будет востребована..."

Когда я встречаю Виктора Кузьмича за рулем его сияющей на солнце серо-голубоватой цистерны, то всегда искренне приветствую его.

Поселковые окрестности

Радовали нас не только красоты цивилизации на территории бывшего дыгаевского хозяйства. Было много и других мест для прогулок. Так, если миновать пляж, пройти берегом реки чуть дальше, к лодочной станции, и взобраться на крутой косогор, это будет самая высокая точка над нашей славной рекой — Десной. Отсюда открывалась невероятная по красоте и охвату панорама: низкий противоположный берег с заливным лугом, поодаль справа — деревенька Жуковка с деревянным мостом, по которому букашками ползут автомашины, вдалеке — сизая кромка леса. А какими закатами тут можно было любоваться! Ведь недаром именно это место вдохновило нашего замечательного поэта и поселковца Михаила Матусовского написать эти слова, ставшие классическими благодаря не менее классической музыке композитора Василия Соловьева-Седова: "Речка движется и не движется, // Вся из лунного серебра, // Песня слышится и не слышится, // В эти тихие вечера". Редко какой песне удавалось обрести такой обвальный успех и у нас в стране, и за рубежом, как "Подмосковным вечерам". В немалой степени этому содействовал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который проходил в 1957 году в Москве. Для него "Подмосковные вечера" стали песней—символом, песней—послом доброй воли, просто прекрасной песней. А мы, узнав историю ее создания, гордились: эта наша Десна!

У меня в архивах хранятся редкие кинокадры: с этого косогора я в 1963 году снял круговую панораму. Хоть пленка и черно-белая, но простор там чувствуется. Сегодняшняя панорама кардинально изменилась. Противоположный низкий берег реки так плотно застроен дорогими коттеджами, что они напоминают один огромный штабель красного кирпича. А Десна больше "не движется": вся заросла травой и ряской и больше походит на болото.

То, что наш участок граничил с лесом, имело и свои преимущества: за грибами удобно было ходить. Лишь откроешь заднюю калитку, и ты уже в невысоком лесочке. А дальше иди себе по дороге вдоль линии высоковольтной передачи хоть до самого горизонта, заходи в лес то по правую, то по левую ее сторону, наслаждайся красотами да собирай грибы.

Примерно через триста метров лесок кончался, и открывался вид на пустое пространство, лишенное всякой поросли. Когда-то здесь поработал бульдозер: по периметру были навалены выкорчеванные пни и корни-лианы вперемешку с глиняными отвалами. Слежавшись в единый монолит, они напоминали древний крепостной вал.

Именно на этой пустоши 13 июня 1958 года я увидел лося. Я так точно указываю дату, потому что ею было помечено мое письмо папе (он был тогда в Казахстане, где собирал материал о целинниках), в котором я описываю встречу с "лесным великаном". Для меня, городского мальчика, видевшего лося только в зоопарке, это было потрясением!

"В девять часов вечера я пошел с Алешей Кеменовым к оврагу мы остановились и о чем-то долго спорили. Вдруг идет какая-то женщина и говорит: "Ребята вы тут лося не видели?" — Мы отвечаем: "Нет". — А она говорит: "Он сейчас у столба стоял". А столб в десяти метрах от нас! Тут мы помчались искать лося. Бежали долго. И вдруг я вижу коричневое пятно. Мы стали подкрадываться, а лось стоит и смотрит на нас. Подошли мы к нему и держимся на расстоянии 3-х метров. Тут Лешка закричал на лося, и тот мелкой рысцой побежал в поле. Потом он остановился, и я стал звать его: "Лося, лося, лося!" Он пошел ко мне. Лешка испугался и побежал, а лось уже бежит на нас трусцой. Нам стало страшно, и мы потихоньку стали отходить от лося. А он перешел дорогу и стал спокойно пастись. Потом неспешно удалился через овраг в лес".

Далее, за частично заболоченным оврагом с текущим по его дну ручейком, лес продолжался, но уже старый, настоящий. В 70-е годы этот заболоченный овраг получил у нас в семье название "свиного": кто-то из близлежащей деревни догадался выкинуть в него тушу дохлой свиньи, и она долго "озонировала" воздух.

Из других лесных обитателей в те годы мне удалось увидеть рыжую лису, мелькнувшую в кустарнике, сову-неясыть, бесшумно сорвавшуюся с ветки и, как самолет на бреющем полете в одном метре от земли, исчезнувшую за деревьями. Удивительно, что я увидел ее днем.

Было бессчетное множество белок (они и сегодня приходят полакомиться спелыми орехами). Один раз мы стали свидетелями невероятно трогательного и красивого зрелища. Мама-белка учила трех своих детей искусству скаканья по деревьям. Вытянувшись в своем воздушном прыжке "нос-в-хвост" в огненную ленту наподобие яркой ленты у гимнасток, они грациозно сновали с елки на березу, с березы на сосну, с сосны на орешник. Это рыжая круговерть вызывала в памяти и бажовскую "Огневушку-поскакушку", которой я был заморожен в детстве.

Встречались и ежи. В дальнем углу участка я однажды обнаружил копошащихся в куче листвы маленьких голых, еще без иголок, ежат. Когда на следующий день я приблизился к тому месту, то малышей не оказалось в гнезде. Видимо, их мама-ежиха перенесла куда-нибудь от греха подальше.

Говорили, что в округе бродили кабаны, но мне они не встречались. А уж птиц кругом было!.. Сойки, дрозды, синицы, овсянки, трясогузки, дятлы, сороки! А какими трелями услаждали слух майские соловьи! Я и сегодня радуюсь, когда слышу птичье щебетанье: жизнь продолжается!

Спустя несколько лет пустырь, по которому бродил мой лось, был засажен маленькими сосенками из лесопитомника. А через пятнадцать лет, уже в середине 70-х, они вымахали метров до пяти в высоту, и мы ходили сюда собирать нежные маслята.

Но пасторальным идиллиям не суждена была долгая жизнь. В 80-е годы лесок слева за оврагом был застроен дачным поселком, по слухам, космонавтов. А уж когда разразилась всеобщая нуворишевская застройка в 90-е, то большая часть густого соснового леса была уничтожена. Овраг засыпали. За нашим участком вырос огромный поселок "коттеджного типа", который блокировал нам выход... хотел написать — к лесу, а потом спохватился: и леса-то практически никакого не стало.

Теперь, чтобы попасть на ту же самую высоковольтку, приходится давать кругалю, огибая весь поселок. Только какой в этом смысл? Везде высятся безликие "таунхаусы" или вычурные коттеджи, а нашего леса не стало.

По грибы "за вышку"

Обычно за грибами мы ходили "за вышку", километра за два с половиной от поселка по высоковольтке. То, что в обиходе именовалось "высоковольткой" и "вышкой", требует пояснения. За нашим поселком прямо через овраг шла высоковольтная линия электропередачи на деревянных еще, черных от пропитки креозотом, столбах с изображением злобного черепа с костями — не влезай, убьет!

По обе стороны от нее темной стеной стоял смешанный лес. Разбитая колхозными грузовиками глинистая дорога вдоль высоковольтки постепенно поднималась в гору. За многие годы тысячи грибников, боясь в дождливую погоду увязнуть в ее колеях, протоптали по обочине свои тропы. В 70-е годы параллельно старой, здесь протянули еще одну высоковольтную линию, уже на стройных круглых бетонных столбах, напоминавших мачты старинных

парусников. Просеку под этими двумя линиями расширили, и очень скоро она заросла благоуханной лесной малиной.

Примерно через километр, справа от высоковольтки открывалась опушка леса. Здесь, между огромных старых берез в низкой траве росли, да еще семьями, белые грибы: по 16-18 штук на одном месте! За опушкой лежало поле, которое засеивали то пшеницей, то клевером. За полем виднелась деревенька Фоминки, и дальше опять стояла стена леса. Мы очень любили это место за его красоту, за открывавшуюся перспективу, не говоря уже о грибах.

Но к "вышке" нужно было идти еще дальше. Она возникала как-то незаметно, вдруг, за кромкой скрывавшего ее леса. Это был триангуляционный геодезический знак, стоявший посреди большой прямоугольной вырубki, врезавшейся в лес. Сооружен он был из бревен в виде узкой у основания пирамиды метров под двадцать высотой. Вершина ее оканчивалась ржавым железным колпаком, напоминавший своей формой речной бакен. Внутри вышки были деревянные лестницы, по которым можно было добраться до самой верхней площадки. От старости, дождей и ветров бревна посерели, лестницы кое-где стали трухлявыми, и я не решался испытывать судьбу, чтобы подняться на самый верх, откуда можно было увидеть далекие дали. Со временем основание вышки стало подгнивать, ее постоянно укорачивали, и, в конце концов, от вышки остался лишь тот железный колпак, который некогда венчал ее вершину. Теперь, по-моему, не стало и его.

Поравнявшись с вышкой, нужно было пересечь по диагонали вырубку, где она возвышалась. Далее предстояло продираться сквозь дремучий лес со штабелями полусгнивших бревен, оставшихся от санитарных порубок. Через некоторое время лес впереди редел, и ты оказывался у "Круглого болота" — тоже местный пахринский топоним среди знающих грибников. Болотце походило на блюдце метров двести диаметром посреди лесного массива, все заросшее высокой травой. В центре этого "блюдца" находился круглый островок с тоненькими невысокими березками и осинками. Деревца эти никогда не вырастали, потому что своими корнями уходили в торфяную подушку, насквозь пропитанную водой. Похоже было, что время для них остановилось.

Особенно красиво здесь было в начале осени. Пестрая нежность красок болотной поросли создавали ощущение, что ты любишься очаровательной плэнерной акварелькой.

Меня всегда тянуло в центр этого болотца, чтобы взглянуть на мир как бы изнутри этой акварельки. Но я боялся туда пробраться. В моей памяти надолго запечатлелся тот ужас, который я испытал в детстве, читая "Кладовую солнца" Михаила Пришвина и его описание болота: топь, змеи, гибель...

Вокруг болотца в изобилии росли белые грибы. Не только их количество, но и вид могли бы удовлетворить самого требовательного грибника. Тут были и крепыши, и огромные, но чистые и еще крепкие "патриархи". Один такой гриб я даже извлек из-под мощного березового корня, об который мой трофей, стремясь к свету, обломал края своей шляпки. Шляпка же была с хорошую обеденную тарелку, и гриб стал походять на голову слона с необъятными висющими ушами.

Среди высокой травы прятались маленькие подберезовики на очень длинных тонких ножках и с белесыми шляпками. Они так тянулись к солнцу, а его им так не хватало... Обыкновенные чернушки — черные подгрузди — мы таскали оттуда чуть ли не ведрами. Как-то раз мне пришлось даже снять с себя рубашку и сделать из нее что-то вроде мешка, который я набил маленькими, крепенькими, чуть осклизлыми, с прилипшей землей и хвоей, грибочками. В засолке они были потрясающи!

Вообще грибы, на мой взгляд, постоянно подкидывают нам проблемы. Ну почему, к примеру, какой-то год назад веками известная людям "свинushка" была вполне съедобна, а, скажем, в другой сезон она стала причиной отравления целых семей? Я думаю, что известное выражение древних римлян можно в этой связи чуть-чуть изменить: "времена меняются, и грибы меняются вместе с ними". Или, скажем, проблема "поганок". Сколько же незаслуженных обид в виде пинков, сбивания да и просто презрения натерпелись от нас, детей, да от и взрослых несчастные валуи, "зонтики", чесночники...

Как-то раз я стоял на полянке в раздумье: она была усыпана грибами, ну никак не подпадавшими под категорию "приличных": с желтовато-кремовой слизистой шляпкой, под нею крупные пластинки, белая в мохрушках ножка, а в самом низу ее "бульбочка" цыпленочно-желтого цвета. Чуть поодаль круги лиловых грибов, а еще дальше, в траве, такая же россыпь похожих грибов, но только цвета серого осеннего неба. Я уже был в том возрасте, когда бессмысленное и варварское вторжение в Природу осталось в прошлом, и на смену пришла пытливость — а что же это за грибы такие? Ведь, согласитесь, даже хорошему справочнику по грибам не всегда можно довериться: а вдруг на рисунке цвет не так передан или еще что.

И вот в момент самых глубоких моих раздумий на ту же полянку вышла Елена Александровна Кузьмина, жена М.Ромма. Мы поздоровались, и она, окинув взглядом полянку, радостно сказала: "Ой, сколько здесь *еловой мокрухи*! Да и *лиловой и серой рядовки*! Вам повезло, это прекрасные грибы". Так, благодаря Елене Александровне, наша семья расширила свои границы познания грибного мира.

Бережное отношение к грибам, умение разбираться в них стало нашей традицией, прививаемой детям с малых лет. Помню, когда моей дочери Любе было года четыре, мы гуляли с ней в лесу, и нас остановила одна пара с просьбой проконсультировать их насчет собранных грибов — где хорошие, а где плохие. Для непосвященного в лесные таинства задача было достаточно сложной: в корзинке вперемешку лежали летние, осенние и ложные опята. Я попросил Любу помочь этим грибникам, незаметно кивнув им головой, — дескать, все в порядке, все под контролем. И вот мой ребенок быстренько разложил содержимое корзинки на три кучки, объяснив той паре, в которой из них какие грибы, чем они отличаются друг от друга, и какие из них плохие. Я вновь чуть кивнул, подтверждая Любину "компетентную" оценку. Все остались довольны друг другом.

Вернемся, однако, к болотцу. С годами я все же преодолел свой мистический страх перед ним. Да и само болотце изменилось — покрылось множеством крепких кочек, густо поросших травой, так что провалиться в топь мне не грозило. Однажды я нашел место, где дерн не так предательски колыхался, и добрался до центра березового островка. Мои былые детские страхи мгновенно улетучились, как только я увидел высокие, до полуметра, травянистые кочки, сплошь покрытые тонкими плетями клюквы. Ее спелые ягодки горели гранатной россыпью. У меня было ощущение, что я открыл какую-то скрываемую дотоле от меня Природой тайну.

Годы спустя болотце утратило свое очарование. В нескольких местах бульдозерами был срезан дерн, чтобы добраться до мощного слоя черного торфа. Естественно, на промышленную разработку этот крохотный пятачок не тянул, и вскоре все работы были прекращены. С той поры болотце зияло большими, заполненными черной водой, ямами, как страшными пустыми глазницами.

Недавно я, проделав огромный крюк (все вокруг застроено), все-таки прошел путем своего детства по нашей высоковольтке... По обе стороны от нее мне встречались груды строительного мусора, омерзительные свалки, даже помятый кузов автомобиля... То были свидетельства

присутствия жителей новых коттеджей в изобилии, как раньше грибы, расплодившихся в наших окрестностях.

Быть может, мой читатель и пожмет плечами, найдя детальное описание нашего болотца, деревьев на нем, той же клюквы, не стоящими такого восторга. Но для меня это дорогие воспоминания о моем детском познании природы, которая ныне так стремительно и притом невосвратно ускользает от нас. Пусть, как моментальное фото, этот кусочек природы запечатлится хотя бы в моем описании: слова не выцветут со временем, как краски. Да и вообще то, что написано пером, топором, как известно, не вырубить.

Звери Пахры

Году в 2002 нашу известную, благодаря Матусовскому, но скромную речку Десна, "прославила" и газета "Московский комсомолец". В сенсационной заметке сообщалось, что у одного из владельцев коттеджей, выстроенных рядом с деревней Бутаково (километра два по прямой от нашего пляжа, а по реке — чуть больше) сбежал из специального садка взрослый крокодил, который нашел себе убежище в нашей речушке. Его долго искали. Когда же крокодила, наконец, обнаружили в тихой заводи, понадобились усилия трех здоровенных мужиков, чтобы изловить эту рептилию и вернуть хозяину.

Ну, как после этого не утверждать, следуя известному анекдоту, что Пахра — родина крокодилов! И попугаев. У меня улетел один такой, маленький, изумрудно-зеленый, с красной грудкой и нахальным нравом. Неделью спустя его видели порхающим по березам в конце поселка.

А лев в Пахре? Все мы ходили в конце 60-х к забору дачи детского писателя Юрия Яковлева поглазеть на нежившегося под березками самого настоящего льва по имени Кинг. Этого льва с младенческого возраста воспитала в "человеческой стае" семья Берберовых; тогда о Кинге писали все газеты. Однажды Берберовы привезли своего "ребенка" в Пахру к писателю, который в 1975 году работал над сценарием фильма "У меня есть лев", чтобы тот воочию познакомился бы с главным "героем".

Спустя несколько лет мы прочли в газетах, что всенародный любимец Кинг каким-то образом выбрался из квартиры и пошел себе гулять на свободе. Всех дальнейших подробностей я не знаю: не то лев все-таки на кого-то напал, не то на него напал растерявшийся милиционер, который "во избежание" принял меры — застрелил Кинга. Все это было очень грустно. Похоронили льва на участке Юрия Яковлева.

Прочитав мои заметки о Пахре и сделав ряд уточнений, Алексей Сикорский, мой товарищ по пахринской юности, вернулся к моему повествованию об экзотических животных, рептилиях и пернатых, волею судеб также вкусивших пахринской свободы.

— Я бы мог здесь кое-что добавить, — сказал Алеша. — Ты ведь ничего не знаешь о Марсике.

— Марсик? Это кошка? Собака? — поинтересовался я.

— Бери выше. Королевская мартышка зеленовато-серебристого цвета, ростом с полметра и с длиннющим хвостом.

Я уставился на Сикорского в великом удивлении, и приготовился внимательно слушать. Как же много интересного, оказывается, происходило у нас в Пахре, пока меня мотало по зарубежным городам и весям...

Вот что поведал Алексей. В начале 70-х годов один из поклонников матери его младшего сводного брата — Алика, преподнес ей, певице филармонии, весьма экзотический подарок — ту

самую обезьяну. Естественно, наш дарвиновский предок-примат (я с большим недоверием отношусь к этой теории) был привезен в Пахру на дачу Сикорских, чтобы иметь возможность привольно скакать по березам да елкам. К ошейнику обезьяны был прикреплен длинный тонкий поводок: так было легче поймать проворную обезьяну. С этим поводком она и носилась по участку.

Соседями Сикорских были Мусатовы. Так вот, однажды к Мусатову пожаловал какой-то высокий гость. Чтобы продемонстрировать дары осенней природы — грибы, собранные с участка, краснобокие яблоки и другие красивые плоды сада-огорода, Алексей Иванович расположил все это живописными кучками на дощатом столе под елью. По замыслу хозяина этот натюрморт должен был положительно повлиять на эстетическое мировосприятие важной персоны после того, как они, окончив деловые переговоры, выйдут на крыльцо.

Но, как известно, человек предполагает, а... Короче, этот живописный натюрморт привлек внимание Марсика с соседнего участка. Недолго думая, он перемахнул через забор и по-хозяйски уселся на столе, хватая что ни попадя своими коричневатými ручонками. Грибы, как явно не соответствовавшие его вкусу, он сразу же смахнул со стола, а вот яблоки ему больше пришлись по душе: он стал надкусывать их и швырять в разные стороны.

В этот момент на крыльцо дома вальяжно вышел Мусатов с гостем, и оба остолбенели. Согласитесь, что в подмосковном дачном поселке тогда (я говорю о 70-х годах) можно было встретить — ну, белку, ежа, заблудшую собаку, полудикую кошку. Но чтобы у себя на участке увидеть наглую заморскую обезьяну, да еще швыряющую направо и налево дары русской природы — это уж слишком. Был большой шум, сопровождавшийся громовыми раскатами хохота. За Марсиком тут же примчался Алик и, изловив того за поводок, увел к себе на участок.

Забавные истории, героем которых была эта обезьяна, случались и позже. Как-то раз Алик зашел на дачу к Андреевым с Марсиком на поводке и в доме выпустил его: пусть животное немного побудет на свободе. А дом Андреевых, надо сказать, отличался и тогда особой, граничащей с маниакальной, любовью к чистоте его хозяйки — известной киноактрисы Елизаветы Владимировны Кузюриной.

И вот обретший свободу Марсик, вскочив на кухне на разделочный стол, за которым обычно колдовала Елизавета Владимировна, изготовился к свершению "малой" нужды. Это не укрылось от бдительного oka Игоря — сына хозяйки. Он ринулся к нарушителю общепринятых норм поведения, крича в ажиотации: "Ты чего тут расселся?! А ну, пошел вон отсюда!" При этом его перекошенное от праведного гнева лицо приблизилось к мордочке Марсика, на которого угрозы Игоря никак не подействовали. Более того, успев наделать лужицу, Марсик в мгновение ока, как хороший боксер, выкинул вперед свой темненький кулачок и заехал Игорю по скуле, да так, что у того под глазом тут же налился приличный фингал. Нужно ли говорить, что Алик Сикорский с Марсиком были немедленно выдворены с дачи Андреевых, с наказом впредь появляться в единственном, "человеческом", числе.

Когда я уже написал о Марсике, то поделился этой историей со своими родственниками и друзьями. И тут выяснилось, что многие его или видели, или имели "счастье" лично пообщаться с этим приматом.

— Ну, как же, я помню эту обезьяну. Она все время у Алика на плече сидела и постоянно гадила ему на спину. Положительных эмоцией она у меня никаких не вызывала, — отозвался о Марсике мой племянник, которому в ту пору было лет двенадцать.

— Марсик?! — улыбнулась Аня Масс. — Моя мама как-то раз, войдя в кухню, обнаружила его на кухонном столе. Он лакомился только что привезенными из Москвы

плюшками, фруктами и конфетами. С конфетами он управлялся особенно ловко: в мгновение ока разворачивал их, надкусывал и тут же швырял на пол. Скорее всего, он проник в дом через приоткрытое окно. Мама схватила массивную трость с набалдашником, с которой мой папа обычно прогуливался по поселку, и стала тыкать ею в обезьяну. Но та, ощерившись, ухватила конец трости и потянула ее к себе.

— В силу своего почтенного возраста, — продолжала Аня, — мама оставила преимущество за противной стороной, сказав только: "Да ну тебя к черту!" После этого на кухонное ристалище вступил мой муж, Виктор Матвеевич. На все его хулительные слова и махание руками Марсик не реагировал до тех пор, пока Виктор Матвеевич не плеснул в него водой из ведра. Только после такого душа Марсик ретировался тем же путем через окно, прихватив с собой плюшку. Причем покидал он кухню не спеша, что-то ворча про себя и злобно огрызаясь. Вероятно, он костерил на чем свет стоит всех этих двуногих существ, покусившихся на его свободу.

— А что же стало с той обезьянкой? — поинтересовалась наша приятельница, живущая в "писательских" домах на Аэропорте, когда в разговоре я упомянул о том случае. — Кстати, я не раз видела, как на скамейке у соседнего дома кто-то сидел с обезьяной. Судя по твоему описанию, это была именно та самая.

Действительно, за забавными эпизодами с пахринской обезьяной я как-то упустил из виду ее дальнейшую судьбу. Пришлось вновь звонить Алексею Сикорскому: — "А что стало с Марсиком?"

Выяснилось, что кончил Марсик свою жизнь плохо. Во время семейных застолий он приучился хватать бокалы с пивом и мгновенно опоражнивать их. Поначалу у него пытались отнимать пиво, но это было возможно, если Марсик успевал ухватить бокал только одной лапкой. Если же он вцеплялся в стакан двумя, то, понимая гнусные намерения людей отнять у него добычу, он скалил свои острые длиннющие зубы, и уже никому не хотелось связываться с этим агрессивным алкоголиком.

Водку Марсик поначалу не любил, все больше налегал на пиво. Но как-то раз, опрокинув нетвердой рукой стоявшую на столе рюмку с водкой, он решил попробовать разлившуюся жидкость. Неожиданно ему понравилось. Теперь уже рюмку с традиционным русским напитком у него и подавно было не отнять. Но, в отличие от людей, после опрокидывания рюмочки Марсик не издавал удовлетворенного крика, не занюхивал ее рукавом и не ставил ее обратно на стол. Он просто разжимал кулачки, и пустая рюмка летела на пол, разбиваясь на мелкие осколки.

Когда Марсик умер, вскрытие показало, что причиной его смерти был жесточайший цирроз печени. Сия притча, абсолютно не придуманная и похожая, скорее, на рассказ какого-нибудь члена общества анонимных алкоголиков, может послужить кому-то достойным уроком. Нет, все-таки рано списывать со счетов дарвиновскую теорию эволюции: между людьми и приматами действительно очень много общего...

Неожиданно я выяснил, что вообще соседство писателей с экзотическими животными имеет свою давнюю историю. Более того, наш поселок имеет к ней самое непосредственное отношение. Ведь он расположен по Калужскому направлению, то есть, говоря "по-раньшеному", территориально мы принадлежали бы Калужской губернии, а не Нарофоминскому району, как теперь. И вот что произошло в этой губернии больше ста лет назад.

Из своего путешествия по Индии Антон Павлович Чехов привез в Россию мангуста и назвал его Сволочью. В своем письме другу писатель восхищался: "Ах, ангел мой, если бы вы

знали, каких милых зверей я привез с собой из Индии! Это мангусты величиной со средних лет котенка, очень веселые и шустрые зверьки". При этом он считал, что его мангуст "есть помесь крысы с кроликом, тигром и обезьяной". [В книге речь идет, в основном, о Сволочи. Куда девались остальные зверюшки — не ясно. Д.С.]

Однако не все разделяли умиление писателя. Его отец, Павел Егорович, в своем письме сыну Ивану писал: "Мангуст тоже не дает покою, Мамаше нос откусил ночью, которая испугалась, когда увидела кровь. Теперь зажило". Помимо всего прочего, мангуст бил посуду и вытаскивал пробки из бутылок. Вообще Павел Егорович считал поведение Сволочи "ярким образчиком звериного хулиганства".

При переезде в Багимово мангуст убежал в лес. Левитан негодовал: "Как вы упустили мангуста? Ведь это черт знает что такое! Просто похабно везти из Цейлона [вероятно, он имел в виду Индию — Д.С.] зверя для того, чтобы он пропал в Калужской губернии!" Вскоре Сволочь был пойман и водворен в Богимово. Потом Чехов отдал его в Зоосад¹.

Но довольно экзотики, вернемся к нашей повседневности. Если не ошибаюсь, в 1992 году на наших заасфальтированных аллеях по утрам и вечерам стал раздаваться мерный стук лошадиных копыт. Когда однажды он послышался рядом с нашим участком, мы с папой тут же кинулись к забору. Спокойным, прогулочным шагом мимо нас проходила, — нет, проплывала дивная, серая в яблоках кобыла. Теперь я понимаю, что ныне под Москвой легче встретить обезьяну или крокодила, чем такое вот грациозное животное, связь которого с человеком была неразрывной на протяжении многих тысячелетий. Верхом на кобыле с профессиональной выправкой опытной наездницы восседала молодая женщина. По мере удаления от нашего участка этой пары, затихал и стук лошадиных копыт. Папа долго не мог успокоиться: "Нет, ты видел эту статью, эту шею?! А как кобыла ухожена!" Я хорошо понимал его восторг. В юношеские годы в деревне Сигеевке, где папина мама с детьми переживала революционные пертурбации в Петрограде, ближайшим его другом по работе в поле была лошадь. Образ этого животного сопровождал папу всю жизнь — поля его рукописей испещрены изображением лошадей.

Позже я выяснил, что кобылу звали просто и нежно — Маня, и что владелицей ее была дочь Юлии Друниной Елена, которая стала жить в нашем поселке. Думаю, Маня своей жизнью была довольна: дипломированный ветеринар и профессиональный тренер по выездке лошадей, Елена хорошо знала характер своих подопечных.

Как-то раз на узкой тропинке в густом подлеске за нашим поселком я встретил Елену верхом на Мане. Сам я был верхом на ярко-алом скутере. Естественно, я уступил дорогу этой паре, не преминув опровергнуть утверждение Остапа Бендера, что "железный конь идет на смену крестьянской лошадке". Мне кажется, они обе улыбнулись.

Дети Пахры

Как я уже сказал, мои первые летние каникулы на нашей даче на Пахре пришлось на 1958 год. О компании думать не пришлось, все устроилось наилучшим образом: родители пригласили пожить у нас семейство Гольбергов с детьми, о котором я рассказывал в самом начале своего повествования. Минимальный круг общения для меня (и для них) был обеспечен.

¹ Дональд Рейфилд. [Жизнь Антона Чехова]. Издательство Независимая Газета, 2005, сс.322, 326, 331-332, 334, 336

Но в августе Гольберги уехали, а я стал задумываться: с кем же я буду дружить в Пахре на следующий год?

Лето 1959 года выдалось на редкость дождливым. А когда дождь льет все время, то за участок не выйдешь без резиновых сапог. Но и в них потонуть можно в раскисшей глине. И вообще, когда тебе тринадцать лет и вокруг тебя нет друзей, да еще этот нескончаемый дождь, настроение на полном нуле. Пришлось переключаться на чтение.

Читал я запойно, много, поскольку телевизор из педагогических соображений родители не покупали. И, оказывается, это было во благо. Я до сих пор радуюсь, что ни минутки даром не терял: постепенно количество прочитанных книг множилось, они воспитывали вкус, расширяли кругозор. Первое знакомство с творчеством братьев Стругацких — из "того" дождливого лета. Но общаться со сверстниками все равно хотелось безумно.

Призрачную надежду вселила чета Кеменовых, не так давно купившая участок писательницы Любови Кабо, что граничил с нашим. У них был сын Андрей, старше меня года на два, и я очень хотел с ним подружиться. Его младший брат Лешка мною в расчет не принимался — совсем еще шкет.

Знакомство с соседями папа решил закрепить маленьким фуршетом с коньяком под "кроной" тонюсенького дубка у нас на участке. Концом встречи он был несколько обескуражен. "Понимаешь, — поделился папа со мной своими впечатлениями, — Владимир Семенович был вроде рад знакомству, но при прощании, "на юморе", заметил: — "Вы уж не обессудьте, если мои парни в ваш сад за клубникой или яблоками залезут...". Для меня, как и для папы, такие слова, да еще в устах Постпреда СССР при ЮНЕСКО (в середине 60-х он станет вице-президентом Академии художеств СССР), прозвучали дико.

Еще до официального знакомства наших родителей я уже один раз пересекался с Андреем Кеменовым. Мы случайно разговорились, выяснилось, что он тоже никого из сверстников в поселке не знал. Я увлек его идеей постройки вигвама по примеру героев "Маленьких дикарей" Сетона-Томпсона. (Папа, папа... я как-то не успел тебе сказать, что по мере сил пытался использовать в жизни опыт, почерпнутый из этой книги...) Мы даже начали сооружать каркас вигвама за нашими участками и стали покрывать его, за неимением бизоньих шкур, рубероидом. Но вскоре Андрей нашел себе компанию ребят постарше: Андрея Миронова, Володю Долинского, Сашу Кармена, Иру Жимерину. В детстве разница в возрасте в два года — колоссальная пропасть, которую редко удается преодолеть.

Я приуныл: ну, не общаться же мне с младшим братом Андрея Лешкой, пребывающим в возрасте каких-то своих жалких десяти лет!

Я знал, что у Дыховичных есть сын Иван, на год младше меня, но он тянулся к той же компании, сумев занять там свою нишу, и не стремился общаться с кем-то еще. Свой круг друзей был и у Жени Фрадкиной, с которой мы случайно разговорились о прочитанных книгах.

И когда вдруг прекратились дожди, и засияло солнце... Но расскажу об этом подробнее.

Родители всегда и с оправданным беспокойством относятся к любому водоему в окрестностях: дополнительный риск для детей, особенно не умеющих плавать. Я не умел, и поэтому на речку меня должен был сопровождать кто-то из взрослых — во избежание.

О, эти полные унижения минуты, когда, упиваясь купанием, ты слышишь с берега: "Ми-и-тя! Вылезай! Хватит уже! Сколько можно! Больше с тобой на речку не пойду!" В тот момент, полагаю, от критической массы негативных чувств по отношению к твоему сопровождающему мог сломаться даже счетчик Гейгера.

В тот самый день, который положил начало моей совершенно новой пахринской жизни, меня сопровождал на пляж папа, всю жизнь отличавшийся определенным "либерализмом" в вопросах воспитания — вспомнить хотя бы историю со спичками. Пока я восторгался полным слиянием с водной стихией, он сидел на песке и читал какую-то книгу, изредка поглядывая на свое чадо. Именно здесь, в воде, я случайно и познакомился с мальчишкой, барахтавшимся рядом. Его звали Павлом. В разговоре выяснилось, что ему тоже тринадцать, что он любит читать, рисует и тоже живет в нашем поселке. Договорились встретиться вечером. У меня затрепетала робкая надежда, что моему тоскливому одиночеству наступит конец.

Дома папа сказал маме: "Кажется, Мите не придется больше изнывать от скуки. Мы познакомились на пляже с мальчиком его возраста и таким же полненьким". Да, в то время я был несколько толстоват.

Так я познакомился с Павлом Липатовым, сыном рано ушедшего писателя Бориса Липатова. Жил он в нашем поселке с матерью, Татьяной Карловной, и отчимом, писателем и бывшим военным корреспондентом Евгением Захаровичем Воробьевым, автором известного в свое время романа "Высота", по которому был снят фильм.

Дача у Воробьевых была уже полностью обустроена. Пашка занимал собственную небольшую комнату, в которой он непрерывно что-то рисовал, лепил из пластилина, клеил, строгал, писал. Выяснилось, что его страстью была военная тема: от техники до костюма всех веков и народов. Я поражаюсь, как из какой-то дребедени, мусора в руках у Павла вдруг рождалась точная копия американского танка "Шерман", или немецкого "Тигра", или нашей "Катюши". Ну, так и просится здесь фраза Ахматовой, ставшая расхожей: "Когда б вы знали, из какого сора..."

Пашкины рисунки с изображением невиданных космических кораблей (тоже влияние Стругацких), военной техники с мельчайшими деталями, солдат и офицеров в мундирах различных армий мира с дотошно вырисованными шевронами, лычками, аксельбантами и эполетами — завораживали. А еще Павел делал собственные сборники песен. Он делал вырезки откуда только мог со словами и нотами песен или записывал услышанное и клеивал все это в большие толстые тетради в клеенчатой обложке, которые потом художественно оформлял.

Мы быстро нашли общий язык: Стругацкие. Пройдет еще немного времени, и мы как Библию будем читать с моим самым близким другом "Попытку к бегству", "Трудно быть богом", "Понедельник начинается в субботу" и другие их выдающиеся книги.

До сих пор поражаюсь, как ухитрились эти писатели под видом "научной фантастики" обойти со своими идеями цензуру тех времен. Наверное, здесь сказалось то, что этот запретительный орган в лице Главлита относился к фантастике снисходительно, как к одному из направлений *детской* литературы, к тому же описывавшей какое-то *отдаленное* будущее. И проглядели партийные идеологи, что благодаря Стругацким в сознание многих молодых людей моего поколения закладывалась стойкая нетерпимость к любому виду политического, религиозного или националистического мракобесия, которое ежечасно, ежесекундно способствует возрождению фашизма и тоталитаризма. Это в полной мере относилось и ко мне и Павлу.

"После серых всегда приходят черные". К сожалению, этот постулат Стругацких актуален и в наши дни.

Сегодня, почти полвека спустя, я понимаю, что мы успели стать самыми младшими из поколения "шестидесятников", чем гордимся, что бы там ни говорили иные борзописцы о том времени.

Павел познакомил меня со своим сводным братом Сергеем Воробьевым, сыном Евгения Захаровича от первого брака. Еще у Воробьевых была общая дочь, Катя. Ну, как тут не вспомнить известную шутку: муж кричит жене: "Иди скорей, твои-мои наших бьют!"

Сергей, по дачному прозвищу "Воробьянинов", был парнем с острым языком, начитанным, умевшим спорить до самозабвения. Он прекрасно танцевал "твист", что по тем временам считалось высшим шиком. С Сергеем я тоже подружился, хотя поначалу мне было с ним и не так комфортно, как с Пашкой.

Далее оказалось, что в нашем поселке пруд-пруди интересных людей моего же возраста и у всех было свое дачное прозвище: Игорь Андреев — "Гошка", сын заместителя главного редактора журнала "Октябрь", Леша Сикорский, "Шляхтич" — сын поэта Вадима Сикорского и внук знаменитых поэтов-переводчиков Самуила Борисовича Болотина и Татьяны Сергеевны Сикорской. Это они внесли свой особый "боевой" вклад в разгром фашизма. В их блистательном переводе "русскими" стали практически все песни наших англо-американских союзников времен Второй мировой войны. Кто из старшего поколения не помнит "Зашел я в чудный кабачок", "Типперери" и, конечно же, вечную песню бомбардировщиков — "Мы летим, ковыляя, во мгле...". Ее знает и всюду распевает и нынешнее поколение молодежи.

Спустя годы Алексей Сикорский рассказал мне маленький эпизод из жизни своей бабушки. Дело было в начале 50-х. Среди прочих песен, которые Татьяна Сергеевна просматривала для возможного перевода на русский язык, ей попала заборная чешская полечка: "То ли лу-ко-вич-ка, то ли реп-ка, // То ль за-бы-ла, то ли люб-ит креп-ко...". Но в жесткие рамки русского стихотворного размера никак не хотел укладываться чешский музыкальный переменный метр. Тут нужно было заставить бежать в единой упряжке, вопреки Пушкину, русского "коня" и трепетную чешскую "лань"¹. Поэтому даже такая опытная поэтесса мучалась в попытках найти тот самый единственный и лучший вариант перевода.

В самый напряженный момент творческих поисков у Татьяны Сергеевны случился приступ аппендицита, и ее увезли в больницу на операцию. До сих пор непонятно, как это могло случиться, но только лекарство для местной анестезии оказалось некачественным, а операция уже началась, и откладывать ее было невозможно. В тот момент поэтесса совершила, на мой взгляд, личный человеческий и профессиональный подвиг. Она, чтобы отвлечься от нестерпимой боли, начала вновь и вновь прокручивать в голове варианты перевода "Луковички", искала самый точный и лучший из них. И к концу операции она его нашла! Редкой силы мужество.

У нас вскоре образовалась мощная компания, связанная одними и теми же интересами, возрастом, прочитанными книгами. Даже юный Лешка Кеменов, награжденный прозвищем "Буратино" за писклявый голосок и остренький носик (его иногда звали "Кемь"), тоже нашел в ней свое место. К компании тянулся и младший брат Лешки Сикорского Алик. В свое время он войдет в историю отечественной попмузыки не только благодаря обезьяне Марсику. А в то время он, как и мы все, тоже увлекается музыкой, и особенно — Битлами.

Годами позже Алику довелось быть неким мостиком, связавшим на полчаса две великие музыкальные культуры: Битловскую и американскую. Дело в том, что Самуил Борисович и Татьяна Сергеевна были хорошо знакомы с самим Питом Сигером, поскольку перевели на

¹ "В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань". Из поэмы "Полтава" (1829) А.С.Пушкина (слова Мазепы)

русский язык многие его песни. Для нынешнего поколения поясню, что Сигер был знаменем песенного движения Америки в 60-е годы. Он написал многие песни протеста, в частности, против войны США во Вьетнаме, против "стандартизации" американского образа жизни (сейчас бы сказали — всеобщей "глобализации"), которые распевала молодежь по всему миру. Он же основал журнал "Запевай!" ("Sing Out!"), снискавший в Штатах огромную популярность. Надо ли говорить, что Сигер блистательно играл и на гитаре и на банджо.

В один из своих приездов в Москву Пит Сигер был приглашен на первый канал телевидения для небольшого интервью. Поприветствовав советских телезрителей, Пит сказал следующее (я, боготворивший Сигера, дословно записал его слова, постаравшись передать и манеру его произношения):

— Пер-вод стиков оушен трудное дело. Но я рад, что советские первот-чики Болотин и Сикорская так удачно первли несколько мерканских песен, что их можно петь по-русски, — закончил он свое приветствие.

После телевидения Сигер решил навестить своих добрых московских друзей. Естественно, дома у них он устроил импровизированный концерт, на котором, помимо Самуила Борисовича и Татьяны Сергеевны, присутствовал один Алик: его старший брат Лешка в то время служил в армии. После того, как Пит закончил петь, Алик попросил у него гитару и стал показывать наиболее типичные битловские обороты, которые его поразили. Пит с удовольствием внимал юному музыканту, который, к тому же, довольно бегло шпарил на английском.

Справедливости ради надо сказать, что такая музыкальная напористость и быстрая реакция Алика Сикорского позже снискали известность ему в ансамбле "Атланты", создателем и руководителем которого он стал. Тогда же и произошла еще одна знаменательная встреча Алика, на этот раз с будущей легендой уже российского рока.

Дело в том, что под влиянием все тех же Битлз юный восьмиклассник Андрюша Макаревич с друзьями создали ансамбль "The Kids" ("Дети"). А в конце декабря 1969 года на новогоднем вечере в 19-й спецшколе выступала группа Алика Сикорского. Впрочем, предоставляю слово самому Андрею Макаревичу:

"<...> Внезапно подошел Сикорский <...> Узнав, что у нас нет бас-гитары, он страшно удивился и сказал: "Без баса, ребята, у вас ничего не выйдет. Ну ладно, повернись ко мне грифом, я подыграю". Я согнулся под тяжестью "Фрамуса"¹. Сам Сикорский подыгрывал мне на бас-гитаре!

<...> Образ его в моей душе и до сих пор занимает одно из самых светлых мест: не дай он нам сыграть тогда, в шестьдесят девятом, что бы с нами было?"²

И ведь действительно, что?

А Алик и сегодня руководит ансамблем "Старая гвардия" и поет в нем, вызывая ностальгический туман во взоре у "гвардейцев"— поклонников зажигательного рок-н-ролла.

Мои новые друзья относились ко мне с некоторой долей иронии. Дело в том, что именно в 1959 году, то есть в тринадцать лет, я принял твердое решение поступать в Иняз и сделать английский язык своей профессией. Родители долго пытались объяснить, что к иностранному языку хорошо бы присовокупить что-то еще, что он лишь приложение, но мне казалось, что

¹ "Фрамус" — фирма-изготовитель электрогитар

² Андрей Макаревич. "Сам овца". Автобиографическая проза. Захаров, М., 2001, с.112

английский язык и так самодостаточен. Кроме того, я просто бредил Англией, ее историей, культурой, ее незабываемыми традициями.

И вот я постановил сам себе каждое лето ежедневно заниматься часа по два английским. Впервые увидев меня, закопавшегося в учебниках, словарях и пьесах Оскара Уайльда, приятели осторожно поинтересовались, не готовится ли их друг к переэкзаменовке, что, по их разумению, было делом вполне объяснимым. Когда же выяснилось, что я сижу и занимаюсь абсолютно добровольно, не из-под родительской палки, что мне это нравится, и что ради своего английского я готов отказаться от многих дачных соблазнов, они тихо удалились. Подозреваю, что еще долго они крутили пальцем у виска. С той поры друзья добродушно подтрунивали надо мною, называя "англоманом".

Однажды моя страсть к языку выручила меня в весьма неприятной жизненной ситуации. Один парень из соседнего, "госстроевского" как мы его называли, поселка, который водил знакомство с нашей компанией, подрался с парнем с троичкой фабрики. Непосредственную причину драки мы не знали, но что от фабричных можно ожидать чего угодно — было известно всем. К несчастью тот, "госстроевский", сдуру достал перочинный нож и поцарапал "фабричного". После этого печального инцидента "классовая" ненависть "фабричных" достигла своего апогея. "Госстроевских", а заодно и нас, "писательских", "фабричные" пытались отлавливать поодиночке, чтобы отомстить. В то время наша компания старалась держаться гурьбой.

Как-то раз после окончания вечернего киносеанса в клубе профилактория мы вышли и увидели группу из 10-15 фабричных, стоявших на нашем пути. Мои друзья, движимые естественным инстинктом самосохранения, порскнули в разные стороны. Мне же деваться было некуда — бегать я не мог. Оставшись в одиночестве и свято веря, как будущий лингвист, во всемогущество Слова, я пошел прямо на фабричных. Многих из них я знал по встречам на пляже.

Предложив мрачной группе закурить и выиграв тем самым первые несколько секунд, я обратился к одному из парней, полному придурку. Он именно таким и был, пытаюсь "танцевать" на пляже твист. Выглядел при этом он смешно, убого и жалко, хотя ему, наверное, казалось, что именно так танцуют этот модный танец "на Западе".

И вот, глядя в глаза этому парню, я заметил, что давно собирался ему сказать, что твист он "рвет" здорово, но дело несколько портит то, что при этом он пытается выкрикивать какие-то слова на "английском", произнося их неправильно. А я могу ему помочь и научить произносить слова правильно, потому что всерьез занимаюсь английским.

Группа слушала меня внимательно. Парень что-то сказал в ответ. Подымив с фабричными еще немного, я распрощался и пошел домой. Меня никто не преследовал.

На следующее утро к нам на дачу зашел Лешка Сикорский. Поскольку я еще почивал, он стал расспрашивать маму, как я накануне добрался домой, и все ли со мной в порядке. Мама, несколько удивившись подобным расспросам, сказала, что вроде все в порядке, и пошла меня будить.

Я спустился вниз из мансарды, где спал, а Сикорский вдруг начал ходить вокруг меня и пристально вглядываться в мое лицо. И тут все выяснилось. Наша компания решила, что после моей встречи с фабричными мое растерзанное тело было доставлено в больницу, и находится если не в морге, то уж точно в реанимации. Алексей был послан на разведку для выяснения всех обстоятельств.

С той поры я еще больше уверовал в Слово, с помощью которого можно обеспечить себе победу, даже в такой, казалось бы, гиблой ситуации.

Годы спустя один мой знакомый, профессиональный актер, поведал леденящую душу историю, которая в чем-то схожа с моей встречей с "фабричными". Это было под Екатеринбург (тогдашний Свердловск). Накатавшись вдоволь на лыжах, он возвращался домой и уже вышел на опушку леса, как путь ему преградила стая одичавших собак. Подобно криминальному сообществу, в ней соблюдалась четкая иерархия, это мой приятель понял сразу. Маленькие "шестерки", истерически визжа и лая, делали вид, что вот-вот набросятся на человека. Мощные псы, сгрудившиеся в середине стаи, хранили угрюмое молчание, изредка прерываемое глухим рычанием, если тот делал хоть малейшее движение. Стая явно ждала, что у ее пленника сдадут нервы, он что-то предпримет, и вот тогда...

Ситуация была безвыходной, просто смертельно опасной. В тот момент по какому-то наитию мой приятель начал... читать стихи. Он читал их спокойно, не "по-актерски", как делал это на сцене. Голос его звучал размеренно и монотонно. Стая обратилась в слух: визг и рычание постепенно прекратились. — "И тут я почувствовал, — продолжил мой приятель, — что у нее как бы пропала изначальная цель — растерзать меня. Спустя еще минут десять стая стала постепенной растворяться, смешиваясь с зимними тенями кустов и деревьев, и вскоре исчезла. Путь был свободен".

По-моему, эти два случая служат яркими примерами силы воздействия Слова не только на людей, но и на животных, причем и в том и другом случаях объединенных в стаи.

Тот август 1959 года, когда я обрел своих новых друзей, пролетел в одно мгновение. Но ядро нашей компании сохранилось и позволило "летнюю" дружбу распространить и на все остальные времена года. Мы часто собирались или у Павла в писательском доме на Аэропорте, или у меня на Маяковской. Я перезнакомился с друзьями Пашки по школе, с его сверстниками — соседями по дому. Он — с моими. Круг новых и долгожданных друзей для меня расширился настолько, что в нем стали образовываться не связанные между собой более мелкие группки, в каждой из которых мне было интересно и, как мне казалось, я тоже был интересен для них.

Духовная наша близость с Павлом становилась все сильнее. При этом мы могли спорить по каким-то отдельным моментам, что-то в поведении друг друга нас не устраивало, но все это не нарушало нашего единства взглядов по более серьезным вопросам. Мы встречались по несколько раз на неделе, мы поверяли друг другу все свои сердечные переживания ранней юности, и каждый воспринимал их как свои собственные. Однажды мы с Пашкой пришли к заключению, что нам иногда нет необходимости даже разговаривать. Достаточно заглянуть друг к другу в гости тогда перебирать в тишине книги на стеллажах, заниматься своими делами — рисованием, переводом, чтением. Главное быть в одном помещении, чтобы в любую секунду возобновить прерванную беседу после затянувшейся паузы.

На мой взгляд, это высшая форма дружбы.

Вскоре после того, как я написал эти воспоминания о своей любимой Пахре, о наших ребятах (это было летом 2007 года), ко мне зашел Павел и принес кое-какие фотографии нашей юности, которых у меня не было. А еще он протянул мне небольшой заклеенный конверт. Вместо сургучной печати на клапане красовалась буква "А", выведенная золотой краской, а под ней цифра — 67.

— Что это? — поинтересовался я.

— А это, старик, я написал что-то вроде характеристик ребятам из нашей компании еще в 1967 году, то есть более сорока лет назад. Тут и о тебе есть. Как видишь, конверт запечатан. С того времени его никто не вскрывал.

Я просто онемел. Получить такое послание "будущим поколениям"! Не могу не привести слово в слово то, что тогда написал обо мне мой друг:

"Д. [митрий] А.[лексеевич] С.[имуков] "Борода" [мое пахринское прозвище, потому что первым стал носить жиденькую бороденку. Иногда меня звали "Хасимом" — Д.С.].

1. Очень умен. Интеллектуал и интеллигент — аж противно порой.
2. Сангвиник. Добр, но иногда может невольно причинить зло.
3. Общителен, но с людьми зачастую неуживчив. Не всегда отдает себе отчет в своих действиях и их последствиях. Любитель пошутить, но чувство юмора имеет среднее. В дружбе очень надежен, друг преданный и настоящий.
4. Честен до мелочности. С человеком, которому доверяет, правдив и откровенен до конца. Скромн, но не без тщеславия. Весьма нравственный товарищ, но и согрешить не погнушается.
5. Упрям. Настойчив. Усидчив. Работоспособен. Расчетлив. Романтичен.
6. Мой лучший друг. Этим сказано все".

Я долго молчал. Так вот, оказывается, каким я виделся моему пахринскому другу... Конечно, за "неуживчивого", "не без тщеславия" да еще со "средним" чувством юмора мой друг, даже спустя столько времени, мог бы и схлопотать — я себя таковым отнюдь не считал и не считаю. Но что касается всего остального, очень надеюсь, что и сегодня я все так же соответствую большинству пунктов его характеристики.

Летом следующего, 1960 года, в нашем "ядре" продолжали идти, как в некоем интеллектуальном котле, мощные реакции синтеза. Постоянным местом этого котла — спасибо Воробьевым — стало небольшое помещение (около шести квадратных метров) в сарае на их участке, прозванное нами "Пещерой". Мы тогда ничего не слышали о Битлах, которые еще только в январе 1961 года начнут выступать в ливерпульском клубе "Пещера" ("Cavern"). Так что приоритет, хотя бы с временной точки зрения, нашей "Пещеры" перед их — очевиден! Шутка.

В отличие от Ливерпуля, в нашей "Пещере" был колченогий стол, пара стульев, полуразвалившаяся тахта — и все. Стены мы украсили эффектными фото знаменитых киноактрис, вырезанными из польского журнала "Film" и "Ekran". Со стены напротив двери во входящего целился из кольта ковбой во всем своем классическом одеянии, включая шляпу-стетсон. Его в человеческий рост нарисовал Пашка. С другой стены с плаката, выпущенного Министерством сельского хозяйства, на человека пялился огромный черный бык на зеленом фоне. Хвост у него был изогнут в виде вопросительного знака. Подпись под плакатом гласила: "Корма заготовили?" Словом, интерьер для нашего духовного обиталища был создан.

У нас, как и в каждой молодежной компании, общение было похоже на "ирландское рагу", то есть мешанину из чего угодно. Тут был и просто треп, и обсуждение каких-то модных литературных новинок. От столкновения мнений наша "Пещера", бывало, сотрясалась не хуже Везувия. Эта гипербола тем более оправдана, что из двери сарая постоянно валил клубами сизый дым от сигарет. Каюсь, в то время было модным потягивать на "ковбойско-западный" манер только что появившиеся в продаже болгарские сигареты с фильтром. А когда наши скудные карманные средства (спасибо родителям!) не позволяли нам "роскошествовать",

вскладчину покупалась пачка совершенно невозможных, горлодерных (хуже махорки) польских сигарет без фильтра "Sport", либо наш "Памир". Далее следовал такой ритуал: все затягивались по очереди одной сигаретой, и надо было держать ее вертикально, чтобы как можно дольше с нее не падал пепел. У кого он падал, тот свою очередь пропускал. Эта мода на курение позже самым печальным образом сказалась на здоровье многих из нас. Зато в малое наше оправдание должен сказать, что, в отличие от многих молодых людей нынешнего времени, мы были абсолютно незнакомы с наркотиками. Слышали о них, но никогда не стремились достать их и попробовать.

Мы, как губка, впитывали все, что касалось новинок литературы, кино, театра — это же был профессиональный мир наших родителей.

Но особенно нас волновали последние публикации в журнале "Новый мир", новые книги, сборники стихов наших молодых поэтов, имена которых были тогда у всех на устах. Это была благодатная пора хрущевской "оттепели", когда вдруг оказалось, что нам *невероятно интересно жить*. Школа с ее комсомолом выводилась за скобки этой новой нашей жизни. В школе мы *отбывали срок* (учились, правда, хорошо), вынужденные играть в игру под названием "жизнь" по существовавшим советским правилам. Публично идти против тех правил нас не тянуло: мы были ошарашены случаем с Павлом. Он, выстояв длинную очередь на выставку американской графики (приезжала к нам в 1963 году), заговорил, как мог, по-английски с молоденькой стендисткой, интересуясь работой какого-то художника. Не успел Павел отойти от стенда, как его тут же взяли в "коробочку" двое неприметных "художников в штатском" (они же всегда *неприметные*) и быстро втолкнули в какую-то комнату. Там Павлу учинили настоящий допрос: о чем он говорил с американкой, а, главное, с какой целью? Аргумент вроде того, что он — молодой художник, не произвел на них никакого впечатления. Нет, *почему* он заговорил? Почему стал общаться без *согласования*? Вот такая тогда была всеобщая партийно-советско-гебистская установка, особенно в отношении молодежи: общаешься с иностранцами — априори предаешь родину. А уж если общаешься на "ихем" языке, то предаешь в два раза быстрее. Это очень точно подметил в 1963 году Владлен Бахнов¹ в своей известнейшей песенке-пародии "Ах, что за чудная земля, вокруг заливы Коктебля!", в которой, в частности, были такие слова: "Сегодня парень водку пьет, а завтра планы продает родного, бля, советского завода. Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст. Свобода, бля, свобода, бля, свобода!"

С большим интересом мы восприняли публикацию в "Новом мире" рассказов Александра Солженицына "Один день Ивана Денисовича" и "Матренин двор". Большое впечатление на нас произвели воспоминания узника сталинских лагерей генерала Горбатова, мемуары Ильи Эренбурга "Люди, годы, жизнь". Глотая эти книги, мы делали свои собственные выводы, естественно, приветствуя и разделяя позиции редакции "Нового мира". А Игорь Андреев демонстративно превозносил линию журнала "Октябрь", в котором работал его отец, и редакция которого асфальтовым катком постоянно наезжала на "новомирцев".

Наши споры, бывало, достигали такого накала, что как-то раз, когда словесные аргументы иссякли, Игорь схватил пневматическую винтовку и в бешенстве пальнул в стоявшую на подоконнике большую стеклянную банку. Та разлетелась на мелкие осколки, чуть не выбив глаз Пашке, и только по этой причине страсти поутихли. Молва той поры гласила, что даже редакционные шоферы "Нового мира" и "Октября", захваченные идейным противостоянием на

¹ В.Е.Бахнов (1924-1994), поэт, драматург, пародист, сценарист ("12 стульев", "Иван Васильевич меняет профессию" совместно с Л.Гайдаем)

своем "производственном" уровне, мстительно вывертывали ниппеля у колес машин редакции "противника".

Царившую в те времена в литературном мире атмосферу может проиллюстрировать письмо Михаила Ильича Ромма. Наш любимый режиссер, создатель, в частности, знаменитого фильма—предупреждения "Обыкновенный фашизм", написал его в январе-феврале 1963 года секретарю ЦК КПСС по идеологии Ильичеву:

"Я считал и считаю своим долгом советского гражданина и художника бороться с остатками и пережитками культа личности [Сталина]... Я не предлагал уничтожить Кочетова, Софронова и Грибачева. Наоборот, пусть пишут. Но линия их, широко известная, прочно укоренившаяся в критическом отделе "Октября" и в газете "Литература и жизнь", — эта линия культовая, чем бы она ни прикрывалась"¹.

За литературными схватками стояли куда более серьезные вещи: страна усилиями ее партийных руководителей неспешно разворачивалась, как неуклюжий дредноут, чтобы лечь на старый курс.

В 1961 году Евгений Евтушенко опубликовал стихотворение "Бабий Яр". Хорошо помню тот шок, который я и мои сверстники испытали, узнав о страшной трагедии, произошедшей в этом местечке на северной окраине Киева 29 и 30 сентября 1941 года. Гитлеровцы тогда приступили к массовым расстрелам евреев, педантично устраивая эти "акции" по вторникам и субботам. За два года было расстреляно более ста тысяч человек.

Но наш шок от содеянного фашистами усугублялся еще одним омерзительным явлением, с которым мы, шестнадцатилетние, столкнулись в своей стране впервые — с антисемитизмом в центральных газетах под прикрытием "искажения исторической правды". Дескать, что все только о евреях. Там убивали людей и других национальностей! Да, это так, но евреев фашисты истребляли целенаправленно, как в свое время китайцы — воробьев.

А вопли об "искажении исторической правды" регулярно возникают (в течение своей жизни слышал не раз), когда в правящих верхах усиливается страх от результатов их же собственных действий — а ну как народ...

Мы, воспринимавшие любую национальность исключительно через ее культуру, почувствовали себя оскорбленными ЛИЧНО. А уж когда мы узнали, что рискнувший опубликовать "Бабий Яр" главный редактор "Литературной газеты" Валерий Косолапов был снят со своего поста, стало ясно — над нашей страной сгущаются очередные сумерки. С той поры моим девизом, как и девизом людей, близких мне по духу, являются евтушенковские строки:

"Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам, как еврей,
И потому — я настоящий русский!"

В октябре 1962 года в газете "Правда" появилось другое стихотворение Евтушенко "Наследники Сталина". Только-только завершился XXII съезд КПСС, после которого Сталина вынесли из Мавзолея. И вновь поэт ударил во все колокола ("Поэт в России больше, чем поэт...") — не допустить повторения ужасов сталинизма. Для нас это стихотворение стало политическим вектором.

¹ Михаил Ромм. Как в кино. Устные рассказы. Деком, 200; Кочетов, Софронов и Грибачев — наиболее одиозные писатели того времени, выступавшие "охранителями" идеологической системы

"...Мне чудится,
 будто поставлен в гробу телефон:
кому-то опять
 сообщает свои указания Сталин.
Куда еще тянется провод из гроба того?
Нет, Сталин не умер.
 Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли
 из Мавзолея
 его.
Но как из наследников Сталина
 Сталина вынести?"

Конец все того же 1962 года ознаменовался небывалым ажиотажем среди московской интеллигенции. Манеж, дотоле служивший в советский период правительственным гаражом, был преобразован в выставочную галерею, и в нем была устроена выставка работ художников и скульпторов, посвященная 30-летию МОСХ — Московского отделения Союза художников. На ней демонстрировалось более двух тысяч произведений, и менее чем за месяц ее посетило свыше ста тысяч человек. Именно в те дни во всемогущий тогда ЦК КПСС поступило письмо группы советских художников, больше похожее на открытый политический донос.

В письме, в частности, говорилось, что "обострившаяся международная обстановка оживила и привела в действие силы, стремящиеся проникнуть в наше государство с целью разложения нашей идеологии изнутри...[что] нашло свое выражение и в нашем изобразительном искусстве, где нашлись силы, несущие в своем идейном багаже буржуазную идеологию, идеалистические взгляды на искусство"¹.

Это был отчаянный визг некоторых художников-охранителей идеологической системы, почувствовавших, что их безмятежное существование в неприступном замке "социалистического реализма", а, значит, и доходы от "идейного творчества" поставлены под угрозу. Буквально неделю спустя после появления этого письма было организовано посещение Манежа Хрущевым "со товарищи". Вот только один и далеко не самый зубодробительный образчик его высказываний после увиденного: "Это искусство, когда картину пишет осел, когда его муха начнет кусать, и чем больше она его кусает, тем он создает "сложнее произведение"².

Мне нет нужды описывать ту реакцию крайнего раздражения, дремучести в восприятии нового и откровенного хамства, которыми "прославился" тогда этот визит, мгновенно прозванный народом "кровоизлиянием в МОСХ" — об этом написано много. Кстати, надо отдать должное Никите Сергеевичу: выставка продолжала работать, указания закрыть ее не последовало, а сами чиновники не осмелились содрать в одночасье картины со стен и закрыть Манеж в угоду первому секретарю ЦК КПСС.

Но я хочу рассказать о *своем* посещении выставки, уже после Хрущева. Итак, мне шестнадцать лет. Выставка — пожалуй первое событие в советском искусстве, шире открывающее глаза на изменившийся "послесталинский" мир, дающее иной ракурс видения. До Манежа такую редкую возможность собственной оценки чего-то нового, "прокрутки мозгов" мы с друзьями получали только в дни московских международных кинофестивалей.

¹ //"Источник", №6, 2003, с.167

² Там же

Отстояв огромную очередь — хрущевский пиар только добавил выставке популярности — я вошел в огромное пространство, сплошь заполненное Искусством. Глаза разбегались: разнообразие стилей, форм, манер, материала, сюжетов поражали воображение. Человеку, воспитанному на лучших живописных образцах "Третьяковки", передвижниках и художнике Решетникове с его "Опять двойкой", такое было выдержать тяжело, но я радостно впитывал в себя весь этот калейдоскоп полотен, тканей, фарфора, бронзы, глины.

С того дня у меня сохранились несколько листочков бумаги с ладонь величиной, чтобы было удобнее записывать фамилии авторов и названия наиболее понравившихся мне работ. Здесь встречаются фамилии Тышлера, Басова, Пророкова, Коненкова, Зверева, Сандомирской, Манухина, Дейнеки, Пластова, Коровина, Ромадина, Сидура, Эйкельмана, Павловского. До сих пор перед глазами "Аниська" Штернберга, с ее недетской мудростью в детских глазах. А работа Лучишкина "Шар улетел" не то была написана по мотивам песни Булата Окуджавы, не то предвосхищала ее.

Притча во языцех — картина "Обнаженная" художника Фалька вызвала лишь любопытство ("Это извращение, это ненормально!" — реакция Хрущева). Оттуда же очаровательное народное, после долгого стояния в очереди и прорыва к культуре: "Хде здесь голая Валька?!" Небольшие скульптурные работы Эрнеста Неизвестного из бронзы "Хиросима", "Отбой", "Раненый" были настолько пугающе экспрессивны, что даже попытка их осмысления окончилась неудачей — меня понесло подальше от них.

После двух часов феерической круговерти я направился, как ищейка, к конкретной картине, тоже прогремевшей с подачи Хрущева, — "Геологам" Павла Никонова. Вот здесь я задержался. Грязновато-серовато-желтый фон, люди, сидящие в разных позах. Они внутренне разобщены, над ними довлеет одно — усталость. Полотно разительно отличается от плакатных героев, ведущих разведку недр великой Советской страны. Здесь люди изображены в минуту отрешения от всего внешнего из-за нечеловеческой усталости.

Как бы про себя, но по-театральному "в сторону", я высказал свое одобрение картине. Народ, стоявший рядом со мной, потянулся взглядом в мою сторону: кто там высказывается, да еще после "исторической оценки" Никиты Сергеевича? Ободренный секундным вниманием, я уже почувствовал вкус к ораторскому владению массами, и свои дотоле внутренние мысли выплеснул на публику.

Вскоре я с удивлением обнаружил, что стою немного боком к картине, как заправский экскурсовод или искусствовед, а люди образовали на некотором расстоянии от меня большой полукруг и — слушают! Внимательно! Краем уха я улавливаю шепот: "А кто это говорит? — Неверное, какой-то молодой художник". "Площадку", как говорится, я держал минут сорок.

Это был момент высшего упоения: мои слова были интересны людям, я чувствовал себя свободным, как никогда. До сих пор не могу понять, каким образом мне, обыкновенному школьнику, после такого публичного выступления удалось избежать весьма неприятных последствий со стороны "искусствоведов в штатском" (кстати, этот меткий термин мгновенно прижился в народе после того вернисажа): ведь для советских людей по выставке в Манеже уже были даны все высочайшие политические и партийные оценки. До чего же безрассудна молодость! Да здравствует ее такое безрассудство!

Вскоре после этих событий художник Таир Салахов увез "Геологов" к себе в Азербайджан и, таким образом, сохранил картину. Ныне "Геологи" Павла Никонова, вернувшись в Москву, выставлены в одном из залов Третьяковки. Картина стала знаковой вещью, своеобразной точкой отсчета времени в современном искусстве. До чего же мудрыми были древние римляне,

которые, среди тысяч своих крылатых фраз, оставили нам и такую: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними...

А Хрущев, после того, как его же соратники по партии сняли со всех постов, искренне сожалел, что так повел себя в Манеже: — "Меня так настроили..."

Спустя десятилетия после моего дебюта на выставке в Манеже в качестве "искусствоведа" со школьной скамьи, мне довелось побывать на вернисаже своего хорошего знакомого архитектора и художника-графика Владимира Ревякина. Мы познакомились через наших общих друзей, и тут к нашему обоюдному с ним удивлению выяснилось, что Владимир был в Праге в то же самое время, когда я там работал. Он сделал в древней столице Чехии массу набросков, эскизов и акварелей старинных зданий, башен и вообще всего того, что составляет всемирную известность этому сказочному городу. Часть из них выставлялась на том вернисаже.

Когда приглашенные гости, включая меня, завершили осмотр небольшой выставки, я почувствовал, что просто обязан сказать несколько слов. Они родились совершенно спонтанно. "Мы только что завершили знакомство с очередной выставкой талантливого художника-урбаниста Владимира Ревякина, — буднично начал я, — но, пользуясь терминологией бывшего Генерального прокурора СССР Андрея "Ягуарьевича" Вышинского¹, я должен потребовать для гражданина Ревякина высшей меры наказания за клятвопреступление. (Тут я взял небольшую театральную паузу). Древний город под большим секретом открыл ему свою душу, а он выставил ее на всеобщее обозрение".

Это было мое второе в жизни выступление на вернисаже. Кажется, оно понравилось.

Мы использовали любую возможность, чтобы пробраться в Центральный дом литераторов или Дом кино на "закрытый" просмотр какого-нибудь зарубежного фильма. Или мчались на край Москвы в какой-нибудь клуб или дом культуры на фильм, шедший не первым экраном. Была такая практика у партийных идеологов: фильм, о котором говорили и писали, зачастую показывался в самых захолустных киношках и только по нескольку сеансов, чтобы его увидело как можно меньше зрителей.

Мы жадно всматривались в иную режиссуру, иную игру актеров, *иное мировосприятие*. Особую радость нам приносили московские международные кинофестивали, ставшие тогда настоящими событиями в культурной жизни, окном в мир иной. На эти фестивали мы бегали поочередно со своими родителями по одному абонементу, который после многочасовых очередей удавалось достать в Доме кино. Завораживающие имена актеров Марчелло Мاستроянни. Софи Лорен, режиссеров Лукино Висконти, Федерико Феллини и десятков других актеров и режиссеров мирового уровня из Италии, Франции, Америки и других стран постоянно заставляли сопереживать, думать и понимать настоящее искусство.

Не утихали дискуссии о том, насколько точно Одри Хепберн передала образ Наташи Ростовой в фильме "Война и мир" американского режиссера Кинга Видора. Над фильмом "Римские каникулы", где Одри играет вместе с Грегори Пеком, я рыдал самым настоящим образом. Тема невозможности соединения двух любящих сердец была в то время созвучна моим собственным переживаниям: девочке, в которую я был безнадежно влюблен в школе, мои чувства оказались не нужны. Некоторое успокоение внес папа, сказав, что в фильме дан тонкий намек на историю сестры королевы Англии Елизаветы II, принцессы Маргарет, которая вышла

¹ Андрей Януарьевич Вышинский (1883-1954), советский государственный деятель

замуж за фотографа¹ (позже ему был пожалован титул лорда Сноудона). — "Ну, хоть у них все окончилось хорошо", — думал я, печально вздыхая.

Но мы гонялись не только за "иностранным". Колоссальные впечатления на нас произвели фильмы режиссеров Андрея Тарковского — "Иваново детство", Михаила Калика — "Человек идет за солнцем" с вечной музыкой Микаэла Таривердиева, "Живые и мертвые" Александра Столпера по роману Симонова. А с каким восторгом мы встретили "Заставу Ильича" Марлена Хуциева! Это уже был фильм как бы о нас, но повзрослевших лет на пять — шесть.

С фильмами, которые не удавалось увидеть, мы знакомились по сценариям, даже по разгромным рецензиям в наших газетах, или просто по пересказам близких. Например, папа, вернувшись из Дома кино с просмотра фильма Хичкока "Психо" (так в то время назывался этот фильм), подробно пересказал мне его сюжет. После этого, когда мне приходилось оставаться в квартирном доме, я, принимая вечерний душ и зажимая глаза, чтобы в них не попало мыло, испытывал просто животный страх, от которого по всему телу бежали страшные мурашки. Я буквально физически ощущал приближение сумасшедшего маньяка с огромным ножом в руках, чтобы убить *меня*. Вот она, волшебная сила искусства.

Революцию в наших мальчишеских умах произвел фильм "Великолепная семерка" с блистательными Юлом Бриннером, Стивом МакКуином, Чарли Бронсоном, Хорстом Бухольцем. Для нас это было открытием новой планеты по имени "вестерн". Естественно, благородные "хорошие парни" надолго стали нашими кумирами. Мы обвешивали себя самодельными деревянными кольтами, сделанными по эскизам Павла, ходили чуть лениво, вразвалочку, дрожали от восторга, если кому-нибудь из-за границы привозили такую же "пушку", да еще сверкающую никелем и оглушительно стреляющую капсюлями.

Мы даже начали съемку собственного игрового фильма на нашей пахринской Десне в ее лесной излучине. Я был счастливым обладателем самой дешевенькой любительской кинокамеры "Спорт" (хоть и дешевенькая, но она стоила целых 25 рублей — почти четверть месячного оклада инженера!). Готовились к съемкам серьезно — с гримом, реквизитом, элементами ковбойского костюма, с "кольтами" и пневматическими винтовками. С тех времен у меня осталось несколько самых первых кинокадров, в которых бравого ковбоя из засады "убивают нехорошие парни". Смертельно раненого героя блестяще сыграл Игорь Андреев. У него вообще были задатки хорошего актера.

Сохранились кадры и другого "фильма", снятого в 1963 году. Там Пашка Липатов после неистового фехтования на рапирах со своим противником, переваливается через перила нашего ажурного серебряного мостика на территории дыгаевского санатория и плюхается в одежде в воду, подняв фонтаны брызг. Полагаю, лягушки были очень недовольны. Кинематографический "подвиг" Павла принес ему заслуженную славу лучшего комедийного актера Пахры. Жаль только в Каннах об этом тогда не знали.

Постоянным режиссером и оператором кинокомпании "Пахрамаунт Пикчерз", как окрестил ее Павел, был я. Для достижения киноэффектов и демонстрации операторского искусства съемки велись и с берега, и с лодки, на веслах которой сидел наш "Буратино" Леша Кеменов. Трансфокатора у моего "Спорта" и в помине не было, так что эффектные "наезды и отъезды" камеры осуществлялись и помощью "наплыва и отплыва" лодки. Спасибо Лешке...

¹ Тут папа допустил явную ошибку: фильм был снят в 1953 году, а принцесса Маргарет сочеталась браком с Антони Армстронг-Джонсом, фотографом, потомком мелкого валийского дворянского рода только в 1960 году. Вряд ли американские киношники консультировались перед съемкой своего шедевра с болгарской предсказательницей Вангой! — Д.С.

Ныне, переведенные в формат DVD, эти кадры являются драгоценным свидетельством нашей пахринской молодости, тем более, что многих из "действовавших лиц" уже нет в живых.

Музыкой в нашей компании заведовал Алексей Сикорский. Я не знаю другого человека, который был бы так фанатично увлечен джазом и рок-н-роллом. Лешка все время отбивал ритм и что-то напевал. Музыка была его внутренним "я": она переполняла его, переливалась через край, стремясь заполнить весь окружающий его мир. Сикорский даже купил себе барабан со щетками и уже вполне профессионально шуршал ими под магнитофонные записи. Его музыкально-просветительская "школа" для друзей находилась на втором этаже их дачи. Верхом технического совершенства там был катушечный ламповый магнитофон "Гинтарас" с одной скоростью — 19,5 см/сек. Его Алеша купил в шестнадцать лет на собственные деньги, заработанные летом в геологической партии, чем снискал наше немалое уважение.

С этим "Гинтарасом" произошла забавная история. Это я сейчас пишу — забавная, а тогда она больше походила на трагическую. Алешкина няня, тетя Маруся, вынянчившая его с самого раннего детства и жившая на даче на правах члена семьи, не выдержав однажды залихватской музыки, на полную катушку изрыгаемой магнитофоном, в сердцах выплеснула на него ведро жидких помоев.

Воцарилась гробовая тишина. Во-первых, мы впали в нервный шок, а, во-вторых, умолк и магнитофон, в котором лопнула какая-то лампа. Все это длилось не более мгновения. Алексей с воплями "Няня, что ты наделала!!!" ринулся к магнитофону и тут же стал копаться в чреве этой "чудо-техники".

К счастью, все обошлось легким испугом: лопнула всего одна лампа. После ее замены мы вновь балдели под катушечную музыку старины "Гинтараса".

Достать тогда интересную музыкальную запись было сложно: магнитофоны были далеко не у всех. Но Сикорский открыл возможность делать записи полюбившихся нам мелодий на гибких пластинках из целлулоида в студии звуковых писем, что находилась тогда в начале улицы Горького рядом с кафе "Космос".

Студия эта официально записывала на пластинку голоса тех, кто желал послать "звуковое" письмо близким с собственной фотографией на этой же пластинке. Иногда по желанию заказчика на пластинке печаталось изображение Кремля. А вот полуподпольно в студии записывали и модную музыку. Поскольку и танец "твист", и слово, его обозначающее, в СССР были под запретом, в официальном преysкуранте значилось — "быстрый фокстрот". Ну, это нашим согражданам хорошо знакомо: если чего или кого у нас нет, то и проблемы нет. В данном случае не было слова "твист" — значит, его и не существовало. А пластинки — были!

Подозреваю, что этот бизнес приносил руководству студии весьма приличные барыши и был предтечей нынешней рыночной экономики. Кстати, увидев, что Сикорский у них частый клиент и неплохо разбирается в звукозаписи, директор студии предложил ему постоянную работу, благо имелась свободная вакансия. На это "хлебное" место была масса претендентов, но Алексей подумал сутки и отказался. — "Понимаешь, — позже говорил он мне, — как представил я, что нужно будет каждый день ходить в студию, каждый день записывать рок-н-роллы не по вдохновению, а по принуждению, то понял, что вскоре свою любимую музыку возненавижу".

Постепенно обзаведшись с родительской помощью магнитофонами, мы все так же шли на поклон к Сикорскому. Будучи очень добрым и бескорыстным человеком, Алеша никогда нам не отказывал в переписи каких-то модных новинок.

Не без влияния Алексея Сикорского я все больше начал прислушиваться к классическому "свинговому" джазу, находя в нем гармонии, приводившие меня в состояние полурелигиозного экстаза (не путать с "экстази"!)). Божественные звуки оркестра Глена Миллера, гениальные произведения Джорджа Гершвина навсегда стали частичкой меня самого.

Из "живого" знакомства с исполнительским мастерством великих джазменов прошлого века в памяти на всю жизнь остались концерты Бенни Гудмена в Москве в 1962 году, Рэя Чарльза в Праге в 1983 году и выступление квартета Дейва Брубека в Москве в середине 80-х в Доме медицинских работников, где в то время располагался московский джаз-клуб, членом которого я имел честь состоять. Огромное впечатление на меня произвел также величайший джазовый пианист из Канады Оскар Питерсон, за пластинками которого я охотился по всему миру.

Революционный прорыв ливерпульской "четверки" к вершине мирового музыкального Олимпа, прозвучал для нас, пахринской молодежи, библейским призывом "идите и внимайте". И мы стали внимать "Битлам" с помощью очередного чуда-техники — небольшого транзисторного радиоприемника "Спидола" рижского завода ВЭФ. Как слово Божье ловили мы, невзирая на глушилки, мелодическую новизну песен "Girl", "Hard Day's Night" и других шедевров. Могу сказать лишь, несколько изменив слова их песни "Земляничные поля": для меня "Битлз" — это навсегда.

Наша сплоченность, несколько вызывающий вид: цветастый платочек на шее, темные очки, джинсы, иногда белая нейлоновая сорочка (только-только появились на Западе!) с галстуком и замызганные китайские кеды давали пищу для разных пересудов местных обитателей. Этому "способствовала" и моя жиденьякая бороденка, которую я отрастил в шестнадцать лет. Не все ведь читали в 1962 году "Звездный билет" Василия Аксенова, который вывел своих героев примерно в таком обличье. Более того, о нашей "Пещере" по поселку поползли малоприятные слухи. Вопрос рассматривался даже на заседании правления нашего ДСК. Одна из бдительных мам, отпрыск которой не входил в нашу компанию, с придыханием сообщила, что в сарае у Воробьевых собираются мальчишки, что стены там увешаны изображением "голых женщин" и что все это необходимо немедленно пресечь, поскольку чревато.

По счастью истинное положение дел хорошо знала моя мама, которая и сказала, что никакого там "разврата" не висит, просто фотографии из польского киножурнала. А ребята хорошо дружат компанией и собираются все вместе, чтобы общаться, и хорошо, что они находятся под присмотром Воробьевых, а не шатаются неизвестно где. Аргумент был весомый, и больше подобных вопросов не возникало.

Но через некоторое время вне пределов поселка пополз очередной слух: дескать, у "писателей" теперь банда объявилась, а предводителем у них — ну, такой, в темных очках и с бородой. Почетным званием предводителя банды "писательских детей" молва наградила меня.

Забавно, но и моей маме, в конце концов, пришлось выслушать нелестную характеристику своему сыну. Близкая родственница семейства Розовых, поселковая легенда тетя Соня, знавшая все и про всех, в испуге прошептала моей маме, с которой стояла у нашей калитки: — "Смотрите, смотрите, какой мужик страшный там идет..." — "Да это же Митя!" — только и смогла вымолвить, давась от смеха, моя мама. Тетя Соня была смущена.

Несколько слов о джинсах, поскольку в те времена они были не просто удобными штанами, — это было свидетельство определенного социального статуса. Те, у кого были настоящие "Леви Страус" из темно-синей ткани деним с медными заклепками на карманах, занимали (чисто номинально, без фанфаронства, в нашей компании это не было принято) все же моральную ступенечку повыше. Счастливым обладателям таких джинсов их привозили из-за границы. Помню, какое огромное впечатление на нас произвели джинсы Игоря Андреева, высокие отвороты которых были подбиты тканью в ярко-красную шотландскую клетку.

Первоначально я без особых переживаний довольствовался польскими джинсами, которые папа привез мне из Варшавы (его первый выезд за границу), когда я уже учился на первом курсе. Цвет, правда, был не совсем "настоящий", но колом те штаны стояли хорошо и даже гремели при ходьбе, что кровельное железо. Но родители знали о моей затаенной мечте. И как-то раз Алексей Николаевич Ермолаев (о нем я уже писал), снимавший в то лето дачу у Костюковского, в благодарность за папину литературную консультацию по поводу его либретто балетного спектакля, воскликнул: "Алексей Дмитриевич! Мне очень хочется сделать для вас что-то приятное. Мои ученики часто выезжают за границу. Может быть, вам что-то нужно, не стесняйтесь, скажите!" И папа сказал: "Да, очень нужно, если это не затруднительно. Джинсы для Мити". Я о том разговоре ничего не знал, папа поведал мне о нем гораздо позже.

Вскоре начались мои мучения. Однажды папа протянул мне пакет: "Примеряй, тут Алексей Николаевич для тебя расстарался". Я испытывал двоякие чувства: с одной стороны, я был глубоко тронут и папиной заботой (я сразу же понял, кто был инициатором той джинсовой эпопеи) и любезностью Ермолаева, а с другой — страшно расстроен, потому что в те джинсы мог влезть разве что восьмилетний ребенок. Все были смущены. Я до сих пор не могу понять, почему мы тогда не дали Ермолаеву мою мерку — талию и длину? Через некоторое время я получил второй пакет и с теми же печальными размерами. Хорошо, что все это джинсовое богатство не пропало, а досталось моему маленькому племяннику.

Когда я получил пакет с джинсами в третий раз (причем Ермолаев обмолвился, что они были куплены в Канаде чуть ли не Владимиром Васильевым), почти безбрежная радость охватила меня. Джинсы были "настоящими Леви", с заклепками и лейблами, но... в них можно было запихнуть троих таких молодцев, как я! Впрочем, виртуозная работа портного из знаменитого ателье Литфонда, ушившего, укоротившего и подогнавшего эти штаны Гарганюа под мою фигуру и ухитрившегося при том сохранить *все* заклепки, принесла мне так долго ожидаемое счастье. Если не ошибаюсь, в тех джинсах я проходил все пять институтских лет, и уже очередная настоящая "фирма" была куплена мною самолично в Женеве аж за 40 швейцарских франков, когда я, уже работая, был там в командировке.

Мы, вероятно, доставляли некоторые неудобства творческим обитателям нашего поселка своей молодостью и присущей ей бездумностью. Но, клянусь, все это было абсолютно не преднамеренно. Взять хотя бы такие два эпизода:

Дмитрий Борисович Кабалевский, дача которого была через дорогу аккурат напротив дачи Сикорских, заходит к ним на участок и смущенно просит Лешку, сидящего на подоконнике второго этажа, не включать *его, Сикорского, музыку* хотя бы до четырех часов дня — композитор не может работать при таком реве и гаме. А Сикорский всего-то запускать свои обожаемые рок-н-ролы ну, может, несколько громче, чем могли выдержать уши взрослого человека. Да еще композитора. Да еще такого, как Кабалевский.

А вот я выезжаю с нашего участка на своем отчаянно тарахтящем темно-красном мопеде "Верховина-4", весь окутанный inferнальным дымом выхлопных газов. Метров через сто, как

раз напротив дачи Михаила Ильича Ромма мотор глохнет, и я в отчаянии начинаю бить ногой по педале-стартеру, пытаюсь реанимировать своего огнедышащего, но плохо отлаженного дракона: гр-р-р-р, гр-ррр... Бум! Гр-р-р-р, гр-ррр... Бум!

Привлеченный этими малоэстетичными звуками из калитки выходит Михаил Ильич и, не говоря ни слова, наблюдает за моим поединком с красным железным чудовищем. Я, заискивающе здороваясь с Роммом, стремясь всем своим видом показать, как я сожалею, что отвлек от работы Мастера, что мешаю ему. — "Ну-ну", — после небольшой паузы произносит Михаил Ильич и, видимо, приняв мои безмолвные извинения, уходит к себе в дом. В этот момент "Верховина", наконец, заводится и уносит меня прочь. Уши мои горят от смущения.

Кстати, после этого я вскоре сменил тот мопед на новую модель, уже без педалей, — мини-мокик¹. Он был действительно "мини" — такой маленький темно-синий мотоцикл и с такими же маленькими колесами. Он мне очень нравился, но грохотал, если его удавалось завести, точно так же, как и моя первая "Верховина". Потом я менял эти мини-мокики неоднократно и все они, несмотря на миниатюрность, ревели не хуже пролетающих в небе самолетов. Лет через двадцать я, наконец, успокоился, приобретя алый японский скутер (по нашему, "по-раньшеному", — мотороллер) "Ямаху" с автоматической коробкой передач. И уже достигнув солидного возраста, пересел на автомобиль.

Иногда мы шутили, но шутки эти, по крайней мере известные мне, носили беззлобный характер. Вот, к примеру, одна из них.

Особую радость нам доставлял пляж, где мы часами могли загорать на солнышке. Чистый песок, чистая река, вокруг красивые (ну, естественно!), девчонки и интересные люди (то есть мы сами). Все полны энергии, жизнь еще только начинается.

На наш пляж каждый день приходила семья — толстенький муж с женой и очаровательной дочерью нашего возраста. Они чинно рассаживались на махровых простынях и начинали принимать "солнечные ванны" под пахринским солнышком. Попыток познакомиться с юной красоткой мы не предпринимали: она была под жесточайшей родительской опекой. Это сразу чувствовалось по подозрительным взглядам главы семейства, кидаемым в сторону нашей шумной компании, в которых читалось: на его дочь не засматриваться и к ней не подходить. И тогда Сергей Воробьев решил нарушить размеренную идиллию этого добропорядочного семейства.

Каждый день он стал подходить к ним, и, шаркнув ножкой, при этом склонив голову чуть набок и несколько оттопырив зад, словно всем своим видом подчеркивал невероятнейшее почтение к толстенькому папе, Сергей произносил: "Здра-а-вствуйте!" Звук "а" у него звучал ележно и чуть протяжно, и в этом приветствии скользили характерные одесские нотки, или мне так тогда казалось?

Ритуал продолжался несколько дней. Каждый раз при приближении Воробьева дочка заливалась пунцовым румянцем, но молчала, отлично понимая, что это какой-то хитрый маневр и в центре его — она сама. Сначала папа отвечал на приветствие, потом оно стало его раздражать, а потом он, видимо, пришел в бешенство.

В один из вечеров мы как обычно сидели в "Пещере" у Воробьевых, когда калитка отворилась и в ней возникла толстенькая фигура знакомого нам отца "пляжного семейства". С места в карьер он потребовал присутствия "кого-нибудь из взрослых".

¹ Мокик — образовано от слов мопед и кикстартер (педаль завода)

В то лето у Воробьевых гостила директор хореографического ансамбля "Березка" Валентина Гаярина — мы звали ее просто тетей Вале́й. Это была очень красивая, я бы сказал, эффектная женщина. Других в этом ансамбле, наверное, и не было.

Услышав возбужденный голос нашего неожиданного визитера, она вышла на крыльцо и осведомилась, что, собственно происходит. Далее произошел следующий диалог, который мы отлично слышали из своей "Пещеры".

— Я знаю, — в запальчивости начал мужчина, — это участок писателя Воробьева, и здесь живет его сын Сергей.

— Вы правы, — сказала тетя Валя, — это действительно так. У вас есть к нему какие-то претензии? Сережа что-то сделал не так? В чем, собственно, суть вашего прихода?

— Суть моего прихода в том, — чуть ли не завопил толстенький папа, — что он ежедневно издевается на пляже над моей семьей!

— И в чем же заключается это его "издевательство"? — любопытствовала тетя Валя. — Он вас оскорбляет? Каким образом?

— Он ежедневно с нами здоровается. Издевательски. Он...

— Но неужели проявление элементарной человеческой вежливости можно считать издевательством? — нанесла молниеносный удар тетя Валя. — Я хорошо знаю Сережу, и не могу принять ваших претензий.

Тут мужик и сам сообразил, что выглядит по-идиотски, да еще таковым его и выставили, и ретировался.

В нашей "Пещере" раздался радостный рев. Так мы благодарили тетю Валью за то, что она не дала Сергея в обиду.

Странно, что мы совершенно не общались с молодежью из соседнего дачного поселка Академии общественных наук при ЦК КПСС. То ли там был демографический "провал" в нашей возрастной категории, то ли "высокое" имя поселка сказывалось.

За рекой был пионерский лагерь Совмина РСФСР "Высота". Несмотря на приличную удаленность от нашего поселка, он донимал всех грохотом своих динамиков. С утра до вечера окрестности оглашались бравурной пионерской музыкой и командами вожатых.

Вместе с ребятами из "Высоты" мои друзья иногда играли в футбол и волейбол. Игорь Андреев был нашим главным спортсменом, поскольку занимался в волейбольной секции.

"Берегись, пионерия-комсомолия, идет команда "Красные зуавы"!¹ — угрожающе орал Андреев, когда наши шли на спортивную битву.

Забавный случай был связан и с футбольными страстями. Андреев, Воробьев и кто-то еще из наших проиграли с разгромным счетом и возвращались домой. Естественно обуревавшие их отрицательные эмоции требовали немедленной и элементарной разрядки — морду кому-нибудь набить. А вот, кстати, и подходящий объект. Навстречу им с пригорка спускаются два типичных "интеллигента". Было довольно поздно, и фигуры едва угадывались в сумерках. "Ща, как им ввалим..." — мстительно предвкушал Воробьев. (Это он нам потом сам рассказывал). Каково же было удивление и разочарование наших "зуавов", когда выяснилось, что это мы с Пашкой шли встретить своих друзей после матча!

¹ Зуавы — так назывались военнослужащие легкой пехоты во французских колониальных войсках, части которых формировались из жителей Северной Африки.

Постепенно круг общения нашей дачной компании расширялся: мы стали больше дружить с ребятами из "госстроевских" дач (они или жили там, или снимали на лето), среди которых были и девчонки. Но общение шло, в основном, на пляже или на пинг-понговой площадке санатория-профилактория Минмонтажспецстроя (кажется, он так назывался). Охраняя покой Воробьевых, мы не делали проходного двора из нашей "Пещеры". Это был Олимп для избранных.

Из "госстроевских", мы крепко подружились с Витей Прокопенко, Колей Мырсовым, Мишей Шиковым. Спустя несколько лет эта дружба даже вылилась на некоторое время в супружеские отношения между "их" Колей и "нашей" Машей Кабалевской.

Кстати, с Колей, вернее, с его дедушкой произошла еще одна забавная история. Дед любил "погонять шары" в бильярдной профилактория. Как-то раз его увидел директор профилактория и, громко выговорив кому-то из подчиненных, что они пускают "всяких посторонних", приказал, чтобы ноги этого старика здесь не было.

На следующий день Колин дедушка вновь появился в бильярдной, но уже не в "цивильном" костюме дачника, а в мундире генерала со всеми регалиями и орденами. Дело усугублялось еще тем, что он был генералом КГБ. Мы очень веселились, увидев отпавшую челюсть директора профилактория, которого весьма недолго любили.

Постоянных девочек у большинства из нас еще не было. Естественную зависть вызывал Алешка Сикорский, у которого, благодаря его неотразимому шарму и внешности, знакомые девицы появлялись и исчезали с космической скоростью. — "Хорошо ему, — говаривал Павел. — Ведь вылитый же поручик Ржевский в исполнении Юрия Яковлева!"

А Игорь Андреев однажды появился на Пахре со знакомой девчонкой-одноклассницей. Ее звали Женя Левина, и мы тут же приняли ее в компанию. Она стала единственной представительницей прекрасного пола, допущенной сюда на постоянной основе. Это было определенной данью уважения к отношениям Игоря и Жени: нам-то всего по 16–17 лет, у нас какие-то легкие "дружбы", расставания, а здесь уже устоявшаяся пара, признанная родителями. Женька была очень красива: удлиненный разрез глаз, очень милое, уже не девчачье лицо, невысокая, ладная фигурка.

В ноябре 1967 года случилась трагедия. Игорь с Женей ехали вечером на машине на дачу и попали в жуткую автокатастрофу. Спустя три дня Женя скончалась, не приходя в сознание. Ей было всего восемнадцать лет, и она была единственной дочерью и внучкой у своих мамы и бабушки. Хоронили мы Женьку во всем белом, как невесту. Даже гроб был обит белой, в сборку, тканью.

Игорь получил тяжелейшие переломы, долго лежал на излечении в больнице.

А жизнь между тем шла дальше. Позже Игорь Андреев женился на ближайшей подруге Жени Юле Немировой, ставшей тоже нашей "пахринкой", у них родился сын... Когда Игорь в 1993 году скончался, его похоронили рядом с могилой Жени. Они воссоединились.

А Юля — теперь уже Юлия Всеволодовна — в 2008 году стала председателем нашего ДСК. Растут люди...

После окончания школы — кто в 1964-м, кто в 1965-м году — каждый из нашей компании пошел своим путем. Я поступил в свой вожделенный Иняз. Появились новые друзья-студенты, они приезжали к нам на дачу и вместе со мной тоже наслаждались той пахринской свободой, ощущение которой я пытался передать в начале своего повествования.

Разные судьбы

Жизнь у моих пахринских друзей сложилась по-разному. Алексей Сикорский, Павел Липатов, Лешка Кеменов и Игорь Андреев, отслужили в армии. Им повезло — чума дедовщины в те годы еще не вырвалась на свободу.

Некоторые смогли во время армейской службы реализовать свои таланты. Сикорский, например, служа в ракетных войсках (конкретно, в котельной) на границе Белоруссии и Польши, играл на ударных в им же организованном эстрадном ансамбле и в духовом оркестре — на трубе.

Павла Липатова занесло на Украину в Винницу в полк связи дальней авиации. Там на него взвалили всю оформительскую и библиотечную работу. Помимо нежной любви к местному самогону — "бимберу", — он вынес из своей армейской службы два списанных англо-русских военных словаря (мне в подарок) и гордость за сопричастность к историческому месту. Во время войны под Винницей располагалась ставка Гитлера "Вервольф" ("Оборотень").

Кеменов свой талант в армии не проявил по причине отсутствия яркой выраженности такового на тот момент. Он провел весь срок службы в Средней Азии за баранкой самосвала и рычагами экскаватора.

— У нас простор был, — делился он позже своим воспоминаниями. — Ишак стоит на дороге — красный свет, ишака нет — зеленый. Вот и все правила дорожного движения....

Подумать только, сын вице-президента Академии художеств СССР — экскаваторщик в армии! И — нормально! Это я к тому, что до чего же уродливо изменилось сегодня наше общество, не говоря уже об армии.

Чисто армейскую лямку тянул и Игорь Андреев во 2-й мотострелковой Таманской ордена Октябрьской Революции Краснознаменной ордена Суворова дивизии им.М.И.Калинина, которая располагалась в Алабино. Из расположения своей дивизии Игорь регулярно сбегал в самоволку сюда, на Пахру, благо что до дому рукой было подать. По рассказам друзей, единственной военной наукой, которую он постиг после двух лет службы в этой элитной дивизии, был "рукопашный бой в окопе с применением шанцевого (лопата) инструмента". Свое умение он потом не без удовольствия демонстрировал всем окружающим, сожалея при этом, что рядом нет подходящего окопа.

В отличие от моих друзей мне, полному "белобилетнику" по здоровью, в армии служить не пришлось. Но зато я могу похвастаться трехгодичной офицерской подготовкой (без присвоения звания) по "спецкурсу" в моем институте, о которой я писал выше.

Мы все переписывались, а когда друзья вернулись из армии, — изредка пересекались на Пахре. Все сильно изменилось — и сам поселок, и мы с грузом обыденных семейных забот и служебной круговерти.

Поскольку я пишу только о том, что было при мне или при моем участии на Пахре, то, естественно, я могу что-то упустить или о чем-то не знать. Я, к примеру, после института уже не так часто виделся с друзьями юности, многие из которых продолжали тесно общаться.

За эти годы Павел стал художником-консультантом по военному костюму на Мосфильме. Он постоянно занят на съемках бесчисленных сериалов времен войны. О своей работе в Международном отделе ВЦСПС я уже писал. Игорь был занят на телевидении. Что касается Алексея Сикорского, то он перепробовал массу занятий. В школе на уроках производственного обучения он приобрел навыки профессионального фотографа, был рабочим в геологических экспедициях, работал ночным сторожем, вкалывал матросом причала на Москве-реке, принимая и швартуя речные трамвайчики, трудился рабочим сцены в Театре эстрады.

За свою бурную жизнь он успел также успешно поступить и недолго проучиться в 1-м Московском медицинском институте, в Московском институте химического машиностроения, в Институте народного хозяйства имени Плеханова ("Плешке"). Причем всюду поступал с первого захода, без какой-либо протекции или взятки. Личная жизнь его была подстать трудовой: четыре официальных брака плюс два "морганатических". Одно оставалось неизменным в его жизни — джаз и рок-н-ролл. Я всегда обращаюсь к Алеше, если у меня возникает какой-нибудь вопрос в этой области. Да, были люди в наше время... Сикорские, не мы.

Невероятно грустно, но Алеша Сикорский не успел хотя бы подержать в руках мою книгу: он ушел в мае 2010 года буквально за несколько месяцев до ее выхода в свет...

Поподробнее мне хотелось бы рассказать и о жизни и судьбе других моих друзей по Пахре.

Алексей Кеменов

В поселке в 90-е годы от некогда нашей большой компании никого не осталось. Кто-то уже не приезжал на Пахру, кого-то не стало. Поэтому двое из последних "могикиан" — Алеша Кеменов и я — стали общаться гораздо теснее, особенно летом. И вот этого бывшего шкета по кличке "Буратино" из далеких 60-х я вдруг узнал совершенно с другой стороны, благо и его и моя седина уравнили нас в годах.

В юном возрасте Алеша прожил несколько лет с родителями в Париже и учился там во французской школе (как я уже говорил, его отец тогда был представителем СССР при ЮНЕСКО). Иногда Алешу после некоторого возлияния тянуло пообщаться на полузабытом им французском языке, тем более что во мне он мог найти подходящего собеседника — язык Вийона и Бодлера мне тоже был не чужд. С возрастом эта его потребность усилилась, как будто через язык он пытался вернуться туда, в Париж своего детства, и вновь обрести что-то безвозвратно утерянное.

Алеша обладал прекрасным чувством русского языка и стиля. Будущих журналистов, этих "гиен пера и шакалов ротационных машин", хорошо муштровали в свое время на журфаке МГУ, который он окончил. (Ну, не мог я не прибегнуть еще раз к блистательным Ильфу и Петрову). И с каким, где-то даже с физиологическим, отвращением, Кеменов отзывался о нынешних теле-радио и прочих ведущих и журналистах, в большей своей массе абсолютно не умеющих склонять числительные.

— Раньше у нас на радио, — рассказывал он мне, — чуть ли не каждые три месяца для всех журналистов устраивались семинары, на которых нас знакомили с самыми последними, утвержденными учеными нормами русского языка, изменениями в ударениях в словах. Экзамены были жестокими. А сейчас...

Алексей достиг больших профессиональных высот, став радиокomentатором, работавшим в прямом эфире на Первой программе Всесоюзного радио. После 1991 года он стал парламентским радиожурналистом.

— Сколько раз интервью брал у Чубайса, у Старовойтовой, у других наших лидеров. Хорошо всех их знал, — не без гордости говорил он. — Как-то раз, помню, иду по улице после интервью, хочу закурить, лезу в карман за зажигалкой — нету! Ну, точно, в кабинете у Чубайса на столе забыл. Круто разворачиваюсь — и к нему: "Анатолий Борисович! Я тут, вроде, зажигалку у вас забыл". А он мне ее протягивает: — "Держи! Нам чужого..." И оба мы улыбнулись.

Кеменову стали иногда давать на "огранку" журналистов-новичков, чтобы тот квалифицированно и быстро вводил бы их в реальную радииную жизнь. Одним из таких ярких "брюликов" оказался Сережа Медведев, впоследствии снискавший известность за честный репортаж 19 августа 1991 года — в день попытки ГКЧПистов организовать переворот. Позже Сергей Медведев стал пресс-секретарем Президента Ельцина. Теперь он делает добротные документальные фильмы с игровой подкладкой на темы нашего недавнего исторического прошлого. Думаю, что втайне Леша Кеменов гордился причастностью к такому головокружительному росту своего младшего коллеги.

Пертурбации на первой программе радио после 1996 года, закончившиеся волной массовых увольнений даже таких крепких профессионалов, каким был Алексей, ввергли его в депрессию. Он какое-то время еще пытался найти работу, недолго подвизался на милицейском радио, но вскоре оттуда ушел — не хватало привычного творческого простора. Позже Кеменов окончательно засел на даче и в Москве уже не появлялся: свою однокомнатную квартиру он кому-то сдал.

Невероятно интересно было слушать Алексея, когда он садился на своего любимого конька — Гоголя. Я и сам обожаю этого писателя с детства, готов с упоением цитировать самые любимые места из его произведений, но любовь Алексея к Николаю Васильевичу была какой-то другой, более глубокой что ли. Он знал массу подробностей из трагической жизни писателя, что помогало точнее осмыслить то или иное его произведение.

— Нет, ты послушай, — нередко обращался ко мне Лешка, — как это гениально у Гоголя сказано! — После чего следовало цитирование особо понравившегося ему места.

А еще он обожал "Посмертные записки Пиквикского клуба" Диккенса. На мой взгляд, это достойный тандем — Гоголь и Диккенс — для вдумчивого читателя и стилиста, каким был Алешка. Обстоятельный, тонкий юмор "Записок", адекватно переданный в русском переводе, прелестные рисунки английского художника Физа в книге изданной в 1935 году, которая всегда лежала у него рядом, на прикроватной тумбочке, помогали Кеменову коротать долгие зимы, когда он ухаживал на даче за своей мамой, Ангелиной Борисовной.

Помимо литературных привязанностей у Кеменова была еще одна всепоглощающая страсть — рыбалка. О, здесь ему не было равных! Во-первых, теория. Тут Алексей всецело полагался на известный труд "Жизнь и ловля пресноводных рыб" Л.П.Сабанеева, классика русской охотничьей и рыболовной литературы, жившего во второй половине XIX века.

Неторопливое повествование автора, напоминающее Аксаковские "Записки об ужении рыбы", погружало нас в мир заводов и чарующей природы, еще невзбаламученных прогрессом и техногенной деятельностью человека, какими они были полтора века назад. Правда, у меня иногда возникали сомнения относительно неизменности окуневых и карасиных повадок на протяжении столь длительного периода, да еще учитывая патологическую страсть нашего народа мгновенно загаживать окружающую его среду. Но Кеменова такие сомнения не одолевали: приманка всегда подбиралась по Сабанееву в зависимости от времени года, снасть готовилась по рисункам Сабанеева, и место ловли тоже выбиралось по Сабанееву. Короче, этот автор у Алешки встал в один ряд с Гоголем и Диккенсом.

Должен признаться, такая теоретическая скрупулезность иногда приносила свои плоды. Сопровождая Алексея на утренние или вечерние зорьки и радуясь своему скромному рыбацкому счастью, я был однажды свидетелем, как он вытащил из глубины небольшого озера огромного, с хорошую сковороду, серебряного леща. Естественно, мы тут же вознесли осанну Сабанееву.

И Алеша и я обожали наши пахринские места до самозабвения. Даже не выходя за пределы наших дачных участков, мы ощущали невероятную свободу. Здесь, на природе, забывались какие-то жизненные трудности, мы обретали духовное успокоение.

И он, и я жаждали наступления весны — осенняя пора и тоскливые темные зимы нашей средней полосы в буквальном смысле физически угнетали нас. Чтобы поддерживать в себе морально, мы часто перезванивались — он звонил мне с дачи, а я ему из Москвы — и, как в "Лесной газете" Виталия Бианки, мы обменивались фенологическими новостями: а у нас в городе солнце сегодня зашло на десять минут позднее... А у нас в Пахре уже начали образовываться темные круги талой воды вокруг деревьев... А сегодня на солнышке первые мошки плясали... Скоро придет весна!

Со стороны это походило на парный конференс, где один, "Москвич", выступает в роли резонера (все мрачно и холодно), а другой, "Пахринец", — в роли оптимиста: уже чувствуется приближение весны... А еще мы всегда вспоминали с Алешкой день, когда, возвращаясь с рыбалки под легким дождиком, въехали, как в райские ворота, под двойную радугу. По всем поверьям это редкостное природное явление сулило что-то очень хорошее...

С семейной жизнью Кеменову не повезло, или он не "повез" ее. В жизни представительниц прекрасного пола у Алексея перебивало предостаточно, а когда он уже ехал в свадебной машине со своей невестой в один из московских загсов, его вдруг пронзила тоскливая мысль: а зачем вообще все это нужно? Но круто менять в тот момент свою жизнь было уже поздно. Через какое-то время эта тоскливая мысль как бы материализовалась: жена не стала блюсти определенные моральные обязательства, налагаемые браком, и их семейный союз распался. Все это мне поведал Алексей в один из наших душевных разговоров.

Больше в подобные опасные матримониальные плаванья Кеменов не пускался. А потребность, заложенная природой у большинства людей проявлять о ком-то заботу, иногда проявлялась так. Бывало, звонил он мне с дачи и настоятельно просил передать моей дочери Любе, чтобы та ни в коем случае не ездила бы на следующий день на машине.

— Передавали: прогноз очень плохой, сплошная гололедица, — обеспокоено пояснял он. Это меня всегда очень трогало.

Его "семьей" в конце 80-х стала собака Дина, уже старенькая эрдельтерьерша, которая с щенячьего возраста воспитывалась племянницей Алеши Еленой. С Динкой он общался, как с человеком, безумно любил, и та отвечала ему взаимностью, всегда следуя за своим хозяином и поглядывая на него всепонимающими умными глазами.

Алеша всю свою жизнь был верен только одной-единственной породе собак — эрдельтерьерам. Первым таким псом у него был Тим, обладавший дурноватым характером, как, впрочем, и все эрдели-мальчики. Потом появился эрдель Ринго. Представляю, как восхитился бы легендарный Битл Ринго Старр, если бы узнал, что в далекой России его именем называют собак. Хвостатый Ринго был сродни этим нашим бесшабашным длинноволосым кумирам: он также не признавал никаких авторитетов и иногда пожевывал травку.

Полной противоположностью мужскому эрдельтерьерскому полу была Динка. С годами она действительно стала мне напоминать умудренную опытом добрую бабушку, которая уже все знает наперед. Когда Динка тяжело заболела, Алексей носился по окрестным ветеринарам и спас ее.

Когда Динка умерла, Кеменов совсем сник. Через полгода не стало и его.

Сергей Воробьев

Матерью Сережи Воробьева была артистка эстрады Ирина Смирнова, выступавшая в русском фольклорном жанре — с частушками, попевками, подтанцовками, игрой на деревянных ложках. С Евгением Захаровичем Воробьевым она давно развелась и жила со своим сыном на Пятницкой улице в коммунальной квартире. Помню, что меня поразили красивый декоративный кубок, стоявший в комнате на почетном месте. Его, по рассказам Сергея, преподнес маме чуть ли не сам Сталин в благодарность за выступление в Кремле.

Сережка был добрым, щедрым человеком, при этом чрезвычайно острым на язык, порою сверхъязвительным, особенно в отношении людей, которых недолюбливал. Возможно, в нем подспудно сидел комплекс "брошенного" сына, хотя новая жена его отца, Татьяна Карловна, и, кстати, Пашкина мать, относилась к Сергею вполне лояльно.

В 1965 году он поступил на журфак МГУ, одновременно начав работать в газете "Вечерняя Москва", когда там заправлял ее легендарный главный редактор Семен Индурский. До сих пор помню первый Сережин репортаж с фабрики, изготавливавшей горчицу, — "Самый горький комбинат".

После университета его мотало по разным СМИ, пока он не устроился на работу в редакцию иновещания в Радиокomitee. Там Сергей писал тексты радиопередач на самые разнообразные темы, брал интервью, собирал информацию. Потом настала пора "горячих точек": он полетел в Чернобыль, побывал в Югославии в расположении войск ООН, когда они всеми силами пытались предотвратить кровопролитие после распада этой страны.

— Знаешь, пришлось даже в каком-то их помещении заночевать. Ситуация была очень напряженная. Все спали вповалку, не раздеваясь. Я нашел свободное местечко рядом с какой-то миленькой негритянкой и без сил повалился спать. А в свое-то время, да еще с "шоколадкой"...

Так скупно поделился он со мной впечатлениями о командировке в Югославию. Про Афганистан Сергей вообще молчал, хотя я знал, что он и там побывал.

Несколько лет мы не общались — у каждого была своя жизнь. Я слышал, что Сергей женился, у него родился сын. Случайно мы встретились на даче: он вместе с женой катил коляску с младенцем, а я во все глаза уставился на его жену. Да это же студентка с огромными глазами с вечернего отделения нашего Иняза, мимо которых мало кто из парней мог пройти спокойно!

В своем сыне Филиппе Сергей души не чаял. Эта нежная любовь продолжалась и тогда, когда после развода мать увезла его в США, и там он стал американским гражданином. Филипп отвечал отцу такой же искренней любовью. Сергей несколько раз бывал у него в Штатах, а потом Филя стал работать в Москве, возглавляя отделение какой-то фирмы.

После того, как Сережке пошел шестой десяток, у него обнаружился целый букет болезней: тут и сердце, и жесточайший диабет... В последние годы он жил бобылем за метро "Водный стадион". Одиночество скрашивала только любимая собака — старенькая спаниельша Муська, уже почти слепая, с колтунами свалывшейся шерсти. Она же и заставляла его ежедневно выходить на прогулку. На работу Сергей уже ездить не мог — два инфаркта как-никак. Он по-прежнему много писал, делал передачи о Великой отечественной войне, как бы продолжая дело своего отца, военного корреспондента Евгения Воробьева.

У Сережи дома в коридоре, как артефакт из другой, прежней жизни висел жестяной номер его дома с Пятницкой улицы — такой, из 40-х — 50-х годов с названием улицы по полукружью внизу и с электролампочкой в фонаре — "домике" вверх. Должно быть, этот номер, оказавшийся вблизи неожиданно большим, был своеобразным мостиком в его далекое детство.

Однажды уровень сахара у Сергея так зашкалил, что он впал в кому и грохнулся навзничь посреди комнаты. Муська стала страшно выть, и ее слышали соседи. В тот раз они спасли Сергея, вызвав неотложку. Точнее, его спасла верная Муська. Проведя пару месяцев в больнице, Сергей вернулся домой, забрал от соседей Муську, и его жизнь снова потекла размеренным темпом: утром прогулка с Муськой, продуктовый магазин, потом — работа над материалом к очередной радиопередаче.

Когда умерла моя мама, то Сергей появился вместе с Кеменовым в прощальном зале больницы.

— Я не мог не попрощаться с Любовью Владимировной, — сказал мне Сережка.

— А как же иначе, — добавил Леша Кеменов, — столько лет жили бок о бок на Пахре...

Я был очень тронут таким отношением моих друзей к памяти мамы.

С того дня мы с Воробьевым стали общаться регулярно, как будто наверстывали упущенные годы. Любимым словечком у Сергея тогда было — "урод". Оно заменяло ему обращение к старым друзьям, и в его устах звучало не грубо. Скорее, оно означало целую череду понятий: тут и "мой друг", и "я тебя люблю", и "ты мне дорог".

— Привет, урод! — раздавалось иной раз в телефонной трубке. Это значило, что Воробьев в силах поговорить. Ему со всеми его болячками это не всегда удавалось. Особенно он сдал после смерти своей Муськи.

Перед своей поездкой к друзьям в Германию летом 2003 года я забежал к "Воробьянинову", чтобы дать ему книгу о нашей разведке времен войны. Я знал, что он непременно сделает на ее основе интересный материал.

— Слушай, — сказал мне тогда Сергей, — ничего не привози мне из Германии, а пришли открытку с каким-нибудь видом. Просто открытку, и все.

И вот, будучи в соседнем с Германией Люксембурге, я случайно поймал на своем маленьком радиоприемнике передачу радиостанции "Голос России" с хорошо узнаваемым материалом из той книги о разведке и с Сережиными журналистскими подводками. Я тут же купил открытку с видом Люксембурга и восторженно описал Воробьеву свою эфирную встречу с ним.

По приезду в Москву я сразу же позвонил Сергею справиться о здоровье. Он чувствовал себя неважно. Через некоторое время, когда ему стало лучше, я заехал к нему, рассказывал о поездке, о великолепных замках Германии и ни словом не обмолвился о посланной открытке. Сергей тоже ни о чем не спросил. Спустя неделю он, видимо, не выдержал — позвонил мне по телефону и спросил, выполнил ли я его просьбу. У меня создалось впечатление, что эта открытка была для него каким-то символом, какой-то вехой, что ли. — "Ну, конечно же, послал", — вынужден был признаться я, лишая его тем самым маленькой радости самому открыть почтовый ящик и получить мой привет из Люксембурга. При этом в душе я клял на чем свет стоит почтовую службу — полтора месяца прошло! Вечером Сергей вновь позвонил мне. Его голос звучал радостно: — "Не обманул, урод! Я ее получил только что. Спасибо тебе большое!"

Недели через две мне позвонил приятель и сказал, что Сергей скончался. Опять сахарная кома, а верной Муськи рядом уже не было.

"Полковник" Витька

Познакомился я с Виктором Прокопенко совершенно случайно: шел по нашему поселку, увидел парня моего возраста с красивым доберманом на поводке, разговорились... Впрочем, вру. Не случайно.

Где-то недели за две до этого я заприметил на госстроевской территории девчонку, которая мне понравилась. Но проклятая отроческая стеснительность не позволила запросто подойти к ней и познакомиться. А потом я видел ее в компании этого парня с собакой. Так что повод для разговора с ним имелся. Нужно сказать, что той девчонке я был немедленно представлен, но, как ни странно, к тому времени от моего бывшего интереса к ней не осталось и следа (какие мы, все-таки, непостоянные!). Как тут не вспомнить эсэров с их лозунгом: конечная цель — ничто, движение — все. А с Виктором мы подружились. Позже он очень органично влился в нашу дачную компанию.

Когда мы задумали снимать фильм из "ковбойской жизни", о чем я уже писал, то Витька как нельзя лучше подходил на роль "настоящего американского парня". От него просто веяло могучим здоровьем, он был высок и красив лицом, как говорится, — кровь с молоком. Геройский его вид дополнял черный доберман, постоянно сопровождавший нашего приятеля. Я стал называть Витьку "полковником", что было навеяно "Великолепной семеркой", и это прозвище прочно за ним закрепилось, как второе имя.

По характеру Виктор был агрессивно-весел, остроумен, в движениях стремителен. Казалось, энергия юности была в нем через край и так и искала какого-то активного применения. Таковое он вскоре нашел, начав заниматься "бизнесом" по мелочи — покупал у иностранцев жвачку, шмотки, а потом перепродавал. В то время такие люди назывались "фарцовщиками", и им грозили большие неприятности с законом.

У Витьки была характерная манера разговора, интонация, словечки. Однажды я решил устроить маленькую мистификацию и позвонил Павлу Липатову, подражая голосу и интонациям Прокопенко. Пашка попался на эту удочку и стал просить меня достать ему настоящие американские джинсы! Это было, считайте, за четверть века, если не больше до рождения Максима Галкина с его любовью к пародированию знаменитостей.

Как-то раз Прокопенко выручил из неминуемой беды Алика Сикорского, когда тот осенним вечером удирал по Большой Бронной от двух привязавшихся к нему типов шпанистого вида. На свое счастье Алик неожиданно натолкнулся на прогуливавшегося Прокопенко, который жил в том же районе. Мгновенно оценив ситуацию, "Полковник" всей своей громадой возник на пути хулиганов и стал картинно натягивать на руки кожаные перчатки, приговаривая в своей характерной манере, что кого-то, видимо, давно не били смертным боем... Шпана почла за лучшее немедленно раствориться в сумерках.

Когда Прокопенко пришло время идти в армию, то он лег в больницу на обследование, стремясь получить заветное освобождение от службы. Но и в больнице проявилась его кипучая предпринимательская натура. Соседям по палате, которым в послеоперационный период на органах пищеварения какое-то время нельзя было ни есть, ни пить, он за определенную мзду предлагал делать водочные клизмы, и те получали полный кайф. Армия Прокопенко так и не дождалась.

Из отрывочных сведений (мы долгое время не общались) мне было известно, что Виктор закончил филологическое отделение педагогического института, недолго преподавал в школе литературу. С той поры, как рассказывали друзья, Виктор вместо приветствия всякий раз скороговоркой произносил знаменитое чеховское: "Ванька Жуков, девятилетний мальчик...".

Какое-то время Виктор работал директором на съемках разных фильмов на телевидении, страстно увлекался охотой. У него было несколько дорогих охотничьих ружей, три русских борзых. Своей страсти он предавался далеко от Москвы, где прикупил деревенский дом и бродил со своими хвостатыми друзьями по лесам и долам. Это вполне заменяло ему семейную жизнь, в которой он видел скорее тяготы, чем радости.

Витькин гедонизм длился довольно долго, но традиционная российская болезнь — питье вынудила его уйти с телевидения. Он сменил должность директора фильмов на должность грузчика на табачной фабрике.

Иногда у меня складывается впечатление, что жизнь не очень жалует гедонистов и, в конце концов, требует своей дани, зачастую очень жестоко. Когда на руках у Виктора умерла мать, буквально в тот же момент к нему в дверь стал ломиться пьяный сосед-милиционер, требуя вернуть какой-то старый долг. Ничего не соображающий от горя, да еще и влив в себя бутылку "успокоительного", Витька достал из шкафа свое любимое ружье и жажнул через дверь из двух стволов в непрошеного визитера. А двери-то в "хрущевках", что фанера... Милиционера он ранил в ногу, за что и отсидел три года.

Вернувшись, Виктор устроился на ту же табачную фабрику и вновь стал грузить-разгружать ее продукцию. Со временем он дорос до бригадира. Неожиданно Прокопенко женился (или его женили) на даме несколько старше себя, которая занимала какой-то партийный пост на той же фабрике. Видимо, и у нее жизнь не задалась, и она сочла за благо связать свою судьбу с Виктором, несмотря на его пагубное пристрастие. Поговаривали, что он ее побаивался, благодаря чему на какое-то время продлил свое существование. Но жизнь продолжала требовать от него дальнейших жертв: Виктора разбил инсульт, и он ослеп на один глаз. С единственным и самым любимым увлечением, охотой, пришлось расстаться. А чуть позже и сам "охотничий домик" Витьки сгорел (или был кем-то сожжен).

Как это часто бывает, когда в зрелости наступает время собирать камни, разбросанные в юности, мы через общих друзей вышли друг на друга и стали перезваниваться, радуясь вновь обретенному былому знакомству и вспоминая время, когда мы были молодыми. Мы все говорили, что надо было бы повидаться... Вскоре мы и повидались, но только в связи с печальным событием — провожали в последний путь нашего общего друга Алешу Кеменова. Витька по-прежнему выглядел броско в длинном черном кожаном пальто, в огромной пушистой шапке из рыжей лисы.

Однажды "Полковник" позвонил мне и как-то буднично сказал, что похоронил жену, и что он устал. Потом сообщил, что потерял свою любимую борзую — она умерла от старости. Когда спустя какое-то время я позвонил Виктору, незнакомый голос в трубке сказал, что Виктор Прокопенко умер.

В чем-то судьбы "Буратино" — Алеши Кеменова, "Воробьянинова" — Сережи Воробьева и "Полковника" — Виктора Прокопенко схожи: все трое жили одиноко (правда, у Сережки был хоть сын Филя), все трое обожали своих стареньких собак, и когда те закончили свой земной путь, то вскоре ушли и их хозяева.

Сегодня, когда я пишу эти строки, мои друзья предстают перед моими глазами. И еще приходят в мои сны. Там мы все такие же молодые и, вероятно, еще немножко глупые?..

"Там же, тогда же"

"Мама, я тут познакомилась с ребятами из этого писательского поселка! Они какие-то необычные, разговаривают на своем особом языке, очень начитанные, о многом рассуждают,

спорят. С ними интересно!" — с такими словами пришла с прогулки Наташа, пятнадцатилетняя девочка, мама и бабушка которой на лето сняли дачу у нашего соседа Бориса Костюковского.

Так в 1963 году состоялось наше знакомство с той девчонкой, которая сразу же вызвала наше восхищение. Стройняшка, с уже полностью оформившейся девичьей фигурой, с гривой смоляных тяжелых волос почти до пояса, с лицом и глазами, в которых чуть сквозил Восток, хотя ее семья была абсолютно русской. Особую пикантность ее облику придавало милое домашнее прозвище, которое мы случайно подслушали — "Барсучок". Так звала ее мама. На наш взгляд, образ этого животного никак не вязался с внешностью Наташки, но в добрых семьях нежность слов не выбирает.

Воспитывался объект нашего восхищения мамой, радиожурналисткой, и бабушкой. Отец, летчик-испытатель, погиб, когда Наташа была еще совсем маленькой. Фамилия у нее была самой обыкновенной. И только в середине 80-х она приобрела широкую известность, поскольку точно такую же фамилию носил один политический деятель в нашей стране.

Барсучок — я даже не могу писать это прозвище в кавычках, для всех нас оно было и остается ее вторым именем — сразу же очутилась в центре внимания нашей компании. Поначалу, с энтузиазмом молодых бандарлогов, этих необузданных персонажей из кипплинговского "Маугли", мы на разные голоса издевательски передразнивали ее прозвище, но постепенно оно как-то естественно вошло в наш лексикон.

Первым от любования Наташиной внешностью очнулся Витька Прокопенко. Он тут же начал так плотно опекать Барсучка, что мы поняли — здесь никому и ничего не светит. Девушка, как говорится, "застолблена". Более того, любой неосторожный восторженный взгляд в ее сторону мог спровоцировать спонтанную Витькину реакцию, вплоть до молниеносного боксерского хука хоть слева, хоть справа — он мог работать обеими руками.

Наше пахринское общение с Барсучком продолжалось до 1965 года. Потом все разлетелось — кто в институт, кто в армию. По отрывочным сведениям мне было известно, что роман Наташки и Виктора продолжался с переменным успехом — пьянство плохой спутник любовной романтики, а "Полковник" этим, как я уже упоминал, изрядно грешил.

Однажды мой инязовский приятель-однокурсник как-то сказал мне (это было осенью 1968 года), что познакомился с очаровательной девушкой, что пару раз встречался с нею, что она, как случайно выяснилось в разговоре, знает меня и передает мне привет. — "А как ее зовут?" — поинтересовался я. — "Наташа," — ответил приятель и, видя напряженную работу мысли на мое челе — какая? — добавил: "Она сказала, что ты знаешь ее как Барсучка. Да, кстати, ты сможешь ее увидеть: я пригласил ее на наш институтский вечер". Бог мой! Я вновь увижу Наташку!

Вечером мне позвонил Прокопенко и сказал, что ему совершенно необходимо попасть на вечер, устраиваемый моим институтом. Я опешил: вероятно, до него дошли слухи о том, что "его" (видно, все эти годы они продолжали тесно общаться) Наталья намерена появиться в Инязе в сопровождении другого рыцаря. Что уж там между ними происходило, меня не волновало, но только я живо представил себе возможную пошлую дуэль из-за прекрасной дамы, но не на шпагах, а на "раз-два по морде" в священных стенах моей Alma Mater. Я стал пытаться как-то отговорить Полковника от появления в институте, ссылаясь на то, что у нас вход будет только по пригласительным билетам, что меня самого пропустят по списку только как участника нашего институтского вокально-инструментального трио, что у нас просто зверский комсомольский оперативный отряд, который проверяет билеты, что... Витька бросил трубку.

Когда я с друзьями появился на сцене, то никак не мог отыскать глазами Наташу в зале. А когда вечер закончился, я тут же увидел ее в студенческой толпе, и мы пообщались с ней минут десять: она со своим спутником, моим приятелем, куда-то спешила. Виктор к нам на вечер так и не попал.

Вероятно, с пахринских времен и меня и Наташу завертела совсем иная жизнь, потому что встреча наша была столь мимолетной, что мы даже номерами телефонов не успели обменяться. Хотя это и звучит банально, но как все-таки в молодости не ценишь время. Кажется, что его еще вагон и маленькая тележка, и оно никуда от тебя не денется. Денется, да еще как... И опять побежали годы.

Как-то вечером (к тому времени я уже закончил институт, успел жениться и развестись) мне позвонила бывшая однокурсница, преподававшая тогда в МГУ. В разговоре она упомянула, что у них на кафедре работает девушка, которая меня знает и передает привет. — "Ее зовут Наташа. Она сказала, что ты ее знаешь, как Барсучка", — добавила приятельница. Мир тесен! Тут уж я не проявил былой беспечности и немедленно взял Наташкины координаты. Когда мы созвонились, то выяснилось, что Наташа замужем, да еще за сыном замминистра, и что даже с друзьями детства ей лучше общаться по рабочему телефону.

Мы о многом говорили во время наших нечастых встреч, вспоминали юность, Пахру, делились малыми радостями, а больше грустными историями из своей семейной жизни — не заладилась с самого начала ни у нее, ни у меня. Наташа закончила филфак МГУ, недолго работала там же на кафедре, а позже перешла на работу в Госкино — переводила зарубежные фильмы высшему партийно-советскому начальству.

Однажды, когда мы засиделись в очередной раз за нашими воспоминаниями, я провожал ее домой поздно ночью. Такси поймать было невозможно, и я схватил какой-то "каблучок"-пикап с условием, то водитель привезет меня обратно домой. У Наташкиного дома мы вышли из машины, подошли к подъезду и стали прощаться. Когда я вернулся, водитель философски обронил, как бы ни к кому не обращаясь: — "В девушках-то все хороши, откуда только бабы-стервы берутся..." И, действительно, откуда?

Потом она исчезла. Ее телефоны не отвечали, и какие-либо следы ее были утеряны. Я вновь женился, у меня родилась дочь. И вот в один прекрасный день раздался звонок: — "Это я, привет. А я опять замуж вышла, и у меня только что сын родился. Муж болгарин, так что я теперь в Софии живу".

Когда я работал в Чехословакии, то довольно часто выезжал в командировки в Софию и, конечно же, встречался с Наташкой. Эти встречи навсегда ассоциируются у меня с охапками роз, которые я таскал ей под удивленные взгляды прижимистых болгарских мужиков. Мы вместе ходили по магазинам покупать наряды и выходные туфельки для моей маленькой дочери — тогда в Москве невозможно было ничего достать. Она познакомила меня со своим мужем и маленьким сыном. Барсучок и я бережно, как слабое пламя свечек в софийском соборе Александра Невского, хранили нашу радость общения. Когда она заболела и попала в больницу, мы дежурили вдвоем с ее мужем под окнами.

И опять молчание.

Прошло какое-то время, и у меня в московской квартире раздался междугородный звонок: — "Привет. В двух словах о себе: я развелась, но это малоприятная история. Вскоре вышла замуж за американца много старше себя. Сейчас живу в Калифорнии. Так получилось, понимаешь?"

Иногда не поймешь время: то оно тянется, то вдруг как-то сразу начинает свой ускоренный бег. Похоже на кинолентку в испорченном проекторе: кадры на экране сливаются в какую-то бешенную абстракцию, в которой угадывается лишь стремительное движение и ничего более.

Как в монтажной перебивке у киношников в моем повествовании вновь всплывают титры: "Прошло еще несколько лет". И — новый звонок: "Сегодня умер мой муж. Мне очень тяжело, хотя счастлива я с ним не была. Ты единственный, кто рядом со мной и с кем я могу поговорить". Да, я рядом, хоть мы и разделены Атлантикой.

Лет десять назад она приехала в Москву проконсультироваться с нашими врачами в сопровождении своего нового бой-френда — американский диагноз сулил мало хорошего. К счастью, российские эскулапы признали диагноз ошибочным. Мы с Наташкой очень этому обрадовались. — "Узнаешь? — спросила она, дотронувшись до маленького гранатового крестика на серебряной цепочке, который я когда-то привез ей из Праги. — Я просила сына положить его со мной, ну, когда...если..."

Каким-то образом история моей дружбы с Барсучком в постпахринский период (скорее всего, увидел у меня фотографии) стала известна Алешке Кеменову. Не в силах хранить в тайне эту "сенсацию", он поведал о ней Сергею Воробьеву. Вскоре что один, что другой, словно пугаясь своего грубого прикосновения к чему-то очень хрупкому, протянули мне в великом смущении по Наташкиной фотографии из тех далеких 60-х: "Возьми, они тебе нужнее..."

Виктор обо всем этом так ничего и не узнал. Друзья были тактичны.

Этот рассказ о Барсучке напомнил мне сюжет прекрасного американского фильма "Там же, тогда же" режиссера Р.Маллигана (1978). В фильме только два героя — Он и Она. Случайно встретившись в отеле в одном городке, они приезжают в него каждый год в одно и то же время, чтобы провести один день вместе. Они рассказывают друг другу о своих семьях, детях. Они живут жизнью друг друга и вместе с тем оберегают спокойствие своих близких, не желая причинить им боль. А потому и не предпринимают никаких попыток соединить свои жизни. Фильм трогателен, романтичен и невероятно целомудрен.

Наверное, драматический романтизм, неожиданные повороты судьбы вообще свойственны семье Наташки. Уже когда выросли наши дети, мне как-то позвонила ее мама: "Привет, как дела? А у меня некоторые изменения. Я... как бы это сказать, ну, замуж вышла". Голос ее звучал чуть смущенно, но молодо и счастливо. Я порадовался, что пусть в весьма зрелом возрасте, но человек все-таки нашел свою половинку. Расспрашивать о супруге я не стал, чтобы не показаться излишне любопытным, а она не стала тогда вдаваться в подробности.

И снова потянулось время. Когда муж Наташкиной мамы скончался, она сообщила мне об этом, и вскоре я пришел к ней домой. Мы сидели в крохотной кухоньке, погрузившись в типично "кухонно-московские" разговоры. Грустные воспоминания перемежались у нас с литературой, политика — с жизнью детей и внуков и так далее. И вот какую удивительную историю о судьбе этой женщины я услышал.

Это было в далеком 1938 году. Наташкиной маме только-только исполнилось пятнадцать, и она влюбилась до беспамятства. Так часто случается с совсем молоденькими девчонками. Ее чувство к Нему затмило все на свете, и она избрала Его своим первым мужчиной. А он был взрослым человеком, под тридцать. И был он летчиком. По меркам того времени — человеком неба, полубогом. Не было в те годы, пожалуй, другой профессии, которая пользовалась бы

таким почетом и уважением в обществе. Все восхищались перелетом Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в Америку, спасением челюскинцев. (Кстати, Беляков — дед Алексея Сикорского по материнской линии). У всех на слуху были фамилии Ляпидевского, Леваневского, Водопьянова...

А он был боевым летчиком, годом позже громившим японцев на своем истребителе И-16, "ишачке", на реке Халхин-Гол, где был тяжело ранен. Воевал он и в "незнаменитую" советско-финскую кампанию.

Началась Великая отечественная война, он ушел на фронт, и жизнь развела их. Он поражал однополчан своим уникальным мастерством воздушного снайпера. В феврале 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза, менее чем через полгода он становится дважды Героем! На личном счету у него было 54 сбитых самолета противника. Наград имел, как говорится, полный иконостас, и какой! Орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова III степени и Александра Невского, Отечественной войны I степени, два ордена Красной звезды, не говоря уже об иностранных орденах и медалях.

После войны она вышла замуж, ее муж тоже был из небесной когорты — летчик-испытатель. У них родилась дочь Наташка — Барсучок. Но через всю жизнь Наташкина мама пронесла любовь к тому, своему Первому и Единственному. Тот тоже женился, у него тоже родились дети. Но он тоже никогда не забывал свою Ляльку, как он ее обычно называл (оба любили нежные прозвища).

В конце 80-х, когда скончалась его жена, он нашел свою возлюбленную из того, предвоенного времени, и предложил ей свою руку и сердце — любви не ведома старость. Но она тогда уезжала в Софию к Наташке помочь воспитывать внука.

Прошло несколько лет, и в 1995 году эта романтическая пара соединила, наконец, свои судьбы. Ему было уже 83. Трудного счастья, отягощенного болезнями и недугами, им было отпущено лишь на шесть — и все-таки счастливых! — лет. Он умер в 2001 году на руках у своей Ляльки. Перед самой кончиной, собравшись с последними силами, он вдруг запел своим низким, будто не тронутым годами баритоном: "Широка страна моя родная..." У него было все широким: и страна, и жизнь, и героизм, и любовь.

На Наташкин юбилей мы решили с ней устроить маленькую мистификацию. Я позвонил по телефону в Калифорнию, в ресторанчик, где было организовано скромное семейное торжество с ее мамой, сыном и френдом (телефон она дала мне заранее). С отчаянным русским акцентом я попросил по-английски пригласить к телефону "мою племянницу, мисс..." и назвал фамилию — ту самую, совпадающую, как я уже говорил, с фамилией нашего известнейшего политика времен СССР. Как потом рассказала мне Наташка, весь персонал и посетители ресторана онемели и вытянули шеи, выглядывая в зале "родственницу" с такой всемирно-звучной фамилией. Ведь хозяин ресторанчика, бродя с телефонной трубкой между столиками в поисках Наташки, несколько раз громко произнес эту фамилию, да еще добавил: "Вас вызывает ваш дядя из Москвы!". Мы славно пошутили с тобой, Барсучок!

Свободный Человек Михаил Шиков

Еще один наш приятель по Пахре, Михаил Шиков жил на территории того самого детского санатория, куда мы ходили гулять, и в котором воспитателями работали Мишкины родители. По сравнению с нами, школьниками-старшеклассниками, он был уровнем выше — учился уже в Московском радио-аппаратно-строительном техникуме рядом с Андрониковым

монастырем. Мишка рассказывал, что частенько забегал в музей Андрея Рублева, находившийся в монастыре, чтобы постоять перед иконами Великого Мастера.

У нас в компании он получил прозвище "Шиков Блю", что было несколько созвучно названию голландской группы Shocking Blue, прогремевшей в 1968 году своим хитом "Венера", от которого Мишка, да и все мы были просто без ума. Хит начинался со слов "She's Goddes" ("Ши'з годдес" – "Она — богиня"), и его наш изобретательный народ немедленно переделал во всем понятную "Шизгару", признав ее величайшим забойным хитом всех времен и народов.

Окончив училище, Шиков стал студентом-заочником Московского института радиоэлектроники и автоматики и одновременно работал. Чтобы не тратить много времени на дорогу, он позже перешел на работу в наш старый добрый ИЗМИРАН — Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР, что находился километрах в четырех от его дома.

От этого института на научно-исследовательском судне "Академик Курчатов" Шиков сходил в загранку и месяца четыре бороздил просторы Атлантики. Побывал на Канарских островах, на Мартинике, в Венесуэле и даже ухитрился понежиться на великолепных пляжах Майями-Бич в Соединенных Штатах.

"Курчатов", по его словам, в отличие от аналогичных "научных" посудин действительно занимался весьма прозаической работой: делал замеры глубин, наблюдал воздушные потоки, изучал прохождение радиоволн через ионосферу. Я, правда, всегда с недоверием отношусь к "чистой науке" да еще в мировом океане: не может такого быть, чтобы там не проглядывали ушки нашего ГРУшки.

Результатом атлантического похода Шикова стали не только великолепный загар, масса впечатлений и крохотные суточные в валюте, но и безнадежно заваленная сессия в институте, и немедленно последовавшая расплата. Тогда Михаила на два года тут же прибрала к рукам наша армия.

Отслужив, он снова вернулся в свой ИЗМИРАН, женился, родилась дочь. В 1976 году Мишка перешел на работу в почтовый ящик, бывший в свое время энкавэдэшной "шарашкой", где в конце 40-х работал А.Солженицын. За подробностями деятельности "шарашки" и Мишкиной работы следует обратиться к роману Александра Исаевича и одноименному телесериалу "В круге первом".

Кстати, и сегодня задачи "шарашкиного ящика" не изменились, стали только еще более изощренными благодаря развитию технической мысли. Звучит невероятно, но уже после высылки писателя за границу андроповскими молодцами, в одной из лабораторий старого корпуса Мишке показали висевший на стене городской пейзаж размером с пол-листа ватмана с автографом "А.Солженицын" мелкими буковками. Он долго вглядывался в этюд, но, по сравнению с Рублевскими иконами, тот особых эмоций у Михаила не вызывал.

Жизнь простого советского человека, после 1991 года неожиданным образом трансформировавшегося в россиянина, по-прежнему регулировалась "квартирным вопросом", который, по Булгакову, и испортил наших граждан. Михаилу нужна была своя квартира, и он круто сменил род занятий, став главным инженером ЖЭКа в Москве. За это он получил вожделенную служебную жилплощадь. Вместо привычных паяльников, проводков, сопротивлений, конденсаторов и плат его голова была занята теперь унитазами, кранами, трубами, асфальтом и другими грубыми материями.

В 1985 году, когда в стране начала разворачиваться горбачевская перестройка, Михаил решил уволиться со своей работы, хотя исполнял уже обязанности начальника ЖЭКа. Местное руководство, испытывая острейший кадровый дефицит, резко воспротивилось: член КПСС (а

Мишка таковым являлся) должен работать там, куда его поставила партия большевиков. Поручили тебе унитазы с батареями, вот и исполняй.

Отстаивая свое решение, Шиков стал неосмотрительно прибегать к таким аргументам, как право на свободу выбора, гарантированное Конституцией СССР, к статьям Кодекса законов о труде и прочим весомым, на его взгляд, доводам. Однако для властей это все было "диссидентскими штучками". В ответ ему сказали: "Хорошо. Если так настаиваешь, то уйдешь. Но в другое место".

И вскоре появилась некая старушка. Она начала назойливо обхаживать Мишку с просьбой "посодействовать" улучшению ее жизненных условий, то есть получению квартиры. Он искренне удивился и пытался втолковать ей, что занимает всего лишь пост и.о. начальника ЖЭКа, и что раздача квартир от него никак не зависит. Но старушонка вцепилась намертво. Так она ходила за Мишкой недели две.

Как-то раз, видимо, потеряв всякую надежду уломать "непонятливого" и.о. начальника ЖЭКа, старушка пошла в открытую: — "Я загадала: если вы примете от меня маленькую благодарность, то я верю, что даже если вы лично и не сможете мне помочь, моя мечта все равно сбудется. А если нет, то и мечтать нечего". Согласитесь, довольно странная и маловразумительная аргументация. Но с этими словами старушка сунула Мишке в карман 250 рублей — по тогдашним меркам двухмесячная зарплата рядового инженера. И тут Шиков совершил страшную ошибку. Проклиная в душе назойливую посетительницу и желая поскорее от нее отделаться, он взял эти деньги в руки. Думал вернуть их старухе на следующий день или вообще засунуть куда-нибудь от греха подальше. Но... благими намерениями дорога в ад вымощена...

При выходе Мишки из подъезда своего ЖЭКа к нему подошли двое в штатском: "Вы Шиков? Садитесь в машину". И в компании двух "слесарей в штатском" Мишка поехал в прокуратуру. Там ему показали, что купюры были помечены специальным составом, и в ультрафиолетовых лучах на них читалось слово "взятка". Этот же состав, естественно, светился и на мишкиных руках. Потом на допросе у следователя тот протянул Мишке стакан воды — от всех свалившихся несчастий он был просто в шоке. Растроганный такой заботой, Михаил воду ту выпил, но после этого, как он мне рассказывал, все происходившее виделось ему как в полусне, он плохо воспринимал действительность.

А вопросы сыпались один за другим: "С кем еще работаете? (Словно пошлая пародия на сцену допроса Ролана Быкова в роли Савушкина в фильме "Мертвый сезон"!)" Кому передаете деньги? Ведь вы же действуете не один?" И снова стакан воды: "Все равно все расскажете".

В воде явно был заранее растворен скополамин — "сыворотка правды" или еще что. А Мишке и так скрывать было нечего. Он упорно повторял одну правду, только правду и ничего кроме правды: был один, произошла глупая случайность. Следователь же явно старался инкриминировать ему получение взятки, да к тому же еще и действия "в составе преступной группы лиц", что тянуло лет на пятнадцать, если не на "вышку".

Кончилось дело тем, что в камере при прокуратуре его продержали две недели, потом последовали долгие полтора года в Бутырках до начала суда. В итоге Михаила приговорили к восьми годам колонии усиленного режима, из которых он просидел пять лет под Челябинском, занимаясь своим связистским делом, и вышел на свободу в 1990 году. Жена к тому времени с ним развелась.

В период Мишкиной отсидки в Бутырках его сокамерниками были разные люди, в большинстве своем так называемые "хозяйственники". В частности, вместе с Михаилом сидел директор знаменитого гастроном № 40. Эта торговая точка была в свое время воспета

Александром Галичем в его "Разговоре двух персон": "Ведь мы встречались с вами, помните, у дома, напротив гастронома", дом здесь — КГБ на Лубянке, а гастроном — тот самый гастроном № 40. Была и еще одна знаменитость — капитан печально известного речного теплохода "Александр Суворов", который снес пролет моста, в результате чего погибло много людей.

Как позже анализировал Мишка, несмотря на горбачевскую перестройку, он попал под каток кампании "борьба с коррупцией и взяточничеством", запущенной еще во времена Андропова. Мишкино же "дело" формально было нужно прокуратуре, чтобы добраться до какого-то высокого московского чиновника.

"Не верь, не бойся, не проси". Это классическое заклинание зков с незапамятных гулаговских времен, которое превратилось ныне в своего рода словесный оберег из области ОБЖ (обеспечения жизнедеятельности), стало единственным багажом, вынесенным Мишкой из его тюремной эпопеи. Впрочем, нет, не единственным. В заключении он стал писать стихи. В руках у меня тоненькая книжница с дарственной надписью автора — Михаила Шикова. В ней бесхитростные строки о любви, о тоске по свободе. Одно из стихотворений заканчивалось словами "Но жизнь имеет пагубное свойство//Когда-нибудь преподнести урок". Тот ее урок Михаил запомнил надолго.

После освобождения он забросил свою поэзию и начал работать в строительных "шабашках". Вскоре ему это надоело, а тут как раз один знакомый пригласил помочь ему торговать печатной продукцией — книгами и разными брошюрами, в несметном количестве появившимися на улицах Москвы. Оказалось, это гораздо прибыльнее, чем работать в "шабашках". (Насколько все-таки разнообразен русский язык — "шарашки", "шабашки"... Но слова-то эти все с каким-то уничижительным оттенком. Не отсюда ли, из самого языка, проистекает наше неуважение к собственному труду, а в итоге — к самим себе и ко всему мирозданию вообще?)

Будучи Стрельцом по знаку Зодиака, а, значит, человеком авантюрного склада характера, Мишка почувствовал вкус теперь уже к экономической свободе. Он поехал челноком в Турцию за "барахлом", потом были Арабские Эмираты. Сегодня Михаил Шиков арендует палатку на рынке в Троицке. Там он торгует мужской одеждой, джинсами. Живет неподалеку в уютной однокомнатной квартире. Его дочь замужем за итальянцем, есть внук. У них двойное гражданство, они часто видятся с Михаилом.

Живет Шиков один, своей жизнью вполне доволен, а более всего он доволен зависимостью исключительно от самого себя, и потому он — СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК. С его лоджии на последнем этаже многоэтажного дома открывается такая перспектива, что дух захватывает: ты землю словно из космоса видишь. А иначе и быть не могло: его широкой натуре нужны необозримые дали.

Все эти годы Мишка поддерживал связь с нашими ребятами из дачной компании — Алешей Кеменовым, Витей Прокопенко, Сергеем Воробьевым, Алексеем Сикорским. У Воробьева он даже жил почти год после возвращения из заключения: Мишкина квартира осталась его жене.

Как в дурном анекдоте: когда Шиков вышел, Прокопенко сел. Потом он не раз благодарил Мишку за те скромные деньги, которые тот время от времени посылал сидельцу.

Кстати, хоть и с опозданием, но высшие силы, словно спохватившись, все же скорректировали вопиющую несправедливость в отношении Шикова. Досужие бабульки у его подъезда донесли ему, что та самая пакостная "старуха Шапокляк" горько им жаловалась, что райком КПСС, где ей пообещали выделить квартиру, если она поможет "вывести на чистую воду взяточника Шикова", так своего обещания и не выполнил — сэкономил на тридцати ее

Иудиных сребрениках. Интересно, а каким бы сейчас был курс этой валюты по отношению к рублю?

Сегодня Михаил Шиков, этот среднего роста крепыш, своим обликом походящий на классический гриб-боровик, которым мы поневоле любуемся, обнаружив его на солнечной полянке, никак не выглядит на свои "за шестьдесят". Напротив, он уверенно-импозантен, он источает какую-то мужскую основательность, спокойствие и оптимизм. Извечный Мишкин "стетсон" с лихо заломленными полями служит как бы паролем для нас, мальчишек из далеких 60-х, — это свой. Ведь в те годы настоящая ковбойская шляпа была предметом несбыточных, как нам тогда казалось, мечтаний. Надо полагать, что большая часть их у Михаила сбылась.

У него несколько пижонские в своей модности солнцезащитные очки на широком лице, которые, однако, не скрывают его чуть насмешливый взгляд. На шее такой же пижонский шейный платок. Удлиненные косые бачки, усы и борода à la Михаил Козаков в роли злодея Педро Зурита в фильме "Человек-амфибия" придают Михаилу Шикову невероятно шикарный вид. Прошу прощения, но этот тривиальный каламбур просто сам нахально влез в текст.

Когда редкие друзья из нашей некогда многочисленной компании заезжают проведать его на рабочем месте, то первым делом Михаил достает сантиметр, измеряет их талию и, широко улыбаясь, вручает опешившему визитеру пакет: "Это тебе от меня подарок! Моему другу!" Как правило, это хорошие джинсы. Спасибо тебе, дружище, за заботу, за доброту, за то, что ты так и остался парнем из "того" нашего времени. Мы не будем злоупотреблять твоей щедростью, Мишка!

Пожар

Рассказ о моей Пахре был бы не полным, если бы я не поведал о постигшем нашу семью несчастье — пожаре.

Было это вечером 30 сентября 1989 года, именины моих двух моих Люб — мамы и дочери, а также Вера и Надежда. Дома все в цветах, настроение радостное. Только что посмотрели по телевизору передачу с участием Виктора Сергеевича Розова, увидели кусочек его дома, наши поселковые аллеи — как будто и не уезжали накануне с дачи. Вдруг раздается телефонный звонок. Я поднимаю трубку: "Здравствуйте, это Сережа Розов. Ваша дача горит...".

Жена рассказывает, что я только закричал ей: "Уведи папу!"

Мы с ней схватили такси и помчались в Пахру.

Тоскливый, безысходный ужас охватил меня, когда я увидел, как горит наш дом, с такими трудами построенный родителями. (Окончательно закончили его только в 70-е). Пожарные заливали дом водой, сине-красное пламя било из-под крыши, летела на землю лопающаяся черепица. И этот страшный, смертельный запах гари...

Пристройка, где были кухня, душ и туалет, вся сгорела, остались одни стены. Внутри дома также все выгорело. Я строго-настрого запретил тогда родителям ехать в Пахру, чтобы они не видели этого ужаса.

Потом началось расследование. Было установлено, что дачу подожгли. Причем, если бы в тот же день не обокрали в поселке дом Юлии Друниной, депутата тогдашнего Верховного Совета СССР, милиция по поводу нашего случая даже не почесалась бы. А тут преступников быстро нашли. Их приводили к нам на участок для проведения следственного эксперимента. Два хлюста из домов, что рядом с фабрикой, лет по 1819. Нигде не учатся, не работают. Забрались в дачу в надежде пожить, а чтобы не включать электричество и не привлекать тем самым внимания прохожих, — зажигали в доме газеты, как факелы, там их и бросили. Взяли только велосипед, поскольку никаких других ценностей в даче просто не было, за

исключением всех комплектов журналов "Новый мир" и "Юность" с самого первого ее номера. Велосипед потом нашли в овраге. Бессмысленно, дико.

Наша дача, за то время, что мы жили там, была островком прибежища большого числа родственников, друзей. Постоянно на ней в разное время жили летом и моя бабушка с тетей, и мамина сестра с мужем, и потом мой двоюродный брат Борис с женой Галей и их детьми. Это было большое дружное семейство, и каждый находил для себя на участке любимое занятие — все время что-то строгалось, пилилось, сажалось, варилось...

В те годы в свои 85 лет папа был еще достаточно крепок и на общественных началах вел при Союзе писателей что-то вроде семинара для людей, возгоревшихся желанием писать пьесы. Среди них были и отставные военные, и строители, и люди иных профессий. Работа эта, как я понимаю, для папы была тяжелой: "учить драматургии", да еще весьма разномастный (и, скажем, графоманский) контингент — дело неблагодарное.

Но в нашем несчастье нам помог случай. Поговаривают, что Случай — это псевдоним Господа Бога, который хотел бы остаться инкогнито, творя свои добрые деяния. Один и папиных "студизусов", майор-связист в отставке, вызвался, в знак благодарности за папин труд, помочь нам в трудную минуту. Он взял на себя закупку материала, сколотил бригаду из знакомых — кто умел что-то делать помимо своей основной работы. По его расчетам скромной страховой суммы, которую нам удалось получить, должно было хватить на самое грубое восстановление дома, чтобы в нем хотя бы можно было жить.

Майор сдержал слово. Зимой 90-го он чудом закупил материал (а тогда уже практически нельзя было ничего достать), и весной привез его на дачу. Летом приехала его бригада и за полтора месяца своего отпуска, пусть действительно грубо, но они восстановили дом. Правда, теперь он утратил свою красивую черепичную крышу, и нынче она блестит на солнце серебром кровли из оцинкованного железа. Вся остальная отделка была делом наживным. Я на всю жизнь глубоко благодарен этим людям.

Одна небольшая деталь. Сгоревшая входная дверь у нас была сделана на заказ: тяжелая, с паркетной "елочкой", с полукруглым верхом. И как мы не старались найти мастера, который взялся бы тогда изготовить такую нестандартную дверь, все наши поиски были безрезультатными. На наше счастье кто-то сказал, что у Семеновых видел вроде точно такую же, стоявшую у него в сарае после ремонта. Мы помчались к Семеновым. Выслушав нашу просьбу, Юлиан пошел открывать дверь сарая: "Конечно, берите! Она мне не нужна". Та дверь встала тютельница в тютельную в наш проем и теперь уже сколько лет радуется своей сверкающей нитроэмалевой белизной. Тогда же она и получила у нас свое шутовское название — "дверь Штирлица".

Недолго смогла пожить наша семья в полном составе в восстановленном доме. В 1995 году ушел папа. И дом без него стал разваливаться в прямом смысле слова. Летом 1998 года сестра обратила внимание, что кирпичный угловой столб на террасе покосился, и образовалась щель между ним и стеной шириной сантиметров пять. Я пригласил для консультаций строителя-профессионала. — "Да у вас дом заваливается!" — был его вердикт.

Как говорится, час от часу... Оказалось, что грунтовые воды за долгие годы подмыли фундамент, и он уже не держал дом. Пришлось срочно делать капитальный ремонт: вести второй ленточный фундамент из армированного бетона, менять кривой и косой пол в мансарде и засыпать керамзитом перекрытия для звукоизоляции — акустика в доме была не хуже консерваторской. А раз уж "пошла такая пьянка", как говорит народный фольклор, то обои в комнатах заменили на "вагонку", наполнившую дом восхитительным запахом смолистой сосны. После такого ремонта наш пахринский дом как бы встрепенулся, почувствовал свою третью

молодость. Но нас с мамой он успел порадовать только одно лето 1999 года, потом мама слегла...

...Младая будет жизнь играть!

Пахра — эпилог

Мы выросли, а молодежная Пахра продолжала существовать. Мой племянник Алеша, родившийся в 1961 году дружил здесь с Таней Розовой, Ксюшей Драгунской, Темой Боровиком, Катей Корольковой, Катей Гердт.

Когда родилась моя дочь Люба в 1979 году, то и она вкусила прелестей пахринской свободы в компании себе подобных: Лены Кеменовой — дочери Андрея и, соответственно, племянницы Лешки Кеменова, Нины Скуйбиной — внучки жены Эльдара Александровича Рязанова, Оси Червинского — внука Михаила Абрамовича, Насти Скорик — внучки Виктора Сергеевича Розова.

Хоть эта компания и была совсем маленькой, но они крепко держались вместе. Погодками были только Люба с Леной, все остальные младше, но каждый обладал какой-то своей особой притягательностью, был интересен для остальных. Оське было лет шесть, а Любе с Леной по десять, но они к нему по-доброму относились: "Он очень умный", — говорила Люба.

Ося, этот вечно босой худенький мальчик отличался рассудительностью и прекрасной образной речью. Он вызывал у нас, взрослых, невольное уважение какой-то своей обстоятельностью. На любые, даже простые вопросы, Ося отвечал развернуто, глубоко, и при этом с подкупающей детской непосредственностью. Он мог страницами цитировать тексты из книг, которых прочел немало. В шесть лет он сочинял пьесы. У девчонок Оська был заводилой всех игр, он был признанным лидером, генератором идей. Заходя к нам в дом, он частенько говорил: "Как вкусно у вас пахнет!", после чего моя мама бросалась кормить его всем, что у нас было. Ося поедал все с огромным удовольствием и аппетитом.

Настя была самой маленькой и всей своей душой тянулась к более "взрослым" друзьям, старше ее года на 4–5. Помню, придет она к нам на участок, стоит застенчиво в сторонке, затаенно ждет, когда эти "богини" — Люба с Леной снизойдут до нее со своего Олимпа. Я всегда испытывал щемящее сочувствие к Насте, которая подпадала под действие жестокого закона детства — возраст. Через какое-то время она обрела свое девчоночье счастье: "небожительницы" допустили ее в свой ареопаг.

Позже Люба мне рассказывала, что в поселке была большая компания детей постарше их. Заводилой там была дочь писателя Яковлева Настя. Игры у них были уже "социального" характера: под влиянием горбачевской перестройки в поселке появились свои "Раиса Максимовна", сам "Горби", "роскошные" квартиры в кустах, даже таксисты и собственные бумажные "деньги". Этакая реальная игра в "Монополию" в пахринских условиях, отражавшая перемены в стране. Но здесь был свой возрастной ценз. Любу с друзьями не принимали: теперь уже они оказались слишком малы для той компании.

Наши унывали не долго. Выручил набор "Юный химик", который кто-то подарил Лене Кеменовой. Пошла серия опытов с дикой вонью, пеной страшного цвета, взрывами, пламенем. Удивляюсь, как это девчонки при своей любознательности не изготовили из подручных средств чего-нибудь вообще запредельного.

Потом подружек внезапно захватила "кладбищенская" тема: хоронили мышей, попавших в мышеловки, из конструктора "лего" возводили гробницы со светящимися крестами. Можно

только диву даваться, сколь странными бывают детские увлечения. Они же устраивали "бега" дождевых червей: кто придет первым! Но мне дочь обо всем этом поведала гораздо позже.

Наши девчонки с Оськой свободно перемещались по поселку и кучковались то на даче Рязанова, то Червинского, то Кеменовых, то у нас. На каждой территории у них был свой собственный интерес, и при том не всегда невинный. Когда Любе и Лене было лет по пятнадцать, они вместе с Ниной "попиروвали" у Эльдара Александровича — опустошили бутылочку "кампары" аккуратно до середины этикетки, чтобы сразу не бросалось в глаза, а другую бутылку простенького сухого вина, стоявшую в баре во втором ряду, просто умыкнули.

Однажды наши дети — им было лет по десять тогда — тихо исчезли из виду и какое-то время не мельтешили перед глазами. Когда их отсутствие превысило все допустимые нормы, моя мама двинулась на поиски. Всю компанию она застала на даче у Червинских. Детишки сидели на полу, уставившись во все глаза в экран телевизора. А там... шестилетний Оська на видеомагнитофоне крутил юным девам жесткое немецкое порно. Мама была в шоке. Дети — нет.

В ту пору я об этом эпизоде не знал, и всегда пытался дома переключать каналы телевизора, когда, по моему мнению, там показывали нечто, не предназначенное для детских глаз. Когда Люба выросла и уже вышла замуж, она со смехом припомнила мне мои жалкие попытки оградить ее от "тлетворного" влияния телевидения. — "Я прошла хорошую видеошколу у Оськи", — добавила она. Теперь уже в шоке был я.

...И эти дети выросли и разлетелись. Люба окончила Академию печати (бывший Полиграфический), стала дизайнером, специалистом в области компьютерной графики. Она с мужем живет теперь в Киеве и носит звучную фамилию — Преображенская. Оська стал Джозефом Червински и ныне обретается в Соединенных Штатах. Нина Скуйбина окончила Московский архитектурный институт, работает в Москве, проектируя в одной фирме коттеджи из дерева. Лена Кеменова долгое время обожала учиться: вначале был театрально-художественный колледж, потом курсы визажистов в престижной студии. Еще школьницей она успела поработать моделью. Закончилась ее тяга к учебе, когда она получила диплом юридического факультета Университета Российской Академии Образования. Она тоже вышла замуж, теперь на Николиной горе воспитывает маленькую дочку Василису. Настя Скорик стала актрисой и играет в Московском академическом Художественном театре им. А.П.Чехова у Олега Табакова.

И сегодня — я верю в это — они, наверное, с нежностью и благодарностью произносят это святое для меня слово — ПАХРА.

Будет ли совсем новое молодое поколение пахринцев таким же интересным, дружным, жизнерадостным? Не знаю. Ныне поселок коренным образом изменился: из потомков его "отцов-основателей" почти никого не осталось, а неолопахиных, заполонивших Пахру, мало интересует наш "Вишневый сад"...

Еще в 1975 году, выступая на общем собрании членов нашего кооператива, Юрий Нагибин сказал: "В кооперативе много не членов Союза писателей на сегодняшний день. Это может привести к тому, что поселок перестанет быть писательским..." Как в воду глядел...

ГЛАВА VII. Обо многом другом...

Эвакуация (рассказ моей сестры Оли)

До войны меня водили с Арбата, где мы жили, в детский сад Литфонда в Средний Каретный переулок, по удивительному совпадению находившийся почти против дома, где я

теперь живу с 1957 года. Однажды случился великий конфуз: мама была на работе, и сопровождать меня в детсад поручила папе, предварительно объяснив ему, как надо меня собрать. Но, видимо, он куда-то опаздывал и собирал меня в дикой спешке. Мы приехали в детсад, я сняла пальтишко, а под ним — о ужас! — не было юбочки: я была в одних трико. Стыда не оберешься!

Не знаю, как другие детские сады, но по моим воспоминаниям мой был прекрасным. Недавно я нашла открытку 1940 года от наших воспитательниц с поздравлением меня, шестилетней девочки, с праздником Октябрьской революции. Такие поздравления получили тогда все дети.

Но дух времени конца 30-х годов коснулся и нас. Моя тетя Аля, папина сестра, рассказывала, как я однажды пришла домой из сада, и в ответ на ее вопрос, чем же мы в тот день занимались, я с расстановкой ответила: "Нам рассказывали про бело-финнов". Вообще атмосферу того времени я, как впоследствии оказалось, испытала на себе. Уже когда я была взрослой, мне рассказывала мама (вероятно, с моих слов), как меня "прорабатывали" на общем (!) собрании детсадовской группы за то, что я иногда забывала повесить на место свой именной фанерный круг для унитаза!

Летом 1941 года детсад, как всегда, выехал в Переделкино. В саду нынешнего Дома творчества долго сохранилась веселенькая беседка, стекла которой при нас расписывали наши воспитательницы — тетя Шурочка и тетя Кларочка. Надеюсь, беседка стоит там и сегодня. Уже будучи взрослыми людьми, мы встречались несколько раз с нашими любимыми воспитательницами и долгое время поддерживали дружеские отношения между собой, бывшими детсадовцами.

Когда и как нам объявили о начале войны — не помню. В памяти сохранились только несколько учебных тревог, когда нас будили ночью, и мы должны были быстро одеться, обмотать нижнюю часть лица полотенцем, чтобы были закрыты рот и нос, и выйти на улицу.

Вскоре за мной приехали родители, и, не заезжая домой, папа тут же отвез меня с мамой к поезду, отправлявшемуся в Ташкент, куда частично эвакуировались писатели и их семьи. К сожалению, из-за спешности отъезда, в Переделкино остались мои вещи, среди которых было любимое платье (до сих пор помню его в подробностях: красное маркетизовое, в мелкий-мелкий белый горошек, с оборочками и хрустальными гранеными пуговицами-бусинами).

В общем вагоне мы ехали с мамой до Ташкента чуть ли не месяц. Многое помню смутно. Остался в памяти, например, эпизод, когда один писатель-сатирик, сотрудничавший с журналом "Крокодил", ходил по вагону и вымаливал у дам одеколон для выпивки.

Вместе с нами в поезде ехала моя сверстница, Нора Тадэ. Она была больна костным туберкулезом и потому все время была вынуждена лежать на вагонной полке. В дальнейшем наши пути тоже пересеклись: мы обе закончили театроведческий факультет ГИТИСа, правда в разные годы, и вышли замуж за режиссеров-однокурсников. Ее дочь Катя Уфимцева ведет ныне вместе с бывшим министром культуры М.Швыдким программу на телевидении "Театр плюс ТВ".

По приезде в Ташкент нас сначала разместили какой-то гостинице в Старом городе, где все мы спали вповалку. Затем приезжих "разобрали" по квартирам. Нам повезло: мы попали к Головановым — интеллигентным преподавателям, русским, которые жили в центре Ташкента на Хорезмской улице рядом с обкомом партии.

О нашем везении я говорю без кавычек: позже я узнала, что эвакуированные попадали в гораздо худшие условия. Правда, соседство с обкомом не гарантировало безопасности: именно

здесь папа, ненадолго приехавший к нам из Москвы (он по здоровью не подлежал призыву в армию), подвергся нападению бандитов, которые ограбили его и раздели.

Мы жили в небольшой комнате одноэтажного особняка с задним собственным двориком-садом, выходящим в общий двор. В комнате кроме меня и мамы жили еще Маргарита Николаевна Мусатова, для меня — тетя Рита, жена детского писателя Алексея Мусатова (автор известной повести в конце 40-х "Стожары" и др.) с сыном Сашей, который был моложе меня на полгода.

Конечно же, жизнь у чужих людей, да еще и в одной комнате с чужими людьми, какими бы хорошими они ни были, — не сахар, и я, ребенок, поневоле вкусила свою долю отголосков каких-то столкновений взрослых с хозяевами и вообще тягот повседневного эвакуационного быта. Мария Вениаминовна Голованова, наша хозяйка, читала всем мораль, учила, воспитывала. Пример с нее в отношении меня взяла и ее дочь Валя. Потом хозяева кого-то куда-то переселили, и наша комната стала чуть ли не проходной.

Очень точно передала ощущения эвакуированных поэтесса Генриетта Миловидова, стихотворение которой я случайно услышала по радио много лет спустя. Из него мне запомнилась лишь одна строчка: "...живут вприглядку на чужие крыши". Но ребенок воспринимает жизнь по-другому. Даже в экстремальных условиях, подобных нашим, я ежедневно, ежечасно была окружена маминой заботой, и это помогало переносить невзгоды. Буквально недавно мне попались на глаза мамины письма из Ташкента папе в Москву, и я со всей остротой поняла, что мама в эвакуации была просто героиней.

Помню, ходили мы с ней на Алайский базар продавать наш хлеб (400 гр.), полученный по карточкам, чтобы купить что-нибудь из еды. Для меня тогда это было приключением, а что мама спасала меня от голода, я не понимала (в письме папе она писала: "Наш "кошейчик" — без пузика и задика, одни глаза"). Но я уже отдавала себе отчет, что нищета — это страшно. Так, увидев девочку, просившую милостыню недалеко от особняка танцовщицы Тамары Ханум¹, я умоляла маму взять ее к нам.

Иногда я до боли ощущала жизненную несправедливость: Саша Мусатов при мне ел белую булку, полученную тетей Ритой по литературе своего мужа, а у нас этого не было. Дело в том, что папу еще в 1934 году рекомендовал в члены Союза писателей Алексей Максимович Горький, и уже было принято официальное решение о приеме, но при бюрократическом оформлении оно куда-то затерялось, и из-за этого в бытовом отношении (карточки, снабжение и т.д.) нам во время войны пришлось очень туго. Относительным спасением было то, что папа был прикреплен к Группе драматургов (нечто вроде профессионального объединения, дававшего определенный общественный статус). А в Союз писателей его приняли только в 1943 году, как бы заново, и уже без всяких горьковских рекомендаций.

Поначалу в Ташкенте я ходила в детский сад. Он был далеко от дома, почти в районе Ташкентского медицинского института (ТАШМИ), где работала мама. Там я прошла свои "университеты жизни", узнав, как рождаются дети, при наглядной демонстрации мальчишками предметов "их гордости". Однако детский наив брал свое, и я продолжала утверждать, что ребенок может родиться без отца! В 1942 году я пошла в 1-й класс школы №50 им. И.В.Сталина. У меня сохранилась похвальная грамота за отличное окончание 1-го класса.

¹ Тамара Ханум (Петросян Тамара Артёмовна) (1906 - 1991) – танцовщица, певица, народная артистка Узбекской ССР (1932), народная артистка СССР (1956).

В Ташкенте обычная российская еда — картошка — была для нас роскошью. И вот кто-то подарил нам немного картошки. Наши с Сашей мамы работали и оставили нас на хозяйстве. На мангалке (чугунная конструкция высотой с ведро, где разводили огонь) надо было сварить эту драгоценность в хозяйской кастрюле. Возник спор: Саша уверял, что картошка варится в воде, я же, со свойственным мне упрямством, отстаивала свою точку зрения — без воды, аргументируя это безапелляционным "доказательством" — я же девочка, я лучше знаю. Сварили... Ни картошки, ни хозяйской кастрюли.

Я помню, что мы ели кашу под названием атоля, тогда казавшуюся лакомством. А была это просто мука, заваренная кипятком и сдобренная хлопковым маслом. Кстати о хлопке. Нас, первоклашек, посылали в поля собирать хлопок. Так что в свои восемь лет и я побывала на трудовом фронте. Еще хорошо помню "пиры", когда в Ташкенте вдруг появилась сахарная свекла, и взрослые наострились делать из нее всяческие сладости — торт "Наполеон", пирожные "картошка" и другие вкусности.

Верхом счастья был период, когда однажды к нам приехал папа. Он со знакомыми ездил в степь "на охоту" на черепах, для которых в нашем садике за домом был сделан огромный фанерный короб, где они содержались, громоздясь друг на друга. В обязанность же нам, детям, (в том числе и Борису и Вале, детям хозяев) вменялось заготавливать корм — листья тутового дерева или шелковицы. Ими мы кормили черепах, а те, в свою очередь, кормили нас. То, что во всем мире ныне считается изыском, для нас была еда для выживания. Из яиц черепахи (они без скорлупы и, по-моему, состояли только из желтка) делалась яичница. Самых же черепах варили, и получался прекрасный, насыщенный бульон. Жалости к ним тогда как-то не возникало. Не до жиру...

Из письма П.Скосырева (писатель, друг семьи):

[Письмо адресовано Николаю Владимировичу Леонову, преподавателю биологии Педагогического института в Ташкенте – Д.С.]

"3 июля 1941 года.

...Жена моего друга, писателя Ал.Симукова эвакуировалась из Москвы со своей маленькой дочкой. Надеюсь, что Вы окажете ей ту поддержку, какую всегда хочется так иметь человеку в чужом месте. Любовь Владимировна Симукова — преподаватель географии, может быть ее опыт и знания пригодятся ферганским школам. Но думаю, что она не откажется ни от какой работы, только чтобы прокормить дочку. Заранее благодарен. П.Скосырев".

Из писем мамы отцу:

26 августа 1942 г.

"Сейчас меня больше всего волнует одно. Наша Кисуля тает. На нее жалко смотреть. Это личико с кулачок, с огромными глазами, и она улыбается и тянется ко мне с улыбкой и поцелуями и не знает, что я смотрю на нее с жалостью. Уже больше недели она лежит в постели. Утром температура нормальная, вечером 38-38,6. Подозрение на малярию...

...Маленькая наша радуется на вышитые верха для деревяшек, возможно в понедельник будут готовы и подошвы. Насколько ей будет удобно — не знаю... [речь идет о самодельной деревянной обуви типа сабо].

...Валя [дочь хозяев] Олю терроризирует за разные "проступки", а все потому, что Оля одна, и за нее некому заступиться. Ее надо кормить, и если я начну зимние запасы, то зимой мы умрем. А Рита все копит и копит... и в одной комнате один будет есть, а другие — смотреть...

... "Мой маленький тощий кощейчик, бледненький, нет ни пузика, ни задка, ручки и ножки тощие".

Рассказывает моя сестра:

У нас проблемы с топливом, продавать нечего, цены растут. Рис стоит уже 130 рублей, масло — 700, мука — 110, орехи — 70, изюм — 130, кураги нет [видимо, кто-то из москвичей просил прислать сухофруктов], мука 110, молоко — 6-9 (стакан), яблоки — 80, виноград — 130, помидоры — 50, лук — 50, редька — 20. Мама получает 270 рублей в месяц. Цены на все эти продукты в маминых письмах указываются разные: они, как и сейчас, только росли, поэтому я привела их, ориентируясь на самый высокий уровень.

В садике позади дома стояли короба с шелковичным червем. Это он только так назывался, а на самом деле это были гусеницы, которых тоже надо было кормить тузовыми листьями. Гусеницы превращались в куколки, запеленатые в коконы. Вот эти коконы из тончайших шелковых нитей и давали небольшой дополнительный заработок. Они сдавались как сырье для ткаческого производства, и за это платили какие-то маленькие деньги.

Еще одно "гастрономическое" воспоминание. Маме дали от группкома драматургов талоны в столовую под прекрасным названием "Лебедь". Посадив меня за стол, мама пошла их "отovarивать". Из одной раздаточной она принесла две поллитровые банки пива, которые в тот день выдавались по этим талонам, а затем пошла получать сам обед. Было безумно жарко. Кстати, именно в Ташкенте, в эвакуации, от жары я "заработала" свои проблемы с щитовидкой — очень плохо переношу жару — и тогда, будучи ребенком, не раз падала от нее в обморок. Так вот, испытывая непереносимую жажду и не зная, что за жидкость была в банках, я с жадностью одним махом опорожнила одну из них. Когда мама вернулась с судками, она обнаружила осоловевшего ребенка, сползшего под стол.

Память сохранила еще какие-то пунктирные, но яркие, как мазок кисти художника, детали. Например, вдруг в Ташкенте выпал снег! Или поиски "клада" в декоративных вазах ограды соседнего с нами парка. И с чего бы там искать клад?

Плохо было с одеждой, с обувью. Правда, повторяю, я это все не очень понимала. Мама нашла работу (но не по своей специальности: она была преподавательницей географии) лаборанта в Ташкентском медицинском институте у ученика академика И.Павлова, будущего академика Э.Асратяна. Получала крохи, поэтому вынуждена была продавать наш хлеб, вязать из ниток "ирис" кофточки на продажу, придумывать мне какую-то одежду, перешивая старые платья. Из маминого письма папе: "...не могу — устала. Уходить мне с работы нельзя. Другого места сейчас не найти. Не знаю, что делать".

Проблема с обувью, похоже, разрешилась. Мама узнала, что кто-то делает башмаки с парусиновым верхом и деревянной подошвой с увеличенным каблуком, по типу сабо. Принеся их в дом, мама вышила цветными нитками парусиновый верх, и вот уже я, о счастье, — в новой красивой обуви... Несомненно, в школе я буду королевой! В этих "сабо" я пошкандыбала на занятия. Несмотря на не очень уверенную походку, часто подворачивающиеся ноги из-за "модельной обуви", я — это худенькое, почерневшее от солнца и постоянного недоедания существо, но на "почти" каблуках — горделиво вхожу в школу. На меня с недоумением и издевательски смотрят мальчишки, а потом устраивают мне такой "королевский прием", что я запомнила его на всю жизнь. Выстроившись вдоль стен коридора, они швыряют меня от стенки

к стенке, словно мяч в волейболе. Как я вернулась домой — не помню, вероятнее всего, босиком. Так и не решилась моя проблема с обувью, а ведь маме эти "сабо" казались красивыми и практичными.

Из писем мамы:

4 сентября 1942 г.

"Первого сентября кончились небольшие деньги от продажи вещей. Продавать уже нечего. Сидим на моей зарплате. До 17-го осталось только 80 руб. — это только хлеб и обед. Оле не будет ни молока, ни яблок и с собой нечего давать в школу. Был осмотр детей в школе. Об Оле сказали — "чистенькая". Назначили во 2-ую смену с 12.15. Для меня неудобно уходить — Оле будет без меня.... Первые дни сентября я испытала, что такое голод. Без денег и обеда. Сентябрь еще проживем... "Выдачи" продуктов в группкоме почти нет. Редко сунут по паре пирожков или чуть-чуть чая и только грозятся выдать овощей... Вообще говорят, что женам уехавших мужей — не полагается... Проблемы с топливом — Рита требует продать шубу [папину]. Встаем рано, в 6-7 часов утра, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, бросаемся к мангалке готовить еду".

Рассказывает моя сестра:

Запомнились мне и праздники, отмечавшиеся совместно с нашими хозяевами. Приходили мамини и "тётиритины" знакомые писатели, в том числе известный поэт и переводчик Л.М.Пеньковский, перу которого принадлежит знаменитый романс "Мы только знакомы..." и авторство которого долгое время было неизвестно широкой публике. Они делали складчину, а нас, детей, отсылали спать. И однажды, после долгого празднования, мама легла спать и решила меня приголубить, а на моем месте оказалась пришедшая к нам в гости папина сестра — моя тетя Аля, оставшаяся у нас ночевать. Обе потом со смехом вспоминали этот комический эпизод. Тетя Аля со своей приятельницей, также эвакуировавшиеся в Ташкент, жили тогда в том же дворе, что и А.А.Ахматова.

Однажды к нам на Хорезмскую зашел дядя Толя, муж тети Али (это еще до того, как она сама приехала в Ташкент). Он был комиссаром санитарного поезда, который привез в Ташкент раненых. Было жарко. Дядя Толя снял фуражку, повесил на стул портупею с кобурой, в которой был пистолет, расстегнул ворот гимнастерки. Пока он рассказывал о своем житье-бытье, а мама его кормила, я, недолго думая, решила "покрасоваться" перед дворовыми приятелями. Надев военную фуражку и портупею с пистолетом, я вышла на улицу. Сегодня страшно себе представить, чем могла бы обернуться для бедного дяди Толи моя прогулка! Слава Богу, пропажа быстро была обнаружена, а на улице меня никто не засек.

Грандиозный по тем временам был мой день рождения, который устроила мама. Его описание я привожу по ее письму папе, поскольку многих деталей уже не помню:

"Приглашено было 12 человек гостей: 6 детей и 6 взрослых. Купить продуктов на такое количество было сложно и дорого, но я не могла уронить [Олин] авторитет. Затем она выбирала подарок на присланные бабушкой деньги. Сначала она захотела мяч, но за 70 р. — дорого, потом какие-то бабочки, брошки и прочая дрянь. Я еле ее увела. И вдруг...тут я ничего не смогла сделать. Она увидела клубнику, свежую клубнику. Все было кончено, пришлось купить 100 г клубники, больше не вышло, так как она стоила 200 р. кило. И Оле осталась довольна по уши, хотя все-таки эта кутила и лизоблюд посматривала еще и на черешню. Закупив все, мы едва дотащились до дому, так было жарко и тяжело".

"Подарки сыпались со всех сторон, да какие подарки! Наконец все готово, Дети под звуки патефона сели на террасе за стол. Получили по порции зеленого салата и редьки и по куску хлеба (э-эх, как в столовой). А затем чай, по куску торта "Наполеон", по 2 пирожных с кремом, по 1 пирожному "картошка" (все из сахарной свеклы). После столь разнообразного и роскошного стола начались пляски "доисторических людей", "испорченные телефоны" и прочие игры. Дети веселились. В комнате собрались взрослые, в том числе Пеньковские, Павлик, Рита и др.

Первый тост произнес Павлик (мой помощник по работе, замечательный мальчик, очень способный, культурный, даже может быть талантливый мальчик). А тост был не простой. Это было стихотворение, посвященное Оле самим же Павликом, а она стояла, обвешенная воротничками и бусами — подарки (пузо вперед и шмыгала носом, крутила что-то в руках, а потом уронила). Вот и все впечатление. По окончании чтения поспешно удалилась играть в "испорченный телефон". Все остались довольны вечером. Подарки были такие: шелковый платочек, обвязанный шелком, 2 воротничка, один из них очень дорогой и хороший бантик к платью, бусы, куколка (художественная работа мастерской Павловой, коробка карандашей, книг штук 6-7, банка конфеток (наверное, целая норма), штук 15-20 шоколадных конфет, орехи и 9 роскошных букетов, состоящих из жасмина, роз, тюльпанов и ирисов. Оля сказала, что еще никогда у нее не было такого дня рождения".

О Павлике я должна рассказать особо. Тогда ему было семнадцать лет, он учился в 10-го классе и подрабатывал в ТАШМИ помощником у мамы. По-юношески он был влюблен в нее. Впоследствии этот юноша станет академиком, крупным физиологом Павлом Васильевичем Симоновым, отцом известных детей — актрисы Евгении Симоновой и профессора МГИМО, ведущего передачу на ТВ "Умники и умницы", Юрия Вяземского.

С Павликом, как его тогда называли, наша семья сохранила теплые отношения и в дальнейшем. После эвакуации он бывал у родителей на Арбате, где мы тогда жили, а потом дружеские отношения с ним стали поддерживать и я со своим мужем-режиссером Игорем Кузнецовым. Павел Васильевич бывал у нас дома, встречи наши были интересными, веселыми. Иногда он вел любопытнейшие дискуссии с мужем о связи физиологии с творческим процессом — это тема тогда его очень занимала.

Из писем мамы отцу:

18 ноября 1942 г.

"Денег нет уже очень давно. Я почти не ем хлеба [его продавали на рынке, чтобы купить еду], и этим живу. Жарю оладьи в ограниченном количестве. Иногда выдают холодец, который доходит до нас сильно разбавленный водой и не застывает, и мы его превращаем в суп. Один раз я получила кровяной фарш и сделала из него пельмени. Дети ели с грустью, а мне понравилось очень. Ела бы много, но не было".

"...Ворчит Рита. Она "шпыняет" Олю и не любит ее. А дочь, видя затруднения с деньгами, предложила, чтобы ей дали папиросы для продажи на улице. Бедный "спекулянт", до чего дожил. На твоё предложение пить 3 стакана молока в день — посмеялись... "

"...Оля с Сашей идут в школу к 10 часам, там играют до 12.15, едят завтрак, потом подобие обеда. На уроках дают еще завтрак. В 4 ч. и идет в "Лебедь" обедать (очень плохие обеды). Вечером дома ужин и утром дома завтрак. Аппетит улучшился, но цены на рынке заставляют его ограничивать. Трудности с работой на измот. Потом договорилась с Асратяном не бегать по городу с бумажками и работать не позже 5 часов".

8 мая 1943 г.

"Особенно трудным был апрель, когда мне было отказано в столовой, и мы с Олей вертелись на одном обеде и Ритиных супах (с барского стола). Я ела страшилинскую затируху, а Оля из пресловутого "Лебедя" (столовая) обед. Ужины и обеды были воображаемыми. Получив деньги [от папы], мы сначала отъелись хлебом и зеленью".

"О еде надоело писать, но не могу не сообщить о "волшебном зерне" [имеется в виду папин фильм "Волшебное зерно", вышедший в 1941 году], сделавшим нашу жизнь более сладкой. Ташкент завален сахарной свеклой. Я уже писала о тортах, пирожных и все по 8 р. за один кг свеклы. Да здравствует свекла!"

"Оля выросла, от солнца загорела и стала выглядеть лучше, но все-таки здоровье ее не ахти какое. То ее мутит, то голова кружится, ест очень плохо и мало, и следить за ней некогда — опять много работаю. Она отличница, они с Сашей на доске почета. Ссоримся мы с ней по-прежнему много и часто и за позднее укладывание спать и за невымытые ноги, и за неряшливость и лень и т.д.

Но она уже мнит себя красавицей. Например, мой разговор со знакомой, на кого Оля похожа. Я пожалела, что не на маму [Александрю Матвеевну Бабыкину, мамину маму — О.Г.], она была красивая в молодости,... Оля слышит этот разговор, спрашивает меня: "А ты хочешь быть красивой? Я: "Конечно, а ты разве не хочешь быть красивой? Оля: "А я и так красивая, мне все об этом говорят, и дяденька сегодня сказал". Я с перепугу спросила, какой дяденька? И Оля с Сашей, хихикая на перебой, начали рассказывать, как они ходят мимо фотографа в школу, и как он остановил их сегодня и предложил Оле бесплатно сняться, так как ему нужны для витрины красивые дети. Оля спросила: "И Сашу снимите?", а дядя ответил, что нет, он некрасивый. С этих-то пор... Куда же нам деваться? Я думала, что она со мной будет конкурировать с шестнадцати лет, а она уже с восьми начала".

"Смотрели с Олей и Сашей спектакль "Весна в Москве" [спектакль эвакуированного московского театра им. Маяковского — О.Г.], фильм "Волга—Волга". Здесь показывали "Волшебное зерно", так Оля собрала весь класс и повела в кино, а сидя в первом ряду горделиво оглядывалась, будто она сама этот фильм сделала. [Этот одноэтажный кинотеатр был показан много позже в фильме А.Германа "Сто дней без войны" и я его ностальгически узнала — О.Г.]

"В понедельник 17 мая было родительское собрание, на котором Оле и Саше выдали похвальные грамоты, Саше просто дали, а Оле сказали, что она одна из самых лучших отличниц. Радости дома было до бесконечности".

Рассказывает моя сестра:

Из Ташкента я сама писала папе письма аршинными буквами по косой линейке и даже посылала свои рассказы — целых три. Только вначале я обозвала их стихами, а в конце, заметив ошибку, поправила.

Вспоминаются знаменитые ташкентские арыки, протекавшие по всему городу. Однажды с соседскими мальчишками мы решили измерить возле дома глубину такого арыка ногами. Меня угораздило встать на дно разбитой бутылки с острыми краями. Я здорово раскроила ступню: шрам сохранился на всю жизнь. Потом я лежала с задранной вверх ногой, иначе приток крови вызывал адскую боль. Лежала я в садике, позади дома, там и спала. От общего заражения крови меня тогда спас стрептоцид.

Это было незадолго до окончания нашей эвакуации в 1943 году. Так, с пораненной ногой, я возвращалась в поезде в Москву: ни ходить, ни на весу держать ногу не могла. Но вот ведь какие чудеса творит с человеком психика! Радость от предстоящего возвращения домой была столь велика, что перед самым отъездом я встала и даже ходила по перрону, а после того, как мы загрузились в вагон, нестерпимая боль опять вернулась.

Как мы уезжали — отдельный рассказ. Я все это помню отчетливо, да еще и подтверждение моим воспоминаниям получила из маминого письма Головановым, хозяевам нашего дома в Ташкенте. Суматоха была адская. Поезд подали за несколько минут до отхода. С вещами и детьми все ринулись в вагон, поэтому провожавшие нас друзья родителей предложили маме первой пройти в вагон, чтобы принять от них вещи через окно. Я пока оставалась на перроне, а сумка с документами была у провожающих. И вдруг поезд трогается. Ужас охватывает всех, и без того уже царящая на перроне паника усиливается. Я, соответственно, попасть в вагон не могу. Слава Богу, кто-то из провожающих подхватывает меня и буквально цепляет к грозди висящих людей на ступеньках у входа в вагон, крича, чтобы я крепко уцепилась руками за поручни.

Трудно передать и мое состояние, и, тем более, мамино. Какая тут больная нога, она вообще забыта! Кто-то вскоре догадывается рвануть стоп-кран. Поезд останавливается. Все висевшие на поручнях, и я в том числе, наконец, втискиваемся в вагон. Документы передают опять же через окно. И мы окончательно трогаемся...

Долго еще в пути все разбирались, где чьи вещи. Когда суматоха немного улеглась, нога тут же дала о себе знать. И уже всю дорогу до самой Москвы я страдала от боли. По приезде — новое эмоциональное потрясение. Я — дома! На перроне, восхитившись неожиданной россыпью искр от паровоза, я встала и, опять забыв о боли, залюбовалась ими. Но встречавшая нас тетя Аля и папа сказали, что подлинную красоту я увижу, когда будет салют. Тогда в Москве уже производились салюты в честь взятия того или иного города. По приезде домой нога вновь страшно разболелась, но я уже была дома! Вскоре она полностью зажила.

Вновь начались мои походы к бабушке, в Хрущевский переулок, которые я называла путешествием из "варяг в греки". Но теперь я уже "путешествовала" одна. Среди детей обитателей бабушкиного дома у меня было много друзей. Гуляли мы за пределами двора — по Пречистенке (тогда Кропоткинской), Гоголевскому бульвару. Заводилой у нас была Людмила, младшая сестра жены известного уже тогда поэта А.Фатьянова, семья которого жила в том же доме, что и бабушка.

Накануне Дня Победы 9 мая 1945 года я ночевала у бабушки. Не помню, кто и когда точно услышал о Победе. Но Люся, которая была чуть постарше, тут же собрала нашу разновозрастную компанию детей, и мы единодушно решили — идем на Красную площадь.

Шли мы, вливаясь в мощный поток людей, сплоченный ощущением невероятной силы общности, родственными чувствами друг к другу, которые мы, дети, особенно чувствовали тогда. Ярko врезался в память один эпизод, когда мы уже походили к Манежной площади. Уже темнело, а люди шли нескончаемым потоком, некоторые несли на руках совсем маленьких детей. Те уже устали, хотели спать. И вот жильцы первого этажа дома, находящегося между Александровским садом и библиотекой Ленина, напротив нынешней Воздвиженки, начали протягивать из окон руки и предлагать оставить у них сонных детишек. И несколько детей поплыли на вытянутых руках над толпой, их бережно передавали жильцам того дома, а те

заверяли родителей, чтобы они не волновались, и что дети у них поспят, а наутро за нами можно будет придти.

До сих пор в глазах стоят те добрые лица мужчин и женщин, бережно принимавших посапывающих малышей. Такое единение людей, такое проявление добра, такой всплеск настоящих человеческих чувств сегодня редко когда встретишь.

Мы благополучно дошли до Красной площади. Там было неопишное ликование. Люди обнимались, качали военных, пели песни. Был грандиозный по яркости и красочности (в нашем тогдашнем понимании) салют. Но самым подлинным символом свершившейся Победы в тот вечер стало потрясшее меня всеобщее родство разных людей, дети которых стали общими детьми Победы.

С Головановыми наша семья (и Мусатовы) поддерживали отношения и позже. Тетя Муся (Мария Вениаминовна) бывала у нас в гостях, когда приезжала в Москву. А их сын Борис потом учился в Москве в институте и захаживал ко мне в гости.

Конечно, мой краткий рассказ об эвакуации не может претендовать на какую-то связную последовательность, ведь детская память сохранила только наиболее яркие эпизоды. Но я вновь и вновь поражаюсь маминой стойкости, тому, как невероятно трудно ей было создавать сносные условия для моего существования, какого невероятного труда, лишений, страшного напряжения физических и моральных сил ей это стоило. А ведь мама была молодая, красивая женщина 29-30 лет, и отбоя у нее от поклонников не было — я это хорошо помню.

Все-таки неизбежность душевной и физической силы в женщинах поражает, особенно в русских. Ведь эвакуация была еще не самым тяжелым испытанием, выпавшим на мамину долю. Когда брату, родившемуся уже после войны, было чуть больше двух лет, он тяжело заболел. Мама отказалась от уже намечавшейся научной карьеры и всю себя посвятила его лечению, поставив его, в итоге, на ноги. Одновременно она держала на себе весь дом, чтобы дать папе спокойно творить, не думая о "мелочах" быта, она занималась строительством дачи. Мы с братом до сих пор не можем понять, как ее хватало на все это.

Я постоянно думаю, какой же героиней была наша мама, и как мы виноваты, что мало говорили ей об этом. И сейчас, когда мамина жизнь складывается передо мной в единую картину, я низко кланяюсь ей и прошу у нее прощение за многое.

* * *

Мой дядя Андрей Дмитриевич Симуков — "ученый внук" Пржевальского, и его долгое путешествие

А теперь подробнее о моем дяде, папином старшем брате, Андрее Дмитриевиче Симукове. Он был выдающимся ученым-исследователем Монголии, крупным специалистом в области геологии, топографии, ботаники, зоологии, метеорологии, палеонтологии, археологии. Он прекрасно знал монгольский язык, говорил и писал на нем. Его перу принадлежат свыше сотни научных работ, посвященных этой стране. Я недаром назвал А.Д.Симукова "ученым внуком Н.Пржевальского". По моей классификации П.Козлов, в экспедиции которого участвовал дядя Андрей, был "научным сыном" Пржевальского, поскольку продолжал его дело.

В детстве о существовании своего дяди я практически ничего не знал. Его имя упоминалось только в рассказах взрослых о том, как они восхищались мною, двухлетним, одетым в дэли — настоящий монгольский халат, только маленький. Халат этот был с шелковым

покрытием глубокого василькового цвета и алой окантовкой по краю, с косым запахом спереди. Еще в 30-е годы его прислал из Монголии моей маленькой тогда сестре Оле наш дядя Андрей, а мне этот халат перешел от нее "по наследству".

Только в середине 50-х, когда началась Великая Хрущевская Реабилитация жертв сталинских репрессий, я узнал о судьбе дяди Андрея. Молчание семьи было вполне объяснимо: никто не мог чувствовать себя в безопасности, если кто-то из родственников арестовывался НКВД, а уж тем более по статье 58-1а – "шпионаж". Более того, ни мой папа, ни моя тетя в своих официальных автобиографиях 40-х годов, которые я обнаружил в нашем семейном архиве, вообще не упоминали о своем брате. И это тоже было опасно — тогдашний режим мог приписать им преступное сокрытие факта родственных связей с "врагом народа".

Андрей Дмитриевич Симуков родился 29 апреля 1902 в Санкт-Петербурге. Крестил его, как я уже писал, отец Гапон. С раннего детства Андрей увлекался чтением, изучением природы, жизни животных. Лет в тринадцать он записал в своем дневнике: "Никогда не изменяй своей светлостенности". Этому девизу он неуклонно следовал в своей дальнейшей жизни. Многие записи юного Андрея относятся к "Обществу любителей природы", которое он организовал с товарищами. Он был активным участником скаутского движения. Папа мне рассказывал, что его брат со своим товарищем-скаутом Сергеем Вабильевым (впоследствии одним из создателей легендарного "Чапаева") считали, что скаутское движение уже зашло в тупик, погрязло в интригах и отошло от принципов движения, выдвинутых полковником Баден-Пауэллом. Они решили возродить эти принципы и создать для этого один, новый, "идеальный" патруль "Бобр" — первую ячейку новой, здоровой организации. В дневнике Андрея под текстом устава этого патруля рядом с силуэтом бобра стоит подпись Сергея Васильева, скрепленная печатью скаутской организации, которую тот возглавлял; печать с изображением лилии — эмблема чистоты скаутской морали.

Движимые высокими помыслами "творения добра" эти мальчики и в страшных своих снах не могли представить, что почти столетие спустя имя их "идеального" скаутского патруля "Бобр" станет носить одна из группировок русских фашистов—"скинхедов"¹.

После недолгого "сигеевского периода" жизни Андрей Симуков в 1921 г. приехал в Москву и в том же году поступил в Механико-электротехнический институт им. М.Ломоносова. В то время он снимал комнату с еще двумя товарищами на Новослободской улице, совсем недалеко от места, где сегодня живу я. После окончания 2-го курса института, услышав о предстоящей исследовательской экспедиции в Монголию П.Козлова, ученика знаменитого исследователя Центральной Азии Н.Пржевальского, А.Симуков подает заявление и благодаря своим знаниям и подготовке проходит жесточайший конкурс по отбору участников.

Особая любовь Андрея Дмитриевича к Монголии была, вероятно, вызвана рассказами об этой стране его дяди, Александра Яковлевича Миллера, бывшего в свое время, как я уже говорил, генеральным консулом Российской империи в Монголии. В зачисление А.Симукова в состав научной экспедиции свою роль, наверное, сыграл и тот факт, что П.Козлов общался с Александром Яковлевичем в период своих предыдущих экспедиций в эту страну.

Тогда же, в 1923 году, Андрей написал дядюшке письмо в Париж, где тот проживал после революции, рассказав о своих намерениях относительно монгольской экспедиции Козлова. В ответном письме племяннику Александр Яковлевич поделился своим опытом жизни в

¹ Газета "Московский комсомолец", 01.10.08

Монголии: "<...> С туземцами обходись вежливо, но не давай себя надувать. Никогда не бей их. Французский путешественник Детройль де Ренс был убит своими верблюжниками за скверное с ними обращение. Мягкий нажим, но не брань и не драка. Туземцы очень ценят человеческое с ними обращение". Практический совет во вполне киплинговском духе.

Отправляясь в свое последнее путешествие, П.Козлов надеялся осуществить давнюю мечту, завещанную ему великим учителем Н.Пржевальским, – пройти в запретную для европейцев столицу Тибета Лхасу. Однако в Тибет Козлов не попал, но не по причине неблагоприятной международной политической обстановки, как долгие годы утверждали его биографы, а в результате различных интриг между руководством ОГПУ и Наркоминдел в лице Ф.Дзержинского и Г.Чичерина, а также Академии наук. В итоге экспедиция была переориентирована с Тибета на Монголию.

Эта поистине детективная история была предана гласности благодаря появлению интереснейшей статьи А.Андреева и Т.Юсуповой "История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К.Козлова (1923-1926 гг.)"¹. Я позволил себе использовать здесь основные факты, изложенные ее авторами, поскольку они напрямую связаны с Андреем Дмитриевичем Симуковым, участвовавшим в той экспедиции.

Итак, вскоре после захвата власти большевики стали проявлять повышенный интерес к Востоку, особенно Монголии, Западному Китаю (Синцзяну) и Тибету с целью усиления своего влияния в регионе. Это полностью совпадало и с интересами Коминтерна (или – наоборот? Ведь эта организация была лишь политическим инструментом Кремля для совершения "мировой революции" – Д.С.). В 1921 году НКВД отправил секретную разведывательно-рекогносцировочную экспедицию в Лхасу с целью установления дипломатических и торговых отношений с бывшими вассальными территориями Срединной Империи. Осенью 1922 года Тибетская экспедиция НКВД возвратилась в Москву. Это послужило сигналом к действию давно уже ожидавшего своего часа Козлова. Его научная экспедиция в этот регион с самого начала задумывалась Кремлем как правительственная, ставившая своей целью в той или иной степени способствовать реализации политических устремлений советского правительства.

Поначалу для Козлова все складывалось довольно удачно, что можно объяснить совпадением его чисто научных интересов с геополитическими амбициями Москвы.

Предполагалось, что отряд будет состоять из 21 человека: начальник (П.К.Козлов), 3 старших помощника ботаник Н.В.Павлов, географ С.А.Глаголев и геолог по рекомендации В.А.Обручева), 4 младших (орнитолог Е.В.Козлова – жена П.К.Козлова, врач-энтомолог Е.П.Горбунова (сестра Н.П.Горбунова, личного секретаря В.И.Ленина), ботаник-коллектор А.Д.Симуков и геолог Б.М.Овчинников), 3 препаратора (П.С.Савельев, В.А.Гусев, В.М.Канаев), 6 человек конвойных (П.М.Саранцев, К.Даниленко, Н.Н.Барсов, В.М.Худяков, Н.Ю.Касимов, С.А.Конратьев (впоследствии стал старшим помощником П.К.Козлова)), переводчик (Б.Мухрайн), 2 заведующих караваном (А.Мадаев и А.У.Бохин), кинооператор (М.В.Налетный)².

За несколько дней до отъезда экспедиции (он был намечен на 29 июня 1923 г.) у ряда ее участников отобрали заграничные паспорта, что вызвало задержку с отправлением. Причиной этому было решение Кремля прикомандировать к отряду политкомиссара для осуществления

¹/"Вопросы Истории Естествознания и Техники", №2, 2001. Статья размещена также на сайте: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/KOZLOTUR.HTM>

² Там же. Архив Русского географического общества, Ф.1-1923, Оп. 1а Д97 л.22-23

надзора за деятельностью П.Козлова – тот являлся бывшим генерал-майором Генштаба царской армии. В свою очередь такое решение было вызвано доносом некоего А.Мартынова (предположительно А.С.Мартынова-Пиккера), одного из ведущих сотрудников Института Маркса-Энгельса¹, направленным самому "железному Феликсу", о якобы "белогвардейских" настроениях Козлова. Дзержинский оперативно отреагировал – тут же проинформировал Наркома Мининдел Чичерина, и тот дал отмашку: паспорта у готовых к отправлению участников экспедиции – отобрать.

Вопрос об этой экспедиции был даже внесен в повестку дня очередного заседания Политбюро (27 июня 1923 г.), на котором рассматривались "опасения" шефа ОГПУ, что экспедиция может привести к срыву "работы НКВД" (или самой ОГПУ? – Д.С.) в этом регионе. Дзержинский предложил создать специальный комитет "для рассмотрения вопроса о целесообразности" (как знакома такая чиновничья формулировка, если власти хотят угробить любое дело! – Д.С.) посылки экспедиции в Монголию и Тибет. Свою лепту тогда внес и Сталин: он предложил включить в состав экспедиции бурята-коммуниста². На эту должность политкомиссара подыскивали и утвердили кандидатуру Д.Убугунова, в недавнем прошлом инструктора-организатора монголо-тибетской секции Дальневосточного Секретариата Коминтерна. После этого экспедиции был, наконец, дан "зеленый свет", и она отбыла 25 июля 1923 года.

Однако экспедицию подстерегали новые удары судьбы: 21 октября Центр (читай, ОГПУ – Д.С.) отзывает из отряда П.С.Савельева, П.М.Саранцева и С.А.Глаголева – главного помощника начальника экспедиции! П.К.Козлов пишет в те дни в своем дневнике: *"Я задумался над положением экспедиции, организованной с разрешения и [при] поддержке Сов[етской] России. С самого начала, почти до конца организация экспедиции в России все шло прекрасно и предупредительно. Но с июня месяца вкрались непонятные неожиданности: назначается в экспедицию такой-то с таким-то, паспорта отобрать, проверить и таких-то участников экспедиции отставить, очевидно, за счет поступивших или неожиданно назначенных "партийных". И с того времени пошло все, что называется, "шиворот-навыворот". Присутствие "незваных гостей" расстроило нашу цельную прекрасную экспедиционную семью. Младшая моя братия приуныла, стала бояться проронить лишнее в дружеской беседе с товарищами слово"*³.

Отзыв таких ключевых членов экспедиции объясняется следующим образом. Именно в то время НКВД задумал направить в Лхасу свою очередную "дипломатическую" экспедицию и принимал всяческие меры, чтобы пальма первенства достижении Тибета принадлежала ей. Сказалось здесь и жесткое информационное соперничество между ведомствами Г.Чичерина и Ф.Дзержинского. "1 сентября Г.В.Чичерин писал с явным раздражением в Политбюро: "<... >теперь оказывается, что Козлов держит этого комиссара [Д.М.Убугунова] в черном теле, а от одного из введенных в экспедицию коммунистов ОГПУ имеет сведения о крайне агрессивных заявлениях некоторых участников. Если экспедиция с таким составом и при совершенном бессилии введенных в него коммунистов достигнет Лхасы, он может повести там самую

¹ Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о Русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург-Самара-Прага, 1977, с.103

² Там же. Андреев А.И. От Байкала...с.103

³ Там же. Архив музея-квартиры П.К.Козлова (Санкт-Петербург, л.50об., 27 октября 1923), Ф.1, Оп.3, Д.64 Дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №1.

*бесцеремонную агитацию против советского правительства и советского строя и может прямо-таки сорвать всю нашу монгольскую политику"*¹.

В конце концов, весной 1924 года благодаря, в основном, энергичным действиям Е.П.Горбуновой (все-таки родственные связи в верхах многое значат! — Д.С.) Центр отменил свое прежнее распоряжение и позволил Козлову остаться в Монголии, подвергнув, однако, состав его отряда дополнительной чистке.

Подробный очерк о той экспедиции П.К.Козлова оставил один из ее участников, Н.В.Павлов. Я привожу выдержку из его книги, которая позволяет, на мой взгляд, почувствовать экзотику, с которой сталкивались члены экспедиции. В данном случае речь идет о "парадном" китайском обеде, придавшем очерку особый "гастрономический колорит". Не будучи большим знатоком китайской кухни, я полагаю, тем не менее, что блюда из баранины принадлежали больше кухне монгольской.

"<...> Напряженная работа по подготовке и оборудованию экспедиции продолжалась почти четыре месяца. Экспедиция была рассчитана на три года пребывания в пути. Состав ее был определен в 21 человек... Заказы на снаряжение и оборудование выполнялись одновременно в Москве и Ленинграде.

"<...> 28 июня [1923 г.] под моим руководством был нагружен оборудованием товарный вагон и московская группа переехала в Ленинград для соединения с ленинградской и догрузки инвентаря, находившегося в Русском географическом о-ве. Кроме меня выехали из Москвы: К.К.Даниленко, А.Д.Симуков, препараторы В.М.Канаев и П.С.Савельев, переводчик дунганин Насыр Касимов и П.М.Саранцев.

"<...> На следующий день по прибытии в Ургу [7 октября 1923 г. — Д.С.] нам пришлось испытать изысканнейшее и экзотическое удовольствие. С утра П. К. Козлов не отпустил никого из нас в город, как оказалось, по той причине, что после полудня мы были приглашены Ц. Г. Бадмажаиовым² на парадный китайский обед.

"<...> Мы поехали в следующем составе: Е.В. и П.К. Козловы, И.П. и Ц.Г.Бадмажаповы, Е.П.Горбунова, С.А.Глаголев, С.А.Кондратьев и я [в тот раз Андрей Дмитриевич Симуков не сопровождал П.К.Козлова — Д.С.]. Приехали к расписным деревянным воротам и вошли во внутренний двор. Там нас встретил владелец фирмы, толстый бритый китаец, оказавшийся знакомым П.К. Нас провели в комнату, которая служила столовой, и с соблюдением церемоний рассадил. Комната низенькая, но довольно просторная, окна вместо стекол заклеены бумагой, вдоль степ расположены низкие китайские каны, заменяющие хозяевам кровати и стулья. Посредине — большой круглый стол, перед ним нечто вроде козел для каждого из нас, вместо стульев.

"<...> На столе на маленьких круглых тарелочках уже стояло 16 закусок, однообразно мелко нарезанных. Это количество закусок принято для малого обеда. По объяснению Ц.Г.Бадмажапова, на большом обеде число закусок доходит до 24. Общий стиль китайской сервировки был нарушен наличием рюмок для вина, хлеба и ножей с вилками, хотя каждому

¹ Архив Президента РФ, Ф.3, Оп.65, Д.739, л.33

² Бадмажапов Цогто Гармаевич (1879-1937), кяхтинский бурят-казак. Приглашался переводчиком в экспедиции П.К.Козлова, сопровождал торговые караваны в Монголию, Маньчжурию и Восточный Китай. Выполнял поручения российского Генерального штаба и МИДа. Впоследствии Ц.Г.Бадмажапов работал советником при правительстве МНР. Судьба его была подобна судьбам миллионов граждан сопредельной России: в 1937 году он был арестован и расстрелян.

Газета "Бурятия", 30 октября 2007 г., № 203(4090), 5 полоса;

Сайт: Энциклопедия Забайкалья. ez.chita.ru/encycl/person/?id=1252

были положены по две обычных китайских деревянных палочки. Ели на маленьких тарелочках, ежеминутно менявшихся.

<...> Попытаюсь перечислить оригинальное меню обеда. Закуски были следующие: 1) сардины, 2) колбаса из курицы и баранины, 3) колбаса из трепанга, 4) колбаса, вроде рубца из бараньей требухи, 5) свиное сало копченое, 6) бараньи губы конченные, 7) верблюжий горб копченый, 8) свинина холодная, 9) водоросли с шейками креветок, 10) крупные водоросли под уксусом, 11) наструганная отварная баранья требуха, 12) свежий ананас, 13) свежие груши, 14) тухлые яйца, 15) водоросли с червями и 16) баранина копченая. Закуски подавались в холодном виде. Мы пробовали все без исключения, заливая острым черным китайским уксусом. Многие из поданного безусловно было по вкусу даже требовательному европейцу. Таковы, например, водоросли, холодный трепанг и креветки. Но особенно хороши оказались тухлые яйца, совершенно рассеивающие обычное легендарное о них представление. Они имеют мягкую тягучую массу, очень похожую на сыр и структурой и острым приятным вкусом.

Возможным на китайском обеде является только пробование подаваемых блюд, ибо после закусок начали подавать, горячие блюда, которых мы насчитали 23; быть может сосчитали неверно, так как, по словам Ц.Г.Бадмажапова, их должно было быть 24. Здесь сочетания сложнее, но способ резки тот же самый: на тоненькие листочки или мелкие длинные червеобразные кусочки, очевидно, для удобства пользования палочками. Продолжаю перечисление блюд: 17) сосиски горячие из верблюжатины с фаршем из почек и печенок, 18) курица, разваренная на волокна, в соусе, 19) тонкие свиные кишки, начиненные рисом и нарезанные в виде колбасы, 20) трепанг в супе, длинными ломтиками, 21) шейки креветок отварные с зеленым горошком, 22) баранина, нарезанная длинными кусочками, с соусом из акульих плавников, 23) яичница вареная с мукой и зеленым горошком, на вид — совсем как манная каша, 24) сладкие пирожки с яблоками, жареные в жиру, 25) рубец бараний горячий в супе, нарезанный как цедра, 26) катышки из рубленой баранины отваренные, 27) сыр из ячменного хлеба свежий, вареный в супе, жесткий, как резина, 28) катышки из кровяной плазмы отваренные, белого цвета и абсолютно безвкусные, 29) сыр из ячменного хлеба тухлый, отваренный (по-китайски он называется "дуфу" и представляет изысканнейшее лакомство), 30) трепанг с соусом из японской рыбы и грибов, 31) баранина тушеная кусочками, 32) курдюк бараний, поджаренный тонкими листочками, 33) рыба с соусом из всходов бамбука, 34) пельмени с бараниной, топкие, как кружево, и варенные в пару, 35) семена лотоса, отваренные с яблочной пастилой.

В заключение обеда, непременно и символически, подается рис, отваренный самым обыкновенным образом и слегка сдобренный изюмом, нечто вроде нашей кутьи. Полагается съесть, хотя бы два зернышка риса. Пьют во время обеда из маленьких чашечек подогретые рисовые водки: "ханшин", "дэресу" или сладкое и слабое "майгало", а в середине обеда превосходный цветочный чай, который полагается пить без сахара"¹.

Осуществить в полной мере свою программу П.К.Козлову так и не удалось: в период ожидания бесчисленных "руководящих указаний" из Москвы, он основательно развернул работу в Монголии, вследствие чего экспедиция уже не могла выступить в сторону Тибета.

Такова вкратце история самой знаменитой и вместе с тем самой странной советской экспедиции в 1920-х годах. Начавшаяся в 1923 году как "Тибетская", экспедиция вернулась в Ленинград три года спустя уже как "Монгольская" (в истории науки она фигурирует под

¹ Н.В.Павлов. По Монголии. "Книжное дело", Хабаровск, 1930, сс.8, 38-40

названием "Монголо-Тибетской"). Этот удивительной метаморфозе экспедиция П.Козлова в равной степени обязана и интригам как между ОГПУ и НКВД, и соперничеству в руководстве Академии Наук за приоритетность различных экспедиций — финансировались-то они из госбюджета, и на каждую была выделена внушительная сумма — по 100 тысяч рублей золотом¹.

Итак, в 1923 году в составе экспедиции Козлова Андрей Дмитриевич Симуков отбыл в Монголию. Когда экспедиция завершила свою работу в 1926 году, ученый секретарь Научно-исследовательского Комитета (НИК) Монголии (впоследствии — Академия Наук МНР) Цыбен Жамцарано пригласил в 1927 году А.Симукова работать в НИКе. Это был тот самый Жамцарано, известный филолог, который в 1920 году был командирован в Москву Дальневосточным секретариатом Коминтерна в Монголии в качестве уполномоченного Монгольского временного правительства и ЦК Монгольской народной партии для установления отношений между Монголией и РСФСР. Он погибнет во время сталинских репрессий в 1937 году.

В том же 1927 году Андрей Дмитриевич был назначен заведующим географическим отделом НИКа. Эту должность он занимал в течение двенадцати лет, а вообще в Монголии он пробыл практически безвыездно шестнадцать лет, считая, что настоящему исследователю лучше всего постоянно жить в стране изучения. В этот период он возглавлял также картографический кабинет, Государственный музей, метеорологическое бюро, фонотеку.

А.Симуков был руководителем и участником пятнадцати больших экспедиций, маршруты которых (более 5 тысяч километров) охватывали почти всю территорию Монголии. Помимо "Географического атласа Монгольской Народной Республики" (ок. 100 стр., Улан-Батор, 1934, куда вошли физическая география, история страны, рассказ о гербе, денежной системе, очерки о различных сторонах экономической и социальной жизни Монголии, карты: географическая, растительная, геологическая, экономическая с делением на аймаки, по животноводству — овцы, крупный рогатый скот, лошади, верблюды, яки, охотничьему промыслу) и "Общей карты МНР" (Улан-Батор, 1937), впервые им созданных, А.Симуков опубликовал около 30 статей, а также подготовил к печати капитальный труд "Географический очерк МНР" — свод знаний о природе, населении и хозяйстве страны. Этот труд, также как и учебник по географии Монголии, созданный и переведенный им на монгольский язык, остались неизданными, но были подхвачены и использованы охотниками до чужого добра.

Большое внимание А.Д.Симуков уделял комплексному картографированию Монголии и издал много иных карт. Так, по заданию монгольского правительства он сделал схему административного районирования страны, заложил аймакский центр в Гоби — Далан-Дзагад, принимал участие при строительстве первого крупного предприятия МНР — столичного промкомбината. Им также была подготовлена "Карта монастырей Монголии". Кроме капитальных трудов он работал над статьями, постоянно печатался в "Современной Монголии". Вся эта колоссальная работы по организации экспедиций требовала со стороны ученого огромных усилий. Так, "пробивая" транспорт и денежные средства для исследовательских работ, А.Д.Симуков доходил даже маршала Чойбалсана, тогдашнего правителя Монголии².

¹ Андреев А.И. Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // "Ариаварта". Нулевой Выпуск СПб., 1996, сс.199-223; Александр Андреев. Время Шамбалы. Оккультизм науки и политики в Советской России. СПб, издательский Дом Нева, М., Олма-Пресс, 2002, с.147

² Там же.

За создание "Географического атласа МНР" указом Великого Народного Хурала А.Д.Симуков был награжден орденом "Полярной звезды" (1936).

Картами Андрея Дмитриевича, несомненно, пользовались войска Г.Жукова в ходе боевых операций на Халхин-Голе. Кандидат исторических наук, генерал-лейтенант Б.Цэдэн-Иш свидетельствовал, в частности, что "...именно "Общая карта МНР", известная в Монголии также как "зеленая карта" Симукова, послужила основным документом при определении конкретных и точных рубежей в самый канун халхингольских сражений"¹.

И вновь я возвращаюсь к невидимым нитям, связывающим между собой людей, события, явления, притом, что сами явления иногда даже и не подозревают об этом. Ведь к Монголии, а тем более к Халхин-Голу, наша семья имела отношение и по другой линии. Дело в том, что наша тетя Капа, мамина старшая сестра, в 1930 году вышла замуж за военного, Моисея Эммануиловича Аронова (и вот ведь совпадение: ей даже не пришлось менять девичью фамилию — у жениха была такая же!). И армейская служба сложилась так, что практически вся жизнь Моисея Эммануиловича, как и у нашего дяди Андрея Дмитриевича, была связана с Монголией и еще с Забайкальским военным округом. В 1939 году М.Э. Аронов участвовал в боях на Халхин-Голе и, будучи пехотным офицером, тоже, наверное, пользовался картами Андрея Дмитриевича Симукова, хотя, возможно, и не знал об этом. Потом, в конце войны, наш дядя Моисей отправился из Монголии воевать с императорской Японией и вернулся уже полковником обратно в Монголию, где долгое время после войны были расположены наши части.

А.Д.Симукова глубоко интересовали и сведения о "снежном человеке" — "аламаса" или "йети", — в связи с чем в 1929 году готовилась даже специальная экспедиция, которой, правда, не суждено было осуществиться. В своем исследовании этого вопроса историк и социолог Б.Ф. Поршнев отметил, в частности: "Мы не знаем, когда зародился в нем интерес к проблеме монгольского "дикого человека" и как много успел он сделать в изучении этой темы. Вполне возможно, что он слышал от П.К. Козлова тот же рассказ о наблюдениях казака Егорова, который позже услышал Г.В. Парфенов. Достоверно мы знаем только то, что в путевых записях Симукова, относящихся к его последующим самостоятельным путешествиям и сборам материалов, имеются данные об "алмазах", в том числе описание следов этого существа. Полностью научное наследство А.Д. Симукова в данном вопросе еще не выявлено. Так как он предполагал ехать в специальную экспедицию на поиски "алмазов" в недоступные районы Гоби, несомненно, что он придавал большое значение этой теме"².

Андрей Дмитриевич много занимался археологическими раскопками "мертвого города" Хара-Хото тангутской династии XIII в. (ныне территория Китая), гуннских курганов в Ноин-ульских горах.

Интересная деталь: несколькими десятилетиями позже, уже в 60-е годы, журналистка Инесса Ломакина, собиравшая материал для своей книги, поинтересовалась у А.А.Турутанова, который еще студентом нанялся шофером в ту экспедицию к П.Козлову, не взял ли он себе "на память" бурхан с раскопок. Тот ответил: "Взял. Только все у нас в доме пошло не так, как надо,

¹ //"Новости Монголии", №52, 24 декабря 1989 г.

²Б.Ф. Поршнев. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах ВИНТИ, Москва, 1963 , гл.3; Сайт: http://alamas.ru/rus/publicat/porshnev_book3/BP05.htm

пока не догадался. Отвез бурхан в степь, поставил лицом к Монголии и уехал"¹. Не в раскопках ли Хара-Хото кроется та мистическая "точка бифуркации" (развилка, раздвоение), которая приведет, в конечном счете, к гибельному концу Андрея Дмитриевича?

Член одной из экспедиций А.Д.Симукова, молодой практикант НИКа Дэндев, так писал о нем: "Симуков был специалистом по географии. Очень много путешествовал по Монголии. Немного есть мест, где не побывал Симуков. Так, путешествуя, он разнообразные исследования выполнял. В результате этих путешествий сделал большую "зеленую карту" и Атлас.

А.Д.Симуков, обладая весьма хорошим характером, умел обходиться с людьми в местах, куда приезжал, знал, как надо здороваться с монголами, и хорошо выполнял все правила и обычаи. В места, где приезжал, обходился с людьми, как с родными.

Вообще-то в кочевьях Арахангая, Убурхангая Симукова знали почти все люди, в то время познакомившиеся с Симуковым и ставшие ему родными, таких в Монголии было очень много.

Симуков был очень подходящий и удобный товарищ в далеких путешествиях. Всегда был человеком смелым, учил своих товарищей быть стойкими для того, чтобы преодолевать все препятствия и невзгоды"².

Вероятно, движимой страстью досконально познать открывшуюся ему неведомую планету Монголию и тем самым максимально полно реализовать себя как ученого-исследователя, Андрей Дмитриевич и не предполагал, что эта страна в середине двадцатых – начале тридцатых годов представляла собой бурно кипящий политический котел, да еще какой! Об этом наглядно свидетельствуют многие материалы и публикации, появившиеся у нас в последнее время.

Существенную роль в появлении этого "котла" сыграли теории эзотериков XIX века, в том числе и нашей Елены Блаватской³, их фанатичное убеждение в существовании на Востоке мистической Шамбалы — хранилища потаенного Знания. Правда, честолюбивые правители трактовали его достаточно примитивно: оно должно было помочь им манипулировать сознанием людских масс. Это привело к тому, что на Восток — в Тибет, в Монголию и прилегающие к ним регионы потянулись различные экспедиции, и притом не только научные.

Так, в 20-30 годы поисками Шамбалы всерьез заинтересовались спецслужбы нацистской Германии и СССР. Одна за другой в Тибет направлялись экспедиции, организованные СС. В ответ ОГПУ тоже стал посылать аналогичные экспедиции. В состав одной из них планировалось включить Якова Блюмкина, крупного чекиста. При этом, ЦК ВКП(б) поручил ему провести ряд операций разведывательного характера. Как уже говорилось выше, Г.Чичерин считал Монголию самым серьезным аванпостом в продвижении революционных идей в Тибет и Индокитай⁴. С этой же точки зрения специфический интерес к Монголии проявлял и Коминтерн: бывший председатель монгольского правительства Ринчина сделал секретный

¹ Бурхан — буддийское божество, Будда, конкретнее – скульптурное изображение буддийского божества; Инесса Ломакина. Грозные Махакалы Востока. М., Эксмо, Яуза, 2004, с. 363

² Из семейного архива

³ Елена Петровна Блаватская (1831-1891), писательница и путешественница, основательница Теософского общества

⁴ А.И. Андреев. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. Санкт-Петербург, Издательский Дом "Нева", Москва, "Олма-Пресс", 2002, с.292

доклад в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) на тему: "Монгольский вопрос с точки зрения Коминтерна"¹.

Следует отметить, что в Монголии работали и другие, чисто научные экспедиции: я имею в виду знаменитую экспедицию шведского путешественника Свена Гедина в 1927-1930 гг., в составе которой находились известные ученые из Европы и Китая.

Чтобы еще нагляднее показать политические смерчи, носившиеся над Азией, и, в частности, над бескрайними просторами Монголии, мне хотелось бы более подробно остановиться на авантюрной фигуре самого Блюмкина, близкого друга Есенина и Маяковского. Левый эсер, сотрудник ЧК, он впервые вошел в историю нашей страны как участник убийства в 1918 году германского посла Мирбаха. А уже в марте 1920 года Блюмкина зачисляют слушателем Академии Генерального штаба Красной Армии на факультет Востока, где готовили работников посольств и агентуру разведки. По окончании Академии Блюмкин к знанию иврита добавил также знание основ турецкого, арабского, китайского и монгольского языков.

Весной 1923 года Блюмкин используется ОГПУ для установления весьма "деликатных" контактов с петербургскими мистиками-окультистами. Тогда эта контора всерьез заинтересовалась оккультизмом, в частности, проблемами психического воздействия на человека и толпу гипнозом и даже предсказаниями будущего.

В целях прикрытия Блюмкина официально понижают в должности и переводят в наркомат торговли. Однако ОГПУ решило доверить ему особо тайную миссию в Китае. Он должен был вместе с экспедициями ОГПУ и экспедицией Николая Рериха проникнуть в легендарную Шамбалу в неприступных горах Тибета. Одновременно с поиском Шамбалы ему предстояло разведать военную мощь англичан в Тибете и разузнать — намерена ли Великобритания начать войну против СССР с территории Китая.

Экспедицию в Тибет поддерживал лично Дзержинский, но она была временно отложена. Спустя несколько месяцев, в сентябре 1925 года Блюмкин присоединился к экспедиции Рериха, где использовал в своих целях богатый опыт и знания Николая Константиновича. Впрочем, последний, вероятно, отвечал ему тем же: похоже, что у великого мыслителя и у великого авантюриста была общая цель — утверждение в Гималаях советского присутствия.

Вновь вернувшись в Москву, Блюмкин занимает в наркомате торговли сразу несколько должностей, оставаясь, по существу в резерве ОГПУ. В 1926 году руководство ОГПУ обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой откомандировать Блюмкина в его распоряжение. В тот же год Блюмкин был назначен представителем ОГПУ и главным конструктором (организатором) Государственной внутренней безопасности (ГВО) Монгольской республики в Уфе — Улан-Баторе — местной ЧК. Одновременно у него были резидентские задания по руководству советской разведкой в сопредельных с Монголией странах — Тибете, Внутренней Монголии, некоторых районах Северного Китая. В частности, он состоял советником по разведке и контрразведке в гоминьдановской армии генерала Фын Юйсяна.

Возмнив себя диктатором Монголии, Блюмкин с большевистским энтузиазмом, продиктованным "классовой целесообразностью", расстреливал ему неугодных, даже не считая нужным поставить монгольские власти об этом в известность. Это привело к тому, что уже через полгода ЦК Монгольской народно-революционной партии и Совет министров Монголии

¹ Иосиф Линдер, Сергей Чуркин, "Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919-1943", РИПОЛ Классик, М., 2005, стр. 535

потребовали отозвать разведчика в Москву. Деятельность Блюмкина в Монголии вызвала серьезные нарекания и начальника Разведупра РККА Берзина¹. Из Монголии Блюмкина убрали в ноябре 1927 года и после кратковременного пребывания в Москве с новой миссией перебрали в Париж².

Существует версия, по которой Блюмкину приписывается обнаружение некоего агентурного дела Охранного отделения царской России, из которого следовало, что Сталин был его агентом³. Официальным же предлогом ареста и расстрела Якова Блюмкина в 1929 году послужила его близкая связь с Троцким.

Вот какую характеристику дает Блюмкину Георгий Агабеков, крупный чекист-разведчик, ушедший в 1930 году на Запад:

"Что представлял собой Блюмкин? В сущности, молодой человек лет тридцати, он с юного возраста был захвачен революционной средой. Убийство Мирбаха возвело его в чин вождя левых эсеров. Чрезвычайно начитанный и образованный, он был авантюристом по натуре и, собственно говоря, не был предан идейно ни одной партии, членом которых он попеременно состоял. К политической работе относился как к тотализатору"⁴.

Крутились в Монголии в конце 20-х – начале 30-х годов и масса личностей из Иностранного отдела ОГПУ менее крупного масштаба, в частности, Георгий Мордвинов, занимавший должность советника ГВО Монгольской Народной республики. Ему приходилось много мотаться по стране, инспектировать и создавать новые пограничные отряды, отправляться с разведывательными экспедициями в глухие, малообжитые места Восточного Гоби⁵.

А еще в этой азиатской стране встречались бывшие вояки из 1-й Азиатской конной дивизии барона Унгерна-Штернберга, казачки атамана Семенова. Здесь бродили многие авантюристы, занятые лихорадочными поисками казны барона, которую тот якобы где-то запрятал в монгольских степях. По рукам ходили копии-перекопии "точных" карт, где указывалось место нахождения клада, совсем как в "Острове сокровищ" Стивенсона.

Не следует также забывать и об ожесточенной гражданской войне в Китае, и о вторжении японских войск на территорию Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) и создании там в 1932 году марионеточного государства Маньчжоу-Го, граничащего с Монголией.

Вот в таком "котле" и довелось работать Андрею Дмитриевичу. Я вполне допускаю, что в начале своей исследовательской деятельности в Монголии его пути могли пересечься с тем же Блюмкиным или иными представителями Разведупра РККА или ОГПУ. Ну, какой профессионал из разведки упустил бы такую прекрасную возможность неформально, а, скорее всего, в виде приказа поручить ученому-путешественнику, беспрепятственно бороздящему бескрайние

¹ Берзин Ян Карлович (настоящие имя — Петерис Янович Кюзис (1889-1938) — один из создателей и руководитель советской военной разведки. По обвинению в заговоре против советской власти и шпионаже арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

² Сайт: <http://www.bibliotekar.ru/100avant/79.htm> ; газета "Бурятия" от 15 января 2008 №4 (4137)

³ Роман Бракман. Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. Издательство "Весь мир", М., 2004

⁴ Георгий Агабеков. Секретный террор. "Современник", М., 1996, с.338

⁵ Анатолий Курчаткин. Победитель. Молодая гвардия, М., 2005, с. 198-201

просторы Монголии, хорошо знающему страну, да еще и прекрасно говорящему по-монгольски, выяснить ряд специфических и "тонких" вопросов в ходе его научных экспедиций! Лучшего прикрытия для таких целей, чем научная экспедиция, и не придумаешь.

А теперь – внимание! Речь пойдет об одной весьма деликатной миссии, которая была поручена Андрею Дмитриевичу монгольскими властями. Он был поставлен во главе экспедиции в монастырь Барун-Хурэ, в котором хранилось знамя Чингисхана, с заданием привезти его в музей Улан-Батора. Вот как писал об этом сам А.Д.Симуков в отчете о работе экспедиции 1937 года:

"...вечером 6/XI мы достигли Шанха сумуна. В соседнем ему Барун хурэ следовало, согласно специальному заданию, изъять "Чингисово знамя", хранившееся в этом монастыре. Это задание было выполнено утором следующего дня. Сейчас еще трудно сказать, к какому времени относится появление этого знамени, так как по этому вопросу следует провести специальное исследование. В Барун Хурэ это знамя было предметом культа и хранилось в отдельном небольшом храме, имевшем своего тахилчи¹. Мы не имели ни времени, ни возможности заниматься подробными исследованиями на месте, а потому ограничились тем, что погрузили знамя на машину и просили лам сохранить храм с его содержимым в неприкосновенности"².

А вот как эту миссию описывал уже упомянутый мною практикант Дэндев:

"Теперь расскажу о поездке Симукова в Эрдени-Дзу, где надо было выполнить важное задание. Перед Эрдени-Дзу находится монастырь Барун хурэ. Там всегда сохранялось знамя Чингиса. Было задание непременно его взять и привезти в Улан-Батор, в музей.

Когда прибыли, то появились оберегавшие его особые ламы. Они говорили: "Мы поклонялись ему, руками нельзя до него дотрагиваться. Это — онгон Чингисхана". Мы их убеждали в историческом значении этой вещи и показывали свои бумаги о том, что должны взять это знамя.

Их старший лама (даамал) говорил: "Кто вас знает, вы сами-то что знаете?" — отстраняя нас и отвлекая внимание, говорил он, пытаясь что-то сделать.

Мы делали вид, что совсем не хотим брать его, говорили: "Государство обязано охранять его". Однако подошла группа лам и, сжав кулаки, засучив рукава, готова была подраться и говорили: "Что эти люди там говорят?"

Затем главный лама сказал: "Это из правительства приехали знамя взять". И они понемногу стали расходиться...

Таким образом, это знаменитое знамя взяли. Около того знамени была одна раковина-труба. Говорили, что это труба одного из военачальников Чингиса.

Ламы говорили, что всегда приносили жертвы этому знамени.

Знамя Чингиса с белыми волосами находится в центральном музее в Улан-Баторе. Волосы были очень редкими, после их реставрировали"³.

¹ Тахилч (*мошг., рел.*) — прислужник в храме

² А.Д.Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Государственный музей этнологии,Осака,2008.Т.3 (ч.1), с.541

³ Цитируется по машинописной копии из семейного архива

Ох, нельзя было дотрагиваться до знамени Чингисхана, особенно в том, недоброй памяти 1937 году... Я не склонен к мистическим параллелям, как в случае с бурханом из "мертвого города" Хара-Хото, но нельзя же отрицать тот факт, что, когда 22 июня 1941 года в СССР была вскрыта усыпальница другого жестокого азиатского правителя, Тимура, по преданию ниспославшего страшнейшие проклятия тем, кто потревожит его прах, был запущен дьявольский механизм осуществления этого заклания, и наша страна в тот же день была ввергнута в катастрофу войны с гитлеровской Германией. Чего уж тут говорить о судьбе отдельной личности, одного человека, который дерзнул прикоснуться к символу могущества Чингисхана и открыл свой собственный ящик Пандоры...

Арестовали Андрея Дмитриевича 19 сентября 1939 г. в Улан-Баторе сотрудники Особого отдела НКВД (контрразведка) армейской группы войск РККА. Ему было предъявлено обвинение по статье 58-1 п. "а" УК РСФСР — "шпионская деятельность в пользу иностранных государств", — по которой он был осужден на восемь лет лагерей. Обвинение было абсолютно необоснованным с точки зрения нормальных людей, но с точки зрения тогдашних энкаведешников оно было более чем "обоснованным": с иностранными учеными — шведом Свеном Гединым и другими — встречался? Дядя-белоземigrant, да еще бывший генконсул царской России в Монголии — из Парижа писал? Иностранные языки знает? Карты рисовал? Виновен однозначно.

А в самом начале 1939 года был арестован С.Н.Миронов, с августа 1937 по 6 января 1939 года являвшийся полпредом СССР в Монголии. Еще он был комиссаром госбезопасности 3-го ранга и его последняя должность в НКВД — начальник управления по Западно-Сибирскому краю¹. Так, уже спустя неполных пять месяцев со дня своего появления в Монголии, 3 апреля 1938 года Миронов докладывал Фриновскому² о результатах своей работы: "Арестовано к 30 марта 10728 человек, среди которых преобладали ламы (7814), а также буряты с китайцами (2000 чел.), министерские чиновники и старшие офицеры (500 чел.) и феодалы (322 чел.)". К исходу марта было осуждено к расстрелу 6311 чел. Всего монгольские "тройки" в 1937-1938 гг. осудили более 25 тыс. человек, приговорив к смерти свыше 20 тыс. чел."³.

Миронова расстреляют через год, в феврале 1940 г. по обвинению в "заговорщицкой деятельности". Они безжалостно резали даже *своих*, что уж тут говорить об ученом-географе...

На открытке, которую семья получила в 1942 г. из Печорского лагеря, одного из бесчисленных островков ГУЛАГа, что был рядом с поселком Абезь Коми АССР (он находится примерно в 200 километрах на юго-запад от Воркуты) написано от руки, чернилами: "Адресат умер".

По официальной справке, полученной многие годы спустя, Андрей Дмитриевич скончался от "паралича сердца" 21 апреля 1942. Истинная причина его смерти — ведь указанные диагнозы штамповались тогда в массовом порядке, а на самом деле человек мог быть просто расстрелян — и место его захоронения так и остались неизвестными...

¹ Леонид Млечин. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. ЗАО "Центрполиграф", М., 2008, с 399

² Фриновский Михаил Петрович (1898-1940), один из руководителей органов государственной безопасности

³ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 — начало 80-х годов. — М., 2003, с.610-611; Архивы Кремля и Старой площади. Документы "по делу КПСС". — Новосибирск, 1995, с.19-20; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал "большим". Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. М., 2003, с. 40, 70; Звягинцев В. Трибунал для героев. М., 2005, с.143

А романтически-мистический миф о Шамбале, что в переводе с санскрита означает "место покоя, безмятежного существования", руководство НКВД представило как некую "конспиративно-заговорщицко-масонскую организацию восточных мистиков-масонов, используемых Англией для подрыва СССР"¹.

Судя по всему, Англия и сегодня считается у нас источником всех российских бед...

В 1956 году семья получила реабилитационное свидетельство, в котором говорилось: "Дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Симуков Андрей Дмитриевич полностью реабилитирован".

У А.Д.Симукова был сын Алтай, родившийся в Монголии, но в возрасте двух лет и семи месяцев он скончался от скарлатины. Когда в 1933 г. там же, в Монголии, у него родилась дочь Наталья – моя двоюродная сестра, — то, опасаясь за здоровье девочки, он отправил семью в СССР. В Москве Наташа окончила школу с золотой медалью, а затем химфак МГУ им. М.В.Ломоносова, стала кандидатом химических наук, долгие годы работала в Институте биоорганической химии АН СССР. В начале 90-х годов она со своей семьей – мужем, Эдуардом Будовским, крупным ученым-химиком, дочерью Еленой и внуком Ильей переехала на постоянное жительство в США.

В 1970 году в газете "Правда" писатель Борис Полевой опубликовал очерк о своей поездке в Монголию. Там он упомянул, что в одном из сельскохозяйственных объединений, организованных при непосредственном участии Андрея Дмитриевич Симукова, все еще ждали его приезда. Этот очерк попался на глаза Наташе. Она решила встретиться с писателем, чтобы поподробнее порасспросить его о поездке в надежде узнать какие-то новые сведения о своем отце, которые могли остаться "за кадром". "А вы знаете, что у вас в Монголии есть родственница – ваша сестра?" — огорошил ее Полевой. Так мы узнали о существовании монгольской ветви нашего рода. Несколько позже состоялась встреча сестер, а потом мы познакомилась и с нашими племянниками из далекой Монголии.

Как выяснилось, жизнь распорядилась следующим образом. По прошествии нескольких лет после отъезда жены с дочерью Андрей Дмитриевич сошелся в Монголии с одной женщиной, и в 1936 году у него родилась дочь, которую называли Доржпалам. Каким образом сложилась судьба ее матери, и кто она была – неизвестно. С самого своего рождения девочка воспитывалась в китайской семье.

Впоследствии Доржпалам стала врачом, вышла замуж и у нее родились трое детей — старший сын Баяр, талантливый журналист, ныне уже ушедший от нас, младший сын Зориг и дочь Оюун (в русской транскрипции ее имя пишется и произносится как Оюна).

Зориг родился в 1962 году, в 1985 году закончил в Москве философский факультет МГУ им. Ломоносова. После падения коммунистического режима Цеденбала Зориг стал видным политическим деятелем Монголии. В 1989-1991 гг. он генеральный координатор Монгольского

¹ А.И. Андреев. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. Санкт-Петербург, Издательский Дом "Нева", Москва, "Олма-Пресс", 2002, с.179

Демократического Союза, с 1991 г. — руководитель Республиканской партии, с 1992 г. — руководитель Объединенной партии. В 1992 г. избран членом Генсовета МНДП (Монгольской национально-демократической партии). В 1990-1992 гг. — депутат ВНХ (Великого Народного Хурала, впоследствии ВГХ — Великий Государственный Хурал) Монголии, председатель Исполкома Парламентской группы МНР. В 1992-1996 гг. — член ВГХ Монголии. С июня 1996 г. — Председатель ПК (постоянного комитета) ВГХ по государственному строительству. В июле 1997 г. избран Председателем постоянного комитета по безопасности и внешней политике.

Все шло к тому, что Зориг займет пост премьер-министра Монголии, однако 2 октября 1998 года он был убит в своей квартире при невыясненных обстоятельствах. Сестра Зорига Оюна в одном из интервью, размещенном в Интернете, высказала предположение, что это убийство могли совершить как его политические противники, так и завистники-соратники.

В Улан-Баторе Зоригу установлен памятник работы скульптора Дэнзена Барсболдта, выпускника ленинградской Академии художеств им. И.Репина. И тесен наш мир: он оказался племянником нашей близкой с женой подруги!

Сестра Зорига Оюна родилась в 1963 году, получила образование в Праге в Карловом университете (геохимия), затем защитила диссертацию в Кембридже, несколько лет работала в Англии. Увлекалась карате и обладает его высшим отличием — черным поясом. Как и брат, она активно включилась в политику, продолжив его дело. Оюна является лидером оппозиционной партии Гражданская воля — Республиканская партия, членом монгольского парламента — Великого Государственного Хурала. Одно время она являлась вице-председателем ВГХ, в 2007-2008 гг. занимала пост министра иностранных дел Монголии.

На монгольском языке ее имя означает "мужество" и "мудрость", и она полностью оправдывает эти два понятия. В монгольской прессе мне встретила статья, где об Оюне писали как об "авторитетном и здравомыслящем политике". Как здорово, что мудрость, заложенная в имени моей монгольской троюродной племянницы, воплощается в ее реальных политических делах.

Я радуюсь, что она верна "светлозелености" своего деда, Андрея Дмитриевича Симукова, которая в нашей семье трактуется как неколебимая стойкость и приверженность своим высшим моральным принципам.

В 80-е и 90-е годы об А.Д.Симукове появилось множество публикаций и в нашей и в монгольской прессе. Вышла даже приключенческая повесть "Экспедиция идет к цели" (М., 1977), где под фамилией геолога Тимякова авторы книги М.В.Колесникова и М.С.Колесников вывели Андрея Дмитриевича. Книга была написана на основе дневников экспедиции дяди Андрея, совершенной в 1927 году, которые затем бесследно исчезли.

В начале 2000-х годов судьба А.Д.Симукова привлекла внимание Инессы Ломакиной, известной петербургской журналистки-международницы, специализировавшейся по истории Центральной Азии (чуть выше я приводил цитату из ее книги "Грозные Махакалы Востока"). В середине 60-х она долгие годы жила и работала в Монголии и написала нескольких книг по истории и культуре этой страны. Талантливый исследователь, к тому же обладавшая "живым пером", она оценила тот огромный вклад, который Андрей Дмитриевич внес в историю современной Монголии, и решила написать о нем развернутый документальный рассказ "Географ Андрей Симуков". Писательница уже приступила к скрупулезному сбору материалов,

обратилась к архивам, но ее работу оборвала внезапная смерть на семьдесят седьмом году жизни в 2007 году. Последнее ее документальное повествование осталось незавершенным...

Основная часть научных и картографических работ Андрея Дмитриевича оставалась неопубликованной на протяжении почти семидесяти лет. Впрочем, некоторые из них выходили, но под чужими именами. И только благодаря огромным усилиям Наташи и нашей монгольской родни Государственный музей этнографии в Осаке (Япония) опубликовал в 2007 году трехтомник научных работ А.Д.Симукова, которые удалось обнаружить к тому времени: "Труды о Монголии и для Монголии". Все продолжает торжествовать святая булгаковская истина — рукописи не горят! ¹

* * *

Мой двоюродный дед — генеральный консул

Я уже говорил в самом начале, что он был дипломатом. Читая о нем у папы, перед моими глазами вырисовывалась весьма примечательная фигура. Покопавшись в семейных архивах и используя также другие возможности, я здесь собрал все, что мне стало о нем известно. Сперва официальные сведения.

Александр Яковлевич Миллер (1868, СПб -1940, Париж), действительный статский советник. На службе в МИД поступил в 1893 как студент миссии в Тегеране, в 1894-1899 драгоман² политического агентства в Бухаре. В 1899-1905 вице-консул в Сейстане, в 1906 1-й драгоман миссии в Тегеране. В 1907-1908 консул в Ливерпуле, затем вернулся в Персию: в ноябре 1908-1910 консул в Астрабаде, в октябре 1910 - январе 1913 генеральный консул в Тавризе. С 1913 года работал в Монголии — до конца 1915 года служил секретарем Консульства в Улясутае, а потом был назначен на должность агента, а потом и Генерального консула в Урге (Монголия) (1915-1917). 15 мая (7 июня) 1915 г. в г. Кяхте, расположенном у границы Монголии, подписывал русско-китайско-монгольское Кяхтинское соглашение, регулировавшее политические и территориальные вопросы, связанные с признанием Россией и Китаем (в 1913 г.) автономии Внешней Монголии, остававшейся под сюзеренитетом Китая. После ввода в Монголию китайских войск (1918), автономия Внешней Монголии была упразднена (1919).

А. Я. Миллер.
Берлин, 1922 г.

¹ Жизнедеятельности А.Д.Симукова посвящены также очерк журналиста А.Кривеля в "Правде" от 11 апреля 1984 г. "И награжден "Полярной звездой", его книга "Самый синий Хангай", М., 1984, очерк Капитолины Кожевниковой в "Литературной газете" под рубрикой "Судьбы" — "Сталинская гильотина доставала и в пустыне Гоби" (20 марта 1996 г.), очерк Ч.Эрдэнэ "Живет память о нем" (ж. "Монголия", 1985, №12), очерк Виктора Морецкого "Таинственный незнакомец", "Российская газета", 24 ноября 1990 г., а также материалы, опубликованные в сб.: VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации I.(издан в том же году Институтом Востоковедения РАН).

² Драгоман — официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции.

Незадолго до Февральской революции – политический агент в Бухарском ханстве (с октября 1916, с марта - резидент). В марте 1917 инициатор и руководитель проекта реформ в Бухаре, не нарушающих статуса политической автономии ханства. Оставался на посту до апреля 1917. Автор ряда работ по истории азиатских стран. После Октябрьской революции – в эмиграции в Париже.

О монгольском периоде в жизни Александра Яковлевича можно найти свидетельства у А.В. Старцева (Алтайский государственный университет) в его работе "Экономическая политика России в Монголии после провозглашения независимости (1911-1917 гг.)":

"1 декабря 1911 г. 4 аймака Внешней Монголии распространили воззвание, в котором объявлялось о создании независимого монгольского государства. К этому времени между Россией и Монголией существовали прочные торгово-экономические связи, которые регулировались Тяньцзинским (1858 г.), Пекинским (1860 г.) и Петербургским (1881 г.) договорами, заключенными между Россией и Китаем. Провозглашение независимости неизбежно должно было повлечь за собой изменения экономической политики России по отношению к Монголии, которая до этого времени строилась с учетом доминирования на местном рынке китайского торгово-ростовщического капитала.

Первой реакцией стало заявление российского МИДа от 29 декабря, в котором была сформулирована официальная позиция по монгольскому вопросу. "Не желая вмешиваться в происходящую в Китае борьбу и не питая агрессивных замыслов в Монголии, – подчеркивалось в документе, – Россия, однако, не может не интересоваться установлением прочного порядка в этой соседней с Сибирью области, где имеются крупные русские торговые интересы".

<...>

В 1914 г. по инициативе дипломатического агента в Урге А.Я. Миллера, российская сторона начала переговоры о заключении соглашения по железнодорожному строительству в Монголии. В инструкции МИДа А.Я. Миллеру рекомендовалось не настаивать на исключительном праве России строить железные дороги во Внешней Монголии, но "...фактически закрепить за нами то право, как вытекающее из естественного географического и торгового тяготения автономной Монголии к нашим сибирским владениям и к обслуживающей их нашей рельсовой сети". 28 октября 1914 г. такое соглашение было подписано. В этом документе Россия принимала на себя обязательства оказывать всестороннюю помощь в сооружении железных дорог, а Монголия не должна была начинать железнодорожное строительство или выдавать концессии без согласования с российской стороной.

<...>

Таким образом, ко времени начала тройственных переговоров Россия значительно укрепила свои позиции во Внешней Монголии, и важнейшей задачей российской дипломатии на конференции в Кяхте было закрепление их в соответствующих документах.

Кяхтинская конференция начала свою работу 26 августа 1914 г. и продолжалась в течение восьми месяцев. Только к концу мая 1915 г. удалось, наконец, согласовать весь текст русско-китайско-монгольского соглашения. Подписанный документ представлял собой компромиссное решение монгольского вопроса. Внешняя Монголия признавала сюзеренитет Китая, а Россия и Китай – ее автономию. Ургинское правительство получало исключительное право ведать всеми делами внутреннего управления, а также могло заключать международные договоры и соглашения, касавшиеся вопросов торговли и промышленности. Россия и Китай обязывались не

вмешиваться в дела внутреннего управления автономной Монголии. Весьма важной для России была статья 21 соглашения, признававшая в полном объеме торговый протокол Ургинского договора 21 октября 1912 г., дававший российским подданным широкие возможности для занятия предпринимательской деятельностью.

Российская делегация на Кяхтинских переговорах в целом решила поставленные перед ней задачи. Россия законодательно закрепила свои экономические преимущества во Внешней Монголии, хотя ей и не удалось полностью монополизировать монгольский рынок, как того желали предпринимательские круги Европейской России. В то же время Кяхтинское соглашение не нарушало сложившегося баланса сил в Дальневосточном регионе и не затрагивало интересов западноевропейских держав в Китае"¹.

В 2001 году я обратился в Архивное управление МИДа Российской Федерации с просьбой помочь мне найти какие-нибудь сведения об Александре Яковлевиче. Официальная справка была краткой:

"А.Я. Миллер подписывал 15 мая (7 июня) 1915 г. в г. Кяхте, расположенном у границы Монголии, русско-китайско-монгольское Кяхтинское соглашение, регулировавшее политические и территориальные вопросы, связанные с признанием Россией и Китаем (в 1913 г.) автономии Внешней Монголии, остававшейся под сюзеренитетом Китая. После ввода в Монголию китайских войск (1918), автономия Внешней Монголии была упразднена (1919)".

Это соглашение явилось результатом многолетних дипломатических усилий российского правительства. Министр иностранных дел России С.Д.Сазонов так писал из Санкт-Петербурга 23 августа 1912 года в ответ на депеши о ситуации в Монголии: "Решение Императорского правительства обеспечить автономию Внешней Монголии имеет целью создать из нее область Китая, особое положение коей в составе этого государства было бы гарантировано Россией... Этим самым мы признаем Монголию договаривающейся стороной и санкционируем ее притязание на автономию"².

Кстати, советником при монгольской делегации в тех тройственных переговорах был уже упоминавшийся мною Цогто Гармаевич Бадмажапов. Я полагаю, что А.Я.Миллер тесно общался с этим монголоведом-практиком, принимавшим участие в качестве переводчика в экспедиции П.К.Козлова еще в 1899-1901 гг. и бывшим "по совместительству" негласным агентом императорского Генштаба в Монголии.

Помимо экономического, между Россией и Монголией было установлено и военное сотрудничество, и опять не без участия А.Я.Миллера. Вот что писала об этом Жаргалма Жалсапова в своем исследовании "Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.)":

"В дальнейшем между двумя государствами велись переговоры по изменению количества обучаемых, условий боевой подготовки. Российская сторона предлагала увеличить количество обучаемых. В телеграмме дипломатического агента в Монголии Миллера о ходе переговоров с монгольским правительством об организации боевой подготовки кавалерийской бригады с привлечением русских военных инструкторов от 10 марта 1914 г. сказано, что Сайн ноён хан, указав на невозможность для монгольской казны прокормить более 300 лошадей и человек, заявил, что монгольское правительство желает ограничиться учебной частью в 300 человек с

¹ А.В. Старцев (Алтайский государственный университет). Экономическая политика России в Монголии после провозглашения независимости (1911-1917 гг.); <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/81-405.html>

² Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу 23 августа 1912-2 ноября 1913 СПб, 1914, с.12

батареей и пулемётной командой включительно, при четырех русских офицерах. На встрече с министром иностранных дел России Сазоновым монгольский Сайн ноён хан затронул вопрос о сокращении штата русских военных инструкторов, ссылаясь на финансовые затруднения Монголии. Эта просьба была учтена. В мае 1914 г. в монгольской бригаде было проведено большое сокращение. Из пятидесяти инструкторов осталось всего двенадцать. По соглашению "О приглашении военных инструкторов и обучении ими монгольских войск" 1914 г. сроком на 1 год для работы в монгольских войсках приглашались 22 человека – 6 офицеров и 16 младших командиров. Урядников заменили обученные монголы унтер-офицеры. Срок обучения составил три месяца, после чего проводили новый набор монгольских солдат. На данную телеграмму министр иностранных дел российской стороны ответил, что столь значительное уменьшение численности монгольской бригады неблагоприятно отзовется на возлагаемой на неё задаче служить объединению монгольского государства и содействовать его внешней защите. Военное министерство предложило минимальный срок обучения шесть месяцев с русскими инструкторами в составе шести офицеров и двенадцати урядников, мотивируя тем, что солдаты, прошедшие обучение в течение 3 месяцев, не могут являться надёжными кадрами для защиты интересов государства"¹.

Мировая политическая обстановка кардинально изменилась в связи с Первой мировой войной. Не могла она не отразиться и на российско-монгольско-китайских отношениях, в которых напрямую был задействован А.Я.Миллер. Вот как характеризует тот период В.А.Моисеев в своей работе "Россия и Китай в Центральной Азии":

"Первая мировая война обнажила и обострила многие противоречия российского общества, привела страну к глубокому социально-экономическому и политическому кризису, отвлекла внимание правительства от Центральной Азии и Дальнего Востока. Война негативно отразилась на динамике и уровне торгово-экономических отношений России с Западным Китаем, привела к их значительному сокращению, в то же время повысился спрос в Туркестане на китайские товары и китайское купечество настойчиво требовало от своих властей назначения в города Средней Азии торговых представителей – аксакалов. Поражения на фронте привели к падению военного и политического престижа России в Центральной Азии, в том числе в Синьцзяне, что нашло свое выражение в целом ряде недружественных и откровенно антироссийских и антимонгольских акций местных китайских властей. Летом и осенью 1914 г. китайские власти предпринимают попытки склонить перейти в китайское подданство урянхайских, торгоутских и хошоутских князей, засылая в их ставки эmissаров, а затем и вооруженные отряды. Так, в начале октября 1914 г. по приказу губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсиня китайские войска вторглись в Кобдоский округ и силой увезли в Урумчи некоторых торгоутских и урянхайских князей, и пытались отобрать у них знаки власти – печати, выданные ургинским правительством. Чуть раньше в сентябре месяце, скорее всего не без ведома властей Алтайского округа, китайские казахи-киреи предприняли ряд грабительских вторжений в Кобдоский округ и появились почти под стенами города Кобдо. Комментируя эти действия Ян Цзэнсиня, консул в Кобдо А.Я. Миллер подчеркивал, что "местные китайские власти очень мало считаются с предписаниями центрального правительства и Синь-цзянский дуду (губернатор) упорно продолжает вести свою политику полного игнорирования монгольской независимости и восстановления старых времен владычества Китая" (из донесения А.Я. Миллера начальнику

¹ Жаргалма Жалсапова. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.). //Власть, № 12, 2008; <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2008/12/Deyatelnost%20russkih%20voennih.pdf>

Дальневосточного отдела МИД Г.А. Казакову от 30 октября 1914 г. (АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 626. Л. 32.)¹.

Как это зачастую бывает в жизни, смысл действий дипломатов имеет куда более запутанную природу, чем это может показаться на первый взгляд. Это приводит иногда к неверным оценкам или предвзятому отношению к дипломатам со стороны жителей страны пребывания. Не избежал этого и А.Я.Миллер. Вот что напишет об Александре Яковлевиче оказавшийся после революции в Германии другой известный дипломат И.Я.Коростовец в книге "От Чингис-хана до Советской республики":

"Монголы не любили его, считая Миллера симпатизирующим Китаю. Хотя Миллер хорошо относился к китайцам, но он не позволял им ни малейшего нарушения автономии Монголии и чрезмерного вмешательства в ее дела. Несмотря на трудно складывавшееся для нашего влияния положение в Урге, деятельность Миллера не осталась бесследной. Ему удалось провести довольно крупные мероприятия. Под его руководством было установлено самоуправление русской колонии в Урге, организованы русский клуб и читальня. Благодаря его усилиям, русские получили довольно большой надел в качестве концессии, был решен вопрос о национальном банке, организован ряд русских прививочных пунктов для вакцинации скота от эпидемий. Кроме Кяхтинского соглашения Миллеру удалось заключить еще несколько договоров, касающихся телеграфной и железнодорожной связи"².

После "монгольского" в жизни Александра Яковлевича Миллера настал "бухарский" период. Интересные факты о его дипломатической деятельности в Бухаре я почерпнул из исследования Н.В.Матвеевой, доцента РТСУ "Первое постоянное представительство России в Бухарском эмирате", которые привожу ниже.

"<...>Необходимость учреждения политического агентства в Бухаре диктовалась, в первую очередь, политическими соображениями. С помощью постоянного наблюдателя России было удобно следить за происходящими в эмирате и соседнем Афганистане событиями для того, чтобы контролировать внутреннюю и внешнюю политику эмира и направлять ее в выгодную для царизма пользу, а также для быстрее пресечения возможных антирусских происков Англии на афганской границе.

<...>

Права и обязанности Российского Императорского политического агента в Бухаре были разработаны и утверждены императором Николаем II только в 1904 г. Согласно этим правам и обязанностям, агенту поручалось сношение с бухарским правительством по всем политико-экономическим вопросам, он должен был осуществлять контроль за эмиром и его правительством касательно их отношений с Россией.

<...>

У сотрудников агентства немало времени отнимал приём посетителей, личные сношения, участвовавшие поездки в Ташкент, приём проезжающих специальных лиц, заседания по хлопковым и другим делам. В донесении политического агента Миллера от 20 февраля 1917г. министру иностранных дел А.А. Нератову отмечалась необходимость увеличения штата сотрудников политического агентства, чтобы избежать ущерба для весьма значительных русских интересов в Бухаре.

¹ В.А.Моисеев. Россия и Китай в Центральной Азии. <http://new.hist.asu.ru/biblio/ruskit/14.html>

² И.Я.Коростовец. "От Чингис-хана до Советской республики" (на немецком языке), Берлин, 1926 г. В 2004 г. эту книгу на русском языке выпустило в Улан-Баторе издательство "Эмгент". Улан-Батор, 2004, с. 411

Политический агент А.Я. Миллер возбудил вопрос перед МИДом Временного правительства о переименовании вверенного ему учреждения в "Резидентство", он считал, что титул "политический агент" неверно толкуется массами и выражает недоверие к Российскому представительству в эмирате.

Согласно постановлению Временного правительства от 17 марта 1917 г., политическое агентство было переименовано в Российское резидентство, а политический агент стал именоваться "российским резидентом". Функции административного управления и заведывание хозяйством русских поселений перешли к областному исполкому и Новобухарскому городскому исполкому. Однако за российским резидентом было оставлено право сношения с бухарским правительством и контроля за его деятельностью

Младобухарцы – члены буржуазно-националистической партии в Бухарском эмирате – с большой надеждой встретили Февральскую революцию 1917 г. По словам представителя левого крыла Ш. Ходжаева, тогда "появилась возможность требовать реформы, опираясь на русскую демократию и правительство".

Младобухарцы через резидента Миллера направляют свои требования о необходимости проведения реформы в эмирате специальным представителям Временного правительства, прибывшим в Бухару.

Министр иностранных дел России при поддержке премьера А.Ф.Керенского в марте 1917 г. в телеграфном распоряжении российскому резиденту в Бухаре А. Я. Миллеру прямо указал на целесообразность реформирования бухарского общества. И эмир С'ейид-Алим-хан легко согласился на это. Непосредственной разработкой проекта реформы занимался резидент Миллер при деятельном участии его помощников Шульги и Введенского. Проект реформы, неоднократно обсуждавшийся резидентом с эмиром и чиновниками, был преподнесен эмиру в виде манифеста для обнародования.

Манифест вызвал одобрение младобухарцев, которые организовали в честь него демонстрацию, хотя резидент Миллер не советовал им манифестировать. 9 апреля 1917 г. манифестация была подвергнута разгону со стороны эмирского правительства. Три тысячи жителей Бухары были избиты и арестованы. Манифест, носящий демагогический характер, остался лишь на бумаге, потому что против реформы упорно выступило с санкции эмира мусульманское духовенство и реакционные феодальные круги.

Резидент Миллер и его помощник Шульга открыто выступили и против реформы и перешли на сторону реакции в связи с организованным противодействием консервативных кругов и недостаточностью по числу и влиянию младобухарцев в эмирате. На общем собрании рабочих железнодорожных мастерских и хлопкоочистительных заводов г. Кагана 6 апреля 1917г. было принято решение об аресте Миллера, допустившего избиение сторонников реформы в Бухаре. Министерство иностранных дел Временного правительства было вынуждено отозвать Миллера и назначить на его место Чиркина. Но от смены российского резидента никаких изменений не произошло: Бухара по-прежнему оставалась деспотической страной"¹.

* * *

Из детских воспоминаний, связанных с А.Я.Миллером, которыми поделился со мной папа, у него в памяти остался слуга Александра Яковлевича Хуссейн-ага, перс по национальности. Это был рослый красавец с каменным лицом, иногда возникавший в дверях роскошного

¹Матвеева Н.В. доцент РТСУ. Первое постоянное представительство России в Бухарском эмирате <http://www.history.tj/matveeva.php>

кабинета своего хозяина в квартире, которую тот снимал, когда некоторое время жил в Петербурге. На папу все это произвело сильное впечатление

Жены у Александра Яковлевича не было. Шел слух, что он был влюблен в какую-то балерину, но от брака пришлось отказаться — в то время балерины не слишком котиrowались в качестве жен чиновников Министерства иностранных дел Российской Империи.

По словам папы, его дядя мечтал закончить дипломатическую карьеру посланником в небольшом европейском государстве, но, увы! Побродив летом 1917 года по Петербургу и читая расклеенные на заборах предвыборные лозунги, он сказал сестрам (моей бабушке и ее сестре Ольге): "Победит список № 5 — большевики. Мне здесь делать нечего". Его государственный ум уже тогда ощущал грядущую катастрофу.

Поступив на работу в один банкирский дом, Александр Яковлевич уехал сперва в Англию, а потом перебрался во Францию, в Париж. Там женился на португалке Лауре, значительно моложе себя. Судя по кратким строкам поздравительных открыток, которые Александр Яковлевич посылал матушке и сестре Ольге то на французском, то на немецком, то на русском языках, Лаура постоянно хлопотала по хозяйству, стараясь достойно поддержать его эмигрантский семейный очаг, за что Александр Яковлевич был ей глубоко благодарен.

Регулярная переписка Александра Яковлевича с матушкой и сестрой продолжалась в 1924-1926 годах. Я внимательно прочитал эти коротенькие открытки с видами Парижа того времени, чтобы получить хоть какие-нибудь дополнительные сведения о своих родственниках. Так, я выяснил, что Александр Яковлевич изредка пересылал своей сестре Ольге модные парижские журналы и даже ухитрялся делать мизерные денежные переводы ей и матушке, несмотря на свое более чем скромное существование во Франции. Тон его коротких посланий менялся. Если вначале они были полны восхищения — "в Париже все так красиво и элегантно и каждый парижанин и парижанка — воплощение самой вежливости" или — "Париж день ото дня становится все красивее... и эти маленькие женщины...", то спустя несколько лет уже читаешь: "Работы по-прежнему много, но денег мало... Целую неделю работал до полуночи... Очень трудно, но бьемся с Лаурой. Ведем жизнь уединенную — ни времени, ни денег даже на скромные развлечения нет". Однако при всем при том в его строках проскальзывает и юмор, не дававший пасть духом: "Макароны едим часто, а котлеты — редко. Но, несмотря ни на что, бодрости не теряем. Я даже не похудел". И почти во всех посланиях, как заклинание, — "всегда думаем о вас".

Потом у Александра Яковлевича начались сложности с работой — и прежнее-то место было отнюдь не хлебным. Он пытался открыть какую-то свою собственную консультационную контору — это закончилось крахом. Письма и поздравительные открытки стали приходить все реже и реже, и в середине 30-х их поток вовсе иссяк. Будучи опытным дипломатом-аналитиком и трезво оценивая ситуацию в Советской России, Александр Яковлевич не захотел более испытывать судьбу и ставить под удар своих родственников "сомнительными связями с заграницей".

Глубоко символично, что адрес последнего пристанища Александра Яковлевича Миллера в эмиграции в Париже был 23, Rue de Moscou, Paris (8e): даже вдали от Родины он оставался русским на своей Московской улице.

Помимо пачки открыток Александр Яковлевич оставил в нашей семье и еще один "материальный" след: у папы на полке книжного стеллажа всегда стояли две лакированные шкатулки — одна квадратная, другая круглая — из плотного папье-маше, расписанные

традиционным восточным орнаментом красно-золотисто-коричневых тонов, и с арабской вязью каких-то священных изречений. Папа хранил в них важные мелочи, да несколько серебряных персидских монет. И шкатулки и монеты остались от Александра Яковлевича, вернее, от его слуги Хусейн-ага, который, как известно, был персом.

А моей сестре Оле перешло по наследству от папиной сестры, нашей тети Али, простенькое колечко в виде змейки в три витка золотой проволоки, на одном из ее концов — змеиная головка с крохотным рубинчиком (давно потерян). Сестра говорила, что еще маленькой слышала, что колечко сделано из "индийского" золота. Вероятно, в давние времена так именовали золото низкой пробы. Это колечко когда-то подарил Александр Яковлевич своей маленькой племяннице Але, моей тете.

Да, сложная жизнь была у моего двоюродного деда...

* * *

"Санниковцы"

Когда в своем повествовании я коснулся бабушкиных друзей молодости — Ф.А.Матисена и А.В.Колчака, то, естественно, основательно "влез" в тему в поисках возможного уточнения каких-то деталей, дат. Большим подспорьем для меня стал очерк "Одиссея капитана Матисена" Татьяны Ковальской, размещенный в Интернете¹. Ряд фактов я почерпнул также из книги Н.А.Черкашина "Адмирал Колчак. Диктатор поневоле"². Вся фактологическая часть моего дальнейшего рассказа о Матисене и Колчаке, включая цитаты, ссылки или даты, взята из этих двух источников.

Имя Федора Андреевича Матисена не так широко известно широкой публике, как имя Колчака. А вместе с тем жизненные пути этих двух людей постоянно пересекались еще со времени совместной службы мичманами на "Рюрике".

Именно Матисен направил А.В.Колчаку в 1899 году телеграмму с предложением принять участие в Русской полярной экспедиции, а уже в 1900 году Колчак был прикомандирован к Императорской Академии Наук. В Петербурге он селится вместе с Матисеном и занимается в качестве ученого-гидрографа снаряжением своей части экспедиции барона Эдуарда Васильевича Толля, отправлявшегося на судне "Заря" на поиски Земли Санникова³.

Кстати, я глубоко убежден, что за этим, вполне легальным прикрытием со стороны Академии наук, стояла куда более важная цель стратегического характера, поставленная военноморским ведомством, — поиск выходов каменного угля, чтобы российским кораблям, переходившим с Запада на Восток Сверенным морским, путем было чем заправлять свои бункеры в походе. В более широком плане в задачу экспедиции входило комплексное исследование этого маршрута. Когда читаешь сегодняшние российские газеты, то понимаешь, что та стратегическая цель ни коим образом не изменилась, только вместо угля мы ищем нефть, и не на берегу, а уже в районе прибрежного шельфа.

¹ газета "Восточно-Сибирская правда" 17 июля 1999 г.

² Н.А.Черкашин. Адмирал Колчак. Диктатор поневоле, "Вече", М., 2005

³ Сегодня считается, что эта земля представляла собой скопление песка и пакового льда, которое к началу XX в. было разнесено подводным течением. Впервые об этой земле сообщил купец и промышленник Яков Санников в 1810 г.

На "Заре" метеоролог лейтенант Матисен исполнял обязанности старшего офицера, и хотя они с Колчаком сменяли друг друга на мостике, фактически Колчак находился у своего товарища в подчинении, поскольку в Арктике был впервые, а ледовая обстановка была сложнейшей. Руководитель экспедиции барон Толль отмечал в своем дневнике, что между Матисенем и Колчаком постоянно происходили горячие споры по различным вопросам, поскольку оба придерживались противоположных мнений, но это не сказывалось на их дружеских отношениях.

Главным распоряжением, отданным Толлем офицерам перед уходом с "Зари" с группой товарищей на последние поиски Земли Санникова, в ходе которых он и погиб со своими спутниками, было доставить с Петербург собранные материалы и готовить новую экспедицию. Матисен и Колчак выполнили эту последнюю волю Эдуарда Васильевича Толля. В декабре 1902 г. лейтенант Колчак выбрался в Петербург и сделал доклад в Академии Наук о работе экспедиции. Все, кто позже осваивал стратегический Северный морской путь, включая папанинцев и "челюскинцев", прибегали, так или иначе, к ледовой лоции, составленной лейтенантом Колчаком.

Судьба ненадолго развела Матисена и Колчака в русско-японскую войну: Колчак попал в Порт-Артур, а Матисен служил старшим штурманом на крейсере "Жемчуг", участвовал в Цусимском бою.

В 1910 году их жизни вновь пересекаются. Стремясь продолжить покорение Арктики, Колчак и Матисен одновременно приняли командование и готовили к арктическим плаваниям строившиеся на Невском заводе в Санкт-Петербурге ледокольные суда "Таймыр" и "Вайгач", а затем вместе повели их на Дальний Восток: Колчак — "Вайгач", Матисен — "Таймыр". Что приходилось им испытывать во время похода, можно достаточно реально представить себе, почитав прекрасные повести писателя и одновременно капитана арктического плавания Виктора Конецкого. Это из его книг я узнал, что именем Матисена назван пролив в местах, где он проводил свои исследования.

А позже грянула Первая мировая война. Матисен почти все время командовал канонерской лодкой "Ураган" на Амуре, Колчак был командиром эсминца "Уссуриец". По окончании войны Колчак был уже вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом, а Матисен — капитаном 1-го ранга, командиром вспомогательного крейсера "Млада".

В гражданскую войну Матисен не последовал за Колчаком. Он уехал на все годы кровавой смуты в Восточную Сибирь, где занимался гидрографическими изысканиями в устье реки Лены. Ф.А. Матисен так сформулировал результаты своей работы: "Лучшей разгрузочной стоянкой для морских судов является бухта Тикси". Таким образом, экспедиция Матисена дала научные обоснования для строительства в дальнейшем, уже в советское время, морского порта и поселка Тикси.

Умер Федор Андреевич Матисен в 1921 году от сыпного тифа в том же Иркутске, где годом ранее был расстрелян большевиками А.В.Колчак. Почти параллельные курсы и в жизни и в смерти...

Но продолжим удивляться невероятным пересечениям людских судеб, предметов, книг, мгновенно сметающим все временные барьеры и делающим далекую Историю сиюмоментной, осязаемой.

Я с благоговением держу в руках увесистую книгу из семейной библиотеки в светло-коричневом кожаном переплете, на котором золотом вытеснено: "Фонь Витте. Управление

флотом". В нашей сугубо гуманитарной семье она несколько выделяется среди старых изданий по искусству и литературе, а появление ее мне неизвестно.

Откроем первую страницу книги. На чуть тронутым желтизною форзаце взгляд мгновенно приковывает голубоватый, как цвет Андреевского флага, штамп в прямоугольной рамке: "А.В.КОЛЧАКЪ". Этот же штамп будет встречаться в книге еще десять раз с отпечатком на противоположной странице от непросохший штемпельной краски (ах, этот штабной "флажок"!¹ Вечно допустит какую-нибудь небрежность). Книга озаглавлена: "Очеркъ устройства управления флотомъ въ Россіи и иностранныхъ государствахъ капитана 2-го ранга А.Г. фонъ-Витте", С.-Петербургъ, издание О.М.фонъ-Витте, 1907".

Сопоставляя год издания книги с биографией А.В.Колчака, можно предположить, что читал он этот труд из своей личной библиотеки особенно придирчиво, уже имея за плечами большой боевой опыт. В ту пору А.В.Колчак был в том же звании капитана 2-го ранга, что и автор книги, и занимал должность начальника ведущего Тактического отдела Морского генерального штаба, куда был назначен в 1906 году как первоклассный аналитик и организатор.

На 7-й странице на полях бисерным четким почерком карандашная пометка: "будущее". Это обыденное слово в других условиях и не привлекло бы моего внимания, но оно относится к фразе автора книги "...наши воды Тихаго океана только и можно назвать относительно свободными; поэтому тут и должно находиться ядро нашего флота". Колчак же, прекрасно зная историю почти всех европейских флотов и морских сражений и прозорливо оценивая всю значимость этого региона для России, а также с учетом поражения под Цусимой, не просто соглашается с этим утверждением, но видит именно *будущее* ядро российского флота на Дальнем Востоке. Мне так и представляется, как его остро заточенный карандаш (тут уж "флажок" постарался!) нетерпеливо устремлен в историческую перспективу России как крупнейшей морской державы на Тихом океане.

На другой странице я просто "слышу" возмущенный голос Александра Васильевича в его пометке: "Къ чему эта фраза!" против верноподданнического абзаца: "Такимъ образом, въ званіи генераль-адмирала, а съ 1892 года в главнаго начальника флота и морского вѣдомства, съ перерывомъ въ 50 лѣтъ стоять на стражѣ интересовъ русскаго флота лицо, облеченное особыми полномочіями и довѣріемъ Государя".

И уж совсем как молниеносный удар кортиком колчаковская пометка "вздоръ" в конце предисловия книги, против фразы: "Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что назначеніе генераль-адмирала, и непремѣнно изъ царскаго дома, было вовсе не дѣломъ случая, а результатомъ глубоко обдуманнаго плана — дать флоту возможность спокойно и безъ помѣхъ работать над своимъ развитіемъ, не опасаясь вліянія случайныхъ вѣяній, интригъ, партій и всего того, что такъ задерживаетъ нормальный рост всякаго дѣла".

Мне думается, что свои карандашные пометки А.В.Колчак делал после своего выступления в Государственной Думе. Именно под его влиянием и депутаты и само общество постепенно стали менять свое скептическое отношение к флоту. После катастрофы морской мощи государства в русско-японскую войну, оно сменилось теперь полной поддержкой Колчаку, ратовавшему за возрождение флота и реорганизацию российских судостроительных заводов. Такой разворот в позиции думцев привел к ускоренному строительству военных судов. Даже после чудовищного крушения военно-морского флота в годы гражданской войны остатков того — "царского" — флота хватило для новой мировой войны: все линкоры дореволюционной

¹ "флажок" — флаг-офицер, офицер штаба флота

постройки и эсминцы типа "Новик", а также некоторые подводные лодки вступили в боевые действия с началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.¹

Ах, Александр Васильевич, да если б вы знали, что ваше слово "вздорь" переживет целый век и по-прежнему будет во многом актуально для России, которая никак не может освободиться от пут "влияния случайных вланий, интриг, партий".

* * *

Как папа с друзьями Балтфлот укреплял

Как я уже говорил, папин друг Вениамин Радомысленский, молодой режиссер, обладал кипучей энергией, способной мгновенно заражать людей. Попав в 1932 году служить на Балтфлот, молодой призывник задумал создать в Кронштадте "Опытно-показательную базу художественной самодеятельности Морских сил Балтийского моря", сокращенно — ОПБХС МСБМ. Командование идею поддержало, и Радомысленский быстро оформил командировки на Балтфлот от отдела искусств Наркомпроса двум своим оставшимся в Москве друзьям, Алексею Симукову и Ефиму Гольбергу, которые также загорелись масштабностью задумки. Буквально на следующий же день после своего "двойного" бракосочетания (женились в один день) новоиспеченные мужья оставили своих жен и укатили в далекий Кронштадт к Вениамину Радомысленскому. Жены приехали спустя три недели, 7 июля.

Мой папа в те годы — начинающий литератор, драматург. Еще впереди рекомендация в Союз писателей, которую ему даст Алексей Максимович Горький. Его ближайший друг Ефим Гольберг еще не стал Ефимом Дорошем, известным "писателем-деревенщиком", членом редколлегии журнала "Новый мир", когда его возглавлял Твардовский. И сам Вениамин Радомысленский пока еще не входит в круг любимых учеников Константина Сергеевича Станиславского, и директорство "папы Вени" в школе-студии МХАТ наступит гораздо позже...

А пока друзья составляют прекрасную триаду полную молодого задора, творческой энергии и горячего желанием служить своим искусством родной стране.

И вот все трое в Кронштадте.

У начальника Дома культуры армии и флота взгляды на искусство, по рассказам папы, были весьма простые.

— Хотите добиться смеха в зрительном зале? — говаривал он. — Сделайте так, чтоб у героя упали штаны — увидите, что будет!

Но творческая тройца придерживалась иной эстетики. Они организовали издание журнала "Краснофлотская художественная самодеятельность". В одном только первом его номере за подписью "Гольберг — Симуков" или "Г.С." опубликованы шесть их вещей, занявших почти треть журнала! Они создали кукольный театр, даже "Театр Береговой обороны". Первый его спектакль был выпущен 11 августа 1932 года, то есть менее чем через два месяца после приезда друзей в Кронштадт! Они писали инсценировки, сценки, скетчи. Из под их пера даже вышла целая пьеса на флотскую тему — "Весна".

Из раздела "Хроника" журнала "Краснофлотская художественная самодеятельность" (№1 за 1932 год):

"С 18 августа ядро театра в отпуску. Оставшаяся группа работников проводит концертные выступления и ведет подготовку к выпуску первого спектакля кукольного театра . К 7 ноября

¹ Н.А.Черкашин. Адмирал Колчак. Диктатор поневоле. М., Вече, 2005, сс.120-121

театр выпускает пьесу т. Коршунова — "Перед штормом", после чего приступает к работе над пьесой тт. Гольберг и Симукова".

Во всех частях Балтфлота появились группы танцоров, чтецов. Вся эта кипучая деятельность приняла такой размах, что на эсминце "Рыков"¹ состоялся даже вечер художественной самодеятельности, на который были торжественно приглашены писатели вместе с приехавшими к ним молоденькими женами.

Друзья ходили на "Рыкове" и в походы. Папа говорил, что он стоял на юте и наслаждался, чувствуя себя в глухой ночной час слитым воедино с могучим ходом корабля, самым быстрым в тогдашнем нашем флоте. "Разве можно победить такое совершеннейшее создание человеческих рук? — делился он со мной своими ощущениями, будто уносясь в далекий 1932 год.— Нет, любые происки врагов, с которыми, как мы тогда думали, придется сразиться только нашим внукам — заранее обречены на провал".

Оценив результаты трудов своих "флотских" авторов их непосредственное руководство на флоте распорядилось соответствующим образом обмундировать писателей в краснофлотскую форму, которую тем следовало носить в период командировки в Кронштадт.

— Писатели должны быть ближе к народу!

Эта "близость" иногда приводила к курьезам. Как-то раз, папа с Ефимом пошли в баню. Разумеется, в офицерскую. Мысль о строгой флотской субординации им и в голову не приходила. Только разделись, только намылились — дверь настежь, на пороге начальник патруля во всей форме, с дудкой.

— Кто здесь в краснофлотской форме? — громогласно вопрошает он, и перед его глазами предстают двое голых, растерянных, в мыле, человека.

— За мной! — командует начальник патруля. Еле-еле подоспевшему в тот момент знакомому командиру удалось разъяснить ситуацию.

Более серьезный случай произошел с друзьями летом 1933 года, во время какого-то общefлотского праздника в Лужской губе, где был собран весь Балтийский флот.

Было известно, что, согласно регламенту командующий Балтфлотом — а им в то время был флагман флота 2 ранга Лев Михайлович Галлер — будет обходить со свитой на своем командирском катере корабли и встречаться с командами. Двое же наших новоявленных "краснофлотцев" посчитали, что вся эта суета, связанная с посещением их корабля командующим, их не касалась: ведь им надо было срочно готовить очередной номер стенгазеты. Вместе с помогавшим им старшиной они забрались в "красный уголок", помещение которого находилось под палубой в самом носу корабля, рядом с краснофлотским кубриком, и занялись своим делом.

Доносившиеся извне звуки друзей мало волновали. Вдалеке раздавалась очередная команда "Смирн-а-а-а!", крики "ура!", всплески оркестрового приветствия. Потом командирский катер зарокотал ближе... "Ничего, — думали приятели, — до нас ему еще далеко, и, потом, не будет же он заглядывать сюда к нам".

Только они еще раз успокоили себя таким образом, как шум катера раздался уже совсем рядом. Заиграл оркестр. Загрохотали ступеньки трапа — батюшки! кто-то спускается в кубрик. Из-за стенки раздалось: "Смирн-а-а-а!", послышался шум сопровождающей командующего

¹ до революции — "Азарт", а потом, когда Рыкова, бывшего Председателем Совмина, расстреляли, — эсmineц стал "Артемом"

свиты. В следующий момент дверь распахнулась, и в глазах у друзей зарябило от золота нашивок. Сидевший рядом старшина вскочил и, автоматически заорав "Смирно!", вытянулся по струнке согласно уставу. Наши же герои, будучи в полной прострации, продолжали сидеть за столом, точно приклеенные. Потом они сами долго удивлялись своему поведению: в обычных условиях, "на гражданке", разве они не встали бы навстречу входящим из самой элементарной вежливости? Но здесь ощущение театральности происходящего намертво приковало их к месту, и они продолжали сидеть как проклятые, словно в первом ряду партера...

Льву Галлеру приходилось бывать в крутых переделках, требовавших молниеносной реакции, но тут? Перед ним, командующим Балтфлотом, нахально сидят два краснофлотца и в ус не дуют.

Наступила мертвая пауза. Вытянувшийся старшина по-прежнему являл собой воплощение почти священного ужаса. В его взгляде — предчувствие неминуемых молний, которые должны поразить нечестивцев, продолжавших тупо сидеть. Пауза кончилась. Раздался резкий, с "металлом", голос Галлера:

— Товарищи краснофлотцы! По команде "Смирно!" п-э-э-трудитесь встать!

И в этом "встать!" зазвучала такая сталь, такой императив с неисчислимыми для "нарушителей" последствиями, что они, наконец, пришли в себя и стали неловко вылезать из-за стола.

Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы не вынырнувший из толпы сопровождающих их знакомый комиссар. Он стал торопливо объяснять Галлеру положение на флоте "этих двух".

Лицо командующего постепенно меняло выражение. На его устах появилась тоже уставная, но спасительная "светская" улыбка с явным оттенком офицерского превосходства. Он понял, что перед ним "крупя", "штафирки", "шпаки", "интеллигентники" и так далее... Проронив несколько слов, — правда, в безмолвии подчиненных они звучали как удары кувалды, — о морских законах, которым находящиеся на корабле обязаны подчиняться, Галлер отбыл наверх. На палубе раздался оглушительный топот. Это по команде "Всем собраться на юте", краснофлотцы сбегали для встречи с командующим.

Друзьям, едва оправившимся от шока, все же было любопытно взглянуть и на это масштабное зрелище, и они тоже высунулись на палубу. На свою беду они сделали это с "пустыми" головами, бездумно оставив свои бескозырки внизу, в "красном уголке". Тем самым друзья совершили очередной тяжкий "ляп" — нарушили морской закон, запрещающий матросам появляться на палубе без головных уборов. Естественно, на них тут же налетел какой-то флаг-офицер (офицер штаба флота) из свиты Галлера и устроил недотепам очередной жестокий разнос. И снова их спас тот же знакомый комиссар, послав "флажка" куда подальше, но тот не успокоился, пока не заставил "двух разгильдяев" надеть бескозырки, а потом повел их на левый фланг и поставил в задние ряды краснофлотцев, чтобы, не дай Бог, с ними не приключилось бы какой-либо новой конфузии.

Перед строем Галлер сказал несколько слов, сотни глоток рявкнули "ура!", и он, наконец, покинул корабль. Но еще долго на Балтфлоте ходили рассказы, как командующий "нафитилял" писателям.

Летом 1932 года предполагались большие маневры кораблей Балтфлота, и папа со своим другом Ефимом попросились на линкор "Марат"¹. Это была, по словам папы, гигантская машина

¹ до революции — "Петропавловск"

водоизмещением в 25 тысяч тонн, с более, чем тысячным экипажем, с колоссальным количеством разных механизмов, постов, отсеков и так далее. На палубе возвышались орудийные башни, из которых выглядывали орудия сокрушительных калибров. Внутренность каждой башни, глубокая, как шахта, уходила далеко вниз, в недра корабля.

Маневры были закончены: "Марат" прорвался к Ленинграду, разгромив "противника". В большой кают-компании "Марата" был устроен заключительный концерт флотской самодеятельности. Краснофлотцы пели, танцевали. Но в тот момент взор папы был прикован только к одному человеку, сидевшему метрах в пяти от него в окружении Наморсила — Начальника Морских Сил РККА В.М.Орлова, Командующего Балтфлотом Галлера, еще каких-то высших морских чинов. Этим человеком был Сергей Миронович Киров.

"Я с места, сразу же, как только увидел Кирова, — влюбился в него, — рассказывал папа. — Его лицо было совсем непохоже на портреты, которые я видел. Там он изображен молодым. А здесь он выглядел лет на двадцать старше, но именно таким, каким мне хотелось его видеть. У него было лицо капитана дальнего плавания — обветренное, изрытое оспинами, даже грубое, но сколько в его взгляде открытого, прямого, какие мужество и силу он источал! Да, это — вождь! За таким я пошел бы, куда бы он ни позвал. Как он реагировал на концерт, особенно на пламенную пляску краснофлотцев! Повторяю: он — вождь, наш, русский человек! И я, под этим впечатлением, после маневров, одним духом написал очерк, которому дал название "Наши будни радостны!", где постарался выразить свои ощущения, свой восторг. С маху я послал этот очерк в самый престижный тогда журнал "Прожектор", и, его сразу же напечатали. О Кирове там, конечно, ни слова. Не полагалось тогда. Одно только имя должно было сиять на горизонте. Но настроение мое выразилось достаточно красноречиво. И подумать только — Кирову оставалось жить неполный год. Неисповедимы пути Господни..." — закончил папа свой рассказ.

Недавно, вспомнив об этом эпизоде из "балтийского прошлого" моего папы, мне стало интересно проследить дальнейшую судьбу Льва Галлера. Увы, как и судьба многих талантливейших военачальников революционной России, она сложилась трагически.

Лев Михайлович Галлер (кстати, до 1917 года его фамилия писалась с приставкой "фон") родился в 1883 году, в 1905 году окончил Морской корпус. Во время Октябрьской революции перешел на сторону большевиков, участвовал в ледовом походе Балтфлота (1918). В ходе гражданской войны был командиром крейсера, линкора "Андрей Первозванный". С 1932 по 1937 гг. — командующий Балтийским флотом.

Пребывание Л.М.Галлера на этом посту сопровождалось чередой трагедий. Более того, все они неким мистическим образом были связаны с линкором "Марат". У меня даже создалось ощущение, будто бы подлинный Марат, этот беспощадный вождь Французской революции, в честь которого был назван линкор, подобно ненасытному Хроносу и спустя без малого полтора века, передавал свой страшный "революционный" привет своим идейным потомкам.

В ЦК ВКП(б) 5 июля 1932 года поступило сообщение о ликвидации "контрреволюционной группировки на линкоре "Марат", состоявшей из трех краснофлотцев: двух электриков и кочегара. Как подчеркивалось в сообщении, а, вернее, доносе, эти люди ставили задачу *"бороться с партией за улучшение жизни рабочего класса"*. Электриков и кочегара расстреляли¹.

¹ Александр Яковлев. Сумерки. "Материк", М., с.188

В августе 1933 года на "Марате" в ходе артиллерийских стрельб главным калибром из-за преждевременного открытия орудийного замка после выстрела во второй башне начался пожар. Немедленно последовала команда на затопление погребов башни. Это предотвратило взрыв боезапаса, но в результате погибли 68 человек команды линкора¹.

Кирова, побывавшего на борту "Марата" летом 1933 года, убили 1 декабря 1934 года.

В 1935 году новая напасть и с тем же "Маратом": во время учений он протаранил подводную лодку Б-3 и все 55 членов ее экипажа погибли².

В Великую Отечественную войну линкор "Марат" вместе с другими кораблями Балтийского флота стойко сражался против фашистских войск. Только с 2 по 23 сентября линкор выпустил 1025 тяжелых 305-мм снарядов. А 23 сентября 1941 немецкий летчик Рудель тяжело повредил линкор, сбросив на него тысячекилограммовую бомбу. Она попала в район носовой башни главного калибра, произошел взрыв огромной силы и носовая часть корабля была уничтожена. Тогда на "Марате" погибли 325 моряков³.

Л.М.Галлер был заместителем Начальника Морских сил Наркомата обороны СССР, а с 1940 г. — заместителем Наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению. Тогда же ему было присвоено звание адмирала. В 1947 г. он был предан "суду чести" вместе с четырьмя высшими руководителями флота по ложному обвинению в передаче союзникам во время войны "секретной документации" и в 1948 году, в возрасте 65 лет, заключен в тюрьму. Но властям показалось и этого мало. В 1950 году они упустили адмирала в печально известную Казанскую психиатрическую тюремную больницу, хотя Галлер психическими заболеваниями не страдал. Буквально через несколько дней после этого он умер от "дизентерии" — так было записано в истории болезни. Кстати, через ту же самую больницу прошли впоследствии Наталья Горбаневская, Валерия Новодворская и многие другие наши известные правозащитники.

Похоронен адмирал Галлер на Арском кладбище города Казани, однако точное местонахождение его могилы неизвестно. После смерти Сталина приговор был отменен за отсутствием состава преступления, и адмирал был полностью реабилитирован. В 80-е годы по инициативе Комитета ветеранов Балтийского флота Льву Галлеру был поставлен памятник⁴.

* * *

О красках, "Даме с собачкой" ипломбированном вагоне

Мой папа, как я уже упоминал, начинал свой творческий путь в 20-е годы как художник на знаменитых курсах Ассоциации художников революционной России — АХРР, в классе известного "бубновалетовца" И.И.Машкова. Впоследствии, сменив кисть на перо, папа не забывал своей "первой любви" и создал ряд шаржей: на одном Ефим Гольберг был изображен мечтательным, гадающим на ромашке, на другом папа изобразил себя с Ефимом зимой, с красными от холода руками, в куцых пальтишках. В нижнем углу того шаржа, как дополнительный штрих к неказистости их вида, по воле художника примостилась ворона. Был шарж и на маму, в котором очень точно были схвачены основные черты ее внешности.

¹ См. сайт <http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/ge/publ/05.dat>

²См. "Российский военно-морской мартиролог", газета "Уральская жизнь" №66, 24-30 августа 2000 г.; сайт <http://allo.usaaa.ru/workshop/bugs/fatalnn4/index.htm>

³ Сайт <http://bazuev.spb.ru/Marat.htm>

⁴ Газета "Московский комсомолец", 28 апреля 2006, 6 полоса

Красок у папы было немного — преимущественно акварельные. Я обожал их разглядывать — яркие цвета волновали меня. Особо привлекала плоская черная продолговатая коробочка с кружками акварельных красок, напоминавших большие круглые леденцы. По сравнению с простенькими школьными, которые мне покупали, папины краски обладали невероятно насыщенным, "настоящим" цветом. Больше всего мне нравилась фиолетовая краска. Наверное, и папа любил ее немножко больше других, потому что в серединке этого "леденца" уже была протерта порядочная дырка от частого использования. Иногда папа по старой памяти делал какие-то акварельные наброски, и тогда я, затаив дыхание, смотрел, как может преобразиться мир, будучи перенесенным художником на бумагу. Видимо с той далекой поры мой самый любимый цвет — фиолетовый.

Один из папиных шаржей не был окантован и хранился просто в папке. Вот он-то и привлек мое внимание: на нем была изображена женщина с тонкой шеей, сидящая в театральной ложе с собачкой на руках.

Папа сказал, что это театральный критик Софья Тихоновна Дунина (моя сестра в детстве звала ее Тихой Софьевной), хорошая знакомая папы еще с 30-х годов. У нас в семье она именовалась просто "Тихой". Жила Дунина в доме на Пушкинской площади, детей у нее не было, и всю свою любовь, помимо мужа, она перенесла на старенького "такса", которого звали Беней.

Папа рассказывал, что Беню мальчишки на Тверском бульваре дразнили "автобусом" — тот был, как и все таксы, длинненьким, а с возрастом — и невероятно толстеньким. Я, испытавший в детстве немало огорчений из-за детских дразнилок типа "жиртрестмясокомбинатпромсосиски" (была такая в 30-е — 50-е годы) по причине плотного телосложения, чувствовал какую-то заочную нежность к Бене: и тебе, значит, тоже достается... Да еще, по рассказам папы, какой-то мальчик наивно поинтересовался у Софьи Тихоновны: "Тетя, а зачем вы своей собачке отрезали ножки?" А их и вправду не было видно из под толстого Бениного живота, когда он тихо семенил по бульвару.

В начале 60-х моя мама решила, наконец (раньше все руки не доходили), отдать шарж на Софью Тихоновну с Бенею в окантовочную мастерскую. Там маме выдали квитанцию и сказали, что где-то через месяц заказ будет готов. Когда же она пришла за ним, то ей "мило" объяснили, что в мастерской случился потоп, что шарж пропал и что никто в этом не виноват. Огорчению нашему не было предела. Но! Увлекаясь в свое время фотографией, я давным-давно совершенно случайно снял на черно-белую пленку эту папину работу. С помощью своей дочери Любы, профессионального художника и дизайнера, я могу сегодня поместить его в своей книге.

А в цвете, как я помню, шарж был таким: платье Софьи Тихоновны — в розоватых тонах, портьера ложи — насыщенная, золотистая охра, Бенья — естественно светло-коричневый, и черные стилизованные фигуры актеров на темно-синем с чуть фиолетовым оттенком фоне, передающем пространство сцены.

Когда я повзрослел, папа рассказал мне, как он однажды страшно опростоволосился перед Софьей Тихоновной. Произошло это после того, как он познакомил с "Тихой" дядю Толю, мужа своей сестры. Тот так отозвался о ней: "Помимо своего неординарного ума, она еще и очень красивая женщина".

"Эта мысль, — сказал мне папа, — никогда меня не посещала. Софья Тихоновна — красавица? Друг, прекрасный критик, обладающий тонким стилем, — да, но — красавица? Я, как художник, представлял ее совсем по-другому, что и нашло отражение в шарже".

О том случае, как о веселом анекдоте, папа наивно поведал "Тихе", полагая, что и та улыбнется его рассказу. Он был весьма обескуражен, когда его "анекдот" по меньшей мере не вызвал у Софьи Тихоновны ни малейшего веселья. И только спустя некоторое время он понял, какую бестактность он тогда сморозил.

Как-то раз, достав с полки ту самую железную коробку с акварелью, папа сказал: "А эти краски мне подарил муж Софьи Тихоновны, член Российской социал-демократической партии с 1899 года, старый большевик Леонид Исаакович Рузер". Я приготовился слушать еще одну удивительную историю о человеческой судьбе, потому что других историй у папы просто не бывало!

Оказалось, что Леонид Исаакович был из когорты большевиков-ленинцев, которые вместе с Ильичом проследовали в 1917 году из эмиграции в Россию в печально известном "запломбированном" вагоне через территорию воюющей с нами Германии. Правда, Ленин ехал с первым поездом, а 36-летний Рузер с женой (на Софье Тихоновне он был женат вторым браком) в мае 1917 года — со вторым в компании известных впоследствии большевиков — Луначарского, Войкова, Мануильского. Всего же таких поездов было три.

Леонид Исаакович вел с папой долгие беседы, словно чувствуя в нем человека, который невероятно тонко ощущал историю и отлично ее знал, о какой бы эпохе ни шла речь. По словам Рузера, политэмигранты во главе с Лениным, готовясь в Женеве к решающей схватке с царизмом, никак не предполагали, что плод, сиречь самодержавие, настолько уже сгнил, что вот-вот сам свалится с ветки прямо в их руки.

Еще из рассказов Рузера папе запомнилось, что в Женеве ни одна дискуссия большевиков с меньшевиками не проходила без предварительной беседы Ильича с Луначарским. Ценивший увлекающуюся натуру и талант Анатолия Васильевича как превосходного оратора, Ленин, тем не менее, перед очередной дискуссией с меньшевиками, минут десять общался с Луначарским наедине, вдалбливая тому последние партийные "установки".

В своих беседах с папой Леонид Исаакович часто возвращался к мысли о том, что революционная ситуация в России застала большевистскую эмиграцию врасплох, и они должны были буквально на ходу как-то подстраиваться под нее.

Как и большинство старых большевиков, "Одесский Рузер" не избежал карающего меча, обрушившегося на него со стороны его же товарищей по партии. Но судьба была к нему достаточно милостива: уже в преклонном возрасте он был "всего-навсего" арестован и затем препровожден в концлагерь на Колыме.

В своих воспоминаниях поэт Наум Коржавин пишет, что в 1948 году в камере, в которой он оказался после ареста, сидело несколько человек. После краткого знакомства начиналось общение. Коржавину больше всего запомнился старый большевик Рузер: "... он был одним из организаторов большевистского переворота в Одессе. Теперь он был художником. За что он был арестован, при его биографии спрашивать не надо, а осуждён он был за то, что однажды в 1910 году, где-то за границей проголосовал за резолюцию центристов - черт его дёрнул об этом упомянуть. Впрочем, не упомянул бы — прицепились бы к чему-нибудь другому"¹.

В воспоминаниях же моего папы приводится следующая версия ареста Леонида Исааковича, вероятно, упомянутая им в одной из бесед. В свое время председатель Комиссии партконтроля Матвей Шкирятов, воспользовавшись своим фавором у Сталина, решил отомстить Рузеру за какие-то прошлые стычки, когда тот разоблачал Шкирятова в связи с его не

¹ Наум Коржавин. В соблазнах кровавой эпохи. Захаров, М., т.I, с.852

очень красивыми делами. Короче, Шкирятов поспособствовал, чтобы Леонида Исааковича, уже старика, уехали в далекий Магадан. Очевидно, Шкирятов был уверен, что Рузер не выдержит назначенного ему срока. Но опыт и закалка, приобретенные в царских застенках, помогли выдержать ссылку и вернуться.

По освобождении из концлагеря Леонид Исаакович стал зарабатывать на жизнь, рисуя увеличенные портреты вождей для массовых мероприятий. Надо представить себе это унижение для человека, который был одним из руководителей Одесской советской республики в 1918 году и ее комиссаром финансов. А ведь это именно Рузер в то тяжелейшее время проявил несвойственное большевикам благоразумие и не захватил частные банки, а пошел с ними на компромиссное соглашение и не допустил финансово-экономической паники. У меня создается впечатление, что опыт и действительно государственный ум Л.И.Рузера как нельзя был бы кстати в сегодняшней России... Со временем Леонид Исаакович стал плохо слышать, а концу жизни ослеп. Скончался "Одесский Рузер" в 1959 году.

Валентин Катаев, в конце 50-х таким вывел Рузера в устах одного из главных героев своей тетралогии, Василия Петровича Бачей, в последней ее части «Зимний ветер (Волны Черного моря):

«— Нет, Петруша, это черт знает что! Вообрази себе: я иду в комиссариат финансов к товарищу Рузеру, к милейшему, интеллигентнейшему, европейски образованному человеку, старому большевику, женевицу, товарищу самого Ленина, и как ты думаешь, что он мне сказал?

— Он тебе сказал, что денег нет.

— Ты угадал. Но это еще не все. Он сказал, что денег нет, но при этом любезно направил меня в комиссариат труда к Старостину. Трамваев нет. Извозчиков нет. Иду по способу пешего хождения к товарищу Старостину. Прихожу. Он меня принимает вне очереди, усаживает, говорит всяческие комплименты. Милейший человек. Политический ссыльный. Старый большевик. Интеллигентнейший, умнейший, — в простой рабочей блузе, с такой, вообрази себе, донкихотовской эспаньолкой. И как ты думаешь, что он мне сказал?

— Что нету денег?»

А железная коробка с акварелью, правда, почти полностью использованной, которую подарил папе Леонид Исаакович Рузер, человек, вместе с Лениным замышлявший переустройство всего мира, по-прежнему хранится в моей семье, как дорогая реликвия. И ведь что интересно: когда выросла моя дочь, то она мне призналась, что в детстве тоже не могла отвести глаз от глубокого, завораживающего фиолетового цвета этой краски.

* * *

Порванная струна Александра Вампилова

Как-то раз в начале 1964 года папа пришел домой в сопровождении молодого человека невысокого роста, с шапкой густых, мелким завитком, волос, с характерным скуластым лицом, свидетельствовавшим о сибирско-азиатских корнях гостя. "Знакомьтесь, — представил его папа, — мой семинарист Александр Вампилов..."

Таким впервые я увидел Сашу Вампилова, участника семинара молодых драматургов, проходившего тогда в доме творчества писателей в Малеевке. Он попал в группу, руководимую папой, который вел в Литературном институте им. А.М.Горького курс лекций и семинар по практике современной драматургии. К моменту этого визита наша семья уже была наслышана от папы о неординарной личности и творчестве этого "семинариста". Они прошли в отцовский кабинет, и часа три оттуда доносились обрывки приглушенного дверью диалога. В тот день Саша остался у нас обедать, хотя, скорее, это был, как сказал бы Остап Бендер, "ранний ужин".

Саша на удивление сразу вписался в семейную атмосферу, которая царила за нашим столом. Снедь в тот вечер была самая обыденная, не "гостевая". Беседа папы с Сашей, начавшаяся в кабинете, просто перетекла в гостиную, перекинулась на какие-то новые общие темы, и мы — мама, моя сестра и я — стали ее естественными участниками.

Вечером того же дня папа дал мне прочесть экземпляр Сашиной одноактной пьесы с рукописным заголовком "Двадцать минут с ангелом". Как это зачастую бывает в семьях, особенно творческих, профессия родителей создает для детей привычную "среду обитания" с самого раннего возраста, и поэтому я уже с юных лет почитывал драматургическую классику и благодаря папе был в курсе многих новинок, будораживших в те времена театральную общественность.

Одним словом, я был уже достаточно "опытным критиком", а потому с первых же реплик героев вампиловской пьесы был поставлен в тупик: где само действие, где классическая драматургическая коллизия? Я видел двух полубомжей, мечтавших о том, чтобы кто-нибудь дал им денег "за так", просто на опохмелку. Один из героев распахивает окно и кричит: "Граждане! Кто даст взаймы сто рублей?" И через несколько минут в дверь раздается стук — появляется человек, который бескорыстно предлагает двум выпивохам деньги. Они в изумлении — мыслят-то собственными моральными категориями — и учиняют незнакомцу "допрос с пристрастием": а чего это он раскошеливается? А, может, он за это от них хочет...

Парадоксальность чудовищная, звучащая приговором нашему обществу тех лет, да и сегодня актуальная. Ведь пьеса-то о том, что из нас вытравили обычные понятия добра, бескорыстия, и чтобы доказать, что за ними нет никакой задней мысли, нужно чуть ли не жизнью жертвовать! Между прочим, название этой пьесы было подсказано молодому драматургу папой.

С того дня Саша появлялся у нас уже на правах друга семьи, возникая в дверях со стеснительной и вместе с тем чуть насмешливой полуулыбкой. Он здорово исполнял на гитаре русские романсы, а мы все с удовольствием слушали импровизированный дуэт Саши с моей сестрой — спокойный такой, без цыганского надрыва и современного выпендрежа. Гитару он брал у меня — в то время я учился у приятеля гитарным аккордам, чтобы петь входившие в моду американские блюзы и спиричуэлсы.

Однажды я получил царский подарок — родители моего приятеля привезли мне из-за границы только что появившиеся нейлоновые гитарные струны. Я был вне себя от счастья: мягкий, нежный звук, да и пальцы не так больно резало струной. Но радость была недолгой. В один из "музыкальных вечеров" Саша, быть может, чуть резче взял аккорд, и одна из струн лопнула! Все, что я пережил, было написано на моем лице. Саша смутился. А через какое-то время он пришел к нам и протянул мне пакетик: "Вот, держи. Тут целый комплект". Это были новые нейлоновые струны!

С той далекой поры минуло почти что полвека, но и сегодня я бережно храню в памяти мимолетные встречи с Александром Вампиловым. Разумеется, в ту пору я не знал, что общаюсь с гениальным драматургом, положившим начало тому, что сегодня критики называют

"вампиловским направлением". Но время все расставило по своим местам. Жаль только, что Саше с его огромным талантом пришлось столько сил растратить на пробивание головной системы, оберегавшей "чистоту" советского искусства. И мне радостно сознавать, что приоритет открытия таланта и помощь в его профессиональном становлении будущему классику российской драматургии, в том числе и в "пробивании" его пьес через рогатки Министерства культуры СССР, принадлежит моему папе, кто бы в последствии ни старался приписать эту заслугу себе. Близкое творческое общение учителя и ученика видно из Сашиного письма папе: "Алексей Дмитриевич! Вы вынынчили обе мои пьесы, Вы всегда были ко мне добры. Заступитесь!.. Хочу работать так, чтобы моя работа заслуживала бы Вашей ко мне доброты. Ваш Вампилов. 10 июля 1966 года"¹.

Наш известнейший театровед, доктор искусствоведения, профессор Инна Вишневская так пишет об их взаимоотношениях в предисловии к книге папиных воспоминаний: "Никогда не стоит забывать, что нынешний наш классик Александр Вампилов, тогдашний студент Саша Вампилов, читал именно Симукову все свои пьесы. Это как раз Алексей Дмитриевич, а не самозванные вампиловские "учителя" — благословил молодого драматурга на новое драматическое царство"².

И еще одно свидетельство благодарности ученика своему учителю я обнаружил в книге "Не уйти от памяти" однокурсника и друга А. Вампилова Виталия Зоркина, ныне профессора Иркутского университета. Вот что поведал Александр Вампилов своему другу в минуту откровения:

"Я устал переделывать свои пьесы в угоду хамам и чиновникам от литературы. На-ка вот, почитай. Пишу Симукову.

— А кто это такой?

— Мой ангел-хранитель, а если серьезно - один из немногих, кто пытается мне помочь. Еще древние утверждали, что истина рождается в споре. Однако закон этот не универсален. И иногда оборачивается к нам, как двуликий Янус, вторым лицом. А это означает: сколько спорящих, столько и истин. Что только обо мне ни говорили и ни писали. Прочитали "Двадцать минут с ангелом", говорили, что так не бывает, к "Старшему сыну" придирались особенно тщательно. Вот потому и пишу доброму человеку и драматургу..."³.

В эссе об Александре Вампилове для сборника, посвященном его памяти, папа, в частности, написал следующее:

"Раздумываешь, где секрет такого успеха теперь уже всемирного вампиловского театра, в чем же содержится так называемая "загадка Вампилова", как модно теперь выражаться? Ведь в ряду поисков сверхсовременной театральной выразительности его пьесы, казалось бы, традиционны, в них все, как говорится, "на месте", люди внешне понятны, приметы жизни достоверны... Но не присутствует ли и здесь, в творениях Саши, все та же Сашина полуулыбка, всегда несколько отрешенная от того, что происходит сиюминутно, проникающая за пределы видимого нами, обнажая гораздо большее, чем доступно нашим взорам? Все, как в жизни,

¹ Семейный архив

² Алексей Симуков. Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории. Аграф, М., с.13

³ Сайт: <http://www.vsp.ru/culture/2005/08/13/431592>

вплоть до абсурда... Нет, не вплоть, а через него — к высшим постижениям человеческой природы"¹.

Как дорогая реликвия хранится у нас дома 8-й номер журнала "Театр" за 1966 год, где впервые была напечатана Сашина пьеса "Прощание в июне", с авторским автографом: "Алексею Дмитриевичу Симукову, моему учителю — первый блин, изготовленный исключительно благодаря его помощи. С уважением, Вампилов. 13 сентября 1966 г." И еще машинописный экземпляр Сашиной пьесы "Двадцать минут с ангелом" с авторской правкой и датой, проставленной от руки, — "1963 год"².

Щемящая грусть от безвременной кончины Саши становится особенно пронзительной, журавлиным клином уходящей в небо, когда смотришь телеверсию его "Утиной охоты" с Олегом Далем в главной роли. И тот оставил нас до времени. Два талантища соединились там, высоко...

Говорят, что Сашин гороскоп предрекал человеку, рожденному под знаком этого созвездия, большой талант и как поэта, и как музыканта, и как художника... И смерть от воды. Александр Вампилов утонул в Байкале 17 августа 1972 года, не дожив всего два дня до своего 35-летия...

* * *

Эстонские мотивы

Я не знаю, "зов" ли это крови — ведь мой прадед по папиной линии был, как мы полагаем, эстонцем, — или это было заложено еще писателем Аксеновым и его повестью "Звездный билет" (ее герои, мои ровесники, поехали в Таллин "покорять мир"), или так складывалось по жизни, но Эстония все время вплеталась в мою жизнь, рождая добрую и бережную любовь к ней.

Самым первым эстонцем, с которым я познакомился и подружился, был парень с нашего курса — Томас Казелаан, о котором я уже рассказывал.

А впервые я побывал в Эстонии — тогда еще одной из советских прибалтийских республик, — когда с экскурсией заехал на один день из соседней Латвии, где отдыхал летом 1967 года. Очарован я был буквально всем: и крепостными башнями — "Толстой Маргаритой" и "Длинным Германом", и улочкой Виру с ее маленькими башнями, похожими на мамины пасхальные куличи, и божественным вкусом кофейного ликера "Вана Тоомас", и уж совсем раритетного — "Кянну Кукк" ("Петух на пне"), этим 60-градусным алым по цвету ликером. А еще больше мне понравилась эстонская речь — такая неторопливая, с певучей интонацией (вот почему у эстонцев национальная любовь к хоровому пению!), с удвоенными согласными, придающими ей какую-то основательность. Тогда с самими эстонцами пообщаться не удалось: и времени было мало, да и, вероятно, не расположены они были с бухты-барухты общаться с "оккупантом". Но все же такой случай мне представился, и не один.

Как-то раз в феврале 1968 года нескольких студентов нашего института, в числе которых были и мы со Славой Домогацких, позвали в деканат и сказали, что студенты Минского института иностранных языков приглашают московских инязовцев на неделю дружбы и обмена опытом учебы. "Только денег на билеты у нас нет, — предупредила декан. — Если хотите, то за

¹ Александр Вампилов. Дом окнами в поле. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982

² В 2008 году мы сестрой передали их в Фонд Александра Вампилова в Иркутске.

свой счет". Мы настолько хотели дружить и обмениваться опытом, что выбрали из профкома на поездку целых 18 рублей — стоимость одного билета туда и обратно. Остальные четыре оплатили сами. И вот поздно вечером на вокзале собралась наша группа: Наташа, Лена, Света и я со Славой. В поезде была адская холодрыга, и по углам окнаросло с добрый кулак иней. Спать пришлось в наших зимних одеяниях, чтобы окончательно не превратиться в ледышки.

Ранним хмурым утром мы прибыли в Минск, а за окном уже мелькали улыбающиеся лица, нам отчаянно махали руками. Это минские инязовцы высыпали на перрон нас встречать. Ночные мытарства сразу же отошли на второй план. Нам предложили подождать с полчаса поезда из Таллинна, на котором должны были прибыть ребята из тамошнего иняза.

Эстонцы прибыли тоже впятером: хохотушка Рина, высоченный Кауль, небольшого роста, сдержанный, но удивительно приятный в общении Энн и крепыш Ааду. И еще была Ингрид. Я назвал ее про себя Брунгильдой: достаточно высокого роста (выше меня, а я среднего), белокурая, с волосами, рассыпанными по плечам, широкая в кости. Еще у нее был какой-то неповторимый "северный" взгляд синих глаз: вопреки всему внешнему виду Ингрид, из них струился не холод, а веяло загадкой. "Хотя я и дочь пастора, по характеру я — гремучий коктейль, который никому в жизни не наскучит!" — так представилась она мне в ходе всеобщего короткого знакомства в общежитии, куда нас поселили. Услышав такое представление, Кауль с Ааду одобрительно заржали, Энн сдержанно улыбался, а я понял, что у моих новых эстонских друзей с чувством юмора все в порядке.

С вокзала наша веселая толпа направилась на трамвае к месту проживания — медицинскому изолятору института, поскольку только там были спальные места в крохотных комнатухах-клетушках, а больных, по счастью, не было. За время пути наши хозяева вывалили на нас целый ворох сведений, которые нас просто поразили. Во-первых, на каждом курсе у них училось по 300-350 студентов. Это против жалких 50 человек на нашем факультете! Когда мы осторожно поинтересовались, не многовато ли, минчане искренне удивились: "А кто же тогда за границу будет ездить на практику?" — "Нам бы ваши заботы", — подумали мы.

И ведь, действительно, забот у минчан хватало. Пятый и четвертый курсы целиком оформились на выезд. А самое страшное наказание для студента — это когда его вызывает декан и говорит, что если тот не будет посещать занятия, то его не пошлют за границу. И это все происходило в 1968 году! Нынешней молодежи не понять, что значило тогда "оформиться на выезд" со всеми этими парткоммами, анкетами, проверкой на благонадежность до пятого колена, о чем я уже упоминал.

Позавидовали мы и условиям, в которых учились студенты: целых три корпуса, аудитории просторные, светлые, каждая на двадцать человек. А у нас-то еле-еле впихивались десять человек, и преподаватель должен был бочком протискивался к столу.

А уж когда мы познакомились с тем, как у них преподают те же предметы, что и у нас, то вовсе зарыдали в голос: вместо идейно выдержанных писателей, обличавших капиталистические пороки, минские инязовцы читали Агату Кристи, а правильное произношение отрабатывали, слушая и распевая песни Битлз. Да к тому же у них преподавал всамделишный англичанин мистер Бинни.

Дня через три после интенсивного знакомства с жизнью минских инязовцев произошло нечто неожиданное: в наш гостевой русско-эстонский коллектив вихрем ворвалась любовь. Вот так взяла, да и свалилась на Лену с Энном и на меня с Ингрид. Никто из нас четверых не предпринимал каких-то первых шагов, просто, повинувшись каким-то высшим законам, мы всеми своими юными сердцами потянулись друг к другу. Внешне это выглядело очень целомудренно, заботливо, каждый проявлял по отношению к другому максимум внимания в самых обыденных,

житейских мелочах. На общих мероприятиях у минчан мы стали держаться вместе, ходили, держась за руки, и много говорили о жизни, о себе, стремясь использовать каждую минутку, чтобы оставить о себе след в жизни другого: ведь через два дня нам предстояло разъехаться по домам. Сужу по себе, но, думаю, что у Ленки с Энном было то же самое.

За день до отъезда я сидел в своей комнатке-клетушке. За окном был уже поздний зимний вечер, темнота и грусть, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату без стука, молча и решительно, вошли Кауль, Энн и Ааду. "Ну, все, — мелькнула мысль. — Придется держать ответ перед крутыми эстонскими парнями за свои чувства к белокурой Брунгильде. В этой ситуации эстонский юмор вряд ли сработает". — "Поттнимаайся и иттем к наам", — твердым голосом, не терпящим возражений произнес Кауль.

Как в средней руки детективном фильме я обречено поднялся со стула и двинулся к двери в плотном окружении ребят. Такой группой мы проследовали до их комнаты и, войдя в нее, Ааду сказал: "А тепперь сadiиcь, и мы будем рассговааривать и пить русскую водку". В полном молчании напиток был разлит по граненым стаканам, руки синхронно поднялись как бы в тосте, и был сделан первый глоток. Далее вновь последовала томительная пауза, и, наконец, Кауль очень серьезно произнес; "Мы позвали тебя сюда, чтобы сказать, что нам нравится, когда хорошие русские парни дружат с эстонскими девушками. Мы знаем Ингрид, она не будет дружить с кем попало. И еще. Сам видишь, Энн подружился с вашей Леной. И это тоже хорошо. Выпьем за дружбу!" При этом Ааду хлопнул меня по плечу, а Энн, как обычно, лучисто улыбался. Наверное, Лену он покори́л именно своей широко известной чертой национального характера — немногословием, добротой и какой-то основательностью.

Я не мог поверить своим ушам. Где традиционная настороженность, а то и враждебность прибалтов к русским "оккупантам", вернее, к их потомкам? Мало того, что мне эстонцы поднесли стакан водки, так еще и коллективно одобрили мой мужской выбор.

Потом мы пели эстонские (я подтягивал голосом) песни, перемежая их английскими и американскими, потом к нам присоединились девчонки, принесшие торт и организовавшие чай. Через день мы уезжали из Минска. До поздней ночи в противоположных концах темного коридора сидели две удрученные расставанием целующиеся пары — я с Ингрид и Ленка с Энном. Мы понимали, что так бурно вспыхнувшим нашим романам не суждено было иметь продолжения. Некоторое время я переписывался с Ингрид, до сих пор помню, что жила она в новом районе Мустамяэ, а потом переписка как-то заглохла. Но с той поры Эстония с ее историей, культурой и неспешным достоинством народа малого государства стала для меня очень близкой: там жила моя Ингрид.

После поездки в Минск прошло лет пять, я уже работал в Международном отделе ВЦСПС, и вот в первую мою зарубежную командировку меня направляют вместе с двумя эстонскими профсоюзными деятелями в Австралию. Согласитесь, Австралия и Эстония — сочетание для меня более, чем интересное.

Не проходит и года, как я еду в Шотландию и тоже с эстонцами — секретарем тогдашнего Эстонского совета профсоюзов Юханом Юльфсаком, внешне походившем на типичного крестьянина-хуторянина, который, кстати, был отцом известнейшего киноактера Лэмбита Ульфсака, и ткачихой крупного текстильного комбината.

С ними у меня произошел забавный эпизод. Представляя на каком-то официальном мероприятии шотландцам нашу делегацию, Юльфсак представил ткачиху и самого себя и опустился на стул. Про меня, который только что переводил его приветствие — ни слова. А по нашему внутреннему статуту я также являлся челном делегации. Вижу, шотландцы начали

немного перешептываться — ясное дело, по поводу моей персоны: а почему это не сказано, кто я, да откуда, а, может, я прямиком с Лубянки? То есть дело не в моих неудовлетворенных амбициях, а в прояснении щекотливой ситуации.

И тут я тихо шепнул старине Ульфсаку, что, дескать, надо бы упомянуть и обо мне, а то шотландцы не весть Бог что подумают. Глава нашей делегации страшно смутился, поняв свою оплошность, тут же придвинул микрофон и сказал буквально следующее: "А переводил меня член нашей делегации Дмитрий Симуков, большой друг эстонского народа". Я про себя ужасно веселился, но ведь правда — друг!

В нашей семье всегда с огромным уважением относились деятелям культуры из Латвии и Литвы, поскольку папа регулярно принимал участие в их декадах культуры (была такая форма общения между республиками), Многие драматурги, прозаики и поэты из Прибалтики бывали у нас дома. Но Эстония как-то оставалась в стороне. И вот теперь я своим знакомством с эстонцами, пусть и не связанными напрямую с культурой, которые тоже посетили наш дом, восполнил это недостающее звено.

Когда я решился на второй брак, то четырехдневное свадебное путешествие было совершено именно в Таллинн, где мы остановились в гостинице "Виру". При первой женитьбе я хотел поехать туда же, но, видно, Старый Тоомас, вечный страж города на шпилье ратушной башни в ту пору не пожелал принимать меня. Может, он обиделся за мое расставание с Ингрид, и подстроил дело таким образом, что директор гостиницы "Виру" прислал мне ответ на бланке, что мест нет?..

* * *

Голицынская гармония

Зимой 1964 года, когда я учился в десятом классе, папа поехал в дом творчества писателей в Голицыно, что в часе езды от Москвы по Белорусскому направлению. В то время он писал новую пьесу, и ему необходимо было удалиться от московской суеты. Тогда же папе пришла в голову идея, чтобы я приехал к нему на недельку, благо что в небольшой комнатке, которую он занимал, помимо кровати, был еще уютный диванчик, а мое питание можно было оплачивать дополнительно. Я очень обрадовался: во-первых, какая-то смена обстановки, а, во-вторых, можно было не ходить в школу (мама каким-то образом договорилась с учителями).

Дом творчества оказался совсем небольшим двухэтажным домиком, больше похожим на дачу. На первом этаже на утепленной террасе располагалась столовая, а на втором были номера — их было, по-моему, немногим больше десяти, — где в тиши жили и работали писатели, поэты, переводчики. Зима в тот год стояла прекрасная: хрусткий, ослепительно-белый снег, ярчайшее солнце, окруженное пронзительно-голубым небом, и темные, как бы прорисованные карандашом ветви берез. Все вокруг было наполнено таким спокойствием, таким растворением в природе, такой благостностью, что душа трепетала от какого-то внутреннего восторга. Наверное, здесь не обошлось без мистического присутствия духа Марины Цветаевой, которая жила голицынском доме и тоже зимой 1939-1940 гг.

Распорядок дня дома ничем не нарушал это хрупкое равновесие природы и человека: завтрак начинался в девять утра, в два часа пополудни был обед, в пять — полдник и часов в семь — ужин. Причем все приемы пищи предварялись деликатным стуком в дверь и каким-то совсем домашним голосом работницы столовой: "Завтракать пожалуйста! Обедать пожалуйста! Чай пить пожалуйста!" (именно так, на одном дыхании, без запятой). И все начинали неспешно стекаться в гостиную (она же столовая), вдыхая дразнящий аромат каких-то особых, только в

Голицыне мне встретившихся ванильных булочек, испеченных именно к полднику. А в углу, как бы подбоченившись, стоял большущий электросамовар, причем электричество его не портило, не огрубляло прозаичностью, и поэтому идиллия всеобщей гармонии не нарушалась.

Завтраки были поистине домашними, и даже я, в принципе отрицательно относившийся к творогу и кашам, уплетал свою порцию с огромным удовольствием. В обед все немногочисленные обитатели дома рассаживались за большим овальным столом, в центре которого стояла большая, старого фарфора супница. Из нее тот, кто находился ближе, неторопливо разливал половником суп, второе приносилось уже порционным. Завершалась трапеза тривиальным компотом, но и он, впитавший творческую атмосферу, царившую за столом, был необычайно вкусен.

Да, увлекшись описанием внешних особенностей Дома в Голицыне, я упустил из вида главную его суть — его обитателей. В тот период там жило человек 12-13. Я не помню уже, кто чем занимался, только все это были люди творческие, пишущие. Был какой-то молодой врач, который, видимо, решил сменить скальпель на перо (сколько таких головокружительных смен профессий было на моем веку, и какие имена они нам подарили — Аксенов, Горин, Арканов...), кто-то еще. Я буквально упивался неторопливыми беседами после ужина "голицынских домовых": вот где было раздолье уму, воображению, умению что-то обсуждать, доказательно спорить. Причем все эти разговоры были земными, не стремящимися в "высшие эмпирии". Я был очень рад, что по совету папы захватил с собой свою простенькую гитару и, когда меня просили, с удовольствием напевал что-то из своего англо-американского репертуара, внося тем самым свою скромную лепту в общую атмосферу.

Особо среди жителей творческого дома выделялись Аркадий Ваксберг и Рита Яковлевна Райт-Ковалева. Ваксберга я заочно уже немного знал по его глубоким, аргументированным статьям в "Литературной газете" на юридические и криминальные темы, по его судебным очеркам, мгновенно вызывавшим острую реакцию читателей. Не помню точно, о чем мы с ним беседовали, но с той поры бережно храню книгу с дарственной надписью писателя. Уже много позже, в 90-е годы Аркадий Ваксберг удостоится вот такой лестной и точной, на мой взгляд, характеристики от признанного мэтра детектива Джона Ле Карре: "Все, что пишет Аркадий Ваксберг... отличается трезвостью анализа и вместе с тем необычайной гражданской страстностью"¹.

А Рита Яковлевна Райт-Ковалева, наша известнейшая переводчица, тоже внесла музыкальный вклад в "послеужинные" посиделки. В гостиной был старенький проигрыватель, и она часто ставила свою любимую пластинку с шотландским оперным певцом Кеннетом МакКелларом, исполнявшим романсы на стихи Роберта Бернса.

Встреча с Райт-Ковалевой стала для меня откровением. Кто в начале 60-х не упивался повестью Джерома Сэллинджера "Над пропастью во ржи"? Кто не помнит нервно-пунктирную речь, иногда рассыпающуюся дробным рваным стаккато, главного героя книги Холдена Колфилда, которую каждый воспринимал так, будто бы Холден говорил именно с ним? И эта легкость перевода была профессиональной заслугой Риты Яковлевны, сумевшей не только виртуозно передать на русском языке сложнейшие переживания американского парнишки, но буквально залезть к нему в душу и вызвать в нас горячее желание ему помочь.

О созвездии других литературных имен в ее переводах и говорить нечего: Марк Твен, Джон Голсуорси, Джон Пристли, Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Грэм Грин, Генрих Бёлль. Эльза Триоле, Натали Сарот, Курт Воннегут, Уильям Сароян и многие другие. Особняком

¹ Аркадий Ваксберг. Нераскрытые тайны. Новости, М., 1993, 4-я стр.обложки

для меня стоит перевод "Дневника" Анны Франк. А "поэтическим крестным" молодой переводчицы, как я узнал позже, был сам Маяковский, стихи которого она переводила на немецкий. Потом, начав работать под его руководством в художественном отделе РОСТА, по его же просьбе Райт-Ковалева перевела всего за десять дней искрометную "Мистерию-буфф" для постановки на немецком языке для делегатов III Конгресса Коминтерна в 1921 году.

А я года за два до поездки в Голицыно, еще восьмиклассником, как раз корпел над переводом первого акта пьесы О.Уайльда "Как важно быть серьезным", внутренне содрогаясь от собственного нахальства, но и упиваясь им же: на самого Уайльда замахнулся! Со словарем его перевожу!

Сил моих хватило не надолго. Переводческая работа была адова, но неожиданно для себя я сделал "открытие": я не просто смотрел в словаре значения английских слов, которых не знал, но одновременно и представлял себе, каким тоном, с какой интонацией будет произносить их герой пьесы Алджернон, какую интонацию, жест, мимику при этом подскажет актеру режиссер спектакля. То есть я был одновременно и переводчиком, и автором (прости, Оскар!), и актером и режиссером, и даже историком, и только сведение воедино всех этих ипостасей позволяло мне подбирать наиболее точные слова или выражения на русском языке.

Сегодня, почти полвека отдав своей первой профессиональной любви — английскому языку, я понимаю, что это "открытие" было самым тривиальным, но оно было всецело моим! А тогда в Голицыно, встретившись с таким корифеем, как Рита Яковлевна, я скромно поделился с нею своим восприятием перевода драматургии, и поинтересовался, прав ли я. И вот что чем отличается настоящий Мастер: Рита Яковлевна не отмахнулась от меня, не ранила пренебрежительной фразой, что никакого открытия тут нет. Наоборот, она горячо поддержала меня, сказав, что я абсолютно прав, и что только зная историю, культуру, менталитет людей и еще много всего другого о стране изучаемого языка, можно максимально точно довести все это до адекватного понимания перевода читателями. "И вообще, — добавила она, — я всегда говорю, что работаю по системе Станиславского: я должна вообразить персонаж, услышать, как он говорит, ходит, общается с другими... Когда я переводила "Над пропастью во ржи" Сэлинджера, то, "увидев" таким образом Холдена, я поняла этого парнишку, и он стал мне близок. Послушайте, Митя, ведь это же прекрасно звучит!" — и Рита Яковлевна произнесла пару фраз по-английски как бы устами Холдена, с его интонаций, как она ее "слышала". И вдруг я тоже "увидел" запутавшегося в своих жизненных исканиях шестнадцатилетнего американского подростка, который оказался в одной комнате с нами.

Внутренне я весь сиял: сама Рита Яковлевна укрепила меня в моей "переводческой вере". Эта недолгая беседа на всю жизнь осталась моим профессиональным маяком.

И неожиданный постскрипtum. Делая выписки для своих воспоминаний из многотиражной газеты Иняза "Советский студент", номера которой я исправно собирал на протяжении всех пяти лет учебы в этом институте, я наткнулся вот на такую заметку, датированную ноябрем 1965 года (примерно год спустя после моих бесед с Ритой Яковлевной):

"Встреча с Р.Я.Райт-Ковалевой" <...> В этот раз на встрече присутствовали главным образом преподаватели, заведующие кафедрами, наши ведущие переводчики. Две тысячи студентов были представлены...восемью самыми пытливыми. Ни "Фотона" (наше институтское литобъединение — Д.С.), ни многочисленных поклонников художественного перевода. Одна из крупнейших и наиболее "загруженных" советских переводчиц едет к нам из загородной дали, из Голицына, чтобы поделиться опытом и помочь. Объявление (правда, весьма невзрачное)

вывешено заранее. А молодой публики раз-два — и обчелся. Жаль¹. "Мы ленивы и не любопытны" — это еще когда Пушкин сказал, а справедливо, как мы видим, и сегодня"².

К моему прискорбию, я не был ни числе "самых пытливых" ни "одним из многочисленных поклонников художественного перевода", потому что просто не знал об этой встрече. Объявление о ней было, вероятно, совсем уж "невзрачным". Простите, Рита Яковлевна.

И уже совсем пост-постскриптум. Почти полвека спустя о моем милом Голицыне газета "Московский комсомолец" написала следующее: "... Домом творчества "Голицыно" пользуются дальнобойщики и их одноразовые подружки..."³. Другие нынче времена настали...

* * *

Парижские встречи

В Париже я бывал не раз по служебным делам, но в полной мере ощутить его волшебство, его притягательность мне никак не удавалось. Жесткие рамки командировки "гостиница – зал заседания" (большей частью здесь же, в гостинице) держали меня на коротком поводке. Но я был благодарен судьбе и за те маленькие "парижские" крохи, которые она со своего барского стола оставляла мне. Предлагаемые читателю зарисовки ли, наброски ли, — называйте как хотите, — относятся к разным годам, но, неожиданно для меня самого, они выстроились в некую законченную форму.

Год 2003, август месяц. Вот я и снова в Париже! И не в командировке, а простым туристом, да еще вместе с женой, с которой мы по шенгенской визе заскочили в Париж на пару дней из Германии, где гостили у наших друзей. Счастье от ощущения собственной свободы неопишемое. Гостиница была расположена в самом центре, в двух шагах от мэрии. Взобравшись по крутой винтовой лестнице на третий этаж, мы покидали свои пожитки и тут же помчались "вкусить" атмосферы древней Лютеции, естественно, у собора Парижской Богоматери, или как его называли некоторые — "нашей дамы из Парижа".

В принципе со столицей Франции я был уже немного знаком — по командировкам. Но, обнаружив себя окруженным высокими домами, скрывавшими Сену, я растерялся: в какую сторону идти к острову Сите — не понятно.

На Западе, как это часто пишется в книгах, полицейский (во Франции — ажан) — лучший друг французов и туристов. И объяснит, и поможет, и защитит. Поэтому, увидев молодого ажана в форме с иголочки, дежурившего у входа в какое-то правительственное здание, мы с женой, снедаемые чувством неполноценности дремучих провинциалов, направились к нему:

— Простите, мсье, не подскажете ли, как пройти к собору Нотр Дам де Пари?

Ну, какой ответ вы ожидали бы, скажем, от нашего милиционера, дежурящего, в центре Москвы, к примеру, на Манежной площади, если бы его спросили, как пройти к Храму Василия Блаженного? — Да вон он, — и взмах руки по направлению к одному из чудес света.

К нашему невероятному удивлению, ажан, предварительно козырнув, над моим вопросом задумался. Я просто физически ощутил, как у него под каскеткой ворочались мозги, анализируя мой "каверзный" вопрос, как постепенно собиралась в глубокие морщины кожа на лбу, как от

¹ СС № 33(625) от 27 ноября 1965 г.

² А.С.Пушкин. "Путешествие в Арзрум", гл.2

³ Газета "Московский комсомолец" от 9 июня 2008

умственного усердия, усугубленного жарой, на носу выступили капельки пота. Наконец он ответил:

— Извините, мсье, я сейчас спрошу у капитана. — С этими словами он исчез за входной дверью в учреждение.

Мы прождал минут пять, неловко высказываясь в адрес французских правоохранительных структур. Наконец ажан возвратился в сопровождении капитана, видимо, своего начальника.

— Так что же вас интересует, мсье? — вежливо осведомился капитан.

— Видите ли, господин капитан, я всего лишь хотел бы узнать, в каком направлении нам следует идти, чтобы попасть к Нотр Дам де Пари...

Капитан слегка обалдел. Метнув красноречивый взгляд в сторону своего подчиненного, он затем одарил меня галантной улыбкой:

— Мсье, да вот же за углом этого дома мост через Сену, а там и собор. Счастливого путешествия!

Я рассыпался в красноречивых галльских благодарностях. А жена, по-моему, несколько усомнилась в факте моего предыдущего посещения Парижа.

В тот год я впервые побывал в Лувре, прокатился на речном трамвайчике ("бато-муш") по Сене, побывал с Люксембургском саду, и даже смертельная жара в 45 градусов в тени по Цельсию не смогла испортить радость от встречи с *моим* Парижем.

Год 1989. В ту командировку мне повезло — в плотном расписании выдался свободный день. Как его использовать — вопроса не возникало: конечно же, срочно ехать с друзьями, которые работали во Франции, в Сент-Женевьев-де-Буа, побродить по Русскому кладбищу — я ведь там ни разу не был.

На кладбище, как и положено, меня встретила тишина. На дворе стоял ноябрь, но во Франции он больше напоминал наш сентябрь — разноцветие листвы, яркое солнце. Не припомню, чтобы мне повстречалось много народу, так несколько фигур маячили между деревьями. И тут послышалось какое-то стрекотание. К воротам кладбища на стареньком обшарпанном велосипеде с моторчиком в виде пузатенького термоса, расположенного поперек переднего крыла под рулем, на котором покачивался выдавший виды кожаный портфель, подъехал пожилой человек среднего роста, в темном выношенном пальтеце регланом, в черном свитере под горло и в круглой мягкой шапке из черного искусственного меха. Облик этого человека дополняла аккуратная серебряная борода "клинышком", соединяющаяся с небольшими усами, и глаза: прозрачно-голубые, как весеннее небо, еще не обретшее глубины летнего цвета. На территорию кладбища он вошел, ведя свое транспортное средство за руль, и тут заметил меня.

— Добрый день, — приветливо обратился ко мне незнакомец на прекрасном *старом* русском языке, безошибочно определивший во мне человека из Союза. — Если вы желаете, я могу показать вам кладбище. Я архимандрит Силуан, служу в Свято-Никольском храме, что при "Русском доме", неподалеку. Нет-нет, не Силуян, а именно Силуан, через "а". Пройдемте же по этой аллее.

Я был огорошен и одновременно очарован такой простотой общения и такой доброжелательностью, исходящими от отца Силуана, и сразу же понял, что мне крупно повезло: о лучшем спутнике в этом святом для русских месте и мечтать было не возможно.

Мы, не торопясь, проходили мимо мемориальных комплексов генералу Дроздовскому и его "дроздовцам", генералу Лавру Георгиевичу Корнилову и "всѣм корниловцамъ, павшимъ за

РОДИНУ и на чужбинѣ скончавшимся". Последний был выполнен в виде пирамиды из концентрических колец из камня палевого цвета с двуглавым орлом над посвящением. У когтей орла лежала уже зачерствевшая краюха нашего, столичного хлеба.

Отец Силуан вел нас по аллеям, где были похоронены Феликс и Ирина Юсуповы, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Иван Бунин, Виктор Некрасов, Александр Галич, Андрей Тарковский, Иван Шмелев, Петр Струве, Рябушинские... Этот перечень великих имен, создавших подлинную славу России, огромен, но стране моей, пошедшей "собственным путем", они были не нужны.

Мы подолгу задерживались у этих легендарных могил, молчали. В один из таких моментов отец Силуан, почувствовав, вероятно, накал переполнявших меня эмоций, и задумчиво сказал:

— Вы думаете, белые были менее жестоки, чем красные? Н-е-е-т... Жестокость они поделили поровну. Вот и здесь лежат очень многие, которые потерпели от других непоправимое зло — потерю близких, но много здесь и таких, которые сами это зло причинили.

О себе о.Силуан был немногословен: в миру он — Роман Борисович Стрижков, родился в семье офицера в 1911 году. В 1914 году его отца перевели в Крым, и в 1920 году, спасаясь от красных, семья перебрались в Грецию. Было тогда маленькому Роману девять лет. Несколько лет спустя уже юношей он работал чертежником, потом был Белград, где он учился на богословском факультете университета. После войны переехал в Париж и с 1948 года служит в Свято-Никольском храме при Русском доме для престарелых здесь, в Сент-Женевьев-де-Буа. С 1960 года — единственный священник в храме.

— Лет в 17 я стал задавать себе вопросы: Какой смысл жизни и есть ли он вообще? Тогда я открыл как-то раз Евангелие и нашел там для себя гораздо более широкие ответы на свои вопросы. Поэтому я всем советую — читайте Евангелие, — такими словам о.Силуан закончил нашу беседу.

К сожалению, нужно было возвращаться в Париж, а так хотелось порасспросить побольше! За недолгое время общения с о.Силуаном я проникся к нему не только огромным уважением, но и каким-то внутренним доверием, что в обыденной жизни мне совершенно не свойственно, особенно когда я вижу на экране телевизора наших местных деятелей от православия. Я попросил разрешения написать ему, и о.Силуан дал мне свою рукописную визитную карточку с адресом.

Год 1976. Та поездка во Францию запомнилась мне одной неожиданной встречей. Друзья попросили передать их знакомой по Парижу сувенир: художественный альбом с фотографиями московских соборов. Я с радостью согласился, поскольку было приятно оказать эту услугу моим очень близким друзьям.

Из отеля я позвонил по телефону, чтобы договориться о встрече. Представившись, я услышал в трубке голос невероятно колоритного тембра — так говорят настоящие оперные певицы с поставленным голосом — и ту самую "русскую" интонацию и манеру произносить слова, которыми отличалась первая волна эмиграции. Мы условились, что я заеду к Виргинии Степановне Певзнер часа в четыре пополудни.

В назначенное время я уже звонил в дверь весьма импозантного старого особняка в престижном восьмом арондисмане (округе) Парижа. Ее открыла пожилая дама царственной осанки и пригласила меня внутрь. И тут я понял, что попал в самые-самые верхи высшего общества: всюду был богатый антиквариат, но не вычурный, а являвшийся органичным

убранством всего дома. В огромной зале терялся у стены благородный рояль "Стенвей", стоявший на некотором возвышении. "Я у себя здесь устраиваю музыкальные четверги, — пришла мне на помощь Виргиния Степановна, видя мою немоту от общего великолепия. — Всегда надо держать себя в форме, особенно в вокальной. Я ведь певица, пела в России еще до отъезда, потом здесь, в Гранд Опера. И вообще я слежу за вашим искусством. Помню, в Париже как-то гастролировала оперная труппа Большого, так я после представления из ложи пустила своим низким контральто такое "Браво!", что весь партер обернулся в мою сторону!"

Мы немного поболтали: она расспрашивала о жизни моих друзей в Москве, вспоминала Москву ушедшую — "какой был Храм Христа Спасителя!", интересовалась родом моих занятий. Рассказала мне Виргиния Степановна и о своем покойном муже, русском скульпторе Антоне — теперь уже Антуане на французский манер — Певзнере, одном из родоначальников конструктивизма — металл, стекло, пластик и нейлон, — воплощавшие, по мысли художника, эстетику промышленного века и органично дополнявшие современную архитектуру. Вскоре я отклонялся, но еще долго перед глазами стояло роскошное обиталище большого художника и его величаявая хранильница.

На следующий день мне в номер позвонили из ресепшена и сказали, что на мое имя оставлен небольшой пакет. Спустившись, я нашел записку от Виргинии Степановны: в ней она еще раз благодарила меня за визит и в свою очередь просила передать какие-то маленькие ответные сувениры нашим общим друзьям. Мне же предназначалась бутылка аперитива "Ambassadeur".

В Москве мы дегустировали напиток всей семьей. Ничего вкуснее никто из нас за всю свою жизнь не пробовал — густой аромат изысканных цветов с легким привкусом горького миндаля. Итальянское "Амаретто", которое мы попробовали гораздо позже, тому аперитиву и в подметки не годился! Ту бутылку мы тянули чуть ли не месяц. И вот что интересно: потом лишь один раз мне удалось найти этот "Ambassadeur" во Франции, да и то не в Париже, а в заштатном супермаркете близь захолустной деревеньки XIV века!

Когда я передавал сувениры Виргинии Степановны своим друзьям, они только и спросили, как мне понравился визит. Я, все еще находясь под впечатлением, отвечал одними восторженными междометиями. "Кстати, Виргиния Степановна чуть ли не каждую неделю приглашалась на завтрак к президенту Франции Жоржу Помпиду" — окончательно добила меня друзья.

Надеюсь, по горячим следам я смог передать своим родным не только эмоции, но и зрительные образы своих парижских встреч, потому что о.Силуан и мадам Певзнер стали для всех нас какими-то символами и утраченной у нас, и одновременно сохраненной там высокой духовной культуры России прошлого.

А встреча с о.Силуаном имела свое продолжение. Накануне Пасхи, весной 1990 года, меня потянуло написать ему: моральное состояние мое было не самым лучшим — сложности в семье, болезни родных, да и в стране уже вовсю смердело грядущим ГКЧП. К своему письму я присовокупил вырезку из "Недели": журналисты вдруг "нашли" о.Силуана и стали о нем писать.

Вскоре я получил ответ: в письмо была вложена открытка с изображением иконы XII — начала XIII века "Благовещение Устюжское", выпущенная издательством "Изобразительное искусство". Удивительно, что на конверте стоят целых три штемпеля местного почтамта Сент-Женевьев-дю-Буа, и ни одного нашего, московского! Чудеса.

Вот что писал мне о.Силуан (воспроизвожу с его оригинальной пунктуацией):

"22 марта 1990

Дорогой друг Дмитрий Алексеевич!

Тронут был Вашим письмом от 13 марта, полным внутреннего доверия и расположения, — незаслуженного мною. Что Вам сказать? — Все мы — путники на земле и неизбежно: и мы провожаем своих дорогих, и... нас провожают. Только перейти бы нам в иной мир (где уже не будет ни разлуки, ни кладбища) с чистой совестью, с мирной душой, простив всем за всё, не имея злобы или вражды в нашем сердце, — но доверие к Богу, нас пославшему в этот неизъяснимо-прекрасный, но и бесконечно грустный земной мир. Это надо стараться уже заранее понять, и душой принять — чтобы избежать разорения души, опустения сердца, катастрофического смятения сердца...

Нельзя не поверить, чтобы Тот, кто создал человека, кто сам пострадал как человек за спасение и жизнь каждой отдельной души человеческой, — призванной жить через всех и через каждого: чтобы в этом не найти Вечный Покой (покой о всех, и за всех!) — и вечный смысл собственной жизни в неизъяснимом Свете утешения и радости вечной...

Это — главное задание, цель нашей личной жизни, — на фоне обще-человеческих исторических потрясений и кажущейся бессмыслицы этого бытия...

"Помочь нечем: — а Бог свое строит" — сказал кто-то из древних святых. Для успокоения духа — читайте (если возможно) ежедневно Евангелие: очень понемножку и вдумчиво: — и найдете постепенно ответ на все запросы души, — и неизъяснимый покой. Я сам, в свое время, шёл этим путем. От всего сердца желаю Вам лично, дочке — и всем вашим — всякой помощи Божией на трудном пути, и душевного мира, и утешения! Храни всех вас Господь! Ведь в каждой душе — живет и отражается ("помещается") весь мир, всё мироздание!

Спасибо за вырезку из "Недели" и за внимание.

Взаимно и я Вам отвечаю заранее: "Воистину Воскресе!"

Обратный адрес: P.Silouane, 2, Rue du Plessis, 91700 St^eGeneviè des Bois, France.

Удивительное по своему участию, глубине и философии письмо. И эти трогательные "и" с точкой в слове "мир" и церковнославянская вязь слов "Воистину Воскресе!"

А общим знаменателем послания — совет вдумчиво и понемногу читать Евангелие и трижды употребленное слово "неизъяснимый".

Спустя несколько лет я увидел в телевизионной программе, что по каналу "Культура" будет показан документальный фильм "Скамейка Силуана"¹. Конечно, я записал его на видеомагнитофон — ведь я же знал о.Силуана. А когда пришло время моей книги, и я захотел рассказать о своем кратком знакомстве с этим замечательным человеком, то я достал ту кассету с фильмом и просмотрел его вновь. И еще больше подивился глубочайшей доброй мудрости отца Силуана.

Вот его слова, обращенные с экрана уже ко всем нам:

"...Хоть мы и называем себя в церковной жизни "рабами Божьими", но Бог именно ищет не рабов, а друзей, свободно полюбивших добро.

¹"Скамейка Силуана". Автор сценария и режиссер Тенгиз Семенов. Киновидеостудия "Человек и время", Москва, 1991 г.

...Если бы у меня был талант и оставалось достаточно времени, я бы написал книгу — "Земная жизнь", а посвящение написал бы такое: "Посвящается неизъяснимо прекрасной и бесконечно грустной жизни".

...Живу надеждой еще с детства, чтобы никто никогда не уходил. Так хочется этого..." (его последние слова в фильме).

Ушел отец Силуан 24 апреля 1995 года. Ровно за три недели до этого умер мой папа. Память об отце Силуане оставил фильм. Память о моем отце — его воспоминания.

* * *

Мой младший товарищ Сашка

Летом 1967 года мама моего однокурсника Славы Домогацких предложила мне поехать с ними на "правдинские дачи" в Юрмале, на Рижском взморье. Я ужасно обрадовался, потому что это давало мне шанс впервые познакомиться с Прибалтикой, всегда овеванной для московской молодежи "западным" флером.

Месяц в Юрмале, помимо массы новых впечатлений, изумительного белого песка и прохладного моря, свежескопченной салаки и пенистого пива подарил мне одну встречу, которая навсегда осталась в памяти следом маленького метеора.

В соседской даче жил парень лет тринадцати, сын весьма известного в то время правдиста-международника. Его звали Сашкой. Он удивительно походил на своего отца: те же мешочки под глазами, то же широкое лицо и особый прищур умных глаз.

Как-то незаметно Сашка стал "хвостиком" ходить за мной и Славой, робко участвовал в разговорах "старших" — он был на семь лет моложе нас и ему льстило, что он, школьник, запросто общается со студентами. А нам было интересно его общество: парень был эрудированный, остроумный, много знал. И потом он просто фонтанировал цитатами из "Двенадцати стульев" Ильфа и Петрова, чем меня совершенно покори́л. Бывало, вечером мы вдвоем садились возле дома на скамеечке и шпарили целыми отрывками из этого бессмертного произведения, держа его под рукой, чтобы проверить, насколько каждый отклонился от канонического текста. А еще я немного играл на гитаре и пел разные американские песни, и Сашка всегда устраивался рядом и с тихим обожанием глядел на своего "гуру", внимая каждому моему слову. Не скрою, мне это тоже льстило. Я почувствовал, что во мне нуждаются, ко мне прислушиваются, что я могу дать нечто доброе этому пареньку, и он это оценит.

Мы гуляли по пляжу, много разговаривали о книгах, ходили вместе в кино. Тогда как раз огромной популярностью пользовался музыкальный японский фильм, называвшийся, если я не ошибаюсь, "Девушки из Такарацуки", и Сашка иногда пугал нас, неожиданно заывая "замогильным" голосом: "Я де-е-е-евушка-а-а-а из Такарацуки-и-и-и!", делая при этом "зверское" лицо.

Однажды я увидел его с забинтованной ногой, хромающего. Оказалось, что в трамвае какая-то женщина нечаянно наступила на нее каблуком-шпилькой. Я страшно распереживался, хорошо представляя себе, какую адскую боль должен был испытывать мой юный друг — все равно как римским гвоздиком к кресту — и всячески пытался отвлечь его какими-то рассказами.

Месяц жизни в Юрмале закончился быстро. Я вернулся в Москву, а там уже и новый учебный год начался, но никогда я не забывал Сашкиных тихих восторженных глаз, устремленных на меня, его старшего друга. Этот взгляд стал впоследствии для меня мерилom

заинтересованности во мне людей со стороны, когда приходилось или публично выступать или рассказывать что-то аудитории.

Пролетели институтские годы, я уже много лет работал, но мне все было интересно узнать, а что стало с моим Сашкой, кем он вырос, какой путь избрал. Однажды — это уже было в начале 90-х — в разговоре со своим приятелем, корреспондентом газеты "Труд", я поинтересовался судьбой этого парня: ведь в журналистской корпорации всем обо всех известно, тем более, что Сашкин отец к тому времени занимал уже высокий государственный пост. "А что, ты разве не знал? — удивился мой приятель. — Страшная трагедия. Саша скончался в 1981 году. И было-то ему всего двадцать семь... Сердце".

Я долго не мог придти в себя, мысленно все возвращаясь в Юрмалу. И словно сквозь годы на меня смотрело улыбчивое доброе лицо Сашки. Сашки Примакова.

* * *

Стиль — редактор — друг

Никогда в жизни не думал, что помимо своей любимой фонетики я влюблюсь еще и в стилистику, а через нее — и в процесс редактуры, где все это хитроумным способом переплетается, потому что основой всему — Слово. А ведь, оказывается, я к этому шел многие годы, сам того не сознавая. В школе меня учили четкому изложению суетившихся в голове мыслей, в институте — понятию стилей в лексике и их использованию. Дома с папой мы восторгались удачно найденному обороту переводчика, если это было что-то из "иностранный", или изящному словесному пируэту какого-нибудь писателя. В итоге работа со словом стала представляться мне какой-то квадратурой круга, линией горизонта, высшим идеалом: они в реальности недостижимы, но к ним нужно постоянно стремиться.

Стиль — тема извечная. В спорах о нем постоянно ломаются копы, происходят ожесточенные столкновения, потому что стиль, как однажды высказался французский деятель культуры Буффон — это сам человек. Мне также хотелось бы внести и свою малую толику в это "стилистическое ристалище", поделившись с читателем некоторыми соображениями.

Два конкретных примера. Откроем мой любимый "Белеет парус одинокий" Катаева, где Петя обращается к городовому с вопросом, что это за государственный праздник такой, в честь которого их в гимназии отпустили с занятий. Напомню, это было 17 октября 1905 года, в день опубликования царского Манифеста, предоставившего гражданам Российской империи определенные свободы:

"Городовой...неожиданно скорчил совершенно еврейское лицо и, ломая язык, сказал:
— Швабода!"¹

Все было бы хорошо в этой сценке, забавно и точно с точки зрения художественного образа. Однако, как мы с папой совершенно согласились друг с другом, здесь не хватало крохотного уточнения, которое, на наш взгляд, придало бы еще больший гротеск реакции городского. И это уточнение заключается всего лишь в трех словах — "по его мнению", или, "как ему казалось", "на его взгляд". Потому что нельзя скорчить совершенно "еврейское", "китайское", "арабское", или какое там другое лицо. Лица есть лица. А вот попытаться "сыграть" такое лицо, придать ему, по мнению опять же того, кто хочет это сделать, какие-то наиболее характерные черты национального типажа — можно. Так, из-за этих трех простейших

¹ Валентин Катаев. Белеет парус одинокий. Собр. соч., том второй, Гос. изд. Художественной литературы, М., 1956, с 199

вводных слов фраза звучит фальшиво и практически теряет тот сатирический окрас, которым стремился наделить ее автор.

Или рассказ "Вождь краснокожих" О'Генри, который так полюбился нашим зрителям благодаря прекрасному фильму Леонида Гайдая "Деловые люди" (1962), в который этот юмористический рассказ был включен отдельной новеллой. Ну, судите сами, что звучит точнее, "искристее": подпись под требованием выкупа за несносного мальчишку, которая в одном переводе дается как "Два злодея", а в другом — "Два отчаявшихся человека". Английское слово "desperate" переводится как "отчаянный, доведенный до отчаяния, безрассудный, безнадежный, безвыходный, ужасный, отъявленный, закоренелый, отвратительный, гнусный, злодей". И это только его словарные значения. Как жаль, что один из переводчиков (надо сказать известный, его переводы включены в сборник рассказов О'Генри) использовал самое последнее значение этого слова, к тому же стилистически абсолютно нейтральное. Но ведь читателю не голая информация нужна, он же должен улыбнуться, как того хочет автор! И это желание автора точно передает другой переводчик: "два отчаявшихся человека"... Они же готовы на все, только бы сбавить мальчишку его отцу. Я полностью могу согласиться с возражением, что это вопрос вкуса, личного восприятия, но все же, все же, все же...

Когда я писал о том, что первой книжкой для чтения мне вслух папа выбрал сказки Кипплинга, то полез с целью уточнения некоторых их названий в собрание сочинений писателя в пяти томах, выпущенное московским издательством "ТЕРРА" — "TERRA" в 1991 году. И каков же был мой ужас, когда вместо привычной с детства сказки "Слоненок", я вдруг увидел такую: "Слон — дитя". Это мне тут же напомнило расхожую инязовскую шутку о "сыне коровы", когда студент, забывший, как по-английский будет "теленек", вывернулся таким образом, чтобы только не замолчать при переводе.

Для особо интересующихся стилистикой перевода могу порекомендовать прекрасную книгу одной из наших известнейших переводчиц Кашкинской школы¹ Норы Галь — "Слово живое и мертвое"². Вот уж там-то таких примеров — великое множество.

А теперь немного из другой оперы, но самым теснейшим образом связанной со словом. Я пою осанну вдумчивым литературным редакторам, благодаря опытному совету которых, взгляду как бы "со стороны", произведение начинает сверкать всеми своими гранями, что не всегда удается достичь самому автору.

Наиболее ярким примером этому может служить, на мой взгляд, прекрасная работа М.Одесского и Д.Фельдмана, снабдивших роман "Двенадцать стульев" И.Ильфа и Е.Петрова историко-литературными и реальными комментариями (издательство "Вагриус, М., 1997). Зная чуть ли не наизусть ильфо-петровский канонический текст, я начал чтение этой книги именно с комментариев, которые в немалой степени помогли мне еще глубже проникнуть в раннюю постреволюционную эпоху, уловить тонкие аллюзии авторов на события, уже давно канувшие в Лету.

Книга предваряется эффектным анонсом:

"И.Ильф и Е.Петров завершили роман "Двенадцать стульев" в 1928 году, но еще до первой публикации цензоры изрядно сократили, "почистили" его. Правка продолжалась от издания к изданию еще десять лет. В итоге книга уменьшилась почти на треть. Публикуемый ныне вариант — первый полный — реконструирован по архивным материалам".

¹И.А.Кашкин (1899–1963), организатор и педагог, теоретик и практик переводческого искусства.

²Нора Галь. Слово живое и мертвое. Издательский дом "София", М., 2003

Естественно, что после такой заявки я, читая комментарии, поминутно совал нос в сам текст "Двенадцати стульев", придирчиво выискивая "цензорские выверты" и одновременно оценивая работу с точки зрения редактора, благо, что вся правка была выделена курсивом. И каково же было мое глубочайшее удивление, когда я никакого вмешательства цензора не почувствовал, а увидел скрупулезную работу литературного редактора. Это его стараниями моя обожаемая книга обрела статус "крылатой", поскольку говорить только о "крылатых выражениях" значило бы лишить ее той невероятной квинтэссенции едкой сатиры и искрящегося юмора, которыми мы наслаждаемся сегодня. Если бы не требовательный карандаш этого редактора (а старые профессионалы до сих пор работают "с карандашиком", несмотря на нынешнюю компьютерную эпоху), то в очень многих случаях реплики героев романа были бы "смазанными", блеклыми, а эпизоды — растянутыми или вообще плохо вписывающимися в общий контекст. Я не говорю уже о просто неудачно использованных отдельных словах. И гении нуждаются в добром, но требовательном редакторе, и никогда не следует путать редактуру с цензурой. Это две очень большие разницы, как говорят в Одессе.

И опять немного из другой оперы, но, в принципе, все из той же. Свой первый "опыт" редактора я приобрел, как уже упоминал вначале, благодаря папе, который однажды дал почитать мне свои размышления о драматургии, потом свои воспоминания с просьбой высказать свои замечания. Я недаром слово "опыт" взял в кавычки: ну, какой тогда из меня был редактор...

Однако я все же дерзнул посоветовать папе убрать какие-то, на мой взгляд, длинноты, еще что-то. Когда эта статья была опубликована в одном из номеров альманаха "Современная драматургия", то папа подарил мне его с надписью — "Сыну — редактору". Он тогда поверил в меня.

А спустя многие годы я чуть было не поверил в мистику. У папы в кабинете давным-давно стояло на полке паспарту с его силуэтом, вырезанным из черной бумаги. Такой вид "искусства" был очень популярен в начале 50-х годов, особенно на черноморских курортах у предприимчивых и талантливых людей. Позже папа приладил под своим силуэтом старинную перламутровую ручку-"вставочку" с пером, оставшуюся от бабушки. Получилось очень элегантно: черное с перламутром.

Еще позже, уже в 80-е, такой же черный, теперь уже мой силуэт, подарили мне друзья в Варшаве. И папа поместил его в тот же паспарту, рядом со своим. А потом кто-то подарил ему пластмассовую шариковую ручку в виде старинного "пушкинского" гусяного пера. И папа к той "вставочке" добавил и его — крест-накрест, как шпаги в родовом гербе.

Теперь эту композицию я воспринял как цеховой герб средневековых ремесленников-профессионалов — два скрещенных пера (его новый дизайн, созданный моей дочерью, читатель может увидеть на титульной странице). Так вот оно, настоящее свидетельство передачи мне своего умения, своего ремесла, обращенное в далекое будущее! — сказал я самому себе. Я долго не мог прийти в себя от своего открытия. Как жаль, что мы зачастую не умеем видеть, понимать и руководствоваться сокрытыми знаками вокруг нас.

Когда папа ушел, оставив после себя интереснейшие воспоминания "человека XX века", — ведь он его весь практически и прожил — я вплотную засел за подготовку их к изданию. Это был мой долг.

Как же я боялся притронуться к какому-нибудь слову, которое, ну никак не лезло в контекст, даже несмотря на то, что оно вышло из под папиного пера! Но тут мне повезло. Я знал, что многолетней подругой моей сестры Оли, которая начала работать редактором в

издательстве "Искусство" сразу же после ГИТИСа, была тоже ГИТИСовка, только несколькими курсами старше, Лиля Гракова. Полностью ее имя звучало несколько старомодно и романтично — Иллирия. Мы иногда пересекались у сестры, а Лилия, к тому же, редактировала один из сборников папиных пьес и бывала у нас дома. Мне кажется, что вообще все сборники пьес в 60-80-е годы прошлого века прошли через ее руки — начиная от средневекового французского фарса и кончая Александром Вампиловым, для нее, как и для папы, — просто Сани. И вот как-то само получилось, что Лилия предложила свою помощь в редактировании папиных мемуаров. То есть, имелось в виду, что сначала по ним пройдуся я, поскольку, как сейчас модно говорить, я был *в теме*, а уж потом она завершит работу своим "карандашиком" мастера...

Я со всей серьезностью подошел к работе: лазал по толковым словарям, энциклопедиям, чтобы сделать пояснительные сноски, выверить даты, убирал явные несуразности. На самом начальном этапе я дико боялся сделать что-нибудь не так, как сегодня люди боятся ткнуть не в ту клавишу компьютера — вдруг "сломаю" текст. И все свои намерения и опасения я зачастую вываливал Лиле по телефону, чтобы немедленно заручиться ее поддержкой или проглотить категорическое неприятие моих идей. Порою к нам просто нельзя было дозвониться — так долго я "висел" на телефоне. А Лилия внимательно меня слушала и изредка вставляла — нет, здесь просится двоеточие, а здесь надо разбить на два абзаца, а здесь вообще перевернуть фразу задом наперед — не четко выражена мысль.

Иногда я сопротивлялся: "Лилия, ну как же вы говорите, что в моем вступлении слово "реминисценция" звучит невнятно?" А она настаивала на своем. А у меня иначе ничего не выходило (как в тот момент мне казалось). И вот по прошествии нескольких дней я гляжу на свой собственный текст и ужасаюсь — откуда здесь это вычурное никчемное слово? Оно же совершенно неуместно! И радостно звоню Лиле, чтобы сообщить о своем "открытии" и поблагодарить ее за науку. Я помню ее колкие пометки на полях папиной рукописи, которую она уже где-то воспринимала, как мою. И все это было абсолютно по делу. Так я проходил жесткую редакторскую школу Иллирии Граковой.

Несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте мы говорили с ней на одном языке. — "Давай, перейдем уже на "ты", — предлагала Лилия. — Мы же с тобой две книжные крысы, только я чуть постарше". Перейти на такую форму обращения я так и не смог, и мы по-прежнему "выкались", но это отнюдь не влияло на свободу нашего духовного общения. А я был страшно горд, что был причислен "самой Граковой" к сонму "книжных крыс".

Мы часто перезванивались по телефону, обменивались впечатлениями о книгах, телевизионных фильмах, особенно документальных. Бывало, что я, забывшись, сыпал привычными литературоведческими терминами типа аллитерация, умолчание, зевгма и т.п., но тут же получал ехидный отпор: — "Я вас прошу, Митя, не забивать мою голову всякой вашей лингвистической ученостью. Я же закончила *театроведческий* факультет ГИТИСа, проявите хоть элементарный такт!" И мы от души веселились с "*подружкой*" — так с легкой руки моей сестры мы называли между собой Иллирию Сергеевну Гракову.

Еще одной темой, дававшей мне прекрасный повод для легкого подтрунивания, была бытовая техника. С ней Лилия была в весьма натянутых отношениях. Она частенько звонила мне и спрашивала совета, как ей пользоваться тем или иным прибором, полученным в подарок: "То есть я нажимаю на эту кнопку, а потом на ту?" — так я по телефону консультировал Лилию по эксплуатации тостера или чего еще. — "А ничего не случится?" В ее голосе проскальзывали нотки уважительного недоверия.

Как-то раз Лилия, которая была по старой памяти связана с какими-то издательствами, предложила мне взять на редактуру переводную книгу об автогонщиках. Я согласился, но потом

проклял все на свете: перевод пришлось кардинально править, поскольку местами он соответствовал оригиналу с точностью до наоборот.

Однажды она принесла мне рукопись перевода книги Гевина Мензиса, бывшего командира подводной лодки ВМС Великобритании, а ныне — историка "1421 — год, когда Китай открыл мир"¹: — "Зная ваши пристрастия к истории и всяким языковым штучкам, я взяла эту книгу на редактирование "напополам" — вы и я". Я почтительно щелкнул каблуками: меня берет в "долю" сама Гракова!

Боже, какое интеллектуальное наслаждение я испытал в тот раз! В книге убедительно доказывалось, что до путешествий Колумба Америку открыли китайцы, и мне было очень интересно погрузиться в далекую историю. В выходных данных книги наши фамилии стояли рядом. Так Лиля подарила мне, а, точнее, передала, как прилежному ученику, свою профессию — редактора.

Она успела помочь мне и с редакцией двух крупных кусков этой моей книги, в частности, о школе и о Пахре.

В начале октября 2008 года я забежал к Лиле, чтобы преподнести скромный подарок ко дню ее рождения — простенький мобильный телефон — и долго объяснял ей, как им пользоваться. А спустя сутки я узнал, что она скоропостижно скончалась.

Уже прошло много времени, а мне так не хватает телефонного звонка с чуть глуховатым голосом в трубке: — "А вот вчера я смотрела по телевизору один интереснейший документальный фильм.... Впрочем, кому это я говорю? Вы же все со своим *компьютером* сидите!" Ох, не любила она современную технику...

* * *

Книги, книжечки...

Лишь в одном я полностью согласен с Карлом Марксом: когда дочери спросили о его любимом занятии, он ответил — рыться в книгах (ну, и продолжать бы ему...) Так и со мной. Сколько себя помню — всегда был окружен книгами: толстыми и тонкими, маленькими и большими, новенькими и потрепанными, красивыми и скромными на вид.

Основу нашей семейной библиотеки заложил папа еще в 30-е годы. Многие исчезло во время войны, но некоторые книги того времени, в частности, выпущенные издательством "Academia", сохранились. Восстановлением утраченного, пополнением библиотеки какими-то редкими изданиями увлеклась и мама. Она названивала в букинистические магазины в поисках какой-то книги, "зачитанной" случайными знакомыми, или просто исчезнувшей неизвестно куда. Обладая тонким книжным "чутьем", она приносила иногда подлинные шедевры.

Помню, как мама радовалась, когда ей удалось "выходить" издание Библии 1913 года, черное, с золотым тиснением, с иллюстрациями Гюстава Доре. Впоследствии эту книжную охоту продолжил и я, причем меня отнюдь не заботило, что количество книг в доме уже начинает превышать все разумные пределы. А как тут остановиться, когда вот эту книжку искал полгода, вот та — бестселлер, который удалось ухватить в Книжной лавке писателей, вот еще одна, повыше — подарили друзья, знавшие мои вкусы, а вот издание "Золотого ключика" с великолепными рисунками неизвестного еще мне художника А.Кошкина.

В серванте и сегодня занимает свое почетное место большая книжка-альбом в мягком переплете (кажется, 1947 года издания). Она как привет из моего раннего детства. Открывая

¹ Издательство "ЯУЗА" "ЭКСМО", М., 2004

книжку, видишь пасущихся на зеленой траве жеребят, умиротворенно разлегшуюся в тени хрюшку, задумчивую черно-белую корову, задорную козу, — и все это еще без единого напечатанного слова, с единственной целью — дать ребенку, особенно городскому, возможность познакомиться с неведомой для него деревенской жизнью.

А вот почти такая же книжка, но форматом поменьше и тоже в мягком бумажном переплете, с иллюстрациями в блекловатых, желто-зеленовато-коричневых тонах по карандашному рисунку. Она уже рассказывает о том, как сажают рис, как делают сахар, что такое гречка, как растет пшеница. Навсегда запомнился мне рисунок лошади в соломенной шляпе (не прикол, а потребность защитить животное от перегрева на солнце при полевых работах).

Сегодня, когда кто-нибудь из моих друзей видит эти книги, то просто кидается к ним, как к какому-то живительному источнику: "Ой, у меня в детстве такая же была! А эту лошадь в шляпе я на всю жизнь запомнил, года три мне тогда было!" И так радостно становится от еще одной дополнительной ниточки, которая связывает и тебя и твоего друга с нашим общим детством.

Когда в книжных магазинах появился бестселлер Сергея Михалкова — стихи про дядю Степу — они далеко не сразу попали ко мне. Не знаю, быть может, мама не была в восторге от этих стихов, ставивших впоследствии "классическими". Дядя Степа все же появился у меня, но только после одного случая.

Мы были с мамой в сберкассе ВУОАПа (Всесоюзное управление по охране авторских прав, теперь РАО — Российское авторское общество), где она получала по доверенности папин гонорар. В тот момент в дверном проеме выросла высоченная (особенно в восприятии пятилетнего мальчика) фигура нашего уже признанного детского классика Михалкова. Перекинувшись несколькими словами с мамой, с которой тот был знаком через папу, Михалков вдруг спросил меня, читал ли я его книжку про Дядю Степу. Я же со всей откровенностью детской невинности, которая, как и простота, иногда хуже воровства, ответил, что — нет, не читал, потому что ее мне мама не покупает.

Что и говорить, подстава была та еще. Бедная мамочка вспыхнула от смущения, как-то перевела разговор на другую тему. На следующий день ужасному мальчику, то есть мне, был куплен одиозный "Дядя Степа", причем без каких-либо нравоучительных разговоров о такте и приличиях.

Конечно, мы были несколько в более привилегированном положении по части "доставания" книг. Папа, как член Союза писателей, пользовался известнейшей на всю Москву Книжной лавкой писателей, что была на Кузнецком мосту. Там на втором этаже обслуживались только писатели по своим членским билетам. Уже в юношеском возрасте я иногда забежал в лавку по просьбе папы приобрести какую-то понадобившуюся ему книгу. Такие просьбы я обожал, потому что посещение Книжной лавки давали мне возможность самому покопаться в россыпи книжных сокровищ и выудить что-нибудь и для себя тоже. Продавали книги — нет, царствовали в том книжном царстве, — Кира Викторовна Дубровская и Олег Леонидович Соколов, — для моих родителей просто Кира и Олег — блестящие знатоки литературы (Олег, к примеру, закончил в свое время Литературный институт).

Однажды мы с папой загорелись желанием достать всего Оскара Уайльда, изданного еще до революции товариществом Марксъ (к тому, что написал "Капиталь", никакого отношения не имеет). И какая же радость была, когда Олег позвонил нам и сказал, что в их букинистическом отделе это издание в двух томах (на самом деле их было четыре, просто они были изданы по два

под одной обложкой) появилось и что стоит оно 25 рублей. Деньги по тем временам для книги были более чем приличные, но я из своей стипендии широким жестом "отстегнул" ровно половину. Еще долго потом мы с папой наслаждались "Преступлением лорда Артура Севилля", в советские времена не издававшимся, любовно поглаживая темно-оливковый муаровый переплет тех вожаемых томиков.

За всю свою жизнь я не отдал в чужие руки, не продал и не отнес на помойку ни одной своей любимой детской книги, несмотря на то, что наша библиотека все сильнее теснила наше жизненное пространство. Практически все свои детские, да и не только, книжки я помню по цвету корешка, размеру, степени потертости. Вот и сейчас, когда мне, бывает, хочется "подпитаться" оптимизмом "Капитана Врунгеля", а потом потянет вновь перелистать страницы "Сказок дядюшки Римуса" с классическими иллюстрациями художника А.Фроста, я могу чуть ли не с закрытыми глазами протянуть руку к одной из полок — и вот они, мои добрые друзья. Все они создают вокруг меня непробиваемое защитное поле, как земная атмосфера, без которой невозможна жизнь. И я в ней живу.

Пытаться хотя бы в общих чертах представить нашу библиотеку, собиравшуюся десятилетиями, практически невозможно. Но в конце 50-х мама совершила просто подвиг, когда без чьей-либо помощи, одна, расставила все наши книги по определенному ею порядку, напечатав при этом на библиотечных карточках их названия и имена авторов. Кроме того, и на карточке и в конце самой книги она указала, где эта книга стоит: "полка над кух.", "каб. 1-ый шкаф, 2-я полка" и т.д. И у нас появился настоящий библиотечный каталог с карточками в двух картонных ящичках, обклеенных ярко-красным ледерином.

Со временем, естественно, этот жесткий порядок перестал жестко соблюдаться. Причиной тому было и наше с папой разгильдяйство, когда возврат книги на ее законное место откладывался "на потом", и появление многих новых книг. Но те два ящичка с карточками я берегу, как память об огромном мамином труде.

Не могу не сказать о некоторых раритетах в нашей библиотеке. Одни из них куплены в букинистических магазинах, другие были подарками от друзей, третьи перешли по наследству от родственников.

В начале 50-х папа приобрел через знакомых знаменитую "Азбуку в картинах" Александра Бенуа издания 1904 года, того самого года, когда родился сам папа. "Азбуку" тут же отдали на реставрацию опытному переплетчику. Когда книга-альбом окончательно поселилась у папы в кабинете в книжном шкафу, он позвал меня полюбоваться на новинку.

Первым моим впечатлением было качество красок: киноварь — так киноварь, ультрамарин — так ультрамарин, а золотые или серебряные детали (клинки сабель, рыба в руках у самоед-ненца¹, позолоченная клетка для попугая) чуть ли не пачкали пальцы золотой или серебряной пылью! Папа сказал, что "Азбука" была напечатана в Экспедиции заготовления государственных бумаг Российской Империи, — "Гознаке" по нынешним временам, то есть в особой типографии, занимавшейся печатанием банкнот и иных ценных бумаг и обеспечивавшей высшее качество печатной продукции. Проставленная стоимость "Азбуки" была целых три рубля — сумма сама по себе достаточно серьезная для России начала XX века, а уж для книги тем более.

¹ Самоеды (в русских источниках также самоедь, самоедины), старое название народов, говорящих на самодийских языках, - ненцев (самоеды, самоеды-юраки), энцев (енисейские самоеды), нганасан (самоеды-тавгийцы), селькупов (остяко-самоеды). О происхождении названия "С." единого мнения нет. Наиболее распространенная версия возводит его к словосочетанию самэ-еднэ, т. е. "земля саамов".

Слова, подобранные и проиллюстрированные автором для своей азбуки, не были похожи ни на одно издание подобного рода. Под буквой "А" вместо привычно нам "арбуза" красовался веселый "Арап" в пышной чалме, необъятных шароварах и с ятаганом в руке; "Б" наводило ужас на двух маленьких детей в темном лесу крючконосой "Бабой-Ягой", летевшей в ступе; "Е" была посвящена Египту с его безмолвными статуями фараонов и пирамидами; "И" — игрушкам; "Т" — театру с возникающим из люка сцены самим Дьяволом в клубах inferнального дыма.

С невероятной любовью к деталям и даже чуть-чуть с юмором представлена буква "У" — "Улица" и "Ураган". Надо полагать, что Бенуа, когда создавал свою "Азбуку", все еще находился под впечатлением сильнейшего урагана, который пронесся над Петербургом именно в 1904 году, когда вышла его книга. На рисунке все и вся во власти дикого вихря: пролетка, собака, люди, кошка. Особенно жалко кошку: она, вознесенная ураганом до уровня крыши, в ужасе растопырила лапы, как бы пытаясь удержаться за воздух.

Только один городской в самом нижнем углу страницы изображен в позе абсолютной невозмутимости. Руки его сложены на груди, а фуражка сидит ровно, как на параде. Тут, наверное, Бенуа использовал фигуру городского чтобы показать: на то она и Власть, чтобы даже такой ураган ей был не страшен.

Ряд букв "Азбуки" сюжетно связаны между собой: слова подобраны таким образом, что мы видим жизнь семьи на "Д" — "Даче", где дети постарше и помладше играют в "Ж" — "Жмурки"; маленькая девочка укачивает куклу ("М" — "Мама"), а ужасные мальчишки, разряженные дикими индейцами, совершают "Н" — "Нападение" на юных барышень, расположившихся на траве на девичий пикник. И все эти картины согреты доброй улыбкой художника. Дачная идиллия и вся "Азбука" завершается буквой "Я" — "Яблоней": дети и взрослые, встречавшиеся в предыдущих "буквах", дружно собирают обильный урожай. "Азбука" притягивала еще и тем, что сколько бы ее я ни рассматривал, всегда находились какие-то маленькие детали, пропущенные ранее.

На последней странице "Азбуки" все тот же "Арап", с которым мы познакомились в начале. Он уже сменил свой ятаган на гусиное перо и радостно указывает на прищипленный к столбу лист бумаги. На этом листе печатными буквами вкривь и вкось, с ошибками и чернильными кляксами начертано: "Я выучился читать и писать по руски". Так и просится аналог из Маяковского: "Да будь я и негром преклонных годов и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин". Только вот поэт написал это в стихотворении "Нашему юношеству" (1927) спустя двадцать три года после выхода "Азбуки". Может, она с ее "Арапом" подсказали ему эти строки?

Уже в наши дни я вновь встретился с "Азбукой" Бенуа. Правда, это было лишь ее жалкое репринтное подобие в мягком переплете, выпущенное в 1982 году. От бывшего великолепия красок не осталось и следа: все было в приглушенных тонах, сероватенько. Золото напоминало цвет раскисшей подмосковной глины, серебро выглядело вульгарной нержавеющей. Я не говорю уже о том, что при печатании в нескольких экземплярах был допущен брак: при наложении красок один слой вылезал из под другого. Ужас! Я сам держал в руках в букинистическом магазине такой бракованный экземпляр. Но я был рад самому факту переиздания моей любимой "Азбуки": хоть и без бывшего блеска, но пусть с ней познакомится большее число людей. И когда я так подробно описывал "Азбуку", то мне хотелось того же — чтобы как можно больше народу "видели" бы ее моими глазами.

Недавно ради интереса я "пробил" "Азбуку" по Интернету, и там были представлены все ее отсканированные иллюстрации с хорошей цветопередачей. Я еще раз порадовался, что

Александр Бенуа стал широко доступен пользователям Интернета. Натолкнулся я, правда, и на такую ссылку, которая прозвучала для меня полной абракадаброй: "Индивидуальная интерпретация "Азбуки" [Бенуа] с групповой супервизией — "Баба-Яга" (название темы семинарского занятия взято мною из спецкурса "Основы практического психоанализа" Тульского госуниверситета, 2003 г.). Групповая супервизия... Бедный Александр Бенуа!

После смерти одной из маминых тетюшек, у нас в доме появился трехтомный "Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія", составленный под редакцией Ф.Толля и изданный в Санкт-Петербурге в 1863-64 годах. Мы с папой сразу же сунули свои носы в эту диковинку, и не напрасно. Вот что мы там, в частности, обнаружили:

"Толстой, Лев Николаевич, современ. русск. писатель, был в военной службе; сделался известен художествен. рассказом "Детство и отрочество", напечат. в "Современнике" (отдельн. изд. в 1856). "Военные рассказы" его вышли в том же году <...> Два года сряду (1862-1863) изд. педагогич. журнал носивший назв. села, где учреждена школа: "Ясная поляна", и помещая в нем свои заметки и наблюдения. Ни школа, ни журнал не имели успеха. Последние рассказы Т., "Казаки" и др. также гораздо слабее первых". (Еще целый год пройдет с момента выхода в свет этого тома "Словаря", когда в "Русском вестнике" будет напечатан (1865) отрывок из будущих "Войны и мира" под названием "1805 год"...)

А вот на глаза попалась вроде знакомая фамилия, только написана странно:

"Страусс Яоганн (1804-1849) венский композитор, так наз. садовой музыки: вальсов полек попури; приобрел большую известность. — Сыновья его, *Яоган* и *Иосиф*, также дирижируют летними оркестрами и пишут бальную музыку. Первый уже 10 лет играет каждое лето в Павловске, второй — приезжал сюда в 1861 г., но не понравился". (Уж больно привередливая, видимо, была публика в Павловске...)

Открываем, к примеру, букву "Л" и находим такое:

"Линкольн, Абрагам, род.1809 г. в штате Кентукки, сын фермера <...> находился нек. время в военной службе, потом изучал юриспруденцию <...> 4 марта 1861 г. был избран в президенты, после упорной выборной борьбы между республиканцами и демократами. Намерение его удержать союз от распада, до сих пор не имело успеха".

Ну, всем досталось от составителя и издателя этого словаря, г-на Ф.Толля! А уж когда в описании какого-то модного в те годы снадобья (вот только забыл, какого именно и от чего) было сказано, что оно "помогает даже евреям", то мы с папой долго катались со смеху.

Когда подросла моя дочь Люба, то мне не нужно было задумываться над выбором, что ей читать. Я пошел по проторенному пути и с удовольствием вспоминаю теперь, как ранними воскресными утрами ко мне в комнату бежал мой ребенок с горящими глазами: "Читать!" Устроившись с ногами на узком моем диванчике где-то в районе моей головы, затаив дыхание, она слушала все про того же Братца Кролика, про Кошкин дом, про гоголевских черта, Пацюка и Солоху. Правда, в отличие от меня, когда я, как и бабушка, начинал клевать носом во время чтения, Люба очень деликатно и нежно гладила меня по руке, и это было мне высшей благодарностью.

Многие персонажи из этих произведений тоже стали любимыми ею, и она тоже выплескивала свои эмоции и возникавшие у нее зрительные образы на бумагу. Ее черт, тянущийся к луне, которого она изобразила лет в семь, и теперь для меня живее всех живых.

* * *

Российские политехнологии против французских

Как-то раз, копаясь в папином книжном шкафу, я обнаружил книжицу формата детективов Донцовой в твердом коричневом переплете. По виду книжка эта была издана в начале XIX века. Ради любопытства я сунул в нее нос и уже не мог оторваться.

Под одним переплетом оказались два памфлета на одну и ту же тему — посрамление Наполеона. Первый памфлет носит закрученное, но сразу вводящее читателя в курс дела название: "Генеральный смотр совести Наполеона, или Беседы Наполеона с совестью с присовокуплением стихов под названием: Посрамленный Завоеватель Света или Неистовый Корсиканец в своем унижении", издано в Москве, в типографии С.Селивановского в 1813 году.

"Беседы..." выстроены в классическом жанре одноактной пьесы с двумя действующими лицами. Наполеон озвучивает свои грандиозные планы, а Совесть без обиняков заявляет ему, что он умрет "поносной смертью" и что "потомство будет проклинать твои великие намерения, от которых страждет несколько миллионов твоих соплеменников, твоих человеков-братьев".

"Поносная смерть" это не то, что сегодня сразу же приходит на ум. Тут имеется в виду смерть, сопровождаемая поношениями, проклятиями, всякой хулой. Мне доводилось бывать в Париже: какую же великолепную гробницу соорудили для своего узурпатора его соплеменники — "человеки-братья"!

Наиболее любопытным мне показался второй памфлет, изданный уже в типографии С.Всеволожского в том же 1813 году и озаглавленный "Наполеон, его родственники и исполнители воли его. Историческое известие, взятое из тайного Французского кабинета". Видно, хорошо поработали агенты российских спецслужб, добыв такую информацию аж из "тайного кабинета". Характеристики представляют собой достойный образчик "серой" пропаганды, когда правда и ложь смешиваются в разных пропорциях. Вот каким нам представлен Наполеон:

"Похититель Престола, называемый Император французов, второй сын Карла Бонапарта, публичного нотариуса города Аяччио. Настоящим отцом, по достоверным сведениям, был граф Марбёф, губернатор Корсики".

Да, с первых строк видно, что подкачала у похитителя престола биография. Этот бы фактик раньше надо было предать гласности: глядишь, с такой политехнологией и порушили бы Наполеону его карьеру, и не было бы его инвазии в Россию. Это я с точки зрения современных приверженцев таких технологий рассуждаю.

Далее следуют характеристики, напоминающие приснопамятные досье Лубянки, а то и просто любого отдела кадров (сохранен подлинный стиль с изменением лишь устаревших грамматических окончаний).

Летиция Раниоли — "...мать Бонапартовой фамилии, женщина, каких мало. На пятнадцатом году имела непозволительную связь с одним католическим монахом. Будучи замужем за Карлом Бонапартом, жила — для компании — у графа Марбёфа, с коим прижила Наполеона и Луциана, а на последок им брошена и содержала публичный... дом в Марсели".

Какой изящно-убийственный перл для того времени: "жила — для компании"!

Элиза Бонапарте — "Великая герцогиня Флорентинская, старшая сестра Наполеона, прежде была в Марсели, в учении у госпожи Рамбо, модной торговли, потом поступила в публичный дом, после того вышла замуж за генерала Бочиоки — по милости своего брата — который был маркелом в одном трактире, а ныне — Генерал-губернатором Великого Герцогства Флорентинского!!..."

Каролина Бонапарте — "Королева Неаполитанская, младшая сестра Наполеона, также одна из его любовниц, как и сестра ее Паулина, и сверх того, жившая с братом своим Луцианом, от коего имела дитя. Подобной женщины верно во всем свете нет".

Н-да... Действительно, женщины, "каких мало": тут тебе и инцест, и прелюбодеяние, и публичные дома (в качестве сотрудниц или содержательниц). Вот это компромат из тайного кабинета!

Достаточно любопытны характеристики, наполеоновским госчиновникам, которыми их наградили составители памфлета.

Лебрюн, Архиказначей Империи — "отличившийся республиканец и самый злой человек".

Фуше, бывший министр полиции — "человек со способностями, но с развращенным сердцем".

Марет, Государственный Секретарь — "аптекарский сын самобеднейшей аптеки".

Дюрок, Обер-Гоф-Маршал — "человек сносный, хотя никаких дарований не имеет".

Савари, министр полиции — "величайший злодей и известный буян, которого Бонапарте употребляет во всех тайных его смертоубийствах".

Сложнейшей, на мой взгляд, задачей для автора памфлета было дать характеристику **Талейрану де Перигору**, Вице-Архиканцлеру Государственному — уж больно известная и уважаемая личность. Но и тут найдена требуемая политическим моментом формулировка: "...приобретя чрезмерное богатство незаконными путями, сделался чрезвычайно скуп".

А какие, оказывается, у Наполеона были маршалы и генералы! Однако здесь авторская фантазия уже не достигает высот компромата, продемонстрированного ранее:

Мюрат — "Король Неаполитанский, величайший и кровожаднейший злодей, сын трактирщика в городе Кагор в Провансе. Да и что хорошего можно ожидать от трактирщика — Короля? Первоначально он жил у извозчиков погонщиком, потом был при кухне у принца Конде в Шантильи поваренком".

Действительно, трактирщик в должности короля как-то не смотрится. Тем более бывший поваренок. Хотя призывал же Ленин к государственному управлению кухарок!

Д'Аву — "...человек свойств самых дурных; величайший варвар, кровожаден, сребролюбив и чрезвычайно неистов, словом сказать, походит на своего повелителя!"

Монсей — "...прежде был лакеем, за многие шалости наказан, человек обыкновенный и никаких воинских талантов не имеет".

Интересно, что это были за шалости такие?

Мортье — "...военных способностей никаких не имеет, но по удивительной своей злости чрезвычайно разорил Ганновер. Жена его был трактирщикова дочь".

Похоже, что во Франции в те годы трактирщики были самым презираемым сословием, раз уж эта профессия используется для самых уничижительных характеристик. Или это чисто российское к ней отношение?

Ней — "...первоначально был конюх в публичной конюшне в Париже, из коей сбежал, украв двух лошадей, и теперь не что иное, как совершенный разбойник. Жена его ныне ведет жизнь непорядочную". Да, конокрадство, это уже совсем фи...

Ле-Февр — "Герцог Данцигский, ...прежде был солдат старой французской службы, потом — известнейшим разбойником; человек весьма подлого и самого грубого обхождения.

Герцогиня до сего была прачкою в солдатских казармах в Страсбурге, где ее за благосклонность многие хвалили". Как элегантно подано! Ну, понятно же, что подразумевается под дамской "благосклонностью".

Генерал Сабастианн — "... человек кровожадный и злой. Обыкновенно употребляем бывает в тайных смертоубийствах".

Генерал Гулен — "...неоднократно бывал уличен в мошенничестве, в делании фальшивой монеты и разных злоупотреблениях". А мы всё нашими генералами недовольны...

Одно смущало меня в этом памфлете: чего бы это наши политтехнологи вошли в такой раж *после* бесславного исхода узурпатора из России? Неповоротливость пропагандистского обеспечения? Ведь цены бы такому материалу не было еще годом раньше! Впрочем, русские казаки войдут в Париж в 1814 году, так что брошюрка сработать могла в плане "поднятия боевого духа", но ведь не на них же она была рассчитана — вряд ли казачки умели грамоте...

А потом в "Вечерке" мне встретился любопытный материал, позволивший сделать не менее любопытный вывод¹. Речь идет о так называемом "завещании Петра I". Зимой 1811 года Париж гудел как улей: в свет вышел 500-страничный памфлет, изданный большим тиражом под заголовком "О возрастании русского могущества с самого начала его и до XIX столетия". Автор книги, некий мсье Лезюр, сообщал, что в его распоряжение попал секретный российский документ, подписанный... самим Петром Великим. Этот многостраничный труд был призван убедить французскую общественность в том, что наполеоновская армия вершит правое дело, спасая Европу от агрессивного врага — так в пересказе упомянутого "завещания" была представлена Россия. В нем в качестве постановочных Петром задач на перспективу говорилось и о необходимости "поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны", и о "вмешательстве при всяком случае в дела и распри Европы", и о "разделе Польши" и о "возможно более близком продвижении к Константинополю и Индии" (Что-то знакомое, не правда ли? — Д.С.). Завершался этот "документ" просто и весомо: "Так можно и должно покорить Европу"

Впоследствии подлинное авторство "Завещания" приписывалось и самому Наполеону, и де Еону, известному авантюристу и тайному дипломатическому агенту Людовика XV при русском дворе времен императрицы Елизаветы Петровны. Позднее исследователи пришли к мнению, что "Завещание" — это просто довольно точное изложение политики, проводимой Россией с 1725 года, то есть *после* кончины Петра. Но изложение это было составлено хитро: отдельные факты, уже имевшие место, превращались в векторы будущего политического курса России.

Вот я и думаю, после погружения в глубины нашей истории, а не был ли тот наш памфлет о "Посрамленном Завоевателе Света" пропагандистским залпом в ответ на французский политический бестселлер 1811 года?

* * *

Театральные и иные байки

Жанр театральной байки мне был знаком с детства. Многие из этих баек уже в конце 90-х собрал в своем сборнике режиссер Борис Львович. Но там нет очаровательных, поистине эстрадных, миниатюр, где главным действующим лицом выступает актер "провинциального"

¹ Вечерняя Москва, 8 ноября 2008, "Пиар эпохи Бонапарта", Алексей Казаков

театра позапрошлого века. Вот некоторые из них, что навсегда врезались в память в пересказе папы.

Актер, изрядно набравшийся перед спектаклем, выходит на сцену, и устремляет свой помутненный взор в зрительный зал. Суфлер в будке с отчаянием громко подсказывает начало мизансцены: "Он узнает в графине свою мать... Он узнает в графине свою мать...". Актер сильно пьян, но в голове срабатывает автомат: он на сцене, он должен играть, он что-то должен делать, говорить, хотя и абсолютно не понимает, что именно. Вдруг лицо его озаряется — он понял! Актер подходит к столику, берет в руки графин с водой, задумчиво подносит его к глазам: "Мамочка, как ты сюда попала!?"

Вводная та же самая, опять муки творчества — что же я должен говорить? Суфлер: "Он зашел в трактир, выхватил саблю и закричал — "Всех порублю!"

Актер: "Он зашел в трактир, выхватил саблю и закричал — "Со всех по рублю!"

Суфлер: "А ведь чины тогда даром не давали".

Актер: "А ни ветчины и никакой другой закуски тогда даром не давали!"

Так и верится, что все эти персонажи взяты из "толпы за сценой" в пьесах Островского.

А байки со срочными заменами? Эпизодический выход типа "кушать подано", а вот на этакый пустяк некого поставить — человек заболел. Срочно находят пожарного, разъясняют ему, что он должен сказать, а потом громко "по-мефистофельски" рассмеяться. Для лучшего понимания роль из двух слов и авторской ремаркой насчет смеха пишут на отдельном листочке и дают пожарному. В нужный момент его вытаскивают на сцену, и он произносит слова по роли, завершая их громогласным "затем в скобах трижды ха-ха-ха!" То есть он и авторскую ремарку *в скобках* озвучил. В детстве я воспринимал сочетание "в скобах" как слово "вскобах", то есть как глагол типа "воскликнуть, закричать, возопить".

Балет. По либретто юный принц пускает стрелу во льва, выглядывающего из-за скалы. Сооружают "скалу" на высоте метров трех, прилаживают к ней "кусты", а внизу в кулисах стелют мягкие маты. Льва поручают исполнять тому же пожарному (опять срочная замена — исполнитель или болен или пьян). Изготавливается только маска зверя и грива, которые будут видны из зрительного зала. По замыслу постановщика, после выстрела принца, лев должен на секунду зареветь, изобразить агонию и тихо упасть на маты в кулисах.

Премьера. Принц стреляет, лев сидит. Принц пускает "стрелу" во второй раз. Лев сидит. После третьего раза из кулис разъяренный постановщик шипит на пожарного — "Уволю негодяя!". Тогда из-за кустов "Лев" поднимается во весь рост (из под гривы виднеются брезентовые штаны пожарного), поднимает лапу и, размашисто перекрестившись, с отчаянным уханьем валится на маты.

И уже из современных. Главный режиссер Театра Сатиры Валентин Плучек возвращается из Англии, где он гостил у своего двоюродного брата, знаменитого театрального режиссера Питера Брука. На встрече с труппой Плучек сетует на то, что вот в Англии актеры играют лучше "сатировцев", что... Тут подает голос Анатолий Папанов: "Мы, знаете ли, тоже хотели бы поработать под руководством самого Питера Брука, а приходится работать с его братом, да еще двоюродным". Занавес.

Одну байку я услышал из уст уже упоминавшегося мною Майлена Константиновского, создателя бессмертного КОАПШа, который однажды рассказал ее за нашим семейным столом.

В начале 30-х Сталин еще не окружил себя многочисленной охраной и, выйдя из Кремля, мог запросто прогуляться пешком, к примеру, до Камергерского переулка и заглянуть в свой любимый МХАТ. Однажды он пришел туда днем, когда у входа дежурил капельдинер, то есть

старший билетер, Глушков — живая легенда театра. Дело в том, что в 1918 году, когда МХАТ удостоили своим посещением Ленин с Луначарским, Глушков сразу после спектакля кинулся в гардероб, отстранил гардеробщика и сам подал пальто вождю мирового пролетариата. Но Ленин-то не знал, какую важную должность занимал Глушков, и, полагая, что перед ним простой гардеробщик, стал рыться в карманах в поисках чаевых. Потом он обратился к Луначарскому: "Анатолий Васильевич, у вас не найдется мелочи?" Тот порылся и тоже не нашел. Владимир Ильич обернулся к Глушкову: "Тогда простите, голубчик..." — и развел руками.

Вот этот самый Глушков и стоял на страже в вестибюле, когда туда вошел самый могущественный поклонник МХАТа. Невероятно (но в этом и заключается байка — яркий коктейль из доли реальности и доли вымысла, без конкретной пропорции, сколько того и другого должно быть намешано), но капельдинер не узнал Отца вех народов и строго потребовал пропуск. Пропуска у Сталина не оказалось, и Глушков его в театр не пустил. Тогда Сталин попросил разрешения позвонить в кабинет директора. Директор тут же кубарем скатился по лестнице и, рассыпаясь в извинениях перед Иосифом Виссарионовичем, накинулся на Глушкова: "Ты что, с ума сошел?! Не видишь, Кто это?" Но Сталин его осадил. "Ви нэ кричитэ на чэлавэка. Он правильно понымает свой долг..."

В октябре 1996 года, просматривая журнал "Огонек", я встретил этот рассказ Константиновского в записи Ирины Ракши¹.

А эта байка — не театральная. Скорее литературоведческая. Но я не мог удержаться, чтобы не привести ее здесь. Услышал я ее несколько лет назад по радиостанции "Маяк". Рассказывала родственница писателя Константина Паустовского.

Паустовский очень любил Марлен Дитрих как певицу и киноактрису и как женщину. И вот в 1964 году она приехала на Московский кинофестиваль. Паустовский, незадолго до того перенесший инфаркт, умолил своего лечащего врача достать ему билет на концерт актрисы в Центральном доме литераторов. При этом он поклялся, как добропорядочный пациент, соблюдать предельную осторожность.

На концерте ведущий (кажется, это был известный острослов и балагур писатель Иосиф Прут — Д.С.) поинтересовался у Марлен, а кого из русских писателей она знает?

— Лео Толстой, Достоевский.

— А из современных? — не унимался ведущий.

— Паустовский, — произнесла Марлен.

— А что именно вам понравилось у этого писателя? — продолжал допытываться ведущий.

— Рассказ "Телеграмма".

— А вы знаете, что его автор сейчас находится в этом зале?

В этот момент Константин Георгиевич начал пробираться из дальнего ряда вперед. Когда только он вышел на авансцену, Марлен опустила перед ним на колени. Но этот театральный жест ей дорого обошелся. На певице было узкое, невероятно красивое, облегающее ее прекрасную фигуру длинное серебристое платье, расшитое мелкими стразами. В момент, когда Марлен Дитрих начала демонстрировать свою преклонение перед любимым писателем, платье начало трещать по всем швам, и стразы с него посыпались градом. Публика, думая, что это драгоценные камни, кинулась на сцену. Там, ползая на коленях, люди подбирали эти стразы и вручали их все еще коленопреклоненной Марлен. Одновременно Константин Георгиевич по-

¹ // "Огонек" № 43, 21 октября 1996

джентльменски пытался помочь певице подняться с колен. В ужасе от того, что сейчас сделает его пациент, которому и одного килограмма поднимать было запрещено, его врач, который находился тут же в зале, громко закричал: "Константин Георгиевич, что вы делаете!! Немедленно в постель!!!" В ответ зал взорвался оглушительным хохотом.

* * *

Наведение мостов в России дело опасное

С самых ранних лет, сколько себя помню, я стремился "наводить мосты" с людьми, говорить с ними, внимательно слушать их и делиться чем-то своим. Вероятно, эта потребность составляла психологическую основу моего выбора будущей профессии — иностранные языки, с помощью которых такие мосточки можно будет легче строить.

Свою первую встречу с иностранцами и свой первый опыт применения знаний в английском на практике я помню очень хорошо. Случилось это 30 апреля 1962 года. Я зашел в магазин пластинок, что находился тогда на улице Горького напротив книжного магазина "Москва", (ныне Тверская, теперь там банк) чтобы посмотреть новинки. Самым вожаделенной мечтой тогда было купить очередную пластинку из серии "Вокруг света" — только так можно было хоть чуть-чуть вкусить "западной" музыки, хотя, преимущественно, она была из стран "социалистического лагеря".

И вот стою я, шарю взглядом по названиям и вижу, как передо мной двое иностранцев — девушка и мужчина, обращаясь то к одному, то к другому, пытаются что-то выяснить, но никто не понимает, что им нужно. Вдруг чувствую, что меня трогают за локоть. Оборачиваюсь — они пытаются что-то спросить, но я разбираю только слово "классик". Тут уж у меня автоматически включился мой "мостоукладчик": "Вы говорите по-английски?" — спросил я. Боже, как они обрадовались! Выяснилось, что им нужна была русская классика: Чайковский, Рахманинов, Шостакович и русская народная музыка. После того, как они купили все, что хотели, мы вышли на улицу, и я спросил, откуда они родом. Оказалось, что мужчина из Мексики, а девушка из Франции. И тут мексиканец попросил меня дать ему мой адрес, заявив, что они придут ко мне в гости после парада и демонстрации на Красной площади 1 мая.

Я несколько оторопел: с одной стороны, не было видимого предлога им отказывать, а с другой, — как к этому отнесется мама? Будучи свободным человеком пятнадцати лет от роду, выросшим в хрущевскую "оттепель" и не знавшим страха (видите, волновало, как к этому отнесется мама, а не КГБ!), свой адрес я дал, слабо поинтересовавшись при этом, а уверены ли они, что попадут на парад. "Да, да!" — загалдели мои новые знакомые. Путь к отступлению был отрезан.

При прощании мексиканец пожал мне руку, и я почувствовал неприятное покалывание от новенькой кредитки, зажатой в его ладони. Тут произошла сцена, достойная передовицы в "Комсомольской правде" того времени: "Советский комсомолец с негодованием отвергает жалкую подачку наймитов империализма!": я спокойно взял этот доллар (или пять?), и сказал, возвращая его мексиканцу, что дружить — давайте, но деньгами дружбу укреплять негоже. Мексиканец деньги сунул себе в карман, не поняв, по всей вероятности, всей глубины активной жизненной позиции представителя советской молодежи.

Придя домой, я поведал о своей встрече родителям. Они мужественно отнеслись к этой новости, и силы в этом им придал все тот же Хрущев, помогший всем жителям СССР избавиться от животного страха времен сталинской эпохи.

Здесь следует пояснить, что тогда любой несанкционированный контакт с иностранцем рассматривался как возможность немедленно предать и продать Родину и раскрыть все ее военные и иные тайны. Даже в анкетах того времени была графа: "Какими иностранными языками владеете" — ведь с их помощью родину предать еще легче! То есть результатом встречи советского человека с иностранцем вполне мог быть, и это по самым либеральным оценкам, концлагерь на Колыме. Иногда это заканчивалось вообще расстрелом. К сожалению, и сегодня менталитет некоторых так называемых "патриотов и государственников" остался столь же дремучим.

Утро 1-го мая было теплым и солнечным. По квартире была объявлена боевая готовность № 1. Но время шло, парад кончился, демонстрация тоже, а мои гости не появлялись. Мне надоело ждать, и я позвонил своей подружке и пригласил ее погулять.

Мы бродили по майской Москве (не было ничего радостнее и красивее в те годы, чем Москва майская, это еще блистательно показал Марлен Хуциев в своем фильме "Застава Ильича"), говорили обо всем, как это только могут пятнадцатилетние. К вечеру я проводил подругу домой и отправился было к себе, благо мы жили недалеко друг от друга, как вдруг на шестом этаже распахнулись двери ее балкона, и она закричала: "Они пришли!" Я тут же позвал ее с собой, и мы понеслись на рысях.

А дома в это время царило вавилонское столпотворение. Мексиканец с француженкой привели с собой канадца и еще одну француженку. Без меня папа, вспомнив все свои знания молодости, пытался говорить с Люисом, мексиканцем, по-немецки, совал француженкам — Анне-Мари и Жозефине — томик из собрания сочинений Анатоля Франса с его портретом (они же с удивлением вопрошали, а кто это, собственно, такой?), канадец Жак (из Квебека) в это время просто рассматривал нашу квартиру. Тут появились мы, и общение пошло по-настоящему. "Кажется, не было ни одного вопроса, который я не смог бы перевести". Это я воспроизвожу фразу из своего дневника той поры, который позволяет мне вплоть до мельчайших деталей воспроизвести это встречу.

Мама пригласила всех за стол без особых изысков, но накрытый "для гостей", то есть с деликатесами, хранившимися до поры до времени в холодильнике. Видимо, мексиканцу Россия казалась такой отличной от всего остального нормального мира страной, что он меня спросил, что и как следует есть.

После ужина мы завели разговор о твисте, который только что пришел на смену рок-н-ролу и о котором у нас слышали, да не видели. Вероятно, из конформистских соображений Люис сказал, что танец ему не нравится, но он нам его покажет. Подхватив Анну-Мари, они стали твистовать под музыку Томми Стила из моей любимой серии пластинок "Вокруг света". Я тихо стонал от восторга и сожаления, что меня сейчас не видят наши "законодатели моды" из класса!

В конце вечера Жак сказал: "Вы понимаете, мы, иностранцы, приезжаем в Москву, нас ведут в Кремль, Большой театр, Третьяковскую галерею и в Университет. А вот так, чтобы встретиться с домашней обстановке с советскими людьми, просто поговорить с ними, узнать, о чем они думают, к чему стремятся — этого не бывает. И поэтому мы очень рады этой спонтанной встрече". Это он правильно подчеркнул — спонтанной. Они же сами видели в магазине, что пятнадцатилетний парень явно случайно оказался там, и не имел ничего общего с гебистской подставой.

На прощание папа подарил Жаку бутылку "Московской особой" водки, всем было вручено по глиняной дымковской игрушке — рашен сувенир — и гости откланялись. Жак только захотел вручить папе в ответ бутылку канадского виски, которая была у него в отеле. "Во сколько ты

сможешь зайти ко мне?" — спросил он. Тут я немного внутренне заметался: уже наслышан был о фарцовщиках, которые покупали у иностранцев джинсы и жвачку, и которых нещадно отлавливала милиция. Но твердо сказал, что в девять утра.

На семейном совете было решено, что мы поедem на встречу с папой, который будет служить солидным прикрытием, если, не дай Бог, что случится. Поехали мы на нашей машине "Победа", которую вел Тимофей Евдокимович (шофер, которого приглашали, когда надо было куда-то поехать). Был страшный дождь, когда мы подъехали к гостинице "Центральная". Я вошел в вестибюль и сразу же увидел спускавшегося по лестнице Жака. Он едва заметно кивнул мне, приоткрыл полу плаща, откуда из внутреннего кармана выглядывало горлышко бутылки, и проследовал со мной на улицу. Мы тут же сели в машину и отъехали от опасного места.

Первым делом Жак поинтересовался, что за машина и что за человек ее ведет. Тут пришлось пускаться в дикое вранье. Накануне папа сказал нашим гостям, что он писатель и одновременно преподает в Литературном институте им. Горького. Слово "писатель" на них впечатления не произвело — кто сейчас не пишет в Америке или Канаде, а вот что он преподаватель колледжа — вызвало уважение: это социальный статус. Но представить себе, чтобы у преподавателя колледжа был свой шофер, это было выше их понимания — у них все сами водят автомашины. У Жака было явное опасение, что водитель приставлен из КГБ, да и машина оттуда. Поэтому Тимофея Евдокимовича мы представили как друга семьи.

В машине Жак передал мне сверток, сказав, что это нейлоновая сорочка, подарок от Луиса. И вновь я отверг подношение мексиканца, хотя в далеком 1962 году стать обладателем белоснежной нейлоновой американской сорочки могло только присниться. Но мне было неловко и, более того, даже как-то унижительно принимать такой подарок. Так был воспитан.

Покатавшись под дождем по Москве, папа предложил заехать к нам позавтракать. Я, правда, решил тут же позвонить из автоматной будки и предупредить маму, чтобы наш внезапный приезд не застал ее врасплох.

Когда мы прибыли домой, то стол уже был накрыт. В том году Первوماй совпал с Пасхой, и поэтому у нас по давнишней семейной традиции была настоящая домашняя пасха с куличами и крашеными яйцами. Тут я немного оплошал, поскольку не знал, как по-английски "пасха". Выручил папа, представив ее Жаку как "ритуальную пищу древних славян". Мы все потом очень веселились, вспоминая такое определение.

За завтраком Жак рассказал о своей семье. Сам он изучал юриспруденцию и поэтому разговор все время касался адвокатов, права, судопроизводства. Его отец был поваром, но поваром классным, получившим свою профессиональную награду "Cordon Bleu". "Мой отец не пил, не курил, не увлекался женщинами. Он просто много работал, копил деньги и, в конце концов, приобрел отель", — завершил Жак свой рассказ. Именно тогда я понял, как мог обыкновенный человек создать свой основной капитал в Канаде.

Я был очень доволен своей неожиданной встречей с первыми в моей жизни иностранцами. Она дала мне возможность почувствовать уверенность в своих знаниях английского, стала своеобразной путевкой в жизнь, подтвердив, что я и далее могу наводить мосты с людьми иных культур и политических формаций, и они поймут меня правильно. Мой выбор Иняза, как будущего института для получения профессии, окончательно оформился именно в те дни.

Когда я уже написал про этот эпизод из моей ранней юности, в тот же вечер к нам в гости зашла приятельница моей жены Людмила. Мы разговорились, и я ей рассказал о своей первой встрече с иностранцами. Ее реакция была странной: "Счастлив твой Бог, — сказала она. — У

некоторых такие встречи заканчивались не столь безоблачно". Я тут попросил ее пояснить, что она имела в виду. И вот что я услышал.

Ситуация, в которую попали две молоденьких девчонки, студентки музыкального училища (Людмила — одна из них), была аналогична моей. Она также увидела иностранку (это было уже в 1964 году), и в том же самом музыкальном магазине на Горького, которая пыталась что-то спросить у продавца на немецком. Людмила же достаточно хорошо знала немецкий и пришла иностранке на помощь. Та, естественно, была очень удивлена и благодарна.

Далее подружки, движимые благородным чувством установления культурных связей с представителем капиталистической страны, а тем более ФРГ, пригласили иностранку на балетный спектакль в Кремлевский дворец съездов, тут же купив билеты (тогда это стоило совсем недорого). Немка совсем онемела от счастья, и, движимая ответным чувством благодарности, пригласила подружек к себе в номер в гостиницу "Центральная" (совпадают буквально все детали моей и их встреч!)

Там были и другие члены тургруппы. Завязалась непринужденная беседа, немцы расспрашивали о жизни в СССР, интересовались любыми мелочами. При этом все потягивали шампанское. При расставании Люду буквально завалили комплиментами относительно ее знания немецкого и подарили в качестве сувенира — неслыханное богатство — настоящую шариковую ручку!

После непродолжительного общения с немцами подружки вышли из гостиницы и уже было направились к своему общежитию, что находилось недалеко от гостиницы. Неожиданно кто-то, шедший сзади, просунул между их головами руку с раскрытой красной книжечкой. Девчонки только и успели прочесть три буквы — КГБ. Далее этот человек грубым голосом потребовал, чтобы они, не привлекая внимания, немедленно разворачивались и следовали бы за ним.

Дрожа от животного страха они вернулись в гостиницу. Там их грозный спутник долго вел их узкими грязными коридорами служебных помещений гостиницы, пока они не очутились в маленькой комнате без окон. Кагебешник приказал вытряхнуть содержимое их сумочек на стол. Его оперативной добычей стали два студенческих билета, немного мелочи, два носовых платка и две иностранные шариковые ручки. Поняв, что это содержимое вряд ли тянет на доказательства вербовки или предательства, оперативник под устрашающие нотации о любви к Родине и запрете на общения с иностранцами, велел им явиться на следующее утро на Петровку 38, то есть в милицию.

И они явились. И там их уже ждали, пропуск был выписан на их фамилии. К счастью милицейский полковник увидел перед собой двух полуобморочных от страха девчонок, и, смилостивившись, отпустил их, не преминув пригрозить, что если их еще раз увидят с иностранцами, то сообщат в училище, что означало немедленное исключение.

Вот вам и две встречи юных граждан Советского Союза, единственной целью которых было рассказать гостям о жизни их страны. Две встречи, но как по-разному они закончились...

И сегодня вновь кое у кого возрождаются пыльные идейки, что все наши беды происходят от иностранцев.

* * *

Русский язык, великий и могучий

Однажды по работе мне довелось участвовать в заседании какой-то молодежной комиссии ЮНЕСКО в Париже, на котором должен был рассматриваться вопрос о защите прав трудящейся

молодежи. Билетов на прямой рейс Москва-Париж, чтобы поспеть к началу конференции, на тот день не было, и мне сделали билет через Питер (тогда еще Ленинград).

Когда мы сели в "городе на Неве", то я, человек с определенным опытом международных перелетов, оставил какую-то книжонку на своем кресле в салоне самолета, прежде чем нас отвели в задние аэровокзала на время дозаправки горючим. Книжка эта должна была послужить подтверждением моего права занять именно данное место после возврата в самолет, поскольку в те времена Аэрофлот продавал билеты без указания конкретного места в салоне — занимай, какое хочешь.

В здании аэровокзала я оказался в окружении двух групп пассажиров: в одной были пожилого возраста французы-туристы, возвращавшиеся из поездки по СССР, в другой — молодые американцы во главе со своим руководителем, которые, судя по их разговору, были в Москве на туристско-языковой практике. Забавно было слышать такие диалоги на русском с неистребимым американским акцентом:

— Извини, Тимофей, не мог бы ты мне дать одну сигарету?

— Вот, пожалуйста, Мария, одна для тебя сигарета.

А французы тихо гудели, обмениваясь впечатлениями после своей поездки по СССР. Но вот объявили посадку, и мы все выстроились в очередь на выход. Тут я скорее почувствовал, чем увидел, что молодой руководитель американской группы вот-вот задаст окружающим какой-то вопрос. И точно. Он подошел к одному из французов и спросил его по-русски: "Простите меня, не знаете, сколько градусов сейчас в Пэрисе?" Француз, не удивившись, ответил тому и тоже по-русски: "Я думаю, в Пагиже шеснацать градус". Если этот диалог воспроизвести с соответствующими американским и французским акцентами, то он будет звучать очень забавно. Я же в тот момент наслаждался сознанием того, что великий и могучий язык моей страны служит языком-посредником для общения представителей двух также великих наций.

Затем мы зашли в самолет, и все американцы шумной гурьбой устремились, естественно, на свободные места, которые до посадки в Питере занимали французы. Те же, поднявшись вслед за американцами, это обнаружили и начали громко возмущаться. Наконец французы как-то расселись, и самолет взлетел.

Но благородный гнев по-прежнему душил потомков воинственных галлов, вынужденных терпеть неудобства из-за нахальных представителей Нового Света. И вот один из пожилых французов, нашедший свободное местечко позади кресла, на котором расположился стриженный под "ежик" руководитель американской группы, постучал того по плечу и с негодованием произнес: "Американски, некарашо!" Руководитель, полуобернувшись к французу, бросил: "А места не заказаны!" Француз пришел в ярость. Мало того, что их места заняли какие-то исторические выскочки из Штатов, так еще и не только не извиняются, но и продолжают отстаивать свою неправоту. Вновь выразив свое возмущение повтором тех же слов (видимо, его запас русской лексики был весьма ограничен), но уже в обратном порядке — "Некарашо, американски!", француз вновь услышал в ответ нахальное "А места не заказаны!"

Я почти что сполз со своего кресла в беззвучном хохоте от этой перепалки между представителями великой Франции и могущественных Соединенных Штатов Америки, избравших своими лингвистическими дуэльными шпагами язык "нашего всего" — Александра Сергеевича Пушкина.

Может, при спорах о статусе русского языка в нашем ближнем зарубежье, стоило бы последовать примеру американцев и французов?

Анидаг из НКВД

В период бурного расцвета книгоиздательства на стыке 80-90х годов прошлого века (звучит очень "исторично", хотя для людей моего поколения это было всего лишь вчера!), я купил очередную книгу Юлиана Семенова в мягкой обложке. Книга носила название "Ненаписанные романы" и была посвящена отнюдь не новому повороту в судьбе самого любимого на Руси штандартенфюрера — Макса Отто фон Штирлица. В ней под одной обложкой были собраны короткие сюжеты, записи бесед с интереснейшими людьми ушедшей эпохи, кусочки их ненаписанных мемуаров, собственные воспоминания и размышления писателя. Так, я прочитал, как маленький Юлька встретился со Сталиным (отец писателя был помощником Николая Бухарина и заместителем директора издательства "Известий"), и ознакомился с весьма убедительной версией писателя о самоубийстве Серго Орджоникидзе и многими другими фактами из доселе неизвестной нам истории Страны Советов.

Но один сюжет в этой книге заинтересовал меня особо. Не могу не привести его здесь практически целиком:

"Мой многолетний партнер по бильярду, писатель Николай Асанов¹, был человеком труднейшей судьбы; впервые его арестовали в начале тридцатых, потом выпустили, вскоре забрали снова; каждый день он писал письма наркому внутренних дел Ягоде и прокурору Вышинскому, ответов, понятно, не получал. Отчаявшись, обратился к Сталину. Через две недели, в день Первого мая, в три часа утра, его подняли с нар и повели по бесконечным коридорам внутренней тюрьмы, пока он не оказался в большом кабинете.

Напротив него сидела женщина в глубоко декольтированном платье, ангельской красоты и кротости.

— Я не поверил своим глазам, — рассказывал Асанов, выцеливая шар. — Это была Марьяна, видный работник эн-ка-ве-дэ, жена одного из руководителей нашего писательского Союза. Я потянулся к ней, ощутив слезы счастья на щеках; она, однако, чуть отодвинулась, но сделала это так, что я сразу не ощутил пропасть между нами... Тем не менее, ласковым, доброжелательным голосом она спросила, как я себя чувствую, нет ли каких жалоб, а затем предложила объяснить — более подробно, чем в письме товарищу Сталину, — почему я считаю несправедливым происшедшее со мной.

Сбиваясь, путаясь, испытывая желание приблизиться к ней, ощутить ее тепло — ведь мы же были на "ты" раньше, — я принялся излагать свое дело, а это ужасно, когда тебе приходится оправдываться в том, в чем ты никак не повинен. Наверное, я был смешон, жалок и неубедителен.

А за окном была рассветающая Москва, и гулькающие голуби ходили по отливам окон громадного кабинета Марьяны. Я ощущал запах ее духов и горечь длинных папирос, которые она курила, сосредоточенно слушая мое бормотание. Марьяна вдруг резко поднялась, и прелесть ее точеной фигуры снова ошеломила меня..., [она] подошла ко мне, протянула папиросу и тихо, с горечью сказала:

— Послушай, Асанов, хватит нитки на хер мотать, садись-ка лучше за стол и пиши правдивые показания. Убеждена, это спасет тебе жизнь...

¹ Николай Асанов (1906-1974), писатель

Последние ее слова я слышал уже в состоянии полуобморочном, потому что начал сползать со стула на ковер"¹.

Я живо представил себе эту сцену: вот передо мной, арестантом, которому всего-то года двадцать четыре (столько было тогда Асанову), сидит красивейшая женщина, мы с ней хорошо знакомы, встречались не раз в компании друзей... Она сейчас поймет, что я ни в чем не виновен! И вдруг ее уста изрыгают площадной мат. Я морально сломлен, подавлен, я страшно обманут этой божественной красоты женщиной. Полнейший крах теплившейся призрачной надежды...

Эта мысленная сцена произвела на меня такое впечатление, что я долго не мог успокоиться и все задавался вопросом — кто же была та Марьяна, "видный работник эн-ка-ведэ, жена одного из руководителей нашего писательского Союза"? Как охотничья собака, почуяв дичь, я пустился в поиски. Исходных данных было мало: имя, которое, возможно, звучало и как *Марианна*, слабые ссылки на должность — руководящий работник НКВД и семейное положение — жена одного из руководителей "писательского Союза".

Вначале я пошел по линии истории создания Союза писателей СССР, просматривая списки его руководящих лиц, вгрызаясь в их биографии, скрупулезно изучая инициалы их жен. Правда, потом я отказался от этой затеи: ведь сам СП СССР был создан в 1934 году, а Асанов говорит, что его арестовали "в начале 30-х" и упоминает о руководителе "нашего писательского Союза". В то время таким союзом мог быть только РАПП².

Параллельно я искал "Марьяну" в списках руководящих работников НКВД. Большие надежды я возлагал на изданный в 2003 году фондом "Демократия" справочник под редакцией А.Н.Яковлева "Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917-1991", но и там меня ждало разочарование: следов Марьяны я не нашел.

Косвенное подтверждение ее существования я получил еще из одного источника, на этот раз художественного, но, несомненно, основанного на каких-то реальных фактах. Я имею в виду роман Юрия Домбровского "Факультет ненужных вещей":

"... — Я ваш следователь, Георгий Николаевич, — мягко сказала она.

"Вот это номер, — ошалел он [Зыбин, главный герой романа — Д.С.]— Ну, теперь держись, Мишка, начинается! Первая — психическая. Для слабонервных. Сейчас станет материться. Но против той, московской, наверно, все равно не потянет".

Про ту, московскую, он слышал года четыре назад. Рассказывали, что она не то начальник СПО — секретно-политического отдела, не то его заместитель, во всяком случае, не простая следовательница. Говорили также, что она из старой интеллигентной либеральной семьи. Красива, культурна, утонченна, может и о Прусте поговорить, и Сельвинского процитировать. А ее большие и малые загибы потрясали молодых воров. Они визжали от восторга, цитируя ее. Он же, слушая их, не восторгался и даже не улыбался, а просто верил, что она действительно сестра одной известной талантливой советской писательницы, специализировавшейся на бдительности, жена другого литератора, почти классика — его проходят в седьмом классе — и свояченица генерального секретаря Союза писателей"³.

¹ Юлиан Семенов. Ненаписанные романы. М., "ДЭМ", 1990, сс.100-101

² Российская ассоциация пролетарских писателей — литературно-политическая и творческая организация в 20-х — начале 30-х годов.

³ Ю.Домбровский. Факультете ненужных вещей. // "Новый мир", №10, 1988, с.63

Здесь отправных точек для поиска было побольше, но все равно автор слишком сильно зашифровал имя "той, московской" следовательницы. Только ссылка на генерального секретаря Союза писателей была, как говорят сегодня, "чисто конкретной" — этот пост занимал Александр Фадеев.

А потом повседневная суэта отвлекла меня от целенаправленных поисков, и я не стал разматывать клубочек дальше, хотя все время помнил о Марьяне, которая напрямую ассоциировалась у меня с образом Анидаг (Гадины) из сказки Виталия Губарева "Королевство кривых зеркал". Ее блистательно воплотила на экране Лидия Вертинская в одноименном фильме.

Но вот как-то раз я занимался любимым делом — просматривал накопившиеся газеты (не всегда удастся почитать их в день выхода) в поисках информации, которая может когда-либо пригодиться. В газете "Московский комсомолец" я случайно наткнулся на очередной материал писателя Льва Колодного под его персональной рубрикой "Третий Рим", посвященный Москве. В том выпуске газеты речь шла об обитателях одного из домов по переулку Сивцев Вражек, и, в частности, о Юрии Либединском, известном в свое время писателе и функционере РАППа. И тут читаю:

"... Арестовали первую жену Либединского, Марианну Герасимову, с которой он вырос на Урале... [Они] так увлеклись классовой борьбой, что Марианна облачилась в кожаную куртку начальника отдела ВЧК"¹.

Дальше — больше! Я узнаю, что "генеральный секретарь Союза писателей" А.Фадеев был женат на сестре Марианны, писательнице Валерии Герасимовой. То есть, теперь, как говорится, имена, фамилии, адреса, пароли и явки имеются в полном наличии. Затем настало время Интернета, откуда я скачал по капельке отрывочную информацию из многих источников. И когда я полагал, что уже завершил свой очерк, друзья посоветовали заглянуть в переизданную книгу воспоминаний "Зеленая лампа и многое другое" Лидии Либединской², второй жены Юрия Либединского, которая писала о Марианне. Совсем уж неожиданным подарком стала книга В.И.Бережкова и С.В.Пехтерева "Женщины-чекистки"³, в которой Марианне Герасимовой посвящен биографический очерк под характерным заголовком "Несгибаемая душа".

Я с огромным энтузиазмом погрузился в изучение всех этих новых источников в надежде "увидеть" ту женщину-следователя, мимолетное упоминание о которой в книге Семенова так глубоко задело меня.

"Марьяна" — Марианна Анатольевна Герасимова родилась в дворянской семье в 1901 году в Екатеринбурге и там же окончила гимназию с золотой медалью в 1917 году. В юные года она писала сентиментальные стихи, водила дружбу с дочерью Якова Юровского, будущего палача царской семьи. В восемнадцать лет молоденькая гимназистка сделала свой бескомпромиссный жизненный выбор — вступила в ряды РКП(б).

С семьями поднадзорно-ссылных Анатолия и Апполинария Герасимовых — ее отца и дяди, — дружила семья Либединских. Еще детьми познакомились Юрий Либединский и Марианна Герасимова, или Мураша, как ее звали родные. Они немало времени проводили

¹ Газета "Московский комсомолец", 28 апреля 2008

² Лидия Либединская. Зеленая лампа и многое другое. ОАО Издательство "Радуга", М., 2000

³ В.И.Бережков, С.В.Пехтерева. Женщины-чекистки. Санкт-Петербург, Издательский Дом "Нева", Москва ОЛМА-ПРЕСС, 2003

вместе. Ю.Либединский писал о том романтическом периоде их юности: "Социализм для Марианны сливался с христианством, у нее дома над кроватью даже висела иконка – Христос с раскрытой книгой..." (Сайт: <http://www.chrab.chel.su/archive/18-05-01/3/A123763.DOC.html>)

Гражданская война своим красным колесом прошла по семье Герасимовых: старший брат Марианны Борис дослужился до генеральского чина в армии Колчака (ему удалось избежать смертного приговора, но в конце 20-х годов он был арестован в Москве и бесследно исчез), а сама Марианна в период белой администрации была вынуждена скрываться в деревне. Брата своего она, естественно, ненавидела лютой классовой ненавистью.

В те годы пути Марианны Герасимовой и Юрия Либединского не раз пересекались в Челябинске, где Марианна работала начальником крупного отдела ЧК. Эти встречи позже нашли отражение в повести "Неделя", в которой под именем Анюты Симковой Либединский вывел Марианну, ставшую вскоре его женой. В посвящении к "Неделе" значится: "Марианне, любимому другу и верному товарищу".

После освобождения Урала Герасимова работала пропагандистом политуправления Приуральского военного округа, а в 1926 году была принята на работу в Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) с характеристиками исключительно преданного делу коммунизма политического бойца. Она стала убежденной чекисткой и уже через год, показав общую и политическую грамотность, была назначена помощником начальника отдела информации союзного ОГПУ. С 1931 года и до конца 1934 года она являлась начальником 5-го отделения (литература, печать, театр, кино, искусство) Секретно-политического отдела (СПО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), занимавшегося "изучением и контролем процессов в среде творческой интеллигенции столицы". Непосредственным начальником ее был Г.А.Молчанов, занимавшийся вместе с Ягодой "разработкой" Зиновьева и Каменева.

В 1930 году Марианна Герасимова вела следствие по "делу" А.Ф.Лосева¹, известного философа и ученого, арестованного 18 апреля. Он всего-навсего "посмел" открыто заявить о несогласии с Марксом и официальной партийной философией — диалектическим материализмом — в своей книге "Диалектика мифа". Герасимова сделала все, чтобы подвести философа под "расстрельную" статью. В своем следственном заключении, произвольно и тенденциозно цитируя работы Лосева, следовательница утверждала, что его книги — "законченная философская и политическая платформа церковной контрреволюции", а сам он — мракобес и фашист, главный идеолог некоего "Центра всесоюзной контрреволюционной монархической организации". Вот уж, действительно, романтическая христианка...

20 сентября 1931 года после семнадцати месяцев, проведенных во внутренней Лубянской тюрьме, в том числе и в одиночной камере, Лосеву был объявлен приговор, который в самый последний момент все же смягчили: вместо "вышей меры социальной защиты", которая грозила ему стараниями Марианны, ему дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей. А потом философ отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала и был спасен лишь в результате вмешательства в его судьбу Е.П.Пешковой (первая жена А.М.Горького, входила в состав Московского комитета Политического Красного Креста)

В своих письмах из лагеря (ГУЛАГовские порядки того времени только еще набирали силу) А.Ф.Лосев не раз называл Герасимову "ласковой коброй"², позаимствовав этот образ из

¹Лосев, Алексей Федорович (1893–1988), русский философ, ученый.

² Сайт: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/losev-dialektika_mifa-a.htm

стихотворения Зинаиды Гиппиус "Боль": — "Как ласковая кобра я, ласкаясь, обовьюсь. И опять сожму, сомну, винт медлительно ввинчу, буду грызть, пока хочу"¹.

В этом месте меня проняла невольная дрожь от совпадения: наш великий русский философ почти за восемьдесят лет до моих изысканий уже определил точный образ и место на земле Марианны Герасимовой и ей подобных. Но он использовал для этого стихотворение поэтессы "Серебряного века" Гиппиус, а я — сказку детского писателя советского периода Губарева. Мельчает наше поколение...

И как разительно отличается лосевский образ этой чекистки, от того, который представлен в книге В.И.Бережкова и С.В. Пехтеревой! Цитирую: "По проблемам, связанным с настроениями творческой интеллигенции, Герасимова — в дозволенных ей пределах — придерживалась позиций, которые декларировал Сталин. [А что, тогда было возможно придерживаться каких-то *иных* позиций?! — Д.С.]

<...> Она пыталась повлиять на деятельность состава [надо понимать — интеллигенции. Д.С.] своими взглядами: старалась не применять оперативные средства "для вскрытия враждебных элементов среди интеллигенции", пробовала внедрять такой метод работы, как предупредительные беседы"².

Это какие же "предупредительные беседы" имеют в виду уважаемые авторы чекистского панегирика?! Уж не те ли, которые проводились Мурашей со своими жертвами *после* их ареста?

Я нашел в книге "Зеленая лампа" ее маленькую фотографию с Ю.Либединским, снятую в 1936 году: округлое лицо, чуть припухлые скулы, немного курносый нос, модная, в стиле 30-х годов шляпка, облегающая голову. Либединский называл Марианну "золотоволосой, солнечной". В своей книге Лидия Либединская также отмечала, что "Марианна была очень хороша собой: высокая, статная с вьющимися светлыми волосами. [Впрочем, еще Николай Асанов отмечал ее "ангельскую красоту" — Д.С.] Смех у Мураши был "ровный, немного монотонный, но очень приятный".

Лидия Либединская писала, что когда ее муж, Юрий Либединский, рассказывал ей о своем детстве, то в его воспоминаниях "всегда присутствовала беленькая длиннокосая девочка, начитанная и рассудительная. А из рассказов о мятежных революционных годах возникал образ девушки, красивой и смелой, мечтающей посвятить революции все силы своей молодой и деятельной души. <...> Это были истории, похожие на легенду о бесстрашной и мужественной женщине со значком Почетного чекиста на груди, всегда подтянутой и элегантной... Не только подчиненные, но и начальство побаивалось ее, добрую, строгую и справедливую"³.

И опять у меня возникает вопрос: если уж не только подчиненные, но и начальство "побаивалось этой доброй, строгой и справедливой" чекистки, то какой же она была по отношению к своим подследственным жертвам? Впрочем, свидетельство писателя Николая Асанова на этот счет, приведенное мною вначале, более чем исчерпывающе.

В конце 1934 года Марианну Герасимову вынужденно отправили на пенсию по инвалидности из-за развития болезни мозга (предположительно, это был энцефалит, усугубленный многолетним переутомлением на ее трудовом посту).

¹ Гиппиус З. Собрание стихов. Книга вторая. М., 1910. сс. 86-87

² В.И.Бережков, С.В.Пехтерева. Указ.соч. сс.160-161

³ Лидия Либединская. Указ.соч. с.222

Несмотря на болезнь, в августе 1939 году после арестов Ягоды и Ежова¹ она, как бывший сотрудник ОГПУ тех времен, также была арестована и осуждена Особым Совещанием при НКВД на пять лет лагерей.

"...Я знаю, что Марианна Герасимова коммунист поразительной душевной чистоты, стойкости, высокой большевистской сознательности... <...> вся моя просьба состоит единственно в том, чтобы дело Марианны Герасимовой рассматривалось бы судом, пусть военным беспощадным и строгим советским справедливым судом со всеми его демократическими особенностями". Так писал Юрий Либединский Иосифу Сталину в декабре 1939 года².

Его письмо осталось без ответа. В защиту Герасимовой писал и Александр Фадеев — наркому внутренних дел Лаврентию Берия. Примерно месяц спустя из секретариата наркома Фадееву позвонили. Вот как со слов самого Фадеева свидетельствует об этом один из самых близких ему людей, известный критик и литературовед К.Зелинский:

"— Товарищ Фадеев?

— Да.

— Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и это дело проверил. Человек, за которого вы ручались своим партийным билетом, получил по заслугам.

<...> Она, которая сама допрашивала, сама вела дела и отправляла в лагерь, — доверительно делился своими воспоминаниями Фадеев с Зелинским, — теперь вдруг там. Это она могла представить себе только в дурном сне. Она была вообще немного фанатичным человеком"³.

Свой срок Марианна Герасимова отбыла "от звонка до звонка" в АЛЖИРе (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) и Карлаге (г. Караганда). В конце 1944 года она вернулась в Москву. Здесь Марианна столкнулась с проблемой, так хорошо знакомой нашему старшему поколению — пропиской (теперь это стыдливо именуется "регистрацией"). По тогдашнему закону бывший "зек" не имел права проживать в крупных городах. В просторечье это, кажется, называлось "минус двадцать" — запрет проживать в двадцати городах, обозначенных в документах освобожденного из заключения.

Двоюродный брат Марианны Герасимовой, известный кинорежиссер Сергей Герасимов, предлагал кузине помощь в улаживании проблем с регистрацией в органах НКВД Москвы. Тут я вновь прибегаю к свидетельству Александра Фадеева, который так описал дальнейшую судьбу Марианны Герасимовой:

"Она отдала свой паспорт коменданту в прописку. Комендант через день сказал ей:

— Товарищ Герасимова, начальник паспортного стола хотел бы лично с вами поговорить, хотя вы и живете в доме НКВД [у сестры в "писательском" доме, что в Лаврушенском переулке. Странно только, что в устах коменданта в переложении Фадеева этот дом становится "энкавэдэшным". Или это типичная оговорка "по Фрейду"? — Д.С.].

— Как же вы, товарищ Герасимова, — сказал начальник паспортного стола, — такой опытный человек и не знаете порядок. Ведь мы же с вами бывшие коллеги. Я вас знаю давно, и много о вас слышал, но ничего сделать для вас не могу. У вас же в паспорте стоит другая литера.

¹ Руководители НКВД. Репрессированы.

² Лидия Либединская. Указ.соч. с.226

³ В.И.Бережков, С.В.Пехтерева. Указ.соч. сс.164-166

— Что за литера? — побледнев и стараясь казаться спокойной спросила Марианна.

— А такая литера, которую вы сами прописывали людям. Эта литера не дает вам права жить в Москве, а только за сто километров от столицы"¹.

Вскоре после этого разговора в конце 1944 года Марианна Герасимова покончила жизнь самоубийством — повесилась в доме своей сестры.

Я не могу отделаться от ощущения, что Александр Фадеев в беседах с К.Зелинским (1954 год, уже после смерти Сталина) постепенно подходил к осознанию того ужаса, в котором жила страна в годы сталинского режима, и которому и сама Марианна и сам Фадеев служили верой и правдой — каждый по-своему. Такой вывод мне позволяют сделать слова Фадеева о том, что Марианна, "будучи немного фанатичным человеком, сама допрашивала и отправляла людей в лагеря, и потом сама оказалась там же". За чисто писательским литературно-стилистическим приемом повтора — "сама... и сама..." уже кроется, как мне кажется, сомнение в правильности происходившего, робкая попытка его осмысления. А слова, опять же в передаче Фадеева, начальника паспортного стола — "...а такая литера, которую вы сами прописывали людям" звучат уже прямым безжалостным обвинением — сама "прописывала", сама и погорела...

Александр Фадеев застрелился в 1956 году. Его близкие друзья вспоминали полные горького сарказма слова, сказанные писателем незадолго до смерти: "Такое чувство, точно мы стояли на карауле по всей форме, с сознанием долга, а оказалось, что выстаивали перед нужником"².

Страшный приговор и эпохе, и самому себе. Что это было — и с Марианной Герасимовой и с Александром Фадеевым — Суд Небесный?

* * *

И несть им числа...

В детстве я мало что знал о том времени, когда папа приехал из Сигеевки и обустроился в Москве. Вероятно, он полагал, что такие рассказы будут скучны для ребенка, и поэтому больше налегал на чтение мне вслух Гоголя, Катаева и Алексея Толстого.

И вот, читая воспоминания моего папы, я встретил там имена известные и неизвестные. Например, фамилия Куусинен была мне хорошо знакома не только из истории КПСС, но и потому, что моя дочь училась в одном классе с его правнуком. Другие же имена, да еще с краткой историей их судеб, не могли не привлечь моего внимания. Здесь я хотел бы рассказать о Екатерине Мухановой, папиной знакомой, для него — просто Кати.

Начну свой рассказ с пространного отрывка из папиной книги, чтобы читатель смог представить себе атмосферу середины 20-х годов в его восприятии:

¹ Указ.соч. с.168

² В.И.Бережков, С.В.Пехтерева. Указ.соч. с.171

"Я вспоминаю жизнь библиотеки Института В.И.Ленина¹ того времени в 1927 году [папа начал здесь трудовую деятельность после приезда в Москву из Сигеевки в 1925 г. — Д.С.]

На работе я познакомился с Катей Мухановой, Ноахом Левенбуком, Херттой Куусинен, дочерью самого Куусинена, лихой девчонкой, впоследствии членом Парламента, крупной общественной и политической деятельницей Финляндии.

<...>

Катя Муханова напоминала мне женщину из какого-нибудь индейского племени: крепко вылепленный профиль, низкий голос, безапелляционность, с которой она выражала свои мысли, не обращая внимания на условности. До сих пор вспоминаю, как она погасила мой восторженный рассказ о скаутах одной репликой:

— Знаю, знаю! Делать добрые дела на улице, и гадости дома... Слыхали!

И вся моя романтика была уничтожена.

Мухановы — старинный дворянский род, они жили в Самаре. Их дядя, сенатор, написал рукописную книгу об их роде и, перечислив всех Мухановых, прославившихся в истории России, упомянул имена своих племянников Кости, Муры [Марии — Д.С.], Кати — последних Мухановых, которых он знал.

Я думаю, почему в нашем сверхпартийном учреждении было так много представителей "чуждой" среды? Очевидно потому, что это были широко образованные люди со знанием одного, двух, трех языков. Библиотека Института В.И.Ленина нуждалась в таких кадрах.

Сестра Кати, Мура, окончила консерваторию и пела в Большом театре. Вспоминаю торжество всей нашей компании, связанное с постановкой оперы С.Прокофьева "Любовь к трем апельсинам". Новый композитор, новая опера! И наша Мура поет в ней! Мы переживали тогда ее успех, как свой.

С Катиной мамой я познакомился в Туапсе, где она жила, и куда я приехал по настойчивому приглашению Кати [летом 1927 г. — Д.С.] . Тогда с ней приехал и Костя Муханов — рослый здоровяк, инженер.

Потом я решил навестить Катину маму в Москве, где она гостила у своей сестры. Маленький домик, оставшийся единственным среди гигантов, уже выстроившихся вокруг. Вхожу: дверь открывает древняя, как и окружающая мебель, горничная. Спрашивает: "Как прикажете доложить?" — И после этого куда-то скрылась. Потом вернулась, промолвив: "Пожалуйста, принимают".

Меня встретили две трогательные старушки. Чай, варенье. И больше всего мне запомнилось, как упрашивала меня Катина мама следить за Катей, наставлять ее — меня, еще не оперившегося птенца! [Папе тогда было 23 года, а Кате — 29. — Д.С.] Но мама была так трогательна в своей просьбе, для нее Катя оставалась еще девочкой, а я был мужчина, Катин сослуживец. Кого же еще просить? Она вверяла мне судьбу своей дочери...

Судьба распорядилась с Катей по-своему. Ряд сотрудников нашей библиотеки перешли на работу в Кремль, в тамошнюю библиотеку, то есть в ведение А.Енукидзе². Когда стряпали

¹ Институт В.И.Ленина был создан в Москве в 1923 году по решению ЦК РКП(б). В Совет Института вошли Л.Б.Каменев (председатель), члены Совета — Сталин, Зиновьев, Бухарин, Бубнов, Ульянова, Невский, Аросев, Лядов. Институт располагался в д. 24 по Большой Дмитровке. Библиотека являлась одним из отделов Института. В ней должна была комплектоваться вся, по возможности, литература по истории революционного движения, истории социализма, политической экономии, рабочему движению, социологии и праву. Главная задача библиотеки — собрать всю вышедшую русскую и иностранную литературу о В.И. Ленине и его произведения — Д.С.

² Крупный деятель большевистской партии.

дело против него, потребовалось нужное количество шпионов и агентов иностранных разведок для "фона". И тут замели всех работников библиотеки, и Катю в их числе.

По слухам Катя, не выдержав пыток, многих оговорила и, опомнившись, повесилась, не ожидая суда.

Были взяты также Костя и Мура.

Несколько лет назад [вероятно, речь идет о 70-х годах — Д.С.] моя приятельница из Самары рассказывала, что состоялась встреча нескольких доживших до этих дней гимназисток, учившихся когда-то в Самаре. Среди них была и Мура. Она отбыла свой срок, выжила, но, вернувшись, ни с кем не общалась, была сумрачна и о прошлом не вспоминала. Про Костю я больше ничего не слышал"¹.

Имя Екатерины Мухановой, арестованной по делу "Террористической группы в правительственной библиотеке Кремля", упоминается и в книге Александра Николаевича Яковлева "Сумерки"².

И все, больше я о ней ничего не знал. Но папино свидетельство о ее трагической кончине меня потрясло. Сколько же вот таких безвестных людских судеб, если есть хоть малейшая зацепочка, предстоит еще извлечь из небытия того проклятого прошлого...

В одной из ветхих папок нашего архива я обнаружил однажды несколько ломких листов из альбома для рисования. Это были папины карандашные зарисовки людей, животных, музейных статуй, сделанные в период его активных занятий графикой в 1927-28 гг. Среди этих ученических наработок был и рисунок головы Ленина в характерной для того времени манере кубизма. Ильич со стальным взглядом в будущее соседствовал с уютно свернувшейся в клубок кошкой. Отметив про себя, что через несколько лет, уже в тридцатые, тот рисунок мог бы потянуть на несколько лет ГУЛАГа за неуважение к вождю, я стал перебирать папку дальше. И тут я увидел легкий штриховой набросок сидящей с книгой девушки. Черты ее лица лишь угадывались в стершихся от времени линиях мягкого карандаша. Внизу страницы папиным почерком, уже, вероятно, в 60-е годы, сделана подпись: "Катя Муханова. Туапсе, 1927 г."

Теперь я мог, хотя бы общих чертах, представить себе папину знакомую. А дальше — ну, как всегда: а что же еще можно узнать об этом человеке? (Наверное, читатель уже привык к моим вечным поискам крупинок сведений о судьбах давно ушедших от нас людей. Да еще так трагически).

И вот какая краткая справка у меня получилась:

Муханова Екатерина Константиновна

Родилась в 1898 г., в Самаре, русская, из старинного дворянского рода, образование высшее. Переехала в 1922 г. в Москву из Самары, работала в библиотеке Института В.И.Ленина, затем библиотекарем в Правительственной библиотеке Кремля, откуда уволилась в декабре 1933 г. и перешла на работу в Кинокомбинат. Арестована СПО ГУГБ 6 или 7 февраля

¹ Алексей Симуков. Чертов мост, или Моя жизнь как пылинки Истории. Аграф, М., СС. 137-139

² Александр Яковлев. Сумерки. "Материк", М., с.199

1935 г. Приговорена ВКВС СССР¹ 25 июля 1935 г. к 10 годам тюремного заключения по обвинению в руководстве террористической группой, созданной в библиотеке Кремля. Содержалась в Верхнеуральской тюрьме особого назначения.

Доставлена в Москву 16 июня 1937 г. Приговорена ВКВС СССР 3 июля 1937 г. к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговор приведен в исполнение 3 июля 1937 г. Место захоронения — Москва, Донское кладбище. Реабилитирована 5 июля 1957 г. ВКВС СССР².

Даже эти сухие строки позволяют сделать важные выводы. Во-первых, папины сведения о самоубийстве Кати Мухановой были неверны: ее, как и сотни тысяч других, расстреляли. Во-вторых, буквально за два года, что прошли с момента ее ареста до гибели, мы видим раскручивание смертельного маховика НКВД. Если в феврале 1935 года Муханова арестовывается по обвинению в *руководстве террористической группой* (а она почти полтора года как уволилась из Кремлевской библиотеки!) и приговаривается к *10 годам тюремного заключения*, то в 1937 году все по тому же делу (!), но уже по обвинению в *участии в контрреволюционной террористической организации* (между словами "руководство" и "участие" есть разница, не правда ли?), *она приговаривается к расстрелу*. Получается, что по второму приговору степень ее "вины" меньше, а приговор — высшая мера наказания. Как знакома эта судебная практика в нашей стране, когда за одно и то же преступление человека можно судить бесчисленное число раз, и, в конечно счете, уничтожить его, если это необходимо власти...

Из других документов, с которыми я познакомился, был протокол допроса брата Кати, Кости Муханова, этого, по словам папы, "рослого здоровяка, инженера". До своего ареста 27 февраля 1935 года (три недели спустя после ареста сестры) он работал научным сотрудником Центра Научно-исследовательского Института промышленных сооружений. Родился он также в Самаре в 1903 году (в некоторых источниках указывается другая дата, на мой взгляд, ошибочная, — 1909 г.) и был младше Кати на пять лет.

Допрос вели помощник начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности Гендин и заместитель начальника 7-го отделения Особого отдела Пассов (инициалы не указаны):

ВОПРОС: Какой разговор происходил у вас с Екатериной МУХАНОВОЙ при последней встрече, т.е. 6-го февраля?

ОТВЕТ: Она пришла ко мне взволнованной и проявляла необычайное беспокойство. На мои расспросы о причинах такого ее состояния Екатерина ответила, что опасается своего ареста.

ВОПРОС: Спрашивали ли вы сестру, чем вызваны ее опасения?

¹ СПО ГУГБ — Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности: борьба с враждебными политическими партиями и антисоветскими элементами.

ВКВС СССР — Военная коллегия Верховного суда СССР/РСФСР — орган Верховного суда СССР/РСФСР, рассматривавший дела исключительной важности в отношении высшего начальствующего состава армии и флота, а также обвиняемых в измене Родине и контрреволюционной деятельности. Также контролировала работу военных трибуналов. В годы сталинских репрессий годов ВКВС рассматривала дела особой важности, в том числе, по известным показательным процессам.

² Составлена по разным источникам. Основной — Москва, расстрельные списки — Донской крематорий <http://lists.memo.ru/index13.htm>

ОТВЕТ: Да, я интересовался этим вопросом; она ответила, что недавно арестована ее близкая знакомая, в прошлом сослуживица по Правительственной библиотеке — Нина Александровна РОЗЕНФЕЛЬД [бывшая жена брата Л.Б.Каменева (Розенфельда) — Д.С.] , у которой она бывала на квартире.

Когда я задал Екатерине вопрос, имеет ли она какие-либо специальные причины опасаться ареста, помимо самого факта ее знакомства с РОЗЕНФЕЛЬД, Екатерина ответила: "У нас было много разных разговоров, у РОЗЕНФЕЛЬД я встречала многих людей".

<...>

Судя по тому, что Екатерина в различное время рассказывала мне антисоветского содержания анекдоты, я полагаю, что при встречах с РОЗЕНФЕЛЬД они обменивались аналогичными анекдотами и что это давало Екатерине повод опасаться своего ареста.

ВОПРОС: Следствию известно, что Екатерина МУХАНОВА распространяла клеветнические измышления по адресу вождей партии и Советского Правительства. Что можете вы показать по этому поводу?

ОТВЕТ: Екатерина передавала мне клеветнические измышления о вождях партии и Советского Правительства и различные сплетни об их личной жизни. В частности, она говорила, что АЛЛИЛУЕВА умерла неестественной смертью, что она отравлена, и связывала это отравление с именем СТАЛИНА,

<...>

ВОПРОС: Ваша сестра Екатерина МУХАНОВА систематически высказывала контрреволюционные взгляды, сообщите следствию все, что Вам об этом известно.

ОТВЕТ: Признаю, что моя сестра Екатерина МУХАНОВА является сторонницей буржуазного строя, в разговорах со мной постоянно высказывала антисоветские взгляды, и проявляла враждебное отношение к советской власти.

Касаясь политики советской власти, Е. МУХАНОВА утверждала, что коллективизация ведет к голоду и вымиранию крестьянства, к гибели сельского хозяйства, что интеллигенция, не имеющая специальных знаний, обречена на нищенское существование, а часть инженерно-технической интеллигенции невинно бросается в тюрьмы.

Доказывая, что советская власть применяет массовый террор против крестьянства и интеллигенции, МУХАНОВА заявляла, что большинство населения, главным образом крестьянство и даже часть рабочих, относится к советской власти враждебно и в случае войны не только не будет защищать эту власть, а выступит против нее с оружием в руках, поднимая восстания в тылу Красной Армии.

В период 1931-33 г. МУХАНОВА заявляла, что политика советской власти направлена против интересов подавляющего большинства населения, делая отсюда вывод, что страна идет к гибели. Весь протокол мной лично прочитан, записано правильно. К.Муханов"¹.

Страшно читать эти строки допроса...

¹ Сайт <http://perpetrator2004.narod.ru/> Протокол допроса К.К.Муханова. (Кремлевское дело) АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 232. Л. 103-106. Подлинник. Машинопись.

Константин Константинович Муханов был обвинен по статье за контрреволюционную деятельности и приговорен: ОСО при НКВД СССР¹ 14 июля 1935 г. к пяти годам л/св. [лишения свободы – Д.С.] в Воркуте. Прибыл 8 августа 1935 г., освобожден. 17 марта 1939 г.² Значит, отсидел он чуть больше трех с половиной лет

В расстрельных списках общества "Мемориал" он не фигурирует.

В феврале 2017 года я «пробил» Константина Муханова по поиску в Гугле. И, представьте себе, нашел краткое упоминание о нем на сайте GENi – Дом всемирного генеалогического древа. Оказывается, наш здоровяк Костя дожил аж до 1980 года, когда скончался в возрасте 76 лет. На целых сорок три года пережил свою бедную сестру Катю... За счет ее жизни.

Мура Муханова, успеху которой в Большом театре так радовались ее друзья и мой папа в их числе, отбывала срок в Норильлаге, позднее преподавала музыку в Норильске.

Помочь разобраться в "заговоре библиотекарей", или, в "кремлевском деле" как оно именуется в литературе, мне помогли материалы, выложенные в Интернете, которые я несколько сократил³.

Так называемое "кремлевское" дело возникло в начале 1935 года как прямое продолжение сталинской политики репрессий после убийства Кирова. Поводом для его возникновения послужило "разоблачение" якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих, работников комендатуры, военных и других, которые, по утверждению НКВД, готовили покушение на Сталина. В этой связи на июньском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос "О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе".

Доклад делал секретарь ЦК ВКП(б) Ежов. Он заявил, что из-за преступного попустительства Енукидзе на территории Кремля была создана целая сеть террористических групп. Было объявлено, что главным организатором террористической сети, поставившей своей целью убийство Сталина, является Л.Б.Каменев (Розенфельд). С целью придания так называемому "кремлевскому" делу ярко выраженной политической окраски и крупномасштабного характера оно непосредственно "увязывалось" с Л.Д.Троцким, Г.Е.Зиновьевым, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и т.д. Каких-либо фактов о наличии такой "преступной сети", кроме нескольких противоречивых и бездоказательных выдержек из показаний арестованных по этому делу лиц, приведено не было. Однако, несмотря на явную абсурдность обвинений, Пленум постановил вывести Енукидзе из состава ЦК ВКП(б) и исключить его из рядов партии. Каменев, который к этому времени уже был осужден по делам так называемых союза "марксистов-ленинцев" и "московского центра", вновь оказался на скамье подсудимых.

В январе-апреле 1935 года органы НКВД в Москве арестовали большую группу служащих кремлевских учреждений, членов их семей и знакомых. Среди арестованных: уборщицы

¹ Особое Совещание (ОСО) при НКВД СССР — в 1922-1953 годах — внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю (контрреволюционная пропаганда и агитация, измена Родине, дезертирство, в военное время, вредительство и т. д.), и выносить приговоры по результатам расследования, а также пересматривать решения Военной коллегии Верховного суда СССР. Особое совещание имело право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания.

² Источник: Книга памяти Республики Коми; <http://lists.memo.ru/d23/f493.htm>

³<http://www.pseudology.org/Sysk/KremlevskoeDelo.htm>

правительственных зданий, швейцар и телефонистка, сотрудники правительственной библиотеки (18 человек), секретариата Президиума ЦИК, управления коменданта Кремля и военнослужащие, работники различных учреждений и предприятий, родственники Л.Б.Каменева и домохозяйки. В течение первых полутора месяцев арестованным предъявлялось, как правило, обвинение в распространении злостных провокационных слухов, и они допрашивались по фактам имевших место разговоров об обстоятельствах убийства Кирова и смерти Н. С. Аллилуевой — жены Сталина.

Руководящая роль в "контрреволюционной террористической группе служащих правительственной библиотеки" была отведена НКВД Розенфельд и Мухановой, которые, по утверждению следователей, сами готовились совершить террористический акт против Сталина.

Были еще "обнаружены" контрреволюционная троцкистская террористическая группа военных работников, контрреволюционная террористическая белогвардейская группа, причем утверждалось, что ее непосредственная связь с контрреволюционной террористической группой служащих правительственной библиотеки поддерживалась через Муханову

В феврале 1935 года следствие получило показания с признаниями о якобы существовавшей среди сотрудников управления коменданта Московского Кремля троцкистской группы и о том, что "распространение ими клеветнической информации могло создавать террористические" намерения обвиняемых.

27 июля 1935 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР под председательством В.В.Ульриха¹ в закрытом судебном заседании, без участия государственного обвинителя и защиты, по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта руководителей ВКП(б) и Советского правительства и в первую очередь против Сталина были осуждены Л.Б.Каменев, его брат, бывшая жена брата, та самая Нина Александровна Розенфельд, о которой упоминалось в допросе Константина Муханова, Екатерина Муханова и много других лиц

Всего по этому делу в 1935 году было осуждено 110 человек. Приговоры варьировались — от двух до 10 лет тюремного заключения и вплоть до расстрела (два человека)

Большинство осужденных виновными в контрреволюционной и в том числе в террористической деятельности себя не признало.

В 1937 году Екатерина Муханова, находясь в тюрьме, рассказала, что никакого следствия и суда по делу "террористических групп", возглавляемых Каменевым, в правительственной библиотеке, не было, так как весь процесс был вымышленным. Перед судом начальник секретно-политического отдела НКВД СССР, в производстве которого находилось дело, угрожал ей, что если она откажется от данных на следствии показаний, то ее расстреляют. С этой же целью ее вызывал и Вышинский. Весь процесс по так называемому "кремлевскому" делу в 1935 году был инсценирован секретно-политическим отделом НКВД СССР.

В 1956-1958 годах Главной военной прокуратурой производилось дополнительное расследование данного дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в ходе которого установлено, что это дело было искусственно создано в 1935 году НКВД СССР. Никаких объективных доказательств, которые бы свидетельствовали о виновности арестованных,

¹ Ульрих Василий Васильевич (1889-1951), государственный деятель, армвоенюрист (20.11.1935), генерал-полковник юстиции. В 1926-48 председатель Военной коллегии Верховного суда СССР и одновременно в 1935-38 заместитель председателя Верховного суда СССР. Еще в 1930-31 председательствовал на фальсифицированных судебных процессах, один из главных организаторов террора. В 1938 сообщил Л.П. Берии, что с 1.10.1936 по 30.9.1938 возглавляемой им Военной коллегией и выездными коллегиями в 60 городах осуждены к расстрелу 30 514 человека, к тюремному заключению — 5643 человека. <http://www.hrono.ru/biograf/ulrih.html>

органами следствия в 1935 году добыты не были, "признательные" показания отдельных лиц противоречивы, неубедительны и объективно ничем не подтверждены. Они были получены противозаконными методами.

Закончу я рассказ о судьбе Кати Мухановой цитатой из беседы Иосифа Сталина с писателем Ромэном Ролланом в 1935 году:

"<...> Вот, например, недавно у нас в Кремле мы обнаружили террористические элементы. У нас есть правительственная библиотека, и там имеются женщины-библиотекарши, которые ходят на квартиры наших ответственных товарищей в Кремле, чтобы держать в порядке их библиотеки. Оказывается, что кой-кого из этих библиотекарш завербовали наши враги для совершения террора. Надо сказать, что эти библиотекарши по большей части представляют из себя остатки когда-то господствующих, ныне разгромленных классов — буржуазии и помещиков. И что же? Мы обнаружили, что эти женщины ходили с ядом, имея намерение отравить некоторых наших ответственных товарищей. Конечно, мы их арестовали, расстреливать их не собираемся, мы их изолируем"¹.

Циничная ложь и фарисейство в каждом слове Вождя народов, перед которым все еще благоговеют многие мои сограждане. И несть числа в нашей стране таким его жертвам, как Екатерина Муханова...

* * *

Какая странная судьба...

И еще об одной женщине я хотел бы рассказать, хотя тоже никогда ее не видел, и сведения о ней также собирал по крупице.

Если не ошибаюсь, классом младше меня в нашей 175-й школе учился мальчишка, которого все называли "американской лапшой" — прозвище у него такое было. Он жил в соседнем с нами том самом "сером доме". Когда я поинтересовался у ребят, почему они звали этого парень "лапшой", да еще американской, то мне разъяснили: это Мишка Лапшин. Его отец — артист Московского театра оперетты Борис Лапшин, — отсюда и "лапша", а американская — потому что у него мать американка. С Мишкой мы близко не общались, но знали друг друга и при встречах здоровались.

Спустя какое-то время я в очередной раз перебирал книги в нашей библиотеке и наткнулся на небольшую книжку, озаглавленную "Правда об американских дипломатах", которая была издана в Москве в 1949 году. Ее автором значилась некая Анабелла Бюкар². Пробежав по диагонали это издание, я понял, что оно представляет собой типичный образчик пропаганды времен "холодной войны" — так зубодробительно и совсем не по-женски обличаются в книге сотрудники американского посольства. Здесь чувствовалась уверенная рука наших спецслужб, вплоть до характерных для того времени стилистических оборотов. В одном месте взгляд выхватил фразу, что ее муж — артист Московского театра оперетты.

И тут в голове постепенно стали всплывать отдельные, разрозненные кусочки какой-то еще мне самому не ясной мозаики. Анабелла Бюкар, сотрудница американского посольства, в конце 40-х перешедшая "на нашу" сторону... Кто-то когда-то упомянул в разговоре (очень давно), что какая-то американка была шифровальщицей и ушла "к нам"... Отец Мишки

¹Из беседы И.Сталина с Ромэном Ролланом 28 июня 1935 года. Сталин И.В. Сочинения. — т. 18. — Тверь: Информационно-издательский центр "Союз", 2006. с. 106

² Анабелла Бюкар. Правда об американских дипломатах. Издание "Литературной газеты", М., 1949

Лапшина был артистом оперетты, а мать — американка... Так, выходит, в соседнем доме жила та самая Анабелла Бюкар?

А потом совершенно случайно выяснилось, что мои догадки абсолютно правильны. Через знаменитый сайт "Одноклассники.ру" я вышел на связь со своей бывшей однокашницей, Ниной Кондратовой, которая, оказывается, хорошо помнила Анабеллу Бюкар как свою соседку по дому. По моей просьбе она написала все, что ей было известно об этой американке:

"В нашем доме, в самом последнем подъезде, что ближе к Садовой, на четвертом этаже жила американка, а мы жили на пятом.. Я её очень хорошо помню, она еще смешно произносила русские слова. У нее был сын Мьишья (так забавно и нежно в ее устах звучало это имя), носивший фамилию Лапшин. Мы с ним играли вместе во дворе. Анна-Белла (так у нас было принято ее называть) осталась в моей памяти необыкновенно красивой женщиной: стройной, в строгом костюме; зимой — в светлом, в таком же строгом пальто. Она очень следила за собой. Я вообще принимала ее за артистку. Говорила она с акцентом, но очень правильно формулировала фразы. Была очень доброжелательной и в меру общительной, но это касалось, скорее, моих родителей и еще нашей соседки по квартире. Меня она иногда таскала на руках по лестнице — я была маленькая, а лифта у нас тогда в доме не было. За ней постоянно следовали, как сказали бы сегодня, два телохранителя: один оставался у подъезда, когда она в него входила, а другой сопровождал ее до самой двери в квартиру, ну, и меня иногда брал на руки, — тяжело мне было самой карабкаться по лестнице...

Из разговоров взрослых я понимала, что Анна-Белла стремилась вернуться на родину в Америку, но ее не отпускали, что все это было сопряжено с какими-то сложностями. Говорили (может, с ее же слов), что даже Поль Робсон¹ вмешивался в решение ее судьбы. Но, вместе с тем, я не чувствовала, что наша соседка жалеет, что живет в Советском Союзе. Она, по-моему, была довольна своей жизнью. Когда Анна-Белла вернулась в США — я точно не знаю. По-моему, где-то в начале 60-х".

Имея такой словесный портрет, я стал уже внимательно читать книгу госпожи Бюкар, стремясь выудить оттуда дополнительную информацию о том, кто же она такая. Вот что у меня получилось:

"...После окончания университета я некоторое время работала в частных торговых фирмах, но работа эта никак меня не удовлетворяла. Я испытывала огромное желание принять посильное участие в происходившей в те годы войне против фашистской Германии. Примерно в это время я получила предложение поступить на работу в разведку военно-воздушного флота США.<...> Вскоре меня перевели на службу в основную американскую разведывательную организацию — Управление стратегических служб (УСС)², где я получила назначение в отдел "иностранных национальностей". <...>

В мои функции входило тщательное изучение газет и журналов, издающихся в США на иностранных языках в особенности всей печати, выходящей на славянских языках". <...>

В посольстве я увидела, что продолжаю работать в той же разведывательной организации, в которой работала до приезда в Москву..." <...>

¹ Поль Робсон (1898-1976), американский певец (бас-баритон), актер, исполнитель преимущественно народных негритянских песен и спиричуэлсов. После войны занимался также общественной деятельностью, неоднократно приезжал в СССР, где выступил с рядом концертов.

² Управление стратегических служб (УСС), создано в 1942 г. На его базе в 1946 г. было организовано Центральное разведывательное управление (ЦРУ) (до июля 1947 г. называлось Центральной разведывательной группой)

Если взять хотя бы только Бюро информации, в котором я непосредственно работала, то в последние годы и месяцы в этом Бюро работали почти исключительно профессиональные разведчики <...> До ухода из посольства я по совместительству работала помощником редактора [журнала "Америка" — Д.С.]¹.

Далее в книге давались хлесткие характеристики конкретным сотрудникам посольства, с упоминанием их фамилий и должностей: "...обладает психологией провокатора; человек особенно хитрый, бессовестный и ничем не брезгующий; снабжал их хитроумной ложью; выслан за участие в пьяной драке; затмевает всех остальных своими ужимками и шутками; мастер двурушничества и интриги; морально растленный человек; ее прошлое не лишено пикантности: она — бывшая шансонетка одного из одесских кабачков; отъявленные лгуны..." и все в таком роде, обильно перемешанное с разоблачениями "коварных методов" разведки США, а также порочности системы американского империализма. Не напоминает ли этот стиль тот русский памфлет времен Отечественной войны 1812 года, о котором я писал выше, с его "убийственными" характеристиками наполеоновскому окружению? По-моему, один к одному!

Другие же пассажи книги с головой выдавали стиль кураторов молодой американки, явно водивших ее пером:

"Я увидела, что советские граждане питают огромную любовь и уважение к своему вождю — генералиссимусу Иосифу Сталину, что это уважение основано на известном каждому советскому человеку факту, заключающемся в том, что Сталин все свою жизнь посвятил советскому народу и что благодаря его прозорливости и решимости Советский Союз в наиболее критические моменты истории находил в нем своего спасителя".<...>

"...Только в Советском Союзе массовые средства культурной пропаганды — пресса и радио — не используются для того, чтобы вдальблывать в головы слушателей и читателей эстетические стандарты культурных отбросов"².

Представляю, как после чтения этой фразы сегодня у некоторых читателей ностальгически заносит сердце.

Англоязычные источники в Интернете были весьма скупы на информацию об Анабелле Бюкар. Я обнаружил все лишь два кратких упоминания (привожу их в моем переводе):

"8 марта 1948 года. Молодая тридцатитрехлетняя [следовательно, судя по дате публикации этой информации, она родилась в 1915 году — Д.С.] американка Анабелла Бюкар из Скертон, Филадельфия, объявила в Москве, что тайно вышла замуж за русского певца, оставила свою работу в Посольстве США и стала советской домохозяйкой. В самих Соединенных Штатах ее отец, австрийский иммигрант, немедленно отказался от своей дочери"³.

"11 марта 2001 года. Два года назад [судя по дате публикации, это произошло в 1999 году — Д.С.] скончалась Анабелла Бюкар. Родом из Питтсбурга, Филадельфия, она работала в Посольстве США в Москве, вышла замуж за русского певца и стала советской гражданкой. Она написала книгу "Прощай. Америка!" [вероятно, имеется в виду ее книга "Правда об

¹ Анабелла Бюкар "Правда...", сс. 9, 47, 63, 47

² Там же, с. 118

³ MANNERS & MORALS: Americana, Mar. 8, 1948; <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,853246,00.html>

американских дипломатах" — Д.С.] Очаровательная, добрая и полная дружелюбия женщина, каких редко встретишь"¹.

Похоже, что окончательную точку над *i* в разгадке судьбы госпожи Бюкар поставил в своих воспоминаниях наш известный разведчик и писатель Михаил Любимов (а уж он-то знает!):

"В те славные годы [40-е и 50-е — Д.С.] в КГБ работало не шибко образованное поколение, считавшее, что путь от постели до агентурного сотрудничества короток и сравнительно легок (судя по ярким делам французского посла Дежана, совращенного девицами-агентессами, американской дипломатши Б., тоже совращенной...)²

Разматывая дальше ниточку судьбы Анабеллы Бюкар, я также выяснил, что советская пропаганда решила сделать из ее жизни поучительную историю о том, как прекрасно жить в СССР, и показать это в кино. Фильм "Прощай, Америка!" по указанию Сталина и Берии поручили снять опальному режиссеру Александру Довженко. По иезуитскому замыслу Вождя, с одной стороны, он давал художнику возможность исправить былые "ошибки"³, а, с другой стороны, этот же художник, вопреки всей своей эстетике, должен был своим фильмом нанести мощный контрпропагандистский удар по ненавистному американскому империализму.

В основу своего же сценария Довженко положил ту самую книгу Анабеллы об американских дипломатах. Недавно в Госфильмофонде в "Белых столбах" были найдены рабочие материалы этого фильма. Отснятые кадры чудом избежали уничтожения в 1951 году, когда, чуть ли не по приказу самого Сталина, были прерваны съемки картины — настолько провальной оказалась эта агитка даже в руках гениального режиссера.

Тот же Михаил Любимов, на которого я сослался чуть выше, работая над своей будущей книгой "Шпионы и актеры", так описывал на одном из сайтов Интернета сюжетную линию этого фильма:

"На экране честная американская семья, мама, советующая дочке-дипломату, выезжающей в Москву, глубже изучать жизнь в СССР и меньше поддаваться на байки рептильной прессы, естественно, американской, а не советской. Молодая красивая женщина (Лилия Гриценко) обнаруживает в американском посольстве в Москве настоящий клубок змей. Все доносят друг на друга, интригуют, рожи у всех просят кирпича, сотрудники дуют водку и кемарят прямо на посольских диванах.

Дипломатшу направляют в колхоз с целью сообщить впоследствии американской прессе о бедственном положении советских рабов, она же видит в колхозе замечательных людей, зажиточных и счастливых, как и все мы до последнего времени.

¹ Sat, 2001-03-10; Issue Number: 102 Author: Joe Adamov Published: 2001-03-11 Source: [The Russia Journal](http://www.russiajournal.com)

² Михаил Любимов. Записки непутевого резидента, или Will-o'-the-wisp. "Художественная литература", М., сс. 356-357

³ В 1943 году А.П.Довженко написал киноповесть "Украина в огне", которая была запрещена к печати и для постановки с формулировкой, что "...это выпад против нашей партии, против Советской власти... Книга отражает враждебную идеологию автора". (Сайт <http://www.krugosvet.ru/articles/111/1011172/1011172a1.htm>)

Разлад души налицо, посол и остальные крокодилы, один из которых блистательно сыгран черноволосым и юным Юрием Любимовым, катят бочку на героиню, попутно изгоняют из посольства и кокают в США другого правдолюбца (Николай Гриценко)"¹.

Да, такой сценарный замысел никак не мог соответствовать зубодробительному пропагандистскому удару Сталина, который тот замышлял.

Со времени окончания школы Мишку я не видел, и только в середине 80-х случайно повстречал его в нашем переулке. "Судами занимаюсь! — бросил он мне на бегу. — Как они смеют, я же американец!" — и умчался. Я не понял: то ли его "казенные хлопоты" касались каких-то своих дел, то ли его не выпускали наши власти на историческую родину матери, то ли туда же его не впускали уже власти американские. После той мимолетной встречи он вообще исчез. Наверное, он все-таки уехал и давно стал гражданином Соединенных Штатов Америки. Теперь мне в его школьном прозвище даже слышится какая-то связь с культовым фильмом "Однажды в Америке": главного героя в исполнении Роберта Де Ниро тоже звали "Лапшой"...

В том далеком 1949 году "свою" книгу Анабелла Бюкар, Мишкина мама, завершила так:

"...Как мать я смотрю вперед, чтобы увидеть, в каком мире будет жить мой сын. Как мать я сознаю, что будущее принадлежит Советскому Союзу и что мой сын будет жить более яркой, более полной жизнью, чем он мог бы жить где бы то ни было в другом месте мира.

...Я счастлива, что я здесь и что мой сын родился в Советском Союзе, получив в наследство все сокровища, о которых я писала"².

Единственным видимым "артефактом", подтверждающим существование этой американско-советской семьи в соседнем дворе, осталась та пропагандистская книжонка, да еще каменный гараж Мишкиного отца, ни к селу, ни к городу прилепившийся к стене соседнего с нами дома по Воротниковскому переулку. Когда тротуары в очередной раз латают, то перед воротами гаража асфальт не кладут — иначе их не открыть, почти в землю вросли. Да никто гараж, похоже, и не открывает...

Впрочем, оказывается, не только гараж и раритетная книга "избравшей свободу" американской беглянки напоминают сегодня о той далекой истории.

В 1949 году, в разгар кампании по борьбе с "низкопоклонством перед Западом" и отчаянного обличения козней американских империалистов, братья Тур (коллективный псевдоним, под которым выступали писатели Леонид Тубельский и Петр Рыжей) написали пьесу под названием "Особняк в переулке". Появилась она, что называется, по горячим политическим следам и была посвящена судьбе Анабеллы Бюкар, выведенной в пьесе под именем Евы Грант.

И вот однажды, уже в наши дни, мне позвонила Елена Арнольдовна Арнольдова (Дудник) — наша старинная с сестрой приятельница, — о которой я уже упоминал в начале книги. Она поблагодарила меня за книгу (я подарил ее с подписью), а потом добавила с неизбывной актерской хитрецей в голосе: "А ведь знаете, Митя, неким образом с историей Анабеллы Бюкар связана и я..."

И вот что я услышал далее, еще раз дивясь на непостижимость связей между событиями, людьми, их судьбами.

¹ Сайт <http://www.ogoniok.com/archive/1996/4461/30-44-47/>

² Анабелла Бюкар "Правда...", сс.130-131

Только-только наступил 1952 год. Молодой актрисе театра "Нефтяник"¹ Елене Арнольдовой была поручена роль Евы Грант. "Ну, как будто вчера это было, – делилась со мною воспоминаниями Елена Арнольдовна, после того, как прочла в моей книге рассказ об Анабелле Бюкар. – На сцене двое: я – Ева Грант – и советник посольства "одной державы", который меня увещевает не делать опрометчивого шага, то есть не поддаваться на "провокацию" Советов (его реплика до сих пор у меня в памяти): "Вы помните – у Льва Толстого – госпожа Грант? Лошадь, пущенная с горы и подталкиваемая грузом, уже не может остановиться. Москва уже пустила лошадь с горы".

Я не успеваю произнести свою ответную реплику, с горделивым достоинством отвергающую "заботу" воротил с Уолл-стрита о моей будущности, когда из-за кулисы на просцениум выходит кот. Самый обыкновенный. И это не была гениальная режиссерская задумка разбавить таким образом остроту драматургическо-политического момента. Кот вышел сам по себе, совершенно не запланировано. Мой партнер, опытный актер, тут же реагирует с характерной "злодейской" интонацией: "Что делает здесь этот кот?" Я же, спасая ситуацию, просто беру кота на руки и говорю, что он тут живет. На этом сцена заканчивается. На поклон под гром аплодисментов мы выходили кланяться втроем: я, кот, который так и остался у меня на руках, и мой партнер".

Неожиданным завершением судьбы Анабеллы Бюкар стал для меня этот рассказ...

* * *

Грустная история о "красном князе" и его подруге

О князе Дмитрие Петровиче Святополк-Мирском я ранее ничего не знал, только лишь слышал фамилию от папы. А в процессе работы над своими запискам мне попался на глаза очерк журналиста А.Кривопалова под интригующим заголовком — "Кто она, Вера Трейл-Гучкова?"², в котором речь шла также и о Д.П.Святополк-Мирском, судьба которого меня очень заинтересовала. Далее я попытался дополнить рассказ об этом незаурядном человеке новыми штрихами, почерпнутыми из воспоминаний папы. Параллельно также выяснились интересные подробности жизни и деятельности Веры Трейл-Гучковой, подруги Д.П.Святополка-Мирского.

Прежде всего, я захотел хотя бы вкратце ознакомиться с биографией Д.П.Святополк-Мирского, используя для этого спасительный Интернет. Родился Дмитрий Петрович в 1890 году, князь, отпрыск старинной аристократической фамилии, ведущей начало от Рюриковичей. Отец его возглавлял Министерство внутренних дел при Императоре Николае II в 1904-05 гг. До революции Дмитрий Петрович получил филологическое, а затем военное образование, служил в царскосельской лейб-гвардии. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции, в 1921 г. поселился в Англии. Учредитель и соредатор журнала "Версты" (1926-1928). В 1931 г. вступил в компартию Великобритании, в 1932 г. вернулся в СССР. Член Союза советских писателей (1934). Репрессирован.

А теперь обратимся к журналистскому расследованию А.Кривопалова.

26 апреля 1987 года в Кембридже в возрасте 81 года скончалась Вера Трейл-Гучкова, дочь Александра Ивановича Гучкова, председателя III Государственной думы, министра Временного правительства. В некрологе лондонская "Дейли телеграф" привела совершенно неожиданную

¹ Был такой гастрольный театр при Росконцерте; он давал возможность молодежи реализовать свой актерский талант, да и своими разъездами по СССР радовал публику – Д.С.

² газета "Известия", 22 сентября 1992 г.

подробность. Когда Вера оказалась в Москве в 1937 году, приехав туда из Парижа, к ней, по утверждению составителей некролога, проявил внимание сам "железный нарком" НКВД Ежов и якобы помог ей вернуться потом во Францию. Это спасло ей жизнь. В некрологе имя Веры Гучковой связывалось также с князем Дмитрием Святополк-Мирским.

С ним Вера познакомилась еще до замужества. Тогда Святополк-Мирский входил в группу "евразийцев", о которой Большая советская энциклопедия несколько позже, в 1931 году, сообщала следующее: "Литературно-философское течение среди русской контрреволюционной эмиграции, утверждающее, что господствовавшая до сих пор на Западе Романо-германская культура переживает кризис и разлагается, а на смену ей идет новая культура, носителем которой будет русский народ, объединяющий вокруг себя не только восточное славянство, но и ряд неславянских народов, населяющих так называемую Евразию". На основе новой российской "державности" эти идеалисты от политики проявляли готовность к компромиссам с большевистской Россией. Естественно, что в Москве ими заинтересовались. За "евразийцами" следили и пытались использовать в своих целях.

Помимо своих политических пристрастий Святополк-Мирский был блестящим филологом. Находясь в эмиграции в Англии, он написал по-английски историю русской литературы. Британские русисты эти очерки считают лучшими среди исследований по нашей словесности. Однако сам Мирский, по словам Гучковой, считал свою работу литературоведа чем-то второстепенным, главное — политика. Такие подробности стали известны благодаря знакомству Веры Гучковой с английским историком-русистом Джерри Смитом, воспоминаниями с которым о своем прошлом она поделилась в 1974 году.

Князь был также известен своими нескрываемыми симпатиями к Советскому Союзу, за что получил прозвище "красного князя". Такая репутация делала его частым гостем на светских раутах, которые устраивал советский посол в Лондоне. А.М.Горький долго уговаривал Святополк-Мирского вернуться на Родину, что тот, к несчастью для себя, и сделал, получив в 1932 году советское гражданство. В СССР он стал известен как критик Мирский.

В 1934 году, спустя два года после приезда в СССР, Д.Мирский опубликовал монографию под аголовком "Интеллиджентсия"¹, которую я обнаружил в нашей домашней библиотеке. Монография, посвященная исследованию этого феномена — интеллигенции — в Англии (автор, как мы знаем, прожил там почти одиннадцать лет), невероятно интересна, на мой взгляд, с точки зрения широты охвата, попытки философского осмысления процессов, происходивших в среде английских "высокобровых"² после Первой мировой войны. Помимо общего анализа, Мирский давал свою трактовку и таким специфическим вопросам, как религия у интеллигентов, интеллигенция и наука, интеллигенция и коммунизм. В монографии достаточно четко прослеживается глубочайшая озабоченность автора усилением фашистской диктатуры в Германии, и это всего лишь год спустя прихода Гитлера к власти. Местами строки звучат просто набатным призывом для интеллектуалов всех стран: опасность!

Открытием для меня стал эпиграф, предваряющий монографию, который автор перевел на русский язык из краткого Оксфордского словаря: "*Интеллиджентсия*, имя сущ.; часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению (от русского "интеллигенция)". Более точного определения этой "части нации" я никогда еще не встречал: в наши головы в советскую эпоху вдалбливалось ленинское — "прослойка". Да это джем в пироге — прослойка! Самое

¹ Д.Мирский. Интеллиджентсия. Советская литература, М., 1934, тир. 10 тыс.экз

² "высокобровый" (highbrow) — человек, поднимающий высоко брови от чувства собственной важности и презрения к филистерам (Д.Мирский)

интересное, что это определение взято из английского толкового словаря, изданного, предположительно, на рубеже 20-х — 30-х годов. Я обратился к современным англоязычным толковым словарям — Random House, Webster, Oxford. — в поисках первоисточника. Они сводят ныне понятие "интеллигенция" лишь к "классу интеллектуалов, объединенных творческими профессиями или политическими интересами". Теперь, значит, не прослойка, а класс. *Стремление к самостоятельному мышлению* исчезло. А жаль, поскольку именно это определение наиболее точно, на мой взгляд, отражает самую сущность интеллигенции.

Естественно, Мирский находился всецело во власти советских идеологических штампов того времени, когда давал характеристики философам, писателям, поэтам. Текст монографии изобилует, к примеру, такими утверждениями:

"Как и многие из его прежних союзников, Шоу изверился в буржуазной демократии и колебался в сторону фашизма".

"И даже Бертран Рассел — с каким бы искренним отвращением он ни думал о перспективах сверхфашизма, и как ни возможно... — объективно работает не против, а в пользу фашизма".

"Киплинг — это поэт практического, не думающего, животнохищнического империализма".

Не обойдено вниманием с тех же позиций и творческое наследие Шекспира:

"Эстетические ценности Шекспира были абсолютны, это было высшее, что создано человечеством. Восприятие их объединяло всех людей без различия классов, оно поднимало рабочего и мелкого служащего до уровня образованного буржуа".

Мой же обожаемый Оскар Уайльд у Мирского вообще грешит "эпатирующим треском парадоксов".

А вот эти два абзаца заслуживают, по моему мнению, самого пристального внимания:

"Особенно в начале XX века в Кембридже блистала группа молодых людей, соединяющих политический радикализм с интересом к самым "умным", абстрактным проблемам и с изысканным, воспитанным на французской живописи и английской поэзии художественным вкусом". И далее:

"В учебный 1931/32 г. в ряде университетов образовались клубы, стоящие левей лейбористов <...> Во всем этом много накипи, много снобизма и увлечения модой (но и мода на коммунизм симптом, не лишенный значения), много мальчишества (в одном колледже группа студентов, сочувствующих коммунизму, начала с того, что стала учиться стрелять в цель), много эмоциональности..., которая легко приведет недавних "марксистов" в лагерь фашизма"¹.

Кроме последних слов, все абсолютно точно! Более того, уж по неискоренимой подозрительности мне чудится в этих строках аналитическая записка нашей лондонской резидентуры в Центр: ведь знаменитую "кембриджскую пятерку" наших крупнейших разведчиков из Англии во главе с Кимом Филби ведомство Яна Берзина² завербовало именно в те годы и именно в Кембридже!

Парадоксально, но английское слово "intelligentsia", переделанное из русского "интеллигенция", близко соседствует в толковом словаре Вебстера и иных англоязычных словарях со словом "intelligence" ("интеллидженс") — способность к мышлению. То есть, иными словами, способность к анализу, далее — к синтезу и, в конечном итоге, — к действию.

¹ Там же, сс. 49, 50, 59, 84, 55, 64, 137.

² Настоящее имя — Петерис Кюзис (1889-1938), руководитель советской военной разведки, репрессирован

И еще одно значение есть у этого слова — разведка. А, судя по той "пятерке", она действовала в интересах нашей разведки на круглую "пятерку".

Вот такая вот монография.

Для понимания внутреннего состояния Святополк-Мирского после его знакомства с советской действительностью весьма важной, на мой взгляд, представляется документальная запись разговора с критиком начинавшего в то время писателя Александра Авдеенко. Они познакомились во время поездки в составе группы писателей по Беломорско-Балтийскому каналу в 1933 году. Та поездка была организована в пропагандистских целях руководством НКВД по указанию Сталина. То, что Мирский был привлечен к этому мероприятию, свидетельствует о планах организаторов устами критика поведать западной интеллигенции, учитывая его предыдущие связи с Англией, о "перековке человека" в СССР, о "преимуществах социализма". А разговор с Мирским, приведенный в воспоминаниях А. Авдеенко, показывает не только философскую глубину суждений критика о происходившем вокруг, но и о его зарождавшихся недобрых предчувствиях о своей собственной судьбе. И это спустя всего лишь год после приезда в вождленную страну Советов...

"<...> Он [Мирский] почувствовал мою отчужденность и спрашивает:

— Вы, кажется, не одобряете моей любознательности?

— Вы долгое время жили вдали от родины и потому многое воспринимаете..., как бы поточнее сказать... на свой лад.

— Это разве плохо — воспринимать жизнь самостоятельно, без подсказки со стороны, без оглядки на перст указующий?

— Я этого не сказал.

— Нет, сказали. Другими словами, но именно это. И вы не первый. Это меня сильно огорчает. Более того, тревожит. Могу оказаться не ко двору. Жаль, очень жаль, если это случится. Я полюбил Ленина. Полюбил и новую Россию. Много нравится, что сделано и делается. Но многое и непонятно. Есть немало такого, что Ленин не одобрил бы, будь он жив. И самое печальное, что я отчетливо вижу недостатки, промахи, ошибки, упущения, а иногда и произвол, а ваши глаза, привыкшие к большим и малым изъясам, не замечают их. Многие обижаются. Если их ткнешь носом в ту или иную проруху. Вот вы, например, смотрите на канал только как на великое чудо и не видите оборотной стороны.

— Что за оборотная сторона?

— Здесь на каждом шагу упрятаны тайны. Под каждой плотиной. Под каждым шлюзом. В судьбе каждого каналаармейца. Если бы судьбе было угодно омолодить меня и определить на ваше завидное место, место молодого писателя, знаете, чтобы я сделал? Написал бы повесть "Тайна трех букв" [ББК — Беломоро-Балтийский канал — Д.С.]

— Какая тайна? Все открыто, все нам показывают.

— Я далеко не все для себя уяснил. Эта грандиозная водная дорога с ее мостами, водохранилищами, шлюзами, плотинами является, как и Магнитка, одним из новых чудес социалистического света, если...

— Что — если? — сейчас же сорвалось у меня с языка.

— Если Беломорстрой есть именно то, только то, чем он нам представляется.

— А разве может быть иначе? — спрашиваю я с недоумением.

Он ответил спокойно и почему-то печально:

— Может, дорогой мой, может. Люди способны творить не только чудеса, но и всякого рода хитроумные ловушки для своего же брата, и для себя. В истории человечества всякое

бывало. Чаще всего великие народные бедствия начинались с благих намерений и заверений сильных мира сего"¹.

Теперь вновь вернемся к Вере Гучковой, поскольку ее жизнь тесно переплетается с жизнью "красного князя". Девятнадцатилетней девушкой он вышла замуж в 1925 году за П.П.Сувчинского, который был одним из лидеров "евразийцев". Вскоре Вера сама стала активной участницей этого движения, присоединившись также к "Союзу возвращения на Родину". В СССР она впервые попала в 1935 году, когда еще был жив ее отец, Александр Иванович Гучков. Интересная деталь: несмотря на то, что она стала коммунисткой, вступив в партию во Франции в 1932 году, между отцом и дочерью все время сохранялись самые сердечные отношения.

При первой встрече в Москве Веры и Святополк-Мирского тот произвел на нее впечатление человека, который стесняется своего положения: он прямо сказал Вере, что не хочет, чтобы она даже видела комнату, в которой он жил.

В конце 1936 года Вера Гучкова, став теперь уже женой Роберта Трейла, журналиста из Шотландии, тоже коммуниста, вновь, теперь уже надолго, приехала в Москву. Именно тогда же ей довелось услышать по радио речь Сталина в связи с принятием новой Конституции. На следующий день Вера встретила Мирского. "Неужели ты не понимаешь, что это дьявольская ложь", — так отозвался он на речь вождя, когда они коснулись ее в разговоре. Будучи правоверной коммунисткой, Вера дала своему другу жесткую отповедь, обвинив того в "политическом разложении".

После той встречи прошло где-то с полгода, и вот она вновь договорилась встретиться с Мирским. Было это 3 июня 1937 года. К тому времени в жизни Веры произошли большие перемены: муж уехал добровольцем-интербригадовцем воевать на стороне республиканцев в Испании и вскоре там погиб, а она, беременная, оставалась в Москве.

Когда к условленному часу Святополк-Мирский не появился, ей стало ясно, что его арестовали: точно так же неожиданно исчезали другие ее друзья и знакомые. И вот тут-то, по словам самой Гучковой (верить им, или не верить — дело другое — это мнение А.Кривопалова), она решила действовать. Написала письмо в НКВД наркому Ежову с просьбой принять ее. В письме она написала так (цитирую по газетной публикации): "Александр Иванович Гучков — известный реакционер. Про него до сих пор в учебниках говорится как о символе капитализма в России. Я его дочь, французская коммунистка. Прожила тут около года и мне нужно возвращаться в Париж. Но многое в Советском Союзе меня беспокоит, и я не хочу уезжать, не переговорив с вами". Поразительное бесстрашие, отчаянное безрассудство, или... уверенность?

После ее второго письма (!) ей позвонили от Ежова и назначили встречу. На ней, по словам Веры, она будто бы сразу заявила наркому: "За Мирского ручаюсь жизнью будущего ребенка". Ответ был классическим: "Мы зря не арестовываем". И опять меня гложет червь сомнения: слишком пафосно звучит ручательство "жизнью будущего ребенка" в устах женщины, которой хорошо был известен беспредел НКВД: ведь жизнь в те годы вообще мало что значила.

Ежов, якобы, обещал ознакомить ее с делом Мирского. Однако как-то ночью ей позвонили (всего лишь по телефону, не в дверь!) и сообщили от имени наркома, что она "немедленно отправляется во Францию". В течение считанных минут она покинула Москву.

¹ Александр Авдеенко. Отлучение. // "Знамя" №3 1989, с.18

У себя во Франции Вера пыталась навести справки через советских дипломатов, наивно интересуясь, не поступало ли из ведомства Ежова в ее адрес обещанных бумаг относительно Мирского. Никаких документов не приходило. Через какое-то время она получила письмо из Москвы от их общего с Мирским знакомого. Тот сообщал, что дошла весточка от Дмитрия Петровича: он просил прислать несколько книг и интересовался, кто родился у Веры (родилась дочь). Гучкова считала, что погиб Мирский года через два.

Близкая подруга Веры Трейл Китти Стидуорси (по матери — из княжеского рода Кудашевых) в беседе с А.Кривопаловым отзывалась о Вере как об очень талантливой женщине, с прекрасным пером, с богатейшей интуицией в общении с людьми, но... как о большой фантазерке: "Не знаю почему, но ее считали советским агентом, — добавила миссис Стидуорси. — У меня подозрений на этот счет, в общем, не было. Правда, один раз она сказала мне, что заплатила невероятную цену за свою жизнь, и есть одна вещь, за которую она чувствует себя очень виноватой. Но она так и не объяснила, что имела в виду".

Ученый же из Оксфорда Джерри Смит, досконально изучавший все, что касалось "евразийцев" и их окружения, в разговоре с автором "известинского" очерка сомнений на этот счет не испытывал. Более того, он был категоричен: конечно, Вера Трейл — агент НКВД. Причастен к советской разведке, по его мнению, был и Святополк-Мирский: "Ведь он читал лекции по основам марксизма в Кембриджском университете, и его слушателями были тогда и Филби, и Бёрджес и Маклин. С самого начала к Мирскому был проявлен особый интерес со стороны разведки СССР. Его явно прощупывали и затем завербовали. Чтобы заслужить советский паспорт, он пошел на некоторые уступки. Он не был замешан в каких-то "мокрых делах" как Сергей Эфрон (имеется в виду участие С.Эфрона, мужа Марины Цветаевой, в организации убийстве И.Рейсса, сотрудника советской резидентуры во Франции и Швейцарии, который остался на Западе — Д.С.), но идеологическую работу он проводил. Говорят, Мирскому инкриминировали троцкизм. Тучи над его головой собирались долго. Пока был жив Горький, он за него заступался. Умер Горький — Мирский оказался беззащитным", — такую точку зрения высказал в разговоре с российским журналистом оксфордский профессор. Еще раз обращаю внимание читателей, что обо всех этих деталях нам поведал корреспондент-известинец А.Кривопалов.

Кстати, о той "кембриджской пятерке". Меня всегда хотелось познать механизм, заставлявший умных, мыслящих людей принадлежавших к "интеллигентсии" по Мирскому, переходить на службу НКВД, то есть в более широком плане — работать на Советский Союз. Ведь на Западе прекрасно осознавали, что представлял собой тогда этот режим. Достаточно аргументированный ответ я получил, прочитав послесловие А.Фадины к главам из книги Алена Бросса "Агенты Москвы":

"Психологический механизм вовлечения людей из элиты в дьявольскую игру НКВД непрост, но некоторые его элементы очевидны: романтика бунта против окружающей действительности, отвержение "закона, данного Адамом и Евой", стремление прикоснуться, войти в некое невидимое всемирное братство, одухотворенное "новой верой", — на фоне атомизации, энергетического и морального упадка Запада. И эти люди просто не хотели знать о том, что такое реальный Советский Союз, им это было не важно, не нужно — они служили своей идее, своей иллюзии, отвечали своей психологической потребности..."¹

¹ А.Фадина. Очарование зла, или Что толкает за грань? (послесловие к главам из книги Алена Бросса "Агенты Москвы") // "Иностранная литература", №12, 1989, стр.249

А не так давно был положен конец догадкам относительно "деликатной" деятельности Веры Трейл. Цитирую: "В 1932 году она [Вера Трейл — Д.С.] вступила в коммунистическую партию Франции. Одновременно начала работать на ИНО ОГПУ [Иностранный отдел (разведка) Объединенного Главного политического управления — Д.С.]".

<...> Вера Александровна входила в специальную организацию по вербовке добровольцев в Испанию в 1936 году. Затем она около года пробыла в СССР. Гучкова проходила по "делу Рейсса". В 1939 году она была интернирована французскими властями. Некоторое время находилась в концентрационном лагере, откуда друзья помогли ей бежать в Лиссабон. В 1941 году Гучкова переехала в столицу Великобритании, где работала на радиостанции Би-Би-Си"¹.

А теперь некоторые дополнительные штрихи из жизни Святополк-Мирского из рассказов моего папы и его мемуаров. В середине 50-х годов в Союзе писателей папе поручили отрецензировать пьесу одного человека. Этот человек (к сожалению, папа не помнил его фамилию) незадолго до того был освобожден из ГУЛАГа, где сидел по сфабрикованному обвинению в "подготовке покушения" на жизнь Сталина. При личной встрече он поведал папе историю своей жизни.

После еврейских погромов 1904-1905 годов его мать со всей семьей переехала в Бразилию, в Рио-де-Жанейро. Молодой человек, следуя примеру своих старших братьев по классу, примкнул к рабочему движению. Его задерживала полиция: раз, другой, третий. Затем он был приглашен к начальнику полиции Рио-де-Жанейро. Стоя у окна, полицейский чиновник предложил юноше подойти поближе и сказать, что он через это окно видит.

— Синее-синее чудесное небо, — ответил задержанный.

— Так вот, — сказал начальник полиции, — давай договоримся. Или ты прекратишь свою "политику" и до скончания дней своих будешь иметь над головой это чудесное синее небо, или... или у нас будет другой разговор.

И они расстались.

Папин знакомый не внял совету начальника полиции, и вскоре последовало решение: депортировать такого-то на его социалистическую родину в СССР. В Москве он получил место на радио и работал в редакции, вещавшей на Южную Америку. Спустя какое-то время его арестовали и дали десять лет лагерей.

В лагере на Колыме он встретил Дмитрия Петровича Святополк-Мирского. Князь все время писал письма Сталину, Ворошилову, Калинин, но не получал ответа. Наконец зек Мирского вызвал начальник лагеря и, показав пачку его писем, так никогда и не покидавших пределов лагеря, бросил их в печку. Это было полным крушением представлений Святополк-Мирского о правах заключенного в СССР. Князь на это отреагировал своеобразно: он перешел в общении с окружающими на французский язык и прекратил сидеть. Он только стоял или лежал. Это была единственно доступная ему форма личного протеста. Вскоре он умер. Случилось это в 1939 году.

В свои воспоминания папа включил также рассказ своей знакомой, драматурга Аллы Борозиной, которая знала Д.П.Святополк-Мирского. Этот рассказ я привожу здесь полностью.

¹ В.И.Бережков, С.В.Пехтерева. Женщины-чекистки. СПб., Издательский Дом "Нева", М., ОЛМА-ПРЕСС, 2003, с.312

"В то время, в 1935-37 гг., Алла Борозина была молодой, красивой женщиной и водила компанию с рядом литераторов — с Валентином Стеничем, блестящим переводчиком с английского Дос Пассоса и других американских авторов и столь же блестящим молодым человеком, русским денди, как называл его Блок, с Юрием Олешей, Михаилом Светловым и Дмитрием Святополк-Мирским, который в этом обществе был самым старшим, самым сдержанным.

Как-то были они в одной компании. Олеша и Стенич скоро ушли домой. Нелегкая задача: кто последний останется с Аллой, чтобы проводить ее. Никто — ни Мирский, ни Светлов не хотели уступить этого права. Поехали провожать Аллу вдвоем. Уже доехав, выходя из машины, князь неожиданно обратился к Алле:

— Аллочка, у меня к вам просьба.

— Какая?

— Поцелуйте меня.

Это было сказано с такой силой, с такой внутренней напряженностью, что всем стало не по себе. Очевидно, долго скрываемое чувство вдруг прорвалось у князя.

— Ну, вот еще! Чего ради? — с обычной строптивостью отозвалась Алла.

— Да ладно! Поцелуй, убудет тебя, что ли? — небрежно обронил Светлов.

— Не хочу! — безжалостно отрезала Алла.

Святополк-Мирский тяжело вздохнул и, втянув голову в плечи, как будто потухнув, пошел прочь. Всю свою жизнь Алла не могла простить себе этого. Он будто хотел попрощаться с ней — навек.

В ту ночь Мирского взяли. Потом взяли Стенича, потом — мужа Аллы"¹.

"Красного князя" арестовали 2 июня 1937 года. По "подозрению в шпионаже" (ПШ) Дмитрий Петрович был осужден 28 июля на восемь лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей — Д.С.). Осенью 1938 г. доставлен на Колыму. Отбывал заключение на Атке (населенный пункт в Магаданской области — Д.С.), работал на лесоповале. В феврале 1939 г. доставлен в ОЛП (отдельный лагерный пункт — Д.С.) "Инвалидный", где скончался 6 июня 1939 г. В акте о погребении значится, что "заключенный Мирский Дмитрий Петрович, личное дело № 136848, зарыт на глубине 1,5 метра головой на запад" (Виталий Шенталинский. Расстрельные ночи. // Звезда № 5, 2007).

После возбуждения новых дел против "евразийцев" (в частности, ареста С.Эфрона) НКВД постановил этапировать Мирского в Москву для дополнительного следствия по ст. 58 п. 1 "а" УК РСФСР (измена Родине) 10 октября 1939 г.; постановление было утверждено наркомом Л.П.Берией, несмотря на то, что Мирского к этому времени уже четыре месяца как не было в живых (Сайт: http://ru.wikipedia.org/wiki/Д._Мирский).

)Завершаю я свой грустный очерк страшным по своей откровенности свидетельством — палача? жертвы? — Ивана Михайловича Гронского (1894-1985), главного редактора газеты "Известия ЦИК СССР" в 1931-1934 гг. В 1963 году он рассказывал, как еще в середине 30-х предлагал Генриху Ягоде, тогдашнему наркому НКВД, "заняться", т.е. фактически арестовать Святополк-Мирского — ведь сын царского министра, бывший белоэмигрант! "Я сказал о своих сомнениях Ягоде и просил заняться Мирским — подозрительный тип! Он говорит: ну, ты всех подозреваешь!" Гронский на этом не успокоился и рассказал о Мирском Сталину. Рука НКВД дотянулась до "красного князя" лишь в июле 1937 года уже при наркOME НКВД Ежове (Ягода к

¹ Алексей Симуков. Чертов мост. Аграф, М., 2008, сс.259-262

тому времени сам сидел в тюрьме — Д.С.). Судьба в лице сталинских чекистов покарала и Гронского: он был арестован летом 1938 года, провел в тюрьме и ссылке шестнадцать лет и вышел на свободу только в 1954 году¹.

* * *

Случайная встреча

Я хотел бы поделиться с читателями одним мимолетным эпизодом из своей жизни, который лишний раз, на мой взгляд, доказывает, что История не остается где-то в прошлом. Она — живая, она всегда присутствует в настоящем.

Как-то вечером (это было в конце 80-х) я забежал навестить по какому-то семейному случаю своих хороших друзей, которые жили на Суворовском бульваре. Там меня познакомили с их приятелем и его матушкой, также приглашенными на чай с тортиком. Дама была в весьма преклонном возрасте, небольшого роста, и за столом все больше молчала. В ходе общего разговора ее сын мимоходом, но к месту, упомянул, что его мама — по происхождению француженка и в свое время знавала самого Рихарда Зорге. Внутренне я чуть не до потолка подскочил: его величество случай предоставляет мне шанс побеседовать с настоящей француженкой на ее родном языке (в последние годы я не так активно им пользовался). А, кроме того, это уникальная возможность порасспросить об известнейшем советском разведчике человека, лично его знавшего: любая крупица сведений о Зорге — бесценна. В тот момент я даже не задался естественным вопросом — каким образом дама познакомилась с Зорге.

Я с налету перешел на французский, выразив свою радость от встречи с носительницей великого языка Флобера и Мопассана, а потом, как бы невзначай, задал вопрос о Зорге — как это все было. К моему удивлению, немногословная дама, слегка улыбнувшись в ответ, только и сказала, что это было давно, в ее далекой молодости, и что она уже мало что помнит. На этом поток информации, который я ожидал услышать, иссяк. Я был в немалой степени разочарован: живую общаться с человеком, знавшим Зорге, и такой облом!

Позже, уже придя домой, я пытался понять, почему так произошло? Может быть, я проявил излишнюю напористость, какую-то бестактность? Вроде, нет. Просто, видимо, данная тема у дамы была запрятана на самую дальнюю полочку памяти, и она не захотела ее тревожить.

Мои друзья, у которых я случайно повстречал загадочную француженку, через пару лет уехали из Москвы, а моя жизнь продолжала свой предначертанный судьбою бег. Но чувство досады меня никогда не покидало, как гончую на охоте, которая не нашла дичь: ну ведь был шанс узнать что-то такое, что никто не знает!

И вот буквально недавно, будучи в книжном магазине, мой взгляд среди десятков книг на историческую тематику выхватил название, мимо которого я пройти не мог: "Рихард Зорге — разведчик № 1?" Именно так, со знаком вопроса. Естественно, я немедленно приобрел эту книгу и углубился в чтение. Вскоре я не поверил своим глазам, прочитав следующее:

"Имелась у Рихарда и еще одна достаточно серьезная проблема. Он был недоволен своим радистом. (Знаменитого Макса Клаузена ему прислали позже — Д.С.). Все причины недовольства неизвестны, однако одна довольно неприглядная история стала достоянием

¹ Гронский И.М. Беседа о Горьком. Сб. "Минувшее". № 10 М.—СПб., 1992

гласности. Вскоре после своей легализации в Шанхае радистка шанхайской резидентуры Рене Марсо (впоследствии Элли Бронина, жена резидента) [Боже! Так это же фамилия той француженки, с которой меня знакомили лет пятнадцать назад у моих приятелей! Ничего себе! — Д.С.], получила приказ съездить в Токио и разобраться, что такое происходит с передатчиком "Рамзая". Рация была неисправна, и радист никак не мог ее починить. Рене, закончившая радиошколу, могла не только починить передатчик, но даже изготовить его. Она с немалым риском добралась до Токио, пришла на квартиру, включила рацию... и оказалось, что та прекрасно работает. Когда радиста подвергли допросу, то выяснилось, что он обманывал резидента, а на самом деле просто боялся выходить в эфир"¹.

Вот с этой-то радисткой и довелось мне тогда случайно встретиться у знакомых. Верная присяге, она столько лет хранила свою военную тайну, в том числе, как оказалось, и от меня. Да, были женщины в то время...

А спустя несколько лет, засев за свою книгу, я опять принялся за поиски. Меня заинтересовала загадочная судьба пожилой француженки, столько лет прожившей в России и, вдобавок, служившей в Разведупре РККА в звании младшего лейтенанта. Поиски мои увенчались небывалым успехом. В 2004 году издательство "Сфера" выпустило книгу С.Бронины (старшего сына Рене) "История моей матери". И опять я прибегну к пространной цитате из предисловия: "Книга повествует о француженке, начавшей политическую деятельность в 20-х годах в комсомоле Франции, затем перешедшей на работу в разведслужбы Советского Союза: жизнь на родине, специального рода поездки в страны Европы и Азии, затем — ее судьба в СССР. Эта книга — о двадцатом веке, его идеалах и жестокости, о коммунизме и фашизме... эта книга — об истории женщины, отдавшей свою жизнь Идее".

Ту книгу я прочел залпом, что и рекомендую сделать все пытливым, кто настойчиво ищет ответы в далекой истории — как, почему и зачем все это происходило.

* * *

И вновь тайны истории?..

Школа № 175 в Старопименовском переулке пережила и еще одну человеческую трагедию, помимо разлучения Светланы Сталиной с ее возлюбленным, Алексеем Каплером. Только та трагедия имела куда более страшный конец.

Дочь видного советского дипломата К.А.Уманского Нина, учившаяся в нашей школе, погибла 3 июня 1943 года от руки влюбленного в нее Володи Шахурина — сына наркома авиапромышленности и ученика этой же школы. Через два с половиной месяца, 16 августа, Нине исполнилось бы только пятнадцать лет...

Причиной трагедии стало новое назначение отца Нины в мае 1943 г. на пост нашего посланника в Мексике, куда он должен был вскоре выехать вместе с семьей. Для Володи эта новость стала личной трагедией. Вероятно, со всем своим безрассудством молодости он пытался уговорить девочку остаться, но это было невозможно — ведь она, по существу, была еще ребенком. Накануне отъезда Уманских Володя назначил Нине прощальную встречу на лестнице Большого каменного моста, что со стороны Дома на набережной. Можно лишь гадать о том, как происходило объяснение между подростками, но конец его был ужасен. Хотя, по официальным сведениям, на месте трагедии никого из свидетелей на тот момент и не было,

¹ Елена Прудникова. "Рихард Зорге — разведчик № 1?" Санкт-Петербург, Издательский дом "Нева", 2004, с.114

результаты расследования говорят о том, что Володя выхватил пистолет, выстрелил сначала в любимую, а затем в себя. Нина скончалась на месте, Володя умер через двое суток.

Я рассказал эту щемящую душу историю, связанную с нашей школой и по глубине трагедии похожую на переиначенного Шекспира — в ней как будто соединились и Джульетта и Отелло — еще и потому, что она заставляет меня содрогнуться при мысли, что над Ниной витал какой-то рок. В ночь с 25 на 26 января 1945 года, то есть спустя почти полтора года после смерти девочки, её родители погибли в авиакатастрофе. Самолёт, на котором К.А.Уманский направлялся из Мексики в Коста-Рику для вручения верительных грамот, сразу после взлета с аэродрома загорелся и рухнул на землю. Вместе с послом погибла его жена и несколько сотрудников советского посольства. То есть, если бы Нина не погибла тогда, в 1943 году, от выстрела одноклассника, то ее ждала бы смерть в авиакатастрофе в январе 1945 года вместе с родителями. Страшна эта человеческая беспомощность перед роком...

Но теперь мне хотелось бы поразмышлять над некоторыми разрозненными событиями и фактами, касающимися деятельности дипломата Уманского, которые выстраиваются у меня в некую гипотезу.

В своем труде "Американо-советская дипломатическая дуэль" молодой исследователь из США украинского происхождения Александр М. Гольдберг выдвигает версию, что гибель К.А.Уманского не была случайностью. При этом он ссылается на бытующее мнение, что это было запланированное убийство, которое осуществили советские органы госбезопасности.. "Возможно, — пишет А.Гольдберг, — что Сталина раздражала активность и популярность Уманского, также как в свое время и активность и популярность известного журналиста Михаила Кольцова, расстрелянного в 1940 году¹. И он поступил в соответствии со своим людоедским правилом: "есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы". Более того, Гольдберг приводит такую деталь, ссылаясь на ряд источников: на траурном собрании присутствовали все оставшиеся в живых сотрудники советского посольства, включая и резидента НКВД в Мексике полковника Тарасова (по паспорту Льва Петровича Василевского), который выполнил, как предполагают, приказ Кремля о ликвидации Уманского².

Но "активность и популярность" человека представляются мне все же недостаточными основаниями для его ликвидации. Впрочем, люди исчезали и по куда более мелким причинам... Я же попытаюсь подвести более "солидную" базу к трагической судьбе нашего посла. Для этого отмотаем видеопленку Истории к концу 30-х — началу 40-х годов прошлого века.

26 ноября 1941 госсекретарь США Корделл Халл передал японским представителям знаменитую "ноту Халла", положившую конец дипломатическому решению проблем взаимоотношений Японии и США. Этот документ содержал в себе 10 пунктов, составлявших, по сути, ультиматум и требовавших от Японии полного пересмотра внешней политики, ухода из Маньчжурии и фактически добровольной дипломатической капитуляции.

А 7 декабря 1941 года в ответ на эту ноту японская авиация двумя "волнами" накрыла американский флот в бухте Пёрл-Харбор. Началась Тихоокеанская война между Америкой и

¹Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд) (1898-1940) — русский советский публицист, журналист, писатель. Специальный корреспондент ряда периодических изданий, в том числе газеты "Правда" (1922-1938). Основатель и редактор журнала "Огонёк", редактор журнала "За рубежом", руководитель Журнально-газетного объединения. Был направлен в Испанию во время Гражданской войны 1936-1939 гг. в качестве негласного советника Коминтерна по политическим и военным вопросам при республиканском правительстве. Был расстрелян в период сталинских репрессий как, вероятно, нежелательный свидетель тайных операций НКВД в Испании.

² Сайт: http://www.olegold.com/pages/rad_001_003_005.shtml

Японией, что дало возможность президенту Ф.Д.Рузвельту без оглядки на своих политических противников полновесно вступить и во Вторую мировую войну, полыхавшую в Европе, поскольку Япония была союзницей гитлеровской Германии.

Появление такого ультиматума со стороны США в то время, когда подавляющее большинство американцев и слышать не хотело о втягивании их страны в далекую европейскую бойню, до недавнего времени было загадкой и с политической и с дипломатической точек зрения. Но вот не так давно эта загадка перестала таковой быть.

"Целью строго секретной операции "Снег" была ликвидация угрозы возникновения "второго фронта" на Дальнем Востоке. Средство достижения поставленной цели — резкое обострение напряженности в американо-японских отношениях. План операции разрабатывался в условиях строжайшей секретности и курировал его лично Лаврентий Берия, благословивший начало оперативных мероприятий в октябре 1940 года". (Сергей Агафонов. Тайна операции "Снег". "Известия", 06.04.1996 г.). В этом же очерке автор приводит и ссылку на японскую газету "Майнити", Токио, от 21 ноября 1995 года:

"Операция "Снег" — один из шедевров советской разведки... Ультиматум Вашингтона перечеркнул даже теоретическую вероятность японской агрессии на советском Дальнем Востоке. По мнению многих японских исследователей, он спас Москву, позволив перебросить на Западный фронт сибирские дивизии..."

Таковы сенсационные выдержки из газетных публикаций.

Обстоятельный очерк в "Известиях" раскрыл тайный механизм военного столкновения США и Японии. Оказывается, он был задуман и приведен в действие руководством советской разведки. СССР любой ценой нужно было избежать даже гипотетической возможности войны с Японией на Дальнем Востоке. Несмотря на существование Пакта о взаимном нейтралитете между СССР и Японией, подписанного в Москве 13 апреля 1941, руководство страны решило подстраховаться.

Вот что пишет по этому поводу ветеран нашей разведки В.Г.Павлов¹:

"<...> подумали мы [с Ахмеровым². — Д.С.], нет ли в современных условиях возможности "приструнить" Японию на случай появления у нее желания напасть на нас?"

Эта мысль захватила нас, и Ахмеров стал вспоминать беседы на тему американо-японских отношений со своими агентами. Один из них, назовем его "Икс", сотрудник министерства финансов США, рассказывал о своих влиятельных сослуживцах. Среди них он очень положительно характеризовал ряд антифашистов, из которых один, отличавшийся большими способностями и пользовавшийся особым расположением министра финансов Генри Моргентау, часто готовил докладные записки для президента. Его звали Гарри Декстер Уайт. Ахмеров попросил "Икса" организовать встречу с этим человеком под каким-либо благовидным предлогом

¹ Виталий Павлов. Операция "Снег". ТОО "Гей" — М., 1996, сс.20-43

Павлов Виталий Григорьевич (р. 1914), советский разведчик. Во внешней разведке прослужил полвека — с 1938 по 1988 год. В конце 30-х — начале 40-х годов руководил американским направлением Иностранного отдела НКВД. В 1943 — 1946 годах был резидентом НКВД в Оттаве (в то же время там работал по линии ГРУ и упоминавшийся мною П.Н.Ангелов — Д.С.). В 1961 — 1966 годах — заместитель начальника внешней разведки.

²Ахмеров Исхак Абдулович (1901-1975) — советский разведчик, В 1935 году был направлен на нелегальную работу в США, где завербовал ряд агентов в госдепартаменте, министерстве финансов, спецслужбах, от которых в Москву начала поступать важная информация. В 1942 — 1945 годах Ахмеров возглавил нелегальную резидентуру в США. После 12-летнего пребывания за рубежом на нелегальной работе в 1945 году вернулся в СССР, где был назначен заместителем начальника отдела нелегальной разведки.

Такая встреча состоялась в середине 1939 года, еще до начала Второй мировой войны. Ахмеров познакомился с Уайтом ["уайт" по-английски — "белый", отсюда и название операции "Снег" — тоже белый — Д.С.], выдавая себя за сиолога, занимающегося проблемами Дальнего Востока. Ему вспомнилось, что, когда, следуя легенде, он сказал, что вновь собирается в Китай, Уайт выразил желание встретиться с ним по возвращении из тех "интересных краев".

<...> Уайт был убежденным антифашистом и действовал сам в соответствии со своими убеждениями в нужном для нас направлении. Сейчас в Москве Ахмеров под влиянием наших рассуждений подумал, что возможности заместителя министра финансов очень быгодились. ... Ведь современная политика Токио в тихоокеанском регионе прямо угрожает интересам Соединенных Штатов и их союзников.

<...> Мы пришли к выводу, что Уайт мог бы оказаться весьма кстати. Он продолжал пользоваться полным доверием Г.Моргентау. Министр верил ему, разделял его оценки и использовал их в своих записках президенту Рузвельту и госсекретарю Корделлу Халлу.

<...> Нарком [Лаврентий Берия — Д.С.] вызвал меня [Павлова] в октябре 1940 года. Разговор с ним был предельно кратким. Он спросил, понимаю ли я всю серьезность предлагаемой операции? Детали его не интересовали, их не обсуждали.

— Сейчас же, — строго наказал Берия, — готовь все необходимое и храни все, что связано с операцией, в полнейшей тайне. После операции ты и Ахмеров должны забыть все и навсегда. Никаких следов ее ни в каких делах не должно остаться".

<...> В конце апреля я выехал в Соединенные Штаты, прикрываясь миссией дипломатического курьера....

<...> В десять я открыл дверь телефонной будки. Когда раздались гудки на другом конце провода, мне показалось, что время остановилось. И вдруг среди напряженного ожидания прозвучало: "Уайт слушает". Я назвал себя, как десятки раз было отрепетировано с Ахмеровым, сказал, что звоню по просьбе моего преподавателя Билла, который все еще находится на Дальнем Востоке, и выразил готовность встретиться с Уайтом, если он желает узнать о Билле и выслушать, что тот просил передать ему.

<...> Главное, чего мне нельзя было упускать из виду, это то, что Уайт — ответственный сотрудник американского государственного учреждения, и я не собирался предлагать ему ничего такого, что выходило бы за рамки закона или ущемляло бы интересы США. Наоборот, все идеи Билла предполагали защиту национальной безопасности Соединенных Штатов. Кроме того, памятуя о твердых антифашистских убеждениях Уайта, я собирался подчеркнуть, что эти идеи продиктованы стремлением противодействовать германскому фашизму и японскому милитаризму.

Чувствовалось, что Уайт готов был с интересом выслушать мои пояснения о цели встречи. Я не заставил его ждать. Передал привет от Билла из далекого Китая, добавив, что мы с ним друзья, вернее, он мой наставник, которого я глубоко уважаю.

— Билл немного рассказал мне о вас, — начал я, — и попросил об одолжении, которое я охотно выполняю. Он подчеркивал: то, что я собираюсь передать вам, очень актуально и его нельзя откладывать до тех пор, когда он вернется на родину и встретится с вами.

<...> Извинившись за то, что не очень полагаюсь на свои знания английского, я положил перед Уайтом небольшую записку. Прочитав ее, мой визави воскликнул, что его поражает совпадение собственных мыслей с тем, о чем, судя по тезисам, думает и Билл".

<...> Сейчас, когда я смог ознакомиться с текстами записок, подготовленных Уайтом для Г.Моргентау и доложенных осенью 1941 года президенту Ф.Д.Рузвельту, мне стало ясно: краткие тезисы Билла [читай, Ахмерова — Д.С.], переданные мною, автор развил в убедительные аргументы, которые принял на вооружение Белый дом".

А теперь информация из другого, часто цитируемого мною источника, — воспоминаний П.А.Судоплатова¹. Во-первых, он без обиняков пишет о том, как готовился Пакт о взаимном нейтралитете между СССР и Японией, а, во-вторых, он достаточно подробно освещает роль К.А.Уманского во всех этих дипломатических хитросплетениях:

"<...> Когда встал вопрос о заключении пакта с Японией о ненападении и нейтралитете, мы прилагали большие усилия к перепроверке наших американских источников, чтобы выявить, каким образом можно воздействовать на американскую политику на Дальнем Востоке. Кроме того, нам было крайне важно знать, насколько реально военное столкновение японцев с Соединенными Штатами.

<...> 16 июля 1941 года резидент НКВД в Китае А. Панюшкин доложил в Москву о реакции Чан Кайши, китайского правительства на фашистскую агрессию против СССР. Указывалось на то, что они рады этому нападению, этой войне, считая, что вслед наступит черед выступления Японии против Советского Союза и она вынуждена будет прекратить активные боевые действия в Китае.

Нужно отметить, что в то же время в Китае находился Лочлен Кэри — помощник президента Рузвельта по Дальнему Востоку. Будучи членом негласного аппарата компартии США, он... передал советскому резиденту в Нью-Йорке исключительно важные данные об обстановке в Китае и перспективах нападения Японии на Советский Союз.

Именно Кэри оказывал сильнейшее влияние на формирование американской политики противодействия японской агрессии в Китае и на Дальнем Востоке. При этом он опирался на своего коллегу по негласному сотрудничеству с компартией США и с нами Г. Уайта ("Кассира"), который занимал высокую должность в министерстве финансов США и периодически готовил экономические обоснования американских мер относительно японской агрессии на Дальнем Востоке.

Интересно, что эта информация об итогах поездки Кэри в Чунцын (по линии НКВД из Нью-Йорка от Пастельняка и из Китая от Панюшкина) совпала с официальным уведомлением советского посла Уманского, которого вызвал заместитель Госсекретаря США С. Уэллес и проинформировал его о том, что не исключено выступление Японии против Советского Союза. Вместе с тем сразу же после встречи с ним Уманского советская разведка сообщила Сталину и Молотову, что, по сведениям из ближайшего окружения президента Рузвельта, "американцы не заинтересованы в том, чтобы втянуться в войну с Японией, что президент проявляет очень большую осторожность в введении эмбарго против Японии, ибо санкции могут ударить таким образом, что японцы вынуждены будут за нефтью двинуться в Юго-Восточную Азию, что спровоцирует войну".

И далее:

"<...> Определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране будет Уманский, наш посол в США... Имейте в виду, — наставлял Берия, — что

¹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, сс.150, 369-370, 13, 47, 77, 150-151

Уманский будет выполнять одновременно ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке.

<...> Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941 – 1942 году в коридоре 7-го этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939-1941 годах шло один на один.

<...> Генри Моргентау был правой рукой президента США Рузвельта. А одним из главных консультантов Моргентау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гари Декстер Уайт, он же "Кассир" в нашей переписке. Под прикрытием урегулирования с советским послом вопросов задолженности, признания царских долгов Моргентау и Уайт зачастую в неформальной обстановке передавали советской стороне исключительно ценную внешнеполитическую информацию об отношении правящих кругов США к развязыванию войны в Европе и японской агрессии на Дальнем Востоке.

<...> Уайта нельзя рассматривать, даже при некоторой нашей скромной материальной поддержке в годы войны, как платного агента НКВД. Он был, скорее, доверенным лицом Советского правительства, встречаясь с его высокопоставленными представителями в США. Наша резидентура лишь способствовала этому... Именно таким образом в годы войны Уайт способствовал решению важнейших вопросов экономической помощи Советскому Союзу и поставки вооружений по ленд-лизу, а также в 1944-1945 годах, когда речь шла о послевоенном экономическом устройстве в Европе и выплате Советскому Союзу репараций в объеме 20 миллиардов долларов за ущерб от гитлеровской агрессии.

<...> Все материалы операции "Снег", со слов Павлова, докладывались Берии и по его указанию впоследствии были уничтожены".

Такие свидетельства оставил нам П.А.Судоплатов.

Уже в августе 1945 года Уайт попал под "колпак" ФБР, которое подготовило на него соответствующее досье. Но тогдашний президент Трумэн данным ФБР не поверил или счел их недостаточными. Более того, он назначил Уайта в апреле 1946 года первым американским "послом" в Международном валютном фонде.

Спустя пять лет после скоропостижной смерти Уайта от "сердечного паралича", последовавшей в 1948 году, в США разгорелся грандиозный скандал: Уайт был напрямую обвинен в сотрудничестве со сталинской разведкой. Однако скандал этот быстро замяли: он бил невыгоден и республиканцам и демократам — слишком обширны были связи у этого человека.

И после пространного изложения событий давно минувших, я перехожу к своему предположению, поскольку все вышеприведенные факты, связанные с таинственной операцией "Снег", дают, как мне кажется, на это полное основание. А не "убрали" ли и наши спецслужбы К.А.Уманского, который, вероятно, слишком много знал о весьма чувствительных моментах в нашей совместной с США истории времен Второй мировой войны? Правда, возникает вопрос, а каким образом удалось тогда выжить и Павлову и Ахмерову?.. Но это уже тема для отдельного расследования.

* * *

Осколки

Великое и малое

В свое время мне довелось провести целый день в Каирском музее. Я бродил по полутемным залам как замороженный, потому что мог увидеть великое прошлое. И когда я уже настолько был переполнен впечатлениями и эмоциям, что, казалось, ничего больше не смогу воспринять, мне на глаза попала небольшая застекленная витрина. В ней были разложены небольшие — до 15-20 сантиметров — плоские необработанные сколки светлого камня, на которых были изображены в легком эскизном стиле какие-то детали декора, отдельные изображения птиц и животных. На законченные произведения они никак не походили. Я поинтересовался у служителя музея, что это за осколки. — "Это рабочие наброски художников, архитекторов, скульпторов, занятых на постройке пирамиды. Это их своеобразный блокнот для зарисовок, художественное размышление, поиск верного решения в миниатюре" — пояснил тот.

Я долго не мог отвести взгляда от этой удивительной витрины, мысленно проводя параллель между крохотной частью и большим целым, между следствием и причиной (или наоборот) — набросками на камне и пирамидой.

Рискуя вызвать у читателя саркастическую улыбку и обвинение в самовозвеличивании, я, тем не менее, хочу представить на его суд и свои небольшие, эскизы—наброски—зарисовки—осколки, которые иногда рождались сами собой, когда я писал свою книгу.

* * *

Близнецы-братья?

Насколько мне известно, никто до настоящего времени не обращал внимания на тонко завуалированную пародию в изображении горе-диктатора Петра Петровича Гарина в известном романе Алексея Толстого о страшном гиперboloиде инженера Гарина, предтечи современного лазера. А ведь гаринская жестикуляция, манера разговаривать с людьми практически один к одному списана с Ленина! Сколько раз мы читали, видели в кинофильмах, театральных постановках эту его позу — руки в проймах жилета, покачивание с каблучков на носки и экзальтированно-насмешливый тон в разговоре с собеседником.

Читаем у Максима Горького о Ленине:

"Коренастый, плотный. С черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то ...победоносно-петушиное..."¹

Читаем у Алексея Толстого о Гарине:

"Гарин заложил руки в карманы, встал на каблучки, покачиваясь и улыбаясь красным, точно накрашенным ртом. Весь он казался фатоватым, несерьезным. Одна Зоя угадывала его стальную, играющую от переизбытка преступную волю.

— Во-первых, — сказал он и поднялся на носки, — мы не питаем исключительной вражды к Америке <...> Во-вторых, — он перешел с носков на каблучки, — мы отнюдь не

¹ М.Горький. В.И.Ленин. собр.соч, т.18, Гос. изд. Художественной литературы, М., 1963, с. 273

настаиваем на драке. Если военные силы Америки и Европы признают за нами священное право захвата любой территории, какая нам понадобится, право суверенности и так далее и так далее, — тогда мы оставим их в покое, по крайней мере в военном отношении"¹.

За исключением рук в карманах и красного рта, все остальное — зеркальное отражение любимой позы вождя мирового пролетариата. А утверждение о священном праве захвата любой территории, "какая нам понадобится" — это же краткое изложение ленинской программы мировой революции! И не угадывается ли (хотя, на мой взгляд, это уж слишком) в другой героине этого эпизода, красавице Зое, известная революционерка-интеллектуалка Инесса Арманд, единственно близкая Ленину женщина, перед которой он в лице Гарина так распускает здесь перья?!

* * *

Мамай и детская присловица

В подтверждение моей неколебимой веры в то, что История не остается в прошлом для человечества, что она незримо, а то и явно присутствует в нашей реальной повседневной жизни, приведу еще один маленький пример.

Всем известна фраза "как Мамай прошел", когда мы хотим описать полный разгром и опустошение (кстати, Мамай нужно писать с маленькой буквы — имеется в виду не предводитель татаро-монголов, а "мамай" — воин). "Возраст" этого сравнения перевалил за 800 лет.

Но вот недавно я столкнулся с еще более потрясающим свидетельством близости к нам тех далеких времен. Пожалуй, не было ни одного поколения младенцев-россиян, которые не слышали бы знаменитый императив, побуждающий к послушанию: "Идет коза рогатая за малыми ребятами, кто кашку не ест, молока не пьет, того — бу-у-у, забоду-у-у, на рога посажу".

Оказывается, эта детская присловица уходит своими корнями в невероятную древность, чуть ли не в VIII век, и ничего общего не имеет с симпатичной белой козочкой. Изначально это присказка звучала так (услышал в одной передаче моей любимой радиостанции "Эхо Москвы"): "Идет к(х)озар рогатой за малой ребятой". Это испуганные матери шептали своим непослушным чадам — нашим далеким предкам — имея в виду воинов Хазарского каганата, носивших для устрашения противника рога на своих шлемах.

* * *

007: номер паровоза или агента?

Неожиданный вопрос, который, на первый взгляд, может показаться элементарным: что общего между Киплингом и Флемингом? Ответ, лежащий на поверхности, может быть, например, таким: оба они англичане, оба — писатели (о степени таланта каждого умолчим). Те, кто знает английский язык и обладает большей склонностью к анализу, отметят, быть может, "инговые" ("—ing") окончания их фамилий, что свойственно грамматике этого языка.

А вот еще одна неожиданная параллель. Она возникла у меня, когда я случайно натолкнулся на рассказ Р.Киплинга "007", который впервые был опубликован в журнале "Скрибнерз Мэгезин" ("Scribner's Magazine") в августе 1897 года. В нем повествуется об "американском локомотиве 007 о восьми ведущих колесах" и его "общении" со своими братьями различных конструкций. Перед читателем разворачивается увлекательный мир железных дорог конца XIX века через диалоги между этими локомотивами. Но вот знакомое

¹ Алексей Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. "Детская литература", М., 1983, с.164

сегодня каждому человеку сочетание цифр "007" позволило мне сделать следующее предположение. У меня создается впечатление, что "цифровое" название этого рассказа каким-то образом "подсказало" Яну Флемингу, который, несомненно, хорошо знал творчество своего старшего собрата по перу, идентификационный номер Джеймса Бонда — величайшего и непобедимейшего агента всех времен и народов. И никакого "сакрального" смысла эти самые два нуля (!), свидетельствующие, по мнению толкователей "бондианы" о, якобы, "праве на убийство", не несут.

Напрашивается и еще одна параллель: и Киплинг и Бонд всем своим талантом отстаивали ценности западного мира и снискали себе на этом поприще многочисленных сторонников по всему свету.

* * *

"На горе Арарат растет красный виноград"

Все знают библейскую легенду о том, как Ной построил свой ковчег и, взяв "всякой твари по паре", спас тем самым жизнь на земле от Всемирного потопа. Известно также, что портом назначения он выбрал священную гору Арарат. Или, скорее всего, не будучи искушенным мореплавателем, он просто причалил к вершине первой попавшейся скалы посреди бушующих волн, которая и оказалась той самой горой Арарат. Так эта географическая точка вошла в историю человечества. А самого Ноя мои друзья из солнечного Айястана называют запанибратски — "наш еврей из Армении". Кстати, до сих пор время от времени мир сотрясают сенсационные заголовки газет: "Найден Ноев ковчег!", оказывающиеся впоследствии или вульгарной "уткой", или добросовестным заблуждением людей, страждущих чуда.

В наше время, в начале 20-х годов прошлого века, библейское реноме Арарата было подмочено сомнительной политической сделкой Ленина с Кемалем Ататюрком, в результате чего Арарат оказался на турецкой территории¹. "Наши" армяне, для которых Арарат всегда был и есть таким же священным символом, как для японцев — Фудзияма, с того времени довольствовались лишь отдаленным видом на него, да изображением заснеженной вершины Арарата на гербе Армянской Советской Социалистической Республики времен Советского Союза.

Я вовсе не собираюсь далее рассказывать читателю обо всех библейско-историко-политических перипетиях, связанных с Араратом — меня эта тема привлекла однажды совсем иной своей стороной.

В своем архиве я обнаружил вырезку из газеты "Труд" от 6 апреля 1999 года, озаглавленную "Подарок для Кима Филби". Автором ее был обозначен Игорь Атаманенко, "ветеран службы безопасности". В небольшом очерке говорилось о деятельности нашего прославленного разведчика родом из туманного Альбиона — Кима Филби, — в частности, в бытность его резидентом... британской разведки в Стамбуле. И вновь не эта, полная тайн, интриг и многоходовых операций сторона деятельности Филби заинтересовала меня — о ней написано множество книг, да и сам разведчик оставил немалое мемуарное наследие.

Я был поражен одним из примеров работы английской контрразведки — МИ-5 — в связи с "делом Филби". А было это, как описывает автор очерка, так.

¹ 16 марта 1921 был подписан Московский договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией, фактически определивший современную армяно-турецкую границу. В соответствии с договором турки оставили Александрополь и часть захваченных земель, но в составе Турции остались Карс, Ардаган и Артвин, ранее входившие в Российскую империю/

В связи с успешным выполнением одной из закордонных операций по заданию советского руководства (кстати, связанной с Грузией; для нас, современников, это немного странно: ведь Саакашвили тогда еще не родился...) и по случаю 35-летия разведчика по личному указанию Сталина для Кима Филби был изготовлен небольшой — сантиметров 40 на 25 — памятный подарок: скульптурное изображение горы Арарат. Причем здесь Арарат, когда операция касалась Грузии, никто теперь уже и не объяснит. Вроде и Филби армянином не был... Впрочем, Вождь всех народов обладал весьма своеобразным чувством юмора, да и вкусом тоже.

Над уникальным сувениром потрудились лучшие художники и ювелиры, используя для воплощения высочайшего замысла ценные породы реликтовых деревьев, инкрустацию золотом, патиной и мельчайшие бриллианты, вкрапленные в заснеженные вершины подарочного Арарата.

Разведчик был тронут таким признанием своих заслуг и при переездах из одной страны в другую всегда брал с собой этот подарок и помещал его в новом жилище на самом видном месте. Долгие годы любопытные гости Филби не переставали интересоваться происхождением этого чуда художественного мастерства. Хозяин же привычно отвечал, что вещице больше ста лет, и что приобрел он ее "по случаю" у стамбульского старьевщика. Объяснение было вполне исчерпывающим, и гостям оставалось лишь вновь выражать свои восхищения тонким вкусом хозяина.

Когда грянул гром, и в 1963 году в связи с угрозой неминуемого разоблачения разведчику пришлось срочно покинуть страну своего пребывания (тогда это был Бейрут) и перебраться в СССР, — только тогда он расстался со своим дорогим подарком, ускользнув налегке.

Прибывшая из Лондона группа сотрудников британской контрразведки — МИ 5, немедленно приступила к тщательному обследованию всех оставшихся личных вещей Филби, стремясь добыть материальные подтверждения его связей с советской разведкой. Однако все их усилия были напрасны: никаких доказательств или даже каких-либо косвенных подтверждений этому обнаружено не было.

И тут, в самый последний момент, одна женщина-эксперт, или, по-нашему, "искусствовед в штатском" только настоящая, без иронического подтекста, обратила внимание на сталинский подарок: чем-то он ее насторожил. Предмет роскоши был немедленно подвергнут самому скрупулезному изучению. С помощью специальной аппаратуры удалось установить, что это — подделка под старину, и что ей не более двадцати лет. Дальше — больше. Как говорится, экспертный коготок увяз, так и всей разрабатываемой птичке конец. И точно. Неопровержимая улика шпионской деятельности Филби в пользу Советов была найдена.

Здесь я снимаю шляпу перед достойными аналитиками-наследниками Шерлока Холмса. Дело в том, что вершины Арарата в той последовательности, в которой они были воплощены в сувенире на его передней, "парадной" части, можно было обозревать ТОЛЬКО с территории Советской Армении, но никак не из Турции. Значит, мастера-исполнители находились в..., и, следовательно, мистер Филби был...

"Элементарно, Ватсон!" — так традиционно мог бы завершить пояснения по этому делу своему другу Шерлок Холмс, если только все описанное действительно имело место...

* * *

"Корморан" — Кара-Мор — Nevermore

Мой любимый уголок Западной Австралии — город Перт и порт Фримантл, где я побывал в 1972 году, — не так давно открылись мне еще с одной стороны. Это связано с героическим

вкладом Австралии в нашу общую с союзниками победу над фашизмом во Второй мировой войне.

В 2008 году я прочел, что в 241 километре от милой моему сердцу бухты Шарк Бэй (Акуля бухта), где мы так бездумно плескались в Индийском океане под присмотром бдительной службы "антиакульего" наблюдения, были найдены обломки немецкого судна "Корморан"¹. О, это был не простой корабль. Он представлял собой рейдер, переоборудованный после начала войны из недавно построенного дизель-электрохода "Штайермарк". На его палубах установили замаскированные пушки и торпедные аппараты, а в трюмах — мины заграждения, два разведывательных гидросамолета и торпедный катер. Судно в 8736 тонн развивало скорость 18 узлов и могло принять столько топлива и снаряжения, чтобы четырежды обойти земной шар по экватору.

Подобным судам немцы дали название "Истребитель торговли". Попросту говоря, это были самые что ни на есть пиратские суда, только что без "веселого Роджера" с черепом и костями на мачте (впрочем, эту эмблему ранее присвоили себе эсэсовцы).

Для меня мрачное название этого пирата — "Корморан" окрашено еще и сугубо личным восприятием: в папином фильме-сказке "Волшебное зерно" злого и страшного колдуна звали Кара-Мором. "Корморан" и Кара-Мор: оба почти совпадают по звучанию. Оба воплощают зло. Кроме того, "Корморан" у меня напрямую ассоциируется опять же по созвучию и со знаменитым "Вороном" Эдгара По: "Каркнул Ворон: "Nevermore!" И это "Никогда!" стало страшным приговором многим морякам, погибшим в результате нападений этого пиратского судна.

Покинув оккупированный норвежский порт Ставангер и ускользнув от англичан, "Корморан" достиг Индийского океана, где разбойничал почти год. Замаскированный под безобидное судно, он топил транспорты союзников и нейтральных государств. В последнем своем маскараде рейдер изображал голландца "Страат Малакка". Его командир решил заминировать подходы к портам Западной Австралии, куда направил свой корабль 19 ноября 1941 года.

Примерно в 16 часов сигнальщики "Корморана" увидели на горизонте прямо по носу дым приближающегося судна. Это был крейсер "Сидней" — гордость австралийского военно-морского флота, который шел на юг во Фримантл (Господи! Я же в том порту все доки облазал, а его руководство рассказало нам о его внушительном грузообороте). По законам военного времени любое встречное судно полагалось досмотреть. "Сидней" погнался за удиравшим "Кормораном", полагая, что это всего лишь "купец". С расстояния 800 метров немцы открыли огонь и сразу же разнесли мостик "Сиднея", уничтожив вдобавок артиллерийский пост. Они также пустили торпеды. Со вторым залпом рейдера ответили пушки "Сиднея", но солнце слепило наводчиков, а немецкие снаряды продолжали уничтожать башни австралийского крейсера.

Однако и в "Корморан" угодили три шестидюймовых снаряда, в машинном отделении начался пожар. Около 18 часов 30 минут "Сидней" оказался вне досягаемости огня артиллерии рейдера и бой прекратился. На борту тонущего "Корморана" находилось 397 моряков, которые спаслись на шлюпках, и были интернированы в город Перт.

Крейсер "Сидней" со всеми 645 членами экипажа, несмотря на тяжелейшие повреждения, все же своим ходом медленно двинулся к берегу. Моряки были убеждены, что дотянут и спасут

¹ Корморан — баклан — за свое черное оперение и хищные повадки его зовут еще морским вороном.

свой корабль. Но начавшийся шторм оторвал нос поврежденного крейсера, и тот практически мгновенно затонул. Об этом поведали подводные съемки: большинство спасательных шлюпок крейсера были на своих шлюпбалках. А на дне остались лежать разбросанными грубые матросские башмаки, как скорбная память о той трагедии. Их не смогло уничтожить время.

Гибель "Сиднея" стала самой большой потерей, понесенной военно-морским флотом Австралии в годы Второй мировой войны¹. И в далекой и безмятежной на первый взгляд стране под Южным крестом разыгрывались свои трагедии...

* * *

Старый альманах

Я держу в руках немного потрепанный по краям, без обложки, немецкий альманах "Galerien Flechtheim", вышедший в апреле 1930 года и неизвестно каким образом оказавшийся в нашей семейной библиотеке. Этот альманах с 1920 года издавало объединение художественных галерей "Flechtheim". Большей частью он состоит из статей о музыке, театральных постановках, анонсов художественных выставок — "100 акварелей Марка Шагала", "100 акварелей Родена". Статьи: "Музыка в Америке", "Музыка в Англии", "Новые ритмы во Франции", "Радио сегодня", "Назад к романтической опере", "Массовые сцены у Станиславского и Мейерхольда".

Листаю страницы альманаха. Даже не зная немецкого языка, удивляешься основательности его статей (судя по объему и фотографиям), разнообразию материала. Всплывают неизвестные для непрофессионала фамилии музыкантов, дирижеров. Какие-то карикатуры на популярных исполнителей, музыкальные автографы Баха, Вагнера, Бетховена, Стравинского.

А вот и фото Курта Вайля, автора музыкального хита всех времен — "Мекки-ножа" из брехтовской "Трехгрошовой оперы". Рядом соседствует фото Отто Клемперера — известнейшего немецкого дирижера, встречу с которым так ярко описала Наталья Сац² в своих воспоминаниях "Новеллы моей жизни". На соседней странице — мальчик в коротеньких штанишках, играющий на скрипке. Да это же великий Иегуди Менухин!

А в театральном разделе помещены прекрасные фотографии сцен из спектаклей советских режиссеров: гоголевского "Ревизора", "Командарма-2" Сельвинского в постановке Мейерхольда, "Антигоны" Таирова. Даже эти небольшие фотографии говорят о прорыве в сценографии, революции в режиссуре, совершенных этими Мастерами. Становится ясным, из каких вечных источников до сих пор черпают свои идеи некоторые современные режиссеры.

Вот на нас жестко глядит Всеволод Эмильевич. А на фото слева — Станиславский, не запятанный еще своей теорией, улыбающийся своему невидимому собеседнику. В руках у Константина Сергеевича что-то вроде оригами — бумажного журавлика, сложенного из бумаги. И все эти люди живы, полны задумок, планов...

Мейерхольд тогда еще не знал, что напишет страшное письмо о нечеловеческих пытках, которым его подвергнут в сталинских застенках. А читатели альманаха еще не знали, что через три года жизнь в Германии перевернется, и что весь мир с содроганием будет произносить слова "Гитлер, война, фашизм, Освенцим, Холокост"...

¹ Газета "Правда", 16.03.2008.; "Поиски крейсера "Сидней", австралийский д/ф, 2008

² Наталия Ильинична Сац (1903-1993), режиссер, театральный деятель, основатель и руководитель детских театров, активный пропагандист музыкального искусства для детей. Создатель первого в мире театра для детей.

* * *

Информационный абсурд

Не без помощи наших полковников на военной кафедре Иняза выяснилось, что моя любимая фонетика имеет чисто прикладное значение в специфической сфере. Проблема определения речевых характеристик личности для ее последующей идентификации хорошо показаны в романе А.Солженицына и в одноименном телефильме "В круге первом". Помните, там ученые в энкаведешной шарашке корпят над анализом магнитофонной записи разговора человека, позвонившего в американское посольство.

Известно, что человеческий голос с его специфическими обертонами, является такой же неизменной характеристикой человека, как и дактилоскопический рисунок подушечек его пальцев. С появлением компьютеров, современных приборов и научных разработок в области фонетики задача идентификации человека по его речевым характеристикам сегодня значительно облегчилась. Это особенно важно в связи с глобальным распространением терроризма. Но какой же объем информации необходимо оперативно переработать, чтобы в кратчайшие сроки получить материал, пригодный к дальнейшему анализу!

Приведу лишь один пример работы Агентства национальной безопасности США — АНБ (National Security Agency, NSA), организации куда как более независимой и богатой, чем ЦРУ (сведения взяты из газеты "Московский комсомолец"). С удовольствием воспользовался бы данными о работе нашей соответствующей службы, да нет их в открытом доступе.

На АНБ работают более 100 000 человек. Оно отслеживает представляющие хоть малейший интерес телефонные переговоры, факсы, компьютерную почту, сигналы спутников. Каждый день Агентство фильтрует миллионы переговоров в поисках нужных данных. Одно из направлений работы — отслеживание номеров телефонов из списка "особой важности". Компьютеры АНБ автоматически определяют тысячи людей: политиков, дипломатов и даже самих террористов — по голосу. Существует также постоянно обновляющийся список ключевых слов, использование которых привлекает внимание "автофильтровщиков". После отсева каждый день примерно от десяти до пятнадцати тысяч разговоров становятся предметом более детального анализа. АНБ сдержит в Инернете странички-ловушки: компьютеры тех, кто случайно забрел туда, становятся для Агентства "прозрачными". Кроме того, используются спутники-ловцы "картинок", которые могут различать объекты величиной около 10 сантиметров.

Чтобы предметнее представить себе весь этот чудовищный объем информации, служащие Агентства предложили такой образ: по конвейеру каждые три часа проезжает "пачка" исписанной бумаги в 2 метра шириной, 2 метра высотой и 20 метров длиной. Это 80 кубических метров информации! А в сутки и того больше — 64 кубометра! Серьезные ребята, только и у них бывают сбои: теракт 11 сентября 2001 года прошляпили. Оправдание: "Не успеваем все просматривать". Но тогда весь этот колоссальный труд низводится до абсурда?¹ Где выход?

* * *

Изречения мудрых

С незапамятных времен люди собирали изречения мудрых, чтобы и самим поучиться у них и другим дать возможность вкусить из их чаши. В книжных магазинах продается масса

¹ Газета "Московский комсомолец", 12.08.06

сборников цитат и афоризмов великих. Но ведь они могут рождаться и сиюминутно и не успеть попасть на страницы таких сборников. Здесь я хочу провести некоторые высказывания, заповеди, мысли, которые мне встретились и меня взволновали, потому что созвучны моему "я". Хотелось бы верить, что над ними задумаются и мои читатели.

"Не следуй за большинством на зло!" — Одна из заповедей Священной Торы.

"Когда душа человека жаждет чуда, — сделай ему это чудо, если ты в состоянии" (слова Грея) — Александр Грин. "Алые паруса".

"К сожалению, долгое плавание на бригантине под алыми парусами... непременно заканчивается кораблекрушением". — Мирон Рейдель, режиссер и драматург (из письма ко мне)

"С изобретением Интернета толпа приблизилась к человеку"

"Многообразие — образ наших мыслей"

"Нельзя привлекать к себе время, иначе онокинется тебе в объятия"

"Помни, что у тебя есть совесть, и делай что хочешь". — Михаил Жванецкий

"Совесть — это чувство, пронизанное сознанием". — Максимилиан Волошин

"Мы моральны не потому, что есть Бог. Бог есть потому, что мы моральны". — Иммануил Кант

"Плохой вкус ведет к попиранию человеческой морали". — Борис Пастернак.

"Царствует время, а не царь" — грузинская пословица.

"Память — это человеческое измерение истории" — (кто-то)

"Живите вместе с жизнью: не спешите беду нагонять, и не отставайте — беда нагонит".

"...Так было от первого рождения, и так будет, пока серебряные гвозди звезд удерживают чашу Неба над прекрасным ликом Земли". — Василий Ливанов ("Агния, дочь Агнии". Сказание о скифах (Журнал "ЮНОСТЬ" №8, 1976)

"...Сейчас очень опасная ситуация. Стадо человеческое опять взывает к вожакам, стаду всегда нужен вожак, это известная психология люмпенов, примитивов, животных по определению. Быть свободным и культурным очень трудно." — Александр Рекемчук, писатель и сценарист (из интервью "Литературной газете" (№35, 27 августа-2 сентября 2003)

"Б-г у кабаллистов — это сумма всех законов мироздания, имеющих чувственную основу и, следовательно, разум" — (откуда-то)

"Жизнь все больше превращается в интеллектуальную работу". — Светлана Алексиевич, писатель

"Глупость — это не отсутствие ума, это такой ум" — генерал Александр Лебедь.

"Не сбивайте меня новыми фактами, я уже все решил" — это полная противоположность научному подходу" — писатель-фантаст Артур Кларк.

Древние греки говорили, что красота — это совокупность противоречий, приведенных в состояние гармонии

"Одно совершенно точное правило: нельзя переходить грань искусства. Если тебе мала площадь искусства, передвинь эту грань на несколько метров или километров, но только не переходи ее". — Михаил Светлов (Лидия Либединская. Зеленая лампа и многое другое. ОАО Издательство "Радуга", М., 2000, с.173)

"Никогда не знаешь, что у этих русских еще произойдет в прошлом" — баронесса Маргарет Тэтчер

"Я боюсь, что у русской литературы только одно будущее: ее прошлое" — Евгений Замятин, писатель

"Заговор против России, несомненно, существует — в нем участвует все население России" — Виктор Пелевин, писатель

"Проблема нашего государства в том, что оно не создано, чтобы им управлять". — Юлия Латынина, писатель, журналист

"Патриотизм — это свирепая добродетель, из-за которой пролито вдесятеро больше крови, чем от всех пороков вместе". — Александр Герцен.

"Патриотизм — разрушительная психопатическая форма идиотизма". — Бернард Шоу.

"Инакомыслие — это высшая форма патриотизма". — Т.Джефферсон, автор Декларации Независимости США

"Пожилым людям многое надо прощать — так с ними легче жить..." — Дина Рубина, писательница

* * *

Случайно я как-то услышал, что система моральных ценностей — читай, идеалов — времен королевы Виктории в моей обожаемой Англии сводилась к трем главным — но каким! — основополагающим принципам:

1. Трудолюбие.
2. Умеренность.
3. Опора на семейные ценности.

Перечитывая в последний раз свою рукопись перед тем, как сдать ее в редакцию, мне показалось, что моя жизнь и жизнь всей нашей семьи этим принципам соответствовала. Мне будет приятно, если с таким выводом согласится и мой читатель.

На моей фамилии заканчивается род Симуковых по мужской линии. Он останется только в памяти наших родных и близких и еще — в папиных и моих воспоминаниях. Но он — останется.

Москва — Пахра, весна 2010 г.

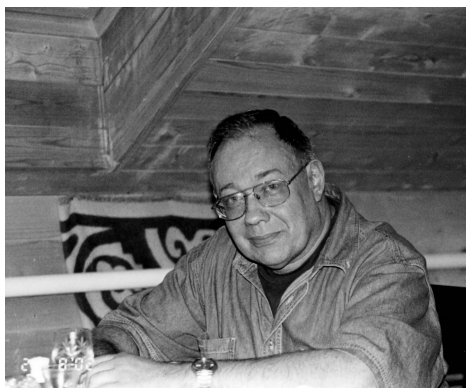
Оглавление

Об этой книге и ее авторе	3
Вместо предисловия	5
ГЛАВА I. Обо всех моих и обо мне	7
Замоскворецкий клан Бабыкиных – Ароновых	7
Прибалтийско-немецко-русский клан Миллеров	15
Друзья бабушки	22
Соединение Миллеров с Симуковыми	23
Безмятежное детство и превратности судеб людских	28
Мой папа	30
Замоскворечье соединяется с "Бармалеевым" Петербургом	43
Мамин путь	44
Наша "Воронья слободка" на Арбате	49
Рассказ о моей сестре	54
Евпатория. Мамы-героини. Поездка по Крыму	62
К бабушке, в Хрущевский	69
Тетя Аля и дядя Толя	73
ГЛАВА II. Мой детский мир. Большие перемены	77
Игрушки детства	77
Семейное чтение	81
Театр как Храм	87
Семейные традиции. Новый год	89
"Ёлки" общественные	100
Мамина Пасха	101
Дачная жизнь в Мичуринце и в Икше	106
Всеобщий мóрок	108
Перемены в нашей жизни	110
Сосед по дому из "дела врачей"	119
Наша дворовая жизнь	124
Страшное эхо войны	128
Воротниковский переулок: истории и легенды	131
Портрет	139
Меньший брат мой	141
ГЛАВА III. Школьные годы — чудесные?	143
Учительница, которая меня учила	149
Учительница, у которой я не учился	152
Пионеров идеал	153
Наши девчонки	155
Директор школы Анастасия Петровна Моисеенко	157
Школьный Робеспьер, или Запоздалая благодарность	161
Уроки пения	167
Английский язык моей Светланы	168
"Химия и жизнь"	169

Потомок наполеоновских гренадеров	170
Звук был для меня Богом, а Иняз — Целью	171
Школьный выпускной вечер	180
Я — ветеран???	182
ГЛАВА IV. Иняз моих ушедших дней.....	184
Великие тоже здесь учились	189
Александр "Немирович-Дранченко". Наш спектакль, КВН и газета "Учусь Учить"	198
Наша компания и факультетские капустники.....	207
Английский хор и женщины четырех поколений	217
Дубляж фильмов. Я становлюсь "мистером Фордом, автомобильным магнатом". 222	
Учебный процесс.....	225
История английского языка	226
Очерки стилистики и "Прохоровские крошки"	227
Английская литература	229
Что ни язык, то норов.....	230
Что день грядущий нам готовил... ..	231
Откровения П.А.Судоплатова. Зоя Васильевна Зарубина и другие "мало известные" лица.....	234
Путь далек до Бирмингема	241
Диплом и распределение	249
Иняз: Post scriptum	252
ГЛАВА V. Жизненные водовороты.....	253
Международный отдел ВЦСПС	253
Встречи с А.Н.Шелепиным. "Принеси то, не зная, что..." Закат	256
Дела курьезные, прозаические, романтические, трагические	260
Перевод и еда: или — или	266
Саратовский "хозяин" А.И.Шибает	268
Сингапур, Австралия, Новая Зеландия: впечатления, знакомства, друзья	271
Злата Прага, моя любовь.....	280
Возвращение в Москву	284
"Преторианцы"	285
О любви к фигурному катанию, и не только	289
Вот, новый поворот... или кое-что о Козах.....	294
Августовский путч ГКЧП 1991 года и жизнь после него.....	304
"Два любящих носа". Моя дочь и я	310
ГЛАВА VI. Моя "малая Родина" — Пахра.....	319
Пролог: "Две большие разницы".	319
Начало. Путь на Пахру.....	320
Наша дача	325
"Честное слово скаута"	327
Первый пахринский сезон	329

Дыгаевские красоты.....	331
Обитатели нашего поселка.....	333
— Вы любите принимать гостей? Или вам только с Мирой Григорьевной хорошо?.....	340
— А кто чаще всего?	340
— С экономистами дружите?	341
— А в Германии он разве не живет?	341
— Знаю, что дача эта у вас появилась всего лет 15 назад, а до этого где проживали?.....	341
— Это 89-й год.	341
— Здесь вам лучше?	341
— Но вы же после этого не перестали с То каревой дружить?	341
— Ну а пока Валера здесь живет, к нему дру зья приезжают, компании?	341
— А свою американскую внучку вы видели?	341
— Петр Ефимович, какой у вас распорядок дня?	341
— А знаете метод Эльдара Александровича Рязанова? Он на себя каждое утро ведро ледяной воды выливает.	341
— Да, было время пообщаться.	342
Слесарские рассказы.....	343
Наш "мозговой центр"	344
Ассенизатор-интеллигент Кузьмич	345
Поселковые окрестности	346
По грибы "за вышку"	347
Звери Пахры.....	350
Дети Пахры	353
Разные судьбы.....	373
Алексей Кеменов	374
Сергей Воробьев.....	377
"Полковник" Витька.....	379
"Там же, тогда же"	380
Свободный Человек Михаил Шиков	384
Пожар.....	388
...Младая будет жизнь играть!	390
Пахра — эпилог.....	390
ГЛАВА VII. Обо многом другом.....	391
Эвакуация (рассказ моей сестры Оли)	391
Мой дядя Андрей Дмитриевич Симуков — "ученый внук" Пржевальского, и его долгое путешествие.....	400
Мой двоюродный дед — генеральный консул	415
"Санниковцы"	422
Как папа с друзьями Балтфлот укреплял	425
О красках, "Даме с собачкой" и plombированном вагоне	429
Порванная струна Александра Вампилова	432

Эстонские мотивы	435
Голицынская гармония.....	438
Парижские встречи	441
Мой младший товарищ Сашка	446
Стиль — редактор — друг.....	447
Книги, книжечки... ..	451
Российские политехнологи против французских	456
Театральные и иные байки	458
Наведение мостов в России дело опасное	461
Русский язык, великий и могучий	464
Анидаг из НКВД.....	466
И несть им числа... ..	472
Какая странная судьба.....	479
Грустная история о "красном князе" и его подруге.....	484
Случайная встреча.....	492
И вновь тайны истории?.. ..	493
Осколки	499
Великое и малое	499
Близнецы-братья?.....	499
Мамай и детская присловица	500
007: номер паровоза или агента?	500
"На горе Арарат растет красный виноград"	501
"Корморан" — Кара-Мор — Nevermore	502
Старый альманах	504
Информационный абсурд	505
Изречения мудрых	505

Симуков Дмитрий Алексеевич родился в 1946 году. В 1965 году окончил московскую школу № 175. а в 1970 — Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им.Мориса Тореза, более двадцати лет проработал в Международном отделе ВЦСПС, около шести лет прожил в Праге, находясь в долгосрочной командировке. Владеет английским, французским и чешским языками.

"В эту книгуходишь как в добрый семейный дом. Профессиональный переводчик, лингвист Дмитрий Симуков тонко чувствует родной язык, высвечивает мельчайшие детали ушедшей эпохи. Его "Записки..." при очень точной

документалистике восходят — в лучших своих главах — к талантливой художественной прозе. Автор отстаивает истинное и единственное понятие богатства, воспитанное с детства, — добрые поступки, чистая совесть, верные друзья, книги, любовь. Но когда речь идет о его принципиальных позициях — он бескомпромиссен. На таких, как герои его повествования — и сам автор — держится наша культура, все лучшее в ней — то, что можно выразить одним словом — интеллигентность".

Анна Масс

Симуков Дмитрий Алексеевич родился в 1946 году. В 1965 году окончил московскую школу № 175, а в 1970 – Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, более двадцати лет проработал в Международном отделе ВЦСПС, около шести лет прожил в Праге, находясь в долгосрочной командировке. Владеет английским, французским и чешским языками.

«В эту книгу входишь как в добрый семейный дом. Профессиональный переводчик, лингвист Дмитрий Симуков тонко чувствует родной язык, высвечивает мельчайшие детали ушедшей эпохи. Его «Записки...» при очень точной документалистике восходят – в лучших своих главах – к талантливой художественной прозе. Автор отстаивает истинное и единственное понятие богатства, воспитанное с детства, – добрые поступки, чистая совесть, верные друзья, книги, любовь. Но когда речь идет о его принципиальных позициях – он бескомпромиссен. На таких, как герои его повествования – и сам автор – держится наша культура, все лучшее в ней – то, что можно выразить одним словом – интеллигентность».

Анна Масс